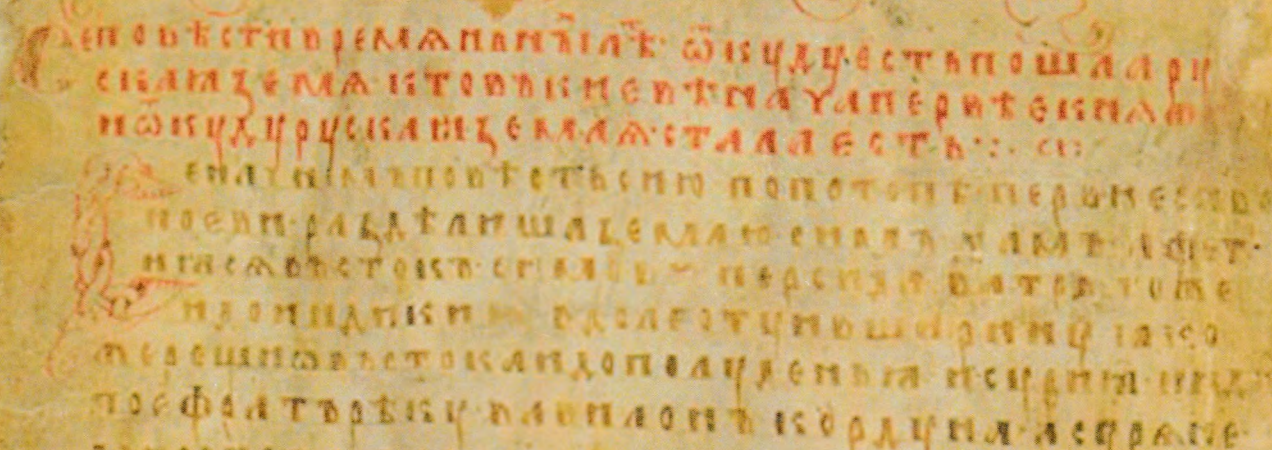

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Витебск 2019

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

*Материалы V Международной
научно-практической конференции
к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии*

Витебск, 25–27 апреля 2019 г.

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2019*

УДК [930.2:94(100)+94(476.5)](062)
ББК 63.211я431+63.3(0)я431+63.3(4Бел)я431
А43

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 3 от 27.02.2019 г.

Редакционная коллегия:

А.Н. Дулов и М.Ф. Румянцева (отв. ред.),
Г.Н. Яковлева (зам. отв. ред.), **Ю.В. Дулова, Е.А. Гребень,**
С.Г. Кащенко, В.А. Космач, А.П. Косов, С.И. Маловичко, А.В. Мартынюк,
И.В. Николаева, С.Н. Ходин, И.Р. Чикалова, Д.В. Юрчак

Рецензенты:

председатель Постоянной комиссии по образованию, культуре и науке Палаты представителей Национального Собрания Республики Беларусь, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор исторических наук, профессор *И.А. Марзалюк* (г. Минск, Беларусь);
профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета,
доктор исторических наук, профессор *С.С. Минц* (г. Краснодар, Россия);
доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
кандидат исторических наук, доцент *Д.А. Добровольский* (г. Москва, Россия)

А43 **Актуальные проблемы источниковедения** : материалы V Международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии, Витебск, 25–27 апреля 2019 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.Н. Дулов и М.Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – 403 с.
ISBN 978-985-517-704-4.

Рассмотрены широкий круг проблем теории и метода источниковедения, источниковедения историографии, архивоведения, музейного источниковедения, комплексы исторических источников и отдельные источники средневековья, нового и новейшего времени.

Данное научное издание может быть полезно историкам, источниковедам, архивистам, музейоведам, а также всем, кто интересуется историей и источниковедением.

УДК [930.2:94(100)+94(476.5)](062)
ББК 63.211я431+63.3(0)я431+63.3(4Бел)я431

ISBN 978-985-517-704-4

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2019

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ТЕОРИЯ И МЕТОД ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

<i>Ходин С.Н.</i> Источниковедение Беларуси: XXI век	7
<i>Остряко А.Н.</i> Исторический источник в свете теории коммуникативного действия	10
<i>Богдашина Е.Н.</i> Еще раз к вопросу о классификации письменных источников	12
<i>Румянцева М.Ф.</i> «Остатки» и «предания»: еще раз о классификации / систематизации исторических источников ...	17
<i>Лукашевич А.А.</i> От признания познавательной активности историка к историзации исторического источника ...	20
<i>Кривоносова Е.Э., Рудковский Э.И.</i> Исторический факт или его интерпретация?	23
<i>Синдеев А.А.</i> Феномен «европейская безопасность» как вызов современному источниковедению	25
<i>Белявский А.М.</i> «Человек Бог весть откуда»: к вопросу о методах описания и интерпретации визуальных документов	28
<i>Костякова Ю.Б.</i> Телевизионные исторические проекты с позиции источниковедения	31
<i>Середя Н.В.</i> Археографические проблемы сохранения визуальной информации исторических источников ...	34
<i>Лякишева С.И.</i> Историко-культурный аспект изучения фирменной бумаги русского и иностранного производства (на примере экспонатов музея-усадьбы «Ясная Поляна»)	37
<i>Кащенко С.Г., Кащенко Е.С., Костригина Е.В.</i> Новые методы анализа материалов главного выкупного учреждения России	39
<i>Баранова Е.В., Маслов В.Н.</i> Миграция сельского населения из российских и белорусских регионов в Калининградскую область в 1946–1947 годах (из опыта разработки базы данных)	41
<i>Саленице И.Э.</i> Источниковедческий аспект устной истории: возможности и недостатки	44
<i>Николаева И.В.</i> Устные воспоминания как источник по истории повседневности (на примере изучения положения населения Витебщины в послеоккупационный период Великой Отечественной войны)	47
<i>Дулова Ю.В.</i> Артионим как исторический источник	48

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ

<i>Исаев Д.П.</i> «Историографический источник»: 50 лет осмысления понятия	51
<i>Маловичко С.И.</i> Позиционирование видов историографических источников в современных учебных книгах по истории национальной истории	53
<i>Кашинская О.А.</i> Практики использования историко-библиографических произведений Н.К. Шильдера как историографических источников в учебных книгах по историографии	56
<i>Бульгина Т.А.</i> Историографические источники: опыт изучения. На примере стенограмм совещаний авторского коллектива книги «История народов Северного Кавказа»	59
<i>Ерохин В.Н.</i> Источники в изучении истории Церкви Англии эпохи Реформации	61
<i>Чикалова И.Р.</i> Изучение Персии в императорской России: роль дипломатических служб	64
<i>Майорова А.С.</i> Саратовский исследователь Александр Николаевич Минх и его связи с научными обществами	68
<i>Мининкова Л.В.</i> «Живописная Россия» как популярное географическое сочинение эпохи модерна и ее читатель	71
<i>Воробьев В.М.</i> Верхнее Подвинье в книге А.П. Сапунова «Река Западная Двина»	73
<i>Первушкин В.И.</i> Роль губернских статистических комитетов в формировании научных знаний в российской провинции	76
<i>Петрова О.С.</i> Витебское историческое краеведение в отражении делопроизводственных материалов Археологических съездов (1869–1914 гг.)	80
<i>Космач В.А.</i> Германия 1918–1945 гг.: краткий обзор зарубежной и отечественной историографии	85
<i>Злобин С.С.</i> Историографические источники для изучения постколониальных исследований (на примере колониальной Индии)	87
<i>Марцынкевич І.А.</i> Праблема сацыяльнага забеспячэння інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны ў гістарыяграфіі	90

АРХИВОВЕДЕНИЕ. МУЗЕЙНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Антановіч З.В.</i> Справаздачы аб стане беларускіх праваслаўных епархій як крыніцы па арганізацыі справаводства і архіўнай справы ў XIX – пачатку XX ст. (па матэрыялах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі)	93
<i>Сыцько К.В.</i> Выяўленчыя матэрыялы парафіяльных архіваў Рымска-каталіцкага Касцёла ў Беларусі як гістарычная крыніца	96
<i>Касьяненко Ю.А.</i> Документы рода Ковалевских в архивах Украины	98
<i>Вовк О.И.</i> Сведения о Василии Каразине и его потомках в фондах Государственного архива Николаевской области Украины	101

Купченко К.В., Никитина Н.В. Архивные фонды как источник по исследованию сословных корпораций XVIII – первой половины XIX в. (на материалах Смоленского региона)	105
Агеенко Т.Н. Из истории формирования архивного фонда ЦК КП(б)Б	107
Бувевич Т.В. Документы архивного фонда «Березинский технический участок Управления государственного речного транспорта Северо-Западного бассейна» как источник изучения Березинской водной системы в 1918–1930 гг.	110
Бондарева Е.М. Документы по истории ветеринарного образования, хранящиеся в учреждении «Государственный архив Витебской области»	113
Генина Ю.А. Архив Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга (по материалам ЦГА Украины)	116
Сулаев И.Х. О взаимоотношениях институтов государства и мусульманского духовенства Дагестана по документам Центрального государственного архива Республики Дагестан (краткий анализ отдельных фондов)	118
Кепин Д.В. Междисциплинарность музейного источниковедения	121
Ключарева А.В. Документальные источники по истории Первой мировой войны в Доме Л.Н. Толстого в Ясной Поляне	124
Ерешко А.Е., Ефимова Е.А. Источниковедческая ценность фондов Музея истории детского движения Московского Дворца пионеров	128
Комаровский Е.А., Котельницкий Н.А. Личная печать М.И. Петрункевича. К истории находки сфрагистического артефакта	130
Здасюк Н.М. Каталогизация коллекций музеями Республики Беларусь	131

ИСТОЧНИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Николаева Н.Д. Средневековый нарративный источник: опыт применения междисциплинарного подхода	134
Нагирный В.Н. Поляки на Руси в XI–XII веках: перспективы использования русских летописей для изучения проблемы	136
Цыб С.В., Чичинов В.А. Датирование южнорусского похода монголов	140
Домбровский Д. По поводу происхождения Глеба, тестя Романа Даниловича	142
Левину Л.В. Летописные свидетельства о почитании Креста Господня князьями полоцкого дома (к вопросу о методиках интерпретации средневековых нарративных источников)	146
Подберёзкин Ф.Д. К вопросу об использовании «Младшей ливонской рифмованной хроники» как источника по истории войны на русско-ливонском пограничье в 40-х гг. XIV в.	150
Риер Я.А. «Новая прусская хроника» Виганда из Марбурга как источник для изучения ранней истории Великого Княжества Литовского	153
Мартынюк А.В. Радзивилловская летопись: соблазны и сомнения вокруг знаменитого памятника	155
Скварчэўскі Д.В. Адлюстраванне балцкага паганства ў помніках летапісання Вялікага Княства Літоўскага	157
Кудрявцева Р.-Е.А. Русь и Литва: формирование образа в русских и белорусско-литовских летописях	160
Казакоў А.У. Польска-літоўскія паведамленні пра бітву пад Оршай 1514 г.: дзве гісторыі адной падзеі	163
Вовина-Лебедева В.Г. К вопросу о летописных штампах (на материале позднего летописания)	165
Войцеховская Т.В. Трансформация летописного жанра в раннемодерную эпоху на территории Гетманщины ...	168
Солодкин Я.Г. Летописные версии основания «русской» Тюмени (происхождение и степень достоверности хронологических данных)	170
Черкасов Д.Н. «Мемуары» Жака дю Клерка	173
Тогулева Е.Д., Мороз О.Л. Статуты Великого Княжества Литовского как источники процессуального законодательства на белорусских землях	175
Сукина Л.Б. Иконы русских святых и рецепция феномена святости в культуре XVI–XVII вв.	177
Булаты П.Ю. Абарона Ляхавіцкай фартэцыі 1660 г. на старонках дыярыушу Я.А. Храпавіцкага	180
Пушков В.П. Белорусы на московском печатном дворе в XVII веке (по архиву Приказа книгопечатного дела) .	182
Еўстрацьеў А.І. Крыніца XVII стагоддзя па гісторыі “белых русаў” з Эстонскага гістарычнага архіва ў Тарту .	185
Сцебурака А.М. “Стан каралеўскіх двароў Еўропы”, або што ведалі французы аб Рэчы Паспалітай у канцы XVII ст.	187
Стройлова Е.С. Книжные собрания восточноевропейских университетов XVII–XVIII вв. как источник по истории интеллектуальной жизни региона	190
Чарайко В.У. Тэстаменты як крыніца па пахавальных традыцыях шляхты і мяшчан Полацкага і Віцебскага ваяводстваў XVI–XVIII стст.	192
Богдановича Т.В. Статистические данные иезуитской резиденции Динабурга	195
Хроленок Е.В. Обзор основных архивных источников демографической и социальной истории Стародубского полка (1654–1781 гг.)	199
Лазошина Н.А. Регистрационные книги судебных иннов как источник по изучению миграции ирландских студентов-юристов в Лондон XVIII в.	201
Комиссаренко А.И. Материалы XVI разряда Государственного архива Российской империи как источник по истории освоения южных территорий в 1720–1780-е гг.	204

ИСТОЧНИКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

<i>Шишанов В.А.</i> Мемуары С.А. Шишкина как источник о биографии и деятельности первого витебского губернатора	208
<i>Посушко О.Н.</i> Судебная документация последней четверти XVIII – начала XIX в.: возможности изучения истории повседневности дворянства Южной Украины	210
<i>Ильницкий К.О.</i> Архивные материалы как источник истории становления дозволений на заведение типографий и законодательства о цензуре Российской империи	214
<i>Воднева Е.В.</i> Докладные записки Ф.В. Булгарина как исторический источник для изучения деятельности государственных учреждений Российской империи	216
<i>Кирничанская И.С.</i> Редкий документ 1834 года: свидетельство о браке староверов	219
<i>Луговцова С.Л.</i> Помещики Цыбульские: нравы одной шляхетской семьи	223
<i>Даўгач Т.В.</i> Інфармацыйны патэнцыял крыніц па гісторыі сістэмы кіравання вёскай беларуска-літоўскіх губерняў пасля аграрнай рэформы 1861 г.	226
<i>Владимирова Н.А.</i> Материалы делопроизводства податных инспекторов Себежского уезда Витебской губернии как источник по экономическому положению населения	229
<i>Шадрина А.В.</i> Церковно-приходские летописи Донской и Новочеркасской епархии как исторический источник: информационный ресурс и проблемы изучения	231
<i>Артамонова Н.Я., Аверьянова Д.В.</i> Церковно-епархиальная периодическая печать как источник изучения духовно-учебных заведений Енисейской губернии (1884–1893 гг.)	234
<i>Айдунова Т.Ю.</i> Организация празднования петровских юбилеев в пореформенной России (по документам министерства императорского двора и по печатным материалам)	237
<i>Олейник В.В.</i> Журнал «Военный сборник» как источник для изучения деятельности военно-судебных учреждений Виленского военного округа второй половины XIX – начала XX века	239
<i>Лебедзева І.В.</i> Письмовыя крыніцы па гісторыі дзяцінства ў Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. ...	241
<i>Раманаў С.Л.</i> Крыніцы па гісторыі афіцыйных святаў у гарадах Беларусі другой паловы XIX – пачатку XX ст. ...	244
<i>Никитина Н.П.</i> Витебская губерния в воспоминаниях неперменного члена землеустроительной комиссии Невельского уезда Г.М. Садовского	246
<i>Бартеле Т.М.</i> Латвийская пресса как источник о первом проведении «Дня Белого цветка» в Риге (1912 г.)	251
<i>Петренко А.В.</i> Документы Российского государственного военно-исторического архива по вопросам управления Западным фронтом российской армии в 1915–1918 гг.	254
<i>Мизярска Н.А.</i> Культура дворянского сословия Витебской губернии в мемуарных источниках начала XX века	255
<i>Ермалёнак В.А.</i> Новыя крыніцы аб маёмасным становішчы заможных сялян Дзісеншчыны пачатку XX ст.	258
<i>Талерко В.А.</i> О чём рассказывают шутки балтийских немцев	260

ИСТОЧНИКИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

<i>Дианова Е.В.</i> Источники по истории культурно-просветительной деятельности северной кооперации (первые десятилетия XX века)	265
<i>Амбарцумян К.Р.</i> Нарратив иностранных авторов как источник для изучения международной ситуации на Кавказе (1918–1920 гг.)	268
<i>Бараноўскі А.В.</i> Крыніцы па гісторыі фарміравання паўночна-ўсходняй адміністрацыйнай мяжы БССР (1919–1924 гг.)	270
<i>Филимонов А.В.</i> Документы губернских съездов советов как источник по истории региона (по материалам Псковской губернии 1920-х гг.)	273
<i>Полетаева Н.И.</i> Источники по истории частного предпринимательства Беларуси 1920-х гг. в фондах Государственного архива Гомельской области	276
<i>Яковлева Г.Н.</i> Советские еврейские школы на Витебщине в 1920-е гг.	279
<i>Каиль М.В.</i> Источники по биографии православных Новейшего времени: информационный потенциал и археографическая практика	284
<i>Танцевова А.В.</i> Фотография как исторический источник по советской истории 1920-х гг. (на материалах журнала «Огонёк»)	287
<i>Котович Т.В.</i> Витебский кинотеатр «Рекорд» в 1920-х годах (по документам Госархива Витебской области) ..	290
<i>Мининков Н.А.</i> Произведения советской литературы как исторический источник	294
<i>Бароўка В.Ю.</i> Аповесць “Дзве душы” М. Гарэцкага як гістарычная крыніца	296
<i>Кузнецова Т.И.</i> Мифологизация политического лидера: титулатура Карлиса Улманиса в текстах его современников (30-е гг. XX в.)	299
<i>Приборович А.А.</i> Материалы довоенных органов статистики как источник выяснения обстоятельств развития экономики и жизни населения БССР	302
<i>Панков Ю.В.</i> Аэрофотосъёмка Гомеля 1941 года из фондов музея Гомельского дворцово-паркового ансамбля	305
<i>Новікаў С.Я.</i> Крыніцазнаўчы патэнцыял нямецкамоўных дакументаў (на прыкладзе трафейнай калекцыі Генеральнага камісарыята “Беларусь”)	308
<i>Цымбал А.Г.</i> Выкарыстанне працоўных рэсурсаў на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў святле Калекцыі дакументаў Генеральнай акругі Беларусь	312
<i>Гребень Е.А.</i> Повседневные реалии жизни белорусских крестьян в условиях нацистской оккупации (по материалам волостной администрации)	315

<i>Катионов О.Н.</i> Источники для выявления боевых потерь сибиряков в период боев на территории Белорусской ССР в 1944 г.	318
<i>Левченко В.В.</i> «Спасибо Вам за память. В наши грустные дни связь с людьми ценна...»: к истории переписки В.И. Пичеты и С.И.-Я. Борового	322
<i>Нисковская М.И.</i> Многотиражная газета «За ухтинскую нефть» исправительно-трудового лагеря Коми АССР как исторический источник	324
<i>Дьякова Е.В.</i> Поощрение сотрудников Харьковского облвоенкомата к государственным праздникам	325
<i>Афанасьева Ю.А., Козельчук Т.В.</i> Проблема классификации в источниковедческом изучении писем граждан во власть (на материалах послевоенного Кургана)	331
<i>Шкляр П.А.</i> К проблеме источников по истории образования в Бигосово (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.)	335
<i>Сумко Е.В.</i> Самогоноварение в послевоенной белорусской деревне в дискурсе устной истории Витебщины ...	337
<i>Козлов А.А.</i> Источники по истории местных органов политической цензуры (1953–1991 гг.)	340
<i>Налётова Н.Н.</i> Осмысление личности Петра Мстиславца в повести «Мстиславцев посох» Э. Ялугина	343
<i>Болтрушевич Н.Г.</i> Становление и развитие епархий БПЦ в начале 1990-х гг. (по материалам Национального архива Республики Беларусь)	345
<i>Латыш Ю.В.</i> Мемуары как исторический источник для написания биографии представителей высшей советской партийной номенклатуры (на примере Владимира Щербицкого)	348
<i>Архипова Т.Г.</i> Мемуары Н.И. Ельциной «Личная жизнь» как исторический источник	351
<i>Леонтьева О.Б.</i> Когда историк создает источник: современные мемуары историков как источниковый комплекс и социокультурное явление	353
<i>Дулов А.Н.</i> Воспоминания витебского историка П.В. Алексеенкова как исторический источник	356
<i>Косов А.П.</i> Закон Республики Беларусь «Об основных направлениях внутренней и внешней политики Республики Беларусь» (2005) как источник, характеризующий внешнеполитическую деятельность белорусского государства на мировой арене	360
<i>Півавэр М.В.</i> Крыніцы да стварэння “Зводу помнікаў, памятных месцаў і пахаванняў часоў Вялікай Айчыннай вайны”	362
ГУБЕРНСКИЕ УЧЕНЫЕ АРХИВНЫЕ КОМИССИИ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (К 110-ЛЕТИЮ ВУАК)	
<i>Шумейко М.Ф.</i> Витебская ученая архивная комиссия и ее роль в формировании экологии культуры в крае ...	366
<i>Давидовская О.Н.</i> К истории формирования нумизматической коллекции музея Витебской ученой архивной комиссии	370
<i>Шишанов В.А.</i> Константин Змигродский – художник, краевед и музейный деятель	375
<i>Журба О.И.</i> Екатеринославская ученая архивная комиссия и формирование регионального цеха профессиональных историков	379
<i>Колесникова М.Е.</i> Ставропольская губернская ученая архивная комиссия и ее роль в развитии архивного дела на Северном Кавказе в начале XX века	382
<i>Тарасенкова Т.И.</i> Смоленская ученая архивная комиссия	385
<i>Федосеева К.В.</i> Деятельность С.И. Архангельского в Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК)	388
<i>Воробьёва И.Г.</i> Председатель ТУАК А.К. Жизневский – уроженец Витебской земли	390
<i>Митрофанов В.В.</i> Ученые архивные комиссии и попытки их открытия на территории Сибири	393
<i>Сведения об авторах</i>	397

ТЕОРИЯ И МЕТОД ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Ходин С.Н.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ БЕЛАРУСИ: XXI ВЕК

Четверть столетия отделяет нас от времени, когда студенты исторических факультетов нашей страны начали более углублённо изучать проблематику источниковедения. Прежде всего, это затронуло сферу истории и теории источниковедения, а также источниковедения истории Беларуси. Сколь длительным и результативным оказался этот путь, и можно ли говорить о каких-то новых направлениях в развитии этого процесса?

В сфере теории источниковедения нами была поддержана концепция, изложенная коллегами из Российского гуманитарного университета. Ее суть в определении нового статуса источниковедения, рассмотрении исторического источника как единого объекта различных гуманитарных наук, что формировало основу для междисциплинарных исследований [1]. На рубеже XX и XXI вв. итогом реализации этой концепции стали программа и ряд учебных и учебно-методических пособий по теории и истории источниковедения [2–5]. Возрождением классической университетской традиции внимательного отношения к историческим источникам явилось проведение в 1998 г. конференции, посвящённой деятельности первого ректора первого белорусского университета – В.И. Пичеты [6]. К 10-летию кафедры источниковедения и музееведения в 2002 г. вышел в свет первый выпуск периодического сборника статей “Источниковедение и специальные исторические дисциплины”, со страниц которого с приветственным словом обратился академик С.О. Шмидт (“Начало доброй традиции”) [7].

Для истории, равно, как и для других наук, характерны процессы постоянной дифференциации и размежевания. «Кризис», о котором стали писать с устойчивой периодичностью на рубеже веков, был вызван расширением того поля истории, которое она ранее утратила. Полидисциплинарный характер исторического знания выявляется именно через исторические источники. Ведь каждая область человеческой деятельности имеет свое прошлое, а значит – и свою историю. Историческая наука переживала не первую и не последнюю свою трансформацию. Лингвистический, антропологический поворот «на пути к Истории Людей» потребовали расширения взаимодействия с социальными науками, междисциплинарности, привлечения новых источников и применения новых методов их исследования [8].

Значительными явились изменения в сфере источниковедения истории Беларуси. Представленная на Первом Всебелорусском съезде историков в 1993 г. концепция была реализована в обзоре развития письменных источников, ставшим на некоторое время первым пособием по предмету [9]. Учебные курсы по источниковедению Беларуси читались почти на всех исторических факультетах университетов нашей страны. Углублением данного курса стали спецкурсы по специализациям. Ряд научных исследований белорусских учёных в сфере источниковедения позволил создать курс лекций по источниковедению истории Беларуси [10].

Но сегодня, пожалуй, еще более остро, чем на рубеже веков стоят вопросы развития научной и учебной составляющей в сфере источниковедения как основы междисциплинарного гуманитарного синтеза. И дело не только в том, что каждое поколение ставит перед прошлым новые вопросы; общественный интерес к определенному сюжету истории также является относительным и преходящим. Мир стал другим, он находится сейчас на распутье. Сформировавшиеся мировые системы, которые спасали миллионы людей от нищеты в предыдущие полвека, уже не способствуют стабильному развитию и сохранению этого мира как в глобальном смысле безопасности, так и сфере социального взаимодействия. Экономические выгоды, которые дают наука и производство, становятся всё менее доступными, растет неравенство, негативные последствия интегрированной глобальной экономики вредят окружающей среде, беднейшим категориям населения, которые наименее приспособлены к издержкам прогресса. По мнению ведущих мировых экспертов, общественное доверие к бизнесу, правительству, СМИ и даже гражданскому обществу упало до такой степени, что больше половины всего мира полагает: существующая система не справляется со своими задачами [11]. Растущая неприязнь между самыми бедными и богатыми способствует значительной популярности социалистических идей

и партий даже в таких странах как США и Великобритания. По мнению основателя и исполнительного председателя Всемирного экономического форума Клауса Шваба, «каждый должен участвовать в обсуждении путей развития технологий, влияющих на нашу жизнь». Он подчёркивает, что «главное в современном цифровом мире – доверие» [11, с. 12].

«Доверие...» – именно так называется труд философа и футуролога Фрэнсиса Фукуямы, опубликованный вскоре после его книги «Конец истории и последний человек», одного из самых известных его произведений, ставшего международным бестселлером и переведенного на несколько десятков языков мира о глубинном осмыслении сущности социальных трансформаций [12; 13]. Можно спорить с его конкретными оценками, зачастую как раз свидетельствующими о недостаточном знании специфики конкретных регионов и стран, но бесспорен его вывод о роли культуры в развитии общества, в том числе его экономической составляющей. Опять же, по мнению Клауса Шваба, «любая технология несёт в себе отражение ценностей, целей и убеждений их создателей» [11, с. 30]. Четвёртая промышленная революция, о которой всё больше говорят сегодня, это собирательный термин, обозначающий целое множество идущих и предстоящих преобразований в привычных, окружающих нас системах. И здесь важно подчеркнуть, что, во-первых, с эпохой новых технологий связываются надежды на начало нового культурного возрождения. И эта революция только начинается. Пытаясь определять ее развитие, важно понять, как и где человеческие ценности встраиваются в новые технологии. В центре новой революции должен быть человек, а не робот, и в этом отношении существенно возрастает роль гуманитарного знания, наук о человеке, источниковедения как основы междисциплинарного синтеза.

Исключительную важность для взаимного доверия составляет понимание и уважение к особенностям исторического пути каждого из народов, оказавшим влияние на такие характеристики как экономическое сознание и экономическое поведение [14]. Необходимо рассматривать изменения в проблематике исторических исследований также через призму индивидуального и профессионального восприятия социально-политических коллизий и интеллектуальных вызовов эпохи.

Не утратили актуальности, начатые на рубеже веков дискуссии о статусе источниковедения, об определении исторического источника [15]. Наряду с интеграцией гуманитарных наук, усилились тенденции размежевания ряда направлений исторического знания, в том числе в сфере формирования ими собственного научно-терминологического аппарата. В предыдущих публикациях обращалось внимание на тот факт, что в исследованиях представителей школ психоистории наблюдались случаи, когда апробированные в XX в. психологические приемы и методы, их результаты трансформируются в отношении изучения психологии человека эпохи древности и средневековья. Но человек не компьютер: он не просто решает поставленные задачи, он определяет и ставит их, все время находясь в процессе поиска. Эта сторона человеческого мышления изучена недостаточно: ее сложно исследовать в лабораторных условиях, поскольку постановка задач происходит в реальной жизненной ситуации. Другой, существенной чертой человеческого мышления является то, что оно происходит в так называемом внутреннем окружении, контексте и определяется эмоциями, самооценкой и т.д.

Необходим принципиально иной подход к источникам личного происхождения. Историки мало писали о рядовых людях. За четверть века проведена большая работа по сбору и изучению сведений, которые хранит память человека [16]. Память человека уникальна, это переосмысление реальных событий через его внутренний мир и его жизненный опыт, на основе сложившихся традиционных взглядов на мир. Как отмечалось ранее, в наших архивах отложилась преимущественно информация об истории организаций, учреждений, и в гораздо меньшей степени, человека. Не выработано твердых критериев отбора таких источников на длительное хранение. Вместе с тем, в данном направлении также усилилось стремление выработать некий отдельный категориальный аппарат устной истории.

Действительно, наряду работой по сбору и изучению источников, которые длительное время находились в устной форме, исследователи в значительном количестве случаев целенаправленно создают конкретный круг источников по интересующей их исторической проблематике, обращаясь к непосредственным участникам и очевидцам событий. Но это разные группы источников. Ведь мемуары могут представлять собой и тексты, и фоноисточники, и кинофотодокументы. Память человека подвижна, формирование нового источника в этом случае сродни работе археолога по фиксации результатов раскопок. Другой исследователь должен представлять весь процесс, который уже нельзя повторить идентично. Это способствует определению фор-

мируемых исследователем источников в отдельный вид, требующий разработки специфических методов фиксации такого рода информации. На этапе исторической критики источника, при оценке его достоверности нам иногда более важна человеческая составляющая, своеобразные отклонения («ошибки рассказчика»), позволяющие в большей степени изучить индивидуальность автора, или определенную традицию, которую он представляет. Вместе с тем, определяя такого рода источники как особый вид мемуаристики, мы должны использовать общие подходы, выработанные источниковедением в отношении источников личного происхождения. Только в этом случае мы сможем избежать крайностей в оценке нашего исторического прошлого.

К сожалению, белорусские исследователи существенно отстают от своих коллег в сфере сопряжения информационных технологий и истории. В последнее время всё меньше публикаций в сфере исторической информатики как одного из междисциплинарных научных направлений, разрабатывающих и использующих совокупность теоретических знаний, аналитических методов и компьютерных технологий [17; 18].

Работа с источниками кардинально меняет содержание подготовки специалиста в гуманитарной сфере. Это особенно важно для формирования его креативности, аналитических качеств, наиболее востребованных в современном мире. Это та сфера, где компьютер, робот не заменит в ближайшем будущем человека для человека. Но сокращение объёма источниковедческих дисциплин на первой ступени в настоящее время не компенсировано пока их расширением в магистратуре. Очень важным является открытие профиля подготовки магистратуры научной специальности 07.00.09. Не утратило своей актуальности расширение преподавания источниковедения на сферу других гуманитарных наук – литературоведения, социологии, журналистики и др.

1. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М. : Российск. гуманит. ун-т, 1998. – 702 с.
2. Грицкевич, В. П. Теория и история источниковедения : учеб. пособие для студ. заоч. отделений гуманит. факультетов вузов / В. П. Грицкевич, С. Б. Каун, С. Н. Ходин. – Минск : БГУ, 2000. – 226 с.
3. Ходин С.Н. Теория и история источниковедения : учебн.-метод. комплекс для студентов специальностей Г.05.01.00 «История»; Г. 12.02.01 «Музееведение», Г.05.02.01 «Архивоведение». / С. Н. Ходин., О. Л. Липницкая, С. Б. Каун – Минск : БГУ, 2001. – 81 с.
4. Ходзін, С. М. Тэорыя і гісторыя крыніцазнаўства : вучэбная праграма для студэнтаў гістарычнага факультэта спецыяльнасці 1-21 03 01 “Гісторыя” / С. М. Ходзін, С. Б. Каун // Праграмы агульных курсаў : для студэнтаў гіст. фак. спец. 1-21 03 01 “Гісторыя”. У 3 ч. Ч. 1 / рэд. савет: А. А. Яноўскі (старш.), С. М. Ходзін, В. В. Сяргеева. – Мінск : БДУ, 2005. – С. 379–393.
5. Ходин, С. Н. История и теория источниковедения : учеб. пособие / С. Н. Ходин, В. П. Грицкевич, С. Б. Каун. – Минск : БГУ, 2008. – 254 с. / Гриф Министерства образования Республики Беларусь
6. Гістарычныя крыніцы: праблемы класіфікацыі, вывучэння і выкладання. Матэрыялы да Міжнар. навук.-практ. канф., прысвечанай 120-годдзю з дня нараджэння У. І. Пічэты. – Мінск, 1998.
7. Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 1 / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэдактар) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2002.
8. Шутова, О. М. Заметки по истории исторической мысли в конце XX века / О. М. Шутова. – Минск, 1999.
9. Ходзін, С. М. Крыніцы гісторыі Беларусі: гісторыка-генетычнае і кампаратыўнае вывучэнне / С. М. Ходзін. – Мінск : БДУ, 1999. – 193 с.
10. Ходзін, С. М. Крыніцазнаўства гісторыі Беларусі : дапам. для студэнтаў выш. навуч. устаноў, якія навучаюцца па спецыяльнасці 1-21 03-01 “Гісторыя (па напрамках)” / С. М. Ходзін. – Мінск : БДУ, 2012. – 255 с.
11. Шваб, Клаус. Технологии Четвертой промышленной революции / Клаус Шваб, Николас Дэвис ; пер. с англ. – Москва : Эксмо, 2018. – 320 с.
12. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма – М. : АСТ, 1992.
13. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. под общ. ред. М. Колопотина. – М. : АСТ : Ермак, 2004. – 730 с.
14. Ходзін, С. М. Прынцып працы ў беларускай нацыянальнай ідэі // Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. – 2018. – С. 28–35.
15. Ходзін, С. М. «Крызіс» гістарычнай навукі і крыніцазнаўства / С. М. Ходзін // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2002. – Вып. 1. – С. 82–89.
16. Иванова, В. Прамоўленая гісторыя: XX ст. у памяці жыхароў беларускай вёскі / В. Иванова. – Мінск: Выд. Зміцер Колас, 2018. – 448 с.
17. Бородин, Л. И., Гарскова, И. М. Историческая информатика: перезагрузка? / Л. И. Бородин, И. М. Гарскова // Вестник Пермского университета. Серия: История. – № 2(16). – С. 5–11.
18. Гарскова, И. М. Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления / И. М. Гарскова. – СПб. : Алтейя, 2018. – 408 с.

Остряк А.Н.
ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В СВЕТЕ
ТЕОРИИ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

Определение понятия «исторический источник» обречено на постоянную модернизацию, обусловленную сменой моделей восприятия современности и способов изучения прошлого. Доминирующие в современном источниковедении подходы, опирающиеся на культурологическую и информационную концепции историописания, а также рассматривающие исторический источник как некую вездесущую целостность [3, с. 90–93; 5, с. 137–139], с разных позиций формируют представление о ключевом феномене исторического познания и науки. При всей кажущейся очевидности феномена исторического источника и претензий на исчерпывающий характер существующих определений в начале XXI в. продолжают поиски путей уточнения смысла этого понятия, путем применения различных методологических подходов, способных дать отличное от существующих видение образа этого понятия или уточнить значимые его грани для обновленного понимания феномена в целом.

В этой связи весьма перспективным видится осмысление исторического источника с позиций теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, методологическая ценность которой достаточно глубоко проанализирована в современной философии и филологии, в то время как историческая наука не в полной мере использовала познавательные возможности этой концепции. Теория информации, сформулированная К. Шенноном и Р. Якобсоном в 40-х гг. XX в., нашла свое отражение в определении исторического источника через 30–40 лет. Работы Ю. Хабермаса, посвященные теории коммуникативного действия, были написаны в 70–80-х гг. XX столетия. Очевидно, что назрела потребность осмыслить методологическое значение этой теории для исторической науки в целом и источниковедения в частности.

Концепция Ю. Хабермаса представляет собой дальнейшее развитие взглядов М. Вебера, Т. Парсонса, А. Шюца, Р. Рорти на проблемы коммуникации в обществе. Ю. Хабермас предположил, что с изменением структуры общения и перформативности возможен переход к иному типу рациональности – коммуникативной рациональности, воплощением которой является такой идеальный конструкт, как «публичная сфера» – некое пространство, в котором взаимодействуют или противостоят «система», стремящаяся подчинить себе мир смыслов и значений, и «жизненный мир» – интерсубъективная повседневная коммуникация [1, с. 41, 43]. При этом коммуникативное действие – компромиссный концепт – действие, направленное на достижение взаимопонимания и согласия [7, с. 320–325], которое является целенаправленным, рациональным и становится «видимым» и осмысленным в контексте культуры и требует интерпретации [8, р. 133–134].

Понимание современности с позиций коммуникативного пространства в духе концепции Ю. Хабермаса, в котором общение и коммуникация являются видами деятельности наряду с производством материальных и нематериальных благ, резонно порождает вопрос об изучении коммуникации в прошлом, что постепенно приводит к формированию нового исследовательского направления в рамках исторической науки – исторической коммуникологии [2]. В целом, представление об историческом познании как коммуникативном процессе и восприятие исторических источников как объектов сферы коммуникации для исторической науки не является новым [6, с. 53]. Однако, процесс создания исторического источника в свете теории коммуникативного действия выглядит весьма интересно. Существующие подходы к определению понятия «исторический источник» фокусируют внимание на «готовом» источнике, данном в современности, ибо справедливо утверждение о том, что ни один предмет бытия, ни один культурных феномен не создаются как исторические источники. В то же время, осознание природы исторического знания, которое кристаллизуется посредством использования информационных возможностей исторического источника, существенно корректирует его – знания – содержание.

Публичная сфера ситуативна в ее онтологическом измерении и субъективна в смысле индивидуального восприятия и участия в ней. Публичная сфера до конца XX в. как сфера коммуникации была обусловлена личным участием автора источника в тех или иных событиях, а с начала XXI в. она утрачивает территориальную и любую другую географическую детерминацию, виртуализируется и в значительной мере определяется лишь техническими возможностями.

Историк опосредовано через зафиксированную коммуникацию или ее нарративное представление в источнике/тексте должен (так чаще всего хочется исследователю) максимально точно воссоздать обстоятельства, которые наполняли публичную сферу – материально и нематериально обусловленную ситуацию, приведшую к изменениям/действиям, зафиксированным в источнике. Процесс исторического исследования в чистом виде – диалог с «зеркалом» публичной сферы – источником, в котором не всегда в открытой форме содержатся сведения о ней – параметрах коммуникативного действия в прошлом. Результатом познания прошлого, при условии способности историка «разговорить» источник, является его монолог о том, что он смог установить, реконструировать, предположить.

Исторический источник – основанный на метафоре конструкт, который символизирует результат конвенции между сознанием и объективной реальностью и определяет пригодность предметов и явлений материального и публичного пространств к фиксации и трансляции информации с историческим значением. Подобный подход в своих работах обосновывал А.С. Лаппо-Данилевский, с акцентом на диалоге сознаний исследователя и автора свидетельства как ключе к пониманию сведений источника. У Ю. Хабермаса публичная сфера – среда, в которой посредством полилога/коммуникации формируется взаимопонимание – семантика образных и предметных/сущностных представлений, на основании которых осуществляется жизнедеятельность, и которые, в свою очередь, находят или не находят свое отражение в исторических источниках. Коммуникация – это составляющая исторической реальности, оболочка действия, которая его предваряет, сопровождает и отображает. Уровень знания об историческом факте, в таком случае, в значительной степени зависит от осознания его коммуникативной «подкладки», которая определяет поэтапное продвижение к истине – от констатации до денотации, коннотации и интерпретации. Чем скуднее информация источников, тем шире возможности для дискурсивных практик, заполняющих недостающие характеристики публичного пространства и жизненного мира. Таким образом, коммуникативное действие – обратная сторона дискурса, исходная позиция при интерпретации содержания исторического источника. Не случайно историки часто апеллируют к компетентности автора источника, степени его участия в описываемых в источнике событиях и т.п. При этом чаще всего акцент делается не на событийной стороне жизни автора свидетельств, а именно на коммуникативной его деятельности, позволяющей выявить необходимые архетипы его когнитивных практик и мотивов самовыражения доступным для него способом – письмо, изображение, предмет и т.д. Именно в этой сфере лежит наибольшее количество проблем, которые в общем виде проявляются в главном противоречии в историописании между историком и источником: недосказанное, недопоятое, задуманное и реализованное, задуманное и нереализованное, «сделанное молча», непонятное, необъяснимое и т.п. – это те загадки, которые вынуждают историков обращаться к публичной сфере и коммуникативному действию как средству дефрагментации исторической реальности и продвижения дискурсивных практик по пути преодоления субъективности исторического знания. Именно благодаря коммуникации между специалистами и потребителями исторических знаний в обществе вырабатываются критерии истинности знания, и вместе с развитием дискурсивных практик они подаются коррекции.

Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса наталкивает еще на одно предположение: если попыткам современных историков проникнуть в публичную сферу прошлого чаще всего препятствует «сопротивление материала», – в источниковедении – это пробелы в источниковой базе – отсутствие источников, достаточного количества свидетельств, в которых в полной мере отражены реалии публичной сферы прошлого, что не может быть полноценно компенсировано привлечением источников личного происхождения, устных источников и т.п., то публичная сфера XXI в., при всей насыщенности коммуникативного пространства и интенсивной фиксации коммуникативных действий внутри него, также рискует быть недостаточно изученной по той же причине – при видимом изобилии, его сохранность и доступность в будущем выглядит довольно неоднозначно.

Таким образом, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса достаточно органично дополняет существующие в науке представления об историческом источнике. Прежде всего, источник – результат приложения энергии не только творца свидетельства, но и публичной сферы, которая определяла, корректировала, обновляла общественные установки/конвенции,

обусловившие форму, формат и полноту свидетельства. Это позволяет скорректировать представление об информации исторического источника, которая в существующих подходах чаще всего не связывалась со сферой коммуникации. Под влиянием концепции Ю. Хабермаса расширился горизонт исторического познания, при котором не только данные источника, но и публичная сфера времен его создания представляют собой исследовательскую проблему. Наблюдения Ю. Хабермаса по поводу развития коммуникативной сферы дают важные методологические послы для сохранения первичной источниковой базы, содержащей свидетельства по отечественной истории XXI в.

1. Вербилович, О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал / О. Вербилович // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади : коллектив. моногр. / под ред. Е. Р. Ярославской-Смирновой и П. В. Романова. – М. : ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. – С. 35–52.
2. Дятлов, В. Історична комунікологія та культура комунікації доби Середньовіччя і ранньомодерного часу : навчальний посібник / В. Дятлов. – Чернігів : Чернігівський національний педагогічний університет імені Т. Г. Шевченка, 2016. – 160 с.
3. Источниковедение : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др. ; отв. ред. М. Ф. Румянцева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.
4. Приходько, Я. Текст як факт соціальної комунікації (джерелознавство в системі інтелектуальної історії) / Я. Приходько // Ейдос. – 2005. – Вип. 1. – С. 77–82.
5. Русина, Ю. А. Методология источниковедения: [учеб. пособие] / Ю. А. Русина; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 204 с.
6. Святец, Ю. А. Исторический источник: современная научная категория или архаизм / Ю. А. Святец // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / рэдкал. : С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2011. – Вып. 6. – С. 41–55.
7. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие : [пер. с нем.] / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2000. – 380 с.
8. Kulczycki, E. Communication History and Its Research Subject / Emanuel Kulczycki // Annals of the University of Craiova – Philosophy Series. – 2014. – Vol. 33 (1). – P. 132–155.

Богдашина Е.Н.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Общеизвестно, что классификация объектов исследования является важным средством организации любой познавательной деятельности. Для источниковедов разработка классификационных приемов и принципов, создание разных классификаций имеет огромное значение. Во-первых, классификация углубляет представление о природе исторического источника. Во-вторых, классификация способствует дальнейшей разработке теоретических проблем источниковедения. В-третьих, классификация помогает лучшему изъятию информации, содержащейся в однотипных источниках. Историк-источниковед использует свое представление об общих свойствах данного вида или типа источников для того, чтобы глубже изучить конкретный исторический источник [1, с. 82].

Классификации исторических источников принято делить на общие и отдельные. Общие классификации охватывают все виды и подвиды основных типов источников (письменные, вещественные и т. п.) или вообще все источники. Отдельные классификации создаются по разным классификационным подходам (аутентичность, место нахождения, форма, происхождение, содержание и т. п.) и имеют как чисто научный, так и прикладной характер. Мы в данном случае сосредоточимся на классификации одного типа исторических источников – письменных.

Множество классификаций письменных источников в основном тематического характера предлагались отечественными исследователями еще в дореволюционное время [см. детально: 6].

В советском источниковедении также преобладали тематические классификации письменных источников. Например, Г.П. Саар в работе «Источники и методы исторического исследования» делил источники на три группы: по истории государства и идеологии; по истории экономического развития общества; по истории революционного движения [10, с. 21]. С.М. Каштанов и А.А. Курносков также делили письменные источники по тематическому содержанию на

три группы: по социально-экономическим отношениям; по социально-политической борьбе, общественной мысли и культуре; по семейно-личным отношениям [4, с. 179].

Тематические классификации приводят к механическому объединению принципиально разных носителей исторической информации, требующих разные методы исследования. Поэтому Л.Н. Пушкарев так много критиковал сторонников классификации источников по содержанию [9, с. 188-191]. Последние могут иметь лишь вспомогательное, ситуативное значение.

Л.Н. Пушкарев в монографии «Классификация русских письменных источников по отечественной истории» предложил несколько больших видовых схем, в т.ч. письменных источников. Московский историк отказался от устаревшего к тому времени деления письменных источников на остатки и предания, поделив все источники на документальные и повествовательные.

Предложенная Л.Н. Пушкаревым обширная схема письменных источников вызвала сомнения у А.П. Пронштейна: «Однако едва ли возможно вообще дать такую классификацию, при которой все без исключения источники нашли бы в ней свое место» [8, с. 31].

А Н.П. Ковальский поддержал видовую классификацию письменных источников Л.Н. Пушкарева: «Выбор такой основы классификации наиболее целесообразен, поскольку способ кодирования информации составляет наиболее общее, существенное свойство (или качество), объективно присущее историческому источнику» [6, с. 19]. Днепропетровский историк в то же время подчеркнул неудачность предложенного Л.Н. Пушкаревым термина «разряд» и переходный характер печати, эпистолярного наследия, мемуаров как отдельных видов источников [6, с. 20]. Н.П. Ковальский справедливо указывал, что классификация Л.Н. Пушкарева применима не только к российской истории, а и к истории других народов [6, с. 21].

С.О. Шмидт отнес эпиграфические источники к письменным [14, с. 21]. А.П. Пронштейн также назвал эпиграфические надписи, граффити письменными источниками (наряду с традиционными видами: рукописями и печатными материалами) [8, с. 32]. Мы же считаем эпиграфические источники переходными между письменными и вещественными.

Кроме видовых и тематических классификаций в источниковедении существуют и другие подходы к делению источников.

Одним из главных в советском источниковедении был формационный принцип, когда исторические источники объединяли по пяти эпохам: 1) первобытнообщинного общества; 2) рабовладения; 3) феодализма; 4) капитализма; 5) социализма. При этом историки часто разбивали каждую эпоху на меньшие периоды. Так, источники эпохи феодализма по истории украинских земель обычно делились на такие периоды: 1) Киевской Руси; 2) феодальной раздробленности XII–XIV вв.; 3) вхождения украинских земель в состав Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой; 4) национально-освободительной войны середины XVII в. и украинской автономии второй половины XVII–XVIII в.; 5) источники по истории украинских земель в составе Российской и Австрийской империй конца XVIII – середины XIX в.

В.К. Яцунский разделил письменные источники на две группы по периодам: феодализма и капитализма. К источникам первого периода он отнес летописи; Русскую правду; актовый материал; международные договоры; произведения литературы; записки иностранцев. Среди источников второй половины XIX – начала XX в. он выделил произведения классиков марксизма-ленинизма (дань времени); статистические источники; экономико-географические описания; законодательные источники; актовый материал; международные договоры и дипломатическую переписку; военно-оперативные документы; прокламации и листовки; периодическую печать и публицистические произведения; судебные-следственные материалы; мемуары, дневники и переписку; картографические источники [15, с. 136–137].

В.И. Стрельский предложил наибольшее количество классификаций письменных источников. Киевский источниковед в учебнике «Джерелознавство історії СРСР. Період імперіалізму» привел комбинированную классификацию:

1. Работы классиков марксизма-ленинизма и материалы Коммунистической партии (обычное идеологическое требование советского периода – *Е.Б.*).
2. Актовый и деловодный материал.
3. Социально-экономическая статистика.
4. Законодательные материалы.
5. Мемуары и эпистолярный.

6. Периодическая пресса.

7. Памятники художественной, публицистической и научной мысли.

8. Описания географических экспедиций и путешествий [11, с. 18].

В этой схеме не сохранен видовой принцип деления источников.

В.И. Стрельский также делил документы по степени подделки на: 1) настоящие; 2) поддельные; 3) фальсифицированные [11, с. 18].

По технике и способу воспроизведения ученый поделил письменные источники на две группы: 1) рукописные; 2) воспроизведенные механически (т. е. напечатанные на множительных аппаратах или печатным (типографским) способом, телеграфные ленты и др.) [11, с. 18]. Эти дополнительные классификации письменных источников В.И. Стрельского можно учитывать во время анализа исторических источников, но только как вспомогательные, а не основные классификации.

Исторические источники делят еще по уровню сохранности: 1) полный (отличный); 2) частичный (хороший, удовлетворительный, неудовлетворительный).

Источники делятся также по месту хранения на: 1) архивные; 2) библиотечные; 3) музейные; 4) частные коллекции. Эти классификации вообще имеют вспомогательный характер. Такое деление не содержит важной информации о содержании источников, но детализирует вопросы сохранности, а иногда происхождения и достоверности источников.

Документы В.И. Стрельский также делил по происхождению на: а) служебные (официальные) – учреждений, организаций, предприятий или служебных лиц; б) личные или фамильные – отдельных частных лиц [11, с. 18].

Актовые источники, по нашему мнению, лучше делить по происхождению на документы: 1) высших органов власти; 2) других государственных учреждений; 3) общественных организаций, политических партий и объединений; 4) государственных и частных предприятий; 5) образовательных, научных и культурных учреждений; 6) дипломатические (межгосударственные); 7) отдельных официальных лиц. Но мы все эти источники поделили по видовому принципу (см. Приложение № 1).

В исторической науке фактически существует разделение источников по пространственно-географическому принципу: 1) по истории Левобережной Украины; 2) по истории Правобережной Украины; 3) по истории Южной Украины.

Все чаще исследователи делят источники по истории отдельных историко-этнографических районов: 1) Слобожанщины; 2) Средней Надднепрянщины; 3) Сиверщины; 4) Донщины; 5) Таврии; 6) Запорожья; 7) Полесья; 8) Подолья; 9) Волыни; 10) Восточной Галиции; 11) Закарпатья; 12) Буковины. Возможно, в отдельную 13-ю группу следует выделить источники по истории украинской диаспоры.

Во многих исследованиях применяется хронологическо-территориальный принцип классификации источников (например, Галицко-Волынское княжество XII – XIV вв., Западноукраинская народная республика 1918–1920 гг.).

Дополнительные классификации отдельных типов и видов исторических источников постоянно вводятся в научный оборот. Например периодике предлагают делить

- 1) по издателям: государственная, партийная, частная и др.;
- 2) по политико-программным признакам: демократическая, либеральная, консервативная и др.;
- 3) по назначению: женская, молодежная, научная, крестьянская и др.;
- 4) по месту издания: центральная, местная, многотиражка и др.;
- 5) по периодичности: ежедневная, еженедельная, ежемесячная и т. д. [3, с. 120-121].

Н.Г. Георгиева предложила пять видов письменных источников: 1) законодательные, 2) делопроизводственные, 3) публицистические, 4) мемуарные, 5) эпистолярные [2, с. 14]. С нашей точки зрения, термин «публицистические» вряд ли охватывает только «разнообразные по форме и содержанию материалы, функция которых состоит в том, чтобы влиять на общественное сознание, формировать и формулировать его в соответствии с социально-политическими основами и целями государства, нравственными устоями и традициями народа, потребностями дальнейшего развития общества» [2, с. 14]. Публицистика – это далеко не все сочинения на историческую тематику, появившиеся в рассматриваемый исследователем период. Второе наше

замечание относится к выделению Н.Г. Георгиевой среди источников личного происхождения «мемуарных» и «эпистолярных». А где же автобиографии и дневники?

Переработанная нами после выхода в свет пособия схема видовой классификации является только одним из вариантов ответа на дискуссионную проблему классификации исторических источников. Мы относим картографические источники к изобразительным, эпиграфические – к вещественным, а не к письменным [1]. Сложности классификации некоторых видов источников объективно обусловлены разными подходами к их типологизации в зависимости от того, какое свойство или специфическая черта источника взяты за основную. Так, в зависимости от задач исследования монеты последние можно рассматривать как вещественные, изобразительные или словесные источники. В литературе до настоящего времени дискутируется вопрос: к какой группе источников (научные труды или сочинения исторического характера) относить средневековые летописи, хронографы, исторические повести и сказания. По нашему убеждению, литература исторического характера XI – XVII вв. не имела главных признаков научных знаний. Поэтому ее нельзя отнести к научным трудам. Научные работы используются как историографические источники, а не как литература в основном для тем, связанных с историей развития наук, прежде всего исторических. Достаточно часто публицистические очерки, критико-библиографические заметки печатались в форме маленьких журналистских очерков. Исследователь при работе с источниками в каждом конкретном случае применяет ту классификацию, которая наиболее удобна (по его мнению) для использования.

1. Богдашина, Е. Н. Источниковедение истории Украины: вопросы теории, методики, истории : учеб.-метод. пособие : авт. пер. с укр. / Е. Н. Богдашина. – Харків : Сага, 2012. – 234 с. – пер. с 3-го изд.
2. Георгиева, Н. Г. Классификация и полифункциональность исторических источников / Н. Г. Георгиева // Вестник РУДН. Сер. История России. – 2016. – № 1. – С. 7–19.
3. Джерелознавство історії України : довідник / ред. кол.: Боряк Г. В., Войцехівська І. Н., Калакура Я. С. (заст. голови) [та інші]. ; Київський університет ім. Т. Шевченка, Кафедра архівознавства та спеціальних галузей історичної науки; НАН України. Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського. – Київ, 1998. – 212 с.
4. Каштанов, С. М. Некоторые вопросы теории источниковедения / С. М. Каштанов, А. А. Курносков // Исторический архив. – 1962. – № 4. – С. 173–196.
5. Китиченко, Т. С. Розвиток історичного джерелознавства в Україні (1840-ві–1920-ті рр.) : дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук (доктора філософії) за спеціальністю 07.00.06 «Історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни» – Харків ; Запоріжжя : Харківський національний педагогічний університет імені Г. С. Сковороди, Запорізький національний університет, 2018. – 272 с. // URL: http://chtyvo.org.ua/authors/Kytychenko_Tetiana/Rozvytok_istorychnoho_dzhereloznavstva_v_Ukraini_1840-vi__1920-ti_rr/
6. Ковальский, Н. П. Проблемы классификации письменных источников в современной советской историографии / Н. П. Ковальский // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин : тез. докл. IV Всесоюз. конф. (Днепропетровск, 31 октября – 2 ноября 1983 г.). – М., 1983. – С. 14–27.
7. Макаров, М. К. О принципах классификации письменных источников (историография вопроса) / М. К. Макаров // Тр. МГИАИ. – М., 1961. – Т. 16. – С. 15–29.
8. Пронштейн, А. П. Методика исторического источниковедения / А. П. Пронштейн. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1971. – 467 с.
9. Пушкарев, Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев. – М. : Наука, 1975. – 281 с.
10. Саар, Г. П. Источники и методы исторического исследования / Г. П. Саар. – Баку : Красный восток, 1930. – 174 с.
11. Стрельский, В. И. Джерелознавство історії СРСР. Період імперіалізму / В. И. Стрельский.е – Київ : Рад. школа, 1958. – 480 с.
12. Стрельский, В. И. Теория и методика источниковедения истории СССР / В. И. Стрельский. – Киев : Изд-во ун-та, 1968. – 264 с.
13. Умбрашко, К. Б. Классификация исторических источников в профессиональной подготовке бакалавров (культурологические аспекты) / К. Б. Умбрашко // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 4. – С. 95–101.
14. Шмидт, С. О. О классификации исторических источников / С. О. Шмидт // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1985. – Вып. 16. – С. 3–24.
15. Яцунский, В. К. К вопросу о классификации письменных исторических источников в курсе источниковедения истории СССР / В. К. Яцунский // Тр. МГИАИ. – М., 1958. – Т. 11. – С. 133–139.

Классификация письменных источников по истории Украины

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Актовые и делопроизводственные	Статистика	Периодика	Научные труды	Произведения истор. характера	Церковно-религиозная литература	Художественные сочинения	Ego-источники
Законы и подзаконные акты	Демографическая	Газеты	Научные исследования (коллективные, монографии, статьи)	Летописи, хроники, хронографы	Святое письмо (Библия, Коран, Талмуд)	Историческая проза	Воспоминания
Договоры межгосударственные	Военная	Журналы	Научно-популярная и учебная литература	Исторические повести и сказания	Сочинения отцов церкви и других проповедников	Историческая поэзия	Дневники
Публично- и частно-правовые договоры	Политическая	Альманахи и другие периодические издания	Публикации источников	Публицистика	Жития святых, синодики, помянники	Историческая драма	Личная переписка
Программы, уставы и другие учредительные документы политических партий, профсоюзов и прочих общественных организаций	Экономическая		Материалы научных конференций		Полемическая литература		Автобиографии
Приказы, постановления			Критико-библиографическая литература				
Планы работы, отчёты							
Судебно-следственные							
Реестры, канцелярские книги							
Грамоты, справки, анкеты							
Протоколы заседаний							
Деловая переписка							
Банковские документы							

Румянцева М.Ф.
«ОСТАТКИ» И «ПРЕДАНИЯ»: ЕЩЕ РАЗ О КЛАССИФИКАЦИИ /
СИСТЕМАТИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Нет ничего практичнее хорошей теории
Густав Роберт Кирхгоф (1824–1887),
физик из Кенигсберга

По сию пору приходится сталкиваться, – и нередко, – со смешением понятий *классификация* и *систематизация* исторических источников. Рефлексия по этому поводу очевидно важна как с точки зрения теории источниковедения, так и практики источниковедческого анализа в историческом исследовании (впрочем, отметим, – в скобках, – свое полнейшее согласие с высказыванием кенигсбергского физика XIX века, вынесенным в эпиграф).

Классификация – одна из основных научных процедур, смысл которой в организации эмпирической совокупности; критерием классификации выступает значимая имманентная характеристика упорядочиваемых объектов, в нашем случае – исторических источников.

Систематизация – исследовательская процедура упорядочивания эмпирических объектов (исторических источников) в научной практике в зависимости от цели исследования [3, с. 99].

На мой взгляд, смешение этих понятий обусловлено, с одной стороны, мировоззренчески – ментальной привычкой к классическому типу рациональности, с другой стороны, – в рамках исторической науки, – отсутствием рефлексии над дисциплинарным статусом источниковедения и, соответственно, над природой его объекта – исторического источника. Устойчивое стремление подменить классификацию систематизацией – значимый признак потребительского отношения к источнику, свойственного классическому типу рациональности или так называемому «позитивизму» в исторической науке. Дискурсивные маркеры такого подхода – «источники по истории... (периода, территории) / по определенной теме», «критика исторического источника», «содержащиеся в источнике факты» / «извлечение фактов из источника» и т.п. На мой взгляд, наиболее отчетливым проявлением потребительского / «позитивистского» подхода к историческому источнику выступает деление источников на «остатки» и «предания». Необходимо пояснить: «позитивистского» в кавычках, поскольку то, что называют позитивизмом в исторической науке, имеет весьма отдаленное отношение к позитивизму как таковому; «позитивизм» в исторической науке целиком вписан в ее классическую модель, тогда как позитивизм в философии – знак преодоления рациональности классического типа и начала становления неклассической науки.

Бегло, насколько позволяют рамки доклада, проследим процесс разделения исторических источников на «остатки» и «предания» – в соотношении с оформлением дисциплинарного статуса источниковедения.

Если не принимать во внимание отдельные попытки удревнить источниковедение, то, как правило, его оформление соотносят с изысканиями И.Г. Дройзена, не обращая внимания на то, что немецкий историк оперировал по преимуществу понятием «исторический материал», применяя понятие «источник» к его очень узкой группе: «Исторический материал есть отчасти то, что имеется еще непосредственно в наличии из того настоящего, понимание которого мы ищем (*остатки*) [здесь и далее выделено автором – М.Р.], отчасти то, что от них перешло в представления людей и дошло до нас как воспоминание (*источники*), отчасти вещи, в которых объединены обе формы (*памятники*)» [2, с. 468]. Дройзен предлагает весьма сложную схему систематизации «исторического материала». Эту схему фактически воспроизводит Э. Бернгейм [1, с. 34–35]. Окончательно деление на остатки и предания выкристаллизовывается у Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, которые пишут: «Можно различать два рода документов. Иногда факт прошлого оставляет вещественный след (памятник или какой-либо вещественный предмет). Иногда, и более часто, след, оставленный событием, бывает психологического порядка: описание или повествование» [6, с. 87]. Аналогичное деление исторических источников предлагает и Н.И. Кареев, последний позитивист из крупных российских историков: «Не <...> материальные остатки, свидетельствующие о прошедших фактах, недоступных для непосредственного наблюдения, составляют главный материал, над которым оперируют историки <...> Следы прежней жизни, дошедшие до нас в форме преданий и записей, от-

личные от материальных остатков, и составляют главный и основной источник исторического знания...» [5, с. 41–43].

Однако заметим, что все упомянутые труды, с точки зрения источниковедения историографии, – это пропедевтика исторического метода, в структуру которого органично включаются процедуры работы с историческим источником. То есть, в этих работах изначально ставится задача приспособить исторические источники к целям исторического исследования, а не выявить природу исторического источника и рассмотреть источниковедение в качестве отдельной дисциплины/субдисциплины исторической науки. Именно по этой причине обоснованное в этих трудах деление исторических источников на «остатки» и «предания» является систематизацией, а не классификацией.

Можно было бы расценивать рассмотренный подход как исключительно факт историографии, тем более что автор фундаментального исследования по проблеме классификации Л.Н. Пушкарев писал еще в середине 1970-х гг., в эпоху становления постнеклассической модели науки: «Конечный вывод, к которому пришло советское источниковедение, заключается в том, что это деление [на «остатки» и «предания» – *М.Р.*] не может быть положено в основу общей классификации всех исторических источников из-за отсутствия ясного и точного основания деления, удовлетворяющего всем требованиям логики и источниковедения» [8, с. 246–247]. Но тот же Пушкарев, в той же самой работе, формулируя методологически «новый» подход в новой социокультурной и теоретико-познавательной ситуации, предлагает положить в основу видовой классификации «внутреннюю форму источника», т.е. сочетание в нем «воплощения» и «отображения» действительности. Но не является ли это воспроизведением традиционной «классификации» на «остатки» и «предания»? Говоря о классификации письменных источников, Пушкарев утверждает, что «...все они в зависимости от преобладания воплощения или отображения действительности могут быть разделены на два рода – делопроизводственные (документальные) и повествовательные...». И далее: «Оба эти рода письменных источников делятся в свою очередь – в зависимости от особенностей структуры, внутренней формы источника – на виды письменных источников...» [8, с. 256].

Со времени выхода монографии прошло четыре с половиной десятилетия, но столь же фундаментального труда по этой проблематике так и не появилось. Хотя уже в 1980 г. А.Г. Тартаковский продемонстрировал принципиально свежий подход, практически опровергающий деление на «остатки» и «предания». Назвав свою книгу «1812 год и русская мемуаристика», он подчеркивал, что речь в ней не об «отражении» в мемуарах событий Отечественной войны (в этом случае надо было бы использовать в названии не союз «и», а прелог «в»), а о самих мемуарах как «воплощении» мемуаротворческой деятельности автора [9]. То есть мемуары рассматриваются не как «предание», что вполне традиционно для классической/«позитивистской» модели исторической науки, а как «остаток».

Вернемся к соотношению классификации исторических источников и формирования дисциплинарного статуса источниковедения. Кризис «позитивизма» в исторической науке, – а фактически переход от ее классической модели к неклассической, – маркирует возникновение неокантианства, в исторической науке – его Баденской школы (В. Виндельбандт, Г. Риккерт). Но одновременно и параллельно/независимо формируется и русская версия неокантианства (А.И. Введенский, А.С. Лаппо-Данилевский, В.М. Хвостов, И.И. Лапшин), заложившая, – в первую очередь, в эпиистемологической концепции Лаппо-Данилевского, – основы неоклассической модели исторической науки. Водораздел между неклассической моделью Баденских неокантианцев и неоклассической моделью, восходящей к русской версии неокантианства, проходит как раз по невниманию/вниманию к объекту исторического познания – историческому источнику.

Проанализировав феноменологическую природу исторического источника и, по выражению самого автора, «добыв» его определение: «исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением» [7, т. 2, с. 38], – Лаппо-Данилевский неизбежно должен был перейти к упорядочению корпуса исторических источников – или в виде систематизации, или в виде классификации. И несмотря на новаторский, что общепризнано, характер концепции Лаппо-Данилевского, его уход от позитивизма к неокантианству, мы видим, что в этой части концепции русский методолог движется вполне в русле И.Г. Дройзена и пропедевтик рубежа XIX–XX вв. Но это на первый взгляд. Дей-

ствительно, мы не можем не признать, что эта составляющая концепции Лаппо-Данилевского наименее оригинальна: автор, исследовав природу исторического источника, не дает классификацию на основе его имманентных характеристик. Но отметим видовую природу данного историографического источника и присмотримся к дискурсу Лаппо-Данилевского. Мало кто из исследователей обращает внимание на то, что признанный фундаментальным труд Лаппо-Данилевского «Методология истории» (СПб., 1910–1913) по своей видовой принадлежности является пособием к лекционному курсу; согласно этому автор должен был представить целостную картину науки об исторических источниках, включая те разделы, где он, по преимуществу, ориентировался на теоретические разработки коллег-предшественников. Соответствующий раздел своего пособия Лаппо-Данилевский назвал нейтрально «Главнейшие виды исторических источников» [7, т. 2, с. 41–62], тем самым изначально обойдя вопрос о том, является проводимое разделение источников на группы классификацией или систематизацией. Но в тексте главы автор пользуется понятием «систематизация» и дает его четкое определение, полностью отвечающее нашему современному пониманию: «...можно систематизировать исторические источники с весьма различных точек зрения в зависимости от целей исследования» [7, т. 2, с. 41]. Воспроизводя до некоторой степени, – правда, с иной детализацией, – уже прочно сложившееся деление исторических источников на «остатки» и «предания», Лаппо-Данилевский радикально открепляет это деление от имманентных характеристик исторического источника и привязывает его исключительно к логике исследователя. Что же касается существенной имманентной характеристики самого исторического источника, то, – согласно Лаппо-Данилевскому, современному подходу к понятию «исторический источник» [см.: 3., с. 90–98], да и элементарной логике, выходящей за узкие рамки классической рациональности, – мы вынуждены логично признать, что любой исторический источник – это в первую очередь «остаток» той деятельности, в которой он возник. Лаппо-Данилевский пишет: «...так как всякий источник – реализованный продукт человеческой психики, то <...> такой самостоятельный продукт (поскольку он обладает характерными особенностями, отличающими его от произведения природы) вместе с тем оказывается результатом целенаправленной деятельности человека или намеренным его продуктом...» [7, т. 2, с. 79].

На этой основе Научно-педагогической школой источниковедения был сделан следующий шаг в оформлении дисциплинарного статуса источниковедения: в 1950–1970-х гг. шла разработка отдельных видов исторических источников и видовой методики их анализа [см.: 4]. Углубление понимания природы видов исторических источников привело к созданию стройной системы классификации; далее последовала рефлексия целостного автономного объекта источниковедения – систем видов исторических источников, презентующих социо-культурные общности разного типа и масштаба, что и свидетельствовало о конституировании источниковедения как самостоятельной научной дисциплины.

1. Бернгейм, Э. Введение в историческую науку / Э. Бернгейм ; пер. с нем. В. А. Вейнштока ; под ред. В. В. Битнера. – 2-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 72 с.
2. Дройзен, И. Г. Историка: лекции об энциклопедии и методологии истории / Иоганн Густав Дройзен. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – 583 с.
3. Источниковедение : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др. ; отв. ред. М. Ф. Румянцева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд., испр. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 685, [3] с.
4. Источниковедение.ru [Электронный ресурс] : страница Науч.-пед. школы источниковедения / А. А. Бондаренко и др. ; Науч.-пед. школа источниковедения. – Электрон. дан. – [М. : Б. и.], сор 2010-2019. - Режим доступа : <http://ivid.ucoz.ru/>, свободный.
5. Кареев, Н. И. Историка. Теория исторического знания : из лекций по общей теории истории / Н. И. Кареев. – 2-е изд. – Пг. : тип. М. М. Стасючевича, 1916. – VI, 281 с.
6. Ланглуа, Ш.-В. Введение в изучение истории / Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос ; пер. с фр. А. Серебряковой ; ред. и вступит. ст. Ю. И. Семенова. – Изд. 2-е. – М. : Государственная публичная историческая библиотека России, 2004. – 305 с.
7. Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории : [в 2 т.] / Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – Т. 1-2.
8. Пушкарев, Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарев. – М. : Наука, 1974. – 281 с.
9. Тартаковский, А. Г. 1812 и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения / А. Г. Тартаковский. – М. : Наука, 1980. – 312 с.

Лукашевич А.А.
**ОТ ПРИЗНАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ИСТОРИКА
К ИСТОРИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА**

В понимании исторического источника можно отметить два подхода. Для первого характерны включение в его определение таких признаков как инвариантность (позволяющая многократно обращаться к нему, по аналогии с естественнонаучным экспериментом, причем его информация остается неизменной), суверенность (источник существует независимо от историка), доступность для непосредственного изучения.

Другая точка зрения – «конструктивистская»: источник предстает в ней как теоретическое построение, основанное на эмпирическом материале, продукт познавательной деятельности историка. Источник динамичен, претерпевает структурные изменения, так как его творец – историк в исследованиях следует своим культурным, научным, политическим ценностям. Субъект познания историчен.

В подходах абсолютизируются отдельные черты источников: с одной стороны – стабильность, неизменность материальной формы, с другой – динамизм смыслов их информации.

Отказаться от догматического понимания вещи и ее существования как некой константы, независимой от какой-либо системы координат, может помочь ее диахронический анализ, в котором раскрываются процессуальные характеристики фрагмента реальности [4, с. 27–42].

Преодоление крайностей названных суждений целесообразно искать также на пути исследования источников на всех этапах их существования, вплоть до современности, через призму диалектики устойчивости и изменчивости, вещи и процесса. Следование такой установке ведет к проблеме историзации не только субъекта исторического познания, но и его объекта – исторического источника.

Наша постановка проблемы отличается от принципа «двойной историзации» П. Бурдьё: «...опасности пассивной релятивизации продуктов речи, претендующей на научность, могут быть ограничены и даже устранены, если мы подвергнем историзации, с одной стороны, познающего субъекта, а с другой – познаваемый объект» [2].

Как полагает социолог, историзм в социальных науках чреват релятивизмом, а значит, нигилизмом, поскольку ставит под вопрос возможность достижения ими общезначимого знания. Каков же выход из тупика?

Релятивизм обусловлен тем, что социальные науки суть продукт «исторических существ». Если им удастся подвергнуть историзации (объективации) самих себя, то проблема может быть решена, то значительно ограничена. Необходима одновременная, двойная историзация «аналитика» и его объекта – исследуемого «продукта (или производителя)».

Рефлексивная объективация означает по-новому расположить познающего субъекта в «поле производства» («форме жизни»), внутри которого он проводит свой анализ, а также по-новому расположить познаваемый объект в поле, «где он произвел свой продукт». Исследователь сможет осуществить объективизацию своего объекта в той мере, в какой сможет объективировать свою собственную позицию в пространстве, отличном от того, в котором расположен его объект. Тогда он сможет контролировать свое отношение к познаваемому и не приписывать ему своих доэмпирических мнений. Чем глубже субъект погружается в историю своего существования, тем легче ему понять ту совокупность «универсумов», которые формируют его взгляды, представления, и увидеть «трансисторическую истину» в своем мышлении и в изучаемом объекте. По сути, речь идет об одном из вариантов историзации субъекта.

Как признался П. Бурдьё, императив двойной историзации сложно применить на практике. Рефлексивность как средство преодоления «социального давления» также вызывает вопросы. Но цель обращения к мыслям философа – показать своеобразие нашего подхода к проблеме, сделать акцент на историзации именно источника.

«Родословную» источника можно представить как развертывание его состояний: как вещь-фрагмент объективного мира, предмет-следствие взаимодействия человека и окружающей его среды, исторический источник – предмет, утративший свою социальную функцию, ради кото-

рой он был создан, и использующийся историком для получения ретроспективной информации и, в известном смысле, создания нового источника.

«Жизненный» путь источника может быть охарактеризован с позиций противоречивого единства объекта и процесса: взятый сам по себе, с точки зрения его внутренней структуры и как процесс, проявляющийся благодаря временному горизонту, в некотором прошлом или будущем, как становление и развитие. Таким образом, он представляется объектом или процессом в зависимости от выбранной системы координат, поэтому ему свойственны признаки всех своих состояний. В основе своей, это взгляд на объект с позиции релятивистской модели реальности как развивающейся в пространстве и во времени, переживающей внутренние изменения.

В познавательном процессе источник предстает как тождество материального и идеального, единство «исторического материала» и его источниковедческой конструкции. Он не существует автономно, что объясняется его происхождением и способом «бытования». Его нельзя противопоставлять историку, поскольку данное субъект-объектное отношение имеет общее историко-культурное основание, определяющее объективные свойства источника.

Социальная обусловленность предшественника источника-предмета превращает его в «чувственно-сверхчувственную» реальность. Он имеет двойственную природу: с одной стороны, как единичный, индивидуальный объект, он обладает чувственно воспринимаемой формой, структурирован, а с другой – как звено общественных процессов связан с ними генетически и функционально, свидетельствует об их существовании. Социальная взаимосвязь не дана непосредственно, она «сверхчувственна», для ее постижения необходима идеализация. По мере того, как предмет начинает выполнять функции источника, последний наследует его «чувственно-сверхчувственные» характеристики.

Как структурный элемент факта или события прошлого, источник выступает в своей предметно-чувственной форме, наблюдение за которой обеспечивает историка эмпирическими данными, необходимо не связанными с его теоретико-методологическими установками. Источник здесь безусловный исторический факт и носитель ретроспективной информации.

Реконструкция источника в пределах горизонтов прошлого и настоящего предполагает понимание истории как процесса становления и развития. Подобный историзм нуждается в уточнении: историю можно представить как череду событийных трансформаций вплоть до нашего времени [7].

«Бытование» источника есть постоянная смена его модусов. Но если он выпадает из исторического процесса, то превращается в физическую вещь.

Изучение процессов реализации функции источников, в которых разворачиваются, формируются заключенные в них смыслы, позволяет обнаружить информацию, недоступную на эмпирическом уровне исследования. Кроме того, удостоверение ее достоверности, истинности, по-видимому, целесообразно проводить не только путем сопоставления полученной информации с источником, но и с источниковыми процессами – трансформациями. Для проведения подобной верификации необходима историзация источника. Применимо к исследовательской практике это означает, что источниковедческая историография не предисловие научной работы, а необходимый компонент всех ее этапов. Причем сама рефлексия над источником не должна ограничиваться анализом истории источника, но и сопровождаться изучением условий его существования, причин актуализации в современности.

Сложность в понимании историзации источника заключается в том, что его трудно представить в динамическом состоянии. В эмпирическом исследовании перед историком он предстает в чувственно-воспринимаемой форме, как заверченный в прошлом продукт деятельности человека. Очевидна объективность его существования.

Изменчивым источник становится тогда, когда из объекта познания он превращается в его предмет и рассматривается как звено социокультурных процессов. В результате его изучения историк получает не только новое знание, но и обновленный источник. Например, Р.В. Овчинников для изучения указов Е.И. Пугачева использовал 46 сохранившихся документов и 119 реконструированных [6]. Как выразился В.С. Библер, историк расширяет «историческую площадь» источника в процессе его реконструкции [1].

Субъективные причины «метаморфоз» или историзации исторических источников обостряют проблему релятивизма выводов исторических исследований. Но что тогда можно сказать об объективных основаниях историзации?

Обратимся к очевидно изменчивым электронным документам. Они создаются в виртуальной среде и могут быть «бесплотным образом» и физической единицей. Зависят от постоянных модернизаций программных и аппаратных средств, что приводит к определенному отрыву информации от ее материального носителя. Это «очень подвижные источники» [5, с 42]. Но такой специфический динамизм присущ только электронным источникам. Рассмотрим теперь историзм делопроизводственной документации – наиболее востребованной историком.

«Жизнь» документа проанализирована в одной из публикаций В.П. Козлова [3]. Документ, пишет автор, – материальный объект и интеллектуальный продукт, переживающий определенные периоды («жизни») своих преобразований, изучаемые соответственно документоведением, архивоведением, археографией и документальным источниковедением. Он – производный продукт деятельности личности, общества, государства и сам обеспечивает их функционирование. Данное положение, подчеркнем, указывает на объективные предпосылки развития документа, документных систем.

Единство и взаимосвязь всех этапов «жизнедеятельности» документа – одна целостная жизнь продукта человеческой деятельности. В таком случае, отметим, на стадии источниковедческого исследования историку полезно знать не только его первую «жизнь», ради которой он был создан, но и все последующие, поскольку каждая из них раскрывает новые информационные возможности документа. В то же время, историк должен осознавать, какую именно страницу истории документа он читает, чтобы сделать о ней адекватное заключение. Так, историзация источника влияет на историзацию субъекта познания.

В статье охарактеризовано шесть «жизней» документа. Мы, условно, разделим их на два периода. В первом (оперативное бытование документа) он создается для решения общественных и государственных задач, его информация находится в актуальном состоянии и дополняется, если нарушается его неприкосновенность. Его полезность заключается в удовлетворении поставленных целей взаимодействующих субъектов.

Во втором периоде документ находится в состоянии покоя, утратив свою практическую полезность, но может стать ценным как источник знания о прошлом. Существует как артефакт, сохраняющийся в архиве, помещенный в археографической публикации, и как исторический источник.

В делопроизводстве он структурирован на основе формуляра. Для источниковедческих процедур, отметим, важно учитывать, что единичный документ теряет свою «автономию» в «деле», в котором документация тесно связана между собой функционально. Его изолированное изучение может привести к ошибочным выводам. И наоборот, установление взаимосвязи документов в «деле», фонде, увеличивает их информационные возможности.

Отличие существования документа в архивной среде как физического объекта от его же состояния в качестве носителя информации заключается в том, что в первом случае он статичен, а во втором – динамичен, поскольку, как мы поняли, архивный документ содержит ретроспективную информацию, которую используют в научных исследованиях и для создания поисковых систем. Но в таком же динамичном состоянии находится информация исторических источников благодаря интеллектуальным усилиям историка.

В археографических публикациях происходит объединение документов различного происхождения, времени, мест возникновения, что позволяет реконструировать документы. Документ обретает «новую жизнь», обогащается содержанием, смыслами.

Статья В.П. Козлова содержательна, мы использовали не все возможности, которые она открывает. Полагаем, что предложенная в ней история «жизней» документа убедительно свидетельствует в пользу целесообразности историзации исторического источника с целью повышения его информативности.

1. Библер, В. С. Исторический факт как фрагмент действительности [Электронный ресурс] / В. С. Библер. – Режим доступа: <http://www.culturedialogue.org/drupal/ru/node/5545>. – Дата доступа 23.02.2019.
2. Бурдьё, П. За рационалистический историзм [Электронный ресурс] / П. Бурдьё. – Режим доступа: <http://bourdieu.name/content/burde-za-racionalisticheskij-istorizm>. – Дата доступа 20.02.2019.

3. Козлов, В. П. Жизнь документа [Электронный ресурс] / В. П. Козлов. – Режим доступа: <http://rodnaia-istoriya.ru/index.php/vspomogatelnie-i-specialnie-istoricheskie-nauki/istochnikovedenie/jizn-dokumenta.html>. – Дата доступа 23.02.2019.
4. Крюков, В. В. Диалектика вещи и процесса: релятивистская модель реальности [Электронный ресурс] / В. В. Крюков // Идеи и идеалы. – 2011. – № 4(10). – Т. 1. – С. 27–42. – Режим доступа: http://ideaidealy.nsuem.ru/wp-content/uploads/2013/01/V.V.Kryukov_410_2011_t_1.pdf/. – Дата доступа 25.02.2019.
5. Лукашевич, А. А. Феномен цифрового наследия как предпосылка переосмысления понятия «исторический источник» / А. А. Лукашевич // Клио. – СПб. – 2015. – № 10 (106). – С. 41–45.
6. Овчинников, Р. В. Манифесты и указы Е.И. Пугачева (источниковедческое исследование) / Р. В. Овчинников. – М. : Наука, 1980. – 279 с.
7. Чеканцева, З. А. Историчность и история в интеллектуальной культуре XXI века [Электронный ресурс] / З. А. Чеканцева. – Режим доступа: https://www.academia.edu/37887922/Историчность_и_история_в_интеллектуальной_культуре_XXI_века. – Дата доступа 20.02.2019.

Кривоносова Е.Э., Рудковский Э.И. ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ ИЛИ ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ?

Познание исторических процессов, выявление их закономерностей имеет свою специфику по сравнению с познанием природных явлений. Здесь не применимы средства и методы естественных наук (микроскоп, лазерные установки, химреактивы и т.д.). Нельзя говорить о возможности эксперимента, так как история не знает сослагательного наклонения; выявление общественных закономерностей затруднено тем, что в обществе повторяемость, как минимум, не лежит на поверхности: все события носят индивидуальный характер, а исторические личности посетили этот мир единожды и покинули его навсегда. Познание исторических процессов определяется в значительной мере ценностными ориентациями исследователя, его субъективными пристрастиями. Когда речь идет о явлениях природы, то люди любых политических и нравственных ориентаций заинтересованы в их адекватном познании и использовании в практической деятельности. Иное дело – исторические события: их оценки бывают прямо противоположными в зависимости от идеологических пристрастий авторов. Безусловно, история, как и многие другие науки, должна опираться на фактологический материал. В противном случае – это будет не наука, а историческая алхимия, собрание исторических фейков. Но так ли всесилен исторический факт?

Ссылаясь на факты, можно соорудить различные теоретические конструкции на политическую потребу дня. В XIX веке исследователи истории отдавали предпочтения фактам, стояли на позитивистских позициях. Факт трактовался как убедительная основа объективности исторической науки. Задача ученого виделась в описании фактов, в ответе на вопрос: как все происходило, а не почему это происходило? Такой позитивистский подход вскоре показал свою ограниченность. Разве задача исследователя истории заключается только в том, чтобы описать, как происходили войны, революции и т.д. Ведь главная цель выяснить причины событий, их влияние на судьбы стран и целого мира. Но при ответе на вопрос «почему?» историк (или философ) всегда руководствовался определенной философской парадигмой, идеологическими предпочтениями. От этого никуда не уйдешь. Вне их исторической картины быть не может. Факт всегда социален и выступает единством объективного и субъективного. В конечном счете мы имеем дело не с голыми фактами, а фактами концептуализированными (М. Барг).

Поль Рикёр отмечал, что историю событий в современных условиях сменила история интерпретаций. Порой говорят, что историки более могущественны, чем Бог, ибо Господь не может изменить прошлого, а историки постоянно его меняют. Характер и содержание интерпретации – это объект исторической ответственности исследователя.

В интерпретации прошлого можно выделить философский и политико-идеологический аспекты. Первый из них достаточно основательно проработан в философской герменевтике, значительное место в которой занимает как раз метод понимания прошлого. При этом во взглядах представителей этого философского направления прослеживается значительная эволюция. Первое поколение герменевтики (Шлейермахер, Дильтей) в качестве главной проблемы выделяло вопрос понимания исторических текстов и постижения через них истории, подлинного

смысла имевших место событий. Интерпретация прошлого, отраженного в текстах, должна основываться на способности исследователя воспроизвести, пережить, понять первоначальный смысл текста. Основная проблема понимания заключается во временной дистанции, разделяющей интерпретатора и объект понимания. Чтобы ее решить, необходимы вживание исследователя в исторический контекст, идентификация его с текстом.

Герменевтический метод играет большую роль в познании, интерпретации прошлого. При интерпретации важно учитывать исторический контекст. Умение вжиться в чужую индивидуальность, язык изучаемой эпохи, посмотреть на прошлое глазами представителей ушедших поколений – важная задача интерпретации исторических событий, условие постижения истины. А.Я. Гуревич справедливо отмечает: «Другой, человек давнего или недавнего прошлого, – это загадка, которую мы едва ли в состоянии разгадать, но от попытки разгадать ее вместе с тем не можем и уклониться. Наиболее тяжкий грех, в который способен впасть историк, – и в который, к сожалению, очень часто впадает – состоит в том, что изображает человека иной эпохи подобным себе и своим современникам. “Другой” не означает “чужой”. Во многом он схож с нами, но прежде всего необходимо выявить различия. Презумпция “инаковости” – постулат исторического познания» [1, с. 77].

Если исследовать не отдельные события, имевшие локальный характер, а эпохальные процессы и события, «тектонические сдвиги» в истории человечества, мы никуда не денемся от причин произошедшего, тенденций развития общества. А это уже философия истории, социальная философия. Историк в любом случае вынужден будет руководствоваться определенной методологией и идеей, а не исследовать только уникальные факты. Можно по-разному оценивать события 1917 г., Великую Отечественную войну, но сам факт их влияния на судьбы человечества общеизвестен. В этой связи можно согласиться с К.В. Хвостовой, которая отмечает, что многие индивидуальные факты, «которые рассматриваются в качестве атомарных, в рамках конкретного историописания, являются теоретически нагруженными. Кроме того, современный историк... лишь в незначительной мере имеет дело непосредственно с атомарными фактами. В основном он изучает сложные взаимосвязи этих фактов, образующие ситуации, явления, отношения, социальные структуры, пространственно-временные тенденции, традиции, т.е. все те исторические феномены, которые в своей сложной взаимозависимости не только определяют социальное поведение людей, но и формируют эпохи, культуры, цивилизации. Макротеоретический подход, являясь сегодня актуальным, отражающим современные идеи глобализма, во многом формирует принципы историописания» [3, с. 33]. Плюрализм взглядов и оценок историков, по мысли автора, обусловлен их предпочтениями, интерпретационно-ценностными исследовательскими установками [3, с. 35].

Истина в историческом исследовании не появляется в одночасье так, как известная греческая богиня из морской пены. Более того, безошибочная, абсолютно верная интерпретация прошлого в данных конкретных общественных условиях невозможна. Пока существуют различные социальные группы с их несовпадающими интересами, ценностными ориентациями, будут и различия в интерпретации исторического прошлого.

Интерпретация исторического прошлого связана, как уже отмечалось, с философией истории. Последняя, в свою очередь, неизбежно зависит от мировоззрения, которое включает ценностные ориентации исследователя, его убеждения, идеологические и политические предпочтения. От субъектов интерпретации, их мировоззренческих установок зависит актуализация смыслов уже сложившихся исторических событий. В этой связи нельзя не отметить огромную роль идеологии в интерпретации истории. При этом речь в идеологических спекуляциях идет не столько о прошлом, сколько о настоящем и будущем. История становится мощным политическим оружием.

Некоторые исследователи справедливо указывают на необходимость учета запросов и опыта современности при конструировании образа прошлого [2, с. 479, 491]. С этим нельзя не согласиться. Но в еще большей мере следует учитывать ту ситуацию, в которой принимались судьбоносные решения, быстродействовали те или иные общественно-политические процессы. Нельзя историю осовременивать, оценивать только с позиций сегодняшнего дня. В противном случае неизбежно скатывание на позиции абстрактного морализирования. Всегда правомерно поставить вопрос: а могло ли быть в той исторической системе координат иначе?

История не является перечнем антикварных фактов. С другой стороны, следует учитывать, что она не может быть и служанкой идеологии и текущей политики. Историю можно и нужно объяснять (Гегель, Маркс и др.), понимать (герменевтика), но ее нельзя насилловать и ей нельзя мстить. Разрушение памятников, вымарывание исторической памяти – это стрельба в прошлое, но не будем забывать предупреждения классиков: как бы будущее не выстрелило в настоящее из орудия большего калибра.

1. Гуревич, А. Я. Двойная ответственность историка / А. Я. Гуревич // *Общественные науки и современность*. – 2007. – № 3. – С. 74–84.
2. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – М.: Круг, 2011. – 506 с.
3. Хвостова, К. В. Особенности истины и объективности в историческом знании / К. В. Хвостова // *Вопросы философии*. – 2012. – № 7. – С. 27–37.

Синдеев А.А.
ФЕНОМЕН «ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»
КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОМУ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ

Окружающий нас мир в значительной степени познается с помощью текстов. Данный тезис можно дополнить указанием на то, что он и выстраивается на основе текстов; это, впрочем, не означает, исключительную власть произнесенного и написанного. Однако не учитывать текстовую (пере)насыщенность теперешнего познания едва ли получится. В этой связи актуальна проблема качества производимых текстов, что делает источниковедческий инструментарий неотъемлемой частью интеллектуального багажа современного человека, позволяющего ему распознавать не только первичную, но и глубинную суть передаваемой информации, вводить ее в индивидуальный и коллективный контекст, а также успешно анализировать. Следовательно, не количество текстов, а их качественный отбор и правильно организованная работа с ними определяют среди прочего конкурентоспособность.

С учетом незначительной доступности многих архивных документов новейшая история является, как известно, довольно сложным периодом для серьезного научного изучения. Чем ближе к современности, тем менее разнообразно «источниковое меню» исследователя. В то же время благодаря Интернету многие официальные источники могут быть введены в научный оборот сразу же после подписания и (или) одобрения. С одной стороны, это обстоятельство обуславливает популярность тем по новейшей истории, что видно по количеству ежегодно защищаемых кандидатских диссертаций; с другой – в работе над проблемами новейшей истории, как правило, забываются три важных, на мой взгляд, условия повышения научной значимости выдаваемого на-гора материала. К этим условиям относятся: 1) полное системное изучение одного подвида источников выбранного хронологического периода; 2) фиксация границ предмета; 3) учет фактора феноменализации.

В желании продемонстрировать источниковое разнообразие, что, как отмечалось выше, применительно к последним этапам новейшей истории практически невозможно, многие молодые исследователи считают целесообразным привести как можно больше видовых позиций в списке использованных источников, размывая информативное поле, переходя тем самым на уровень хрониста и совершая непоправимую методологическую ошибку, поскольку сделанные выводы являются лишь частично верными. Тогда как автономное использование либо официальных доктрин, либо речей, либо интервью, либо иных популярных «интернетовских источников» позволило бы правильно расставить акценты, выстроить необходимое поле исследования того или иного субъекта и (или) институции, предельно детализировать научный предмет, углубить познавательную наполненность получаемых выводов.

«Интернетовские источники», в первую очередь в силу их содержания, предоставляют возможность ориентировать работы по новейшей истории, начиная с периода 2000-х гг., только на небольшой набор феноменов, определенных исторических явлений, и связанных с ними процессов. Любой феномен историчен в своем проявлении, поскольку содержит набор фактов, имеет сформированные институциональные структуры, устоявшиеся или изменившиеся процессы, механизмы их

поддержания. Феномены не абстрактны, они персонифицируются, впитывают страноведческую специфику. Часть из них под влиянием различных причин, рассмотрение которых не составляет предмет данной статьи, естественно или искусственно актуализируется, привлекая на некоторое время внимание общества и усиленно способствуя продуцированию посвященных им текстов, а другая часть пребывает в «спящем режиме», не прекращая, однако, своего развития.

Если обратиться к феномену «европейская безопасность», то придется констатировать, что он как раз и относится к типу актуализированных. А если ограничиться в его изучении одним подвидом источников, к примеру, речами министра иностранных дел ФРГ Х. Мааса, то на основании их информативных возможностей придется примириться с исследованием лишь идейного уровня. В случае с Х. Маасом, который никогда не был профессиональным дипломатом, это особенно интересно: ведь он, придя в МИД ФРГ, был вынужден перенимать, в том числе и благодаря усилиям спичрайтеров, устоявшиеся формулировки. Таким образом, первые месяцы нового министра иностранных дел важны и для фиксации субстанции германского подхода.

Получается, что 14 марта 2018 г., вступая в должность, Х. Маас говорил об «эрозии либерального, основанного на правилах, демократического порядка», для сохранения которого необходимы защита, обновление «прежних партнерств», поиск «новых партнеров», а также соединение военного аспекта, гуманитарной помощи и политики в сфере культуры [3]. 21 марта 2018 г. он подчеркивал, что «в последние десятилетия среда безопасности сильно изменилась», проблемы «разоружения, нераспространения и контроля над разоружением... [поставлены] на верхние строчки политической повестки дня» [4].

28 марта 2018 г. Х. Маас конкретизировал, что «[н]ам необходимо больше коллективных действий. Нам нужны стабильные и дееспособные мультилатералистские институты, а в качестве фундамента нашего основанного на правилах международного порядка мы нуждаемся в сильных Объединенных Нациях», в установлении «эффективных партнерств между Объединенными Нациями и такими организациями, как Африканский Союз, Европейский Союз и ОБСЕ», что предполагает «взаимосвязанную политическую стратегию, четкие цели и реалистические ожидания» [5].

24 апреля 2018 г. министр отмечал, что «[м]ировое сообщество сталкивается с множеством конфликтов и проблем. Нам всем известны ключевые понятия – изменение климата, беженцы и миграции, терроризм... Редко до этого конкуренция за глобальный порядок проходила столь остро, а потребность в интенсивном сотрудничестве была столь велика... Блокада Совета Безопасности подвергает дееспособность мирового сообщества опасному испытанию... Международное сообщество должно демонстрировать на всех фазах конфликта дееспособность... мы убеждены, что сохранение и укрепление нашего основанного на правилах порядка, с Объединенными Нациями в центре – лучший путь к созданию мира. Германия содействует предотвращению конфликтов и всеобъемлющему пониманию безопасности» [1].

16 мая 2018 г. Х. Маас размышлял следующим образом: «Знакомый нам миропорядок переживает фундаментальный слом... Принципы мультилатерализма и международного права кардинально ставятся под сомнение. Это относится к международной торговой системе и к открытым обществам. Везде мы стоим перед серьезными испытаниями. Институциональные, правовые рамки, которые нам, немцам, за последние 70 лет принесли мир и благополучие, размечаются по-новому... После 10 лет последовательных кризисов Евросоюз направляется к критической развязке. Внутри [Евросоюз] борется... с весьма серьезными эрозийными явлениями, а снаружи крупные игроки (такие как Россия, Китай и, к сожалению, в известном смысле и США) угрожают расколоть Союз... В настоящее время Европа должна закрывать бреши, которые оставляют другие... Если у нас это не получится, тогда силы, имеющие совершенно иное представление о порядке, заполнят этот вакуум. Это нужно предотвратить» [2].

Размытая на первый взгляд картинка допускает множество трактовок и несколько вариантов расстановки акцентов. Однако интерпретационное поле, которое каждый исследователь будет формировать по-своему, окажется и частично универсальным, если не упускать из виду феномен «европейская безопасность». Ведь придется говорить о том, что 1) европейская безопасность как часть «либерального, основанного на правилах, демократического порядка» подвержена эрозии, которая происходит в условиях «конкуренции за глобальный порядок»; 2) разоруженческая проблематика приобретает особое значение; 3) Германия заинтересована в эффективно работающих

коллективных институтах; 4) эффективность подобных институтов должна, по мнению Федеративной Республики, обуславливаться наличием стратегии, сотрудничеством (к примеру, ООН и Африканского союза) и дееспособностью; 5) Европа должна понимать свою долю ответственности и вносить собственную лепту в решение актуальных проблем.

Исходя из этого, возможны, как минимум, три интерпретации европейской безопасности в представлении Х. Мааса: 1) это эрозируемый феномен; 2) это феномен, наполняемый новым содержанием, новым проблемным комплексом; 3) это феномен поиска институциональной рамки. В первом случае дальнейшее исследование будет строиться на выявлении черт эрозии, оценке опасности ее отдельных проявлений. Второе понимание европейской безопасности может выделить иерархию и проанализировать приоритетные темы, а третья интерпретация будет полезна для изучения истории институтов.

Феноменологизация, таким образом, препятствует разрыхлению предмета исследования, повышает значимость выводов, способствует диалогу ученых не только через обмен фактами, что, конечно, интересно, но менее ценно, нежели выстраивание совместных научных программ и получение дополняющих друг друга результатов. Она является основным условием правильного определения предмета в работах по новейшей истории.

Коллеги могут возразить, что феномены важны и для работ по другим историческим периодам и будут несомненно правы. Однако только специалистам по современности приходится учитывать их ограниченный набор и особую значимость для результатов собственного научного труда. Поэтому крайне важно составить список феноменов, прописывать границы изучения, выработать примерные алгоритмы, поскольку задача исследования современного исторического периода – это не просто собирание фактов, но и их первичная интерпретация, что существенно облегчит работу последующему поколению историков, когда станут доступны архивные документы. Без феноменологизации теперешние работы подвергаются опасности быстрого обесценивания.

Все это обуславливает тесное сотрудничество источниковедов и историков, занимающихся новейшей историей, концентрацию усилий источниковедов не только на описании особенностей «интернетовских источников», но и на рассмотрении смежных проблемных комплексов, к примеру, соотношения отдельных (под)видов источников и феноменов, включая формулирование потенциальных алгоритмов отбора документов и определение примерных границ конечного результата. В этой связи феноменологизацию вполне можно охарактеризовать в качестве некоего вызова современному источниковедению, потому что, с одной стороны, источники, как показано выше, нужны для фиксации вариантов последующей интерпретации феномена, с другой – для более глубокого и четкого изучения этого периода, «действительности такой, какая она есть на самом деле».

1. Rede von Außenminister Heiko Maas beim High-Level Event on Sustaining Peace der VN-Generalversammlung, 24.04.2018. – [Электронный ресурс] // <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-uno-sustaining-peace/2005914>. – Дата доступа: 20.02.2019.
2. Rede von Außenminister Heiko Maas vor dem Deutschen Bundestag in der Haushaltsdebatte, 16.05.2018. – [Электронный ресурс] // <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-bundestag-haushalt/2081408>. – Дата доступа: 20.02.2019.
3. Rede des Bundesministers des Auswärtigen Heiko Maas zum Amtsantritt am 14. März 2018 in Berlin. – [Электронный ресурс] // <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-des-bundesministers-des-auswaertigen-heiko-maas--862334>. – Дата доступа: 22.02.2019.
4. Rede von Außenminister Heiko Maas vor dem Deutschen Bundestag zum Bericht der Bundesregierung zum Stand der Bemühungen um Rüstungskontrolle, Abrüstung und Nichtverbreitung sowie über die Entwicklung der Streitkräftepotenziale (Jahresabrüstungsbericht 2017), 21.03.2018. – [Электронный ресурс] // <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-bundestag-jahresabruestungsbericht-2017/1794624>. – Дата доступа: 22.02.2019.
5. Statement von Außenminister Heiko Maas in der Debatte des UN-Sicherheitsrates zur Zukunft der UN-Friedensmissionen, 28.03.2018. – [Электронный ресурс] // <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/rede-vn/1852740>. – Дата доступа: 24.02.2019.

Белявский А.М.

«ЧЕЛОВЕК БОГ ВЕСТЬ ОТКУДА»: К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ ОПИСАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВИЗУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

...Белое лицо крепкого седого старика ярким пятном светится в темном обрамлении вырезанного из черно-белой фотографии костюма и грязно-коричневого фона с надписью: Tom Russell – The man from God knows where. Это не Том Расселл, известный американский исполнитель фолк-музыки, выпустивший музыкальный альбом с такой обложкой [3], но определенно «Человек Бог весть откуда». Описанный диск в 1999 г. произвел небольшую, но заметную революцию в довольно редком в популярной музыке жанре фолк-оперы, вознеся Тома Рассела на новые высоты коммерческого успеха. Американская история его семьи с ирландскими и норвежскими корнями, которой был посвящён альбом, стала отправной точкой для ещё целого ряда работ в подобном стиле. Но не только искусствоведам и любителям музыки этот альбом может быть интересен и, может быть, даже принципиально важен...

Несколько лет назад (2017) в журнале «Аркайвал Сайенс» Карин Вагнер из Университета Гетеборга затронула провокационную и вместе с тем многообещающую тему: проблему соотношения институционального и персонального подхода в описании архивных документов, в частности, визуальных [5]. Используя достаточно интересное само по себе понятие «вторичного устного источника», она обратила внимание на такую специфическую особенность визуальных источников личного происхождения (фотографии, в первую очередь, конечно), как наличие элемента устной коммуникации, практически всегда сопровождающего их просмотр-показ. Каждая такая фотография, следовательно, представляет собой не только информацию о том, что непосредственно на ней изображено, но и «отсылку» к более широкому контексту памяти, своеобразному эквиваленту того, что в лингвистике принято называть «экстралингвистической информацией». Этот контекст включает в себя не просто рассказ о том, что (или кто) изображено на фотографии (когда она была сделана, по какому поводу, в какой ситуации и т.п.), но и сами *способы рассказывания*, риторические приемы, с помощью которых рассказчиком устанавливаются специфические отношения со слушателем, создается «эффект действительности». Очевидно, что традиционные правила и способы архивного описания (нейтральность, объективность) фактически удаляют этот контекст. С учетом растущего интереса как историков, так и обычных пользователей архивов к «личному голосу» в истории, вопрос о поиске возможного решения этой проблемы приобретает отнюдь не риторическую значимость. В качестве одного из примеров Вагнер рассматривает открытый фотографический архив в интернете «Historypin». На этом веб-сайте, наряду с «формальным» архивным описанием фотографий для желающих разместить свои материалы предоставляются широкие возможности по собственному усмотрению расширять описание фотографии. Но это решение только одной стороны вопроса – описания новых фотодокументов, поступающих в «открытый» архив. Более сложной представляется проблема с ранее архивированными материалами. И здесь Вагнер предлагает, пусть и в вопросительной форме, даже такой смелый шаг, как обращение к творчеству так называемой «Группы Атлас». Поскольку в русскоязычном архивном научном сообществе о нем почти ничего не писалось, необходимо сделать небольшое отступление (можно также посмотреть искусствоведческую рецензию для больших подробностей, нежели здесь будут представлены [1]).

Проект «Группа Атлас» был создан ливанским художником Валидом Раадом. По выражению английской «Гардиан» это была «одна из самых странных организаций, порождённых гражданской войной в Ливане» [4]. Валид Раад (1967 г.р.) в одних случаях утверждал, что он создал «Группу Атлас» в 1976 г., в других – что Маха Трабулси, в третьих – что все-таки он, Раад, основал данный «некоммерческий фонд» в Бейруте в 1967 г. Выставки «Группы Атлас» прошли по крупнейшим художественным салонам мира. Ее архив представлен в интернете в виде самостоятельного веб-сайта [2]. Это действительно «странный» архив: истории ливанских историков, делавших ставки на скачках на скорость работы фотографа на фотофинише; изображения и описания моделей всех машин, взорванных террористами в Ливане за время гражданской войны 1975 – 1991 гг.; снимки моторов каждой из этих машин (это единственное, что от них оставалось), сделанные сразу после взрыва; фотографии различных зданий в Бейруте, на

которых места попадания снарядов заклеены цветными конфетти; видео интервью с единственным ливанцем, захваченным в заложники во время войны (остальные – американцы); снова снимки ливанской архитектуры – черно-белые изначально, но раскрашенные и разрезанные; видеосъемка закатов над бейрутской набережной Корниш, сделанная тайком в нарушение инструкций военным оператором и т.д. Все документы разделены на группы по их «фондообразователям» и подгруппы внутри по видам документов и их сюжетам. Но... как позднее признался Валид Раад, все их авторы, включая саму «Группу Атлас», и истории к ним – вымышлены.

Как художественный проект вымышленный архив «Группы Атлас» не был связан никакими правилами и обязательствами – и в этом смысле он по-настоящему интересен профессиональным архивистам, предлагая некоторые ответы на трудные вопросы о том, как могут выглядеть результаты некоторых «запрещенных» действий, нарушений правил. В частности, придуманные истории к реальным фотографиям. Однако вымысел Валида Раада совсем иного рода, нежели популярные «альтернативные истории». Он одновременно персонализирующий (не зря его упоминает Карин Вагнер) и типизирующий. Он позволяет не просто «оживить» конкретную фотографию, а создаёт многоуровневый интерпретативный контекст, поскольку в равной степени может быть отнесён и к бесконечному множеству отсутствующих, не сохранённых, но аналогичных данной, фотографий – поскольку он и привязан, и не привязан к ним всем, он – о том, что могло бы быть с ними всеми.

Музыкальный альбом Тома Рассела обладает таким же свойством. Помимо песен, собственно музыкальной составляющей, он, как принято, имеет ещё и визуальную часть – буклет к компакт-диску. Именно она в сочетании с текстами песен (также присутствующими в буклете), и делает этот диск особенным и в архивном, и в источниковедческом смысле. Буклет представляет собой своеобразный семейный фотоальбом автора с рассказами о каждом снимке. Однако Том Рассел ставил гораздо более амбициозную цель, чем простое воспевание своей родословной. Фактически, текст первой песни – своеобразный пролог, достаточно характерный для концептуальных альбомов – выступает в качестве «декларации о намерениях». Сквозь призывы воскресить память о предках (“So its rise up all you ancestors, and dance upon your graves”, “Cursed are we who forget the past”¹) и противопоставить ее официальной истории, лощеной и театрализованной (“I’ve heard the sound of Indian drums I’ve heard the bugles blow/ Before they re-wrote history, into a Wild West Show”²), очень выразительно проступает намерение максимально типизировать свою личную историю, показать ее как историю «простой», «повседневной» Америки и рядовых американцев. Безымянный персонаж, от лица которого ведется повествование в первой песне («Человек Бог весть откуда») и в некоторых последующих, в первом же куплете объявляет о своей претензии на универсальность характера, которую только подчеркивают отдельные черты реального отца Тома Рассела – Чарли, бродяги и авантюриста:

Come gather round me children, the story I will tell
I’ve been around since Jesus met the woman at the well
I’ve walked these roads ten thousand years, I’m a ragtime millionaire
I am the rake and the rambling saint, the man from God knows where³

В последующих песнях, многие из которых также написаны от первого лица, но при этом прямо называющего свое имя (“My name is Patrick Russell”, “My name is Mary Clare Molloy”,

¹ «А ну, вставайте, предки, и танцуйте на могилах», «Прокляты мы, те кто забыл прошлое». (Перевод *десъ и далее мой* – А.Б.).

² «Я слышал звук индейских барабанов, я слышал горнов клич/ До того, как они переписали историю в шоу Дикого Запада*» (*здесь имеется в виду «шоу Буффало Билла» – театральные популярные представления Уильяма Коди (Буффало Билла) с участием реальных ковбоев и индейцев, включая легендарного вождя Сидящего Быка, с которыми Коди объездил Соединенные Штаты и даже побывал в Европе в 1880 – 1900 гг., создавшие в массовой культуре устойчивые клишированные образы. Сидящему Быку посвящена отдельная песня и фотография в альбоме («Сидящий Бык в Венеции»)).

³ Собирайтесь, дети, вокруг меня, я расскажу вам историю/ Я был здесь с тех пор, когда Иисус встретил женщину у колодца/ Я бродил по этим дорогам тысячи лет, я нелепый миллионер/ Я распутник и странствующий святой, человек Бог весть откуда.

“My name is Ambrose Larsen”¹ и т.д., всего из 26 песен таких текстов 7) регулярно – причем именно в этих текстах – используется рефрен “I’m an American Primitive man/ In an American Primitive land”², отсылающий к цитате Джека Керуака, которую Том Рассел приводит в авторской аннотации альбома на второй стороне обложки: “There was another America out there that remained unsung: a rawer, more primitive America where the spirit had not been tamed by the restless machine of modern materialism”³. Вероятнее всего, с этой же целью все фотографии в буклете оставлены без подписей (их по сути заменяют песни), кроме последней, закрывающей буклет – изображение Чарли Рассела в кругу детей, на которой есть подпись «Сезонные поздравления от Расселов».

Все эти песни-рассказы повествуют о той самой «простой» жизни «простых американцев» (иммигрантов и их потомков), наполненной тяготами ежедневной борьбы за существование и изредка простыми удовольствиями, вроде виски или танцев. В целом их содержание, как и сам акцент на повседневность, для современных историков интересны, но никаких принципиально новых горизонтов не открывают. Гораздо важнее обратить внимание на то, какими выразительными средствами была решена задача типизации героев и сюжетов.

Первым и основным инструментом здесь выступает само название фолк-оперы. Том Рассел использовал случайное полное совпадение своего имени с именем одного из выдающихся деятелей ирландского освободительного движения конца XIX в., Томаса Рассела, повешенного в 1803 г. В Ирландии о нем сложено немало авторских и анонимных баллад и стихотворений. Одно из самых известных, написанное Флоренс Мэри Уилсон, предположительно в 1918 г., называется “The Man from God Knows Where” («Человек Бог весть откуда»). В нем Томас Рассел, уроженец южного графства Корк, представлен в виде незнакомца, «Бог весть откуда» появившегося среди повстанцев на севере, в Ольстере [6]. Его условная обезличенность на фоне ряда конкретно упоминаемых имен (Джо Мур, Вулли Скотт, Уорвик, Мак-Ки) позволяет трактовать этот образ как обобщенного народного героя. Американский Рассел с помощью этого же приема сумел одновременно и связать себя с ирландскими предками с их вековой традицией сопротивления, и обезличить – через ассоциацию с одноименным прототипом.

Еще одним средством типизации стало обращение Тома Рассела к формам и языку уличных баллад, перекочевавших из Ирландии и Англии в Соединенные Штаты. Приведенный выше первый куплет первой песни начинается со слов “Come gather round me...” – традиционного зачина типа “come-all-ye”. Он дословно встречается в альбоме два раза, плюс одна вариация: “come all ye rounders”⁴. Начало песни с названия героя, от лица которого ведется рассказ – другой, не менее распространенный в уличных балладах зачин (ср.: “Come all you loyal heroes” [7, p. 149], “Come all you true born Irishmen” [7, p. 152], “Come all you worthy members” [7, p. 154], “Come all ye Roman Catholics” [7, p. 195], “Come all you good people... My name is George Clayton” [7, p. 156] (сразу оба зачина в одном тексте!), “I am a bold true Irishman, John Mitchel is my name” [7, p. 239], “My name is Patrick Sheehan” [7, p. 245], “My name it is Patrick O’Donnell” [7, p. 284]⁵ и т.д., и т.п. в огромном количестве в сборнике песен – приложении к классической работе Жоржа-Дени Циммермана об ирландских повстанческих балладах). Здесь важно отметить, что широко распространенное в ирландских уличных балладах название имен героев было именно традиционным приемом, применявшимся в равной степени и для реальных, и для вымышленных персонажей. Он позволял придать песне привычную для слушателей форму, звучать убедительно, а зачастую и просто решить обычную проблему «как начать?». В этом

¹ «Меня зовут Патрик Рассел» и т.д. Названия песен соответствуют имени персонажа: “Patrick Russell”, “Mary Clare Molloy”, “Ambrose Larsen” и т.д.

² «Я – Простой Американец/ в Простой Америке».

³ «Там была другая Америка, оставшаяся невоспетой: более грубая, простая Америка, где дух не был укрощен неумолимой машиной современного материализма».

⁴ «Собирайтесь, забудьдги».

⁵ «Собирайтесь, верные герои», «Собирайтесь, истинные ирландцы», «Собирайтесь достойные члены [братства]», «Собирайтесь, католики», «Собирайтесь, добрые люди... Меня зовут Джордж Клейтон», «Я – настоящий храбрый ирландец, Джон Митчел – мое имя» и т.д. Названия песен по порядку цитирования (в скобках – датировка): “Billy Byrne of Ballymanus” (1799), “Captain Doorley and the Boyne” (1798), “Michael Boylan” (1798), “The Battle that was Fought in the North” (с. 1830), “General Munroe” (1798), “Mitchel’s Address” (1848), “Patrick Sheehan” (1857), “Patrick O’Donnell” (1883).

случае упоминание имен, пусть и реальных, создает обратный эффект: через традиционность формы обезличивает их, что и нужно было Тому Расселу.

Не только в зачинах, но и в целом большинство песен альбома написано характерным для английских (шотландских, ирландских, американских) народных и уличных баллад безыскусным языком, с использованием соответствующих идиом и фраз. Манера повествования, примененная Расселом, близка к более поздним по происхождению балладам – сюжет представляет собой последовательное изложение событий (в то время, как для ранних народных баллад – до XVIII в., типичны внезапные интервенции без объясняющих преамбул). Метрическая структура практически всех песен также повторяет структуру народных баллад – как правило, это строфа, состоящая из четырех строк, в которых рифмуются только вторая и четвертая (схема abcb). Первая и третья строки обычно насчитывают по четыре ударения, вторая и четвертая – по три.

Таким образом, обращение к традиционным способам стихосложения при сочинении собственных песен позволило Расселу как бы включить своих героев в бесконечный ряд фольклорных персонажей. Этим путем частично вымышленным рассказам к семейным (и не только) фотографиям Рассел придает легитимность иного порядка – достоверность относительно народной традиции. И с этой точки зрения фолк-опера «Человек Бог весть откуда» намекает нам на возможный ответ на вопрос Карин Вагнер.

1. Толстова, А. Ливанские художественные войны [Электронный ресурс] / А. Толстова // Коммерсантъ Weekend. – 2010. – № 44. – С.12. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1533798>. – Дата доступа: 02.03.2019.
2. The Atlas Group Archive [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.theatlasgroup.org>. – Date of access: 02.03.2019.
3. Russell, T. The man from God knows where [audio record] / T. Russell; produced by E. Hillestad. – Kirkelig Kulturverksted, Norway, 1999, FXCD 209. – 1 CD.
4. Searle, A. True lies [Electronic resource] / A. Searle // The Guardian. – Dec. 6, 2005. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2005/dec/06/syria.middleeast>. – Date of access: 02.03.2019.
5. Wagner, K. The personal versus the institutional voice in an open photographic archive / K. Wagner // Archival Science. – 2017. – Vol. 17, issue 3. – P. 247 – 266.
6. Wilson, F.M. The man from God knows where [Electronic resource] / F.M. Wilson // The Devlin Family on-line. – Mode of access: <http://www.devlin-family.com/TheMan.htm>. – Date of access: 02.03.2019.
7. Zimmermann, G.-D. Songs of Irish Rebellion. Political street ballads and rebel songs 1780 – 1900 / G.-D. Zimmermann. – Dublin: Allen Figgis, 1967. – 342 p.

Костякова Ю.Б.

ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ С ПОЗИЦИИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Историческая тематика сохраняет свою популярность на современном телевидении, что обуславливает обращение журналистов к различным эпохам, событиям и персоналиям прошлого. На федеральных и региональных общественно-политических телеканалах наиболее полно данная тема находит отражение в специальных проектах. Их реализация предполагает регулярное представление аудитории исторической информации в форме отдельных передач или рубричных сюжетов в составе информационных выпусков. Благодаря этому у телезрителей удается сформировать комплексное представление о значимых событиях и явлениях, имевших место в стране (например, Великая Отечественная война) или в отдельных регионах, об истории территорий, народов, организаций, вещей, культурных феноменов и т.д.

Обращение к исторической теме происходит под влиянием целого ряда факторов и, прежде всего, политического. Телевидение является наиболее эффективным и действенным СМИ, что позволяет использовать его в формировании культурной и исторической памяти. Но оно также служит и инструментом пропаганды, что обуславливает его применение, в том числе, для внедрения в массовое сознание определенных исторических «образов», с помощью которых можно манипулировать гражданами, для легитимизации власти с использованием примеров из прошлого. Кроме того, такие телепроекты удачно вписываются в концепцию патриотического воспитания, поскольку в идеале способны формировать уважительное отношение аудитории к прошлому страны и малой родины.

Но более сильное влияние на распространенность и востребованность у зрителей таких программ оказывает человеческий фактор. В.И. Пятак справедливо заметил, что стремительное развитие техногенной цивилизации приводит к увеличению отрыва настоящего от прошлого, к тому, что «связь настоящего с его истоками, с прошлым, не столь уже очевидна, как в прежние времена». В результате «нарастает отчуждение истории и культуры: появляется чужая и безжизненная история (прошрое)» [5, с. 23]. Оскудение и искажение представлений о прошлом, его «обезличенность» способны оказать деструктивное влияние на процесс и результаты самоидентификации граждан и целых народов, на изменение их социального поведения. Люди интуитивно ощущают такую опасность, что и определяет их тягу к «корням», к реконструкции семейной (родовой, национальной) истории, интерес к историческим событиям страны и малой Родины. Это, в свою очередь, определяет популярность исторических проектов и, как следствие, – их политическую, экономическую и культурную «рентабельность».

Телевизионные проекты исторической тематики представляют собой не только любопытный феномен массовой культуры, но и, на наш взгляд, интересный предмет исследования с позиции источниковедения.

Во-первых, они являются специфической формой презентации широкой аудитории исторических источников различных типов (письменные, вещественные, кинофотофонодокументы), с помощью которых происходит аудиовизуализация прошлого. При этом журналисты не подвергают их верификации. Их ценность они определяют исходя из того, насколько тот или иной источник может способствовать созданию яркого, эмоционального, запоминающегося, интуитивно понятного образа показываемой эпохи, события или персоны. В этой ситуации автор передачи не берет на себя функции историка, используя уже имеющийся источниковый материал, но облекая его в новую форму, успешно воспринимаемую широкой аудиторией.

Во-вторых, особенностью телевизионных исторических проектов можно считать то, что их создатели нередко проводят поиск новых, ранее не опубликованных источников. Это, в первую очередь, касается воспоминаний очевидцев исторических событий или их потомков, способных пересказать услышанное от старших. Не менее ценным источниковым материалом являются предметы и документы из личных, семейных архивов (письма, дневники, фотографии и проч.).

Нередкими бывают ситуации, когда журналист, особенно при обращении к региональной истории, использует в передаче документы местных архивов, ранее не задействованные профессиональными историками. Презентация перечисленных источников в телепроекте делает их достоянием общественности, вводит в медийный оборот, создает предпосылки для их введения и в научный оборот. В этой ситуации журналист выступает в роли исследователя прошлого, но на уровне, скорее, краеведа или историка-любителя, поскольку не проверяет подлинность обнаруженных источников и содержащейся в них информации. Но его вклад в расширение источниковой базы исследований по той или иной тематике может быть весьма существенным.

В-третьих, такие телепроекты можно условно назвать «визуализацией традиционных способов репрезентации результатов исторического исследования» (Л. Мазур), проводимой журналистами, в том числе и с помощью профессиональных историков. В итоге ученый, заинтересованный в пропаганде с помощью телевидения своих гипотез, научных идей или видения прошлого, вынужден больше внимания обращать не на вербализацию, а иллюстрацию презентуемых источников, их выгодное представление телезрителям. Это приобретает особую актуальность в условиях, когда происходит переориентация людей с вербального на визуальный способ восприятия медиаинформации, то есть главным персонажем аудитории становится «*homo vultus*» (человек смотрящий).

«Восприятие визуального образа требует совершенно иных логических операций по сравнению с письменным текстом или устным словом, что снижает критичность мышления, так как картинка дается в целостности одномоментно, ярко и броско, не требуя долгого вчитывания и размышления. В итоге, через господство визуализации происходит эстетизация политики» [1, с. 186], но также, как мы полагаем, и истории, в которой визуальные образы прошлого начинают преобладать над вербальными. И в процессе внедрения визуальных исторических образов в массовое сознание и репрезентации исторической информации телевидение в настоящее время играет ведущую роль.

В-четвертых, телепроекты рассматриваемой тематики могут быть предметом исследования, представляющим несомненный интерес для историков, которые изучают становление визуальной культуры, истории визуализации прошлого, истории телевидения как СМИ и культурного феномена, но также и истории источниковедения. Даже поверхностный анализ исторических телепроектов позволяет судить о том, насколько тот или иной период «обеспечен» аудиовизуальными источниками. Так, например, доэкранный период, в основном, иллюстрируется с использованием письменных и предметных источников. Для визуализации событий первой половины XX века – до начала массового телевидения и целенаправленного создания архивов фоно- и видеодокументов – используются преимущественно фотографии, аудиозаписи выступлений известных исторических персон, кинохроника. Особенно наглядно это видно в передачах, посвященных Великой Отечественной войне.

Телевидение с момента организации массового телевидения (вторая половина 1950-х гг.) приобщилось к процессу визуализации истории: как фиксатор происходящих событий, хранитель созданных записей (аудиовизуальных документов). На наш взгляд, именно с созданием данного СМИ кинофотофонодокументы стали формироваться как комплекс исторических источников, обладающих определенной общностью (носителей информации, назначения и использования), особенностью документирования событий и явлений с помощью специальных технических средств и оборудования, отражения их в различной форме на пленочном или другом носителе информации. И в этом процессе особую важность имеет творческий подход к созданию таких документов, которые отчасти можно рассматривать и как произведения искусства [2, с. 7].

С развитием техники фиксации и сохранения звука и изображения расширился выбор и возможности использования таких источников. Это привело к так называемой «телевизионизации» истории, когда именно видеозаписи выступают одним из значимых источников информации о недавнем прошлом.

Важным моментом, на наш взгляд, является массовая оцифровка записей, создание электронных фонотек, фото- и видеоархивов и обеспечение свободного доступа к ним в сети Интернет. Это расширяет возможности создателей телепроектов в иллюстрации сообщаемой информации и визуализации раскрываемой темы. В итоге телеконтент исторической тематики становится более привлекательным для зрителей, повышается его способность оказывать на них эффективное воздействие.

Визуализация исторических событий и явлений, прежде всего, с использованием ресурсов и возможностей телевидения, вписывается в современную концепцию визуального поворота в исторической науке и, в частности, таких новых направлений, как визуальная история или исторические реконструкции [3, с. 164]. Работая с телепроектами как источниками, историк имеет возможность использовать такой метод исследования как наблюдение, ранее не входивший в состав традиционной исторической методологии. Исследователь, даже не участвуя в создании исторических проектов, в отборе и верификации используемых источников, тем не менее, имеет возможность деконструировать образ прошлого, отраженный в телепередачах такой тематики, интерпретировать его с научных позиций, с учетом особенностей эпохи и контекста, в которых он был создан, степени творческой свободы журналистов.

Л.Н. Мазур справедливо заметила, что понятие образа в работе с визуальными источниками является ключевым, определяющим «всю методику работы историка». Исследователь выделила этапы анализа аудиовизуальных источников на примере художественных фильмов. Однако применительно к телеконтенту, на наш взгляд, историк должен сосредотачиваться на конструировании «исторической реальности на основе оценки зафиксированных информационных элементов с учетом их образного решения». При этом полученные представления нуждаются в обязательной верификации «путем сравнения с другими источниками информации» [4, с. 105–106].

Можно констатировать, что аудиовизуализация прошлого условно делает зрителя, и историка в том числе, свидетелем прошлого, отдельных его событий, эпизодов, явлений, акторов, запечатленных на аудиовизуальных носителях. В результате телевидение, транслируя в большей степени не знания, а исторические образы, превращает историю в факт общественного (массового) сознания.

Телевизионные исторические проекты можно назвать средством сохранения и презентации источников, что повышает их значимость с позиции историографии. Телевизионный контент и сам является источником, использование которого возможно реконструировать образы прошлого, являющиеся неотъемлемой составляющей памяти. Следовательно, итогом исследования такого источникового комплекса (в синхронии и диахронии) могут стать, например, научные представления о динамике изменений исторических образов под влиянием различных факторов. Но также о состоянии и содержании исторической и культурной памяти представителей различных поколений.

1. Зенкова, А. Ю. Визуальные исследования как интегральная область социально-гуманитарного знания / А. Ю. Зенкова // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 5. – С. 184–193
2. Магидов, В. М. Кинофотофонодокументы: проблемы историографии, архивоведения и источниковедения: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В. М. Магидов. – М., 1993. – 36 с.
3. Мазур, Л. Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания / Л. Н. Мазур // *Quaestio Rossica*. – 2015. – № 3. – С. 161–178.
4. Мазур, Л. Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования / Л. Н. Мазур // *Диалог со временем*. – 2014. – №46. – С. 95–108.
5. Пятак, В. И. Образ истории в историческом сознании современности / В. И. Пятак // *Вестник ДВГСГА. Гуманитарные науки*. – 2011. – № 1/1(7). – С. 20–25.

Середа Н.В.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ВИЗУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Любой письменный источник, попадающий в поле внимания историка, содержит в себе элементы визуальной информации. Важнейшую информацию может дать графика документа, оттиск печати, имеющиеся в тексте помарки, подчистки, исправления и т.п. Традиционно историки при издании текстов источников лишь в незначительной мере передают визуальную информацию публикуемого документа. Предисловие сообщает о качестве материального носителя, его повреждениях, о водяных знаках, если носителем информации является бумага, о формате памятника, об особенностях изготовления переплета: материал, размер, украшения.

Необходимость фиксации визуальной информации при подготовке документов к изданию хорошо осознается специалистами в области дипломатики. Ими накоплен большой опыт по изданию актов Древнерусского государства. Этот опыт обобщен в монографии С.М. Каштанова, в которой автор дает обзор современных принципов издания латинских грамот и анализирует новейшие российские публикации актов. Особое внимание С.М. Каштанов уделяет проблемам отражения в публикациях текстов актов элементов визуальной информации: составлению легенд, описанию водяных знаков, печатей [3, с. 202–210].

Вопрос о важности сохранения элементов визуальной информации неоднократно рассматривался исследователями на конференциях, совещаниях. Вопросам издания писцовых и переписных книг и других массовых источников по истории и культуре России был посвящен «круглый стол» в ходе XII Всероссийской конференции, посвященной памяти Василия Васильевича Крестинина [5, с. 400–420]. В ходе обсуждения речь шла прежде всего о документах допетровского времени. Участники обсуждения сошлись на мнении, что недопустимо игнорировать внешние признаки текста, в том числе выносные буквы, буквы вышедшие из употребления [5, с. 407]. Эти особенности текстов должны быть зафиксированы и отражены в публикациях. Благодаря прошедшим дискуссиям, специалисты в области писцового делопроизводства выработали общие приемы и подходы к изданию этих документов, что способствовало активизации работы по изданию текстов писцовых и переписных книг в начале XXI столетия.

Что касается других видов источников, особенно источников личного происхождения, то их издание в ряде случаев кажется вообще не подчиняется «Правилам издания исторических документов» [7, 8]. Издание документов личного происхождения не обеспечено методически, при том что явно наблюдается активизацией внимания читающих людей к жанру биографии и не-

посредственный интерес общественности к дневникам и мемуарам известных деятелей литературы и искусства, политиков, военачальников и даже простых людей, живших в интересные исторические периоды. Читатели все чаще стремятся «окунуться в прошлое с головой» и выносить ему самостоятельные оценки. Это – обратная сторона кризиса доверия к исторической науке. Это новая историографическая ситуация и она диктует, в числе прочего, более жесткие требования к правилам издания исторических источников. Потребность в отражении визуальной информации источника становится все более актуальной. Визуальная информация имеет огромное значение не только для датировки документов, но и для понимания среды, в которой жил автор, а также для более глубокого понимания его личности. Ее наличие повышает степень доверия/недоверия к информации источника, помогает определить жанровую принадлежность документа личного происхождения, с одной стороны, и позволит источникововедам уточнить признаки отдельных жанров документов личного происхождения, с другой.

Вследствие недостаточной разработки правил и принципов публикации документов новейшего времени некоторые группы исследователей при коллективной работе по подготовке публикаций таких документов создают для работающего коллектива своеобразные инструкции по подготовке документов к публикации, адаптируя их к целям, типам, видам и формам издания. Такой нормативно-методический документ был создан для коллектива сотрудников Института истории и археологии УрО РАН при подготовке к изданию серии «Россия 1917 года в эго-документах» [9; 10]. По словам руководителя проекта, тексты воспроизводятся главным образом в соответствии с «Правилами издания исторических документов» 1990 г. При этом участниками проекта намеренно нарушено одно из требований этих правил – требование передачи текста источников посредством использования современных правил правописания. По мнению Н.В. Суржиковой – ответственного составителя и научного редактора издания, «в случае с эго-документами оно видится неприемлемым, поскольку препятствует сохранению их аутентичности» [10, с. 9–10].

Никакие Правила не в состоянии предусмотреть все возможные проявления визуальной информации в публикуемом источнике, но археограф должен осознавать важность отражения визуальной информации источника и подчас ему необходимо проявить творческие способности, чтобы зафиксировать эту информацию и сделать ее предметом размышления других исследователей. И тут, к сожалению, у нас имеются, наряду с примерами уважительного отношения к элементам визуальной информации, примеры полного пренебрежения ими.

Проанализируем несколько изданий документов личного происхождения.

Новосибирские ученые подготовили к публикации и издали серию мемуаров сибиряков. В 2003 г. вышли из печати мемуары сибиряков XIX в. [6]. Все включенные в это издание мемуары сопровождаются многочисленными подстрочными примечаниями, которые позволяют читателю зримо представить, как выглядит автограф. Составители издания следуют положениям «Правил издания исторических документов в СССР» и оговаривают все случаи авторских исправлений, приводят тексты записей и помет, сделанные на полях и между строк автографа. В примечаниях переданы зачеркнутые авторами слова, части фраз и целые фразы. В публикации воспоминаний В.С. Кропоткиной составители нашли возможность отразить большое по объему авторское примечание, которое представляет собой выписку В.С. Кропоткиной из воспоминаний участника народнического движения М Фроленко «Записки семидесятника» [12], в которой повествовалось о занятиях народников с рабочими Москвы и Петербурга [6, с. 153]. Текстуальные примечания в этом издании находятся в нижней части страниц и обозначены буквами кириллицы. Комментарии по содержанию пронумерованы арабскими цифрами и имеют валовую нумерацию в рамках каждого публикуемого текста; расположены эти комментарии в конце книги [6, с. 243–311]. Авторы нашли возможным также отразить содержание черновых вариантов некоторых частей воспоминаний В.С. Кропоткиной [6, с. 137].

Документы личного происхождения являются предметом внимания не только историков, но и филологов, подход к изданию некоторых из них вызывает по крайней мере недоумение. В 2002 г. в Твери была опубликована книга с текстами двух памятников личного происхождения тверских купцов [2] В публикацию вошла достаточно известная, впервые изданная еще в начале XX в. «Летопись» Михаила Тюльпина и впервые издаваемый крайне интересный и очень сложный по структуре так называемый «дневник» Блиновых [2]. Составитель этой публикации филолог

Е.И. Барклай подошла к публикуемым источникам прежде всего как к ценным лингвистическим источникам. В издании сохранены особенности написания авторами некоторых сложных, заимствованных из иностранных языков слов, например «боргомистр», а также фонетические варианты слов, которые автор обозначает как «тверские»: леменация вместо иллюминация, паточина, байдашный. Сохранена простонародная и профессиональная лексика: бут, бутить, волоковое окно и др. Составителем сохранены и выделены жирным шрифтом вышедшие из употребления буквы кириллического алфавита, которые очень активно употребляли авторы документов: ер, ерь, фита, омега [2]. Сохраняя в тексте публикации авторские особенности написания некоторых слов, И.Е. Барклай в подстрочнике отмечает, как следует правильно читать эти слова. При этом фамилии государственных деятелей: губернаторов, заместителей – переданы в том виде, как они зафиксированы в автографах, без объяснений, как они писались на самом деле.

Составитель публикации оставила без внимания все элементы изобразительной информации, имеющиеся в тексте в очень большом количестве. Прежде всего – это многократные изменения почерка. Записи в дневнике Блиновых сделаны самыми разными вариантами почерка: на одних страницах мы встречаем изящный, летящий начерк букв, присущий лишь человеку, много пишущему; в то же время на некоторых страницах рукописи записи сделаны неумелой, я бы сказала неуклюжей, рукой человека, которому с огромным трудом дается начерк петель букв «д» и «у» – петли несоразмерно велики и объемны по отношению к остальным элементам букв [1]. Может показаться, что это страницы из учебной тетради ученика, осваивающего грамотность. Детальное изучение графики и особенностей каждого из почерков «дневника» Блиновых позволяет утверждать, что к ведению этого документа были причастны, кажется, все члены семьи, включая женщин и детей.

Никак не оговариваются в публикации Е.И. Барклай многократные случаи смены чернил и пера, а также позднейшие приписки к тексту. Эти приписки вносились другими чернилами, другим пером, а иногда и другой рукой. Эти дополнения достаточно легко вычлениваются в основном тексте рукописи, они придают источнику характер исторического нарратива и документа мемуарного жанра. Обратим внимание читателей лишь на один пример. В дневнике Блиновых 1772-м годом датирована запись о том, что «у Покрова церковь каменная сделана и отбелена совсем месяца сентября». А далее имеется приписка: «1774 году октября 1-го дня освящена» [1, л. 3 об.]. В издании, подготовленном Е.И. Барклай не оговаривается ни одного случая таких дополнений к тексту. При таком пренебрежении к элементам визуальной информации мы рискуем утратить огромный пласт данных, связанных как с внешней, так и внутренней критикой источника; мы также теряем сведения о социо-культурном контексте, в котором проходила жизнь авторов источника личного происхождения.

Сохранение в публикации сведений о визуальной информации памятника важно еще и потому, что сведения о наличии таких приписок позволяют рассматривать опубликованные памятники как эго-документы и открывают перед современным источниковедением огромные возможности для развития. Наличие этих добавлений к основному тексту позволяет думать, что авторы периодически перечитывали свои ранее сделанные записи, то есть написанный ими текст выполнял автокоммуникативные функции, и это обстоятельство придает ему свойства эго-документа. Перечитывание текста позволяло авторам «обозревать путь», пройденный ими [11].

Таким образом, сохранение элементов изобразительной информации публикуемых текстов расширяет возможности ученых для их исследования и интерпретации. А в рассмотренном случае передача при издании текста элементов изобразительной информации вносит дополнительный вклад в дискуссию о судьбах эго-документов в России.

1. Государственный архив Тверской области (ГАТО). – Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1137.
2. Дневники тверских купцов / сост. И. Е. Барклай (Макарова). – Тверь : ТГТУ, 2002. – 92 с.
3. Каштанов, С. М. Актовая археография / С. М. Каштанов. – М. : Наука, 1998. – 318 с.
4. Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века. – М. : РОСПЭН, 2007. – 470 с.
5. Массовые источники истории и культуры России XVI – XX вв. : материалы XII Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России XVI – XX вв.: проблемы изучения и издания», посвященной памяти Василия Васильевича Крестинина (1729–1795). Архангельск, 19–23 июня 2001 г. – Архангельск : Правда Севера, 2002. – 429 с.
6. Мемуары сибиряков XIX век / сост. Н. П. Матханова. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. – 343.[2] с.

7. Правила издания исторических источников. – М. : Главархив, 1990. – 81 с.
8. Правила издания исторических источников в СССР. – М. : тип. Главполиграфпрома, 1969. – 112 с.
9. Россия 1917 года в эго-документах. – М. : Политическая энциклопедия, 2016. – Т. 1 : Воспоминания. – 512 с.
10. Россия 1917 г. в эго-документах. – М. : Политическая энциклопедия, 2018. – Т. 2 : Дневники. – 678 с.
11. Троицкий, Ю. А. Аналитика эго-документа: инструментальный ресурс историка / Ю. А. Троицкий // История в эго-документах: исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург : Издательство «АсПУР», 2014. – С. 14–31.
12. Фроленко, М. Записки семидесятника / М. Фроленко. – М. : Историко-революционная библиотека журнала «Каторга и ссылка», 1927. – 339 с.

Лякишева С.И.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ФИРМЕННОЙ БУМАГИ РУССКОГО И ИНОСТРАННОГО ПРОИЗВОДСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЭКСПОНАТОВ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ «ЯСНАЯ ПОЛЯНА»)

В домашних библиотеках дворянской усадьбы формировался уникальный рукописный фонд по рукоделию. Выделка ковров, шитье из кожи, изготовление полотен – льняного и суконного, золотошвейное шитье, вышивка в пальцах гладью, вышивка бисером, вышивка волосом, вязание спицами, вязание крючком – классическим и тунисским, вязание на рогульке, кружевоплетение, шитье ручное и машинное, стежка одеял, штопка, валяние, – эти виды техники рукоделия практиковались в Ясной Поляне. Усадебные мастерицы рисовали или копировали множественными способами схемы для вышивания, кружевоплетения, и со временем у них накапливалась индивидуальная подборка бумажных носителей, которой не только пользовались в быту, но и старались передать её следующему поколению. Беречь такой фонд было непросто: бумажные схемы быстро ветшали и приходили в негодность. Чудом сохранившиеся стали редчайшими экспонатами отечественных музеев. Они несут владельческую информацию о вкусе в области моды и предпочитаемых видах рукоделия. Примером образцового хранения печатной продукции по рукоделию является яснополянский дом, где строгую систему в содержании бытовых вещей соблюдала Софья Андреевна Толстая. В частности, ей удалось сохранить так называемую «Папку Т.А. Ёргольской». Она представляет собой обширное собрание рабочего материала для рукоделия – вырезки, выкройки, а также схемы, собственноручно выполненные на писчей бумаге разных производителей. Одно из основных её свойств – чернильный текст и изображение не расплываются и не переходят на другую сторону листа. Для этого во время работы бумаги добавляли растворенный растительный клей. За качество отвечали производители, которые штемпелевали свою продукцию.

Работая со старинными бумажными носителями информации из «Папки Т.А. Ёргольской», обращаясь к книге С.А.Клепикова «Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв.». Несмотря на то, что многие штемпели сохранились в полустёртом виде, постепенно удалось установить года выпуска бумаги, а также её фирму-производителя.

Из четырех отечественных фабрик наиболее полно представлена продукция Асьевской фабрики, 1846, 1847 и 1852 годов, с разными штемпелями:

- 1) «АСЬЕВСКОЙ / № [Ц] / ФАБРИКИ» овальный – 1846 год.
- 2) На вытянутом в длину гербовом щите «Асьевская фабрика», текст слева и справа от щита, ширина штемпеля 17 мм – 1847 год.
- 3) «АСЬЕВСКОЙ / ФАБРИКИ [по овалу] // А [в овале]» – 1852 год. На этой бумаге выполнен цветочный узор.

Кроме того, выкройка детского чепчика нарисована на бумаге, произведённой в Медынском уезде Калужской губернии, со штемпелем: «ТРОИЦКОЙ / № ГОВАРДА [Ц] / ФАБРИКИ», прямоугольным, со срезанными углами – 1850 год.

Имеется бумага из Смоленской губернии, со штемпелем: «ФАБРИКИ / № АМ [на гербовом щите под дворянской короной] [Ц] / БАРЫШНИКОВА», прямоугольным, со срезанными углами – 1867 год.

Выкройка воротника выполнена на бумаге со штемпелем: «ЗНАМЕНС. ФАБР. [по овалу] – овальная под короной» – 1843–1845 годов.

Иностранные (французские) бумажные фабрики тоже внесли свою лепту в формирование фонда яснополянского музея.

В «Папке Т.А. Ёргольской» хранятся их следующие образцы со штемпелем: «LAROCHER DUCHER LE JEUNE ET C^o / ANGOULEME [по овалу] // [корона (в овале)] Angouleme (Ангулем, Франция) – это может быть как 1842 год, так и 1846 или 1847 года.

Выкройка детского чепчика с мелким растительным узором для вышивания выполнена на бумаге иностранного производства MARION [на гнутом прямоугольнике, вписанном в фигурный щит, вверху – корона, внизу замыкающая концовка] – Paris, 1852 год.

Еще один образец – штемпель «PARIS [под короной; окаймлен (снизу) двумя лавровыми ветвями], прямоугольный, со срезанными углами – 1856 год.

Часть собрания, хранящегося в папке, наиболее раннего периода - на бумаге верже с «белыми датами», т. е. указанным годом отливки бумаги – в данном случае, 1819, 1826 и 1828. Как видим, хронологические рамки перечисленной фирменной бумаги выдержаны в пределах 40–60-х годов XIX века. В то же время 30-е годы как-то резко выпадают из этой достаточно стройной датировки. Это наводит на мысль, что в «Папке Т.А. Ёргольской» хранится, скорее всего, рабочий материал не одной, а нескольких яснополянских рукодельниц. На самой ранней – не только дата «1819», но и изображение коронованного орла. На этом бумажном листе яснополянская рукодельница методом копирования иглой перенесла цветочно-геометрический узор для вышивания круглой подушки или центра скатерти – становится понятен вкус хозяйки, обустройствающей дом. Любопытная деталь – этот бумажный лист сохранен в виде выкройки фрака, который в XIX веке стал домашней одеждой. Одна ли рукодельница копировала рисунок, и делала выкройку, или с этой фирменной бумагой работало несколько разных мастериц – этот вопрос остаётся пока без ответа.

Возможно, в папке есть часть архива по рукоделию, принадлежащего матери Л.Н. Толстого Марии Николаевне. Догадки эти возникают на следующих основаниях. Если владельческие яснополянские рукописные схемы для вышивания сравнивать одновременно и по похожим рисункам орнамента, и на предмет идентичности бумаги, то выясняется, что изображение с растительным орнаментом представлено на плотной тряпичной бумаге, совпадающей по размеру – 17,5 x 21,7 см, в развороте 35,0 x 43,5 см и цвету - серо-голубому. Такая бумага характерна для конца XVIII – начала XIX веков. Это точно такая же бумага 1811 года, на которой М.Н. Волконская выполнила подробную «Опись саду» [2].

Неожиданно находится следующее совпадение. Для выкройки обуви с растительным орнаментом выбрана более плотная бумага голубого цвета. В самодельной тетради на очень похожей по плотности бумаге голубого цвета производства 1810-х годов М.Н. Волконская вела учебные записи «Некоторые примечания, ведущие к познанию хлебопашества, в Сельце Ясной Поляне» и материнский дневник «Журнал поведения Николиньки».

Но и это не всё. Сохранился бумажный лист, на котором одна из схем выполнена владельческой рукой орешковыми чернилами. Такие же чернила сохранились в виде отметок на географических картах, которые изучала М.Н. Волконская! Кроме того, помимо интереса к рукоделию, известно пристрастие матери Л.Н. Толстого к ботанике [3], и это увлечение также отражено в многочисленных растительных узорах в рукописных схемах, хранящихся в папке Ёргольской.

Изучение штемпелей на фирменной бумаге привело к дополнительной исследовательской работе с музейными предметами, которая выявила неизвестные ранее сведения.

Дом Л.Н. Толстого хранит не только память о писателе, но и семейный уют, на протяжении многих десятилетий создаваемый руками маменьки, тётушек, жены и дочерей, поскольку рукоделие являлось одним из главных и почитаемых предметов домашнего воспитания, основанного на строгости, образованности и благодетельности. В разные годы жизни они, занимаясь рукоделием, сами того не ведая, готовили Л.Н. Толстому источник вдохновения для ярких эпизодов в его произведениях. «Папку Т.А. Ёргольской», вероятно, листал и Л.Н. Толстой, в поиске основы правдоподобного описания множественных подробностей усадебного быта. Знания в области женского рукоделия помогают ему максимально приблизить своих героев к читателям. Анна и Долли в романе «Анна Каренина», по задумке автора, выходили к княжне Варваре, которая на большой каменной террасе, в тени, за пальцами, вышивала кресло для графа Алексея Кирилловича. Описывая усадьбу Левина, он размещает женское общество во главе с Кити на

террасе, где шили распашонки для будущего ребенка и вязали свивальники, – таких примеров можно привести несколько сотен только в одном произведении.

Рукописный материал по рукоделию, имеющийся в музее-усадьбе «Ясная Поляна», разный по стилям исполнения, «почеркам» рисования, методам копирования, представляет большую ценность. Бумажные носители с подобной информацией в усадебных музеях нужно рассматривать как значительный историко-культурный потенциал. Их уникальность заключается, во-первых, в малочисленности сохранившихся экземпляров, во-вторых, в содержательно-смысловой информации. Исторические источники субъективны в своей разобоченности, но в целостной системе они позволяют представить наиболее достоверную, объективную картину прошлого.

1. Клепиков, С.А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII – XX вв. – М. : Изд-во Всесоюзной Книжной палаты, 1959.
2. Оригинал рукописи в 11 листов хранится в Государственном музее Л. Н. Толстого.
3. Подробнее см. в статье: Лякишева С. И. «Мамынин сад» в Ясной Поляне, или Размышление библиотекаря над музейным документом // Про книги. – 2011. – № 2. – С. 23–31

**Кащенко С.Г., Кащенко Е.С., Костригина Е.В.
НОВЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА МАТЕРИАЛОВ
ГЛАВНОГО ВЫКУПНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ РОССИИ¹**

С 2012 г. сотрудники Российского государственного исторического архива и Президентской библиотеки в Санкт-Петербурге успешно реализуют программу по оцифровке уникального комплекса материалов Главного выкупного учреждения Министерства финансов Российской империи (РГИА. Ф.577. 1861–1895). По предварительным оценкам только содержащихся в них копий уставных грамот и сопутствующих документов начитывается более 90000. Осуществление этой программы становится ключевым моментом в процессе исследования экономических последствий реформы 19 февраля 1861 г. и выкупной операции, продолжающегося в Институте истории СПбГУ (в 2018–2019 гг. рабочими группами, состоящими из преподавателей, аспирантов и студентов велись исследования по изучению документов столичных, Вологодской, ряда уездов Тамбовской и Орловской губерний). Новым шагом в этом направлении должен стать проект, поддержанный Российским фондом фундаментальных исследований в 2019 г. («Сравнительный анализ экономических и социальных последствий реформы 19 февраля 1861 года в столичных губерниях Российской империи»). Он предусматривает разработку и применение современных методов комплексного анализа документов на микро и макроуровнях (от отдельных имений до губерний) при изучении процессов подготовки и реализации отмены крепостного права в столичных регионах. Предполагается сравнить экономические результаты реформы в подмосковных и петербургских уездах, уровень социальной напряженности в начале 1860-х гг., провести тщательный источниковедческий анализ выявленных документов.

В настоящее время документы Ф. 577 стали доступны как в электронном читальном зале Президентской библиотеки, так и в точках доступа к информационным ресурсам в удаленном режиме на основе телекоммуникационных технологий. Такой доступ имеется в читальных залах ряда факультетских и институтских библиотек Санкт-Петербургского государственного университета. Заметим, что появление этого уникального информационного ресурса также дает возможность вывести на новый уровень процесс обучения студентов-историков, которые получают практические навыки работы с поисковыми системами и представление обо всем спектре документов, содержащихся в упомянутых архивных делах.

Новые возможности быстрого и эффективного поиска и обработки информации существенно улучшили качество проведения источниковедческого анализа выкупных материалов путем сравнения особенностей документов разных уездов и губерний, а также сопоставления сведений, хранящихся в уставных грамотах, «Журналах губернских по крестьянским делам присутствий», выкупных актах и т.п. Значительно упростился процесс апробации и реализации слож-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (Грант № 19-09-00365 «Сравнительный анализ экономических и социальных последствий реформы 19 февраля 1861 года в столичных губерниях Российской империи»).

ных статистических методов анализа данных. Исследование предусматривает создание современной реляционной компьютерной базы данных, содержащей не только формализованные сведения из выкупных дел, но и фрагменты материалов официальной и земской статистики, Редакционных комиссий.

Центральным сюжетом в разработке новых методов исследования должна стать разработка принципов использования т.н. «выборочного метода», эффективность которого будет апробирована сначала на материалах Санкт-Петербургской, а затем Московской губерний. Он предусматривает предварительное проведение кластерного анализа среди уездов (столичных и прилегающих к ним губерний), организацию и сравнение различных методов отбора материала, оценку полученных показателей и уровня «погрешности выборки». Эффективное использование выборочного метода поможет в дальнейшем решить одну из актуальных задач отечественной исторической науки – с минимизированными затратами получить представление о реальных результатах реформы 1861 г. в рамках всех крупных регионов Российской империи. Изучение экономических последствий крестьянской реформы, на наш взгляд, не до конца исследованных в отечественной историографии, позволит рассмотреть ее влияние на развитие модернизационных процессов в стране во второй половине XIX века.

Формирование кластеров уездов, обычно лежащих в рамках одной губернии или входящих в состав ряда близлежащих губерний, уже было опробовано с использованием пакета прикладных статистических программ на примере северных и северо-западных губерний [1, с.132]. Практика показывает, что внутри одного кластера применение выборочного метода в отдельных уездах приводит к похожим результатам.

Организация репрезентативной выборки на материалах нескольких вологодских уездов, в которых было относительно широко распространено помещичье землевладение (Вологодском, Грязовецком и Кадниковском), показала, что методика формирования 10% и 20%-й «простой» случайной бесповторной выборки с вероятностью в 95% дает достаточно хорошие результаты, позволяющие получить адекватное представление о средних размерах **пореформенных** наделов «удобной» земли и оброчных платежей помещичьих крестьян. Например, погрешность выборки при анализе средних размеров крестьянских наделов вполне сопоставима с погрешностями измерения земли в помещичьих имениях «домашними средствами» в середине XIX в. **Дореформенная** ситуация в вологодской деревне была успешно проанализирована на материалах 50% выкупных документов [3].

Важную роль в современных исследованиях результатов реформы 1861 г. играют вариационные ряды (ряды распределения), позволяющие проследить трансформацию системы крестьянских наделов и платежей в процессе освобождения крестьян и проведения выкупной операции. Однако до недавнего времени, речь шла о построении эмпирических рядов. Вместе с тем, особый интерес представляет нахождение теоретической функции распределения. В каждом из трех упомянутых ранее вологодских уездов была проведена успешная аппроксимацию вариационных рядов наделов и платежей с помощью «логнормального» распределения [2]. (В ходе доклада будет продемонстрирована графическая интерпретация полученных результатов). Для всей Вологодской губернии, при построении вариационных рядов было отмечено наличие полимодального распределения. Нахождение «теоретических» функций распределения дает возможность построить статистическую модель изменения экономических показателей крестьянских хозяйств в процессе реализации реформы. Параллельно путем интегрирования можно получить ряд традиционных показателей, обычно рассчитываемых при изучении последствий реформы.

В целом, предварительный анализ исторической базы показал, что в распоряжении современных историков имеется не вся «генеральная совокупность» данных, а обширная репрезентативная выборка, на основании которой можно успешно изучать результаты реализации реформы, однако подход к исследованию должен существенно отличаться от традиционно принятых методов дескриптивной статистики. Опыт анализа экономических последствий крестьянской реформы на материалах северных губерний России, региона весьма сложного для изучения, показал, что уже на основе изучения половины случайно отобранных документов, можно получить результаты, адекватно описывающие большинство происходивших здесь процессов. Удачная апробация различных вариантов выборочного метода позволяет развеять долгие годы

существовавший в историографии «миф» о том, что аналогичные исследования могут осуществляться исключительно путем сплошного анализа всего массива сохранившихся документов. Это придает данным результатам особую ценность.

1. Кашенко, С. Г. Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 года. Источники и современные методы их изучения / С. Г. Кашенко. – СПб. : Лема, 2013. – 278 с.
2. Костригина, Е. В. Изменение структуры наделов вологодских крестьян в процессе реализации реформы 1861 г. / Е. В. Костригина // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 3(28). – С.176–180.
3. Костригина, Е. В. Массовые источники по истории крестьянской реформы 1861 г. в Вологодской губернии (современный опыт применения компьютерных технологий и количественного анализа при изучении материалов северных губерний России): автореферат дис. ... канд. ист. наук. / Е. В. Костригина. – СПб., 2018. – 25 с.

Баранова Е.В., Маслов В.Н.
**МИГРАЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИЗ РОССИЙСКИХ
И БЕЛОРУССКИХ РЕГИОНОВ В КАЛИНИНГРАДСКУЮ ОБЛАСТЬ
В 1946–1947 ГОДАХ (ИЗ ОПЫТА РАЗРАБОТКИ БАЗЫ ДАННЫХ)**

Российские исследования исторических аспектов миграции, посвящены, прежде всего, имперскому периоду [3; 5; 20; 22]. Научные труды, в которых анализируются советские миграционные процессы, только начинают появляться. Историки фиксируют региональные аспекты миграционного движения, перемещения отдельных национальных и социальных групп [9; 10; 11; 12; 18]. Особо следует отметить концептуальный вывод географа Ж.А. Зайончковской о взаимовлиянии урбанизации и индустриализации на миграционные потоки [4]. Систематическое изучение миграций граждан советского государства с применением количественных методов практически отсутствует.

Калининградская область создана после Второй мировой войны на части бывшей Восточной Пруссии, поэтому в фондах местных архивов доминируют материалы послевоенного времени. Исключена возможность математической обработки данных о миграциях дореволюционного времени. Вместе с тем в Государственном архиве Калининградской области (ГАКО) имеются сведения о масштабном перемещении советских граждан в новую область. Для включения части прежних немецких земель в единое экономическое пространство СССР и организации сельскохозяйственного производства в 1946-1950-е годы осуществлено организованное переселение крестьян в Калининградскую область.

Информация за 1946-1947 гг. о переселенцах из официально определенных для вербовки 23 регионов России и 12 областей Белорусской ССР сосредоточена в эшелонных списках примерно на 80–100 тысяч переселенцев [21]. Балтийский федеральный университет (БФУ) им. И. Канта и ГАКО договорились создать и наполнить базу данных (БД) переселенцев за эти годы и подвергнуть математическому анализу полученные сведения. При высоком интересе к теме заселения региона [2; 6-8; 19] эти материалы в научный оборот не введены.

Реализация проекта сопровождается решением организационных, технических и исследовательских проблем.

Несколько месяцев продолжалось согласование юридических вопросов. Юридические нормы об обработке персональных данных третьей стороной утверждены Федеральным законом № 152-ФЗ от 27 июля 2006 г. для действующих работников, дающих личное согласие на обработку сведений. Однако нет правил, регулирующих использование персональных данных людей, которые умерли, не работают, уехали из области, а информация о них хранится в архиве. На нее не распространяется действие упомянутого федерального закона [17, ст. 1]. При этом «ограничение на доступ к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни... устанавливается на срок 75 лет со дня создания указанных документов» [16, ст. 25]. Существующее законодательство позволяет нам не предоставлять конкретным людям информацию, касающуюся обработки их персональных данных, если сведения используются в научных целях [17, ст. 18]. На основе этой нормы и договоренности о передаче университету базы в безусловно обезличенном виде достигнуто согласие между БФУ

и ГАКО о работе над БД. Такой компромисс означает промежуточное разрешение проблемы на этапе наполнения БД сведениями только из фондов ГАКО. По ряду позиций надо дополнять БД по делам районных архивов и по архивам регионов выхода переселенцев. Достоверность сведений невозможно обеспечить без полных данных о фамилии, имени и отчестве граждан.

К настоящему времени завершена разработка программной оболочки БД на основе приложение Microsoft Access. В ней имеются поля: состав семьи, партийность, образование, должность/профессия, национальность, состав имущества, количество выработанных трудодней, сведения об «обратничестве».

Поле «Место выхода переселенцев» заполняется вплоть до районов и сельских советов, городов и рабочих поселков. Для закрытых списков отобраны топонимические материалы России и Белоруссии послевоенного времени [1; 13]. Всего в списки включены 20501 город, рабочий поселок и сельсовет. Города и рабочие поселки попали в списки не случайно. Из них также вербовали переселенцев в калининградские села.

Прибывшие в область переселенцы распределялись по районам и селам области. Для заполнения полей о месте вселения на основе Указов Президиума Верховного Совета РСФСР [14; 15] составлен список на 2246 населенных пунктов. При этом переселение совпало с переименованием поселений, которое проводилось в 1946–1947 и 1950 годах. Проблема заключается в том, что первых переселенцев вселяли в немецкие по названию села, остальных переселенцев – в поселки с русскими названиями. Кроме того, проводилось укрупнение бывших немецких селений, зафиксировано и разделение нескольких населенных пунктов. В ходе переселенческой кампании еще не стабилизировалось и изменялось административное деление области. Всё это создает сложность в составлении закрытого для редактирования списка населенных пунктов, что в свою очередь может повлиять на дальнейший анализ с целью выявления количественных характеристик заселения края. Для решения этой проблемы решено фиксировать топонимы с советским названием, а также добавить поле их наименования по документу.

Исторический источник, подлежащий обработке с целью получения статистической информации, не позволяет быстро переносить сведения из имеющихся таблиц в поля БД. Для эшелонных списков на союзном уровне утверждена типовая форма, но это не означает, что списки составлялись единообразно, достаточно полно и четко. Большая часть таблиц заполнялась от руки, записи сделаны не всегда разборчиво. Списки формировались в регионах выхода переселенцев, поэтому ответственные лица, если они были местными, могли сокращать знакомые названия административных единиц. Сокращения нередко не совпадали с официальными наименованиями районов, сельсоветов, поселков. Анализ записей позволяет сделать вывод о внесении сведений, возможно, со слов переселенцев. Информация, воспринятая на слух, могла фиксироваться в искаженном виде, особенно, если вносилась в таблицы калининградскими вербовщиками. Не всегда соблюдалось требование вписывать в таблицы сельсоветы, из которых уезжали переселенцы. Нередко указывали только район и дополнительно к нему колхозы, совхозы или же записывали только населенный пункт без какой-либо административной принадлежности. В результате при наполнении БД в Калининградской области приходится буквально разгадывать ребусы, проводить дополнительную исследовательскую работу, чтобы включить в базу достоверную информацию. При этом в БД обязательно заносится уточненная информация, и в отдельное поле переносится формулировка из источника.

Такой же принцип применяем и при внесении в БД записей об имени, отчестве и фамилии переселенца. В источнике не исключены ошибки и пропуски. Точность сведений проверяем по сводным спискам, которые готовились по прибытии эшелона в Калининградскую область. Впрочем, полностью сведения выверить не можем, так как сводные списки составлялись только на глав семей. Проблема будет решена при привлечении дополнительных материалов.

В архиве есть эшелонные списки, содержащие пустые ячейки, например, в графах об имуществе переселенцев. В данном случае дело не только в отсутствии скота, птицы или продовольствия. Если во всей таблице требуемые поля не заполнены, то это проявление степени добросовестности переписчика или объективных обстоятельств (мало времени и т.п.). Для включения сведений в БД используем сохранившийся сводный список, другие архивные материалы.

Сформированная БД позволит использовать инструменты ГИС. Полученную информацию, используя картографический материал второй половины 1940-х – начала 1950-х годов, планируем «привязать» к конкретным регионам выхода переселенцев, осуществить визуализацию систематизированных данных. С помощью ГИС сможем соотнести статистику по регионам выхода с местами вселения советских граждан в области.

Эшелонные и сводные списки в делах ГАКО собраны по районам вселения. Заполнение БД показало, что в них имеются пропуски листов. По сводным спискам невозможно восполнить весь объем утраченной информации. Следовательно, в перспективе необходим сетевой научный проект, который объединит исследователей из вузов, архивов и общественных организаций российских и белорусских регионов и Калининградской области с целью наполнения и всестороннего научного анализа БД формирования населения советского края, образованного после разгрома гитлеровской Германии.

1. Белорусская ССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1947 г. – Минск, 1947.
2. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: первые годы Калинингр. обл. в воспоминаниях и док. / авт. введ. Ю. В. Костяшов, сост. С. П. Гальцова и др.
3. Гинс, Г. К. Переселение и колонизация / Г. К. Гинс. – Вып. 2. – СПб., 1913.
4. Зайончковская, Ж. А. Миграция населения России: старые и новые тенденции / Ж. А. Зайончковская // Голос России. – 2010. – № 10. – С. 5–16.
5. Кауфман, А. А. Переселение и колонизация / А. А. Кауфман. – СПб., 1905.
6. Костяшов, Ю. В. Повседневность послевоенной деревни: из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946–1953 гг. / Ю. В. Костяшов. – М. : Политическая энциклопедия, 2015.
7. Костяшов Ю. В. О национальной структуре, этнографическом облике и социокультурной адаптации советских переселенцев в Калининградской области (1945–1950 гг.) / Ю. В. Костяшов // Национальные отношения в Новое и Новейшее время. – Калининград, 2000. – С. 66–79.
8. Костяшов, Ю. В. О формировании сельского населения Калининградской области в 1946–1951 гг. / Ю. В. Костяшов // Калининградские архивы. – Калининград, 2001. – Вып. 3. – С. 227–236.
9. Крушанова, Л. А. Отношение принудительных мигрантов Дальнего Востока к своему статусу в 1946 – начале 1950-х гг. / Л. А. Крушанова // Дальний Восток: наука, образование. XXI век. IV Крушановские чтения: Материалы III Международной научно-практической конференции. Комсомольск-на-Амуре, 15–16 сентября 2005. – Комсомольск-на-Амуре, 2005. – Т. 1. – С. 147–155.
10. Манкевич, Д. В. Миграции населения СССР в первые послевоенные годы и заселение Калининградской области (1945–1950 гг.) / Д. В. Манкевич // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. – Калининград, 2008. – С. 54–63.
11. Пискунов, С. А. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР: опыт второй половины 1940-х – 1980-х гг. / С. А. Пискунов. – Благовещенск, 2016.
12. Прибыткова, И. Хроники миграционных событий в Украине до и после распада СССР / И. Прибыткова // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2009. – № 1. – С. 41–77.
13. РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 января 1948 г.: [справочник] / Информ.-стат. отд. при Секретариате Президиума Верховного Совета РСФСР / под ред. М. Е. Смирнова. – М., 1947.
14. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о переименовании населенных пунктов Калининградской области от 17 ноября 1947 года // ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 1 Д. 102а. Л. 9-24.
15. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о переименовании населенных пунктов Калининградской области от 5 июля 1950 года // ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 1 Д. 102а. Л. 25-39 об.
16. Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22.10.2004 № 125-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1406/
17. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/
18. Чернышева, Н. В. Трудовые миграции населения СССР в сер. 1940–1960-х гг. / Н. В. Чернышева // Вестник Вятского государственного университета – 2015. – № 3. – С. 48-59.
19. Шендерюк, М. Г. Социальный портрет переселенца / М. Г. Шендерюк // Калининградские архивы. – Калининград, 1998. – Вып. 1. – С. 180–185.
20. Щупленков, О. В. Политика переселения населения в России начала XX века – методология вопроса / О. В. Щупленков, Н. О. Щупленков // Урбанистика. – 2013. – № 1. – С. 156–158.
21. [Эшелонные списки переселенцев в Калининградскую область в 1946-1947 гг.] // ГАКО. Ф. Р-183. Оп. 5. Д. 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 43, 44, 45, 46, 62, 50, 48, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 63, 64, 49, 47, 51, 52, 54, 42, 54, 53, 54, 55.
22. Ядринцев, Н. М. Сибирь как колония / Н. М. Ядринцев. – СПб., 1882.

Саленице И.Э.
**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ УСТНОЙ ИСТОРИИ:
ВОЗМОЖНОСТИ И НЕДОСТАТКИ¹**

Начало устной истории связано с именем Аллана Невинса (*Allan Nevins*), возглавившего в конце 1940-х годов в Колумбийском университете США первый исследовательский проект, основанный на данной методологии [13, с. 22]. В последние десятилетия прошлого столетия можно говорить уже о буме устной истории, охватившем США и страны Западной Европы, в первую очередь – Великобританию [13, с. 35–38]. В Латвии, как и на всем постсоветском пространстве, ученые смогли всерьез обратиться к устной истории лишь в начале 1990-х годов, после отмены цензурных ограничений. К настоящему моменту устная история все более прочно входит в практику исторических исследований.

Обратимся к опыту Центра устной истории Даугавпилсского университета (*Daugavpils Universitātes Mutvārdu vēstures centrs*), который был создан в декабре 2003 года для фиксации воспоминаний людей старшего поколения с целью расширения источниковедческой базы исследований по истории Латвии XX века. Чтобы воспоминания служили в качестве полноценных исторических источников, при их создании и использовании следует соблюдать этические и правовые нормы, кроме того, должна быть обеспечена их сохранность и доступ для исследователей [8, с. 80–83]. Вид источников устной истории в коллекции Центра – история жизни человека, рассказанная им самим и зафиксированная с помощью записывающего устройства. Фоном жизни рассказчиков выступают исторические события соответствующего периода. Рассказчики в подавляющем большинстве никогда не имели намерения запечатлеть свой жизненный опыт в виде дневников, развернутых автобиографий, мемуаров и т.п. Как правило, это люди с начальным или основным образованием, не занимавшие заметных постов, т.е., те самые «простые люди», которых традиционные источники оставляют «за скобками», отводя им роль безмолвных статистов или обращаясь с ними как с вещами [7, с. 33].

Устная история дает возможность обратиться непосредственно к участникам или хотя бы современникам исторических событий, что «позволяет более реалистично и объективно воссоздавать прошлое», подвергает сомнению «официальную версию», бросает вызов устоявшимся мнениям [9, с. 18]. Однако следует иметь в виду, что реальность прошлого предстает в источниках устной истории в свете сегодняшней ситуации, поскольку источники этого вида возникают в ходе диалога интервьюера с рассказчиком и содержат различные пласты и уровни информации, среди которых реальность прошлого появляется лишь в виде «осколков» [11, с. 79], которые, однако, вполне пригодны для воссоздания «витража» – более или менее целостной картины прошлого – особенно в комплексе с источниками других видов [12].

Коллекция источников устной истории изначально создавалась как региональная, репрезентующая юго-восточную часть Латвии (Латгале и Селия) – пограничный регион, где исторически сложилось полиэтничное и поликонфессиональное общество с устойчивыми традициями этнической и религиозной толерантности и взаимного культурного обогащения. Коллекция насчитывает около 1200 историй жизни. Жизненный опыт жителей региона 1920–30-х годов рождения чрезвычайно интересен ввиду того, что они пережили последовательную смену пяти/шести политических режимов и каждый раз должны были согласовывать свое существование с требованиями новой власти, сохраняя при этом собственные интересы и ценности. Документальные свидетельства о каждом периоде хранятся в разных архивах (иногда даже в разных странах), в то время как источники устной истории сохраняют целостное отражение жизни человека.

При обращении к конкретным историям жизни далеко не всегда приходится иметь дело с саморефлексией, с попытками рассказчиков увидеть собственное прошлое в общеисторическом контексте. Тем не менее подобное случается, и тогда появляется столь ценная для историка возможность не просто взглянуть на события прошлого глазами современника, прикоснуться к его субъективности [1, с. 106], но и понять, каковы идеалы и ценности рассказчика, определяющие его жизнь и интерпретацию прошлого:

¹ Статья подготовлена в рамках государственной программы исследований ЛР «Наследие и вызовы будущего для укрепления Латвийского государства», проект № VPP-IZM-2018/1-0018.

... И родился в свободном государстве, и снова государство обрело свободу, я не знаю, это было что-то фантастическое – в течение одной жизни дважды ощутить свободу
[2, № 157, перевод]

Как уже упоминалось, в ходе устного повествования историческая информация возникает спонтанно, без сознательной оглядки на доминирующие историографические (зачастую весьма политизированные) версии, что действительно позволяет обеспечить более реалистическую реконструкцию прошлого. Это в свою очередь создает новые возможности для конкретных социально-исторических исследований (просопография, история повседневности и др.) и помогает успешно решать многие исследовательские задачи, например, раскрытие недокументированных событий и действий или уточнение фактов, упомянутых в письменных источниках; наполнение конкретным содержанием обобщенных представлений о событиях прошлого – придание «жизнеподобия» историческому нарративу. Источники устной истории незаменимы для воссоздания социально-психологической атмосферы времени, а также раскрытия особенностей исторического сознания и идентичности «простых людей».

Однако наряду с многочисленными преимуществами источники устной истории обладают также некоторыми недостатками. Среди наиболее очевидных – опора на память человека, с несовершенством которой сталкивался каждый, кто обращался к изучению воспоминаний. Менее очевидны, но также чреватые проблемами для исследователей недостатки, являющиеся оборотной стороной преимуществ источников устной истории с их личностной, субъективной природой. Цель создания данных источников – сохранить историю жизни конкретного человека, рассказанную им самим, чтобы затем ученые могли освоить содержащуюся в интервью информацию. Интересующие исследователей сведения, как правило, рассказчиками не отбираются и не структурируются специально, а появляются (или нет) в ходе общего повествования, как правило, не редактировано. В такой ситуации рассказчику очень сложно избежать субъективизма – склонности сводить любое суждение к индивидуальному мнению [10]:

Я Советский Союз... я благодарю, что я родилась. [...] Ни каких страхов было, ни каких убийств, ну, ничего такого не было, всё только хорошее[...] Ой, это святое время было, святое время... я про коммунистов.

[2, № 917]

Воспоминания нередко демонстрируют узость взгляда на события прошлого, обусловленную позицией рядового участника, проецирующего собственный индивидуальный опыт на все общество. Если сходный опыт впоследствии в историографии растиражирован как наиболее типичный, а то и единственно имевший место, историки следующих поколений «собственное» понимание ситуации базируют именно на нем. В результате для историка появляется опасность невольного переноса своего понимания событий прошлого на современников этих событий «приписывания» им собственного отношения. При отсутствии критического отношения к «само собой разумеющимся» деталям в прошлом существует риск оказаться в плену современных стереотипов.

Обратимся к конкретной ситуации – окончанию военных действий на территории Европы в мае 1945 года. Спустя 70 лет, в условиях беспрецедентной популяризации (и неизбежной стереотипизации) великой победы советского народа, полагаю, крайне редко возникает сомнение в том, что в мае 1945 года повсеместно царил всеобщее ликование. В русло такой уверенности прекрасно укладывается свидетельство современницы о настроении людей в Латгалии:

[...] когда после немцев пришли русские так, конечно, все были рады и довольны... это и говорить нечего... Вот и вспоминали, что война уже ушла от нас. Была еще не кончивши, но когда советская власть освободила – это, конечно, воспоминание было... было спокойное и хорошее, тут и говорить нечего...

[2, № 45]

Зато другое свидетельство звучит диссонансом:

В конце войны, 9 мая, мы пошли в школу (дома радио не было). В актовЫй зал пришел директор: «Занятий сегодня не будет». «Почему?» – спросили мы. «Закончилась война... Идите, соберите цветов (тогда как раз цвели калужницы), проведем богослужение в память о погибших на войне. Вспомним погибших, раненых...» – директор говорил с грустью, а потом отпустил нас домой. Вместо радости была какая-то грусть о тех,

кто погиб ни за что [...] Дома ничего, поговорили только о том, как будем жить при русских... пугали колхозы.

[2, № 970, перевод]

Однако это «невероятное» свидетельство не только похоже на ряд другие воспоминаний из коллекции, но и неоднократно подтверждается архивными данными. Так, в документах ЦК ЛКСМ Латвии за 1945 г. тема отражена следующим образом: «В 6 средней школе Риги на митинге в связи с первомайским приказом т. Сталина и взятием Красной Армией Берлина все учителя школы наотрез отказались выступить [...]. После больших переговоров согласился выступить директор школы. Но в своем выступлении директор ни одним словом не упомянул Красную Армию и советскую власть. Говорил про обязанности и долг сынов Латвии перед родиной [...]. После речи следовали бурные демонстративные аплодисменты учеников. [...] В день «Победы» (так в тексте. – И.С.) студенты техникума работников банка устроили настоящий траурный митинг, были слезы, траурные одежды и т.д. Директор техникума Лочмелис старался «понять» этих учениц – «ведь их родные в немецкой армии, каждый думает про своего родного» [4, л. 8.]. Сопоставимые сведения обнаружены также в документах ЦК Компартии Латвии [5] и Министерства просвещения Латвийской ССР [6].

Фрагментарность информации объяснима, учитывая особенности советского архивного дела [3, с. 65], ведь фондообразующие организации (ЦК КП Латвии, ЦК ЛКСМ Латвии и т.п.) отражали в своей документации ситуацию с позиции власти. Отношение местных жителей представлено в виде разрозненных эпизодов в связи с действиями властей либо прочитывается лишь на уровне косвенной информации источника. Исходя из имеющихся данных, есть основания полагать, что день 9 мая 1945 года был воспринят жителями Латвии по меньшей мере неоднозначно. Тем более что первое свидетельство [2, № 45] исходит от женщины, которая в момент вступления Красной армии на территорию Латгалии находилась в Германии среди десятков тысяч таких же ост-арбайтеров и не имела возможности наблюдать складывавшуюся на родине ситуацию. Этот факт не только отражен в «паспорте» респондента, где фиксируется хронология жизни человека, но и раскрыт в ходе внутренней критики источника: «тогда уже русские были, когда вернулись мы из Германии».

Чтобы избежать названных недостатков, при включении источников устной истории в общий исторический нарратив необходимо соблюдать некоторые правила. Во-первых, осуществлять углубленную критику (как внешнюю, так и внутреннюю) источников, позволяющую не только глубже проникнуть в субъективность рассказчика, но и выявить возможные проявления субъективизма. Следует считаться в первую очередь с упоминанием тех фактов прошлого, которые информанты *видели собственными глазами*. Во-вторых, необходимо использовать по возможности большее количество устных свидетельств других современников, касающихся той же темы. В-третьих, последовательно сравнивать информацию устных источников и источников других видов (письменных, вещественных, изобразительных).

Таким образом, хотя при использовании источников устной истории в исторических исследованиях преимуществ гораздо больше, чем недостатков, тем не менее последние достаточно серьезны и не позволяют при изучении прошлого ограничиться только устной историей. Поэтому оптимальным для исследователя-историка представляется включение источников устной истории в источниковые комплексы вместе с архивными документами, статистикой, прессой и др. К тому же перед историком, использующим устную историю, встают ответственные источниковедческие задачи, связанные с особой значимостью как внешней, так и внутренней критики источников, что, впрочем, актуально при работе с любым видом исторических источников. Следовательно, изучение истории XX века без включения в источниковую базу устной истории бесперспективно, однако ее применение в исторических исследованиях должно подчиняться общим источниковедческим принципам с учетом особенностей данного вида источников.

1. Вансина, Я. Устная традиция как история / Я. Вансина // Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введ., общ. ред. М. В. Лоскутовой. – СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2003. – С. 66–109.
2. Источники устной истории из коллекции Центра устной истории Даугавпилсского университета.
3. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: Учебное пособие для студентов вузов / А. Соколов (ред.), Ю. Бокарев, Л. Борисова и др. – М. : Высшая школа, 2004. – 687 с.

4. Государственный архив Латвии Национального архива Латвии – Партийный архив. – Ф. 201 (ЦК Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Латвии). Оп. 4. Д. 48.
5. Государственный архив Латвии Национального архива Латвии – Партийный архив. – Ф. 101 (ЦК Коммунистической партии Латвии). Оп. 12. Д. 74.
6. Государственный архив Латвии Национального архива Латвии. – Ф. 700 (Министерство просвещения Латвийской ССР). Оп. 1. Д. 35
7. Портелли, А. Особенности устной истории / А. Портелли// Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введ., общ. ред. М. В. Лоскутовой. – СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2003. – С. 32–51.
8. Саленице, И. Устные материалы в архивах: проблемы отбора, хранения и доступа / И. Саленице, З. Стапкевича // Антропологический форум. – № 17. С. 78–83.
9. Томпсон, П. Устная история: Голос прошлого / П. Томпсон. – М. : Весь мир, 2003. – 368 с.
10. Философский словарь. – М. : Международные отношения. Дидье Жюлия, 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://philosophy_dictionary.academic.ru/850. – Дата доступа: 01.03.2019.
11. Ivanovs, A. Mutvārdu vēstures avoti – iemiesotā atmiņa” [Источники устной истории – воплощенная память] / A. Ivanovs. – Daugavpils : Saule, 2002. – Lpp. 72–85.
12. Saleniece, I. Arhīva dokumentu un mutvārdu vēstures avotu kompleksa publikācijas problēmas [Проблемы комплексной публикации архивных документов и источников устной истории] / I. Saleniece. – Daugavpils : Saule, 2009. – Lpp. 212–221.
13. Sharpless, R. The History of Oral History [История устной истории] / T. L. Charlton, L. E. Myers, R. Sharpless. – Lanham, New York, Toronto, Oxford : AltaMira Press, 2006. – Pp. 19–42.

Николаева И.В.

УСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВИТЕБЩИНЫ В ПОСЛЕОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

Антропологизация научного знания, характерная для последних десятилетий, определила возникновение и оформление в современной историографии такого нового исследовательского направления, как история повседневности. Данная отрасль исторического знания дает возможность рассматривать человека не только в качестве объекта воздействия, но и в роли субъекта, формирующего внутреннее содержание исторического процесса. При достаточной разработанности этого направления в мирной историографии в исторической науке Беларуси история повседневности только начала получать признание и конструируется сегодня белорусскими исследователями, преимущественно, на основе анализа и материалов, собранных методами устной истории.

Изучение антропологического содержания исторического прошлого и не может быть полным, а значит, достаточно объективным, без обращения к устным историческим источникам. Главная особенность этих эго-документов, которая одновременно определяет и их значимость, заключается в том, что они позволяют посмотреть на реконструируемые события истории сквозь призму индивидуального опыта их участников и очевидцев. Эти субъективно окрашенные источники являются важнейшими, а иногда и единственными источниками для изучения истории повседневности, включая разнообразную по своему содержанию информацию, которая почти не фиксируется официальными документами.

В рамках научно-исследовательского проекта по гранту БРФФИ в 2014 г. нами была реализована запись устных источников по истории повседневности Витебского региона после освобождения его территории от нацистской оккупации и до окончания Великой Отечественной войны. В результате были созданы аудиозаписи интервью с 33 жителями региона – женщинами и мужчинами 1916–1938 гг. рождения, которые в послевоенные годы имели разный социальный статус – учащегося, колхозника, рабочего предприятия или представителя интеллигенции. Беседы проходили в два этапа: «life story» и работа по опроснику.

Так как запись воспоминаний проводилась спустя 70 лет после произошедших событий, в них, как правило, отсутствуют детали и подробности, однако, благодаря этим устным источникам, у нас есть возможность увидеть историю послеоккупационного военного периода глазами обычных людей, и ознакомиться с наиболее устойчивыми, не исчезнувшими в течение длительного времени впечатлениями людей-современников тех событий [см. 1].

В целом, изучение повседневности с помощью устной истории, показало, что при всей известной повторяемости обстоятельств, излагаемых в повествованиях, рассказы демонстрируют

многообразие реальных ситуаций повседневной действительности послеоккупационного военного периода. Содержательность и особенности репрезентации воспоминаний определяют прежде всего личные особенности автора. Рассказы информантов имеют свою гендерную специфику. Неизбежно сказывается разница в возрасте между интервьюируемыми, а также их социальная и профессиональная принадлежность.

В субъективном восприятии послеоккупационной повседневности респондентами тесно переплетаются элементы личного и официального. Нельзя не учитывать, что их отношение к послевоенной действительности формировалось уже в последующие годы под влиянием стереотипов, созданных советской пропагандой. Кроме того, человеческой памяти свойственна идеализация прошлого, которой также не лишены рассказы наших информантов. В воспоминаниях присутствует и не всегда осознанная самоцензура, как результат жизни в условиях тоталитарного режима.

Однако, даже несмотря на все указанные трансформации повествований о послеоккупационной военной повседневности, устные источники сохраняют свою эмоциональную значимость и дополняют документальные материалы. Полученные материалы сочетают в себе индивидуализированную информацию с опытом, разделенным многими, и представляют наиболее типичные, характерные черты будничной жизни общества в целом. Устные воспоминания позволяют реконструировать ценностно-мотивационное пространство современников, их повседневные практики, сделать выводы о выборе индивидуальных жизненных стратегий в условиях перехода белорусского общества из предельно критического состояния в привычный жизненный уклад.

Таким образом, устная история с ее технологиями создания новых источников путем интервьюирования участников и очевидцев реконструируемых событий представляет значительные возможности для изучения вопросов и проблем, связанных с повседневностью. В то же время, устные данные требуют от профессиональных исследователей их скрупулезного анализа в комплексе с другими видами источников, прежде всего официального происхождения.

1. Николаева, И. В. Повседневные практики и общественные настроения населения Витебщины в послеоккупационный период Великой Отечественной войны (по материалам устных источников) / И. В. Николаева // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сб. науч. трудов. – Витебск, 2016. – Т. 21. – С. 90–93.

Дулова Ю.В.

АРТИОНИМ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В современной науке отмечается активное стремление к исследованию взаимодействия языка и культуры. Языковые явления подвергаются анализу с позиции лингвокультурологии, психолингвистики, этнолингвистики, истории и т.д. Подобные тенденции легко объясняются воплощением национальной культуры в языке. На стыке языка и культуры находятся и названия произведений изобразительного искусства, для которых Н.В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» предложила термин *артионим* [4, с. 38].

Исследованием названий предметов духовной культуры занимались многие ономатологи (А.В. Антропова, Е.А. Бурмистрова, Д.Д. Дрошнев, Т.В. Ефремова, Л.А. Климова, Т.И. Плужникова, Ю.Н. Подымова и др.). Научный интерес к исследованию вопросов взаимодействия языковых и внеязыковых средств в процессе коммуникации привел к возникновению понятия «креолизованный текст». Под креолизованным текстом понимают такие «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [5, с. 180]. Произведения искусства, компонентом которых и выступают артионимы, можно также определить как креолизованный текст, поскольку сообщение, положенное в основу, поступает адресату не только в виде изображения, но также и посредством названия.

Несмотря на многочисленные попытки отойти от традиционного структурно-семантического анализа онимов, до сих пор появлялись лишь отдельные научные труды, в которых к анализу названий произведений изобразительного искусства обращается не филолог, а историк с целью выявить потенциал артионима как исторического источника. В частности В.Н. Филас предлагает методику вычленения исторической информации из названий произведений

живописи и графики на материале артионимического пространства Северного Причерноморья конца XVII – середины XIX в., отмечая «преобладание артионимов познавательного характера и артионимов, имеющих историческую составляющую» [6, с. 39–40].

Бесспорно, являясь компонентом креолизованного текста, артионим выступает ключом для понимания произведения искусства, поскольку не всегда реципиент способен без дополнительных сведений идентифицировать объект, событие или персону, изображенную на полотне. С этой позиции анализ артионима выступает важным этапом в анализе собственно произведения искусства. Однако в чем же специфика артионима как исторического источника? С одной стороны, произведение искусства и артионим как его компонент способны транслировать историческое событие или же историческую личность с определенной долей достоверности в том случае, если полотно написано современником – человеком, который был непосредственным участником изображенного события или же который был лично знаком с изображенным лицом. С другой стороны, даже в описанном случае картина будет являться в первую очередь субъективной интерпретацией творца, отражением его личного опыта, и скорее выступит источником информации о его личности, мировоззрении и творчестве, источником искусствоведческой информации.

Артионим наделен в первую очередь культурным значением, создается для вызова определенных культурных смыслов в сознании реципиента и для создания культурного пространства, поэтому мы предлагаем рассматривать не каждую языковую единицу в отдельности, а обратиться к анализу артионимикона региона. Выполняя идентифицирующую и ориентирующую функции, артионимия довольно ярко отражает те проявления культуры народа, которые зафиксированы в языке. По мнению М.Л. Ковшовой, для лингвистов культура – пространство культурных смыслов и кодов, которые представляют собой вторичные знаковые системы. Ситему кодов культуры образует кодируемое разными способами ценностное содержание, которое раскрывает мировоззрение социума [2, с. 170].

Интерпретировать артионимы представляется возможным через их соотнесение с тематическими культурными кодами: антропным, топоморфным, темпоральным, растительным, цветковым и др. Так, топоморфный код культуры отражает представления человека о географических реалиях, обладающих собственными именами. Реализация данного кода свойственна названиям пейзажей, например, городских или архитектурных. При этом основной предмет изображения и соответственно фиксации в артиониме значим лично для автора или же имеет историческую, архитектурную, культурную и иную ценность.

По мнению В.А. Масловой, каждый топоним представляет собой в языковом сознании жителей региона концепт, требующий реконструкции [3, с. 30]. Значимое место в сознании жителей витебского региона занимает концепт *Витебск*, в ядре которого и находится собственно название города (С.М. Гершов *«Витебск»*, Д.А. Горолевич *«Витебск. Март»*, Ф.Ф. Гумен *«Витебск зимой»*, А.Э. Духовников *«Витебск. Вечер»*, Г.П. Киселев *«Витебск и Витебщина»*, А.Ф. Карпан *«Витебск. Полдень»*). В ближней периферии заключена фактологическая информация о городе. Так, Витебск получил название от реки Витьба и в летописях упоминается как *Видбеск*, *Видебск*, *Витьбеск*. Официально принято считать, город был основан в 974 г., однако в современной историографии вопрос о дате основания Витебска остается дискуссионным [1]. В XVI в. Витебск стал центром воеводства. В 1597 г. получил магдебургское право и городской герб и т.д.

В сознании жителей Витебск воспринимается как древний, красивый, родной город, культурный центр региона. Это подтверждается образами города, зафиксированными в артионимии и составляющими интерпретационную зону концепта: артионимы, мотивированные наименованиями линейных объектов и площадей (В.А. Белый *«г. Витебск. Улица Белобородова»*, А.Э. Духовников *«Витебск. Ул. Суворова»*, Ф.Ф. Гумен *«Витебск. Площадь Ленина. УБОИ»*), районов (Ф.Ф. Гумен *«Витебск. Марковицина индустриальная»*, Г.П. Лебедев *«Витебское Заручавье в начале XX века»*), парков и скверов (Ю.А. Баранов *«Парк им. Фрунзе»*, Л.Л. Медведский *«Осень. Парк Мазурино»*), точечных объектов (Г.Ф. Кликушин *«Витебск. Здание Ветеринарного института (ул. Доватора)»*, *«Железнодорожный вокзал»*, Б.Г. Лалыко *«Успенский собор в Витебске. XIX в.»*, Ф.Ф. Гумен *«Витебск. Ночь. Ратуша»*), водоемов (И.М. Столяров *«Запад-*

ная Двина», В.В. Шамшур «Витьба зимняя», В.К. Дежиц «Утро на Витьбе», А.Ф. Карпан «Двина-Даугва»), пригородных поселений и их объектов (А.С. Корженевский «Витебский известковый завод “Руба”», «Мазолово», А.Ф. Ковалев «Усадьба И.Е. Репина в Здравнево», Г.П. Лебедев «Октябрь в Здравнево»).

Таким образом, артионимия выступает источником информации прежде всего о личности, мировоззрении, творчестве художников. Названия произведений изобразительного искусства отражают особенности мировосприятия того или иного народа, его культуру. В проанализированном материале преобладает фиксация локусов витебского региона, что объясняется его значимостью в сознании как авторов произведений, так и иных возможных именуемых субъектов. Подобные наименования служат вызову определенных ассоциаций, связанных с личными переживаниями, у реципиента.

1. Дулов, А. Н. Вопрос о дате основания Витебска в современной историографии / А. Н. Дулов // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XIX(66) Регион. науч.-практ. конференции преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 13–14 марта 2014 г. : в 2 т. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2014. – Т. 1. – С. 302–304.
2. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.
3. Маслова, В. А. Ономастика сквозь призму лингвокультурологии / В. А. Маслова // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сборник научных статей / сост. А. М. Мезенко, М. Л. Дорофеев, Ю. В. Дулова, О. В. Шеваринова ; под науч. ред. А. М. Мезенко. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – С. 27–31.
4. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская; отв. ред. А. В. Суперанская. – Изд. 2-е, перераб. и доп.– М.: Наука, 1988. – 192 с.
5. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 180–186.
6. Филас, В. Н. Названия произведений живописи и графики как исторический источник: к постановке проблемы / В. Н. Филас // Актуальные проблемы источниковедения : материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права, Витебск, 20-21 апреля 2017 г. / Витеб. гос. ун-т. ; редкол.: А. Н. Дулов и М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – С. 39-41

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Исаев Д.П.

«ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК»: 50 ЛЕТ ОСМЫСЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

В данной работе мы кратко рассмотрим историю появления и бытования термина «историографический источник» в отечественной историографической науке. В лексическом арсенале историографов он появился в середине 1960-х гг., когда его впервые применил С.О. Шмидт [10]. И сегодня, когда появились предложения отказаться от его использования, возникает потребность в целостном взгляде на попытки содержательного определения, практики использования, эволюцию понятия за эти полвека, чтобы подумать о его дальнейших перспективах. Необходимо сказать, что к истории понятия историографы неоднократно обращались, в том числе, в критических целях [6; 9]. Нашу же задачу мы также видим в том, чтобы трансформацию понятия поместить в условия парадигмальных сдвигов, отразившихся на образе современной историографии.

Итак, на 1960–70-е гг. приходится определение предметного поля отечественной историографической науки как самостоятельной исторической дисциплины, формирование ее понятийно-категориального аппарата и т.д. Знаковым событием в этом процессе выступило начало издания периодического сборника «История и историки». Кстати говоря, в первом номере главный редактор М.В. Нечкина еще использует словосочетание «источники историографии», сама множественная форма которого свидетельствует о преимущественном внимании к такому его признаку как *содержание* этих источников [8, с. 10].

Во второй половине 1970-х гг. в стране развивается очередной методологический бум, касающийся теоретических проблем исторической науки в целом, источниковедения. Не обойдена была и историография. В 1980 г. выходит сборник «Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки», ставший важным историографическим фактом в развитии дисциплины. Помимо размышлений о предмете и задачах историографии, историографическом факте, большое внимание авторами было уделено историографическому источнику. Попытаемся обобщить наиболее важные авторские позиции. Исходной посылкой определения историографического источника являлось наличие в нем историографической информации. Как писал В.И. Дурновцев, «наличие историографической информации в историческом источнике и вовлечение его в сферу историографического познания являются условиями конституирования его как источника по истории исторической науки [7, с. 49]. Обратим внимание и на второе условие, которое ставит проблему позитивного определения понятия в зависимость от поставленных историографом познавательных задач (иначе – от предмета исследования).

В дискуссионных условиях наметилась тенденция в пользу расширения информационного пространства. По словам Л.Н. Пушкарева, им может являться любой исторический источник, содержащий данные по истории исторической науки [7, с. 102]. Авторы высказывали мнение, что историографический источник может и не содержать прямую историографическую информацию, но «выражать “макроклимат”, общественную атмосферу, которая... влияет на развитие исторической науки» (Е.Н. Городецкий) [7, с. 120]. Как вариант «широкого» понимания источника – точка зрения Ю.В. Качановского, предложившего рассматривать, к примеру, письма фронтовиков в качестве историографического источника при изучении влияния исторических трудов на общественное сознание [7, с. 73]. Таким образом, оказалось необходимым уточнить, что существует и опосредованная историографическая информация, относящаяся к личностному или социальному плану. Очевидно, что под прямой историографической информацией понимались суждения историков о тех или иных аспектах изучаемой ими исторической реальности.

В послесловии М.В. Нечкина предложила, что историографический источник может и не содержать в себе историографического факта, но способен объяснить эпоху, в которую создано то или иное историческое сочинение [7, с. 136–137]. Заметим также, что рефлексия об историографическом источнике шла в непосредственной связи с осмыслением другого сложного понятия «историографический факт».

Итог размышлениям того времени об историографическом источнике был подведен в работе А.И. Зевелева, в немалой степени вобравшей опыт рефлексии авторов сборника. По его словам, «историографическими источниками являются те исторические источники, которые определяются предметом историографии и несут информацию о процессах, протекающих в исторической науке и в условиях ее функционирования». Таким образом, была установлена зависимость источника от предмета исследования, что закрепило отношение к нему прежде всего как средству, хранилищу информации. При этом, автор согласился с «широкой» трактовкой, включая в круг источников и те, которые не несут прямой «историографической нагрузки», «но связаны с условиями, в которых осуществляется социальная функция исторической науки» [7, с. 120].

Обратим внимание на характерные черты данного этапа. Советская историография воплощала в себе типичные черты классической науки с ее объективистской ориентацией на познание инвариантной исторической реальности. Естественным образом предполагалось, что труды ученых должны в целом ее адекватно отображать, реализуя, таким образом, основную функцию науки. Отсюда внимание к этим историографическим источникам как посредникам изучения той единственной реальности. Историк же должен был воссоздать картину прошлой реальности и познакомить с ней остальных. Сосредоточив свое внимание на «содержании» «историографического источника», теоретики не ставили перед собой задачу изучения его «природы». Внимание же к общественной атмосфере, говоря сегодняшним языком, социокультурному контексту, который его и породил, определялось тем, насколько контекст мог ускорить или затормозить процесс научного познания. Что и подводило советских историков к необходимости расширительного понимания историографического источника, чтобы вспомогательные материалы позволили уловить указанные влияния.

Известные попытки конструирования нового видения историографического источника на постсоветском историографическом пространстве обнаруживаются в начале XXI в. В работах О.Б. Вовка, В.П. Корзун и ее коллег, Г.М. Ипполитова заметна некоторая переориентация в сторону учета социокультурной среды, влияющей на процесс производства исторического знания. Отсюда внимание к индивидуальным, социально-психологическим аспектам творчества, которые зафиксированы прежде всего в источниках личного происхождения. Разница с предшествующей парадигмальной установкой видится прежде всего в том, что от оценочной характеристики внешней среды историографу предлагается перейти к функциональной и воспринимать ее как необходимую данность. Однако, сохраняется при этом расширительное понимание источника, куда может войти все, что касается историографического процесса. Дифференцируя весь корпус историографических источников, В.П. Корзун предложила в нем выделять основную (произведения историков) и вспомогательную (для воссоздания атмосферы) группы. Г.М. Ипполитов же разделил их на, собственно, историографические, и исторические источники, задействованные в историографическом исследовании [2; 3; 5].

В качестве логического развития указанной трансформации (обращение к «микрокосму») в понимании историографического источника выступила концепция М.Ф. Румянцевой и С.И. Маловичко. В рамках переосмысленной ими дисциплины источниковедения историографии авторы предложили узкую трактовку понятия. Отталкиваясь от теоретического представления об источнике как «объективированном результате творческой деятельности человека», они определили в качестве историографического источника лишь «произведения историков, которые реализуют функции презентации и позиционирования исторического знания» [6, с. 89]. Безусловная важность такой трактовки видится в том, что в ней происходит отказ от внимания только к содержанию, следовательно, потребительского отношения к источнику. И это обогащает понимание источника как продукта культуры. «Экспликация видовой природы источника» позволяет обратиться к проблеме его целеполагания. Иначе говоря, содержание источника из исходного материала само превращается в объект исследования. Естественным образом, вопрос о том, почему произведение ученого получилось именно таким, следует связывать теперь не столько с изучаемой им исторической реальностью, сколько с реальностью самого историка. Очевидна иная парадигмальная установка, в которой видны конструктивистские элементы.

С другой стороны, предложенная дефиниция содержит и нерешенные проблемы. Так, Н.Н. Алеврас, комментируя историографический источник как «базовое понятие источникове-

дения историографии», закономерно задается вопросом о том, насколько продуктивным будет узкое его понимание в такой дисциплине как историография в целом, предметное пространство которой значительно шире [1, с. 105–106]. В позитивной части своей программы Н.Н. Алеврас, отталкиваясь от суждения О.М. Медушевой, что различные прилагательные к существительному ИСТОЧНИК говорят не о его природе, а о сфере исследовательского интереса. Помещая историческое знание в целостное пространство гуманитарного знания, по мнению историографа, можно обойтись и без прилагательных «исторический» и «историографический», поскольку «результаты научной деятельности историков находятся в общей совокупности интеллектуальных продуктов системы информационного ресурса гуманитаристики» [1, с. 116–117].

Таким образом, на повестке дня решение вопроса: произведения историков – это главный, один из, единственный историографический или просто источник? Попытка вернуть в центр историографии научную идею в рамках концептуалистского подхода не всеми может быть разделена, настолько разрослось ее объект-предметное пространство (результаты интеллектуальной деятельности ученых, организационная инфраструктура, социокультурный контекст, жизненный мир и т.д.). Исследовательские же практики историографов, все с большей охотой использующих и вводящих в научный оборот документы личного происхождения историков, показывают, что для них узкое понимание историографического источника будет скорее контрпродуктивным.

1. Алеврас, Н. Н. Источниковедение историографии и историографический источник в контексте источниковедческой парадигмы как повод для историографических заметок и размышлений / Н. Н. Алеврас // Мир историка: историографический сборник. – Вып. 11. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. – С. 100–121.
2. Бычков, С. П. Введение в историографию отечественной истории XX в.: учеб. Пособие / С. П. Бычков, В. П. Корзун. – Омск : Омск. гос. ун-т, 2001. – 359 с.
3. Вовк, О. Б. Терминологические проблемы историографии: историографический факт и историографический источник / О. Б. Вовк // Категоріальний апарат історичної науки. Харківський історіографічний збірник. – Харків : НМЦ СД, 2000. – Вип. 4. – С. 48–55.
4. Зевелев, А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты / А. И. Зевелев. – М. : Высшая школа, 1987. – 160 с.
5. Ипполитов, Г. М. Классификация источников в проблемно-тематических историографических исследованиях и некоторые методологические подходы к их анализу / Г. М. Ипполитов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 13. – №3(2). – 2011. – С. 501–509.
6. Маловичко, С. И. Источниковедение историографии как предметное поле интеллектуальной истории / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева // Мир историка: историографический сборник. – Вып. 11. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. – С. 77–99.
7. Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. – Калинин : Калининский гос. университет, 1980. – 142 с.
8. Нечкина, М. В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) / М. В. Нечкина // История и историки. Историография истории СССР. – М. : Наука, 1965. – С. 6–21.
9. Соломаха, Е. Н. Понятие историографического источника и историографического факта в советской историографии / Е. Н. Соломаха // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 10-3. – С. 23–24.
10. Шмидт, С. О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки / С.О. Шмидт // Труды МГИАИ. – М. : МГИАИ, 1965. – Т. 22. – С. 3–49.

Маловичко С.И.

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ВИДОВ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНЫХ КНИГАХ ПО ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Тема настоящего сообщения связана с изучением актуальных проблем источниковедения историографии Научно-педагогической школой источниковедения (сайт Источниковедение.ru).

Целью исследования является анализ практики позиционирования видов историографических источников в учебных книгах, в первую очередь, по историографии истории России, но для большей репрезентативности проведенного анализа я выбрал по одной украинской и белорусской книги, посвященных историографии национальной истории. Считаю важным выявить релевантность позиционируемого в учебных книгах подхода к историографическому источнику.

ку репрезентируемым в них видам исторических произведений и сделать вывод о корректности информационного потенциала, предлагаемого учебными книгами.

Несмотря на то, что самостоятельной исторической дисциплиной история истории становится в рамках неклассической модели исторической науки, основой истории истории (как и истории науки – в целом) была т.н. кумулятивная – по сути линейная – модель развития научного знания, восходящая еще к классической рациональности, а значит к классической европейской модели исторической науки. Поэтому историки считали, а некоторые считают до сих пор, что в общих работах по истории национальной истории они должны показать линейный путь развития историографии, характеризующийся приростом и/или накоплением / расширением исторического знания, превращающегося по мере приближения к современности все более объективным, а значит – точным. Как писал в своём известном учебном пособии «Русская историография» Н.Л. Рубинштейн: «Процесс накопления исторических знаний, конкретного исторического материала – необходимая база, материальная основа, на которую опирается наука в своем развитии» [11, с. 7]. Элементы классической рациональности XIX в. оказались очень устойчивы в профессиональном сознании не только советских, но и постсоветских историков. Например, в белорусском учебном пособии, написано: «Историография – это наука, изучающая процесс накопления знаний о развитии человеческого общества...» [1, с. 6], а в новейшем российском академическом учебнике для бакалавриата указано, что под историографией «в первую очередь понимается процесс изучения состояния исторической науки и накопления исторических знаний» [10, ч. 1, с. 6].

Уже в XIX в. история истории стала выполнять две основные функции: методическую и критическую. Последняя была связана с установкой на выявление исторического / историографического факта, который будет использоваться при конструировании историографического материала. Перед историком, писал Н.Л. Рубинштейн, «встает сложная и ответственная задача – определить конкретную историческую обусловленность рассматриваемых научных концепций» [11, с. 4]. Историографическим фактом стали признаваться концепции историков.

Проблема «источниковедение историографии» была поставлена в исторической науке с 60-х гг. XX века [12] в период превращения историографии в самостоятельную историческую дисциплину, что явилось важнейшим маркером неклассической модели исторической науки.

В советской, а затем в российской, белорусской и украинской историографии стало распространенным определение историографического источника С.О. Шмидта («историографическим источником можно признать всякий источник познания историографических явлений (фактов)» [13, с. 185]), которое в тех или иных вариациях явилось основой подхода к историографическому источнику, основанного на его расширительном толковании за счет исторических источников иных видов (например, «частная и деловая переписка», «документация научно-исследовательских организаций», «тексты постановлений» и т.д.). Анализ учебных книг по историографии, позволяет заключить, что именно этот подход нашел в них свое место [см., напр.: 6, с. 37; 4, т. 1, с. 23; 1, с. 8]. Он соответствует практике классического источниковедения XIX в. – извлечения информации – фактов, накопления знаний, пригодных для конструирования истории, в том числе – знаний об историографическом процессе.

Нет ничего удивительного, что в определении данным С.О. Шмидтом историографическому источнику присутствует слово «факт». Параллельно дискуссии об историографическом источнике историки обсуждали вопрос о сути понятия «историографический факт» [8]. Одним из результатов такого обсуждения стало появление странной дефиниции – «источник [историографический] – факт» [2, с. 98]. Рефлексия об историографическом факте ориентирует исследователей истории истории на рассмотрение концепций, которые выдвигались историками, тем самым размывается граница между историографическим фактом и историографическим источником, приводящая к подмене произведения историка (как историографического источника), в котором историческое знание презентуется в определенной форме (статья, исторический очерк, монография и т.д.) историографическим фактом, уводящим историографическую проблему в поле исторической событийности. Это мешает проведению строгой историографической процедуры деконструкции. Например, в учебном пособии по историографии, указано: «Целью изучения дисциплины “Историография истории России” является усвоение <...> важ-

нейших исторических концепций». И далее: «В данном учебном пособии под историографическим фактом понимается концепция ученого, реализованная им в одном или нескольких исторических сочинениях» [3, с. 12, 24].

С конца XX в. в учебных книгах по историографии стали появляться разделы «Історіографічне джерело», «Історіографічний факт» [6, с. 37–38], но чаще эта комбинация подается в ином порядке – сначала факт, потом – источник. Например, в учебнике «Историография истории России до 1917 г.: в 2 т.» (2003–2004) раздел носит название: «Историографические факты и историографические источники» [4, т. 1., с. 22–23]. В белорусском учебном пособии (2006) – аналогично – сначала дается понятие «гісторыяграфічны факт», а затем понятие «гістарыяграфічная крыніца» [1, с. 8]. В «Историографии истории России (дореволюционный период): курс лекций» (2017) раздел назван так: «Историографический факт и историографический источник. Принципы и методы историографического познания» [15, с. 6–8].

Говоря об историографических источниках, авторы учебных книг конкретно перечисляют некоторые их виды, например: «Историографическими источниками выступают труды исследователей, созданные в самых разных формах: монографии, статьи, рецензии, доклады на научных конференциях, круглых столах и т.д.» [3, с. 24]. Представляется, что появление в учебной книге по историографии пусть и небольшого пункта, посвященного базовым источникам истории истории является важным показателем саморефлексии дисциплины и стремления историков придать ей строгость. Однако о строгости позиционируемого учебными книгами по историографии знания, как показывает их анализ, – думать еще рано.

Авторы современных учебных книг по историографии не корректно указывают виды историографических источников. Наиболее часто это случается с «монографией» и «историческим очерком». Автор курса лекций по истории национальной истории назвал произведения С.Ф. Платонова и А.Е. Преснякова «монографиями» [см.: 15, с. 231, 238], несмотря на то, что в самоназваниях историографических источников присутствует слово «очерки» и имеются рефлексии обоих авторов о выборе формы позиционирования исторического знания. Видимо современные историки совершенно отказываются от процедуры историографического анализа, когда публицистическое произведение П.Н. Милюкова «История второй русской революции» (написанное в 1919 г. по свежим следам революции 1917 г.) называют «монографией» [3, с. 300]. Милюкову же (как автору большой, изданной отдельной книгой рецензии «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства: рецензия на сочинение А.С. Лаппо-Данилевского: Организация прямого обложения в Московском государстве» (1892)) приписывают действие почти сказочного характера, когда пишут: «Из-под пера Милюкова родилось произведение *невиданного жанра – рецензия-монография* [курсив мой. – С.М.]» [4, т. 2, с. 214]. Небольшую брошюру (которая в самоназвании определена «статьей» (в англ. аннотации – «a short sketch»)) современный автор учебной книги по историографии зачем-то характеризует как напечатанную «в виде монографии» [10, ч. 1, с. 215]. Подобных примеров, можно приводить очень много.

К сожалению, в учебных книгах по истории национальной истории авторы не всегда рефлексуют о видовых характеристиках произведений – своих «собратьев по цеху» – историографов, чьи работы по российской, белорусской и украинской историографии публиковались ранее. Например, работа Д.И. Дорошенко «Огляд української історіографії» (1921) названа учебником («підручник») [6, с. 65], монографией названы «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» М.О. Кояловича (1884), «Опыт русской историографии» В.С. Иконникова (1891–1908), «Главные течения русской исторической мысли» П.Н. Милюкова (1897) [9, с. 7], «Введение в русскую историю (источники и историография)» В.И. Пичеты (1922) [1, с. 12], «первым монографическим сочинением по отечественной историографии» называют «Очерки литературы русской истории до Карамзина» А.В. Старчевского (1845) [3, с. 263; 10, ч. 1, с. 127], учебником названа «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна (1941) [4, т. 1, с. 14] и т.д.

Приходится признать, что профессиональные историки, приняв подход к историографическому источнику, основанный на его расширительном толковании, не рефлексуют видовую принадлежность отобранных для историографического анализа историографических источни-

ков. Поэтому фраза в начале одного из учебников для студентов: «Итак, вперед, к профессиональному мастерству!» [4, т. 1, с 11], – является ничем иным, как риторической фигурой.

Стремление к поиску строгих научных оснований исторических исследований актуализировало неоклассическую модель исторической науки и процесс выработки критериев, помогающих различать логику создания исторических произведений. Рефлексия о строгих научных основаниях для анализа произведений историков подталкивает специалистов в области истории истории к постановке вопроса о классификации практик историописания. С точки зрения неоклассической феноменологической концепции источниковедения, реализуемой Научно-педагогической школой источниковедения (сайт: Источниковедение. ru) [5], *историографическими источниками* являются произведения историков, которые реализуют функции презентации и позиционирования исторического знания. Этот подход дает возможность прояснить многообразие типов презентуемого исторического знания, позволяет смотреть на историографический источник как на произведение творческой активности человека, продукт культуры. Он ориентирует современного исследователя выявлять целеполагание автора исторического труда, сознательно осуществлявшего акт историописания, выполнявшего определенную функцию в социуме [7].

1. Белазаровіч, В. А. Гістарыяграфія гісторыі Беларусі : дапаможнік / В. А.Белазаровіч ; пад агульн. рэд. І. П. Крэня, А. М. Нечухрына. – Гродна : ГрДУ, 2006. – 346 с.
2. Зевелев, А. И. Историографическое исследование : методологические аспекты : учеб. пособие для студ. вузов / А. И. Зевелев. – М. : Высш. шк., 1987. – 160 с.
3. Историография истории России : учеб. пособие для бакалавров / под ред. А. А. Чернобаева [2-е изд.]. – М. : Изд-во Юрайт, 2014. – 552 с.
4. Историография истории России до 1917 г.: учеб. для студ. : в 2 т. / под ред. М. Ю. Лачаевой. – М. : ВЛАДОС, 2003–2004.
5. Источниковедение.ru [Электронный ресурс]. – М., сор 2010–2019. – Режим доступа : <http://ivid.ucoz.ru/> – Дата доступа : 24.02.2019.
6. Колесник, І. І. Українська історіографія (XVIII-початок ХХ століття) / І. І. Колесник. – К. : Генеза, 2000. – 256 с.
7. Маловичко, С. И. Источниковедение историографии как предметное поле интеллектуальной истории / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева // Мир историка : историографический сборник / отв. ред. В. П. Корзун, С. П. Бычков. – Вып. 11. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. – С. 77–99.
8. Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки / отв. ред. М. В. Нечкина. – Калинин : Калининский гос. университет, 1980. – 143 с.
9. Наумова, Г. Р. Историография истории России : учеб. пособие / Г. Р. Наумова, А. Е. Шикло [4-е изд.]. – М. : Изд. центр «Академия», 2011. – 480 с.
10. Наумова, Г. Р. История исторической науки. Историография истории России : в 2 ч. : учеб. для академического бакалавриата / Г. Р. Наумова. – М. : Юрайт, 2017.
11. Рубинштейн, Н. Л. Русская историография / Н. Л. Рубинштейн. – М. : ОГИЗ, 1941. – 659 с.
12. Шмидт, С. О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки / С. О. Шмидт // Труды Моск. гос. ист.-арх. ин-т. М., 1965. – Т. 22. – С. 3–49;
13. Шмидт, С. О. Архивный документ как историографический источник // Шмидт, С. О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии / С.О. Шмидт. – М. : РГГУ, 1997. – С. 177–205.
14. Шмидт, С. О. Некоторые вопросы источниковедения историографии / С. О. Шмидт // Проблемы истории общественной мысли и историографии : к 75-летию акад. М. В. Нечкиной : сб. ст. – М. : Наука, 1976. – С. 119–129.
15. Халявин, Н. В. Историография истории России (дореволюционный период) : курс лекций / Н. В. Халявин. – [2-е изд.]. – Ижевск : Изд. Центр Удмуртский университет, 2017. – 260 с.

Кашинская О.А.

ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.К. ШИЛЬДЕРА КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В УЧЕБНЫХ КНИГАХ ПО ИСТОРИОГРАФИИ

В 1901 г. Н.К. Шильдер издал свое очередное историческое произведение «Император Павел Первый: историко-биографический очерк». Своим стилем и формой исторического письма эта работа была похожа на другие произведения историка, посвященные Александру I, Николаю I, а также известным личностям русской истории – таким как А.А. Аракчеев, М.Д. Скобелев и др. Самому автору в последующем в отечественной историографии уделяется мало внимания. Это связано с тем, что Н.К. Шильдер, как считалось, занимался «малозначимыми» для

развития исторической науки темами – историей российских императоров известных деятелей, стоявших вокруг трона. В связи с этим, в «Очерках истории исторической науки в СССР» под редакцией М.В. Нечкиной, указывалось, что этот историк выражал «монархическую историческую концепцию» [9, с. 322].

В данном исследовании автор ставит задачу выявить в текстах учебных книг по историографии отечественной истории рефлексии авторов о форме историописания и видовой принадлежности исторического произведения Н.К. Шильдера «Император Павел Первый...» как историографического источника.

Еще до выхода в свет «Очерков истории исторической науки в СССР» в одном из первых учебных пособий по русской историографии Н.Л. Рубинштейн назвал форму историописания Н.К. Шильдера политической историей, а автора поставил в один ряд с такими «официальными» историками XIX в., как Н.Г. Устрялов, Д.И. Иловайский и Н.Ф. Дубровин [10, с. 352–353].

Не обратил внимание на форму историописания Шильдера и В.И. Астахов. Историк указал: «Свидетельством упадка и бесплодия пореформенной дворянской науки была деятельность историков вроде Н.К. Шильдера, которые ограничивались трудами по истории отдельных самодержцев» [1, с. 308]. На историко-биографическую форму письма истории Н.К. Шильдера можно найти намек в учебном пособии под редакцией В.Е. Иллерицкого и А.А. Кудрявцева. В нем отмечается, что историк выступает как автор трудов, посвященных биографиям и характеристике правления императоров Павла, Александра I и Николая I. [4, с. 284]. Но после этого в учебном пособии сообщается, что произведения Шильдера «напоминают сочинения придворного историографа, который задается целью восхвалить и оправдать политику царей и выполняющих их волю сановников. Богатая документация, отличающая работу Шильдера, призвана создать впечатление «объективности» автора», в действительности служит средством мнимонаучного «обоснования» его реакционных воззрений» [4, с. 284].

А.М. Сахаров в учебном пособии по историографии истории СССР обратил внимание на минимум обобщений в трудах Н.К. Шильдера, и более-менее верно назвав форму историописания историка – биография, придал своим словам осуждающий смысл. История под пером Шильдера «все более превращается в биографию царей...», написал А.М. Сахаров [11, с. 166].

Наиболее четкое указание на форму историописания Н.К. Шильдера можно найти в курсе лекций «Историография истории России (дореволюционный период)» Н.В. Халявина. Современный историк отметил, что «среди профессионалов и любителей истории второй половины XIX века этот автор будет известен, прежде всего, как мастер биографического жанра» [2, с. 197]. К историческим биографиям («жизнеописаниям») автор курса лекций отнес истории императоров: Павла I, Александра I и Николая I, а также выдающихся соотечественников: А.А. Аракчеева, М.Д. Скобелева и др. Н.В. Халявин охарактеризовал их как биографии, в которых затрагивается «события не столь давнего времени, что сказывается на работе историка. Шильдер преподносит «описание придворных нравов, рассказ о дворцовом перевороте, лишившего жизни и трона Павла I, бурные события междуцарствия Александра и Николая Павловичей – все это при обращении к ним требует такта и в то же время заставляет давать предельно честную характеристику произошедшему» [2, с. 198].

Итак, авторы учебных книг по отечественной историографии или считают не важным указывать форму, в которой Н.К. Шильдер презентировал свои истории, или, называя ее, не актуализируют вопрос о том, что из себя представляет форма исторической биографии среди иных форм историописания. В этой связи, представляется важным обратить внимание на форму, в которой Н.К. Шильдер презентировал истории российских императоров. По мнению Л.Н. Мазур, «Историко-библиографический метод предполагает привлечение особого корпуса источников – документов личного происхождения (свидетельств современников, дневников, мемуаров, воспоминаний)» [7, с. 152]. Например, в работе «Император Павел Первый. Историко-биографический очерк» Н.К. Шильдер, в первую очередь, привлек указанные исторические источники, правда, ему за такую исследовательскую практику историки затем высказали претензии (в своем учебном пособии В.Е. Иллерицкий и А.А. Кудрявцев указали, что Шильдер главным образом использовал источники о деятельности самодержавного правительства, поэтому «научное значение работ Шильдера крайне невелико» [4, с. 284]).

Исторические произведения Н.К. Шильдера, в том числе его труд «Император Павел Первый: историко-биографический очерк», для авторов учебных книг по отечественной историографии выступают в качестве историографических источников. В «Очерках истории исторической науки в СССР» произведения Шильдера названы «монографиями» и «историческими монографиями» [9, с. 279–280].

В ряде учебных книг по отечественной историографии работы Н.К. Шильдера названы просто «труд» или «труды» [4, с. 284; 3, т. 2, с. 120]. А.Л. Шапиро в учебном пособии «Русская историография с древнейших времен до 1917 г.» назвал работу «Император Павел I, его жизнь и царствование» исследованием [12, с. 518].

Рефлексируя особенности своего исторического нарратива «Император Павел Первый: историко-биографический очерк», сам Н.К. Шильдер, писал: «В настоящем труде я не задавался целью изложить историю царствования императора Павла Первого. В виду наступающего столетия кончины этого государя я желал лишь набросать краткий очерк его жизни, отличающейся такими трагическими и, можно сказать гамлетовскими чертами, подобным которые не встречается в жизни ни одного из венценосцев, не только в русской, но и во всемирной истории» [13, с. 8].

Л.Н. Мазур считает, что «особенностью историко-биографического метода является широкое применение литературно-художественных приемов изложения материала (сюжетность, образность), а также эмоциональность, наличие авторской позиции в оценке личности» [7, с. 152.]. Исторический нарратив, представленный биографической формой – имеет довольно продолжительную историю в европейской модели историописания, ему сложно придать строгую научную – исследовательскую стратегию. Например, написанное Д.Н. Кобеко произведение «Цесаревич Павел Петрович (1754–1796)» [6, 474 с.] представлено очерковым стилем [5, с. 73–75]. Н.К. Шильдер следовал утвердившейся в культуре традиции, поэтому и не старался превращать историческую биографию в строгую научную форму. Историк, по вполне понятным для себя и для культуры его времени, определил вид своего историописания – «очерк». Этот вид историописания в отличие от монографии и научного исследования отличался не репрезентативностью источниковой базы, рассмотренной историографии, популярностью стиля и т.д. [8, с. 337–354].

1. Астахов, В. И. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.) / В. И. Астахов. – Харьков : ХГУ, 1965. – 584 с.
2. Историография истории России (дореволюционный период): курс лекций для бакалавров / Н. В. Халявин [и др.] ; под ред. Н. В. Халявина. – 2-е изд. исп. и доп. – Ижевск : Издательский центр «Удмуртский университет», 2017. – 260 с.
3. Историография истории России до 1917 г. : учеб. для студ. : в 2 т. / под ред. М. Ю. Лачаевой. – М. : ВЛАДОС, 2003–2004.
4. Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: учеб. пособие для вузов СССР / под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева [Моск. гос. ист.-архивный ин-т]. – Москва : Соцэкгиз, 1961. – 511 с.
5. Кашинская О.А. Практика исследования произведения Д.Ф. Кобеко «Цесаревич Павел Петрович (1754–1796)» в предметном поле источниковедения историографии // Актуальные вопросы изучения преподавания истории, социально-гуманитарных дисциплин и права: материалы международной научно-практической конференции к 100-летию исторического факультета ВГУ имени П.М. Машерова, Витебск, 26–28 апреля 2018. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – С. 73–75.
6. Кобеко, Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754–1796) : историческое исследование / Дмитрия Кобеко / изд. 3-е доп. СПб: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1887. – 474 с.
7. Мазур, Л. Н. Историко-биографический метод / Л. Н. Мазур // Теория и методология исторической науки : терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. – М. : Аквилон, 2014 – 151–152.
8. Маловичко, С. И. Монография и очерк : опыт сравнительного источниковедческого анализа историографических источников / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева // Профессия – историк / отв. ред. О. В. Воробьева. – М. : Аквилон, 2017. – С. 337–354.
9. Очерки истории исторической науки в СССР. М. : Изд-во АН СССР, 1955–1985. Т. 3. – 831 с.
10. Рубинштейн, Н. Л. Русская историография [Текст] / Н. Л. Рубинштейн. – [Москва] : Госполитиздат, 1941. – 659 с.
11. Сахаров, А. М. Историография истории СССР [Текст] : Досоветский. период : [Учеб. пособие для ист. фак. пед. ин-тов] / А. М. Сахаров. – М. : Высш. школа, 1978. – 256 с.
12. Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. : учебное пособие / А. Л. Шапиро. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Ассоц. "Россия" : Культура, 1993. – 761 с.
13. Шильдер, Н. К. Император Павел Первый: историко-биографический очерк. – СПб. : Изд. А.С. Суворина, 1901. – 687 с.

Булыгина Т.А.
**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ.
НА ПРИМЕРЕ СТЕНОГРАММ СОВЕЩАНИЙ АВТОРСКОГО КОЛЛЕКТИВА
КНИГИ «ИСТОРИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА»¹**

Источниковедение историографии предполагает, как справедливо замечают современные исследователи, использование метода источниковедения для изучения истории исторической науки в междисциплинарном поле интеллектуальной истории [6, с. 203]. Анализ историографических источников включает не только историю и процесс их создания, но и воздействие в ходе их функционирования на социум и науку.

Авторы одного из последних учебных пособий по источниковедению считают, что информация историографического источника представляет собой данные о типе научного знания представленного в данном источнике, о типичности этого знания для современной ему историографической культуры. Автор раздела об историографических источниках С.И. Маловичко справедливо считает, что методика изучения таких источников вписывается в общую схему источниковедческого анализа. Вместе с тем, он полагает, что данный источник имеет свои особенности. Эта специфика, по мнению авторов, состоит в использованном историописателем материале [4, с. 597]. Заметим, что не только любой вид и даже подвид источника имеет свою специфику, которую надо учитывать при анализе, не говоря уж о разных типах источников. Сеем утверждать, что любой источник, в свою очередь, имеет источники, обусловленные антропологическим, социальным, историческим и научным контекстами.

Соглашаясь с тем, что при изучении монографического исследования как источника надо соблюсти основные этапы его анализа, мы должны отметить, что по возможности необходимо завершить этот анализ изучением архива создания этого произведения, о чем в учебном пособии не говорится. Особенно это важно при деконструкции как одного из инструментов изучения источника, и не только историографического, но и многих других видов, особенно эгоисточников, чтобы выявить намерения автора источника и его целеполагание, скрытые декларируемыми намерениями. Как писал Поль Рикёр, «история претендует не на *оживление*, а на пере-создание, на пере-дельвание, то есть на ретроспективное создание» исторических событий [5, с. 38]. Такому же ретроспективному созданию подвергается и историографический источник, и в этом процессе могут участвовать и источники истории создания историографического источника.

Рассмотрим архивные документы совещания по такому изданию, как «История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.)» [3]. Обращают на себя внимание доброжелательные обороты речи участников дискуссии и положительная оценка одной из глав второго тома этого труда. Для ораторов типичной фразой стало «присоединяюсь к выступившим товарищам». Однако за этим следует обязательное «но». Это типичный стиль пожданесоветского времени, когда вместо открытых и грубых обвинений в адрес «врагов народа» были приняты расплывчатые намеки на политические ошибки «отдельных товарищей». Правда, намеки часто заканчивались оргвыводами. О времени свидетельствует и некоторая смелость в речах официальных советских историков, особенно в регионах, ведь вертикаль власти была существенно ослаблена.

В целом дискуссия касалась различных аспектов северокавказской истории, в частности степени полноты освещения тех или иных проблем, их фундированности. Так, А.Х. Касумов предложил расширить международный аспект истории народов Северного Кавказа, показав роль отдельных народов в укреплении позиции как России, так и Турции на Северном Кавказе, а также участие Запада в противостоянии России на Черном море. Он отметил отсутствие сносков на вновь выявленные документы по истории внешней политики России [1, с. 28–30]. Х.Х. Рамазанов, профессор из Дагестанского университета обращал внимание на неточности и неполноту вопроса о поземельных отношениях и земельной политике царского правительства. Он выступил против представлений авторов одного из параграфов о горских крестьянах как о феодально зависимых, хотя они были свободными [1, с. 60–63].

¹Статья выполнена в рамках проекта «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917 – 1922 гг.)», поддержанного РФФИ (18-09-00444).

В ходе дискуссии среди представителей местной научной элиты в конце 1970-х – начале 1980-х годов уже наметился подъем национального самосознания, ограниченный рамками лояльности к партийно-государственной политике. Так, в речи А.Х. Касумова, историка из Кабардино-Балкарского университета таким «но» стала констатация отсутствия истории земель Закубанья, в частности Кабарды на фоне большого материала об Осетии [1, с. 27]. Не менее остро в этом же контексте прозвучали замечания Х.Х. Рамазанова по поводу сомнительности ряда терминов, устоявшихся в исторической литературе. В частности, это касалось «Кавказской войны». По мнению дагестанского историка события первой половины XIX века на Северном Кавказе являлись борьбой за независимость против царской России, а не Кавказская война [1, с. 62]. Эта тенденция была характерна не только для национальных республик и областей, но и для представителей русских районов, например, Кубани. Известный кубанский историк Б.А. Трехбратов в своем выступлении обратил внимание на отсутствие материалов об иногородних Ставрополья и Кубани, о недостаточных сведениях по поводу хозяйственного расслоения казаков [2, с. 92–93].

Уже тогда некоторые участники совещания критиковали «усредненный» стиль письма, когда в первых абзацах непонятно, о каком регионе идет речь. Ставропольский историк В.П. Крикунов справедливо заявил, что «если забыть, что ты читаешь региональную историю народов Северного Кавказа, не всегда можно понять все-таки, какому вопросу эта рукопись посвящена». Он был одним из немногих, кто поднимал голос в защиту научности и объективности: «Нам не нужны, ни черные, ни розовые очки» [1, с. 32–35]. Надо заметить, что обезличивание местной истории – типичная черта краеведческой литературы 1960–1980-х годов, когда местный материал был лишь иллюстрацией национальной модели отечественной истории. Существенно, что ряд исследователей сохранял такой «краеведческий» стиль, неприемлемый для научного издания. Этот позитивистский подход сохраняется и сегодня в ряде работ местных авторов.

Концентрированно официальную концепцию книги изложил ответственный редактор второго тома академик А.Л. Нарочницкий. Прежде всего, он попросил вписать историю северокавказских народов в общероссийский контекст, в данном случае в процесс развития капитализма в России. Главу о реформах на Северном Кавказе А.Л. Нарочницкий предложил предварить общими положениями о новом этапе в развитии России – переходе к капитализму и в истории Северного Кавказа – ликвидации имамата Шамиля и о подчинении Северного Кавказа России. Именно эти положения, на его взгляд, были важными теоретическими проблемами. Необходимо через весь текст провести основные закономерности развития страны через частные особенности региона. Вместе с тем, необходимо было выделить русское население Северного Кавказа, среди которого проходили несколько иные реформационные процессы, нежели у горцев. Кроме того, редактор предложил не игнорировать процесс переселения горцев в Турцию, но объяснить это влиянием мусульманства [1, с. 117–124].

Прослеживается стремление подвести разнородный материал под один знаменатель, подав его более обобщенно и «теоретично», придав книге именно монографический характер. В итоге работа, получив официальное определение «монография», в ряде случаев напоминала «очерки». Не случайно так назвал книгу один из участников дискуссии [1, с. 33]. По существу так считали и многие авторы труда. На очерковый характер рукописи обращал внимание и Б.М. Джумов из Адыгеи, который выступал за преемственность глав, как это положено в монографии. Из этого следовало, что такой связи не было [2, с. 86]. Один из авторов профессор Кабардино-Балкарского университета Т.Х. Кумыков обратил внимание на то, что вместо живого согласования мнений участников авторского коллектива, взгляды авторов не учитываются, и руководитель кроит главу по своему усмотрению [2, с. 83]. Представляется, что это была попытка вложить разнообразие подходов авторского коллектива в единую концепцию.

В ходе обсуждения макета книги, с одной стороны, наблюдается попытка сгладить все сложности истории Северного Кавказа в духе идеологических тезисов о «великой дружбе народов» и о прогрессивной роли России в жизни народов этого региона. С другой стороны, ощущается глухое недовольство ученых-представителей тех или иных титульных наций Северокавказского сообщества недооценкой ролью их этноса в местной истории. Кроме того, видно стремление коллектива авторов тянуть одеяло на себя: вместить больше текста о «своем» народе. Из обсуждения следует, что в рукописи были представлены различные взгляды историков

на социально-экономические процессы в регионе, различный источниковый уровень, разная степень научно-теоретических подходов, большее или меньшее влияние краеведения. Однако в целом текст усреднен и «идейно выдержан». Просматривается работа кураторов, которые проделали громадный труд, по приведению глав в надлежащий вид по этим параметрам. Они пытались придать материалу рукописи научно-теоретический характер и одновременно обеспечить тексты нужными идеологическими оценками. Из устных источников следует, что иногда эти редакторы вынуждены были переписывать целые главы. Это все и определяет не только контекст написания монографии, но и ее реальный жанр.

1. Архив Российской Академии наук (АРАН). – Ф. 1841. Оп. 1 Д. 1078.
2. АРАН. – Ф. 1841. Оп. 1 Д. 1079.
3. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. редактор А. Л. Нарочницкий ; М. : Наука, 1988. – 659 с.
4. Источниковедение. Учебное пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др.; отв. ред. М. Ф. Румянцева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015 – 685 с.
5. Рикёр, П. История и истина / П. Рикёр. – СПб. : Алетейя, 2002. – 400 с.
6. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / под ред. А. О. Чубарьяна. – М. : Аквилон, 2014. – 575 с.

Ерохин В.Н.

ИСТОЧНИКИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ АНГЛИИ ЭПОХИ РЕФОРМАЦИИ

Британскими историками выявлена значительная источниковая база в изучении истории Церкви Англии реформационного периода. Важнейшим источником для оценки состояния Церкви Англии накануне Реформации остаётся перепись церковного имущества 1535 года *Valor Ecclesiasticus*, проведенная по инициативе королевской власти, и впервые опубликованная в первой трети XIX века [21].

Valor Ecclesiasticus была составлена главным образом светскими людьми, подобранными Томасом Кромвелем, многие из которых были мировыми судьями или другими служащими местной власти. Сохранились переписи от всех епархий, кроме Йоркской, но для этой епархии в 1536 году была составлена детальная перепись с оценкой имущества для совершения королевской визитации этого района. На этих материалах, находящихся на хранении в Государственном архиве Великобритании (PRO E 36/114; SC 11/roll 766), в своё время работал А. Н. Савин, исследуя вопросы, связанные с имуществом монастырей [15, р. 88]. По епархии Эли в Государственном архиве Великобритании материалов нет, но они сохранились в копии в Бодлианской библиотеке Оксфордского университета Bodl., Tanner MS. 141, fos. 74 ff [11, р. 52]. Перепись *Valor Ecclesiasticus* была составлена буквально в течение нескольких месяцев, так что в переписи есть, как было установлено, некоторые упущения и неточности (например, в отношении монастырей в Ланкашире). В целом же *Valor Ecclesiasticus* впечатляет общей тщательностью и точностью работы.

Детальное описание архивов, которыми располагает Церковь Англии, содержится в сборнике «Обзор церковных архивов» (1946), подготовленном для пользования архивистами без публикации типографским способом [19]. Он напечатан машинописью в двух томах, и с него сделаны копии для Института исторических исследований в Лондоне и для крупнейших библиотек страны. В публикации Д. Оуэн перечислены те церковные архивы, которые доступны исследователям, с их местонахождением по графствам и характеристикой их каталогов [13]. Многие материалы по истории Церкви Англии находятся в главном архивохранилище страны – Государственном архиве Великобритании (Public Record Office (PRO), который находится в городе Кью в графстве Суррей). Материалы о сборе церковных субсидий по епархиям в XVI–XVII вв. хранятся в PRO Class E. 179 и содержат информацию о том, во сколько оценивался при обложении каждый бенефиций с упоминанием в некоторых случаях имени того духовного лица, которое уплачивало субсидию. Имеют значение также материалы суда лорда-канцлера об отлучениях от церкви, хранящиеся в PRO Class C. 85, и завещания духовных лиц, которые сохрани-

лись в книгах записей епископов, соборных капитулов, в записях церковных судов. Здесь также содержится информация о церковной утвари, зданиях, описания часовен, религиозных братств, служивших в них священников [18, p. 167–168].

Журналы записей епископов восходят по своему появлению к XIII веку. Это достоверные источники, охватывающие значительные по протяженности временные периоды [18, p. 169]. В некоторые годы в течение реформационного периода увеличивалось количество назначений на церковные должности по распоряжению короны (letters patent), которые хранятся в PRO Class C. 66. С 1400 года в университетах стали составляться списки с информацией личного характера о тех, кого зачисляли в университеты, и кто из них заканчивал курс обучения, которые позволяют найти данные о священниках-выпускниках университетов [18, p. 170].

Сохранились также материалы о часовнях Церкви Англии. В 1545–1546 годах были составлены сертификаты для ликвидации часовен с топографическими каталогами, хранящиеся сейчас в PRO [18, p. 171]. Имена священников в приходах и патронов приходов можно выявить на основе рукописных книг о назначении на должность, хранящихся в PRO, в которых упоминаются сертификаты, выдававшиеся епископами при назначении священника в приход (с 1544 по 1912 годы). Сведения об этом находятся на хранении в фонде PRO Class E. 331. Взимание короной аннатов и «первых плодов» с духовных лиц, получивших должность, зафиксировано в книгах о задолженности духовных лиц короне с именами духовных лиц (composition books), охватывающих 1535–1794 годы, процессуальных книгах (process books) (1540–1822), в которых фиксировались платежи духовных лиц короне. Имеют значение источника также инвентарные описи церковного имущества, облачений и ценных предметов, сделанные в 1552 году режимом герцога Нортумберленда [18, p. 172].

Проводились также различные церковные переписи, оценивавшие количество католиков и пуритан в приходах, и количество прихожан, которые регулярно посещали службы, что фиксировалось также в материалах визитаций епископов и записях архидиаконов. В этих источниках можно почерпнуть сведения о духовной жизни прихода, религиозных взглядах приходского священника (особенно в случаях, если у него были пуританские наклонности) и о том, как он организовывал службу и проповеди в приходе, информацию о моральном состоянии прихожан, уровне их образованности, а также описание состояния церковных зданий, утвари, священнических облачений [12].

Документы, связанные с отдельными бенефициями, содержат сведения об их доходности, назначении в приход священников, изменениях в имущественной обеспеченности прихода. Для приходов составлялись также поземельные книги, в которые иногда включали сведения о состоянии церковного здания и его обеспеченности необходимой утварью для служб [20]. В приходах велись также книги записей о взимании десятин. Споры о взимании десятин зафиксированы в архивах церковных и светских судов, особенно в Суде прошений казначейства (Exchequer of Pleas) [10, p. 17–35].

В материалах церковных судов на уровне епархий и архидиаконств книги судебных дел (case books) содержат детальные описания дел, разбиравшихся в этих судебных учреждениях. Разбор судебных дел регулировался актовыми книгами (act books) [1]. С середины XVI века материалы заседаний церковных судов заметно расширяются в объёме. В них содержатся сведения для оценки взаимоотношений духовенства и светских лиц, о моральной и духовной жизни священника, прихода [18, p. 173]. В Церкви Англии существовали также апелляционные суды, разбиравшие споры в среде духовенства. Записи материалов церковного апелляционного Арчского суда южной Кентерберийской церковной провинции (Court of Arches) сохранились только от времени после 1660 года. Аналогичным апелляционным судом для северной Йоркской церковной провинции был суд лорда-канцлера [17, p. 139–153]. В Ламбетском дворце хранятся записи Суда отпущений (Court of Faculties), охватывающие время с 1534 года, по которым можно собрать сведения о разрешениях на совмещение нескольких должностей в церкви (плюралитетах) и на право духовного лица жить вне своего прихода [3].

Документы о жизни прихода в постреформационный период там, где они хорошо сохранились, содержат значительную информацию о различных деталях приходской жизни. По составу приходская документация включает протоколы собраний налогоплательщиков прихода, при-

ходские книги записей, отчёты констеблей, надсмотрщиков – заведующих призрением бедных в приходе, и отчёты церковных старост. Наиболее значительными источниками о жизни в приходе историки издавна считают отчёты церковных старост [8]. Приходские книги записей, наряду со списком крещений, браков и погребений, бывает, содержат еще какую-нибудь информацию личного характера, более нигде не встречающуюся [18, р. 176].

Британские историки подготовили также обзоры источников, характеризующих историю протестантских неконформистов [9]. Крупнейшим собранием произведений неконформистов-индепендентов и конгрегационалистов является Библиотека доктора Уильямса в Лондоне. Сведения о деятельности католиков и пуритан можно найти в материалах ежеквартальных сессий мировых судей по графствам с 1559 года. Материалы о деятельности неконформистов встречаются также в сериях государственных документов, относящихся к внутренней политике (State Papers, Domestic) в PRO, а также в Актах Тайного совета (Acts of the Privy Council). Наряду с PRO, важным архивохранилищем в Англии является также Общий регистрационный архив в Лондоне (General Register Office) [18, р. 181–183].

В изучении Реформации историкам до середины XX века представлялось, что самое важное о её ходе вполне можно почерпнуть из источников, связанных с деятельностью центрального правительства, но под влиянием развития локальной истории во второй половине XX века пришло понимание того, что утверждение протестантизма в Англии – это растянувшийся во времени процесс, который необходимо исследовать, привлекая источники, относящиеся к отдельным регионам страны [7, р. 13]. Один из видов источников, информативных в этом отношении, составляют завещания. Со второй половины XX века исследователи истории Реформации в Англии активно использовали для изучения темпов распространения протестантизма в английской обществу второй половины XVI – первых десятилетий XVII вв. тексты завещаний. Вопрос об информационном потенциале завещаний много обсуждался историками Реформации [4, р. 58, 76; 16, р. 15–16; 14, р. 250–251; 2, р. 485–486, 629]. При всех трудностях анализа завещаний С. Бригден, тем не менее, обнаружила, что лондонские завещания периода 1522–1547 гг. дают ценные сведения об изменениях религиозных верований от католицизма к протестантизму, особенно если внимание обращается не только на преамбулы завещаний, но также на упоминаемые в завещаниях пожертвования на религиозные и благотворительные нужды [2]. Некоторая информативность завещаний для изучения истории Реформации заключается в возможности проследить, что всё-таки считалось уместным написать в это время в преамбуле завещания, но в целом, по мнению П. Коллинсона, до середины XVII века эти источники не позволяют вполне адекватно отразить эволюцию общественного мнения и личных религиозных взглядов конкретного человека [6, р. 197]. Он сдержанно относится к возможностям использования завещаний как источника. Как отмечал П. Коллинсон, например, в селении Крэнбрук в графстве Кент, который иногда называют «пуританским Крэнбруком», где должен был бы проявиться пуританский характер религиозности местных жителей, тем не менее, только 8 из 122 завещаний времён Елизаветы I и Якова I содержат характерно кальвинистские формулировки, а во многих завещаниях встречается клишированная религиозная преамбула, введённая местным приходским клерком [5, р. 187.]. Есть основания утверждать, что особенности личной религиозности находили отражение в завещании всё же с запозданием. Эти источники личного характера для раннего нового времени в своей массе еще не так информативны для понимания личной религиозности, как проявилось в более позднее время.

1. Bowker, M. (Ed.). An Episcopal Court Book for the Diocese of Lincoln, 1514-1520 / M. Bowker. – Lincoln Record Society LXI, 1967. – XXXII, 162 p.
2. Brigden, S. E. London and the Reformation / S. E. Brigden. – Oxford: Clarendon, 1989. – 696 p.
3. Chambers, D. S. Faculty Office Registers, 1534-1549: A Calendar / D. S. Chambers. – London: Oxford University Press, 1966. – 394 p.
4. Clark, P. English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Kent 1500-1640 / P. Clark. – Hassocks: Harvester Press, 1977. – XIII, 504 p.
5. Collinson, P. Cranbrook and the Fletchers: Popular and Unpopular Religion in the Kentish Weald / P. Collinson // Reformation Principle and Practice: Essays in Honour of A. G. Dickens / Ed. P. N. Brooks. – London: Scholar Press, 1980. – P. 173-202.
6. Collinson, P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559-1625 / P. Collinson. – New York, 1982. – XIV, 297 p.

7. Continuity and Change. Personnel and Administration of the Church in England, 1500-1642. – Leicester University Press, 1976. – 303 p.
8. Drew, C. Early Parochial Administration in England: The Origin of the Office of Churchwarden / C. Drew. – London: St. Anthony's Press, 1954. – 26 p.
9. Early Nonconformity, 1566-1800. A Catalogue of Books in Dr. Williams's Library. Published in 12 Volumes by G. R. Hall and Co., 1968.
10. Evans, E. J. Tithing Customs and Disputes: the Evidence of Glebe Terriers / E. J. Evans // Agricultural History Review. – 1970. – Vol. XVIII. – № 1. – P. 17-35.
11. Heal, F. Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate / F. Heal. – Cambridge, 1980.
12. Owen, D. M. Episcopal Visitation Books / D. M. Owen // History. – 1964. – Vol. XLIX.
13. Owen, D. M. The Records of the Established Church in England, excluding Parochial Records / D. M. Owen. – British Record Association. Archives and the User, 1970. – № 1. – 64 p.
14. Palliser, D. M. Tudor York / D. M. Palliser. – New York: Oxford, 1979. – X, 324 p.
15. Savine, A. English Monasteries on the Eve of Dissolution / A. Savine // Oxford Studies in Social and Legal History / Ed. P. Vinogradoff. – Oxford, 1909. – Vol. I. – VI, 303 p.
16. Sheils, W. J. The Puritans in the Diocese of Peterborough, 1558-1610 / W.J. Sheils – Northamptonshire Record Society, 1979. – XI, 166 p.
17. Slatter, M. D. The Records of the Court of Arches / M. D. Slatter // JEH. – 1953. – Vol. IV. Issue 2. – P. 139-153.
18. Stephens, W. B. Sources for English Local History / W. B. Stephens. – Chichester (Sussex), 1994. – XV, 342 p.
19. Survey of Ecclesiastical Archives, 1946. – London, 1951.
20. Tate, W. E. The Parish Chest: A Study of the Records of Parochial Administration in England / W. E. Tate. – London: Cambridge University Press, 1960. – 346 p.
21. Valor Ecclesiasticus / Ed. by Caley J. and Hunter J. – London: Printed by Command of His Majesty King George III by Record Commission, 1810-1834. – Vol. I – VI. Vol. I: Dioceses of Canterbury, Rochester, Bath and Wells, Bristol, Chichester, London. Vol. II: Winchester, Salisbury, Oxford, Exeter, Gloucester. Vol. III: Hereford, Coventry and Lichfield, Worcester, Norwich, Ely. Vol. IV: Lincoln, Peterborough, Llandaff, St Davids, Bangor, St Asaph. Vol. V: York, Chester, Carlisle, Durham. Vol. VI: Docs relating to Hecham deanery, the lordships of St Swithins, Winchester, the monasteries of Coggleshall and Walden, the possessions fo Durford Abbey, the churches of the dioceses of Bangor and St Asaph, and indexes.

Чикалова И.Р.

ИЗУЧЕНИЕ ПЕРСИИ В ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ: РОЛЬ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СЛУЖБ

Персия вплоть до 1828 г. была основным конкурентом России в борьбе за Кавказ. Две русско-персидские войны – 1804–1813 и 1826–1828 гг., завершившиеся подписанием победоносных для России мирных договоров – Гюлистанского и Туркманчайского, вывели Персию из числа серьезных российских конкурентов на восточном направлении. С Туркманчайского мира началась «Большая игра» между Британской и Российской империями в Азии, завершившаяся разделом Персии между ними в 1907 году.

Эти события начала XIX в. сыграли роль мощных драйверов к началу планомерного изучения Ирана. Особую роль в изучении Персии, как и других стран Востока, сыграли дипломатические службы России, хотя первоначально в составе российской Коллегии иностранных дел не было специального отдела, занимавшегося восточным направлением. Да и появившиеся в Персии еще в XVIII в. российские консульские представительства были закрыты в связи с военными конфликтами 1796 и 1804–1813 годов. Поверенный Петербурга в делах в Тегеране вновь появился после посещения в 1817 г. двора персидского шаха Фетх-Али русского посольства во главе с генералом А. П. Ермоловым, облеченным статусом чрезвычайного и полномочного посла. В Персии он провёл несколько месяцев. Понимание было достигнуто – шах согласился допустить пребывание в Тегеране русского поверенного в делах и миссии вместе с ним. В составе посольства А. П. Ермолова в качестве чиновника канцелярии находился *В. П. Бороздна*, служащий Коллегии иностранных дел. По возвращении из этого путешествия Бороздна в 1821 г. издал в Петербурге путевые записки – «Краткое описание путешествия Российско-Императорского Посольства в Персию» [2]. Намного позже – в 1860-е гг. – были изданы журнал миссии в Персию и «Записка генерала Ермолова о посольстве в Персию в 1817 году» [8; 9]. В «Русском архиве» появились воспоминания об этой поездке ее участника – *Н. Н. Муравьева* [13]. Подробные «Дневниковые записки о путешествии Российского Императорского посольства»

ва в Персию в 1817–1818 годах» еще одного участника миссии – советника посольства *А. Е. Соколова* вышли в начале XX века [22].

Подлинную активность в исследовании Востока российское Министерство иностранных дел стало проявлять с появлением в его составе по Указу Александра I от 19 апреля 1819 г. специального Азиатского департамента (с начала 1897 г. стал называться «Первый департамент»). Его создание было обусловлено активизацией внешней политики Российской империи на Востоке. Долгое время Азиатский департамент оставался единственным страноведческим подразделением Министерства иностранных дел. С момента его создания в нем проходили службу многие выдающиеся дипломаты, среди которых было немало тех, кто сочетал дипломатические функции с научными исследованиями. Особая роль отводилась изучению экзотических для России языков.

С 1824 г. для российских миссий в Иране и Турции стали готовиться переводчики в специально созданном при Азиатском департаменте МИД *Учебном отделении восточных языков*, в 1835 г. получившем статус высшего учебного заведения. Профессорско-преподавательский состав Учебного отделения комплектовался из дипломатов и просвещенных выходцев с Востока, приглашавшихся министерством, – таким путем соединялись традиции европейской науки и культуры с глубокими знаниями Востока. Среди его преподавателей был *П. И. Демезон*, назначенный в 1836 г. профессором персидского и турецкого языков. С 1843 по 1872 г. он был заведующим Отделением. Демезон составил «Персидско-французский словарь», издание которого состоялось в 1908–1914 гг. в Риме после смерти автора.

В 1872 г. после ухода Демезона в отставку и отъезда его во Францию директором Учебного отделения восточных языков был назначен бывший его выпускник, ставший не только признанным специалистом в области восточной словесности, но и опытным дипломатом и талантливым организатором, *М. А. Гамазов*. С 1848 г. он четыре года был секретарем и переводчиком международной комиссии по демаркации ирано-турецкой границы, в которой, помимо прямо заинтересованных в деле Турции и Персии, участвовали в качестве посредников Россия и Англия. С 1854 по 1856 г. Гамазов служил генеральным консулом в Гиляне. В 1858 г. Гамазов опубликовал путевые очерки своего четырехлетнего путешествия под одной обложкой – «От Босфора до Персидского залива» [4]. В 1875 г. под редакцией Гамазова вышел труд его предшественника на посту секретаря комиссии полковника *Е. И. Чирикова*, к тому времени уже умершего, – его путевой журнал, к которому были приложены разные сведения из путевого журнала самого М. А. Гамазова [19]. Обе книги, содержащие материалы по статистике, географии, истории и этнографии Азиатской Турции и Персии, представляют собой ценные историко-географические труды. Гамазов был автором ряда переводов с персидского и турецкого языков. Под его руководством и по его инициативе была издана серия каталогов восточных рукописей из библиотеки Учебного отделения Азиатского департамента МИДа. Он издавал исторические и литературные памятники, сопровождаемые примечаниями и указателями, был составителем первого в России специального «Краткого военно-технического русско-французско-турецко-персидского словаря».

В 1863–1865 гг. в Учебном отделении восточных языков преподавал *П. И. Пашино*, который был яркой личностью, не только активным дипломатом, но путешественником и журналистом. На факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета он изучил персидский, индустани и другие языки и в 1860 г. был принят на службу в Азиатский департамент МИД. Еще накануне командировки в Персию Пашино приступил к изучению этой мало знакомой европейцам страны. В Персии он на протяжении 1861–1862 гг. служил вторым секретарем российского посольства. Накануне отъезда в Россию, взяв отпуск, он объехал всю северную Персию, тщательно фиксируя свои наблюдения. По возвращении в Петербург Пашино одновременно с преподаванием в Учебном отделении восточных языков (1863–1865) начал обработку и печатание своих путевых очерков под заглавием «Письма о Персии». Публикация их началась в 1864 г. в газете «Русь», продолжилась в «Еженедельных прибавлениях к Русскому Инвалиду». Завершившие цикл «Письма о Персии» и статья «За Эриванью» были напечатаны в 1865 г. в «С.-Петербургских Ведомостях». Очерки Пашино, основанные на знании истории страны, личных наблюдениях, расспросных сведениях, в ярких красках передавали быт населения, его особенности, описание природы и путей сообщения. Второй раз Пашино побывал в Персии в 1875 г., уже как частное лицо, пересек всю страну в одежде мусульманского паломника-хаджи. В конце

жизни он опубликовал свои воспоминания, связанные с работой на посту секретаря российского посольства в Персии [16].

Среди первых студентов Учебного отделения восточных языков были выпускники Виленского университета, где лекции по персидскому языку читал профессор Минних. Это были уроженцы Вильно *Людвиг Шпицнагель*, местечка Кривичи Вилейского повета Минской губернии *Александр Ходзько*, г. Краслава Двинского уезда тогда Витебской губернии *Август Жаба* и другие. Судьба их сложилась по-разному.

Шпицнагель стал первым выпускником Учебного отделения. Жизнь его трагически оборвалась в 20-летнем возрасте в Снове, куда он приехал накануне отъезда в Александрию. *Жаба* стал дипломатом, учёным-востоковедом, иранистом, одним из основоположников российского и европейского курдоведения. В годы своего пребывания в Иране он прислал в Санкт-Петербург коллекцию персидских рукописей по истории, этнографии, литературе и фольклору курдов, сделал французский перевод поэмы поэта XVII в. Ахмеде Хани «Мам и Зин», с помощью курдского ученого Мела Махмуда Баязеди составил сборник курдских рассказов с французскими переводами и подготовил заметки о средневековой курдской литературе. Благодаря *Жабе* впервые в России и на Западе стали известны имена девяти средневековых курдских авторов, писавших на курманджи – основном диалекте курдского языка. *Жаба* стал составителем первого в мире большого курдско-иностранный словарь. Подготовленный им курдско-французский словарь был издан с дополнениями немецкого ираниста Фердинанда Юсти. Рукописи же французско-курдского и курдско-французско-русского словарей, находящиеся на хранении в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, до сих пор не изданы.

Сокурсником *Жабы* по Учебному отделению восточных языков и товарищем по Виленскому университету был *А. Ходзько*. В январе 1830 г. его зачислили на дипломатическую службу в Персию. Вначале он работал переводчиком в Тебризе, Тегеране и Реште, затем – секретарём генерального консула в Тебризе. Одновременно с *Ходзькой* в Персии первым и вторым секретарями Российской Императорской миссии в Тегеране служили барон *К. К. Бодэ* и барон *Ф. Ф. Корф*. Перу первого принадлежат «Путевые записки», главным образом посвященные Персии [1], а также ряд сочинений на немецком и английском языках о Персии и соседних странах. *Корф* также оставил опубликованные вскоре после его возвращения в Россию воспоминания о Персии [11]. В 1839 г. в русскую миссию в Тегеране на должность атташе приехал князь *А. Д. Салтыков*. Он пробыл там несколько месяцев, наблюдая и записывая нравы и образ жизни персиян. В 1849 г. он опубликовал впечатления о поездке [20], впоследствии трижды изданные в Париже на французском языке (1851, 1853 и 1854) и дважды в Варшаве, причем перевод для польского издания был сделан с французского (1852 и 1856).

После открытия в 1834 г. консульского представительства в Реште (столице провинции Гилян) *Ходзько* был временно назначен его главой при сохранении на постоянной основе должности секретаря Генерального консульства в Тебризе. *Ходзько* увлечённо изучал историю, быт, традиции страны. В Гиляне он нашел рукопись, с которой познакомил своих товарищей по миссии, – «Кулсун-нене, или Как персидские женщины толкуют Коран» – своеобразный свод законов гарема, позволявших женщинам сохранить свободу действий наперекор мусульманскому праву и супругу. Одним из первых стал изучать талышский язык. Он изучал литературу, театр, был очарован персидской поэзией. В его польскоязычный поэтический сборник «*Poezji*» (1829) вошли поэма «Дерар», написанная по образцам восточных поэм Байрона, переводы персидской поэзии. Благодаря в том числе *А. Ходзьке* ориентализм стал приметой эпохи романтизма – и в польскую, и в русскую литературу 1820–1830-х гг. вошли восточные мотивы.

После оставления в 1842 г. дипломатической службы *Ходзько* навсегда обосновался в Париже. Живя за границей, знакомил европейскую публику с персидской культурой. На протяжении почти 27 лет, с 1857 по 1883 г., *Ходзько* был профессором славянских литератур в Коллеж де Франс, возглавлял кафедру, которую до него занимал Адам Мицкевич. Вклад *Ходзьки* в развитие иранистики и тюркологии впервые отметил в своих статьях В. П. Грицкевич, а известный исследователь белорусских ценностей за рубежом А. Мальдис, считает, что в иранских архивах, очевидно, ждут своего открывателя документы, связанные с нашим выдающимся соотечественником.

ственником. Добавим, что и в парижских архивах может найтись немало интересного в связи с биографией А. Ходзьки.

В России, особенно начиная с 1860-х гг., Персия изучалась и в военно-политическом разрезе. Персия, наряду с Афганистаном и Тибетом, стала объектом противостояния двух крупнейших соперниц – Британской и Российской империй, что стимулировало появление публикаций, посвященных русско-персидским отношениям и соперничеству России и Англии на этом стратегическом направлении. Представляет интерес фундаментальный труд *П. Г. Буткова* «Материалы для новой истории Кавказа», изданный в 1869 г. [3], в котором автор осветил разные моменты русско-иранских отношений (причины Персидского похода Петра I, характер восточной политики Екатерины II и др.). Работы *Н. Ф. Дубровина*, *В. А. Потто*, *А. Н. Щербатова* были посвящены анализу русско-персидских войн начала XIX столетия [7; 18; 26]. Востоковед и военный историк, выпускник Учебного отделения Азиатского департамента МИД и Николаевской академии Генерального штаба генерал-майор *М. А. Терентьев* написал книги «Россия и Англия в Средней Азии» и «Россия и Англия в борьбе за рынки» [23; 24]. Эти работы вызвали интерес не только в России, но и в Великобритании, где были переведены и изданы. Ему также принадлежит фундаментальный трехтомный труд «История завоевания Средней Азии» [25], вышедший в канун подписания русско-английского соглашения 1907 года.

Русско-английская конвенция положила конец «Большой игре» в Азии. Персия, разделенная на сферы влияния между Великобританией и Россией (она получала северную ее часть со столицей Тегераном) и погружившаяся в пучину революции, утрачивала свою политическую субъектность. Уже после заключения конвенции 1907 г. появилась книга военного историка, генерал-лейтенанта *М. В. Грулева* «Соперничество России и Англии в Средней Азии» (1909) [5], переведенная также на немецкий и английский языки; вышли брошюра *А. Н. Петрова* «Как защищают свои интересы в Азии Англия и Россия» (1910) [17] и работа *И. А. Зиновьева* – «Россия, Англия и Персия» (1912) [10].

Прямым следствием активизации политики России на Востоке явилось издание сборников документов дипломатического характера. Можно вспомнить сборник политических и торговых договоров, заключенных Россией со странами Востока (Турцией, Персией, Китаем, Японией), изданный еще в 1869 г. российским дипломатом, выпускником Восточного факультета Санкт-Петербургского университета *Т. П. Юзефовичем*, который он предварил историческим обзором [6]. К этому же кругу работ относится книга *Н. И. Веселовского* «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией» [15].

Не остался в стороне от издания сборников документов и российский МИД. Иранской революции 1905–1911 гг. был посвящен «Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии» [21]. «Материалы по изучению Востока» – так называлось издание, организованное МИД, первый выпуск которого вышел в 1909 г., а второй и он же последний – в 1915 году [12]. В сборниках были помещены материалы, подготовленные известными дипломатами-востоковцами [14].

Таким образом, дипломатические и военные службы России и их представители изучали Персию на протяжении XIX – начала XX в. комплексно, в круг интересов иранистов входили вопросы географии, истории, персидского языка и его диалектов, экономики, обороноспособности страны, ее место в геополитической борьбе Российской и Британской империй.

1. Боде, К. К. Путевые заметки статского советника барона К. Боде, члена Русского Географического общества, бывшего первым секретарем Российской Императорской миссии в Тегеране / К. К. Боде // Библиотека для чтения. – 1854. – Т. 123. – Ч. 1. – Отд. III. – С. 1–54.
2. Бороздна, В. П. Краткое описание путешествия Российского Императорского посольства в Персию в 1817 году / В. П. Бороздна. – СПб. : тип. имп. Акад. наук, 1821. – [2], 270, [2] с.
3. Бутков, П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год / П. Г. Бутков. – Ч. 1–3. – СПб. : тип. имп. Акад. наук, 1869.
4. Гамазов, М. А. От Босфора до Персидского залива. Из записок, веденных во время четырехлетнего путешествия демаркационной комиссии по Турции и Персии / М. А. Гамазов. – СПб., 1858.
5. Грулев, М. В. Соперничество России и Англии в Средней Азии / М. В. Грулев. – СПб. : В. Березовский, 1909. – X, 380 с.
6. Договоры России с Востоком политические и торговые / Собр. и изд. [с историческим обзором] Т. П. Юзефович. – СПб., 1869. – [4], XXIV, 296 с.

7. Дубровин, Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе / Н. Ф. Дубровин. – Т. 1–6. – СПб. : тип. Деп. уделов, 1871–1888.
8. Ермолов, А. П. Журнал посольства в Персию / А. П. Ермолов. – М., 1863.
9. Ермолов, А. П. Записка генерала Ермолова о посольстве в Персию в 1817 году / А. П. Ермолов // Ермолов, А. П. Записки. – Ч. 2. – М., 1868. – С. 1–73.
10. Зиновьев, И. А. Россия, Англия и Персия / И. А. Зиновьев. – СПб. : тип. А. С. Суворина, 1912. – 176 с.
11. Корф, Ф. Воспоминания о Персии (1834–1835) / Ф. Корф. – СПб. : Гуттенбергова тип., 1838. – [4], IV, 290, IV с.
12. Материалы по изучению Востока: Вып. 1–2. – СПб. : М-во ин. дел, 1909–1915.
13. Муравьев, Н. Н. Путешествие в Персию / Н. Н. Муравьев // Русский архив. – 1886. – № 4. – С. 445–524.
14. Орлов, А. А. Путевые дневники генерального консула в Багдаде ст. сов. Орлова, объезжавшего турецко-персидскую границу летом 1913 года / А. А. Орлов // Материалы по истории Востока. – Вып. 2. – СПб., 1915. – С. 133–218.
15. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / изданы под ред. [и с предисл.] Н. И. Веселовского. – Т. 1–3. – СПб., 1890–1898.
16. Пашино, П. И. Из воспоминаний секретаря посольства / П. И. Пашино // Колосья. – 1887. – № 7–8. – С. 94–114.
17. Петров, А. Н. Как защищают свои интересы в Азии Англия и Россия / А. Н. Петров. – СПб. : А. Д. Попов, 1910. – [2], 43 с.
18. Потто, В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях / В. А. Потто. – Т. 1. – СПб. : типо-лит. Р. Голике, 1885–1891.
19. Путевой журнал Е. И. Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849–1852 / Изд. под ред. [и с предисл.] М. А. Гамазова, бывшего секр. Рус. посредническ. комис. – СПб. : Кавказский отдел Имп. Геогр. о-ва, 1875. – [10], CI, [3], 803 с.
20. Салтыков, А. Д. Путешествие в Персию. Письма кн. А. Д. Салтыкова / А. Д. Салтыков. – М. : унив. тип., 1849. – [4], II, 77 с.
21. Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. – Вып. 1–7. – СПб., 1911–1912.
22. Соколов, А. Е. Дневниковые записки о путешествии Российского Императорского посольства в Персию в 1817–1818 годах / А. Е. Соколов. – М., 1910.
23. Терентьев, М. А. Россия и Англия в борьбе за рынки / М. А. Терентьев. – СПб. : тип. Меркульева, 1875. – 264 с.
24. Терентьев, М. А. Россия и Англия в Средней Азии / М. А. Терентьев. – СПб. : тип. П. П. Меркульева, 1875. – XIV, 361 с.
25. Терентьев, М. А. История завоевания Средней Азии / М. А. Терентьев. – СПб., 1906. – Т. 1–3.
26. Щербатов, А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность / По неизд. источникам сост. Ген. штаба ген.-майор кн. Щербатов / Щербатов А. П. – Т. 1–7. – СПб. : типо-лит. Р. Голике, 1888–1904.

Майорова А.С.

САРАТОВСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ МИНХ И ЕГО СВЯЗИ С НАУЧНЫМИ ОБЩЕСТВАМИ

Александр Николаевич Минх (1833–1912) принадлежал к тому поколению исследователей, которые занимались комплексным изучением Саратовской губернии – ее природных условий, экономики, этнографии, истории, археологии. В начале XX в. они называли себя краеведами. Минх являлся одним из основателей Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК), созданной в 1886 г. Поэтому его деятельность чаще всего рассматривается в связи с изучением истории СУАК. Однако многие научные труды Минха были написаны гораздо раньше, чем возникла комиссия.

Его имя было широко известно в конце XIX в. Его работы, особенно этнографического и историко-археологического содержания, получили признание у современников. В XX в. и в настоящее время саратовские регионоведы обращались и продолжают обращаться к статьям Минха. Однако его биография изучена недостаточно. Многие его труды остались не опубликованными. Первое описание жизненного и творческого пути Минха содержится в приложении к монографии, посвященной 25-летию Саратовской ученой архивной комиссии [11]. Данный очерк был составлен на основании сведений, полученных от самого Минха. Он представляет собой творческую биографию исследователя. В нем отражены, главным образом, события связанные с его научной деятельностью. В течение XX – начала XXI вв. саратовские историки при изложении биографии Минха продолжали указывать именно те факты и события, которые вошли в этот известный очерк. Дополнительные сведения о жизни и деятельности Минха содержатся в документах его личного фонда, которые сохранились в составе фонда СУАК в государственном архиве Саратовской области.

Минх был уроженцем Тамбовской губернии и принадлежал к потомственному дворянству. В 1840-е гг. его семья переехала в с. Колоно Аткарского уезда Саратовской губернии, а затем Минха определили на учебу в Москву, где он находился в частном пансионе и изучал курс наук в 3-ей московской гимназии. Знание языков – французского, английского и немецкого, – а также навыки в черчении и рисовании, полученные в учебных заведениях, Минх считал очень важными для своей службы и деятельности. В 1854 г. он стал юнкером Московского драгунского полка, и сначала находился в резервном эскадроне в Чугуеве, а зимой 1854–55 гг. отправился в действующую армию в Крым. Полк был в составе Евпаторийского отряда. Минх принимал участие в «аванпостных делах» своего полка и в сражениях на реке Черной, на Федюнинских высотах и у села Саки. В декабре 1855 г. за участие в боевых действиях Минх был произведен в офицеры [1, л. 1–2].

С конца 1856 г. он служил в Елизаветградском драгунском полку в Краснотае и в крепости Замостье [3, л. 1–7]. В 1858–59 гг. Минх прошел курс в офицерской стрелковой школе в Царском селе и по окончании получил диплом 1 разряда [1, л. 1]. после чего служил в Псковском лейб-драгунском полку. В 1861 г. Минх был назначен мировым посредником Аткарского уезда Саратовской губернии, а в 1869 г. избран участковым мировым судьей в Аткарском судебном округе. В 1875–96 гг. он занимал должность мирового судьи в Саратовском уезде и вышел в отставку по состоянию здоровья [1, л. 2].

Первой творческой работой Минха была рукопись о путешествии по Волге, – «От Саратова до Казани в 1853 году», которая впервые опубликована в 1903 г. Во время пребывания на военной службе он составил «Путевые и походные заметки 1854 г.» и «Походные и боевые записки в Крыму 1855–56 гг.». Эти рукописи, так же, как и «Поездка в Пятигорск 1868 г.» остались не изданными [1, л. 2об.] Некоторые работы Минха 60–70-х гг. увидели свет уже в начале XX в.: «Путевые заметки от Москвы до села Колоно» – в «Известиях» Тамбовской ученой архивной комиссии в 1904 г., записки, составленные в период деятельности мировым посредником, – в сборнике СУАК, посвященном 50-летию отмены крепостного права [11, с. 21–22].

С 1878 г. в Саратовских губернских ведомостях, а затем и в других местных газетах появлялись статьи Минха по истории и археологии Саратовского Поволжья, описания статистического характера. В 1880 г. Минх был избран действительным членом Саратовского губернского статистического комитета. [8, с. 1] Составленные им статистические описания Саратовского уезда, Колоноской, Ягодно-Полянкой и Полчаниновской волостей, Набережного Увека и статьи, посвященные истории Саратовской губернии, были опубликованы в двух томах «Саратовского сборника» [9, 10] После создания СУАК многие статьи Минха публиковались в «Трудах» Комиссии, начиная с 1887 г.

Одним из наиболее известных сочинений Минха до настоящего времени остается монография «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии», изданная в Петербурге 1890 г. Монография написана по материалам, собранным автором в 1861–1888 гг. За нее Минх был удостоен серебряной медали Русского географического общества. Не менее известным является составленный им «Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1 Южные уезды: Камышинский и Царицынский», опубликованный в Саратове в 1901 г. Автору не удалось составить полный словарь по всем уездам Саратовской губернии. В конце жизни здоровье Минха не позволяло ему в полной мере осуществить все свои начинания. И все же, несмотря на потерю зрения, он продолжал работать, опираясь на труд своих помощников. В 1908 г. в Аткарске вышла в свет его интересная книга очерков «Город Аткарск: Материалы для историко-географического описания Саратовской губернии».

Минх сотрудничал со многими научными обществами. Он состоял членом-корреспондентом Императорского Московского археологического общества. В издаваемых обществом «Древностях» печатались его сообщения. Он также являлся членом-сотрудником Императорского Русского географического общества и членом нескольких ученых архивных комиссий (помимо СУАК) – Нижегородской, Тамбовской, Владимирской, Ставропольской и Витебской [1, л. 5об]. В документах фонда Минха частично сохранилась его переписка с научными обществами и архивными комиссиями.

Наиболее раннее письмо из Московского археологического общества относится к декабрю 1867 г. В нем выражена благодарность Минху за полученные от него сообщения и предложение в дальнейшем доставлять сведения о старинных церквях, фресках, надписях, иконах, рукописях с

миниатюрами, находках древних монет. В этом же деле имеется письмо от февраля 1872 г. за подписью А.С. Уварова с просьбой к Минху сообщать об известных ему памятниках отечественной старины «в близости его пребывания» [5, л. 1, 3]. В последующие годы Минх продолжал доставлять в общество археологические находки и другие материалы [4, л. 1–3, 7]. В 1888 г. он получил письмо с предложением принять участие в составлении программы для предстоящего VIII археологического съезда [4, л. 5]. В июне 1909 г. Минхом были написаны заметки об археологических находках на выгонной земле Аткарска, а также вблизи этого города на берегу реки Медведицы и речки Колышлей. Заметки предназначались для передачи в Императорскую археологическую комиссию. В личном фонде Минха сохранился их черновик [2, л. 40–41].

Переписка Минха с Саратовской ученой архивной комиссией, очевидно, дошла до нас не полностью. Очень интересны письма за 1909 г. Минх в то время проживал в Аткарске, из-за болезней у него не было возможности передвигаться, особые трудности были связаны с потерей им зрения. Несмотря на это, он продолжал поддерживать постоянные контакты с членами СУАК – Г.Г. Дыбовым-младшим, С.А. Щегловым, Б.В. Зайковским. Минх сообщал им сведения об археологических находках в Аткарском уезде, сотрудники комиссии получали от него советы по вопросам оборудования музея СУАК. Минх продолжал в это время, как и ранее, передавать ей в дар предметы из своей личной коллекции, книги и рукописи. Корреспонденты Минха рассказывали ему о своих поездках, связанных с деятельностью комиссии, и об археологических находках [2].

Научное наследие Минха очень значительно по объему. Есть сведения о том, что некоторые свои работы в рукописном виде он дарил научным обществам, музеям, архивным комиссиям. Рукопись «Походных и боевых записок в Крыму» он передал в исторический музей в Севастополе [1, л. 2об.]. В настоящее время в Севастополе не найдены следы этих записок. Вероятно, Минх имел не один экземпляр данного сочинения. В его личном фонде в ГАСО хранятся «Походные и боевые записки в Крыму» [6].

Черновой вариант рукописи под названием «Разбой и клады Низового Поволжья» был передан Минхом в Казанское общество археологии, истории и этнографии, а ее копия — в Русское географическое общество. Владимирская ученая архивная комиссия получила в дар рукопись «Московская политехническая выставка 1872 г. и волжский пароход "Переворот"» [11, с. 22]. Несколько своих работ в рукописях Минх передал в разное время в саратовский Радищевский музей.

В составе его архивного фонда, который хранится в ГАСО, имеется много неопубликованных работ. Одно из архивных дел – «Описание рисунков из альбома Минха А. Н.» [7] (Сам альбом пока не найден) Здесь имеются довольно пространные описания, в том числе, описания городов, виды которых, вероятно, находились в альбоме. Под названием: «Рисунок 10. Город Витебск» помещен текст, в котором есть краткие сведения по истории города, о его населении, хозяйстве и особенностях внешнего вида [7, л. 57об. –59]. Эти сведения имеют характер краткого статистического описания. Дата, когда был сделан рисунок, не указана. Можно предположить, что Минх побывал в Витебске в период своей военной службы после Крымской войны.

Благодаря своим научным трудам Минх занимал видное место в ряду деятелей культуры Саратовской губернии. Свидетельством этого является полученное им в декабре 1909 г. приглашение на торжества по случаю открытия Саратовского университета. Минх не смог лично участвовать в мероприятиях, он отправил приветственную телеграмму на имя ректора, черновик которой сохранился в его документах [2, л. 106, 108об.].

Несмотря на отсутствие специального образования в области истории, географии, этнографии, археологии А. Н. Минх смог внести свой вклад в развитие этих наук и в изучение Саратовской губернии. Благодаря ему и таким же, как он, сотрудникам ученых архивных комиссий и научных обществ в России во второй половине XIX в. развитие гуманитарных наук не было ограничено пространством университетов и Академии.

1. Государственный архив Саратовской области (ГАСО) – Ф. 407. Оп. 2. Д. 698
2. ГАСО – Ф. 407. Оп. 2. Д. 699а
3. ГАСО – Ф. 407. Оп. 2. Д. 701
4. ГАСО – Ф. 407. Оп. 2. Д. 709
5. ГАСО – Ф. 407. Оп. 2. Д. 719
6. ГАСО – Ф. 407. Оп. 2. Д. 742а
7. ГАСО – Ф. 407. Оп. 2. Д. 757

8. Преображенский, Ф. М. Отчет о действиях и занятиях Саратовского статистического комитета за 1880 год / Ф. М. Преображенский // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии: Издание Саратовского статистического комитета. – Саратов. – 1882. – Т. 2 – С.1–164.
9. Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии: Издание Саратовского статистического комитета. – Саратов. – 1881. – Т. 1. – 344+207 с.
10. Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии: Издание Саратовского статистического комитета. – Саратов. – 1882. – Т. 2. – 362+45 с.
11. Хованский, Н. Ф. Краткие биографии некоторых членов Саратовской ученой архивной комиссии за 25 лет ее существования. Минх Александр Николаевич / Н. Ф. Хованский // Соколов В. П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. – Саратов. – 1911. – С. 21–22.

Мининкова Л.В.

«ЖИВОПИСНАЯ РОССИЯ» КАК ПОПУЛЯРНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ ЭПОХИ МОДЕРНА И ЕЕ ЧИТАТЕЛЬ

Одной из существенных особенностей российской пореформенной повседневности стало перемещение людей по территории страны, значительно более активное, чем ранее. Предпосылками для этого стало снятие искусственных препятствий на передвижение, которые имели место в дореформенный период и которые достались в наследство от средневековых сословных ограничений, а также значительно возросшая деловая активность, предполагавшая необходимость поездок для контактов с партнерами, налаживания и укрепления хозяйственных и финансовых связей. Также этому способствовало развитие транспорта, возникновение пассажирского железнодорожного и пароходного сообщения. Поездки, становившиеся частью деловой практики, стали терять признаки путешествия и начинали превращаться в продолжение жизни и деятельности предпринимавшего их лица.

Изменение характера поездок по стране привело к переменам в популярной литературе, описывающей их. Еще в середине XIX в. имело место описание поездок как путешествия через экзотические части России. Такое описание имеется в произведении И. А. Гончарова «Фрегат Паллада», в той части, когда автор-герой высадился на российский берег Охотского моря и проделал путь от этого побережья до Якутска, а затем до Иркутска. Высокохудожественное описание было рассчитано на образованного читателя, интересующегося географией России и осознающего крайнюю сложность для себя самого посмотреть эти очень отдаленные места, которые вызывают его несомненный интерес.

Но уже в последней четверти XIX в. путешествия стали менять свой характер. Все более заметную роль в качестве их побудительного мотива стали служить обстоятельства, вызванные культурой модерна. Это уже не просто интерес к экзотическим частям страны, но цели, соответствующие новой культуре. Так, два российских путешествия на Сахалин на рубеже XIX–XX вв. были совершены А. П. Чеховым и В. Дорошевичем. Для А.П.Чехова поездка была не просто ознакомительной, но несла в себе научную и общественную составляющую, поскольку великий писатель принял участие в первой российской переписи населения 1897 г., переписывая сахалинских каторжников. Он, кроме того, оказывал им как врач медицинскую помощь. Для В. Дорошевича поездка была связана с журналистскими целями, а журналистика становилась в условиях пореформенного развития одной из важнейших отраслей культуры и превращалась в действенный канал связи письменной культуры и печатного слова с широкими слоями населения.

Вместе с тем, насколько прочно бы ни входили описания сахалинских поездок А. П. Чеховым и В. М. Дорошевичем в культуру своего времени, запросы этой новой культуры были более широкими. Они состояли уже не в описаниях поездок и путешествий, но в комплексной характеристике по возможности всей территории страны, на строго научной основе, но в то же время с расчетом на широкий круг заинтересованных и образованных читателей, не обладавших, тем не менее, специальными научными знаниями. С расчетом на удовлетворение подобных культурных запросов, возникавших не только в России, но и в европейских странах, в конце XIX в. начинает формироваться страноведение как отрасль культуры, стоящая на стыке науки и популярной литературы. При этом научная составляющая страноведения включает в себя сведения из разных дисциплин – прежде всего географии, а также истории, экономики, демографии. По вопросу о возможности рассматривать страноведение в качестве научной дисциплины

лины существуют разные точки зрения. Но, во всяком случае, в двух фундаментальных страноведческих проектах, относящихся к России и выполненных под общим руководством П. П. Семенова Тянь-Шанского, «Живописной России» и «России. Полного географического описания нашего отечества», популярная и литературная составляющая преобладают. Такому преобладанию способствует также весьма богатый иллюстративный материал, которыми были снабжены эти многотомные издания.

Первый по времени из этих проектов, «Живописная Россия», была задумана издателем М.О.Вольфом при участии П. П. Семенова в 1878 г. как многотомное издание для широкого круга читателей, содержащее серию очерков по отдельным территориям. Для этого он привлек в состав авторского коллектива известных литераторов, хорошо знавших отдельные территории страны. Так, очерк о донском казачестве в составе части, посвященной Области войска Донского, был написан известным писателем, уроженцем Дона Д. Л. Мордовцевым. Привлекалось также немало ученых, прежде всего географов и историков. Так, очерки о Белорусском Полесье, исторический, природно-географический, и по отдельным губерниям был написан членом Виленской археологической комиссии А. Г. Киркором. С 1879 г. стали выходить в свет первые ее тома. Очерки строились с учетом существовавшего в тот период административного деления государства, поэтому описания давались по губерниям и областям. Но близлежащие административные единицы объединялись в более крупные территории. Такими территориями были, к примеру, Белорусское Полесье или область от Дона до реки Урал. По каждой из таких укрупненных областей в структуре издания имелось несколько очерков. Историко-этнографический очерк содержит исторические сведения и дает этнографические описания с выделением культурных особенностей. Так, по Белорусскому Полесью давались особенности культуры белорусов, литовцев, латышей, поляков, евреев и цыган. По территории между Доном и Уралом – проживавших на ней донских, астраханских и уральских казаков, а также калмыков, часть которых входила в состав донского казачества. После этого следовал очерк, посвященный природным особенностям территории. Наконец, завершающий очерк посвящался отдельным административным единицам, с особым вниманием к городам и другим значительным поселениям, чем-либо выделяющимся по своему историческому, экономическому или культурному значению. В целом в издании удалось достичь взвешенного соотношения между историческим, этнографическим и географическим материалом, в результате чего читатель получал общее представление о территории и ее природе, об обществе и людях, их истории и об основных чертах современного их положения. С учетом того, что в формировавшемся страноведении складывались два подхода, ставивших в центр своего внимания географический фактор как решающий в деятельности человека, и поппулистский, в котором признавалась самостоятельная и творческая роль человека на земле, было заметно, что в очерках «Живописной России» преобладает поппулистский подход. Несколько позже, к началу XX в., такой подход был теоретически обоснован французским географом П. Видаль де ла Блашем, считавшим, что страноведческой характеристикой должен быть прежде всего «образ жизни» людей [3, с. 32]. При таком подходе весьма значительное место получали описания исторические и этнографические.

Что касается исторической части очерков, то в них прослеживается своеобразное сочетание научных сведений по истории с массовыми историческими представлениями в обществе, вовсе не научными. Так, в очерке Д. Л. Мордовцева о донских казаках, с одной стороны, кратко раскрываются в соответствии с положениями современной исторической науки экономические и социальные предпосылки формирования казачества на Дону. Обращено внимание на тяжесть для народа внутренних русских уездов. Такие условия, как «кабальная зависимость», которая соединялась с «неограниченным произволом всяких судей, тиунов, целовальников, приказных и подьячих» заставляла «многих из московских людей идти из своей родной земли», причем «преимущественно на Дон» [2, с. 17]. Это положение имеет научную основу и согласуется с данными источников. Но несколько ранее он заявлял, что само начало казачества «неуловимо для истории». Особо подчеркивал Д.Л.Мордовцев сословную рознь, исторически сложившуюся на Дону в отношениях между казаками и крестьянами, и вообще прибывшим из внутренней России населением. Он писал, что даже самый небогатый казак, который у своего богатого соседа-казака «мог быть и сторожем, и свинопасом», «считал себя выше не только "крестьянина", "мужика", но и всякого русского купца – "кацапа" или "музлана"» [2, с.25]. Замечено было справедливо. По мере того, как доля казачьего населения на Дону постепенно сокращалась,

рознь на почве земельного довольствия казаков и нехватки земли у крестьян нарастала. Но Мордовцев справедливо указал также на тяжесть воинского уклада для самих казаков, на несоответствие его материальным интересам значительной части казачества, на тяжесть труда казачки как следствия отвлечения на службу значительной части казаков. Следствием этого был низкий уровень хозяйства, слабая доходность промыслов. Отсюда он делал вывод, что «казачество, как известная стадия исторического хода общества, представляется одною из вымирающих форм жизни», и вообще, «чем скорее завершится полное вымирание, тем лучше» [2, с. 31].

Таким образом, помимо природы, истории и культуры Дона, Д.Л. Мордовцев указывал на некоторые существенные проблемы внутренней жизни Дона. То же самое показывал А.Г. Киркор при описаниях Белорусского Полесья и Витебской губернии. В жизни обширного края происходили перемены, при устойчивости, как он подчеркивал, традиционных основ быта разных этнокультурных слоев населения. «Белорусс, – подчеркивал он, – любит суровую жизнь, жизнь полудикую, как природа, его окружающая. Есть деревни, в коих нет пахотной земли, одни огороды. Жители их исключительно заняты заготовлением лесных материалов, постройкой барок и байдаков» [1, с. 283]. Живые следы старины сохранял белорусский фольклор. В нем, подчеркивал А. Г. Киркор, «главное содержание, и, большею частью, даже самые выражения несомненно относятся ко временам язычества» [1, с. 251]. В качестве особенности внутренней жизни в Витебской губернии и по всему Белорусскому Полесью А. Г. Киркор показал значительное польское влияние. «В Белоруссии дворянское сословие состоит большею частью из туземцев, но с течением веков и политических событий усвоивших польский язык и польскую национальность» [1, с. 284] , – указывал он, и не случайно поэтому в Витебске во время пребывания Наполеона дворянство «всецело предалось ему» [1, с. 311]. Вместе с тем он показал, насколько решительно стремились русские власти покончить с культурно-историческими особенностями в белорусских губерниях после Польского восстания 1830–1831 гг. и проводить русификацию. В 1831 г. были упразднены особенности самоуправления, присутственным местам и должностным лицам присваивались общерусские наименования, а суд стал вестись на русском языке.

К важнейшим особенностям современной жизни А. Г. Киркор отнес контраст между развивавшимся под воздействием пореформенной модернизации Витебском и Полоцком как своего рода музеем раннесредневековой Руси. По его словам, «Витебск постепенно улучшается», растет население, развивается торговля благодаря положению «между Москвою, Ригою и Одесою» [1, с. 386]. В Полоцке же «самый наружный вид города, ясно говорит, что это только остатки древнего величия и славы» [1, с. 393].

Таким образом, читатель получал общие сведения о стране и об отдельных ее территориях. В этой связи название серии – «Живописная Россия» – представляется удачным не только благодаря наличию в ней многочисленных иллюстраций в виде живописи, посвященной разным сторонам, настоящего и прошлого, жизни и быта этих территорий, но и благодаря живому и совершенно ясному языку, что видно из очерков Д. Л. Мордовцева и А. Г. Киркора. Известно, однако, что создателем популярного текста, который, в частности, представляет собой вся «Живописная Россия», является не только автор, но и читатель, на которого она рассчитана. Поэтому «Живописная Россия» также источник, позволяющий представить культурный уровень и потребность читателя пореформенной России в знаниях о стране.

1. Живописная Россия. – СПб. : Изд. товарищества М.О.Вольф, 1882. Т.3. – 410; V с.: ил.
2. Живописная Россия. – СПб. : Изд. товарищества М. О. Вольф, 1899. Т. 7. Ч. 2. – 304; III с.: ил.
3. Машбиц, Я. Г. Основы страноведения / Я. Г. Машбиц. – М. : Просвещение, 1999. – 267 с.

Воробьев В.М.

ВЕРХНЕЕ ПОДВИНЬЕ В КНИГЕ А.П. САПУНОВА «РЕКА ЗАПАДНАЯ ДВИНА»

В авторском предисловии к своей знаменитой книге А.П. Сапунов замечает, что в ней «главное, а иногда и исключительное внимание... обращалось на Витебскую губернию; другие губернии, по которым протекает Двина, стоят на втором плане» [1, с. II].

Затрагивая тему волоков на летописном «пути из варяг в греки», автор завершает краткий обзор упоминанием «перевала» протяжённостью 30 вёрст с Серёжи (правый приток Куньи, бассейн Ловати) на Торопу (правый приток Западной Двины) [1, с. 11–12].

Идентифицируя названия рек Восточной Европы, упоминаемых античными и средневековыми авторами, А.П. Сапунов замечает, что река Западная Двина, по его мнению, фигурирует в древних текстах под именами Эридан, Рудон и Рубон, обозначающими её верхнее и среднее течения, а под названием Херзин или Хезин скрыто её нижнее течение.

Викинги называли её Дина. «Это имя, – пишет А.П. Сапунов, – она носит у туземцев, живущих и на верховьях этой реки; притом это имя встречается на первых же страницах нашей летописи. В самых верхних частях бассейна Двины мы находим оз. и дер. Двинец, пог. Двин, озеро Двинье-Велинское, р. Двинку» [1, с. 27].

В главе II – «Истоки и притоки Западной Двины» – содержится наиболее развёрнутый материал по её верховьям. Источниками послужили для автора ряд описаний и карт, наиболее ценными из которых стали «Чертёж и описание, 1701 года, декабря 11, učinённое стольником Максимом Цызыревым, начав от Витебска вверх до вершин Двины реки, с показанием сёл, деревень, лесов и судов, по одной реке ходящих» (опубл. в: Витебские губернские ведомости. 1888), «Гидрография Российской империи. Т. 1–6» И. Штукенберга (СПб., 1844), изданная на немецком языке и до сих пор не переведённая на русский, «Географическо-статистический словарь Российской империи» П.П. Семёнова (СПб., 1863–1885) и статья Д.Н. Анучина «Из поездки к истокам Днепра, Западной Двины и Волги» (Северный вестник. 1891. № 8).

М. Цызырев писал: «Река Двина вышла во Ржевском у., ото Ржевы в 120 в., прозванием из Заковицкого лесу и впала в озеро Афоту (Охват)». У Штукенберга об этом сказано так: «Точнее говоря, началом её (Двины) служит, собственно, маленький, не более 1 в. длиною, ручеек при дер. Корякино, высачивающийся в густом лесу из мохового болота, которое, вероятно, некогда было озером». А.П. Сапунов: «Точнее всего истоки Двины описаны в указанной выше статье проф. Д.Н. Анучина» [1, с. XI].

По существовавшей тогда в географической науке традиции, А. П. Сапунов рассматривал Валдайскую возвышенность как часть Среднерусской возвышенности. В настоящее время она считается самостоятельным рельефным поднятием, переходящим на юге в Смоленско-Московскую возвышенность.

Относительно истока Западной Двины А.П. Сапунов обозначает три точки зрения. Он пишет, что прежде за него принимали оз. Охват (Жаденье), ныне в науке принято считать истоком лежащее выше него по течению оз. Двинец, а народ «полагает его в шести верстах выше, в болотах, тянущихся по направлению к дер. Гришиной» [1, с. 30].

Положение истока не было чётко зафиксировано в науке до середины 1970-х гг., когда экспедиция журнала «Турист» под руководством А.С. Попова научно установила его местоположение в болоте Пьянишник и установила соответствующий знак [2]. В 1989 г. его посетила международная комплексная экспедиция «Западная Двина – Даугава» в составе российских, белорусских и латвийских учёных. Автор данного доклада был её научным руководителем. В 1994 г. российские учёные провели экспедицию на истоки Волги, Днепра и Западной Двины в ознаменование 100-летия их научного открытия академиком Д.Н. Анучиным, сняли документальный фильм. Ныне место истока Западной Двины и тропа к нему оборудованы для посещения туристами.

А.П. Сапунов кратко, но ёмко описывает ландшафт и гидрографию самого района истока и проточного на Двине оз. Охват. Озеро имеет в средней части узость, ниже которой называется жителями Жаденье. Автор указывает, что общее направление всего течения Двины – с востока на запад, но в верхнем течении она образует большую дугу, обращённую к югу, а затем поворачивает на юго-запад.

А.П. Сапунов перечисляет губернии и уезды, по территории которых протекает Двина, фиксирует с точностью до версты участки её прохождения между устьями важнейших притоков, городами и местечками, вплоть до впадения в Рижский залив Балтийского моря, определяя совокупную протяжённость реки в 915 вёрст [1, с. 31–33].

Есть объективная необходимость согласовать позиции географов, историков, археологов и представителей других наук о границах Верхнего, Среднего и Нижнего Подвинья, может быть,

несколько условных, но всё же имеющих определённые географические и логические основания.

Тверские археологи и историки традиционно считают границей Верхнего и Среднего Подвинья устье Межи, где также смыкаются административные границы Тверской, Смоленской и Псковской областей. В этом они солидарны с взглядами видного ленинградского археолога Я. В. Станкевич, которая провела здесь детальные и результативные разведки в 1949–1953 гг. [3].

Смоленский археолог профессор Е.А. Шмидт в монографии «Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н.э. Тушемлинская культура» (Смоленск, 2003) пишет: «...примерная граница рассматриваемой территории... проходит от верховий реки Великой на восток через верховья реки Ловать в Западную Двину выше устья р. Межи до верхнего течения Днепра» [4]. Но при таком подходе собственно Верхнее Подвинье оказывается за пределами... Верхнего Подвинья.

Петербургский археолог И.И. Еремеев в кандидатской диссертации «Верхнее Подвинье и сопредельные территории в конце I – начале II тыс. н.э.» (СПб., 2002) проводит границу Верхнего и Среднего Подвинья в районе устьев Лужеснянки и Лучесы, то есть ниже устья Межи, не аргументируя свою точку зрения [5].

В тексте книги «Река Западная Двина» А.П. Сапунов не обозначает этот географический рубеж, но, полагая расположение Витебской губернии в центральной части течения Западной Двины и делая содержательный акцент на этой территории, пишет о северо-восточной границе губернии у с. Баёво. Таким образом, он проводит рубеж между Верхним и Средним Подвиньем именно здесь, по устью Велесы, совмещая его с границами Витебской, Смоленской и Псковской губерний.

В содержании нашего доклада отражена позиция А.П. Сапунова по этому вопросу, обозначенная в его книге. Но, как сказано выше, она требует обсуждения специалистами разных научных дисциплин.

А.П. Сапунов называет 44 правых притока Западной Двины, приводя краткое описание каждого из них и его бассейна. Наибольший объём этой части текста посвящён Волкоте, Торопе, Усвяче, Оболи, Полоте, Дриссе, Дубне. Лишь первая из них, по мнению автора книги, относится к Верхнему Подвинью. В Западную Двину впадают также 39 левых притоков, в том числе несколько крупных: Велеса, Межа, Каспля, Лучеса, Улла, Ушача, Дисна. К Верхнему Подвинью относятся лишь небольшие левые притоки главной реки: Горянка, Нечесма (Нетесьма) и Рожанка, а устье Велесы обозначает собою рубеж Верхнего и Среднего Подвинья.

В главе III – «Каналы и проекты каналов между Западной Двиной и системами других рек» – описывается в числе прочих проект соединения Двины с Волгой. А.П. Сапунов замечает, что вопрос о соединении этих двух рек был поставлен императором Александром I в 1824 г., и созданная комиссия «признала большую важность, которая могла бы произойти для стратегических комбинаций из непрерывного судоходства между бассейном Волги и реками, находящимися в западной части государства» [1, с. 104].

А.П. Сапунов проявляет осведомлённость о деятельности инженера Волкова, командированного в эту местность. Он скрупулёзно и точно описывает гидрографическую ситуацию в районе оз. Витбино на волжском склоне и противоположащего ему на двинском (балтийском) склоне левобережья р. Волкота, несущей в Западную Двину воды десятков озёр.

Автор сообщает, что Волков исследовал и другой вариант соединения Волги и Западной Двины. В районе озёр Орлино и Соблаго на волжском склоне и озера Двинец на двинском склоне Волга и Западная Двина «сближаются здесь своими руслами не далее 20 вёрст. Собственно раздельным пунктом... служит небольшое болото между озёрами Двинец и Соблаго» [1, с. 105]. Но запасов воды в этих озёрах недостаточно для питания водного сообщения.

А вот большое озеро Охват-Жаденье, проточное на Двине, если запрудить его, даст необходимый результат. Но прорытие канала между этим озером и побережьем Жукопы на волжском склоне очень затруднено наличием огромного верхового болота на балтийско-каспийском водоразделе. Впрочем, болото можно обойти, придерживаясь русла идущей параллельно Жукопе речки Платищенки, а затем выйти с неё небольшим каналом почти к устью Жукопы.

Далее А.П. Сапунов приводит практические расчёты инженера Волкова по судоходству в верхнем течении Западной Двины (глубина реки и необходимость углубления русла; объём и высота подпора воды в канале и в водохранилище на водоразделе; число барок, направляемых караванами за одну навигацию) и одобряет их.

Он говорит о малопригодности русла в верхнем течении Двины в его современном виде для судоходства, хорошо понимает большие технические трудности реализации данного проекта, но приводит в его пользу три существенных аргумента: 1) «данная навигационная линия сделала бы диверсию на Ригу»; 2) «расстояние по Двине от Твери до Риги почти наполовину менее, чем расстояние до того же пункта чрез С.-Петербург... Рижская гавань скорее освобождается от льда, нежели гавань Кронштадтская»; 3) «посредством же предлагаемого канала устраняются многие из сухопутных транспортов» [1, с. 111].

В этой части текста книги встречается оборот «Верхняя Двина до Баёва» [1, с. 109]. Это подтверждает предположение, что А.П. Сапунов считал нижней границей Верхнего Подвинья устье Велесы у с. Баёво.

В главе IV – «Геологический очерк берегов Западной Двины» – очень профессионально описано геологическое строение всего бассейна и отдельных участков течения Западной Двины, особенно в пределах Витебской губернии, о Верхнем Подвинье упомянуто мельком.

В главе V – «Пороги, мели, острова и камни в русле Западной Двины; очищение русла её» – Верхнему Подвинью уделяется мало внимания по причине отсутствия здесь активного практического судоходства. А.П. Сапунов пишет: «Двина считается судоходною в весеннее время от с. Дубны, верстах в 10 от оз. Охват-Жаденье; отсюда же начинаются и разного рода препятствия для судоходства. Выше и ниже этого села находятся порожики Вережунские /здесь автор ошибается: Вережунские пороги находятся примерно в 70 км ниже по течению, близ протоки из оз. Вережунки в Западную Двину. Но выше с. Дубно (ныне г. Андреаполь), после выхода реки из оз. Охват, действительно, есть небольшие безымянные порожики у д. Курово. – В.В./ . Высокие и довольно крутые берега то отступают назад, то подаются вперёд, образуя маленькие бухты, препятствующие сплаву. Далее, вёрст почти на 100 ниже, особенных препятствий для судоходства в весеннее время не встречается» [1, с. 150].

Автор отмечает также, что Вережунские порожики были известны стольнику Цызыреву, который по повелению Петра Великого в 1701 г. «учинил чертёж и описание Двины» от истока до Полоцка: «От оз. Афоты (Охват) до села Дубны по Двине мели великие, и от села Дубны вниз мели есть же. И от того села Дубны рекою Двиною в полу ю большую воду возможно стругами итить».

Книга А.П. Сапунова «Река Западная Двина» знаменовала собой новый этап в изучении великой реки, являющейся в течение веков и даже тысячелетий общей судьбой нескольких народов. Именно с неё начались и продолжаются плодотворные исследования бассейна Западной Двины в географическом, экологическом, экономическом, историческом, лингвистическом и социокультурном отношениях.

На наш взгляд, необходимо возобновить деятельность международной комплексной программы «Западная Двина – Даугава» с участием Российской Федерации, Республики Беларусь и Латвийской Республики и сделать её научным и административным центром город Витебск.

1. Сапунов, А. П. Река Западная Двина / А. П. Сапунов. – Витебск : Типо-литография Г. А. Малкина, 1893. — 640 с.
2. Попов, А. С. Загадка Янтарной реки : Краевед. путешествие на исток Зап. Двины / А. С. Попов. – М. : Профиздат, 1989. – 252 с.
3. Станкевич, Я. В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н.э. / Я. В. Станкевич // Материалы и исследования по археологии СССР. – М. : Наука, 1960. – № 76. – С. 7–327.
4. Шмидт, Е. А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н.э. Тушемлинская культура / Е. А. Шмидт. – Смоленск, 2003. – 295 с.
5. Еремеев, И. И. Верхнее Подвинье и сопредельные территории в конце I – начале II тыс. н.э. : автореф. дис. ... канд. истор. наук / И. И. Еремеев. – СПб. : Ин-т истории материальной культуры РАН, 2002. – 22 с.

Первушкин В.И.

РОЛЬ ГУБЕРНСКИХ СТАТИСТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ В ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Вторая четверть XIX в. в истории России являлась неким инкубационным периодом для проведения реформ, правительство проводило «починку некоторых учреждений, которые её настоятельно требовали» [1, с. 160] и настоятельно нуждалось в объективной информации о состоянии отдельных регионов. Поэтому и был осуществлен переход от эпизодического сбора региональных

сведений к систематической и целенаправленной деятельности в этом направлении. Важным инструментом в проведении данной работы были губернские статистические комитеты (ГСК).

Фактическим началом реальной организации административной статистики в России является 1834 г., когда в Министерстве внутренних дел (МВД) было образовано статистическое отделение, занимавшееся разработкой сведений, получаемых из департаментов и от губернаторов. ГСК получили юридический статус 20 декабря 1834 г. на основании «Положения о создании губернских и областных статистических комитетов», принятых ещё 3 декабря, они вошли в качестве составной части в «Высочайше утверждённые правила для статистического отделения при Совете МВД и статистических комитетов губерний» [2, с. 37–39]. В этом документе, прежде всего, определялись основные функции ГСК: «Губернский статистический комитет по собранию сведений, занимается проверкой оных и приведением в единообразный порядок, иливнося их в табели по данным от статистического отделения Совета МВД формам, или составляя на основании оных подробные и точные описания состояния губернии вообще, или же отдельно некоторых в оной части управления, хозяйства, промышленности, торговли» [3, № 7684]. Причём, согласно § 41 «Правил» губернские статистические комитеты должны были собираться не реже двух раз в месяц.

Организация сбора административных и экономических данных возлагалась на «непременных» членов вновь созданных учреждений. К ним относились: губернатор (председатель), вице-губернатор, управляющие отделениями государственного банка, дворянского и крестьянского земельного банка, управляющие государственным имуществом, директор народных училищ, почётный попечитель гимназии, прокурор, инспектор врачебной управы, управляющий удельной конторой, член духовной консистории по избранию епархиального архиерея, уездные предводители дворянства, управляющие казённой палатой.

ГСК имели также своих членов-корреспондентов из жителей губернии, которые могли обеспечить поступление информации из уездов. Так, пензенский губернатор А.А. Панчулидзе писал директору Пензенских училищ: «При открытии Пензенского статистического комитета сделано положение, чтобы членами-корреспондентами назначать штатных смотрителей училищ, которые должны были утверждены Министром внутренних дел» [4, л. 3].

Однако, открывшись практически во всех губерниях Российской империи, статкомитеты бездействовали. Причиной этому послужили загруженность её членов своими непосредственными обязанностями, отсутствие указаний о методах отбора и обработки сведений (разъяснения были даны лишь через 18 лет), не решенный вопрос о финансировании комитетов и отсутствие в провинциальной чиновничьей среде сколько-нибудь существенной прослойки образованных и подготовленных кадров для этой работы. Полное отсутствие средств ставило комитет в зависимость от отношения губернской администрации, в первую очередь, от отношения губернатора, хотя МВД и выпустило несколько постановлений, направленных на совершенствование структуры комитетов и их деятельности. В 1837 г. вышел «Общий наказ гражданским губернаторам» согласно которому губернаторы обязаны были предоставлять ежегодно в центр статистико-экономические данные по своей губернии [5, с. 152]. Циркуляр Статистического комитета от 30 декабря 1853 г. за № 190 указывал, что на содержание комитетов отпускается ежегодно одна тысяча рублей из средств губернских типографий. Введена оплачиваемая должность секретаря, обрабатывающего поступающие материалы и ведущего документацию [6, с. 85–86]. В результате осуществления этих распоряжений в течение двух десятилетий были организованы ГСК в 33 губерниях [7, отд. 2]. Но случались и парадоксы. Так, об открытии Витебского комитета в 1835 г. забыли и его открыли повторно в 1853 г. Оценивая работу ГСК более чем за двадцатилетний период можно сказать, что в большинстве губерний заседания статкомитетов проводились эпизодически, когда следовали указания из центра. Стало очевидно, что работать так дальше невозможно.

В 1860 г. МВД выпустило новое «Положение о губернских и областных статистических комитетах», которое в 1863 г. было утверждено Александром II, в нем уже более конкретно указаны направления деятельности ГСК. Комитеты имели двойное подчинение, с одной стороны ими руководили губернаторы, с другой – Центральный статистический комитет (ЦСК), который находился в ранге департамента МВД и действовал на основании «Положения об устройстве статистической части при Министерстве внутренних дел» от 30 апреля 1863 г. По сути, он стал основным исполнительным органом, на который возлагались сбор, обработка и издание статистических данных, предоставленных местными статкомитетами. Основное периодическое

издание ЦСК – «Статистический временник Российской империи» – рассылалось во все ГСК, т.к. по замыслу его создателей оно должно было стать настольной справочной книгой не только для чиновников, но и для всех образованных людей России. На наш взгляд, ведущую роль в деятельности комитетов все же играли губернаторы. Они в силу своих служебных обязанностей были призваны проводить в жизнь государственную программу развития провинции и должны были принимать конструктивные меры, направленные на распространение просвещения и культуры в том регионе, куда они назначались на службу. Одни губернаторы в силу своих воззрений и понимания своего места и роли в государственной системе власти и структуре местного управления ограничивались лишь четким исполнением распоряжений, поступавших сверху. Другие стремились значительно расширить рамки и границы своей созидательной активности. Прогрессивный губернатор, чаще всего новатор и инициатор по своей натуре, стремился сделать всегда значительно больше как в плане активизации социальной жизни провинциального общества, так и в плане созидания культурных ценностей. В качестве примера приведем Пензенскую губернию. При губернаторе А.А. Панчулидзево статкомитет как историко-краеведческое учреждение существовал лишь на бумаге. Пензенский краевед А.Ф. Селиванов писал: «В этом году благодаря содействию пензенского губернатора А.Н. Волкова, я мог кое-что сделать. Единственное учреждение, которое могло взять на себя изучение памятников старины в Пензенской губернии – губернский статистический комитет – не существовал в течение 18 лет, члены его не собирались, а обязанности секретаря исполнял один из помощников правителя канцелярии. Изучения губернии в историческом и этнографическом отношении не было. И лишь с 1887 г. с новым губернатором А.Н. Волковым, деятельность которого известна, как председателя Вятского статистического комитета, его работа возобновилась» [8, л. 43].

По новому «Положению» увеличивается число «непременных» членов комитета, сюда ещё стали входить: губернский или областной предводитель дворянства, инспектор удельной управы, во всех губернских и областных городах – городской голова и представитель от ведомства путей сообщения, в университетских городах – профессор статистики университета, в губерниях, где находилось большое число жителей иноверческих исповеданий – члены от духовенства тех исповеданий, а в губерниях, входящих в состав горных округов – представитель от горного ведомства» [9, л. 77–79].

В отличие от «Правил» 1834 г. по этому «Положению» стали избираться действительные и почётные члены (ст. 8–10). Они заменяли членов-корреспондентов. Как правило, действительными членами были специалисты, известные своими работами, посвящёнными губернии. Они проводили самостоятельные исследования, пользуясь отчасти материалами комитетов. В действительные члены «... должны были приглашены и избраны только лица, которые, по любви к науке, по участию в общественных интересах и по-своему образованию, могут своими трудами принести действительную пользу статистике, в деле разностороннего изучения губернии; особенно важно, в этом отношении, участие духовенства, члены которого сообщают много точных и тщательно собранных статистических данных Императорскому Русскому географическому и другим учёным обществам» [9, л. 91–91 об.].

Выборы в действительные члены комитета проходили на его заседаниях. Для этого было необходимо личное желание кандидата и рекомендация членов статкомитета. Таким путем в 1873 г. на общем годовом собрании Тамбовского губернского статистического комитета в состав его действительных членов избрали ректора духовной семинарии, протоиерея Д.И. Самбикина, инспектора гимназии В.А. Никитина и учителя истории и географии Екатерининского и Александринского институтов И.И. Дубасова. Каждый новый член комитета получал специальный диплом установленной формы.

Звание почётных членов «... равным образом, должно быть предоставлено с особенной разборчивостью только лицам, которые приобретали почётную известность своими учёными трудами, или изъявляющим готовность сделать значительное пожертвование для помощи статистическим работам по губернии» [9, л. 92]. Так, почетным членом Тамбовского губернского статкомитета был избран церемонимейстер императорского двора, известный тамбовский меценат Э.Д. Нарышкин, внесший в кассу комитета 100 рублей серебром, а в 1873 г. это звание получил Николай Максимельянович, герцог Лейхтенбергский, почетными членами были также известные тамбовские помещики Л.А. Воейков и Н.Ф. Токмаков. Почетными членами Пензен-

ского губернского статкомитета были известные российские ученые филолог Ф.И. Буслаев и историк В.О. Ключевский.

В соответствии с «Положением» поднимался статус секретаря комитета, приравнивавшегося к государственным служащим, соответственно секретарь обязан был иметь университетское образование. «Вся проверка, приведение в систематический порядок и окончательная разработка первоначальных материалов, для составления требуемых положением ведомостей и таблиц; равно как и содержание в порядке всех учёно-административных материалов комитета, входят в прямую обязанность секретаря» [9, л. 106]. Личность секретаря играла огромную роль в работе комитета. Как уже отмечалось выше, с 1865 по 1867 гг. секретарем Пензенского губернского статкомитета был Н. В. Прозин. По свидетельству одного из пензенских краеведов второй половины XIX столетия Г.П. Петерсона: «... после ухода Н.В. Прозина на целых 15 лет наш статистический комитет как бы замер в бездействии» [10, с. 33].

Таким образом, структура ГСК стала в большей степени напоминать структуру научного общества. Так, например, обширные научные связи поддерживал Пензенский губернский статистический комитет, помимо Центрального и ряда губернских статистических комитетов, он проводил активную работу с Академией наук, Политехническим музеем, Русским географическим обществом, Московским археологическим обществом, Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Казанским университетом, Казанским военным окружным штабом, а также другими научными учреждениями и обществами страны. Вся деятельность статкомитетов была разделена на «обязательные» и «необязательные занятия». «Обязательные занятия имеют целью доставления необходимых правительству по части административной статистики данных, а именно: а) почему-либо замечательных в губернии или области местностей в отношении топографическом, историческом, промышленном, торговом, сельскохозяйственном и прочем и об издании трудов своих в свет. Издание этих трудов может быть производимо: печатанием соответствующих статей и описаний в статистических таблиц, установленных Центральным статистическим комитетом; б) статистических ведомостей, прилагаемых к отчётам начальников губерний и областей о состоянии вверенных им губерний; в) статистических ведомостей» [9, л. 123]. Обязательные сведения могли расширяться или изменяться только по предложениям или рекомендациям Центрального статистического комитета при МВД. Под «необязательными занятиями», которые также с этого времени были вменены комитетам в обязанность, имелось в виду «... заботиться о составлении подробных описаний губерний и областей, равно как и частей оных, также городов и особенно губернских ведомостях, составлением и печатанием «Памятных книжек» о губерниях и областях и об отдельных городах и, наконец, печатанием отдельных монографий или описаний губерний и областей или частей оных» [11, л. 2–2об]. Однако, издание «Памятных книжек» впоследствии становится обязательным занятием ГСК. К необязательным работам статкомитетов стало относиться выполнение разовых работ по просьбе какого-либо учреждения или общества. Так, например, в 1896 г. по просьбе управляющего Пензенским отделением государственного дворянского земельного банка Пензенским ГСК были собраны сведения о количестве земельных угодий: надельных и арендованных, а по запросу санитарного отделения губернской земской управы были собраны сведения о количестве детей в возрасте от 8 до 14 лет. Кроме того, в 1902 г. комитетом были собраны уникальные сведения о нерусском населении Пензенской губернии, с указанием в каких селениях они проживают. При этом описывалась их народная одежда, давались сведения о курганах, могильниках, валах и других памятниках старины.

Таким образом, статкомитеты были не только наделены правами ведения самой широкой исследовательской работы в рамках своей губернии (тематика могла быть самая многообразная), но становились значительными издательскими центрами преимущественно работ своих членов. Действуя на основании «Положения» ГСК реально могли превратиться, и нередко превращались, в местные учёные общества с некоторыми административными правами и обязанностями. В этой роли статкомитеты рассматривались на Первом археологическом съезде в 1869 г. в Москве. В частности, там поднимался вопрос об участии ГСК в археологических исследованиях. На съезде говорилось «... статистические комитеты, как единственные ученые учреждения, существующие в каждом губернском городе..., которым более или менее известны местные памятники старины, должны быть деятельными пособниками специальных археологических учреждений» [12, с. 509]. Его участники

высказались за привлечение губернских статистических комитетов к составлению региональных археологических карт [12, с. 511]. Предлагалось создать при них специальные историко-археологические комиссии, музеи, библиотеки. Саратовский ГСК был одним из первых, откликнувшихся на рекомендации этого съезда. При нём существовал археологический музей, состоявший «... из 20 названий и в 90 экземплярах, из вещей более выдающихся: череп лося, кольчуги, зуб мамонта, верхний щит, черепки, старинный меч и старинные монеты» [13, с. 5].

В 1880 г. Саратовским губстаткомитетом была разработана специальная программа по исследованию отдельных районов губернии, для осуществления которой были привлечены учащиеся Мариинского земледельческого училища, собиравшие историко-этнографические данные о своих родных селах [14].

Как мы видим, при благоприятных условиях ГСК становились центрами, около которых группировалась местная интеллигенция в силу того, что комитеты давали самые широкие права личной исследовательской инициативе. Это обстоятельство способствовало тому, что в 1860-е годы в члены Пензенского ГСК были избраны известные пензенские краеведы В.Х. Хохряков и Н.В. Прозин. Несколько иная картина складывалась в Тамбовском статкомитете. В 1861 г. из краеведов в действительные члены выбирают лишь П.И. Пискарева, а в 1873 г. церковного краеведа протоиерея Д.И. Самбикина и известного тамбовского краеведа И.И. Дубасова [15, с. 47–48], которые в рамках комитета смогли подготовить почву для создания в 1884 г. Тамбовской губернской учёной архивной комиссии.

Подводя итог, необходимо отметить – формирование правовой и организационной базы губернских статкомитетов прошло долгий и трудный путь, на котором были и промахи и удачи. Однако правительству удалось наладить деятельность этих учреждений, более того, до 1880-х годов ГСК были единственными учреждениями в России вокруг которых формировалась провинциальная интеллигенция. В губерниях, где отсутствовали университеты, эти учреждения заложили основы научной работы и целенаправленных краеведческих исследований.

1. Корнилов, А. А. Курс истории России XIX века / А. А. Корнилов. – М. : Эксмо-Пресс, 1993. 618 с.
2. Журнал Министерства внутренних дел (ЖМВД). – СПб., 1835. – Вып. 3.
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание первое. – СПб., 1835. – Т. IX.
4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). – Ф. 81. Оп. 1. Д. 77.
5. Янсон, Ю. Э. Теория статистики / Ю. Э. Янсон. – СПб : Тип. Л.М. Гольденберг, 1913. – 594 с.
6. Комарова, И. И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов / И. И. Комарова // Археографический ежегодник за 1986 год. – М., 1987.
7. Настоящее устройство местных административно-статистических учреждений в России // Журнал МВД. – СПб., 1861. – Ч. 60. – Кн. 2.
8. ГАПО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 605.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1290. Оп. 1. Д. 310.
10. Петерсон, Г. П. К истории учреждения в г. Пензе ученой архивной комиссии / Г.П. Петерсон // Труды Пензенской ученой архивной комиссии. – Пенза, 1903. – Вып. 1.
11. ГАПО. – Ф. 9. Оп. 1. Д. 127.
12. Труды Первого археологического съезда в Москве. – М., 1871. – Т. 1.
13. Отчет о деятельности и занятиях Саратовского губстаткомитета в 1882 году. – Саратов, 1883.
14. См., например: Поляков, П. Село Боцманово / П. Поляков //Саратовские губернские ведомости. –1881. – № 1.
15. Алёнова, В. А. История Тамбовского краеведения (XIX – 30-е годы XX в.) / В. А. Алёнова, Ю. А. Мизис. – Тамбов : ТГУ, 2002. – 438 с.

Петрова О.С.
ВИТЕБСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ
В ОТРАЖЕНИИ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДОВ (1869–1914 ГГ.)

Вторая половина XIX в. была временем повсеместного образования исторических, археологических, краеведческих и историко-культурных обществ и учреждений, как в столичных городах, так и в провинции Российской империи. Это обусловило многогранность и полифоничность научно-исторического сообщества, в которое входили как представители университетской школы – историки-профессионалы, так и провинциальная интеллигенция, краеведы

любители, чей труд по созданию оригинальной научной гуманитарной инфраструктуры страны нельзя недооценивать.

Это период интересен также интенсивным процессом дифференциации научного знания, выразившимся, в частности, в выделении из исторической науки новых отраслей и дисциплин. В рамках этого процесса получило развитие особое научное направление, получившее название «историческое краеведение». Первоначальное значение краеведения состояло в описании местности в разные исторические периоды, целью которого было формирование социальной и культурной среды общества. Главными же направлениями работы историка-краеведа были и остаются деятельность по охране памятников, просвещение, а также научное исследование своей земли, опирающееся на междисциплинарные методы. Объединяет эти направления искренняя любовь к своей малой родине. С.О. Шмидт писал в этой связи, что «Подлинное краеведение – всегда краелюбие, от сердца» [17, с. 220].

Во многом успех работы краеведов зависел от организаций, объединявших провинциальное научное сообщество и обеспечивавших их взаимодействие со столичными учреждениями. В становлении организационной структуры исторического краеведения участвовали не только добровольные общественные объединения, но и созданные властью институции. Среди них особую роль играли губернские статистические комитеты, ученые архивные комиссии, а также церковные археологические или исторические комитеты, подведомственные Синоду. Деятельность этих организаций неоднократно становилась предметом изучения исследователей. [3, 7, 8, 12]. В Витебске в рассматриваемый период историко-краеведческой работой занимались Витебский губернский статистический комитет, Витебская губернская ученая архивная комиссия, а также Витебское епархиальное Свято-Владимирское братство и созданный при нем комитет по историко-статистическому описанию церкви и приходов Полоцкой епархии.

Витебский губернский статистический комитет (далее – ВГСК) начал активную деятельность после 1862 г., хотя официально был открыт еще в 1835 г. Наряду с исследованиями по истории архитектуры членами комитета было составлено географическое описание губернии, разработана программа изучения губернии, комитет занимался разбором упраздненных архивов, составлением статистических карт Северо-Западного края, собирал сведения об археологических коллекциях, находящихся в частных руках, а также о курганах, городищах, древних земляных валах.

Витебская ученая архивная комиссия (далее – ВУАК) была создана в 1909 г. Ее целью являлось рассмотрение и описание архивных рукописей, охрана памятников старины, «воспроизведение» жизни родного края, связь с научными учреждениями. Комиссия организовала библиотеку, исторический архив и музей. Почетными членами комиссии были В.О. Ключевский, А.С. Лаппо-Данилевский, А.А. Шахматов.

Витебское епархиальное Свято-Владимирское братство с 1887 г. занималось благотворительной, миссионерской и духовно-просветительской деятельностью, вместе с комитетом по историко-статистическому описанию церкви и приходов братство заботилось о сохранении памятников прошлого и изучении истории своего края.

Все три учреждения в разной степени были вовлечены в работу Всероссийских археологических съездов, проводившихся по инициативе Московского археологического общества (далее – МАО), созданного в 1864 г. графом А.С. Уваровым. Свое определение съезды получили от названия науки о древностях – археологии. В соответствии с расширительным пониманием в XIX в. содержания археологии она занималась разнообразными конкретно-историческими проблемами прошлого и изучением изобразительных, вещественных и письменных источников. Первый съезд начал работу в Москве в 1869 г. и затем МАО собирало всех заинтересованных лиц каждые три года вплоть до начала Первой Мировой войны. Съезды проводились в разных городах Российской империи, последний XV съезд был в Новгороде в 1911 г., XVI съезд был назначен на 1 августа 1914 г. во Пскове, а задуманный организаторами XVII съезд – в Смоленске в 1917 г. Но этим планам не суждено было осуществиться.

В результате деятельности Археологических съездов отложился значительный объем документации, сложной по составу и видовой принадлежности. В историографии нередко используются материалы «Трудов» Археологических съездов [1, 4, 5, 9]. Историки обращаются к ним для реше-

ния разнообразных конкретно-исторических задач, биографических исследований, документы съездов проливают свет на многие страницы истории научного знания. Делопроизводственные материалы Археологических съездов могут быть использованы и для изучения деятельности провинциальных учреждений и ученых на поприще исторического краеведения. Среди наиболее интересных – протоколы, списки депутатов съездов, деловая переписка, а также особая разновидность документации – двухчастная программа, состоявшая из «Вопросов, предполагаемых к обсуждению на съезде», авторы которых брали на себя обязательство подготовить доклад или сообщение по заявленной проблеме, и «Запросов, по которым желательно получить сведения». По сути, это были лишь потенциальные направления научного познания. Несмотря на видимое различие, обе разновидности программы Археологических съездов составляли продуманную и целостную систему. В рамках изучения Археологических съездов были созданы базы данных о депутатах и научной программе съездов, позволяющие хранить и эффективно использовать данные источников – опубликованных «Трудов съездов», других печатных материалов, изданных в ходе подготовки форумов, а также архивные материалы делопроизводственной документации [11].

Несмотря на то, что Археологические съезды не проводились непосредственно в Белоруссии, представители Витебской земли были вовлечены в работу Археологических съездов. Документация съездов сохранила для нас их имена. Многие из них хорошо известны благодаря тому вкладу, которые они внесли в дело изучения родного края, благодаря своим публикациям, архивным или археологическим изысканиям. Их участие в Археологических съездах расширяет представление об истоках краеведения Витебска, о коммуникации местных историков и археологов, их вовлеченности в общероссийское движение по изучению и сохранению памятников древности.

Во-первых, нужно назвать Михаила Францевича Кусцинского (1829–1905), известного историка и археолога, члена МАО. Он по окончании учёбы в Санкт-Петербургском университете на протяжении всей своей жизни занимался исследованиями в Витебской и Смоленской губерниях, был действительным членом ВГСК. Его участие в Археологических съездах во многом связано с тем, что его сокурсником был основатель МАО и организатор съездов графа А.С. Уварова. Согласно протоколам и спискам членов съезда М.Ф. Кусцинский (в документах его фамилия имела разные варианты написания: Куцинский, Куцинский, Кучинский) приезжал на I (Москва, 1869), II (Санкт-Петербург, 1871), IX (Вильно, 1893), X (Рига, 1896) съезды, т.е., более четверти века взаимодействовал с коллегами-учеными, делился своими мыслями и идеями. Видимым результатом его участия в съездах было выступление с докладами «О полях битв», «О Рогволдовом камне и о Двинских камнях». Тексты докладов в «Трудах» съездов напечатаны не были, но протоколы I съезда дают представление о содержании его выступлений и дискуссии, которую они вызывали. Появлению этих докладов предшествовали предварительно заданные им и поставленные в повестку дня съезда «Вопросы»: «О находках каменных и медных или сделанных из сплавов орудий вместе с железными в северной части европейской России. Сравнение форм, технических свойств этих железных орудий», «Применение археологических исследований к русской истории. Какие местности или поля битв, упомянутых в летописях, определены были археологическими исследованиями? Какие географические местности, известные по летописям, остаются доселе неопределенными?». Они отражают широту интересов ученого, круг его научной специализации. Его труды на благо Витебской старины проявились в докладе «О составлении собрания фотографических снимков с памятников старины, как Витебской, так и смежных губерний» [16, с. LXX] Он первым в Белоруссии стал фиксировать на фотографиях археологические раскопки, создавать фототеку древностей Витебской и соседних губерний, создал археологическую карту Витебской губернии, таблицу курганов и городищ. Библиография его трудов, многие из которых были напечатаны в изданиях МАО, свидетельствует о важной роли, которую играли съезды в его профессиональной жизни.

Одним из наиболее авторитетных представителей Витебской губернии на съездах был Александр Максимович Сементовский-Курилло (Сементовский, Сементовский-Курило) (1821–1893). В списках VIII съезда (Москва, 1890) обозначен член съезда, прибывший из Полоцка. А.М. Сементовский много лет (с 1863 по 1880 г.) был секретарем ВГСК, что, по сути, означало руководство основными работами комитета. Его трудами издавались «Памятные книжки Витебской губернии», важный исторический источник и о прошлом губернии. Кроме того,

А.М. Сементовский был членом нескольких научных обществ, включая МАО. Его участие в работе Московского съезда было неслучайным и не праздным. Известно, что губернские статистические комитеты, помимо своих основных обязанностей, занимались и «нестатистической» деятельностью: проводили исторические и этнографические обследования губерний, разбирали местные государственные и частные архивы, изучали памятники древности, а также заботились об их сохранении. [7, с. 86] Эта «нестатистическая» деятельность комитетов как нельзя лучше соответствовала задачам и целям Археологических съездов. На выставке VIII съезда А.М. Сементовский представил несколько предметов, найденных в Витебской губернии [6, с. 23].

После А.М. Сементовского секретари ВГСК также продолжали посещать заседания Археологических съездов, например, в списках были отмечены Г.П. Яненко (XIII, Екатеринослав, 1905) и А.П. Сапунов. Алексей Парфенович Сапунов (1851–1924), выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, преподавал в Витебском отделении Московского археологического института. Он дважды был секретарем ВГСК (1901–1907, 1913–1915), в перерыве, в 1907–1912 гг., был депутатом Государственной думы от Витебской губернии, оставаясь действительным членом комитета. В 1890-е гг., согласно данным делопроизводственной документации, А.П. Сапунов участвовал во всех проводившихся съездах (VIII–XI), т.е., более десяти лет был вовлечен в орбиту научно-исторической деятельности. На XI съезде (Киев, 1899) он был членом Предварительного комитета, что означало непосредственное участие в подготовке научной программы заседаний. В протоколах нет сведений о его выступлениях, но он неоднократно предлагал вопросы для размышления участников съездов. Эти вопросы, как правило, имели историко-географический характер. Работая в статистическом комитете, он собирал сведения о памятниках витебской земли, изучал архивные материалы. Результатом этой работы стали многочисленные публикации [2]. При его непосредственном участии была создана и ученая архивная комиссия в Витебской губернии в 1909 г.

В «Отчете о деятельности Витебской ученой архивной комиссии за 1-й год ее существования» сообщалось, что предложение о ее организации сделал преподаватель духовной семинарии Н.Н. Богородский [13, с. 2.]. Николай Николаевич Богородский (1877–1938) окончил историческое отделение Московской духовной академии, а в 1908 г. был назначен заведующим церковно-археологического древлехранилища Полоцко-Витебской епархии. Его любовь к древностям края проявилась в активной работе по сохранению и изучению архивов. Вероятно, именно это направление в работе съездов привлекло его к участию в них. На XIV съезде (Чернигов, 1908) он приезжал как депутат Епархиального Свято-Владимирского братства, а спустя три года, на XV съезде (Новгород, 1911) был выбран депутатом от ВУАК.

Не менее заметной фигурой в витебском краеведении и архивоведении, одним из основателей ВУАК был Евдоким Романович Романов (1855–1922) – этнограф, фольклорист, публицист, член Русского Географического общества, МАО и др. научных обществ. Он проводил раскопки в Могилевской и Витебской губерниях, составил археологические карты, а в 1890 г. принял участие в заседаниях VIII, а потом и IX съездов. В дальнейшем его фамилия в списках членов съездов не значится, но научная программа XV съезда зафиксировала поставленные им научные проблемы в «Запросах», что говорит о продолжении занятий на этом поприще. Он предлагал обсудить на съездах «Западные границы славянских могил на территории Витебской, Псковской и Новгородских губерний и ... их погребальные типы», «Волоки от рек Великой и Ловати к Двине, указанные в “Материалах по исторической топографии Витебской губернии”», «границы так называемого уокающего говора, который от Смоленска тянется к Северо-Западу, прорезывает восточную часть Витебской губернии и заполняет Псковскую». В этих вопросах просматривается тот круг проблем, которые определяли его работу в Русском Географическом обществе.

Практически все члены ВУАК были участниками Археологических съездов. К сожалению, XV съезд в Новгороде в 1911 г. был первым и единственным, на котором были представлены депутаты от Витебской ученой архивной комиссии. Среди них помимо Н.Н. Богородского, был председатель ВУАК В.С. Арсеньев, члены комиссии И.И. Долгов, В.К. Стукалич, В.П. Федорович и Н.Д. Зарин.

Одним из известных историков и краеведов витебской земли, который принял участие в работе съездов, был Дмитрий Иванович Довгялло (1868–1942), почетный член ВУАК, архивариус, заве-

дующий Витебского центрального архива древних актов книг. После его ликвидации в 1903 г. он занял должность помощника архивариуса Виленского Центрального архива древних актов книг и стал членом Виленской археографической комиссии, а с 1913 г. ее председателем. Его участие в XI и XV съездах было связано с профессиональным интересом [18]. На последнем съезде он был депутатом от Северо-Западного отдела Русского Географического общества.

Отдельный интерес для изучения вопросов исторического краеведения представляют данные делопроизводственных материалов о темах, связанных с историей и культурой Витебска, которые привлекали членов Археологических съездов, не связанных своей судьбой с Витебским краем. Так, одним из самых известных ученых в списке депутатов был архитектор, историк архитектуры Андрей Михайлович Павлинов (1852–1897). А.М. Павлинов много ездил по стране, в том числе, по Белоруссии, где занимался изучением памятников архитектуры и изобразительного искусства, делал научные описания и зарисовки. На IX съезде в Вильне он выступал с докладом о древних памятниках архитектуры Витебска и Полоцка. А.М. Павлинов описал кладку Благовещенской церкви и попытался атрибутировать памятник. Его выступление было опубликовано в «Трудах» IX съезда [15]. В 1895 г. это исследование было напечатано и отдельной брошюрой [10].

Церковный историк и искусствовед, литературовед и этнограф Николай Иванович Петров (1840–1921) обсуждал с коллегами на съезде архитектурные особенности церквей («Характеристика и указание архитектурных особенностей церквей: Ольгердовой, Благовещенской в Витебске, Сынковической, Брестской Николаевской и др. XIV-XV вв. со следами западного влияния»). А эстонский фольклорист и журналист Оскар Михайлович Каллас (1868–1946) на X съезде в Риге ставил вопрос о «Фольклористической древности у эстонцев-католиков в Витебской губернии». Член-корреспондентом Академии наук, знаток и исследователь латышского языка Август Биленштейн (1826–1907) предлагал на X съезде обсудить лингвистические вопросы «верхне-латышей в Витебске». Эта проблема была поднята не случайно, поскольку известно, что с конца XVIII в. Латгалия входила в Витебскую губернию, поэтому для латышей Двинского, Люцинского и Режицкого уездов Витебск являлся губернским центром, в Витебской губернии более 10 тысяч человек. На несостоявшемся XVI съезде во Пскове депутаты планировали обсудить вопрос о католических латышских костелах Витебской губернии.

Таким образом можно констатировать, что Витебск, его история, география, памятники древности были предметом изучения научного сообщества в конце XIX – начале XX вв., привлекали внимание как историков-профессионалов, так и любителей старины. Они готовились к Археологическим съездам, изучая прошлое своего края, посылая депутатам съездов свои вопросы и запросы или готовя выступления, часть из которых была напечатана в «Трудах съездов». Можно с уверенностью сказать, что такая коллективная работа имела и отдаленный эффект, выразившийся в публикациях в местных изданиях, региональной прессе, в создании коллекций древностей или музеев, активизации архивной работы. Центральную, организующую роль в этом играли Витебский губернский статистический комитет и Витебская губернская ученая архивная комиссия, объединившие лучших представителей родной земли, чья деятельность способствовала изучению истории родного края и готовила почву для ее научного исследования.

1. Аврунина, С. Б. Русские археологические съезды и становление византиноведения в России / С. Б. Аврунина // Византийский временник. 1976. Т. 37. – Москва: Наука, 1976. – С. 255–257.
2. Алексей Парфенович Сапунов: библиографический указатель / ГУ «Витебская областная библиотека имени В.И. Ленина», Сектор краеведческой литературы и библиографии; [сост. А.В. Ганчарова, Н.А. Пугачева]. – Витебск, 2009. – 43 с.
3. Бердинских, В. А. Уездные историки: русская провинциальная историография / В. А. Бердинских. – Москва: Новое литературное обозрение, 2003. – 522 с.
4. Бржостовская, Н. В. Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869-1911) / Н. В. Бржостовская // Археографический ежегодник за 1971 г. – Москва: Наука, 1972. – С. 89–105.
5. Дементьева, Ю. Н. Материалы Археологических съездов (1869 – 1914) как источник по истории музейного дела в России / Ю. Н. Дементьева // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – № 80. – 2008. – С. 71–83.
6. Каталог выставки VIII Археологического съезда в Москве, 1890 г. – Москва: Тип. Л. и А. Снегиревых, 1890. – [772] с. разд. паг.
7. Комарова, И. И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов / И. И. Комарова // Археографический ежегодник за 1986 год. – Москва: Наука, 1987. – С. 85–96.

8. Макарихин, В. П. Губернские ученые архивные комиссии России / В. П. Макарихин. – Н. Новгород Волго-Вят. кн. изд-во, 1991. – 118 с.
9. Мельник, А. Н. Вопросы архивного дела на XI Археологическом съезде по материалам личного фонда С. Д. Яхонтова / А. Н. Мельник // Мир источниковедения: (сборник в честь С. О. Шмидта) / Российский гос. гуманитарн. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Пензенская обл. администрация, Департамент культуры. – Москва; Пенза: Ист.-арх. ин-т, 1995. – С. 269–274.
10. Павлинов, А. М. Древние храмы Витебска и Полоцка; Деревянные церкви в г. Витебске / А.М. Павлинов. – Москва: тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1895. – 26 с.
11. Петрова, О. С. Методы изучения массовых данных материалов археологических съездов, 1864–1914 дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – Москва, 2005. – 263 с.
12. Писарькова, Л. Ф. Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности / Писарькова Л. Ф. // Археографический ежегодник за 1989 год. – Москва: Наука, 1990. – С. 187–198.
13. Полоцко-Витебская старина / изд. Витебской учен. арх. комис. – Витебск: Тип. М. Б. Неймана, 1911. – 399 с.
14. Сапунов, А. П. Исторический очерк 50-летия Витебского губернского статистического комитета. (22 сент. 1863 – 22 сент. 1913 г.) / А. П. Сапунов. – Витебск: Губ. тип., 1913. – 37 с.
15. Труды Девятого Археологического съезда в Вильне, 1893 / Под ред. гр. Уваровой и С. С. Слуцкого. Т. 1. – Москва: 1895. – 165 с.
16. Труды Первого Археологического съезда в Москве. 1869 / (Изд. под ред. гр. А.С. Уварова). Т. 1. – Москва, 1871. – СХХ, 318 с.
17. Шмидт, С. О. Памятники письменности в культуре познания истории России / С. О. Шмидт. Т. 2: От Карамзина до "арбатства" Окуджавы. Кн. 1. – Москва: Языки славянских культур, 2009. – 576 с.
18. Шумейко, М. Ф. Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло. – Минск: БелНИИДАД, 2002. – 164 с.

Космач В.А.
ГЕРМАНИЯ 1918–1945 ГГ.: КРАТКИЙ ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ
И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

По германской истории 1918–1945 гг. написаны сотни тысяч монографий и статей. Как минимум две трети из них – это работы немецких, англо-американских, советских, современных российских и белорусских историков. В числе первых следует выделить объемные и солидные научные монографии германского историка Генриха Августа Винклера «Веймар 1918–1933. История первой немецкой демократии» (издано на русском языке в Москве в 2013 г.), его коллеги из Мюнхенского университета, профессора Хорста Мёллера «Веймарская республика. опыт одной незавершенной демократии» (М., 2010), немецких историков Э. Эйка («История Веймарской республики» в 2-х томах, 1956), К.Д. Эрдмана («Веймарская республика», 1980) и Эб. Кольба («Веймарская республика», 1998). Из ГДР-овских историков по истории Веймарской Германии следует обратить внимание на работы Вольфганга Руге, одна из которых «Германия в 1917–1933 гг.» была опубликована на русском языке в 1974 г.

По истории Веймарской республики и периоду национал-социалистической диктатуры в истории Германии прежде всего следует назвать монографии видного германского историка Карла Дитриха Брахера – «Падение Веймарской республики» (1955 г.), «Германская диктатура: возникновение, структура и итоги национал-социализма» (1997 г.), а также работы известного британского историка Ричарда Эванса. В 2010 г. на русском языке вышла его трилогия, посвященная истории «Третьего рейха» – «Третий рейх: зарождение империи (1920–1933)», «Третий рейх: дни триумфа (1933–1939)», «Третий рейх: дни войны (1939–1945)». Отдельно выделим монографию немецкого историка Андреаса Дорпалена «Германия на заре фашизма» (М., 2008).

Становление советской германистики связано с именем и работами Аркадия Самсоновича Ерусалимского (род. в 1901 г. в г. Быхов Могилевской области, ум. в 1965 г. в Москве). Известны широко его публикации по истории германского империализма, внешней политике и дипломатии Германии XIX–XX вв. В 1959 г. в качестве пособия для учителей вышли «Очерки новейшей истории Германии» Германа Леонтьевича Розанова. Объемное исследование под названием «Очерки новейшей истории Германии» в 1962 г. опубликовал Вадим Германович Кульбакин. В 1973 г. были изданы лекции по курсу «Германия 1918-1939 годов» Марии Ивановны Орловой.

Германистика более позднего времени в рамках нашей темы связана с работами известных советских историков-германистов, докторов исторических наук, профессоров Льва Израилевича Гинцберга, Якова Самойловича Дробкина, Давида Самойловича Давидовича, Александра

Александровича Галкина и Бориса Михайловича Туполева в Москве, Григория Марковича Трухнова – в Минске. Это – отцы-основатели и «патриархи» советской германистики. Их перу принадлежат десятки монографий и статей. Из под их «крыла» вышли десятки, если не сотни, учеников, в том числе ученых-германистов по германской истории 1918–1945 гг. Я.С. Драбкин опубликовал две монографии по ранней истории Веймарской республики – «Ноябрьская революция в Германии» (1967 г.) и «Становление Веймарской республики» (1978 г.).

Из современных авторов и работ выделим второй том «Истории Германии» в трех томах под редакцией профессоров Бернхардта Бонвеча и Юрия Владимировича Галактионова – «От создания Германской империи до начала XXI века» (трехтомник издан в 2005 г. в Кемерово). Назовем так же монографии под одним и тем же названием «Германия в XX веке» современных российских историков Александра Юрьевича Ватлина и Александра Ивановича Патрушева. Последнему принадлежит еще книга «Германские канцлеры: от Бисмарка до Меркель» (2009 г.). В 2007 г. Международный университет в Москве опубликовал 704-страничную «Германскую историю: через тернии двух тысячелетий» А.И. Патрушева. Отметим также учебное пособие Николая Валентиновича Павлова «История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель», второе и третья главы которого охватывают период 1919–1945 гг. Новым страницей в истории постсоветской германистики стала монография Н.В. Павлова «Россия и Германия: не состоявшийся альянс (история с продолжением)», главы 6 и 7 которой соотносятся с 1918–1945 гг. (2017 г.).

Отдельно следует сказать об историографии истории германского национал-социализма (фашизма). По подсчетам Майкла Рука библиография германского фашизма на 1995 год насчитывала 25 000 работ, а в 2000 г. – 37 000! На первом месте, и это естественно, опять же идут немецкие историки. Прежде всего это работы Эрнста Нольте («Фашизм в его эпоху», 2001), Вернера Мазера («Адольф Гитлер. Легенда. Миф. Действительность» (1998–2004) и Йоахима Феста («Адольф Гитлер. Биография», 2006). В англо-американской историографии, кроме Р. Эванса, следует отметить работы Уильяма Ширера («Взлет и падение Третьего рейха», 2006) и Джона Толанда («Адольф Гитлер», 1993). Интерес представляет 2-х томное сочинение Аллана Буллока «Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: Сравнительное жизнеписание» (1994 г.).

Из бывших ГДР-овских историков следует выделить работы Вольфганга Руге. Его книга «Как Гитлер пришел к власти. Германский фашизм и монополии» была издана на русском языке в Москве в 1985 г. В советской историографии с историей германского фашизма и «гитлериадой» связаны исследования Л.И. Гинцберга («На пути в имперскую канцелярию», 1972; «Ранняя история нацизма», 2004), А.А. Галкина («Германский фашизм», 1989) и Бориса Николаевича Бессонова («Фашизм: идеология, политика», 1985). Своеобразной сенсацией стал выход в годы «перестройки» книги Даниила Ефимовича Мельникова и Людмилы Борисовны Чёрной «Преступник №1 Нацистский режим и его фюрер», 1989). Классикой остается академический труд советских историков «История фашизма в Западной Европе» (М., 1978).

Из современных русскоязычных исследований истории германского фашизма и биографии А. Гитлера выделим книгу Бориса Соколова «Адольф Гитлер: фюрер, преступник, личность» (2013 г.), «Энциклопедию Третьего рейха» (2005 г., третье издание) и монографию Александра Геннадиевича Ушакова «Гитлер. Неотвратимость судьбы» (2015 г.).

Изучение германской истории 1918–1945 гг. занимаются и белорусские историки. Основателем белорусской германистики новейшего времени заслуженно считается доктор исторических наук, профессор Григорий Маркович Трухнов – автор многочисленных работ по истории Веймарской Германии и советско-германских отношений в 1920-е гг. («Революционный подъем в Германии. Конец 1918 – середина 1921 г.», 1963; «Классовая борьба в Германии в 1918–1923 годах», 1969; «Из истории советско-германских отношений (1920–1922 гг.)», 1974; «Почувствительные уроки истории. Три советско-германских договора (1922–1926 гг.)», 1979; «Рапалло в действии: Из истории советско-германских отношений (1926–1929 гг.)», 1982). Известны работы его учеников – Геннадия Аркадьевича Космача («Рабочий вопрос в политике правящих партий Веймарской Германии в 1924–1929 годах», 2003; «Кризис германского либерализма в годы Веймарской республики: Идеология и политика Немецкой демократической партии в 1918–1929 гг.», 1989 и др.) и Венямина Аркадьевича Космача («До и после Рапалло: Советская Россия и СССР во внешней культурной политике Германии. 1917–1932 гг.», 2003; «Внешняя

культурная политика Веймарской Германии в политической жизни страны и на международной арене. 1919–1932 гг.», 2006; «Германия в 1918–1919 гг.: рождение республики», 2008; «Германия после Первой мировой войны: Ноябрьская революция и первые годы Веймарской республики. 1918–1923 гг.», 2010; «История Германии в годы Веймарской республики: Ноябрьская революция и становление республики. 1918–1923 гг.», 2014; «Германия в 1918–1923 годах: рождение и первые годы Веймарской республики», 2015). Профессором В.А. Космачем в 2016 г. была подготовлена и издана объемная по числу страниц монография под названием «Адольф Гитлер и ранний фашизм в Германии (1889–1924 гг.). История. Суждения. Мнения. Оценки» (2016). В 2017 г. вышла еще одна монография профессора В.А. Космача «Накануне и после Рапалло: Беларусь и Германия в 1920-е – начале 1930-х годов (страницы истории)».

Олег Геннадьевич Субботин активно исследует проблемы, связанные со становлением и развитием федерализма в Веймарской Германии, Дмитрий Адамович Мигун свои научные исследования сконцентрировал на месте и роли Беларуси в германо-советских отношениях 1920–1930 гг. Петр Алексеевич Шупляк является автором работ по германскому профсоюзному движению 1920-х – начала 1930-х гг. Бывший министр иностранных дел Республики Беларусь Петр Алексеевич Кравченко исследовал советско-германские и белорусско-германские научно-технические и культурные связи в годы Рапалло. Следует так же назвать исследования профессоров Д.С. Климовского и Г.Г. Лазько, доцента С.И. Филиппенко и других, посвященных германо-польским отношениям в межвоенный период (1919–1939 гг.) и деятельности Германии в Лиге Наций.

Злобин С.С.
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДИИ)

Постколониализм, постколониальная теория – широкое направление в гуманитаристике, берущее начало с 1980-х гг. Ключевым пунктом постколониализма является утверждение о сконструированности в эпоху колониализма современного понимания Востока согласно властным интенциям Запада.

Постколониализм активно развивается в литературе и философии, писатели, ассоциирующиеся с постколониализмом, становились нобелевскими лауреатами (Джон Максвелл Кутзее, Воле Шойинка, Тони Моррисон). Для постколониализма также характерно обращение к истории, однако вследствие генеалогической связи постколониализма с постмодернизмом возникает ряд вопросов об особенностях постколониальных исторических исследованиях. Для выяснения позиции постколониализма по поводу написания истории в первую очередь стоит установить, что понимается под историографическим источником при рассмотрении постколониальных исторических исследований, а также, как они изучаются. Примеры из исследований колониальной Индии неизбежны в силу того значительного места, которое на данный момент занимает индология в постколониальных исследованиях.

На сегодняшний день постколониальная историография не отделилась от междисциплинарного направления постколониализма. Историки предпочитают говорить о сочетании постколониализма и историографии, а не о постколониальной историографии. Например, в статье «Школа «Исследования угнетения» и постколониальная историография» один из самых выдающихся представителей направления постколониальной историографии Дипеш Чакрабарти отмечает, что занимается проблемой связи постколониального письма и историографии, и не использует термин «постколониальная историография», хотя и выносит его в заголовок [3, р. 10]. Профессор Университета Нью-Йорка Фредерик Купер говорит о столкновении междисциплинарного направления постколониальных исследований и дисциплины истории, об отношении постколониальных теоретиков к истории [4, р. 401–402].

Вследствие этого рассмотрение постколониальной историографии не ограничивается трудами историков. Проблемы постколониальной историографии происходят из общих проблем постколониализма, поэтому неизбежно обращение к литературным критикам, культурологам,

писателям, философам, кинокритикам, искусствоведам и т.д., труды которых также будут представлять собой историографический источник.

Ярким примером является статья «Колониальная историография vs постколониальная историография: история, миф и аллегория в произведении Шаши Тарура «Великий индийский роман» Рама Бхавана Ядава из Университета Сиккима. Автор работает с литературным произведением Шаши Тарура, однако делает он это для того, чтобы получить выводы о пользе данного произведения для перехода от колониальной историографии к постколониальной, от имперского взгляда на историю Индии к свободной ее интерпретации. Р. Б. Ядав указывает, что Ш. Тарур бросает вызов «официальной» или «имперской» версии истории и критикует проекцию Индии как нации без истории и развития [14, р. 4]. Р. Б. Ядав исследует литературу в контексте рассмотрения возможностей составления постколониальной историографии. Точно также поступает Д. Чакрабарти. В своем ставшем уже классическим произведении «Провинциализируя Европу: постколониальная мысль и историческое различие», выстраивая постколониальный исторический рассказ, он прибегает к помощи достижений философов Жака Деррида, Карла Маркса, Мартина Хайдеггера [2]. Центральной для Д. Чакрабарти является концепция «бытие-в-мире» М. Хайдеггера. Традиционных историков, таких как Эдвард Томпсон, Эммануэль Ле Руа Ладюри, Жорж Дюби, Карло Гинзбург, Лоуренс Стоун, Роберт Дантон, Д. Чакрабарти приводит в своих работах по большей части для иллюстрации построения ошибочного исторического нарратива [2, р. 28].

Обращение к философам, литературным критикам, культурологам не является открытием для современной историографии. Именно на достижениях литературной критики и философии построены выдающиеся труды историков Франклина Анкерсмита, Хейдена Уайта, Райнхарта Козеллека и т.д. Знаменитый историк Хейден Уайт в интервью Центру гуманитаристики Уэслианского университета отмечал, что междисциплинарность неотъемлемая часть современной исторической дисциплины. Следует разбираться и в истории искусства, и в философии, и самое главное, следует не бояться развивать теорию, которая позволяет переопределить объект в новых условиях междисциплинарности [13]. Постколониализм – яркая и запредельная характеристика этому. Постколониализм не относится к какой-либо одной дисциплине: истории, литературной критике, философии или культурологии. Поэтому описание постколониальных исторических исследований колониальной власти может содержать анализ как постколониальной литературы, так и философии. Историкам, ставящим перед собой проблему рассмотрения постколониальных исторических исследований необходимо ссылаться не только на историков Дипеша Чакрабарти и Гьянендра Панди, но и на писателей Амитава Гхоша и Салмана Рушди.

Наиболее радикально эта линия проведена в написанной Гаятри Спивак статье «Исследования угнетения»: деконструируя историографию». Г. Спивак только в начале статьи говорит об историографии в традиционном ее понимании, пытаясь набросать какую-то генеалогическую связь школы «Исследования угнетения» [12, р. 3]. Основной же своей линией Г. Спивак выбирает расстворение историографии в исследовании семиотических цепей смыслов, пересмотре концепта «социальное», в ассоциировании деятельности школы «Исследования угнетения» с действием метода деконструкции Ж. Деррида. Именно в контексте такого сочетания историографии с другими теориями и дисциплинами предлагает Г. Спивак рассматривать противостояние школы «Исследования угнетения» колониальной историографии [12, р. 3–5].

Стирание всякой обусловленности историографического источника ведет к постепенной потере самого понятия историографического источника при изучении постколониальных исторических исследованиях. Фактически таким источником может являться любой материал, как-либо касающийся исторического дискурса при рассуждении о колониальной власти.

Установить четкие тенденции использования этих источников сложно. Конечно, историки могут идти более или менее традиционным путем и отсылать к постколониализму как средству поиска в историографической традиции колониализма, тех элементов, которые выстраивают исторический нарратив с негативными качествами. Николас Диркс показывает на примере британского историка Колина Маккензи сложности применения тезиса основателя постколониализма Э. Саида об отсутствии истории у колонизированного объекта, вследствие чего стоит признать амбивалентность исторического столкновения, которое произвело мифические дискурсы высокого империализма о Британской Индии [6, р. 279–280, р. 281–282].

Однако исследователи также могут отображать постколониальную трактовку связи исторических знаний и колониальной власти как выявление некоего исторического образа той же Индии, ее дискурсивного измерения в истории. Г. Спивак, критикует исторический дискурс Индии, обращаясь к деконструкции связи Бхагавад-гиты с репрессивным гегельянским пониманием феномена времени и истории [11, р. 38–57]. Роммель А. Кураминг из Университета Бруней-Даруссалам в своей рецензии на книгу Васанта Кайвара «Постколониальный Восток: политика различия и проект провинциализации Европы» упрекает того, что он не понял, как глубоко Д. Чакрабартти рассматривает историю как дисциплину, зарожденную с рациональностью и практиками, бесспорно европейскими в своем происхождении, и за то, что В. Кайвар оценивает таких авторов, как Д. Чакрабартти, Ран. Гуха, Г. Пракаш и П. Чаттерджи не с постколониальной-постструктуралистской точки зрения, которую они представляют, а со своей марксистской [5, р. 628]. Дэвид Ладден во введении к сборнику, посвященного школе «Исследования угнетения», охарактеризовывает развитие данного направления как потребность наново изобрести историю как таковую, освободиться от гнетущего нарратива модерна и т.д. [10, р. 13, р. 20]. Хоми Бхабха восхищается творчеством Салмана Рушди как образцом постколониальной борьбы с традицией унитарного исторического времени модерна [1, р. 166–169].

Дисциплинарную принадлежность исследователя часто сложно определить и чем более тонкие теоритические абстракции он разворачивает, тем неопределеннее его дисциплинарная идентификация. Например, Нахем Джаббар плодотворно работает как историограф и как литературный критик. В статьях «Вызов Б. Р. Амбедкара пураническому прошлому», «Индия» Найпола: история и миф античности» он сочетает ссылки на философов, писателей, литературных критиков и историков. Видиадхар Сураджпрасад Найпол – писатель, лауреат Нобелевской премии. В статье про него Н. Джаббар рассматривает психоаналитика Франца Фанона, философа Марселя Мерло-Понти, философа и писателя Жан-Поля Сартра, и, конечно же, т. к. статья касается истории и прошлого, историков Д. Чакрабартти, П. Чаттерджи [9, р. 103].

Размывание историографических источников постколониальной традицией безусловно не может вести к четкому нарративу об постколониальных исторических исследованиях. Скорее это создает соответствующий эмоциональный, мировоззренческий и дискурсивных фон, способствующий переосмыслению самых базовых понятий исторической науки: историческое время, исторический рассказ, хронология, историография, источник и т.д.

1. Bhabha, H. K. *The location of culture* / H. K. Bhabha. – London ; New York : Routledge, 1994. – 285 p.
2. Chakrabarty, D. *Provincializing Europe: postcolonial thought and historical difference* / D. Chakrabarty. – Princeton; Oxford : Princeton Univ. Press, 2000. – 301 p.
3. Chakrabarty, D. *Subaltern studies and postcolonial historiography* / D. Chakrabarty // *Nepantla : views from South*. – 2000. – Vol. 1, № 1. – P. 9–32.
4. Cooper, F. *Postcolonial studies and the study of history* / F. Cooper // *Postcolonial studies and beyond* / ed.: A. Loomba [et al.]. – Durham ; London, 2005. – P. 401–422.
5. Curaming, R. A. Vasant Kaiwar. *The postcolonial Orient: the politics of difference and the project of Provincialising Europe* (2014) : bk. rev. / R. A. Curaming // *Asian J. of Soc. Science*. – 2016. – № 3. – P. 627–641.
6. Dirks, N. *Colonial histories and native informants: biography of an archive* / N. Dirks // *Orientalism and the postcolonial predicament: perspectives on South Asia* / ed.: C. A. Breckenridge, P. van der Veer. – Philadelphia, 1993. – P. 279–313.
7. Jabbar, N. *Naipaul's «India»: history and the myth of antiquity* / N. Jabbar // *Textual Practice*. – 2006. – № 20 (1). – P. 99–120.
8. Ludden, D. *Introduction: a brief history of subalternity* / D. Ludden // *Reading Subaltern studies: critical history, contested meaning and the globalization of South Asia* / ed. D. Ludden. – London, 2002. – P. 1–39.
9. Spivak, G. Ch. *A critique of postcolonial reason: toward a history of the vanishing present* / G. Ch. Spivak. – Cambridge : Harvard Univ. Press, 1999. – XIV, 449 p.
10. Spivak, G. Ch. *Subaltern studies: deconstructing historiography* / G. Ch. Spivak // *Selected subaltern studies* / ed.: R. Guha, G. Ch. Spivak. – New York ; Oxford, 1988. – P. 3–32.
11. White, H. *A conversation at Wesleyan's center for the humanities* [Video recording] [Electronic resource] : [talks with historian H. White, prof. of Comparative lit. at Stanford Univ.] / H. White ; talked E. Kleinberg // YouTube. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=ViG30Fkz2cI>. – Date of access: 11.12.2017.
12. Yadav, R. B. *Colonial historiography vs postcolonial historiography: history, myth and allegory* [Electronic resource] / R. B. Yadav // *Lapis Lazuli – An Intern. Lit. J. (LLILJ)*. – 2012. – Vol. 2, № 2. – Mode of access: <http://pintersociety.com/wp-content/uploads/2012/11/Ram-Bhawan-Yadav-7.pdf>. – Date of access: 20.08.2018.

Марцынкевіч І.А.

ПРАБЛЕМА САЦЫЯЛЬНАГА ЗАБЕСПЯЧЭННЯ ІНВАЛІДАЎ І ЎДЗЕЛЬНІКАЎ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ Ў ГІСТАРЫЯГРАФІІ

У рэчышчы даследаванняў сацыяльнай гісторыі пасляваенны перыяд выклікае несумнеўныя навуковы і практычны інтарэсы, паколькі з’яўляецца каштоўным вопытам савецкай дзяржавы па арганізацыі сістэмы сацыяльнага забеспячэння насельніцтва ў першыя пасляваенныя гады. Важнасць і надзённасць вывучэння праблемы абумовілі цікавасць да тэмы яшчэ ў савецкі час. Працы гэтага перыяду гістарыяграфіі ўмоўна можна падзяліць на шэраг тэматычных блокаў, якія маюць дачыненне да вывучаемай тэмы. Па-першае, гэта комплекс прац, дзе вывучаюцца пытанні пасляваеннага адраджэння СССР і БССР, у якіх, тым не менш закраналіся асобныя аспекты станаўлення сістэмы сацыяльнага забеспячэння праз прызму пераходу да мірнага жыцця.

Пасляваеннае адраджэнне гаспадаркі СССР і БССР ва ўмовах пераходу да мірнага жыцця ў сваіх навуковых аналізах закраналі А.А. Андрэеў [1], Н.М. Бальшакоў [2], С.Г. Белікаў [3], Л.М. Валадарскі [4], І.І. Кузьміноў [5], Ю.І. Ласоўскі [6], С.Н. Малінін [7], І.Я. Марчанка [8, 9, 10]. Каштоўнасць такіх прац заключаецца ў магчымасці падрабязна разгледзець тыя эканамічныя і палітычныя рэаліі, на аснове якіх адбывалася станаўленне сістэмы сацыяльнага забеспячэння з улікам наступстваў Вялікай Айчыннай вайны. Асобным пунктам трэба вылучыць працы А.П. Купрэвай [11]. Вывучаючы пытанні аднаўлення гаспадаркі БССР, аўтар надала вялікую ўвагу асвятленню тэмы матэрыяльнага забеспячэння насельніцтва пасля выгнання акупантаў за межы рэспублікі.

У другой палове 1950-х – 1960-я гг. увага савецкіх гісторыкаў была звернута да пенсійнага забеспячэння, што было звязана з прыняццем 14 ліпеня 1956 года Вярхоўным Саветам СССР закона “Аб дзяржаўных пенсіях”. У публікацыях Г.С. Кудраўцава [14], Б.П. Гарахоўскага [15], Р.Н. Карташова [16], С.Н. Власава [17] акцэнтавалася ўвага на станоўчых баках прынятага закона, а таксама разглядаліся пытанні сацыяльных пенсій па інваліднасці і аказання іншай матэрыяльнай дапамогі былым франтавікам.

З сярэдзіны 1970-х – пачатку 1980-х гг. з’явіліся новыя агульныя даследаванні па развіцці пасляваеннага горада і вёскі, якія ўжо ў большай ступені закраналі праблематыку сацыяльнага забеспячэння былых франтавікоў, а іменна забеспячэнне жылплошчай, працаўладкаванне і працоўнае навучанне дэмабілізаваных. Да гэтых пытанняў звярталіся А. Е. Казлоўская, А. П. Купрэва [17]. Развіццё беларускай вёскі ў пасляваенныя гады, станаўленне калгаснай сістэмы ў сваіх працах вывучала А. П. Белязо [12], якая адлюстравала цяжкія наступствы нямецка-фашысцкай акупацыі ў сельскай гаспадарцы, меры партыі і ўрада па развіцці вёскі, ролю калгасаў у вырашэнні сацыяльных праблем былых франтавікоў-калгаснікаў [12, 19]. Аўтары З. І. Гіяргадзе, Л. Ф. Герашчанка [19], А.Я. Казлоўская [17] у сваіх даследаваннях засяроджвалі ўвагу на жыллёвых праблемах ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе.

З канца 1980-х гадоў у навуковы ўжытак уводзяцца недаступныя раней крыніцы, выпрацоўваюцца новыя метадалагічныя падыходы ў асвятленні традыцыйных для савецкай гістарыяграфіі праблем. Спробы зрабіць комплекснае і сістэмнае даследаванне з выкарыстаннем новых архіўных матэрыялаў і дакументаў здзейснілі расійскія гісторыкі. Так, ажыццяўленне сацыяльнай палітыкі ў адносінах да інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны ў першыя пасляваенныя гады было ахарактарызавана ў працах Л.П. Думало [21], Л.М. Зейналава [22], В.С. Кажурына, Г.Г. Загвоздкіна [23] з’яўляецца даследаванне А.Ю. Зубковай “Общество и реформы, 1945–1964 гг.” [24], у якім аўтар разглядае перабудову ў сацыяльнай сферы і яе ўплыў на настрой у савецкім грамадстве [25]. Развіваецца рэгіянальнае вывучэнне сацыяльнай гісторыі пасляваеннага перыяду (публікацыі Л.М. Кажэўнікава [26], А.С. Каняхіна [27], М.Н. Мануйлава [28], Т.П. Стральцовай [29]).

Адным са значных даследаванняў, дзе паслядоўна і сістэматызавана выкладзены падзеі беларускай гісторыі пасля вайны, стала другая частка “Нарысаў гісторыі Беларусі” пад рэдакцыяй акадэміка М.П. Касцюка. У кнізе адлюстроўваліся як дасягненні ў сацыяльным забеспячэнні, так і цяжкасці і супярэчнасці, з якімі сутыкнулася беларускае грамадства ў гэтым плане [30]. З’явілася абагульняючая праца “Пасляваеннае аднаўленне і развіццё Беларусі (1945–1992 гг.)” [31].

У 2000-х гадах у айчыннай гістарыяграфіі актывізуецца цікавасць да вывучэння сацыяльнай гісторыі БССР. Сярод нешматлікіх публікацый, прысвечаных непасрэдна тэме забеспячэння інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны, асаблівай увагі заслугоўваюць даследаванні А.Л. Стрэльчанкі [32, 33]. Абапіраючыся на багаты архіўны матэрыял, яна разглядае праблемы сацыяльнай адаптацыі інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны да мірнага жыцця ў перыяд 1943–1956 гг. на тэрыторыі БССР. Аўтар характарызуе прававы статус інвалідаў вайны, аналізуе ўмовы іх адаптацыі, разглядае дзейнасць дзяржаўных органаў у межах сацыяльнага забеспячэння і структурныя змены ў арганізацыі сацыяльнай дапамогі сем'ям вайскоўцаў, партызан і інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны.

Некаторыя аспекты савецкай сацыяльнай палітыкі пасля вайны разглядаюцца ў манаграфіі А.Ю. Зубковай “Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953 гг.” [34]. Спасылваючыся на вялікі комплекс архіўных крыніц, аўтар паказвае пасляваеннае савецкае грамадства ў сітуацыі пераходу ад вайны да міру. Значнае месца даследчыца адводзіць такой катэгорыі грамадзян, як інваліды Вялікай Айчыннай вайны і дэмабілізаваныя. Яна звяртае ўвагу не толькі на іх матэрыяльныя патрэбы, але і на псіхалагічную адаптацыю ў пасляваенным грамадстве. Блізкай па тэматыцы ў гэтым плане з’яўляецца работа Ю.М. Мануйлавай “Социальная реабилитация инвалидов войны в РСФСР в 1941–1945 гг.”, у якой аўтар асвятляе праблемы вяртання да мірнага жыцця ўдзельнікаў вайны [35]. Праблемай сацыяльнага забеспячэння інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны ў УССР (1941–1950 гг.) займалася ўкраінскі гісторык Г.М. Гардзіенка [36]. У сваім навуковым даследаванні яна прывяла колькасць інвалідаў вайны ў УССР, раскрыла змест асноўных падыходаў савецкай дзяржавы да гэтай катэгорыі грамадзян, выявіла эфектыўнасць медыцынскай рэабілітацыі і матэрыяльна-бытавога абслугоўвання.

Вастрыню праблемы вяртання інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны да мірнага жыцця ў СССР разглядае нямецкая даследчыца Б. Фізелер [37]. Яна звяртае ўвагу на прававыя аспекты ў дачыненні да сацыяльнага забеспячэння, прафесійнай рэінтэграцыі, дзяржаўных пенсій, матэрыяльнай дапамогі і формы пратэсту. Аднак трэба адзначыць, што ў сваёй публікацыі яна імкнецца акцэнтаваць увагу на негатыўных праявах тагачаснай сацыяльнай рэальнасці.

Такім чынам, сацыяльнае забеспячэнне інвалідаў у БССР ў 1943–1956 гг. не было прадметам самастойнага даследавання ў савецкай беларускай гістарыяграфіі і асобныя аспекты тэмы закраналіся ў агульных навуковых працах па праблемах сацыяльна-эканамічнага развіцця БССР у пасляваенны перыяд. У апошнія гады назіралася цікавасць даследчыкаў да праблем сацыяльнай гісторыі: з’явіліся публікацыі, прысвечаныя пытанням сацыяльнага забеспячэння інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны, былі агучаны лічбы па колькасці інвалідаў вайны ў БССР, адзначаны пэўныя цяжкасці ў медыцынскім абслугоўванні і вырашэнні жыллёвых праблем.

1. Андрэў, А. А. Аб мерах уздыму сельскай гаспадаркі ў пасляваенны перыяд / А. А. Андрэў. – Мінск : Дзяржвыд БССР, 1947. – 92 с.
2. Большаков, Н. М. Борьба Коммунистической партии и Советского правительства за подъём материального благосостояния и культурного уровня советского народа в послевоенный период : автореф. дисс... канд. ист. наук: 07.00.01 / Н.М. Большаков. – Минск, 1956. – 19 с.
3. Беликов, С. Г. Послевоенное развитие сельского хозяйства СССР / С. Г. Беликов. – М. : Московский рабочий, 1951. – 64 с.
4. Володарский, Л. М. Послевоенная пятилетка в действии / Л. М. Володарский. – М. : Госполитиздат, 1947 – 46 с.
5. Кузьміноў, І. І. Сканчэнне вайны і пераход гаспадаркі СССР да мірнага развіцця / І. І. Кузьміноў. – Мінск : Дзярж. Выд-ва БССР, 1946. – 23 с.
6. Ласовский, Ю. И. Улучшение жилищно-коммунальных условий трудящихся в БССР за годы Советской власти / Ю. И. Ласовский // Учёные записки БГИИХ. – 1959. – № 3.
7. Калинин, С. Н. Развитие социалистической промышленности Белорусской ССР / С. Н. Калинин. – 2-е изд., доп. – Минск : Госиздат БССР, 1950. – 30 с.
8. Марчанка, М. В. Беларусь ва ўмовах пераходу ад вайны да мірнага развіцця (1945–1946) / М. В. Марчанка // Весці АН БССР серыя грамадскіх навук. – 1997. – № 1. – С. 33–44.
9. Марченко, И. Е. Рабочий класс БССР в послевоенные годы (1945–1950) / И. Е. Марченко. – Минск : Из-во Академия наук БССР, 1962. – 259 с.
10. Марченко, И. Е. Трудовой подвиг рабочего класса Белорусской ССР (1943–1950 гг.) / И. Е. Марченко. – Минск : Наука и техника БССР, 1977 г. – 248 с.
11. Купреева, А. П. Возрождение народного хозяйства Белоруссии / А. П. Купреева ; науч. ред. П. Т. Петриков. – Минск : Наука и техника, 1976. – 224 с.

12. Белязо, Е. П. Современное белорусское село / Е. П. Белязо. – Минск : Наука и техника, 1976. – 112 с.
13. Власов, С. Н. Социальное обеспечение колхозников / С. Н. Власов. – М. : Сельхозгиз, 1960. – 72 с.
14. Гороховский, Б. П. Пенсии по инвалидности по закону о государственных пенсиях / Б. П. Гороховский. – М. : Госюриздат, 1957. – 54 с.
15. Карташов, Р. Н. Развитие сельского хозяйства СССР после сентябрьского пленума ЦК КПСС (1953 г.) / Р. Н. Карташов // Вопросы истории. – 1957. – № 11(1) – С. 48–64.
16. Кудрявцев, Г. С. О государственных пенсиях / Г. С. Кудрявцев. – Л. : Лениздат, 1958. – 134 с.
17. Козловская, А. Е. Рост материального благосостояния рабочего класса БССР, 1946–1970 / А. Е. Козловская ; под ред. В. А. Полуяна. – Минск : Наука и техника, 1987. – 195 с.
18. Белязо, Е. П. Крестьянство на пути к развитому социализму / Е. П. Белязо. – Минск : Наука и техника, 1982. – 206 с.
19. Гіяргадзе, З. І. Аднаўленне народнай гаспадаркі Беларусі (1944–1950 гг.) / З. І. Гіяргадзе [і інш.] // Весці АН БССР серыя грамадскіх навук. – 1985. – № 2. – С. 10–17.
20. Волков, И. М. Колхозы СССР в годы четвертой пятилетки (1946–1950) // Развитие сельского хозяйства в послевоенные годы (1946–1970 гг.). – М., 1972. – С. 41–71
21. Думало, Л. П. Социальная политика Советского государства и изменение социально-классовой структуры сельского населения в 50-60-е годы / МГУ им. М.В. Ломоносова, Исторический факультет. – М., 1989. – 23 с.
22. Зейналова, Л. М. Социальная политика по отношению к крестьянству (середина 40-х–середина 60-х гг на материалах РСФСР) / Л. М. Зейналова ; Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 1995. – 17 с.
23. Загвоздкин, Г. Г. Социальная политика ВКП(б) и Советского государства в годы Великой Отечественной войны / Г. Г. Загвоздкин ; ЛГУ. – Л., 1991. – 43 с.
24. Зубкова, Е. Ю. Общество и реформы, 1945–1964 / Е. Ю. Зубкова – М. : Россия молодая, 1993. – 198 с.
25. Кожурин, В. С. Социальная политика советского государства по отношению к рабочему классу в годы Великой Отечественной войны / В. С. Кожурин ; Акад. общ. наук при ЦК КПСС. – М., 1991. – 52 с.
26. Кожевникова, Л. М. Социальная политика в деревне в первое послевоенное пятилетие / Л. М. Кожевникова ; Красноярский гос. ун-т. – Красноярск, 1990. – 24 с.
27. Коняхин, А. С. Восстановление народного хозяйства в европейской части России в 1945–1953 гг.: социальные аспекты / А. С. Коняхин. – Армавир : АГПА, 2010. – 157 с.
28. Мануйлова, М. Н. Аграрный сектор в период послевоенного восстановления и реконструкции управленческой системы (1945–1964) / М. Н. Мануйлова. – Пятигорск, 2004. – 25 с
29. Стрельцова, Т. П. Амурская деревня: противоречия и трудности послевоенного развития (1946–1965 гг.) / Т. П. Стрельцова. – Владивосток, 2006 – 28 с.
30. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2 ч. Ч. 2. / М. П. Касцюк [і інш.] ; Інстытут гісторыі АНБ. – Мн. : Беларусь, 1995. – 560 с.
31. Пасляваеннае аднаўленне і развіццё Беларусі (1945–1992 гг.) / БДПУ. – Мінск, 1994. – 46 с.
32. Стрельченко, Е. Л. Система социального обеспечения в БССР (1943–1946 гг.) / Е. Л. Стрельченко // Веснік БДУ. Сер. 3. – 2011. – № 1 – С. 16–20.
33. Стрельченко, Е. Л. Социальная адаптация инвалидов Великой Отечественной войны в БССР (1943–1956 гг.) / Е. Л. Стрельченко // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 7 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2012. – 239 с. – С. 108–121.
34. Зубкова, Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 / Е. Ю. Зубкова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 229 с.
35. Мануйлова, Ю. Н. Социальная реабилитация инвалидов войны в РСФСР в 1941–1945 годах / Ю. Н. Мануйлова. – Челябинск : ЧГУ, 2003. – 136 с.
36. Гордіенко, Г. М. Соціальне забезпечення інвалідів Вітчизняної війни в УРСР (1941–1950 рр.) / Гордіенко Галина Миколаївна. – 2010. – 16 с.
37. Физелер, Б. «Нищие победители»: инвалиды Великой Отечественной войны в Советском Союзе / Б. Физелер // Неприкосновенный запас 40/41(2–3), 2005. – С. 290–297.

Антановіч З.В.

СПРАВДАЧЫ АБ СТАНЕ БЕЛАРУСКІХ ПРАВАСЛАЎНЫХ ЕПАРХІЙ ЯК КРЫНІЦЫ ПА АРГАНІЗАЦЫІ СПРАВАВОДСТВА І АРХІЎНАЙ СПРАВЫ Ў ХІХ – ПАЧАТКУ ХХ СТ. (ПА МАТЭРЫЯЛАХ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ГІСТАРЫЧНАГА АРХІВА БЕЛАРУСІ)

Адміністрацыйная структура праваслаўнай царквы падчас уваходжання ў склад Расійскай імперыі была вызначана праз шэраг рэарганізацый. Яны пачаліся ў 1772 г., калі Віцебская, Дзвінская, Полацкая правінцыі адышлі да Пскоўскай праваслаўнай епархіі, а з Магілёўскай, Аршанскай, Мсціслаўскай і Рагачоўскай правінцый была ўтворана Магілёўская, Мсціслаўская і Аршанская епархія з цэнтрам у Магілёве [6, т. 19, арт. 13921, 14141]. Па ўказе ад 10 студзеня 1795 г. у яе ўвайшлі цэрквы і кляштары Полацкай губерні, якія да гэтага часу былі ў складзе Пскоўскай праваслаўнай епархіі, і яна набыла статус Магілёўскага і Полацкага архіепіскапства (з 1797 г. – Беларускага і Магілёўскага) [6, т. 23, арт. 17289]. Паводле ўказа ад 21 лютага 1804 г. епархія была перайменавана ў Магілёўскую і Віцебскую, а ў 1833 г. – у Магілёўскую і Мсціслаўскую, тэрытарыяльныя памеры якой стасаваліся да Магілёўскай губерні [6, т. 28, арт. 21165; 7, т. 8, арт. 6161]. Па ўказе ад 13 красавіка 1793 г. на тэрыторыі трох новых губерняў утваралася новая праваслаўная епархія – Мінская, Ізяслаўская і Брацлаўская. Пасля трэцяга падзелу Рэчы Паспалітай тэрыторыя гэтай епархіі пашырылася (Міншчына, Віленшчына, Гарадзеншчына, Валынь і Падолле), што выклікала яе адміністрацыйна-тэрытарыяльную рэарганізацыю: была вылучана самастойная Мінская і Валынская епархія. Указами ад 6 мая 1788 г. і 4 жніўня 1799 г. межы епархій у Расійскай імперыі прыводзіліся ў адпаведнасць з дзяржаўным адміністрацыйна-тэрытарыяльным дзяленнем (рэарганізацыя не была цалкам ажыццёўлена) [6, т. 22, арт. 16658; т. 25, арт. 19070]. Мінская праваслаўная епархія была перайменавана ў Мінскую і Літоўскую (16 кастрычніка 1799 г.). Канчаткова тэрыторыя епархіі сфарміравалася да 1803 г. У яе склад увайшлі тры губерні: Мінская, Віленская і Гродзенская (з 29 павеатамі). У 1832 г. была адноўлена Полацкая праваслаўная епархія, якая ахапіла Віцебскую і Віленскую губерні, Зельбургскі павет Курляндскай губерні [7, т. 8, арт. 6161]. Наступная рэарганізацыя праваслаўных епархій адбылася ў 1839 г. пасля далучэння ўніяцкай царквы да праваслаўнай, што адбылася на тэрытарыяльных межах [11, с. 49–51]. Пры гэтым структура кіравання захоўвалася на працягу ХІХ – пачатку ХХ ст.

У адміністрацыйным плане епархіі на чале з епіскапамі і кансісторыямі падпарадкоўваліся Сіноду, сярод функцый якога было абагульненне звестак па стане праваслаўнай царквы у імперыі. Сярод дакументаў, якімі ажыццяўлялася камунікацыя паміж падначаленымі ўстановамі і Сінодам вылучаюцца справаздачы аб стане епархій. Гэтыя дакументы мелі вызначаную структуру, якая ўдасканальвалася на працягу іх прадстаўлення. Духоўным рэгламентам прадугледжвалася і ў 1737 г. пацвярджалася, што епіскапы павінны былі дасылаць у Сінод справаздачы аб стане епархіі, у т.л. па арганізацыі справаводства [6, т. 17, арт. 12508]. У мэтах удасканалення справаводства па ведамствах з 1832 г. справаздачы сталі штогадовымі замест паўгадавых [7, арт. 5585]. У якасці дадаткаў да іх далучаліся звесткі пра асоб, якія былі на споведзі, выхаванцах навучальных устаноў духоўнага ведамства, якія не былі размеркаваны, манастырах і манахах, белым духавенстве, ведамасці аб народжаных, шлюбаваных і памерлых [7, арт. 42701]. Акрамя таго, у гістарыяграфіі адзначаецца, што ў гэтых дакументах праяўляўся і асабовы фактар: епіскапы маглі дадаваць асобныя раздзелы або звесткі [9, арк. 48].

Адным з этапаў удасканалення фармуляру справаздач аб стане епархій стаў 1909 г., калі ён складаўся з 10 раздзелаў. У першым характарызаваўся агульны стан епархіі, у тым ліку асабовы склад кансісторыі, духоўных праўленняў, колькасць благачынных. Пры гэтым адзначалася здальняльнасць выканання імі службовых абавязкаў, асаблівасці гаспадарчага стану, заўвагі, а таксама ўтварэнне і ліквідацыя прыходаў [4, арк. 4–6]. Напрыклад, у Магілёўскай епархіі ў 1908 г. было ўтворана пяць новых прыходаў [4, арк. 17–56]. У другім раздзеле адзначалася колькасць навед-

ных епіскапам або вікарыем прысутных месцаў і манастыроў, асабліваасці, што былі выяўлены падчас іх агляду, у т.л. па арганізацыі справаводства [4, арк. 4–6]. Трэці і чацвёртыя раздзелы былі прысвечаны стану манастыроў і цэркваў, адпаведна. Абавязкова пазначалася узровень нагляду з боку благачынных, наяўнасць шпіталью і багадзельняў. Пры гэтым у манастырах асобна вылучаўся маральны стан манаства, а ў цэрквах – арганізацыя справаводства. У пятым раздзеле аналізаваўся склад духавенства епархіі і адносіны з прыхаджанамі, стаўленне да іншавярных і старавераў [4, арк. 4–6]. Адсочванню зменаў ва ўспрыманні прыхаджанамі праваслаўнай царквы прысвечаны шосты раздзел. Напрыклад, магілёўскім епіскапам у 1908 г. было адзначана, што 92 чалавекі змянілі веравызнаўчую прыналежнасць на рымска-каталіцкую, а старавераў налічвалася каля 29 000, пераважна ў Гомельскім і Сененскім паветах. Увогуле, адзначалася, што сярод прыхаджан распаўсюджана адсутнасць павагі да старэйшых і чужой маёмасці, нецвярозасць і інш. Расла колькасць скасаванняў пры змяшэнні колькасці шлюбаў [4, арк. 39 адв.]. У сёмым раздзеле справаздачы характарызаваліся катэхітычныя прамовы і іх успрыманне прыхаджанамі. Восьмы раздзел быў прысвечаны звесткам пра навучальныя ўстановы пры манастырах і цэрквах. У дзевятым і дзясятым раздзелах прыводзіліся заўвагі і прапановы іх па выпраўленні [4, арк. 4–6]. Таму, гэтыя дакументы можна шырока выкарыстоўваць у даследаваннях унутрыпалітычнага, краязнаўчага, канфесіянальнага, міжканфесіянальнага і іншых кірункаў [1; 9; 10]. Аднак, у фондах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі яны захаваліся фрагментарна, а іх значны комплекс па ўсіх епархіях Расійскай імперыі захоўваецца ў фондзе 796 “Канцылярыя Сінода” (Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў), што негатыўна адбівалася на іх увядзенні ў навуковы ўжытак да нядаўняга часу [9, с. 46; 10].

Як адзначалася вышэй, асобная ўвага епіскапаў і Сінода належала арганізацыі справаводства. Даследаванне гэтага напрамку дзейнасці кіраўніцтва беларускіх епархій патрабуе ўліку фактараў асабовага, арганізацыйнага і статыстычнага характару, якія адлюстраваны ў справаздачах аб стане епархій. Напрыклад, асабовы фактар (кадравы склад) значна паўплываў на справаводства Магілёўскай епархіі ў пачатку ХХ ст., калі епіскап хадатайнічаў аб яго рэвізаванні перад стацкім саветнікам В.С. Міралуभावым. Адхіленымі ад выканання абавязкаў былі члены прысутнасці і адначасова загадчыкі сталаў протаіерэй Петрапаўлаўскай царквы Я. Туторскі за неадпаведную арганізацыю справаводства і протаіерэй Уваскрасенскай царквы Ф. Дземянцэвіч, які праходзіў па справе аб нястачы маёмасці. Падчас рэвізіі аналагічны лёс напаткаў таксама загадчыка трэцяга стала протаіерэя Мікалаеўскай царквы М. Плешчаніцкага. Станоўчы водгук быў толькі пра В. Агароднікава. Сакратар, пад кіраўніцтвам якога ажыццяўлялася справаводства ў кансісторыі, калежскі саветнік В. Дабравольскі быў перамешчаны ў Валынскую кансісторыю, а на яго месца прызначаны з Саратаўскай епархіі калежскі асэсар П. Сахараў. Пры гэтым адзначалася, што ўтрыманне кансісторыі складала 22136 руб. 83 кап., але гэтага было недастаткова. Епіскап адзначаў, што пісары атрымлівалі ад 10 да 45 руб., але пры адсутнасці казённых кватэр такі заробак быў ніжэй, чым у іншых установах [4, арк. 17–56].

Арганізацыйныя пытанні ў працы кансісторыі ўключалі тэхналагічнае забеспячэнне. Да яго адносіцца будынак кансісторыі, які для Магілёўскай кансісторыі характарызаваўся як умяшчальны, сухі і цёплы. Акцэнтавалася, што значная частка архіва Магілёўскай кансісторыі змяшчалася ў ніжнім паўпадвальным паверсе, але сухім і бяспечным ад агню [4, арк.17–56]. Праца кансісторыі была ўпарадкавана на падставе Статута духоўных кансісторый і распарадчых дакументаў Сінода, але з улікам асабліваасцей епархій. Так, члены Магілёўскай кансісторыі штодня збіраліся на пасяджэнні ў 10.30 і працавалі да 15 гадзін, акрамя нядзелі і святочных дзён. З кастрычніка па май чыноўнікі і вольнанаёмныя пісары на чале з сакратаром збіраліся ўвечары на 2,5 гадзіны з 18.30 да 21.00. Улетку вечарамі кансісторыя не працавала, але супрацоўнікі канцылярыі прыходзілі на гадзіну раней – у 9.00 [4, арк.17–56]. Адзначаліся складанасці ў арганізацыі працы Полацкай кансісторыі. Так, члены кансісторыі і сакратар спазняліся або пакідалі працу на 1–2 гадзіны. Справы дакладаліся загадчыкамі сталаў, хаця гэта ўваходзіла ў абавязкі сакратара. Журналы і пратаколы вяліся неаператыўна і маглі прадстаўляцца епіскапу са спазненнем звыш месяца [5, арк. 9–13].

У 1812 г. прадпісвалася далучаць да штогадовых справаздач аб стане епархій звесткі пра вырашаныя і нявырашаныя прысутнасцю кансісторыі справы [6, т. 32, арт. 25210]. Напрыклад, у 1860 г. у Полацкай епархіі было распачата і працягвалася справаводствам 1740 спраў, з якіх

652 не былі завершаны. Сярод іх справы аб дзейнасці рымска-каталіцкага духавенства, міжканфесіянальных пераходах і стараверах. З атрыманых 6461 дакументаў не было выканана 90. Выходная дакументацыя складала 9270. Пры гэтым адзначаўся рост ліставання [5, арк. 6–7]. Магілёўскай кансісторыяй у 1908 г. было прынята 16542, а адпраўлена – 18930. Унутраны дакументапатак складалі журналы, якіх было 664 (2054 артыкулаў) і пратаколы, якіх было 548. Усяго кансісторыяй распачата 2223 справы, а засталася нявырашаных 539. Пераважна апошнія былі прадстаўлены справамі аб скасаванні шлюбу, пабудове і рамонце цэркваў, унясенні выпраўленняў у метрычныя запісы аб народжаных, шлюбаваных і памерлых. Магілёўскі епіскап таксама адзначаў, што дакументаабарот павялічыўся [4, арк. 17–56].

Прадстаўлення епархіямі звесткі абагульняліся Сінодам і распаўсюджваліся сярод мясцовага кіраўніцтва царквой для ведама. Напрыклад, у 1886 г. асноўныя заўвагі Сінода ўключалі адсутнасць інструкцый для дзяжурных і адзнак аб выкананні ў журналах і пратаколах пасяджэнняў. У епархіях часам не вяліся рэгістрацыйна-ўліковыя формы дакументаў: рэестры сакрэтных дакументаў і грашовыя рэестры. У настольных дакладных рэестрах адзнакі ўносілі канцылярысты замест загадчыкаў сталоў, што парушала кантроль справаводства. Пры гэтым запісы вяліся недакладна, а справы прадстаўляліся да разгляду несвоечасова і рашэнні па іх былі недастаткова абрунтаваныя. Асабліва запаволена разглядаліся справы аб скасаванні шлюбу і выдачы выпісаў з метрычных кніг [3, арк.59–64].

Такім чынам, справаздачы аб стане епархій з’яўляюцца комплекснымі крыніцамі, якія дазваляюць усебакова характарызаваць не толькі дзейнасць праваслаўнай царквы ў межах гэтых адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак, і могуць выкарыстоўвацца ў шэрагу напрамкаў сацыялагічных і гістарычных даследаванняў. Яны прыцягваюцца сучаснымі навукоўцамі у працах канфесіянальнага і краязначлага характару, але справаводныя і архівазнаўчыя аспекты дзейнасці епархіяльнага кіраўніцтва застаюцца па-за іх увагай. Пры гэтым у справаздачах па епархіях адлюстравана кадраве, тэхналагічнае і арганізацыйнае забеспячэнне справаводства і архіўнай справы, прыводзіцца аналіз праблем і асобныя прапановы па іх выпраўленні. Рэгулярнасць прадстаўлення гэтых крыніц дазволіць прасачыць агульныя тэндэнцыі і выявіць спецыфічныя рысы дзейнасці ўстаноў.

1. Каиль, М. В. Смоленская епархия накануне революции. Документы из отчета о состоянии Смоленской епархии за 1916 г. / М. В. Каиль // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. – 2010. – Вып. II:3 (36). – С. 102–121.
2. Могилевская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения / Е. К. Анищенко [и др.] / сост. Ю. Н. Снапковский, Д. Л. Яцкевич. Минск : Беларусь, 2014. – 814 с.
3. НГАБ. – Ф. 2301. Воп. 1. Спр. 34.
4. НГАБ. – Ф. 2301. Воп. 1, Спр. 139.
5. НГАБ. – Ф. 2531. Воп. 1. Спр. 30.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое : в 45 т. СПб. : Тип. II отд. собств. ЕИВ канцелярии, 1830–1851.
7. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе : в 55 т. СПб. : Тип. II отд. собств. ЕИВ канцелярии, 1830–1884.
8. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў. – Ф. 796.
9. Спичак, А. В. Отчеты о состоянии Тобольской епархии 1856–1915 годов: общее и особенное в содержании и оформлении / А. В. Спичак // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2016. – № 4 (255). – С. 44–52.
10. Теплова, В. А. Трансформации церковно-приходской жизни православного населения Полоцкой епархии (1839–1917) / В. А. Теплова // Труды Минской духовной академии. – 2015. – № 12. – С. 161–172.
11. Филатова, Е. Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси. 1772 – 1860 гг. / Е. Н. Филатова. Минск : Беларус. наука, 2006. – 192 с.

Сыцько К.В.
ВЫЯЎЛЕНЧЫЯ МАТЭРЫЯЛЫ ПАРАФІЯЛЬНЫХ АРХІВАЎ
РЫМСКА-КАТАЛІЦКАГА КАСЦЁЛА Ў БЕЛАРУСІ ЯК ГІСТАРЫЧНАЯ КРЫНІЦА

У архівах парафій Рымска-каталіцкага Касцёла ў Беларусі назапасіўся вялікі масіў дакументаў XVII–XX стст., датычных мікрагістарычных і паўсядзённых аспектаў існавання культа. Зь большага памянёныя матэрыялы прадстаўлены ў тэкставым выглядзе, у невялікай долі прысутнічаюць канвенцыйныя і выяўленчыя (візуальныя) крыніцы. У дадзеным артыкуле аўтар характарызуе візуальныя дакументы, выяўленыя ім у парафіяльных архівах падчас палявых археаграфічных экспедыцый. Частка памянёных матэрыялаў перададзена ў Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі ў выглядзе фотакопій і скан-копій.

Інфармацыйны асяродак культа, апроч вуснага нападзення (літургій і гамілій) і пісьмовай фіксацыі сакрамэнта (ў выглядзе дакумента), уключае ў сябе візуалізацыю, прадстаўленую абразамі, скульптурамі, крыжамі. У сваю чаргу, у артыкуле характарызуецца толькі архіўныя выяўленчыя матэрыялы, адпаведна візуальнае атачэнне касцёлаў прааналізаваным не будзе. Разгляданая гістарычная крыніца парафіяльных устаноў можна падзяліць на тры групы – выяўленча-графічныя, выяўленча-натуральныя, выяўленча-мастацкія, што адпавядае класіфікацыйным схемам С. О. Шмідта [12, с. 87]. Асабліва частка знойдзеных і апісаных падчас экспедыцый візуальных матэрыялаў з’яўляецца найўнасць звестак аб іх тэрытарыяльным, персанальным і часавым кантэксце, то бок атрыбуцыя падзей іх назіральнікамі ці ўдзельнікамі, якімі з’яўляюцца мясцовыя ксяндзы, архітэктары праектаў сакральных будынкаў і інш.

У колькасных суадносінах найлепш прадстаўлены выяўленча-графічныя матэрыялы касцёлаў (мапы, схемы і планы), якія даюць магчымасць аналізу зменаў у памерах парафіяльных зямельных надзелаў. Так, захаваныя мапы бенефіцыі Шчучынскага касцёла Святой Тэрэзы Авільскай за 1719 і 1893 гг., захаваныя ў копіях, зробленых кс. Янам Курчэўскім [2, арк. 199, 230], даюць магчымасць казаць аб значным змяншэнні парафіяльнай зямельнай маёмасці напрыканцы XIX ст. Апроч гэтага, на памянёных мапах назіраецца рост горада – з’яўленне новых дамоў на плошчы паміж касцёлам і могілкамі, змяненне тракта Гродна – Васілішкі, які ў 1719 г. праходзіў праз могілкі, а ў 1893 г. аказаўся вынесеным за касцельны надзел.

Аналагічныя мапы з адлюстраваннем уласнасці культа захаваліся ў Слабадскай, Ішчальнскай і іншых парафіях. Пры гэтым у выпадку са схемай зямельнай маёмасці парафіі Найсвяцейшай Тройцы ў в. Ішчална прагледжваецца палітыка ўрада Расійскай імперыі ў дачыненні да Рымска-каталіцкага Касцёла пасля паўстання 1863–1864 гг. У прыватнасці, настаяцель Дзікушкаўскай праваслаўнай царквы Віктар Пляўскі ў 1800 г. запатрабаваў канфіскаваць у парафіі адну дзесяціну і 1600 сажняў зямлі, якія нібыта належалі праваслаўнай канфесіі і былі гвалтам атабранымі рыма-каталікамі напрыканцы XVIII ст. У якасці доказу невінаватасці ішчальнскі плебан кс. Эдвард Свяцкевіч прадставіў захаваную ў касцельным архіве мапу парафіяльных земляў і дакументы аб дабравольным фундаванні гэтых земляў мясцовай шляхтай на карысць касцёла ў XVII–XVIII стст. Судом прадстаўлены матэрыялы не быў прыняты за доказ і спрэчны кавалак тэрыторыі адышоў да Дзікушкаўскага прыхода [1, арк. 24–24адв.].

Цікавым матэрыялам, які пралівае святло на тэндэнцыі лацінскага культа па будоўлі, з’яўляюцца шматлікія захаваныя планы культавых будынкаў. Падобныя крыніцы даюць магчымасць аналізу развіцця культавага дойлідства і нясуць каштоўную інфармацыю аб развіцці архітэктурны невялікіх населеных пунктаў. У тым ліку праліваецца святло на нездзейсненыя праекты. Напрыклад, у 1865 г. Ішкалдскі Святатраецкі касцёл быў канфіскаваны на карысць праваслаўных. Каталіцкія вернікі маліліся ў драўлянай прыбудове і, пачынаючы ад 1880 г., патрабавалі ва ўладаў права на пабудову новай святыні. У 1911 г. патрабаванні былі адобраны, створаны праект неагатычнага трохнефнага храма з камяню, які так і не рэалізаваўся па прычыне пачатка Першай сусветнай вайны [10, арк. 31].

Перыяду II Рэчы Паспалітай уласціва драбленне парафіяльнай сеткі шляхам падзелу старых, вялікіх па памерах парафій, на дзве часткі. Для абслугоўвання духоўных патрэб вернікаў новаўтвораных парафій былі развернуты актыўныя працы па пабудове новых касцёлаў. Вялікую колькасць з іх не ўдалося скончыць з-за пачатка Другой сусветнай вайны. Напрыклад,

захаваліся планы канца 1930-х гг. пабудовы Гарадзейскага, Валдацішкага і інш. нездзейсных праектаў касцёлаў. Варта заўважыць, што шэраг праектаў удалося завяршыць да 1939 г. Так, захаваныя ў Лідскай Фары планы капліцы Святой Барбары сведчаць, што першапачаткова планавалася здзейсніць драўляны будынак, які распалагаўся б роўна ў цэнтры парафіяльных могілак [5, арк. 1]. У выніку, дзякуючы фундатарам, капліцу пабудавалі ў 1930-я гг. з бутавлага камення, яе распалажэнне было зменена і яна стала ля самага ўваходу на тэрыторыю пахаванняў. У ліку здзейсненых праектаў можна назваць перапланіроўку пашкоджанага выбуховым прыстасаваннем у 1915 г. Ляцкага касцёла, а таксама планы прыбудовы новай вежы ў Селіванаўскім касцёле [7, арк. 1–8]. Аб здзяйсненні гэтых прац сведчыць сучасны выгляд культурных будынкаў, адпавядаючы таму, што зафіксавана на паперы ў 1930-я гг.

Выяўленча-натуральныя матэрыялы, прадстаўленыя фотаздымкамі, захаваліся ў парафіяльных архівах значна горш за выяўленча-графічныя. На сённяшні момант можна казаць аб некалькіх дзесятках адзінак захавання, датаваных 1905–1950 гг. Асаблівасцю калекцый фотавіяў усіх касцёлаў з’яўляецца тое, што на абаротным баку дадзена апісанне выявы. Дзякуючы гэтым крыніцам стала магчымым устанавіць знешні выгляд некаторых святароў, напрыклад – закатаванага ў 1943 г. фашыстамі пробашча Альфонса Бароўскага, а таксама ганаровага каноніка Юзэфа Шкопа [9, арк. 1]. Захаваўся шэраг фотаздымкаў, прысвечаных сходам моладзевых каталіцкіх акцый, харцараў, міністранцага руху і інш., што дазваляе аналізаваць уключанасць моладзі ў дзейнасць разнастайных рэлігійных і цывільных арганізацый. Напрыклад, у Ляцкай парафіі па стане на 1930-я гг., паводле паіменных спісаў каталіцкіх вернікаў, налічвалася 2896 асоб. З іх моладзь, якая адпавядала патрабаванням малодшых харцараў-зухаў (узрост ад 7 да 11 год) – каля 200 чалавек. На фотаздымках мясцовай супольнасці руху, датаваных 1933 г., прадстаўлены 97 сяброў арганізацыі (49% ад агульнай колькасці жыхароў Ляцкай парафіі названай узроставай катэгорыі) [9, арк. 3]. Падобныя суадносіны гавораць аб актыўным правядзенні касцёлам і польскім урадам палітыкі прапольскага выхавання дзяцей і моладзі ў Заходняй Беларусі.

Суаднясенне фотавіяў падзей з мікрагістарычнымі наратывамі, датычнымі жыцця парафіі, даюць магчымасць верыфікацыі апісаных у тэкстах зрэзаў гістарычнай рэальнасці. Напрыклад, кс. Казімір-Генрык Васілеўскі ў хроніцы парафіі Святой Марыі Магдалены ў Валдацішках, напісанай у 1938–1940 гг., адзначаў, што прыезд арцыбіскупа Рамуальда Ялбжыкоўскага 9 траўня 1939 г. стварыў вялікія натоўпы, якія спявалі рэлігійныя песні, а па ад’ездзе Ялбжыкоўскага абступілі яго машыну і не хацелі адпускаяць. Захаваныя фотаздымкі сапраўды сведчаць аб прысутнасці на ўрачыстасці вялікай колькасці асоб, а таксама аб тым, што натоўп атачаў арцыбіскупа, аўтамабіль якога апынуўся ў самым цэнтры навалы людзей [11, арк. 28–32].

Шэраг міжваенных фотаздымкаў дазваляе аналізаваць стан скульптур і крыжоў, якія лічыліся цудадзейнымі, а таксама чын іх пачытання. Напрыклад, у кнізе цудаў фігуры Езуса Журботнага ў Росі, пачынаючы з XVIII ст. апісваліся парадкі ўскладання ваты ў адмысловы яшчык, а таксама сама фігура. Фотаздымкі канца 1920-ых гг., а таксама прысутнасць аўтара падчас археаграфічнай экспедыцыі на набажэстве ў Роскім Святатраецкім касцёле ў 2018 г., дазваляюць казаць, што чын пакланення фігуры, апісаны ў 1745 г. Шыманам Масарскім, дайшоў да міжваеннага перыяду ў нязменным выглядзе, а затым аднавіўся ў наш час, аднак ваты былі заменены на іншыя віды ахвяры. Знешні выгляд скульптуры таксама не пацярпеў змен [6, арк. 17]. Яшчэ адным прыкладам з’яўляецца цудадзейны крыж у Цвермах, пачытанне якога адлічваецца ад 1710 г. Падчас Савецка-Польскай вайны 1919–1921 гг. крыж быў зламаны вандаламі. У 1932 г. доктар з Лідскага павяту Марыя Вісмант зрабіла фотаздымкі, якія дазваляюць устанавіць характар пашкоджанняў – адбітыя рукі і ногі фігуры Езуса і глыбокія расколіны па гарызантальнай і вертыкальнай бэльках [4, арк. 2]. На сённяшні дзень рэліквія знаходзіцца ў тым жа стане, у якім была выяўлена на фота.

Выяўленча-мастацкія крыніцы, да якіх адносяцца карціны, малюнкі, эстампы, з’яўляюцца самымі малаколькаснымі візуальнымі дакументамі, прадстаўленымі ў парафіяльных архівах Рымска-каталіцкага Касцёла ў Беларусі. У большасці выпадкаў дадзеныя матэрыялы ўяўляюць сабой агульнавядомыя сімвалы і выкарыстоўваюцца ў якасці мастацкага аздаблення тэкстаў. Напрыклад, у справе са статутам і спісам сяброў 1800 г. кангрэгацыі Найсвяцейшага Сэрца Езуса ў Шчучыне быў выяўлены шэраг асобных аркушаў з ветхазаветнымі сімваламі – сэрца ў цярноўым вянцы, а

таксама голуба, які сімвалізуе Святы Дух [3, арк. 2адв.]. Падобныя малюнкi сустракаюцца ў вялікай колькасці касцёлаў, у якіх захаваліся дакументы аб брацтвах і кангрэгацыях.

Цікавай выяўленча-мастацкай крыніцай з'яўляюцца акварэльныя малюнкi архітэктара Яна Бароўскага, запрошанага ў 1937 г. праектаваць парафіяльны касцёл у Гарадзеі. Дадзеныя матэрыялы былі выяўлены сярод дакументазбору Паланэцкага касцёла, куды трапілі ў 1940 г. разам з іншымі матэрыяламі зачыненай гарадзейскай парафіі. Атрыбутаваць аўтара дазволіў крыптонім “J. B.”, а таксама почырк подпісаў пад малюнкамі, які супадаў з почыркамі Я. Бароўскага. Архітэктар не толькі намалюваў некалькі планаў храма, але і паказаў, якім бачыць яго знешні і ўнутранны выгляд пасля здачы ў эксплуатацыю [8, арк. 1–2]. Касцёл у выніку не быў пабудаваны, вернікі на сённяшні момант карыстаюцца былой парафіяльнай капліцай, якая з'явілася ў 1924 г. і пазней атрымала статус касцёла. Наяўнасць падобных малюнкаў паказвае перспектыўныя планы і ідэі, адлюстроўвае недахоп касцёлаў на душу насельніцтва ў міжваеннай Польшчы – невялікая па памерах Гарадзея, у якой пабудавалі капліцу, мела настолькі вялікую колькасць вернікаў лацінскага абрада, што праз 13 год пасля ўзвядзення будынка запатрабаваўся новы, больш вялікі па памерах.

Такім чынам, выяўленчыя дакументы парафіяльных архіваў Рымска-каталіцкага Касцёла ў Беларусі прадстаўлены мапамі касцельных зямельных надзелаў; схемамі, планамі будынкаў; фотаздымкамі; малюнкамі. Дадзеныя гістарычныя крыніцы раскрываюць аспекты гісторыі кultaвага будаўніцтва ў асобных населеных пунктах, змен парафіяльнай тэрыторыі, дзейнасці рэлігійных і цывільных арганізацый у невялікіх лакацыях. З дапамогай візуальных дакументаў становіцца магчымым аналізаваць знешні выгляд і стан фігур і крыжоў, якія лічыліся цудадзейнымі, аднаўляць знешні выгляд міжваенных парафіяльных святароў. Выяўленчыя крыніцы значна дапаўняюць інфармацыйнае поле тэкставых матэрыялаў, што гаворыць аб іх важнасці ў даследаванні мікрагісторыі і гісторыі штодзённасці Рымска-каталіцкага Касцёла ў Беларусі.

1. Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (далей – ЦНА НАН Беларусі). – Ф. 3С. Воп. 2. Спр. 42.
2. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 3. Спр. 1.
3. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 3. Спр. 5.
4. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 4. Спр. 11.
5. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 4. Спр. 13.
6. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 5. Спр. 4.
7. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 11. Спр. 17.
8. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 13. Спр. 1.
9. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 15. Спр. 3.
10. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 18. Спр. 24.
11. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 25. – Спр. 1.
12. Шмидт, С. О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии / С. О. Шмидт. – М. : Рос. гум. ун-т, 1997. – 612 с.

Касьяненко Ю.А. ДОКУМЕНТЫ РОДА КОВАЛЕВСКИХ В АРХИВАХ УКРАИНЫ

Дворянский род Ковалевских известен в Украине и за ее пределами в связи с публичной деятельностью отдельных ее членов. Представители этой фамилии владели землями на территории современных Украины, Белоруссии, России, Польши. Со временем сформировались отдельные ветви этого рода: харьковская (слободско-украинская), черниговская, витебско-псковская (двинская линия), себежская и казанские линии [3, с. 49; 4, с. 29–31]. Из всех вышеперечисленных линий в архивных учреждениях Украины наиболее полно представлена документация харьковской старшинско-дворянской ветви рода Ковалевских.

Целью доклада выступает ознакомление с документальными источниками рода Ковалевских в архивах Украины.

В Центральном государственном историческом архиве Украины в городе Киеве (ЦГИАК) находится фамильный фонд Ковалевских. Фонд 1814 «Ковалевские – украинские помещики Змиевского уезда, Харьковской губернии» (1703–1906 гг.) насчитывает три описи. Каждая

опись сгруппирована по годам и тематике: 1-я опись включает в себя документы с 1757 по 1899 гг., 2-я опись – 1703–1906 гг., 3-я опись – 1857–1893 гг. В делах 1-ой описи хранятся официальные бумаги и переписка семьи Ковалевских. В делах описи № 2 сосредоточены имущественные (различные купчие, выписи из отказных книг, документы о размежевании земли, планы земельных участков, духовные завещания и т. п.) и личные документы (грамоты, аттестат, прошение, заграничные паспорта, открытый лист профессора Московского университета М. М. Ковалевского-младшего для его научной поездки по Кавказу). 3-я опись в основном сформирована из корреспонденции Максима Максимовича Ковалевского-младшего.

Различные грамоты и аттестаты из фонда 1814 ЦГИАК свидетельствуют о продвижении по службе представителей этого рода. Рассмотрим несколько примеров на основе архивных материалов о деде М. М. Ковалевского-младшего – Максиме Ивановиче Ковалевском. Грамотой от 30 сентября 1770 г. Максим Иванович был произведен в прапорщики, а 31 декабря 1772 г. – в поручики [5, л. 1–2].

Это не единственное упоминание о Максиме Ивановиче Ковалевском. Информация о нем появляется в связи с получением по указу ее императорского величества Екатерины II аттестата от 14 февраля 1785 г. секунд-майору Максиму Ивановичу Ковалевскому. Основанием для его выдачи стало то, что «по бытности его в губернском городе Харьков городничим отправлял должность свою сходственно законным предписаниям ни в каких пороках и подозрениях не оказался, и жалоб ни от кого на него в каких-либо беспорядках не было, а вел себя всем как долг службы требует и благородному человеку пристало есть...» [6, л. 1].

Следующее упоминание о Максиме Ивановиче Ковалевском и его родственнике коллежском асессоре Иване Яковиче Ковалевском связано с внесением их рода в шестую часть родословной книги Харьковской губернии в 1794 и 1795 гг. [7]. Дворяне, которые были занесены в эту часть родословной книги, должны были подтвердить свою принадлежность к потомственному дворянству на протяжении ста лет до подписания в 1785 г. Екатериной II «Жалованной грамоты». Процедура была соблюдена. Среди подписавшихся под грамотами в обоих случаях были «золочевский дворянства депутат» Петр Ковалевский и «чугуевского округа дворянства депутат» Иван Ковалевский [7, л. 1, 3]. Этот документ утвердил дворянский статус М. И. Ковалевского. Упоминание других представителей этой фамилии также важно для анализа семейных связей харьковского дворянства.

Богатую пищу для анализа дают завещания. Их в этой описи три: 1) черновики духовного завещания Ивана Яковлевича Ковалевского (10 января 1784 – май 1787 гг.), 2) духовное завещание майора Максима Ивановича Ковалевского в пользу жены Гликерии Николаевны (Нахимовой) от 21 ноября 1807 г. и 3) духовное завещание коллежского сотника Петра Ивановича Ковалевского (октябрь 1824 г.) и его жены Александры Ильиничны (Мечниковой) (август 1828 г.) [11; 12; 13]. Каждое завещание является важным источником информации. Они дают широкое поле для исследования родственных связей среди представленных членов семей, их уровня материального благосостояния и характера наследования.

По завещанию М. И. Ковалевского имущество переходило к его жене – Гликерии Николаевне: «На таком условии, чтобы оным владеть ей по жизни её или покуда ей заблагорассудится...» [12, л. 1]. Вместе с тем указано, что «по смерти же ся ... родовое так и все нажитое имущество должно оставаться четырём сынам моим» [12, л. 1]. Примечательно то, что ни внук Максим Максимович (1851–1916) в своих мемуарах, ни их родственник Петр Евграфович Ковалевский (1901–1978), составивший поколенную роспись родословной, не упомянули поименно всех четверых сыновей Максима Ивановича и Гликерии Николаевны. Имена некоторых из них названы в акте о разделе имущества после смерти их матери. На момент составления документа 5 апреля 1832 г. это подполковник Максим, штабс-ротмистры Николай и Семен Максимовичи Ковалевские [14, л. 1]. Указанный текст регламентирует раздел движимого и недвижимого имущества в разных урочищах Харьковского и Валковского уездах с крестьянами мужского пола в количестве 184 человека «с их семействами обоего пола» между братьями [14, л. 1]. Отдельно отмечена их общая покупка имения в Изюмском уезде вместе с 62 крестьянами «с их семействами обоего пола» у помещика поручика Григория Андреевича Зарудного и последующая передача этого имения во владение Семену с выплатой компенсации доли наслед-

ства в 35 тыс. рублей его братьями [14, л. 1]. Цена всех наследственных и приобретенных имений в этом документе была оценена в 195 тыс. рублей [14, л. 2]. Детальное перечисление всего имущества с прикрепленными к земле крестьянами, пахотной землей и сенокосами, лесами, прудами, водными и ветряными мельницами и прочими постройками дает возможность утверждать о наличии у помещиков Ковалевских значительного движимого и недвижимого имущества, указывает местоположение, размер, значимость их земель.

В последней воле брата Максима Ивановича, коллежского советника Петра Ивановича Ковалевского и его жены Александры Ильиничны в нескольких пунктах перечислены условия наследования, перечислено все движимое и недвижимое имущество, названа стоимость имущества – 209 тыс. рублей государственными ассигнациями [13, л. 2 об.]. Также названы наследники. Это супруг или супруга: «кто останется после другого в живых» «на пользу детей наших» [13, л. 1]. Указаны их дети-наследники: Евграф, Владимир, Петр, Егор, девицы Анна, Александра, Мария [13, л. 1 об.]. В завещание не вошла замужняя за подпоручиком Михаилом Ковалевским дочь. Ей при замужестве уже была выплачена часть наследства в 25 тыс. рублей. При замужестве остальных дочерей была предусмотрена та же сумма с отказом от основного наследства [13, л. 2]. Здесь же озвучены и причины лишения наследства: «кто окажет воли нашей здесь изображенной противным и поступит в нарушение сего завещания хоть в малейшем, али жена неприличное и зорное звание своему поведению, тот лишается части своей» [13, л. 2]. Среди подписавшихся свидетелей значительная часть представлена подписями ближайшей родни. Например, «коллежская советчица Александра Ильина дочь Ковалевская», «харьковского уезда помещик артиллерии подпоручик Михаил Данильев сын Ковалевский», «артиллерии подпоручика Ольга Петрова дочь Ковалевская», «харьковского уезда помещик майор Максим Максимов сын Ковалевский», «штаб ротмистр Николай Максимов сын Ковалевский», «штаб ротмистр Семен Максимов сын Ковалевский» и «харьковского уезда помощник ротмистра Иван Константинов сын Ковалевский» [13, л. 2–2 об.].

Сын Максима Ивановича Ковалевского Максим Максимович (1787–1864) был участником турецкого похода 1811 г., Отечественной войны 1812 г., антинаполеоновских военных походов 1814–1815 гг. [3, с. 51]. Подтверждением удачной военной карьеры служат грамоты императоров Александра I и Николая I о предоставлении ему военных званий. В 1818 г. М. М. Ковалевский-старший становится ротмистром. В 1830 г. майор М. М. Ковалевский-старший получает воинское звание подполковника. В 1833 г. «за оказанную его в службе ревность и прилежность, при увольнении его от оной» он получает звание полковника [8, л. 1–3]. В других документах зафиксированы награды, полученные во времена правления императоров Николая I и Александра II [9]. В августе 1837 г. «в честь двадцатилетней беспорочной службы» исполняющий обязанность Харьковского губернского предводителя дворянства М. М. Ковалевский-старший получает знак отличия с правом ношения его на Георгиевской ленте. В следующем году за «ревностную службу» «согласно особому удостоению Комитета Министров» Максим Максимович получил Орден Св. Анны второй степени. И в 1856 г. при императоре Александре II уездному предводителю дворянства был пожалован Орден Св. Станислава второй степени [9, л. 1–3].

М. М. Ковалевский-старший семь раз подряд с 1834 по 1855 гг. избирался Харьковским уездным предводителем дворянства [2, с. 105]. Он совмещал должность уездного и губернского предводителя с 28 февраля 1835 по 1837 [2, с. 104]. Его деятельность служит отличным примером удачной военной и административной карьеры. Вне военной службы М. М. Ковалевский-старший расширил территорию своих владений [3, с. 50, 55, 59; 25].

Его сын, Максим Максимович Ковалевский-младший, отошел от военной традиции родственников. Вместо этого он посвятил себя науке. В ЦГИАК сохраняется открытый лист, выданный ординарному профессору Московского университета М. М. Ковалевскому, в котором статскому советнику Ковалевскому при его разъездах «с ученой целью» надлежит оказывать «всякое законное содействие» [10, л. 1]. Результатом научных экспедиций на Кавказ стала публикация одного из важных научных трудов М. М. Ковалевского – «Закон и обычай на Кавказе» (1887).

Несколько архивных документов характеризуют хозяйственную деятельность М. М. Ковалевского-младшего: 1) его прошение в Харьковский лесоустроительный комитет об обращении двух заросших порослью урочищ под картофельное поле; 2) документы о новом разделе земель между крестьянами слободы Ольшаны Харьковского уезда и владельцем усадьбы, в том числе об «изъя-

тии» из владения последнего 22 десятин пахотной земли в урочище «Веселое»; 3) его договора с крестьянами Вертевской и Пересечанской волостей Харьковского уезда Харьковской губернии и с К. З. Бекарюковым о сдаче в аренду земли около села Двуречный Кут [16; 17; 18]. Хозяйственная деятельность М. М. Ковалевского в его имении в конце XIX – начале XX веков слабо отражена в документах в связи с преимущественным проживанием ученого за границей.

Таким образом фонд 1814 ЦГИАК содержит ценную информацию о жизни и деятельности многих представителей дворянского рода Ковалевских. Архивные документы уточняют известные факты или опровергает их. Вместе с тем работа с материалами других архивных учреждений Украины и зарубежья создаст наиболее полную картину деятельности этого рода. Список архивов достаточно широкий. Ряд документов об имуществе Ковалевских находится в Государственном архиве Харьковской области. Несколько писем М. М. Ковалевского-младшего хранятся в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского. Материалы М. М. Ковалевского-младшего и о нем находятся в зарубежных архивах: отделения Российской Академии наук в Москве и Петербурге, Центральный исторический музей (Москва), Российский государственный архив литературы и искусства (Москва), Государственный архив Российской Федерации (Москва), Российский государственный исторический архив (Петербург), Международный институт социальной истории (Амстердам) [см.: 1, с. 178]. Анализ документов зарубежных архивов является для нас задачей будущих научных изысканий.

1. Дойков, Ю. В. Материалы о М.М. Ковалевском в Институте социальной истории Амстердама / Ю. В. Дойков // Социологический журнал. – 2000. – № 3-4. – С. 178–185.
2. Илляшевич, Л. В. Краткий очерк истории харьковского дворянства / Л. В. Илляшевич. – Х. : Харьковский частный музей городской усадьбы, 2010. – 160 с.
3. Ковалевский, М. М. Моя жизнь : Воспоминания / М. М. Ковалевский. – М. : РОССПЭН, 2005. – 781 с.
4. Ковалевский, П. Е. Род Ковалевских за триста лет 1651–1951 // Харьковский исторический альманах / под ред. А. Ф. Парамонова. – Х. : Изд. Хар. част. музея гор. усадьбы, 2002. – Зима. – С. 17–32.
5. Центральный государственный исторический архив Украины г. Киев (ЦГИАК). – Ф. 1814. Оп. 2. Д. 2
6. ЦГИАК. – Ф. 1814. Оп. 2. Д. 3
7. ЦГИАК. – Ф. 1814. Оп. 2. Д. 4
8. ЦГИАК. – Ф. 1814. Оп. 2. Д. 7
9. ЦГИАК. – Ф. 1814. Оп. 2. Д. 8
10. ЦГИАК. – Ф. 1814. Оп. 2. Д. 10
11. ЦГИАК. – Ф. 1814. Оп. 2. Д. 14
12. ЦГИАК. – Ф. 1814. Оп. 2. Д. 19
13. ЦГИАК. – Ф. 1814. Оп. 2. Д. 20
14. ЦГИАК. – Ф. 1814. Оп. 2. Д. 22
15. ЦГИАК. – Ф. 1814. Оп. 2. Д. 25
16. ЦГИАК. – Ф. 1814. Оп. 2. Д. 26
17. ЦГИАК. – Ф. 1814. Оп. 2. Д. 27
18. ЦГИАК. – Ф. 1814. Оп. 2. Д. 28

Вовк О.И.

СВЕДЕНИЯ О ВАСИЛИИ КАРАЗИНЕ И ЕГО ПОТОМКАХ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НИКОЛАЕВСКОЙ ОБЛАСТИ УКРАИНЫ

Василий Назарович Каразин (1773–1842) является одним из ярчайших деятелей в истории украинского образования, науки и культуры. Он прославился как основатель Харьковского университета – первого университета на территории Восточной Украины (с 1999 г. это высшее учебное заведение носит имя своего основателя). Благодаря В.Н. Каразину в 1811 г. в Харькове было основано Филотехническое общество – первое в Украине научно-техническое объединение на добровольных началах.

Большая часть жизни В.Н. Каразина прошла на территории его родной Слобожанщины (историко-культурного региона Украины с центром в Харькове). Обширную сеть знакомств он имел также в Петербурге и Москве. Однако волей судьбы свои последние дни просветитель провел в Николаеве, где жил и служил по морскому ведомству один из его сыновей – Филадельф Васильевич.

В фондах Государственного архива Николаевской области (ГАНО) отложились документы, которые проливают свет на некоторые эпизоды жизни самого В.Н. Каразина и его потомков, некоторое время проживавших в Николаеве. Круг этих источников не слишком обширен, многие из ценных исторических свидетельств не дошли до наших дней (например, утрачены метрические книги с записью об отпевании В.Н. Каразина, крещении его внуков и т.д.). По объему они, конечно, в значительной мере проигрывают фондам харьковских, киевских, московских, петербургских архивов. Вместе с тем, сохранившиеся в ГАНО источники способны дополнить историю древнего рода Каразиных.

К настоящему времени опубликован ряд научных [см., например: 11; 13; 14 и др.] и научно-популярных [см., например: 8; 15 и др.] статей и заметок, в которых значительное место уделено николаевскому «следу» в биографии В.Н. Каразина. Однако специального обзора каразиноведческих документов из фондов ГАНО не проводилось, что обуславливает научную новизну данной публикации. Актуальность же данной темы продиктована приближающимся 250-летним юбилеем со дня рождения просветителя и ученого, который будет отмечаться в 2023 г. и подготовка к которому в Харьковском национальном университете имени В.Н. Каразина уже началась.

Как уже было отмечено выше, в Николаеве с 1832 г. проживал Филадельф Васильевич Каразин (1810–1878), окончивший в 1829 г. словесное отделение философского факультета Харьковского университета. Здесь он служил в штабе Черноморского флота, был чиновником для особых поручений при Главном командире Черноморского флота адмирале М. П. Лазареве (1788–1851) [12, с. 199; 14, с. 160 и др.].

16 октября 1836 г.^{*} Ф.В. Каразин сочетался браком с Евгенией Феодосиевной Цац (ум. 1840) – дочерью обер-интенданта Черноморского правления Российского императорского флота, контр-адмирала Ф.А. Цаца (ум. 1829). Соответствующая запись была сделана в метрической книге Николаевского адмиралтейского собора за 1834–1837 гг. (хранится в фонде «Николаевский адмиралтейский собор протопресвитера Военного и морского ведомства») [2, л. 129].

Следует думать, что В.Н. Каразин с остальными ближайшими родственниками присутствовал на церемонии венчания. Этому способствовал не только отцовский долг: именно Василий Назарович выступил поручителем со стороны жениха. Другим поручителем по жениху стал статский советник, генерал-майор П.А. Адамопуло (1768 – после 1836). Со стороны невесты поручителями были выпускник Харьковского университета, столоначальник канцелярии военного губернатора, губернский секретарь Д.Д. Благовещенский (1814 – после 1854) и начальник Гидрографического Черноморского депо карт, полковник Н.М. Кумани (1795 – после 1846). Об этом свидетельствует книга предбрачных обысков за 1836–1839 гг. Николаевского адмиралтейского собора [3, л. 59 об].

Все вышеназванные люди имели в Николаеве высокий социальный статус, были хорошо образованными, а также, помимо прочего, питали интерес к истории. Например, Д.Д. Благовещенский в свободное время изучал историю Керкинитиды – древнегреческого поселения, располагавшегося в границах современной Евпатории в Крыму. Н.М. Кумани занимался археологическими и историческими изысканиями, а во вверенном ему Гидрографическом депо организовал музей [14].

Можно предполагать, что у В.Н. Каразина нашлось с ними много общих тем для разговоров, ведь он тоже интересовался стариной, собирал рукописи, публиковал исторические заметки [см. 9, с. 113; 10, с. 89]. Есть сведения, что и в Николаеве он изучал местные легенды, а также занимался изучением истории близлежащего древнегреческого города-государства Ольвии.

Интересно, что в 2014 г. в фондах Центральной научной библиотеки Харьковского университета было обнаружено ранее неизвестное письмо В.Н. Каразина, датированное 8 октября 1837 г. В нем он сообщает о передаче в университетскую библиотеку таблицу расстояний между важнейшими форпостами на Черном море, полученную от одного из своих «приятелей» в Николаеве. Можно предполагать, что это был начальник Гидрографического депо Н.М. Кумани [12, вклейка].

С семьями Благовещенских и Кумани Каразиных связывали не только общие увлечения, но и родственные узы. Известно, что Ф.В. Каразин, Д.Д. Благовещенский и Н.М. Кумани были женаты на трех сестрах – Евгении, Елене и Марии Цац [15].

^{*}Все даты до 1918 г. даны по старому стилю.

Кстати, обратим внимание еще на один факт. Двое поручителей на свадьбе Ф.В. Каразина (П.А. Адамопуло и Н.М. Кумани) были этническими греками. Из причерноморских греков происходил и его тесть, Ф.И. Цац [14]. На наш взгляд, эта информация может оказаться ценной при изучении до сих пор точно не выясненного вопроса об этническом происхождении В.Н. Каразина, который в разные периоды жизни называл себя греком, болгаринном или сербом [10, с. 196–197].

В последний раз В.Н. Каразин посетил Николаев осенью 1842 г. по дороге в Крым, где собирался изучить возможность совершенствования виноградарства и виноделия. Однако по дороге он простудился и умер 4 ноября 1842 г. на руках у своего сына Филадельфа в доме Н.М. Кумани в Николаеве. Был похоронен на православном кладбище.

Его сын Филадельф Васильевич, оставшийся жить в Николаеве ярко проявил себя как общественный деятель. В 1849–1852 гг. он занимался организацией строительства подъездной дороги к Спасскому бассейну – одному из важнейших источников пресной воды в этом городе. В фонде «Канцелярия Николаевского военного губернатора» сохранилось «Дело об упорядочении пользования жителей г. Николаева водой из Спасского бассейна и о строительстве дороги к бассейну» [5].

Разрешение на ведение строительных работ было получено летом 1849 г. от главнокомандующего Черноморским флотом и военного губернатора Николаева М.П. Лазарева, помощником которого был Ф.В. Каразин. Он рьяно взялся за дело: лично составил план, пересмотрел ранее разработанную смету и нашел ее в несколько раз завышенной, занимался сбором средств, принимал непосредственное участие в строительных работах [подробнее см. 11].

Однако скоропостижная смерть в апреле 1851 г. адмирала М.П. Лазарева, который, очевидно, покровительствовал Ф.В. Каразину, не дала последнему довести начатое дело до конца. Новым военным губернатором Николаева стал М.Б. Берх (1783–1860), который уже в сентябре того же года потребовал пересмотреть проект строительства [5, л. 40]. Впоследствии недостроенную дорогу осмотрела специальная комиссия, отметившая высокое качество проведенных работ. Однако военный губернатор распорядился передать сбор денег городской думе, а курировать строительство поручил смотрителю казенных садов Вальду [5, л. 61, 89]. В дальнейшем причиной были названы постоянные отлучки Ф.В. Каразина из Николаева по делам службы [5, л. 93].

Можно предположить, что одной из причин, приведших к отстранению Ф.В. Каразина от строительства Спасской дороги, было охлаждение отношений между ним и военным губернатором. Интересно, что в мае 1851 г. только занявший должность М. Б. Берх порекомендовал кандидатуру Ф.В. Каразина на замещение вакантной должности почетного смотрителя Николаевского уездного училища с сохранением прежней должности. Филадельф Васильевич высказал свое согласие [6, л. 10–10об], однако это предложение не было утверждено руководством Одесского учебного округа [6, л. 13об–14]. Думается, что обязанности почетного смотрителя уездного училища, который был должен осуществлять надзор за вверенным ему учебным заведением и помогать ему финансово, предполагали не меньший уровень ответственности, чем работа по строительству дороги. При этом постоянные выезды Ф.В. Каразина за пределы Николаева по долгу основной службы еще в мае 1851 г. не вызывали беспокойства у военного губернатора.

Ф.В. Каразина решение об отстранении от дел повергло в шок. 30 декабря 1851 г. он решил написать М.Б. Берху личное письмо, в котором постарался обосновать свою позицию, указывал на затраченные усилия и средства, апеллировал к тому, что если проект не будет благополучно окончен, то ему придется распрощаться с безукоризненной репутацией, приобретенной на протяжении 19-летней работы в Николаеве [5, л. 63–66об].

Примечательно, что в этом письме Ф.В. Каразин проводит параллели между биографиями отца (В.Н. Каразина), старшего брата (В.В. Каразина) и своей собственной, отмечая стремление всех членов семьи послужить своему отечеству, которое зачастую оканчивалось непредвиденными неприятностями: «Не смею я сравнивать ни дел, ни способностей моих с делами и способностями моих кровных, но чувствую в себе такое желание быть, по мере сил моих, быть, по мере сил моих, полезным моим ближним и пью ту же несладкую чашу» [5, л. 64].

Впоследствии Ф.В. Каразин написал еще несколько писем М.Б. Берху [5, л. 81–82об и др.], в которых прямо говорил о неожиданном охлаждении к нему со стороны военного губернатора и просил объяснить. Неизвестно, произошел ли разговор, о котором так просил Ф.В. Каразин, однако в 1852 г. он был окончательно отставлен от работ по строительству дороги, а в 1853 г.

уехал из Николаева, получив назначение в Министерство государственных имуществ [12, с. 200].

Но этот город остался близок ему, ведь здесь покоились самые близкие ему люди. Еще в 1840 г. в родах умерла жена Ф.В. Каразина Евгения, перед тем скончалась малолетняя дочь. Оставшийся сын, названный в честь отца Филадельфом, впоследствии стал морским офицером, принимал участие в гидрографическом исследовании Дальнего Востока (в его честь назван мыс Каразина на острове Русский в окрестностях Владивостока). Во время одного из походов по Атлантике Ф.Ф. Каразин заболел и в 1866 г. умер в Лиссабоне. По настоянию отца тело было доставлено на родину и похоронено в Николаеве рядом с дедом, матерью и сестрой [11, с. 45–46].

В 1868 г. над четырьмя могилами была воздвигнута часовня-склеп. Деньги на строительство выделили члены семьи Каразиных и Харьковский университет. Однако постепенно уход за могилой осложнился: родственники, как и университет, находились далеко и не могли осуществлять непрерывный надзор и уход, а местная николаевская власть не всегда своевременно принимала необходимые меры.

В фонде ГАНО «Канцелярия Николаевского градоначальника» сохранилось дело «Об исправлении памятника с часовней на Николаевском православном кладбище основателю Харьковского университета Василию Назаровичу Каразину» [4]. Здесь отложилась переписка 1902–1910 гг. между администрацией Харьковского университета и городскими властями Николаева о благоустройстве могилы. Ценность этих документов многократно возрастает в связи с тем, что архив Харьковского университета погиб в годы Второй мировой войны.

В середине XX в. местные органы власти в Николаеве также обращались к вопросу о необходимости реконструировать могилу В.Н. Каразина. В фонде «Николаевский областной совет народных депутатов» сохранилось решение городского совета, датированное 24 июля 1946 г. Этот документ обязывает трест похоронных предприятий произвести капитальный ремонт склепа суммой расходов свыше 4 тыс. рублей за счет сверхплановых накоплений [7, л. 215].

Отметим, что и в начале XXI в. Харьковский университет совместно с местной николаевской властью способствовал восстановлению часовни. В 2009 г. могила-склеп В.Н. Каразина была признана памятником истории и культуры Украины национального значения (охранный номер 140007-Н) [1].

Подводя итог, отметим, что введение в научный оборот документов, которые сохранились в Государственном архиве Николаевской области и связаны с личностью Василия Назаровича Каразина и членов его семьи, обогащает каразиноведение и открывает новые перспективы научных исследований в этом направлении.

1. Постанова Кабінету міністрів України від 3 вересня 2009 р. № 928 «Про занесення об'єктів культурної спадщини національного значення до Державного реєстру нерухомих пам'яток України» [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/928-2009-%D0%BF?lang=uk> . – Дата звернення : 27.02.2019 р.
2. Государственный архив Николаевской области (ГАНО). – Ф. 168. Оп. 1. Д. 289.
3. ГАНО. – Ф. 168. Оп. 1. Д. 294.
4. ГАНО. – Ф. 229. Оп. 1. Д. 321.
5. ГАНО. – Ф. 230. Оп. 1. Д. 419.
6. ГАНО. – Ф. 230. Оп. 1. Д. 813.
7. ГАНО. – Ф. Р-992. Оп. 2. Д. 595.
8. Бойчук, С. «Я смело могу тать перед судом потомков» / С. Бойчук // Южная правда. – 2013. – 2 февр.
9. Болєбрух, А. Г. Василь Назарович Каразін (1773–1842) / А. Г. Болєбрух, С. М. Куделко, А. В. Хрідочкін. – Харків : Вид-во «Авто-Енергія», 2005. – 348 с.
10. Вовк, О. І. Постать Василя Каразіна в історіографії / О. І. Вовк ; наук. ред. С. М. Куделко. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2016. – 324 с.
11. Гаврилов, И. В. Каразини: николаевские реалии / И. В. Гаврилов, Е. В. Пономарева // Слов'янський альманах. – 2008. – С. 41–47.
12. В. Н. Каразін. Діалоги у часі й просторі : дослідження і матеріали / уклад. О. І. Вовк, С. М. Куделко ; наук. ред. проф. С. І. Посохов. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2015. – 272 с.
13. Ковалева, О. Каразин Василий Назарович (1773–1842) / О. Ковалева, В. Чистов // Очерки истории культуры Южного Прибужья. – Николаев, 2001. – Кн. 2. – С. 44–45.
14. Николаевцы. 1789–1999. Энциклопедический словарь / гл. ред. В. А. Карнаух. – Николаев, 1999. – 374 с.
15. Христова, Н. Спустя полтора столетия следствие ведут знатоки / Н. Христова // Вечерний Николаев. – 2016. – 24 мая.

Купченко К.В., Никитина Н.В.
АРХИВНЫЕ ФОНДЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
СОСЛОВНЫХ КОРПОРАЦИЙ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.
(НА МАТЕРИАЛАХ СМОЛЕНСКОГО РЕГИОНА)

К малоизученным и редко используемым источникам истории сословий на региональном уровне по-прежнему относятся материалы, содержащиеся в архивных фондах.

Важнейшими видами источников по истории сословного управления являются нормативно-правовые акты соответствующих периодов отечественной истории, регулирующие права и обязанности сословных корпораций, работу органов сословного управления и самоуправления.

Большое значение для исследователей имеют документы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). В частности, фонд № 16 РГАДА [см.: 30] содержит описание городов периода правления Екатерины II, информацию о численности населения в целом по Смоленскому наместничеству и по округам, указы императрицы смоленским губернаторам, донесения на её имя с мест и т. д. Фонд № 1244 РГАДА [см.: 29] (канцелярия статс-секретаря) включает донесения по Смоленской губернии с 1779 по 1809 годы.

Важным источником сведений о первых дворянских предводителях в Смоленской губернии стали отложенные в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА) ежегодники «Месяцослов с росписью чиновных особ Государстве» за 1779–1810 гг.

В РГИА в фонде № 1287 (Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел) [см.: 31] хранятся дела о строительстве и деятельности сословных образовательных и благотворительных заведений, находящихся в ведении Смоленского приказа общественного призрения (Сиропитательного дома, городских больниц, Института для сирот женского пола, Сиротского дома и т.д.). В фонде № 1293 (Технически-строительный комитет Министерства внутренних дел) [см.: 32] обнаружены картографические материалы и планы зданий, в которых располагались сословные учреждения губернии (Приказ общественного призрения, дворянское собрание, городская дума).

Наиболее ценные материалы по изучаемым вопросам выявлены в Государственном архиве Смоленской области (далее ГАСО). Изучение соответствующих фондов позволяет во многих случаях определить уровень развития социально-экономических отношений и процессов, протекавших в губернии, выявить состояние её сельского хозяйства и промыслов, а также определить социальное положение различных слоёв населения.

Разнообразную и интересную информацию по исследуемым вопросам содержит фонд № 1 (Канцелярия смоленского губернатора) [см.: 1], насчитывающий более 30 тысяч дел. Это указы и циркуляры министерств, отчёты губернатора о состоянии края, рапорты и донесения, отчёты уездных властей об экономическом состоянии городов и уездов, экономические обзоры уездов, разнообразные статистические ведомости и отчёты и т. д. В названном фонде имеется богатый документальный материал о состоянии сельского хозяйства в уездах и по губернии в целом. Помимо этого, фонд содержит отчёты и ведомости о социальном положении основных категорий населения и т.д.

Весьма информативными для исследования сословных корпораций Смоленской губернии явились и документы других фондов ГАСО, в частности – фондов № 2 (Смоленское губернское правление) [см.: 13], № 1260 (Смоленская городская дума) [см.: 7], № 54 (Смоленский приказ общественного призрения) [см.: 21], № 1183 (Смоленское городническое правление) [см.: 5], № 7 (Смоленская губернская земская управа) [см.: 26], № 172 (Смоленское губернское по крестьянским делам присутствие) [см.: 12], № 65 (Смоленская городская управа) [см.: 25], № 529 (Краснинский мещанский староста) [см.: 20], № 342 (Сычевский мещанский староста) [см.: 17], № 746 (Дорогобужское мещанское общество) [см.: 28], № 1127 (Ельнинский мещанский староста) [см.: 3], № 1126 (Смоленская мещанская управа) [см.: 2], № 1128 (Смоленский купеческий староста) [см.: 4], № 1346 (Велижская ремесленная управа) [см.: 10], № 580 (Смоленская ремесленная управа) [см.: 23]. Использованные источники появились в результате деятельности представителей различных сословий, ставивших перед собой конкретные цели и задачи, что, естественно, отразилось на содержании этих документов и их структуре. К таким можно отнести документы делопроизводства официальных местных учреждений и должностных лиц. В их числе: переписка, предписания, донесения, объяснения, ведомости, отчёты, сметы и т. д. Сведения, содержащиеся в этих документах, в значи-

тельной степени хаотичны, отрывочны и разрозненны. Итоговые статистические данные ведомостей иногда не совпадают с составляющими их цифровыми выкладками. Впрочем, всё это не снижает большой ценности документов местного делопроизводства, содержащих богатейший первичный материал, порой не встречающийся в других источниках.

В ГАСО в фонде № 28 (Рославльский городской магистрат) [см.: 15] отложены дела с 1744 по 1800 г., всего 940 дел. В основном в фонде представлены дела, касающиеся долговых обязательств, наследования, административных правонарушений и их разрешений. Однако можно обнаружить и материалы, характеризующие деятельность органов сословного городского управления, объявления о купеческих капиталах, наряды о выдаче купцам и мещанам паспортов, ведомости о численности купцов и мещан Рославля и Ельни, об участии представителей городских сословий в органах городского самоуправления, родословные доказательства рословчан, купеческие аттестаты и похвальные листы, именные списки бургомистров и ратманов Рославля.

Весьма информативным является материал, отложенный в фонде № 29 (Духовщинский земский суд) [см.: 16], который позволяет начать исследование практически не изученной на региональном уровне проблеме – судебному регулированию баланса интересов и охране привилегий разных сословий в XVIII – начале XIX вв.

Большую ценность в плане исследования сословий региона представляют делопроизводственная документация органов дворянского самоуправления и личные фонды служащих органов сословного управления.

В ГАСО содержится 10 фондов документов дворянского самоуправления, из которых только один (ф. 6, Смоленское губернское дворянское депутатское собрание [см.: 24]) изучен основательно, так как он находился в свободном доступе длительный промежуток времени и содержит небольшое число единиц хранения (203 единицы хранения).

В качестве источниковой базы исследования проблемы самоуправления смоленского дворянства заявленного нами периода несомненный интерес представляет не введенная в научный оборот делопроизводственная документация органов дворянского самоуправления Смоленской губернии, а именно фонды уездных предводителей дворянства Смоленской губернии. В ГАСО хранятся 9 фондов делопроизводственной документации уездных предводителей дворянства: фонд № 55 – Смоленского [см.: 22], фонд № 277 – Дорогобужского [см.: 14], фонд № 502 – Духовщинского [см.: 19], фонд № 433 – Ельнинского [см.: 18], фонд № 1311 – Краснинского [см.: 8], фонд № 1332 – Поречского [см.: 9], фонд № 703 – Рославского [см.: 27], фонд № 16 – Сычевского [см.: 11], фонд 1233 – Велижского [см.: 6].

Делопроизводственная документация этих фондов представлена отчетами, журналами заседаний дворянских уездных правления, а также перепиской разных вышестоящих инстанций с нижестоящими инстанциями, указами, циркулярами, запросами, ответами на запросы, прошениями (например, о предоставлении свидетельств о дворянском достоинстве, о выдаче ссуд), формулярными списками о службе уездных чиновников и другими материалами. К сожалению, документы, которые касаются проблемы выборов и деятельности дворянских органов самоуправления, весьма немногочисленны, а сведения, содержащиеся в них, фрагментарны.

Наиболее информативными и насыщенными фактологическим материалом оказались следующие фонды: во-первых, Смоленского уездного предводителя дворянства, в котором содержится 157 единиц хранения (самое раннее дело датируется 1814 годом). Во-вторых, фонд Дорогобужского уездного предводителя дворянства, в котором отложено 274 дела (самое раннее из них датируется 1816 годом). В-третьих, фонд Духовщинского уездного предводителя дворянства, который включает 55 дел, в том числе документы конца XVIII века (первое дело датируется 1777 годом).

Обращение к делам фондов уездных предводителей дает нам возможность уточнить данные о проведении административно-территориальных изменений эпохи Екатерины II в Смоленской губернии. В этом отношении одним из самых интересных является дело «Указы и копии указов Смоленского наместнического правления уездным дворянским предводителям», которое, вероятно, собрано из россыпи, так как содержит документы за 1777 год, а последние листы датируются 1781–1797 годами. Эти документы свидетельствуют о начале процессов формирования органов сословного самоуправления и изменения территориально-административного управления в наместничестве.

В целом, анализ обширных фондов уездных предводителей смоленского дворянства позволяет утверждать, что перспективность использования этих документов в качестве весьма информативного источника для изучения истории провинциального дворянства и локальной истории в целом весьма высока.

Недостатком и сложностью работы с материалами регионального архива является тот факт, что много материалов было уничтожено как в период пожаров 1812 года, так и во время оккупаций Смоленска в 1941–1943 годах.

Отметим, что ряд вопросов в отношении сословного управления Смоленской губернии отражён в имеющихся документах явно недостаточно и весьма фрагментарно.

Анализ различных источников показывает, что по степени научной значимости они далеко неравноценны, в связи с чем только привлечение значительного количества документов, разрозненных среди многих фондов местных и центральных архивов, даёт возможность воссоздать достаточно целостную картину о сословных корпорациях Смоленского региона конца XVIII – начала XX века.

1. ГАСО. – Ф. 1.	17. ГАСО. – Ф. 342.
2. ГАСО. – Ф. 1126.	18. ГАСО. – Ф. 433.
3. ГАСО. – Ф. 1127.	19. ГАСО. – Ф. 502.
4. ГАСО. – Ф. 1128.	20. ГАСО. – Ф. 529.
5. ГАСО. – Ф. 1183.	21. ГАСО. – Ф. 54.
6. ГАСО. – Ф. 1233.	22. ГАСО. – Ф. 55.
7. ГАСО. – Ф. 1260.	23. ГАСО. – Ф. 580.
8. ГАСО. – Ф. 1311.	24. ГАСО. – Ф. 6.
9. ГАСО. – Ф. 1332.	25. ГАСО. – Ф. 65.
10. ГАСО. – Ф. 1346.	26. ГАСО. – Ф. 7.
11. ГАСО. – Ф. 16.	27. ГАСО. – Ф. 703.
12. ГАСО. – Ф. 172.	28. ГАСО. – Ф. 746.
13. ГАСО. – Ф. 2.	29. РГАДА. – Ф. 1244.
14. ГАСО. – Ф. 277.	30. РГАДА. – Ф. 16.
15. ГАСО. – Ф. 28.	31. РГИА. – Ф. 1287.
16. ГАСО. – Ф. 29.	32. РГИА. – Ф. 1293.

Агеенко Т.Н.

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИВНОГО ФОНДА ЦК КП(б)Б

В конце декабря 2018 г. исполнилось сто лет КПБ – организации, которая на протяжении более чем 70-семидесяти лет руководила всей жизнью в республике. Документы ее Центрального комитета (далее – ЦК) хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь в фонде 4п (ЦК Коммунистической партии Белоруссии), который включает в себя 102 525 единиц хранения. Данный фонд является одним из наиболее востребованных при изучении не только политической, но и социально-экономической и культурной истории. При этом большую ценность представляют документы, за довоенный период (1918–1941 гг.), ныне объединенные в опись № 1, которая включает в себя 18 483 единицы хранения. Особую значимость эти документы приобретают в связи с тем, что часто восполняют многочисленные документальные пробелы, образовавшиеся в архивных фондах государственных учреждений в силу их гибели в годы Великой Отечественной войны.

Знакомясь с составом документов этого фонда, становится интересно изучить и историю его формирования, которая является не менее интересной и многогранной. Так к концу 1923 г. Истпартом (Комиссией для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии) было собрано значительное количество документов за 1917–1920 гг., в том числе и документы ЦБ КП(б)Б по 1922 г. включительно [15, с. 12]. Однако никаких действий по приведению их в порядок не проводилось, условия хранения документов желали лучшего. Об этом на заседании Коллегии Истпарта в декабре 1924 г. говорил его заведующий С. Агурский: «на чердаке находилась груда папок, в которую были навалены всякого рода бумаги: карточки учетного п/отдела, архивные дела общей канцелярии, женотдела и проч.» [3, л. 241]. А в отчете о деятельности Истпарта за август – декабрь 1924 г. отмечалось, что «первые работники не знали точно задач, стоящих перед Истпартом. Не знали какие материалы им нужно собирать. Благодаря этому в Истпарте скопилось много бумаг, к истории пар-

тии и революционного движения никакого отношения не имевших» [8, л. 5], далее шло перечисление вышеуказанных документов ЦК. Кроме того, в отчете подчеркивалось, что эти документы не представляют интереса для Истпарта.

Однако документы ЦК остались в Истпарте. И в августе 1926 г. на заседании секретариата ЦК КП(б)Б впервые был рассмотрен вопрос об упорядочении его документов. Заведующему Истпартом было поручено внести на одно из ближайших заседаний предложение об упорядочении архивов компартии [2, с. 79], учетно-распределительному подотделу найти человека для архивной работы в ЦК. В октябре 1926 г. заведующим архивом был назначен Я. Куник, а для временной работы в архив направлен Крендель [3, л. 59, 353]. В 1927 г. началось упорядочение документов.

Архив ЦК помещался в специально отведенной комнате, документы хранились на открытых полках. Согласно проведенному секретным отделом ЦК ВКП(б) анкетированию было установлено, что материалы за 1917–1919 гг. и частично за 1920 г. не сохранились по причине эвакуаций [5, л. 29]. В связи с накоплением большого количества документов в аппарате на заседании секретариата ЦК КП(б)Б был рассмотрен вопрос об уничтожении 38% архива. Однако в решении указано не только на недопустимость этого, но и на то, что уничтожение всякого архивного материала должно быть согласовано с Истпартом [10, л. 4].

В мае 1928 г. решено направить в Истпарт для вывоза в Могилев ненужный для текущей работы архив ЦК КП(б)Б. Осенью этого же года он был размещен в здании Могилевского исторического музея. Так было положено начало концентрированному, обособленному хранению архива ЦК КП(б)Б [16, л. 81].

К 1929 г. документы ЦБ и ЦК за 1918–1925 гг., хранившиеся в Могилеве, составляли приблизительно 13 тыс. дел в 130 пачках весом около 5 тыс. кг. Дела были сшиты в папках, разбиты по годам и отделам, на них была составлена только внешняя опись [9, л. 139].

В связи с ликвидацией в 1930 г. национальных бюро и некоторых отделов ЦК, секретариат принял решение заведующим и секретарям ликвидированных национальных бюро и отделов в недельный срок привести в порядок документы и материалы и по списку сдать их в партархив Истпарта ЦК КП(б)Б [6, л. 114] (учрежденный в 1929 г.).

Однако в дальнейшем в партархив документы ЦК поступали в необработанном виде. Об этом свидетельствуют указания Института Ленина при ЦК ВКП(б), в которых говорилось о необходимости в первую очередь заняться архивом ЦК КП(б)Б [11, л. 3]. В процессе проведения обработки документов допускалось большое количество ошибок. Так, к примеру, дело с материалами Янишкельского Уездного Совета за 1919 год, было озаглавлено делом польбюро при ЦК КП(б)Б [1, с. 105].

Об условиях хранения документов ЦК можно судить по материалам обследования партархива, проведенного в мае 1934 г.: «Секретные материалы хранятся на равнее со всеми материалами, фонд ЦК КП(б)Б хранится в рабочей комнате архива, в шкафу без замка, а завязывается простой бечевкой, без пломбировки и сургучной опечатки. Описей на секретную часть отдельных нет и сколько секретного материала установить невозможно» [12, л. 12].

В 1936 г. была проведена ревизия документов фонда, которая выявила ряд недостатков в его обработке. Так были неправильно составлены описи, дела систематизированы не в хронологическом порядке, на 70% заголовки составлены неправильно, часть дел фонда отсутствовала в связи с проверкой и обменом партдокументов [13, л. 12]. В этом же году проведена сверка и составлена новая опись протоколов и дел ЦБ и ЦК КП(б)Б [7, л. 32]. Всего же к 1940 г. в партархиве находились документы ЦК по 1938 г. включительно.

С началом Великой Отечественной войны документы ЦК КП(б)Б (в том числе и его текущий архив) вместе с другими документами партархива были эвакуированы в Уфу, а затем в 1944 г. реэвакуированы в Могилев. На протяжении 1948–1954 гг., проведена упорядочение документов отделов ЦК за 1918–1945 гг. В 1960–1966 гг. вторично выполнена работа по улучшению обработки документов. Суть ее сводилась к уточнению структуры ЦК, улучшению редакции заголовков, проведению реставрации и переплета отдельных документов и дел, перепечатке описей. Внутренняя систематизация документов и реформирование дел не проводилось.

В 1981–1985 гг. осуществлена выборочная обработка документов отдела пропаганды и агитации за 1929–1939 гг., материалов Временного Белорусского бюро ЦК РКП(б) за 1924 г., во-

енного отдела за 1932–1948 гг. В процессе этой работы были пересистематизированы документы, сделан новый переплет, составлена опись с переводной таблицей.

В 1986–1987 гг. во время просмотра и изучения документов фонда установлено, что выполненная обработка в 1960-е гг. не отвечает современным требованиям описания, физическое состояние дел за довоенный период неудовлетворительное. В 1988 г. начато упорядочение материалов ЦБ КП(б)Б за 1918–1924 гг., окончено лишь в 1995 г.

В этом же году Национальному архиву Республики Беларусь были переданы документы бывшего Центрального партийного архива КПБ. Проведенный в ноябре-декабре 1995 г. анализ состояний описей на фонд ЦК КПБ установил, что по своему информационному уровню они не отвечают необходимым требованиям и подлежат переработке [14, с. 3], которая была начата в 1996 г.

Переработке в первую очередь подверглись описи на дела фонда ЦК КП(б)Б за 1918–1941 гг. (около 26 тыс. дел). В результате данной работы на документы составлена подробная историко-архивная справка, уточнены фондовая и структурная принадлежность, заголовки и крайние даты дел, проведена их пересистематизация в соответствии с разработанной схемой систематизации. Экспертиза научной и практической ценности дел при переработке описей не предусматривалась. После пересистематизации дел на документы фонда общего делопроизводства за 1918–1941 гг. составлена одна опись (№ 1) и переводная таблица к ней. При уточнении фондовой принадлежности дел по фонду ЦК КП(б)Б выделены как не относящиеся к его составу и переданы в другие фонды 235 дел общего делопроизводства.

Дела по приему, исключению, восстановлению в партии, выдаче партийных документов, персональные дела, дела по утверждению в должности номенклатурных работников, оформлению приема на работу сотрудников и административно-технического персонала ЦК КП(б)Б за довоенный период (1920–1941 гг.) после переработки составили опись № 2 [2].

Особенности формирования фонда важно учитывать как при работе с документами, так и с научно-справочным аппаратом, т.к. составленные на документы данного периода классификатор документов парткомплеса, различные картотеки, перечни вопросов рассмотренных на заседаниях бюро и секретариата не были переведены. И в некоторых случаях, как, например, с документами за 1918–1924 гг., их необходимо переводить дважды (т.к. упорядочение и соответственно перешифровка проводились несколько раз).

Документы архивного фонда ЦК КПБ за 1918–1941 гг. прошли сложный путь, связанный в том числе с эвакуацией в годы войны, многочисленными переездами в послевоенный период, однако смогли сохраниться в полном объеме и сейчас являются наиболее ценным документальным источником по многим темам межвоенного периода БССР. А обращение к истории фонда помогает понять условия, в которых происходило его формирование, а также некоторые особенности использования его в настоящее время.

1. Агеенко, Т. Н. Обеспечение секретности в КП(б)Б в 1920-е гг. / Т. Н. Агеенко // X Машеровские чтения: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 14 октября 2016 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол. : И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М.Машерова, 2016. – С. 105–106.
2. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Историко-архивная справка.
3. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1285.
4. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2544.
5. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3694.
6. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4769.
7. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 10659.
8. НАРБ. – Ф. 60 п. Оп. 1. Д. 10.
9. НАРБ. – Ф. 60п. Оп. 1. Д. 32.
10. НАРБ. – Ф. 60п. Оп. 1. Д. 38.
11. НАРБ. – Ф. 60п. Оп. 1. Д. 51.
12. НАРБ. – Ф. 511п. Оп. 1. Д. 17.
13. НАРБ. – Ф. 511п. Оп. 1. Д. 17б.
14. Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии, 1918–1941 гг. Фонд 4п. Опись 1 / Национальный архив Республики Беларусь ; сост. : Ю. И. Анейчик, Ж. А. Лиходиевская, Г. И. Плавская ; ред. кол.: В. Д. Селеменев (гл. ред.) [и др.]. – Минск : НАРБ, 2007. – 704 с.
15. Шумейко, М. Ф. Археографическая подготовка и публикация документов КПБ/КПСС: методические рекомендации / М. Ф. Шумейко. – Минск : БелНИИДАД, 2017. – 132 с.
16. Шумейко, М.Ф. Деятельность Истпарга ЦК КП(б)Б по созданию источниковой базы историко-партийной науки в 1920-е годы / М. Ф. Шумейко // Археографический ежегодник за 1987 год. – Москва : Наука, 1988. – С. 73–81.

Бувич Т.В.

**ДОКУМЕНТЫ АРХИВНОГО ФОНДА «БЕРЕЗИНСКИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УЧАСТОК
УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО БАССЕЙНА» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
БЕРЕЗИНСКОЙ ВОДНОЙ СИСТЕМЫ В 1918–1930 ГГ.**

Наша республика обладает значительным природным потенциалом, который явился основой для развития экотуризма. Но как показывает практика, увлекаясь туризмом и осваивая новые для себя территории, граждане в конечном итоге начинают проявлять интерес и к историческим событиям, способствовавшим формированию экосистем. В особенности это касается уникальных природных комплексов. Одним из таких комплексов является сохранившаяся до настоящего времени часть Березинской водной системы. Сама система была построена в 1797–1805 годах, как водная транспортная магистраль. В ее состав входили «пути искусственные, созданные техникой... и естественные, созданные самой природой» [1, л. 29].

Состав Березинской водной системы в 1911 году

Наименование частей системы	Протяженность	
	верст [*]	километров
Сергучский канал	8,47	9
река Сергуч	10,086	10,8
озера Манец и Плавно	5,31	5,7
Соединительный (Березинский) канал	7,03	7,5
озеро Береща (Берешто)	1,69	1,8
река Берешта	6,25	6,7
Веребский канал	2,46	2,6
река Эсса	11,59	12,4
озеро Проша (Прошо)	0,5	0,5
Первый Лепельский канал	0,3	0,3
озеро Лепельское	1,5	1,6
Второй Лепельский канал	0,18	0,2
река Улла	46,22	49,3
Чашникский канал	1,16	1,2
река Улла до впадения в реку Западная Двина	56,42	60,2
Итого:	159,2	169,8

По архивным материалам. См. ГАВО. Ф.411. Оп.1. Д.12. Л. 121.

Водораздельными пунктами системы служили озера Манец, Плавно и Осетище, откуда течение направлялось по двум водным путям: одно вверх к Березине по реке Сергуч и Сергучскому каналу, а другое – вниз по системе каналов к реке Западная Двина. Основным каналом системы считался Соединительный (Березинский) канал. Он был проложен по древнему волоку между озерами Плавно и Береща (Берешта). Судходство по системе было остановлено после Великой Отечественной войны. А с 1975 года в соответствии с распоряжением Совета Министров БССР от 30 июня 1972 года № 519 был полностью прекращен сплав леса, что поставило окончательную точку в истории системы как транспортной магистрали [2, с.162]. Сегодня система действует исключительно в пределах территории Государственного природоохранного учреждения «Березинский биосферный заповедник». Ее стали использовать в природоохранных целях и одновременно сделали объектом туризма. В последние десятилетия объемы водных экскурсий по рекам и каналам системы возрастают, поэтому вопрос о ее музеефикации с годами только набирает актуальность. В то же время полноценного изучения истории системы не проведено; имеющиеся публикации носят научно-популярный или популярный характер.

Существенную помощь в изучении истории функционирования системы, например, в 20-е годы прошлого века способны оказать документы, хранящиеся в учреждении «Государственный архив Витебской области» в составе фонда № 411 «Березинский технический участок

^{*} Русская единица измерения расстояния, соответствует нынешним 1,0667 км. Перевод единицы измерения в километры сделан автором доклада и округлен до десятых числа.

Управления государственного речного транспорта Северо-Западного бассейна» за 1918–1931 гг. Общее количество находящихся на хранении дел составляет 824 единицы хранения, которые включены в четыре описи [3]. Документы находятся на открытом хранении и доступны для изучения без каких-либо ограничений.

Все документы фонда можно разделить на три комплекса.

Первый комплекс, наиболее значительный по объему, – это документы по основной деятельности. Здесь присутствуют как организационно-распорядительные, так и информационно-справочные, плановые и отчетные документы. Данный комплекс наиболее многочисленный. Он представлен постановлениями Народного комиссариата путей сообщения СССР (НКПС), циркулярами и приказами правительства РСФСР, Главного политического управления водного транспорта, начальника Управления государственного речного транспорта Северо-Западного бассейна, Витебского агентства государственного пароходства и Березинского технического участка. Хранятся протоколы совместных совещаний комиссии Управления государственного речного транспорта Северо-Западного бассейна и Витебского линейного участка; заседаний бюро профсоюзов Лепельского уезда (1923 г.). А протокол производственного совещания представителей водного транспорта о состоянии реки Западная Двина раскрывает не только историю системы, но и позволяет сформировать представление о факторах, влиявших на полноводность системы и ее пропускную способность в 1927–1928 гг. В фонде также сохранились инструкции отдела службы пути Витебского линейного отдела о работе судоходных старшин (1921 г.); НКПС о работе пожарных сторожей (1924 г.) и порядке перевоза грузов на плотках (1925 г.). Порядок проведения и объемы землечерпальных работ, осуществленных по системе в 1923 году, отражены в специальной программе, утвержденной Витебским линейным отделом. За 1928–1930 годы имеются производственные программы расширенных работ по системе. В фонде отложились отчеты о работе подразделений системы, ее структурных частей и о состоянии водных путей системы в целом. Имеется обширная переписка по производственной и финансово-хозяйственной деятельности. В ее составе особое место занимает переписка с Управлением государственного речного транспорта Северо-Западного бассейна об уровне горизонта воды по системе (1926 г.), порядке лесосплава, общем состоянии системы и о порядке расчистки искусственных каналов и проведении дноуглубительных работ. В письмах также отражена работа изыскательской партии (1930 г.). Переписка с местными органами власти касается вопросов сплава леса по системе. Также отложилось переписка о приобретении для нужд системы фотографического аппарата (1926 г.). Сохранился в фонде доклад о состоянии системы за 1920–1921 годы, в период, когда система восстанавливалась после освобождения Лепеля и его окрестностей от польской оккупации. Другие доклады, сохранившиеся в делах фонда, касаются отдельных вопросов деятельности системы, функционирования отдела пути, а также содержат данные о проблемах в работе со шлюзами и ледорезами. Кроме того, на архивное хранение отложились самостоятельные дела о техническом состоянии искусственно созданных участков системы. Также имеются описи производственных работ по постройке и ремонту судов, барказов и инвентаризационные описи сооружений и недвижимого имущества системы. Наиболее полное описание системы представлено в приемо-сдаточных актах от 20 марта 1920 года и 20 апреля 1927 года, к которым прилагались описания и перечни материальных ресурсов Березинского техучастка. Также имеются приказы Управления государственного речного транспорта Северо-Западного бассейна за 1923 годс перечислением судов и инвентаря системы. За 1925 год отложились инвентарные книги Чашникского канала. Сотрудниками системы проводился ежегодный анализ состояния водных путей, описывались различные препятствия, тормозившие проход судов и плотов. Результаты проведения анализа и перечни мероприятий, направленных на устранение недостатков, отражались в отчетных документах и формировались в отдельные дела. Так же в особые дела формировались данные о работе водомерных постов.

За 1926 г. имеется дело о переводе управления Витебского линейного участка из г. Витебска в г. Лепель.

Также обнаружены схемы и чертежи системы с указанием расположения гидротехнических сооружений и направлением течения воды. Данные документы были предназначены для регистрации права собственности Березинского технического участка на водную территорию, жилые здания и хозяйственные постройки и прилегающие к ним земельные участки.

Часть документов раскрывает деятельность системы по проведению ремонтных работ и реконструкции сооружений. Сохранились сметы капитального ремонта системы в целом и текущего ремонта по восстановлению надводной части шлюза на Чашникском канале и переходного моста Веревского канала, подъемного моста на Сергучском канале (1921 г.), перестройке ворот в нижнем устье шлюзов (1922 г.); имеются дела о капитальном ремонте шлюзов № 13 и 14 (1921–1922 годы), надводной части водоспуска в левой дамбе 1-го Лепельского канала; по постройке ледорезов на реке Западная Двина (1922–1923 гг.), новых мостов и надводных переходов и др. Наиболее информативным по содержанию является дело по ремонту гидротехнических сооружений Сергучского канала (1923 г.). В документах содержатся сведения об основном материале, использовавшемся для строительства (дерево), описывается принцип действия шлюзов и раскрываются основные приемы функционирования системы.

Сохранился комплекс документов о получении системой финансовой прибыли от сдачи в аренду земельных участков, зданий и мостов и от судоходных сборов. Также имеются материалы о борьбе с нарушителями безопасности на водных путях и привлечении их к административной ответственности.

Отложились в фонде материалы о противопожарных мероприятиях, об охране судов в период зимнего отстоя; статистические данные о судоходстве и сплаве плотов. Имеются дела с техническим описанием товаро-пассажирского парохода «Велиса» (1924 г.), колесного парового катера «Первый» (1929 г.).

Второй комплекс документов – это документы по личному составу: требовательные ведомости на выплату заработной платы, списки, удостоверения и личные дела сотрудников. Сохранились два дела о прохождении практики на Соединительном канале студентами Политехнического техникума, командированных Управлением государственного речного транспорта Северо-Западного бассейна (1923 год). К этому же комплексу могут быть отнесены дела о продовольственном обеспечении сотрудников, книги учета сверхурочных работ. Деятельность системы в них отражена опосредованно и наиболее значимая информация касается объемов проводимых работ и уровня профессионального мастерства работников системы.

Третий комплекс документов представляет собой совокупность бухгалтерской учетной и отчетной документации и включает годовые и ежемесячные финансовые отчеты, сводные ведомости фактических расходов; оперативные сведения об израсходовании денежных средств, номенклатуру сметных расходов и учетные регистры, оборотные ведомости; документы о выполнении договорных работ, акты выполненных работ, ревизий и обследований системы. Данный комплекс способен оказать помощь в изучении объемов финансирования для поддержания системы в рабочем состоянии, определить степень ее рентабельности.

Таким образом, комплекс документов фонда № 411 «Березинский технический участок Управления государственного речного транспорта Северо-Западного бассейна» окажет существенную помощь в изучении истории системы за период с 1918 по 1931 год. Среди прочего документы позволяют сделать вывод о том, что Березинская водная система являлась гармоничным соединением естественных природных ресурсов и итогов деятельности человечества. Наличие системы не только не нанесло ущерб природе, но и способствовало развитию природных комплексов. Поэтому ее использование продолжается и в настоящий момент. Именно благодаря восстановленным плотинам Березинской водной системы поддерживается уровень воды в озерах Плавно, Манец и Ольшица. С их помощью Березинский заповедник во время весеннего паводка осуществляет регулирование уровня воды в озерах, проход рыбы на нерест, предотвращает затопление прилегающих территорий[4]. Кроме того, в каналах, реках и озерах системы обитают уникальные представители флоры и фауны, строят свои хатки бобры.

Кроме того, информация из архивных документов позволяет получить сведения о работах системы, дать оценку уровню их профессиональной подготовке.

Также многочисленные отчетные документы, сметы капитального и текущего ремонтов, переписка и регистрационные документы помогают восстановить внешний вид системы и ее сооружений, что дает возможность воссоздать внешний вид системы с изготовлением полного макета всего пути и провести сравнительную характеристику исторического вида и нынешнего ее состояния.

1. Учреждение «Государственный архив Витебской области» (далее – ГАВО). – Ф. 411 «Березинский технический участок Управления государственного речного транспорта Северо-Западного бассейна» (далее – Ф. 411). Оп.1. Д. 14.
2. История Березинского биосферного заповедника: путь длиною в 90 лет (1925–2015) : сборник документов / сост. Т. В. Буевич. – Минск : Медисонт, 2015. – 432 с.
3. ГАВО. – Ф. 411.– Историко-архивная справка к фонду.
4. Сайт «Березинский биосферный заповедник». Березинская водная система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.berezinsky.by/priroda/berezinskaya-vodnaya-sistema/index.php?sphrase_id=348. Дата доступа: 01.12.2018.

Бондарева Е.М.

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ВЕТЕРИНАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, ХРАНЯЩИЕСЯ В УЧРЕЖДЕНИИ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ»

Витебская ордена ”Знак Почета” государственная академия ветеринарной медицины является единственным высшим учебным заведением в Республике Беларусь, дающим ветеринарное образование. Академия ветеринарной медицины была образована в 1994 году путем реорганизации ветеринарного института, открытого в ноябре 1924 года [5, л. 107]. В текущем году исполнится 95 лет со дня открытия учебного заведения, а через пять лет он отпразднует свой 100-летний юбилей. В этой связи история создания ветеринарного института и ветеринарного образования в целом является актуальной темой.

В учреждении «Государственный архив Витебской области» хранится ряд фондов, представляющих интерес для изучения ветеринарного образования на Витебщине.

В первую очередь, это объединенный архивный фонд № 173 «Витебская ордена ”Знак Почета” государственная академия ветеринарной медицины Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь и ее подведомственные учреждения». В фонде на 1 января 2019 года насчитывается 2 476 дел. Среди них: приказы ректора института по основной деятельности, протоколы заседаний ректората, ученого и специального советов, кафедр, учебно-плановых комиссий, методических совещаний и научных конференций, учебные планы занятий, отчеты об учебно-методической работе, личные дела, списки студентов и преподавателей и другие документы. Хронологический период документов, хранящихся в фонде: 1918, 1919, 1924–1939, 1945–1999 годы. Наличие в фонде документов за 1918–1919 годы объясняется тем, что в составе дел имеются личные документы студентов (выписки из метрических книг, удостоверения и другие).

Большой интерес представляет хранящийся в составе архивного фонда доклад первого ректора ветеринарного института Евгения Филипповича Алонова о создании в г. Витебске высшего ветеринарного учебного заведения (опись № 2, дело № 1). Из документа можно узнать, что первые шаги по созданию ветеринарного института были предприняты Е.Ф. Алоновым еще в 1915 году, который на тот момент работал заведующим ветеринарным отделом Витебского губисполкома, но события Первой мировой войны и экономический кризис не позволили воплотиться задуманному [7, л. 7 об]. В очередной раз Евгений Филиппович вернулся к вопросу организации ветеринарного учебного заведения в 1919 году, о чем свидетельствует копия заседания коллегии ветеринарного отдела Витебского губисполкома от 24 января 1919 года [7, л. 1]. По мнению Евгения Алонова Витебск как нельзя лучше подходил для создания ветеринарного института по многим причинам. Среди них: удобное географическое положение города; достигнутые успехи в скотоводстве; организация систематических курсов по ветеринарному просвещению; наличие научной базы в виде ветеринарно-бактериологической лаборатории по изготовлению прививочных препаратов для сельскохозяйственных животных и ветеринарно-зоологического музея [7, л. 1]. Однако, и на этот раз идея создания ветеринарного вуза не нашла поддержки в Народном комиссариате просвещения РСФСР [7, л. 7–8].

В третий раз вопрос об организации в г. Витебске ветеринарного института был поднят Е.Ф. Алоновым в 1924 году после присоединения Витебского округа к БССР и назначения его на должность начальника ветеринарного управления Народного комиссариата земледелия БССР. Эта инициатива была одобрена Центральным комитетом КП(б)Б и Центральным правлением профсоюза работников медико-санитарного дела БССР [7, л. 8].

Вопросы организации ветеринарного института были обсуждены на заседании Совета Народных Комиссаров (СНК) БССР 6 августа 1924 года [6, л. 1]. Окончательное решение об открытии в г. Витебске Белорусского государственного ветеринарного института было принято постановлением Президиума Центрального Исполнительного Комитета БССР 4 ноября 1924 года. Торжественное открытие института состоялось 8 ноября 1924 года [5, л. 107].

Белорусский государственный ветеринарный институт был создан на базе ликвидированного в соответствии с постановлением СНК БССР от 6 августа 1924 года Витебского сельскохозяйственного техникума имени В.И. Ленина и его учебно-вспомогательных учреждений и предприятий [6, л. 1].

В этой связи интерес для изучения создания ветеринарного института представляют документы Витебского сельскохозяйственного техникума имени В.И. Ленина, хранящиеся в составе объединенного архивного фонда № 44 «Учреждения сельскохозяйственного образования и сельскохозяйственные учебно-вспомогательные учреждения и предприятия, действовавшие в г. Витебске в 1919–1924 годах». В составе фонда на 1 января 2019 года хранится 287 дел за 1919–1926 годы. Это протоколы заседаний правления, президиума, совета техникума, общих собраний студентов, учебные планы, программы-конспекты лекций, отчеты о работе, анкеты, списки студентов и преподавателей, личные дела студентов, а также документы о работе учебного советского хозяйства «Журжево», естественноисторического музея. В документах фонда содержатся сведения о таких выдающихся ученых как Клавдий Иванович Тихомиров – известный педагог, историк и краевед, председатель правления Витебской ученой архивной комиссии, первый директор Витебского учительского института; Евгений Филиппович Алонов – основатель и первый ректор Белорусского государственного ветеринарного института, профессор, Герой труда; Владимир Владимирович Адамов – ботаник, основатель Большелетчанского ботанического сада.

Наличие в фонде документов за 1925–1926 годы объясняется тем фактом, что ликвидационный период техникума длился до марта 1926 года [4, л. 9].

Витебский сельскохозяйственный техникум, образованный решением коллегии отдела народного образования Витебского губисполкома 20 сентября 1920 года, имел прекрасную материально-техническую базу [1, л. 5]. Постановлением СНК РСФСР от 4 октября 1921 года в ведение техникума было передано одно из лучших зданий в городе – здание бывшего Крестьянского поземельного банка, построенное в 1917 году, ныне являющееся главным корпусом академии ветеринарной медицины [2, л. 82]. В этой связи интерес для изучения истории здания представляют акты осмотра здания бывшего банка за июль – октябрь 1921 года, акт приема-передачи от 02.12.1921 (опись № 1, дело № 18).

Из архивных документов можно узнать, что здание было оснащено центральным водяным отоплением, системой вентиляции, собственной электростанцией для выработки электричества. Вокруг здания имелась большая площадь земли, хозяйственные постройки, которые использовались для учебных целей.

В ведение техникума находились уникальные учебно-вспомогательные учреждения и предприятия: Авдеевичское опытное учебно-показательное лесничество, учебный совхоз «Журжево» с учебно-показательной фермой, естественноисторический музей, мастерская по изготовлению наглядных пособий, учебно-показательный сад [3, л. 5, 6].

В процессе ликвидации техникума его имущество и практически все учебно-вспомогательные учреждения и предприятия были переданы для организации ветеринарного института [6, л. 1].

Малоизвестен тот факт, что в Витебске в 1953–1960 годах действовал Витебский ветеринарный техникум. В этой связи представляют интерес для изучения документы объединенного архивного фонда № 1329 «Витебский ветеринарный техникум Министерства сельского хозяйства БССР и его учебно-опытное хозяйство». В составе фонда на 1 января 2019 года насчитывается 73 дела за 1935–1937, 1945–1957 годы. Это приказы директора техникума по основной деятельности, протоколы заседаний педагогического совета, методической комиссии по специальным предметам, учебные программы, статистические отчеты, а также документы о деятельности учебных хозяйств «Мазолово» и «Новый путь».

Витебский ветеринарный техникум был образован на базе Витебского сельскохозяйственного техникума, созданного в 1932 году [9, л. 705]. Техникум действовал до начала немецко-

фашистской оккупации Витебской области в июне 1941 года [9, л. 570]. Возобновил свою деятельность в соответствии с постановлением СНК БССР от 11.04.1945 № 454 «О возобновлении деятельности Витебского сельскохозяйственного техникума Наркомзема БССР» [11, л. 218].

Техникум с момента образования и после окончания Великой Отечественной войны располагался по адресу: г. Витебск, пл. Свободы, 2, в здании бывшего епархиального управления (так называемый «архиерейский дом») – памятнике архитектуры XV века [10, л. 136]. В здании находились: учебный корпус, общежитие студентов и квартиры преподавателей.

Постановлением Центрального комитета КПБ и Совета Министров БССР от 02.07.1960 № 389 «О сети сельскохозяйственных техникумов республики» Витебский ветеринарный техникум был переименован в Бигосовский зооветеринарный техникум и стал располагаться в д. Опытная Бигосовского сельского Совета Дриссенского района (ныне Верхнедвинского района) Витебской области. Бигосовский зооветеринарный техникум функционировал до 1970 года, а затем был присоединен к Лужеснянскому сельскохозяйственному техникуму (ныне аграрный колледж учреждения образования «Витебская ордена "Знак Почета" государственная академия ветеринарной медицины»).

Документы Лужеснянского сельскохозяйственного техникума, одного из старейших сельскохозяйственных учебных заведений Витебщины, хранятся в учреждении «Государственный архив Витебской области» в составе архивного фонда № 1346 «Лужеснянский сельскохозяйственный техникум Министерства земледелия БССР». На 1 января 2019 года в фонде насчитывается 340 дел, среди которых штатные расписания; протоколы заседаний учительского, педагогического советов, методической комиссии, общих собраний учащихся; учебные планы и программы; отчеты о работе техникума; личные дела, удостоверения сотрудников; списки учащихся и другие документы за 1918–1933, 1946–1968 годы.

Помимо документов учреждений, организации и предприятий в учреждении «Государственный архив Витебской области» хранятся личные фонды. Востребованными при изучении истории ветеринарного образования являются документы личного фонда № 986 «Жаков Михаил Степанович – действительный член Международной Академии наук высшей школы, Академии образования Республики Беларусь и Академии аграрного образования Российской Федерации». На 1 января 2019 года в фонде хранится 101 дело за 1928–1997 годы.

Жаков Михаил Степанович (13.10.1928 – 16.11.2002) окончил Казанский ветеринарный институт им. К.И. Баумана (1951 год), аспирантуру при кафедре патологической анатомии Казанского ветеринарного института им. К.И. Баумана (1954 год). С 1954 года его трудовая биография была связана с Витебским ветеринарным институтом, где он работал ассистентом, а затем доцентом кафедры патологической анатомии и гистологии. С 1968 года по 1995 год являлся ректором Витебского ветеринарного института [8, л. 3–6].

Среди документов личного фонда Жаков Михаила Степановича имеются: диссертации на соискание ученой степени кандидата, доктора ветеринарных наук, тезисы докладов, авторефераты, научные доклады, методические указания и учебные пособия для студентов. Интерес представляют статьи, выступления, посвященные 50-летию и 60-летию ветеринарного института, история кафедры патологической анатомии и гистологии, документы о подготовке и проведения празднования 50-летия ветеринарного института, фотоальбом, посвященный 50-летию ветеринарного института и другие документы.

Таким образом, учреждение «Государственный архив Витебской области» располагает значительным для изучения истории ветеринарного образования на Витебщине комплексом документов.

1. Учреждение «Государственный архив Витебской области» (ГАВО). – Ф. 44. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАВО. – Ф. 44. Оп. 1. Д. 18.
3. ГАВО. – Ф. 44. Оп. 1. Д. 80.
4. ГАВО. – Ф. 44. Оп. 1. Д. 101.
5. ГАВО. – Ф. 173. Оп. 1. Д. 2.
6. ГАВО. – Ф. 173. Оп. 1. Д. 8.
7. ГАВО. – Ф. 173. Оп. 2. Д. 1.
8. ГАВО. – Ф. 986. Оп. 1.
9. ГАВО. – Ф. 1329. Оп. 1. Д. 5.
10. ГАВО. – Ф. 1329. Оп. 2. Д. 40.
11. ГАВО. – Ф. 1966. Оп. 8. Д. 14.

Генина Ю.А.
АРХИВ ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА РЕЙХСЛЯЙТЕРА РОЗЕНБЕРГА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЦГА УКРАИНЫ)

Во время Второй мировой войны одной из целей Германии, наряду с успехами в военных операциях, была максимально “эффективная” эксплуатация оккупированных стран, в том числе, вывоз историко-культурных ценностей с захваченных территорий. Осуществлять политику нацистов в данном направлении был призван Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга (далее – ОШР, штаб). Архив Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга (1940–1945) в последние десятилетия является объектом пристального изучения со стороны исследователей из разных стран, о чем свидетельствует значительное количество публикаций по данной тематике. Вместе с тем, имеющийся документальный массив не только отображает деятельность штаба по исследованию, учету, описанию, конфискации и вывозу культурных ценностей, но и проливает свет на идеологическую составляющую деятельности ОШР на оккупированных территориях, связанную с антибольшевистской и антисемитской пропагандой, а также деятельность научных и образовательных учреждений на оккупированных территориях.

Вместе с тем, исследователи отмечают определенные трудности, возникающие при работе с документальным массивом Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга. Во-первых, это распродолченность архива ОШР по 29 хранилищам в 8 странах Европы и в США. Основные части архива находятся в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления в Украине, Национальном архиве ФРГ в Берлине и Российском государственном военном архиве в Москве. По существующим оценкам украинская часть архива самая большая по объему имеющихся документов, именно она послужила источниковой базой данной статьи. Второй по объему массив находится в Германии и включает фонды NS 30 (Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg, 1917–1945) и NS 8 (Kanzlei Rosenberg, 1918–1945), третий – в Российском государственном военном архиве в Москве (фонд 1401к).

Во-вторых, усложняет работу большинства отечественных исследователей с имеющимися источниками язык документов – немецкий, исключение составляют несколько авторских работ советских граждан, статистические и отчетные данные о состоянии библиотек и архивов и объеме их фондов, предоставленные сотрудниками этих учреждений, а также несколько инструкций для местных сотрудников по подготовке обзорных работ. Как правило, в деле русскоязычные документы сопровождаются соответствующими копиями на немецком языке. И в-третьих, существует предположение, что около 50 % документов ОШР вовсе были безвозвратно утеряны во время Второй мировой войны. Таким образом, разрозненность и отсутствие систематизации имеющихся документов делают проблематичным процесс воссоздания полной картины перемещения историко-культурных ценностей.

Отметим, что в настоящее время отсутствуют исследования, содержащие комплексный анализ деятельности штаба на территории Беларуси во время Второй мировой войны. Анализ документов, хранящихся в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины, на наш взгляд, призван пробудить интерес к данной теме и послужить прологом будущих исследований. Отметим, что это один из самых крупных и информативных документальных массивов, освещающих нацистскую политику и деятельность по конфискации и вывозу ценностей с оккупированных территорий. Названная часть архива была сканирована и представлена на сайте указанного архива с автоматизированными поисковыми возможностями на базе аннотированных описаний дел, а также указателей организаций, имен и географических названий. Описания и указатели составлены Н. Кашеваровой и Н. Малолетовой и опубликованы [2].

Весомый вклад в дело облегчения доступа к документам штаба, формирование перспективы их всестороннего изучения и введения в научное обращение, внесла американская исследовательница Патриция Кеннеди Гриммстед. Именно она инициировала поиски разрозненных документов штаба и всесторонне способствовала развитию международного проекта по оцифровке документов, начатого в 2005 году, результатом которого стало размещение в открытом доступе в сети Интернет двух вышеупомянутых крупнейших частей архивного документального массива штаба (украинская и немецкая части).

Так, киевскую часть архива ОШР составляют документы из трех фондов: 1) фонд 3676 «Штаб имперского руководителя Розенберга для оккупированных восточных областей»; 2) фонд 3674 «Штаб имперского руководителя Розенберга для оккупированных западных областей и Нидерландов»; 3) фонд 3206 «Рейхскомиссариат Украина» [3].

Архив Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга включает текущую документацию всех его подразделений, таких как главные рабочие группы, рабочие группы, зондеркоманды, зондерштабы, в том числе многочисленных отделов Управления штаба. Вопрос классификации и систематизации имеющихся материалов тесно связан со структурой штаба и направлениями его деятельности, что нашло непосредственное отражение в составе и содержании групп документов.

Так, одна из важнейших групп – документы, раскрывающие процесс создания, организации, принципы работы Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга и его полномочия. Это своеобразная документальная база, которая являлась основой деятельности штаба. К ней можно отнести приказы, указания и распоряжения представителей высших органов власти Третьего Рейха, а также методологические и методические материалы. Примером может служить приказ А. Гитлера о передаче всех архивов, библиотек, музеев и других культурно-образовательных учреждений оккупированных областей в распоряжение штаба Розенберга [4].

В то же время отдельную группу составляют документы Управления штаба и его отделов: приказы, директивы, инструкции и прочие инструктивные материалы, детально регламентирующие деятельность структурных подразделений штаба по различным направлениям. Нередко указанные выше материалы представлены в виде публикаций в информационном бюллетене «Распоряжения и сообщения», номера которого можно встретить среди массива документов штаба. Бюллетень был предназначен для информирования сотрудников о деятельности штаба, доведения до их сведения распоряжений из Берлина, а также информации относительно структурных и кадровых изменений, мероприятий и событий различного рода, отношений с представителями органов гражданской власти и военной администрации.

Одна из наиболее информативных в отношении вывезенных ценностей группа – это документы структурных подразделений штаба на оккупированных территориях, таких как главные рабочие группы (далее – ГРГ), рабочие группы (далее – РГ), а также зондеркоманды, зондерштабы (например, отчеты, служебная переписка и др.). Отдельного внимания в данном случае заслуживает документальный массив фонда 3676 «Штаб имперского руководителя (рейхсляйтера) Розенберга для восточных областей», так как именно среди дел данного фонда встречаются документы, проливающие свет на деятельность главных рабочих групп «Остланд» и «Центр», действовавших на территории Беларуси во время Второй мировой войны. ГРГ «Центр» была создана в мае 1943 года на основе рабочей группы «Белоруссия» (до указанного времени входила в состав ГРГ «Остланд»).

Архив также дает возможность ознакомиться с так называемыми «разработками» Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга. Речь идет о научных разведках, статьях, справках аналитического и информационного содержания, созданных по поручению штаба немецкими специалистами или представителями местной интеллигенции на оккупированных территориях. Данные разработки были предназначены для опубликования в немецкой прессе, а также использования в научно-исследовательских учреждениях Третьего Рейха в целях ведения пропаганды против большевизма.

В архиве штаба широко представлены биографические источники, такие как автобиографии, биографии, личные дела сотрудников, листки по учету кадров, анкеты, заявления, командировочные листы, больничные выписки и др. Личные дела, содержащие определенный комплект документов, зачастую значительно отличаются по полноте состава. К этой группе можно отнести также документы, которые не являясь прямыми биографическими источниками, содержат информацию относительно общей реализации кадровой политики и кадрового состава, например, распоряжения и приказы отдела кадров.

Помимо различных по составу документов значительный интерес представляют фотоснимки, сделанных сотрудниками штаба на оккупированных территориях [1]. Хронологически они охватывают период с июля 1942 года по июнь 1943 года включительно и содержат информацию об организованных штабом мероприятиях (например, заседание руководителей структур-

ных подразделений штаба в Минске в июне 1943 года, выставка изъятых советских материалов), используемых рабочих помещениях, а также дают представление о текущей работе по перемещению и сортировке изъятых ценностей. Часть фотографий отображает повседневную жизнь населения оккупированных территорий, а также состояние оккупированных городов (Минск, Полоцк, Могилев и др.) и их разрушения, вызванные войной.

На сегодняшний день отсутствие комплексной научной классификации и систематизации архива ОШР по видам документов, их содержанию и хронологии значительно затрудняет работу исследователей. Вместе с тем, для масштабного и полноценного исследования деятельности штаба на оккупированной территории Беларуси необходимо привлечение и научный анализ не только киевской части архива ОШР, но и других его частей, в первую очередь, документов из Федерального архива Германии.

1. Кадры немецких кинофильмов о советских городах // Сайт Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (ЦГА Украины) [Электронный ресурс]. – Фонд 3676. – Оп. 1. – Д. 139. – Режим доступа: <http://err.tsdavo.gov.ua/1/documents/61458832.html>. – Дата доступа: 15.02.2019.
2. Кашеварова, Н. Деятельность Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга в оккупированной Европе в период Второй мировой войны. Справочник-указатель архивных документов из киевских собраний / Н. Кашеварова, Н. Малолетова. – К., 2006. – 578 с. // Сайт Российской государственной библиотеки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003123487>. – Дата доступа: 30.01.2019.
3. Коллекция документов Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга // Сайт Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (ЦГА Украины) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://err.tsdavo.gov.ua/1/stocks/61540088/61540137/61540581.html> – Дата доступа: 11.02.2019.
4. Приказ Гитлера немецко-фашистским вооруженным силам в оккупированных областях о передаче всех архивов, библиотек, музеев и других культурно-образовательных заведений в распоряжение штаба Розенберга // Сайт Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (ЦГА Украины) [Электронный ресурс]. – Фонд 3676. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 3. – Режим доступа: <http://err.tsdavo.gov.ua/1/stocks/60825253/60825620/61105839.html>. – Дата доступа: 11.02.2019.

Сулаев И.Х.

**О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВА
И МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА ДАГЕСТАНА
ПО ДОКУМЕНТАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН (КРАТКИЙ АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ФОНДОВ)**

Россия – страна не только многонациональная, но и поликонфессиональная, поэтому вопрос о взаимоотношениях государственных институтов власти с религиозными организациями и духовенством всегда был важен. Глубоко продуманная и взвешенная религиозная политика, несомненно, будет способствовать не только укреплению духовно-нравственных устоев общества, но и упрочению основ государственности, это станет стабилизирующим фактором социально-политической и духовной обстановки, послужит развитию толерантности различных конфессий. Процесс создания современной модели церковно-государственных отношений, механизма повседневного решения проблем, возникающих в религиозной сфере, на всех уровнях власти пойдёт тем успешнее, чем полнее и объективнее будет учтён исторический опыт.

Долгие годы моих научных исследований посвящены проблемам взаимоотношений институтов государства и мусульманского духовенства Дагестана в 1917–1991 гг. Источниковой базой моих исследований стали документы и материалы, извлечённые из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного военного архива (РГВА) в Москве, Архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Дагестан (Архив ФСБ РФ по РД), Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД), Научного архива Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (НА ИИАЭ ДНЦ РАН) в Махачкале, Сергокалинского районного архива в селении Сергокала Республики Дагестан, Государственного архива Азербайджанской Республики (ГААР) и Государственного архива политических партий и общественных движений Азербайджанской Республики (ГАППОДАР) в городе Баку. Наибольшее ко-

личество документов и материалов (более 800 документов из 38 фондов) нами извлечены из ЦГА РД. Наиболее ценные документы и материалы отложились в фондах: 1-п, 4-р, 8-п, 33-р, 41-р, 168-р, 238-р, 352-р, 564-р, 707-р, 800-р, 1234-р и т. д.

В 1-п фонде «Дагестанский областной комитет РКП(б)–ВКП(б)–КПСС» сосредоточены стенографические отчёты, протоколы и другие материалы областных партийных конференций, пленумов обкома, заседаний бюро и секретариата обкома РКП(б)–ВКП(б)–КПСС, посвящённые антирелигиозной пропаганде, культурному строительству и борьбе с влиянием духовенства; переписка Дагестанского обкома партии с райкомами и горкомами партии, советскими органами власти, центральными партийными и государственными органами. В развёрнутых стенографических отчётах партийных пленумов и конференций, проводимых в конце 1920-х годов, вопрос о духовенстве обсуждался практически всегда, и ему посвящались целые разделы.

В ЦГА РД сохранились папки с документами, связанными с работой религиозных деятелей; доклады местных советских и партийных работников из округов о политической ситуации в Дагестане. Нами в фонде 4-р «Ревком Дагестанской области» выявлены и использованы проекты тезисов и проект постановления к съезду мусульманского духовенства Нагорного Дагестана, намечаемого в конце 1920 г.; доклады и телеграммы председателя Дагревкома и его заместителя на имя Г.К. Орджоникидзе о политическом и экономическом положении в Дагестанской области в мае – июле 1920 г. Надо заметить, что в фондах партийных и советских органов 1920–1930-х гг. заметна антирелигиозная риторика прежде всего руководителей республиканского уровня, нежели руководителей районного и местного уровня.

В фонде 8-п «Материалы комиссии по изучению истории гражданской войны в Дагестане при Дагобкоме ВКП (б)» хранятся документы, собранные и систематизированные комиссией по изучению революции и гражданской войны, созданной в 1931 году по решению бюро Дагобкома ВКП (б). Сюда входят: воспоминания участников революции и гражданской войны, переписка руководителей республики с членами ЦК РКП (б) – ВКП (б) на Северном Кавказе о политическом и экономическом положении в Дагестане в 1920-е гг.; рассекреченные документы Дагестанского ЧК и отделения ОГПУ о политическом положении в округах.

В фонде 33-р «Отдел юстиции Дагревкома. Наркомат юстиции ДАССР» мы обнаружили доклад временно исполняющего обязанности народного комиссара юстиции Дагестанской АССР А. Далгата от 21 марта 1921 года в Наркомост РСФСР, где даётся характеристика шариатским судам; постановление ЦИК и СНК ДАССР о порядке проведения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви; Положения о сельских народных, словесных и шариатских судах; приговоры Революционных трибуналов ДАССР от 6 марта и 27 мая 1921 г. в отношении представителей духовенства, принявших участие в антисоветском восстании 1920–1921 гг.; докладная записка заведующего Отделом народного образования г. Махачкалы Селимханова от 9 марта 1925 года, адресованная Махачкалинскому РК ВКП(б) и РИК, в которой советский чиновник предлагает активизировать борьбу с духовными лицами, ведущими агитацию за увеличение религиозных школ; инструкция к Положению о порядке преподавания мусульманского вероучения в ДАССР от 15 ноября 1925 года; циркуляр НКВД республики, адресованный «всем начальникам окружных (районных) милиций, начальнику Махачкалинской милиции, всем кантонным (районным) организационным комиссиям по вопросу о порядке совершения муллами и кадиями обрядов бракосочетания» от 27 января 1927 года; инструкция Народного комиссариата юстиции и Народного комиссариата земледелия от 10 февраля 1927 г. «О национализации вакфных имуществ»; циркуляр Наркомата юстиции ДАССР от 9 апреля 1930 года о порядке привлечения к ответственности должностных лиц за «искажение директив партии и правительства в вопросах закрытия мечетей»; докладная записка межрайонного прокурора Касумкентского района М. Мурсалова от 5 мая 1930 года, адресованная наркомату юстиции Дагестанской АССР, в связи с восстанием в Южном Дагестане, вспыхнувшим во главе с духовенством; докладная записка прокурора Даргинского округа Омарова прокурору ДАССР от 23 июня 1930 г.; переписка прокуратуры республики с рай – и горисполкомами по поводу расследования нарушений, допущенных должностными лицами в 1930-е гг. во время закрытия молитвенных домов. Материалы силовых и правоохранительных органов государственной власти – ГПУ–ОГПУ, наркоматов внутренних дел и юстиции, прокуратуры, отложившиеся в этом фонде, свидетельствуют об отсутствии у институтов власти ко-

ординации действий и принимаемых решений по вопросам регистрации религиозных объединений и духовенства, закрытия молитвенных домов, конфискации вакфного имущества.

В фонде 37-р «Центральный Исполнительный Комитет ДАССР (ЦИК ДАССР)» нами были изучены постановления Президиума ЦИК Советов ДАССР о регистрации религиозных объединений и групп, инструкции о порядке регистрации и выдаче им разрешений на созыв собраний и совещаний; переписка ЦИК ДАССР с районными и городскими исполкомами Советов и с Дагестанским отделом ОГПУ по религиозным вопросам; распоряжения и переписка ЦИК ДАССР и НКЮ по вопросам судостроительства в республике; переписка прокуратуры республики с наркоматом юстиции и рай – и горисполкомами в 1930-е гг. по фактам нарушений советского законодательства о культах местными органами власти, что привело к привлечению отдельных работников к суду за превышение власти во время антирелигиозных гонений. Большой интерес представляет доклад комиссии ЦИК ДАССР по итогам обследования культуры и быта дагестанских аулов в 1926 году, который содержит ценные сведения об уровне религиозных и светских знаний у служителей мусульманского культа – мулл и кадиев, их мировоззрении и об отношении к советским преобразованиям; статистические данные о количестве мусульманских школ – мектебов и медресе и учащихся в них; материалы о работе представителей духовенства в советских органах власти по совместительству, например, секретарём сельсовета или председателем кресткома, преподавателем в советской школе.

В фонде 41-р «Народный Комиссариат внутренних дел» (НКВД) хранится циркуляр Народного комиссариата труда РСФСР № 99 и отдела нормирования ВЦСПС от 1 декабря 1920 года, разрешающий занимать должности по совместительству; следственное дело, заведённое НКВД на жителя селения Бухты Кази-Кумухского округа Магомеда Ильяс-оглы за участие в антисоветском восстании 1920–1921 гг. под руководством Н. Гоцинского; сведения о религиозных общинах мусульман, легально функционировавших в республике в 1930-е гг.

В фондах 168-р «Совет министров ДАССР» представлены постановления и распоряжения Совета Министров СССР, РСФСР и ДАССР по антирелигиозной политике, принятые в послевоенные десятилетия; отчёты и записки Совета министров ДАССР Совету РК и по делам религий при Совете Министров СССР; отчёты уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР по ДАССР И. Закарьяева о религиозной обстановке в Дагестанской АССР в 1945–46 гг.; постановление Совета министров ДАССР от 25 июля 1961 года № 322 «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», исходящее из постановления Совета министров СССР от 16 марта 1961 года № 263 и занявшее в начале 1960-х гг. в антирелигиозных гонениях духовенства и верующих особое место; постановление СМ ДАССР от 13 мая 1969 года № 231 «О состоянии и мерах по усилению контроля за соблюдением советского законодательства о религиозных культах». Постановление Совета министров ДАССР от 15 сентября 1978 года № 274 «О состоянии и мерах по усилению контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах в республике» потребовало усиления контроля за деятельностью неофициального духовенства. Религиозная политика руководством республики проводилась в соответствии с принятыми Москвой решениями, причём аналогичные постановления правительством республики принимались в очень короткие сроки. В частности, постановление СМ ДАССР от 7 марта 1964 г. № 97а «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов» исходило из постановления СМ РСФСР № 203, принятого 18 февраля 1964 года. Оно обязывало районные и местные исполнительные органы власти применять к духовенству запретительные меры.

Фонд 238-р «Дагестанский Совет Союза воинствующих безбожников» содержит инструкции, планы, протоколы съездов Дагестанского Совета Союза воинствующих безбожников, районных советов СВБ, циркуляры Центрального Совета СВБ СССР республиканским и районным советам СВБ, отчёты о работе районных Советов СВБ и Дагестанского Совета СВБ, списки членов первичных ячеек СВБ и другую официальную документацию.

В фонде р-352 «Верховный Совет ДАССР и его Президиум» отложились статистические сведения о действующих и закрытых молитвенных домах в районах и городах ДАССР, о передаче их для использования под культурно-просветительские и хозяйственные учреждения; переписка Президиума Верховного Совета ДАССР с районными и городскими исполкомами по вопросам религиозных культов за 1938–1942 гг. В фонде хранятся десятки жалоб, заявлений и ходатайств мусульман-

ских общин республики и верующих, добывающихся у республиканских и центральных органов власти защиты своих конституционных прав на свободу совести; решения рай – и горисполкомов 1930-х гг. о закрытии мечетей; ходатайства религиозных объединений и групп о разрешении открыть и зарегистрировать мечети и мусульманские религиозные общины во все инстанции власти. Под заявлениями и жалобами граждан, направленными в 1930-е гг. в адрес властей, подписывались сотни верующих, тогда как в годы «развитого социализма» – 1970–1980-е гг. – только несколько десятков граждан или единицы из самых смелых верующих.

В фонде 564-р «Комиссия по делам культов при Президиуме Центрального исполнительного комитета ДАССР» содержатся протоколы и выписки протоколов заседаний Комиссий по делам культов при ДагЦИК, рай- и городских исполнительных комитетов по религиозным вопросам.

Из фонда 707-р «Канцелярия главного шариатского Духовного управления Дагестанской области» мы использовали приказы муфтия Н. Гоцинского о назначениях на службу членов шариатского правления и сведения о кадровых перестановках в управлении в 1919–1920 гг.

Фонд 800-р «Дагестанский отдел ОГПУ» содержит сводки районных отделов ОГПУ и Дагестанского отдела о политическом положении в округах и районах Дагестанской АССР. В сводках районных уполномоченных ОГПУ отдельной строкой выделялось «мусульманское духовенство и сектантство», которое содержало конкретные сведения о религиозной деятельности представителей духовенства и взаимоотношениях с новой властью. Многие сведения политических сводок о духовенстве тенденциозны, на них отложился отпечаток идеологических пристрастий.

В фонде 1234-р «Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по ДАССР» хранятся ежеквартальные информационные отчёты уполномоченного Совета о религиозном движении в республике за 1945–1991 гг., которые содержат: сведения о самовольно открытых и зарегистрированных молитвенных домах разных конфессий; религиозных объединениях; заявления и ходатайства верующих и духовенства в разные инстанции власти о нарушениях их прав на свободу совести; переписка уполномоченного с Советом РК (ДР) с рай – и горисполкомами, Советом министров ДАССР, правоохранительными органами. В переписке уполномоченного с муфтиятом (ДУМСК) затрагивается широкий круг вопросов: назначение и смещение зарегистрированных кадиев и муэдзинов, их взаимоотношения с властями, проповеди, фетвы, заявления муфтиев и кадиев; стенографические отчёты совещаний и съездов Духовного управления; сведения об исполнительных органах и ревизионных комиссиях зарегистрированных религиозных объединений; материалы комиссий содействия исполкомам Советов депутатов трудящихся по соблюдению советского законодательства о религиозных культах. Изучив материалы этого фонда, мы выявили случаи преследования правоохранительными органами как официального, так и неофициального духовенства, факты их уголовного и административного наказания.

Ценные сведения содержатся и в отчётах рай- и горисполкомов, предоставленных в Совет Министров ДАССР в начале 1960-х – 1980-е гг. Отчёты включали 20 пунктов и охватывали практически все стороны деятельности мусульманского духовенства и зарегистрированных религиозных объединений в целом. В то же время отчёты исполкомов приукрашивали ситуацию и не отражали реального положения в зарегистрированных и незарегистрированных религиозных объединениях и группах, скрывали от вышестоящего начальства реальную картину. Чиновники нередко выдавали желаемое за действительное и давали «наверх» фиктивные цифры. Это, конечно же, понимали и те чиновники, которые читали такие отчёты.

Кепин Д.В.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ МУЗЕЙНОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Во второй половине XX – в начале XXI ст. в науковедении проводятся исследования структурных элементов музеологии. Важнейшей составляющей этой науки является изучение всех аспектов деятельности музеев разного профиля и типа. В этой связи необходимым представляется рассмотрение общих положений музейного источниковедения.

Отметим, что большинство работ исследователей касается анализа музейного источниковедения в музеях гуманитарного профиля [12; 10; 1]. В структуре музееведения профессор А.М. Разгон предложил выделять музейное источниковедение [9].

Спорную позицию относительно целесообразности выделения специального музейного источниковедения занимают Е.А. Воронцова и М.Е. Каулен. Соглашаясь с мыслью А.М. Разгона о необходимости разграничивать задачи музейного источниковедения и исторического источниковедения, в то же время считают, что особого «музейного источниковедения» не существует и поэтому методикой изучения источников должно заниматься историческое источниковедение [2]. Другие исследователи ставят под сомнение вообще возможность существования музейного источниковедения [4].

Цель доклада – рассмотреть специфику музейного источниковедения в контексте деятельности природоведческих музеев Украины.

В Украине функционирует разветвленная музейная сеть. Можно выделить 10 профильных групп: исторические; художественные; искусствоведческие; литературные; архитектурные; естественнонаучные (естественноисторические); технические; отраслевые; комплексные; музей-заповедники под открытым небом. Каждая из названных групп может далее подразделяться в зависимости от специфики своего музейного собрания на типы.

Важно проведение регулярных конференций по естественнонаучной музеологии, на которых обсуждается весь комплекс вопросов, связанных с изучением, сохранением и экспонированием источников как собственно натуральных, так и научно-вспомогательных материалов (натурных макетов, муляжей, диорам, биогрупп). Так, было проведено четыре международных конференции, три из которых при содействии ИКОМ Украины, их материалы опубликованы. Первая научно-практическая конференция «Природнича музеологія: теорія та практика» («Естественнонаучная музеология: теория и практика») (17-18 сентября 2009 г.) проходила в Каменец-Подольском национальном университете имени Ивана Огиенко и Национальном природном парке «Подільські Товтри» («Подольские Товтры»); вторая научно-практическая конференция «Сучасні аспекти природничої музеології» («Современные аспекты естественнонаучной музеологии») (11–13 сентября 2012 г.) проходила на базе Национального научно-природоведческого музея НАН Украины (ННПМ НАНУ) и Каневского природного заповедника Учебно-научного центра «Институт биології» Киевского национального университета имени Тараса Шевченко; третья международная научно-практическая конференция «Практичні аспекти природничої музеології» («Практические аспекты естественнонаучной музеологии») (24–25 октября 2013 г., ННПМ НАНУ); четвертая международная конференция «Природничі музеї та їх роль в освіті і науці» («Природоведческие музеи и их роль в образовании и науке») (27–30 октября 2015 г.) проводилась в ННПМ НАНУ, Геологическом музее геологического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко.

Вопросы естественнонаучной терминологии в контексте музейного источниковедения детально освещены в ряде работ отечественных биологов [5; 11].

В последнее время ряд украинских исследователей выделяет памятниковедение как научную дисциплину. Однако, структура науки рассматривается в контексте изучения объектов культурного наследия [3]. Полагаем, что такой подход суживает задачи этой науки, так как объектами экспонирования в существующих музеях-заповедниках являются не только собственно памятники культурного наследия, в частности архитектуры, археологии, но и объекты естественного неорганического и органического происхождения, без антропогенной составляющей, а также представители современной флоры и фауны. Таким образом, наряду с естественнонаучной музеологией можно говорить и о специфике естественнонаучного памятниковедения (схема 1). В частности, на специфику геологического и палеонтологического музееведения, которые тесно связаны с геологическим и палеонтологическим памятниковедением, указывает доктор геологии и музеологии М.А. Стеванович (Музей Естественной истории, Белград, Сербия) [13; 14].

В отличие от традиционных музеев, где в состав фондов входят объекты – музейные предметы (натуралии/образцы), в природоведческих заповедниках источником выступают памятники природы в естественном ландшафте.

Схема 1. Классификационный фрагмент «Музейное источниковедение»

В структуре природоведческих заповедников разного ранга, как правило, находится стационарное помещение природоведческого музея с соответствующей стационарной экспозицией монографического типа. Например, географы для краеведческих музеев предлагают такую классификацию музейных предметов (типы): вещественные; изобразительные; письменные; кино- и фотоисточники. Музейные предметы (натуралии) рекомендуют рассматривать как разновидность вещественных источников [6]. Несмотря на то, что по своей сути натуралии есть вещественные источники – свидетели происхождения нашей планеты, развития органического мира, по своей специфике изучения, сохранения и экспонирования натуралии должны рассматриваться как отдельная группа источников, что предполагает и ведение специальной документации на разные категории естественнонаучных коллекций.

На территории таких заповедников расположены памятники археологии, в частности каменного века, которые являются или могут стать объектами музейного показа. Это, в свою очередь, предполагает создание комплексной программы по обеспечению сохранности таких памятников.

Границы между типами природоведческих музеев довольно подвижны. Расширяется сфера деятельности разных эколого-просветительских центров, которые можно отнести к учреждениям музейного типа. Они также могут иметь разновидности экспозиции. Перспективным является развитие экомузеев как в природном ландшафте, так и в организованном музейном пространстве. Такие традиционные комплексные музеи как краеведческие могут быть трансформированы в региональные экомузеи. К экомузеям близки и музеи народной архитектуры и быта.

Музейное источниковедение является неотъемлемой частью научно-фондовой, научно-исследовательской и научно-экспозиционной деятельности. Сложность научно-фондовой работы природоведческих музеев также проявляется и в том, что значительная часть натуралий в ходе научного комплектования доставляется в музей в виде сырья и для преобразования их в собственно музейные предметы должны пройти специальную обработку: стадии фиксации и консервации (препарирования).

В природоведческих музеях при работе с аудиторией часто используют учебные коллекции и применяют новые информационные технологии, такие как 3D, что дает возможность построения так называемых «интерактивных» тематических экспозиций. А это, в свою очередь, способствует привлечению широкой аудитории, в частности детей, к познанию природных процессов и явлений [8; 7].

Особенно актуальной для отечественной музеологии является подготовка специальных кадров музеологов – естественников. Существующая ныне профилизация в высших учебных заве-

дениях страны, осуществляющаяся на соответствующих кафедрах музееведения, ориентирована на подготовку будущих специалистов для работы в музеях гуманитарного профиля, прежде всего исторических, художественных, археологических. Поэтому необходимо открытие специализированных кафедр при естественных факультетах университетов по естественнонаучной музеологии и охране природного наследия.

1. Белоусова, Н. А. Музеи высших учебных заведений юга Западной Сибири : монография / Н. А. Белоусова, Л. З. Боголепова. – Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2016. – 415 с.
2. Воронцова, Е. А. Музееведение как научная дисциплина / Е. А. Воронцова, М. Е. Каулен // Музейное дело России. – М. : Изд-во «ВК», 2006. – С. 211–252.
3. Гриффен, Л. О. Пам'яткознавство в системі наук / Л. О. Гриффен, О. М. Титова // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Історія.– 2016. – № 4(131). – С. 9–14.
4. Довжик, І. В. Основи музеєзнавства : Навчальний посібник / І. В. Довжик. – Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2008. – 164 с.
5. Климишин, О. С. Природничка музеологія : навчальний посібник / О. С. Климишин, І. В. Шидловський. – Львів : ЛНУ імені Івана Франка, 2017. – 208 с.
6. Костриця, М. Ю. Шкільна краєзнавчо-туристична робота / М. Ю. Костриця, В. В. Обозний. – Київ : Вища шк., 1995. – 223 с.
7. Мурзинцева, А. «Эксплориум» в геологическом музее / Александра Мурзинцева // Музей. – 2017. – № 12. – С. 36–39.
8. Пичугин, Б. В. Школьные геологические экскурсии : пособие для учителей / Б. В. Пичугин, О. П. Фисуненко. – М. : Просвещение, 1981. – 127 с.
9. Разгон, А. М. Музейное исследование, возможности и границы / А. М. Разгон // Музеи и памятники на культуре. – 1979. – № 1. – С. 2–30.
10. Самарина, Н. Г. Музейное источниковедение: проблемы изучения и преподавания / Н. Г. Самарина // Музеология – музееведение в XXI веке : проблемы изучения и преподавания : материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 14–16 мая 2008 года. – СПб., 2009. – С. 49–63.
11. Червоненко, О. В. Природничі музеї НАН України – сторінки історії та значення у формуванні екоцентричної свідомості суспільства / О. В. Червоненко // XXXVIII Київський Міжнародний симпозиум по науковеденню і історії науки «100-ліття Національної академії наук України : прошле і сучасність» (Добровские чтения) (Київ, 12-13 марта 2018 г.). – Київ : Феніос, 2018. – С. 97–102.
12. Шляхтина, Л. М. Музееведение как фактор оптимизации развития музейного дела / Л. М. Шляхтина, Е. Н. Мастеница // Культурологические исследования в Сибири. – 2009. – № 3 (29). – С. 65–73.
13. Stevanović, M. A. Conservation of Paleontological Heritage in Serbia: from philosophy to practice Serbia / Aleksandra Maran Stevanović // Bulletin of the Natural History Museum. – 2014. – № 7. – P. 7–28.
14. Stevanović, M. A. Actives of the Establishment of Djerdap Geopark (Serbia) and candidature of the area to the UNESCO Global Geopark Network / Aleksandra Maran Stevanović // Bulletin of the Natural History Museum. – 2017. – № 10. – P. 7–28.

Ключарева А.В.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ДОМЕ Л.Н. ТОЛСТОГО В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Проанализировать Первую мировую войну как знаковое событие мировой истории невозможно. Гораздо важнее, используя имеющиеся источники, показать трагедию российского государства, разворачивавшуюся в ходе Первой мировой войны, в том числе и на локальном уровне – через призму конкретных участников военных событий. В их числе представители знаменитого дворянского рода Толстых, члены семьи великого русского писателя Л.Н. Толстого.

К сожалению, круг источников о событиях 1914–1918 гг. в Ясной Поляне ограничен. Тем не менее, яснополянские материалы важны для реконструкции исторических сведений периода Первой мировой войны. В мемориальном фонде музея имеются материалы о событиях этой войны, непосредственно связанные с жизнью членов семьи Л.Н. Толстого. В данной статье мы хотели бы обратить внимание на документальные источники.

Уже через несколько дней после объявления войны многие члены большой толстовской семьи отправились на театр военных действий. Татьяна Львовна Толстая 28 июля 1914 г. отметила в Дневнике: «Все газеты пишут о том, как спокойно пошли русские люди на войну. Брата Мишу взяли в Кирсанов в запасную кавалерию. Саша уехала в Москву на 3-недельный курс сестер милосердия, а оттуда на войну...» [23, с. 155].

На Карпатах вместе с М.Л. Толстым некоторое время находился и И.Л. Толстой, который работал в Красном Кресте, а затем отправился на западный фронт военным корреспондентом газеты «Русское слово».

Непосредственное участие в военных действиях принимали сыновья И.Л. Толстого. В сентябре 1914 г. Софья Николаевна, жена И.Л. Толстого, писала Софье Андреевне о своей семье: «Илья во Львове, может быть и дальше, писем моих не получает... Миша-сын на разведке, как писал один доктор: сражен четырьмя пулями и, вероятно, в плену, так как не был найден 18 августа. Андрей выходит 16 сентября уже в дело. Илья тоже рвется...» [24, с. 104–105].

В фондах Мемориального Дома Л.Н. Толстого хранятся открытые письма, которые являются чрезвычайно важным историческим источником, большой интерес представляет их изобразительная сторона, но, поскольку открытое письмо – это, прежде всего, вид почтовой корреспонденции, оно является источником для реконструкции отношений между людьми на фоне конкретных исторических событий. Поскольку открытые письма уже изучались нами в других статьях, охарактеризуем их кратко.

Это письма Софье Андреевне Толстой от многочисленных внуков и других близких родственников, содержащие поздравления с традиционными семейными праздниками – Рождеством Христовым, Новым Годом, Пасхой, Днем Ангела Софьи Андреевны. Однако, открытки, отправленные в военное время, кроме поздравления содержат и очень ценные комментарии и замечания членов большой толстовской семьи, беспокойство о близких, находящихся на войне, тревогу о ситуации в стране в целом, факты, позволяющие отследить перемещения участников войны. Прочитаем некоторые фразы из этих писем: «Рождество наверно будет скучное без старших братьев, хотя это так и должно быть в военное время» [6], «у нас буде две елки – одна на Молчановке, а другая [в] лазарете, который бабушка устроила» [4], «Андрюша получил 2-го Георгия и теперь офицер» [7], «Андрей написал, что полк переместили на другое место и ожидают боев» [10], «Миша убежал 3-й раз и пока пропал без вести» [3], пожелание Софье Андреевне, «чтобы все близкие твоему сердцу благополучно вернулись с войны» [9], пожелание к Новому Году: «Дай Бог, чтоб он не был такой страшный» [5].

Наиболее ярко характеризует военную эпоху еще одно открытое письмо на имя С.А. Толстой, отправленное уже после революционных событий, о чем свидетельствует проштампованный текст: «Да здравствует революция!» Автограф графитным карандашом неизвестным почерком на бланке художественной почтовой открытки. Адресовано «Графинь/Толстой», не датировано, не подписано. Содержит текст: «Изъ Иркут- солдатъ былъ на могилъ Л.Н.» [8], без марки и почтовых штемпелей. На изобразительной стороне открытки изображен солдат, идущий в атаку.

Особую группу документов представляют собой письма непосредственных участников войны, присланные в Ясную Поляну. В целом, они представляют собой разного рода просьбы и являются выражением огромного доверия, которое испытывали нуждающиеся люди к семье Л.Н. Толстого.

В 1915 г. к С.А. Толстой обратился раненый солдат Дмитрий Миляев, находившийся на лечении в московском городском госпитале № 1765, с просьбой оказать помощь [22].

В сентябре 1916 г. Андрей Львович Толстой получил письмо с Кавказского фронта «из действующей армии от русского защитника» Алексея Тимофеевича Шибардаева. Письмо трогает своей простотой и наивностью: «Здравствуйте Господа Низко я вамъ кланяюсь и желаю отъ Господа Бога добраго здоровья и многія лета пожить вамъ на земли. Будьте настолько любезны. Не будет ли подарочка для руссаго защит. Всемилостивейшее просимъ васъ...белья ножик гимнастерокъ и штановъ пожалуйста» [1].

Нередко русские воины обращались за помощью не для себя лично, а за средствами на воспитание собственных детей. В том же 1916 г. Лев Львович получил письмо от ратника Филиппа Полякова с просьбой помочь «Герою русской армии», выслав 200 рублей на воспитание собственных детей [19].

Особое место в истории Первой мировой войны занимает тема военного плена, источников к ее изучению по-прежнему мало. Одним из тяжелейших, если не самым тяжелым из военных испытаний, был плен. Это явление в условиях Первой мировой войны по своей массовости и степени тяжести не имело аналогов. В Доме Л.Н. Толстого хранится 6 открытых писем рос-

сийских военнопленных, представляющих собой особую группу источников личного происхождения. Вопрос об информативности таких документов является неоднозначным, в связи с тем, что письма пленнх проходили через систему многоступенчатой военной цензуры, в результате их содержательная ценность снижалась. Тем не менее, на наш взгляд письма военнопленных являются незаменимым источником при исследовании событий Первой мировой войны.

В 1916 г. С.А Толстая получила письмо от военнопленного К. Трифиленкова из лагеря Сальтау. В данном случае формуляр содержал минимум данных, а цензура являлась достаточно лояльной. Пленный сообщал, что находится в плену уже 18 месяцев, затем подробно описывает свое трудное положение: «...поддержки неть никакой издому помощи неть надежды были на братиевъ а они служат в армии...» при этом свою просьбу о помощи К. Трифиленков выражает определенно: «...убедительно прошу окажите помощь вышлите сухари...» [13].

Письма, высланные в 1917 г. Отличаются от более ранних по внешнему виду и содержат более подробную информацию. Текст бланков таких открытых писем был напечатан на русском и немецком языках, по верхнему краю указывалось, что это «корреспонденция военнопленных», затем личные данные военнопленного и его местонахождение для возможности обратной связи с ним и отправки посылок.

В 1917 г. на имя С.А. Толстой два открытых письма прислал военнопленный М.С. Музланов [11, 14], находившийся в лагере Альтдам (Altdamm). Одно из этих писем содержит обращение к С.А. Толстой с «сердечным приветом, пожеланием счастья и здоровья». Далее автор ссылается на евангельское учение Христа и отмечает, что «заранее уверен в том, что Вы откликнитесь и съ любовью исполните Геройский долгъ женщины оказать материнскую поддержку...» Содержание конкретной просьбы Музланова неизвестно, потому что вымарано цензурой. Еще одно письмо, отправленное тем же военнопленным, содержит только адрес Музланова, сторона же, предназначенная для письма является чистой.

Военнопленный И. Нарышкин обратился к С.А. Толстой в январе 1917 г. Письмо отправлено из лагеря Альтен-Грабоу (Alten-Grabow). На адресной стороне слева указаны данные отправителя, справа адресата, на обороте непосредственно текст письма. Интересно, что на этом формуляре слева сверху имеется указание на русском языке: «Ясно и большимъ шрифтомъ писать». Письмо содержит просьбу: «...не найдете ли возможнымъ сделать распоряжение выс. Что изъ съестного...» [12], также автор указывает адрес проживания своих родных в Туле.

Два письма на имя С.А. было отправлено из лагеря в Вормсе Л. Ивановым. Одно представляет собой бланк с адресом Иванова, второе является достаточно кратким, содержит просьбу «послать посылочку съестного...» [15, 16]. Интересно, что цензурой вымарана часть даты отправления письма.

Таким образом, можно сделать вывод, что открытые письма военнопленных из фондов Мемориального Дома Л.Н. Толстого представляют большой интерес для исследователей, так как содержат информацию, характеризующую положение русских военнопленных в немецких лагерях Первой мировой войны.

Имеющиеся в фондах документы позволяют также проанализировать тему социальной благотворительности в годы Первой мировой войны. Так, известно, что Софья Андреевна являлась членом Детского комитета оказания помощи беженцам. В Доме Л.Н. Толстого сохранились квитанции об уплате членских взносов в пользу данной организации [17].

Случалось, что за помощью обращались члены семей военнослужащих. Среди документов С.А. Толстой сохранилась записка, написанная рукой С.А.: «Нат. Алексеевна Виноградова/Тула, Жуковская ул.д.№70/ Тула, Пушкинская, д.№63/Алекс. Андр. Цитович/Жена офицера/Обе просятъ ко мне/в компаньонки» [18].

К благотворительности С.А. привлекала и других. Интересным источником является письмо Софьи Андреевны к хозяину мануфактурной фабрики. Она сообщала, что летом 1917 г. в Ясной Поляне работали 7 нанятых девушек и 6 военнопленных, оплачивать работу С.А. должна была ситцем и рубашками для пленнх. «В городе Туле...ситцу не оказалось все, и работницы бунтуютъ и грубо предъявляютъ свои требования. Не найдеть ли возможнымъ администрация фабрики продать мне ситцу сто аршинъ по фабричной цене, за что буду очень благодарна. Деньги внесу немедленно по получении ответа, согласія и счета». К письму

С.А. приложила удостоверение из Ясенковского волостного правления на то, что девицы и пленные действительно работали в экономике Ясной Поляны по 1 октября [21].

Конец 1916 г. – это время, когда военные неудачи сопровождались кризисными явлениями во всех сферах жизни российского общества – экономике, политике, духовной жизни. В конце 1916 г. в 31 губернии была введена хлебная разверстка, которая, как надеялось правительство, должна была дать 711 млн. пудов для армии и города. Иллюстрацией данного мероприятия является имеющееся в Доме Л.Н. Толстого «письмо из Крапивенского земского управления о необходимости поставки для армии по семи пудов озимой ржи с каждой десятины» [20]. Данный документ является иллюстрацией деятельности государственных органов по организации снабжения армии, в том числе с помощью крупных землевладельцев.

Составной частью глубокого экономического кризиса стал кризис финансовый. Еще в первые дни войны был предпринят шаг, сыгравший крупную роль в истории денежного обращения России – приостановлен обмен кредитных билетов на золото. В октябре 1915 г. в связи с острым недостатком разменных металлических монет министерство финансов разработало проект о выпуске в обращение вместо разменных денег марок-денег. Данный проект был утверждён и в конце 1915 г. были выпущены марки-деньги достоинством в 10, 15 и 20 копеек. Для их изготовления использовалось клише почтовых марок юбилейной серии соответствующей стоимости. На обороте печатался герб Российской империи и текст: «Имеет хождение наравне съ разменной серебряной монетой». Марки-деньги имели перфорацию, были отпечатаны типографским способом. В 1916 г. серию дополнили марками мелких номиналов 1, 2 и 3 копейки. На обороте этих знаков, помимо герба, печаталось их достоинство и текст: «Имеет хождение наравне съ медной монетой». В мемориальном фонде яснополянского музея имеются эти любопытные экспонаты 1915 и 1917 гг [2].

Таким образом, предметы, хранящиеся в музее-усадьбе Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» представляют собой значительную источниковедческую базу для исследователей Первой мировой войны, так как представляют собой различные группы документальных источников, с помощью которых можно получить дополнительную информацию по разным аспектам проблематики 1914–1917 гг.

Письма, открытки, квитанции и записки – в полной мере отражают историческую действительность периода Первой мировой войны на уровне локальной истории, войны, в событиях которой принимали участие не только военнослужащие и политики, но и мирное население, находившееся за тысячи километров от линии фронта.

1. МУЯП. – МФ. М-842.
2. МУЯП. – МФ. М-1694/4-16.
3. МУЯП. – МФ. М-2644/21.
4. МУЯП. – МФ. М-2644/49.
5. МУЯП. – МФ. М-2644/57.
6. МУЯП. – МФ. М-2644/85.
7. МУЯП. – МФ. М-2644/92.
8. МУЯП. – МФ. М-2644/96.
9. МУЯП. – МФ. М-2644/104.
10. МУЯП. – МФ. М-2645/58.
11. МУЯП. – МФ. М-4029¹
12. МУЯП. – МФ. М-4032.
13. МУЯП. – МФ. М-4036.
14. МУЯП. – МФ. М-4038/1-2.
15. МУЯП. – МФ. М-4039
16. МУЯП. – МФ. М-4040.
17. МУЯП. – МФ. М-4043/5.
18. МУЯП. – МФ. М-4043/20.
19. МУЯП. – МФ. М-4091/1-2.
20. МУЯП. – МФ. М-4117.
21. МУЯП. – МФ. М-4119.
22. МУЯП. – МФ. М-4151/1-2.
23. Сухотина-Толстая, Т. Л. Дневники. / Т. Л. Сухотина-Толстая. – М. : Современник, 1979. – 559 с.
24. Толстой, И. В. Пути и судьбы: Из семейной хроники. / И.В. Толстой, С.В. Светлана-Толстая. – М. : ИКАР, 1998. – 224 с.

Ерешко А.Е., Ефимова Е.А.
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ФОНДОВ МУЗЕЯ ИСТОРИИ
ДЕТСКОГО ДВИЖЕНИЯ МОСКОВСКОГО ДВОРЦА ПИОНЕРОВ

Музей истории детского движения является структурным подразделением Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения города Москвы «Воробьевы горы». Он ведет свою историю с 1 июня 1962 г. – даты открытия комплекса Московского городского Дворца пионеров и школьников на Ленинских (ныне Воробьевых) горах и создания Кабинета истории Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина в структуре методического отдела [10; 11]. В 1988 г. Кабинет истории был преобразован в Музей истории пионерской организации, в 1991 г. переименованный в Музей истории детского движения. С тех пор Дворец не раз изменил свое название, но музей все годы выполнял свои главные функции – сбор, хранение документов и материалов по истории детского движения, популяризация истории детского движения [1; 2; 3; 4; 5].

Фонды музея составляют более 400 тысяч единиц хранения. Структура фондов музея включает в себя фонды: документально-письменный, технотронный, фотографический (позитивы и негативы), вещевой, изобразительный (последние два подразделяются на несколько тематических коллекций), библиотеку, а также неделимые фонды. За годы существования музея его структура претерпевала изменения в связи с производственной необходимостью [12].

Музейные фонды включают в себя, в частности, тематические собрания: «История пионерской организации», «История скаутинга», «Современные детские организации», «История Московского Дворца пионеров»; также тематические коллекции: Международный детский центр «Артек», Всероссийский детский центр «Орлёнок», «Всесоюзные пионерские слеты», «Детские железные дороги», «Операция "Чукотка"» и др.; персональные фонды, переданные ветеранами детского движения, учеными в области детского движения, родственниками деятелей детского движения и внешкольной работы.

Фонд документально-письменных источников организован по хронологическому принципу. В нем имеются подлинники и копии документов, касающихся детского, пионерского движения, организации работы с детьми, школьной и внешкольной работы, относящихся к разным регионам нашей страны и отражающих деятельность учреждений разных уровней. Значительную ценность представляет коллекция воспоминаний деятелей пионерского движения; в основном это рукописные подлинники (более тысячи), собранные Кабинетом истории пионерской организации в 1960-х – 1970-х гг.

Книжное собрание музея весьма велико и включает издания с начала XX века до современности (несколько десятков тысяч экземпляров). Имеются книги и брошюры по детскому движению, по истории, теории и методике пионерской и комсомольской работы, по внешкольной работе (дополнительному образованию), по педагогике и психологии, по истории России с древнейших времен до наших дней, по краеведению (особенно – по москвоведению), школьные учебники разных лет. Весьма ценны региональные издания внешкольных учреждений (дополнительного образования), Домов и Дворцов пионеров, отражающие их историю и их деятельность. Коллекция периодической печати включает в себя десятки наименований центральных и местных педагогических, пионерских, детских журналов и газет, среди которых «Пионерская правда», «Зорька», «Пионер», «Костер», «Пионерия», «Вожатый», «Барабан», «Дружные ребята», «Народное образование», «Воспитание школьников», «Семья и школа», «Преподавание истории в школе», «Затейник», «Мурзилка», «Веселые картинки», «Юный натуралист», «Юный техник», «Юный краевед», «Юный художник», «До 16 разрешается», «Про-движение», «Скаут-разведчик» и др.

Чрезвычайный интерес представляют материалы вещевого и изобразительного фондов, включающие плакаты, афиши, стенгазеты, рисунки, картины, марки, открытки, конверты, скульптуры, знамена, флаги, галстуки, вымпела, медали, значки, личные вещи деятелей детского движения, пионерская, вожатская, школьная форма и головные уборы разных лет, предметы детского творчества и т.д.

Велика ценность фотографического фонда – за период существования музея собраны и систематизированы материалы о детском движении начиная с конца XIX по настоящее время. И

хотя часть ранних материалов находятся в фотокопиях, но комплексность визуальной информации превышает по данной теме значение даже центральных музеев и архивов. Особняком стоят коллекции негативов Я.Е. Берлина (материалы 1920-х–1960-х гг.) [9], И.И. Гольдберга (материалы 1946–2001 гг.), В.Х. Мариньо (материалы 1966–2018 гг.). Они отражают как парадные детские мероприятия, все виды деятельности детских организаций, так и повседневную жизнь детей за указанные периоды.

Ряд фотоматериалов 1920-х–1960-х гг. при обработке путем дополнительных исследований получила более точные аннотации и описание, были ликвидированы мифы архивостадчиков [8, 9].

Большой интерес представляют неделимые фонды, включающие в себя музейные предметы разных видов: документами, фотографиями, изобразительными материалами, книгами и другими изданиями, вещами. Эти фонды сформированы самими сдатчиками, деятелями пионерского движения, историками, педагогами. Многие из них сдавали материалы в несколько музеев и архивов, и в наш в том числе. Часто эти материалы были получены музеем после кончины сдатчика от его родственников. Наиболее ценными являются подлинные материалы 1920-х – 1950-х гг.; такие имеются, например, в фондах И.Н. Жукова, А.М. Гарусова, Я.Е. Берлина, В.Г. Яковлева, А.И. Гусева, А.Е. Вайнштейн, Л.И. Сосновок, Д.Д. Гунина, В.Я. Игошкина, Т.М. Дарголец, В.В. Струнина, И.Г. Гордина, В.С. Ханчина, Э.С. Соколовой, В.М. Жигунова в фонде отдела игры.

Одним из ведущих направлений научно-исследовательской деятельности музея является изучение истории нашего учреждения, неоднократно изменявшего свое название. Московский городской Дом пионеров и октябрят, открывшийся 80 лет назад, летом 1936 г. в центре Москвы, на Чистых прудах, в послевоенные годы утратил часть своего названия «и октябрят». Переехав в 1962 г. в новое здание на Ленинских горах, он получил звучное название «Московский городской Дворец пионеров и школьников имени 40-летия Всесоюзной пионерской организации», но через несколько лет в официальных документах именован уже не упоминалось. С 1992 г. Дворец носил название Московский городской Дворец детского и юношеского творчества, в 2001 г. переименован в Московский городской Дворец детского (юношеского) творчества; а с 1 сентября 2014 года (после объединения с рядом других образовательных учреждений) стал именоваться в духе современности: Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Воробьевы горы».

В музее материалы по истории нашего учреждения выделены в неделимый фонд Дома-Дворца, организованный по тематико-хронологическому принципу. Фонд включает в себя документы и материалы, фотоматериалы (позитивы), насчитывает более ста тысяч единиц хранения. Эти материалы востребованы не только внутри Дворца, но и другими учреждениями, например, Государственным музеем архитектуры имени А.В. Щусева.

Фонды музея ежегодно активно используются исследователями истории детского движения, истории педагогики, кинематографистами, журналистами. Немалую исследовательскую работу ведут сотрудники музея. С 2005 г. по настоящее время сотрудниками музея издано более 500 публикаций, многие из них основаны на документах и материалах музея. Музей стал инициатором серии изданий о Доме-Дворце пионеров и его сотрудниках; на основе музейных материалов разрабатывается проект «Бессмертный полк Дворца». Среди изданий последних лет книги «От Дома пионеров на Стопани – к Дворцу на Ленинских горах», «Пионерия: прошлое и настоящее», «Песня в наследство. К 100-летию В.С. Локтева», «Город детства на Воробьевых горах» и др.

1. Александрова, Н. А. Выставочная деятельность Музея истории детского движения / Н. А. Александрова // Патриотическое воспитание детей и молодежи средствами музейной педагогики. Сборник методических материалов по развитию музейной работы в образовательных организациях субъектов Российской Федерации / сост. В. А. Березина, А. Н. Бубнова ; под общ. ред. В. А. Березиной. – М. : АНО «ЦНПРО», 2015. – С. 138–143.
2. Александрова, Н. А. Музей истории детского движения – хранилище документов по истории детских организаций и объединений / Н. А. Александрова // Наследие и развитие детского движения: Сборник тезисов конференции руководителей и исследователей детского движения 1-4 ноября 2009 г. в рамках проекта Стратегии государственной молодежной политики Российской Федерации «Команда» в г. Москве / редактор-составитель Н.С. Зотова, научный редактор С.В. Тетерский. – М. : ИД ДИМСИ, 2009. – С. 15–19.
3. Александрова, Н. А. Музей истории детского движения / Н. А. Александрова // Детское движение. Словарь-справочник. – 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и ред.: Т. В. Трухачева, А. Г. Кирпичник. – М. : Ассоциация исследователей детского движения. 2005. – С. 168–169.

4. Александрова, Н. А. Музей истории детского движения / Н. А. Александрова // Педагогическое наследие Московского Дворца пионеров / Ресурсный научно-методический центр непрерывного образования ГБПОУ «Воробьёвы горы». – М., 2017. – С. 27–33.
5. Александрова, Н. А. Музей истории детского движения на Воробьёвых горах в Москве // Н. А. Александрова // Кучин, В. Л. Скауты России. 1909–2007. История. Документы. Свидетельства. Воспоминания / В.Л. Кучин. – М. : Минувшее, 2008. – С. 581–582.
6. Александрова, Н. А. Популяризация фондов Музея истории детского движения через выставочную деятельность / Н. А. Александрова, А. Е. Ерешко, Е. А. Ефимова // Музей в образовательной организации: Тематический сборник материалов Всероссийских заочных научно-практических конференций 2018 года. – М. : Педагогическое общество России, 2018. – С. 6–11.
7. Александрова, Н.А. Краеведческие аспекты деятельности музея детского движения Московского городского Дворца детского (юношеского) творчества (к 50-летию начала работы) / Н. А. Александрова, Е. А. Ефимова // Всероссийская научно-практическая конференция «Краеведение как феномен провинциальной культуры», посвященная 125-летию со дня рождения Андрея Федоровича Палашенкова. (1886–1971) (Омск, 27–29 окт. 2011 г.) / Сибир. филиал Рос. ин-та культурологии и др. ; под ред. П. П. Вибе, А. А. Кильдошовой, Е. М. Бежан, О. А. Безродной. – Омск: ОГИК музеев, 2011. – С. 600–604.
8. Ерешко, А. Е. Проблемы описания фотографий (на примере фотографий 1930-х гг. из фондов Музея истории детского движения) / А. Е. Ерешко // Научно-исследовательская работа в музее. Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 3–4 апреля 2015 г.) / научн. ред. и сост. Н. И. Решетников, И. Б. Хмельницкая. – М. : Экон-Информ, 2016. – С.188–195.
9. Ерешко, А.Е. Обзор фотоматериалов по архитектуре и строительству в Артеке в фондах Музея истории детского движения (1920–1930-е гг.) / А.Е. Ерешко, Е.А. Ефимова, А.В. Чернышов // Актуальные проблемы источниковедения. Материалы III Международной научно-практической конференции. Витебск, 8–9 октября 2015 г. / Витебский гос.ун-т ; редкол. А.Н. Дулов и М.Ф. Румянцева (отв.ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2015. – С.288–291.
10. Игошкин, В. Я. Кабинет истории пионерии / В. Я. Игошкин // Народное образование. – 1972. – № 8.
11. Игошкин, В.Я. Скоро откроется музей пионерской организации / В. Я. Игошкин, Н. С. Галадж // Вожатый. – 1967. – № 3. – С. 26–27.
12. Лебедева, Л. В. Обзор фондов Кабинета истории Всесоюзной пионерской организации при Московском городском Дворце пионеров и школьников / Л. В. Лебедева // Источниковедение истории ВЛКСМ: Научные сообщения / Научная конференция «Актуальные проблемы источниковедения истории ВЛКСМ». – М. : ВКШ, 1976. – С.49–52.

**Комаровский Е.А., Котельницкий Н.А.
ЛИЧНАЯ ПЕЧАТЬ М.И. ПЕТРУНКЕВИЧА.
К ИСТОРИИ НАХОДКИ СФРАГИСТИЧЕСКОГО АРТЕФАКТА**

Печать известного политического деятеля и либерала Михаила Ивановича Петрункевича (1869–1942) была обнаружена Н.А. Котельницким, исследователем жизни и деятельности в Черниговской губернии отца М.И. Петрункевича, ещё более крупного политика и известного лидера земского либерального движения Ивана Ильича Петрункевича (1843–1928).

В ходе переписки Н.А. Котельницкого с правнуком И.И. Петрункевича по материнской линии Николаем Андреевичем Шлиппенбахом (1928–2010) удалось узнать, что последний хранит личную печать своего деда, М.И. Петрункевича.

На имеющемся в нашем распоряжении небольшого размера круглом сургучном оттиске с ровным чётким краем (33 мм. в диаметре) изображён французский щит, увенчанный прямым решетчатым шлемом под дворянской короной. В нашлемнике выходящая армированная десница, держащая изогнутую саблю. Изящный намёт обрамляет композицию. Казалось бы, перед нами родовой дворянский герб. Однако на щите вместо гербовой композиции – переплетённые буквы, отдалённо напоминающие вензель Императора Петра Великого. Под щитом хорошо читается расположенная полукругом надпись: «МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЬ ПЕТРУНКЕВИЧЬ».

Печать досталась Н.А. Шлиппенбаху после смерти его деда, умершего от голода в дни блокады Ленинграда, вместе с остатками личных вещей и мебели, уцелевшими благодаря их перемещению в подвал жилого дома. [1, лл. 1–1об.].

Как и его отец, до февраля 1917 г. М.И. Петрункевич являлся ярким политиком, представителем тверского либерального дворянства, многократно избирался предводителем дворянства Новоторжского уезда Тверской губернии, несколько избирательных каденций возглавлял Но-

второжскую уездную земскую управу, был организатором и попечителем земских кредитных учреждений в Тверской губернии для нужд крестьянских хозяйств.

По словам Н.А. Шлиппенбаха, печать М.И. Петрункевич использовал при почтовой пересылке деловой документации и для частной корреспонденции. Логично, что личная печать при таких должностях и широком спектре деятельности подтверждала статусность переписки М.И. Петрункевича.

В письмах Н.А. Шлиппенбах изложил известные ему сведения о печати, предположив, что наличие на ней дворянских геральдических атрибутов может быть частью фамильного герба династии Петрункевичей [2, л. 1]. Однако нам пока не удалось найти изображение герба рода Петрункевичей, что, очевидно, обусловлено тем, что Петрункевичи относились к мелкому дворянству, а потому могли не иметь утвержденного или самобытного герба.

В данной связи можно констатировать, что исследуемый оттиск печати с монограммой, помещенной в дворянскую гербовую композицию, является личным персонифицированным знаком М.И. Петрункевича (об этом свидетельствует полное имя владельца под гербовой композицией). Однако вопрос с монограммой и её расшифровкой остаётся открытым.

Вообще, различного ранга титульные короны и геральдические композиции весьма часто использовались в быту: их помещали на фамильное серебро или фарфор, на визитные карточки или личные печати. Короны являлись неотъемлемым атрибутом широко использовавшихся дворянских персональных монограмм, если у того или иного дворянского рода не было герба.

Добавим, что подобного рода печати с дворянскими монограммами не являются большой редкостью. Однако возможность установить владельца такой печати, а тем более факт того, что её владелец весьма неординарная и значимая фигура в отечественной истории, делают подобного рода артефакты весьма ценными историческими памятниками и источниками для различного рода исследований, в том числе и с точки зрения вспомогательных исторических дисциплин.

1. Личный архив Н.А. Котельницкого. Письмо Н.А. Шлиппенбаха к Н.А. Котельницкому от 05.12.2008 г. Сестрорецк.
2. Личный архив Н.А. Котельницкого. Письмо Н.А. Шлиппенбаха к Н.А. Котельницкому от 10.09.2008 г. Сестрорецк.

Здасюк Н.М.
КАТАЛОГИЗАЦИЯ КОЛЛЕКЦИЙ МУЗЕЯМИ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Музеи существуют как специфические учреждения, в которых концентрируются памятники материальной культуры. Научная деятельность музеев базируется на изучении предметов, составляющих их основной фонд. Самостоятельное значение в музеях получают исследования источниковедческого характера. Они позволяют выявить важность определенных групп музейных предметов для развития профильных наук, участвовать в разработке методов изучения этих предметов. Музей отражает результаты своих исследований в коллекциях и экспозициях. Однако эти формы не могут быть универсальным средством передачи новых научных знаний. В экспозицию и выставки, кроме того, включается только часть источников, изученных в процессе работы. Только после опубликования исследований музеев в печати можно считать, что они введены в научный оборот. Для публикации результатов своих исследований музеи используют как общераспространенные типы изданий (сборники научных трудов, монографии и др.), так и издания, характерные только для музеев, такие, как системные каталоги музейных коллекций, обзоры музейных фондов, путеводители и др.

С начала 1990-х гг. наблюдается тенденция возрастания роли научно-исследовательской работы в музеях Беларуси. И музейные практики, и руководство музейной отраслью страны считали, что повышение уровня научных исследований музейных коллекций может быть залогом выхода белорусских музеев из кризиса [3].

Многие музеи, достигнув определенных успехов в проведении научной инвентаризации, обратили особенное внимание на углубленное изучение музейных предметов, результатом ко-

того стало издание каталогов. Такая тенденция соответствовала планам Министерства культуры Республики Беларусь. Согласно Научной концепции развития музейного дела в республике до 2000 г., все ведущие республиканские и областные музеи должны были к концу 1990-х гг. перейти на высшую ступень обработки фондов – подготовку и публикацию каталогов по отдельным коллекциям [1, л. 6]. До начала 1990-х гг. это направление музейной деятельности было редкостью для белорусских музеев, только Национальный художественный музей считал его одним из приоритетных. Но с началом нового этапа в музейном деле республики работа над каталогами музейных коллекций появляется в планах работы Национального музея истории и культуры Беларуси, Витебского областного краеведческого музея, Гродненского историко-археологического музея, Белгосмузея истории Великой отечественной войны и др. Однако на коллегии Министерства культуры Республики Беларусь 1997 г., посвященной вопросу научной каталогизации музейных коллекций в республике и изданию подготовленных каталогов, фактически разговор велся только на материалах Национального художественного музея. Отмечалось, что другие музеи за этот период ограничивались изданием каталогов выставок [2, л. 133]. Одной из причин сложившейся ситуации было отсутствие средств на издательство каталогов. Так из-за недостатка финансирования Национальный художественный музей к 1994 г. выпустил только восемь из запланированных двадцати каталогов фондовых коллекций [2, л. 95]. Способом решения этой проблемы для некоторых музеев стала публикация каталогов коллекций в сборниках научных трудов сотрудников музея. Такая практика была распространена в Национальном Полоцком историко-культурном музее-заповеднике, где на протяжении 2002–2007 гг. было опубликовано в сборниках материалов научно-практических конференций по итогам научно-исследовательской работы девять каталогов коллекций (подсчитано автором). Однако опубликованные таким способом научные каталоги обычно не попадают в официальную отчетность музея, доступ к ним исследователей усложнен.

В целом же в рассматриваемый период успехи в деле издания музейных каталогов коллекций были довольно скромными. Всего было издано около 50 каталогов, подавляющее количество в 2000-е гг. Во многом это было связано с более высоким уровнем изученности коллекций к этому периоду, да и финансовая ситуация несколько улучшилась: многие издания стали возможны благодаря спонсорской помощи. По-прежнему наибольших успехов в данном виде деятельности демонстрировал Национальный художественный музей Республики Беларусь, им было издано пятнадцать каталогов коллекций. Следует отметить, что в целом именно художественные коллекции преобладают в тематике каталогов и других музеев (всего 28). На втором месте по популярности коллекции письменных источников, чаще старопечатные книги и рукописи (8 каталогов). Из коллекций вещевых предметов чаще других становились объектами для публикации каталогов мизанитарические и археологические материалы (5 и 2 соответственно), кроме того публиковались каталоги фотодокументов (3), оружия (1) и музыкальных инструментов (1). Среди музеев активность в данном направлении проявили, кроме Национального художественного музея Республики Беларусь, другие крупные республиканские музеи: Национальный исторический музей Республики Беларусь, Государственный литературный музей Я. Купалы (5 каталогов), Белорусский государственный музей истории Великой отечественной войны (5 каталогов), Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник и др. Однако большая часть музеев республики уровня подготовки каталогов коллекций еще не достигла, либо издавала их изредка.

Хотелось бы отметить еще одну тенденцию введения в оборот новых источников: издание электронных каталогов коллекций. Для белорусских музеев это редкий случай, на сегодняшний день есть только два примера такой деятельности. В 2005 г. электронный каталог постоянной экспозиции выпустил Национальный художественный музей, а в 2011 г. вышел каталог изображений Козьянковского клада арабских куфических дирхамов IX–X веков из музейного собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника. Последний был отмечен в 2011 г. дипломом ежегодного Музейного компьютерного фестиваля АДТИТ («Автоматизация деятельности музеев и информационные технологии», Россия), как лучший проект в номинации «Каталог» [4].

Т.о. следует отметить, что усилия белорусских музеев по повышению уровня изучения фондовых коллекций и введению их в научный оборот путем публикации каталогов, можно

признать успешными (особенно по сравнению с предшествующим периодом, когда случаи публикации каталогов были единичными). Но в тематике публикаций наблюдается дисбаланс – преобладание изобразительных источников, что во многом связано с активной научно-исследовательской и издательской деятельностью Национального художественного музея Республики Беларусь. Кроме того, по-прежнему чаще предметом интереса исследователей являются те коллекции, которые являются источниковой базой профильных наук (напр., археология, нумизматика). Однако активность музеев по изданию каталогов в последние 10 лет (за этот период их было выпущено 28) позволяет надеяться, что данный вид деятельности не потеряет свою актуальность.

1. Архив Министерства культуры Республики Беларусь. – Ф. 974. Оп. 1. Д. 1954. Л. 6.
2. Архив Национального художественного музея Республики Беларусь. – Ф. 164. Оп. 1. Д. 487.
3. Государственный музей истории Великой отечественной войны. Текущий архив. «Прапановы па змяненню арганізацыйнай структуры музеяў у сувязі з неабходнасцю пераходу да сапраўднай і грунтоўнай даследчай працы па вывучэнню, збору, захаванню і папулярызацыі музейных калекцый. Праект. 1992 г.»
4. Электронный каталог изображений Козьянковского клада арабских куфических дирхамов IX-X в. из музейного собрания НПИКМЗ отмечен дипломом АДИТ / Проект «Музеи Беларуси» [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://museum.by/node/22005>. – Дата доступа: 10.12.2018

ИСТОЧНИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Николаева Н.Д.
**СРЕДНЕВЕКОВЫЙ НАРРАТИВНЫЙ ИСТОЧНИК:
ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА**

Критика в адрес герменевтического подхода как преобладающего в исследованиях по истории Средневековья звучит нередко. Вопрос о выработке комплексного подхода к ее изучению ввиду того, что история Средневековья «есть работа с деталями, штрихами из разнохарактерных источников» [5, с. 6] остается пока открытым. Это обстоятельство, в свою очередь, порождает возможность свободного маневра для процессов политизации истории, отрицать которые в нынешних реалиях не имеет смысла. Уместно привести актуальный пример разгоревшейся совсем недавно дискуссии относительно Томаса о передаче Киевской митрополии 1686 г.

Обращаясь к проблеме герменевтического подхода, А.М. Ранчин заостряет внимание на сложности его применения при изучении уникальных источников и выделяет несколько герменевтических правил для «адекватного истолкования текста» [7, с. 72]; А.И. Филошкин настаивает на необходимости поиска «семиотического зеркала» [8, с. 27] для расшифровки системы мышления средневековых авторов; А.И. Назаренко [5] видит решение в выработке междисциплинарного подхода к изучению истории Средневековья. У этих (и многих других) исследователей разный подход к проблеме, объединенный одним общим аспектом: не отрицая герменевтический подход, они выдвигают предложения по его усовершенствованию и конкретизации.

Действительно, герменевтический подход, в котором понимание текста является условием осмысления исторических событий и социальной реальности, должен являться базой исторического исследования. В стремлении получить истинное знание, мы помимо работы непосредственно с текстом анализируем «пространство опыта» [4, с. 8] автора, на которого повлиял целый комплекс факторов, как то: политические и социальные реалии времени, когда создавался источник, происхождение автора и ту обстановку, в которой происходило его становление как личности. Герменевтическая методология требует конкретизации, выраженной в применении дополнительных методов. Именно в этом случае на помощь приходит междисциплинарность.

О междисциплинарном подходе к изучению истории уже говорил А.И. Назаренко. Под междисциплинарностью исследователь понимает «возрождение историко-филологического единства [...] и систематический учет данных вспомогательных исторических дисциплин» [5, с. 7], т.е. структурное объединение предметных областей. В данной статье под междисциплинарностью понимается совокупность методов, заимствованных из иных предметных областей для конкретизации герменевтического подхода.

Оставаясь в рамках герменевтической методологии, отметим, что на любого средневекового автора оказывает влияние его социальное положение, в связи с чем меняется угол его зрения и мировосприятия, господствующая концепция (провиденциализм), чувство культурно-цивилизационного превосходства, корпоративная этика и многое другое, что можно назвать составляющими социального заказа – отражения событий в ожидаемом обществе ключе. По сути, феномен социального заказа на трактовку событий в «нужном» ключе существовал с древнейших времен.

Основной составляющей для исполнения подобного социального заказа является лексема – самостоятельная единица языка, рассматриваемая во всей совокупности своих форм и значений, объединяющая разные парадигматические словоформы одного слова. Исследование подобных словоформ не подразумевает под собой воссоздания исторической действительности, на что нацелены традиционные методы исторического исследования, оно преследует цель выявления репрезентативных форм, посредством которых исторические события доносятся до реципиентов. В современных гуманитарных науках осуществляется «переход научных приоритетов от лингвистических механизмов функционирования текста и семантической наполненно-

сти памятников к изучению смысловых предпосылок создания, их прочтения и истолкования». И это вполне логично: текст рассматривается не как нечто статичное и свободно разделяемое на отдельные интерпретируемые части, а воспринимается в совокупности, расширяя и дополняя поле исследования.

В связи с вышесказанным за основу предлагается взять **метод** анализа структуры текста, разработанный Р.М. Блакаром. Исследователь верно замечает, что именно через язык действительность постигается, осознается, а также «наследуется» от поколения к поколению [1, с. 89]. В значительной степени мы живем и действуем внутри «мира языка». И от того, как мы подбираем слова и выражения, зависит восприятие реципиентом информации. Языковая система не является нейтральной, и то, как она представляет определенную точку зрения, не может не налагать отпечатка на форму и содержание транслируемой информации.

Кроме того, в ряду ключевых факторов, влияющих на позицию автора, безусловно, выступает мораль – причем мораль отдельных корпораций, социальных групп, обладающих единым набором социальных норм, символов, этических ценностей. В связи с этим нюансом герменевтический подход мы дополняем не только методом Р.М. Блакара, но методом анализа, примененного польским философом М. Оссовской в рамках разработки теории этоса [6].

Проследим на конкретных примерах действие вышеозначенных методов и их результативность. В качестве примеров выступают источники по истории Четвертого крестового похода, считающегося временем окончательного раскола христианского мира на две части. Вопрос об обстоятельствах этого похода (о главных виновниках, о мотивах поступков крестоносцев) остается не только дискуссионным в исторической науке, но и политически ангажированным.

Переходя к Четвертому крестовому походу, мы начнем не с события, интересующего нас непосредственно – захвата рыцарями-крестоносцами Константинополя, а с завоевания Задара – города, находившегося во владении западно-христианского (!) короля. Данное отступление целесообразно ввиду предполагаемого в дальнейшем сравнения концептуальных составляющих. Для большей объективности анализа в исследовании намеренно приведен анализ двух источников, отличающихся происхождением: один написан воином, являющимся частью этоса рыцарей-крестоносцев, второй – священнослужителем, принадлежащим к этосу духовенства.

Маршал Шампани Жоффруа де Виллардуэн для описания воинов-крестоносцев использует следующие лексемы: «прекрасное войско [...] и превосходные люди» [2, с. 59]. Венецианцы, помогавшие крестоносцам, описаны аналогично: «[они] превосходно выполнили свои обязательства», их корабли были такими, что «[ни один христианин не видел] ничего более богатого и прекрасного» [2, с. 60]. Венецианский дож Энрико Дандоло, возглавивший поход на Задар, представлен автором исключительно положительно: «Мудрый и добрый старец, [...] муж поистине великого сердца!» [2, с. 65]. Решение пойти войной на Задар выставлено как необходимость, обусловленная долгом: «Мы будем унижены, если не поможем [венецианцам] взять город» [2, с. 65]. Очевидно, что Жоффруа де Виллардуэн, посредством применения ярких лексем, постоянно апеллирует к одному и тому же – к качествам рыцарей, определенных их этосом.

Обращаясь к повествованию монаха Гунтера Пэрисского, можно увидеть несколько иную картину. Венеция представлена как антипод: «Осуществлению [...] намерения наших князей [речь идет об изначальном плане крестового похода] помешали коварство и подлость венецианцев» [3]. При этом крестоносцы, согласно автору, «порешили, что [...] менее позорно испустить малое зло великим благим деянием, нежели оставить обет крестового похода невыполненным» [3]. Осознание рыцарского этоса – вопрос о бесславии и невыполнении долга как позоре ставится автором источника как сам собой разумеющийся.

При описании похода на Константинополь позиция Жоффруа де Виллардуэна меняется мало. Автор по-прежнему продолжает восхищаться Энрико Дандоло: «Дождь Венеции, который был старым человеком и не видел ни капли, в полном вооружении стоял на носу своей галеры со знаменем св. Марка», «воодушевленные дождем, венецианцы, увидев знамя св. Марка, храбро кинулись с кораблей в бой на сушу» [2, с. 70]. Доблести рыцарства, по-прежнему, создается яркий положительный образ посредством лексем: «Совещались они [крестоносцы], сидя верхом на конях посреди поля, [...] там множество прекрасных скакунов и множество добрых всадников на них». Обостренное чувство справедливости и долга представлено автором по-

средством описания настоящего наследника византийского престола – царевича Алексея: «Вот ваш прирожденный сеньор; [...] мы прибыли не для того, чтобы содейть вам зло; нет, мы прибыли, чтобы оградить и защитить вас» [2, с. 74]. Само же взятие Константинополя представлено как божье деяние «Тому, кому бог хочет помочь, повредить никто не в состоянии» [2, с. 68].

В повествовании Гунтера Пэрисского имеют место акценты, схожие с его позицией относительно Задара: крестоносцы представлены как сообщество, этос, свято чтящий свои законы; венецианцы как люди наживы, выгоды. Автор четко обозначает причины похода крестоносцев на Константинополь: «им казалось благочестивым делом восстановить [царевича Алексея] на престоле» [3], а также - «в особенности же к этому побуждали [крестоносцев] венецианцы [...], потому что город этот [Константинополь] притязал на главенство и господство во всем море» [3]. Направить крестоносцев на Константинополь, подогреть их пыл было достаточно легко, ведь венецианский дож был чтим ими как руководитель. Даже сам Гунтер Пэрисский описывает Энрико Дандоло так: «Мудрейший муж [...], к нему всегда обращались за советом» [3].

Подводя итог, отметим, что, сопоставляя два источника, написанных людьми, принадлежащими к разным этосам, при помощи лексем мы выявили конструкты восприятия событий разными копорациями: рыцари рассматривали свое войско и войско венецианцев как единое целое, как сообщество; церковный же автор, принимая во внимание (судя по всему, отчетливо представляя) нюансы рыцарского этоса, видел то, как активно и умело пользуются этими понятиями венецианцы.

Преимущества междисциплинарного подхода, интегрирующего принципы классического герменевтического анализа и логики социального конструктивизма, состоят в возможности выявления базовых семантических структур и их лексического отражения; с помощью них средневековый автор транслирует не только смысл, но и воздействовавшие на него социальные, культурные и политические факторы.

1. Блакар, Р. М. Язык как средство социальной власти / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социальных взаимодействий / сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина; общ. ред. В. В. Петрова. – М. : Прогресс, 1987. – 464 с. – С. 88–125.
2. Виллардуэн, Жоффрау де. Завоевание Константинополя / перевод, статья и комментарии М. А. Заборова; ответственный редактор Ю. Л. Бессмертный. – М. : Наука, 1993. – 298 с.
3. История завоевания Константинополя Гунтера Пэрисского [Электронный ресурс] // Восточная литература. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/>. – Дата доступа: 04.02.2019.
4. Козеллек, Р. Теория и метод определения исторического времени / Р. Козеллек // Логос. – 2004. – № 5. – С. 97–130.
5. Назаренко, А. В. О междисциплинарном подходе к изучению Древней Руси / А. В. Назаренко // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2002. – № 1(7). – С. 5–8.
6. Оссовская, М. Рыцарь и буржуа / М. Оссовская – М. : Прогресс, 1987. – 528 с.
7. Ранчин, А. М. О принципах герменевтического изучения древнерусской словесности / А. М. Ранчин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2001. – № 4. – С. 69–81.
8. Филошкин, А. И. Экзегетика древнерусских нарративных памятников и проблема герменевтической интерпретации текстов / А. И. Филошкин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2003. – № 4. – С. 26–34.

Нагирный В.Н.

ПОЛЯКИ НА РУСИ В XI–XII ВЕКАХ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Проблема контактов Руси с соседними государствами на уровне правящих династий традиционно занимает ключевое место при изучении внешнеполитических связей русских княжеств в XI–XII веках. В то же время, отношения русской политической (некняжеской) элиты с представителями других политических культур посвящено намного меньше внимания, а связи Руси с соседними государствами на уровне контактов обычных подданных практически совсем. Это обусловлено как характером сохранившихся источников, так и малой заинтересованностью исследователей изучением этих проблем. Только в последние годы наблюдается определенный рост интереса к изучению вопросов пребывания выходцев из Руси на службе в венгерских, польских и чешских правителей [1; 2; 3] или к путешествиям венгерской элиты на земли Руси [9]. Что касается проблемы пребывания на Руси «ляхов», то здесь существуют определенные

наработки только касательно XIII века [см.: 12, с. 223; 10]. Цель настоящего доклада – попытаться заполнить этот пробел.

В своем исследовании я не буду касаться отношений между правящими династиями Рюриковичей и Пястов или посещения последними русских земель. Объектом моего внимания являются выходцы из Польши не княжеского происхождения, пребывающие на Руси в XI–XII веках, в свете данных русских летописей. Речь идет в первую очередь о ранних русских летописных сводах – «Ипатьевском» [4] и «Лаврентьевском» [5], а также о «Радзивилловской» [7] и ранних новгородских летописях [6]. Более поздние летописные произведения в этом случае имеют вторичное значение – они или совсем не содержат данных об исследуемой проблеме, или просто повторяют информацию более ранних источников.

В целом, содержащуюся в русских летописях информацию о поляках на Руси в XI–XII веках можно условно разделить на две большие группы:

I. данные о временном пребывании поляков в русских землях – главным образом, об их участии в военных походах на Русь, реже в дипломатических миссиях к русским правителям;

II. информацию о «ляхах», пребывающих на службе у русских князей или проживающих на Руси.

Перейдем к более детальному рассмотрению каждой из этих групп.

I. Данных, относящихся к первой группе, в русских летописях относительно много. Рюриковичей и Пястов в этот период часто связывали союзные отношения, что проявлялось как в участии последних во внутренних конфликтах на Руси, так и в заключении династических браков. Соответственно, «ляхи» неоднократно появляются на страницах русских нарративных источников. Информацию о них можно условно поделить на несколько меньших групп:

- 1) данные о воинских контингентах конкретных польских князей, принимавших участие в походах на Русь;
- 2) общие сведения о польской военной помощи русским правителям;
- 3) данные о пребывании поляков на Руси в составе дипломатических миссий.

О военном вмешательстве конкретных польских правителей в конфликты на Руси летописи сообщают под следующими датами: 6526 (1018) г. – поход Болеслава Храброго в помощь князю Святополку против Ярослава Владимировича [4, стб. 130–131; 5, с. 142–144; 7, с. 62]; 6577 (1069) и 6585 (1077) гг. – помощь Болеслава Смелого Изяславу Ярославовичу в возвращении Киева [4, стб. 162–163, 190; 5, с. 173–174, 199; 6, с. 17, 190–191; 7, с. 73]; 6605 (1097) г. – помощь Владислава Германа Давиду Игоревичу [4, стб. 243–244; 5 с. 270]; 6654 (1146) г. – поддержка Болеславом Кучерявым Всеволода Ольговича в походе против галицкого князя Владимира [4, стб. 319]; 6657 (1149) г. – помощь Болеслава Кучерявого и его брата Генриха Изяславу Мстиславовичу в борьбе за Киев [4, стб. 384–388; 5, с. 323; 7, с. 117–118]; 6696 (1188) г. – Казимир Справедливый поддержал Романа Мстиславовича против его брата Всеволода Мстиславовича [4, стб. 662]; 6698 (1190) г. – Казимир Справедливый послал свои войска с Владимиром Ярославовичем для занятия Галича (в этом случае указано даже имя краковского воеводы Миколая, который возглавлял польские войска) [4, стб. 666]. В целом, эти события достаточно хорошо изучены в историографии и более детально останавливаться на них нет необходимости.

Отдельную группу составляет информация о помощи «ляхов» русским князьям, без конкретизации кем именно из польских правителей она была оказана. К ней относятся: поддержка Ярослава Святополковича в 6629 (1121) и 6631 (1123) гг. [4, стб. 286, 287]; помощь Всеволоду Ольговичу в 6648 (1140) г. [4, стб. 306]; помощь Изяславу Мстиславовичу в 6658 (1150) г. [4, стб. 401; 5, с. 327; 7, с. 120]; поддержка Мстислава Изяславовича в 6677 (1169) г. [4, стб. 533]; помощь галицкому князю Ярославу Владимировичу в 6682 (1174) г. [4, стб. 571]. В этих случаях непросто определить, кто именно из польских князей оказал помощь Рюриковичам и какой характер она носила – было ли это исполнение союзнических обязательств или речь идет о «ляхах»-наемниках. Найти ответы на эти вопросы можно только с помощью сопоставления русских и польских источников и детального анализа политической ситуации в Польше и на Руси.

Данных о пребывании поляков на Руси в составе дипломатических посольств относительно немного: в 6651 (1143) г. «безбожни Лаховѣ . и пиша оу Всеволода [Ольговича – В.Н.]» [4, стб. 313]; а в 6667 (1159) г. «w̄ Лаховѣ мужь» присутствовал на инициированной галицким князем

Ярославом Владимировичем встрече русских князей в Киеве [4, стб. 497]. В реальности, таких посольств было больше, но далеко не все они отображены в летописях.

Без сомнения, еще одной группой поляков, прибывающих на Русь, было окружение польских княгинь, выданных замуж на Рюриковичей, но до конца XII века русские летописи обходят их полным молчанием.

II. Вторая большая группа летописных известий, информирующих о более длительном пребывании поляков на Руси, также неоднородна. В ней можно выделить следующие сведения:

- 1) информацию о конкретных, названных по именам или прозвищам лицах польского происхождения на службе у Рюриковичей;
- 2) сведения о «ляхах» на русской службе – без указания имен или прозвищ, но позволяющие определить характер этой службы;
- 3) общие сведения о польских поселенцах в землях Рюриковичей.

К первой из этих групп относятся случаи упоминания в летописях конкретных личностей с указанием их имен, прозвищ или исполняемых функций. К сожалению, таких примеров очень мало – их всего два, по одному для каждого из исследуемых столетий.

Первый пример находим в «Повести Временных лет» под 6523 (1015) г. Речь идет об одном из убийц князя Бориса Владимировича, названном «Лашько» [4, стб. 121; 5, с. 135; 6, с. 172, 556; 7, с. 59; 8]. Как можно судить из контекста летописного сообщения, упомянутый «Лашько» принадлежал к знатному (боярскому?) сословию и проживал в Вышгороде. Неизвестно, исполнял ли он какие-нибудь официальные функции во времена правления Владимира Святославовича, но после его смерти видим «Лашько» на службе у нового киевского князя Святополка. Возможно, он даже вошел в круг его наиболее доверенных лиц. После участия в убийстве Бориса «Лашько» больше в летописях не упоминается. Его имя, не встречающееся на Руси в XI–XII веках, могло бы указывать на его польское происхождение (в качестве аналогий можно привести встречающиеся в летописях имена «Угрин», «Горчин» и т.п., указывающие на этническую принадлежность их носителей). Однако подтвердить или опровергнуть данное предположение не позволяет состояние источников.

Второй пример датируется серединой XII века. В этом случае летописи не оставляют места на сомнения. Интересующая нас личность прямо названа «Володисла(в) Ллх» [4, стб. 526, 549]. Очевидно, летописец специально подчеркнул польское происхождение указанного персонажа, в «противовес» другим Владиславам русского происхождения (имя Владислав, в отличие от упомянутого выше «Лашько», было достаточно распространенным на Руси – в XI–XIII веках встречаем его как минимум семь раз). Несмотря на лаконичность летописных сообщений, из них можно «выжать» достаточно много ценной информации. Упомянутый Владислав впервые появляется на страницах «Киевской летописи» под 6675 (1167) г. и сразу же на высокой должности воеводы великого киевского князя Ростислава Мстиславовича – он был отправлен во главе большого отряда к днепровским порогам для охраны греческих купцов от нападений половцев, с чем успешно справился [4, стб. 526]. После смерти Ростислава перешел на службу к вольинскому князю Мстиславу Изяславовичу и поддержал его притязания на Киев (исходя из контекста летописного сообщения можно даже предположить, что Владислав был одним из предводителей партии киевлян, поддерживающей Мстислава) [4, стб. 532–533]. Встречаем в источнике и отчество воеводы – «Володислав Воротиславич» [4, стб. 532–533]. Последний раз Владислав упомянут в «Киевской летописи» под 6680 (1172), в качестве воеводы вышгородского князя Давила Ростиславовича [4, стб. 549].

Существует также теоретическая возможность того, что в русских летописях упомянуты другие лица польского происхождения, которых трудно определить из-за сходства русских и польских имен. Этот вопрос требует специальных исследований, посвященных как русской средневековой, так и в целом раннеславянской антропонимике.

К очередной группе относятся сведения летописей о «ляхах» на русской службе, без указания их имен или прозвищ, но позволяющие говорить о том, что речь идет о наемниках. Таких случаев тоже всего несколько. О первом из них «Киевская летопись» сообщает под 6631 (1123) г. В этом году сын Владимира Мономаха, Андрей был осажден во Владимире на Волыни войсками Ярослава Святополковича с венгерскими, чешскими и польскими наемниками. Но интересно, что поль-

ские воины находились и на другой стороне – именно «два Лаха», служившие Андрею, устроили у стен города засаду на Ярослава, в результате которой последний был убит [4, стб. 287]. Еще одним примером являются польские наемники, участвовавшие в походе галицкого князя Ярослава Владимировича против луцкого князя Ярослава Изяславовича в 6682 (1174) г. («да имъ . #г̃ . гривень серебра . два города») [4, стб. 571].

Также многочисленны данные о поляках, взятых в плен в результате военных компаний и осаженных на Руси в качестве подданных Рюриковичей. В «Повести временных лет» под 6539 (1031) г. читаем, что Ярослав и Мстислав Владимировичи «многы Лахы приведоста . и раздѣлиста æ», после чего «посади Ярославъ своæ по Рси . и суть и до сего днй» [4, стб. 137; 7, с. 65]. В 6650 (1142) г. киевский князь Всеволод Ольгович и союзные ему черниговские и галицкие князья взяли «боле мирныхъ неже раатныхъ [ляхов – *V.H.*]» [4, стб. 313; 5, с. 310; 7, с. 111]. В 6653 (1145) г. Ольговичи в результате похода против Болеслава Кучерявого «многъ полонъ возьмеше» [4, стб. 318]. Несмотря на достаточно лаконичные данные летописей о польских пленниках на Руси, можно считать, что захват местных жителей во время военных акций и их дальнейшее переселение на свои земли в этот период практиковался как Рюриковичами, так и Пястами. Это подтверждают условия договора 1229 г. между волынским князем Даниилом Романовичем и великопольским правителем Владиславом Ласконогим [11, стб. 141; 12, s. 196].

В целом, информация русских летописей о поляках на Руси в XI–XII веках достаточно фрагментарная. Если о военных акциях польских правителей, выступавших в качестве союзников Рюриковичей, находим достаточно много сведений, то данные о польских наемниках на службе у русских князей очень лаконичны. За исключением всего нескольких случаев, достоверно отличить «ляхов»-наемников от «ляхов»-союзников нельзя. Еще более скудна информация о конкретных персоналиях польского происхождения, пребывающих на службе в Рюриковичей. Фактически мы имеем только один достоверно подтвержденный случай занятия поляком высокого положения на Руси (воевода Владислав Лях) и еще в одном случае с большей или меньшей долей вероятности можем предположить, что «лях» входил в ближайшее окружение князя Святополка. И практически невозможно что-то определенное сказать о «ляхах», взятых в плен русскими князьями и осажденными ими на своих землях в качестве новых подданных. Исходя из вышесказанного, делать какие-то обобщающие выводы о пребывании поляков на Руси в XI–XII веках на основании только русских летописей не представляется возможным. Для таких заключений нужно сопоставление данных летописей с информацией других русских источников, а также польских хроник и актового материала.

1. Волощук, М. М. «Русь» в Угорському королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції / М. М. Волощук. – Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2014. – 496 с.
2. Волощук, М. М. Rutheni in Polonia XI–XIII вв.: краткие очерки проблемы / М. М. Волощук // Rurikids in dynastic relations: politics, customs, culture, religion (10th–16th c.). Publication after 4th International Conference, Mogilno, 14–16th November, 2013. / ed. V. Nagimyy. – Krakow 2014. – S. 143–153 (Серия: Colloquia Russica. Series I. – vol. 4).
3. Волощук, М. М. «Русь» в чешских землях (Богемия, Моравия, Силезия) XI–XIV вв.: избранные проблемы / М. М. Волощук // Rossica antiqua. – СПб., 2014. – № 2. – С. 3–42.
4. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 2. – СПб., 1908. – 938 стб.
5. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 1. – Ленинград, 1926–1928, 579 стб.
6. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1950. – 659 с.
7. Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 38. – Ленинград: Наука, 1989, 179 с.
8. Сказание о Борисе и Глебе, подг. текста, пер. и комм. Л. А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси, под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 1: XI–XII века. – 543 с. [Электронны ресурс]. Режим доступа: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4871> – Дата доступа: 01.03.2019.
9. Фонт, М. Венгры на Руси в XI–XIII вв., / М. Фонт // А се его серебро. Збірник праць на пошану члена-кореспондента НАН України Миколи Федоровича Котляра з нагоди його 70-річчя. – Київ, 2002. – С. 89–98.
10. Jusupović, A. Udział elit Polski i Rusi w zawieraniu umów międzynarodowych w pierwszej połowie XIII wieku / A. Jusupović // Polska, Ruś i Węgry: X–XIV wiek / red. D. Dąbrowski, A. Jusupović, T. Maresz. – Kraków: Avalon, 2018. – S. 5–88.
11. Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów), wyd., wstępem i przyp. opatrzyli D. Dąbrowski, A. Jusupović // Pomniki dziejowe Polski. – Seria II. – T. 16. – Kraków-Warszawa: Polska Akademia Umiejętności, 2017. – 710 s.
12. Nagimyy, W. Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198(1199)–1264. – Kraków: Wydawnictwo PAU, 2011. – 362 s. (Серия: Rozprawy Komisji Wschodnioeuropejskiej PAU. – T. 12).

Цыб С.В., Чичинов В.А.
ДАТИРОВАНИЕ ЮЖНОРУССКОГО ПОХОДА МОНГОЛОВ

Вопрос датирования монгольского нашествия на Южную Русь является весьма спорным. Анализ летописей позволяет пересмотреть хронологию событий и предложить собственные выводы по данному вопросу, а также оценить качество информации, отображаемой в исторических источниках.

Датирование монгольского нашествия до сих пор остается приблизительным, поскольку историки продолжают полагаться на выводы своих предшественников, возникшие еще в XIX в. и основанные на поверхностных знаниях о правилах счета времени, отразившихся на страницах древнерусских текстов. В ходе специального историко-хронологического исследования было установлено, что наши привычные взгляды на датировку северорусского похода Батыева нуждаются в серьезной корректировке, а точное время южнорусской монгольской экспедиции так и остается неустановленным [2, с. 1–27]. Большинство русских летописных источников относят начало военных действий монголов в южнорусских землях к 6747 г. от Сотворения Мира (далее – С.М.), и лишь два памятника содержат оригинальные показания. Ипатьевская летопись датирует это событие двумя годами раньше, но такая дата не вызывает у исследователей никакого доверия, поскольку в годовую статью 6745 г. летопись помещает не только разорение Переяславля-Русского и Чернигова, но и события, происходившие, без сомнения, годом-двумя ранее [4, с. 175–177].

Целью исследования является установить максимально точную хронологию произошедших событий. Изначально объектом исследования было установление временных рамок нахождения монголов на территории Южной Руси и проверка датирования взятия южнорусских городов.

Конкретизировать хронологию начала южнорусского похода позволяют сведения только двух других летописных памятников. В Летописи Авраамки пишется: «В лето 6747. Взяха Татарове Переяславль, Марта 3. Того же лета взяха Татарове Черниговъ, Октября 18...», правда, вслед за тем помещено известие из окончания северорусского похода Батыева: «...и ходиша до Игнача креста» [6, с. 51]. Очевидно, эти известия являются сокращенным вариантом того текста, что отразился в Псковской 1-й летописи: «И по Рязанскомъ взятии на другое лето Переславль Рускый взятъ бысть в средокрестныя недели в четвергъ месяца марта въ 3 день... Того же лета, на осень, град Черниговъ взятъ бысть от Тотар от царя Батыева, месяца октябрия во 18 день, во вторникъ» [3, с. 11–12]. В ходе исследования было подтверждено, что Переяславль-Южный был взят монголами 3 марта 1239 г. и Чернигов 18 октября 1239 г. Так же было установлено, что летописях содержащих известия о нашествии используются мартовские года константинопольской эры [10, с. 242–247].

Помимо хронологии похода монголов исследователи задались вопросом и о схеме этого похода. В учебниках, учебных пособиях и картах монгольское нашествие изображено единственной линией проходящей через всю Южную Русь, показывая, что вся монгольская рать идет через города Южной Руси. Так почему же монгольские тумены шли от Переяславля-Южного до Чернигова полгода? Ответ можно найти в Львовской, Симеоновской, Ермолинской, Новгородской 4-й, Софийской 1-й и Никоновской летописях, в Московском своде конца XV в. и в Тверском сборнике, а так же в Ипатьевской – «...поча посылати на грады Роусьскыє. и взятъ град Переяславль... в то же время посла на Черниговъ...» [4, с. 177] и Воскресенская летопись – «...нача Батый посылати на грады Рускіа; послани же Батыеви, пришедше в Русь, взяха градъ Переяславль... иную же рать посла на Черниговъ; пришедше же послании оступиша градъ Черниговъ въ силѣ тяжцѣ...» [5, с. 144]. Поэтому стоит отметить, что традиционная схема похода является неверной и нуждается в доработке.

Занимаясь исследованием нашествия в руки исследователей попал перевод XIX в. греческого источника – Судакского синаксаря. В нем есть приписка о вторжении монголов в г. Судак – «Τῆ αὐτῆ ἡμέρα ἤλ(θ) τὰ τάρροι οἱ βευτρη. τοῦ ςψμζ ἐτ. – в тот же день пришли впервые татары ... 6747 (1238) года». Данная приписка была оставлена напротив 26 декабря 1238 г. [1, с. 595–628]. Стоит напомнить о том, что традиционно считается, что Крым был взят после Переяславля и Чернигова, но до Киева. Данное известие заставляет всерьез пересмотреть и доработать схему движения монгольских войск. Слово «βευτρη» не имело перевода, но исследовав материалы летописи Рашид ад-Дина мы пришли к выводу о том, что г. Судак был взят Бури [7, с. 39]. Так

же, в летописи Рашид ад-Дина содержится множество известий происходивших в период нашего нашествия на Южную Русь.

Взятие Киева является особым эпизодом этого нашествия. В современной историографии сохраняется дата, установленная В.Н. Татищевым и с тех пор являющаяся традиционной – 6 декабря 1240 г. Однако эта дата взятия Киева была подвергнута критике исследованием В.И. Ставиского. Им было доказано, что Киев был взят в 19 ноября 1240 г. [8, с. 282–290]. Однако, на наш взгляд, нельзя не учитывать сведения в летописи Рашид ад-Дина, в которой он датирует взятие древней столицы осенью 1239 г. Отсюда, стоит сделать вывод о том, что Киев был взят осенью, но спорной является годовая дата. Стоит отметить, что некоторые косвенные сведения из русских летописей свидетельствуют о том, что взятие Киева Батыем произошло в 1239 г.

Хронология взятия городов Галиции и Волыни остается неизвестной, мы располагаем только отрезком времени между взятием Киева и вторжением в Польшу и Венгрию. В летописях содержится лишь перечень взятых городов – «Лодяжну... Каменцю... Изяславлю... Кременець... Володимерю... Галичь... и иных городов Рускихъ много взя» [5, с. 145]. С точностью можно сказать, что они были взяты в период с ноября по декабрь 1240 г. Благодаря зарубежным источникам удалось датировать исход монгольской рати с русских земель перед европейским походом [9, с. 22–24]. 25 декабря 1240 г. было зафиксировано пребывание монголов на русско-венгерском пограничье, а 8 марта 1241 г. Батый начал наступление на Верецкий перевал [9, с. 22–24].

Таким образом, хронология выстраивается в следующем порядке: вторжение монголов в Крым 26 декабря 1238 г. – захват Судака; далее монголами были покорены города Южной Руси: 3 марта 1239 г. – разорение Переяславля-Южного; 18 октября 1239 г. – взятие Чернигова; дата взятия Киева остается спорной; 1240 г. – покорение Галиции и Волыни; 25 декабря 1240 г. – монголы начинают прибывать на русско-венгерское пограничье; 8 марта 1241 г. – монголы вторгаются в Венгрию.

Представление монгольских завоеваний в виде последовательного и едва ли не планомерного присоединения новых районов к имперской территории являлось неуместным. В реальности западная экспансия чередовала события различной временной и географической интенсивности, перемежая периоды быстрого продвижения огромных коллективов вооруженных людей с эпизодами затишья военных действий, когда завоеватели «осваивали» новые пространства в форме их усиленного грабежа с целью пополнить ресурсы и обеспечить тыловую безопасность в дальнейшем.

Неприкосновенность северных границ будущего Сарайского улуса Золотой Орды была обеспечена предыдущим разорением Волжской Булгарии и Северо-Восточной Руси, наведением порядка на юге активно занимались в 1238–1239 гг. родственники Батыя, а походы в Крым и в Днепровское Левобережье гарантировали безопасность западного направления. Крымский и днепровские походы не предполагали территориальной аннексии, их целью было создание «зоны безопасности», своеобразной нейтральной полосы на границах базового региона.

1. Антонин (Капустин А. И.), архимандрит. Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судак), приписанные на греческом Синаксаре / Антонин (А. И. Капустин) // Записки Одесского Общества истории и древностей. – Одесса, 1863 – Т. 5. – С. 595–628.
2. Гартман, А. В. Монгольское нашествие на Северную Русь: хронология исторических событий / А. В. Гартман, С. В. Цыб. – Барнаул, 2013.
3. Псковские летописи / приг. к печати А. Н. Насонов. – Вып. 1. – М.; Л., 1941.
4. ПСРЛ – СПб., 1843 – Т. 2.
5. ПСРЛ. – СПб., 1856 – Т. 7.
6. ПСРЛ. – СПб., 1889 – Т. 16.
7. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Рашид ад-Дин. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1966 – Ч. 2.
8. Ставиский, В. И. О двух датах штурма Киева в 1240 г. по русским летописям / В. И. Ставиский // ТОДРЛ. – 1990. – Т. XLIII. – С. 282–290.
9. Цыб, С. В. Датирование начала монгольского нашествия в Венгерское королевство / С. В. Цыб, В. А. Чичинов // Актуальные проблемы источниковедения : материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права, Витебск, 20–21 апреля 2017 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А.Н. Дулов и М.Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – С. 22–24.
10. Цыб, С. В. Хронологические показания судакского Синаксария и датировка монгольского похода на Южную Русь / С. В. Цыб, В. А. Чичинов // Известия Алтайского государственного университета. – Сер.: История. Политология. – 2014 – №4/2 (84). – С. 242–247.

Домбровский Д.
ПО ПОВОДУ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГЛЕБА, ТЕСТЯ РОМАНА ДАНИЛОВИЧА

Одним из правителей русско-литовского пограничья, живших в XIII веке, был князь Глеб. Он известен прежде всего тем, что его неизвестная по имени дочь вышла замуж за Романа, сына могущественного первого короля Руси, объединителя Галицко-Волынского княжества, Данила Романовича.

Интригующей исследовательской проблемой является установление идентичности (тождественности) этого князя, а также определение занимаемой им волости. К сожалению, в недавно опубликованной статье В.А. Кучкина [12] персона этого князя не рассматривается. Что касается первого вопроса, то в современной литературе существуют три основные концепции:

1. Глеб правил в Волковыске [4, с. 76, 568; 18, табл. VII, XI; 31, с. 70–71; 14, с. 139, 281; 22, табл. 28; 8, с. 135; 13, с. 433, 502, 506; 7, с. 162 (№ 460); 11, с. 198; 26, с. 242; 3, с. 351; 10, с. 159]¹. Это самая популярная гипотеза. Обращаемся к ней ниже и уже не первый раз [22, с. 138–139; 21, с. 362; 20, с. 378–379, 412].

2. Глеб был князем свислочским. Эта точка зрения, как кажется, впервые высказанная Й. Тотаритисом [33, с. 120], а позднее принятая некоторыми немецкими исследователями [25, табл. VII; 23, табл. 136], является полностью безосновательной. Она не опирается на какие-либо источники. Версия наверняка возникла в результате случайного смешения информации об интересующем нас Рюриковиче и выступающем вместе с ним на страницах *Хроники Романовичей (Галицко-Волынской хроники)* в первом из процитированных здесь упоминаний князе Изяславе Свислочском.

3. Волостью Глеба было Степанское княжество. Эту концепцию мы рассмотрим в дальнейшем тексте.

Этот Рюрикович был упомянут исключительно в двух сюжетах *Галицко-Волынской хроники*, бесспорно относящихся к его персоне. Специально подчеркнем, что он не появляется в других независимых источниках. К таким мы не относим *Густынскую летопись*, которая упоминает Глеба опосредованно (по случаю смерти его сына) [6, с. 127; 32, с. 317], и *Хронику* Феодосия Софоновича [15, с. 152, 155]², так как содержащиеся в них информации о Глебе зависимы от текста *Галицко-Волынской хроники*.

Галицко-Волынская хроника первый раз упоминает князя Глеба как участника похода Романовичей на Судавию (землю ятвягов) зимой 1255/1256 г. [13, с. 414; 20, с. 389; 28, с. 167; см. также: 5, с. 359, 384 (1254/1255); 30, с. 280–281 и прим. 336]. Ниже мы приведем соответствующую цитату. Отметим, что в обоих случаях мы оставили для сравнения обе версии Хлебниковской/Острожской и Ипатьевской рукописей:

Хлебниковский/Острожский список [19, с. 363]	Ипатьевский список [9, стб. 831]
„и посла по Романа въ Новгородокъ. И прїйде к нему Роман[ъ] съ вѣми новогоруд[ъ]ци, съ цтем[ъ] своим[ъ] Глѣбом[ъ] и со Изаславом[ъ] съ Вислоческим[ъ]”	„и посла по Романа в Новгородокъ и приде к нему Романъ . со всеми Новгородци . и со тцемъ своимъ . Глѣбомъ . и со Изаславомъ . со Вислоческимъ”

Вновь Глеб упомянут в рассказе о наезде Бурундая на Литву в 1258/1259 г. В это время произошли события, описанные в нашем источнике следующим образом:

Хлебниковский/Острожский список [19, с. 407–408]	Ипатьевский список [9, стб. 847]
„Потѣм[ъ] же Данило корол[ъ] еха в за Волковыескъ, и Глѣба княса пославъ а и дрѣжаше его въ чти, аѣко бол[ъ]ма бо еха къ Волко[в]ыескоу, лова нати ворога своего Вышелка и Тевтивила”	„потом же Данило король . ѣхавъ в за Волковыескъ . и Глѣба княза . и Глѣба княза пославъ а и держашеть и во чсти . аѣко болма бо еха . ко Волковыскоу . лова ати ворога своесо . Вышелка . и Тевтила”

Как видим, в обоих случаях Глеб участвует в событиях, связанных с северной политикой Романовичей.

¹ Как видно из вышеизложенных соображений, я отклонил свою точку зрения, представленную в 2002 году, относительно передачи Романом Волковыска своему свекру (22, с. 138–139).

² Источник не заметил смерти Ивана Глебовича.

Собственно, исключительно на втором из приведенных отрывков основывается точка зрения что, Глеб якобы был князем Волковыска. На наш взгляд, из него скорее следует иной вывод. Необходимо обратиться к польскому переводу источника, в котором мы изложили наше понимание, как мы считаем – лучше передающие смысл оригинала: «Потом же Даниил король ехал [и] взял Волковыск. И Глеба князя послал [и] привел | и держал его в чести, потому что прежде всего ехал к Волко|выску, стараясь настичь врага своего Войшелка и | Товтивила» [29, с. 208]. По всей видимости, в обеих цитируемых рукописях, а также в рукописи Марка Бундура/Яроцкого и происходящей от ней рукописи ермолаевской [см.: БАН sygn. 21.3.14, s. 210; также: РНБ, sygn. F.IV.231, s. 265 v.], которая отличается от других вариантов протографа, находим слова «а» (аорист в 3 лице единственного числа «аети»). В соответствии с результатами исследований И.И. Срезневского это слово имеет много значений, в том числе «приводить» [16, стб. 1669–1671].

Таким образом, можно догадаться, что в Волковыске прошел съезд князей русско-литовского пограничья, в котором участвовали князь Роман Данилович и гости – его тесть, а также Товтивил и Войшелк. Это одно из двух лучших объяснений записи, в которой идет речь, с одной стороны, о пленении Романа Товтивилом и Войшелком, а с другой стороны – о пребывании Глеба в этом городе, а также об очень хорошем отношении к нему Даниила («и дрѣжаше его въ чти»). Представленные события можно реконструировать и альтернативным образом. Так, если иначе, чем в предыдущей версии, расставить знаки препинания, можно прийти к выводу, что Даниил, который взял Волковыск, уважал тестя своего сына, потому что он первым отправился в погоню за Войшелком и Товтивилом.

В любом случае нас больше всего интересует то обстоятельство, что анализируемый отрывок ни в коем случае не является доводом в пользу того, что Волковыск являлся владением Глеба.

Более того, мы располагаем другим сильным аргументом, указывающим на то, что упомянутый город не принадлежал Глебу. Речь идет о следующем фрагменте *Галицко-волинской хроники*: «и прїиде [Войшелк] в Холмъ къ Данилови, оставив[ъ] | княженіе свое, и въспрїемъ мнишеческїи чин[ъ], и въдаст[ъ] | Романови, с[ы]ннви королевоу, Новогородокъ wt[ъ] Мин[ъ]дога и | wt[ъ] себе, и Слоним[ъ], и Волковыескъ, и всѣ городы» [19, с. 362; см. также: 9, стб. 831]. Описываемые события можно вероятно датировать рубежом 1254/1255 г. [20, с. 376–377; см. также: 28, с. 167]. Они позволяют однозначно утверждать, что до этого момента Волковыск находился во владении Войшелка, позднее же перешел в руки Романа Даниловича. Даже если предположить, что в домене Войшелка сидели зависимые от него русские князья, то кажется маловероятным, чтобы Даниил, в поисках жены для Романа решился на матримониальный союз с мелким и зависимым от литовской власти Рюриковичем. Такой брак не принес бы ощутимой пользы. Вернее, это не соответствовало принципам проводимой Даниилом политики собирания земель. Это умозаключение подтверждается еще одной, правда косвенной и достаточно слабой, предпосылкой, исходящей из первой упомянутой цитаты. Так, в описании похода в Судавию зимой 1255/1256 г., персона Глеба могла быть перепутана с персоной другого князя, который был мобилизован на помощь Даниилу вместе с Романом, а именно – с Изяславом Свислочским. Между тем, как известно, город Свислочь вероятнее всего был городом Полоцкого княжества. Несомненно, что таким же образом за пределами территории, признанной за Романом в соответствии с мирным договором между Даниилом и Миндогом, находилась и волость тестя Романа.

Наконец, представим последний довод в пользу невозможности признать Глеба князем Волковыска. Известно, что в более позднее время Волковыск был упомянут в *Галицко-волинской хроники* еще два раза. В обоих случаях он упоминается как город во владении Литвы, кажется даже в непосредственном владении, а не через зависимого Рюриковича [19, с. 490, 621; см. также: 9, стб. 877, 933].

Самое время рассмотреть вопрос о возможном происхождении Глеба. С этой целью сошлемся на очередное упоминание в *Хронике Романовичей*. Звучит она следующим образом: «Тое ж[е] зимы престависа степан[ъ]скїи князь Ивань, | с[ы]нъ Глѣбовъ. И плакахъс[а] по нем[ъ] вси людие wt[ъ] мала и до | велика. И нача княжити в него мѣсто с[ы]нъ его Во|лвдимерь» [19, с. 627; см. также: 9, стб. 938]. Отметим в начале, что упомянутое событие состоялось скорее всего зимой 1289/1290 г. [5, с. 378, 387; 29, с. 264–265; 28, с. 170].

Что мы узнаем из приведенного отрывка? Назовем сначала бесспорную информацию: зимой умер Иван Глебович (он был князем степанским), после него сел на трон его сын Владимир. Упоминание об этом событии было признано автором соответствующей части *Галицко-волынской хроники* достойным записи.

Возникает ключевой для нас вопрос: тождественен ли упомянутый Глеб, отец Ивана, дед Владимира, Глебу, тестю Романа Даниловича?

Такая идентификация появлялась в литературе. Ее сторонником был Н.А. Баумгартен. Российский генеалог утверждал, что тестем Романа был именно князь степанский Глеб Ростиславович [1, с. 21]; хотя позднее он отказался от этой точки зрения и стал приписывать Глеба к линии гродненских Рюриковичей и был склонен отрицать возможность более точно определить его происхождение [18, табл. № 7, с. 31]. Вероятно, за первоначальным предположением пошли Г.А. Власьев [2, с. X], а также Д. Донской [7, с. 162 (№ 460)]. Тут нет возможности комментировать концепцию Баумгартена относительно отчества Глеба Степанского. Обратим лишь внимание, что она является интерпретацией ошибочной мнения М.Д. Хмырова [17, с. 95, № 617].

С точки зрения хронологии идентификация Глеба, тестя Романа, и носящего такое же имя отца Ивана теоретически возможна. Ведь в 1289/1290 г. был жив не только сын, но и внук, способный принять власть. Это означает, что Иван Глебович мог родиться самое позднее около 1260 г., а вероятнее это произошло как минимум десятилетием ранее. Сам Глеб, при таком раскладе, родился не позднее 1245 г.¹, причем эта дата слишком завышена, ее с чистой совестью можно сдвигать на десятилетие назад. Это дает возможность считать примерным временем *ad quiet* появления на свет Глеба 1235 г. С другой стороны, Глебовну выдали замуж за Романа Даниловича в 1254 или в 1255 г. Это значит, что родиться она должна была не позднее 1241 г. Соответственно, ее отец не мог появиться на свет позже 1226 г., а вероятнее несколькими годами ранее. Подчеркнем, что для Глеба эта дата является целиком правдоподобной.

Напомним также о методологическом условии, предписывающем избегать умножения сущностей. Тут, однако, сразу стоит обратить внимание, что в предшествующей историографии было аргументировано доказано существование большого числа безымянных Рюриковичей, не нашедших отражения в дошедших до нас источниках. К этому кругу принадлежали бы как Глеб, так и названные выше князья степанские, если бы в нашем распоряжении не было такого источника как *Галицко-Волынская хроника*.

С другой стороны, возникают как минимум два аргумента, позволяющие высказать сомнения в представленной выше идентификации. Во-первых, почему источник, связанный с Романовичами, не отметил факт родства своих покровителей с Глебом? На это сомнение легко находится объяснение. *Галицко-Волынская летопись* не является системным каталогом родственных связей с различными упомянутыми династиями. Кроме того, Иван, не считая очевидного факта принадлежности к той самой династии, что и Мстислав (II) Данилович, в кругу которого возникла часть *Галицко-Волынской хроники*, содержащая некролог степанского князя, был не слишком далеким, но сложным для определения степени родства свойственником упомянутого Мстислава (шурином единокровного брата). Более того, этот матримониальный союз давно перестал существовать к моменту создания летописи. С другой стороны, обращает на себя внимание факт упоминания смерти этого мелкого в сравнении с династией Романовичей князя, каким являлся «князь степанский Иван, сын Глеба». Что-то должно было побудить летописца к упоминанию умершего. Самым правдоподобным решением этой загадки является предположение, что существовала какая-то сравнительно близкая родственная/свояческая связь между упомянутым князем и покровителем (Мстиславом Даниловичем) автора соответственной части анализируемого источника.

Второе сомнение имеет другой характер. Оно заставляет задаться вопросом, для чего такой сильный правитель как Даниил Романович должен был искать сближения с мелким пограничным Рюриковичем, выражением чего был брак Романа с его дочерью. Лучше всего эту проблему объяснили бы предположение, что тесть Романа имел сильные позиции на литовско-русском пограничье.

¹ Я хотел бы напомнить, что в генеалогии 15 лет считаются минимальной разницей между рождением отца и сына (27, с. 26). В описанном случае минимальная разница между отцом, сыном и внуком составит 45 лет.

Обратим также внимание на весьма существенный факт. Так, в упоминании о смерти Ивана и переходе его княжеского стола к сыну Владимиру, сам Глеб не называется князем степанским.

Конечно, он мог быть таковым до своей смерти, однако можно представить несколько других решений этого вопроса. Во-первых, Глеб в момент упоминания сына мог быть еще жив и занимать более важный для него престол. Таким, например, был туровский стол. Эта гипотеза не является невероятной, потому что мы говорим о князе, который родился самое позднее в 1226 г. и имел бы в 1290 г. уже 64 года. Как мы утверждали выше, время его рождения следует перенести, с высокой долей вероятности, назад; тем не менее, вполне возможно, что Глеб мог благополучно достигнуть и возраста 70 лет. Он был бы в таком случае ровесником (или чуть старше) Льва Даниловича, который, как мы знаем из источников, был активным правителем в близком 1289 г. Второе решение, по моему мнению, менее правдоподобно с методологической точки зрения. Однако и оно не является невозможным по уже указанной причине о нерегулярном упоминании *Галицко-Волынской хроники* каждого современного ей Рюриковича. Оно предусматривает, что у Глеба был сын, более старший, чем Иван, который после смерти отца и мог сидеть в Турове.

Последние наши выводы содержат следующие соображения. Тесть Романа Даниловича, Глеб, отчество которого мы не будем рассматривать в данной статье по причине нехватки места, не был князем Волковыска, и, вероятнее всего, не был и князем в Степани. Его волостью с высокой степенью вероятности, можно назвать Туров. Это лучше всего объяснило бы, почему его дочь вышла замуж за Романа, сына короля Данила. Наверняка Глеб был близким кровным родственником князей пинских и происходил из той же самой ветви Рюриковичей.

1. Баумгартен, Н. А. Вторая ветвь князей галицких. Потомство Романа Мстиславича / Н. А. Баумгартен // Летопись Историко-родословного общества в Москве. – Год V. – 1909. – Вып. 1 (17). – С. 3–45.
2. Власьев, Г. А. Потомство Рюрика: материалы для составления родословий / Г. А. Власьев. – Т. II.1. – Петроград, 1918.
3. Войтович, Л. Княжа доба на Русі: портрети еліти / Л. Войтович. – Біла Церква, 2006.
4. Грушевський, М. Історія України–Русі / М. Грушевський. – Т. III: до року 1340. – Київ, 1993.
5. Грушевський, М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописі / М. Грушевський // Твори у 50 томах. – Т. VII. – Львів, 2005. – С. 327–387.
6. Густынская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. XL. – СПб., 2003.
7. Донской, Д. Справочник по генеалогии Рюриковичей / Д. Донской. – Ч. 1. (середина IX – начало XIV в.). – Ренн, 1991.
8. Зверуго, Я. Г. Древний Волковыск / Я. Г. Зверуго. – Минск, 1975.
9. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. II – СПб., 1908 [репринт: М., 1998].
10. Кибинь, А. С. От Ятвязи до Литвы. Русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII вв. / А. С. Кибинь. – М., 2014.
11. Краўцэвіч, А. К. Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага / А. К. Краўцэвіч. – Мінск, 1997.
12. Кучкин, В. А. Туров и Туровское княжество в X–XIII вв. / В. А. Кучкин // Вертоград многоцветный. Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. – М., 2018. – С. 64–72.
13. Літопис руський за Іпатським списком / Перекл. Л. Махновець. – Київ 1989.
14. Пашуто, В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси / В. Т. Пашуто. – М., 1950.
15. Софорович, Ф. Хроніка з літописців стародавніх / Ф. Софорович. – Київ 1992.
16. Срезневский, И. И. Материалы для Словаря Древнерусского языка / И. И. Срезневский. – Т. III. – СПб., 1912 [репринт: М., 2003].
17. Хмыров, М. Д. Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских и членов царствующего дома Романовых. Половина первая. А–И / М. Д. Хмыров – СПб., 1871.
18. Baumgarten, N. de. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du Xe au XIIIe siècle / N. de. Baumgarten // *Orientalia Christiana*. – Vol. IX–1. – 1927. – Num. 35.
19. *Chronica Galiciano-Voliniana (Chronica Romanoviciana)* / wydali, wstępem i przypisami opatrzyli D. Dąbrowski, A. Jusupović przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł // *Monumenta Poloniae Historica nova series*. – T. XVI. – Kraków, Warszawa, 2017.
20. Dąbrowski, D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201 – 1264). Biografia polityczna / D. Dąbrowski. – Kraków, 2012.
21. Dąbrowski, D. Genealogia Mściśławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV w.) / D. Dąbrowski. – Kraków, 2008.
22. Dąbrowski, D. Rodowód Romanowiczów, książąt halicko-wołyńskich / D. Dąbrowski. – Poznań, Wrocław, 2002.
23. Dworzaczek, W. Genealogia. Tablice / W. Dworzaczek. – Warszawa, 1959.
24. Europäische Stammtafeln. Stammtafeln zur Geschichte Europäischen Staaten. Neue Folge / hrsg. D. Schwennicke. – Bd. II. – Marburg, 1984.
25. Forssman, J. Die Beziehungen altrussischer Fürstengeschlechter zu Westeuropa / J. Forssman. – Bern, 1970.
26. Gudavičius, E. Mindaugas / E. Gudavičius. – Vilnius, 1998.

27. Jasiński, K. Rodowód Piastów śląskich / K. Jasiński. – T. I: Piastowie wrocławscy i legnicko-brzescy. – Wrocław, 1973.
28. Jusupović, A. Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) w latopisarskiej kolekcji historycznej / A. Jusupović. – Kraków, Warszawa, 2019.
29. Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów). Tłumaczenie, wstęp i komentarze D. Dąbrowski i A. Jusupović. Kraków, Warszawa, 2017.
30. Nagirnyj, V. Polityka zagraniczna księstw ziemi halickiej i wołyńskiej w latach 1198(1199) – 1264 / V. Nagirnyj. – Kraków, 2011.
31. Paszkiewicz, H. Jagiellonowie a Moskwa / H. Paszkiewicz. – T. I: Litwa a Moskwa w XIII i XIV wieku. – Warszawa, 1933.
32. The Hustynja Chronicle. Compiled and with an Introduction by O. Tolochko. – Cambridge Mass., 2013 (= Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts, vol. XI).
33. Totoraitis, J. Die Litauer unter dem König Mindowe bis zum Jahre 1263 / J. Totoraitis. – Freiburg, 1905.

Левшун Л.В.

ЛЕТОПИСНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПОЧИТАНИИ КРЕСТА ГОСПОДНЯ КНЯЗЬЯМИ ПОЛОЦКОГО ДОМА (К ВОПРОСУ О МЕТОДИКАХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ)

Известно, что летописцы раннего русского средневековья ориентировались при хронологизации описываемых событий на церковный календарь. Поэтому обращение к церковному календарю (минейного и триодного циклов) является иногда единственным средством интерпретировать те или иные исторические феномены и/или объяснить связь между отдельными событиями.

В качестве иллюстрации этого тезиса покажем, как использование «подсказок» церковного календаря, в том числе, Пасхалии позволяет логически связать столь разные на поверхностный взгляд факты, как, например, изображение креста на родовых знаках полоцких Изяславичей, семимесячное княжение Всеслава Брючиславича в Киеве, Борисовы камни, Крест Евфросинии Полоцкой/ Лазаря Богши и др., смысл которых вскрывается, лишь если к анализу нарративных источников привлечь данные церковного календаря и особенно Пасхалии. Приведем несколько показательных эпизодов.

Эпизод 1. В 1064/65 году «Приде Всѣславъ и възя Новгородъ, съ женами и съ дѣтми; и колоколы съима у святаыя Софіе. О, велика бѣда въ час тыи; и понекадила съима» [НПЛ ст. 1067]. Управлявшие тогда Русью сыновья Ярослава Мудрого разумеется не оставили безнаказанным это разорение. В.Н. Татищев, в распоряжении которого были ныне утраченные списки древнерусских летописей, излагает эти события так: «Ярославичи <...>, совокупя войска, пошли на Всеслава <...> пришли к Неману¹ марта в 3 день, где Всеслав вышел против них. И спешдшия на Немане марта в 10 день, когда снег вельми велик был, учинили жестокий бой, на котором с оби стороны много побито, а Всеслав, видя своих большое падение, ушёл к Полоцку» [6, с. 84].

Обращение к Пасхалии 1067 г. показывает, что знаменитая битва на Неимге (10 марта по В.Н. Татищеву) произошла в воскресенье второй седмицы Великого поста, следовательно, в Полоцк Всеслав вернулся накануне Крестопоклонной недели (17 марта), возможно, в самую субботу, когда во время Всенощного бдения на середину храма выносятся для поклонения Крест. При таком совпадении вероятно предположить, что спасение князя полочане (как и сам Всеслав) связывали с вспомоществованием Креста Господня и истово благодарили Бога в Крестопоклонную седмицу (17-23 марта).

Эпизод 2. 10 июля 1067 г. Ярославичи, как известно, предложили Всеславу мир и: «цѣловавше крѣтъ чѣстныи . къ Всеславу рекше ѿму . приди к намъ яко не створимъ ти зла . вн же надѣявѣса цѣлованьи крѣта . и приѣхавъ в лодьи чересь Днѣпръ <...> и тако яша Всеслава . на Рши оу Смолинська . и преступивше крѣтъ . Изаславъ же приведъ Всеслава Къѣву . всади и в порубъ . съ двѣма снѣма» (Лавр. 1067). Учитывая время, необходимое на то, чтобы Всеслав получил послание Ярославичей, пришел к Смоленску и был доставлен оттуда в Киев, можно

¹ В.Н. Татищев ошибочно полагал, что битва произошла на Немане, с чем большинство современных историков не соглашаются.

предполагать, что в поруб он попал примерно 1 августа, когда в Полоцке (о чем чуть ниже) праздновали Происхождение (изнесение) честных древ Креста Господня.

Для наших наблюдений важно заметить, что поруб этот находился на так называемом Брячиславем дворе – усадьбе, построенной в Киеве отцом Всеслава Брячиславом Изяславичем. Согласно «Саге об Эймунде», после того, как Брячислав Полоцкий помог Ярославу (Мудрому) победить Святополка (Окаянного), Ярослав уступил Брячиславу Киевский престол. Такие договоры обычно скреплялись крестоцелованием. Из летописей действительно известно, что Ярослав в 1018–1019 гг. княжил в Новгороде. Ряд исследователей допускает, что в ту эпоху на Руси установилось двоевластие: Ярослав правил в Новгороде, а его племянник Брячислав – в Киеве. Одним из доказательств этого допущения как раз и является наличие в Киеве «двора Брячиславля». Таким образом, можно предполагать, что и само нападение Всеслава на Новгород в 1065 г. могло быть своего рода актом возмездия за некогда нарушенное Ярославом Владимировичем крестоцелование, данное «братаничу» и союзнику.

Эпизод 3. Киевское восстание против Изяслава Ярославича началось в самый праздник Крестовоздвижения. А освобождение Всеслава Брячиславича из поруба и возведение его на «золотой» Киевский стол произошло 15 сентября 1068 года – в первый день поспразднства Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Летописец отметил, что Всеслав вызывал живое сочувствие киевлян как жертва клятвопреступления, а нарушенное Ярославичами крестоцелование напрямую связывалось в народном сознании с нашествием половцем и поражением русского войска на Альте.

Летописи донесли до нас слова, сказанные Всеславом, возможно, именно во время настолования: «Всеславъ вздохнувь речѣ . въ крѣте чѣстныи понеже к тобѣ вѣровахъ . избави ма ѿ рва сего» (Лавр. 1068). А летописец резюмировал, выразив, думается, общепринятое суждение: «Бѣ же показа . силу крѣстную на показание земли Русѣи . да не преступають чѣстнаго крѣста . цѣловавше его . аще ли кто преступитъ то и сдѣ примуть казнь . и на преидущемъ вѣцѣ казнь вѣчную <...>» и т.д. [Ипат. 1068].

Кстати заметить, что восстановление «правды Божией», совершившееся в дни Крестовоздвижения, совпало с резкой переменной ситуации: уже 1 ноября Святослав Ярославич, обнаружив под Сновском половецкое становище, «ударилша в коне» и разбил вчетверо превосходившее его собственную дружину войско степняков. Думается, что и это совпадение было интерпретировано русичами как благотворное воздействие Креста Господня.

Эпизод 4. «Всеслав княжил в Киеве семь месяцев» [Лавр. 1068], то есть до середины апреля, и если привлечь Пасхалию 1069 года, то увидим, что именно на это время пришлось тогда Страстная седмица и Пасха Господня (5-12 апреля). И именно в это время Всеслав, не желая напрасной крови, да еще в святые дни, «утаившись от киевлян», ночью, бежал в Полоцк.

Эпизод 5. Изяслав, вновь заняв Киевский стол, «прогна, Всеслава ис Полотьска <...> Всеславу же бѣжавшу» [Лавр. 1069]. Из последующих летописных сообщений можно предположить, что Всеслав с семьёй нашёл прибежище далеко на севере – у вожан, возможных родичей своей матери. Для наших наблюдений интересен тот факт, что в дохристианскую бытность вожане поклонялись древним реликтовым валунам. Одно из самоназваний води – «вадья» – переводится как «столб» в понятии ‘пограничный’, ‘межевой’, ‘разделяющий’; возможно потому, что границы своей территории они обозначали огромными валунами, а после того как водские князья приняли христианство – еще и крестами, высеченными из камня, которые находят на всей территории, некогда заселённой народом водь. Кресты эти, вписанные в круг, вырезаны из местного известняка; на некоторых из них – надписи типа: «ХЪ ІСЪ ІНКА ЦРЪ СЛАВЫ» [см. 5, <http>]. Всеслав с сыновьями почувствовали себя здесь как дома, ведь и княжеские знаки полоцких Изяславичей включали в себя изображение креста.

Эпизод 6. Вожане дали Всеславу военную помощь, и тот совершил новый поход на Новгород, где княжил уже Глеб Святославич: «мѣсяця октября въ 23, на святого Якова брата Господня, въ пятничи, въ час 6 дни, опять приде Все(слав) ... къ Новугороду» [НПЛ ст. и мл., 1069]. Обращает внимание то, что Всеслав начал битву в день и во время, когда, согласно традиции православного богослужения и недельного и суточного кругов, воспоминаются крестные страдания Христа. Вряд ли это простое совпадение. Полоцкий князь вновь и сознательно врубил

свою судьбу Кресту Господню. «И пособи Бог Глѣбу князю съ новгородци. О, велика бяше сѣця вожаном, и паде их бещисльное число; а самого князя отпустиша Бога дѣля», что, несомненно, было воспринято полочанами как ещё одно чудесное заступничество Креста Господня. И словно в подтверждение этого их убеждения, «на заутрие обретесе крест честный Володимирь у святей Софии Новегороде» [НПЛ ст. и мл., 1069].

Эпизод 7. В конце XI века Всеслав Полоцкий начинает монументальное строительство: в Сельце – епископской и в Бельчицах – в княжеской резиденций [7, с. 168]. Возведение малой Пятницкой церкви в Бельчицах можно рассматривать как ещё одно свидетельство особого почитания Всеславом Брячиславичем Креста Господня, ведь и почитание вмч. Параскевы Иконийской также было связано с Крестом Господним – мученица воспринималась как персонализация Великой Пятницы, дня Крестных страданий Иисуса Христа, и потому часто изображалась в сюжетах, имеющих отношение к Страстям Христовым.

Эпизод 7. «В лѣтѣ 6609 (1101). Престависѣ Всеславъ Полоцьскыи князь . мѣца . априла . въ . дѣ . днѣ . въ . ѿ . час . днѣ . въ среду» [Лавр., 1101]. Замечено, что 14 апреля в 1101, согласно Пасхалии, приходилось на воскресенье, а не на среду: среда же выпадала на 3 или 10 апреля. Учитывая текстологический фактор, датой смерти Всеслава Брячиславича, на наш взгляд, следует считать 10 апреля, то есть среду на пятой неделе Великого Поста (заметим, сразу за Крестопоклонной!). Таким образом, Всеслав Брячиславич, который, как выразился автор «Слова о полку Игореве», «много бед терпяше», ушёл «путем всея земли» в день, когда Церковью поминается начало Христовых крестных страданий, и в тот час, когда в Полоцкой Софии шла служба 9-го часа в воспоминание Крестной смерти Господа.

Навероятно, что и полочане и князья полоцкого дома, прежде всего наследник Всеслава – Борис Всеславич, восприняли это как чудесное знамение как знак Божией милости к почившему.

Эпизод 8. Можно предположить, что вскоре после кончины отца Борис Всеславич, желая выразить и утвердить верность Кресту Господню, велит выбить на валунах, вынутых из русла Западной Двины, изображения Голгофского креста с надписью «ІС ХС НИКА Господи, помози рабу Своему Борису», помятуя, в какой священный трепет приводили его громадные камни с выбитыми на них крестами, виденные им в водской земле.

Известно, что по Западной Двине шёл важный торговый путь – часть пути «из варяг в греки». Ещё большее значение имела водная дорога по Западной Двине от Полоцка на восток, к Витебску и далее к Смоленску, вглубь русских земель. Таким образом, Двина для Полоцкой земли была живоносной артерией, которую Борис Всеславич всеми силами должен был сохранить, и тем важнее было оградить её защитой Креста Господня.

Эпизод 9. Заручиться помощью Креста Господня было тем более важно для Бориса Всеславича, что начало его княжения ознаменовалось очередными жестокими усобицами «внуков Ярославлих» и пугающими небесными знаменьями: «мѣца генварѣ . въ . кѣ . днѣ по . г . днѣ (согласно Пасхалии, это дни со среды по пятницу седмицы о мытаре и фарисее) Акы пожарная зарѣ . ѿ вѣстока . и оуга . и запада . и сѣвера . и быс тако свѣтъ всю ночь . акы ѿ луны полны свѣтащѣса . в то же лѣтѣ . быс знаменьє в лунѣ . мѣца . ѿевралѣ . въ . ѿ . днѣ . тогожѣ . мѣца . въ . з . днѣ быс знаменьє в солнці (согласно Пасхалии, это среда и пятница седмицы о блудном сыне). вгородилосѣ баше слнце . в три дугы . и быша другыя дугы хребты к собѣ . и сия видаше знаменья блговѣрнии черньци . со въздыханьєм молахуса к Бу . и со слезами . дабы Бѣ вбратилъ знаменья си на добро» [Лавр. 1102].

Для Полотчины эти знаменья, происшедшие в дни особого поминания Креста Господня, оказались не к добру: умер Полоцкий епископ; Глеб Всеславич, князь Минский, начал усобицу со старшими из Всеславичей, Романом и Давидом, и изгнал их из Полоцкой земли, а их уделы (вероятно, Друцк и Изяславль) захватил.

Эпизод 10. В конце зимы 1104 мартовского года Святополк Изяславич Киевский организовал совместный поход русских князей на Минск, где княжил Глеб Всеславич, попытавшийся, как известно, в 1101 г. отнять у него часть удела. Замирившись с великим Киевским князем, Глеб, вероятно, попытался наладить отношения и с братьями, Полоцкими князьями. И тут, словно Божие наставление Борису Всеславичу, «быс знаменьє . стояше слнце в крузѣ . а посередѣ круга крѣтъ а посередѣ крѣта слнце . а внѣ круга вбаполты . два слнца . а надѣ слнцмѣ кромѣ кру-

га дуга . рогама на сѣверь . такожъ знаменьє и в лунѣ . тѣмъ же вобразомъ . мѣца . ѿевралъ . въ . дѣ . и . ѿ . и . ѿ . днѣ . в днѣ по . гѣ . дни . а в ночь в лунѣ по . гѣ . нощи» [Лавр., 1104]. И Борис Всеславич простил брата.

Вероятно также, что в тот год, под сенью этого дивного знаменья Креста, родились в Полоцкой земле два будущих её «солнца», две девочки, две княжны: у Святослава Всеславича в Витебске – Предслава, у Бориса Всеславича в Полоцке – Звенислава. Обе – долгожданный плод родительских молитв.

Эпизод 11. Глеб Минский, нарушив данное им в 1116 году крестоцелование Владимиру Мономаху, «паки начал воевать области владимировых детей: Новгородскую и Смоленскую» [6, с. 133]. Известно, что когда войско Глеба уже было в пути, произошло землетрясение: «в се же лѣто потрясеса земля . септѣбра въ двадесать шестии» [Ипат., 1117], однако это зловещее знамение не остановило Глеба, он продолжил поход и потерпел поражение. Простой арифметический подсчет с учетом Пасхалии 1117 г. показывает, что выступление было назначено Глебом в седмицу после Крестовоздвижения (16-22 сентября), иначе говоря, после молитв Кресту Господню о вспомоществовании.

«Владимир, хотя беспокойство сего князя смирить, – сообщает В.Н. Татищев, – послал Мстислава, сына <...> велел, как возможно, Глеба самого, поймав, привезти. Мстислав же, пришел вскоре, Минск оступя, взял где Глеба, не прияв его просьбы о мире, пленил и в Киев привез, где он в заточении преставился» [6, с. 134].

Просидев в оковах более года, «престависа . Глѣбъ в Киевѣ Всеславичъ . септѣбра въ гѣ» [Ипат., 1119], то есть в канун Крестовоздвижения, и, видимо уже на следующий день – в празднование Воздвиженья Животворящего Креста Господня, которое в тот год пришлось на воскресенье, его вдова, Анастасия Ярополковна позаботилась о том, чтобы он был тихо погребён в Успенском соборе Киево-Печерского монастыря рядом с ракой св. Феодосия Печерского.

Эпизод 12. Скрупулёзный сопоставительный анализ сведений, приведённых в разных списках «Жития преп. Евфросинии Полоцкой», и летописных данных позволяет с большой долей уверенности датировать передачу «церковьи Святаго Спаса в Селци» 31 июля 1124 года – в канун праздника Происхождения (изнесения) Честных Древ Животворящего Креста Господня. Праздник возник в IX веке в Константинополе, а на Руси в эпоху преп. Евфросинии ещё не был распространён. Однако в Византии и во всех других поместных Церквях этого времени он уже праздновался. И можно с большой долей уверенности утверждать, что его распространение по Руси началось именно с Полоцкой земли.

Эпизод 13. Сознательно нарушив хронологию изложения, заметим, что в свете сказанного значительно облегчается интерпретация фрагмента из Жития преп. Евфросинии Полоцкой, где сообщается о принесении в Полоцк из Византии списка с иконы Божьей Матери Эфесской, и, как становится понятным, – непосредственная связь этого деяния с созданием по велению Преподобной воздвизального креста-реликвария Лазарем Богшей (1161 г.). С уверенностью можно предполагать, что на оборотной стороне Богородичного образа, принесенного в Полоцк, было изображено Распятие [Шалина 1996, с. 207]. Эта икона во время шествий выносилась вместе с воздвизальным крестом, что, по мнению исследователей, воспроизводило поминальное бегослужение, возможно, подобное пятничной вечерней пресбейе константинопольского монастыря Пантократора [см. Паттерсон-Шевченко 1994, с. 40-44; Шалина 1996, с. 208].

Эпизод 14. В летописях сохранилось предельно краткое сообщение о кончине князя Бориса: «Престависа князь Полотьскыи Борисъ» (Лавр. 1128). Поскольку это первая запись за 1128 мартовский год, а за ней следует сообщение о половодье, то можно полагать, что Борис Всеславич скончался в конце марта. На это время в 1128 году приходилась Крестопоклонная седмица (25–31 марта), а Неделя Крестопоклонная совпала с Благовещением (25 марта). Вполне возможно, что Борис Полоцкий скончался именно в эту седмицу, или даже именно в то Крестопоклонное воскресенье – 25 марта 1128 года.

Таким образом, интерпретация нарративных источников с привлечением церковного календаря не только подтверждает предположение об особом почитании Креста Господня в полоцком княжеском доме, но и указывает на его образец – византийский императорский дом.

1. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Изд-е 1-е. – Т. II. – СПб., 1843. – 392 с. – [Электронный ресурс] / Полное собрание русских летописей. – Режим доступа: http://psrl.csu.ru/toms/Tom_02.shtml. – Дата доступа: 20.11.2017.
2. Лаврентьевская и Троицкая летописи // Полное собрание русских летописей. Изд-е 1-е. – Т. I. – СПб., 1846 г. – 392 с. – [Электронный ресурс] / Полное собрание русских летописей. – Режим доступа: http://psrl.csu.ru/toms/Tom_01.shtml. – Дата доступа: 22.11.2017.
3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. [Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова]. – М.; Л., Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. – 642 с.
4. Паттерсон-Шевченко, Н. Иконы в литургии / Н. Паттерсон-Шевченко // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство / ред.-состав. А. М. Лидов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. – С. 35–54.
5. Потравнов, А. Л. Каменные кресты в круге на северо-западе России / А. Л. Потравнов, Т. Ю. Хмельник. [Электронный ресурс] / Регионавтика: северо-запад. – Режим доступа: http://regionavtica.ru/articles/kamennye_kresty_v_kruge_na_severo-zapade_rossii.html и [http://regionavtica.ru/articles/kamennye_kresty_ugo-zapadnoj_chasti_leningradskoj_oblasti_\(chast_vtoraia\).html](http://regionavtica.ru/articles/kamennye_kresty_ugo-zapadnoj_chasti_leningradskoj_oblasti_(chast_vtoraia).html) – Дата доступа: 14.11.2017.
6. Татищев, В. Н. История Российская с самых древнейших времен: [в 5 кн.] / [Соч.] Васильем Никитичем Татищевым. – М. [1768-1848]. – Кн. II. – 1773. – [8], 536 с.
7. Трушников, А. В. Пятницкая церковь Бельчицкого монастыря в контексте полоцкого зодчества конца XI – первой трети XII в. / А. В. Трушников // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2016. – № 11(73): в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 166–170.
8. Шалина, И. А. Богоматерь Эфесская-Полоцкая-Корсунская-Торопецкая: исторические имена и архетип чудотворной иконы / И. А. Шалина // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. – М.: Мартис, 1996. — (560 с.) – С. 200–236.

Подберёзкин Ф.Д.
К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ
«МЛАДШЕЙ ЛИВОНСКОЙ РИФМОВАННОЙ ХРОНИКИ»
КАК ИСТОЧНИКА ПО ИСТОРИИ ВОЙНЫ
НА РУССКО-ЛИВОНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ В 40-Х ГГ. XIV В.

Введение. С конца XIX в. «Младшая ливонская рифмованная хроника» (далее – «МЛРХ») считалась одним из основных источников по истории Ливонии в 40-е гг. XIV в. В частности, МЛРХ признавалась главным источником по истории восстания эстов против немецких и датских господ в 1343–1345 гг. [12, S. 57]. Несмотря на обильный материал по истории русско-ливонских отношений, в восточноевропейской историографии МЛРХ до сих является малоиспользуемым источником, как бы выпадающая из научного оборота. Автор хроники, предположительно, священник Немецкого ордена [9, S. 26, 30] Бартоломей Хёнеке, описывает события с 1315 по 1348 гг.; наиболее подробно он излагает события на территории Дерптского епископства с момента избрания магистра Немецкого ордена в Ливонии Бурхарда фон Драйлебена (1340) до поражения литовцев на р. Стреве (1348). В связи с этим издатель хроники Константин Хельбаум заключил, что Хёнеке жил рядом с владениями епископа [6, S. XIV–XX]. Оригинальный текст МЛРХ сохранился лишь в пересказе ливонского хрониста XVI в. Иоганна Реннера, который называл Хёнеке в числе своих основных источников [7, S. 3]. Хельбаум попытался реконструировать первоначальный текст МЛРХ и издал его в 1872 г. В 2011 г. немецкий исследователь Арно Ментцель-Ройтерс подверг критике реконструкцию Хельбаума. По мнению Ментцель-Ройтерса, Иоганн Реннер существенно изменил литературный образ своего источника, передал «только очищенную событийную канву, из которой было удалено все, что не отвечало локально-историческому, лютеранскому интересу из XVI века» [9, S. 53].

Таким образом, на МЛРХ как самостоятельном источнике можно было бы «ставить крест», если бы не одно обстоятельство. В хронике имеется ряд сведений 40-х гг. XIV в., которые подтверждаются либо дополняются материалом русских летописей. Ниже мы дадим общую характеристику этих сюжетов, относящихся к «забытой войне» на ливонском пограничье, в изучении которой МЛРХ ещё не использовалась. «Забытой войной» на ливонском пограничье назвал серию конфликтов между Псковом, Новгородом, Великим княжеством Литовским и входившим в его состав Витебским княжеством, Дерптским епископством и Немецким орденом в 1341–1348 гг. белорусский историк Алексей Мартынюк. Исследователь впервые синхронизировал сообщения русских ле-

тописей и ливонских хроник Германа из Вартберга и Виганда из Марбурга, представив общую логику и хронологию событий [1; 2].

Даты. Бартоломей Хёнеке сообщает, что к празднику Благовещения (*up annunciationis Marie*) 1342 г. возле русско-ливонской границы были построены два укрепления – Мариенбург (ставка комтура Ордена) и Фрауэнбург (в Дерптском епископстве, Нейгаузен – в русской традиции) [6, S. 13]. Более поздний хронист Герман из Вартберга [11] также упоминает постройку замков к Благовещению 1342 г. [10, S. 70] – отсюда можно уверенно датировать окончание сооружения обоих укреплений 25 марта. Согласно псковским летописям, немцы начали строительные работы зимой [4, с. 18] – значит, замки были построены после 21 декабря 1341 г. (дата похода псковского войска князя Александра Всеволодовича согласно Псковской третьей летописи [5, с. 93]), до 25 марта 1342 г. Постройка крепости побудила псковичей к ответным действиям – они «в то время, коли городок Немцы поставили, ехавше за Норову в мале дружине и взяша посад Ругодива» [4, с. 18]. МЛРХ позволяет точно датировать этот поход («в следующий понедельник пасхи» – 1 апреля 1342 г.). Правда, рассказ Хёнеке несколько противоречит русской версии – русские взяли не только посад, но и сожгли весь город [6, S. 14]. Если верить МЛРХ, то именно к апрелю 1342 г. следует относить «грабежи и поджоги» приходской церкви в Нарве, о которых упоминалось в привилегии оной церкви датского короля Вольдемара 2 февраля 1345 г. [8, S. 378–379].

Сходство можно наблюдать в псковской летописи и МЛРХ в датировке похода «комтура Феллина, фогта из Эстонии, епископских людей из Дерпта, королевских людей из Ревеля (датчан – *Ф.П.*)» под Изборск в 1342 г. Согласно Хёнеке, немцы планировали быть под Изборском в «субботу перед Лаврентием» (*des sonnavendes vor Laurentii*), т.е. 3 августа 1342 г. (день св. Лаврентия Римского – 10 августа, суббота 1342 г.) [6, S. 17]. В псковской летописи сказано, что 2 августа 1342 г., во время похода к русско-ливонскому «сумежию» (к границе с Дерптским епископством), отряд псковичей и изборян под руководством литовского князя Юрия Витовтовича встретился с немцами «на Микужичьскомъ поли оу Микужичи речки» – было убито 60 русских, князь Юрий убежал в Изборск [4, с. 18; 5, с. 95]. Согласно летописи, немцы пришли под Изборск «на оутрия» следующего дня [4, с. 18] – т.е., 3 августа (как и было запланировано). По Псковской первой летописи, немцы осаждали Изборск 10 дней [4, с. 18], по Хёнеке – 9 дней [6, S. 18] (с 3 по 11 либо 12 августа 1342 г.). Таким образом, русские источники и МЛРХ позволяют достоверно выяснить время осады.

Численность войск. Бартоломей Хёнеке проявлял большой интерес к числам – в МЛРХ часто можно найти реалистичные данные о количестве воинов Немецкого ордена и его соперников. Хёнеке сообщает, что, сразу после постройки двух замков на границе с Псковской землей, 400 псковичей попытались захватить укрепления (вероятно, в период с 25 марта по 1 апреля 1342 г.). Штурм был неудачным, погибло 82 русских, было много раненых [6, S. 13–14]. Данный сюжет отсутствует в других ливонских хрониках Германа из Вартберга и Виганда из Марбурга. В псковской летописи о нем не упоминается – сразу после сообщения о строительстве «Нового городка» следует рассказ о сожжении псковичами посада Ругодива (нем. Нарвы), после 1 апреля 1342 г. Летописец отмечает, что псковичи ходили на Ругодив в «мале дружине» [4, с. 18]. Если сравнить данные МЛРХ о нападении на орденские замки и Нарву, то в первом случае Хёнеке говорит просто о войске («*ein heer*»), а во втором о «большом войске» («*groth heer*») и не передает его точную численность. Можно предположить, что псковский летописец назвал «малой дружиной» ту рать в 400 человек, которая штурмовала замки. Вполне вероятно, что псковичи в спешке не забирали убитых; отсюда братья Ордена легко могли подсчитать количество убитых в 82 человека – орденскому священнику было нетрудно узнать эту цифру. Вероятнее всего, после возвращения из неудачного похода на замки, псковичи могли серьезно усилить свою рать для похода на Ругодив – отсюда фраза МЛРХ о «большом войске».

Согласно МЛРХ, в мае 1342 года «молодой комтур Мариенбурга фон Витингхофф» («*van Vitinghoff*») с отрядом в 60 человек опустошал окрестности возле р. Великой. Комтур постарался не ввязываться в бой с высланной против него русской ратью в 600 человек. По-видимому, русские преследовали комтура – в одной из стычек немцы убили 12 русских, среди них – «бургграфа Филиппа, который и начал войну» [6, S. 15, 16]. В Псковской первой летописи сюжет об этой стычке отсутствует; в Псковской третьей летописи говорится, как в мае 1342 г.

(в летописи приведена неверная дата – 1341 г.) посадники Филипп Ледович и Олферий Селкович с небольшим отрядом в 60 «охочих» людей вышли «воевать Лотыгору» и немцев, которые «воевали волости псковские» [5, с. 94]. Псковичи ожидали помощи жителей Острова, но те не успели к началу сражения 5 июня 1342 г. Русские потеряли Филиппа, Олферия и еще 7 человек (в итоге – 9), что сходно с данными Хёнеке о 12 убитых. Псковская летопись сообщает о «малой дружине» русских. Маловероятно, что Филиппу удалось набрать 600 «охочих людей» без помощи «островичей». «Островичи» подоспели на поле боя уже после гибели Филиппа и Олферия – скорее всего, отсюда данные Хёнеке о 600 русских ратниках. С другой стороны, немцев и «Лотыгоры» могло быть больше 60 – помимо одного убитого знатного рыцаря и раненного в глаз комтура Витингхоффа, хронист сообщает о 4 убитых леттах [6, S. 16] – таким образом, немецкий отряд получил помощь леттов и явно насчитывал больше 60 человек. Вскоре после стычки комтура с отрядом Филиппа и Олферия немцы собирают «большое войско» – по всей видимости, оно и оценивается Псковской третьей летописью как «200 и боле» [5, с. 94].

Во время осады Изборска (3–11 либо 3–10 августа 1342 г.), на помощь к осажденным изборянам пришла рать литовских князей Ольгерда и Кейстута. Согласно псковской летописи, войско состояло из «литовников», псковичей и «витеблян» [4, с. 19]. МЛРХ говорит о 600 литовцах, «которые пришли русским на помощь» [6, S. 18]. От «языка» Ольгерд «поведа силу велика немецкия рати» и решил не вступать в бой с немцами [4, с. 19; 5, с. 95]. Хёнеке также отмечает осторожность литовцев, которые «уже хорошо знали ливонского магистра» и потому не решались «выйти из города» [6, S. 18]. Очевидно, что объединенное войско немцев и датчан (см. выше) явно превосходило дружину Ольгерда – удостоверившись об этом от «языка», литовский князь решил не вступать в прямое столкновение.

В описании майского похода 1343 г. псковичей в Дерптское епископство Хёнеке называет оценивает русскую рать в 5000 воинов [6, S. 27–28]. В псковских и новгородских летописях мы находим ту же цифру – 5000 псковичей и изборян [4, с. 11, 12, 20; 5, с. 25–26, 97–98; 3, с. 356–357]. Такое совпадение в оценке численности войск в независимых друг от друга источниках является редкостью для средневековых источников.

Уникальные сведения. В МЛРХ есть несколько уникальных сюжетов, описывающих подробности пограничной войны с русскими, которые не встречаются как в более поздних хрониках Германа из Вартберга и Виганда из Марбурга, так и в русских летописях. Это сюжеты о посольстве магистра Немецкого ордена Бурхарда фон Драйлебена в Новгород (осенью 1341 г., после убийства псковских послов 9 сентября), нападение псковского отряда на немецкие замки Мариенбург и Нейгаузен (между 25 марта и 1 апреля 1342 г.), рейды комтуров Мариенбурга, Трайдена и брата Бернда фон Ольдендорпа (van Oldendorp) в псковские земли (апрель – май 1342 г.), рейд фогта Йёрвена (конец 1342 г.). Из МЛРХ мы узнаем, что поход псковской и изборской рати на земли Дерптского епископства в мае 1343 г. состоялся по приглашению восставших эстов [6, S. 2, 13–17, 19, 27]. Упомянутые сообщения отражают реалии «частных» и «индивидуальных войн», которые велись на ливонском пограничье в 40-х гг. XIV в. [2, с. 37–38]).

Заключение. Остаётся ли «Младшая ливонская рифмованная хроника» надёжным историческим источником? В литературном отношении – вряд ли, если согласиться с доводами немецкого исследователя А. Ментцель-Ройтерса. В то же время сам историк оставляет место для надежды – в своей статье он опубликовал «Берлинский фрагмент» из собраний Тайного государственного архива прусского культурного наследия [9, S. 54–58]. А. Ментцель-Ройтерс полагает, что данный фрагмент может являться отрывком из хроники Хёнеке, написанной, по его мнению, на восточносредне-немецком диалекте (Опубликованный отрывок имеет сюжетное сходство с событиями восстания «Юрьевой ночи» 1343 года, описанными в «Ливонской истории» Реннера). Следовательно, у частичной литературной реконструкции МЛРХ имеются перспективы.

Как показало наше исследование, в историческом отношении МЛРХ является источником достоверных и уникальных сведений – по крайней мере, для событий истории русско-ливонских отношений в 40-х гг. XIV в. Парадоксально, что Иоганн Реннер, изменив литературный облик хроники, тем не менее точно передал нам ряд событий, подтверждаемых русскими летописями (заметим, что материал МЛРХ в целом подтверждает реконструкцию событий, проведенную А.В. Мартынюком на основании русских источников и двух других ливонских

хроник 2 пол. XIV в.). Невозможно допустить, чтобы Реннер (как и другие ливонские хронисты его времени) в своем пересказе пользовался русскими источниками. В случае с МЛРХ мы имеем тот редкий в средневековой хронистике случай, когда главной целью автора изначального протографа и его пересказчика была достоверная, почти протокольная передача событий, дат, и численности войск. Данное обстоятельство позволяет установить ряд новых фактов из истории русско-ливонских отношений в середине XIV в. Новые оценки «забытой войны на ливонском пограничье» на основании сравнительного изучения текста МЛРХ в пересказе Реннера и русских летописей являются проблематикой будущих исследований.

1. Мартынюк, А. В. Между Псковом, Витебском и Нейгаузеном: забытая война на ливонском пограничье в середине XIV века. Часть 1 / А. В. Мартынюк // Ученые записки УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова». – Т. 21. – Витебск, 2016. – С. 30–36;
2. Мартынюк, А. В. Между Псковом, Витебском и Нейгаузеном: забытая война на ливонском пограничье в середине XIV века. Часть 2 / А. В. Мартынюк // Ученые записки УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова» – Т. 22. – Витебск, 2016. – С. 33–38.
3. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода / под. ред. и с пред. А. Н. Насонова. – М.-Л., 1950.
4. Псковские летописи / под. ред. А. Н. Насонова. – Выпуск 1. – М.-Л., 1941.
5. Псковские летописи / под. ред. А. Н. Насонова. – Выпуск 2. – М., 1955.
6. Die Jüngere Livländische Reimchronik des Bartholomäus Hoeneke 1315-1348 / Hrsg. von K. Höhlbaum. – Leipzig, 1872.
7. Johann Renner's Livländische Historien / Hrsg. von R. Hausmann und K. Höhlbaum. – Göttingen, 1876.
8. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Hrsg. von F.G. von Bunge. – Bd. 2: 1301–1367. – Reval, 1855.
9. Mentzel-Reuters, A. Bartholomäus Hoeneke. Ein Historiograph zwischen Überlieferung und Fiktion / A. Mentzel-Reuters // Geschichtsschreibung im mittelalterlichen Livland. – Berlin, 2011. – S. 11 – 58.
10. Scriptores rerum Prussicarum / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen und E. Strehlke – Bd. 2. – Leipzig, 1863.
11. Selart, A. Die livländische Chronik des Hermann von Wartberge / A. Selart // Geschichtsschreibung im mittelalterlichen Livland. – Münster, 2011. – S. 59 – 85.
12. Vahre, S. Die Darstellung des Estenaufstandes 1343 bis 1345 in Deutschordenschroniken / S. Vahre // Aus der Geschichte Altlivlands: Festschrift für Heinz von zur Mühlen zum 90. Geburtstag. – Münster, 2004. – S. 55–69.

Риер Я.А.

«НОВАЯ ПРУССКАЯ ХРОНИКА» ВИГАНДА ИЗ МАРБУРГА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕЙ ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

В процессе изучения вопросов, связанных с ранней историей ВКЛ, исследователи зачастую сталкиваются с проблемой недостаточного количества источников, их фрагментарностью и дискуссионным аспектом достоверности содержащихся в них сведений. Кроме того, наши знания о начальном этапе формирования ВКЛ основываются, главным образом, на более поздних летописях, содержащих относящиеся к данному времени записи. Поэтому большое значение в процессе таких исследований может иметь изучение европейских хроник, в которых можно найти информацию о происходящих на литовско-белорусских землях событиях в XIII–XIV вв., а также упоминания о первых правителях складывающегося государства. При этом особенно пристальное внимание стоит уделить источникам, созданным на территории Немецкого ордена или Пруссии. Несмотря на отдельные неточности в хронологии и названиях, а также ярко выраженную критику языческой Литвы и ее правителей, авторы подобных нарративов придерживались строгих принципов фиксации важнейших событий, происходивших на соседних землях. Помимо этого, именно на данных территориях сохранилось большое количество произведений, созданных при жизни первых правителей ВКЛ, а значит, отражавших реальные процессы, происходившие в данном государственном образовании на первых этапах его формирования.

Для изучения ранней истории ВКЛ большое значение может играть написанная в конце XIV – начале XV в. в рифмованной форме на средневерхненемецком языке *«Новая прусская хроника»* («Chronica nova Pruthenica») *Виганда из Марбурга* (Wigand von Marburg). Ряд исследователей склоняется к мнению о том, что она могла быть написана в 1394 г. в Кёнигсберге [4, с. 5]. Не дошедшая до наших дней в оригинале, она сохранилась в латинском переводе, созданном по просьбе Яна Длугоша в XV в. Сам перевод был найден в 1821 г. К. Лукасом в библиотеке монасты-

ря бернардинцев в Торунь и впервые издан немецким историком Иоганном Войгтом и польским меценатом графом Эдвардом Рачинским в 1842 г. в Познани на латинском языке [4, с. 5]. Несмотря на то, что до сих пор ведутся споры о происхождении автора «Хроники» и его настоящем имени, абсолютно очевидна принадлежность хрониста к немецкой исторической традиции.

Автор, описывающий события из истории Ордена с конца XIII в. по 1394 г., по всей видимости, не был знаком с трудом Петра из Дусбурга, который активно использовали многие европейские хронисты при создании своих нарративов. Вместе с тем, Виганд из Марбурга активно использовал сведения «Оливской хроники» и работу Германа из Вартберга. Будучи герольдом Немецкого Ордена, он имел доступ ко многим дипломатическим документам своего времени (включая несохранившиеся рукописные источники, дорожные записи, орденские некрологи и др.), что отложило своеобразный отпечаток на характер работы [3, с. 13].

Одним из первых в восточноевропейской историографии на «Хронику» обратил внимание А.И. Барбашев, который в конце XIX в. в своей работе «Летописные источники для истории Литвы в средние века» отметил ее в качестве одного из значимых источников по изучению ранней истории ВКЛ [3, с. 13]. Далее на долгое время «Хроника» практически ускользнула из поля зрения представителей отечественной историографии. Новый виток интереса к ней возник уже в начале XX в. Об этом говорит не только привлечение «Хроники» в качестве источника для трудов по средневековой истории Центральной и Восточной Европы, но и ее переиздание в Москве в 2014 г. [4] и в Торунь в 2017 г. [2]. Особенно хотелось бы отметить значение последнего издания, которое характеризуется глубокой степенью проработки, наличием обширного предисловия и содержательных комментариев, которые могут значительно облегчить работу с текстом. Вместе с тем, до сих пор в отечественной историографии данному нарративному источнику не уделяется должного внимания. Вместе с тем, он содержит ценнейшие сведения по ранней истории ВКЛ.

Большое значение данная хроника имеет благодаря подробному описанию процессов, происходивших на соседних Ордену территориях, в том числе, литовско-белорусских, землях. Помимо информации о военных походах, описания военных приспособлений, используемых различными армиями, или характеристики деятельности Немецкого Ордена на указанных территориях, «Хроника» Виганда из Марбурга содержит важные сведения о политике, проводимой первыми правителями ВКЛ, в частности, Витенем, Гедимином и Кейстутом [5, с. 11].

Первым правителем начального этапа становления ВКЛ, которому автор уделяет значительное внимание, является Витень, представленный под пером хрониста «королем Литвы» – «Wytan rex Lithwanorum» [1, с. 454]. Несмотря на общее негативное отношение к языческим племенам и их главе, автор не отрицает силы и могущества литовского монарха. Особое внимание при этом он посвящает событиям 1311 г. – походу Витеня и его союзников русинов в земли Пруссии, который сопровождали грабежи и разорения [1, с. 454].

Таким же «языческим правителем» и «королем» в «Хронике» Виганда из Марбурга представлен и Гедимин. Не отрицая его законного статуса как главы государства, хронист подчеркивает стремление Гедимины проводить политику, направленную на борьбу с Орденом [1, с. 471]. Нельзя не отметить, что автор хроники, упоминая Гедимины наряду с другими европейскими правителями и не отрицая факта его правления и власти, которой он обладал в обществе, все-таки стремился подчеркнуть его более низкий легитимный статус по сравнению с другими христианскими монархами. И хотя он не «лишает» его титула «короля», но придает ему «языческий характер»: «*Три короля поочередно враждовали между собой – Локеток, король Польши, язычник* [выделено автором – Я. Р.] *Гедимин Литовский и король Венгрии*» [1, с. 471]. Титул «король» присутствует также при описании событий, связанных непосредственно с его политикой. Тем не менее, сведений о нем категорически мало, а немногочисленные упоминания Гедимины носят скорее констатирующий характер. Это, в свою очередь, является общей тенденцией немецких хроник, созданных на территории Ордена. А следующими правителями, политике которых автор хроники уделяет действительно пристальное внимание, являются Кейстут, а также Ольгерд. При этом, военные события, связанные с именем Кейстута, описаны с особой тщательностью, несмотря на все тот же образ его как «языческого» короля, противника христиан [2, с. 283, 287]. Так, из «Хроники» можно узнать о военных столкновениях 1360-х гг. в районе Гродно, Мальборка и др. Кроме того, примечательным с нашей точки зрения является

описание строительства замка в Новом Ковно, моста через Неман и других достижений, связанных с локальной историей [2, с. 321].

Вместе с тем, мы не будем здесь останавливаться на детальном анализе описания Вигандом конкретной деятельности Кейстута, Ольгерда или полоцкого князя Андрея, политике которого хронист также уделяет достаточно пристальное внимание, так как данные вопросы являются темой отдельного, масштабного исследования. Обращаясь же к общим аспектам «Хроники», которые могут иметь ценность в анализе общеисторических процессов, протекавших на территории ВКЛ в XIII–XIV вв., можно отметить содержание в ней интересных сведений о характере военных походов ВКЛ, особенностях литовской военной стратегии, основных направлениях политики первых монархов, характере складывающегося государства в целом, а также месте и роли первых правителей ВКЛ как внутри самого общества, так и в европейском сообществе. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что сам факт того, что хронист Немецкого Ордена уделяет настолько пристальное внимание различным аспектам политики соседнего государства, находящемуся в указанный период времени, согласно общепринятой в отечественной историографии точке зрения, в процессе своего формирования, говорит о большой силе, которую имело ВКЛ в конце XIV в. в глазах европейского сообщества в целом и Ордена в частности, а также несомненно свидетельствует о его признании в качестве полноценного, легитимного, пусть и языческого, государства.

Таким образом, «Новая прусская хроника» Виганда из Марбурга является ценным источником по изучению ранней истории ВКЛ, особенно в контексте исследования процессов государствообразования, а также анализа процессов институционализации власти на литовско-белорусских землях.

1. Die Chronik Wigands von Marburg. Originalfragmente, latenische Uebersetzung und sonstige Ueberreste, herausgegeben von Theodor Hirsch / Wigand von Marburg // *Scriptores rerum Prussicarum* / ed. by Ernst Strehlke. – Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1863. – S. 429–866.
2. Wigand von Marburg Nowa kronika pruska / Wigand von Marburg [opr. Slawomir Zonenberg, Krzysztof Kwiatkowski]. – Torun : Towarzystwo Naukowe w Toruniu, 2017. – 666 s.
3. Барбашев, А. И. Летописные источники для истории Литвы в средние века / А. И. Барбашев. – СПб. : типография Ю.Н.Эрлих, 1889. – 29 с.
4. Виганд из Марбурга. Новая прусская хроника (1394) / ред. И. А. Настенко, ком. Н. Н. Малишевский. – М. : Новая Панорама, 2014. – 256 с.
5. Риер, Я. А. Первые правители ВКЛ в немецких источниках / Я.А.Риер // *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы*. Выпуск 11. – Минск : РИВШ, 2018. – С. 7–18.

Мартынюк А.В.

РАДЗИВИЛОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ: СОБЛАЗНЫ И СОМНЕНИЯ ВОКРУГ ЗНАМЕНИТОГО ПАМЯТНИКА

Радзивилловская летопись (далее – РЛ) не нуждается в представлении и является одним из самых знаменитых памятников русского летописания. История РЛ неоднократно становилась предметом изучения. Судьбу рукописи удастся проследить с середины XVII века, когда РЛ впервые документально фиксируется в составе библиотеки князей Радзивиллов (что и дало ей название, под которым она известна в научной литературе). В 1671 г. летопись поступает в библиотеку г. Кёнигсберга. Как трофей Семилетней войны рукопись перемещается в Россию и с 1761 г. находится в Библиотеке Академии наук в Санкт-Петербурге. С 1994 г. Радзивилловская летопись доступна для изучения (добавим: и для эстетического любования) в виде факсимильного издания [3; 4]. Данное издание ввело в широкий оборот 618 миниатюр летописи, благодаря которым РЛ и занимает свое особое место в истории русского летописания. Для изучения миниатюр РЛ продолжают сохранять значение классические исследования А.В. Арциховского и О.И. Подобедовой [1; 2]. Здесь и далее мы будем говорить о Радзивилловской летописи как о визуальном памятнике – иллюминированной рукописи исторического содержания, – не рассматривая вопрос об источниках собственно летописного текста.

По кодикологическим признакам рукопись Радзивилловской летописи может быть довольно точно датирована временем около 1490 г. Собственно, на этом и заканчиваются наши достовер-

ные знания об обстоятельствах создания РЛ и начинаются проблемы, за которыми следуют «соблазны и сомнения». Оговоримся сразу, что мы не понимаем последние в негативном ключе, а рассматриваем как «вызов» современным исследователям, который может помочь нам взглянуть на знаменитый памятник. Проблематике «соблазнов и сомнений» и посвящена данная небольшая публикация.

За последние сто лет научного изучения исследователи выдвинули много предположений, где могла быть создана рукопись Радзивилловской летописи: Москва, Тверь, какой-либо иной город или монастырь Северо-Восточной Руси, Смоленск, Новгород и др. Все эти предположения объединяет то, что они сделаны на чисто умозрительных основаниях: никаких надежных данных для решения вопроса о месте создания РЛ нет. По крайней мере Смоленск и Новгород были добавлены в этот список, чтобы объяснить очевидное «западное» влияние на миниатюры РЛ: оба города представляются исследователям теми местами, где это влияние можно предположить с большей или меньшей степенью вероятности. Сравнительно недавно А.П. Толочко предложил в качестве места создания РЛ Владимир-Волынский, введя таким образом в научный оборот «украинскую» версию происхождения памятника [6; 7]. В этом контексте представляется даже несколько странным, что никто до сих пор не предложил «белорусскую» версию создания РЛ. Этот «соблазн», на наш взгляд, совсем несложно реализовать на минимально приемлемом научном уровне, учитывая то внимание, которое в миниатюрах РЛ уделено полоцким сюжетам (например, сюжеты с Рогнедой или индивидуализированные изображения князя Всеслава «Чародея», выбивающиеся из общего визуального ряда). В наш век «национализации истории» и «дележа древнерусского наследства» версия о Полоцке как месте создания РЛ ничем не хуже, чем версия о Москве, Новгороде или Владимире-Волынском. Как справедливо отметил А.П. Толочко, у нас, собственно, нет никаких следов бытования Радзивилловской летописи вне пределов Великого княжества Литовского, где она была впервые документально зафиксирована в XVII веке [7, с. 70].

Иные «соблазны» порождают миниатюры РЛ – яркие, красочные и не имеющие прямых аналогов в культурном пространстве восточнославянского Средневековья. Изучение миниатюр РЛ началось более ста лет назад с указания на их возможные «западные» истоки, связь с визуальными образами западноевропейской средневековой миниатюры и ранней гравюры. Затем фокус внимания исследователей сместился на проблематику своеобразия миниатюр РЛ, их взаимоотношения с древнерусской культурной традицией. Известный исследователь советского времени Б.А. Рыбаков смело «снял позднейшие напластывания» и видел в миниатюрах РЛ следы иллюстрированного летописания предшествующих эпох, вплоть до X века включительно [см. статью исследователя в факсимильном издании РЛ: 4, с. 281–301]. С современной точки зрения это уже не так очевидно, более того – скорее сомнительно. По нашему мнению, необходимо снова вернуться к начальной точке и постараться взглянуть на миниатюры РЛ свежим взглядом. Миниатюры Радзивилловской летописи – это совершенно особый мир визуальных образов, смелый новаторский синтез, который произвели неизвестные нам по имени художники. Удивительно, но два выдающихся памятника иллюстрированного историописания средневековой и раннемодерной Руси – Радзивилловская летопись и Лицевой летописный свод (ЛЛС) – остаются изолированными памятниками, вне прямой связи с предшествующей и последующей культурными традициями. На сегодняшнем этапе изучения проблематики становится очевидным, что РЛ и ЛЛС являются своеобразными «иллюминированными гапаксами» в истории развития русского (восточнославянского) летописания.

Отдельной проблемой остается вопрос о т.н. «пририсовках» к миниатюрам: фигурах зверей, «герольдов» и др. на полях рукописи. За прошедшее столетие сложилась традиция видеть в них аллегорические изображения и истолковать их содержание в историческом ключе, как своеобразный комментарий к тексту летописи (в наиболее развернутом виде – в работе Б.А. Рыбакова [5, с. 184–206]). Смелую попытку пересмотреть данную традицию предпринял А. П. Толочко. По мнению исследователя, перед нами не свидетельства глубокого переосмысления летописного текста, а пробы пера неизвестных нам по имени художников, что, помимо всего прочего, свидетельствует о черновом (а не парадном, как это всегда молчаливо принималось) характере всей рукописи. Исследователю даже удалось указать на точную иконографическую аналогию некоторых из пририсовок, а именно на фрески Успенского собора во Владимире-на-Клязьме, выполненные Даниилом Черным и Андреем Рублевым в начале XV века [6]. Парадоксальным

образом данная находка А.П. Толочко отрицает другую гипотезу этого же исследователя: если художники видели фрески в великорусском Владимире, то предположение о создании рукописи в волыньском Владимире представляется избыточным. Итак, выдвинутая версия об «украинском» происхождении РЛ снова распадается на составные части и отдельные наблюдения о характере и возможных источниках миниатюр.

В этом контексте соблазнительной представляется идея снова вернуться к поиску конкретных прототипов миниатюр Радзивилловской летописи за пределами восточнославянского культурного пространства. С самого начала изучения в них видели влияние западноевропейского Средневековья. Но образы, нашедшие отражение в РЛ, собственно, не совсем средневековые. В этих образах видна конкретная эпоха – XV век, период «осени Средневековья» по выражению голландского историка культуры Йохана Хейзинги. По нашему мнению, можно говорить о «визуальной революции» XV века, когда создатели иллюминированных манускриптов открыли для себя новые темы и по-новому «увидели» окружающий мир. Следы этой «революции» видны в таких памятниках, как: «Книга императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке, «Хроника Констанцкого собора» Ульриха Рихенталя, неопубликованная рукопись Иоганна Реллаха в Нюрнберге и др. Все эти памятники датируются второй половиной XV века и имеют некоторые общие признаки: предметное восприятие окружающего мира, интерес к индивидуальному, интерес к чужим обычаям и культурам (и попытки визуализировать их) и др. По нашему мнению, в этом типологическом ряду перспективно рассматривать и визуальные образы Радзивилловской летописи. Данная проблематика требует дальнейшего изучения.

Итак, в изучении Радзивилловской летописи больше вопросов, чем ответов. Знаменитый памятник предстает перед нами таким же загадочным и одиноким, как и сто лет назад. «Научная интрига» сохраняется, что должно, по нашему мнению, побуждать исследователей к поиску новых подходов и выдвижению новых гипотез.

1. Арциховский, А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник / А. В. Арциховский. – М., 1944.
2. Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории лицевого летописания / О. И. Подобедова. – М., 1965.
3. Радзивилловская летопись / отв. ред. М. В. Кукушкина. – Т. I: Факсимильное воспроизведение рукописи. – СПб.: Глагол; М.: Искусство, 1994.
4. Радзивилловская летопись / отв. ред. М. В. Кукушкина. – Т. II: Текст. Исследование. Описание миниатюр. – СПб.: Глагол; М.: Искусство, 1994.
5. Рыбаков, Б. А. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве» / Б. А. Рыбаков. – М.: Мол. гвардия, 1991.
6. Толочко, А. П. Пририсовки зверей к миниатюрам Радзивилловской летописи и проблема происхождения рукописи / А. П. Толочко // Ruthenica. – 2005. – Vol. IV. – С. 62–84.
7. Толочко, А. П. «Не преступати предела братня» (об источниках миниатюр Радзивилловской летописи) / А. П. Толочко // Ruthenica. – 2014. – Vol. XII. – С. 67–81.

Скварчэўскі Д.В.

АДЛЮСТРАВАННЕ БАЛЦКАГА ПАГАНСТВА Ў ПОМНІКАХ ЛЕТАПІСАННЯ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА

Асабліва сцю даследаванняў дахрысціянскай рэлігіі насельніцтва Беларусі і суседніх краін з'яўляецца малая колькасць наратыўных гістарычных крыніц па гэтай тэме. З аднаго боку, звесткі пра паганства ў летапісных помніках даўно вядомыя, а з другога, дагэтуль застаецца прастора для вывучэння, асабліва ў рэчышчы ўяўленняў насельніцтва XV–XVI стст. пра ўласнае мінулае і асэнсавання сваёй культурнай традыцыі. Важнымі з'яўляюцца не толькі звесткі пра тое, якіх багоў ўшаноўвалі, як выглядалі стоды і якія здзяйсняліся абрады, але і кантэкст паведамленняў пра паганства ў летапісных творах, іх сэнс і сувязь з агульным тэкстам.

Неабходна падкрэсліць, што паганства ў гісторыі Беларусі не было адзінай маналітнай рэлігіяй, як гэта часам стэрэатыпна ўяўляецца. Варта казаць пра паганскія рэлігіі, якія хоць і маюць агульны індаеўрапейскі выток, аднак развіваліся ў розныя гістарычныя перыяды ў розных этнакультурных супольнасцях. І гэта таксама прасочваецца ў помніках беларуска-

літоўскага летапісання, дзе зафіксаваны звесткі пра славянскае і, у большай ступені, пра балцкае паганства.

У летапісах другога агульнадзяржаўнага звода (Красінскага, Альшэўскі, Румянцаўскі, Рачынскага, Еўраінаўскі, Археалагічнага таварыства), які быў створаны ў 20-30-я гады XVI ст., знайшла сваё адлюстраванне дахрысціянская балцкая, а менавіта літоўская, традыцыя, што было абумоўлена ідэалагічнымі і палітычнымі задачамі ў дадзены перыяд гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. Падобныя звесткі ёсць і ў “Хроніцы Быхаўца”, якая належыць да трэцяга летапіснага звода (50–70-я гады XVI ст.), “Хроніцы Літоўскай і Жамойцкай”, якая грунтуецца на хроніцы Мацея Стрыйкоўскага. Асноўныя сюжэты, звязаныя з балцкім паганствам:

- пахаванне Сперы, апісанне пахавальнага абрада, згадка шанавага стода [3, с. 16–17, 129; 4, с. 130, 146, 174, 194, 215];

- пахаванне Кернаса [3, с. 16–17];

- пахаванне Мікгайлы [3, с. 18];

- пахаванне Пяты, згадка шанавага стода і святых ліп [3, с. 22; 4, с. 91, 131, 148, 176, 196, 217];

- пахаванне Кукавойта, згадка шанавага стода [3, с. 24; 4, с. 92, 131, 148, 176, 196, 217], пахаванне бацькі Кукавойта, узгадваецца шанаваныя стод, святыя ліпы і святы гай [3, с. 22];

- апісанне багоў, якім маліўся Міндоўг [3, с. 132–133], вяртанне Міндоўга да паганства [3, с. 27];

- пахаванне Свентарога, апісанне пахавальнага абрада і рэлігійных уяўленняў пра замагільны свет, усталяванне княскай пахавальнай традыцыі [3, с. 30–31, 134; 4, с. 92, 131–132, 149, 177, 197, 218];

- стварэнне Германтам вогненнага ахвярнікаў у гонар Перкуна, згадка пра жрацоў і пакаранне праз спаленне на вогнішчы, калі з-за недагляду згасаў святы агонь [3, с. 31];

- пахаванне Германта і Алігіміна [3, с. 31];

- пахаванне Трабуса і Нарымонта [3, с. 32];

- цырымонія сустрэчы Гедыміна пасля вайскавай выправы [3, с. 39];

- заснаванне Вільні, тлумачэнне сна Ліздзейкам [3, с. 39, 138; 4, с. 96, 153, 201, 222];

- усталяванне Гедымінам свяцілішча і стода Перуна [3, с. 41];

- пахаванне Гедыміна [3, с. 41–42];

- цырымонія сустрэчы Альгерда [3, с. 62];

- забойства манахаў у Вільні [3, с. 140–141];

- шлюб Кейстута з Бірутай [3, с. 62, 138; 4, с. 154, 201, 222];

- цырымонія сустрэчы Ягайлы, выпадак з часткай дрэва святога крыжа [3, с. 144].

Як можна заўважыць, балцкая паганская традыцыя з’яўляецца элементам сюжэтаў як легендарнай часткі, так і гістарычнай да часоў хросту Літвы Ягайлам. Пералічаныя сюжэты лагічна ўпісаны ў агульны аповед, які раскрывае гісторыю дзяржавы. Паганства выступае як неад’емная частка ўласнай гістарычнай літоўскай традыцыі, што адлюстравана і ў пахавальным княскім звычаі, і ў паданні пра заснаванне Вільні, і ў звычаі сустрэчы князя насельніцтвам.

Нягледзячы на шаблоннасць тэкстаў, паведамленні пра паганства ўтрымліваюць рэальную этнаграфічную інфармацыю. У XVI ст. у ВКЛ яшчэ працягвалі існаваць у сялянскім асяродку паганскія абрады, звычаі, уяўленні. Іх апісвалі у сваіх творах Мацей Стрыйкоўскі, Міхалон Літвін, Ян Малецкі, Ян Ласіцкі, Олаф Магнус, Паўль Одэрборн. Сляды існавання паганскіх культаў у гэты перыяд таксама прасочваюцца археалагічна.

Выкарыстанне балцкай паганскай мінуўшчыны тлумачыцца яшчэ тым, што з XVI ст. у летапісах, хроніках і публіцыстычных творах ВКЛ актыўна пачынае распаўсюджвацца “рымская легенда”, якая стала той формай, у якой адбылося асэнсаванне паганства ў ВКЛ. У княстве назіралася цікавасць да паганскай спадчыны, бо яна наўпрост сведчыла аб старажытнасці літоўскага народа і яго рымскіх каранях. Непасрэднае перасяленне рымлян на тэрыторыю будучай Літвы азначала для аўтараў XVI ст. аўтаматычны перанос рымскага паганства ў Літву. Так, напрыклад, пры пахаванні легендарнага князя Сперы, сына Палемона, згадваецца, што яго пахавалі і ўсталявалі ў памяць ідала “подле римского обычая” [4, с. 129]. Таксама ў тагачаснай літаратуры сустракаюцца пэўныя спробы перанясення міфа пра Ромула і Рэма на тутэйшую

глебу. Аўтар “Хронікі Літоўскай і Жамойцкай”, апісваючы паходжанне Ліздзейкі, параўноўвае з паходжаннем Ромула і Рэма [3, с. 39–40]. У такім кантэксте заснаванне Вільні зводнымі братамі Ліздзейкам і Гедымінам ўскосна параўноўвалася з заснаваннем Рыма братамі Ромулам і Рэмам. Цікава, што ўжываліся метады параўнальнай міфалогіі для абгрунтавання праўдзівасці гісторыі. Асэнсаванне літоўскага паганства ў кантэксте “рымскай легенды” павінна было стаць дадатковым аргументам на карысць праўдзівасці легенды пра рымскае паходжанне літоўскай шляхты.

Варта звярнуць увагу на тэрміналогію паведамленняў пра балцкае паганства, якая перадае мясцовыя жывыя паняткі. Для пазначэння культавай скульптуры выкарыстоўваюцца тэрміны ‘балван’ і ‘ісьтолп’, а не царкоўнаславянскія ‘кумир’ ці ‘идол’. Паходжанне тэрміна ‘балван’ да канца не высветлена [5, с. 291], аднак літоўскі даследчык Дайнюс Разаўскас выказаў меркаванне, што тэрмін ‘балван’ можа мець балцкую этымалогію і звязвацца з літ. *balva* ‘дарунак, хабар’, *balvoti* ‘падкупіць, даць хабар’. У літоўскай мове (і не толькі) паняткі ‘дарунак’ і ‘ахвяра’ шчыльна звязаны, і, такім чынам, балван – гэта ‘той, каму прыносяць ахвяры’ [6, р. 131]. З паняццем ‘ісьтолп’, відавочна, звязаны тэрмін ‘стоўб’, якім пазначалася сакральнае месца ля печы ў беларускай хаце, дзе спраўлялі розныя абрады. Адметна, што гэты стоўб таксама, як і культавую скульптуру, называлі ‘балванам’ [5, с. 291]. Вельмі верагодна, што словам ‘ісьтолп’ пазначаліся менавіта драўляныя ідалы, што мелі форму слупа. Пра гэта сведчыць і фрагмент трактата 1622 г. манаха Жыровіцкага манастыра Феадосія: “Семдесят прекладачов преложили рытыну идолом, то ест балвань [...] а балвань есть фалшывое подобенство то ест значачы то, чого правдиве немашь, яко гды погане выставляли слупы Венере, або Менерве, оные знаки балваном были” [2, с. 56]. Пра тое, што культовая скульптура была драўлянай, сведчаць летапісныя радкі: “А потом тот болван изгнил” [4, с. 217]. Аднак, як вядома, культовая дахрысціянская скульптура была і каменнай, што таксама знайшло сваё адлюстраванне ў помніках беларуска-літоўскага летапісання: “Поставил еще Кгедимин болвана перунова з камня кременистого великого” [3, с. 41].

Для хрысціянскіх аўтараў ушанаванне ідалаў з’яўлялася галоўнай характарыстыкай дахрысціянскіх культураў; адсюль паходзіць і тэрмін ‘балвохвалства’ – ідаласлужэнне, якім пазначалася паганская вера. Рэлігійная традыцыя яшчэ хавалася пад выразамі: “поганской вѣри”, “звычайю своего поганского”, “обычаем поганским”, “войско з литвы, прусов поганов”, “безвѣрные литвы”, “безбожное литвы”, “поганы”, “поганцы”.

У летапісах ВКЛ тэрмін ‘жegliще’ пазначае як месца, дзе адбывалася пахаванне паводле абраду крэмацыі [4, с. 197], так і месца ахвярапрынашэнняў, дзе гарэў “вечны” агонь [3, с. 31]. Акрамя ідалаў і святых агнёў летапісы згадваюць наяўнасць шанаваных дрэў (ліпы) і святых гаёў, якія называлі імёнамі легендарных уладароў.

Балцкае паганскае жрэцтва пазначана тэрмінамі ‘ворожбит’, ‘попы поганские’. Летапісныя звесткі дазваляюць меркаваць пра наяўнасць жрэцкай іерархіі, бо пра Ліздзейку гаворыцца, што “за Гедымина найвышшим зостал поганским бискупом” [3, с. 39], ці быў “у князя Кгиндимины ворожбитом навыйшим, потом попом поганским” [4, с. 96]. Паводле летапісаў ВКЛ, паганскія святары выконвалі функцыі дарадцаў, тлумачэння сноў і нябесных з’яў, варажбы, ахвярапрынашэнняў, захоўвання і падтрымання “вечнага” агню. Летапісы, распавядаючы пра Біруту, сведчаць, што святарскія функцыі маглі выконваць і жанчыны: “которая ж дѣвка богом своим подлуг обычаю поганского пошлюбила чыстость ховати, и сама была хвалена от людей за богиню” [4, с. 154].

У “Хроніцы Быхаўца” маецца пералік багоў, якім маліўся Міндоўг: “*perszum Nonadajawi, Telaweli, Dyweryk, zaiczziemu bohu u Medynu*” [3, с. 132–133]. Гэта фрагмент узяты з Галіцка-Валынскага летапіса [1, с. 123]. У творы, які ў якасці дадатка выдадзены ў 32 томе “Полного собрания русских летописей” мы знаходзім: “татаре великими голосами кричали: “Янда, янда, диварикса”, яко бы богу полецалися, а не дияволу” [3, с. 208]. Насамрэч гэта не татарскі, а літоўскі заклік багоў, які таксама знаходзім у Галіцка-Валынскім летапісе: “по-свойскы рекуща: “Янда”, възывающе Богы своа, Аньдая и Диварикса, и вся Богы своа поминаючи, рекома бѣси” [1, с. 133]. Нельга не заўважыць, што аўтар “Хронікі Літоўскай і Жамойцкай” падкрэслівае этнічны характар паганскай рэлігіі ў ВКЛ праз ужыванне балцкага тэоніма Пяркун [3, с. 31].

Варта звярнуць увагу на ўрываек з апісаннем міфалагічных уяўленняў пра замагільны свет: “и так знаменали себе, иж бы бог мел прийти и седеши на горѣ высокои и судити живым и мертвым, на которую будет гору трудно взыти без тых ногтеи рысих або медвежих, и для того

тыи ногти подле тых кладывали, на которых мели на тую гору лезти и на суд до бога ити. А так, ачколвек поганый были, а вжиж потом себе знаменали и в бога одного вѣриля, иж судный день мел быти, и вѣрили з мертвых востаню и одного бога, который мает судити живым и мертвым” [4, с. 92]. Гэты фрагмент адметны тым, што адлюстроўвае працэс дапасавання паганскіх ідэй да хрысціянскага веравучэння. Аўтар падкрэслівае, што старажытныя балты хоць і былі паганцамі, але ўсё адно трымаліся веры ў аднаго бога, божы суд і ўваскрэшэнне. А праз гэта хрост Літвы летапісцам падаецца і ўспрымаецца цалкам заканамерным крокам. Бог у дадзеным выпадку яшчэ не хрысціянскі, але паганскі Dievas, імя якога ўвайшло ў літоўскі хрысціянскі іменаслоў, як гэта адбылося з лацінскім Deus ды славянскім Бог.

У завяршэнні вылучым асноўныя высновы, якія можна зрабіць на падставе адзначаных назіранняў:

1) Інфармацыя пра літоўскае паганства ў помніках летапісання ВКЛ адпавядае гістарычнай рэчаіснасці, што пацвярджаецца археалагічнымі, этнаграфічнымі, фальклорнымі і лінгвістычнымі звесткамі. Аўтары не толькі пераказвалі вядомыя паданні, але з’яўляліся сучаснікамі жывых захаваных традыцый.

2) Паведамленні лагічна ўпісаны ў агульны аповед, які раскрывае гісторыю дзяржавы. Паганства не ўспрымаецца чужой з’явай, не выстаўляецца ў негатыўным святле, але выступае неад’емнай часткай уласнай культурнай і гістарычнай літоўскай традыцыі, да якой ставяцца з павагай.

3) Звесткі пра літоўскае паганства аўтары выкарыстоўвалі ў кантэксце “рымскай легенды”, былі дадатковымі аргументамі на карысць яе праўдзівасці і адным з доказаў рымскага паходжання літоўскай шляхты.

1. Галицко-Волынская летопись: текст, комментарий, исследование / составители: Н. Ф. Котляр, В. Ю. Франчук, А. Г. Плахонин. – СПб. : Алетей, 2005. – 421 с.
2. Мальдзіс, А.І. Невядомы помнік палемічнай літаратуры XVII ст. (“О образех, о реликвиях”) / А.І. Мальдзіс, І.І. Крамко // Беларуская лінгвістыка. – Вып. 24. – 1983. – С. 57–61;
3. Полное собрание русских летописей. Т. 32. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного / сост., авт. предисл. и ред. т. Н. Н. Улащик. – М. : Наука, 1975. – 233 с.
4. Полное собрание русских летописей. Т. 35. Летописи Белорусско-литовские / сост., авт. предисл. и ред. т. Н. Н. Улащик. – М. : Наука, 1980. – 305 с.
5. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа. Т. 1: А–Б / [В. У. Мартынаў і інш. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978. – 440 с.
6. Razauskas, D. Balvonas: skolinys ar veldinys? / D. Razauskas // Baltai ir slavai: dvasinių kultūrų sankirtos. Балты и славяне: пересечения духовных культур. – Vilnius, 2014. – P. 115–131.

Кудрявцева Р.-Е.А.
РУСЬ И ЛИТВА: ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА
В РУССКИХ И БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ЛЕТОПИСЯХ

Образ Руси и Литвы в русских и литовских летописных источниках формировался как форма отражения исторической реальности. Собственно понятие «образ» – философская категория, отражающая результат и форму отражения объекта в человеческом сознании, чьим материальным образом являются различные языковые модели.

Образ Руси и Литвы в летописях строился на основании реальных событий прошлого, известных летописцу лично или по рассказам очевидцев или полученных путем многоэтапной передачи фактов от очевидца к летописцу, обработанных в сознании летописца. Тогда в летописи сообщение о событии будет представлено в виде образа, сочетающего в себе черты реальности объективной и ее отражение в восприятии и оценке автора летописи.

Изучая летописи, нужно учитывать то, что они отличаются от других источников, так как носят субъективный характер, создаются летописцем, вкладывающим в их создание не только свой труд, но и свое видение событий, отношение к ним и их интерпретацию.

На содержание и характера образа влияли условия и способы формирования. К этим условиям могли относиться и место написания летописи, и родина летописца, и удалённость летописца от места событий, род его занятий, сословная принадлежность, приближенность к политическим деятелям и дворам, степень литературного таланта. Все эти условия могут влиять на восприятие авторами летописей исторической действительности. Также важным фактором яв-

ляются свойства субъекта, создающего образ, такие как: возраст, жизненный опыт, кругозор, определённый взгляд на события и окружающий мир.

Во-первых, уже изначально трудно определить авторскую позицию и даже понять, с одним или более авторами мы имеем дело. Во-вторых, не всегда летописец сам был свидетелем описываемых им современных событий и, значит, пользовался сообщениями и рассказами других людей и на его собственное отражение действительности оказывал влияние тот образ, который он получил от очевидца. В-третьих, летописец писал не для себя, он всегда представлял интересы заказчика летописи – своего князя или церковного иерарха и, значит, некоторые элементы образа того, о чем летописец пишет, были уже заданы заранее [5]. В-четвертых, описывая события, автор пропускал их через свое собственное восприятие, свою систему ценностей и приоритетов. В-пятых, на образ, создаваемый летописцем, оказывала влияние летописная традиция, сложившаяся ранее и созданные ранее определенные каноны описания сходных событий, явлений, персоналий.

Немаловажным фактором являются также свойства субъекта, воспринимающего образ, того, кто читает летопись и пользуется ею. Особое место среди них занимали те, кто продолжал традиции повествования о важнейших событиях на Руси и в Литве. Кроме того, восприятие современной им действительности влияло на объяснение событий прошлого с точки зрения современности. Таким образом, можно сказать, что летописный образ транслировался в обе стороны временной оси: служил канонем для понимания событий последующих и влиял на восприятие событий прошлого.

В летописи, как в историческом и литературном произведении, сочетаются фактический «*в року 1515 ... князь московский, зараз послал войска ...на пустошене Литвы... и была война великая, бо-москвы было пятькратболи, нижруси и литвы*»[8]и художественный компонент«*вЪто 1515. ВасилейИвановичь, великый князь московскый, преступив докончание и крестное свое цѣлование, имѣа ненасытную утробу лихоимѣниа, некоторыигорода, очину и дѣдинувеликагославнаго господаря Жикгимонта, короля полскаго и великаго князя литовскаго и рускаго, почал поседати и славныивеликый град Смолнеск взял, бо нет пуцаго человеку как въжделенечюжогоимѣниа, и кроткаго и смирѣнаго немилостива и некротка чинить*» [4]. Помимо формальной констатации и описания фактов, событий и персоналий, летопись носит черты индивидуальности автора. Летописцы, как люди, которым «ничто человеческое не чуждо», входящие в круг образованных людей своего времени, осознанно или не осознанно вносили в «погодную» запись событий свои оценки, комментарии и свое собственное восприятие происходящего или свое отношение к прошлому. Летописец, если он обладал литературным талантом, неизбежно привносил в сухую фактуру летописи яркие и красочные оценки. Именно поэтому исследование летописи как литературного памятника предоставляет историку-исследователю дополнительные возможности для получения исторической информации. Таким образом, историческая канва в летописи не только тесно переплетена с литературной, но, в случаях дефицита у летописца исторической информации литературная составляющая может выходить на первый план.

Летописный образ правителя, события, народа, государства должен был соответствовать идеалам, сформировавшимся в обществе и донести черты этого идеала до читателя летописи, для чего летописцы обильно пользовались «белой» (для «своих») «*вЪто 1225. Тоу же зимѣприидоша Литва, и повоева около Торжьскубеицисла... Князь же Ярославъ... поидоша по них... и тако, божию помощю и святыиСофѣя, отъймавъвсѣполонъ, а самых избиша 2000, а прочиизабѣгоиаша...*» [6] и «черной» (для «чужих») красками: «*В год 1270. Начал княжить в Литве окаянный, беззаконный, проклятый, немилосердный Тройден; а злодеяния его описать не можем: уж очень позорны. Он был такой же беззаконник как... Ирод Иерусалимский, Антиох Сирийский и Нерон Римский и иных много, худших, чем они беззаконий учинил...*» [1, с. 367]. Метод противопоставления в этом случае используется летописцем в качестве художественного средства для создания нужной исторической информации, а там, где летописец увлекается и превращается в писателя, он чаще проговаривается об исторической правде, чем во фрагментах, посвященных изложению событий.

Характерной чертой художественного образа Руси и Литвы в летописях является проникновение религиозного элемента в описание чисто светской деятельности персонажей летописи. Таким образом, в условиях религиозного средневекового мировосприятия, религиозная состав-

ляющая в определении позиции «свой-чужой» являлась наиболее действенной для создания образа врага.

Совсем по-другому подходит летописец к оценке своего князя. Летописцы описывали своего князя, с точки зрения его положения и общественного статуса. Князь предстаёт, прежде всего, защитником своего народа. Когда летописец говорит о противоборстве своего князя с чужим, он также оценивает своего правителя с религиозной точки зрения, на этот раз с положительной.

Основными компонентами содержания образов Руси и Литвы в русских и литовских летописях являлись: князь, войско, люди. Основным образующим компонентом содержания образа является князь, как в русских, так и в литовских летописях. Это можно объяснить тем, что для русских летописцев князь являлся обобщением всех компонентов образа. Деяния князя заменяли собой деятельность государства, а оценки князя совпадали с оценкой его страны, заменяя ее собой. В литовских же летописях князь (как свой, так и чужой) не играл такой системообразующей роли, не вытеснял собой другие компоненты образа страны. В литовских летописях действуют и войска, и полководцы, иногда даже народ, но, конечно, князь также остается основным компонентом образа. Таким образом, можно сделать вывод о том, что различия в политической традиции между Русью и Литвой, усугубляясь с течением времени, приводили к формированию различных стандартов оценивания государственной деятельности в летописях обеих сторон. В русской летописной традиции, особенно с прекращением летописания во всех русских землях, кроме Москвы все более начинала господствовать точка зрения, выраженная Н.М. Карамзиным в посвящении к «Истории государства Российского» – «История народа принадлежит царю» [3, с. 16] и более того, он ее и творит. В литовских источниках продолжает сохраняться традиция отражения деятельности трех, еще древнерусских политических институтов: князя, аристократии и свободного населения.

У авторов летописей были очень жёсткие параметры оценивания: хорошо и плохо. Критерием же служит принадлежность «свой-чужой», от этой принадлежности зависит, по каким правилам князь оценивается: если свой – только с хорошей стороны, если чужой – то, в основном, только с плохой. Если же «чужой» князь в данный исторический момент принимал сторону «своего» князя, то летописец тут же менял своё отношение к нему и применял уже положительные краски как к своему. Здесь стоит вспомнить о яркой и запоминающейся оценке короля Польского и великого князя Литовского Стефана Батория во время осады им Пскова. Русский автор применяет потрясающие сравнения, создает невероятные неологизмы, имеющие, конечно, религиозную окраску для того, чтобы показать отрицательные качества короля и его соратников. Король Стефан описывается как *«неистовый зверь, неуполимый аспид, дикий вепрь пустыни, лютый великий змей»* [7, с. 353], а его войско – это *«змеи на крыльях и мёртвотрупоедающие псы»* [7, с. 353]. Пример оценки князей противоположной стороны, но защищавших русскую землю, можно вспомнить оценку двух литовских князей Ольгердовичей, Дмитрия Полоцкого и Андрея Брянского, которые мужественно сражались в Куликовской битве. Их русские летописцы оценивают уже не как князей «чужих», а как «своих», называя храбрыми сыновьями Литвы, кречетами в ратное время и прославленными полководцами *«храбрые, кречеты в ратное время и полководцы прославленные, под звуки труб их пеленали, под шлемами лелеяли, с конца копья они вскормлены, с острого меча впоены в Литовской земле»* [2, с. 171].

Оба сложившихся образа постепенно стали нести в себе черты стереотипного восприятия Руси и Литвой друг друга. Именно этот упрощённый устойчивый образ создавали летописцы, как русские, так и литовские и использовали его на протяжении нескольких веков. Согласно формулировке понятия стереотип, он создается в условиях дефицита информации, но летопись излагала строго отобранные события, характеризующие политическую и военную деятельность правителей, освещая правителя как носителя власти, если же упоминаются и оцениваются его качества, того это, как правило, черты, которые должны присутствовать у носителя власти, будь он русский или литовец. Поэтому дефицит информации связан не с её количеством, а с ограниченным её источником.

Место стереотипного восприятия противоположной стороны в литовских и, особенно, в русских исторических источниках очень значимо. С течением времени стереотипы закреплялись не только традицией, но и постоянным переписыванием летописей, транслировались, усиливались и занимали все более значительное место в образах противоположной стороны. Сте-

реотипное восприятие Русью и Литвой противоположной стороны становилось всё более отрицательным, всё более отрывалось от действительности и к концу XVI века практически вытеснило другие виды оценок и стало основополагающим. Это особенно касается русских источников, где в XVI веке стереотипы составляли около 85% всех оценочных суждений о Литве. Литовские же летописцы создали стереотип русского князя более близкий к реальности, чем русские, более адекватно оценивая русских князей, соответственно их поступкам и политике и, практически не создавая из них чудовищ.

1. Галицко-Волынская летопись // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. – М., 1981.
2. Задонщина // Воинские повести Древней Руси. – Л., 1985.
3. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – СПб., 1882. – Т. 1.
4. Краткая волынская летопись [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izbornyk.narod.ru/psrl3235>. – Дата доступа: 01.02.2019.
5. Лихачев, Д. С. Человек в литературе Древней Руси [Электронный ресурс] / Д. С. Лихачев. – Режим доступа: <http://likhachev.lfond.spb.ru/Articles/ch3.htm>. – Дата доступа: 01.02.2019.
6. Новгородская первая летопись младшего извода [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litopys.narod.ru/novglet/novg.htm>. – Дата доступа: 01.02.2019.
7. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Воинские повести Древней Руси. – Л., 1985.
8. Хроника Литовская и Жамойтская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izbornyk.narod.ru/psrl3235>. – Дата доступа: 01.02.2019.

Казакоў А.У. ПОЛЬСКА-ЛІТОЎСКІЯ ПАВЕДАМЛЕННІ ПРА БІТВУ ПАД ОРШАЙ 1514 Г.: ДЗВЕ ГІСТОРЫІ АДНОЙ ПАДЗЕІ

Бітва пад Оршай 1514 г. была адной з найбуйнейшых бітваў за ўсю гісторыю войнаў паміж Вялікім Княствам Літоўскім (Рэччу Паспалітай) і Маскоўскай дзяржавай. Ужо сярод сучаснікаў яна была вядомая як “Вялікая бітва” і атрымала параўнаўча неблагое адлюстраванне ў крыніцах. Аднак, дайшоўшы да нас звесткі не дазваляюць скласці адназначнай карціны, і шэраг пытанняў застаецца дыскусійным. Выхад манаграфіі расійскага даследчыка А. Лобіна, якая выклікала як станоўчыя, так і крытычныя водгукі, даў новы магутны імпульс “Оршазнаўству” і ажывіў дыскусію, у т.л. па крыніцазнаўчым аспекце. Што тычыцца апісання самога ходу бітвы ў крыніцах, створаных у стане пераможцаў, то можна заўважыць пэўныя разыходжанні. Гэта работа з’яўляецца спробай патлумачыць, чаму яны паўсталі.

Найбольш раннім паведамленнем пра бітву з’яўляецца ліст папскага легата Піза да свайго прыяцеля Ёгана Карыцыя, які быў напісаны ў Вільні 26 верасня 1514 г. [2, с. 203–204] Аповяд, які ўтрымлівае больш дэталей самой бітвы 8 верасня, належыць Станіславу Гурскаму [4, с. 4–5]. Ён быў сакратаром кракаўскага біскупа Пятра Таміцкага, а пасля яго смерці – польскай каралевы Боны. З 1535 г. Гурскі актыўна збіраў гістарычныя дакументы, якія аб’яднаў у шэраг тамоў, пазней выдадзеных пад назвай *Acta Tomiciana* (“Акты Таміцкага”). Апісанне Аршанскай бітвы ўтрымліваецца ва ўступе да трэцяга тома, у якім Гурскі памяці і згаданае вышэй пасланне Піза, а таксама іншыя помнікі, датычныя ваеннай кампаніі 1514 г. (нядаўна быў зроблены пераклад гэтых дзвюх і іншых лацінамоўных крыніц на беларускую мову [5]). Прыблізна адначасова з Гурскім працаваў над стварэннем сваёй хронікі сакратар польскага караля і вялікага князя літоўскага Жыгімонта Старога Бернард Вапоўскі. Яго аповяд пра Аршанскую бітву вельмі сціслы, але ўтрымлівае арыгінальныя звесткі [6, с. 119–120].

Блізкімі да нашых падзей па часе стварэння крыніцамі з’яўляюцца Хроніка Дэцыя, даведзеная да 1521 г. [7, с. 76], а таксама паведамленне Сігізмунда Герберштэйна, які першы раз наведваў Вялікае Княства Літоўскае ў 1517 г. [8, с. 83]. Пазнейшыя аўтары, такія як Марцін Бельскі і Мацей Стрыйкоўскі, апісваючы Аршанскую бітву, карысталіся працамі сваіх згаданых вышэй папярэднікаў. Выключэнне складаюць “Гетманскія кнігі” Станіслава Сарніцкага, напісаныя дзесьці ў 70–80-х гг. XVI ст. Яны ўтрымліваюць вельмі арыгінальны аповяд пра бітву, а таксама самую раннюю яе графічную схему [с. 362].

Ужо ў самых ранніх крыніцах легендарныя звесткі спляліся з гістарычнай рэальнасцю. У цэлым аповяд пра Аршанскую бітву зводзіцца да наступнай асноўнай момантаў. Калі “каралеўскае” войска прыйшло да Оршы, маскоўскія ваяводы адступілі на левы бераг Дняпра і

сцераглі адзіны брод праз яго. Астрожскі таемна ад ворага пабудаваў мост, па якім на іншы бераг перайшлі пяхота і артылерыя. Маскоўскія ваяводы, упэўненыя ў поспеху з-за сваёй колькаснай перавагі, наўмысна далі літвінам і палякам перайсці раку, каб пакончыць з усімі адразу. Маскавіты паспрабавалі абысці левы фланг польска-літоўскага войска, але былі адбітыя. Пачалася бітва па ўсім фронце, у выніку якой вораг быў цалкам разгромлены. Асобна падкрэслівалася мужнасць ваяроў, называліся імёны некаторых з удзельнікаў бітвы.

Звяртаюць на сябе ўвагу некалькі характэрных момантаў. Акрамя уласна гетмана Астрожскага, з літвінаў быў названы толькі Юры Радзівіл. Найчасцей згадваліся камандзір польскага кантынгента Януш Свярчоўскі і даводца польскай надворнай харугвы Войцех Сампаліньскі. Калі дэталі ходу бітвы паведамляюцца, то гэта тычыцца менавіта дзеянняў палякаў. Нарэшце, ні адна крыніца, акрамя Герберштайна, не прыгадвае засаду з пяхоты і артылерыі, падрыхтаваную гетманам Астрожскім. Гэта выглядае досыць дзіўна, бо, паводле імперскага дыпламата, менавіта агонь з засады пераламіў ход бітвы. Яна была размешчана такім чынам, што агонь ручніц і гармат прыйшоўся на заднія шэрагі маскавітаў, якія не чакалі атакі. Чаму іншыя крыніцы пра гэта не згадваюць?

Пачнем з таго, што ў польскіх крыніцах ёсць пэўныя разыходжанні. Адно з іх – гэта размяшчэнне польскага і літоўскага кантынгентаў адносна адзін аднаго. Найчасцей крыніцы ставяць палякаў злева, а літвінаў справа, а не наадварот. На мой погляд, хутчэй за ўсё так і было. Лагічным будзе меркаваць, што "польскі" па змесце аповяд пра бітву паходзіў менавіта ад кагосьці з палякаў, якія ў ёй удзельнічалі. Адсутнасць згадкі пра агнявую засаду ў такім выпадку можа быць патлумачана яе знаходжаннем на іншым участку пазіцый Астрожскага, г. зн. там, дзе стаялі літвіны.

Адкуль інфармацыя пра агнявую засаду патрапіла да Герберштайна? Гэты дыпламат двойчы праязджаў праз Вялікае Кнства Літоўскае: у 1517 і 1526 гг. Ён быў цікавым чалавекам і заўсёды збіраў звесткі пра край, па якім падарожнічаў. Вельмі верагодна, што інфармацыю пра Аршанскую бітву ён атрымаў ад кагосьці з літвінаў, і таму звесткі пра прыменены Астрожскім тактычны прыём патрапілі ў яго аповяд. Пазней, калі твор Герберштайна быў выдадзены друкам (першы раз на лаціне ў 1549 г.), яго прачытаў Мацей Стрыйкоўскі і ўключыў у сваё апісанне Аршанскай бітвы эпізод з засадамі. Праўда, гэты аўтар не надаў ёй такога значэння, як у Герберштайна. Відаць, не чытаў трактат імперскага дыпламата Сарніцкі, які шмат апісвае дзеянні пяхоты, але не згадвае пра яе агонь з засады. Варта сказаць асобна пра Хроніку Вапоўскага. Паводле гэтага аўтара, карацейскія гарматы былі размешчаны на узвышшах так, што, страляючы над галовамі сваіх, паражалі заднія парадкі непрыяцеля. Ці няма тут сваеасаблівага адгалосся словаў Герберштэйна пра агонь з засады па задніх шэрагах маскавітаў?

Такім чынам, можна падзяліць польска-літоўскія крыніцы пра Аршанскую бітву на дзве групы: умоўна польскую і умоўна літоўскую. Апошняя будзе прадстаўленая адно аповядам Герберштайна. Застаецца хіба што пашкадаваць пра адсутнасць уласна літоўскага твора пра бітву, які, верагодна, мог бы узбагаціць нашы веды пра падзеі 8 верасня 1514 г. Пазнейшыя беларуска-літоўскія хронікі, на жаль, малаінфарматыўныя, ды і часткова абапіраюцца на ранейшыя польскія творы.

1. Лобин, А. Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. / А. Н. Лобин. – Санкт-Петербург : Общество памяти игумении Таисии, 2011. – 193 с.
2. Казакоў, А. Паляванне на "Аршанскі міф" / А. Казакоў // ARCHE. – 2012. – № 5. – С. 88–97.
3. Epistola Pusonis, legati Apostolici, ad Joannem Coritium, de Victoria regis ex Moscis // Acta Tomiciana. Т. III. Posnaniae, 1853. – С. 203–207.
4. Górski, S. Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo / S. Górski // Acta Tomiciana. Т. III. Posnaniae, 1853. – С. 1–7.
5. Казакоў А., Жлутка, А. Лацінамоўныя наратыўныя крыніцы пра Аршанскую бітву 1514 г. // ARCHE. – 2014. – № 12. – С. 456–479
6. Scriptores Rerum Polonicarum. Т. 2 : Kroniki Bernarda Wapowskiego z Radochoniec, kantora katedr. krakowskiego: część ostatnia czasy podługoszowskie obejmująca (1480—1535) / wydał, życiorysem Wapowskiego i wyjątkami z współczesnych historyków objaśnił J. Szujski. – XXX, [1], 363, [2] с.
7. Decius, L. J. De Sigismundi regis temporibus liber 1521 / L. J. Decius. – Kraków : nakładem Akademii Umiejętności, 1901. – 145 s.
8. Записки о Московии : в 2 т. / Сигизмунд Герберштгейн / Rerum moscoviticarum commentarii ; Moscovia. Т. 1 : Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А. И. Малеина и А. В. Назаренко, с ранне-новорожнемецкого А. В. Назаренко. – 774 с.
9. Sarnicki, S. Księgi hetmańskie / S. Sarnicki. – Kraków : Historia Jagellonica, 2015. – 491 s.

Вовина-Лебедева В.Г.
К ВОПРОСУ О ЛЕТОПИСНЫХ ШТАМПАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЗДНЕГО ЛЕТОПИСАНИЯ)

Одним из основных вопросов истории летописания традиционно является вопрос о заимствованиях одних летописных текстов другими. Он всегда считался довольно сложным, так как редко когда можно однозначно утверждать случаи заимствования именно в одностороннем направлении. Кроме того, чаще всего тексты восходят друг к другу не непосредственно, а через промежуточные этапы, или восходят к общим протографам. Мы должны также учитывать компилятивную природу летописания в принципе, зачастую не дающую возможности просто однозначно говорить о том, заимствование ли перед нами или нет.

В этой связи важнейшим оказывается признание использования книжных образцов как одной из примет летописного жанра. Если в летописном тексте используются одни и те же обороты, это не всегда говорит о заимствовании, возможно использование определенной модели, и в этом случае исследователи пытаются искать эту модели, что часто представляет сложность.

В последнее время идут напряженные споры вокруг проблемы расслаивания летописных текстов, в особенности, раннего летописания, например, «Повести временных лет» (далее – ПВЛ). Они особенно обострились после появления серии работ А.А. Гиппиуса [2, с. 80–102]. Однако, иногда при лингвотекстологической стратификации упускается из виду особенность летописания как жанра, построенного на повторении устойчивых выражений, не до конца учитывается его компилятивная природа.

В сущности, следует говорить в данной связи не только о летописях, а вообще о древнерусской книжности. Первым, кто стал разбирать устойчивые выражения или, как он писал, «постоянные формулы», был А.С. Орлов, обративший внимание на воинские повести [11, с. 1–50], а потом перешедший к другим историческим повествованиям [10]. Нам особенно интересна его работа о сравнении т.н. Повести Катырева-Ростовского (далее – ПКР) и Троянской истории Гвидо де Колумна (далее – ТрИ), русский перевод с печатного латинского текста которой появился уже появился в конце XV в. Как показал А.С. Орлов [12, с. 73–98] в ПКР использованы описания времен года и сражений ТрИ. По мнению А.С. Орлова, ПКР «почти наполовину» состоит из риторического и лексического материала ТрИ [12, с. 75]. А.С. Орлов не ставил вопрос о том, чем объясняется подобное заимствование: имел ли составитель ПКР текст ТрИ, воспроизводил ли по памяти, выбирал ли что-то определенное или же механически заменял имена и названия. Но он привел много примеров заимствований отдельных фраз в описаниях сражений и др., некоторые из которых можно встретить в других сочинениях о Смуте начала XVII в., например, в Новом летописце (далее – НЛ).

Е.П. Семенова [9, с. 335–340], занимаясь сочинениями князя Семена Шаховского, увидела заимствования из «Слова в неделю новую...» Григория Богослова и из Псалтыри [9, с. 338]. Но, как пишет Е. П. Семенова, в действительности, древнерусский книжник брал текст не прямо из Псалтыри, а из гимнографических текстов; в XVII в. это стало традицией, и часто даже не соотносилось с содержанием текста. В описании весны Шаховской близок к ПКР [9, с. 339–340], сходство идет от общего источника – Слова Григория Богослова, хотя Е.П. Семенова признала параллели с ТрИ. Вопрос о том, как выбирались данные отрывки, как они готовились для вставки в чужой текст, по-прежнему не поднимался.

Д.С. Лихачев [5, с. 80–102] видел в устойчивых сочетаниях проявление «литературного этикета», использовал также понятие «стилистические трафареты». О.В. Творогов [7, с. 277–284; 8, с. 29–40] поставил важный для нас вопрос: «Какие выводы о развитии стилистической системы древнерусского литературного языка можно сделать, сравнивая язык «Повести временных лет» с языком более поздних памятников?» [7, с. 278].

Но объяснение О.В. Творогова, почему и как появлялись устойчивые выражения, вызывает некоторые сомнения. Он полагал, что то, что А.С. Орлов называл «воинскими формулами», имели широкое распространение в живой речи при обращении князей к дружине, в речах послов и пр., и что летописец «не имел возможность точно воспроизвести слова данного князя в

данный момент, но несомненно, что в уста персонажей он вкладывал употребительные в таких случаях обороты речи».

Мой опыт работы с подобного рода заимствованиями в поздних летописных текстах говорит скорее о том, что это были расхожие и устойчивые выражения, хранившиеся в памяти книжных людей, а, возможно, и вообще древнерусского человека, куда они попадали из опыта посещения церковных служб, переписывания текстов и пр. Мне кажется удачным понятие «текстовые штампы» или «книжные штампы». Согласимся с А.С. Орловым в том, что «формулы воинских повестей в большинстве случаев повторялись не вследствие текстуального заимствования, а просто благодаря тому, что в сознании их авторов воинские картины облекались стереотипными выражениями хорошо знакомого книжникам литературного рода» [11, с. 1–50]. Летописцы не только при описании сражений, а в целом, ориентировались и летописные штампы, используя и готовые синтаксические конструкции, и образы уже привычные в летописании.

Необходимо учитывать, что древнерусские книжники постоянно использовали готовые конструкции, копировали образцы, заменяя имена и названия, приспособляя под свои нужды готовые тексты. Напомним, что представления об авторстве еще не сложилось, и считалось не только допустимым, но даже необходимым пользоваться чужим при составлении своего, учитывая то, что под рукой находились трафаретные формулировки. Такова была природа труда древнерусского книжника: в определенном смысле механического, а не творческого. По мнению В.И. Мильдона летописец «занят нехитрым, немудрящим делом – записывает, не добавляя от себя (а добавляя, не оговаривает, не видя в том – к отчаянию исследователей – особого смысла), не приводя собственных оценок, не отмечая того, что сделано им, сравнительно с предшественниками» [6, с. 90]. Против подобного восприятия летописи выступил И.Н. Данилевский, написав, что относительно высказывания В.И. Мильдона «комментарии излишни», однако, на наш взгляд, сама по себе мысль, что летописец писал все, что знал или слышал, справедлива, но объясняется это не тем, что летописец «прост», а тем, что не считал вправе ничего упускать. В этом смысле позиция В.И. Мильдона совпадает с позицией И.П. Еремина, сформулированной еще в 1940-х годах. По мысли И.П. Еремина, летописец, как правило, просто регистрировал события факт за фактом, иногда сопровождая это краткой моральной оценкой. Поскольку события подчиняются непостижимой божественно воле, летописцу не было нужды логически связывать их. И поэтому летопись представляет «ряд фактов, выпавших из своего реального конкретного в каждом отдельном случае, причинно-следственного контекста» [4, с. 51–58].

Взгляд И. Н. Данилевского прямо противоположен: летописец, конечно, являет собой образ мира, принципиально отличавшийся от современного, и способы описания его были совершенно другими [4, с. 12], но это т.н. центонно-парафраза́ный принцип, когда текст складывается из частичек других текстов. Любая цитата отсылала к тексту-предшественнику. Новое произведение, состоящее из центонов, — своего рода коллаж. По И.Н. Данилевскому летописец – искусный книжник, играющий отрывками известных текстов. Но те примеры, которые автор приводит, чаще всего касаются каких-то особых с идейной точки зрения моментов повествования. В изложении же остальных срабатывал все-таки другой принцип, более простой: описывать все, как и в старых летописцах, которые составитель когда-то видел или читал. Образцы в этом смысле показывают не стремление придать тексту какой-то скрытый смысл, явным лишь посвященным (как полагает И.Н. Данилевский), это просто важный момент древнерусской культуры, в которой оригинальность вовсе не была востребована, которая была компилятивна по природе своей.

Сохранении традиции штампов на протяжении многих веков видно на материале позднего летописания. Конечно, составитель НЛ пользовался не текстом ПВЛ, но определить, откуда именно он брал цитаты, весьма затруднительно. Нам важно, что образцовые летописные выражения были ему известны, и «старый» летописный стиль влиял на его собственное изложение, что видно из таблицы (штампы выделены п/ж шрифтом).

При сравнении этого места с текстом Степенной книги (ПСРЛ, т. 21, с.139–140), вместе с которой НЛ часто встречается в рукописной традиции, видим, что там читается другой текст, т.е. в НЛ заимствования не оттуда, и вообще, в данном случае не обязательно искать письменные источники. История Святополка и сетования по поводу нее в XVII в. уже стали штампом.

ПВЛ (нач. XII)	НЛ (1 пол. XVII)
<p>...Се же сбытсья все: не от своя воля рекоша, но от Божья повеленья...</p> <p>...Святополкъ же окаанный ... нача помышляти, яко «Избью всю братию свою и прииму власть рускую единь». Помысли високоумьемь своимь, а не вѣды, яко «Даеть Богъ власть, емуже хоцеть, поставляеть цесаря и князя Вышений, емуже хоцет, дасть». Аще бо кая земля управить предь Богомъ, поставляеть цесаря и князя правѣдна, любяща судъ и правду, и властеля устраяет, судью, правяща судъ. Аще бо князи правдиви бывають на земли, то много отдаються согрѣшения, аще ли зли и лукави бывають, то болшее зло наводитъ Богъ на землю ту, понеже глава есть земли</p>	<p>... И вложи диявол ему в мысль извести праведнаго своего государя царевича Дмитрея. И помышляше себе «аще изведу царьский корень и буду сам властелин в Руси», яко же окаанный Святополкъ помышляше на братию свою Бориса и Глеба «аще побною братию свою, и буду един властелин в Руси», а не ведя того, яко Бог власть кому хочет, тому дает. Сий ж окаанный Святополкъ посла на братию свою на убойство...</p> <p>...По реченному словесе аще кая земля управится пред Богом, поставляет им царя и судию праведна и всякое подает благодаяние. Аще ж которая земля прегрешит пред Богом, поставляет царя и судию неправедна и наводит на ту землю вся злая, яко ж древле наведе Бог окааннаго Святополка на Рускую землю и на убийство братии своей.</p> <p>... И многое было волнение всяким людем, коиждо хотяше по своей мысли деяти, коиждо про коево говоряще. Не вьспомянуша бо Писания, глаголюща яко Бог не токмо царство, но и власть кому хоцет, тому и дает, и кого призовет, того и прославит...</p> <p>...кому даст Бог храбрость и разум, и тех не любящу. Силою ж никому у Бога не взяти, всяк бо званый от Бога честь восприемлет, и власть дает Бог кому хоцет, тому и дает.</p>

Сходность стилистики поздних летописных текстов объясняется влиянием общих, носившихся в воздухе цитат, чаще всего полученных опосредованно. Это имеет отношение ко всей древнерусской культуре, а возможно, и к любой средневековой культуре. Следующий вопрос, который следует внимательно рассмотреть и обдумать: можно ли использовать многочисленные данные по книжным штампам в позднем летописании при определении того, как работали летописцы раннего периода, в частности составители ПВЛ, или же, нет. Важно понять, в какой мере то, что летописец (и вообще книжник) использовали старые конструкции, копировали свои источники, заменяя имена и названия, приспособивая под свои нужды готовые штампы, которые были в его распоряжении, следует учитывать при исследовании истории летописного текста разных периодов, при раслаивании его на основании выявления вставок, повторов и пр., как это обычно делается в текстологии.

1. Вовина-Лебедева, В. Г. Новый летописец: история текста / В. Г. Вовина-Лебедева. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. – 400 с.
2. Гиппиус, А. А. Рекоша дружина Игорев: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи» / А. А. Гиппиус // Russian Linguistics. – 2001. – № 25. – С. 147–181.
3. Данилевский, И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов / И. Н. Данилевский. – М. : Аспект-Пресс, 2004. – 370 с.
4. Еремин, И. П. «Повесть временных лет». Проблемы ее историко-литературного изучения / И. П. Еремин. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1946. – 92 с.
5. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – 3-е изд., дополн. – М. : Наука, 1979. – 360 с.
6. Мильдон, В. И. «Земля» и «небо» исторического сознания (две души европейского человечества) / В. И. Мильдон // Вопросы философии. – 1992. – № 5. – С. 87–99.
7. Творогов, О. В. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» / О. В. Творогов // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.-Л., 1962. – Т. 18. – С. 277–284.
8. Творогов, О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси / О. В. Творогов // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.-Л., 1964. – Т. 20. – С. 29–40.
9. Семенова, Е. П. Об источниках «Повести преславной» С.И. Шаховского» / Е. П. Семенова // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1985. – Т. 39. – С. 335–340.
10. Орлов, А. С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI–XVII вв. / А. С. Орлов. – СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1909. – 36 с.
11. Орлов, А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) / А. С. Орлов // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. – М., 1902. – Кн. 4. – С. 1–50.
12. Орлов, А. С. Повесть кн. Катырева-Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна / А. С. Орлов // Сборник статей в честь М. К. Любавского. – Пг., 1917. – С. 73–98.

Войцеховская Т.В.
**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛЕТОПИСНОГО ЖАНРА В РАННЕМОДЕРНУЮ ЭПОХУ
НА ТЕРРИТОРИИ ГЕТМАНЩИНЫ**

Летописный жанр был наиболее характерной формой историописания для восточнославянских земель в эпоху Средневековья. Такие историографические произведения содержали погодную запись исторических событий, минимум авторского вмешательства и литературной обработки текста. В течение XVI–XVII вв. происходит постепенное изменение формата историописания под влиянием рационализма и культурных доминант эпохи барокко. Яркими образцами подобных исторических произведений являются так называемые казацкие «летописи» Самовидца, Г. Грабянки и С. Величко, написанные социальной элитой Гетманщины – казацкой старшиной в конце XVII – начале XVIII в. Их основной темой было описание событий войны Б. Хмельницкого, украшенное героическим эпосом, мифологизацией отдельных исторических сюжетов и легитимацией древних казацких прав и вольностей.

В центре моего внимания – анализ изменений формы и стилистики летописного жанра на материале «летописей» Самовидца, Г. Грабянки и С. Величко.

В исторической науке уже в XIX – начале XX в. утвердилось мнение, что исторические произведения, написанные казацкой старшиной некорректно называть летописями. Г. Карпов считал, что в данных трудах мало достоверных свидетельств и фактов, но есть материал для исследования общественного мнения: «если летопись Величко и принимать за исторический источник ... то только для решения вопроса как понимал и описал эпоху Б. Хмельницкого Величко...» [7, с. 258]. В. С. Иконников, исследуя исторические труды военных канцеляристов Гетманщины утверждал, что «позднейшие малороссийские летописи (XVIII в.) относятся к последним скорее по названию; все же они носят на себе характер истории, так как и группировка событий, и особенно освещение фактов не чужды искусственности, субъективности и даже фантазии» [5, с. 1560–1561].

В. Антонович использовал для своих трудов свидетельства из произведений Самовидца, Г. Грабянки и С. Величко, однако, считал, что «в казацких летописях не надо видеть старинных летописей; это только одно название; в действительности же это – просто мемуары или попытки прагматической истории, которые сохраняют летописную форму... Это – попытка истории; однако, не будучи в состоянии справиться с материалом и привести его к внутренним связям, авторы распределяют его по годам» (здесь и далее перевод мой) [1, с. 43]. Огромное значение для изучения группы текстов казацких канцеляристов имеют работы М. Грушевского [3], которому удалось преодолеть предвзятость к историографии XVIII в. и окончательно утвердить концепцию казацких летописей как литературных трудов, а не сугубо исторических источников. Современная историческая наука характеризует «летописи» казацкой старшины как сложные многоплановые историко-литературные конструкции. По мнению А. Бовгири, социальная элита Гетманщины является создателями абсолютно нового вида исторических трудов, ведь характерными особенностями таких произведений является игнорирование времен Киевской Руси и описание происхождения казаков от полумифических хазарских и сарматских правителей [2, с. 7–8].

Летописи Самовидца, Г. Грабянки и С. Величко были написаны в эпоху барокко, которая сильно повлияла на формат и стилевые особенности историописания. В большинстве славянских стран эпоха барокко фактически заменила собою Ренессанс, и именно это время является своеобразным социокультурным рубежом между Средневековьем и Новым временем. Характерными особенностями украинского литературного барокко Д. Чижевский считал – преобладание духовных элементов над светскими в содержании произведения, знакомство с античным наследием, отсутствие антиклерикальной направленности, динамичность, страсть к смелым комбинациям и авантюризму, склонность к метафорическому осмыслению действительности, широкое применение контрастов и антитезы, эмоциональность изложения [9, с. 252].

Одним из многочисленных интеллектуальных влияний эпохи барокко стало изменение формата историописания. Казацкие «летописи» отличаются от предыдущих исторических трудов, поскольку события описываются не погодно, а отдельными рассказами, историями, сказаниями. Летописи Грабянки и Величко содержат рассказы о происхождении казаков и древнейшие

страницы отечественной истории, которая обязательно вплетена в контекст всемирной истории. Эпоха барокко определила новую дидактическую цель работы историка. Г. Грабянка отмечал, что причиной его работы является передача потомкам славных деяний: «я не ради какой-то любово-страстной славы, а движимый общей пользой и ради нее решил не оставлять в пепле молчания скрытыми действия верного нашего сына благоразумного вождя Богдана Хмельницкого» [4, с. 877]. С. Величко побуждала к работе «лень древних славяно-казацких писателей», которые описывали события «краткословными и короткими реестриками» [4, с. 214]. Только летопись Самовидца начинается с описания «о начале войны Хмельницкого» [8, с. 45].

Украинская историография эпохи барокко характеризуется рядом особенностей – общественно-биографическое направление, использование авторами кроме летописных записей предшественников, еще и собственных наблюдений и свидетельств очевидцев, официальных документов, введение в текст стихов и панегириков. И. Исиченко утверждает, что «автор произведения эпохи барокко непременно проявляет себя как ученый человек... В произведение входит огромное количество научных, исторических фактов, религиозных и библиографических сведений, имен и географических названий. Формируется устойчивый эскорт произведения, его составляют предисловие, комментарии, примечания, указатели» [6]. В «летописях» Самовидца, Грабянки и Величко мы видим большое количество писем, грамот, написанных якобы гетманами, стихов, а также, авторскую оценку тех или иных исторических событий, что было довольно редким явлением для предыдущих летописей.

Распространенными приемами казацких летописцев является фатализм, введение в текст легенд и полумифических сюжетов, фантастических рассказов, а также постоянные реминисценции и аллюзии на библейскую и античную тематику. Наиболее распространенной аллюзией является сравнение страданий украинского народа в составе Речи Посполитой с египетским пленом иудеев. Например, Г. Грабянка пишет: «знаете и довольно хорошо знаете, сколько мучений, издевательств, осквернений каждый день сносила веками оплаканная наша отчизна, а самое обидное для нас то, как ужасно терпела наша мать церковь православная... пока бог своей милостью, как когда-то Израиллю в Египте не подал свою благодатную руку помощи» [4, с. 920]. С. Величко также указывает «...так угнетали когда-то израильский народ египтяне. Бог послал им, как Моисея, человека по имени Богдан Хмельницкий...» [4, с. 223]. Нередки сравнения тех или иных деятелей с персонажами библейской истории, например Е. Чаплинская характеризуется как «здравомыслящая невинных людей милосердница Эсфирь» [4, с. 226]. В летописи Самовидца меньше различных художественных средств и литературных приемов, однако он часто добавляет в текст легенды и описывает «вмешательства» божьей воли в ход событий «а Хмельницкий... оное войско розгромил з допущения боязкого» [8, с. 50]. Примером фатализма является описание событий 1240 года «...Батый, допущенный божьей мудростью, пришел на Русь, подчинил ее и храмы божьи и величие их поверг в прах и сравнял с землей» [4, с. 882].

Тип исторического творчества эпохи барокко качественно отличает от предыдущих практик историописания эмоциональность изложения. Самовидец эмоционально описывает «от ляхов на Православие гонение и казаком отягощение» [8, с. 45], что и стало причиной начала войны под предводительством Богдана Хмельницкого. В «Действиях презельной брани» Грабянки эмоциональное описание гетманства И. Брюховецкого напоминает апокалиптические события: «В те дни не один богатый человек оставил свой дом, заменил приличную одежду на ветошь и страха ради бедный прятался, где мог, а все остальные жители, по городам и селам пребывая между смертью и жизнью и ослабевшие томительным ожиданием, каждый думал, к чему приведет эта ненасытная жажда крови и когда этой беде наступит конец» [4, с. 929].

Стилистические конструкции исторических произведений казацкой старшины содержат большое количество тропов и риторических фигур – многочисленные метафоры, бесчисленное количество эпитетов, аллегорий, антитез, гипербол, многие исторические фигуры имеют символично-аллегорическое значение.

Одним из самых распространенных художественных средств казацких «летописей» являются эпитеты. Постоянно применяемыми эпитетами при описании различных исторических деятелей являются: «великий», «сильный», «ясный», «милостивый», «мудрый», «храбрый», «коварный», «злострашный», «ужасный», «ласковый», «милосердный», «неистовый», «бездушный».

Важным тропом является сравнение «а же нестатечная приязнь вовку з бараном, так христянинови з бесурманином» [8, с. 60]. Г. Грабянка устами Б. Хмельницкого иронично характеризует польское войско: «...скорее зайцами стали, обезьян похожи, только и умеете, что говорить и убежать» [4, с. 895]. Ярким примером гиперболы является описание количества войска: «столько воинства соберется, что как трава станет» [4, с. 883], «...под Глуховом тьму-тьмущую, более ста тысяч поляков» [4, с. 472].

В метафорических категориях казацкие историки осмысливали Брестскую унию как «ново-явленную химеру», а народ православный как единственный выразитель «благочестия». Постоянными метафорическими символами являются Лавра и София – как образы православной веры, а резиденция гетмана выступала олицетворенным образом «отчизны» и «земли нашей».

Подводя итог, следует отметить, что эпоха барокко сформировала новую практику написания исторических произведений, которая существенно отличалась от предыдущих образцов. Новый контекст определял рационалистическое направление и невиданную до сих пор художественную образность историографии XVIII в. и казацких летописей Самовидца, Грабянки и Величко в частности. Изменение формата и появление причинно-следственных связей являются свидетельствами нового, более научного подхода к созданию исторических трудов в XVII–XVIII вв.

1. Антонович, В. Лекції з джерелознавства / В. Антонович ; ред. М. Ковальський. – К. : Нац. ун-т «Острозька академія», 2003. – 382 с.
2. Бовгиря, А. Рукописні історичні збірники в Гетьманщині XVIII ст. / А. Бовгиря // Історіографічні дослідження в Україні. – 2010. – Вип. 20. – С. 180–198.
3. Грушевский, М. С. Об украинской историографии XVIII в. Несколько соображений / М. С. Грушевский // Известия АН СССР. – VII серия. Отделение общественных наук. – 1934. – № 3. – С. 215–223.
4. Збірник козацьких літописів: Густинський, Самійла Величка, Грабянки / упорядн. та перекл.: Густинський літопис В. Крекотень, Літопис Самійла Величка В. Шевчук, Літопис Грабянки Р. Іванченко. – К. : Дніпро, 2006. – 976 с.
5. Иконников, В. Опыт русской историографии / В. Иконников. – К. : Тип. ун-та св. Владимира, 1908. – Т. II. – Кн. 2. – 1955 с.
6. Ісіченко, І. Історико-культурні параметри епохи бароко [Електронний ресурс] / І. Ісіченко // Історія української літератури X–XVIII ст. – Режим доступу: <http://www.bishop.kharkov.ua/kursi-lekcij/istoria-ukraïenskoïe-lit'eraturî-h-xviii-st/lekcîa-08-istoriko-kulturni-parametri-epohi-barok/>. – Дата доступу: 04.02.2019.
7. Карпов, Г. Начало исторической деятельности Богдана Хмельницкого / Г. Карпов. – М.: Тип. Грачева, 1873. – 265 с.
8. Літопис Самовидця / ред. кол.: А. Д. Скаба (відп. ред.), І. О. Гуржій, В. А. Дядиченко. – К. : Вид-во «Наукова думка», 1971. – 175 с.
9. Чижевський, Д. Історія української літератури (від початків до доби реалізму) / Д. Чижевський. – Нью-Йорк: Укр. Вільна академія наук у США, 1956. – 511 с.

Солодкин Я.Г.
ЛЕТОПИСНЫЕ ВЕРСИИ ОСНОВАНИЯ «РУССКОЙ» ТЮМЕНИ
(ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СТЕПЕНЬ ДОСТОВЕРНОСТИ
ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ)¹

О строительстве Тюменского острога вскоре после гибели Ермака и закладки Обского (Мансуровского) городка сказано во многих летописных сочинениях XVII в., соответствующие показания которых не во всем одинаковы.

В Основной редакции Есиповской летописи (далее – ОЕЛ) и ее нескольких вторичных разновидностях, в Книге записной (далее – КЗ) и следующей по времени возникновения редакции Сибирского летописного свода (далее – СЛС) – Миллеровской – сооружение русской крепости на месте «града» Чингий (Чингиден, Чингидин), существовавшего со времен Тайбуги и разрушенного при Мамете, приурочено к 7093 (1584/85) г. [11, с. 35, 40, 65, 115, 126, 138, 186, 189, примеч. 34; с. 252, 312, 365, ср. с. 65, примеч. 28]. (С точки зрения А.Т. Шашкова, судя по контексту самой популярной сибирской летописи, речь идет о 1585 г. [23, с. 119, 120, 145]).

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ и Департамента образования и молодежной политики ХМАО – Югры, № 18 – 49 – 86002

С.В. Бахрушин склонен был возвести приведенное свидетельство к документам тобольской приказной палаты [см. 6, с. 475]. Такое представление кажется сомнительным, ибо 9 декабря 1628 г., т. е. менее чем за восемь лет до завершения «Повести о Сибири и о Сибирском взятии», в «комнате» «съезжей избы» Тобольска сгорели «дела старые» [9, с. 57], да и Тюменский острог возник годом прежде Тобольска. (В XVII – первой половине XVIII вв. наиболее ранние документы тюменского и тобольского архивов относились к 1590-м гг.). К тому же строительство стен и башен Тюмени, в связи с которым (как, например, относительно Березова в 1636 г.) могли потребоваться сведения о возведении первого острога между Турой и Тюменкой, велось в конце 1630-х – начале 1640-х гг. [6, с. 273; 7, с. 77, 632, 646; 9, с. 73 – 75], иначе говоря, уже вслед за тем, как Савва Есипов закончил работу над летописью «Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде». (Первый же «Тюменский город» был «срублен» в 1592/93 г. [11, с. 139, 369; 16, с. 120, и др.]).

Примечательно, что в одном из кратких летописцев начала XVII в., Титовском виде ОЕЛ, Погодинском, Бузуновском и Мазуринском летописцах, нескольких редакциях «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее ...», сказано об основании Тюмени в 1585/86 г. [1, примеч. 33; 10, с. 143; 11, с. 88, 136, 189, 258, 258, 315, 345, 368, ср. 125, 190, 363; 13, с. 39, 40, 42, 44, 52, 53; 17, с. 303, 349, 440, 575; 21, с. 231], видимо, как в несохранившемся списке «сложения» Есипова, скорее всего, даже не в одной рукописи. (Эту дату мы встречаем и в разрядных записях). Недаром в ОЕЛ о «создании» Тобольска говорится под 1586/87 г. Видимо, «архиепископлю» дьяку думалось, что если И. Мансуров прибыл за Урал, «срубив» «городок над рекою Обью против иртышского устья», где зимовал, «во второе ж лето по Ермакове убиении» [11, с. 64], т. е. в 7093 (1584/85 г.), то воеводы В. Сукин и И. Мясной оказались в недавних владениях Кучума следом, в том же году. (Стало быть, приведенное суждение А.Т. Шашкова не отличается точностью). Кроме того, согласно почти всем редакциям СЛС, Тобольск был заложен через год после основания Тюмени. Вопреки мнению Д.Я. Резуна [13, с. 44, ср. с. 56], датировка строительства Тюменского острога в КЗ отнюдь не совпадает со сведениями дипломатической документации начала 1586 г. о «поделке» русскими города в «Старой Сибири». Возможно, зная от ветеранов тобольского гарнизона (или кого-то одного из них) о «поставлении» Тюменского острога двумя годами прежде будущей сибирской столицы, Есипов и приурочил основание В. Сукиным и И. Мясным «града» к 7093 г., тем более что в предположительно известной софийскому приказному одной из летописных записей, сохраненной двумя ранними редакциями СЛС, названа та же дата [11, с. 138, 189, примеч. 34]. (В данной записи в число основателей Тюмени включен Д. Чулков, так что она едва ли послужила источником ОЕЛ). Интересующее нас свидетельство «Повести о Сибири и о сибирском взятии» слишком лаконично, чтобы считать его источником (так поступил Р. Г. Скрынников) воспоминания служилых людей, к примеру, атамана, затем головы тобольских татар Черкаса Александра. Оно могло быть почерпнуто из «писания» анонимного предшественника Есипова, которое, следуя его собственному признанию, этот дьяк трех кряду сибирских владык «распространил», и только [20, с. 49].

Утверждение, будто в КЗ, как и Повести о городах Таре и Тюмени, возникновение последней отнесено к 1583 – 1588 гг. [18, с. 36, ср. с. 41], неверно, да и в названной Повести о строительстве острога на Туре вообще умалчивается.

В созданной на рубеже XVII–XVIII вв. Ремезовской летописи (далее – РЛ), вторичной относительно есиповского «сложения» в Распространенной редакции, сказано о «поставлении» «Тюменского города» 29 июля 1585 г. Этот день, но следующего года, считали первым в истории «русской» Тюмени Г.Ф. Миллер (поначалу), Н.М. Карамзин, В.И. Сергеев и некоторые другие исследователи. Ряд историков приурочивал ее основание к лету, 29 июня (А.Б. Тапаева), июлю 1586 г. или середине этого месяца, Г.Е. Катанаев – к зиме 1586/87 г., а В.И. Кочедамов – осени того же года [1, примеч. 33; 3, с. 87; 4, с. 6; 6, с. 266; 8, с. 198, л. 2 об.; 14, с. 269; 15, с. 23; 16, с. 113; 22, с. 8; 24, с. 44; 25, с. 47, и др.]. В миллеровской «Истории Сибири» в данной связи говорится про 29 июня. По-видимому, в этом издании главного труда выдающегося ученого допущена опечатка, которая впоследствии иногда воспроизводилась. (В.И. Сергеев же в одной из статей писал о прибытии русских в Чимги-Туру в конце июня 1586 г.). В произведениях С.У. Ремезова (как часто отмечалось, изобилующих анахронизмами) события сибирской исто-

рии не раз приурочиваются к 29 числам мая, июня, августа [17, с. 313, 322, 336, 404, 413, 427; 19, с. 174, 177, 179, 187, примеч. 42, и др.], что, между прочим, внушает сомнения в достоверности указания тобольского «изографа» петровской эпохи на время, когда воеводы В.Б. Сукин и И.Н. Мясной приступили к постройке Тюменского острога. (С точки зрения В.Н. Козлякова, основание Тюмени на месте «града Чингия» подчеркивало «смену веков» в сибирской истории [2, с. 95]. Исследователь не учел, что к тому времени Чингий (Чингиден и т. п.) давно утратил статус ханской столицы, превратившись в рядовой город. Утверждение Д.Я. Резуна, будто Тюмень с самого начала «ставилась» как город, с посадом за пределами рубленых бревенчатых стен [9, с. 18], тоже должно считаться неточным). К тому же маловероятно и свидетельство Ремезова о 300 стрельцах, которыми располагали при этом русские «начальные люди», отправленные московскими властями в Сибирь незадолго до возвращения оттуда И.А. Мансурова и большинства его ратников. Согласно РЛ, которая включила фрагменты Кунгурского летописца, 300 ермаковцев в канун экспедиции в Сибирь «ходиша на вогуличей», столько же казаков выступило в поход, оказавшийся для «ратоборного» атамана последним; 300 татар под предводительством тарского воеводы князя И. Мосальского приняли участие в сражении, закончившемся полным разгромом Кучума, а вскоре три сотни мурз и «мурзичей» в Тобольске были «поверстаны в службу» московским государям.

Вопреки мнению ряда исследователей [5, с. 63], в летописных источниках умалчивается об основании Тюменского острога на Царевом Малом городище, в этих сочинениях лишь упоминается о сооружении «града» Тюмени там, где ранее находился город Чингиден, Чингий и т. п. [11, с. 136, 138, 189, 252, 312, 315, 365, 368, ср. с. 36, 76]. (Не приходится и подобно Т.Н. Рафиковой утверждать, будто русские захватили Чимги-Туру, на соседней с которой мысу построили Тюменский острог [12, с. 12, 15]).

Таким образом, тобольские книжники XVII в., сообщавшие о «поставлении» Тюмени, едва ли передавали известия каких-либо документов. В глазах Саввы Есипова ее возникновение стало очередной вехой русского градостроительства в «Сибирской земле», а упоминание С.У. Ремезова о дне, когда воеводы Сукин и Мясной начали сооружать острог близ развалин прежней татарской столицы, следует причислить к «вымышленным обстоятельствам» (по классификации Е.К. Ромодановской) становления Азиатской России.

1. Карамзин, Н. М. История Государства Российского / Н. М. Карамзин. – М. : Книга, 1989. – Кн. III. – Т. X. – 166 + 86 стлб.
2. Козляков, В. Борис Годунов: Трагедия о добром царе / В. Козляков. – М. : Молодая гвардия, 2011. – 311 с.
3. Кочедамов, В. И. Первые русские города Сибири / В. И. Кочедамов. – М. : Стройиздат, 1978. – 190 с.
4. Кочедамов, В. И. Тобольск (как рос и строился город) / В. И. Кочедамов. – Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1963. – 154 с.
5. Матвеев, А. В. Некоторые итоги археологического изучения исторической части Тюмени в 2005 году / А. В. Матвеев, Т. С. Измер, Е. Ю. Молявина // «Сулеймановские чтения – 2006»: мат-лы IX Всерос. научно-практ. конф. (г. Тюмень, 18–19 мая 2006 г.). – Тюмень : Экспресс, 2006. – С. 62–64.
6. Миллер, Г. Ф. История Сибири. – 2-е изд., доп./Г. Ф. Миллер. – М. : Восточная литература, 1999. – Т. I. – 630 с.
7. Миллер, Г. Ф. История Сибири. – 2-е изд., доп. / Г. Ф. Миллер. – М. : Восточная литература, 2000. – Т. II. – 796 с.
8. Описание Сибирского Царства: соч. Г. Ф. Миллером. – М. : Либерия, 1998. – Кн. 1. – 416 с.
9. Первое столетие сибирских городов: XVII век. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. – 190 с. (История Сибири: Первоисточники. – Вып. VII).
10. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1968. – Т. 31. – 263 с.
11. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1987. – Т. 36. – 382 с.
12. Рафикова, Т. Н. Результаты изучения Царева городища / Т. Н. Рафикова // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Мат-лы Междунар. конф.: Г. Курган, 22 – 23 апреля 2011 года. – Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. – С. 11 – 15.
13. Резун, Д. Я. К истории «поставления» городов и острогов в Сибири / Д. Я. Резун // Сибирские города XVIII – начала XX века. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1981. – С. 35–57.
14. Резун, Д. Я. Летопись сибирских городов / Д. Я. Резун, Р. С. Васильевский. – Новосибирск : Новосибирское книжное изд-во, 1989. – 304 с.
15. Сергеев, В. И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков / В. И. Сергеев // Актуальные проблемы истории СССР. – М. : Изд-во Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, 1976. – С. 18–57.
16. Сергеев, В. И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение / В. И. Сергеев // Вестник истории мировой культуры. – 1960. – № 3(21). – С. 113–124.

17. Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань : Александрия, 2008. – 10 + XXXI + 1 + 645 с.
18. Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. – Переизд. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. – 182 с.
19. Солодкин, Я. Г. Вослед Савве Есипову: Очерки по истории сибирского летописания середины – второй половины XVII века / Я. Г. Солодкин. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитарного университета, 2011. – 211 с.
20. Солодкин, Я. Г. К истории основания Тюмени и Тобольска / Я. Г. Солодкин // Проблемы истории Сибири XVI – XX вв. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитарного университета, 2006. – Вып. 2. – С. 46–57.
21. Тихомиров, М. Н. Русское летописание / М. Н. Тихомиров. – М. : Наука, 1979. – 384 с.
22. Шашков, А. Т. Лодейный город / А. Шашков // Родина. – 2004. – Спец. вып.: Тобольск – живая былина. – С. 7–11.
23. Шашков, А. Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания / А. Т. Шашков // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1996. – С. 116–161.
24. Щеглов, И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. / И. В. Щеглов. – Сургут : Северный дом, 1993. – 463 с.
25. Ярков, А. П. Города и городки: о генезисе образов и поселений на примере Singuir ~ Цынги ~ Туры / А. П. Ярков // Тюменский исторический сборник. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2016. – Вып. XVIII. – С. 40–49.

Черкасов Д.Н. «МЕМУАРЫ» ЖАКА ДЮ КЛЕРКА

В XV в. бургундская историческая школа являлась одной из сильнейших в Европе. Бургундский княжеский дом обладал мощной плеядой историографов, передавших потомкам славу военных деяний, совершенных под его эгидой. Эти люди, в основном, принадлежали к близкому придворному кругу герцогских служащих, и интересовались, прежде всего, придворной жизнью и военными событиями. Такими, например, были Ж. Лефевр де Сен-Реми, О. де Ла Марш, Ж. де Ваврен [2, р. 85].

Однако, если одним писателям бургундской школы – Ж. Шателену, Ф. де Коммину, О. де Ла Маршу или Ж. Молине, посвящено значительное количество исследований, то творчество таких авторов, как М. д'Экуши, Ж. дю Клерк или Ж. Лефевр де Сен-Реми до сих пор остается относительно мало исследованным [6, р. 507]. Вместе с тем, их сочинения, не всегда оцененные по достоинству, местами не уступают по своему значению хроникам и мемуарам их более именитых коллег. Таковыми, на наш взгляд, являются и «Мемуары» Жака дю Клерка, о которых пойдет речь в данной статье.

До наших дней дошло несколько рукописных копий «Мемуаров» Ж. дю Клерка, наиболее известная из которых, датируемая XVI веком, хранится в библиотеке аббатства Сен-Вааст в Аррасе [7, р. 13; 13, р. 124].

В научный оборот «Мемуары» были введены в 20–30-е гг. XIX в. В 1820 г. в коллекции К.-Б. Петито впервые были опубликованы их отдельные главы (переизданы в 1826 г.). Полное издание «Мемуаров» было осуществлено в 1823 г. бароном Ф. де Рейфенбергом (в 1835–1836 гг. вышло второе издание), а 1826–1827 гг. Ж.А. Бюшоном. Позднее Бюшон переиздал их в серии «Литературный Пантеон». Выдержки из «Мемуаров» были даны также в коллекции Ж.Ф. Мишо и Ж.Ж.Ф. Пужула в 1837 г. (переизданы в 1851 г.). После длительного перерыва в 2006 г. была опубликована часть «Мемуаров» Ж. дю Клерка, относящаяся к истории г. Арраса¹.

Исследователи XIX – первой половины XX в., не проявили к «Мемуарам» особого интереса, ограничившись лишь короткими заметками. Утвердилось мнение, что Ж. дю Клерк сильно уступает другим хроникам своего времени и его сочинение представляет, в основном, локальный интерес: автор сообщает много ценной информации, касающейся истории Артуа, но о делах более общих он слабо информирован и не очень уверен [3, р. LXI; 11, р. 44].

Во второй половине XX в. – начале XXI в., в связи с развитием новых направлений исторической науки, возросшему интересу к локальной истории, средневековой урбанистике, струк-

¹ Jacques du Clercq. Mémoires d'un magistrat d'Arras, 1448–1467. Texte original établi par Dom Bouquet; revu et traduit de l'ancien français par M. Romeuf. – Clermont-Ferrand, 2006.

турам повседневности и т.д., внимание к «Мемуарам» и личности самого Ж. дю Клерка заметно возросло¹.

История его рода тесно связана с графством Артуа и соседними шателениями Дуэ, Лилля и Оршье. Прадед писателя, Пьер дю Клерк, был уроженцем г. Бапом в Артуа, а дед – Тома дю Клерк, проживал в Дуэ. В 1409 г. отец автора «Мемуаров», тоже Жак дю Клерк, женился (видимо это был второй брак) на дочери советника Фландрии Жана де Камелена [12, Col. 234]. Обосновавшись в Лилле, он служил в качестве советника и адвоката герцога Бургундского Филиппа Доброго в шателениях Лилль, Дуэ и Оршье [5, p. 438; 7, p. 296]. От двух браков у него было четыре дочери и трое сыновей, одного из которых, родившегося в 1420 г., назвали Жаком [4, p. 105–106; 7, p. 488]. Младший Ж. дю Клерк, как и его отец, служил Филиппу Доброму, но не сделал серьезной карьеры, хотя именовался экуюе и владел небольшой сеньорией Бовуар-ан-Тернуа в Артуа. Женившись на Жанне де ла Лашери, дочери дворянина из Лилля, он поселился в г. Аррасе (столице Артуа), где провел жизнь в своем доме под названием «Монета» и умер в 1501 г. [12, Col. 234–235].

С 28 лет Ж. дю Клерк собирал заметки, различные истории, любопытные случаи, которые легли в основу его «Мемуаров», рассматривая это как «способ проведения времени» и не покидая при этом свой дом в Аррасе [5, p. 438; 12, Col. 235].

«Мемуары» охватывают период с 1448 по 1467 годы, являясь логическим продолжением хроники 1400–1444 гг. А. де Монстреле. Автор заявлял о намерении написать еще 2 тома о событиях после смерти Филиппа Доброго, но эти планы остались неосуществленными [12, Col. 235].

В части «Мемуаров», относящейся к 1448–1456 гг., Ж. дю Клерк широко использовал «Хронику Карла VII» Жана Шартье, монаха Сен-Дени, официального историографа французского короля. Однако Ж. дю Клерк не был банальным плагиатором, творчески переработав историю Ж. Шартье [13, p. 128]. Общая манера изложения Ж. дю Клерка более короткая и более концентрированная, чем соответствующее повествование Ж. Шартье. Можно сказать, что Ж. дю Клерк берет текст Ж. Шартье, как модель, стараясь передать только самое главное. Также, он тщательно удалил из текстов, взятых из хроники Ж. Шартье, все политически мотивированные оценки, относящиеся к англо-французскому противостоянию [1, p. 120].

Открытым остается вопрос об отношениях «Мемуаров» Ж. дю Клерка и хроники Ж. де Ваврена. Ж. Станжер высказал мнение, что Ж. де Ваврен использовал в своей хронике, касающейся преимущественно истории Англии, «Мемуары» Ж. дю Клерка, обогатив их новыми известными ему фактами и своими личными размышлениями [13, p. 129]. В свою очередь, А. Маршандисс склоняется к мысли, что скорее Ж. дю Клерк воспользовался хроникой Ж. де Ваврена, упростив историю последнего о войне Алой и Белой Роз в Англии [6, p. 520].

По своей структуре «Мемуары» Ж. дю Клерка состоят из 5 книг и «Уведомления», разделенных на 271 главу.

В первой книге (46 глав) основное внимание уделено событиям конца Столетней войны – отвоеванию французами Нормандии и Гиэни. Отдельно, в помещенном после первой книги «Уведомлении» (6 глав), дана начальная история войны Роз в Англии. Это более поздняя вставка, поскольку в ней упоминается о смерти сыновей короля Эдуарда IV в 1483 г. [7, p. 299–451].

В центре внимания второй книги (59 глав) – война герцога Филиппа Доброго с г. Гентом в 1452–1453 гг., где даны ценные детали решающей битвы при Гавере (23 июля 1453 г.). Интересны сведения о событиях в герцогстве Люксембург, право на которое у герцога Бургундского оспаривал венгерский король Ласло V [8, p. 1–151].

Значительную и оригинальную часть третьей книги (48 глав) составляет описание начала охоты на ведьм («вальденсов») в Аррасе, которая тревожила столицу Артуа в 1459–1461 гг. [8, p. 152–363]. Здесь Ж. дю Клерк превосходит все остальные источники по теме «вальденсов» своей исключительной точностью, но тщательно избегает оценки по существу репрессий, и старается придерживаться баланса между судьями и потерпевшими [2, p. 89–90].

Четвертая книга (46 глав) продолжает эпопею с преследованием арраских «вальденсов» и другие события, связанные с жизнью Арраса и его округа. Параллельно отслеживаются события войны Роз в Англии и приход к власти династии Йорков, события при Бургундском дворе

¹ Barner, G. Jacques Du Clercq und seine Mémoires: ein Sittengemälde des 15. Jahrhunderts. – Düsseldorf, 1989; Mercier, F. La Vauderie d'Arras. Une chasse aux sorcieres a l'automne du Moyen Age. – Rennes, 2006.

(в том числе попытку отравления Карла, сына герцога Бургундского, одним из придворных), смерть Карла VII и воцарение Луи XI [9, p. 1–249].

Пятая книга (66 глав) посвящена преимущественно событиям 1464–1465 гг. – накануне и в период «Лиги общественного блага». Последние главы «Мемуаров» рассказывают о походе Карла Смелого против восставшего Льежа, смерти Филиппа Доброго 15 июня 1467 г. и заканчиваются описанием его похорон 22 июня [10, p. 1–308].

Подводя итоги можно сказать, что «Мемуары» Жака Дю Клерка это пример городской хроники, написанной человеком, занимавшим относительно невысокое положение в бургундской иерархии и не покидавшего пределы своей округи. К характерным чертам его «Мемуаров» можно отнести следующие: 1) в отличие от многих представителей бургундской школы у него нет особых восторгов по поводу знати бургундского двора, он не позволяет рыцарству доминировать в своих «Мемуарах» [5, p. 438]; 2) в отличие от некоторых современников, таких, как Ж. Шателен или Ф. де Коммин, Ж. дю Клерк старается избегать личных оценок излагаемых событий [2, p. 89]. Его «Мемуары» — это не акт обвинения и не акт оправдания, он просто пишет то, что видел или слышал [1, p. 18]; 3) наиболее ценная и оригинальная часть «Мемуаров» Ж. дю Клерка посвящена истории г. Арраса и его округи, тогда как повествование о событиях происходивших за пределами Артуа, в той или иной мере, является компиляцией из других источников.

1. Bousmar, E. Les emprunts de Jacques du Clercq à Jean Chartier: note sur l'historiographie franco-bourguignonne au 15e siècle / E. Bousmar // Serta Devota in memoriam Guillelmi Lourdaux. – Louvain: University Press, 1995. – Т. 2 – P. 115–148.
2. Devaux, J. L'historiographie bourguignonne, une historiographie aveuglante? / J. Devaux // La cour de Bourgogne et l'Europe. Le rayonnement et les limites d'un modèle culturel; Actes du colloque international tenu à Paris les 9, 10 et 11 octobre 2007, ed. W. Paravicini. – Ostfildern: Thorbecke, 2013. – P. 83–96.
3. Du Fresne de Beaucourt, G. Histoire de Charles VII / G. Du Fresne de Beaucourt : en 7 t. – Paris: librairie de la Société bibliographique, 1881. – Т.1: Le Daufin. – 567 p.
4. Dupont, E. Jacques du Clerqu / E. Dupont // Bulletin de la Société de l'histoire de la France. Années 1857–1858. – Paris: Renouard, S.d. – Ser.2. – Т.1. – P. 104–107.
5. Doutrepoint, G. La littérature française a la cour des ducs de Bourgogne / G. Doutrepoint. – Paris: H. Champion, 1909. – 612 p.
6. Marchandise, A. Jean de Wavrin, un chroniqueur entre Bourgogne et Angleterre, et ses homologues bourguignons face à la guerre des Deux Roses // Le Moyen Âge, 2006. – №3. – P. 507–527.
7. Mémoires du J. Du Clerqu, sur le règne de Philippe le Bon, duc de Bourgogne. Publiés la première fois par le baron de Reiffenberg : en 4 t. – 2 ed. – Bruxelles: J.-M. Lacrosse, 1835. – Т.1. – 505 p.
8. Mémoires du J. Du Clerqu, sur le règne de Philippe le Bon, duc de Bourgogne. Publiés la première fois par le baron de Reiffenberg : en 4 t. – 2 ed. – Bruxelles: J.-M. Lacrosse, 1835. – Т.2. – 430 p.
9. Mémoires du J. Du Clerqu, sur le règne de Philippe le Bon, duc de Bourgogne. Publiés la première fois par le baron de Reiffenberg : en 4 t. – 2 ed. – Bruxelles: J.-M. Lacrosse, 1836. – Т.3. – 337 p.
10. Mémoires du J. Du Clerqu, sur le règne de Philippe le Bon, duc de Bourgogne. Publiés la première fois par le baron de Reiffenberg : en 4 t. – 2 ed. – Bruxelles: J.-M. Lacrosse, 1836. – Т.4. – 408 p.
11. Molinier, A. Les sources de l'histoire de France des origines aux guerres d'Italie (1494) : en 6 t. / A. Molinier. – Paris: A. Picard & fils, 1904. – Т.5. – 399 p.
12. Stecher, J. Duclercq (Jacques) / J. Stecher // Biographie Nationale publiée par l'Académie Royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique : en 44 t. – Bruxelles : Bruylant-Christophe & C., 1878. – Т. 6. – Coll. 234–236.
13. Stengers, J. Sur trois chroniqueurs. Note sur les rapports entre la continuation anonyme de Monstrelet, les «Mémoires» de Jacques du Clercq et les «Chroniques d'Angleterre» de Jean de Wavrin / J. Stengers // Annales de Bourgogne, 1946. – Т.18. – P. 122–130.

Тогалева Е.Д., Мороз О.Л.

СТАТУТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО КАК ИСТОЧНИКИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

Основными законодательными актами, в которых содержались нормы процессуального права, действовавшего на территории Беларуси в XV–XVI вв., являлись областные и земские грамоты, Судебник 1468 г., а также Статуты 1529, 1566 и 1588 гг. Каждый из этих Статутов представлял собой Свод законов Великого княжества Литовского [1, с. 29]. Издание Статутов явилось подлинной революцией в правотворчестве ВКЛ – это были первые в Европе своды зако-

нов, основанные на местном законодательстве и обычном праве, в то время когда в большинстве европейских государств пользовались римским правом.

Наиболее полно нормы о доказательствах были изложены в Статуте 1588 г., который действовал на территории Беларуси до середины XIX в. Процессуальное право на основе Статута 1588 г. было единым как для гражданских, так и для уголовных дел. Судопроизводство в суде начиналось по заявлению истца (обвинителя), который был обязан сам собирать и доставлять в суд доказательства, поддерживать обвинение в суде.

Процессуальная правоспособность сторон в феодальном праве зависела от их классовой и сословной принадлежности. Полной процессуальной правоспособностью обладали только шляхтичи, достигшие совершеннолетия и вышедшие из-под отцовской опеки. Ограниченной процессуальной правоспособностью обладали простые люди – горожане и крестьяне. Лишались права выступать в суде в качестве истцов и ответчиков холопы, челядь невольная, пленные, а также лица, изгнанные из государства. Лица, отлученные от церкви, могли быть ответчиками, но не могли предъявлять иски [1, с. 30].

Теория формальных доказательств, которая господствовала в процессуальном праве того времени, основывалась на заранее установленной в законе силе доказательств, которые подразделялись на совершенные и несовершенные. Количество и качество необходимых доказательств заранее определялось законом для каждой категории дел.

Основными видами доказательств считались объяснения сторон, их признания, показания свидетелей, письменные доказательства, вещественные доказательства, выводы экспертов. Объяснения истца или ответчика, подкрепленные личной присягой и присягой свидетелей, занимали одно из центральных мест в системе судебных доказательств: «довод доказательный и опровергательный составляет также и присяга, если кому недостает письменных доказательств или свидетелей» [2, с. 425].

Здесь необходимо отметить одну важную особенность: процессуальное законодательство того времени рассматривало объяснения сторон исключительно как способ совершения отдельных процессуальных действий (совершение распорядительных действий, заявление ходатайств и отводов, участие в исследовании доказательств и др.). Доказательственная сила признавалась только за показаниями сторон, даваемыми под присягой, а также признанием факта. Засвидетельствованный под присягой факт рассматривался как бесспорно установленный и не подлежал опровержению. Отказ от принесения присяги безусловно устанавливал обстоятельство в том виде, в каком оно излагалось противной стороной. Основываясь на древнеримском тезисе о невозможности тяжущихся свидетельствовать в своем же деле, законодательство признавало недопустимым использование сообщений сторон об обстоятельствах дела в качестве доказательств.

Признание ответчиком иска, сделанное в суде, рассматривалось как полное доказательство и являлось достаточным основанием для вынесения судебного решения. Признание обладало такой юридической силой, что истец его сделавший, лишался права на подачу жалобы на решение суда, в основу которого было положено это признание (р. 4 а. 88 Статута ВКЛ 1588 г.) [3, с. 201].

С целью получения признания простого человека могли пытаться. Однако, если по Статуту 1566 г. пытаться можно было каждого простого человека, то уже по Статуту 1588 г. пытаться можно было только подозреваемого и на протяжении не более одного часа. Запрещалось применять такие виды пыток, которые были опасны для жизни или калечили человека. Первый запрет пыток был сделан в Полоцкой грамоте 1511 г.: суду запрещалось верить признаниям, полученным под пыткой. Полный запрет пыток как средства получения признания был осуществлен только в 1776 г.

Кроме признаний в судопроизводстве того времени активно использовались свидетельские показания. Свидетелями в суде могли быть мужчины и женщины, взрослые и несовершеннолетние, свободные и крепостные люди. Не могли быть свидетелями лица, ранее осужденные за тяжкие преступления или признанные судом лжецами, слуги и подданные – за своих хозяев или против них, сумасшедшие, изгнанники, а также лица, юридически заинтересованные в исходе дела [4, с. 126].

Свидетельские показания могли быть двух видов: показания о юридических фактах и показания о добропорядочности сторон. Показания свидетелей сопровождалась, как правило, присягой, которая приносилась на Библии. Количество свидетелей, необходимых по тому или иному делу, заранее определялось в законе. Показания считались полным доказательством, ес-

ли их давали не менее трех свидетелей. Так, артикул 81 раздела 4 Статута 1588 г. закреплял, что сторона, отыскивая свою вещь, должна доказать иск свой тремя свидетелями, причем «людми веры годными и не подозрейными», а если нет трех свидетелей, то при двух свидетелях «сам маеть присегнути» и таким образом вернуть свою вещь [3, с. 198].

При оценке свидетельских показаний предпочтение отдавалось шляхтичу по сравнению с простым человеком, духовному лицу – по сравнению с мирянином, должностному лицу – по сравнению с обычным гражданином.

Таким образом, процессуальное право ВКЛ в XVI в. содержало как прогрессивные положения, многие из которых опережали свое время, так и негативные, свойственные любому феодальному праву (публичность осуществления наказания, жестокость некоторых форм смертной казни: четвертование, сожжение и др., наличие телесных наказаний, объявление виновного вне закона и изгнание за пределы государства и др.).

Труд юристов (теоретиков и практиков) ВКЛ был по достоинству оценен и использован юристами ряда европейских государств. Все три Статута переводились на многие европейские языки (латинский, польский, русский, немецкий и др.) и послужили образцом кодификации. Они оказали значительное влияние на законодательную и судебную практику соседних государств, особенно Восточной Пруссии и Ливонии, которые были тесно связаны с Польшей и Великим княжеством.

1. Гражданский процесс БССР / под ред. Н. Г. Юркевича и В. Г. Тихини. – Минск, 1979.
2. Статут Великого княжества Литовского: с подведением в надлежащих местах ссылки на конституции приличные содержанию онага. – СПб. – 1811. – Ч. 1.
3. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі / пад рэд. І. П. Шамякіна. – Мінск, 1989.
4. Юхо, И. А. Крыніцы беларуска-літоўскага права / И. А. Юхо. – Мінск : Беларусь, 1991.

Сукина Л.Б.
ИКОНЫ РУССКИХ СВЯТЫХ
И РЕЦЕПЦИЯ ФЕНОМЕНА СВЯТОСТИ В КУЛЬТУРЕ XVI–XVII ВВ.

Одна из важнейших проблем в работе историка русского средневековья – недостаток исторических источников. Их сохранность и неполнота создают препятствия для детальной и непротиворечивой реконструкции большинства событий и явлений той эпохи. В особенности это относится к исследованиям в области социальной и культурной истории допетровского времени.

Историки западноевропейской средневековой культуры и медиевисты, занимающиеся исторической антропологией (Й. Хейзинга, Ж. Ле Гофф, А.Я. Гуревич и др.), давно рассматривают произведения средневекового искусства, – книжные миниатюры, церковные росписи и алтарные картины, элементы скульптурного декора храмов, – в качестве важных исторических источников, способных заполнить лакуны в реконструкции картины мира «безмолвствующего большинства» прошлого. Для исследователя, изучающего русское средневековье, такое же значение могут иметь произведения иконописи.

В свое время В.О. Ключевский пришел к выводу, что русские жития малособытийны и однообразны [1]. Но в добавленных к ним описаниях чудес святых много ценного исторического материала по истории монастырей и культа подвизавшихся в них преподобных. Историк подчеркивал: «Еще важнее то, что они большей частью единственные записки о каком-нибудь темном уголке России, в которых местное население является с своими нравственными и физическими недугами, иногда с своими этнографическими и культурными особенностями. Наконец, трудно указать другой отдел древнерусских исторических памятников, в котором с такой откровенностью и полнотой высказались бы потаенные понятия, как биографа, так и всего общества» [1, с. 279–280]. При этом В.О. Ключевский указывал, что списки житий не были особенно распространены в качестве нравственно-учительного чтения даже среди грамотной части населения [1, с. 250].

Однако не только практика добавления к житиям прижизненных и посмертных чудес святых, оформившаяся в XVI–XVII вв., оказала заметное влияние на восприятие святости широкими слоями духовенства и мирян, но и иконы русских святых, писавшиеся тогда сотнями и сохранившиеся в десятках экземпляров в музейных собраниях. Предметом нашего рассмотрения будут, в первую очередь, большие иконы, предназначавшиеся для приходских и монастыр-

ских церквей, отличающиеся высоким качеством письма и выполнявшие функцию «книги для неграмотных» (их литературной основой служили различные редакции житий). В XVI–XVII вв. они находились (как об этом можно судить по описям храмового имущества) в местном ряду иконостаса, у стен и опорных столбов в храмовом пространстве, и были доступны для неспешного созерцания и молитвенного поклонения.

С середины XVI в. в изображениях русских святых используется не только нейтральный, но и архитектурный фон, обозначающий конкретное место их подвижнической деятельности. Например, на иконе «Богородица Боголюбская с клеймами жития Зосимы и Савватия Соловецких и со сценами притч» 1545 г. (Музеи Московского Кремля. Успенский собор. Инв. № 5133 соб.) поклоняющаяся Богородице монашеская братия изображена на фоне двух храмов Соловецкого монастыря, воздвигнутых его основателями [5, табл. 171, 172]. В XVII в. такие изображения святого с храмом или монастырем становятся традиционными (Зосима и Савватий Соловецкие, Антоний Свирский, Артемий Веркольский и др.). Таким образом, не только вербально, но и визуально образ святого связывался с определенным географическим и культурным пространством.

В XVII столетии в иконографические программы житийных икон русских святых включаются исторические эпизоды. Они могут быть помещены в живописных клеймах, окружающих центральное изображение святого (ярославские иконы «Александр Невский в житии», «Князя Василий и Константин в житии»), или непосредственно на самом среднике иконной доски («Сергий Радонежский в житии с изображением Куликовской битвы»). Ярославский художественный музей. И-394 [2, табл. 46].

В сознании людей, видевших эти иконы в храме, образ святого постепенно утрачивал вневременную, идеальную, отстраненную от посюстороннего мира сущность и приобретал исторический смысл. Его земные деяния (будь это основание монастыря, чьи святые придали религиозную значимость некогда пустой и дикой местности, или участие в исторических событиях, имевших последствия для всей страны или жителей только данной территории), совершенные в конкретный промежуток времени, наполнялись исключительной и новой для людей того времени ценностью.

В целом, во всех житийных иконах постепенно увеличивается число клейм с чудесами. Сами изображения чудес лишаются прежней схематичности и отвлеченности, детализируются, приобретают черты пусть и не совсем обычного, но реального деяния, совершенного человеком, жившим в не столь уж отдаленном прошлом, то есть получают историческую интерпретацию.

Еще одной особенностью почитания русских святых в этот период, судя по материалам иконописи, становится включение их культов в контекст древнерусской и вселенской святости. Вероятно, это стало последствием составления в середине XVI в. Четых-Миней московского митрополита Макария и неоднократного использования в дальнейшем этой формы обобщения агиографических сведений. В более раннее время на иконах вместе со вселенскими святыми изображались только московские и ростовские митрополиты и епископы, что утверждало высокий статус русской церковной иерархии. Но в XVI–XVII вв. иконографическое сопоставление русских и вселенских святых стало обычным явлением.

Объединение святых в одной иконографической схеме, чаще всего, подчинено очевидной логике их почитания: общему имени в святцах (Кирилл Белозерский и Кирилл Александрийский, Никита Переславский и Никита Готский) или типу подвижничества (Зосима и Савватий Соловецкие, Иоанн Большой Колпак, Илья Пророк). На таких иконах русские святые представлены как сподвижники вселенских святых, что способствовало росту культового значения первых, выводило их за пределы круга местночтимых, включало в общерусскую церковную историю.

С середины XVI в. функциями особо значимого святого в иконописи наделяется и Сергий Радонежский, почитание которого в монастырской среде к тому времени становится повсеместным [3]. Изображенные с ним на одной иконной доске местночтимые малоизвестные или недавно удостоенные почитания святые становились в глазах людей сомолитвенниками прославленного игумена Троице-Сергиева монастыря.

Приведем пример иконы 1560-х гг., на которой вместе с Сергием изображен живший в XII в. новгородский епископ Никита, «прославленный» святым после обретения мощей в 1550-е гг. (Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. КП 2557) [4, табл. 131]. Житие Никиты Новгородского бедно событиями. Самыми яркими из них являются попытка затворничества, основание нескольких церквей в Новгороде и прижизненные чудеса – прекращение

пожара и вызывание дождя. Утверждение его почитания нуждалось в поддержке уже признанного символа русской святости, чему должен был способствовать вышеназванный иконный образ.

Особое место в иконографии русских святых XVII в. принадлежит образу «благоверного царевича» Дмитрия Угличского – младшего сына Ивана Грозного. Житие Дмитрия было составлено только в 1605 г., а почитание установлено в 1606 г. (до этого его почитали местно в Угличе) [6], но вслед за этим его культ распространился быстро и приобрел общерусское значение, в первую очередь, благодаря специальным усилиям, предпринятым для этого государством и церковью. Дмитрий чтился как «Угличский и Московский и всея Руси чудотворец» благодаря посмертным чудесам, свершившимся у его гроба. Но широкий интерес к персоне царевича в XVII в. поддерживался загадочными обстоятельствами его гибели и последовавшими за ней драматическими событиями, вызванными династическим кризисом в доме Рюриковичей.

Первые иконные образы царевича Дмитрия были вполне традиционны – ростовые изображения в позе молящегося. Но к концу XVII столетия, по мере развития культа, распространяется иконография, смыслом которой становится сюжет о гибели от рук коварных убийц законного наследника Российского царства. Святого отрока пишат в царских одеждах и в венце. В руках он держит ножичек – орудие убийства. Действие происходит на фоне узнаваемых архитектурных построек Углича XVII в. (например, на иконе из собрания Нижегородского художественного музея). В сценах на втором плане представлены персонажи, известные по следственному делу о гибели царевича и различным рассказам о случившемся, включая Житие Дмитрия. Здесь можно увидеть и няньку царевича Василису Волохову, и его убийц – Данилу Волохова и Никиту Качалова, и предполагаемых соучастников преступления отца и сына Битяговских.

Эпизоды истории гибели царевича почти будничны, в них нет трагической патетики, которая была свойственна сценам казни святых первых веков христианства в византийском и древнерусском искусстве. Убийство Дмитрия подается как уголовное преступление, пусть и с отдаленным намеком на библейскую историю убиения невинных младенцев по приказу царя Ирода. Здесь совершается не трагедия противоборства истинной веры и неверия, а драма нарушения Христовых заповедей, которая нередко имела место в исторической реальности. Все персонажи этой драмы одеты в «русское» платье, характерное для быта того времени.

В этом полном «достоверных» деталей рассказе нет места для сюжета чудесного воскрешения погибшего царевича. Молящиеся перед такими иконами должны были убеждаться в том, что младший сын Ивана Грозного, брат и единственный наследник царя Федора Иоанновича действительно умер, и старая царская династия пресеклась, оставив России не очередного правителя, но святого и небесного заступника. Сила иконного образа для человека того времени была убедительнее текста жития.

Иконографический материал русской иконописи XVI–XVII вв. позволяет более глубоко исследовать процесс трансформации почитания русских святых, распространение культа которых стало одной из характерных черт русской культуры эпохи перехода от средневековья к новому времени. Образ и житие святого в восприятии современников и ближайших потомков соотносятся с историческим мифом и актуальной для той эпохи религиозной действительностью, утрачивают отвлеченность и надмирность. Такой святой, являющийся не столько сосудом божьей благодати, сколько доступным профанному сознанию рядовых людей примером земного благочестия, равнодушно-го отношения к задачам исторического момента, жертвенности во благо государства и заботы обо всем христианском народе, был востребован временем. О таком святом, вписанном в историческое прошлое и в пейзаж современности, повествовалось и в добавленных к житиям чудесах, ставших распространенным элементом агиографического повествования в эту эпоху.

1. Ключевский, В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский // Православие в России. – М. : Мысль, 2000. – С. 5–307.
2. Масленицын, С. И. Ярославская иконопись / С. И. Масленицын. – М. : Искусство, 1983. – 184 с.
3. Мельник, А. Г. Почитание Сергия Радонежского в русских монастырях в XVI в. / А. Г. Мельник // Вопросы истории. – 2015. – № 1. – С. 152–156.
4. Салтыков, А. А. Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева / А. А. Салтыков. – Л. : Художник РСФСР, 1989. – 264 с.
5. Смирнова, Э. С. Московская икона XIV–XVII веков / Э. С. Смирнова. – Л. : Аврора, 1988. – 320 с.
6. Томсинский, С. В. Археологические источники о почитании царевича Дмитрия в Угличе в конце XVI – начале XVII в. / С. В. Томсинский // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2003. – № 4(14). – С. 69–70.

Булаты П.Ю.
АБАРОНА ЛЯХАВІЦКАЙ ФАРТЭЦЫІ 1660 Г.
НА СТАРОНКАХ ДЫЯРЫУШУ Я.А. ХРАПАВІЦКАГА

Ян Антоні Храпавіцкі (1612–1685) – прадстаўнік сярэдняй па заможнасці шляхты, які зрабіў выдатную палітычную кар’еру, па прыкладзе выбітных асоб сваёй эпохі, вёў дзённік, дзе занатоўваў штодзённыя падзеі перыяду з 1658 па 1685 гг. [6, с. 21–22].

Дыярыуш Храпавіцкага – каштоўная гістарычная крыніца, на старонках якой адлюстраванае палітычнае жыццё Рэчы Паспалітай друг. пал. XVII ст., праца соймаў, штодзённае жыццё заможнай шляхты, звычаі і норавы, заўвагі аб надвор’і [6, с. 21–22]. Адною са значных падзей, якая прыпала на жыццё Храпавіцкага і, натуральна, знайшла адлюстраванне на старонках дзённіка, з’яўляецца вайна паміж Рэччу Паспалітай і Маскоўскай дзяржавай 1654–1667 гг. Важным і вырашальным момантам вайны была кампанія, якая разгортвалася ў паветах Вялікага Княства Літоўскага ў 1660 г.

Перыяд зімы 1659 г. і зімы-вясны 1660 г. праходзіў галоўным чынам пад знакам дзеянняў маскоўскіх палкоў Івана Хаванскага. Яго войскі, якія налічвалі да 9 тыс. чалавек [4, с. 27], прыйшоўшы на Падляшша, імкліва прасоўваліся ў кірунку Любліна і Варшавы. Але канчатковае авалоданне маскоўскім войскам землямі ВКЛ і выпраўленне ў Карону было немагчымае без заняцця апошніх асяродкаў супраціву – крэпасцей Ляхавічы, Нясвіж і Слуцк [3, с. 153]. Пры існуючай на той час вайсковай сістэме армія цалкам залежала ад таго, наколькі правільна было наладжанае забеспячэнне войска. У сувязі з гэтым небяспека збоку гарнізонаў крэпасцей не дазваляў войску, якое ішло ў наступ, пакідаць не ўзятыя ўмацаванні, якія знаходзіліся на асноўных аператыўных камунікацыях [2]. У сувязі з гэтым І. Хаванскі з Падляшша ўзімку 1660 г. з галоўнымі сваімі войскамі павярнуў назад у Наваградскі павет. Манеўры маскоўскага войска і падзеі, якія разгортваліся каля апошніх асяродкаў супраціву, прыкоўвалі да сябе ўвагу жыхароў Рэчы Паспалітай.

Досьць падрабязна рух Хаванскага ў вайсковай кампаніі 1660 г. апісаны на старонках дзённіка Яна Храпавіцкага. Цягам студзеня 1660 г., пачынаючы ад моманту, калі маскоўскія сілы сталі лагерам у Забудове і вырашалі напрамак далейшых манеўраў, Храпавіцкі амаль штодня занатоўваў звесткі, якія датычыліся вайсковых падзей, якія аўтар называў «*trwogi wielkie od Moskwy*» [5, с. 219]. У студзеньскіх і лютаўскіх зацемках адлюстраваны перамяшчэнні палкоў Хаванскага на Падляшшы, падыход да Брэста і паспяховы для маскоўцаў штурм замка.

Напрыканцы лютага ў дзённікавых запісах Я. А. Храпавіцкага ўпершыню згадваюцца Ляхавічы. У запісу ад 24 лютага Храпавіцкі адзначае: «*Прышло наведамленне, што Хаванскі мінуў Ляхавічы і пайшоў глыбей на Літву*» [5, с. 227]. Як адзначалася вышэй, далейшаму прасоўванню на захад Хаванскаму перашкаджалі нескаронныя крэпасці. У першую чаргу ваявода вырашыў здабыць Ляхавічы. У данясенні цару Аляксею Міхайлавічу маскоўскі вайскаводца вызначаў стратэгічную ролю Ляхавіцкай фартэцыі і значнасці яе захопу: «*А не учиняя промыслу над Ляховичами, отойти... отнюдь нельзя, потому что Ляховичи стали промеж твоих завоеванных городов...*» [1, с. 65]. І далей Хаванскі выказаў засцярогу, што гарнізон крэпасці будзе перашкодаю на шляху войска цара. Аб сваім падыходзе пад Ляхавічы ў лютым Хаванскі таксама дакладаў цару: «*и пришли мы подъ Ляховичи и Ляховичи осадили*» [1, с. 61]. Але ў той час пад Ляхавічамі Хаванскі доўга не затрымаўся: расклад сіл і шэраг знешніх фактараў абумовілі яго выправу ў Наваградак, а адтуль імклівы рэйд зноў на Падляшша, адкуль у сакавіку палкоўнік выправіўся зноў у Наваградскі павет здабываць крэпасці.

Аб рэйдзе Хаванскага на Падляшша маецца датаваны 13 сакавіка запіс Храпавіцкага: «*Прышло некаторае наведамленне, што Хаванскі, папаліўшы Падляшша за Бугам пайшоў да Ляхавічаў*» [5, с. 231]. У заўвагах да гэтага запісу адзначаецца, што першапачаткова на месцы Ляхавічаў значылася Гродна [5, с. 231]. Можна меркаваць і аб супярэчнасці звестак, якія прыходзілі Храпавіцкаму, і аб нечаканасці манеўраў Хаванскага.

Літаральна праз дзень – 15 сакавіка – Храпавіцкі зноў запісаў аб падзеях, якія тычацца падзей каля Ляхавічаў. Ён адзначаў: «*Прышло наведамленне, нібыта пан Чарнецкі ваявода рускі меў намер разбіць колькі тысяч маскоўскага войска пад Ляхавічамі, якія там пакінуў Хаванскі,*

калі сам хадзіў з камюніке і наша войска выгнаў з брэскага краю [5, с. 231]». Вынікае, што Хаванскі яшчэ ў лютым усё ж пакінуў пэўныя сілы пад Ляхавічамі, з якімі хацеў уступіць у бой ваявода Чарнецкі. Але згаданыя планы засталіся не рэалізаванымі.

Са сваім войскам Іван Хаванскі прыйшоў пад сцены Ляхавіцкай фартэцыі 23 сакавіка 1660 г., аб чым неадкладна паведаміў цару [1, с. 61]. Аб гэтым даведаўся і Храпавіцкі, які 27 сакавіка адзначыў, што *«Прышло паведамленне, што Хаванскі пайшоў за пушчу пад Ляхавічы»* [5, с. 233]. Аблога крэпасці зацягнулася да 29 чэрвеня.

Згодна з данясеннямі ваяводы цару, яго галоўнай мэтай было завалодаць Ляхавіцкай фартэцыяй [1, с. 65]. Аб іншых выправах і планах размовы не вялося. Але да Храпавіцкага ад розных асоб паступалі супярэчлівыя і досыць разрозненыя звесткі аб вайсковых планах Хаванскага. Так, 20 сакавіка (яшчэ да таго, як маскоўскае войска падышло пад Ляхавічы) было занатавана, што Хаванскі пайшоў на Палессе да Пінска і Украіны [5, с. 232]. 26 сакавіка адзначаныя планы ваяводы выправіцца ў Барысаў [5, с. 233]. 11-м красавіком адзначаны намер вярнуцца пад Брэст [5, с. 235], а 17-м красавіком – аб выправе ваяводы пад Гродна [5, с. 236]. 28 красавіка паведамляецца аб намеры рушыць да Забудова [5, с. 238], а 29 красавіка адзначаецца, што Хаванскі зпад Ляхавічаў выправіўся ў Мінскі край [5, с. 239]. Пра планы Хаванскага ісці пад Брэст зноў паведамляецца ў запісу ад 5 мая [5, с. 240].

Тым не менш, даходзілі да Храпавіцкага і праўдзівыя, хоць часам і не зусім дакладныя, звесткі, якія апісвалі становішча баявых дзеянняў пад Ляхавічамі.

5 красавіка Хаванскі пачаў першы штурм фартэцыі, але пацярпеў няўдачу. Са стратамі, маскоўцам прыйшлося адступіць. Пачалася аблога і шчыльная блакада крэпасці, рыхтаваўся новы штурм [1, с. 64–65].

Гэтыя падзеі на тэатры баявых дзеянняў лаканічна занатаваў Я. А. Храпавіцкі. Так, 11 красавіка было занатавана супярэчлівае паведамленне, *«што Хаванскі перамагае Ляхавічы і задумвае вярнуцца пад Брэст»* [5, с. 235]. Адрозна ж назаўтра, 12 красавіка Храпавіцкі запісаў ужо іншую ацэнку падзей: *«Прышло [паведамленне] паўторна, што Хаванскі штурмаваў і маецца штурмаваць Ляхавічы далей»* [5, с. 235].

Да ляхавіцкіх падзей Храпавіцкі звяртаецца ў допісе за 19 красавіка, дзе адзначана: *«Прышло паведамленне, што Хаванскі, страціўшы два штурму, стаіць з войскам у некалькіх мілях ад Ляхавічаў»* [5, с. 236]. У гэтым запісу акцэнтуюць увагу на тым, што, па звестках, якія меліся ў Храпавіцкага, мелі месца два штурмы Ляхавіцкай фартэцыі. Але з данясенняў Хаванскага цару вядома толькі пра адзін штурм 5 красавіка. Пасля яго ваявода назапашваў сілы, трымаючы крэпасць у аблозе. Цікавая і другая частка запісу Храпавіцкага аб перасоўванні Хаванскага на некалькі міль. Праўдападобна, што гаворка тут ідзе пра выправы маскоўскага войска супраць бліжэйшых літоўскіх аддзелаў, дыслацыраваных пад Нясвіжам [3, с. 162].

Наступныя звесткі з Ляхавічаў трапляюць у поле ўвагі Храпавіцкага 4 мая. Ён адзначае, *«што Хаванскі пад Ляхавічамі застаецца...»* [5, с. 240]. І гэтая частка запісу з'яўляецца самай праўдзівай. Далей ідуць звесткі, якія не адпавядалі рэчаіснасці: *«...які ў штурмах колькі тысяч войска страціў, і быў забіты яго сын, падстрэлены пад самага каня»* [5, с. 240]. Не выклікае сумневу, што лічба страчаных ваяводам жаўнераў у «колькі тысяч» у некалькіх штурмах (на гэты час штурм быў адзін) яўна перабольшаная. Не праўдзівымі з'яўляюцца звесткі і аб тым, што быў забіты сын Хаванскага.

Апошнія звесткі аб Ляхавіцкай аблозе Храпавіцкім занатаваныя 8 мая: *«прышло паведамленне, што Хаванскі стаіць у паўмілі ад Ляхавічаў з войскам»* [5, с. 240].

Цікавы той факт, што Храпавіцкі нічога не адзначыў у сваіх запісах аб другім штурме Ляхавіцкай фартэцыі: 24 мая пачалася новая атака на ляхавіцкія бастыёны, якая закончылася няўдачай для маскоўскага войска [4, с. 33].

На вайскавай нарадзе Рэчы Паспалітай у Варшаве 24–30 мая было вырашана распачаць паход на дапамогу абаронцам Ляхавіцкай фартэцыі. У паход рушылі харугвы Паўла Сапегі і Стэфана Чарнецкага, якія 24 чэрвеня аб'ядналіся ў ваколіцах Слоніма. Насустрэч аб'яднанаму войску выйшла войска Хаванскага. Сустрэліся яны 28 чэрвеня 1660 г. каля в. Палонка, дзе адбылася рашаючая бітва, у якой перамагло літоўска-польскае войска [3, с. 189, 207].

Перамога пад Палонкай была адлюстраваная Я. А. Храпавіцкім у запісе ад 5 ліпеня. Навіны аб перамозе прыйшлі ад Уладзіслава Скарашэўскага (пасланец у Варшаву С. Чарнецкага). Адзначана: «28 чэрвеня ў панядзелак у вігілію святога Пятра і Паўла, наша войска разбіла Хаванскага, які з тыранскай пыхаю недаацэньваў нашае войска, выйшаўшы з табору з-пад Ляхавічаў, таго ж дня стаў пад Палонакй. Там жа Бог дабраславіў ягомасці пану гетману літоўскаму і ягомасці ваяводзе рускаму, што наша войска ў малым часе (бо толькі дзве з чвэрцю гадзіны тая патрэба трывала), хоць досыць мужна і моцна наступаў непрыяцель, перамагло і, разарваўшы пяхоту, якой 8000 стаяла, наша войска выйшла і кавалерыяй знясло. Сына Хаванскага і Змеява, і Шчарбатага ўзялі жывым. Сам Хаванскі і некалькі соцень вершнікаў уцяклі, не завітаўшы ў табар, дзе нашы займелі вялікую здабычу, як у жывунасці, так і розных іншых дастатках. За Хаванскім выправіліся два палкі пад Барысаў, дзе той быў. Некалькі дзясяткаў гармат, а таксама ўся амуніцыя дасталася нашым [5, с. 249–251]». Адзначым, што пададзеныя звесткі збольшага адпавядаюць рэальнай карціне падзей: бітва пад Палонкай цягнулася каля 3 гадзін, былі захопленыя ў палон маскоўскія афіцэры, Хаванскі адступіў на ўсход, баявы рыштунак, у тым ліку і гарматы, з-пад Ляхавічаў у кінутым маскоўцамі абозе, дасталіся пераможцам.

Такім чынам, разгледзеўшы дзённікавыя запісы Я. А. Храпавіцкага, якія датычацца абароны Ляхавіцкай фартэцыі ў вайсковай кампаніі першай паловы 1660 г. на літоўскім тэатры баявых дзеянняў, можна рэзюмаваць наступнае:

1) У запісах Храпавіцкага хоць і знайшлі адлюстраванне асноўных падзей, якія адбываліся ў перыяд вясны-лета 1660 г. каля Ляхавічаў (падыход маскоўскага войска, асада, штурм, выправа Хаванскага пад Палонку, яго адступленне), некаторыя падзеі засталіся не асветленымі: другі штурм, зняцце аблогі.

2) Звесткі з-пад Ляхавічаў, якія паступалі ў Варшаву да Храпавіцкага цягам усёй кампаніі мелі супярэчлівы характар. Галоўным чынам, да яго прыходзілі паведамленні аб непраўдзівых намерах Хаванскага пайсці ў наступ у розных напрамках. Таксама маецца шэраг іншых недакладных момантаў: пададзеная колькасць штурмаў, перабольшаная колькасць забітых салдат маскоўскага войска, звесткі аб гібелі сына ваяводы Хаванскага.

3) З нататак можна даведацца аб часе, як хутка навіны з поля бітвы даходзілі да Варшавы. Так, у сярэднім, навіны даходзілі цягам тыдня, але бывалі выпадкі і большай затрымкі.

1. Акты Московского государства : в 3 т. – СПб., 1890–1901. – Т. 3 : Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664 гг. – 1901. – 674 с.
2. Бабулин, И. Б. Московские «легионы» на гравюре «Осада Ляхович в 1660 году» / И. Б. Бабулин // История военного дела: исследования и источники. – 2012. – Т. III. – С. 297–320.
3. Касажэцкі, К. Кампанія 1660 году ў Літве / К. Касажэцкі. – Смаленск : Інбелкульт, 2015. – 332 с.
4. Курбатов, О. А. «Литовский поход 7168 года» князя И. А. Хованского и битва при Полонке / О. А. Курбатов // Славяноведение. – 2003. – № 4. – С. 25–40.
5. Chrapowicki, J. A. Diariusz : w 2 cz. / J. A. Chrapowicki ; oprac. T. Wasilewski. – Warszawa : Pax, 1978. – Cz. 1 : Lata 1656–1664. – 664 с.
6. Nowosad, W. Diariusz Jana Antoniego Chrapowickiego jako źródło do badań klimatu Rzeczypospolitej w drugiej połowie XVII wieku / W. Nowosad, R. Przybylak, K. Marciniak, K. Syta // Klio – Czasopismo Poświęcone Dziejom Polski i Powszechnym. – 2007. – № 9. – С. 21–60.

Пушков В.П.

БЕЛОРУСЫ НА МОСКОВСКОМ ПЕЧАТНОМ ДВОРЕ В XVII ВЕКЕ (ПО АРХИВУ ПРИКАЗА КНИГОПЕЧАТНОГО ДЕЛА)

Московский печатный двор (МПД) в продолжение целой трети века с 1632 по 1664 г. вел не имеющую аналогов в мире запись розничной («в мір») продажи своих книг через типографскую лавку на Никольской улице. Соответствующие «приходные книги» содержат персональные сведения с указанием чинов и званий многих тысяч покупателей и десятках тысяч купленных ими книг (ежегодно примерно из 80 городов) [1, 2, 3]. По построенным нами двум электронным базам данных [5, 6], между которыми пролегла четверть века, встречаются и белорусские читатели. Так, в среду 9 ноября 1636 г. «полоченин» Владимир купил Псалтырь с воследованием, а в понедельник 3 сентября 1662 г. «витябченин» Илья Сатков взял Евангелие на престольное.

В «памятной тетради» безденежной раздачи книг на 1657 г. под 24 апреля есть запись о выдаче с Печатного двора по «именному приказу» патриарха Никона 18 книг для Полоцкого епископа Калиста, среди которых фигурируют следующие издания: (в порядке источника): Апостол, Триодь постная, Псалтырь налойная «в десь», Псалтырь учебная «в полдесть», «Торжественник в десь», «Потребники иноческие в десь», «Толкование святыя литургии в полдесть», «Правила святых апостолов», Служебники «в полдесть», Грамматика, «в полдесть», Евангелие «толковое недельное», «Книга о вере в десь», «Многосложной свиток в полдесть», «Часословец в четверть», Канонник, Дьяконник «в четверть», «Чин освящения воды», и Часослов «большой в десь». Все эти книги для Полоцкого епископа взял и расписался в их получении его ризничий «чорной дьякон» Селивестр [2, с. 341]. А 7 марта 1687 г. по указу патриарха Иоакима две «поучительные книги» («Книга Григория Назианзина да книга Ефрема Сирина») также безденежно из Приказа книг печатного дела были отправлены в адрес располагавшегося на территории Речи Посполитой православного Вознесенского монастыря для его игумена Феодосия «з братиею». («указная» цена этих книг составляла 2 руб. 47 коп.) [3, с. 538].

21 марта 1693 г. патриарх Адриан «пожаловал взнести» в Крестовую палату своего кремлевского дворца книгу Триодь цветную в переплете, которую приказал «безденежно» отправить «в белорусской православной монастырь Буйницкой, что близ города Могилева» игумену этой обители Иоасафу Драннику (с переплетом книга стоила 1 руб. 50 коп.) [3, с. 542].

Среди белорусов было немало книжников, у которых Приказ книгопечатного дела приобретал редкие издания для справщиков Правильной и Книгохранительной палат. Так, 26 июля 1677 г. у «могилевца» Василия Антонова были куплены две польские книги: «Библия Вуйкова в десь печатная» (за 6 руб.) и «Описание Вселенные Яна Ботера на полском же языке. А быть тем книгам в Правилне» [3, с. 453].

Наиболее известные книжники Московского печатного двора всегда имели в своих личных библиотеках белорусские издания. Например, среди 35 келейных книг его начальника – Павла митрополита Сарского и Подонского, переданных после его смерти в Правильную палату в ноябре 1675 г., есть и четыре белорусских. Это острожский Василий Великий «в десь без застежек», оцененный «торговыми людьми» Овощного ряда в 1 руб. 50 коп., «кутеинские» Зерцало и Новый Завет (обе книги «в десь» и по 60 коп.), и также «в десь» «белорусская» книга Новое Небо за 60 коп. А через полтора года среди 20 книг, приобретенных для Правильной палаты у известного типографского справщика «старца» Чудова монастыря Евфимия находим оцененный в 3 руб. кутеинский Новый Завет «в полдесть» [3, с. 251, 252]. Интересно, что в тот же день для Правильной палаты были куплены и две книги у «могилевца» Вас. Антонова, что, возможно, свидетельствует об их знакомстве.

В разрешении сложных текстологических проблем, возникавших в издательской практике, Печатного двора, активно участвовал теснейшим образом связанный с типографией Симеон Полоцкий – крупнейший книжник своего времени, драматург, реформатор стихосложения, воспитатель царских детей, организатор «Верхней» типографии в Кремле. Имея почетное звание «строителя», он иеромонах Заиконоспасского монастыря незадолго до своей смерти (1680 г.) наряду с самыми авторитетными митрополитами и архиепископами в присутствии патриарха Иоакима с 16 мая 1679 г. в течение пяти дней в Крестовой палате Патриаршего дворца принимал участие в работе комиссии по рассмотрению 175 разночтений «новоисправного» Апостола 1679 г., выявленных тремя справщиками при сравнении текста его типографской рукописи с целым рядом других рукописных и печатных изданий этой книги (в том числе и «кутеинских») [3, с. 18, 297]. За эту работу 25 октября 1679 г. Симеону Полоцкому по указу патриарха велено было «дать книгу Апостол в переплете по обрезау золотом для того, что он прочитал книгу Апостол же выходу 188-го» [3, с. 100].

Интересны вкладные записи белорусов на московских изданиях XVII в. Так, на Уставе («Око церковное»), нпечатанном 25 апреля 1610 г. мастером Анисимом Михайловым Радишевским, через полтора года после выхода этой книги в свет 5 августа 1611 г. появилась запись о ее коллективном вкладе монахов одного из могилевских монастырей в соборную Богоявленскую церковь этой обители [4, с. 102]. А Минея служебная месяца сентябрь, вышедшая в свет 31 де-

кабря 1607 г. (мастер Иван Андроников Нежежин), была вложена Аникием Таренисовичем – «мещанином» города Беляничи 27 апреля 1634 г. в Ильинскую церковь этого города [4, с. 91, 92].

Интересно участие белорусов в производственных и строительных работах Печатного двора. Так, стремясь сократить расходы на дорогую заморскую бумагу (затраты на бумагу до сих пор составляют основную часть издательских издержек). Приказ книгопечатного дела по инициативе патриарха Никона в 1656 г. в казенной Зеленой слободе на реке Пахре на собственные средства построил бумажную мельницу [2, с. 256–258]. Показательно, что среди наиболее квалифицированных «мастерских людей», привлеченных для пусконаладочных работ нового предприятия фигурировал и «черпальщик белорусец Иван Яковлев». Другие белорусы («поляки») трудились непосредственно на самом Печатном дворе. Так, в 1654 г. здесь работали знаменщик Ян, резец Григорий, кузнецы Станислав и Михаил [2, с. 146]. В январе 1656 г. для отопления помещений Приказа книгопечатного дела и Правильной палаты Печатного двора по предварительному представленному и утвержденному руководством МПД «образцам» (видимо, форме, рисунку и цвету изразцов) «поляк» Павел Бутков соорудил две «образцовые мраморные печи», получив за свою работу солидный гонорар в 20 руб. (на постройку печей пошло 17 возов глины и 4 воза песка) [2, с. 247]. О высокой профессиональной квалификации казенного переплетчика Саввы Поляка убедительно свидетельствует тот факт, что в августе 1663 г. он успешно выполнил ответственный заказ на изготовление «в поднос» царю Алексею Михайловичу парадных («по обрезау золотом») переплетов для 39 книг шести изданий этого года: 3 Пролога мартовских, 6 Псалтырей учебных, по 5 Евангелий на престольных и Канонников и по 10 Требников и Житий Николая чудотворца. О материальной ценности этой работы можно судить по тому, что, например, только за один переплет к Прологу казна заплатила Савве по 14 руб. (в эту сумму входила стоимость материалов «приклада» и оплата самой работы [3, с. 507, 508].

Организованная в Москве на Сretenке в 1670/71 г. отдельная Мещанская слобода, где в основном поселились выходцы из белорусских городов, примыкала к компактному проживанию работников Печатного двора на той же улице, что способствовало их взаимному пересечению, печатники и «тяглецы» Мещанской слободы достаточно активно торговали на столичном рынке. Так, «тяглец» Новомещанской слободы Алексей Васильев на мосту через ров у Спасской башни Кремля, т.е. на самом излюбленном книжниками месте продавал пользовавшиеся большим спросом дешевые «листы» – отпечатанные МПД на одном листе типографской бумаги тексты азбуки или молитв [3, с. 205, 206]. В Жемчужном ряду Китай-города серебром торговал другой тяглец Новомещанской слободы Алексей Яковлев [3, с. 219, 220].

В заключение хотелось бы узнать мнение белорусских коллег о возможной связи некоторых традиций русской книжности (например, «подноса» новых изданий важным персонам и молебнов перед началом их тиражирования) с традициями белорусской книжности.

1. Поздеева И. В. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652 / И. В. Поздеева, В. П. Пушкин, А. В. Дадыкин. – М. : Наука, 2001. – 544 с.
2. Поздеева И. В. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1652–1700 годы. Исследования и публикации / И. В. Поздеева, В. П. Пушкин, А. В. Дадыкин. – М. : Наука, 2007. – Кн. 1. – 399 с.
3. Поздеева И. В. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1652–1700 годы. Исследования и публикации / И. В. Поздеева, В. П. Пушкин, А. В. Дадыкин. – М. : Наука, 2011. – Кн. 2. – 654 с.
4. Поздеева, И.В., Ерофеева В.И., Шитова Г.М. Кириллические издания: XVI – 1641 год Научной библиотеки Московского университета / И. В. Поздеева, В. И. Ерофеева, Г. М. Шитова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. – С. 102 (№ 100).
5. Пушкин, В. П. Опыт построения базы данных «Книжный рынок Москвы 1636/37 г.» / В. П. Пушкин, Л. В. Пушкин // Фёдоровские чтения – 2005. – М. : Изд-во «Наука», 2005. – С. 356–368 (БД построена по: РГАДА. – Ф. 1182. Оп. 1. Д. 29).
6. Пушкин, В. П. Построение и возможности использования базы данных «Книжный рынок Москвы 1662–1664 гг.» / В. П. Пушкин, Л. В. Пушкин // Фёдоровские чтения – 2007. – М. : Изд-во «Наука», 2007. – С. 219–240 (БД построена по: РГАДА. – Ф. 1182. Оп. 1. Д. 61, 65).

Еўстрацьё А.І.
КРЫНІЦА XVII СТАГОДДЗЯ ПА ГІСТОРЫІ “БЕЛЫХ РУСАЎ”
З ЭСТОНСКАГА ГІСТАРЫЧНАГА АРХІВА Ў ТАРТУ

Нягледзячы на шматлікія змены, якія зведалі прадмет і метады гістарычнай навукі за ўвесь час яе існавання, “нарматыўнай” застаецца нацыянальная опытка бачання мінулага. Найбольш распаўсюджаным інструментам для падзелу гісторыі на “сваю” і “чужую” з’яўляецца механічны перанос актуальных дзяржаўных межаў у мінуўшчыну. Нярэдка таксама выкарыстоўваецца крытэрыі “этнічных зямель” ці “гістарыяграфічных продкаў”, прасторавыя межы якіх маглі ахопліваць тэрыторыі некалькіх цяперашніх дзяржаў. Так ці інакш, даследчая дзейнасць гісторыка часцей за ўсё абмяжоўваецца пазначаным “нацыянальна абумоўленым” гісторыка-геаграфічным арэалам – пры выбары як навуковай тэмы, так і прыярытэтных архіваў, якія, як правіла, знаходзяцца на тэрыторыі “свай” краіны ці бліжэйшых суседзяў. Значную ролю тут таксама адыгрываюць моўныя абмежаванні: зразумела, што пісьмовыя крыніцы, зробленыя на “свай” і роднасных мовах, з’яўляюцца для гісторыкаў больш прывабнымі, чым іншамоўныя матэрыялы.

Зразумелую цікавасць беларускіх даследчыкаў выклікае гісторыя назвы “Белая Русь”. Вакол гэтага пытання ў Беларусі склалася адпаведная навуковая традыцыя (гл. апошнія работы: [0; 4]). Зразумела, за ўсялякай назвай стаяць канкрэтныя гістарычныя асобы: адны выкарыстоўвалі тое ці іншае імя для пазначэння незнаёмых ім супольнасцяў, іншыя – для пазначэння саміх сябе. Апошні выпадак з’яўляецца найбольш цікавым для гісторыкаў, бо дазваляе ім выявіць сваіх непасрэдных “нацыянальных продкаў”. У дадзеных абставінах вельмі карыснымі ўяўляюцца крыніцы, якія ўтрымліваюць раннія сведчанні такой самаідэнтыфікацыі і дазваляюць, такім чынам, паглыбіць гісторыю аднайменнай нацыі. Змест гэтых дакументаў, на жаль, нярэдка дазваляе толькі гіпатэтычна вызначыць, ці мае назва “знешняе” ці “ўнутранае” паходжанне. Дадзеная акалічнасць, аднак, не выключае значнасці такіх крыніц для той ці іншай нацыянальнай гістарыяграфіі.

Мэтай гэтага даклада з’яўляецца прэзентацыя аднаго дакумента, які быў знойдзены намі ў Эстонскім гістарычным архіве ў Тарту. Ён тычыцца гісторыі “белых русаў” у самым пачатку XVII ст. З гэтага пункту гледжання, мы паспрабуем прадэманстраваць, што зварот да крыніц, якія захоўваюцца ў сховішчах “далёкага замежжа”, можа мець вельмі карысныя вынікі і для “нашай” нацыянальнай гісторыі. У рамках дадзенага даклада мы не прэтэндуем на ўсебаковы аналіз сведчанняў названага дакумента. Гэтай справе мы плануем прысвяціць асобны артыкул. Зараз жа мы хацелі б даць агульную “знешнюю” характарыстыку гэтай крыніцы, а таксама “моўчкі”, без умяшальніцтва з нашага боку, пачуць яе аўтараў, паспрабаваць зразумець іх матывы і намеры ў сувязі з гэтым дакументам на падставе выключна яго зместу, без навязвання яму нашых пытанняў. Апошнія, як вядома, абумоўленыя сучаснымі патрэбамі, ад пачатку ўтрымліваюць у сабе адказы і апярэджваюць вынікі даследавання, “паказваючы” нам тое, чаго не існавала насамрэч. Гэтая справа – пастаноўка пытанняў згодна з нашымі ўласнымі, а не аўтараў крыніцы, патрабаваннямі – уяўляецца дарэчнай толькі ў дачыненні да таго, аб чым дакумент не паведамляе, што знаходзіцца па-за межамі яго зместу і з’яўляецца т. зв. “кантэкстам”. Некаторыя з такіх пытанняў мы таксама дазволім сабе сфармуляваць у дадзеным дакладзе.

“Знешняя крытыка”

Крыніца, якую мы разглядаем, захоўваецца ў фондзе Дорпацкага магістрата (эст. *Tartu magistrat*, ням. *Dorpater Magistrat*) з матэрыяламі за 1547–1889 г. [5]. Яна была створана на ранненоваверхненямецкай мове бурмістрам і райцамі Дорпата (цяпер Тарту) 20 (30) жніўня 1601 г. Дакумент не ўтрымлівае імён ні бурмістра і райцаў, ні адрасата. Але з яго зместу зразумела, што ў якасці апошняга выступае будучы кароль Швецыі Карл IX (1550–1611). Яшчэ як герцаг Сёдэрманландскі, ён напрыканцы 1600 г. захапіў горад Дорпат падчас вайны з каралём польскім і вялікім князем літоўскім Сігізмундам III Вазам (1566–1632) за шведскі прастол і кантроль над землямі былой Лівонскай канфедэрацыі. Таксама крыніца не мае ніякіх подпісаў і пячатак. Напісана яна характэрным для таго часу гатычным курсівам, але даволі неакуратна і са шматлікімі выпраўленнямі. Усё гэта дазваляе сцвярджаць, што мы маем справу з чарнавіком. Дадзены тэзіс ускосна пацвярджаецца і месцам захоўвання крыніцы: чыставік, відавочна, быў адасланы герцагу. Так ці інакш, па сваім паходжанні і прызначэнні гэтая крыніца можа быць

аднесена да групы дакументальных матэрыялаў, т. зв. “рэшткаў” – непасрэдных прадуктаў падзей, згодна з класіфікацыяй вядомага нямецкага гісторыка XIX ст. Ёгана Густава Дройзена.

“Унутраная крытыка”

Па сваім змесце гэты дакумент з’яўляецца лістом-пасведчаннем аб тым, што два браты, “белыя русы” (у арыгінале ў адзіночным ліку, у дачыненні толькі да адного з братоў – *ein Weis Reuß*), якія маюць імёны Андрэй і Сідар Філіповічы (*Andreas Philippowicz, Sýdor*), ужо доўгі час пражываюць у Дорпаце і працуюць паганятымі грузавых павозак (“ламавікамі” – *führwercksleutte*). Падкрэсліваецца, што ўвесь час пражывання ў горадзе гэтыя людзі адрозніваліся станоўчымі паводзінамі і праяўлялі вернасць ранейшым правіцелям гэтых зямель (“пры ранейшых рэжымах” (*im Vorigen Regimen*) – хутчэй за ўсё, тут маюцца на ўвазе часы, калі Дорпат знаходзіўся пад уладай Рэчы Паспалітай, г. зн. 1582–1600 гг.). Так і зараз яны дэманструюць поўную адданасць свайму новаму ўладару – герцагу Сёдэрманландскаму. У гэтай сувязі складальнікі дакумента знайшлі неабходным заўважыць, што ва ўмовах вайны паміж Швецыяй і Рэччу Паспалітай гэтыя “белыя русы” не жадаюць пакідаць горад (літаральна дадзены фрагмент можна перакласці як “быць адсюль куды-небудзь яшчэ перамешчанымі”), “у адрозненне ад іншых палякаў” (*sie von Hinnen gleich den andern Polen nicht mögen, anderswohin Verfürett werden*). Пад апошнімі, хутчэй за ўсё, трэба разумець не этнічных палякаў, а падданных караля польскага і вялікага князя літоўскага ўвогуле.

З наступных радкоў мы даведваемся пра галоўную прычыну складання дадзенага дакумента. Улады Дорпата прасілі дазволу з боку вяльможнага адрасата на доступ “белых русаў” да “склада” (“вываз і ўвоз” – *ins lager ab- un Zuführ Zu thuen*), які яны абслугоўвалі і раней, г. зн. у часы ўваходжання горада ў склад Рэчы Паспалітай (*bishero dem Lager fleißige Nachfuhr gethan*). На жаль, дакумент не паведамляе, дзе дакладна знаходзіўся гэты склад і што там захоўвалася. Але, відавочна, гэта было нешта, што адносілася да прыбыткавага гандлю, ваеннай справы ці мела вялікае значэнне для выжывання горада (зброя, амуніцыя, харчаванне і да т. п.). Трэба зазначыць, што Дорпат у тых часы адыгрываў вельмі важную ваенна-стратэгічную ролю ў якасці горада-крэпасці, які даваў яго “ўладальніку” кантроль над усім рэгіёнам паўночна-ўсходняй Ліфляндыі. Верагодна, менавіта таму яго магістрат вымушаны быў прасіць дазвалення ў герцага Сёдэрманландскага на доступ яго патэнцыйных ворагаў – “белых русаў” – да склада, ад якога, магчыма, магло залежыць забеспячэнне горада ўсім неабходным.

Са свайго боку, “белыя русы” прасілі плаціць ім жалаванне адпаведна з іх службай, якую яны рупліва выконвалі і ў “папярэднія”, г. зн. польска-літоўскія, часы, аб чым яны прадставілі ўладам Дорпата адпаведнае пасведчанне (*wöllen sich in allem der gebüer gemeß Verhaltten, haben also nichts mehr Von Uns legen, als ein Zeugkniß ihres Vorigen Verhalttnens*). Такім чынам, можна выказаць здагадку, што названыя браты да пачатку вайны выконвалі абавязкі ў якасці “ламавікоў” на карысць Рэчы Паспалітай, падданыя якой – згаданыя ў нашай крыніцы “палякі” – пасля пераходу горада да шведаў пачалі масава пакідаць яго. У сваю чаргу, названыя “белыя русы”, у адрозненне ад сваіх “суайчыннікаў”, вырашылі застацца і служыць герцагу Сёдэрманландскаму за адпаведную плату, г. зн. сталі перабежчыкамі.

Са зместу крыніцы і яе ўнутранай структуры мы можам зразумець, што менавіта гэтыя просьбы справакавалі састаўленне дакумента: ва ўмовах вайны “белыя русы” былі зацікаўленыя ў тым, каб выконваць свае абавязкі на карысць новых уладаў і атрымоўваць за гэта жалаванне; бурмістр і райцы Дорпата таксама не жадалі “раскідвацца” дасведчанымі і надзейнымі работнікамі. Аднак мы не можам з поўнай упэўненасцю, на падставе толькі зместу крыніцы, сказаць аб тым, хто ініцыяваў яе стварэнне: гарадскія ўлады Дорпата ці браты Філіповічы.

Кантэкст і пытанні

Як гэта распаўсюджана ў гістарычнай навуцы, у дадзеным выпадку значна большыя таямніцы знаходзяцца па-за межамі зместу крыніцы. Паспрабуем аб’яднаць гэтыя “недамоўленасці” ў некалькіх пытаннях, звязаных з агульным кантэкстам, які суправаджаў стварэнне дакумента. З прычын, цалкам відавочных для беларускай гістарыяграфіі, у галоўнаў ступені яны будуць тычыцца ўзгаданых ў крыніцы “белых русаў”:

1. Дадзены этнахаронім мае ўнутранае ці знешняе паходжанне? Інакш кажучы, самі браты Філіповічы называлі сябе “белымі русамі” ці так іх ідэнтыфікавалі нямецкія ўлады Дорпата, якія склалі дакумент?

2. Адкуль маглі паходзіць гэтыя “белыя русы”? (пра гэта ўскосна гавораць імёны братоў, а таксама ўзгадкаванне іх у крыніцы разам з “палякамі”)

3. Якое яны мелі сацыяльнае паходжанне? (падказку на гэты конт можа даць указанне ў крыніцы на іх “прафесію”)

4. Калі, як і чаму яны апынуліся ў Дорпаце?

5. Чаму ва ўмовах вайны паміж Швецыяй і Рэччу Паспалітай яны вырашылі перайсці на “варожы” бок і застацца ў захопленым шведамі горадзе?

Усе гэтыя пытанні, як можна заўважыць, цесна звязаныя паміж сабой. Нам уяўляецца, што адказы на іх дапамогуць акрэсліць тэрытарыяльны арэал распаўсюджвання носьбітаў этнахароніма “белы рус” у пачатку XVII ст. Цікавым дадзенае даследаванне ўяўляецца таксама з пункту гледжання працэсаў фарміравання мадэрных нацый у Еўропе, якія распачаліся як раз у ранні Новы час. Асабліва слушнай гэтая заўвага з’яўляецца з улікам кантэксту, г. зн. вайны паміж Швецыяй і Рэччу Паспалітай, якая ахапіла ў тыя часы Усходнюю Прыбалтыку. Вядома, што войны, як ніякія іншыя гістарычныя з’явы, у даволі катэгарычнай форме размяжоўваюць “сваіх” і “чужых”, актуалізуючы ў тым ліку “нацыянальную” самасвядомасць. Да таго ж гэты рэгіён прыцягвае ўвагу як тэрыторыя, дзе адбываліся цесныя міжэтнічныя кантакты: там сустракаліся шведы, немцы, палякі, літоўцы, рускія. Цікава даведацца, якое месца займалі ў той час “белыя русы” сярод названых супольнасцяў.

Дакумент, які мы прэзентавалі ў дадзеным дакладзе, падаецца цікавым у кантэксце штудыяў па айчыннай гісторыі. Каб падтрымаць даследчую інтрыгу, мы возьмем на сябе смеласць выказаць здагадку, што гэтая крыніца можа быць пастаўленая ў адзін шэраг з “працоўным кантрактам” паміж русінамі і курляндскім герцагам, заключаным у 1666 г. [2; 3]. У такім выпадку, мы маглі б сцвярджаць аб наяўнасці пэўнай сістэмы “працоўнай міграцыі” з тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага, а менавіта яго паўночных зямель – Полацкага ці Віцебскага ваяводстваў, – на тэрыторыю Усходняй Прыбалтыцы ў бурлівыя часы шматлікіх ваенных сутыкненняў у гэтым рэгіёне ў другой палове XVI – XVII стст. Так ці інакш, адказы на пастаўленыя пытанні выходзяць за межы дадзенага даклада. Мы спадзяемся, што яны знойдуць адлюстраванне ў асобным артыкуле.

1. Белы, А. Хроніка Беларусі: Імагалогія Беларусі XII–XVIII стст. / А. Белы. – 2-е выд., папраўл. і дапоўн. – Смаленск : Інбелкульт, 2013. – 468 с.
2. Евстратьев, О. И. «Rusacy» в Норвегии? К проблеме критики одного «трудового контракта» XVII века / О. И. Евстратьев // «Актуальные проблемы источниковедения: к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права»: материалы IV Междунар. научно-практ. конф., Витебск, 20–21 апреля 2017 г. / ВГУ имени П. М. Машерова; под ред. А. Н. Дулова [и др.]. – Витебск, 2017. – С. 166–168.
3. Евстратьев, О. И. «Обещаем ехать в Норвегию»: сведения одного трудового контракта о территориальной мобильности «русакон» в XVII в. / О. И. Евстратьев // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. / РИВШ; ред. кол.: А. В. Мартынюк (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – Вып. 10. – С. 127–148.
4. Мартынюк, А. В. Кто и когда впервые произнес на латыни и по-немецки «Белая Русь»? / А. В. Мартынюк // Alba Ruscia: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X–XVI вв.); под ред. А. В. Мартынюка. – Москва : Квадрига, 2015. – С. 27–38.
5. Eesti Ajaloohiiv (EAA). – F. 995. Nim. 2. S. 453.

Сцебурака А.М.

“СТАН КАРАЛЕЎСКІХ ДВАРОЎ ЕЎРОПЫ”, АБО ШТО ВЕДАЛІ ФРАНЦУЗЫ АБ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ У КАНЦЫ XVII СТ.

Пад час адкрыцця XXVI Мінскай міжнароднай кніжнай выставы-кірмашу 6 лютага 2019 г. адбылася ўрачыстая перадача рэдкіх выданняў і рукапісаў з прыватнай калекцыі У.А. Ліхадзедава ў фонд Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі. У рамках дзяжаўна-прыватнага партнёрства рэалізуецца сумесны праект НББ і лаўрэата Прэміі «За духоўнае адраджэнне» У.А. Ліхадзедава. Ён прадугледжвае супольную працу па пошуку, вывучэнні, вяртанні ў дзяржаўныя зборы і папулярныя дакументальнай спадчыны Беларусі [4].

Сумесны праект прадугледжвае паступовую перадачу ўнікальнай прыватнай калекцыі дакументальных помнікаў У.А. Ліхадзедава, якая складае каля 100 тыс. адзінак захавання, у зборы НББ са стварэннем «Фонду Уладзіміра Ліхадзедава». У гэтым фондзе прадугледжваецца

фарміраванне калекцыі рэдкіх выданняў XVI–XX ст. шляхам дарэння, часовага захавання, набыцця. Рарытэты з «Фонду У. Ліхадзедава» будуць даступныя для чытачоў Бібліятэкі і будуць выкарыстоўвацца для арганізацыі выставаў, навуковых, адукацыйных і выдавецкіх праектаў.

Сярод іх кірылічныя і заходнееўрапейскія старадрукі беларускай тэматыкі, картаграфічныя матэрыялы, “спавядальныя ведамасці” і “шлюбныя вобшукі” праваслаўнай царквы XIX ст., дакументы аб шляхецкім паходжанні, рукапіс беларускіх татар, арыгінальны прывілей Жыгімонта III Вазы пачатку XVII ст. на старабеларускай мове з калекцыі Тышкевіча, полацкі дакумент XVI ст., падшыўку Гродзенскіх губерскіх ведамасцей 1840-х гг. і інш. Гэтыя кнігі, часопісы, архіўныя матэрыялы з’яўляюцца важкім дадаткам да калекцыі асноўнага кнігазбору краіны і маюць значны патэнцыял у гісторыкаў і краязнаўцаў. Аб адным з цікавых экзэмпляраў рэдкага старадруку з “Фонду У. Ліхадзедава” пойдзе размова ў гэтым артыкуле.

Заўжды цікава даведацца пра тое, што думаюць пра тваю краіну суседзі, што пра яе ведаюць у свеце. Сёння, дзякуючы сучасным камунікацыям недахопу інфармацыі такога кшталту няма. Але зусім іначай справы выглядалі ў XVII ст., калі для цікаўнага еўрапейца беларускія абшары былі далёкімі і таямнічымі і існавала ня так шмат крыніц звестак пра тое, што адбываецца ў нас.

П’ер Гошэ дэ Сэнт-Март (Pierre Gaucher de Sainte-Marthe) прадстаўнік дынастыі прыдворных гістарыёграфіаў французскага караля. У яго родзе быў вядомы паэт і эрудыт Сцэвола I дэ Сэнт-Март (Scévole I^e Sainte-Marthe (1536 – 1623)), аўтар твораў на лацінскай і французскай мовах (у тым ліку аўтар кнігі “Слёзы ў памяць аб хрысціянскім каралі Францыі і Польшчы”(1590 г.), прысвечаны Генрыху Валуа). Бадай самым вядомым гісторыкам з іх дынастыі быў бацька П’ера Сцэвола дэ Сэнт-Март (Scévole de Sainte-Marthe (1571–1650)), які разам са сваім братам-блізнятам Луі стварыў надзвычай папулярную “Генеалагічную гісторыю Французскага дому”.

Пазней П’еру перашлі рукапісы бацькі і ён выдаў у 1668 г. яшчэ адну грунтоўную працу аб родзе ўплывовых французскіх магнатаў “Генеалагічную гісторыю дому Трэмойль” [1].

Сярод тузіна арыгінальных твораў П’ера ёсць некалькі сапраўды цікавых выданняў, якія былі прысвечаны апісанню палітычнай сітуацыі ў Еўропе ў XVII ст. Прапаноўваю засяродзіцца на адным з іх – кнізе “Стан каралеўскіх двароў Еўропы”, дзе ў другой частцы вядзецца пра Англію, Данію, Швецыю, Польшчу і Масковію [2]. Структура апісанняў усіх дзяржаў у кнізе стэрэатыпная: манарх і яго сям’я, парламент і мясцовая адміністрацыя з пралікам прозвішчаў і, часта, датамі прызначэння ці абрання.

Французскі гістарыёграф караля, а менавіта так ён сябе вызначае на тытульным аркушы, не стамляе чытача назвай Рэч Паспалітая, а звыкла карыстаецца вызначэннем “Польшча”, каб апісаць федэратыўную дзяржаву абодвух народаў. Адзінай ілюстрацыяй да раздзелу ёсць выява гербу тагачаснага манарха Сабескага па-майстэрску выкананы ў выглядзе якаснай мініяцюрнай гравюры. Дакладней, на гербе Рэчы Паспалітай у цэнтры змешчаны тарч з кляйнотам Сабескіх. Герб ВКЛ апісваецца тут наступным чынам: “*Срэбны ўзброены коннік, які трымае ў правай руцэ меч высока над сабой, а ў левай блакітны шчыт, упрыгожаны залатым патрыяршым крыжам, конь закаваны ў блакітныя латы і мае залатыя падковы, з’яўляецца Літоўскім* [гербам]” [2, с. 542]. (Адметна, што тут крыж з Пагоні класіфікуецца як “патрыяршы”, хаця даволі часта аналагічную канфігурацыю ўкрыжавання называюць у Францыі “латарынгскай”).

Пазнаёмімся з апісаннем нашага краю ў тую складаную для нас часіну. Без перабольшання, 1640–60 гг. можна лічыць горшым часам выпрабаванняў, калі з-за шэрагу войнаў нашыя абшары прыйшлі ў нечуваны заняпад, а насельніцтва зменшылася на палову. Дэмаграфічны і эканамічны абвал суправаджаўся палітычнай нестабільнасцю, калі досыць часта змяняліся манархі, а ўсемагутныя магнаты змагаліся паміж сабой за ўладу і ўплыў у дзяржаве. Адметнасць нашай крыніцы інфармацыі ў часе яе стварэння і яе паходжанні: зірнем на наш край вачыма французскага навукоўца другой паловы XVII ст. Яго кніга выйшла ў 1680 г., адпаведна ў ёй разглядаюцца рэаліі і асобы пераважна 1660–70 гг. “*Гэта каралеўства вылучае тры станы: першае – духавенства, другое шляхецкае і апошняе – трэцяе саслоўе, якое ўключае ўсіх тых, хто не мае прывілеяў і займаецца сваймі заняткамі*”... Кніга выйшла ў час каралявання ў Рэчы Паспалітай Яна III Сабескага (1676–1696). Але аўтар пералічыў двух папярэднікаў караля – Міхаіла Карыбут-Вішнявецкага “*выхадца з найстаражытнейшага дваранства Руси*” і Яна II

Казіміра Вазу, які добраахвотна пакінуў трон у 1668 г. і праз чатыры гады памёр у Францыі ў якасці кіраўніка самага старога абацтва Парыжа – Сен-Жэрмэн-дэ-Прэ. Аўтара вабяць дынастычныя сувязі і рухаючыся ў гэтым кірунку ён разблытвае хітраспляценні шлюбных стасункаў былога караля Міхаіла Карыбут-Вішнявецкага (1669–1673). Яго жонка Элеанора Марыя Аўстрыйская, сястра Леапольда I Габсбурга, пасля смерці першага мужа зноў пабралася шлюбом з Карлам V і стала княгіняй Латарынгіі (на той час рэгіён яшчэ не ўваходзіў у Французскае каралеўства, але відавочна вельмі цікавіў аўтара кнігі і парыжскую палітычную эліту).

На момант публікацыі кнігі “L’Estat de la cour des roys de l’Europe” каралём безумоўна з’яўляўся Ян III Сабескі, чыёй жонкай была французжанка Марыя Казіміра Луіза дэ Ла Гранж д’Арк’ен, удава ваяводы Яна Замойскага. Гістарыёграф, відаць, каб падкрэсліць сувязь караля Рэчы Паспалітай з французскай зямлёй аж на паўстаронкі расцягвае апісанне тытулатуры далёка не самага багатага і высакароднага бацькі Марысенькі – маркіза Анры Альберта дэ Ла Гранж д’Арк’ен (1613–1707). Адметна, што французжанка-жонка Сабескага мела з ім у шлюбе чатырнаццаць дзяцей, а сам хаўрус быў, відаць па ўсім, заключаным па каханні, што было не частай з’явай для манаршых вяселляў тае пары. У кнізе цытуюцца імёны сямі народжаных да 1680 г. дзяцей, трое з якіх ужо паспелі на той момант памерці. Асабліва цікавымі падаюцца зробленыя акцэнтны. Пра двух дачок Сабескага занатаваныя не толькі даты нараджэння, але імёны хросных і ў чый гонар яны былі названыя. Так Луіза-Адэлаіда-Тэафілія была ахрышчана ў 1676 г. “*біскупам Марсэля і французскім амбасадарам у гонар Караля ... і ў гонар прынцэсы Баварыі.*” I Тэрэза-Шарлота-Казіміра ахрышчаная ў тым самым годзе ў гонар караля Англіі і французскай каралевы. Адметна, што прыгаданы біскуп Марсэля, Туссэн дэ Форбен-Жансон, сапраўды быў сярод вельмі ўплывовых дыпламатаў свайго часу. Ён прадстаўляў інтарэсы Людовіка XIV у 1673 г. на элекцыі караля ў Рэчы Паспалітай і падтрымліваў кандыдатуру Яна Сабекага, а пазней яшчэ не аднойчы ўдзельнічаў у палітычных інтрыгах ва Ўсходняй і Цэнтральнай Еўропе.

У другой главе ўвага аўтара пераходзіць ад каралеўскай сям’і на эліту дзяржавы. Пакідаючы ў баку пералік усіх сенатараў Рэчы Паспалітай, затрымаемся на прадстаўніках ВКЛ. “*Віленскі біскуп Мікалай-Стэфан Пац быў абвешчаны епіскапам у Рыме 11 сакавіка 1678 г.*”, а таксама Смаленскім біскуп – Казімір Пац і, трэці, Жамойцкі епіскап, чыё імя нават не прыводзіцца (пазначаны як “N”). Дэфакта, пасаду Смаленскага ў 1664–67 гг. і Жамойцкага біскупа ў 1668–95 гг. займаў адін і той жа дзед каталіцкага касцёлу ВКЛ, Казімір Пац [5, с. 141]. Сапраўды, кніга П’ера Сцэвола дэ Сэнт-Март зафіксавала эпоху найвялікшага ўздыму ўплыву ў ВКЛ сям’і Пацаў, калі прадстаўнікі роду займалі амаль усе вышэйшыя пасады ў дзяржаве і “*фактычна кіравала ВКЛ*” [6, с. 422]. Праўда, неўзабаве, іх месца заняў не менш значны і вядомы дом Сапег і распачаўся наступны акт барацьбы магнацкіх групавак.

Трэцяя глава скіроўвае ўвагу на эліту дзяржавы на ўзроўні ваяводстваў. I зноў нам сустрэкаецца прадстаўнік сям’і Пацаў – вялікі гетман Літоўскі і заадно віленскі ваявода ў 1669–1682 гг.: “*Міхаіл Пац, ваявода Віленскага ваяводства, найпрыгажэйшага ў Польшчы*”. Не прамінулі тут увагай і Віленскага кашталіяна – Андрэя Францішка Катовіча. Цікава, што толькі адно Віленскае ваяводства атрымала ад аўтара адносна поўнае апісанне і пазітыўную характарыстыку, іншыя ваяводства ВКЛ апісаны без асаблівай увагі і эпітэтаў: Трокскае з ваяводам Агінскім (без імя), Полацкае з Сапегам (без імя); а Віцебскае, Мінскае і Берасцейскае зум без прозвішчаў ваяводаў (!).

Чацвёртая глава знаёміць французскага аматара палітычнай сітуацыі ў Рэчы Паспалітай з элітай, якая займае вышэйшыя пасады. Бадай толькі зараз аўтар відавочна праводзіць падзел паміж ВКЛ і Каронай. Тут мы сустрэкаем зноў Міхаіла Паца, вялікага гетмана ВКЛ з 1676 г., сенатара дзяржавы – канцлера ВКЛ Крыштафа Жыгімонта Паца (кажуць, па яго ініцыятыве і яго намаганнямі кожны трэці сойм пачаў збірацца ў Гародні). Падканцлер і маршалак дворны таго перыяду Міхаіл Казімір Радзівіл “*князь на Альцы і Нясвіжы, сенатар каралеўства ... Польскі Караль яму шурын*”. I завяршаў гэты спіс падскарбі ВКЛ – Бенядзікт Павел Сапега. Пра падскарбія варта дадаць, што Пацы абвінавачвалі яго ў атрыманні хабару ад французай і нават давялі справу да суда.

Пятая глава прысвечана буйнейшым шляхецкім родам дзяржавы, дзе прадказальна мільгаюць ужо нам знаёмыя прозвішчы, але, падкрэслім, далёка не ўсе. Найбольшую частку

пераліку займаюць уладанні Радзівілаў (Бар на Падоллі, Біржы, Дубінкі, Нясвіж у Літве, Алыка на Вальні). Астатні пералік згадвае фамільныя ардынацыі Карыбутаў, Вішнявецкіх, Любамірскіх, Замойскіх і некаторых іншых родаў. Ні Пацаў, ні Сапег, ні Агінскіх тут няма! Складаецца ўражанне, што французскаму гістарыёграфу катэгарычна бракавала інфармацыі на гэты конт. І ў завяршэнні нарысу пра Рэч Паспалітую ён сам фактычна прызнаецца ў праблемах з падрыхтоўкай тэкста. *“Я пакрыўджу польскі набілітэт, але іх прозвішчы так цяжка чытаць і вымаўляць, што гэта прынясе чытачу большы пакут чым задавальнення. Калі нехта ўсё ж знойдзеца каб гэтым заняцца, ён можа звярнуцца да кнігі, якая мае назву Orbis Polonus, дзе ён знойдзе не толькі іх імёны, але яшчэ і гербы, самыя дзіўныя з тых, што існуюць у Еўропе”* [2, с. 556].

Такое рэзюмэ французскага гісторыка можна разглядаць як своеасаблівую спасылку на крыніцы, якімі карыстаўся ён сам. Кніга *“Orbis Polonus”* (*“Польскі свет”*) была дасяжнай еўрапейскаму чытачу дзякуючы лацінскай мове напісання [3]. Яе аўтарам быў манах-дамініканін з Камянца-Падольскага Сымон Акольскі. Кніга выйшла ў трох частках у пачатку 1640-х гг. і мела вялікую папулярнасць як даведнік па геральдыцы і родавай гісторыі. Відавочна, П’ер Гошэ дэ Сэнт-Март, які сам паходзіў з сям’і гісторыкаў і даследчыкаў генеалогіі не мог яе абмінуць увагай.

У другой палове XVII у Францыі адбываўся сапраўдны прарыў у навуцы і асвете. Вучоныя мужы займаліся даследаваннямі Еўропы і Свету, не абыходзячы ўвагай і нашу Бацькаўшчыну. Доказам таму з’яўляецца прааналізаваны твор прыдворнага гістарыёграфа. Ён дазваляе нам зразумець, які ўзровень ведаў і якое спецыфічнае ўяўленне аб нашай тагачаснай дзяржаве і яе эліце мела французская цікаўная публіка ў 1680-я гг.

1. Histoire généalogique de la maison de La Trémoille. Justifiées par chartes d’églises, arrêts du parlement, titres du trésor des chartes. Paris, Simeon Piget, 1668. – 348 p.
2. L’Etat de la cour des roys de l’Europe, où l’on voit les noms, surnoms, qualitez, armes, alliances et posteritez des roys et princes souverains.../ par M. de Sainte-Marthe... Paris: T. Girard, 1680 – 615 p.
3. Orbis Polonus : splendoribus caeli: triumphis mundi: pulchritudine animantium: decore aquatiliū: naturae excellentia reptiliū : [у 3 т.] / Simone Okolski. – Cracoviae : in Officina Typographica Francisci Caesarij, 1641–1645.
4. Урачыстая перадача У.Ліхадзедавым Нацыянальнай бібліятэцы Беларусі рэдкіх выданняў // – Рэжым доступу: <http://mininform.gov.by/news/all/urachystaya-peradacha-u-likhadzedavym-natsyuanalnay-bibilyatetsy-belarusi-redkikh-vydannya/> – Дата доступу: 04.03.2019.
5. Wolff, J. Pacowie: materyjały historyczno-genealogiczne / J. Wolff. – Petersburg : w drukarni F.Suszczynskiego, 1885. – 374 s.
6. Грыцкевіч, А. Пацы // Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя. Т. 1–3. Мінск: БелЭн, 2005 – 2010. – Т. II. – С. 422–424.

Стройлова Е.С.

КНИЖНЫЕ СОБРАНИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ XVII–XVIII ВВ. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА

Говорить об истории интеллектуальной жизни Восточной Европы в XVII–XVIII вв. невозможно без рассмотрения темы библиотечных собраний высших учебных заведений данного региона. Целью статьи является выявление значимости библиотечных собраний в истории развития системы образования и интеллектуальной жизни общества. Нами был проведен аналитический обзор систематических каталогов высших учебных заведений, расположенных в XVII–XVIII вв. на территории Речи Посполитой и Московского государства.

К XVII–XVIII вв. в восточноевропейском регионе сформировалась единая система высших учебных заведений, которые стали важными центрами просвещения. Например, Виленская академия играла значимую роль в формировании и развитии образования на территории Беларуси и Литвы, содействуя упрочению в данных землях католицизма. Приведем лишь некоторые цитаты современных исследователей. Белорусский ученый А.В. Шаршунов пишет про Виленскую академию: «Роль Виленского университета, его предшественника – Виленской академии [...], продолживших традиции университета после его закрытия в 1832 г. (просуществовавших до 1842 г.), в развитии науки и образования России, особенно ее западных губерний (в том числе Польши и Беларуси), явно принижена. Это произошло в силу проводимой в то время в доре-

волюционной России на уровне государства великодержавной политики – “русификации”. Заслуги этого центра науки и образования Восточной Европы несомненны» [5, с. 73]. По мнению А.А. Суши: «ПОЛОЦКОЙ ИЕЗУИТСКОЙ АКАДЕМИИ БИБЛИОТЕКА... Являлась одним из центров интеллектуальной жизни Беларуси» [4, с. 351]. Современный исследователь С.Д. Жмуровский рассматривает историю создания и вклад в образование Гродненской медицинской школы: «Развитие научных знаний в Европе, идеи Просвещения оказывают влияние на общественную жизнь Речи Посполитой... Проявилось это и в реформировании образования. Ведущая роль в осуществлении задач образования принадлежала в XVIII ст. учреждениям, которые управлялись представителями католических и униатских орденов... И когда был запрещен Орден иезуитов... в Речи Посполитой образуется Образовательная комиссия в 1773 г. ... Деятельность Образовательной комиссии была направлена на развитие профессиональных школ и создания школ начальных для детей низших сословий. К числу первых следует отнести известную Гродненскую медицинскую школу» [2, с. 93]. Таким образом, в XVII–XVIII вв. в восточноевропейском регионе появляются университеты западноевропейского типа как важные центры, вокруг которых начинает формироваться собственное культурное пространство.

С самого начала функционирования учебных заведений при них существовали свои библиотеки, игравшие непосредственную роль в процессе обучения. Если в XVII в. библиотеки комплектовали в своих домах представители высшего сословия, то в XVIII в. все чаще появляются общественные библиотеки, среди которых первыми были университетские. На восточнославянских землях Речи Посполитой Виленская и Полоцкая иезуитские академии считались богатейшими и крупнейшими, в них была представлена литература самых разных направлений. Библиотека Виленской академии в XVII–XVIII вв. включала в себя, большей частью, исторические рукописи, хроники знатных семей, биографии, государственные документы, архитектурные планы, рисунки и др. Часть документов относилась к религиозной и медицинской проблематике. Среди библиотечной литературы Полоцкой академии, сохранившейся после пожаров 1750 г., 1682 г. и 1705 г., известны исторические (например, сочинения ректора академии Петра Скарги), религиозно-теологические, философские, медицинские, географические, правовые и иные издания. По такому же принципу были сформированы библиотеки православных Киево-Могилянской и Московской Славяно-греко-латинской академий. Они имели в своих архивах литературу разной тематики, начиная от богословских и исторических книг, и заканчивая географией. Книжные фонды библиотеки Московского университета первого этапа его существования были представлены более узкой проблематикой: исторической, естественнонаучной, юридической. Исключение из правил составляет Гродненская медицинская школа, библиотека которой имела сугубо тематическую литературу. По поводу классификации библиотечных собраний Гродненской школы, количество и каталог книг которой не сохранился, современный исследователь Ф.И. Игнатовича пишет: «Книги, находившиеся в библиотеке, условно можно разделить на два основных отдела: учебный и научный. В первом из них содержались учебники и учебные пособия по медицине, биологии, физике и химии и другим преподаваемым предметам... этот отдел был немногочисленным... Более многочисленным и значительным был второй, научный отдел библиотеки... [в котором находилось. – Е.С.] большое количество новых дорогостоящих научных трудов по фармацевтике и естественным наукам, изданных во Франции и Германии» [3, с. 116]. Также в библиотеке находились зоологические, ботанические, анатомические труды.

Книжные собрания многих библиотек, расположенных на восточнославянских землях Речи Посполитой, например, библиотеки Виленской иезуитской академии, пополнялись за счет целенаправленной политики по комплектации. Также библиотечные фонды пополнялись за счет благотворителей. Так, например, современный исследователь Л.Л. Голубева пишет о том, как в библиотеке Виленской иезуитской академии появились труды Льва Сапеги: «Значительную материальную помощь академии оказал сын известного белорусского государственного деятеля Льва Сапеги – Казимир Лев Сапега. Он передал академии библиотеку своего отца (*Biblioteca Sapiehana*), которая насчитывала около 3000 названий ценных книг» [1, с. 1]. Пополняли библиотечные фонды и типографии, расположенные на территории учебных заведений, например, Острожской школы, Полоцкой иезуитской академии, Московского университета.

Таким образом, исследование истории формирования книжных фондов библиотек высших учебных заведений в Восточной Европе в XVII–XVIII вв. позволяет проследить закономерности феномена трансформации и развития истории образования в данном регионе. Изучение данной темы дает возможность проанализировать специфику взаимодействия двух культурно-религиозных традиций: *Slavia orthodoxa* (понятие введено в 1958 г. итальянским славистом Р. Пиккио) и *Slavia romana/latina*. Исследуется столкновение западной и восточной традиций при создании и функционировании высших учебных заведений, что оказало влияние на процесс образования и формирования библиотечных фондов. В соответствии с духом времени университетские библиотеки осуществляли научное, просветительское, общеобразовательное, профессиональное, педагогическое, культурное, а в некоторых случаях и религиозное воспитание студентов.

- 1 Голубева, Л. Л. Электронная библиотека БГУ [Электронный ресурс] / Л. Л. Голубева // Виленский университет. – 2007. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/simple-search?query=Виленский+университет>. – Дата доступа: 12.02.2019
- 2 Жмуровский, С. Д. К вопросу о духовной культуре и просвещении в период упадка Речи Посполитой / С. Д. Жмуровский // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы Междунар. науч.- теорет. конф., г. Минск, 23 июня, 2011 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол. В.В. Тугай. – Минск, 2011. – С. 93–95.
- 3 Игнатович, Ф. И. Ж.Э. Жилибер и гродненская медицинская академия (к 270-летию со дня рождения) / Ф. И. Игнатович // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. – 2011. – № 2(34). – С. 85–90.
- 4 Суша, А. А. Полоцкой иезуитской академии библиотека / А. А. Суша // Регионы Беларуси.: энцикл.: в 7 т. / редкол.: Т. В. Белова [и др.]. – Минск, 2011. – Т. 2, кн. 2. – С. 351–352.
- 5 Шаршунов, В. А. Виленский университет – "ALMA MATER" науки и образования Беларуси и Литвы / В. А. Шаршунов // Высшая школа. – 2002. – № 2. – С. 73–76.

Чараўко В.У.

ТЭСТАМЕНТЫ ЯК КРЫНІЦА ПА ПАХАВАЛЬНЫХ ТРАДЫЦЫЯХ ШЛЯХТЫ І МЯШЧАН ПОЛАЦКАГА І ВІЦЕБСКАГА ВАЯВОДСТВАЎ XVI–XVIII СТСТ.¹

У XVI–XVIII стст. у асяроддзі шляхты і мяшчан Вялікага Княства Літоўскага атрымала пашырэнне практыка складання завяшчанняў-тэстаментаў. Асноўны змест тэстаментаў складалі распараджэнні маёмаснага характару, якія датычыліся перадачы ў спадчыну зямельных уладанняў і рухомай маёмасці. Шэраг завяшчанняў ўтрымлівае неабавязковыя, але інфарматыўныя пажаданні адносна абставін пахавання. Такія тэстаменты з’яўляюцца гістарычнай крыніцай па пахавальных традыцыях насельніцтва Беларусі новага часу. Намі выкарыстана 59 тэстаментаў, аўтары якіх зрабілі распараджэнні наконт падрыхтоўкі ці працэдуры свайго пахавання. Завяшчаннямі належалі прадстаўнікам шляхецкага і мяшчанскага саслоўяў, якія пражывалі на тэрыторыі Полацкага і Віцебскага ваяводстваў у другой палове XVI–XVIII ст. Названыя тэстаменты апублікаваны ў часопісе «Руская даўніна» [5], 19, 21, 22, 24–27 і 31 тамах серыйнага выдання дакументаў «Гісторыка-юрыдычныя матэрыялы» [6–13], калектыўнай манаграфіі «Полацк» [15], зборніку «Тэстаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст.» [15], а таксама ў якасці дадаткаў у артыкулах В. У. Галубовіча [2], М. Ю. Гардзева [4] і Н. У. Сліж [3].

Інфарматыўнасць тэстаментаў як крыніцы па пахавальных традыцыях заключаецца ў некалькіх аспектах. Па-першае, знакавым з’яўляецца сам факт дакументавання **пажаданняў тэстатара адносна пахавальнай цырымоніі**. Фактычна, гэта азначае ўдзел аўтара завяшчання ў падрыхтоўцы да яе. Паводле этнаграфічных звестак, занатаваных у Віцебскім павеце ў XIX ст., сяляне перад смерцю рабілі вусныя распараджэнні, у тым ліку адносна абставін свайго пахавання [17, с. 507, 510]. Гэта суадносіцца з аналагічнай інфармацыяй шляхецкіх і мяшчанскіх тэстаментаў. Пажаданні нямоглага ці хворага аб абставінах уласнага пахавання могуць быць часткай пахавальнай практыкі, пашыранай на Беларускім Падзвінні сярод усіх саслоўных груп.

¹ Работа выканана ў межах Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства» на 2016–2020 гг. (падпраграма 12.1. «Гісторыя і культура», заданне 1.1.02. «Сацыяльна-эканамічныя працэсы на тэрыторыі Беларусі ў IX – пачатку XXI ст.: крыніцазнаўства, гістарыяграфія, антрапалогія і іншыя спецыяльныя даследаванні», навукова-даследчая работа «Фарміраванне антрапалагічнага складу і адаптыўнага статусу насельніцтва Полацкага Падзвіння ў XI–XIX стст.»).

Па-другое, распаўсюджанай з'явай было **вызначэнне месца пахавання**. Найбольшую варыятыўнасць дэманструюць шляхецкія тэстаменты. Шляхта пераважна жадала быць пахаванай у храмах і капліцах, на прахрамавых могілках, часта – ва ўласных уладаннях [3, с. 33–34; 8, с. 239, 273; 13, с. 66]. У апошнім выпадку месцам спачыну маглі стаць не толькі могілкі, але ўвогуле любое месца, якое спадабалася ўладальніку. Напрыклад, Лука Аўсеевіч жадаў быць пахаваным «на грунце маім Мядзеленскім, на гары, за сажалкай, пад дубам», а Андрэй Якубавіч Сівіцкі – «у маёнтку маім Добрыне..., у агародзе маім, пад дваром маім Добрынам, каля саду майго» [7, с. 452; 16, с. 203–205].

Часцей у тэстаментах фігуравалі храмы, размешчаныя на шляхецкіх землях [7, с. 144; 9, с. 239; 16, с. 225, 227]. Такія цэрквы і касцёлы будаваліся ці падтрымліваліся тэстатарамі. У шэрагу выпадкаў аўтары прама ўказвалі на гэта. Валерыян Арэхавінскі жадаў быць пахаваным «у касцёле, мною збудаваным на Мнюце», Аляксандр Косаў – у «царкве нашай Будавесцкай» [2, с. 31; 10, с. 116; 11, с. 97]. Фундацыя і падтрыманне храма, абранага як месца апошняга прытулку, таксама варта разглядаць як клопат тэстатара аб падрыхтоўцы ўласнага пахавання. Шляхцічка Марына Янішэўская Дуброўская пазначыла, што абрала царкву «святога Спаса Гразінскага» загадзя [7, с. 437].

Распараджэнні мяшчан адносна месца пахавання менш варыятыўныя. Мяшчане жадалі знайсці апошні спачын на гарадскіх могілках каля храмаў або ў саміх храмах. Так, Таццяна Якаўлеўна Шараметава прасіла пахаваць яе «пры царкве Святога Багаяўлення» [4, с. 47; 15, с. 678–682]. Палачанкі Арына Лукашэвічава і Настасся Паўкова хацелі быць пахаваны ў той жа царкве Багаяўлення (Настасся Паўкова – у прытворы) [15, с. 563–564, 576–577]. Пры кафедральным (Прачысценскім) саборы ў Віцебску жадалі быць пахаваны Еўфрасіння Мікалаеўна Чарнаброўкава і Графім Субота, на могілках прыходскай Увядзенскай царквы – Еўдакія Шыбра [6, с. 62–63, 216, 253; 7, с. 278].

Пахаванні на прыхрамавай тэрыторыі і ў храмах адрозніваліся паводле статуснасці. Больш прэстыжнымі лічыліся месцы ў храме. Яны прызначаліся для найбольш багатых кцітараў. Крыштоф Мірскі завяшчаў бернардынскаму кляштару 5 000 злотых за пахаванне ў сцяне друйскага касцёла, Ян Корсак Галубіцкі – 20 200 злотых за пахаванне ў склепе пад алтаром глыбоцкага касцёла. Для параўнання, за месца на могілках пры тым жа касцёле Разалія Корсакава ахвяравала каля 500 злотых [19, с. 16].

Пажаданні тэстатараў выконвалася не заўсёды. Напрыклад, Іосіф Корсак жадаў знайсці спачын у збудаваным ім парафіяльным касцёле ў Глыбокім. Замест гэтага ён быў пахаваны ў глыбоцкім касцёле кармелітаў, таксама ім збудаваным [18, с. 15, 20, 23]. Да парушэння завяшчанняў і да канфліктаў паміж духавенствам прыводзілі багатыя ахвяраванні. Напрыклад, у 1724 г. езуіты выкралі цела Адама Кісяля з базыльянскай капліцы і перапахавалі яго ў сваім касцёле, каб атрымаць большую суму грошай [14, с. 206].

Па-трэцяе, у некаторых тэстаментах утрымліваюцца **просьбы аб пахаванні побач з роднымі і блізкімі**, пераважна з памерлымі супругамі [7, с. 294; 8, с. 335; 10, с. 116; 12, с. 253]. Гэта сведчыць аб наяўнасці сямейных і нават радавых месцаў для пахавання, што прадугледжвала кцітарскую падтрымку храмаў некаторымі шляхецкімі радамі на працягу некалькіх пакаленняў. Напрыклад, жаданне быць пахаваным побач з «целамі продкаў» выказаў дзісенскі староста Юрый Мікалаевіч Зяновіч [5, с. 504], шляхціц Міхаіл Дзмітровіч завяшчаў пахаваць яго «пры капліцы бацькі», Тэадора Янова Прэвальская – «дзе родзічы ... ляжаць» [7, с. 144, 443]. Зямянін Грыгорый Ушацкі прасіў пахаваць яго «подле першае малжонкі» [10, с. 173]. Аналагічную просьбу меў зямянін Фёдар Аляксандравіч Сялява, прычым аб пахаванні мусіла паклапаціцца яго другая жонка [8, с. 273].

Па-чацвёртае, распаўсюджаным было **вызначэнне асоб, якім давяралася арганізацыя пахавання**. Пераважна гэта былі жонка ці муж, дзеці, зяці [15, с. 547–548, 576–577, 579, 636–637; 16, с. 203–205, 222, 227, 236, 249–250]. Радзей тэстатар звяртаўся да іншых родных, сяброў, прадстаўнікоў духавенства [6, с. 253; 7, с. 278; 11, с. 239].

Па-пятае, важным аспектам пахавальна-памінальнай практыкі былі **ахвяраванні на набажэнствы** ў час пахавання і потым, «на ратунак душы» на карысць храмаў, манастыроў, а таксама жабракоў [1, с. 54; 6, с. 134–136, 253; 12, с. 253].

Па-шостае, у тэстаментах можа адмыслова згадвацца **неабходнасць рэлігійных абрадаў**. Цікавае выклікае не сама згадка абрадаў, ажыццяўленне якіх у XVI–XVIII стст. не выклікае сумненняў. Спецыфіку тагачаснага канфесійнага жыцця і яе ўплыў на пахавальную практыку адлюстроўвае тое, што ў некаторых выпадках размова ідзе аб «звычайных хрысціянскіх» без удакладнення канфесіі, а ў некаторых – выразна падкрэсліваецца неабходнасць ажыццяўлення цырымоніі менавіта або «водлуг закону грэчаскага», або «з абрадамі, у касцёле святым каталіцкім прынятымі», або «обычаем збору евангеліцкага» [2, с. 31; 3, с. 33–34; 5, с. 504; 8, с. 223; 13, с. 66; 16, с. 203–205, 236, 241, 246].

Па-сёмае, у адзінкавых выпадках завяшчання ўтрымліваюць **указанні адносна пахавальнай вопраткі**, труны, цырымоніі пахавання [7, с. 305; 12, с. 253, 359; 15, с. 576–577, 678–682].

Такім чынам, тэстаменты шляхты і мяшчан Полацкага і Віцебскага ваяводстваў другой паловы XVI–XVIII ст. з’яўляюцца каштоўнай і інфарматыўнай крыніцай па пахавальных традыцыях пазначанага перыяду. Іх інфарматыўнасць прасочваецца ў шэрагу аспектаў. Сам факт складання завяшчанняў адлюстроўваў клопат тэстатара аб уласным пахаванні. Тэстаменты ўтрымліваюць указанні на месца апошняга спачыну і на пахаванне побач з роднымі і сваякамі; акрэсліваюць кола адказных за пахаванне асоб; рэгламентуюць ахвяраванні на пахаванне і памінанне, апісваюць неабходныя рэлігійныя цырымоніі, а таксама могуць змяшчаць пажаданні адносна труны і вопраткі.

1. Галубовіч, В. У. Шляхта польскага паходжання ў Полацкім ваяводстве ў канцы XVI–XVII стст. // Матэрыялы гіст.-краязн. канф.: (да 80-годдзя Полацкага краязнаўчага музея) / уклад. В. Д. Краско. – Полацк : НППКМЗ, 2008. – С. 47–55.
2. Галубовіч, В. У. Тэстамент 1623 года полацкага зямліна Арэхаўскага / В. У. Галубовіч // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навуковых прац Міжнар. навукова-практ. канф., Полацк, 21–23 красавіка 2011 г. У 2 ч. Ч. 2. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – С. 25–32.
3. Гардзеў, М. Ю. Шляхецкія тэстаменты ў актавай кнізе полацкага магістрата за 1656–1657 гады / М. Ю. Гардзеў, Н. У. Сліж // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Серия А. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1. – С. 29–36.
4. Гордеев, М. Ю. Новые данные к биографии Симеона Полоцкого: завещание матери просветителя / М. Ю. Гордеев // Славяноведение. – 1999. – № 2. – С. 37–47.
5. Завещание Юрия Деспота Зеновича, 1582 г. // Русская старина. – 1878. – Т. XXII, вып. 7. – С. 503–511.
6. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Вып. 19. – Витебск : В типолитографии Г. А. Малкина, 1889. – XXII с. + 496 с. + XXXII с.
7. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Вып. 21. – Витебск : В типолитографии Г. А. Малкина, 1891. – X с. + 500 с. + XL с.
8. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Вып. 22. – Витебск : В типолитографии Г. А. Малкина, 1891. – X с. + 501 с. + XXXV с.
9. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Вып. 24. – Витебск : В типолитографии Г. А. Малкина, 1893. – IV с. + 516 с. + XXXVI с.
10. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Вып. 25. – Витебск : В типолитографии Г. А. Малкина, 1894. – IV с. + 508 с. + XLI с.
11. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Вып. 26. – Витебск : В типолитографии Г. А. Малкина, 1895. – XXII с. + 516 с. + XXXIV с.
12. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Вып. 27. – Витебск : Губернская типолитография, 1898. – XL с. + 461 с.
13. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Вып. 31. – Витебск : Губернская типолитография, 1903. – VIII с. + 449 с. + 94 с. + XXVI с.
14. Левко, О. Н. Витебск / О. Н. Левко. – Минск : Бел. навука, 2010. – 335 с. ; ил.
15. Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О. Н. Левко [и др.]; редкол. : А. А. Коваленя (гл. ред.) ; науч. ред. О. Н. Левко. – Минск : Бел. навука, 2012. – 743 с. ; ил.
16. Тэстаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актовых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / склад. : А. Ф. Аляксандрава, В. У. Бабкова, І. М. Бобер. – Мінск : БелЭн, 2012. – 736 с. ; іл.
17. Шейн, П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. I. Ч. II. / П. В. Шейн. – СПб. : Тип. императорской Академии наук, 1890. – XXXII с. + 708 с.
18. Hedemann, O. Głębokie (szkic dziejów) / O. Hedemann. – Wilno: Nakładem Oddziału Polskiego Towarzystwa Krajoznawczego w Głębokiem, 1935. – 59 s.
19. Hedemann, O. Testamenty brasławsko-dziśnieńskie XVII–XVIII wieku jako źródło historyczne / O. Hedemann. – Wilno : Księgarnia św. Wojciecha, 1935. – 36 s.

Богдановича Т.В.
СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ИЕЗУИТСКОЙ РЕЗИДЕНЦИИ ДИНАБУРГА

Одной из наименее изученных тем в латвийской историографии является история Инфлянт в период раннего Нового времени. Однако именно в этот период на территории Инфлянт произошло событие, повлиявшее на дальнейшее культурно-историческое развитие данной территории, а именно процесс рекатолизации. Рекатолизация Инфлянт тесно связана с деятельностью ордена иезуитов. Основание постоянной миссии иезуитов на территории Инфлянтского княжества относится к 1625 году, в 1643 году ей был присвоен статус резиденции, а в 1761 – коллегии. Основным источником по изучению деятельности Динабургской резиденции иезуитов является опубликованный в 1940 году сборник документов иезуитских архивов «*Latvijas vēstures avoti : Latvijas vēstures avoti jezuītu ordeņa archīvos*».

Сборник содержит документы различной тематики: каталоги и характеристики персонала, письма, акты, однако наиболее ценной частью опубликованных в издании Клейентенса материалов являются ежегодные отчеты по духовной деятельности Динабургских иезуитов – «*Litterae annuae Residentiae Dunaburgensis Societatis Jesu*» («Годовые письма Динабургской резиденции Общества Иисуса»), которые содержат главным образом статистические данные [5, с. 340–426]. Статистические документы – наиболее сложный вид исторических источников. Английский политический деятель Б. Дизраэли говорил: «Есть три способа обманывать людей: уклончивый ответ, прямая ложь и статистика» [2, с. 259]. Цель данной статьи – исследовать роль статистических данных Динабургских иезуитов в изучении процесса рекатолизации территории Инфлянт.

«*Litterae annuae*» содержит статистические данные по следующим позициям:

- 1) данные по количеству братьев и их должности в резиденции;
- 2) данные по количеству прихожан, принявших святыя таинства;
- 3) данные по переходу жителей Инфлянт из других конфессий в католицизм.

Само содержание статистических данных уже свидетельствуют о важности «*Litterae annuae*» в изучении исторических и культурных процессов, происходивших на территории Инфлянт в XVII–XVIII веках. Во-первых, сопоставляя данные по личному составу с информацией, полученной из экономических отчетов резиденции, можно сделать выводы о темпах развития Динабургской резиденции. Так, с начала основания резиденции до конца XVII века Динабургские иезуиты имели небольшое хозяйство, способное содержать до 9 братьев [6, с. 350–356]. Ситуация меняется в 90-е годы XVII века, когда количество братьев возросло до 16 человек непосредственно в резиденции и до 25 человек в миссиях, причем возрастает количество коадьюторов – братьев, не являвшимися священниками, а выполнявшими в резиденции обязанности помощников по хозяйственным делам, что несомненно свидетельствует о положительных тенденциях в экономическом развитии резиденции [6, с. 356–380].

Статистика по личному составу резиденции также важна для изучения работы миссий и образовательной деятельности ордена на территории Инфлянт. В отчетах фиксировалось не только количество служащих в Динабургской резиденции братьев, но и их должность: священники, коадьюторы, миссионеры, магистры. Данные по количеству миссионеров, дополняют информацию, полученную из других видов источников – экономических отчетов, актов, и помогают воссоздать более полную картину миссионерской деятельности Динабургской резиденции.

Первые упоминания о миссионерах появляется в 1665 году [5, с. 351]. Очевидно, что именно с этого периода при Динабургской резиденции организуются постоянные миссии. Это подтверждается и данными из хозяйственных отчетов: в 60-е годы XVII века иезуиты Динабургской резиденции отстроили несколько храмов в Лауцесе, Бебрене, Илуксте, Рунбурге (Рауне) [5, с. 351]. Количество миссионеров постоянно возрастало, так если до конца XVII века в резиденции служило 1–2 миссионера, то в первой половине XVII века их количество превышало 20 человек, что свидетельствует как о положительных тенденциях в развитии самой резиденции, так и о поддержке иезуитов инфлянтской шляхтой, так как большинство миссий иезуиты основывали на земле местной знати [6, с. 356–381]. Таким образом, данные статистики является также косвенным доказательством того, что процесс рекатолизации немецкой знати Инфлянт завершился в первой половине XVIII века. Кроме того, вышеупомянутые территории относились

к соседней Курляндии, что свидетельствуют о том, что миссионерская деятельность иезуитов выходила за границы княжества Инфлянтского.

В распоряжении историков имеются только фрагментарные данные по работе школы при Динабургской резиденции. К сожалению в опубликованный Клейентенсом сборник не вошли отчеты по образовательной деятельности иезуитов, так как на момент публикации источников, данный вид документов считался секретным и не был допущен к публикации [5, с. 9]. В связи с этим статистические данные «*Litterae annuae*» являются важным источником по изучению данного вопроса. В отчетах упоминается как количество учителей, так и их статус – магистр или профессор. Впервые должность магистра упомянута в документах Динабургской миссии в 1636 году, а в 1646 году в школе имелись уже 2 профессора [5, с. 348]. Наличие профессоров свидетельствует о более высоком статусе школы, который был свойственен резиденциям. Эти данные важны для доказательства гипотезы о том, что статус резиденции иезуитская миссия в Динабурге получила именно в 1643 году. В историографии на данный счет существует несколько мнений, большая часть исследователей считает, что резиденция была основана в 1635 или 1636 году [4, с. 245; 7, с. 125]. Однако вышеприведенные статистические данные, а также сведения из других источников – экономических отчетов и писем иезуитов, в своей совокупности свидетельствуют о том, что новый статус миссия получила не раньше 1643 года [3, с. 30].

Количество магистров и профессоров резко возросло в 40-е годы XVIII века, что связано и с экономическим развитием резиденции и с расширением сети миссий [6, с. 366–381]. В каждой миссии работало не менее 2 магистров, в самой же резиденции до 8 магистров и 3 профессоров [6, с. 366–381]. Таким образом, начиная с 40-х годов XVIII века Динабургская резиденция уверенно двигалась в сторону получения более высокого статуса коллегии.

«*Litterae annuae*» содержит данные по количеству прихожан, принявших святы таинства. В отчетах приводятся данные по шести церковным таинствам: крещения, миропомазания, исповеди, евхаристии, брака и елеосвящения. Для изучения процесса рекатолизации и конфессиональной политики на территории княжества Инфлянтского наиболее важными являются данные по количеству принявших таинство исповеди (Рисунок 1 и Рисунок 2).

Анализируя эти данные, следует учитывать особенности ведения иезуитами статистики исповедей, так как именно по количеству принятых исповедей подсчитывалось и количество прихожан. В связи с этим рассматриваемые статистические данные свидетельствуют о темпах развития иезуитских приходов. Однако исследователь должен учитывать, что подсчет велся на Пасху – наиболее посещаемый праздник. Поэтому данные статистики не в полной мере отражает реальное положение вещей.

Наибольшие скачки прироста количества верующих констатированы в 1683, 1687, 1689, 1690, 1728 годах. Это годы миссий, когда один из братьев отправлялся в отдаленные районы Инфлянт. В XVII веке на территории Инфлянт существовала острая нехватка священнослужителей и возможность принять таинство исповеди у жителей отдаленных районов княжества была только во время миссии, а это значит, что показатели статистических данных не являются объективными, так как не дают возможности выявить количество практикующих верующих, в особенности это касается латышских крестьян. Динабургские иезуиты в отчетах часто упоминают, что латышские крестьяне католическую религию воспринимали формально, и после посещения храма и принятия таинств зачастую возвращались к своим языческим обрядам [5, с. 348].

При анализе рисунков 1 и 2, может создаться впечатление, что, начиная со второй половины XVII века иезуиты достигают успехов в рекатолизации Инфлянт. Однако, это поспешный вывод, необходимо учитывать, что скачки констатированы в период миссий, если отбросить годы миссий, то средний показатель будет около 5000 верующих, и он является неизменным с 40-х годов XVII века вплоть до 20-х годов XVIII века. Эти данные ставят под сомнение успешность работы иезуитов по рекатолизации населения Инфлянт.

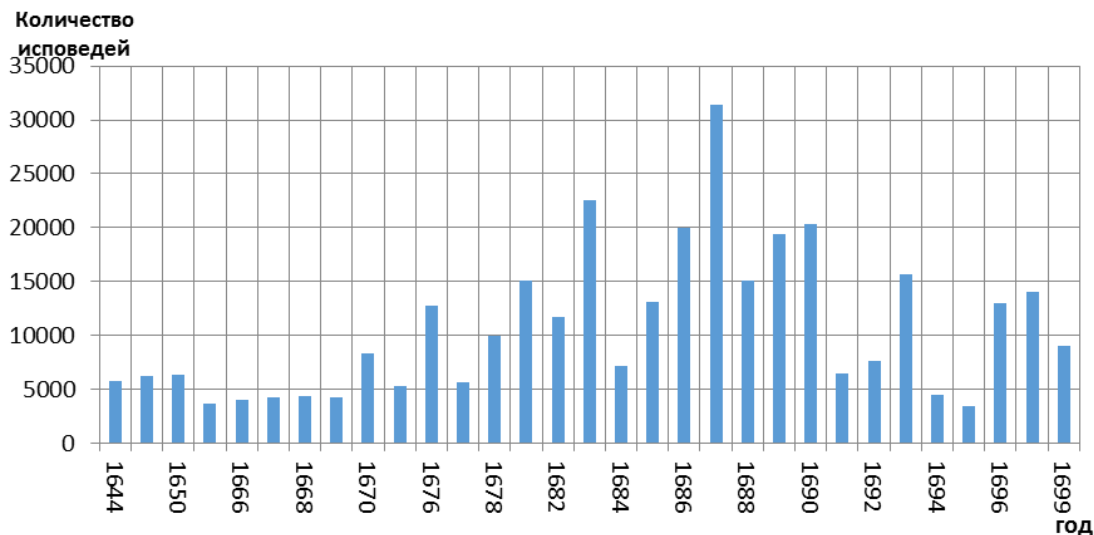

Рисунок 1 – Количество исповедей населения Инфлянт за XVII в.

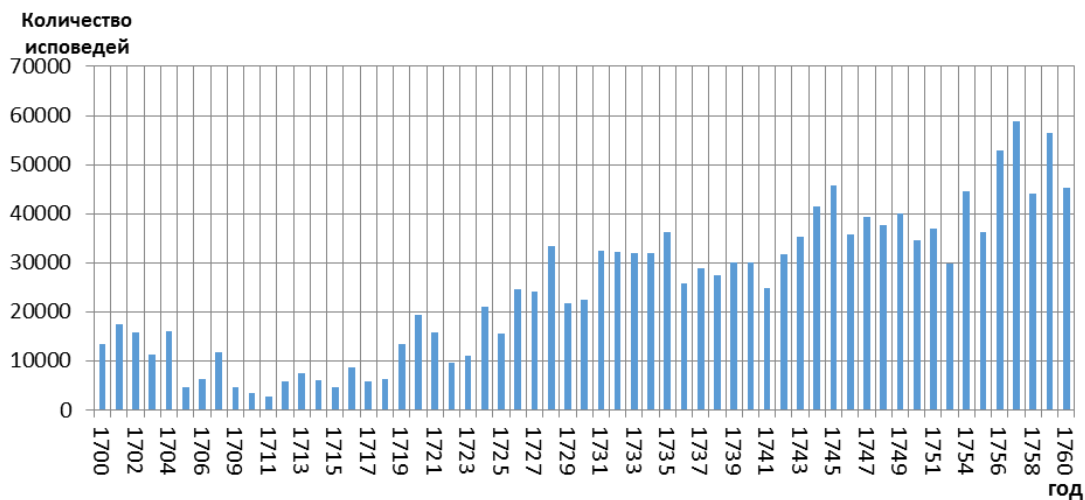

Рисунок 2 – Количество исповедей населения Инфлянт за XVIII в.

Самые низкие показатели принятых исповедей констатированы в 60-х и 90-х годах XVII века. Они имеют объективные причины, которые можно обнаружить, анализируя экономические отчеты Динабургской резиденции. До 70-х годов иезуиты восстанавливали хозяйство, пострадавшее в результате польско-шведской (1600–1629 гг.) и польско-русской войны (1654–1667 гг.), поэтому не могли вести активную миссионерскую деятельность и работали в основном в окрестностях Динабурга [5, с. 351–352]. Кроме того, в это время происходили различные природные катаклизмы и эпидемии, неурожай и болезни охватили территорию Инфлянт и в 90-е годы XVII века [5, с. 265–269]. Снижение количества верующих в начале XVIII века также связано с эпидемиями и военными действиями в ходе Северной войны (1700–1721 гг.) [5, с. 380–385].

Выше приведенные примеры свидетельствуют о том, что статистические данные не содержат объективную информацию по количеству верующих, но могут быть использованы для выявления общей картины деятельности ордена иезуитов и религиозной жизни Инфлянт. Анализируя статистические данные по количеству исповедей (прихожан), необходимо сопоставлять их с информацией из других источников, в противном случае интерпретация данных будет неверной.

Для изучения конфессиональной среды территории Инфлянт важны статистические данные по переходу жителей в католицизм из других конфессий. В «Litterae annuae» иезуиты скрупулезно фиксировали все случаи конверсий, при этом упоминалось из какой конфессии был совершен переход и зачастую упоминался социальный статус обращенного (Рисунок 3 и Рисунок 4). Таким обра-

зом, сопоставляя эти данные с информацией из других источников – писем иезуитов и ревизий, становится возможным составить представление о конфессиональной среде, а также о ходе процесса рекатолизации населения территории Инфлянт в XVII–XVIII веках.

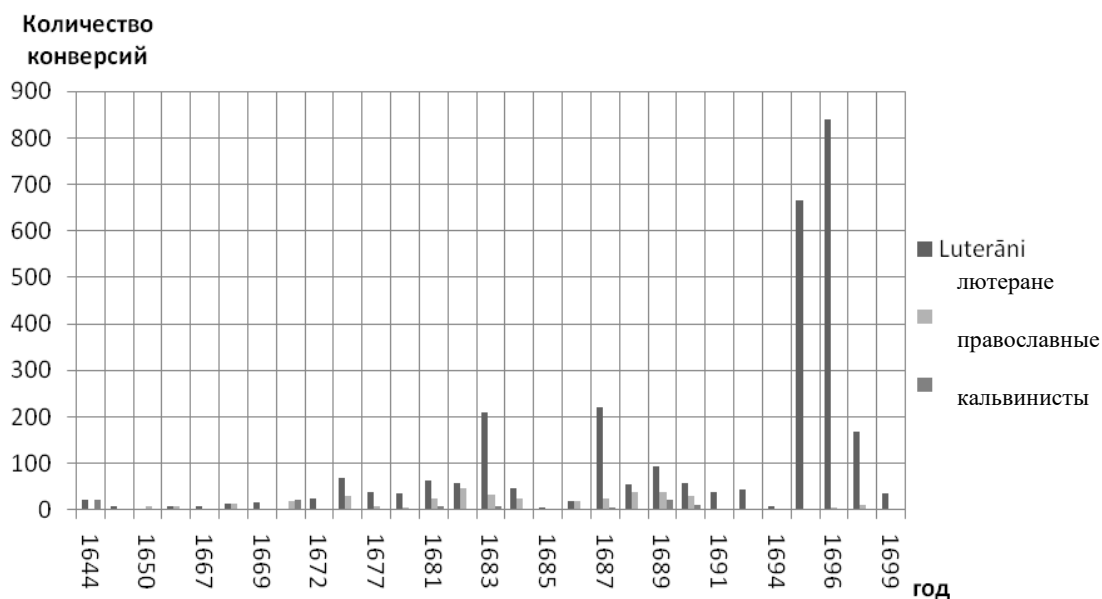

Рисунок 3 – Количество переходов жителей Инфлянт из других конфессий в католицизм за XVII в.

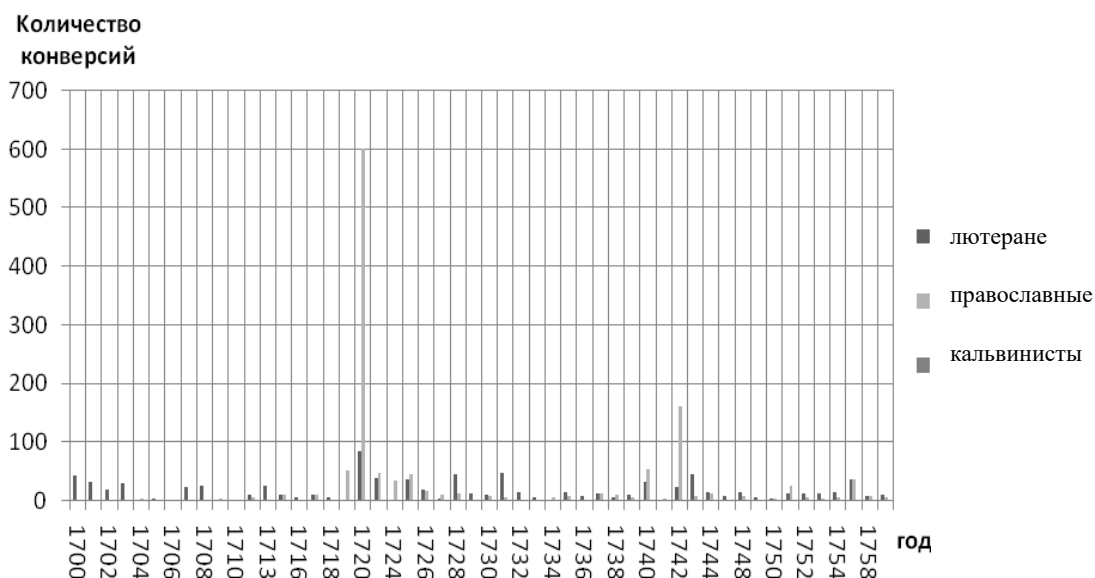

Рисунок 4 – Количество переходов жителей Инфлянт из других конфессий в католицизм за XVIII в.

Таким образом, информация, которую содержит статистика «Litterae annuae» дает обширные возможности для изучения многих вопросов связанных с историческими процессами, происходившими на территории Инфлянт. Однако, интерпретируя статистические данные Динабургской резиденции, необходимо учитывать множество факторов, которые влияли на показатели статистики, и сопоставлять их с информацией из других видов источников. Только так можно получить объективную картину происходящего.

1. Гринингер, Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени / Т. Гринингер. – Санкт-Петербург : ЛАНЬ, 1992. – 575 с.

2. Кабанов, В. В. Источниковедение истории советского общества / В. Кабанов - Москва: Издательский центр РГГУ, 1997 – 385 с.
3. Bogdanoviča, T. Infāntijas rekatolizācijas procesa reprezentācija jezuītu mājas arhīva dokumentos / T. Bogdanoviča // Vēsture : avoti un cilvēki. XXVI Starptautiskie zinātniskie lasījumi. – 2017. – Lpp. 29–36.
4. Dunsdorfs, E. Latvijas vēsture 1600–1710 / E. Dunsdorfs. – Stokholma : Appelbergs Boktryckeri AB Uppsala, 1962. – 588 lpp.
5. Kleijntjenss, J. Latvijas vēstures avoti : Latvijas vēstures avoti jezuītu ordeņa archīvos / J. Kleijntjenss (sast.). – Rīga : Apgāds Latvju Grāmata, 1940. – Lpp. 242–459.
6. Kleijntjenss, J. Latvijas vēstures avoti : Latvijas vēstures avoti jezuītu ordeņa archīvos / J. Kleijntjenss (sast.). – Rīga : Apgāds Latvju Grāmata, 1941. – Lpp. 349–381.
7. Strods, H. Latvijas katoļu baznīcas vēsture 1075–1995 / H. Strods. – Rīga : Poligrāfists, 1996. – Lpp. 123–185.

Хроленок Е.В.

ОБЗОР ОСНОВНЫХ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СТАРОДУБСКОГО ПОЛКА (1654–1781 ГГ.)

За время существования Стародубского полка в 1654–1781 гг., как военно-административной единицы Гетманской Украины, было проведено большое количество различных переписей и ревизий населения, большей частью сохранившихся в архивах. В историографии было сделано немало попыток анализа документов по учету населения Стародубского полка. Но эти работы либо рассматривали источники по истории населения Левобережной Украины в целом, или проводили глубокий анализ отдельно взятых документов, либо акцентировали внимание на отражение в них привилегированной части общества.

Первые сведения о населении Стародубского полка содержатся в присяжной книге царю Алексею Михайловичу 1654 г. Оригинал книги находится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) [2]. В книге с разделением на сотни, поименно переписаны казаки полка во главе со старшиной и куренными атаманами. Посполитые же представлены только мещанами местечка Погар [2, л. 587 об.–687 об.].

Преимущественно в РГАДА сохранились и все более поздние присяжные книги Стародубского полка российским правителям. Эти книги имеют разную степень информативности, но без сомнения все они являются важнейшими источниками социальной истории Стародубщины. Так в «крестоприводной» книгу царю Федору Алексеевичу 1676 г. впервые была переписана старшина полка. За рядовых казаков же приведены к присяге куренные и городовые атаманы, а за мещан – войты [5, л. 334–340].

Книга «клятвенным обещаниям» 1682 г. царям Иоанну и Петру Алексеевичам так же содержит список старшины Стародубского полка, а кроме того в ней переписан полный состав магистрата. Однако рядовое казачество в этот раз не отмечено совершенно [6, л. 242 об.–244].

Присяга царевичу Петру Петровичу 1718 г. впервые охватила все слои населения. Здесь, кроме списков старшины, магистрата и духовенства, переписаны казаки по куреням, а так же крестьяне по селам. Так же, в документе нашли отражение другие социальные группы населения: стрельцы, пушкари, бобровники [4].

Отличительной чертой присяжных списков императрице Анне Иоанновне 1731 г. является наличие в ней раскольников, недавно осевших на Стародубщине, однако она полностью проигнорировала других крестьян. Зато, кроме традиционных страшинских списков, содержит имена рядовых казаков по сотням и мещан по городам [7].

Единственная присяга, которая находится на хранении в Центральном государственном историческом архиве Украины в г. Киев (ЦГИАК) — императрице Екатерине II и цесаревичу Павлу Петровичу 1762 г., и занимает два дела. Кроме старшины и духовенства подробно переписано все казачье население мужского пола, достигшее совершеннолетия, с указанием родственных связей [12]. Кроме того, к присяге были приведены и те казаки, которые несли в это время военную службу [13].

В исследовании социальной истории Стародубского полка важное место занимают переписи населения, результаты двух из которых дошли до нас. В 1666 г. была проведена перепись посполитых Стародуба, Погара, Мглина и Почеча с их уездами. Оригинал переписных книг

хранится в РГАДА [3]. В документе, по населенным пунктам, подробно переписано все мужское совершеннолетнее городское и сельское «посполитство». Отмечено так же имущественное положение, и как итог сумма, которую каждый мог заплатить в казну.

Следующую перепись осуществили только в 1721 г., ее оригинал которой хранится в Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ (АВПРИ). Это первая перепись Стародубского полка, затронувшая все слои населения. В населенных пунктах переписаны поименно владельцы дворов: старшинских, священнических, купеческих, мещанских, казачьих и крестьянских [0].

Во время проведенной в Стародубском полку в 1722 г. кампании по розыску беглых крестьян, со всех посполитых полка были взяты объяснения о его происхождении и времени появления на Стародубщине [9]. Материалы этого розыскного дела хранятся в ЦГИАК и занимают три дела.

Важнейшим источником так же являются акты Стародубского магистрата. Большая их часть хранится в ЦГИАК, и некоторое количество в Институте рукописи НБУ им. В. Вернадского (ИР НБУВ). Данные книги представляют собой сборники актов, которые утверждались городским магистратом. Книги содержат персональную информацию о жителях Стародубского полка, их имущественном положении, родственных связях, переходах из одного сословия в другое, спорах и преступлениях [18]. Позже магистрат утратил свои полномочия, поэтому аналогичные документы, начиная с 1735 г., уже находятся среди бумаг Стародубской полковой канцелярии.

В 1729–1730 гг. в Стародубском полку, проводилось Генеральное следствие о «маетностях», результаты которого сохранилась в двух экземплярах: один хранится в ИР НБУВ, а другой в РГАДА. В деле собраны сведения о принадлежности населенных пунктов с приложением универсалов и купчих записей, данные сведения подтверждались «сказками» взятыми у старожилов сел и деревень [8].

В середине XVIII в. в Стародубском полку было проведено несколько ревизий: 1735, 1737, 1741, 1743, 1748, 1755, 1764 гг., результаты которых находятся в ЦГИАК. Они охватывают все слои населения и построены по одинаковому принципу: в документах поименно переписаны владельцы дворов в населенных пунктах, с разделением по имущественному признаку, с указанием количества хат и семей во дворе, в некоторых случаях записан род занятий, количество коней, волов, винокурен и котлов. Однако некоторые имеют и свои особенности. Так ревизия 1735 г. содержит списки командирования казаков в военные походы в данный период [15, л. 153–160]. А последняя ревизия 1764 г. наряду с владельцами дворов указала и других членов семьи мужского пола [16].

На территории Стародубского полка обширные земли занимали владения Киево-Печерской Лавры. До нас дошли две инвентарные описи владений Лавры за 1744 и 1749 гг., которые находятся в ЦГИАК. Наряду с подробным описанием населенных пунктов, в документах фигурируют списки их жителей, с указанием посевов и размеров налогов [19, л. 96–99].

Наиболее подробная ревизия была проведена в 1767 г., и получила название Генеральной описи Малороссии. Ее результаты в основной своей массе хранятся в ЦГИАК. Информация только по Стародубскому полку занимает 66 книг [14]. Опись содержит подробное описание всех населенных пунктов Стародубского полка, подворную перепись всего населения, включая женщин и детей, их имущества: построек, земли и скота, с приложением документов подтверждающих права на владение данным имуществом.

Среди источников по истории Стародубщины нельзя не отметить документы церковного учета: метрические книги и исповедные ведомости. Большинство из них сосредоточена в Государственном архиве Черниговской области (ГАЧО), и меньшей частью в ЦГИАК. Благодаря метрическим книгам, можно проследить брачно-семейные связи населения, узнать точные даты данных событий. Исповедные ведомости представляли собой подворную перепись всего православного (а с конца 1750-х гг. и раскольничьего) населения, соответствующего прихода, с указанием возраста прихожан и родственных связей. Так же отмечались причины отлучки жителей из своего населенного пункта [17, л. 1148об].

Большое количество сведений о жизни населения Стародубского полка XVIII в. содержится в различных судебных делах, «доношениях» жителей друг на друга и на казацкую старшину. Такие дела сохранились в различных фондах военных и военно-административных учреждений, а так же в фондах судов ЦГИАК. Они содержат сведения о закреплении казаков старши-

ной и монастырями, о количестве земли, промыслах, мельницах различных жителей полка; об обихах, которые те наносили друг другу [11].

Ценнейшим источником так же являются «походные списки» казаков и посполитых. Они составлялись перед отправлением команды в поход, либо по итогам ее возвращения. Как правило, такие списки содержали имена и фамилии казаков и посполитых, и составлялись по территориальному признаку с указанием сотни (реже куреня или населенного пункта), однако можно встретить указание на возраст и количество снаряжения. За XVII в. сохранилось лишь несколько таких документов, которые находятся в РГАДА. Подавляющее же большинство «походных» списков относится к XVIII в. Они находятся на хранении в ЦДИАК в фондах военных и военно-административных учреждений. Списки охватывают военные кампании, начиная с персидских походов Петра I [10], и вплоть до перевода казаков на службу в регулярную армию в 1783 г. [20].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что архивы России и Украины содержат значительное количество источников для изучения жизни населения Стародубского полка в период его существования, как военно-административной в составе Гетманщины с 1654 по 1781 гг. Однако в своем большинстве эти источники не опубликованы и не отражены в историографии.

1. Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВПРИ). – Ф. 124. Оп. 1. Д. 62.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 124. Оп. 1. Д. 3.
3. РГАДА. – Ф. 124. Оп. 1. Д. 73.
4. РГАДА. – Ф. 140. Оп. 1. Д. 34.
5. РГАДА. – Ф. 229. Оп. 2. Д. 42.
6. РГАДА. – Ф. 229. Оп. 2. Д. 54.
7. РГАДА. – Ф. 248. Оп. 103. Д. 8250.
8. Інститут рукопису Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського (ІР НБУВ). – Ф. 119. Оп. 1. Д. 14.
9. Центральний державний історичний архів України у м. Київ (ЦДІАК). – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 783.
10. ЦДІАК. – Ф. 51. Оп. 3. Д. 1299.
11. ЦДІАК. – Ф. 51. Оп. 3. Д. 10025.
12. ЦДІАК. – Ф. 51. Оп. 3. Д. 17215.
13. ЦДІАК. – Ф. 51. Оп. 3. Д. 17216.
14. ЦДІАК. – Ф. 57. Оп. 1. Д.75–147.
15. ЦДІАК. – Ф. 80. Оп. 2. Д. 315.
16. ЦДІАК. – Ф. 80. Оп. 2. Д. 321.
17. ЦДІАК. – Ф. 127. Оп. 1015. Д. 32.
18. ЦДІАК. – Ф. 208. Оп. 1. Д. 35.
19. ЦДІАК. – Ф. 128. Оп. 4 (Вотчинные дела). Д. 98.
20. ЦДІАК. – Ф. 736. Оп. 1. Д. 446.

Лагошина Н.А.

РЕГИСТРАЦИОННЫЕ КНИГИ СУДЕБНЫХ ИННОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ МИГРАЦИИ ИРЛАНДСКИХ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ В ЛОНДОН XVIII В.

XVIII век стал вехой в истории ирландской миграции в Лондон. Английская столица, будучи крупным торгово-промышленным центром, привлекала внимание ирландских иммигрантов, так как предоставляла наилучшие возможности для жизни.

В историографии сохраняется устойчивое убеждение в том, что ирландские мигранты в большинстве своем представляли беднейшие слои населения [3, с. 121]. Однако источники говорят также о жизни ирландских мигрантов, выходцев из средней прослойки общества и привилегированных сословий, прибывающих в Лондон для получения образования и построения карьеры [7, 13, 24, 25, 26].

Доступ к профессиональной деятельности в Ирландии зависел от уровня значимости профессии в обществе. С середины XVI в. те, кто хотел построить карьеру в высших ветвях власти, должны были получить дополнительное образование в Лондоне. Для подтверждения статуса адвоката, ирландский студент должен был отучиться восемь семестров (примерно два года) в одном из четырех судебных иннов Лондона [12, с. 40–48]. По мере того, как ирландские юристы продолжали искать новые пути удержания власти и способы участия в политической жизни

страны, произошел резкий рост поступлений ирландцев в судебные инны Лондона, особенно в Миддл Тэмпл. Согласно перечню обучающихся студентов, зарегистрированных в Мидл Темпл, Линкольнс Инн и Грейс-Инн в период с 1585 по 1799 г. в три инна приняли 3797 ирландских студентов [14, с. 8–57]. К 1800 г. в четыре судебных инны было принято более 4000 ирландских студентов.

Ирландские студенты имели разное происхождение, они прибыли из 13 округов, представляющих четыре провинции Ирландии, но они не всегда были такой смешанной группой. С конца XVII в. поступало все больше студентов из Корка (от 22 до 59) и Дублина (от 62 до 154) [16, с. 5]. Наибольшее количество поступлений ирландцев в инны приходилось на последние пять десятилетий XVIII в. В течение этого периода в студенческих книгах было зарегистрировано 1685 должностей и 926 разных ирландских фамилий. Благодаря росту крупных городских центров, возросло количество поступлений из южных провинций Ирландии. К концу XVIII в. 44 процента всех ирландских студентов прибыло из графств Дублин и Корк [9, с. 601–628].

Право поступления в инны имело ограниченное количество знатных ирландских семей, имеющих связи в Лондоне, что делает обучение элитарным. XVIII в. сохранил эту традицию, на обучение в Лондон отправлялись дети и внуки знатных ирландских семей, новых английских протестантов, включая пресвитериан, проживающих в Ирландии, и «поселенцев Кромвеля», таких как Каннинги, усиливших свои позиции во второй половине XVII в. [8, с. 6–7]. Двери иннов все больше открывались для ирландских студентов, которые интересовались не только поддержанием связей с Великобританией, но и защитой недавно приобретенной собственности [17, с. 36–61].

Учиться в Лондон приезжали ирландские студенты, выходцы из привилегированных сословий, а также сыновья эсквайров. Большая часть из них представляла средний класс. 374 специалиста и торговца, составляли 14 процентов от общего числа ирландцев, 357 человек являлись джентльменами, составляющими 13 процентов. В 1787 г. эсквайры сформировали самую большую группу ирландцев, на которую приходится 67 процентов от общего числа поступивших студентов [18].

Сложно определить, каков был средний возраст ирландских студентов, так как регистры не содержат подобной информации. Хью Кармайкл, вероятно, покинул Дублин в середине 1730-х гг., и числится среди студентов Милд Темпл с 1759 г., но его пример скорее является исключением [1, с. 36]. Большинство ирландских студентов было значительно моложе. Например, Джон Каррен отправился в Лондон в возрасте двадцати трех лет, как и Ричард Шеридан. Эдмунду Берку было двадцать лет, а Генри Граттану – всего семнадцать [21].

Регистрационные книги Мидл Тэмпл показывают, что ирландские студенты держались небольшими группами, так как они имели привычку обедать друг с другом на протяжении всего срока обучения. Те же группы студентов часто путешествовали, вместе арендовали жилье, посещали театры и собирались в одних и тех же кофейнях [29, с. 31].

Ирландцы массово поступали в один из иннов в какой-то период времени, и поступление в Линкольнс-Инн во второй половине XVIII в. было ярким примером этой тенденции [19, с. 227–261, 15, с. 64]. Когда в течение 1790-х гг. количество поступлений в Линкольнс-Инн резко упало, ирландцы перешли в Грэйс-Инн [23, с. 370–371]. На протяжении большей части XVIII в. главным выбором ирландских студентов был Милд Темпл.

Сложно ответить, сколько всего ирландских студентов обучалось в каждом из иннов, менее известно о том, как работал процесс приема. Самая трудная задача, с которой сталкивался студент, заключалась в том, что его имя должно было быть внесено в книги общества. Как только его имя было включено в список, студент мог начать обучение в любой момент. Поступающий студент даже не должен был присутствовать во время приема, о чем свидетельствует прошение Ричарда Уэлча в Парламент Мидл Темпл в 1754 г.: «в 1749 г. заявитель, второй сын Роберта Уэлча хотел, чтобы имя его старшего и единственного брата Патрика Уэлча было вписано в книги этого общества, и тогда другой ирландский студент нанял дворянина, чтобы внести имя в списки» [1, с. 40]. Иными словами, Ричард Уэлч, проживающий в Килкенни, хотел, чтобы его сына допустили в Миддл Тэмпл и попросил своего старшего брата Патрика, главу семьи с момента смерти его отца, «нанять» кого-то, чтобы внести имя его сына в регистрационные книги Миддл Тэмпл.

Для обучения в судебных иннах Лондона было необходимо подтверждение финансовой обеспеченности студента. У каждого из них было два поручителя, которые следили за тем, чтобы ученик не исчез, не оплатив за обучение. Как правило, вход в инны определяли связи и взаимоотношения поступающих с влиятельными членами иннов, которые, в свою очередь, могли дать рекомендацию студенту [15, с. 115].

Ирландцы строили тесные связи на региональном уровне. Стивен Рэдклифф и несколько его товарищей, поступивших в инны с 1749 по 1753 гг., подписывали облигации друг для друга. Количество подписанных облигаций повышало статус и влияние студента. Благодаря усилиям двух особенно активных студентов, Джона Риджа, который был поручителем четырех студентов, и Ричарда Уэлча, подписавшего семь облигаций, в Милд Тэмпл в 1753 – 1555 гг. вошли 11 ирландских учеников [15, с. 150–154].

Ирландский студент, ставший впоследствии влиятельным адвокатом Лондона, Джон Берк подписал 11 облигаций для ирландских студентов из-за личных и профессиональных мотивов [6, с. 103–107]. Своим состоянием и положением в обществе он во многом был обязан своим старшим ирландским товарищам [28, с. 102–105]. Он был частью миграционной сети, созданной ирландцами, состоявшими в Мидл Тэмпл, и использовал социальные связи в целях достижения влияния и продвижения собственных потребностей [5, с. 281].

Большое количество объединений мигрантов демонстрирует, что учащиеся, находясь в социально незащищенной среде, воспроизводили различные модели коллективного поведения [14, с. 50–52]. Дружба с ирландскими студентами приносила выгоду владельцам торговых магазинов, но большую прибыль от общения с ирландцами могли извлечь только управляющие кофеен. Кофейни зависели от постоянных клиентов, и близкие взаимоотношения с управляющим могли быть ключевым фактором обеспечения и увеличения посещаемости общественных заведений [11].

Ирландские студенты-юристы из знатных и средних слоев населения вели привычный образ жизни в английской столице, не испытывая необходимости адаптироваться в новой социальной среде, сохраняя свою ирландскую идентичность, при этом легко используя все преимущества жизни в более развитом обществе. Их положение в обществе и экономическая независимость не предполагала приложения усилий для выживания и приспособления. Да и сама жизнь в Лондоне им не была в новинку.

Мигранты среднего класса успешно преодолевали различия с местными жителями, маскируя свою «инаковость», повторяя модели поведения, привычными для английского общества. Они создавали комфортную социальную среду, столь необходимую для личного общения и деловых переговоров. Студенты юридических факультетов, адвокаты или торговцы признавали, что сотрудничество открывает доступ к ограниченным ресурсам. Условия их деятельности вынуждали их активно взаимодействовать с англичанами, формируя взаимопроникающие социальные связи. Источники не позволяют нам с уверенностью утверждать о существовании единого сообщества ирландских мигрантов среднего класса в Лондоне XVIII в. Привилегированные слои ирландского общества и выходцы из среднего класса проживали достаточно дисперсно.

Несмотря на то, что представители этого слоя мигрантов в большей степени ассимилировались, они, тем не менее, не забывали о ирландских корнях, сохраняя связь с родиной.

1. Bailey, C. *Irish London: Middle-Class Migration in the Global Eighteenth Century*. Liverpool, 2013.
2. Bergin, J. *The Irish Catholic Interest at the London Inns of Court, 1674-1800* // *Eighteenth-Century Ireland*. 2009. Vol.24.
3. Bland, R. *Midwifery Reports of the Westminster General Dispensary* // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*. L., 1781. Part II. Vol. LXXI.
4. *A Calendar of the Middle Temple Records* / Ed. by Hopwood C. L., 1905. Vol.1.
5. *The Correspondence of Edmund Burke* / Ed. by Cobban A. Cambridge, 1967. Vol.6.
6. *The Correspondence of Edmund Burke* / Ed. by Copeland T. Cambridge, 1958. Vol.1.
7. *Calendar of inner temple records, 1750-1800* / Ed. by Roberts R. L., 1936. Vol.5.
8. *The Connolly S. Divided Kingdom: Ireland*. Oxford, 2008.
9. Daultrey, S. *Eighteenth-Century Irish Population* // *Journal of Economic History*. Sept. 1981. Vol. 52. No. 3.
10. *Inner Temple Admissions Database* [Electronic resource]. www.innertemple.org.uk/archive/itad/ - Date of access: 31.01.2019
11. Haine, W. *The World of the Paris Café*. Baltimore, 1998. Ch. 5.
12. Kenny, C. *King's Inn and the Kingdom of Ireland: The Irish Inns of Court*. Dublin, 1992.

13. Kent, H. Kent's Directories of Businesses in London. L., 1759
14. Lemmings, D. Gentlemen and Barristers, the Inns of Court and the English Bar. Oxford, 1990
15. Lemmings, D. Professors of the Law: Barristers and English Legal Culture in the 18th Century. New York, 2000.
16. Lennon, C. Sixteenth-Century Ireland. Dublin, 2005.
17. Leys, M. Catholics in England: a Social History. L., 1961.
18. London Evening Post, 2 May 1771. [Electronic resource]. <https://newspaperarchive.com/uk/middlesex/london/london-evening-post/> - Date of access: 31.01.2019
19. Lucas, P. A Collective Biography of Students and Barristers of Lincolns Inn, 1680-1804 // Journal of Modern History. Jun. 1974. Vol. 46. No. 2.
20. Mortimer, T. The universal director. L., 1763.
21. Oxford Dictionary of National Biography. [Electronic resource]. <http://www.oxforddnb.com> – Date of access: 31.01.2019
22. Papers Relating to Irish Members // Middle Temple Archives [Electronic resource]. <http://www.middletemple.org.uk/library-archive/archive-information-contacts/archive-month> - Date of access: 31.01.2019
23. The Pension Book of Grays Inn / Ed. by Fletcher R. L., 1910. Vol. 2.
24. The Pension Book of Grays Inn, 1569-1800 / Ed. by Fletcher R.L., 1910. [Electronic resource]. <https://catalog.hathitrust.org/Record/007698825> - Date of access: 31.01.2019.
25. The Records of the Honourable Society of Lincolns Inny Admissions 1420-1895 and Chapel Registers / Ed. by Baildon W. L., 1896. Vol. 1
26. Register of admissions to the honourable society of the Middle Temple 1501-1781 / Ed. by Macgeagh H. and Sturgess H. 3 vols. L., 1949
27. Shee, M. The life of Sir Martin Archer Shee. L., 1860. Vol. 1.
28. Wecter, D. The Missing Years in Edmund Burke's Biography. L., 1938. Vol. 53. No. 4.
29. Recollections of Curran / Ed. by Phillips C. L., 1822.

Комиссаренко А.И.

МАТЕРИАЛЫ XVI РАЗРЯДА ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ ЮЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В 1720–1780-Е ГГ.

Сохранившаяся в составе Российского государственного архива древних актов (РГАДА) коллекция, созданная в виде тематической выборки из архивных материалов высших и центральных учреждений чиновниками министерств юстиции и внутренних дел в 30–40-е гг. XIX в. и получившая название – Государственный архив Российской империи, является ценнейшим собранием по вопросам внутренней и внешней политики в XVIII – начале XIX в. В настоящей работе сделана попытка исследовать материалы XVI разряда (фонда) этого архива по истории освоения южных территорий России – Нижнего Поволжья и Северного Кавказа в XVIII в.

В пункте 53 «Инструкции», данной 19 июля 1720 г. Коллегией Иностранных дел и Коммерц-коллегией А.П. Волынскому, назначенному в марте 1719 года астраханским губернатором, предписывалось оказывать содействие «иноземцам» как «обретающимся тамо, како и живущим, так и к приезжим», при этом оказывая им «ласку и привет доброй» [12, д. 598, л. 12; 3, с. 83–89; 15, с. 33–34; 5, с. 45–49]. Правительство было заинтересовано в активном участии в торговле русских и иностранных купцов, следующих в Астрахань на судах по Волге из северных и центральных районов страны, в связи с чем Волынскому было предписано, пунктом 76 «Инструкции», торговых людей, едущих в Астрахань с товарами, пропускать в город без осмотра, а «осматривать их токмо в одном месте на Царицыне» [12, д. 598, л. 16].

Астрахань представляла своего рода перевалочный пункт для товаров, закупленных русскими купцами в Персии и переправляемых затем через перекупщиков на внутренний российский рынок и за границу через Петербургский и Архангельские порты. В таких коммерческих операциях принимали участие и нидерландские торговцы [1; 4, с. 311–320; 14, с. 1–208]. В обнаруженном нами в материалах Госархива Российской империи рапорте консула капитана Владимира Копыского содержится «именной список» российских торговцев, находившихся в персидском городе Гиляне. Среди них приказчики московских купцов Данилы Земского – Василий Попов и Федор Савельев, Захара Шубина – Семен Колесников и Михаил Суляков, а также приказчики борисоглебского купца Федора Лодыгина – Алексей Ямченцов, курского купца Ивана Нифонтова – Лука Колосов, курского купца Алексея Попова – Петр Полевой, астраханских

«армян» Хачатура Мелькумова – Иван Захаров, Анастаса Никитина – «армянин же» Погос Боженнов, Матвея Сафарова – «армянин же» Мелик Богданов. К ним же можно добавить астраханского «жителя» Михайло Назарова, тульского купца Лаврентия Иванова – астраханского «татарина» Айтугана Бекметева, «обращающихся во услугах у купцов астраханские армяне Иван Соломонов, Давыд Артемьев да русской Яков Захаров». Последний числился также «во услужении» у курских купцов Полевого и Луки Колосова. Всего этими купцами и приказчиками было доставлено в Гилян «товару» на сумму 12455 рублей. Они намерены были продать 3008 пудов «сандалу красного», 653 «стопы» писчей бумаги, «две пары соболей», «восемь пар куниц», «две тысячи рогож», а также сукно «галанское» [7; 17; 18; 19; 13; 6; 4, с. 1–19].

Интересно отметить, что в середине XVIII в. в правительственных кругах России активно обсуждался вопрос о возможности поселения на берегах Волги в ее нижнем течении гонимых во Франции протестантов. Он был поставлен находившимся на русской службе бригадиром де Лафонтм. 8 июня 1752 года им был подан канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину «мемориал», в котором предлагалось принять в Россию и расселить подвергавшихся гонениям французскими властями протестантов – гугенотов [12, д. 344, л. 4].

Не получив в течение четырех месяцев никакой реакции правительственных чиновников на «мемориал», де Лафонтм продолжал настойчиво добиваться осуществления своих предложений. 28 ноября 1752 г. он подал графу М.П. Бестужеву-Рюмину новый «мемориал», предлагая в нем «...для поселения в областях ея императорского величества <...> французских художников [то есть ремесленников – А.К.] <...> отвести <...> место на доброй и плодоносной земле» – «на вершине [то есть в устье – А.К.] реки Волги» или же «по берегам Днепра блись польских границ» [7, л. 9–13]. Настойчивость бригадира, наконец, достигла цели. 6 декабря 1752 г. Коллегия иностранных дел, которую возглавлял Бестужев-Рюмин, сообщила своим доношением о «мемориалах» де Лафонте «в Кабинет ея императорского величества». После их рассмотрения в Кабинете последовал именной указ императрицы Елизаветы Петровны Сенату. Архивная копия его, к сожалению, не датирована, но, скорее всего он был составлен не позднее декабря 1752 года [7, л. 21–21об]. Однако начавшаяся вскоре Семилетняя война, по всей видимости, помешала осуществлению этого бесспорно масштабного проекта, выгодного как для Астраханской губернии, так и всего Российского государства. [8; 12, д. 616, л. 1–1об].

Тогда же австрийскому подданному сербу Хорвату была дана привилегия на земли, расположенные на правом берегу Днепра, вблизи границы с Польшей. Вскоре ему удалось поселить на них более 16 тысяч выходцев из Сербии. На Бахмуте сербы Депрерадович и Шевич основали Славяно-Сербию [11, т 16, №№ 11879–11881, 11890; т. 19, № 13831]. Управляющий губернией в 1762–1771 гг. генерал-майор Никита Бекетов 26 ноября 1764 года направил в Петербург «всепоподданнейшее доношение», испрашивая разрешения «армян и татар, живущих в Астрахани домами и пользующихся торгом так, как российской купечество», положить в подушный оклад, а их детей, родившихся в Астрахани, обучать «российской грамоте и чтоб все они были под росийскими законами» [9]. Губернатор также предлагал созданному для их управления «ратгаузу» придать статус «словесного суда, где они могут разбираться по своим обыкновениям словесно только с приезжими на время иностранцами». Что же касается их взаимоотношений с русскими купцами, то они, по мнению Н. Бекетова, должны быть отнесены к компетенции городского магистрата, в котором «для того быть бурмистру и двум ратманам – одному с армянской, а другому с татарской стороны». На доношение губернатора Екатерина II отозвалась краткой резолюцией: «...держаться точной силы Манифеста о выезжих чюжеземцах».

Императрица Екатерина II в 1762–1764 гг. объявила особыми манифестами о гарантиях иностранным переселенцам в свободном отправлении религиозных обрядов, освобождении их от военной службы и платежей податных денег на определенные сроки, отводе земель, необходимых для полноценного поселения и ведения хозяйственной деятельности. В 1763 г. была учреждена с правами Коллегии «Канцелярия опекунства иностранных», которой поручалось привлечение поселенцев и забота о них. Меры эти стали широко известны в Европе, вызвав переселенческий поток особенно из многочисленных германских государств. За два года – с 1764 по 1766 – на нижней Волге возникло 102 немецкие колонии, интенсивность заселения территорий в Саратовской и на севере Астраханской губерний была так велика, что в 1770 г. эти меры были возобновле-

ны, однако теперь уже с целью заселения территории в нижнем течении Днепра, получившей наименование Новороссии [16, с. 672–673]. С конца 80-ых годов XVIII в. в этот регион прибыло более 228 семейств меннонитов, представителей протестантской религиозной секты, основанной в 30-ые годы XVI в. голландцем Симонисом Менноном и близкой по воззрениям к анабаптистам. Большинство прибывших выехало из Фрисландской провинции Нидерландов, южной Германии, Мекленбурга, Пруссии, северной Польши, где они подвергались гонениям (обложение повышенными налогами, лишение права приобретения собственности). Часть меннонитов осела на нижней Волге, в Самарской и Астраханской губерниях, и на Кавказе [16, с. 93–95; 10].

В феврале 1763 г. Никита Афанасьевич Бекетов – астраханский губернатор, ссылаясь на мнение бывшего губернатора действительного статского советника Неронова, отмечал, что в Астрахани число иноземцев, главным образом армян, «весьма умножилось и состоит в записке 1238 человек, да не записавшихся не менее того» Из запрошенных им сведений о денежном обороте Астраханский портовой таможни за 1752–1756 гг. и в 1763 г. стало очевидно, что отпуск товаров в Персию астраханских мещан составил 1 314 945 руб. 75 коп., привоз – 965086 руб. 7,5 коп., астраханских татар соответственно 31 012 руб. 58 коп. и 62 889 рублей 4 копейки, российских купцов отпуск – 529 695 руб. 86,5 коп. и привоз – 861 211 руб. 19 коп.

20 декабря 1778 г. астраханский губернатор Иван Якоби во «всеподданнейшей реляции» императрице Екатерине II сообщил о получении им «высочайшего рескрипта», оправленного Коллегией иностранных дел 20 октября того же года. В нем предписывалось изыскать все необходимые средства для переселения «алдинского народа» на реку Сунжу на земли «чеченского владельца Руслан-бека». Якоби сообщал, что этот приказ выполнен подполковником Заметаевым, «находящемся в Кизляре за коменданта». Переселение «алдинцев» преследовало цель освободить часть земель для возможного освоения их иностранными колонистами, как это можно предполагать из содержания переписки местных и центральных властей.

В январе 1779 г. в связи с приказом князя Г.А. Потемкина – астраханского генерал-губернатора о «заведении» Моздокской линии крепостей и редутов Якоби доносил правительству не только о расквартировании в них регулярных и нерегулярных войск, но и об успехах в сельскохозяйственном освоении территории этой линии: «земледелие всеми тамошними поселянами начато в довольном количестве, а всходы высеянного хлеба обещают изобильную за труды награду» [12, д. 616, л. 1–2об]. По уверению Якоби, «...новые поселяне с наивысочайшим удовольствием приемлют тамошней род жизни, обзрев более выгоды на новых местах, нежели чем они прежде пользовались» [12, д. 616, л. 3].

В конце 80-ых годов XVIII в. новую попытку поселить на российских территориях, в том числе и поволжских иностранцев – меннонитов, предприняло правительство императрицы Екатерины II [2, с. 514]. В 1787 г. генерал-фельдмаршал и президент Военной коллегии Г.А. Потемкин сообщил императрице Екатерине II о прошении меннонитов, проживающих в р-не Данцига, дать им возможность «в Россию переселиться». Он не встретил возражения со стороны российского правительства, было лишь определено, что переселяемые меннониты, получив от казны денежные ссуды на первоначальное устройство, должны их вернуть «по происшествии льготных десяти лет без процентов в пять последующих лет...» [12, д. 616, л. 2–2об].

Подведем итог сказанному. Рассмотренные материалы XVI разряда Государственного архива Российской империи позволяют выявить важнейшие направления и методы центральной и местной правительственной администрации по привлечению на свободные территории Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Новороссии поселенцев как из российских губерний, так и иноземцев из стран Западной, Северной, Центральной и Южной Европы.

1. Внешняя торговля через Петербургский порт во второй половине XVIII – начале XIX в. / сост. А. И. Комиссаренко, И. С. Шаркова. – М. : Институт истории СССР АН СССР, 1981. – 170 с.
2. Все религии мира : энциклопедический справочник. – М. : Вече, 2007. – 592 с.
3. Губернии в России при Петре Великом (300-летие первой губернской реформы в России) : каталог выставки. – М. : Древлехранилище, 2008. – 210 с.
4. Ермолаева, Л. К. Торговые связи Астрахани в XVII – первой четверти XVIII в. (к проблеме формирования всероссийского рынка) : дисс. канд. ист. наук. Л. : Ленинградский гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1981. – 322 с. : ил.

5. Корсаков, Д. А. Артемий Петрович Вольтер : биографический очерк / Д. Корсаков // Древняя и новая Россия. – 1876. – № 1. – С. 45–60.
6. Куканова, Н. Г. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII –первой половине XIX века : (по материалам рус. архивов) / Н. Г. Куканова. – Саранск : Морд. гос. изд-во, 1977. – 286 с.
7. Кулишер, И. М. Очерк истории русской торговли / И. М. Кулишер. – Пг. : Атеней, 1923. – 317, IV с.
8. Писаревский, Г. Г. Вызов колонистов из южной Европы и бунт корсиканцев : очерк / Г. Писаревский. – М. : Т-во типо-лит. Владимир Чичерин, 1901. – 34 с. – Отг. из журн. «Русский вестник».
9. Писаревский, Г. Г. Нижнее Поволжье в третьей четверти XVIII в.: (к вопросу о факторах иностранной колонизации) / Г. Писаревский. – Баку, 1929. – Отгиск из «Известий педагогического факультета азербайджанского педагогического университета». – Т. 14. – С. 221-229.
10. Писаревский, Г. Г. Переселение прусских меннонитов в Россию при Александре I / Г. Г. Писаревский. – Ростов н/Д. : [Б. и.], 1917. – 68, III, III с.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. СПб. : тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 1-45.
12. Российский государственный архив древних актов. Госархив Российской империи. Разряд 16. Оп. 1.
13. Рубинштейн, Н. Л. Внешняя торговля России в русском купечество во второй половине XVIII в. / Н. Л. Рубинштейн // Исторические записки. – М., 1955. – Т. 54. – С. 343–361.
14. Семенов, А. В. Изучение исторических связей о российской внешней торговли и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год / соч. А. Семенова. СПб. : тип. И. И. Глазунова и К^о, 1859. – Ч. 1–3.
15. Серов, Д. О. Администрация Петра I / Дмитрий Серов. – 2-е изд. – М. : ОГИ, 2008. – 288 с.
16. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. : Семеновская типолитография, 1898. Т. XXIV.
17. Юхт, А. И. Восточная торговля России в 30-40-е годы XVIII в. и роль в ней армянских купцов: (по материалам астраханской таможни) / А. Юхт // Известия АН Армянской ССР. Серия: Общественные науки. – 1956. – № 8. – С. 43–62.
18. Юхт, А. И. Торговля России с Закавказьем и Персией во второй четверти XVIII века / Юхт А. И. // История СССР. – 1961. – № 1. – 131-146.
19. Юхт, А. И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20-60-е гг. XVIII в.) / А. И. Юхт ; Рос. АН, Ин-т рос. истории. – М. : ИРИ, 1994. – 261, [1] с.

Шишанов В.А.

МЕМУАРЫ С.А. ШИШКИНА КАК ИСТОЧНИК О БИОГРАФИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВОГО ВИТЕБСКОГО ГУБЕРНАТОРА¹

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в С.-Петербурге (ОР РНБ) хранится тетрадь с мемуарами, незамысловато озаглавленными автором «Жизнь С. А. Шишкина» (ф. 536, Q616). В истории Витебска Сергей Алексеевич Шишкин (15 августа 1762 – 6 января 1833) занимает особое место – этот человек в 1802 г. стал первым витебским гражданским губернатором после раздела Белорусской губернии на Витебскую и Могилевскую.

Витебск приобрел статус губернского города еще в 1796 г. благодаря усилиям белорусского генерал-губернатора И.И. Михельсона, который в докладе императору смог найти доводы в пользу Витебска, исключив тем самым Полоцк из претендентов на звание «столицы» Белорусской губернии (просуществовала с 1796 по 1802 г.). Но только после 1802 г. и во многом благодаря усилиям Шишкина Витебск получил толчок в своем развитии и с течением времени смог стать крупным административным, экономическим и культурным центром.

Рукопись С. А. Шишкина не столь пространна, она насчитывает всего 79 тетрадных листов. Мемуарист незамысловато и достаточно открыто описывает перипетии своего карьерного роста, обстоятельства жизни семьи, взаимоотношения с людьми, эпизоды служебной деятельности. Описания довольно кратки, но в тоже время содержат личные наблюдения, оценки и детали интересные для понимания эпохи и повседневной жизни русского дворянства.

Рассказ о службе Шишкина в Витебске в рукописи занимает 31 лист. Сергей Алексеевич довольно подробно останавливается на обстоятельствах своей жизни и деятельности в городе, на пребывании в нем особ императорской фамилии, видных государственных и военных деятелей России.

Повествование начинается с указания на то, что род ведет свою историю от 1586 г., но, не останавливаясь на далеких предках, автор кратко сообщает о ближайших родственниках – деде Афанасии Григорьевиче, отце Алексее Афанасьевиче. Отец Шишкина служил в артиллерии и до своей безвременной кончины в 1768 г., в возрасте 22 лет, успел дослужиться до капитана.

Далее автор переходит к описанию собственной жизни, доведя его до 1814 г. и, вероятно, к этому времени относится написание мемуаров. В 1772 г., 9 лет от роду, Сергей Алексеевич был записан «сержантом в артиллерию». Затем переведен капралом в лейб-гвардии Измайловский полк. Мальчик был очень огорчен понижением в звании, но взрослые ему объяснили преимущества лейб-гвардейского полка: «... сколь прискорбно было для меня вместо трех галунов на обшлагах носить один, сколько пролито слез, пока уверили, что я с выгодой переведен: в турецкое замирение в 1775 году июля 10-е пожалован сержантом», но юный отрок «в службе не был, а считалось, будто на ординарцах». Только в конце 1784 г. Сергей Алексеевич явился в полк и с 1 января 1785 г. был произведен в офицеры: «... один раз мне только случилось быть в карауле сержантом». В 1787 г. – произведен в подпоручики, через год – в поручики. После участия в русско-шведской войне (1788–1790) – в капитан-поручики (1790 г.).

В 1794 г. Шишкин получил звание капитана, но решив, что в гражданской службе добьется большего, 1 января 1795 г. вышел в отставку в чине бригадира, и в мае 1796 г. был пожалован в смоленские вице-губернаторы. Однако в начале правления Павла I на этом посту Сергей Алексеевич навлек на себя немилость и в ноябре 1797 г. отправлен в отставку. Вскоре позиция императора изменилась, но Шишкину пришлось приложить значительные усилия, чтобы вернуться на службу и занять соответствующее место.

¹ Исследование проведено в рамках гранта БРФФИ «Белорусская земля в документах и воспоминаниях XIX–XX вв. По материалам российских и белорусских архивов».

Все счастливо разрешилось – в апреле 1800 г. Шишкин был определен советником в Ассигнационный банк, а в декабре ему был пожалован чин действительного статского советника. В банке советники не слишком были обременены обязанностями: «... особенно же дело наше было подписывать свое имя [на ассигнациях – *В. III.*], что большого труда не требует, а забот и ответа ни какого».

Однако Сергей Алексеевич приобрел некий авторитет и, после баллотировки в сенаторы, 28 июня 1802 г. назначен витебским губернатором: «Государь был столь ко мне милостив, были вакансии в Архангельске и в Олонце, он изволил сказать: “Ему будет там скучно. В Польше веселее”. Пожаловал мне на проезд 3000 р. и я 20 июля и отправился к должности. Приездом в Витебск – нахожу город небольшой, грязный, мостовые деревянные, населен бедными жидами. Доходу городского 13 тысяч, расходу – 16, долгу на городской думе 30 тысяч».

Первым «старанием» А. С. Шишкина были меры, принятые к повышению городских доходов, для чего винная продажа была отдана на откуп, и это принесло 12 тыс. р. дохода. Были приняты меры к «регуляторству» города: «В мое время вымощено 20 тысяч квадратных сажень, сделано четыре прекрасных моста, улицы приведены в план, гора с въезду могилевского скопана, устроена хорошая богадельня на 60 и более человек, построен и всем снабжен лазарет на 200 человек, куплен и отстроен каменный дом для губернатора, стоивший при мне 30 тысяч рублей. Кто видел за несколько лет сей город, тот его не узнавал. Все сие меня отменно занимало и утешало. Притом, и та ощущалась выгода, что от каменных мостовых воздух делается здоровее. Много труда стоило уверить жителей, из коих половина застарелых поляков, другая – жидов, но я иных ласкою, иных шумом до сего довел. Для самых неимущих велел собирать камень у шлагбаумов с приезжающих на рынок (на сие есть указ Великой Екатерины). Всякий крестьянин привозит в город камушек, польза двойная – город мостится, а поля очищаются. Я всякий день ходил по городу пешком и ездил верхом смотреть работы».

Много беспокойства и усилий по размещению и снабжению доставило Шишкину прохождение русских войск во время их следования для участия в военных действиях на стороне III и IV антифранцузских коалиций (1805, 1806–1807 г.). В это время в Витебске останавливались император Александра I, великий князь Константин Павлович, А. М. Римский-Корсаков, Ф. Ф. Буксгевден, Н. А. Толстой, П. М. Волконский, А. А. Аракчеев, М. М. Сперанский и другие.

В начале октября 1807 г. во время пребывания в Витебске Александр I осмотрел город и остался недоволен состоянием острога: «В 3 часа он изволил возвратиться, объехав все лазареты, и мимоходом заходил в острог или городскую тюрьму, где был очень недоволен, что окошки малы, нет свежего воздуха, и что арестанты строго содержаться». Недовольство императора пало на «хозяина» губернии. Шишкин подал в отставку и был освобожден от должности 9 ноября 1807 г.

7 января 1808 г. Сергей Алексеевич с сожалением покидает город: «Я [С. А. Шишкин – *В. III.*] со слезами оглядывался на любезный мне город Витебск, мною устроенный и в котором я весело живал». О себе губернатор оставил добрую память, и современники высоко отзывались о его человеческих качествах. Так в воспоминаниях витебского губернского прокурора Г. И. Добрынина содержится следующая характеристика С. А. Шишкина: «Человек счастливой памяти, знал два языка, знаком с литературою и ничего не писал. Рассуждая об людях, умел их теорически узнавать и различать, но деятельно не отличал умного от дурака, ребенка от старика. Ловок и вежлив в порядке разговора, и был наиприятнейший человек в гражданском обращении. Физогномию имел благородную, нравственность, подкрепленная воспитанием, не позволила ему пользоваться от должности противозаконными прибывками; но после вышли неприятные обстоятельства, которых и ожидать надлежало, что он рад бы был своему горю помочь, откуда бы то ни было; но никто ему ничего не давал, потому что губернею управлял секретарь его, а губернским городом – полицмейстер. Будучи таковым он верил от всего сердца, что целая губерния, по любви своей к нему, готова носить его на руках» [1, с. 331–332].

Под «неприятными обстоятельствами», вероятно, имеется в виду упоминаемое в мемуарах «провиантское дело». Осенью 1805 г. С. А. Шишкин, выполняя распоряжение о заготовке провианта для запасного магазина в Крейцбурге, одолжил необходимые запасы из магазина в Могилеве, а для их восполнения заключил договор со смоленским купцом Шабловинским, который, получив от

Шишкина 8550 р., не выполнил свои обязательства и не вернул деньги. На протяжении многих лет Сергей Алексеевич пытался добиться освобождения его от ответственности по делу о «неисправной поставке», оправдываясь тем, что «преследовал только выгоды казны». Дело, пройдя через многочисленные инстанции, 3 января 1825 г. рассматривалось на заседании Комитета министров, но прошение Шишкина об освобождении от «взыскания» было отклонено [2].

Остаток жизни Сергей Алексеевич провел в своих деревнях в Тверской губернии, где был избран предводителем дворянства. Здесь же в июле 1809 г. он женился на вдове Т. А. Гедеоновой. Похоронен С. А. Шишкин в Москве, в Даниловом монастыре [3, с. 358].

Воспоминания С. А. Шишкина интересный памятник мемуарной литературы, раскрывающий образ жизни, ментальность русского дворянства и освещающий малоисследованный период в истории Витебска.

1. Добрынин, Г. И. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, (пожившего 72 г. 2 м. 20 дней), им самим писанная в Могилеве и в Витебске. 1752–1823 / Г. И. Добрынин ; [предисл.: М. Семевский]. – [2-е изд.]. – СПб. : печатня В. И. Головина, 1872. – X, 380 с.
2. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1263. Оп. 1. Д. 368. Л. 795–797; Д. 413. Л. 72–79 об.
3. [Сайтов, В. И.] Московский некрополь : Т. 1–3 / [В.И. Сайтов и Б.Л. Модзалевский] ; [Авт. предисл. и изд. вел. кн. Николай Михайлович]. – СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1907–1908. – Т. 3: (Р – Θ). – 1908. – [2], 432 с.

Посунько О.Н.

СУДЕБНАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII – НАЧАЛА XIX В.: ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ДВОРЯНСТВА ЮЖНОЙ УКРАИНЫ

Изучение материалов судебных учреждений в рамках различных исторических направлений не ново. Не является исключением и история повседневности [9, с. 35], особенно для предлагаемого периода – последней четверти XVIII – начала XIX вв., поскольку еще не так широко распространены (а главное – сохранены для изучения) источники личного происхождения и другие материалы (например, фото), позволяющие более подробно охарактеризовать время, обыденную жизнь человека и, самое главное, его чувства и переживания по этому поводу.

Некоторые исследователи считают, что история повседневности в первую очередь направлена на простого «маленького человека» [12, с. 179, 180]. Дворянский же «быт и нравы» имеют достаточно неплохую историографическую традицию, что иногда создает иллюзию «заполненности» темы. Но в данном случае есть все основания, обуславливающие все же интерес к повседневности дворянства. Во-первых, региональный фактор. В Южной Украине, которая активно включалась во имперские планы (начиная с глобальных внешнеполитических инициатив типа «Греческого проекта» и заканчивая приглашением иностранцев-переселенцев), переживала бесконечные административно-территориальные трансформации и социальные изменения, фактически только формировалась своя региональная элита. Она состояла из российских военных и гражданских чиновников, представителей украинской казаческой старшины (запорожской и левобережной), помещиков иностранного происхождения [11, с. 10]. Эта корпорация была очень неоднородна и по материальному достатку, и по уровню образования, и по наличию/отсутствию устоявшихся традиций организации жизни в поместье. Поэтому собрания родовых документов, семейные библиотеки были чаще исключением, нежели правилом. Помещичья/дворянская бытовая культура пребывала в стадии формирования, часто из-за подражания другим образцам и традициям. Все это и обуславливают интерес к теме.

Дополнительную актуальность придает источниковый фактор. Поскольку в регионе произошли массовые потери архивных источников указанного периода, каждое собрание документов, позволяющее проанализировать хоть какие-то стороны жизни дворянства края, имеет большое значение. В данной статье непосредственно использованы материалы Екатеринославских совестного и верхнего земского судов, а общее представление и выводы автора основываются на анализе обширного комплекса документов судебных инстанций разного уровня, отложившихся в различных архивохранилищах.

Замечу, что в определении «Южная Украина» придерживаюсь подхода, подразумевающего в основном территорию Екатеринославской и Херсонской губерний образца 1806 г. Иногда уместными представляются примеры отдельных уездов Левобережной Украины (бывшей Гетманщины), входивших в состав Екатеринославского наместничества (1784 – 1796), позже Новороссийской губернии (1796 – 1802).

Когда речь идет о документах судебной практики, более привычным является использование их для изучения девиаций, экстраординарных явлений, которые нарушали *привычную обыденность*. Но судебные материалы имеют огромный потенциал для характеристики бытовой стороны жизни общества, рутинной и единообразной. К тому же часто они дают представление о настроениях, эмоциях, отношении участников процесса к тем или иным явлениям их жизни. Нам представляется возможным выделить такие виды документов:

– реестры имущества: позволяют судить об уровне жизни конкретного человека, семьи; дают представление о ценности (в том числе и духовной) определенных предметов;

– прошения на высочайшее имя, где излагались основные перипетии личных жизненных ситуаций, так или иначе высказывалось отношение к ним;

– журналы заседаний различных учреждений, в которых либо судились, либо заседали дворяне: кроме содержательной части о сути рассматриваемых вопросов, вырисовывается определенный график и ритм жизни (повседневность как рабочий день, по Н. Элиасу) [13, с. 5)].

Рамки данной статьи не позволяют дать исчерпывающую характеристику этим источникам, поэтому обращу внимание лишь на некоторые их информационные возможности. Одними из интересных, напрямую «рисующих» быт, представляются имущественные реестры, которые в разных обстоятельствах возникали в судебном производстве. Наиболее частыми являются наследственный раздел имущества, различные претензии друг к другу внутри семьи. Если проанализировать документы уездных земских судов, гражданских палат (Екатеринославского, Вознесенского наместничеств), департамента по гражданским делам Новороссийской палаты суда и расправы (которые как раз и предназначались для дворянских споров такого типа), то можно сделать вывод, что многолетние тяжбы по поводу взаимных земельных претензий, недвижимого имущества были неотъемлемой частью жизни помещиков края. Таким образом, судебная тяжба как исключительное событие, превращалась если не в рутинное (что исследователи считают одним из признаков повседневности), то, по крайней мере, в обыденное явление.

Также это могли быть реестры имущества, взятого в опеку или описанного за долги (в этом случае оно еще и оценивалось). Такие документы назывались «регистр», «опись искупленным вещам», «ведомость сколько чего... состояло по описи», «раздельная ведомость», «опись имений» [3, л. 52; 4, л. 2; 6, л. 5; 7, л. 46]. Они позволяют не только судить об уровне жизни конкретной семьи, человека, но и дают представление о ценности определенных вещей, об отношении к ним, распространенности тех или иных явлений.

Проанализированные нами описи характеризуют дворянина данного региона в первую очередь как помещика. Очень пристальное внимание к учету земли, хозяйственных построек, инвентаря; детальные характеристики качества скота присутствуют фактически во всех документах такого типа. Если же речь шла о приданом, реестре наследства, то отдельной группой прописывались драгоценности, посуда (с указанием материала, из которого она изготовлена), ткани и верхняя одежда. Причем всегда велся учет даже металлического лома. В одном из дел, которое происходило с территории Левобережной Украины (она до 1830-х гг. оставалась «на малороссийском праве» в решении гражданских дел, поэтому там чаще всего использовались нормы Литовского статута 1588 г.), есть наставление представителям Хорольского уездного суда и дворянской опеки со ссылкой на ЛС как произвести опись: нужно в присутствии двух посторонних свидетелей описать все имущество, указав также все «в золоте серебре цене меди дорогих камнях жемчуг в столовых приборах в платье холсте и прочем» [5, л. 8]. Например, в описи приданого Варвары Максимович, которую она предоставляла в иске на наследство отца, бунчукового товарища (представитель высокопоставленной казаческой старшины в Гетманщине) Федора Левенца, среди прочего числились серебрянная и «вызолоченная» посуда, драгоценности – «жемчуг 9 низок, перстень алмазной, перстеник с яхонтом и алмазиками, 2 кольца золотые, серги алмазне» [2, л. 55].

Определенным «исключением» из традиционной подборки ценного имущества «среднестатистического» дворянина оказалась опись имущества умершего капитана Максимова, передававшегося опекунам его детей. Точных сведений о личности Максимова получить не удалось, из дела известно лишь, что жена его второй раз вышла замуж за представителя влиятельной семьи польского происхождения Гижицких, одна из ветвей которых имела владения в Херсонской губернии. Максимов был капитаном артиллерии. Как указывалось выше, офицеры составили значительную часть дворян Южной Украины. Опись его имущества (286 позиций) интересна, поскольку представляет собой перечень вещей, указывающих на профессиональную принадлежность владельца, его увлечения, уровень образованности. Такими предметами являются, например, инструменты офицера-артиллериста («лофциркуль», «рес федер», циркули и карандаши) [4, л. 7], «планы на земли и строения и чертежи на разные машины *пятьдесят восемь*» (*выделено нами – О.П.*)! [4, л. 8 об.] Еще одна необычная составляющая списка – «скрипка хорошей работы старая», «смичок сандаальной с винтом слоновой кости» [4, л. 7].

В различных категориях описанного имущества «присутствуют» дети. Среди указанной одежды – определенное количество детской. Очевидно, потому, что сын Максимова – мальчик 11 лет находился на обучении, большинство перечисленных вещей принадлежало 14-летней дочери: «солоп беличьего меха» (*салон – вид верхней одежды типа плаща с прорезями для рук – прим авт.*), шляпа меховая, «сюртучок детский», «детская постель с периною», «юпка детская» [4, лл. 7–8 об.].

Еще более отчетливо говорит о хозяине и его семье список книг из 47 позиций. Это неплохой показатель для частной библиотеки офицера среднего ранга конца XVIII в. Судебными чиновниками они зафиксированы некорректно: либо даны первые слова названия, либо указан только автор, либо общее название «Грамматика русская..., французская» без авторства. Однако большинство названий удалось уточнить и восстановить. Анализ списка позволяет сделать вывод о рациональном подходе хозяина к формированию собрания. В процентном соотношении книги можно разделить таким образом: наибольшая группа – 34% – книги для изучения иностранных языков или на иностранных языках; по 15% – детская литература и книги профессионального направления по артиллерийскому делу; остальные 36% – условно «популярное» в образованных кругах чтение: французские романы, историко-географические описания, религиозно-эзотерическая литература [14, с. 135–138].

Кроме документальных источников, которые представляют собой судебные дела, можно встретить и неожиданные. Исключительной стала подборка документов первого предводителя дворянства Екатеринославской губернии Константина Николаевича Лалоша, который судился по поводу наследства своей умершей жены Марфы Ивановны (Остроградской по первому мужу) с ее сыном от первого брака. И род Остроградских был разветвленным и влиятельным, и сама Марфа Ивановна происходила из семьи писаря Генерального суда Ивана Пиковца, человека тоже небедного. Лалош хотел вернуть деньги, потраченные им на личные нужды покойной жены. В качестве доказательств он предоставлял реестр трат, а также несколько копий писем Марфы Ивановны к нему, которыми подтверждал свои претензии.

Как отметила известный украинский исследователь эпистолярных источников С. В. Аброимова, частная переписка как важная форма коммуникации «обслуживает» всю повседневную жизнь человека за границами его официальных отношений» [1, с. 116]. Не смотря на то, что в данном случае переписка велась между мужем и женой, ее характер можно определить, скорее, как деловой. «Личными» и интимными оставались только обращения: «Душечко, сердечко Константин Николаевич»; упоминания о сыне, когда мать просила «поцеловать нашего любезного сыночка Николашечку» [6, лл. 17, 17 об, 39]. В остальном – это описание поездки, мытарств по судебным инстанциям, хозяйственные распоряжения. В письмах присутствуют обращения к адресату, дата, место написания, подпись.

В последней четверти XVIII в. вслед за деловой перепиской, в частной также утверждается новый литературный русский язык [8, с. 120]. Все же письма М. И. Лалош отчетливо демонстрируют ее происхождение из семьи левобережной казацкой старшины. Украинская «принадлежность» прослеживается в использовании отдельных слов, словоизменении, фонетике. Например, вместо «пробыла» – «пробула», «как бы то ни було»; «чуть *що* жив»; «серденько». Ис-

следователи эпистолярной этого периода указывают на их близость к разговорной речи, что проявляется, например, в использовании фразеологизмов. В одном из писем, Марфа Ивановна, жалующаяся на недоброжелателей, с которыми имела судебные земельные конфликты, пишет о них: «не перестают меня щипать» [6, л. 39 об.]. В другом просит указать, где находится Лалош с сыном – «туда и полечу» [6, л. 17 об.].

Не перестает удивлять хозяйственная активность этой женщины. Например, в одном из писем описана ее поездка в Киев: по пути заехала к дочери, неделю пробыла у матери графа Безбородко (получила письмо-рекомендацию для своего старшего сына); нашла учителя младшему сыну; побывала в присутственных местах для решения своих судебных тяжб; разузнала о возможности взять под залог имения займ в банке [6, лл. 39 – 40]. Да и реестр, составленный мужем после ее смерти, где он указывает свои траты на ее личные нужды, невольно демонстрирует женщину, у которой хорошо налажено хозяйство, регулярно бывавшей на ярмарках в Харькове, Ромнах, «выписывавшей» иностранных мастеров для имения и т. д. Такая «повседневность» женщин-дворянок региона не редкость.

Конечно, судебная документация имеет значительную специфику и определенные сложности в работе [10, с. 398, 408], но возможности ее использования в изучении различных исторических направлений еще только открываются.

1. Абросимова, С. В. Приватне листування катеринославського дворянства XIX століття: (До питання джерелознавчого дослідження епістолярних пам'яток) / С. В. Абросимова // Південна Україна. Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України ЗДУ. – Запоріжжя, 1999. – Вип. 4(5). – С. 115–124.
2. Государственный архив Днепропетровской области (ГАДО). – Ф. 375. Екатеринославский верхний земский суд. Оп. 2. Д. 29.
3. ГАДО. – Ф. 375. Оп. 2. Д. 36.
4. ГАДО. – Ф. 375. Оп. 2. Д. 46.
5. ГАДО. – Ф. 375. Оп. 2. Д. 48.
6. ГАДО. – Ф. 467. Екатеринославский совестный суд. Оп. 1. Д. 13.
7. ГАДО. – Ф. 467. Оп. 1. Д. 30.
8. Денисюк, В. В. Приватний епістолярій XVIII ст.: комунікативно-прагматичний статус фразеологізмів / В. В. Денисюк // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Філологічні науки. – 2017. – Випуск 44. – С. 116–120.
9. Ильясова, А. В. Реалии и перспективы истории повседневности в российской историографии / А. В. Ильясова // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Історія». – 2011. – № 982. Спецвипуск. – С. 30–38.
10. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М. : РГГУ, 1998. – 702 с.
11. Каюк, Д. Г. Формування катеринославського та херсонського дворянства в 60-ті рр. XVIII – на початку XIX ст.: автореф. дис... кандидата істор. наук / Д. Г. Каюк. – Дніпропетровськ, 2002. – 16 с.
12. Коляструк, О. А. Предмет історії повсякденності: історіографічний огляд його становлення у зарубіжній та вітчизняній історичній науці / О. А. Коляструк // Український історичний журнал. – 2007. – № 1. – С. 174–184.
13. Кром, М. М. Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия) / М. М. Кром // История повседневности: сб. научн. работ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docplayer.ru/28386927-M-m-krom-povsednevnost-kak-predmet-istoricheskogo-issledovaniya-vmesto-predisloviya.html>. Дата доступа 20.01.2019.
14. Посулько, О. Судова документація як джерело до історії приватних книжкових зібрань Південної України останньої чверті XVIII ст. / О. Посулько [Електронний ресурс] // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Історія». – 2017. – № 53. – С. 133–142. Режим доступа: <https://periodicals.karazin.ua/history/article/view/12092>. Дата доступа: 22.01.2019.

Ильницкий К.О.
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИКИ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ
ДОЗВОЛЕНИЙ НА ЗАВЕДЕНИЕ ТИПОГРАФИЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ЦЕНЗУРЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Архивные материалы играют первостепенную роль в изучении истории отечественного государства и права. Не являясь исключением история становления дозволений на заведение типографий и законодательства о цензуре Российской империи.

Например, в 1814 г. прусский подданный Иоганн Гаук подал прошение на заведение типографского станка для напечатания объявлений, которые относились к детским игрушкам. Прошение было удовлетворено с резолюцией министра полиции: «Разрешить» [1].

Бывший польского королевского двора камергер, состоявший на российской службе Игнатий де Гельд просил завести типографию на следующих условиях: «не типографию обширную будет составлять мое заведение, но токмо один или два станка, могущие поместиться в моих покоях, касательно же цензуры, я соблюду все на предмет сей существующия постановления». Разрешение было дано компетентными органами. Карл Крей, служащий Сената, просил использовать после смерти Шнора типографское помещение и зарегистрировать его на свое имя, что и было дозволено государством [1].

Шотландцы Митчелл и Диксон подали прошение об открытии типографии в Астрахани для напечатания на восточных языках книг религиозного назначения. Разрешение было подкреплено в ответе министра внутренних дел на письмо Санкт-петербургского главнокомандующего от 17 сентября 1815 г. № 417, а также именным указом императора «Колонии Шотландцев в Кавказской Губернии поселяемой» [2].

Как показывает архив Особенной канцелярии Министерства внутренних дел за 1801-1826 гг. существовало большое количество прошений в заведении типографии по всей территории Российской империи. В равном количестве заявителями выступали как иностранные подданные, так и российские. Прошения содержали просьбы о заведении книжной лавки, типографии и производства литографии [4, 5, 6, 7, 8].

Дозволения на заведение типографий можно охарактеризовать:

- 1) полномочия на открытие типографий закреплялось за компетентным министерством на основании прошения заявителя;
- 2) просителями выступали иностранные и русские подданные;
- 3) разрешения на заведение типографий законодательно не регулировались;
- 4) разрешения на открытие типографий предоставлялись заявителю и не переходили на наследству;
- 5) типографии осуществляли свою деятельность на основании законодательства о цензуре;
- 6) печать произведений была возможна на основании перечня, закрепленного в в прошении;
- 7) срок действия разрешения на заведение типографий был бессрочным.

На ведомственном уровне встречалась переписка должностных лиц, в которой требовалось неукоснительно соблюдать цензурное законодательство. Например, Санкт-Петербургский военный генерал-губернатор направил письмо № 12 от 12 апреля 1818 г. Санкт-Петербургскому гражданскому губернатору «О непечатавании книг без одобрения цензуры» (циркулярно), в котором указывалось, что «...всем содержателям типографий в Государстве, дабы они ни под каким видом и под строжайшею ответственностью не принимали к... перепечатанию книг без новаго просмотра и одобрения цензуры» [9].

В случае, если отпечатанное сочинение содержало в себе отступления от государственных, религиозных и нравственных законов, то содержатель типографии и издатель преследовались по закону, а изданное сочинение предавалось сожжению.

В качестве наказания иностранных подданных могли выслать за границу. Это иллюстрирует следующий пример: римско-католические пасторы Госнер и Линдель были высланы из Российской империи за напечатание на русском языке толкования Евангелия с искажением догматов христианской религии [10]. В свою очередь напечатание этих книг было дозволено цензорами, о чем было зафиксировано в Выписке из журналов Комитета министров от 22 и 26 апреля 1824 г. «Цензор –

статский советник Бирухов объяснял Министру, что хотя и дозволил было напечатать означенную книгу, но узнав, что при напечатании оной сделаны противу оригинала разные прибавления, не дал билета на выпуск ее из типографии, а без этого и не могла она быть обращена в продажу и распространяться в публике, есть ли же сие, то тогда виновен содержатель типографии» [10]. Решения Комитета были следующие: цензора, дозволившего напечатать на русском языке означенную книгу, отрешить от должности и предать суду Санкт-Петербургской уголовной палаты; преосвященному Митрополиту Серафиму представить в особенности рассмотреть и представить свое мнение, на каком основании впредь должна быть установлена цензура всех сочинений и переводов, печатаемых на русском языке, по предметам относящимся до веры.

Любопытный способ уничтожения в иностранных газетах статей, подлежавших запрещению представлен в архивном материале от 21 января 1844 г.: «все статьи или отдельные слова покрывать типографскими чернилами» [11].

Стоит отметить, что в первой трети XIX в. уставы о цензуре пересматривались трижды. Это связано с излишним количеством императивных норм, которые сдерживали развитие творчества авторов. К примеру, юристы-современники уставов о цензуре рассматриваемого периода обращали свое внимание на параграфы уставов, которые являлись для них «неясными, стеснительными», требующими к «обсуждению, уточнению, смягчению», «несправедливыми и вредными» [12]. Также они представляли свои собственные проекты по изменению и дополнению ряда статей уставов. Проект § 21 устава о цензуре 1828 г. предлагал следующее: «Никакие жалобы не принимаются, решение Главного управления цензуры считается вошедшим в законную силу и немедленно приводится в исполнение за пропущенные со стороны обвиняемого сроки на представление объяснения Главному управлению цензуры на подписание отзыва и на принесение Правительствующему Сенату апелляционной жалобы» [13].

Обращает на себя внимание предложения по изменению устава о цензуре, подробно рассмотренный составителем замечаний. Так, например, составитель указывал: «§ 14. Частные замечания. § 15. Обсудить. § 19. Обратить выгодно из главных начал (ненависть одного сословия к другому и подрывание согласия между ними. § 25 Несправедлив и вреден (зачем Высочайшая власть?). § 26. Преимущественно надобно уточнить. § 40. Иначе изложить. § 122. Книги иностранные. Надобно сказать: книги ввозимые из-за границы. Вообще глава вторая коротка. § 134. Не ясен, особенно конец. § 140. А как же все эти цензурные учреждения доставляют сведения местной полиции?» [13].

Накануне утверждения устава о цензуре от 22 апреля 1828 г. было отмечено: «... Мы повелеваем составить на таковых началах полный Устав о цензуре, долженствующий заменить во всех частях изданный до ныне по сему предмету узаконения... сей устав а равно и Штаты Цензурного управления... повелеваем обнародовать для надлежащего исполнения... утвердив Положение /о правах сочинителей/... препровождаем... в Правительствующий Сенат для надлежащего исполнения» [13].

План 2го проекта замечаний на цензурный устав 10.06.1826 предусматривал: «сей устав не имеет определенных границ; по смыслу сих параграфов он содержит в себе смешение уголовных и полицейских установлений с цензурными; необходимость и возможность соединения в общий Цензурный Устав *Цензурные наказания* для книг внутри России издаваемых и *Цензурного наказа* для книг из-за границы ввозимых.» [14].

Письмом Московского цензурного комитета сообщалось, что «... картины... поданы неизвестным человеком цензору,... что картины эти, после предварительной скрепы, сделанной цензором, были, по просьбе подателя, отданы ему же, подателю, для представления в канцелярию Комитета, в канцелярию представлены им не были, а по сему в делах Комитета не обозначены ни поступившими на рассмотрение, ни одобренными, и таким образом, законного за №, числом и печатанию разрешения к напечатанию от Комитета не получили, а равно и билет на выпуск их из литографии Комитетом выдаваем не был» [15].

Следующее письмо Московского цензурного комитета от 1 марта 1842 г. № 231 иллюстрирует напечатание книги «Сцены из еврейского, малороссийского, бурлацкого и цыганского быта» без предварительной цензуры. «Московский цензурный комитет просил приостановить вы-

пуск означенной книги в свет и пригласить г. Иогансона для объяснений в цензурный комитет 4 сего марта» [15].

Архивные материалы являются ценными источниками истории становления дозволений на заведение типографий и законодательства о цензуре Российской империи, отражают важный фактический материал по истории права, а именно процессы становления законодательства о цензуре, истории подготовки проектов изменений и дополнений в уставы о цензуре. На основании прошений о заведении типографий, заявителям выдавались письменные разрешения, которые не являлись нормативными актами.

1. Дело по прошению разных лиц о разрешении открыть типографии, 29 января 1814 г. – 3 марта 1815 г. // ГА РФ. – Ф. 1165. Оп. 1. 1801/1826 г. Ед. хр. 248.
2. Переписка с министром внутренних дел и астраханским гражданским губернатором о разрешении шотландским колонистам открыть в Астрахани типографию для печатания Священного писания на восточных языках, 1 сентября – 22 сентября 1815 г. // ГА РФ. – Ф. 1165. Оп. 1. 1801/1826 г. Ед. хр. 250.
3. Переписка с Министерством Народного просвещения о разрешении книгопродавцу Гликсбергу открыть типографию и книжную лавку при Виленском университете, 11 июня 1826 – 18 июля 1826 // ГА РФ. – Ф. 1165. Оп. 1. 1801/1826 г. Ед. хр. 269.
4. Дело по прошению архидиакона Иоаннесова Иосифа о разрешении ему открыть типографию при армянской церкви в Петербурге, 17 февраля 1811 – 12 сентября 1811. // ГА РФ. – Ф. 1165. Оп. 1. 1801/1826 г. Ед. хр. 276.
5. Дело по прошению рижского купца Кауля Е.Ф. о разрешении ему открыть типографию в Москве, 18 февраля 1825 – 17 мая 1825. // ГА РФ. – Ф. 1165. Оп. 1. 1801/1826 г. Ед. хр. 277.
6. Переписка с Министром народного просвещения и Петербургским обер-полицмейстером по прошению фактора сенатской типографии Крея о разрешении ему открыть свою типографию в Петербурге, 22 ноября 1815 – 31 декабря 1815. // ГА РФ. – Ф. 1165. Оп. 1. 1801/1826 г. Ед. хр. 278.
7. Переписка с Петербургским военным ген-губернатором и Министерством духовных дел и народного просвещения о разрешении иностранцу Лангу Андрею, принявшему русское подданство открыть типографию в Петербурге, 01 июля 1823 – 28 июля 1823. // ГА РФ. – Ф. 1165. Оп. 1. 1801/1826 г. Ед. хр. 279.
8. Переписка с военным губернатором, Министерством народного просвещения и Кронштадтским о разрешении переводчикам Кронштадтской таможни Мелеру А. и Девису В. открыть типографию в Кронштадте, 26 марта 1826 – 22 апреля 1826. // ГА РФ. – Ф. 1165. Оп. 1. 1801/1826 г. Ед. хр. 281.
9. Циркулярное предписание Петербургского военного генерал-губернатора губернаторам о запрещении перепечатки книг без повторного разрешения цензуры и переписка с ними по этому вопросу, 6 апреля – 23 июня 1818 г. // ГА РФ. – Ф. 1165. Оп. 1. 1801/1826 г. Ед. хр. 253.
10. Дело о высылке за границу римско-католических пасторов Госнера и Линделя за печатание на русском языке толкования Евангелия с искажением догматов христианской религии, 27 апреля – 29 октября 1824 г. // ГА РФ. – Ф. 1165. Оп. 1. 1801/1826 г. Ед. хр. 270.
11. Дело о способах уничтожения в иностранных газетах статей, подлежащих запрещению, 21 января 1844 г. // ГА РФ. – Ф. 109. Оп. 213. 1829/1878 г. Ед. хр. 12.
12. Записка /без подписи/ с замечаниями на цензурный устав /?/ // ГА РФ. – Ф. 1155. Оп. 1. Ед. хр. 226.
13. Материалы по пересмотру цензурного устава от 10 июня 1826 г. и разработке нового цензурного устава от 22 апреля 1828 г. (устав о цензуре от 22 апреля 1828 г. (печатн.)). Проект дополнительных правил к цензурному уставу 1828 г., проект дополнительного постановления к § 153 – 157 цензурного устава 1828 г., 1828 – 1835 // ГА РФ. – Ф. 109. Оп. 1а с/а. Ед. хр. 1780.
14. Уставы о цензуре (печатные) от 9 июля 1804 г. и от 10 июня 1826 г. (с правкой), план 2-го проекта замечаний на цензурный устав 1826 г., 1804–1826 // ГА РФ. Ф. 109. Оп. 1а с/а. Ед. хр. 1782.
15. Дело о предоставлении в главное управление по делам печати и Московскому генерал-губернатору сведений о нарушениях цензурных правил московскими типо- и литографиями о составлении мировыми судьями протоколов по поводу отдельных нарушений, 4 января 1867 – 11 января 1870 // ЦГА Москвы. – Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 11.

Воднева Е.В.

ДОКЛАДНЫЕ ЗАПИСКИ Ф.В. БУЛГАРИНА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Фаддей Булгарин (1789–1859) – выходец из белорусских земель – стал известным российским журналистом, писателем, издателем. Более 30 лет он руководил первой в России частной газетой «Северная пчела». Автор романов, военных рассказов, фантастических очерков, публицистических заметок и фельетонов был известен всей читающей России. Его статьи в периодической печати давали ответы на самые актуальные вопросы своего времени.

С начала XX в. и до настоящего времени в российской историографии утвердилось мнение, что после восстания декабристов 1825 г. Ф.В. Булгарин стал реакционером [7; 10]. С целью сохранения своего положения в обществе, возможности издания собственной газеты он однозначно поддерживал правительственный курс, не допускал критики правительства. На рубеже XX–XXI вв. были опубликованы исследования А.И. Рейтблата [8], П. Глушковского [6], А.И. Федуты [9], в которых данная точка зрения подверглась серьезной критике.

Фаддей Булгарин стал одним из тех выходцев бывшей Речи Посполитой, кто выбрал интеграцию в российское общество. Журналист занимал активную гражданскую позицию, что нашло выражение не только на страницах его газеты, но и в аналитических записках в III отделение Собственной его императорского величества канцелярии (далее С.е.и.в.к).

Записки Ф.В. Булгарина открывают возможности для понимания характера сотрудничества литератора с III отделением и дают бесценный материал для исследования его общественной позиции: ее возникновения, воплощения, исторической продуктивности.

Докладные записки Ф.В. Булгарина в III отделение и его переписка с руководством ведомства хранятся в фонде III отделения в Государственном архиве Российской Федерации, а также в Российском государственном историческом архиве и в Институте русской литературы (ИРЛИ РАН). Большое количество записок и писем были впервые опубликованы в 1998 г. литературоведом А.И. Рейтблатом в работе «Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение» [5], которая по объему научно-справочного аппарата и комментариев может претендовать на звание булгаринской энциклопедии и одновременно дает панорамную картину его эпохи.

Сотрудничество III отделения с Булгариным началось после восстания декабристов. Еще до официального учреждения III отделения он подал на имя императора записку «О цензуре в России и книгопечатании вообще» [5, с. 45], главной темой которой стало общественное мнение и управлением им. Первые годы существования III отделения стали наиболее плодотворными в сотрудничестве Булгарина с ведомством. Именно в этот период журналистом были подготовлены аналитические записки, посвященные вопросам управления общественным мнением, проблемам образования, социально-экономической тематике, критике государственного аппарата.

Помимо записок, собственноручно написанных или подписанных Булгариным, в делах III отделения ряд его записок сохранился в переписанном виде и без подписи [8, с. 131]. В роли переписчика докладных записок выступал директор канцелярии III отделения М.Я. фон Фок. Именно Фок ведал работой с тайными агентами. Он лично обрабатывал записки агентов и оформлял в виде отчетов; последние поступали к А.Х. Бенкендорфу; шеф жандармов и главный управляющий III отделением докладывал непосредственно императору [8, с. 134]. Из этого следует, что те, кто становился агентом III отделения, пользовались высокой степенью доверия со стороны этого учреждения.

Часть подготовленных Булгариным записок составлялась на конкретно сформулированные запросы, которые поступали от М.Я. фон Фока [8, с. 127]. С последним Булгарина связывали не только доверительные отношения, но и сходство их общественно-политических взглядов [8, с. 130]. Особенно распространенными были запросы на характеристики государственных служащих. О том, что записки составлялись в ответ на запрос, свидетельствует замечание самого Булгарина – «о коих спрашивается мнение» и пр. Нередко это были личные запросы от императора [5, с. 143]. Булгарин давал как положительные отзывы, рекомендации на должность, так и отрицательные характеристики, касающиеся как личных качеств человека, так и его способностей к тому или иному виду деятельности.

Ф.В. Булгарин получил возможность высказывать свои размышления напрямую представителям государственной власти (через III отделение), и представителям российского общества (через газету). Стоит отметить, что содержание докладных записках было более прагматичным: он стремился к конкретике, обозначал проблему, пытался вскрыть ее причины и предлагал решение. Печатные статьи характеризуются более общими рассуждениями, яркими примерами, юмористическими зарисовками, с помощью которых журналист стремился привлечь внимание читателя и побудить его к размышлениям о поднимаемых вопросах.

Анализ содержания булгаринских записок позволяет объединить их по следующим направлениям: 1) личные просьбы; 2) ходатайства о других лицах; 3) характеристики чиновников; 4) вопро-

сы управления общественным мнением; 5) обзор общественных настроений; 6) образование и вопросы нравственности; 7) цензура; 8) критика работы государственного аппарата; 9) записки общего мировоззренческого характера; 10) проблемы, касавшие земель бывшей Речи Посполитой. В статье на основании докладных записок Ф.В. Булгарина раскрывается его оценка эффективности работы чиновников государственных учреждений Российской империи.

Тема служебных злоупотреблений – центральная тема булгаринских записок о государственном аппарате. Взяточничество, длительность дел, безнаказанность чиновников, расхищение бюджета – такова булгаринская общая характеристика ситуации в системе государственного аппарата в начале правления Николая I [5, с. 107].

Ф.В. Булгарин неоднократно подчеркивал, что безнравственное поведение отдельных чиновников снижало авторитет власти в российском обществе [5, с. 323]. Вместе с тем, проблема взяточничества и служебных злоупотреблений в интерпретации Булгарина сводилась не к самому институту, а к критике конкретных лиц, занимавших те или иные должности [5, с. 151]. Например, один из членов канцелярии Государственного совета Д.В. Петров создал собственную «теневую» канцелярию, которая занималась фиктивным документооборотом в учреждении, где происходили тайные встречи истцов и ответчиков с чиновниками, ответственными за ведение их дел, обсуждались суммы предполагаемых взяток [5, с. 159].

Не менее остро, чем проблема взяточничества, стоял вопрос о малообразованности и некомпетентности государственных чиновников. Журналист подчеркивал важность образования и повышения квалификации чиновников. Непременным условием для назначения чиновника должно было быть знание законов. Однако собственно идея верховенства закона для российского чиновника, по мнению Булгарина, была отвлеченной [5, с. 484]. Чиновник не ощущал себя представителем государственной власти, а лишь дельцом в определенной сфере. На эту проблему журналист обращал внимание общества на страницах газеты «Северная пчела» [1; 2; 3; 4].

По запросу III отделения С.е.и.в.к. Ф.В. Булгарин неоднократно составлял характеристики чиновников. Его мнение о личных качествах человека и способностях к тому или иному виду деятельности часто учитывалось при принятии решения о назначении на должность. Например, действительный статский советник П.П. Кильдюшевский, деловые качества которого были оценены крайне отрицательно, не получил пост рязанского губернатора. Позднее он даже подвергся взысканиями за служебные злоупотребления [5, с. 266].

С другой стороны, Ф.В. Булгарин периодически предлагал такие кандидатуры для замещения должностей, которые могли стать достойными представителями государства на местах. В частности, по его мнению, требуемыми навыками и качествами характера, необходимыми для государственной службы, обладали надворный советник Н.А. Иозефович, коллежский асессор А.О. Боровский, статский советник Л.В. Ордынский, коллежский советник В.О. Рогальский [5, с. 428]. В итоге все четверо действительно были отправлены на службу в разные регионы бывшей Речи Посполитой. Можно предположить, что важную роль для положительной рекомендации Булгарина играли не только их знания и служебный опыт, но происхождение всех четверых из земель бывшей Речи Посполитой.

Важно отметить, что период плодотворного сотрудничества Ф.В. Булгарина и III отделения С.е.и.в.к. продолжался недолго. На наш взгляд, он ограничивался 1826–1831 годами. После смерти управляющего III отделением М.Я. фон Фока в 1831 г., а также смены правительственного курса, направленного на консервацию существующего режима, мнение Булгарина по важным вопросам государственного управления руководство III отделения С.е.и.в.к. уже не интересовало.

Таким образом, докладные записки Ф.В. Булгарина в III отделение С.е.и.в.к. позволяют определить проблемные точки в работе государственного аппарата Российской империи. Булгарин обращал внимание властей на финансовые махинации, осуществление незаконных операций с документами, коррумпированность, низкий уровень образования чиновников. Журналист пытался добиться того, чтобы должности в государственном аппарате занимали профессиональные и честные чиновники. Значительная часть предложений Булгарина учитывалась руководителями III отделения С.е.и.в.к., что подчеркивает особое доверие к его мнению со стороны властных структур. Фаддей Булгарин стоял на позиции необходимости твердого соблюдения законов, недопустимости произвола в государственных учреждениях.

1. Булгарин, Ф. В. Плач подъячего Панкратья Фомича Тычкова над Сводом законов / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1833. – 18 апр. – С. 3–4.
2. Булгарин, Ф. В. Судья по выборам / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1827. – 3 сент. – С. 3–4.
3. Булгарин, Ф. В. Ходатай по делам, или На то шука в море, чтобы карась не дремал / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1827. – 13 янв. – С. 3–4.
4. Булгарин, Ф. В. Ходатай на ловле / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1827. – 27 янв. – С. 3–4.
5. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблата. – М. : НЛЮ, 1998. – 702 с.
6. Глушковский, П. Ф. В. Булгарин: эволюция идеологических и политических воззрений. Первая половина XIX в. / П. Глушковский. – СПб. : Алетей, 2013. – 232 с.
7. Лемке, М. К. Николаевские жандармы и литература в 1826–1855 годах / М. К. Лемке. – СПб. : Книгоизд-во С.В. Бунина, 1909. – 614 с.
8. Рейтблат, А. И. Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы / А. И. Рейтблат. – М. : НЛЮ, 2016. – 632 с.
9. Фядута, А. І. Перамога і параза здаровага сэнсу, або Вяртанне Булгарына / А. І. Фядута // Булгарын Фадзей. Выбранае / уклад., прадм. і камэнтар А. І. Фядуты. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2003. – С. 5–42.
10. Янушкевич, А. С. История русской литературы первой трети XIX в. / А. С. Янушкевич. – М. : Наука, 2015. – 746 с.

Кирничанская И.С.

РЕДКИЙ ДОКУМЕНТ 1834 ГОДА: СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ СТАРОВЕРОВ¹

Предлагаемый к публикации документ хранится в Латвийском государственном историческом архиве Латвийского национального архива – LNA LVVA, где собраны многие документы о жизни староверов Прибалтики XIX – первой половины XX века, привлекающие внимание исследователей. Документ находится в фонде № 1 – «Канцелярия Прибалтийского генерал-губернатора», числится по описи № 10, под № 1067 «Дело об учреждении надзора над раскольниками Витебской, Виленской и Ковенской губерний», 1849–1850 годы, лист 3, лицевая и оборотная стороны (LNA LVVA, 1. f., 10. ap., 1067. 1., 3. lp.-3. lp. o. p.), к нему дополнительный лист со служебной пометой об удостоверении подлинности (LNA LVVA, 1. f., 10. ap., 1067. 1., 4. lp.-4. lp. o. p.)

К описанию документа привлекаются другие документы, хранящиеся не только в LNA LVVA, но и в Национальном архиве Беларуси – НИАБ и Историческом архиве Национального архива Эстонии – ЕАА.

Данный документ был лично вручен, как об этом свидетельствует служебная помета № 1, рижским епископом Платоном, который возглавлял Рижскую епархию с 1848 по 1867 гг., возможно, самому генерал-губернатору Прибалтийского края Александру Аркадьевичу Суворову (находился в должности с 1847 по 1861 гг) в качестве подтверждения неисполнения раскольниками Витебской губернии, к которой относился город Динабург (ныне город Даугавпилс Латвийской Республики), царских указов и правительственных распоряжений.

Судя по служебным пометам, документ был рассмотрен в Совещательном комитете. О существовании такого комитета в г. Риге упоминают И. Нильский [6, с.149], а затем и И.Н. Заволоко [2, с.17–18]. Деятельность Рижского Секретного совещательного комитета по делам о расколе была исследована эстонским историком Татьяной Шор [9, с. 325–339]. Комитет был создан в Риге секретным Высочайшим повелением 25 октября 1847 года. В 1849 году в состав Совещательного комитета входили военно-административное и духовное начальство Прибалтийского края, а также руководители полицейского и гражданского ведомств: генерал-адъютант князь Итальянский граф А.А. Суворов-Рымникский, епископ Рижский Платон, председатель казенной палаты действительный статский советник И.Гессе, корпуса жандармов подполковник А. фон Гильдебрандт. Таким образом, духовное, военное и гражданское руководство принимали решения в отношении раскольников совместно. Все неоконченные судебные дела о раскольниках должны были быть предварительно рассмотрены на заседании секретного Совещательного комитета. Журналы, доклады и определения секретного Совещательного комитета в Риге о раскольниках хранятся в Историческом архиве Национального архива Эстонии [9, с.

¹ Статья подготовлена в рамках государственной программы исследований ЛР «Наследие и вызовы будущего для укрепления Латвийского государства», проект № VPP-IZM-2018/1-0018.

338–339]. Некоторые документы Совещательного комитета, в частности, представленное Свидетельство о браке староверов, находятся в общем отделе канцелярии генерал-губернатора. В Описи докладам Секретному комитету и постановления оно же в 1849 году под № 32 значится «О наблюдении за староверами сопредельных губерний» [9, с. 315]

Документ публикуется с учетом современных правил орфографии и синтаксиса, но с сохранением стиля. Текст документа печатается курсивом, комментарии автора обычным шрифтом.

Свидетельство о браке Абрама Васильевича Мухина и Катерины Ивановны Трубицыной

22 февраля 1834 г. Динабург
№ 9¹

Дано сие от динабургской старообрядческой часовни рижскому мещанину Абраму Васильеву Мухину в том, что он, Мухин, с благословения обеих сторон родителей при ниже подписавшихся свидетелях с динабургской третьей гильдии купеческой дочерью девицей Катериной Ивановою Трубицыной² по сих церковных правил и по указу его императорского величества² из правительствующего Сената от 4 января 1829 года в динабургской старообрядческой часовне принял³ законное супружество³ и по указу его императорского величества, последовавшего из Витебского губернского правления в 1829-ом году марта 16 дня за № 14118, в брачную книгу, данную от динабургской городской полиции за инуром и печатью оной под № 8-м⁴ записан, в чем и дано сие за подписанием наставника и приложением сей часовни печати, г[ород] Динабург, февраля 22 дня 1834-го года.

⁵Наставник Артамон Анкудинов⁵

При бракосочетании свидетелем был динабургский купеческий сын Федор Бас [...] ⁶. ||

При бракосочетании свидетелями были динабургский купец ⁷ Григорий [...] ⁷, динабургский купец ⁸ Тимофей Суттугов⁸, ⁹ динабургский купеческий сын Данила Тихомиров⁹.

¹⁰Динабургский купец Никита Дешков¹⁰, ¹¹динабургский 3й гильдии купец Андрей Девятников¹¹.

¹²При браке сочетании свидетелем был и, по просьбе мещанина Абрама¹³ Васильева Мухина, подписуюсь инженерного корпуса арестантских рот поручик Буван.¹²

¹⁴При бракосочетании был свидетелем инженерного корпуса № 18 арестантской роты прапорщик Петров¹⁴.

¹ На левом поле на лицевой стороне проставлен номер: «№ 9»; очевидно, номер регистрационной записи в книге, появившийся на момент составления документа.

²⁻² Подчеркнуто, скорее всего при рассмотрении документа епископом или в Совещательном комитете.

³⁻³ Подчеркнуто, скорее всего при рассмотрении документа епископом или в Совещательном комитете.

⁴ Цифра 8 исправлена, возможно, из 9.

⁵⁻⁵ Другим почерком, очевидно, наставника Артамона Анкудинова

⁶ Неразборчиво. Возможно: Басов.

⁷⁻⁷ Другим почерком. Неразборчиво. Возможно: Минаров. Упомянут в списке раскольников г. Динабурга 1847 года [5, 1430 ф., 1 оп., 14822 д., 78 л.]

⁸⁻⁸ Другим почерком, очевидно, свидетеля Тимофея Суттугова

⁹⁻⁹ Другим почерком, очевидно, свидетеля Данилы Тихомирова

¹⁰⁻¹⁰ Другим почерком, очевидно, свидетеля Никиты Дешкова

¹¹⁻¹¹ Другим почерком, очевидно, свидетеля Андрея Девятникова

¹²⁻¹² Другим почерком, очевидно, свидетеля Бувана.

¹³ Вписано над строкой.

¹⁴⁻¹⁴ Другим почерком, очевидно, свидетеля Петрова

¹⁵ Вписано между словами, неразборчиво, возможно, в книге.

¹⁶ Цифра 6 исправлена, возможно, из 3 или 8.

¹⁷⁻¹⁷ Другим почерком, очевидно, городничего А. Заичевского

¹⁸ Возможно, венчальная

[4, f., 10. ар., 1067. л., 3. лр.-3. лр. о. р.]

Свидетельство написано на гербовой бумаге достоинством три рубля. Свидетельство скреплено печатью динабургской старообрядческой часовни; на печати реалистическое изображение здания часовни, лодки и легенда «Динабургская старообрядческая часовня». Текст свидетельства перечеркнут крест на крест на лицевой и оборотной стороне. Возможно, это было сделано при рассмотрении документа в Совещательном комитете, о чем свидетельствует помета № 1. Оригинальный заголовок документа завершает восклицательный знак: «Свидетельство!». Возможно, этот знак появился позднее, при рассмотрении документа епископом или в Совещательном комитете.

Служебные пометы:

1. Помета в 6 строк на лицевой стороне в верхней части листа, частично перекрывая заголовок документа: «Свидетельство сие передано лично епископом рижским; и так как оно составлено еще в 1834 году, то оставлено Совещательным комитетом без рассмотрения. 15 ноября 1849. Чинов[ник] особ[ых] поруч[ений] В. Васил[ьев].»

2. Помета в 5 строк на оборотной стороне документа в нижней части листа после перечисления свидетелей бракосочетания: «Что означенное свидетельство действительно, собственною рукою наставника Артамона Анкудинова подписано, так равно и свидетелями, в том удостоверяю динабургский квартальный надзиратель Якубанов.»

[4, 1. f., 10. ар., 1067. л., 4. лр.- 4. лр. о. р.]

3. Помета в 8 строк на отдельном листе на его лицевой стороне в верхней части: «Оное свидетельство Динабургской городской полицией явлено и в [...]¹⁵ под № 2640¹⁶ записано, а что оное действительно, собственною рукою наставника¹⁶ Артамона Анкудинова и прочими подписано, в том городская полиция с приложением казенной печати удостоверяет июля 2 дня 1834-го года.

¹⁷Городничий А Заичевский¹⁷»

Помета скреплена печатью динабургской городской полиции; на печати изображение российского герба - двуглавого орла и легенда «Динабургской городской полиции». Текст пометы перечеркнут крест на крест. Возможно, это было сделано при рассмотрении документа епископом или в Совещательном комитете.

4. Помета на оборотной стороне листа в нижней его части: «венчальная¹⁸ бумага». Скорее всего, помета сделана рукой хозяина, Мухина Абрама Васильева.

5. Дополнительный лист имеет следы сгиба бумаги на 8 частей, сгибы потертые, местами с дырами на бумаге. Возможно, причиной таких потертостей явилось долговременное хранение документа, возможно, в кармане верхней одежды.

Староверы-беспоповцы федосеевского толка, не принявшие реформ русской православной церкви 1654–1666 гг., считали, что грядет конец света, что наступили «последние времена», когда каждому православному христианину надо готовиться к Страшному Суду, поэтому добровольно приняли практически монашеский устав повседневной жизни, не признающий брак. Но жизнь есть жизнь, по благословию родителей молодые люди все-таки создавали семьи, в них рождались дети. Российское государство эти браки не признавало, ибо не были они заключены в официальной церкви, дети считались незаконнорожденными со всеми вытекающими из этого последствиями. Но в 1823 году наставник Дегуцкой общины (Ковенская губерния, ныне Республика Литва) Артамон Анкудинов, посоветовавшись с ближайшими сподвижниками, стремясь к признанию гражданской властью беспоповских браков, получил от земского исправника официально оформленные и зарегистрированные Метрические книги и начал выдавать староверам Свидетельства о крещении и о браке [8, с.197]. Наставники других моленных не только на территории Прибалтики, но и в других местах России настороженно отнеслись к такому нововведению. В 1832 году на территории Динабургского уезда (Витебская губерния, ныне Даугавпилсский край Латвийской республики), в Варково собрался Варковский собор, на котором 33 федосеевских наставника почти неделю «разглагольствовали» – дискутировали по вопросу о возможности заключения брака беспоповцами и при-

шли к мнению о целесообразности такого шага. Первая Варковская Статья «О супружестве» установила порядок заключения бессвященнословного брака у старообрядцев-беспоповцев, внесла соответствующие изменения в Чин венчания. [8, с. 206–227]

Представленный документ был выдан в 1834 году, 22 февраля, в Динабургской старообрядческой часовне и подписан тем же наставником, Артамоном Анкудиновым. Документ составлен на гербовой бумаге, его текст свидетельствует о занесении записи о заключении брака «*в брачную книгу, данную от динабургской городской полиции за инуром*», т.е. в Витебской губернии, как и в Ковенской, должностные лица предоставили староверам зашнурованную, т.е. прошитую Метрическую книгу. Подлинность выданного Свидетельства заверена подписью квартального, а затем и городничего с приложением гербовой печати – совершенно официальный документ Российского государства. (Староверам же города Риги еще в 1828 году было отказано «о считании законными браков, которые будут совершаемы их наставниками»). [7, с. 119]

Официальная машина медленно, но переваривает случившийся поворот в жизни старообрядцев, и в том же 1834 году Динабургский городничий изымает у наставника Динабургской часовни печать часовни и предупреждает его о запрещении выдавать какие-либо Свидетельства [5, ф. 1430, оп. 1, д. 5090, л. 9]. А в 1836 году издается по этому поводу Высочайшее повеление [1, с. 11–12].

Таким образом, представленное Свидетельство о заключении брака староверов было легальным, оно было выдано до официальных запретов, в 1823–1836 гг. было легальным.

Служебные пометы на документе свидетельствуют о представлении его в 1849 году на рассмотрение Рижским секретным совещательным комитетом по делам раскольников, куда его лично доставил епископ Рижский. Подчеркивания в Документе, вероятно, были сделаны его же рукой, и отражают его недоумение и абсолютное неприятие права раскольников на признание гражданским обществом заключенных старообрядцами браков: по его мнению раскольники не имеют права на свидетельствование. Церковные правила может иметь только официальная русская православная церковь, которую раскольники не признают. И Высочайший указ, на который ссылались старообрядцы как на разрешающий им акты бракосочетания, относился к христианам вообще, раскольники в нем не были поименованы, словно и не христиане вовсе.

Так как документ был составлен в 1834 году, до официального запрета, поэтому оставлен Совещательным комитетом «без последствий», чего нельзя сказать о многих других подобных документах, выданных старообрядческими наставниками, которые были за это наказаны от заключения под стражу до принудительной отправки в монастыри.

Таким образом, представленный документ 1834 года – Свидетельство о заключении брака староверов – является одним из немногих подобных документов. Этот документ свидетельствует о начале перехода старообрядцев-федосеевцев от безбрачия на позиции брачных поморцев. Документ интересен еще и тем, что оттиск печати Динабургской старообрядческой часовни дает нам представление о внешнем облике часовни, стоявшей на острове на озере, других изображений пока не обнаружено.

1. Багиров, В. А. Правовое положение старообрядцев в эпоху Николая I / В. А. Багиров // Заволокинские чтения: сб. 2 / отв. ред. А. Подмазов. – Рига, 2010.
2. Заволоко, И. Н. Старообрядцы города Рига / И. Н. Заволоко. – Рига : Издание Рижского кружка ревнителей старины при обществе «Гребеншиковское училище», 1933. – С.17–18.
3. Исторический архив Национального архива Эстонии (ЕАА).
4. Латвийский государственный исторический архив Латвийского национального архива (LNA LVVA).
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ).
6. Нильский, И. Семейная жизнь в русском расколе: Исторический очерк раскольнического учения о браке. – Вып. 2. – СПб., 1869. – С.149.
7. Фейгмане, Т. Д. История староверов Риги в документах Латвийского государственного исторического архива / Т. Д. Фейгмане // Рижский старообрядческий сборник / сост. И. И.Иванов, научн. ред. А. В.Гаврилини. – Вып.1. – Рига : Старообрядческое общество Латвии, 2011.
8. Хронограф Литовский, сиречь Летописец степенный древлеправославного христианства / редактор-составитель Н. Морозова. – Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2011
9. Шор, Т. Рижский секретный совещательный комитет по делам о расколе / Т. Шор // Международные Заволокинские чтения: сб. 4 / отв. ред. О. Ровнова. – Рига, 2016.

ПОМЕЩИКИ ЦЫБУЛЬСКИЕ: ПРАВЫ ОДНОЙ ШЛЯХЕТСКОЙ СЕМЬИ

В статье на основании дела «О блудной и расточительной жизни помещиков Цыбульских» из фонда 2512 (фонд содержит документы Витебского губернского дворянского собрания) рассматриваются события из жизни помещиков Витебской губернии Цыбульских. Дело было заведено в 1854 г. Последние свидетельства в деле относятся к 1859 г. Содержание многостраничного документа (79 листов) интересно тем, что раскрывает подробности быта, уровень образования, нравственности трех поколений шляхетской семьи Цыбульских на протяжении длительного периода. События, описанные в деле, охватывают период с 1838 г. по 1859 г.

В конце XVIII в. на дворянство Беларуси было распространено принятое в России со времён Петра I деление на потомственное и личное. Согласно Жалованной грамоте 1785 г. потомственное дворянство делилось на шесть разрядов: 1) жалованное; 2) военное; 3) полученное за выслугу чина на гражданской службе, или в результате награждения российским орденом; 4) иностранные роды; 5) титулованное; 6) древние благородные роды [1, с. 161–163]. Мы проанализировали распределение по разрядам 537 родов Витебской губернии за 1847–1855 гг. Выяснилось, что к первому разряду относились 21,6 % местных дворян, ко второму – 4%, к третьему – 6,1%, к шестому – 67,5%. Представители иностранных родов не были обнаружены, титулованное дворянство составляло менее 1 % от общей массы сословия в губернии [2]. Таким образом, абсолютное большинство (около 90 %) витебского дворянства принадлежали к высшему сословию по происхождению, а не в результате продвижения по карьерной лестнице.

К такому большинству принадлежала семья помещиков Цыбульских. В 1854 г. Казимир Цыбульский официально обратился к генерал-губернатору Витебской, Могилевской и Смоленской губерний П.Н. Игнатьеву. Он жаловался, что витебский мещанин Мартин Микулин, бывая в принадлежащей его имени Смоляки деревне Высокой распускал слухи о поражении русских войск в Крыму. Уверял крестьян, что неприятель «скоро придет в наш край для освобождения крестьян от помещичьей власти» [3, л. 30]. Такое поведение Микулина стало причиной того, что крестьяне Цыбульского вышли из повиновения, отказывались подчиняться распоряжениям помещика.

Генерал-губернатор П.Н. Игнатьев поручил разобраться со столь тревожными известиями чиновнику по особым поручениям штабс-капитану Апухтину. Последний выяснил:

1) имение Смоляки и 21 чел. крестьян в нём ранее принадлежали Варваре Ольшанской (бабушке Казимира Цыбульского), которая передала его в собственность внукам;

2) в связи со смертью отца малолетних Цыбульских над имением в 1838 г. была назначена опека. По достижению Казимиром совершеннолетия опека в 1848 г. была снята и оставлена только на части имения младшей сестры;

3) опекун управлением имением не занимался; 12-летняя Цыбульская, «не знает азбуки, ходит полунагая» [3, л. 30об.];

4) распоряжается имением Казимир Цыбульский по советам поселившегося у них дворянина Сипайло;

5) при жизни отца Цыбульских имение было в хорошем состоянии. Но под управлением сына ситуация изменилась. В 1854 г. по имению числилось: недоимок податей и повинностей 922 руб., ссуды на 891 руб, а всего долгов на 1811 руб 55 коп серебром. Семейство находилось «в величайшей нищете, так что не имеют ни обуви, ни платья и спят на соломе, а на днях последняя штука холста была отдана в корчму под залог на вино и табак» [3, л. 31];

6) в имении живет дворянка Есипович, имеющая ребенка от Цыбульского, и дворянин Сипайло, 50 лет, бросивший жену и детей и имеющий незаконную связь с сестрой Цыбульского;

7) 23-летний Казимир Цыбульский нигде не служил и ничему не учился, несмотря на все старания его родственников. Старшие сестры были определены в пансион, откуда они сбежали. По утверждению Апухтина, «разврат и бедствия дошли до такой степени, что все они пьют вино, так что крестьяне стыдятся сознавать их господами» [3, л. 31 об.]. Никакой отчетности о службе крестьян в имении не велось [3, л. 32];

7) Казимир Цыбульский по советам Сипайло изыскивает возможные средства, чтобы завладеть собственностью крестьян. В частности, крестьянин Борис Евдокимов (73 лет), четыре года тому назад, был взят из зажиточного крестьянского двора для работ в господском доме, а вместе с ним скот (корова, два теленка и 2 овцы). Телят и овец Цыбульские съели, корову кто-то украл, за что помещики отняли последнюю корову у Емельяна Трофимова (в ту ночь он был сторожем). Старик Борис Евдокимов был отправлен домой с пустыми руками. Кроме того, у крестьянина Емельяна Трофимова, не имевшего лошади, Цыбульские забрали запас сена на 15 руб серебром, пообещав купить ему лошадь. Но на протяжении двух лет обещание не выполнили;

8) мещанин Микулин никаких слухов не распускал. Недовольство крестьян было вызвано тем, что весной 1854 г. Цыбульский собрал их и предложил им присягнуть, что они имеют нужду в продовольствии. Крестьяне ему отказали, так как под этим предлогом он уже получал ссуду, но им ничего не дал. А между тем, в Витебской губернской комиссии народного продовольствия обнаружилось «клятвенное обещание» трех крестьян Емельяна Трофимова, Николая Федорова и Никиты Евдокимова о необходимости ссуды. Николай и Емельян заявили Апухтину, что не присягали, а Никита давно находится в бегах. Присяга за крестьян подписана дворянином Толвинским и засвидетельствована священником Ранчевским. Цыбульский получил в качестве ссуды 18 четвертей ржи, в имение привез не более 9 четвертей. Крестьянам роздал одну четверть [3, л. 33];

9) ещё в 1852 г. крестьяне жаловались, что Цыбульский получил ссуду на семена, а им ничего не дал, отбирал у них скот, сено, делал дополнительные поборы. По распоряжению гражданского губернатора местный земский исправник (родной брат Ольшевской и дед Цыбульских) провел расследование и уведомил, что крестьяне Цыбульских «по малолетству владельца разбаловались, привыкли к пьянству, истребляют лес для продажи дров в Витебске» [3, л. 32]. После такого доклада никаких мер по отношению к Казимиру Цыбульскому не последовало [3, л. 32об].

На основании доклада Апухтина генерал-губернатор П.Н. Игнатьев в июле 1854 г. поручил младшему чиновнику для особых поручений при Витебском гражданском губернаторе Антушеву открыто произвести формальное расследование. Антушев допросил всех участников событий. Они дали противоречивые показания. Собственную проверку по данному делу позднее провело и Витебское дворянское депутатское собрание.

1. К. Цыбульский утверждал, что имение было разорено арендаторами, а он пытается привести его в порядок с помощью дворянина Сипайло. Подтвердил, что брал ссуду, причем полученным зерном засеял все яровые поля, исключая неудобицы. У Емельяна Трофимова действительно забрал 50 пудов сена и корову за то, что крестьянин выкашивал господские луга, не выполнял в полном объеме барщину, а во время его ночного дежурства была украдена корова. Лошадь Трофимову была давно куплена и отдана. У крестьянина Бориса Астафьева действительно отобрали все имущество «за воровство и дурные поступки» [3, л. 33].

2. До помещиков Янушковского и Бартушевича слухи о «блудной жизни» в соседском имении доходили. Но подтвердить что-либо они отказались, так как «в Смоляках не бывают» [3, л. 35].

3. Опекун Сабины Цыбульской губернский секретарь Краснодембский 1854 г. уведомил, что он состоял опекуном всего лишь 14-й части имения Смоляки, доходов с которой в пользу своей подопечной не получал. В 1853 г. он передал 35 рублей на одежду для Сабины её матери и брату из собственных средств, о чем имеет расписку. Почему ребенок ходит без одежды, ему не известно. Кроме того, Краснодембский предлагал отдать девочку в приют в г. Витебске. Но её мать и бабушка обиделись на это предложение, сказали, что обучать её будут сестры, получившие хорошее воспитание [3, л. 63].

4. Крестьяне имения Смоляки показали, что они (кроме 80 летнего Бориса Астафьева) барщину выполняли исправно, что дворянин Сипайло научил владельца имения незаконно отбирать у них имущество [3, л. 35].

5. Цыбульский был уличен «в прижитии с Уршулей Есипович ребенка», на воспитание которого Варвара Ольшанская и Елизавета Цыбульская обязались выплачивать по 5 рублей серебром ежемесячно [3, л. 35об.].

1 мая 1856 г. уездный суд постановил:

- 1) мещанина Микулина к ответственности не привлекать;
- 2) крестьян от ответственности освободить;
- 3) Казимира Цыбульского, сестру его Леокадию и дворянку Уршулю Есипович за блудную жизнь подвергнуть церковному покаянию. Дворянина Сипайло оставить в подозрении в прелюбодеянии.

6. 4 июня 1856 г. губернская палата уголовного суд представила окончательное решение по этому делу на рассмотрение гражданского губернатора Г.Д. Колокольцева. Члены палаты просили сделать распоряжение о взятии имения в опеку «по случаю развратной и беспутной жизни владельцев» [3, л. 36].

7. На основании 364 ст. XIV тома Устава о предупреждении и пресечении преступлений губернатор Колокольцев 9 августа 1858 г. направил материалы дела в Витебское губернское дворянское депутатское собрание [3, л. 36об.].

8. Несмотря на то, что собрание занималось этим делом до февраля 1859 г., его члены так и не смогли установить, кому принадлежало имение Смоляки. Ольшанская утверждала, что является его собственницей, а бумаги в пользу внуков её зятем были оформлены незаконно.

9. Членам собрания не удалось также установить принадлежность к дворянскому сословию ни Сипайло, ни Цыбульских [3, л. 62–63].

10. Зато собрание выяснило, что после смерти тетки малолетние Цыбульские получили 1500 рублей деньгами и вещей на 500 рублей серебром. Когда и на какие цели эти средства были потрачены осталось неизвестным [3, л. 53].

11. Варвара Ольшанская засвидетельствовала, что Сипайло был приглашен в дом по её инициативе. Она хотела, чтобы он привел имение в порядок, а внук занялся службой [3, л. 57].

12. Леокадия Цыбульская заявила, что она беременна от молодого человека ей незнакомого, с которым встретила в лесу, и «за грех свой ответит перед Богом», а претензий ни к кому не имеет [3, с. 58]. Правда, по показаниям крестьян Сипайло и Леокадия Цыбульская, Казимир и Уршуля Есипович спали всегда вместе [3, л. 60]. В ответ Леокадия возразила, что крестьяне оговаривают Сипайло за то, что он прекратил воровство хозяйского добра в имении. Сам Казимир Цыбульский в качестве возможного отца указал на помещика Бирулю и заявил, что рожденного ребенка своим не признает, так он появился на свет через пять месяцев после его знакомства с Уршулей [3, л. 61об.]. Точку в споре поставил Сипайло, подтвердив, что именно Цыбульский лишил девицу невинности, а его мать и бабушка обязались выплачивать на содержание дочери Казимира по 5 рублей [3, л. 62].

13. В результате Витебское губернское дворянское депутатское собрание пришло к выводу, что имение Смоляки нельзя отдать под опеку, т.к. ни Цыбульские, ни Ольшанская в жестоком обращении с крестьянами не были замечены [37]. Члены собрания рекомендовали Цыбульскому возратить крестьянам Борису Евдокимову и Емельяну Трофимову их имущество [3, л. 38].

14. Иначе говоря, гора родила мышь. За грабеж крестьян, прелюбодеяния, подделку документов, разворовывание казенной ссуды, наконец, появление незаконнорожденных детей никто не понес наказания. Потому что представителей дворянского сословия судили представители дворянского сословия на основании законов, написанных представителями того же сословия. Так был устроен судебный механизм Российской империи. В этой истории есть «маленький» нюанс, характерный для белорусских губерний. Ни Сипайло, ни Цыбульские, ни Есипович свою принадлежность к дворянству не доказали, а правами сословия пользовались в полной мере. Но этот вопрос достоин отдельного рассмотрения.

1. Дворянская империя XVIII в. (главные законодательные акты): сборник документов / сост. М. Т. Белявский. – М.: Издательство Московского университета, 1960. – 224 с.
2. Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ). – Фонд 2512 (Канцелярия Витебского дворянского депутатского собрания). Оп. 1. Д. 372.
3. НИАБ. – Фонд 2512. Оп. 1 Д. 436.

Даўгач Т.В.

ІНФАРМАЦЫЙНЫ ПАТЭНЦЫЯЛ КРЫНІЦ ПА ГІСТОРЫІ СІСТЭМЫ КІРАВАННЯ ВЁСКАЙ БЕЛАРУСКА-ЛІТОЎСКІХ ГУБЕРНЯЎ ПАСЛЯ АГРАРНАЙ РЭФОРМЫ 1861 Г.

Адмена прыгоннага права стала важнай падзеяй у развіцці капіталістычных адносін у беларуска-літоўскіх губернях. Аграрная рэформа пацягнула за сабой карэнныя змены ва ўсіх сферах грамадскага і эканамічнага жыцця. Паколькі рэформа 1861 г. стала першай з шэрагу буржуазных пераўтварэнняў XIX ст. у Расійскай імперыі, менавіта яна пацягнула за сабой найбольш глабальныя наступствы, якія ўвасобіліся ў стварэнні прынцыпова новай сістэмы кіравання вёскай, якая была прадстаўлена як органамі сялянскага самакіравання – сялянскай грамадой і валасным праўленнем на чале з валасным старшынёй, так і мясцовай адміністрацыяй на ўзроўні павета і губерніі – павятовымі з’ездамі міравых пасрэднікаў (замененымі у 1878 г. у Віцебскай, Мінскай і Магілёўскай губернях павятовымі па сялянскіх справах прысутнасцямі) і губернскімі па сялянскіх справах прысутнасцямі, якія па ўказу Аляксандра III ад 12 ліпеня 1889 г. «О преобразовании местных крестьянских учреждений и судебной части в Империи» у пачатку XX ст. былі пераўтвораны ў губернскія прысутнасці [1, с. 104–107].

Спецыфіка прадмета даследавання прадугледжвае выкарыстанне толькі пісьмовых крыніц, сярод якіх варта вылучыць некалькі груп:

- а) заканадаўчыя дакументы;
- б) матэрыялы справаводства;
- в) актавыя матэрыялы;
- г) эга-дакументы;
- д) публіцыстыка.

Да групы *заканадаўчых дакументаў* адносяцца маніфесты, палажэнні, указы, рэскрыпты, інструкцыі і ўласна законы. Найважнейшымі крыніцамі, ў якіх сканцэнтраваны звесткі аб механізме фарміравання новай сістэмы кіравання вёскай і паўнамоцтвах чынавенства, з’яўляюцца «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» [10] і «Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждений» [12]. Спецыфічныя паўнамоцтвы сельскай адміністрацыі беларуска-літоўскіх губерняў акрэслены таксама ў мясцовых Палажэннях. Гэта «Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях: великороссийских, новороссийских и белорусских» і «Местном положении о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях, в губерниях: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской» [4; 5]. Дакументы гэтай групы даюць уяўленне аб працэсе фарміравання новай сістэмы кіравання вёскай, функцыях і паўнамоцтвах яе структурных элементаў, заканадаўчай палітыцы ўрада адносна аграрнага пытання.

Механізм практычнай рэалізацыі заканадаўства на месцах найбольш поўна прасочваецца праз аналіз дакументальных калекцый мясцовых архіваў. Выяўленыя ў іх дакументы склалі самую масавую групу даследаваных тэматычных крыніц – *матэрыялаў справаводства*. Матэрыялы дадзенай групы розняцца як па форме, так і па зместу, што надае магчымасць вылучыць сярод іх некалькі падгруп: 1) арганізацыйна-распарадчая дакументацыя; 2) справаздачная дакументацыя; 3) дзелавая перапіска; 4) пратаколы і журналы пасяджэнняў устаноў па сялянскіх справах.

Да падгрупы *арганізацыйна-распарадчай дакументацыі* адносяцца цыркуляры, распараджэнні, прадпісанні, аб’явы, даручэнні і інструкцыі ўзроўню Міністэрства ўнутраных спраў, генерал-губернатарства, губернскага і павятовага кіраўніцтва. Крыніцы гэтай падгрупы робяць відавочнымі адрозненні ў функцыянаванні органаў кіравання вёскай беларуска-літоўскіх губерняў ад такіх жа устаноў у іншых рэгіёнах Расійскай імперыі, а таксама даюць магчымасць высветліць, як “укладвалася” агульнаімперскае заканадаўства на глебу мясцовых сацыяльна-эканамічных асаблівасцей. Дадзеныя дакументы таксама дазваляюць вызначыць механізмы рэагавання органамі кіравання сялянамі на цяжкасці, якія ўзніклі ў ходзе рэалізацыі рэформы.

Справаздачныя дакументы змяшчаюць у сабе аналітычныя заключэнні справаздачнай асобы аб стане той ці іншай справы, а таксама статыстычна-ўліковыя звесткі ў выглядзе дадаткаў (спісаў і табліц). Аднымі з найбольш інфарматыўных крыніц па дадзенай праблематыцы

з'яўляюцца справаздачы міравых пасрэднікаў і паверачных камісій, штогадовыя справаздачы губернскіх па сялянскіх справах прысутнасцей міністру ўнутраных спраў [напр. 7, арк. 38–44]. Дакументы гэтай падгрупы ўтрымліваюць інфармацыю аб асабістым складзе ўстаноў па сялянскіх справах; дзейнасці валасных праўленняў; міравых пасрэднікаў; міравых павятовых з'ездаў, пераўтвораных пасля ў павятовых па сялянскіх справах прысутнасці, а таксама аб становішчы ў вёсцы ў цэлым. Яны дазваляюць прааналізаваць кадравы склад устаноў па сялянскіх справах, прасачыць яго змены ў ходзе і пасля паўстання 1863–1864 гг., а таксама зрабіць выснову аб якасных зменах функцыянавання вёскі, якія рушылі за дадзенымі пераўтварэннямі. Улічваючы перыядычны характар справаздач, іх аналіз дае магчымасць адлюстравать працэс і выніковасць дзейнасці мясцовых устаноў на пэўным этапе іх працы.

Дзелавая перапіска – асобная падгрупа дакументаў, да якой адносяцца паведамленні, афіцыйныя пісьмы, адносіны, рапарты, данясенні, запыты, прадстаўленні, прашэнні і скаргі адных устаноў на другія. Цікава сьць да дадзеных дакументаў абумоўлена магчымасцю на іх аснове прасачыць узаемаадносіны і сістэму парпарадкавання устаноў, а таксама выявіць сітуацыйныя віды дзейнасці, якія не былі рэгламентаваны заканадаўствам, але мусілі быць выкананымі. Падобным інфармацыйным патэнцыялам валодаюць *журналы і пратаколы пасяджэнняў мясцовых устаноў* [напр: 8]. Дадзеная падгрупа дакументаў утрымлівае ў сабе звесткі аб ходзе абмеркавання праблем на ўзроўні мясцовых улад, працэдуры прымання рашэнняў ва ўстановах па сялянскіх справах, а таму дазваляе выявіць і прааналізаваць цяжкасці, з якімі даводзілася сутыкацца “на месцах” у практычнай рэалізацыі аграрнага заканадаўства Расійскай імперыі на тэрыторыі Беларусі.

Дзейнасць па рэалізацыі сялянскай рэформы зафіксавана ў шматлікіх *актавых крыніцах* – устаўных граматах, выкупных актах. Менавіта дадзеныя дакументы вызначалі жыццё парэформеннай вёскі беларуска-літоўскіх губерняў. Устаўныя граматы фіксавалі канкрэтныя ўмовы выхада сялян з залежнасці, а таму кожная грамата ўтрымлівае інфармацыю аб зямельным складзе маёнтка, у якім яна была складзена (сенажаці, сядзібныя землі, якія знаходзяцца ў падворным і абшчынным карыстанні, выганы, нязручныя зямлі); пра насельніцтва, якое пражывала на землях маёнтка (паказвалася колькасць чалавек, якія пражывалі ў маёнтку, іх прыналежнасць да сацыяльных груп); інфармацыя аб сельскіх грамадах, селішчах і гаспадарых сялянскіх двароў. Дадзеныя дакументы дазваляюць прасачыць працэдуру размежавання памешчыцкіх і сялянскіх зямель, якія прызначаліся для выкупу. Выкупны акт адлюстроўваў фінансавы бок устаўной граматы і фіксаваў памеры выкупных сум. Да дадзеных актавых крыніц даваліся пратаколы міравых пасрэднікаў, прыгаворы сельскага сходу, скаргі сялян і пастановы губернскіх па сялянскіх справах прысутнасцей, што дае магчымасць на іх базе прасачыць усю працэдуру заключэння дамовы аб выкупе зямлі сялянамі. Акрамя гэтага, дакументы дадзенай падгрупы даюць уяўленне пра ўзаемаадносіны органаў кіравання вёскай з сялянамі, памешчыкамі, міравымі пасрэднікамі, сельскай адміністрацыяй.

На сучасным этапе развіцця гістарычнай навукі і пераасэнсавання ролі і месца чалавека ў гістарычным працэсе вялікую цікавасць прадстаўляюць *эга-дакументы*. Негледзячы на суб'ектыўны характар дадзенай групы крыніц, яны ўтрымліваюць унікальную інфармацыю па гісторыі штодзённасці, аб індывідуальнай памяці і поглядах на розныя сацыяльныя з'явы. Крытэрам, які вызначае аднясенне дакумента да гэтай групы крыніц, з'яўляецца наяўнасць так званай “Я-канструкцыі” – катэгорыі, якая дазваляе з той ці іншай ступенню верагоднасці даведацца аб светапоглядзе, успрыманні рэчаіснасці, жыццёвым досведзе і эмацыянальным стане асобы-стваральніка дакумента. У межах даследавання сацыяльна-эканамічнай праблематыкі гісторыі Беларусі ў азначаны перыяд да дадзенай групы былі аднесены мемуары, эпісталарыі, успаміны ўдзельнікаў падзей, скаргі і прашэнні.

Вялікую цікавасць прадстаўляюць успаміны тых міравых пасрэднікаў, якія былі дасланы ў беларуска-літоўскія губерні пасля паўстання 1863–1864 гг. з цэнтральных рэгіёнаў Расійскай імперыі [2; 11]. Дадзены від крыніц ўтрымлівае ў сабе ўражанні прадстаўнікоў чынавенства аб насельніцтве, сацыяльных, культурных і эканамічных асаблівасцях рэгіёну; рабоце мясцовых органаў улады, паверачных камісій [3, с. 37]. Дадзеныя ўспаміны з'яўляюцца ў большасці выпадкаў адлюстраваннем пэўнага светапогляду аўтара, грунтуюцца на яго ўласнай памяці і асабістым досведзе.

Значны пласт крыніц прадстаўляюць асабістыя прашэнні і скаргі насельніцтва на дзеянні мясцовай адміністрацыі [напр: 6, арк. 16, 27; 9, арк. 8–11]. Дадзеныя дакументы маюць вялікую каштоўнасць для даследавання прафблем функцыянавання ўстаноў па сялянскіх справах, бо менавіта яны павінны былі разглядаць скаргі і рэагаваць на іх. Дадзеныя дакументы дазваляюць уявіць асяродак жыцця і асноўныя патрэбы розных катэгорый насельніцтва. Скаргі праліваюць святло на ўзаемаадносіны паміж рознымі сааслоўнымі групамі; адлюстроўваюць успрыманне насельніцтвам дзеянняў мясцовай адміністрацыі ўсіх узроўняў – ад валасной да губернскай; даюць магчымасць прасачыць дынаміку зрухаў у юрыдычнай падкаванасці і ўспрымання ўласных грамадзянскіх і эканамічных правоў насельніцтвам. Скаргі нясуць адбітак светаўспрымання асобы, якая пісала скаргу, таму акрамя іншага, іх аналіз дае каштоўныя звесткі па гісторыі штодзённасці.

Пры даследаванні сацыяльна-эканамічных пытанняў развіцця беларуска-літоўскіх губерняў варта вылучыць **перыядычныя выданні**. Такое вылучэнне мае даволі ўмоўны характар, бо ў гэтай групе змяшчаюцца матэрыялы рознага зместу: ад заканадаўчых і справаздачных да публіцыстычных. Дадзеныя крыніцы ўтрымліваюць багаты матэрыял па рэгіянальнай гісторыі і адлюстроўваюць вынікі дзейнасці мясцовых па сялянскіх справах устаноў. Аднак частам дзейнасць устаноў па сялянскіх справах ацэньвалася ў залежнасці ад палітычных поглядаў і прыхільнасцей аўтараў артыкулаў у перыядычных выданнях. Аналіз публіцыстычных крыніц даў магчымасць зрабіць выснову пра ўспрыманне рэформы і новай сістэмы мясцовага кіравання сучаснікамі падзей.

Такім чынам, крыніцы дазваляюць прасачыць эвалюцыю змяненняў органаў мясцовай улады ў вёсцы, канструяваць іх дзейнасць і ўстанавіць характар узаемаадносін паміж усімі элементамі сістэмы кіравання вёскай, прасачыць стасункі з органамі сялянскага самакіравання, з удзельнікамі аграрных адносін – сялянамі і памешчыкамі, а таксама выявіць выніковыя дзейнасці ўстаноў па сялянскіх справах.

1. Долгач, Т. В. Деятельность Губернских по крестьянским делам присутствий по реализации крестьянской реформы (1861–1903 гг.) / Т. В. Долгач // Научные труды Республиканского института Высшей школы. Исторические и психологические науки: в 3 ч., ч. 1, вып. 18 / пред. редкол. В.А. Гайсенюк. – Минск : РИВШ, 2018. – С. 100–108.
2. Захарьин, И. Н. Воспоминания о службе в Белоруссии 1864–1870 (Из записок мирового посредника) / И. Н. Захарьин // Исторический вестник. – 1884. – № 3. – С. 538–565.
3. Луговцова, С. Л. Крестьянская реформа в Беларуси в воспоминаниях мировых посредников / С. Л. Луговцова // Крыніязнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук.зб. Вып. 7 / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2012. – С. 37–48.
4. Местное Положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях, в губерниях: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской // Крестьянская реформа в России. Сборник законодательных актов. – М. : Госюриздат, 1954. – С. 341–390.
5. Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях: Великороссийских, Новороссийских и Белорусских // Крестьянская реформа в России. Сборник законодательных актов. – М. : Госюриздат, 1954. – С. 179–242.
6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Ф. 242. Воп. 1. Спр. 1.
7. НГАБ. – Ф. 242. Воп. 1. Спр. 2.
8. НГАБ. – Ф. 242. Воп. 1. Спр. 67.
9. НГАБ. – Ф. 242. Воп. 1. Спр. 68.
10. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // Крестьянская реформа в России. Сборник законодательных актов. – М. : Госюриздат, 1954. – С. 37–80.
11. Песковский, М. На рубеже двух эпох / М. Песковский // Русская старина. – 1896. – № 3. – С. 511–533; № 4. – С. 57–78.
12. Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях // Крестьянская реформа в России. Сборник законодательных актов. – М. : Госюриздат, 1954. – С. 135–158.

Владимирова Н.А.
МАТЕРИАЛЫ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА ПОДАТНЫХ ИНСПЕКТОРОВ
СЕБЕЖСКОГО УЕЗДА ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ИСТОЧНИК
ПО ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ПОЛОЖЕНИЮ НАСЕЛЕНИЯ

Податные инспектора являлись представителями органа государственной власти. Исполняя свои непосредственные обязанности по сбору налога, они вели различную деловую переписку с органами власти и местного самоуправления. Эта деловая переписка является неотъемлемой частью их деятельности, позволяет понять принципы работы на местах и экономическое состояние населения. Поэтому важно разобраться, что представляет из себя делопроизводственная переписка податных инспекторов.

В Государственном архиве Псковской области имеется 642 фонд – Податный инспектор Себежского участка. В нем представлены 27 дел, охватывающих период с 1896 по 1917 годы. Хочется отметить, что дела за 1917 год являются уникальными для ГАПО касательно темы Податных инспекторов, так как это один из самых поздних документов, в котором отражена информация об этих чиновниках. Ряд дел фонда имеют плохой уровень сохранности и повреждены плесенью.

Делопроизводственная документация – это документы, возникшие в процессе практической деятельности любого учреждения, ведомства или организации. Они свидетельствуют о фактах, событиях, правах, обязательствах, компетенции, полномочиях и фиксируют их. Общее административное делопроизводство включает всю внутреннюю документацию, создаваемую в процессе управленческой деятельности: переписку, обработку документов (регистрация, исполнение, контроль исполнения), организацию хранения документов и их использование.

По месту составления выделяется внутренняя и внешняя документация: внутренняя – создается учреждением в процессе документирования всех сторон его деятельности; авторы внешней – другие учреждения и лица. По технике воспроизведения различают рукописные и механические документы. По срокам хранения различают документы, содержащие оперативную информацию, с длительным сроком хранения и постоянным сроком хранения.

Документы, находящиеся в Фонде № 642, являются документами длительного срока хранения, содержащие как внутреннюю, так и внешнюю документацию. Что касается технических особенностей, то чем ближе к 1917 году, тем больше попадаетея целиком механических документов. Однако, начиная с 1896 года на листах присутствуют заготовки, напечатанные на машинке.

При изучении делопроизводственной документации используется преимущественно источниковедческий анализ. Данный вид анализа включает в себя прочтение текста документа, его атрибуцию, разъяснение содержания. Важно знать организацию и деятельность государственных учреждений, состав чиновничества, его права и обязанности. В ходе анализа выясняется назначение документа, его внутренняя организация (формуляр), делопроизводственная функция, обстоятельства его подготовки, процесса движения (рассмотрения, утверждения, исполнения) и размещения среди других документов делопроизводства.

Необходимо изучение всего комплекса документов из разных архивных фондов с учетом соподчиненности учреждений. Следует иметь в виду обстоятельства бытования документов, цели, для которых они создавались, источник и характер представления содержащихся в них данных. Документация разных уровней позволяет исследовать механизмы власти (субординации и координирования действия, отчетности, контроля). Но всегда необходимо предпринимать дешифровку многочисленных штампов бюрократического языка [7, с. 258–262].

В фонде представлены различные формы делопроизводственной документации. Чаще всего встречается сопроводительная документация. Она присутствует во всех изученных документах фонда. Стоит отметить, что данная форма может быть полезна в одном случае – если потребуется изучить взаимодействие податных инспекторов. Документы превосходно отражают, от кого и к кому направлялась определенная информация. Однако конкретных данных по экономическому положению губернии они не дают.

В трех делах из четырех были обнаружены журналы заседания присутствий. Больше всего их в деле № 27 за 1917 год, однако по сравнению с другими журналами это просто перечень

налогоплательщиков, в данном случае квартирного налога, которые нарушили статью 24 положения о квартирном налоге (не вовремя поданное или поданное с ошибками заявление о доходе). Им полагается штраф в размере не выше пятидесяти рублей [6, л. 92–95]. Судя по журналу, налогоплательщики предоставили еще и не достоверную информацию. Всего в журнале представлено 47 домовладельцев.

Наравне с журналами заседаний стоит отметить и ведомости. Большинство дел в фонде имеют подзаголовки именно ведомости, например, дело 6 «Ведомость о недоимках в Юситовской волости». Ведомости так же включены и в список документов, находящихся в данном деле, в частности в дело № 27 «Сборник документов (ведомости, определения, переписка) о раскладке и взимании государственного квартирного налога».

Ведомости в данном случае имеют схожую с журналами структуру – список налогоплательщиков. Только в данном случае он является более подробным и ценным источником информации. Ведомость о недоимках Юситовской волости имеет вид таблицы, в которую занесены данные налогоплательщиков. Имена распределены по деревням. В таблицу включены такие данные, как число взрослых и малолетних, кто занимался отходными делами, количество земельных наделов, хлеба в амбарах, скота и домашней птицы. Далее идет сумма недоимок (казенные и мирские) и отметка старосты о продаже имущества за долги (перечисляются чаще всего лошади, жеребцы, коровы, телята, овцы и козы, свиньи, гуси, куры и утки) [3]. При изучении такого рода ведомостей можно наглядно представить экономическое состояние должников, а также самого бедного слоя в деревне.

Аналогичную роль играет особый вид делопроизводственной документации – переписка. Она представлена в небольшом количестве, но отражает информацию о имуществе крестьян. В частности, в деле № 1 [1, л. 7] отражено, что податному инспектору поступила информация от Витебской казенной палаты о том, что старший нотариус Витебского окружного суда уведомил палату о следующем: имение «Анутово» составляет по заявлению старосты 60 десятин, а по сведениям Витебской распорядительной комиссии – 414 десятины. И вопрос касательно конкретного имения разбирается еще в нескольких листах переписки.

Кроме того, обнаружено еще несколько тем в переписке между податными инспекторами и различными уровнями власти, а именно: описание наследства [4, л. 119], рапорты о состоянии земли в уездах, подвластных инспектору [2, л. 133], а также установление точных размеров наделов [2, л. 85].

Самыми информативными документами о сборе налогов являются таблицы окладных сборов. Они представлены лишь в деле № 27. Кроме того, обнаружены наряды генеральных проверок [5]. И если таблицы окладных сборов являются довольно распространенным источником для фондов ГАПО, то наряды генеральных проверок не встречаются нигде, за исключением изучаемого фонда. Имеющийся в нашем распоряжении документ представляет из себя проверку промышленных предприятий. На самых первых страницах отражены замечания казенной палаты к работе инспекторов, а также на какие моменты в их деятельность нужно обращать наибольшее внимание [5, л. 1–5]. Далее представлены таблицы по волостям Себежского уезда. В них перечислены существующие предприятия, их владелец, прибыль, оборот, местонахождение. Кроме того, указано, что волостным правлением был отправлен для казенной палаты волостной журнал проверок. Чаще всего подобные проверки проводил волостной староста. Всего по Себежскому уезду было проверено 255 предприятий. Хочется отметить тот факт, что в таблицах очень много исправлений, порой писали карандашом, ставили прочерки, а потом дополняли красной ручкой.

Исходя из вышеизложенного, хотелось бы отметить, что фонд № 642 является уникальным среди документов ГАПО. В нем присутствует такая информация, которая чрезвычайно редко встречается в других фондах или совсем отсутствует. Хочется отметить, что фонд содержит и другие документы, подавляющее большинство которых уже встречалось в других источниках. Кроме того, хотелось бы перечислить некоторые другие материалы делопроизводства, которые не несут почти никакой информации. В частности, это незаполненные бланки квитанции, причем в огромном количестве, в некоторых случаях выписки из различных инструкций. Но эти документы не могут быть полезны, так как чаще всего это ссылки на иные документы, которые находятся в архивах других городов России и иностранных государств.

1. Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). – Ф. 642. Податный инспектор Себежского участка. Оп. 1. Д. 1. (Сборник документов (сведений, акты, описи, переписки) о безвозмездном переходе имущества).
2. ГАПО. – Ф. 642. Податный инспектор Себежского участка. Оп. 1. Д. 4. (Переписка с Витебской казенной палатой, Распорядительным комитетом и др. об учете земельных участков, раскладке налогов и др. вопросам).
3. ГАПО. – Ф. 642. Податный инспектор Себежского участка. Оп. 1. Д. 6. (Ведомость о недоимках в Юситовской волости).
4. ГАПО. – Ф. 642. Податный инспектор Себежского участка. Оп. 1. Д. 15 (Сборник документов (циркуляры, сведения, списки, переписка) о взимании государственного налога с городских недвижимых имуществ по закону 6 июня 1910 года)
5. ГАПО. – Ф. 642. Податный инспектор Себежского участка. Оп. 1. Д. 17 (Наряд журналов генеральной проверки торговых и промышленных предприятий и личных промысловых занятий по волостям Себежского уезда).
6. ГАПО. – Ф. 642. Податный инспектор Себежского участка. Оп. 1. Д. 27. (Сборник документов (ведомости, определения, переписка) о раскладке и взимании государственного налога квартирного)
7. Источниковедение ; учебник для академического бакалавриата / Е. Д. Твердюкова [и др.]; под ред. А. В. Сиренова. – М. : Юрайт, 2015. – 396 с.

Шадрина А.В.

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИЕ ЛЕТОПИСИ ДОНСКОЙ И НОВОЧЕРКАССКОЙ ЕПАРХИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ¹

Выявление и введение в научный оборот такого источника второй половины XIX в. как церковно-приходские летописи представляется одной из актуальных проблем современного источниковедения. Это связано в первую очередь с недостаточным объемом выявленных региональных комплексов летописей, обладающих многоплановым информационным ресурсом, изучение которых сможет значительно расширить осмысление различных аспектов истории Русской православной церкви.

В историографии поставленной проблемы обращается внимание на историю, особенности структуры и содержания церковно-приходских летописей [12; 14; 26–27]; проблемы публикации [4], и анализ отдельных летописей. Среди аналитических статей следует отметить работы Е.А. Агеевой, в которых автор рассматривает летописи с точки зрения истории повседневности [2], как источник по истории приходской жизни [3] и истории старообрядческого раскола [1].

Предпосылкой к возрождению церковного летописания было движение за сохранение документального и культурного наследия, в том числе Русской церкви, инициированное в 1840-х гг. Русским географическим обществом [5]. Так, в рамках этого движения Св. Синод в 1850 г. издал указ о составлении епархиальными Преосвященными статистического описания их епархий для предполагаемого, но не осуществленного издания «полного и специального курса Истории Российской Церкви» [25, с. 76]. В 1864 г. епископ Варлаам (Денисов), будучи правящим епископом Оренбургской и Уральской епархии, сделал распоряжение, чтобы с 1865 г. «причты всех приходских и соборных церквей Оренбургской епархии вели церковные летописи со внесением в оныя после историко-статистических описаний церкви и прихода, всех замечательных местных событий» [15, с. 321]. Обоснованием этого распоряжения была задача «прояснения исторических судеб всей Церкви отечественной, а частью и русского народа» [15, с. 322]. Епископ Варлаам разработал структуру церковно-приходской летописи – первая часть, посвященная истории храма и прихода должна была писаться однократно, вторая – повременная – вестись ежегодно [6, л. 6–7 об.]. В 1866 г. Св. Синод, одобрив начинание епископа, предписал ввести церковно-приходское летописание во всех епархиях Русской церкви [19, с. 5]. Однако как часть обязательного церковно-приходского делопроизводства оно появилось повсеместно только во второй половине 1880-х гг.

В Донской и Новочеркасской епархии церковно-приходское летописание начало вводиться в 1867 г. [6, л. 3]. К концу 1868 г. летописи были начаты только в 10 церквях [6, л. 49], и лишь в 1882 г., как сообщалось в отчете «по обозрению церквей Донской епархии», они были «заведе-

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2019 г., № гр. проекта 01201354248.

ны» в большей части храмов [13, с. 49]. В начале 1880-х гг. церковно-приходские летописи как исторический источник, содержащий сведения о донской старине, вызвали интерес новочеркасских историков-краеведов: в 1883–1884-х гг. в «Донских епархиальных ведомостях» были опубликованы две летописи, подготовленные известным донским краеведом А. Крыловым [16; 20]. В 1902 г. этот источник имел намерение использовать для составления «Бытоописательного очерка Области войска Донского» действительный член Областного войска Донского Статистического комитета Ф. К. Траилин [7, л. 9–9 об., 21]. Его намерение не было осуществлено по причине отказа правительством Области войска Донского в разрешении проводить задуманное им исследование [7, л. 25].

Поскольку церковно-приходские летописи по указу Св. Синода были обязательным документом церковного делопроизводства, можно с большой долей вероятности предположить, что к 1920 г. в Донской и Новочеркасской епархии существовало более 800 летописей (скорее всего, они не велись в бесприходных церквях при учебных и медицинских учреждениях). Из предполагаемого значительного числа источников до настоящего времени сохранилось только 27 летописей. Архивистами Государственного архива Волгоградской области были выявлены 9 церковно-приходских летописей [20, с. 380] храмов части Донской и Новочеркасской епархии, в 1920 г. включенной в состав Царицынской губернии, ныне Волгоградской области [22, 464–465] и опубликованы 7 из них [24].

В Ростовской области сегодня выявлены и подготовлены к публикации 18 церковно-приходских летописей. Их информационный ресурс весьма многопланов. Помимо истории храмов – обязательной содержательной части каждой летописи, и в некоторых случаях истории клира, в них содержатся часто подробные и не встречающиеся в других опубликованных и неопубликованных источниках сведения об истории донских станиц [11, л. 224–235], о суевериях, обрядах и пороках их жителей [11, л. 237–240 об.; 10, л. 1–4 об.], о повседневной жизни прихода и духовенства [8, л. 1–41 об.]. В русле сотрудничества с Русским географическим обществом некоторые летописцы приводили подробные сведения о метеорологических наблюдениях и ежегодных изменениях урожайности [8, л. 1–41 об.]. Особенную ценность для современного исследователя представляют сведения о донских старообрядцах и их взаимоотношениях с православным населением [21, с. 27–56; 17], о развитии единоверия [11, л. 241–290], об истории хлыстовства в донском регионе [23] и о событиях Гражданской войны [8, л. 1–41 об.].

Основной проблемой изучения церковно-приходских летописей Донской и Новочеркасской епархии является их сохранность. Этот источник был массово уничтожен в начале 1920-х гг. в ходе изъятия церковных архивов с целью передачи в ЗАГСы метрических книг. В 2010-х гг. из 18 летописей в фондах Государственного архива Ростовской области было выявлено только 10 рукописных источников. 8 были опубликованы в дореволюционных периодических изданиях «Донские епархиальные ведомости» и «Донская церковная старина», благодаря деятельности педагогической корпорации Донской духовной семинарии и основанного в 1904 г. Епархиального церковно-исторического комитета. Публикация нередко обширных летописей, например, Архангельской церкви станицы Трех-Островянской [17] и храма во имя св. прпмц. Евдокии слободы Маньково-Березовской [23], а также избранных фрагментов из повременной части летописей, несомненно, восполнила утраченные подлинники.

В связи с сохранностью источников встает проблема определения их подлинности и копийности, которая относится к 10-ти рукописным летописям, сохранившимся благодаря подготовке к XII Археологическому съезду, проводившемуся в 1905 г. в Харькове. Как показало проведенное исследование, 9 из 10 летописей представляют собой копии подлинников, выполненные церковными причтами для Донского отделения Предварительного комитета по устройству съезда. Впоследствии эти копии были включены в состав фонда 697 Ростовский н/Д городской музей. Две копии летописей сохранились в составе фонда 55 Попов Харитон Иванович, по всей видимости, выполненные по просьбе этого собирателя донской старины. В фонде 226 Донская духовная консистория сохранилась одна копия летописи и единственный подлинник – летопись храма Владимирской иконы Божией Матери хутора Арпачинского Багаевской станицы [8, л. 1–41 об.], написанная в специальном формуляре, предназначенном для церковно-приходских летописей, и заверенная четырьмя священниками, постепенно сменявшими друг друга.

Для церковно-приходских летописей второй половины XIX в. не свойственна проблема авторства. Прежде всего, в соответствии с мыслью разработчика «программы» церковно-приходского летописания, документ должен вестись разными авторами, сменяющими друг друга на посту приходского священника. При этом священник должен был ежегодно подписывать дополненную повременную летопись перед проверкой благочинного [8, л. 1–41 об.]. Если по какой-либо причине документ не был подписан, имя его автора может быть определено при помощи клировых ведомостей. Иная ситуация характерна для опубликованных источников. Поскольку их готовил к публикации определенный священник или другой автор, например, краевед А. Крылов, их имя неизменно сопровождало публикацию либо как автора [23], либо как составителя [15; 16; 21].

Итак, церковно-приходские летописи Донской и Новочеркасской епархии – важнейший источник, содержащий исключительные сведения об истории Русской церкви на Дону. В отличие от других регионов, в Ростовской области из предполагаемого значительного массива сохранилось лишь 18 летописей, среди которых только один подлинник. Однако это не только не обесценивает информационный ресурс данного вида источников, но, напротив, подчеркивает важность выявленных летописей, требующих особенно пристального изучения.

1. Агеева, Е. А. Приходская жизнь и история староверия по церковным летописям второй половины XIX в. / Е. А. Агеева // Уральский сборник. История. Культура. Религия. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1999. – Вып. III. – С. 3–16.
2. Агеева, Е. А. Церковная жизнь и повседневный быт русского села по приходским летописям XIX – начала XX века / Е. А. Агеева // Исторический вестник. – 2000. – № 7–8. – С. 166–195.
3. Агеева, Е. А. Церковные летописи – важнейший источник для изучения приходской жизни XIX – начала XX веков [Электронный ресурс]. / Е. А. Агеева. – Режим доступа: <http://rusk.ru/st.php?idar=302311>. – Дата доступа: 6.03.2015.
4. Акиньшин, А. Н. Церковные летописи Воронежской епархии: опыт издания и комментирования / А. Н. Акиньшин // Православие и культура этноса. – М., 2000. – С. 33–35.
5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Ф. 226. Оп. 2. Д. 3552.
6. ГАРО. – Ф. 226. Оп. 2. Д. 5674.
7. ГАРО. – Ф. 226. Оп. 3. Д. 10577.
8. ГАРО. – Ф. 226. Оп. 3. Д. 12819. Л. 1–41 об.
9. ГАРО. – Ф. 55. Оп. 1. Д. 1450. Л. 46–60.
10. ГАРО. – Ф. 55. Оп. 1. Д. 237. Л. 1–4 об.
11. ГАРО. – Ф. 697. Оп. 2. Д. 77 а. Л. 224–235.
12. Добренький, С. И. Церковно-приходские летописи как исторический источник (середина XIX – начало XX в.). Дисс. ... кандидата исторических наук / С. И. Добренький. – М., 2006. – 230 с.
13. Извлечение из отчета по обозрению церковью Донской епархии за 1882 год // Донские епархиальные ведомости. – 1883. – № 2. – С. 49.
14. Иконников, В. С. Опыт русской историографии. В 4-х тт. / В. С. Иконников. – Киев, 1908. – Т. 2. – Кн. 2.
15. Крылов, А. О ведении церковных (приходских) летописей / А. Крылов // Донские епархиальные ведомости. – 1883. – № 9. – С. 321–322.
16. Крылов А. Церковная летопись Усть-Белокалитвенской станицы / А. Крылов // Донские епархиальные ведомости. – 1883. – № 17. – С. 619–622. – № 18. – С. 659–663.
17. Летопись Архангельской церкви Трех-Островянской станицы 2 Донского округа (1791–1891) // Донские епархиальные ведомости. – 1893. – № 4. – С. 145–148. – № 5. – С. 180–184. – № 7–8. – С. 306–310. – № 9. – С. 347–353. – № 12. – С. 506–510. – № 14. – С. 613–618. – № 17. – С. 765–778. – № 18. – С. 823–827. – № 19. – С. 872–877.
18. Летопись Калитвенской церкви // Донские епархиальные ведомости. – 1884. – № 15. – С. 562–567. – № 17. – С. 639–643. – № 22. – С. 853–856. – № 24. – С. 935–938.
19. Летопись слободы Калача Успенской церкви / Сост. В. А. Стародубцев. Коммент. А. Н. Акиньшин, В. А. Стародубцев. – Воронеж, 2000.
20. Редькина, О. Ю. Летописи православных приходов Самарской и Донской епархии в XIX – начале XX века как исторический источник: сравнительный анализ / О. Ю. Редькина // Год академика Д. С. Лихачева. Модернизация и традиции – нижнее Поволжье как перекресток культур. – СПб. – Волгоград, 2006. – С. 380.
21. Романовской станицы Михайло-Архангельская церковь и приход ея (1613–1913 гг.) [К юбилею 300-летия станицы] / Сост. свящ. А. Наумов // Донская церковная старина. – Вып. IV. – Новочеркасск : Частная Донская типография, 1915. – С. 27–56.
22. Справка об изменениях административно-территориального деления края с XVIII века // Государственный архив Ростовской области. Путеводитель. Ростовское книжное издательство, 1961. – С. 464–465.
23. Церковная летопись Маньково-Березовской церкви (Донецкого округа Донской епархии) // Донские епархиальные ведомости. – 1884. – № 5. – С. 183–189. – № 6. – С. 229–235. – № 9. – С. 354–361. – № 12. – С. 452–461. – № 14. – С. 521–534.

24. Церковно-приходское летописание на волгоградской земле. Документы. Часть I. – Волгоград : Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2015. – 368 с.
25. Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода. 1867–1900 гг. / Сост. А. Завьялов. – СПб, 1901.
26. Шмидт, С. О. Сельские церковноприходские летописи как историко-краеведческий материал / С. О. Шмидт // Историческое краеведение (Материалы конференции в Пензе). – Пенза, 1993. – С. 201–224.
27. Шмидт, С. О. Церковноприходские летописи как источник по изучению русской деревни / С. О. Шмидт // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Вильнюс, 1974. – С. 397–404.

Артамонова Н.Я., Аверьянова Д.В.
ЦЕРКОВНО-ЕПАРХИАЛЬНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (1884–1893 ГГ.)

Изменение в современный период парадигмы исторической науки способствовало расширению источниковой базы, разнообразию тематики исследований. Появились новые тенденции в осмыслении истории Русской православной церкви, направлений ее деятельности. Наблюдается усиленное внимание к церковным периодическим изданиям как историческому источнику.

Огромный информационный потенциал для исследователей содержат Енисейские епархиальные ведомости, официальном органе Енисейской и Красноярской епархии, образованной в 1861 г. Традиция издания Енисейских епархиальных ведомостей была положена в 1884 г. Редактором журнала являлся К. А. Успенский, смотритель мужского духовного училища. Общая идея, концепция самого журнала, структура и методы формирования, по сути, не менялись все годы его существования. Тематика издания давала возможность публиковать свои статьи священникам, миссионерам, чиновникам, учителям и др. Последний выпуск журнала вышел в 1919 г.

Авторы данной статьи проанализировали Енисейские епархиальные ведомости за период с 1884 по 1893 гг. В это десятилетие наблюдался значительный рост церковно-приходских школ и других духовно-учебных заведений в Енисейской губернии.

Анализ материалов ведомостей показал, что в них содержится огромный информационный материал по вопросам распространения и развития церковно-приходских школ в губернии. В 1884 г. были изданы «Правила о церковно-приходских школах», по которым создавались одноклассные (двухгодичные) и двухклассные (четырёхгодичные, с начала XX в. – трёхгодичные) церковно-приходские школы [1]. На страницах Енисейских епархиальных ведомостей началось активное обсуждение этого вопроса. В одном из выпусков журнала была опубликована обширная статья известного красноярского педагога И.Т. Савенкова [13, с. 54–71]. В статье прослеживается однозначная поддержка такого рода школ. Автор, отслуживший 20 лет директором Красноярской учительской семинарии, имел полное представление об этом вопросе. По мнению И.Т. Савенкова, духовенство может и должно теперь же прийти на помощь делу народного образования. Оно «близко народу и знает его нужды» [13, с. 66]. Притом, продолжал он, к делу народного просвещения ближе всего является не волость – «единица слишком крупная», «слишком искусственная», а приход – «единица более естественная, тесная и более органическая». Приход для школьного и религиозно-просветительного дела представляет надежную и прочную почву. Сельское духовенство Енисейской епархии при поддержке прихожан может открывать церковно-приходские школы в отдаленных селах [13, с. 67–70].

В целях разъяснения духовенству приходов Енисейские епархиальные ведомости вели постоянную рубрику «О церковно-приходских школах». Так, в №11 за 1884 г. автор статьи писал, что эти школы следует иметь каждому рачительному священнику для приходских детей либо в церковном доме, либо – домашнюю в своем доме [7, с. 145]. Автор статьи подчеркивал, что существующие начальные народные училища переполнены учащимися и множество детей остается без школьного образования, поэтому в таких школах есть настоятельная потребность. «Есть кого учить в церковно-приходских школах», – заключает автор. «И народ наш, по своей глубокой приверженности к церкви, желает, чтобы школа для детей имела тесную связь с церковью, религиозное настроение его ищет в грамотности средства к удовлетворению его духовной жажды». Никто другой не может вести дело религиозного образования так успешно, как священник» [7, с. 147, 148].

Для знакомства с условиями принятия в школу в журнале печатались «Правила о церковно-приходских школах». Цель этих школ: «утвердить в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщить первоначальные полезные знания» [11, с. 225]. Школы открывают приходские священники или же с их согласия другие члены причтов «на местные средства прихода, без пособий или с пособиями от сельских или городских обществ, приходских попечительств и братств, земских и других общественных и частных учреждений и лиц епархиального и высшего духовного начальства, а равно и казны» [11, с. 226].

В Правилах указывались предметы, которые должны изучать воспитанники в церковно-приходских школах. Центральное место в обучении занимал Закон Божий, изучение молитв, священная история и объяснение богослужения, краткий катехизис, церковное пение, чтение церковной и гражданской печати и письмо.

Следует отметить, что открытие подобного рода школ носило и сугубо прагматический характер. Правила неоднократно подчеркивали, что «приходские школы нераздельно с церковью должны внушать детям любовь к церкви и богослужению, дабы посещение церкви и участие в богослужении соделалось привычкой и потребностью сердца учащихся» [11, с. 225].

Разумеется, создать школы без желания прихожан было бы затруднительно. В этой связи интерес представляет рубрика «По делу церковно-приходских школ в Енисейской епархии», где можно найти значительный материал о приговорах сельских обществ об открытии церковно-приходских школ. Енисейские епархиальные ведомости публикуют сведения о подобных приговорах прихожан при девяти церквях Ачинского округа. Только по материалам ведомостей за 1885 г. можно судить о том, насколько велико было желание крестьян открыть у себя школы [9, с. 19]. Так, в с. Белоярском Ачинского округа крестьяне решили построить специально для церковно-приходской школы пятистенный дом. Ежегодное жалованье учителям в разных причтах было разное. В более богатых – по 120, 140, 160 руб., бедных – 36 руб. В некоторых причтах учителя-священники изъявляли желание обучать детей безвозмездно [9, с. 19].

Для единообразной и определенной формы работы священников в церковно-приходских школах Енисейские епархиальные ведомости печатали Программы учебных предметов для церковно-приходских школ. Они оказывали действенную помощь священникам, учителям в преподавании предметов, таких как Закон Божий, церковное пение, которое в школе «составляет необходимое дополнение к Закону Божьему» [2, с. 300]. В объяснительной записке к программе преподавания Закона Божьего объясняется значение этого предмета в школе. «Этот предмет главный, более того все другие предметы должны быть... поставлены от него в более или менее тесную зависимость» [2, с. 301].

В 1880-е гг. в Енисейской губернии получило развитие епархиальное женское образование. В связи с этим нельзя не обратить внимание на содержательный материал по истории Красноярского епархиального женского училища. Отношение священников приходов Енисейской епархии к проблеме обучения дочерей духовенства выразил священник П. Суховский. Он отмечал, что домашнее обучение дочерей духовенства «крайне неудовлетворительно», что вопрос «о более удовлетворительной умственной подготовке дочерей духовенства стал вопросом существенным для нас, духовных. «... нередкие случаи отдачи городским духовенством своих дочерей в светские учебные заведения, – продолжал П. Суховский. – Но существующие в Енисейской губернии женские гимназии – Красноярская, Енисейская и Минусинская прогимназия – доступны ли вообще для дочерей духовенства. ... Помещают в женские гимназии своих дочерей только городские священники, низшие же члены городского духовенства по своим материальным средствам очень редко могут воспользоваться для своих дочерей этими учебными заведениями. Для сельского же духовенства они вовсе недоступны». [15, с. 305–306]. Судя по публикациям, вопрос об открытии епархиального женского училища поднимался на училищных съездах неоднократно, но безрезультатно. Причины были разные. Главная: в виду предстоящих значительных затрат на постройку зданий для мужского училища духовенство затруднялось ассигновать сумму на содержание женского училища. Кроме того не имелось готового здания для училища, что было одним из условий открытия подобного рода училищ [3, с. 218–219]. И тем не менее, делает автор статьи оптимистический вывод, есть надежда, что в 1886-1887 учебном году училище будет открыто.

По указу его Императорского Величества от 8 января 1886 г. Святейший Синод разрешил открыть с 1886-1887 учебном году трехклассное епархиальное женское училище в г. Красноярске, поскольку средства на устройство и содержание училища были изысканы [4, с. 55]. Деятельность училища лучше всего показывают его Отчеты. По ним можно судить о личном составе служащих, преподавателях, учительницах и воспитательницах, их образовательном уровне, окладах жалования, стаже. В первые 3 года Красноярское епархиальное женское училище имело своих преподавателей и учительниц. Но с течением времени появились новые учебные предметы, на должности преподавателей которых «по скудости платы» за уроки (35 руб.) Совет училища не имел возможности пригласить «свободных людей». Поэтому приглашали преподавателей из мужского духовного училища [5, с. 11].

Анализ материалов Енисейских епархиальных ведомостей за десятилетие дал возможность отметить, что гораздо больше информации содержится по вопросам церковно-приходских школ и Красноярского епархиального женского училища. В меньшей степени освещены вопросы, касающиеся Красноярского духовного училища. Большую помощь исследователям окажут Списки воспитанников Красноярского духовного училища. Они свидетельствуют о наследственном характере обучения в духовном училище: дети шли по стопам родителей-священников. Притом, встречаются довольно часто такие фамилии как Тыжнов (Владимир, Евгений, Александр, Николай, Порфирий), Соколов, Орфеев, Климовский и др. [14, с. 195]. Кроме того, значительный интерес для исследователей представляют ежегодные Отчеты Общества св. князя Александра Невского для вспомоществования воспитанникам Красноярского духовного училища. Из них можно узнать, что данное Общество было открыто 30 августа 1884 г. «для взыскания меры к тому, чтобы воспитанники, не пользующиеся епархиальным содержанием и не имеющие достаточных средств, были снабжены учебными пособиями и принадлежностями, пищею, одеждой, обувью, бельем и т.д.». В 1885 г. Общество имело одного Почетного члена, одного пожизненного и 34 действительных. Председателем правления общества был смотритель училища К.А. Успенский [6, с. 283, 284].

Таким образом, Енисейские епархиальные ведомости предоставляют для исследователя огромный информационный материал по истории духовно-учебных заведений Енисейской губернии. Наряду с несомненными достоинствами следует отметить определенную узость, статичность этого вида источников. В публикациях не учитывались такие факторы, как социальная природа образования, ускоренное общественное развитие страны. Причины открытия духовно-учебных заведений были облачены в религиозно-церковную оболочку. Работа с этими источниками требует новых подходов и методов в свете современной парадигмы исторической науки. В то же время принципы историзма и объективности остаются основными в работе с этим видом источников.

1. Житенев, Т.Е. Создание «Правил о церковно-приходских школах» от 13 июня 1884 года и реформа начальных школ Святейшего Синода / Т.Е. Житенев // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2009. – №3. С. 154-175
2. Объяснительная записка к программе преподавания Закона Божия в церковно-приходских школах // Енисейские епархиальные ведомости (далее – ЕЕВ). –1886.–№21. – С. 300-310
3. Об открытии в Красноярске епархиального женского училища //ЕЕВ. –1885.–19/20.– С. 218-223
4. Об открытии в г. Красноярске епархиального женского училища (Указ на имя его Преосвященства, Преосвященнейшего Исаакия, Епископа Енисейского и Красноярского) // ЕЕВ. – 1886. – № 5. – С.55-56
5. Отчет о состоянии Красноярского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1889-1890 учебный год// ЕЕВ. –1891. –№1. – С. 5-18
6. Отчет Общества св. князя Александра Невского для вспомоществования воспитанникам Красноярского духовного училища//ЕЕВ. -1885. –№23.– С. 283-293
7. О церковно-приходских школах// ЕЕВ. –1884.– №11. –С.145-149
8. По делу о церковно-приходских школах в Енисейской епархии// ЕЕВ. –1885.–№ 1. – С.5-9
9. По делу о церковно-приходских школах в Енисейской епархии// ЕЕВ. –1885.–№ 2. – С.18-21
10. По делу о церковно-приходских школах в Енисейской епархии// ЕЕВ. –1885.–№ 5. – С.45-46
11. Правила о церковно-приходских школах// ЕЕВ. –1884. – №17. – С. 225-230
12. Программа для преподавания Закона Божия в церковно-приходских школах// ЕЕВ. 1886. –№20. –С. 285-291
13. Савенков, И.Т. Несколько слов о народном образовании в связи с религиозно-просветительным делом в епархии /И.Т. Савенков// Енисейские епархиальные ведомости. –1884. –№4. –С.54-71
14. Список воспитанников Красноярского духовного училища//ЕЕВ. –1885.–№18. –С.195-196
15. Суховский, П. К вопросу об открытии в г. Красноярске епархиального женского училища /П.Суховский// ЕЕВ. –1885.–№ 17. – С. 303-310

Айдунова Т.Ю.
**ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАЗДНОВАНИЯ ПЕТРОВСКИХ ЮБИЛЕЕВ
В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ (ПО ДОКУМЕНТАМ МИНИСТЕРСТВА
ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА И ПО ПЕЧАТНЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

Еще в дореформенный период организацию празднований, посвященных историческим датам, прежде всего связанным с историей военных побед и царской власти, государство использовало в целях монархической пропаганды и укрепления монархических устоев в сознании населения страны. Практика использования для этих целей праздничных дат перешла в пореформенный период, а в начале XX в. распространилась настолько широко, что дало основание К.Н. Цимбаеву говорить о «феномене юбилеемании» в Российской империи того времени [8]. В этом отношении для подобных целей очень подходили двухсотлетние юбилеи разных событий, связанных с Петром Великим, с его рождением и военными победами. Такое внимание к датам, связанным с этим царем, было не случайно. Среди разных слоев населения России он сохранял в целом популярность как монарх, который одерживал военные победы, проводил реформы, сделал страну великой европейской державой и распространял в ней европейскую культуру. Критическое отношение к нему, ранее столь распространенное в народе и выражавшееся в теории царя-антихриста или подмененного царя, осталось в пореформенный период уже на периферии массового сознания. Празднование петровских юбилеев давало возможность проводить и укреплять идею, согласно которой в неразрывном единении императорской власти и народа состоит залог всех успехов и побед России и только монархия совместно с обществом способна осуществлять необходимые для страны перемены.

О значении, которое придавалось двум петровским датам, двухсотлетию со дня его рождения в 1872 г. и двухсотлетию Полтавской победы в 1909 г., свидетельствует то, что к организации праздничных торжеств привлекался церемониальный отдел Министерства императорского двора. В этой связи отметим, что такое внимание со стороны власти обращалось не на все петровские двухсотлетние юбилеи, приходившиеся на дореволюционный период. Так, дата двухсотлетия взятия Азова во втором Азовском походе царя 1696 г. отмечалась главным образом на местном уровне, в самом посаде Азов Области войска Донского. Это может объясняться тем, что очень скоро, в 1711 г., по условиям Прутского мира, Азов пришлось возвратить Османской империи. На событиях, которые заканчивались неудачно, власть в условиях нарастающего системного кризиса в стране стремилась не заострять внимания общественности. То же самое, по существу, относится к 1903 г., когда отмечалось двухсотлетие основания Санкт-Петербурга, поскольку среди комплекса документов Министерства императорского двора нет особого дела, относящегося к организации этого юбилея. Двухсотлетие битвы при Лесной было отмечено военным министерством и мероприятиями Виленского военного округа, а также Императорским российским военно-историческим обществом, но по линии Министерства императорского двора специальной документации по подготовке к празднованию этого юбилея не составлялось. Возможно, что в данном случае сказывалось отношение самого Николая II к первому российскому императору, которое было весьма критическим в связи с отношением Петра I к семье, заточением в монастырь первой жены и несомненной причастностью к гибели сына-царевича, тогда как для самого Николая II семья значила очень многое. Но мимо полтавского юбилея пройти было невозможно даже при таком отношении царя к Петру Великому.

Проекты программ празднований двух юбилейных дат, относящихся к Петру I, составлялись в связи с двухсотлетиями со дня рождения царя и Полтавской битвы. Документы составлялись по общему формуляру. Вместе с тем между документами 1872 и 1909 гг. заметны существенные отличия.

Сходным между этими документами является выработка общего сценария празднования, включавшего в себя комплекс торжественных мероприятий. Самую значительную роль в ходе проведения этих мероприятий должны были играть памятники Петру Великому. При праздновании 1872 г. напротив монумента, созданного Э. Фальконе, на Неве останавливались суда, участвовавшие в празднике, а затем к этому памятнику подносили «петровские достопамятности», а также выстраивались «представители Петровской армии». К «петровским достопамяностям» относились его мундир и нагрудный знак, шпага и шляпа, а также орденские знаки

Святого Андрея Первозванного [4, л. 5]. К «представителям Петровской армии» – «взвод Л.Гв. Преображенского полка, взвод Л.Гв. Семеновского полка, взвод от 1-й батареи гвардейской пешей артиллерии, взвод от флота, сводный взвод от морских учебных заведений» [4, л. 2 об.]. В журнале совещания о подготовке празднования двухсотлетия Полтавской битвы, в котором участвовали представители «Духовного ведомства», Министерства императорского двора, Министерства внутренних дел, Военного министерства, градоначальник и городской голова Санкт-Петербурга, упоминалось два памятника. Один из них – новый памятник работы Бернштама, изображавший Петра I, который спасал потерпевших кораблекрушение утопающих. Другой – памятник, который должен был быть поставлен в будущем около Адмиралтейства, изображавший «царя-работника» [5, л. 11 об.–12]. Также предусматривалось украшение города «флагами и арматурами», а монумента Петру I, Медного Всадника, – «растениями, цветами, гирляндами» [4, л. 8].

Что касается самих мероприятий, то должны были состояться церковная служба и военный и морской парад. В церемонии праздника предусматривалось участие царя и членов императорской фамилии, представителей министерств, придворного штата, членов Государственного совета и сенаторов. За правильным проведением церемонии наблюдала церемониальная часть Министерства императорского двора и непосредственно церемониймейстеры во главе с оберцеремониймейстером. После завершения официальной церемонии планировалось народные гуляния.

К.Н. Цимбаев справедливо выделил еще одну характерную черту праздничных мероприятий, организовывавшихся властями в период «юбилеемании». Это было противоречие между тщательной и даже идеальной их организацией и слабостью их идейного содержания, когда даже «общество и государство были пронизаны юбилейными настроениями» [8, с. 99]. Эти празднования, по мнению Цимбаева, не могли объяснить разным слоям общества роль самодержавия в изменившихся в результате буржуазных реформ и модернизации страны условиях, обращались исключительно к традиции. Замечание представляется справедливым. Тем более что организация праздничных мероприятий имела место не только в столице империи, но и на местах, особенно связанных с жизнью и деятельностью Петра I. Расхождение между тщательной организацией церемониальной части подобных праздников, в том числе по случаю петровских юбилеев, и характерной для них идейной архаикой, не соответствовавшей новому уровню в развитии общества, стало причиной появления талантливой пародии на такую церемонию, созданной поэтом и прозаиком А.К. Толстым. Названная «Церемониал» и написанная в 1884 г., эта пародия содержала роспись торжественной погребальной церемонии умершего «поручика и кавалера Фаддея Кузьмича П.», подписанная командиром полка, полковником ***. Как писал Толстой, церемония погребения имела место в 1821 г., в примечаниях названы известные личности того времени – граф Аракчеев и архимандрит Фотий. Но Толстой совершенно не скрывал, что под видом пародии на бюрократическую роспись времени Александра I он имел в виду современный период, и упоминал известных журналистов пореформенного периода – В.Ф. Корша, А.С. Суворина и В.П. Буренина, примыкавшую к славянофилам графиню А.Д. Блудову. Комический эффект «Церемониала Толстого достигался благодаря тщательной росписи последовательного шествия в ходе погребения [7, с. 470–477], примерно так же, как расписывался ход юбилейных церемоний в период «юбилеемании» пореформенного периода и начала XX века.

Ход праздничных мероприятий освещался в столичной и местной печати. Из газетных репортажей видно, насколько важным считали власти эти церемонии. Особенностью празднования двухсотлетия Полтавской битвы была активно развернутая богослужбная часть церемонии, с молитвой перед иконой Спаса Нерукотворного, «сопутствовавшей Петру Великому в его походах» [6]. Особенностью празднования юбилея взятия Азова в 1696 г. в посаде Азов было заседание городской думы с последующим обедом, на который приглашались местные начальствующие лица и гости. В соответствии с мещанскими вкусами организаторов из городской думы было расписано меню обеда: в нем был «перечень следующих яств: водка – а-ля флот, закуска – Петровские крендели, щи – Преображенские, каша – Семеновская, суп а-ля Полтавский бой, осетрина – Корабельная, соус – Маршальский, птица и дичь – Азовские, десерт – Царская забава, кофе – а-ля Нева» [3].

Визуальные образы празднования двухсотлетия со дня рождения Петра I были представлены в роскошном альбоме, подготовленном П.Н. Петровым и С.Н. Шубинским. Авторский текст с описанием праздничных мероприятий в разных частях империи сочетался с гравюрами, относившимися к этому празднованию и выполненными несколькими мастерами. Гравюры представляют разные стороны праздничных мероприятий: это – торжественные заседания и богослужения, военные и морские парады и народные гуляния. На одной из гравюр, с изображением панихиды у гроба Петра I в Петропавловском соборе, виден император Александр II. Участие населения в празднике отражает гравюра с изображением народного гуляния. Народные образы заметны по рубашкам навыпуск с веревкой вместо пояса, шароварам и сапогам. [1, с. 253]. На заднем плане гравюры, изображающей Медного Всадника, показано участие народа в другом народном развлечении – борьбе стенка на стенку. Видны размахивающие руками люди, а также те, кого в ходе схватки сбили на землю. Заметно на гравюре множество монархических знамен [1, с. 254]. Гравюра с изображением празднования в Архангельске показывает молебен около Троицкого собора, с видом на Северную Двину [1, с. 189]. Еще на одной гравюре изображены суда петровского времени в Воронеже и даты – 1696 и 1709 гг., когда Петр I бывал в этом городе [1, с. 261]. Изображение на гравюре праздника в городе Петровске на Каспийском море, откуда был начат поход царя на Персию, включает в себя причал и корабли под флагами [1, с. 277].

Документы Министерства императорского двора и печатные материалы позволяют сделать вывод, что петровские двухсотлетние юбилеи тщательно готовились, а власть сумела привлечь к участию в празднике склонный к развлечениям народ. Насколько это все решало задачу укрепления основ монархического сознания, – вероятно, далеко не в полной мере. Едва ли случаен был сатирический отклик на двухсотлетие Петра I поэта А.Н. Апухтина, писавшего, как в это царствование «С треском бороды летят... Пытки, казни... Все в смятеньи!.. Так вводилось просвещение... Двести лет тому назад». Но в 1872 г., писал он, «в храм святой, Незлопамятны, смиренны, Валят русские толпой... И, коленопреклоненны, Все в слезах благодарят Вседержителя благого, Что послал царя такого... Двести лет тому назад» [2, с. 467]. Такое ироническое восприятие было не случайным. Революционные события начала XX в. показали, что опора на монархическую пропаганду среди народа, в том числе с использованием образа Петра I, необходимых для власти результатов не дала.

1. Альбом 200-летнего юбилея Петра Великого 1672–1872 / текст П. Н. Петрова и С. Н. Шубинского. – СПб. : Изд. Германа Гоппе, 1872. – 268 с.
2. Апухтин, А. Н. По поводу юбилея Петра Первого / А. Н. Апухтин // Нива. – 1918. – № 30. – С. 467.
3. Приазовский край. – 1896. – 25 июля. – № 197.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 473. Оп. 1. Д. 1468.
5. РГИА. – Ф. 473. Оп. 2. Д. 1378.
6. Санкт-Петербургские ведомости. – 1909. – 28 июня. – № 143.
7. Толстой, А. К. Церемониал погребения тела в бозе усопшего поручика Фаддея Козьмича К... // Толстой, А. К. Собр. соч. : в 4-х т. – М. : Изд-во художественной литературы, 1963. – Т. 1.
8. Цимбаев, К. Н. Феномен юбилеямани в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века / К. Н. Цимбаев // Вопросы истории. – 2005. – № 11. – С. 98–108.

Олейник В.В.

ЖУРНАЛ «ВОЕННЫЙ СБОРНИК» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННО-СУДЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ВИЛЕНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Важнейшим источником для изучения деятельности военно-судебных учреждений Виленского военного округа, сформированного в 1862 году на базе 1-й армии, является одно из периодических изданий того времени – журнал «Военный сборник», который на первом этапе своей истории (с 1858 по 1917 гг.) ежемесячно издавался Военным министерством Российской империи в городе Санкт-Петербург [1]. Как отмечает Л.Г. Бескровный, «Военный сборник» был «наиболее серьезным военным журналом второй половины XIX–начала XX в.» [2, с. 430].

Фонды Национальной библиотеки Беларуси содержат отдельные номера «Военного сборника» за 1858–1864, 1868–1875, 1878–1911 и 1913–1917 годы. При этом за период существования Виленского военного округа, т.е. с июля 1862 по июль 1914 года, когда при штабе округа было образовано Полевое управление 1-й армии и началось формирование состава армии, в Национальной библиотеке Беларуси содержатся все экземпляры «Военного сборника» только за 1863, 1869, 1871–1873, 1883–1884, 1889–1905, 1907–1909, 1911 и 1913–1914 годы [3].

В результате изучения названного источника по военной истории, нами выделены следующие представляющие интерес материалы, касающиеся деятельности военно-судебных учреждений в период с момента образования Виленского военного округа до начала Первой мировой войны.

1) Решения Главного военного суда, печатавшиеся как в разделе «Отдел официальный» «Военного сборника» (например, в №№ 7, 8, 11, 12 за 1868 год), так и в разделе «Русское военное обозрение» данного журнала (например, в №№ 11 и 12 за 1871 год, № 12 за 1872 год, № 4 за 1874 год, № 1 за 1886 год, № 11 за 1901 год, № 10 за 1908 год).

Из них для нас представляют интерес, в первую очередь, решения указанной кассационной инстанции в отношении военнослужащих Русской императорской армии, проходивших службу на территории белорусских губерний. К примеру, 21 июня 1872 г. Главный военный суд слушал дело по протесту исправляющего должность помощника военного прокурора на приговор Виленского военно-окружного суда о рядовом 106 пехотного Уфимского полка Игнатии Филипове, осужденного за самовольную отлучку и промотание мундирных вещей. Решением № 153 указанный приговор от 15 мая 1872 года был отменен, с предоставлением Виленскому военно-окружному суду постановить по делу новый приговор [4].

Аналогично, 28 июля 1871 г. Главный военный суд слушал дело по кассационной жалобе защитника подсудимого рядового 120 пехотного Серпуховского полка Сергея Матвеева на состоявшийся о нем и рядовом того же полка Евстафие Лисухине приговор временного военного суда в г. Могилеве. Подсудимые были виновны в том, что во время содержания под арестом на полковой гауптвахте совершили по сговору попытку побега путем подкопа, которую не довели до конца из-за доноса одного из содержащихся вместе с ними арестантов. Решением суда № 118 кассационная жалоба защитника была оставлена без уважения [5].

Также, 8 мая 1908 г. рассматривался вопрос, возбужденный военным прокурором Виленского военного округа о подсудности полковому или военно-окружному суду в мирное время зауряд-прапорщиков и зауряд военных чиновников, обвиняемых в преступных деяниях, за которые нижние чины предаются полковому суду. Решением № 38 Главный военный суд разъяснил, что зауряд-прапорщики, обладающие установленным образовательным цензом, и зауряд военные чиновники, переименованные из кандидатов на классную должность, подсудны и в мирное время за все преступные деяния военно-окружному суду, прочие же зауряд-прапорщики и зауряд военные чиновники подсудны наравне с сверхсрочнослужащими нижними чинами, в соответствующих случаях, также и полковому суду [6].

2) Приказы войскам Виленского военного округа по военно-судным делам, печатавшиеся в разделе «Отдел официальный» журнала «Военный сборник» (например, в № 8 за 1866 год). Так, приказом от 24 июня 1866 г. № 120, по военно-судному делу, рассмотренному во временном полевом аудиториате Виленского военного округа, оказались виновными штабс-капитан 114 пехотного Новоторжского полка Артемий Руссак, унтер-офицеры того же полка Максим Евменов, Савелий Данилов, Дмитрий Морев, Иван Воронин, Спиридон Федулов и Андрей Никитин, а также рядовые Калиниченко и Дмитриев. О конфирмации обвинительного приговора в отношении указанных военнослужащих было объявлено по войскам округа исправляющим должность командующего [7].

3) Из военно-судебной практики, печатавшейся также в разделе «Русское военное обозрение» названного журнала (например, в №№ 7, 11 за 1901 год). Статьи данного раздела носили разъяснительный (аналитический) характер и основывались на решениях Главного военного суда, к примеру №№ 3, 6, 9 и 19 за 1901 год [8]. В этих статьях, помимо самих судебных решений (№№ 44, 46 и 47 за тот же год) [9], имеются ссылки на действующее военно-уголовное законодательство, в частности, Военно-судебный устав.

Таким образом, в обозначенный период в журнале «Военный сборник» печатались статьи не только по вопросам стратегии и тактики, военной статистики, артиллерии, топографии и фортификации, но также касающиеся актуальных проблем военной юстиции, в связи с чем он является ценным источником для изучения не только военной истории в целом, но и различных аспектов деятельности военно-судебных учреждений на территории белорусских губерний Виленского военного округа во второй половине XIX – начале XX веков.

1. Военный сборник. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ejournal6.com>. – Дата доступа: 01.03.2019.
2. Бескровный, Л. Г. Очерки по источниковедению военной истории России / Л. Г. Бескровный. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1957. – 454 с.
3. Национальная библиотека Беларуси. Электронный каталог [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-catalog.nlb.by/Collection/BY-NLB-br0000299489/CollectionList#holdings>. – Дата доступа: 01.03.2019.
4. Военный сборник. Год пятнадцатый. Декабрь. – 1872. – № 11–12. – С. 198–200.
5. Военный сборник. Год четырнадцатый. Декабрь. – 1871. – № 12. – С. 172.
6. Военный сборник. Год пятьдесят первый. Октябрь. – 1908. – № 10. – С. 286–288.
7. Военный сборник. Год девятый. Август. – 1866. – № 8. – С. 88.
8. Военный сборник. Год сорок четвертый. Июль. – 1901. – № 7. – С. 14–28.
9. Военный сборник. Год сорок четвертый. Ноябрь. – 1901. – № 11. – С. 19–27.

Лебедзева І.В.

ПІСЬМОВЫЯ КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ДЗЯЦІНСТВА Ё БЕЛАРУСІ Ё ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX СТ.

У апошнія дзесяцігодзі адбываецца трансфармацыя падыходаў да вывучэння такога сацыяльнага феномена як дзяцінства. Паводле навішых даследаванняў дзеці з'яўляюцца не толькі аб'ектамі ўздзеяння дарослых, яны аказваюць адпаведны уплыў на фарміраванне светапогляду, псіхалагічных характарыстык, паводзінаў дарослага чалавека, яго сацыялізацыю і месца ў грамадскім жыцці. Аднак, па ранейшаму, і сам тэрмін «дзяцінства», яго змест і эвалюцыя ў гуманітарныя і прыродазнаўчыя навукі застаюцца недастаткова акрэсленымі. Патрабуе свайго асэнсавання праблема дзяцінства як адзінага біялагічнага і сацыяльнага, узростаў дзяцінства, ліцыяга свету як гістарычнай рэальнасці, як міфа, як сацыяльнага і ідэалагічнага канструкта.

Паглыбленне ў гісторыю такога сацыяльнага феномена, як дзяцінства, дапамагае зразумець сучасны комплекс сацыяльных узаемаадносін, удасканаліць сістэму выхавацця і адаптацыі дзяцей у сучасным свеце. Дзяржаўная палітыка мае патрэбу грунтавацца на комплексным міждyscyплінарным веданні пра сталенне і станаўленні маладога пакалення. Гэта акрэсліла штуршок для гістарычнай ювеналогіі. Урэшце, ювеналогія, як гуманітарная навука, арганічна аб'ядноўвае грамадска- і прыродазнаўчыя веды пра дзяцей і моладзь, аб станаўленні, сталенні і развіцці чалавека ў дыялектычным адзінстве сацыяльнага, духоўнага і біялагічных пачаткаў, якія базуюцца на агульнасці працэсаў выхавання, адукацыі і сацыялізацыі моладзі ў мэтах стратэгічнага развіцця на доўгатэрміновую перспектыву [1, с. 3-63].

Перыяд айчынай гісторыі другой паловы XIX – пачатку XX ст. асабліва цікавы для вывучэння праблематыкі дзяцінства. Правядзенне рэформаў 60-80-х гг. XIX ст. на тэрыторыі Беларусі паклала пачатак складаным і шмат у чым супярэчлівым працэсам трансфармацыі грамадства, якія закранулі ўсе сферы чалавечага жыцця і паводзін, выклікалі шматгранныя працэсы урбанізацыі, дыферэнцыяцыі, пашырэння сацыяльнай і тэрытарыяльнай мабільнасці насельніцтва, росту пісьменнасці і адукацыі, а таксама сацыяльнай актыўнасці насельніцтва [2, с. 3]. У сувязі з імклівымі працэсамі трансфармацыі беларускага грамадства, у другой паловы XIX – пачатку XX ст з'явілася разгалінаваная сістэма заканадаўчых, нарматыўных, статыстычных дакументаў, звязаных з прававым становішчам дзяцей, юрыдычнымі адносінамі паміж бацькамі і дзецьмі, рухам насельніцтва, дзейнасцю Рамесных Статутаў на тэрыторыі Беларусі.

Важнейшымі для разумення уздзеяння грамадства на дзяцей і дзяцінства з'яўляюцца дакументальныя матэрыялы. Цэлы комплекс неацэнных звестак для характарыстыкі сацыяльна-прававага становішча дзяцей прадстаўлены ў заканадаўчых і нарматыўных дакументах. Сярод іх Улажэнне аб

пакараннях, Звод законаў грамадзянскіх, Звод законаў аб станах, законы, прысвечаныя юрыдычным адносінам паміж бацькамі і дзецьмі, становішчу дзяцей у грамадстве [3]. Акрамя таго прававое становішча дзяцей акрэслена ў «высочайшыя ўтверджэнных» меркаваннях Дзяржаўнага Савета, звязаных з дзейнасцю вучэбных і папраўчых устаноў, прафесійных школ і прыютаў.

Каштоўныя і разнастайныя звесткі аб становішчы дзяцей у сем'ях, лёсе прыёмных дзяцей, выдачы грашовай дапамогі дзецям, якія засталіся без кармільца, ці сіратамі прадстаўляюць справаводныя дакументы. Сярод іх асаблівае месца займаюць справаздачы, інструкцыі па пытаннях дзейнасці дзіцячых устаноў, палажэнні, даведачныя матэрыялы, распараджэнні, статуты, справаздачы, рознай тэматыкі перапіска і інш. Цэлы комплекс важных крыніц прадстаўляюць дакументы канцылярый грамадзянскіх губернатараў віленскага, мінскага, віцебскага, магілёўскага і гродзенскага. У прашэннях, скаргах, зваротах грамадзян, перапісцы дзяржаўных органаў змяшчаецца інфармацыя, якая дазваляе зрабіць высновы аб стаўленні да дзяцей бацькоў, апекуноў, органаў дзяржаўнай улады [4]. Разнастайная інфармацыя аб працы дзіцячых прыютаў, становішчы здароўя і харчавання, занятках размешчаных там дзяцей у форме рэскрыптаў, цыркуляраў, перапіскі рознай тэматыкі, справаздач аб дзейнасці і матэрыяльным становішчы знаходзіцца ў дакументах прыказаў губернскіх апекаў дзіцячых прыютаў [5].

Вывучэнне дадзеных статыстыкі дазваляе прасачыць змены ў эканамічным, сацыяльным становішчы дзяцей, падыходах да выхавання, зрабіць аналіз дэмаграфічнага змен сярод малодшых узроставак груп у Беларусі. Актыўная дзейнасць статыстычных устаноў у Расійскай імперыі была абумоўлена імклівымі працэсамі сацыяльна-эканамічных і палітычных зменаў у грамадстве, якія акрэсліліся на падставе рэформаў 60-х гг. XIX ст. Да гэтага ў дзяржаве існавалі такія дакументы фіскальнага ўліку насельніцтва, як рэвізіі, адміністрацыйна-паліцэйскі ўлік, матэрыялы Генеральнага межавання і інш. Важным бачацца дадзеныя дэмаграфічнай статыстыкі – звесткі аб грамадзянах па ўзросту, сямейным становішчы, адукацыі, полу, паходжанні, руху насельніцтва [6]. Істотным для разумення пошукаў шляхоў вырашэння найскладанейшых праблем аховы дзяцінства з'яўляецца даследаванне Цэнтральнага Статыстычнага Камітэта аб дзіцячай смяротнасці ад нараджэння да 1 года. Тут утрымліваюцца статыстычныя даныя аб стане дзіцячай смяротнасці ў еўрапейскіх краінах і ў спалучэнні з імі дакладныя звесткі па губернях Расійскай імперыі [7].

Прыярытэт відаў крыніц па значнасці змяняецца ў залежнасці ад пастаўленых даследчыкам задач: калі першараднай даследчай праблемай з'яўляецца праблема канструявання гісторыі дзяцінства звонку, пад уплывам знешніх фактараў, то прыярытэт, безумоўна, павінен быць аддадзены дакументам афіцыйнага паходжання. Але варта разумець тое, што жыццё дзіцячага свету адносна аўтаномнае. У ім прысутнічае іншая логіка і дзейнічаюць свае практыкі, якія, хоць і моцна залежныя ад «уладных» і проста «дарослых» рашэнняў, але прыносяць у іх і шмат свайго, насычаюць іх досведамі сваіх «маленькіх дзіцячых жыццяў». Таму не менш значымі для вывучэння праблематыкі гісторыі дзяцінства апавядальныя крыніцы.

Створаныя дзецьмі крыніцы значна больш каштоўныя з пункту гледжання таго, што яны даюць магчымасць зірнуць на вядомыя гістарычныя падзеі з цалкам арыгінальнага пункту гледжання, прыслухацца да адкрытых меркаванняў дзяцей, шмат у чым адрозных ад стэрэатыпных ацэнак дарослых. Гэтыя крыніцы ўзбагачаюць нашу гісторыю новымі сюжэтамі, новымі тыпажамі, новымі падзеямі, якія не знайшлі адлюстравання ў дакументах «дарослага» паходжання. Зразумела, што самыя дзеці даследуемага перыяду на тэрыторыі Беларусі амаль не дакументавалі сваё жыццё. Існуюць найперш успаміны дарослых, якія дазваляюць зразумець развіццё дзяцінства ў канкрэтных гістарычных умовах, для вызначанай сацыяльнай групы. Зразумела, што да таго часу, калі дзеці аказваюцца ў стане даваць сабе справаздачу ў сваіх словах, яны ўжо не з'яўляюцца дзецьмі, і іх мемуары адлюстроўваюць з гэтага часу як дзіцячыя, так і дарослыя тлумачэнні і эмоцыі. Прыкладам такой крыніцы з'яўляюцца ўспаміны аб сваім дзяцінстве знакамітага вучонага-краязнаўцы, этнографа і археолага Е. Р. Раманава [8].

Для вывучэння гісторыі дзяцінства невычарпальнай крыніцай з'яўляецца перыядычны друк, які ў Беларусі, з-за адсутнасці дэмакратычных інстытутаў, меў асаблівае значэнне. З аднаго боку ён павінен быў фарміраваць грамадскую думку, а з другога – з'яўляцца месцам яе выяўлення. У беларускіх губернях перыядычны друк быў прадстаўлены афіцыйнымі і неафіцыйнымі

выданнямі. У залежнасці ад зместу адлюстраванне дзіцячых праблем было прадстаўлена ў кожным з іх. Асноўныя пытанні, якія звычайна абмяркоўваліся на старонках перыядычнага друку, ахоплівалі праблемы выхавання, дабрачыннасці, злачыннасці, самагубстваў, сіроцтва, прастыгучыя малалетніх і інш. Сярод афіцыйных, у першую чаргу, неабходна адзначыць губернскія ведамасці. Гэтыя газеты рэдагаваліся дзяржаўнымі чыноўнікамі, друкаваліся ў дзяржаўных губернскіх друкарнях і, адпаведна, змяшчалі афіцыйную інфармацыю. Каб зменшыць ўплыў маштабнага працэсу міфатворчасці са сваімі мэтамі і задачамі, неабходна заўсёды ўлічваць накірунак выдання, уплыў афіцыйных і неафіцыйных структур.

Значнай падзеяй для грамадскасці Беларусі з’явіўся выхад з газеты “Минский листок”, якая называлася сябе грамадска-літаратурнай. Газета з’явілася сапраўдным рупарам праблем грамадскасці, і ў прыватнасці, шматлікіх пытанняў па ахове дзяцінства. У шэрагу перыядычных выданняў, прысвечаных непасрэдна праблемам дзяцей, можна адзначыць часопіс “Вестник благотворительности”, які выдаваўся з 1897 г. па 1902 г. і быў цалкам прысвечаны вырашэнню праблем уладкавання дзіцячых прыютаў і багадзельняў [9]. Першым беларускамоўным перыядычным выданнем у Беларусі была газета “Наша ніва”, якая змяшчала інфармацыю аб паўсядзённым жыцці беларускіх сем’яў, аб стане адукацыі, вершы, казкі беларускіх паэтаў, фальклорныя творы, прысвечаныя дзецям.

Вывучэнне гісторыі дзяцінства сутыкаецца з шэрагам розных важных праблем. Письмовыя крыніцы па гісторыі дзяцінства, можна на падставе іх паходжання падзяліць на крыніцы пра дзяцінства (успаміны, лісты, перыёдыка, дакументы і інш.), створаныя дарослымі, і непасрэдна дзіцячыя крыніцы – тэксты, спароджаныя самімі дзецьмі. Дзіцячыя пісьмовыя тэксты малалікія па вызначэнні, бо дзіця часцей выказвае сябе ў вусных альбо невербальных зносінах. Вялікае значэнне таму набываюць пісьмовыя крыніцы іншага, «дарослага» тыпу, прычым не толькі ўспаміны аб дзяцінстве, але і крыніцы, створаныя ў працэсе вербальных і невербальных зносін з дзіцем, у тым ліку кіно-і фотадакументы, малюнкi і ўзоры мастацкага афармлення прасторы, бытавыя прадметы і, вядома ж, цацкі. Прымяненне шматлікіх крыніц, розных па відах і тэматыцы, да вывучэння дзяцінства ў беларускім грамадстве, звяртанне як да сусвету дзяцей і дзяцінства, так і да сусвету дарослага грамадства больш поўна асэнсаваць развіццё беларускага грамадства ў другой палове XIX – пачатку XX ст.

1. Мещеркина Е. Ю, Нуркова о детстве как объект междисциплинарных исследований // Вестник УРАО. – 2003. – № 2. – С. 3–63.
2. Каханоўскі, А. Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861-1914 гг.) / А. Г. Каханоўскі. – Мінск : БДУ, 2013. – 335 с. С. 3.
3. Законы о детях. Сборник постановлений действующего законодательства, относящихся до малолетних и несовершеннолетних с приложением свода разъяснений по кассационным решениям Сената / Сост. Я. А. Канторович. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899; Охрана детства / Сост. В. М. Сорокин. СПб. : 1893.
4. Приказы по городским полициям // НГАБ. – Ф. 295. – Воп. 1. – Спр. 9490/
5. Могилевский приют // НГАБ. – Ф. 3247. – Воп. 1. – Спр. 1.
6. Движение населения в Европейской России за 1885 год. Издание Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел / СПб. : Тип. МВД. – 1890. – 211 с.; Движение населения в Европейской России за 1886 год. Издание Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел / СПб. : Тип. МВД. – 1890. – 211 с.; Движение населения в Европейской России за 1887 год. Издание Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел / СПб. : Тип. В. И. Штейн. – 1891. – 211 с.; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центральным Статистическим комитетом МВД: Под ред. А. А. Тройницкого. – [СПб.], 1897–1905.
7. Смертность младенцев в Европейской России в 1867–1881 гг. Издание ЦСК МВД / СПб. : 1889. – 17 с.; Смертность младенцев в возрасте от рождения до одного года в 1909, 1910 и 1911 годах в Европейской России / СПб. : Тип. Штаба войск Гвардии и Пет. Воен. округа. – 1914. – 100 с.; Смертность младенцев в возрасте от рождения до одного года в 1912 г. в Европейской России / Петроград : 1918. – 62 с.
8. Бандарчык В. К. Еўдакім Раманавіч Раманаў / В. К. Бандарчык. – Мінск : Выд-ва Акадэміі навук БССР, 1961. – 304 с.
9. Вестник благотворительности. – 1902. – № 4; Вестник благотворительности. – 1902. – № 9.

Раманаў С.Л.
КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ АФІЦЫЙНЫХ СВЯТАЎ У ГАРАДАХ БЕЛАРУСІ
ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XIX – ПАЧАТКУ XX СТ.

Для вывучэння гісторыі афіцыйных святаў у гарадах Беларусі XIX – пачатку XX ст. асаблівае значэнне маюць першакрыніцы. Арыгінальных архіўных матэрыялаў, датычных да працэсаў узнікнення і развіцця афіцыйнай святочнай культуры у архівах Беларусі захавалася адносна няшмат. Такая сітуацыя вынікае з таго што большасць афіцыйных святкаванняў была запланавана не на мясцовым губернскім узроўні, а прыходзіла са сталіцы імперыі ў форме гатовага плана, цыркуляра, загада, распараджэння, указа і інш., у якія часам дазвалялася ўносіць дапаўненні ў залежнасці ад спецыфікі рэгіёна і значэння для яго кожнага канкрэтнага свята. Затое у архівах Беларусі магчыма знайсці шматлікія справаздачы аб правядзенні адпаведных свят, дадзеныя аб удзельніках, сцэнарыях і дэкарацыях. Пэўная колькасць такіх справаздач стваралася мэтанакіравана, была прадугледжана праграмамі святкаванняў, публікавалася і несла адпаведную ідэалагічную нагрузку як у выпадку святкаванняў 50-годдзя ліквідацыі Брэсцкай царкоўнай уніі ў 1889 г., 100-гадовага юбілея вайны 1812 г. у 1912 г. і 300-годдзя панавання дынастыі Раманавых у 1913 г.

Большасць існуючых архіўных крыніц па афіцыйнай святочнай культуры можна даследаваць у Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі ў г. Мінск (НГАБ у Мінску). Асабліва інфарматыўнымі ў гэтым сэнсе з’яўляюцца фонды канцылярый грамадзянскіх губернатараў: Віцебскага, ф. 1430, Мінскага, ф. 295, Магілёўскага, ф. 2001. Згаданыя фонды утрымліваюць інфармацыю аб правядзенні найбольш важных афіцыйных святаў, у якіх прымалі непасрэдны ўдзел губернскія улады. Акрамя інфармацыі пра арганізацыю і ажыццяўленне святочных мерапрыемстваў, гэтыя фонды захоўваюць дакументы пра ўвекавечванне памяці святочных падзей і іх знакавых юбілеяў, гістарычных асоб: дзяржаўных і рэлігійных дзеячаў, ваеначальнікаў, пісьменнікаў і паэтаў і інш. [6, 8, 13, 16, 18, 21, 22, 24, 25].

Вялікую колькасць дакументаў пра непасрэдную рэалізацыю афіцыйнай святочнай культуры утрымліваюць фонды навучальных устаноў: вучылішч, гімназій, настаўніцкіх семінарыяў, кадэцкіх карпусоў і інш [15]. Цэлы пласт святочнай культуры існаваў толькі для навучэнцаў і функцыянаваў выключна у іх асяроддзі. У першую чаргу гэта тычыцца святкавання у другой палове XIX - пачатку XX ст. шматлікіх юбілеяў і гадавін расійскіх пісьменнікаў і паэтаў: А.С. Пушкіна (1880, 1887, 1899), М.Ю. Лермантава (1891, 1911, 1914), М.С. Салтыкова-Шчадрына (1899), М.В. Гогаля (1902, 1909), В.А. Жукоўскага (1902), М.А. Някрасава (1903), Л.М. Талстога (1908) і інш. Узгаданыя святы з-за іх спецыфічнай аудыторыі некаторыя даследчыкі называюць “школьнымі” [3, с. 90].

Пэўныя звесткі пра святочную культуру у гарадах Беларусі ўтрымліваюць фонды губернскіх “предводителей дворянства” а таксама фонды гарадскіх дум і мясцовых земскіх устаноў. Шмат дакументаў адносна афіцыйных святаў у г. Мінск утрымліваюць фонды 22 і 24: “Минское губернское по земским и городским делам присутствие” і “Минская городская дума” [5, 7, 9, 10, 14, 19, 20]. Самыя значныя афіцыйныя ўрачыстыя мерапрыемствы і святы ўяўляецца магчымым прааналізаваць адразу па некалькіх а то і па некалькіх дзесятках крыніц. Некаторыя з гэтых дакументаў былі апублікаваны ў адпаведнай літаратуры, як, напрыклад, крыніцы па святкаванню ў 1912 г. 100 гадовага юбілею вайны 1812 г. [2].

Падобныя па характару гістарычныя звесткі аб святкаваннях другой паловы XIX - пачатку XX ст. могуць быць знойдзены ў НГАБ у г. Гродна. Як і ў выпадку з іншымі губернямі, найбольшая колькасць інфармацыі пра афіцыйныя святы захоўваецца ў фондзе канцэлярыі мясцовага (Гродзенскага) губернатара, фонд 1, а таксама ў фондзе 2 “Гродненское губернское правление Министерства внутренних дел”. Разам з дакументамі якія утрымліваюць інфармацыю пра святкаванне юбілеяў 900-годдзя хрышчэння Русі ў 1888 г., 50-годдзя адмены прыгоннага права ў 1911 г. а таксама юбілеяў 1912 і 1913 гг. у гродзенскім архіве адзінкава сустракаюцца унікальныя па інфарматыўнасці дакументы. Да ліку апошніх варта аднесці справу за 1900 г. аб арганізацыі ў Гродна свята пасадкі дрэваў. Згаданае свята ўпершыню ў Расійскай імперыі было

святкавана ў 1898 г. у Харкаве, а прамым прататыпам да яго стварэння было запазычанае са Злучаных штатаў Амерыкі свята “Arborday”[17].

Аднак найбольш падрабязнае уяўленне аб гісторыі афіцыйных урачыстасцяў даюць крыніцы публіцыстычнага характару. Вялікай увагай тагачасных СМІ карысталіся свята з нагоды прыезду значных асоб: свецкіх і духоўных іерархаў, наведванне якімі пэўнага населенага пункту з’яўлялася святам для яго жыхароў. Часам свята арганізаваліся з нагоды юбілеяў і гадавін жыцця, смерці і дзейнасці такіх асоб. У прыватнасці прэсай асвятляліся святочныя мерапрыемствы звязаныя з асобамі І. Сямашкі, Г. Каніскага, А. Суворова, М. Мураўёва і інш. Дастаткова разгорнута святочныя мерапрыемствы асвятляліся ў неафіцыйным адзеле епархіяльных ведамасцяў кожнай губерні. Падрабязна апісаныя былі святкаванні 1885 г. з нагоды 1000-годдзя са дня смерці св. Мефодзія (“День славянской письменности”, “Кирилло-Мефодиево торжество”), 900-гадовы юбілей прыняцця хрысціянства на Русі ў 1888 г., 50-гадовы юбілей ліквідацыі уніяцкай царквы ў 1899 г. і інш. Вялікая увага надавалася таксама святам, звязаным з культурамі праваслаўных святых: Сергія Раданежскага, Ефрасінні Полацкай, Кірылы Тураўскага, Афанасія Філіповіча [1, 11, 12, 27].

Губернскія і епархіяльныя ведамасці беларускіх губерняў падрабязна і дакладна фіксавалі амаль кожнае афіцыйнае свята. Абсалютная большасць такіх крыніц мае апісальны характар, дзякуючы чаму ў гісторыкаў захавалася магчымасць прааналізаваць сцэнарыі святкаванняў, дэкарацыі асобных свят, уплыў святочнай культуры на насельніцтва беларускіх гарадоў. У сувязі з тым што ў згаданы перыяд афіцыйная святочная культура выконвала ідэалагічную функцыю, шэраг свят фіксаваўся ў прэсе у абавязковым парадку. Пасля некаторых святаў паўставалі адпаведныя зборнікі публіцыстычных матэрыялаў з апісаннем святкаванняў у розных гарадах і рэгіёнах імперыі [23, 26].

У згаданых публіцыстычных крыніцах магчыма знайсці нешматлікія фатаздымкі на якіх адлюстраваны элементы свята: парады і крыжовыя хады, дэкарацыі, удзельнікі свята і вынікі святочнай мемарыялізацыі: шэраг манументальных і рэлігійных помнікаў, адукацыйных устаноў, пераіменаваных вуліц, гарадскіх раёнаў і інш. Узгадкі пра фатографію ў святочных працэсіях і зробленыя фатаздымкі святаў фіксуюцца пачынаючы з 1860-1870 гг., аднакна жаль да сённяшняга дня гэты значны аб’ём ілюстратыўнай інфармацыі не падлягаў практычна ніякім упарадкаванням і сістэматызацыі. Разам з фатаздымкамі на пачатку ХХ ст. святочныя (і не толькі) мерапрыемствы пачалі фіксавацца на відэа. У апошнія дзесяцігоддзі існавання імперыі быў назапашаны значны відэаматэрыял з розных афіцыйных святаў у гарадах на прасторы усёй краіны, у тым ліку і беларускіх губернях. На відэа былі запісаны святочныя мерапрыемствы ў Мінску, Гродна, Полацку і інш.[4]. Негледзячы на тое што не ўсе дакументальныя звесткі захаваліся да нашага часу, увесь комплекс згаданых крыніц дазваляе скласці сістэмнае уяўленне пра функцыянаванне афіцыйнай каляндарнай сістэмы і месца афіцыйных святаў у тагачасным грамадска-палітычным, рэлігійным і культурным жыцці.

1. Альбицкий, В. По поводу исполненной 8-го июня 1889 г. 50-ти лет-ней годовщины по воссоединении униатов с православною церковию (Письмо в редакцию) / В. Альбицкий // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1889. – № 23. – С. 1004–1007.
2. Беларусь и война 1812 года: Документы / сост. А. М. Лукашевич, Д. Л. Яцкевич; редкол.: В. И. Адамушко (гл. ред.). – 2-е изд. – Минск : Беларусь, 2013. – 559 с.
3. Вдовин, А. В. Годовщина смерти литератора как праздник: к истории традиции в России (1850–1900-е гг.) / А. В. Вдовин // Festkultur in der russischen Literatur (18. bis 21. Jahrhundert) / Культура праздника в русской литературе XVIII–XXI вв. / Hrsg. von A. Graf. München: UTZ Verl., 2010. – С. 81–93.
4. Вишневский, В. Е. Документальные фильмы дореволюционной России 1907–1916 / В. Е. Вишневский. – М. : Музей кино, 1996. – 285 с.
5. Дело о переносе юбилейного памятника с Захарьевской улицы на площадь между Московской и Захарьевской улицами в г. Минске // НГАБ. – Ф. 22. Оп. 1 Д. 124.
6. Дело о сборе пожертвований на сооружение памятника Ермолову А. П. в г. Орше // НГАБ. – Ф. 295. Оп. 1 Д. 8054.
7. Дело о сборе средств на сооружение памятника Адаму Мицкевичу в г. Новогрудке // НГАБ. – Ф. 320. Оп. 1. Д. 374.
8. Дело о сооружении памятника Александру II в г. Мозырь // НГАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 8253.
9. Дело об открытии городской публичной библиотеки и музея им. А. С. Пушкина в г. Витебске в честь 100-летия со дня рождения поэта // НГАБ. – Ф. 2496. Оп. 1 Д. 306.

10. Доклад Витебской городской управы городской думе о переименовании одной из улиц в г. Витебске в Суворовскую в честь 100-летия со дня смерти Суворова // НГАБ. – Ф. 2496. Оп. 1 Д. 607.
11. Дубровский, М. Житие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой: К торжеству перенесения святых мощей пресвятой Евфросинии из г. Киева в г. Полоцк / Михаил Дубровский. – Санкт-Петербург : Полоц. церк. братство во имя св. Николая и преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, 1910. – 19 с.
12. К столетию со дня рождения блаженной памяти митрополита Иосифа Семашко // Минские епархиальные ведомости. – 1898. – № 24. – С. 731–734.
13. О выработке программы 100-летия Отечественной войны // НГАБ. – Ф. 1430. Оп. 1 Д. 48430.
14. О подписке на сооружение в г. Минске часовни в память спасения жизни государя императора 4 апреля 1866 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НГАБ). – Ф. 320. Оп. 2 Д. 95.
15. О присвоении Полоцкой учительской семинарии имени Кульневской в память героя Отечественной войны 1812 г. генерала Кульнева // НГАБ. – Ф. 2566. Оп. 1 Д. 818.
16. Об ограничении празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны // НГАБ. – Ф. 2001. Оп. 1 Д. 2081.
17. Об организации праздника древонасаждения в губернии // НГАБ у г. Гродна. – Ф. 1. Оп. 9 Д. 1335.
18. Переписка с начальником полиции Минской губернии, минским полицмейстером и уездными исправниками о проведении чествования 100-летнего юбилея украинского поэта Шевченко Т.Г. // НГАБ. – Ф. 295. Оп. 1 Д. 8622 (б).
19. Постановление думы о сооружении памятника Александру II в сквере напротив здания присутственных мест // НГАБ. – Ф. 24. Оп. 1 Д. 3600.
20. Постановление думы об отводе Минскому православному братству 100 кв. саженей городской земли на Юбилейной площади для постройки часовни в память избавления царя от опасности раскрытого заговора // НГАБ. – Ф. 22. Оп. 1 Д. 3629.
21. Постановления Новогрудской городской думы от 28 апреля 1883 г. об устройстве иллюминации и угощения и открытии в г. Новогрудке мужской гимназии под названием «Александро-Мариинская» в честь коронации императора // НГАБ. – Ф. 295. Оп. 1 Д. 3828.
22. Рапорты исправников и полицмейстеров о спокойном настроении польского населения в связи с 50-летием со дня восстания 1863 г. и др. // НГАБ. – Ф. 1430. Оп. 1 Д. 49042.
23. Торжество 50-летия воссоединения униатов с православной церковью: 8-е июня 1889 г. в Вильне и др. местах Западной России. – Вильна : Губ. тип., 1889. – 356 с.
24. Уведомление минского губернатора нач. штаба Минского военного округа о запрещении литературно-музыкального вечера в память польского писателя Г. Сенкевича // НГАБ. – Ф. 295. Оп. 1 Д. 9187.
25. Фотография с заголовком: открытие памятника «матери Полтавской баталии», сражения при д. Лесной 1708 г. (1912 ?) // НГАБ. – Ф. 2001. Оп. 1 Д. 2079.
26. Царствующий Дом Романовых. 1613–1913. – СПб. : т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1913. – 419 с.
27. Церковное торжество, имеющее быть 3 мая в г. Бресте. Св. Афанасий Филиппович, игумен Брестский. 1 мая 1649–1 мая 1909 года // Гродненские епархиальные ведомости. – 1909. – № 16. – С. 70–72.

Никитина Н.П.
ВИТЕБСКАЯ ГУБЕРНИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ
НЕПРЕМЕННОГО ЧЛЕНА ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ
НЕВЕЛЬСКОГО УЕЗДА Г.М. САДОВСКОГО

Современная историческая парадигма все чаще обращается к внутреннему миру человека и как следствие источники личного происхождения начинают занимать в этом особое место. Публикация данного вида источников в последние годы набирает оборот. Стоит выделить серию книг Всероссийской мемуарной библиотеки, основанной А.И. Солженицыным. Первый выпуск увидел свет в 1997 г. Основатель рассматривал данный проект как способ сохранения связи с прошлым. Одна из серий этого издания посвящена российской и советской деревни первой половины XX в. В сборник вошли воспоминания бывшего непрямого члена землеустроительной комиссии Невельского уезда Витебской губернии Георгия Митрофановича Садовского. Автором комментариев к тексту является Н.Ф. Гриценко.

Воспоминания Г.М. Садовского хотя и введены в научный оборот, но не получили еще достаточно глубокого анализа [6]. Данный источник личного происхождения интересен не только с точки зрения модернизационных процессов, происходивших в провинции в условиях реализации Столыпинской реформы, но и в контексте изучения повседневности.

Информация о Г.М. Садовском в комментариях скудна: «родился в Латвии, выпускник Московского университета...В годы Первой мировой войны – председатель Витебской губернской комиссии по приему лошадей для армии. В 1917 г. Был назначен витебским районным агрономом...эмигрировал; жил в Латинской Америке» [4, с. 447]. Однако из текста воспоминаний следует,

что Г.М. Садовский когда-то в студенческие годы придерживался «народнических принципов» [4, с. 23] был связан с партией эсеров, принимал участие в студенческих волнениях в Московском университете в 1905 г., он являлся кандидатом естественных наук. Данную информацию позволяют дополнить данные из Памятной книжки Витебской губернии, где указано, что в должности постоянного члена землеустроительной комиссии Невельского уезда он находился с 1909 г. [2, с. 322]. Как долго он пребывал в данной должности неизвестно. В Памятной книжке Витебской губернии на 1914 г. Г.М. Садовский значился по прежней должности [3, с. 209].

Публикация воспоминаний идет под названием «Счастливые годы» и хронологически охватывает период начала 1910-х гг. Заголовок свидетельствует о восприятии автором этого этапа своей жизни: молодой человек прогрессивных взглядов получает возможность практической деятельности, направленной на улучшение сельского хозяйства, становление крестьянина собственника, у него молодая семья, приличное жалование, интересная работа. В воспоминаниях содержится информация по нескольким большим блокам: деятельность землеустроительной комиссии в условиях проведения Столыпинской реформы, провинциальное чиновничество и дворянство, город и деревня в начале XX века, национальный вопрос. Автор обращается к данным темам на примере Невельского уезда и г. Витебска. В этом контексте интересна топонимика последнего. Г.М. Садовский пишет, что отправляясь из Бригитполя в Витебск он проехал Царьград, предместье Витебска, Воропаевскую улицу, пересек Смоленскую и остановился в доме матери Суворовской ул., 31. Если перечисленные улицы локализируются исследователями на современной карте Витебска, упоминание о предместье Царьград не встречается нигде. Автор, по всей видимости, имел в виду фольварк «Царьград», упоминание которого встречается в Витебской энциклопедии, в статье посвященной пожару 1901 г. [7].

Витебск в воспоминаниях предстает большим городом с множеством магазинов, трамваями, которых очень боялись сельские лошади, причем их страх распространялся не только на сам транспорт, но и рельсы. Образ уездного города Невеля несколько иной. «Выше всех над городом подымаются купола собора, сбоку серебрятся от луны две главы костела, виднеется высокий шоссейный мост, на острове поднимается черный дым от паровой мельницы Бенкевича, а дальше, казалось бы, бесконечная бело-серебрянная равнина громадного Невельского озера, по которому можно ехать, переезжая через речки, более пятнадцати верст» [4, с. 109]. Плохо расчищенный от снега тротуар, и все пешеходы двигаются по середине улицы. Весной в Невеле ходить по дорогам опасно. Под тонким слоем навозной жижи находится лед. Упадешь – встанешь грязным и вонючем. Уездные присутственные места (полиция, казначейство, пожарная команда и воинское присутствие) располагались в одном двухэтажном каменном здании. Невель не произвел на супругу Г.М. Садовского Элли хорошего впечатления. В городе отсутствовал водопровод, воду в квартиры доставляли по утрам водовозы, такса составляла рубль в месяц. В городе имелась дворянская баня, по всей видимости, для состоятельных людей, но население ходило в бани к знакомым. Бани топили по пятницам и субботам. В будни дни услуги по доставке воды с целью помывки осуществляли бабы-водоноски, которые с вениками под мышкой на перекрестках громко кричали «Баня, баня». В то же время на невеликом рынке было много овощей, поэтому местные жители не держали свои огороды. Развлечений почти никаких, в городе имелся некий клуб (вероятно дворянский), где дамы играли в лото. Для остальных жителей города роль клуба выполняет железнодорожный вокзал, на котором толпилось много деревенской молодежи. Главное их развлечение встреча последнего вечернего поезда. Они приходили на вокзал, чтоб на «людей посмотреть и себя показать». Девушки ходили отдельными от парней группами, как сказал кучер «своим стадом» [4, с. 138]. Парни так же объединяются в группы, некоторые приходят с гармошками-гальянками: начинались песни, совместные прогулки, завязывались дружеские отношения.

В контексте описания повседневности на страницах воспоминаний возникают подчас и гастрономические подробности. Г.М. Садовский описывает торжественный обед в Витебском ресторане «Елага». «Два стола гнулись от шикарной сервировки и поставленных закусок. Мне запомнился – раковый суп, телячьи мозги в раковинках, фазаны в перьях, крющон с ананасами и бесконечное количество русских вин и шампанского, так как землеустроители не желали пить заграничные» [4, с.133]. Вместе с тем, Г.М. Садовский положительно относился к настоящему

русскому обеду, на который его пригласил один из чиновников губернского казначейства: борщ со сметаной, каша с маслом, голубцы со свиной, чай с лимоном и слоеный пирог. Автор со вкусом описывает, что в буфете на железнодорожном вокзале подавали селяву (вид рыбы). На страницах воспоминаний появляется и описание гастрономических новшеств той эпохи. Г.М. Садовский отмечал, что из-за разъездов ему подчас приходилось питаться всухомятку. Как-то в лавке он приобрел новинку того времени кубики «Магги». Во время командировки в Топорскую волость, Г.М. Садовский был приглашен на обед к сельскому священнику, в ответ на это землеустроитель предложил попробовать кулинарную новинку. Вот как Г.М. Садовский описывает свои впечатления: «Когда я пробовал суп, то у меня получилось впечатление, что это посоленный столярный клей, а батюшка его хвалит, говорит, что это «диво дивное – и питательно, и духовито, и скоро образуется» [4, с.111]. Как известно, разработка и выпуск в 1886 г. торговой фирмой «Магги» сухих супов, была связана с исследованиями доктора Фридолина Шулера в сфере рациона рабочих. Он пришел к выводу о недостатке в их питании белковой пищи и предложил замену - дешевый растительный белок [5]. Таким образом, упоминание о современных продуктах можно встретить в источниках начала XX в.

Нюансы взаимоотношений в среде провинциального чиновничества красной нитью проходят через воспоминания Г.М. Садовского. Напряженность отношений между хозяином уезда – предводителем дворянства и независимыми от него чиновниками землеустроительной комиссии является одним из лейтмотивов воспоминаний. Так предводитель дворянства Невельского уезда Владимир Александрович Владимиров, выпускник Николаевской Академии генерального штаба, находился на службе с 1873 г., и был избран предводителем в 1905 г. [2, с. 312] постоянно именуется «индюком» за чванливость и стремление показать свою власть. Г.М. Садовский, хотя несколько шуточно, характеризовал эти взаимоотношения как «война между красной (цвет околыша шапки у «индюка») и зеленой (цвет околыша моей фуражки) розой» [4, с. 130]. Антагонизм имел место и в отношениях землеустроительных комиссий и земства, особенно это проявлялось на уровне агрономов, которые подчас давали крестьянам противоположные рекомендации. Негатив, по мнению Г.М. Садовского, был обусловлен травлей «землеустройства» со стороны «прогрессивной печати» и довольно пассивной позицией министра А.И. Кривошеина.

Любопытна оценка Г.М. Садовским института земских начальников. По роду своей деятельности автор постоянно выезжал в селения и волости Невельского уезда, где встречался не только с крестьянами, но и непосредственными «хозяевами» - земскими начальниками. Именно так воспринимал автор эту должность: «...первый и главный опекун крестьянина: кто наблюдает и не разрешает брать взятки в волостном суде..., кто бесплатно защищает мужика, когда его лавочник начнет описывать за несуществующие долги; кто собирает сельские сходы и уговаривает крестьян согласиться поставить школу или устроить врачебный пункт, а в случае пожара или какое там бедствие – к кому побегут за помощью крестьяне? Ни один социалист им не поможет...» [4, с. 33]. На страницах воспоминаний представлены три типа земских начальников. Первый – плохой хозяин, не контролирует крестьян, не может справиться с ростовщической деятельностью еврейского населения волости. Это Михаил Петрович Яновский (православный, окончил Полоцкий кадетский корпус, на службе и в должности с 1901 г.) [2, с. 312]. Второй – истинный хозяин, справедливый и требовательный, держит всех в ежовых рукавицах – барон Александр Карлович Бухгольца (лютеранин, окончил Политехнический институт в должности с 1907 г.). Этот земский начальник так характеризовал основные принципы своей деятельности: «я строго придерживаюсь закона... У меня нет ни бедного, ни богатого, ни писаря, ни старосты, ни простого крестьянина... Все они обязаны исполнять свои обязанности быстро и хорошо. Я требую порядка и также сажу в холодную самого старшину, как и последнего крестьянина. Я усиленно слежу за волостным судом и за взятки без милосердия передаю виновных судебному следователю. Волостные правления я контролирую днем и ночью...Я даже нанял особого извозчика, чтоб не могли узнать у стоечника, куда я собираюсь ехать. Выселил жидка из волости, освободился от деревенского кровопийцы» [4, с. 113]. Третий тип, занимает промежуточное место между первым и вторым. Он неплохой хозяин, но ведет себя по панибратски, что не способствует порядку в волости. Это Василий Николаевич Гойжевский. При прибытии его в волость крестьяне сразу же приглашают его на охоту, «... он сейчас же заходил к писарю на квартиру, часто выбегал с ним на двор, чтобы посмотреть на гончих, пил с ним

чай, как равно и писаря приглашал к себе» [4, с. 112]. Симпатии Г.М. Садовского были явно на стороне А.К. Бухгольца. В воспоминаниях присутствует информация и о судьбе земских начальников после революции 1917 г. Крестьяне земского участка Гойжевского, несмотря на его человеческое отношение к ним, сжигают его усадьбу. Требовательного Бухгольца они выбрали начальником милиции, но он отказался от данной должности и уехал на восток. А Янковский надел красный бант. Г.М. Садовский подчеркивает, что крестьянину все же необходим умный, требовательный наставник, крестьянин слишком консервативен и не способен сразу понять свою выгоду.

Неоднозначным предстаёт образ деревни в воспоминаниях Г.М. Садовского. Точнее здесь присутствует две сельские местности: старая общинная деревня и современная, разделенная на хутора. Первая это грязная, нищая, «звероватая», где все показное. Например, «крестьянские парни любили на Масленную прокатиться на легоньких саночках и покатать своих девчат, и надо было, чтоб «рысачок» был кругленький, шерсть блестящая, в гриве были бы вплетены алые ленты, на седелке звенел «англицкий» колокольчик... Ну а корову кормили соломой с осокой, а чтоб ее хоть за зиму почистить, то кто об этом мог даже подумать?» [4, с. 148]. Вторая - чистая, зажиточная, сметливая, предприимчивая. По мнению Г.М. Садовского, последнюю сделал хутор, благодаря которому ум крестьян прозрел. Несомненно, такое восприятие деревни обусловлено тем, что автор являлся не только по роду деятельности, но и своим убеждениям сторонником Столыпинской реформы. Очень часто на страницах воспоминаний присутствуют монологи непосредственного начальника Г.М. Садовского Константина Ивановича Шашковского, постоянного члена Витебской губернской землеустроительной комиссии. Его имя связано с творчеством художника Ю.Ю. Клевера, в частности с его картиной «Дречелуки» (1901г.). По мнению искусствоведов, на ней изображен К.И. Шашковский [8]. Из текста воспоминаний видно, что он работал более 20 лет по крестьянскому делу. В правительственном отчете он характеризовался как человек преданный делу, умный, «смотрит на задачи комиссии очень серьезно и правильно, подвижен, благодаря чему у крестьян налаживается доверчивое отношение к комиссии» [1, с. 203]. Пестуя своего протеже К.И. Шашковский говорил: «...вы будете работать на несчастного бедняка, будете помогать ему стать на ноги, превратиться в человека» [4, с. 32]. По его мнению, угнетает бедняка общинное рабство. Подспудно, Г.М. Садовский не согласен с этим, общение с крестьянами приводит его к мысли, что они мечтают о своей земле. «С завистью поглядывают на помещичью и казенную землю, как смотрит голодный на горячий и вкусный пирог» [4, с. 75]. Удивляют молодого землеустроителя и некоторые особенно крестьянской ментальности. Говорить с крестьянином надо было на «ты», а не на «вы», иначе крестьянин не понимал, что к нему обращаются. Вот как сами крестьяне философски объясняли это: «У нас нет такой привычки, чтобы «выкаты». Как молитву читаешь, так Богу говоришь «ты»... А мы христиане, так нам и надо говорить «ты», - что мы лучше Иисуса Христа?» [4, с. 73]. Не ценили сельские жители того, что им бесплатно доставалось. Показательным примером служило отношение к брошюрам по сельскому хозяйству, которые лично подготовил Г.М. Садовский. Их тираж первоначально бесплатно раздавался крестьянам, они охотно его брали, но использовали в качестве папиросной бумаги. Как только данное издание стали продавать по 2 коп. крестьяне, жалея деньги и сохраняли литературу. Трудности для крестьян представляло и освоение нового терминологического аппарата. Они своеобразно произносили слова: планы – «планты», медали – «мигдалы», хутор - «футор», агроном – «гарлом». Сам землеустроитель был для них не просто чиновником, но чужаком из города, где «дурак на дураке сидит» [4, с. 79].

Значительное место в воспоминаниях занимает национальный вопрос. Автор подчеркивает, что на всех значительных должностях в губернии находятся лица немецкого происхождения: губернатор – барон Гершау фон-Флоттофф, вице губернатор - барон Розен, председатель окружного суда – Губерт, полицмейстер – Браун. Явное недовольство по этому обстоятельству выражает К.И. Шашковский, заявляя, что необходимо выдвигать свою молодежь. Немцы являлись не только чиновниками, но и хорошими колонистами, которые стали нашими. «Мы – истинно русские люди» - говорили они [4, с. 34].

Большое внимание в тексте воспоминаний уделено евреям, что не случайно, т.к. Витебская губерния относилась к полосе оседлости. Образ еврейского населения крайне негативный: «нет опаснее врага для белорусского мужика, как жид: он умеет прикинуться страдальцем за него, а

сам его спаивает и обирает на каждом шагу. Большое несчастье, что черта еврейской оседлости захватила нашу губернию» [4, с. 29]. В руках евреев все кабаки, лавки, вся торговля. «Они платят мужику столько, сколько хотят, а дерут с него втридорога» [4, с. 35]. В Невельском уезде около станции Маево было несколько еврейских деревень, «евреев-землепашцев». Данный термин автор постоянно пишет в кавычках, подчеркивая, что на самом деле они не занимаются сельскохозяйственным трудом. Они используют труд споловщиков, а сами скупали сельхоз-продукцию в соседних деревнях и продавали в городе, выдавая ее за собственную. По мнению автора, евреи перевернули мозг мужику, и он считает врагом помещика. Евреи высмеивают все русское и исконное, особенно церковь и бога. Еврейский вопрос – самый опасный, недаром, по настоянию семьи Г.М. Садовский приобретает два пистолета: маленький велодог и браунинг.

В противовес евреям, образ белорусов, на страницах воспоминаний, очень положительный. Ярким представителем являлся секретарь землеустроительной комиссии Невельского уезда Андрей Максимович Махновский. К.И. Шашковский говорил, что белорусам веками пришлось гнуться то под польским, то под литовским игом, а теперь догонять в развитии великороссов. Он называет Белоруссию «красавицей-бесприданницей», т.к. земля плохая. Крестьяне занимаются промыслами: гонят деготь, дерут лыко, копают каналы, причем так хорошо, что артелями их берут на постройку Сибирской железной дороги. Белорусский мужичок «хитрой» - «глазам не верит, пока к зубам не примерит» [4, с. 67].

Будучи членом дворянской корпорации Г.М. Садовский не обходит стороной и дворян. Образ пореформенного дворянства на страницах воспоминаний довольно любопытен. Это старые дворяне – образованные заботящиеся о крестьянах (владельцы имения Долыссы – Трубчинские). И новые дворяне, получившие этот чин службою - «сразу забудет и наплюет на ту среду, в которой он вырос». Г.М. Садовский в воспоминаниях отражает и процесс разорения дворянства, причина этого видится ему в неумении и в нежелании работать. «Сами не ведут хозяйство, а разъезжают по заграницам, прокучивают там денежки, что дает им земля» [4, с. 34]. Это образ Л.А. Раневской из «Вишневого сада». Однако это будет не долго, вскоре они заложат и продадут Крестьянскому банку все свои земли. Автор отмечает, что в пореформенное время термин «дворянство» теперь равносильно понятию образованность.

Подводя итог, следует отметить, что воспоминания неперемного члена землеустроительной комиссии Невельского уезда Г.М. Садовского являются интересным источником, раскрывающим различные грани жизни населения Витебской губернии в начале XX в. Он любопытен также с той точки зрения, что это взгляд молодого интеллигента на такие острые проблемы той эпохи, как аграрный и национальный вопросы.

1. Отчет главноуправляющему землеустройством и земледелием действительного статского советника С. А. Куколь-Яснопольского и статского советника Н.Н. Куприянова о командировке (совместно с А. А. Кофодом) в Псковскую, Витебскую, Могилевскую и Курскую губернии в 1907 году // Столыпинская реформа и землеустроитель А. А. Кофод: Документы, переписка, мемуары / сост. А. В. Гутерц. – М. : Русский путь. – С. 184–217.
2. Памятная книжка Витебской губернии на 1910 год : официальное издание / издание Витебского губернского статистического комитета. – Витебск : Губернская типография, [1910]. – VIII, 27, 445, – 168 с.
3. Памятная книжка Витебской губернии на 1914 год / издание Витебского Губернского Статистического Комитета. - Витебск : Губернская Типография, 1914. – VIII, 3-280, LXX, [1], 42 с., [3] л. портр.
4. Садовский, Г. М. Счастливые годы / Г. М. Садовский // Российская и советская деревня первой половины XX в. Глазами крестьян: Взгляд из эмиграции / сост. Н. Ф. Гриценко. – М. : Русский путь, 2009. – С. 15–156.
5. Maggi / [Электронный ресурс] – Режим доступа: // ru.wikipedia.org/wiki/Maggi. – Дата доступа 11.02.2019.
6. Максимовская, Л. Невельская охота в начале XX века / Л. Максимовская // Невельская жизнь. – 2012. – № 2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://nevelikc.ru/kraevedenie/istorii-nevelskoj-zhizni/nevelska-ohota-v-nachale-xx-veka/> – Дата доступа 11.02.2019.
7. Пожар 1901 г. // Витебская энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: // <http://vitebsk.com/wiki>. – Дата доступа 11.02.2019.
8. Рустамова, И. В. Белоруссия в творчестве Ю.Ю.Клевера [Электронный ресурс] / И. В. Рустамова, Т. А. Резник. – Режим доступа: <http://www.art-lab.com.ua/index.php/ru/2010-04-13-10-48-45/555-2015-03-13-15-02-1>. – Дата доступа 11.02.2019.

Бартеле Т.М.
ЛАТЫШСКАЯ ПРЕССА КАК ИСТОЧНИК О ПЕРВОМ ПРОВЕДЕНИИ
«ДНЯ БЕЛОГО ЦВЕТКА» В РИГЕ (1912 Г.)

Туберкулез – одно из самых опасных инфекционных заболеваний, уходящих своими корнями в глубочайшую древность. 24 марта 1882 года немецкий микробиолог Р. Кох (Robert Koch, 1843–1910) выступил с сообщением об открытии им возбудителя болезни. С 1993 года эта дата отмечается как Всемирный день борьбы с туберкулезом [1]

С конца 19 века борьба с туберкулезом начала принимать организованный характер. Была создана Международная лига борьбы с туберкулезом, которая стала проводить международные конференции, пропагандировавшие борьбу с ним, как с социальной болезнью. В действительности же она поражала все слои населения. Заболеваемость заразными формами (после открытия Р. Коха их научились выявлять при помощи микроскопии мазка мокроты) среди людей с достатком доходила до 2%, а среди бедняков до 7% [3]

В 1902 году в Берлине на первой международной конференции по борьбе с туберкулезом, был принят символ этого движения – шестиконечный двойной красный крест, так называемый лотарингский крест. Российская империя не осталась в стороне от этого процесса. 23 ноября 1909 г. была основана Всероссийская лига для борьбы с туберкулезом, ставшая основным организационным центром общественной борьбы с этим заболеванием [4] Ее работа, главным образом, основывалась на благотворительности.

Одним из самых популярных благотворительных мероприятий в борьбе против туберкулеза стал День белой ромашки (День белого цветка), как символа природного антисептика и одновременно любви, уязвимости и ранимости. Идея родилась в Скандинавии, и впервые этот день провели в Швеции 1 мая 1908 года [2]. Мероприятие подразумевало раздачу за пожертвования белого искусственного цветка, как символа борьбы против туберкулеза, привлекало внимание людей к проблеме, приносило доход противотуберкулезным организациям. Проводилась и разъяснительная работа среди населения об опасности туберкулеза, выпускались открытки, плакаты и другие материалы.

Вслед за Швецией проведение Дня распространилось на другие скандинавские страны. А 20 апреля 1911 года День белой ромашки впервые провели в России. Он прошел как в Москве и Санкт-Петербурге, так и других местах, всего в 104 городах, в том числе белорусских: в Минске, Бобруйске, Гомеле, Могилеве, а также в небольших населенных пунктах, таких как Вилейка, Ошмяны [4] В Гомеле в этот день жители пожертвовали 5 000 рублей, а в Минске 10 777 р. 17к. [5, с. 9]

В это время в России, в состав которой входили тогда и латышские губернии, сравнительно широко была развита культура благотворительности. Существовала культура кружечного сбора пожертвований. За цветок ромашки предлагалось опустить в благотворительную кружку посылную сумму [6, с. 81]

Успешное проведение подобных мероприятий требовало информационную поддержку и рекламу. Главным каналом информации была пресса и печатная социальная реклама (плакаты и открытки). Надо заметить, что в начале XX века понятие «социальная реклама» было напрямую связано с понятием «социальная осведомленность». Тогда это были понятия-синонимы.

5 мая 1912 года Видземское (Видземе – северная область Латвии) общество по борьбе с туберкулезом впервые организовало День белого цветка в Риге и некоторых других городах губернии. (Необходимо отметить, что в июле 1911 года Союз немецких женщин уже провел в Риге День белого цветка, но он не был целенаправлен на сбор пожертвований на лечение именно туберкулеза.)

В качестве источника для обзора проведения противотуберкулезного дня автор отобрала пять издававшихся легально в Риге газет, которые в то время представляли почти весь политический спектр латышского общества (немецкие и русские газеты не использовались). Это «Dzimtenes Vēstnesis» (Вестник родины) – самая крупная ежедневная газета, в которой удалось обнаружить двадцать различного рода публикаций, посвященных Дню белого цветка, и ее можно рассматривать как основной источник, дающий сравнительно полную картину прошедшего Дня белого цветка. По две публикации было в «Jaunā Dienas Lapa» (Новый ежедневный листок) и «Jaunākās Ziņas» (Новейшие известия), пять в «Latvija» и три в «Rīgas Avīze» (Рижская газета).

Рекламы Дня белого цветка в современном представлении в газете было немного, а была информация о предстоящем мероприятии, в которой выражалась надежда, что публика поймет его важность и проявит отзывчивость.

Рига своевременно готовилась к проведению Дня белого цветка. Были заготовлены искусственные цветы, изданы плакаты, листовки, соответствующим образом оформлены здания и витрины магазинов.

Газеты публиковали информацию о Дне белого цветка, описывая предстоящие мероприятия, рассказывая о людях, у которых было право собирать пожертвования, раздавать цветы и открытки, о том, кто и где будет считать собранные деньги.

Еще в апреле, после создания организационного комитета в Риге [7, 5.lpp.] газета «Latvija» сообщила о прошедшем 20 апреля Дне белой ромашки в обеих российских столицах. В Петербурге собрали 105 342 руб. 21 коп., в Москве 151 000 рублей. Одновременно она привела данные о Дне белого цветка в Лиепае, входившей в состав Курляндской губернии. Здесь он также состоялся 20 апреля, и пожертвования составили 5 704 р. 22 к. [15] Были данные и по другим городам. Подобные публикации можно рассматривать как побуждающие к активному участию в подобных мероприятиях. Использование таких материалов прессы было распространено в начале 20 века.

В качестве информационной поддержки и одновременно просветительства можно рассматривать научно-популярные статьи и другие материалы по теме, публиковавшиеся в газетах.

Первого мая в «Dzimtenes Vēstnesis» сообщалось о разрешении правительства организовать День белого цветка, а также о том, что полученные пожертвования пойдут на строительство «народной лечебницы по зарубежным образцам», и она предназначалась «только бедным больным без различия национальностей» [8, 5.lpp.]

Второго мая там же напечатали статью «Санаторий для легочных больных в Видземе», в которой автор доказывал необходимость создания санатория для больных из средних и бедных слоев. В статье приведены данные о том, что в Риге ежегодно от туберкулеза умирали 1 000 человек, а в 1911 году «в Видземе констатировано не менее 10 000 случаев заболевания им». Текст завершился выражением надежды, что каждый год «День белого цветка» будет напоминать о необходимости продолжения начатой работы [18, 3.lpp.]

В этот же день «Rīgas Avīze» поместила большую статью о туберкулезе с использованием данных о заболеваемости им в разных странах, в том числе и в России. Она, также, как и другие, завершалась призывом принять участие в празднике [9, 3.lpp.]

Начиная с четвертого мая в семи номерах, газета публиковала статью доктора Д. Бискапа «Туберкулез как народная болезнь» [10, 1.-2. lpp.]

Интересно, что перед этой статьей четвертого мая газета напечатала стихотворение Р.М. Рильке (R. M. Rilke, 1875–1926) «Это был день белой хризантемы» в переводе В. Плудониса (Vilis Plūdonis, настоящее имя – В. Лейниекс, 1874–1940), как предупреждение об опасности болезни, в котором говорилось о хризантеме, как символе приближающейся смерти. [19, 1.lpp.]

В качестве источника может использоваться и реклама, размещенная в газете. Ее можно разделить на две группы. Это реклама самого Дня белого цветка, и мероприятий, часть средств от которых перечислялась в фонд Общества борьбы против туберкулеза. К первой группе относится реклама Видземского общества борьбы с туберкулезом, которая в виде вкладыша была помещена в газету 2 мая. Таким образом она достигла не только читателя газеты, но могла быть передана другим людям [11, 5.lpp.] Сюда же можно отнести и появившийся в газете накануне Дня белого цветка чрезвычайно эмоциональный призыв к горожанам принять участие в мероприятии. Он начинался с восклицания «Сограждане!», а ключевыми словами были «Покупайте белый цветок!». Подписавшаяся «Одна из продавщиц цветов» в конце воззвания восклицала «Кто будет так бессердечен и завтра будет без «Белого цветка»?» [16, 6.lpp.]

Ко второй группе можно отнести рекламу бала в Верманском саду, бала в пользу Дня белого цветка в саду «Стрелков» (сегодня парк Кронвалда), где предполагался концерт Будапештского цыганского хора [12, 8.lpp.], и рекламу кинотеатра «Stars», дирекция которого обещала в большой День маргаритки (так в тексте – Т.Б.) часть средств перевести на строительство дома для больных туберкулезом. С этой же целью программа была повторена шестого и седьмого мая [13, 11.lpp]

Горожане из различных социальных слоев активно жертвовали деньги на борьбу с туберкулезом. На улицах встречались люди, у которых было приколото к одежде по многу цветков. При подсчете денег в кружках обнаружили золотые, серебряные и медные деньги, а также ассигнации. Важно отметить, что рижане были проинформированы о том, как проходил подсчет собранных пожертвований. «Rīgas Avīze» подробно рассказала о процессе подведения итогов. Деньги считали целый день шестого мая в Большой гильдии. В здании и около него дежурили полицейские, как в форме, так без нее. Подсчет шел на шестнадцать столов, у каждого из которых находилось по два человека. Это были члены городской думы, представители обществ: адвокаты, врачи. Кроме того, у стола находился контролер от банка или член правления Видземского общества по борьбе с туберкулезом. Из 1 700 кружков около 100 были пустыми, а в остальных оказались пожертвования от 5 копеек до 200 рублей [17, 3.lpp.] Подобные публикации повышали доверие общества к организаторам Дня белой ромашки, и были стимулом к дальнейшему участию в нем.

12 мая «Jaunākās Ziņas» сообщила, что вместе с доходами от бала в парке «Стрелков» в Риге было собрано 49 000 рублей [14, 3.lpp.]

Публикации, посвященные Дню белого цветка, были близки по содержанию. Независимо от того, какую газету читал рижанин, он был информирован о мероприятии, его организации и результатам. Можно утверждать, что статьи не были политизированы, и были направлены на помощь в решении важной для всего общества проблемы.

Материалы прессы дают возможность сделать вывод, что первый День белого цветка прошел успешно, и положил начало проведению этого праздника и в последующие годы. Традицию его проведения в Риге других городах прервала Первая мировая война. В независимой Латвии она была возобновлена в 1924 году и продолжалась до 1940 года. В новейшее время она не была восстановлена.

1. Всемирный день борьбы с туберкулезом [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.calend.ru/holidays/0/0/1002/> - Дата доступа: 15.02.2019.
2. Гуденков М.А. День белой ромашки (К истории Всемирного дня борьбы с туберкулезом) [Электронный ресурс] // М.А. Гуденков // Вестн. Смолен. гос. мед. акад. – 2010. – №1. – С.168-170. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/den-beloy-romashki-k-istorii-vsemirnogo-dnya-borby-s-tuberkulezom>. – Дата доступа: 15.02.2019.
3. История Всемирного дня борьбы с туберкулезом – Дня белой ромашки. – [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.dcg.ru/news262.html>. – Дата доступа: 29.01.2019.
4. Мацкевич, К. Ю. Борьба с туберкулезом в Беларуси в начале XX века [Электронный ресурс] // К. Ю. Мацкевич // Здравоохранение Беларуси. – 2016. – № 8 (август). Режим доступа: <http://www.zdrav.by/infektologija-i-epidemiologija/bobra-s-tuberkulezom-v-belarusi-v-nachale-XX-veka>. – Дата доступа: 12.02.2019.
5. Первый Туберкулезный день в Москве в 1911 г. – Москва, 1912. – С. 31 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/search#q=Первый%20Туберкулезный%20день%20в%20Москве%20в%201911%20г.%20Москва>. – Дата доступа: 12.02.2019.
6. Савельева, О. О. Введение в социальную рекламу с двумя приложениями / О.О. Савельева. – Москва : РИП-холдинг, 2006. – 168 с.
7. «Baltas puķes diena»: // Dzimtenes Vēstnesis. – 1912. – 17. apr. – 5.lpp.
8. «Baltas puķes» diena»: // Dzimtenes Vēstnesis. – 1912. – 1. maijs. – 5.lpp.
9. Baltas puķes diena. Cīņa pret tuberkulozi. // Rīgas Avīze – 1912. – 2. maijs. – 3.lpp.
10. Biskaps, D. Tuberkuloze kā tautas slimība. / D. Biskaps // Dzimtenes Vēstnesis – 1912. – 4. maijs. – 1.-2. lpp.
11. Dzimtenes Vēstnesis. – 1912. – 2. maijs. – 5. lpp.
12. Dzimtenes Vēstnesis. – 1912. - 4. maijs. – 8. lpp.
13. Dzimtenes Vēstnesis. – 1912. - 5. maijs. – 11. lpp.
14. -js. «Baltās puķes diena»: // Jaunākās Ziņas – 1912. – 12. maijs. – 3. lpp.
15. Latvija. – 1912. – 24. apr. – 2.lpp.; 26. apr. – 2.lpp.; 27. apr. – 2.lpp.
16. Līdzpilsoni! // Dzimtenes Vēstnesis – 1912. – 4. maijs. – 6.lpp
17. p. Baltās puķes svētku lieta... // Rīgas Avīze – 1912. – 7. maijs. – 3. lpp.
18. Plaušu slimnieku sanatorija Vidzemē. // Dzimtenes Vēstnesis – 1912. – 2. maijs. –3.lpp
19. Rilkes R.M. Tā bija balto krizantēmu diena...” / R.M. Rilkes // Dzimtenes Vēstnesis. – 1912. – 4. maijs. – 1.lpp. См. вариант на немецком языке <http://www.gedichte.eu/71/rilke/erste-gedichte/das-war-der-tag.php>

Петренко А.В.
ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ПО ВОПРОСАМ УПРАВЛЕНИЯ
ЗАПАДНЫМ ФРОНТОМ РОССИЙСКОЙ АРМИИ
В 1915–1918 ГГ.

С началом Первой мировой войны на территории Беларуси действовали Северо-Западный, а после его разделения в августе 1915 г. – Западный фронты российской армии. Создание фронта происходило в условиях крупномасштабной наступательной операции германских войск на виленском направлении. Предельно сжатые сроки формирования структур управления Западным фронтом оказали влияние на их функционирование – излишняя бюрократизация, пересечение полномочий и сфер деятельности различных штабных отделений.

В отечественной и зарубежной историографии не рассматривались вопросы управления фронтом как отдельной самостоятельной единицей. В этой связи, цель статьи – выявить документальный комплекс Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), отражающий эволюцию управления Западным фронтом на протяжении 1915–1918 гг.

Документы, посвященные проблемам управления Западного фронта, можно разделить на две группы. Первая – документы военного делопроизводства (штабная переписка, приказы и директивы командования). Вторая – обширный картографический материал.

Формирование штаба Западного фронта и его управлений, полномочия главнокомандующего определялись «Положением о полевом управлении войск в военное время» (1914) [1, с. 83–89]. В связи с тем, что оперативная ситуация требовала уточнений «Положения», Ставка Верховного главнокомандующего направляла приказы, конкретизирующие количество управлений штаба фронта и их основные задачи. Фонд 2003 (штаб Ставки Верховного главнокомандующего) содержит основной массив этих приказов и телеграмм [2].

Документы штаба главнокомандующего фронтом (фонды 2047, 2048, 2049) можно использовать при изучении широкого спектра вопросов – комплектования личным составом, снабжения продовольствием и, в частности, непосредственным управлением Западным фронтом. Анализ приказов главнокомандующего позволяет выявить эволюцию системы управления фронтом на протяжении 1915–1918 гг.

Начальный период формирования Западного фронта в 1915 г. проходил в условиях тяжелых боев на виленско-ковенском направлении. Основной задачей командования фронта стало создание сильных резервов, способных предотвратить прорыв немецких войск. Этой проблеме посвящено большое количество приказов штаба Западного фронта, адресованных командующим армиями и корпусами. В качестве примера можно привести одну из характерных телеграмм главнокомандующего фронтом генерала А.Е. Эверта от 11 сентября 1915 г., направленную штабу 10-й армии: «Имея в виду, что фронт сократился вдвое, что состав корпусов у вас достаточно сильный, считаю все таки желательным иметь более сильные резервы и полагал бы возможным их выделить, дабы потом в случае надобности сосредоточить значительные силы к угрожаемому противником участку. Войска не пришлось бы выводить из боевой линии по частям и по частям вводить в бой» [3, л. 1].

К 1916 г. ситуация на фронте изменилась. Переход к позиционной войне обусловил новые задачи оперативного управления фронтом. В приказах штаба главнокомандующего Западного фронта отмечаются попытки анализа неудач боевых действий. Выводы, сделанные офицерами штаба на основе изучения боевых сводок, доносились до командиров армий, корпусов и дивизий отдельными телеграммами. В качестве примера можно привести приказ, разосланный штабом Западного фронта 10 января 1916 г.: «Случаи превосходства в силах противника очень редки. Все неудачи – результат плохого руководства частями. Войска часто не знают даже приблизительно сущности маневра. В распоряжении начальников, особенно старших, чувствуется растерянность. Люди срока 1915 г. легко сдавались в плен – полное отсутствие военного воспитания. Постоянная смена начальников производит дурное впечатление на людей, а сами они, боясь смены, проявляют нерешительность, боясь ошибиться» [4, л. 155].

1917 г. отмечен революционизацией частей и соединений Западного фронта. Введение Временным правительством демократических институтов в армии (выборность командиров, голо-

сование в полках по важнейшим решениям) привело к определенной дезорганизации управления. Следствием антивоенной пропаганды, проводимой большевиками, стали случаи дезертирства, самовольного оставления позиций. Исследование документов фондов 2106 (штаб 1-й армии), 2110 (штаб 2-й армии), 2113 (штаб 3-й армии), 2118 (штаб 4-й армии), 2144 (штаб 10-й армии) позволяет выявить комплекс управленческих мероприятий командования фронта, проводимых для его стабилизации в сложных политических условиях. Можно выделить главную тенденцию руководства Западным фронтом – удержание частей на занимаемых позициях любой ценой. Примером может служить приказ командующего 10-й армии командиру 525-го полка от 8 июля 1917 г.: «Необходимо формировать из казачьих полков отряды для разоружения неповинующихся. Один из таких отрядов формировать сегодня. В его состав включается учебная команда 525-го полка» [5, л. 32–35].

Изучение вопросов снабжений армий фронта, логистических задач по перевозке и комплектованию резервных частей в 1915–1918 гг. возможно на основе материалов фондов 2053 (Управление интенданта армий Западного фронта) и 2060 (Управление инспектора запасных частей).

Большую ценность представляет картографический материал, содержащийся в фондах штаба Западного фронта (2047, 2048, 2049). Анализ карт и схем боевых операций позволяет уточнить дислокацию частей и соединений фронта, определить территорию прифронтовой и тыловой зон.

Характерным примером может служить сопроводительный приказ главнокомандующего Западным фронтом генерала Эверта № 28210 от 22 сентября 1915 г.: «Главкомандующий приказал установить следующую разграничительную линию между тыловыми районами 2-й и 10-й армией: по рекам Вилейке и Лоше, деревне Антоновка (севернее Гайны) и Ляховка (севернее Борисова) и далее по ныне существующей разграничительной линии» [6, л. 110]. К этому приказу прилагалась карта с отмеченным размещением армий.

Сопоставление подобных приказов для каждой из армий позволит создать развернутую карту-схему их размещения на территории Беларуси, определив границы тыловых районов. В свою очередь, это поспособствует уточнению данных социально-экономической ситуации на белорусских землях.

Ценность для исследования представляют рукописные пометки на полях, сделанные офицерами штаба фронта и командирами корпусов и дивизий. Зачастую, они делались на основе конкретной боевой ситуации, позволяя изучить оперативные идеи командования. Важным представляется исследование подобных записей в контексте изучения воспоминаний этих же командиров.

Таким образом, фонды Российского государственного военно-исторического архива содержат огромный документальный комплекс, посвященный проблемам управления Западного фронта российской армии. Анализ приказов, телеграмм и директив главнокомандующего фронтом, штабной переписки позволяет уточнить идеи стратегического планирования операций. Богатый картографический материал, содержащийся в фондах штаба Западного фронта, можно использовать для уточнения размещения армий, прифронтовой и тыловой зон в 1915–1918 гг.

1. Военное законодательство Российской империи / Российский военный сборник; редкол. : А. Е. Савинкин (отв. ред.) [и др.]. – Москва, 1996. – 410 с.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2003. Оп. 6. Д 19 .
3. РГВИА. – Ф. 2047. Оп. 1. Д 1.
4. РГВИА. – Ф. 2144. Оп. 1. Д 17.
5. РГВИА. – Ф. 2048. Оп. 1. Д 3.
6. РГВИА. – Ф. 2049. Оп. 2. Д. 4.

Мизярска Н.А.

КУЛЬТУРА ДВОРЯНСКОГО СОСЛОВИЯ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В МЕМУАРНЫХ ИСТОЧНИКАХ XX ВЕКА

Термин “мемуары” (от фр. *mémoires* — воспоминания) используется в качестве обозначения целой группы источников, основанных на памяти. Мемуары делятся на четыре основные группы: воспоминания (автобиографии, жизнеописания), литературная запись воспоминаний, стенаграфическая (протокольная) запись воспоминаний, дневники [5, с. 130–131].

Мемуары принято рассматривать, как один из видов исторических источников, специфика которых заключается в том, что их автор воспроизводит факты, события и явления в том виде, в каком они сохранились в памяти их участника. Эти источники не только близки к художественной литературе, но и составляют один из её разделов, тесно соприкасаясь с публицистикой. Мемуары нередко стоят на грани научного исследования и исторического источника [3, с. 69–70].

В воспоминаниях автор не только фиксирует события прошлого, но и даёт свою оценку происходящим событиям, поэтому мемуары, как никакой другой документ, субъективны. Особая ценность мемуаров состоит в том, что наша история плохо отражена в документах, поэтому часто приходится использовать эти источники.

К мемуарам, как и любым другим источникам, необходим критический подход и сопоставление их с другими источниками, в которых описываемые события так или иначе пересекаются с описаниями автора мемуаров [4, с. 634–635].

Мемуарная литература начала XX века раскрывает историю повседневной жизни представителей дворянского сословия Витебской губернии, которые внесли огромный вклад в развитии культуры и науки наших земель.

Благодаря мемуарным источникам из личного архива наследника рода Гребницких (Докторовичей), известно, что Адам Станиславович Гребницкий-Докторович родился 6 января 1857 в деревне Тётча Лепельского уезда Витебской губернии. Родовое имение Гребницких-Докторовичей находилось в Оболи. Адам Гребницкий учился 3 года в частной школе в Туросах (Ушачская волость, Лепельский уезд), где он изучал немецкий язык у немки Краусэ. Летом Адам приезжал на каникулы в имение Оболь. Далее родственница их, тётя, взяла Адама и его двоюродных братьев в Витебск, где они учились у частного учителя Безобразова до 2 класса. Адам Гребницкий поступил в 14 лет в классическую гимназию в Витебске. Хотя он и учился хорошо, всё же в 3 классе остался на второй год обучения из-за греческого языка. В итоге родители его перевели в Двинск в реальную школу, где он обучался до 1880 г. и изучал химию. Далее, он отправился учёбу в Петербургский лесной институт, который окончил в 1884 г. с золотой медалью за научную работу “Крахмал как запасное вещество наших деревьев” и был оставлен ассистентом на кафедре. В 1902 г. Адам Гребницкий стал профессором и возглавил кафедру плодоводства и огородничества в Лесном институте. Вместе с редактором журнала “Плодоводство” А.Ф. Рудским издал на русском языке “Руководство по плодоводству” Н. Гоше, которой во все времена пользуются садоводы. В 1892 г. была издана книга А. Гребницкого “Руководство по уходу за плодовым садом” [7].

Позднее Адам Гребницкий заложил свой сад “Рай” на хуторе “Станишки” в Литве, в котором проводил исследования и опыты. В своём саду он выращивал различные сорта плодовых деревьев, собирал и изучал сорта народной селекции, описанию которых он уделял большое внимание. Благодаря своим исследованиям и большому помологическому материалу, Адам Станиславович Гребницкий составил “Атлас плодов”, что стало огромным событием в истории отечественного плодоводства. В преклонные годы профессор остался практически без средств существования, в суровые зимы 1939–1940 г. погиб и его сад. Лютые морозы и суровые войны поглотили всё, что человек создавал всю жизнь. Адам Станиславович скончался 13 октября 1941 г. В советское время были приняты меры по сохранению архива учёного и восстановлению сада. В Станишках был открыт мемориальный музей и памятник Адаму Гребницкому [7].

Наследник известного дворянского рода Хрептовичей-Бутеневых, Пётр Бутенев (США) предоставил мемуарные источники о своей семье, которые были переведены с английского языка. Таким образом известно, что этот род владел многими имениями, как небольшими, так и крупными: Щорсы, Вишнево, Бешенковичи. Иохим Литавор Хрептович начал управлять имением в метечке Бешенковичи Лепельского уезда с середины 1700-х гг. Иохим владел большими каменными торговыми рядами в центре городка, которые состояли из 60 лавок. Недалеко находилась и сама усадьба – двухэтажное главное здание и одноэтажными крыльями по сторонам простой, однако красивой архитектурной задумкой. Усадьба была окружена большим парком, который спускался к Двине. Хрептовичи построили огромную синагогу для еврейской части населения, которая сгорела в 1930 г. (позднее её отремонтировал мой дедушка) [1, с. 45–46].

В 1812 г. Наполеон провёл сутки в имении Бешенковичи вместе с маршалом Мюратом и генералом, принцем Евгением. Кровать, на которой спал Наполеон, существовала до Первой ми-

ровой войны. В сентябре 1821 г. император Александр I и его братья, великие князья Николай и Михаил приехали в Бешенковичи для участия в военных манёврах. Они гостили 8 дней у Ирины и Каролины Хрептовичей.

Бешенковичи были самыми большими из всех имений Хрептовичей, оно насчитывало 12 фольварков, общей площадью около 22 тысяч десятин (1 десятина = 1,08 га). Начиная с XIX в., это имение играло важную роль в жизни семьи. В последние годы, перед революцией 1917 г., оно стало любимым местом пребывания, благодаря близкому расстоянию к Москве и Петербургу [1, с. 46].

Из личного архива Петра Бутенева известно, что его отец родился в 1870 г. в Бешенковичах. Среднее образование он получил в Туле, куда семья его переехала. Отца Петра Бутенева развивали с детства: давали частные уроки, занимались чтением, путешествовали с ним за границей. Сначала его отец учился в Москве, затем дедушка отправил его в Германию в город Хале изучать основы сельского хозяйства. В 1903 г., вернувшись в Россию, отец поступил на службу в Министерство иностранных дел и был направлен в русское посольство в Константинополь. После русско-японской войны ему предложили пост второго секретаря русского посольства в Токио. В конце 1909 г., он возвратился в Россию и обручился с дочерью своего профессора, Марией Сергеевной Трубецкой. Венчание состоялось 10 мая 1910 г. в университетской церкви. Медовый месяц молодые провели в Бешенковичах [1, с. 145–146].

Грасильда Малиновская – представительница шляхетского рода, родилась в 1833 г. в Череповщине Лепельского уезда Витебской губернии. После своей смерти, в 1921 г. оставила дневник, в котором описала события, происходящие в её семье на протяжении 1833–1921 гг.

В семье Малиновских регулярно проводились литературные вечера: “На литературных вечерах в нашей семье существовал определённый порядок. Собирались мы около 7 часов вечера, садились за круглый стол и пили чай. Обычно было приготовлено какое-нибудь чтение на историческую или общественную тему, затем наступали дискуссии и споры. На следующий вечер мы приносили рецензии на тему прочитанного, а далее – слушали различные мнения на тему прочитанного. Девушки не имели права голоса, только слушали рассуждения других. Наши мысли и сердца наполнялись различными мнениями, и это нас воспитывало” [6, с. 21–22].

Повседневная жизнь дворянского сословия была пропитана религиозностью, которая весомо накладывало отпечаток на их мировоззрение. Грасильда Малиновская выразительно описала роль костёла в своей жизни: “Моя мама мечтала о том, чтобы я стала монахиней, послала учиться меня в Полоцкий монастырь. С детства я решила жить по заповедям и делать только хорошие поступки на протяжении всей своей жизни” [6, с. 11].

Внучка последнего владельца Иванска, Винцэнта Володковича, Эльжбета Володкович (Маравская) предоставила интересную информацию о жизни и судьбе своего рода, который содействовал развитию культуры и экономики на чашницкой земле.

Имение Иванск, которое принадлежало Володковичам и являлось своеобразным историческо-культурным центром Лепельского уезда Витебской губернии. Известно, что Винцэнт Володкович был настоящим меценатом, на свои деньги он учил молодых людей в университете, открыл польскую школу в Иванске. В его имении жили гувернёры и гувернантки, которых приглашали с Англии, Франции и Германии, а в библиотеке дворца находились старинные книги в кожаных переплётах [2, с. 31].

В архиве, кроме семейных документов, находились материалы по истории Речи Посполитой, особенно касающиеся её северо-восточных земель. Здесь сохранилась значительная часть архива полоцких иезуитов, переписка королевского подканцлера Херанима Радиевского с королём Яном Казимиром, письма Марии Мнишек и её мужа Дмитрия-самозванца, несколько писем Барбары Радзивил, автографы короля Жигимонта Августа, привилеи Стэфана Батория, письмо князя Николая Радзивила Сиротки и др.

Библиотеку и архив составил и упорядочил перед началом Первой мировой войны краковский историк Ян Домбровский. Винцэнт Володкович занимался раскопками бывших мест сражений и собрал большую коллекцию оружия, среди которых были шишаки, выгнутые панцири, ржавые клинки, наконечники копий, кривые восточные сабли и др. [2, с. 32–33].

1. Буценёў, М. А. Хронікі сям’і Храптовічаў-Буцяневых / М. А. Буценёў; пер. з рус. Вікі Трэнас. – Мінск : Галіяфы, 2018. – 246 с.
2. Грыбко, В. В. Иванск і ваколiцы: гісторыка-краязнаўчы нарыс / В. Грыбко. – Мінск : Медысонт, 2011. – 124 с.

3. Пушкарёв, Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. – М., 1975.
4. Румянцова, М. Ф. Исторические источники XVIII – начала XX века // Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцова М. Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. – М., 1998. С. 466.
5. Ходзін, С. М. Крыніцы гісторыі Беларусі (гісторыка-генетычнае і кампаратыўнае вывучэнне): Вучэб. дапам. – Мн. : БДУ. 1999. – 193 с.
6. Malinowska, G. Pamiętnik kresowej nauczycielki z lat 1833–1921 / G. Malinowska – Bydgoszcz : Towarzystwo Miłośników Wilna i Ziemi Wileńskiej, 1995 – 107 s.
7. Zapisano przez St. Hrebnickiego ze słów Adama Hrabnickiego w Raju w sierpniu w 1936 roku (osobiste archiwum A. Rejmana)

Ермалёнак В.А.

НОВЫЯ КРЫНІЦЫ АБ МАЁМАСНЫМ СТАНОВІШЧЫ ЗАМОЖНЫХ СЯЛЯН ДЗІСЕНШЧЫНЫ ПАЧАТКУ ХХ СТ.

Шмат таямніц хаваюць яшчэ гарышчы старых хат. Аб гэтым пераканаўча сведчыць набытая намі апошняя знаходка. Аляксандр Алегавіч Даргель, рабочы Мёрскага дзіцячага садка № 3, разбіраў са сваімі сябрамі старую хату на хутары, ля вёскі Якубаўшчына, Міёрскага раёна. На гарышчы ён заўважыў бляшаны цыліндр, у якім знаходзіліся старыя карты і дакументы, і вырашыў, што лепш за ўсё перадаць іх ў гістарычны музей СШ №3. Кіраўнік музея Вітаўт Ермалёнак набыў гэтыя экспанаты і адразу было праведзена іх першапачатковае даследаванне. Так як самай вялікай каштоўнасцю для беларускага селяніна была зямля, таму ў жалезны цыліндр і былі схаваны чатыры планы зямельных надзелаў. Найстарэйшы з планаў адносіцца да 1884 года [1, арк. 1]. Яго памеры 44 см. у даўжыню і 27 см. у шырыню. Выкананы ён, як і ўсе планы ў тыя часы, на тонкай парафінаванай тканіне, тушшу, каб на выпадак дажджу дакумент не быў сапсаваны. З надпісаў на ім мы даведваемся, што гэты план зямлі належыў селяніну Адаму Пугаўку, які жыў у засценку Падрэчкі Дзісенскага павета (зараз знаходзіцца ў Шаркаўшчынскім раёне). Згодна плану Адам меў 80 дзесяцін зямлі, што сведчыла аб яго заможнасці. Звычайна сяляне мелі ад 8 да 15 дзесяцін. Сярэдні надзел зямлі па Віленскай губерні складаў у тыя часы 12 дзесяцін [2, с. 171]. З гэтай зямлі 33,05 дзесяціны было лесу, 16,75 дзесяціны раллі, сенакосы 10,82 дзесяціны, высечанага лесу 15,04 дзесяцін. Акрамя таго на сядзібных і гаспадарчых пабудовы было адведзена 2 дзесяціны, хмызняк і балота складалі 1,25 дзесяціны, дарога і рэчка займалі плошчу 1,03 дзесяціны. Зямельныя ўгоддзі Адама Пугаўкі межавалі з сенакосам і лесам маёнтка Юндзілова, з урочышчам Барсучына, з землямі маёнтка Мікалаёва памешчыка Клётта, з землямі дзяржаўнай вёскі Рэчкі. На плане мы бачым на поўдні ўскраек возера Глухога, у якое ўпадае рэчка Маціца, адсюль і назва засценка-Падрэчкі. Дарога, якая пралягала па зямлі Пугаўкі, вяла ў Стары Пагост. Чарцёж плана выканаў землемер К.Марцінкевіч, а копію з яго дваранін В.Ф.Радкевіч. Сапраўднасці плана была заверына подпісам члена ацэнчай камісіі Віленскага пазмельнага банку. Гэтыя землі раней хутчэй за ўсё належалі Францішку Канаплянскаму, які за ўдзел у паўстанні 1863 года быў арыштаваны, прыгавораны да катаржных прац у Сібіры і памёр на шляху да катаргі. Яго ўладанні былі канфіскаваны і прададзены на публічных таргах у Вільні ў 1876 годзе. Для павелічэння рускага ўплыву землі прадавалі ў першую чаргу расійскім ваенным. Таму і набыў амаль тысячу дзесяцін зямлі і лесу адстаўны штабс-капітан рускай арміі Пётр Маслаў. Высекшы і распрадаўшы рыжскім яўрэям лес, ён усю зямлю ў 1881 годзе кавалкамі пачаў распрадаваць сялянам. Па 55 дзесяцін купілі тры браты Шэўчыкі і Аляксандр Ляскоўскі, 65 дзесяцін купіў Франц Рынкевіч. Адам Пугаўка, якому належаў план, як мы бачым, набыў найвялікшую колькасць зямлі – 80 дзесяцін. Па тых часах кошт яе складаў каля 3000 рублёў срэбрам. Гэта буйная на той час сума, бо карова каштавала ўсяго 10 – 15 рублёў. Адкуль у селяніна ўсяго праз 20 год пасля адмены прыгоннага права з’явілася такая сума грошай, мы пакуль не ведаем. Напэўна, частка іх была пазычана ў банку. Бо наступны з набытых намі дакументаў адносіцца да 1909 года. Гэта квіток Віленскага пазямельнага банка, які сведчыць аб тым, што пазычальнік Пугаўка цалкам разлічыўся з пазыкай, заплаціўшы банку 298 рублёў 65 капеек [1, арк. 2]. Падчас Першай сусветнай вайны, калі руская армія ў 1915 годзе паспешліва адступала, складаліся спісы маёмасці патэнцыяльных уцекачоў, якія маглі страціць сваю маёмасць падчас ваенных дзеянняў і бежанства. Таму і нашчадкі Пугаўкі склалі такі спіс маёмасці і яе кошту. Для нас гэты дакумент цікавы тым, што мы можам даведацца, якой маёмасцю валодалі заможныя

беларускія сяляне ў пачатку ХХ стагоддзя на Дзісеншчыне. Вось змест дакумента пад назвай: “Спіс рухомай і нерухомай маёмасці ўладальнікаў фальварка Рэчкі Адольфа, Купрыяна і Усціна Пугаўкі”, які таксама быў схаваны ў бляшанцы [1, арк. 3]. Напісаны ён на рускай мове. У дакуменце пералічаны ўладальнікі – сыны Адама Пугаўкі. Прыкладзены і спіс маёмасці, першымі ў пераліку ідуць пабудовы: дзве жыллыя хаты коштам 120 і 100 рублёў, 10 хлявоў – 400 руб., два свірны – 400 руб., адна асець і пяць хлявоў – 600 руб. Для захавання панарадаў і фурманак мелася вазоўня коштам 50 рублёў, лазня каштавала 40 руб. Далей ідзе пералік сельскагаспадарчых раслін: зжатага жыта 400 коп (капа – 60 снапоў), пасеянага жыта 180 пудоў (пуд – 16 кг) сена 100 беркаўцаў (беркавец – 200 кг), аўса 600 пудоў, гароху 4 пуды, ячменю 450 пудоў, бульбы 800 пудоў, лёну 600 пудоў, канопляў 50 пудоў, буракоў 90 пудоў. У пераліку мы знаходзім яшчэ капусту і канюшыну. Такім чынам, аналізуючы спіс вырашчанай сялянамі Пугаўкамі прадукцыі, мы можам зрабіць вывад аб тым, што, як і большасць сялянскіх гаспадарак у тых часы, яны спецыялізаваліся перш за ўсё на вытворчасці і продажы лёну, а таксама бульбы Далей ідзе пералік “жывой” прадукцыі. Першымі ў спісе названы пчолы – 18 вуляў коштам 329 рублёў, сем коней коштам 980 руб., 36 кароў – 380 руб., 52 авечкі – 260 руб., 30 свіней – 100 руб., 51 гусь – 15 руб., курэй 13 – за ўсіх 13 руб. Такім чынам, другі напрамак спецыялізацыі гаспадаркі, як бачым з пералічанага, – мяса-малочны. Аб гэтым сведчыць вялікая колькасць кароў і свіней, што задужа для патрэбаў нават трох сем’яў. Параўноўваючы з сярэднестатыстычнымі дадзенымі па Віленскай губерні, дзе колькасць жывёлы на адну гаспадарку была наступнай: коней – 3-4, кароў 7, авечак 4, свіней 3-4, з нашага дакумента мы бачым наколькі больш заможнымі былі гаспадары засценка Падрэчкі ў пачатку дваццатага стагоддзя [2, с. 181]. Далей у спісе пералічваецца сельскагаспадарчы інвентар, якім валодалі гаспадары Пугаўкі. Першай у пераліку названа самая дарагая машына – малатарня коштам 420 рублёў і конны прывод для яе – 130 руб. Наступная названая рэч – сячка для рэзкі саломы коштам 30 рублёў. У пераліку інвентару названы дзве веялкі, або арфы, кошт іх за кожную 20 рублёў, пушарка за 20 руб., льняная машына (хутчэй за ўсё механічная мялка лёну) – 30 руб., пяць ручных ільномялак – за ўсе 5 руб. Згодна статыстычных дадзеных 1910 года па Віленскай губерні адна малатарня з конным прыводам прыходзілася ў сярэднім на дваццаць сялянскіх гаспадарак, адна веялка на 40 гаспадарак [2, с. 175]. Гаспадары мелі шмат зямлі, таму трэба было ім шмат розных фурманак. Найбольш дарагімі былі фурманкі з жалезнай восьсю, коштам па 40 рублёў, тры панарады з драўлянымі восьямі, трое караў для перавозкі сена або саломы – ацэнены кожныя па 20 руб. Асобна ў спісе названы колы для фурманак – тры пад драўляную і адно пад жалезную вось. Для парадных выездаў у Пугавак была лінейка за 30 рублёў і брычка за 80 рублёў. У спісе названы лёгкія зімовыя санкі за 15 руб., трое саней для перавозкі грузаў за 9 рублёў. Знаходзілася ў гаспадароў і ўся неабходная вупраж: 12 хамутоў, каб запрагаць калёсы, – за ўсе 82 руб., сем аромых хамутоў коштам 80 руб., сем падсядзёлкаў за 16 руб., шэсць дугаў за 6 руб. У спіс уключаны і чатыры пары раменных гужоў для аромых хамутоў, дзве пары раменных лейцаў, чатыры аброці за 2 руб., адны цуглі для аброці коштам 1 руб. У пераліку названы і сем плугоў коштам за ўсе 60 руб., пяць баронаў за 10 руб. З нашага спісу мы даведваемся, што ў заможных сялян, якімі былі Пугаўкі, ужо не было сахі, як інвентара для апрацоўкі глебы і драўляных плугоў і баронаў. У гэты час згодна статыстыкі па Віленскай губерні ў палове гаспадарак сялян наогул не было плугоў, яны апрацоўвалі глебу толькі драўлянымі сохамі [2, с. 174]. У пераліку вупражы было названа адно сядло і адна гунька, каб накрываць каня зімою падчас прыпынку. У спіс маёмасці уключаны і разнастайныя інструменты: пяць сякер па 1 руб., тры аднаручныя пілкі і адна двухручная піла кожная па 1 рублю, два свёрдлы па 1 руб., корба (тып бурава) за 120 руб., тры далаты па 1 руб., шэсць гэбляў па 1 руб., чатыры крывыя сякеры за тры руб. (хутчэй за ўсё шклоты-сякеры для абчэсвання бяргвенняў), тры малаткі за два рублі. У гаспадарцы ўлічана адна матыка за 1 руб., адны вілы для гною, двое вілаў для сена за два рублі, пяць сярпоў коштам 3 руб., чатыры касы па 1 руб., адзін разак для ворыва пусташы, адзін вох за 1 руб., тры нажы для апрацоўкі лёну, адзін жалезны шуфаль. Пералік прыладаў працы сведчыць, што іх было мала, каб апрацаваць усю зямлю. Таму можна зрабіць вывад, што нашы гаспадары наймалі для працы парабкаў са сваімі прыладамі працы: косамі, віламі, граблямі. У гаспадарцы было шмат жывёлы, таму ў маёмасці пералічаны разнастайныя віды скуры: скура сырамятая за 10 руб., скура мяккая за 20 руб., скура ласіная за 20 руб., дзве сырых скуры па 10 руб., тры аўчыны па тры руб. У спіс маёмасці ўключана і мэбля: два сталы за тры руб., тры шафы па 10 руб., пяць куфраў па 20 руб., дзве канапы за 6 руб., пяць крэслаў за 10 руб., чатыры ложкаў за 10 руб. У сям’і

знаходзілася нават “панская” рэч – грамафон коштам 80 руб. З хатніх рэчаў пералічаны 9 карабоў за 18 руб., сем дзежак з дошак за 21 руб., тры самавары за 27 руб., два гадзіннікі за 25 руб., чатыры абразы за 5 руб., дзве лямпы за 5 руб. Вельмі дорага ацэнены чамусьці хатні посуд: тры міскі за 80 руб., два чайнікі за 60 руб., сем катлоў па 1 руб., малочнік за 60 руб. Хутчэй за ўсё гэта былі фірмовыя вырабы з парцалюны. Бо пазней пералічаны іншыя рэчы для ежы без пазначэння іх кошту: 12 талерак, 8 відэльцаў, 8 сталовых нажоў, адна цукарніца. Запісаны таксама два вядры для вады і дзве даёнкі. Для ложкаў было 13 падушак па 10 руб. кожная, адна пярына і дзевяць коўдраў за 40 руб. У спісе мы знаходзім і пералік верхняга адзення: чатыры футры за 200 руб., чатыры паўшубкі за 40 руб., два асенніх паліто за два 45 руб., два армякі за 10 руб., адзін пінжак за 6 руб., тры касцюмы за 75 руб., два летніх паліто за 30 руб., адно футра жаночае за 36 руб.; столькі ж каштавалі два летнія жаночыя паліто, сакі жаночыя тры за 15 руб. У гардэробе знаходзім 12 жаночых сукенак за 106 руб. З абутку пералічаны трое жаночых ботаў за 15 руб., тры пары галёш за 12 руб., тры пары мужчынскіх ботаў за 20 руб. Ёсць у пераліку гіра і бязмен коштам за дзве рэчы тры рублі. Гаспадары з засценка Падрэчкі займаліся рыбалоўствам і паляваннем, аб гэтым сведчаць дзве стрэльбы (вось адкуль у іх і ласіныя скуры), два брэднікі для лоўлі рыбы. У пералік маёмасці ўключаны і 105 дошак, скрыня для мукі і жалезная штаба для закрывання дзвярэй. Як маёмасць упісаны і 25 дзесяцін лесу коштам 1000 руб., а таксама садовыя дрэвы: шэсць груш, 46 яблынь, 50 вішняў і сліў. З гэтага дакумента бачна, што за трыццаць год колькасць лесу скарацілася на 8 дзесяцін.

У бляшанцы-схованцы знайшліся і тры планы з міжваеннага часу. Яны таксама выкананы на парафініраванай тканіне рознакаляровай тушшу. Усе тры планы адносяцца да 1935 года, калі фальварак быў падзелены на парцэлы (асобныя ўчасткі), бо сям’я Пугавак павялічылася і трэба было надзяліць зямлёю нашчадкаў-унукаў Адама Пугаўкі. Начэрчаны план самай вялікай парцэлы складае памеры 39 на 38 см. [1, арк. 4]. Вялічыня змешчанага на ім самага вялікага надзела была 22, 6 гектары, з іх раллі 12,24 га, лесу 6,48 га, сенажацяў 2,348 га., высечанага лесу 1 га., пашы 0,09 га., дарогі 0,26 га. Пад сядзібныя пабудовы адводзілася 0,18 га. Гэты надзел, напэўна, дастаўся старэйшаму сыну Адольфа – Ювеналію. Другі план памерамі 38 на 25 см. складзены на зямлю плошчай 5,7 га [1, арк. 5]. Не глядзячы на невялікі надзел, ён утрымлівае разнастайныя найменні зямлі. Так ў першай парцэле ворнай зямлі было 3,43 га, сенажацяў 0,52 га, лясоў 1,7, вады-рэчыва ракі Маціцы 0,0475 га. Трэці план найменшага надзелу складаў памеры 38 на 29 см [1, арк. 6]. У самай меншай парцеле пад сядзібныя пабудовы было адведзена 0,7 га, ворнай зямлі 1, 21 га, сенажацяў 1,61 га, дарогі, 0 187 га, вады 0, 04. га. Выканаў усе тры чарцяжы дыпламаваны інжынер-землямер Казімір Блажэвіч. На жаль, на планах няма імёнаў і прозвішча, каму былі выдзелены парцэлы.

Прайшло ўсяго 15 год – і пачалася калектывізацыя; лёс заможных гаспадарак быў вырашаны без удзелу саміх гаспадароў. У пастанове ваеннага трыбунала войскаў МУС па Полацкай вобласці мы знаходзім асуджаных уладальнікаў кулацкіх гаспадарак Шаркаўшчынскага раёна; паміж імі і прозвішча Пугаўкі Ювеналія Адольфавіча, гэта значыць сына Адольфа, імя якога мы знаходзім у нашых дакументах [3, с. 195]. Яшчэ адзін нашчадак з гэтай сям’і – Пугаўка Аркадзь Купрыянавіч – ваяваў супраць фашыстаў на фронце, стаў настаўнікам гісторыі, працаваў ў сярэдняй школе Новага Пагост на Мёршчыне. Але ў прыватных гутарках ніколі не ўзгадаў аб сваім сацыяльным паходжанні. Лёс іншых нашчадкаў Адама Пугаўкі патрабуе далейшага даследавання.

1. Гістарычны музей СШ №3 г. Міёры. – Асноўны Фонд 15. Воп. 4. Арк. 1–6.

2. Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.). – Т. 3. – Минск : Изд-во АН БССР, 1953. – 1020 с.

3. Памяць. Шаркаўшчынскі раён. – Мінск : Белта, 2004. – 512 с.

Талерко В.А. **О ЧЁМ РАССКАЗЫВАЮТ ШУТКИ БАЛТИЙСКИХ НЕМЦЕВ**

Культура балтийских немцев, проживающих на территории сегодняшней Балтии преимущественно до осени 1939 года, интересна для современного исследователя уже тем, что позволит сравнить их культуру с культурами других народов. По определению Иоэла Вейнберга, профессора Даугавпилсского университета, «Культура есть исторически и социально обусловленное, объективированное в разнообразных продуктах человеческой деятельности отношение че-

ловека к природе, обществу и самому себе, побуждающее человека к деятельности, регулирующее и регламентирующее человеческую деятельность во всех сферах его существования и обеспечивающее обществу возможность и способность адаптации в меняющемся мире» [1, с. 8]. При этом особый интерес вызывают общие черты и особенности культуры балтийских немцев в сравнении с культурой латышей, эстонцев, русских, а так же литовцев, евреев, поляков, белорусов и других народов. Все эти народы проживали рядом друг с другом в составе единого государства, Российской Империи, и многолетняя общая история во многом объясняет сходства и различия в разных сферах частной и общественной жизни.

В последнее время заметен значительный интерес к языковым особенностям балтийского варианта немецкого языка, который составляет важную часть культуры балтийских немцев. Например, в 2016 году была издана аннотированная библиография исследований, посвящённых языку балтийских немцев „Deutsch im Baltikum. Eine annotierte Forschungsbibliographie“ («Немецкий язык в Балтии. Аннотированная библиография исследований»). Авторы этого труда, латвийские германистки Дзинтра Леле-Розентале и Инета Балодэ написали комментарии к ровно 450 работам разного объёма о немецком языке в Балтии. Без сомнения, это свидетельствует о неувядающем интересе к языку уже утраченной культуры балтийских немцев. Особенности балтийского варианта немецкого языка изучаются, прежде всего, на основании воспоминаний, литературных произведений, дневниковых записей как самих носителей этого языка, так и представителей других национальностей. В то же время активно изучается литературное наследие балтийских немцев, например, романы и рассказы Эдуарда фон Кайзерлинга, Зигфрида фон Фегезака, Вернера Бергенгрюна и др.

В данной статье речь идёт о новом поле исследований литературного наследия балтийских немцев, а именно об их шутках, имеющих название „Pratchen“. Само слово имеет нижненемецкое происхождение, на что указывали сами собиратели шуток уже начиная с 18 века. Из цитаты Лутца Макензена в общем труде „Wir Balten“ («Мы немцы», 1951) в серии „Heimat im Herzen“ («Родина в сердце») следует, что под Pratchen понимаются небольшие истории юмористического характера, имеющие много общего с «рейскими рассказиками» [5: 260]. Главной особенностью этих шуток является их ярко выраженный региональный характер, так как главными действующими лицами являются сами балтийские немцы. Для Pratchen 18 века характерно их действие в Эстонии и Латвии, где балтийские немцы преимущественно и проживали, очень редко – в Германии. Перед второй мировой войной действие шуток нередко разыгрывалось в Германии, а после второй мировой войны местом действия оказались различные страны мира, не только Германии, что непосредственно связано с переселением балтийских немцев сначала в Польшу, а затем в Германию или другие страны мира, например, в Канаду или Америку.

Материалом данного исследования являются шутки, собранные в следующих сборниках:

- „Baltische Pratchen und andere heitere Geschichten von Balten seit der Umsiedlung 1939“, (Балтийские шутки и другие весёлые истории балтов, начиная с переселения в 1939 году), изданные Лотаром Кельбрандтом, опубликованные в 1995 году [5].

- „Das Kurbarometer“. Histörchen, Witze, Anekdoten“ (Курортный барометр. Историйки, шутки, анекдоты). Эти шутки собраны Отто Церликом и опубликованы в 1965 году [8].

- „Der schmunzelnde Ordensritter. Ein heiteres Baltenbuch“, (Улыбающийся рыцарь ордена. Весёлая книга балтов). Составитель Вальтер Погге, книга опубликована в 1942 году [3].

- „Pereat tristitia! Baltische Histörchen und Pratchen aus der baltischen Heimat“ (Pereat tristitia! Балтийские историйки и шутки из балтийской родины). Шутки собраны Клаусом Бёмом и опубликованы в 1975 году [6].

- „Balten daheim und draussen“ (Балты дома и вне его) Оскара Ангелиуса, публикация в 1961 году [2].

- „Pratchen: edeldreiste Geschichten aus Baltischen Landen“ (Pratchen: благородно-нахальные истории из Балтийских стран), рассказаны Гансом фон Шрёдером, опубликованы в 1943 году [7].

Разброс годов публикаций указывает, прежде всего, на стремление самих балтийских немцев удержать свою культуру от исчезновения, собрать и записать юмористические истории, отражающие особенности мышления, образа жизни, традиции той национальной группы, которую они представляли до растворения в культурах других стран.

Последний священник из рода Роденпойс стоял перед открытой могилой своей третьей жены. Дважды уже стоял он здесь и прощался со своей спутницей жизни. Дважды в своей длинной жизни толпа соболезнующих поддерживала его у могилы, дважды уже пастор возвращался после этого в опустевший дом. И вот приходится пережить всё это уже в третий раз. «Как же одиноко придётся тебе пройти твой дальнейший жизненный путь, дорогой брат», - пастор соседней общины с участием пожмает руку вдовца. Но тут неожиданно сверкнул взгляд Вальтера: «Почему одиноко? Пока Бог берёт, возьму и я» [7, 233].

Комический эффект в этой шутке возникает на основе сравнения себя с Богом, приравнивая себя к Богу.

То, что мы можем читать сейчас в напечатанном виде, не должно было быть записано, т.к. эти маленькие истории были предназначены для устного пересказа. Многие собиратели отмечали одну характерную особенность устной передачи шуток, например, Лутц Макензен, говорил о том, что к этим шуткам относится не только их содержание, но и особенная, характерная для балтийских немцев мелодика речи, а так же манера самого рассказчика [5, 11]. Начинать шутку следовало нейтрально, постепенно ускоряя темп, чтобы на последних словах насладиться произведённым эффектом, замедляя темп в конце и подчёркивая этим неожиданный поворот событий. Здесь надо упомянуть, что балтийский вариант немецкого языка имел некоторые особенности произношения, что позволяло без особых усилий выделить балтийского немца среди других людей, говорящих по-немецки. Конечно, невозможно передать сегодня то произношение и ту мелодику речи, которая была характерна для тех, для кого и кем рассказывались эти шутки. Данный аспект имеет значение только для тех исследователей, кто занимается фонетическими особенностями языка. Поэтому воспользуемся письменным изложением шуток и обратимся непосредственно к их текстам.

Данное исследование основывается на анализе около 200 шуток, собранных на облачном виртуальном диске. Это расположение позволяет выделить основные моменты для их анализа. Лотар Кельбрандт, один из собирателей шуток балтийских немцев, указывает на то, что балтийские немцы, составляя в лучшие времена около 10% всего населения балтийских провинций Российской Империи, мало вступали в контакт с представителями других национальных групп. Это обуславливалось, прежде всего, их привилегированным положением в социальной структуре общества. Балтийские немцы были представителями дворянства, владельцами имений, высшим военным командованием, членами городских управлений и т.д. Находясь в своём общественном и языковом пространстве, балтийские немцы были хорошо знакомы друг с другом, часто состояли в родстве, их шутки были предназначены для пересказа в своём семейном кругу под «Шнапс и закуску» (В. Бергенгрюн, одноимённое название сборника рассказов). Ограниченный объём статьи не позволяет подробно осветить несколько аспектов, которые можно затронуть в исследовании шуток, поэтому остановимся на главных действующих лицах анализируемых текстов.

Балтийские немцы друг друга знали, поэтому в большинстве текстов называются полные или сокращённые имена, фамилии, титулы, место проживания этих людей, вид занятий и т.д. В текстах шуток эти люди оживают, проявляется их характер, образ мышления, особенности восприятия той или иной ситуации. Интересно, что можно выделить целые группы шуток, которые объединяются общим действующим лицом. Различия в титулах, например, граф или барон фон Штакельберг, в неточности передачи имён, например, Хубертус фон Тобиен или Хубертус фон Тобиас вновь указывают на устную традицию в передаче шуток от лица к лицу. Этим людей однозначно можно определить как «оригиналов», о которых говорили и писали многие собиратели шуток балтийских немцев. Лотар Кельбрандт пишет, например, об условиях для возникновения и существования такого рода людей: широта пространства, широта образа жизни балтийских немцев, толерантность по отношению к каждому, а так же время и материальная независимость [5, 11]. Среди этих оригиналов можно найти, например, нобелевского лауреата по химии Вильгельма Оствальда (1853-1932). Вне всякого сомнения, факторы свободного времени и материальной независимости дают отдельно взятому человеку возможность заниматься своими интересами и развивать собственную личность.

Со временем забылись правильные имена людей, и имена были сокращены до инициалов. Конкретизация осуществлялась путём названия места жительства, профессии, научного звания, дворянского титула или, значительно реже, национальности.

Все собранные шутки логически делятся на две большие группы: до второй мировой войны и после неё. Самыми старыми шутками представляются тексты, действие которых осуществлялось в середине 19 века. Среди таких старых шуток особенно интересны для жителей Латвии шутки о Кройцбергском (ныне Крустспилском) бароне Николасе (Николае) фон Корфе. Семья Корфов владела замком в сегодняшнем Крустспилсе до 1920 года (9, Electronic resource). Сотрудники музея, организованного в замке, собирают по крупицам информацию о его бывших обитателях. Один из этих владельцев отличался чувством юмора, сохранившим его имя на несколько веков. Например, рассказ о его участии в русско-турецкой войне 1877-1878 года. Этот текст является продуктом литературной обработки, целью которой была не устная передача неожиданной ситуации со знакомым человеком, а подготовка данного текста к публикации. Автор литературной обработки понимал, что через 20 лет после публикации данного текста уже трудно будет вспомнить подробности характеристики главного персонажа.

Иногда в своём вранье барон заходил слишком далеко. Так он рассказывал об одной битве – похоже, что с турками – в которой он якобы принимал участие.

«Это была битва», - сказал он, - «в которой я потерял свой правый глаз». Один из его слушателей удивлённо взглянул на барона» «Простите, дорогой барон, у Вас же оба глаза!»

Барон взглядом поставил наглого слушателя на место и без доли смущения продолжил свой рассказ, сверкая обоими здоровыми глазами: «... в которой, как я уже сказал, я потерял свой правый глаз» [3, 12].

Значительную часть старых текстов составляют шутки о студенческой жизни в Дорпате (ныне Тарту). Речь идёт о забавных студенческих проделках, из которых можно иногда догадаться об особенностях студенческой жизни, почувствовать особую атмосферу многонационального университетского города.

После шумной вечеринки за городом, на которой праздновалось посвящение в студенты, один только что посвящённый возвращался домой, в городскую квартиру. Алкоголь и усталость взяли верх, и студент пристроился поспать на большом сухом камне. Незаметно пошёл утренний дождик, под камнем зажурчала вода. Какой-то студент старшего курса, торопившийся на утренний семинар, дружески предложил свою помощь промокнутому насквозь первокурснику. Ответ прозвучал откуда-то между шапкой и бородой: «Я позволяю отвести меня домой только моим землякам!» [6, 38].

Эта шутка воспринимается как исключение в студенческой жизни университетского города 19 века, поэтому она и сохранилась в устной памяти балтийских немцев. Известно, что университет в Дорпате (1802–1893) был единственным университетом в Балтии, предоставлявшим образование на немецком языке. Учёба в этом университете была частью жизни почти каждой немецкой семьи, проживавшей на территории сегодняшних Эстонии и Латвии. Национальный вопрос, как и вопрос происхождения, стираются в студенческой общности одним учебным заведением, общими интересами и занятиями, молодостью, что и становится понятным в предложении помощи старшим студентом. Первокурсник ещё не проникся этой общей атмосферой, поэтому для него ещё важны отношения землячества, поддержка старых контактов. Необходимо добавить, что национальные вопросы обострились в 20-х годах XX века.

Особую группу образуют шутки, действующими лицами которых являются пожилые дамы, иногда пожилые сёстры, старые баронессы или просто пожилые женщины. Именно через них передаётся, пусть и с доброй усмешкой, мысль об отсталости балтийского образа жизни в уже технически развитых 30-х годах XX века и неспособность этих женщин, и, обобщённо, всех балтийских немцев вжиться в новые условия.

Датское радио

Многие балтийские немцы оказались в 1945 году после бегства и изгнания в Гольштейнской Силезии. Две сестры, обе 49 лет отроду, проживая в деревне, узнали о смерти одной пожилой дамы в Дании. Одна из сестёр, съездив в Данию на похороны, привозит с собой кое-что из ценных вещей. Вторая сестра спрашивает: «Там не было радио, которое ты могла бы привезти с собой?» Ответ: «Что за глупый вопрос! Зачем нам радио, если в нём говорят по-датски!» [5, 50].

Особенно часто такие женские персонажи становятся субъектом шуток в более позднее время, в Вартегау, в Познани, Мюнхене и других городах Германии и в странах, куда им пришлось переселиться из привычных родных мест. Вместе с трагикомичностью этих женских образов

читатель испытывает симпатию к пожилым дамам, пытающимся не вешать голову под тяжёлыми ударами судьбы. Для этих дам главным является понятие семьи. В семьях балтийских немцев нередко незамужняя сестра жены оставалась в семье замужней сестры. Эти женщины иногда присматривали за детьми, помогали по хозяйству и являлись главными хранителями семейных и национальных традиций. Этим объясняется довольно частое упоминание двух пожилых дам, чаще всего сестёр, как действующих лиц повествования.

Как можно заключить из приведённых примеров, внимательное прочтение шуток может стать хорошим источником для понимания образа жизни, традиций, привычек и т.д. балтийских немцев, то есть того, что часто требует дополнения и конкретизации. Кроме того, интересным представляется прослеживание судеб конкретных людей, сопоставление уже известных сведений о них с теми данными, которые можно получить из текстов шуток. Многого можно узнать и о семьях, именьях, в которых проживали балтийские немцы, об особенностях студенческой, церковной, школьной, городской и т.д. жизни. Без сомнения, подобного рода тексты могут дать интересный материал для дальнейшей исследовательской работы.

1. Вейнберг И. П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. – Москва: Наука, гл. ред. Восточной литературы, 1986. 208 с.
2. Angelius, Oskar. Balten daheim und draussen: Pratchen, Skizzen und Glossen. - Hannover-Döhren: Hirschheydt, 1961. 107 S.
3. Der schmunzelnde Ordensritter. Ein heiteres Baltenbuch. Walter M. Pogge (hrsg.). - Berlin: Grenze und Ausland, 1942. 56 S.
4. Heimat im Herzen. Wir Balten. Boehm, Max Hildebert (hrsg.). – Salzburg: Akad. Gemeinschaftsverlag, 1951. 389 S.
5. Kaehlbrandt, Lothar. Baltische Pratchen und andere heitere Geschichten von Balten seit der Umsiedlung 1939. - Köln: Mare Balticum, 1995. 104 S.
6. Pereat tristitia! Baltische Histörchen und Pratchen aus der baltischen Heimat. Klaus Boehm (hrsg.). - Friedrichshafen am Bodensee, 1975. 73 Seiten.
7. Schröder, Hans von. Pratchen: edeldreiste Geschichten aus Baltischen Landen. - Posen : Bruhns, 1943. 367 S.
8. Zerlik, Otto, „Das Kurbarometer“. Histörchen, Witze, Anekdoten. - Augsburg: Kraft Verlag, ca. 1965. 105 S.
9. Jēkabpils (Jakobstadt) [Electronic resource] <https://tournet.lv/page.php?id=1498> Date of access: 31.01.2019.

ИСТОЧНИКИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Дианова Е.В.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕВЕРНОЙ КООПЕРАЦИИ (ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА)

В первые десятилетия XX в. на Европейском Севере России заметно выросло кооперативное движение. В северных губерниях функционировали потребительные общества, маслодельные артели, лесные трудовые артели, кредитные и ссудо-сберегательные товарищества. Постепенно наряду с торговой и хозяйственной деятельностью кооперативы стали вести культурно-просветительную работу, но до первой русской революции она находилась в зачаточном состоянии. Сначала на благотворительные и культурно-просветительные цели из прибыли выделялись незначительные суммы, затем размер отчислений заметно вырос.

Изучение культурно-просветительной деятельности кооперации Европейского Севера первых десятилетий XX века укладывается в плоскость решения практических задач взаимодействия бизнеса и культуры, соотношения экономики и нравственности. Можно говорить о немалой роли кооперации в инкультурации населения, т.е. в приобщении городских и деревенских жителей к ценностям мировой и отечественной культуры.

В период с 1908 г. по 1919 г. центром кооперативного движения и культурно-просветительной работы кооперации северного края было Вологодское Общество сельского хозяйства (ВОСХ) – общество губернского масштаба. В 1912 г. в составе ВОСХ был создан Коммерческий отдел. С образованием Коммерческого отдела произошло разграничение и обособление двух видов деятельности – культурной (неторговой) и торговой. В 1917 г. Коммерческий отдел стал называться «Союз кооперативов северного края» («Северосоюз»), а ВОСХ было преобразовано в «Вологодское Центральное Общество сельского хозяйства». В 1919 г. после закрытия ВЦОСХ его преемником стал Вологодский губернский союз кооперативов («Северосоюз»). В 1914 г. был образован Архангельский губернский союз кооперативов, в 1918 г. – Олонецкий губернский (краевой) кредитно-производительный союз.

С участием кооперативных организаций в городах и селах появились культурно-просветительные учреждения (библиотеки, народный театр, кинематограф, музеи). Только благодаря деятельности кооператоров в северных губерниях были заложены основы кооперативного образования. Кооперативное просвещение населения осуществлялось во время обучения на кооперативных курсах, народных чтений, лекций и бесед, где проходило усвоение им кооперативных знаний и принципов кооперации.

Значительную группу неопубликованных источников составляют делопроизводственные документы. Среди них можно назвать материалы по инструкторской и организационной работе в системе потребительской кооперации, в том числе протоколы инструкторских совещаний и заседаний правлений союзов, результаты инструкторских обследований, планы культурно-просветительной работы первичных кооперативов, программы кооперативных инструкторских и счетоводных курсов; сведения о преподавателях и слушателях курсов.

Необходимые сведения по данной проблеме имеются в материалах, находящихся в Российском Государственном историческом архиве (РГИА). В Государственном архиве Архангельской области нужно отметить фонд Архангельского губернского союза кооперативов, в Государственном архиве Вологодской области – фонды Вологодского Общества сельского хозяйства и Вологодского губернского союза кооперативов «Северосоюз»; в Национальном архиве Республике Карелия – фонд Олонецкого губернского союза кооперативов. В фонде Вологодского Общества сельского хозяйства хранятся материалы о его культурно-просветительной деятельности (инструкции, отчеты, протоколы); доклады по содействию культурно-просветительной работе на местах; протоколы заседаний инструкторской коллегии по кооперативному просвещению.

Помимо фондов потребительской, промышленной, сельскохозяйственной и кустарно-промышленной кооперации весьма информативным источником являются фонды отдела народного образования Вологодского губернского исполнительного комитета, Архангельского и Олонецкого губернских отделов народного образования. Здесь можно найти отчеты, касающиеся открытия Народных домов, постановки спектаклей и концертов, организации молодежных, драматических, литературных и прочих кружков, проведения киносеансов с участием кооперативных работников.

Идеи просветительской миссии кооперации были провозглашены на всероссийских и региональных съездах, там же были разработаны основные формы и направления культурно-просветительской деятельности кооперации и кооперативного просвещения. Об участии северной кооперации в организации культурно-просветительских мероприятий говорилось на Всероссийском съезде деятелей народного театра в Москве (1915/16) [21], на Харьковском съезде по вопросам организации разумных развлечений (1915) [24], на первом совещании по внешкольному образованию, состоявшегося при Вологодской губернской управе в августе 1916 г. [23], а также на первом Всероссийском съезде по внешкольному образованию (1919) [16].

Вопросы участия северной кооперации в культурно-просветительской работе рассматривались на кооперативных съездах, в том числе на первом кооперативном съезде в Вологде (1915) [22], первом съезде потребительных обществ Архангельского уезда (1918) [25], на Всероссийском съезде по кооперативному просвещению и культурно-просветительской деятельности кооперации (1919) [17].

Весьма объемной группой по количеству опубликованных источников является делопроизводственная документация кооперативных объединений. Сведения о культурно-просветительской работе содержатся в журналах и протоколах кооперативных совещаний, съездов и собраний уполномоченных кооперативных организаций северных губерний. К ним относятся материалы и отчеты о работе Архангельского губернского союза кооперативов [9; 18; 19; 20]; Вологодского общества сельского хозяйства [2], Вологодского губернского союза кооперативов [1]; Народного общества потребителей г. Шенкурска Архангельской губернии [10]; Петрозаводского общества потребителей и других кооперативных объединений [12].

Статистические данные о количестве кооперативов и учреждений внешкольного образования содержат ежегодники [5], памятные книжки Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний [13; 14; 15]. Сбором информации и публикацией статистических материалов о состоянии кооперации занималось Бюро кооперативной статистики Вологодского Центрального Общества сельского хозяйства. В статистических сборниках представлены сведения о кооперации Вологодской и Северо-Двинской губерний, в том числе сведения о количестве культурно-просветительских кооперативов [6; 7; 8].

Одним из направлений культурно-просветительской деятельности кооперации было распространение агрономических знаний. Информация об просветительских мероприятиях мелких обществ сельского хозяйства имеется в различных обзорах, отчетах и докладах земских агрономов Вологодской и Олонецкой губернии [3; 4], опубликованных отчетах сельскохозяйственных обществ [11].

Интересным источником являются центральные и региональные кооперативные журналы. Сообщения о мероприятиях и статьи о культурно-просветительской работе кооперативов печатали журналы «Вестник кооперации», «Кооперативная жизнь», «Общее дело», «Петроградский кооператор», «Просвещение и кооперация», «Союз потребителей».

Большой объем сведений о культурных начинаниях кооперативов можно найти в кооперативной периодике Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерний. На Европейском Севере первый кооперативный журнал «Северный хозяин» выходил в Вологде в 1908–1919 г., в 1920 г. этот журнал издавался под названием «Северное хозяйство». В 1920-е гг. кооперативными союзами Вологодской губернии выпускался журнал «Кооперация Севера». Журналы, издававшиеся Архангельским губернским союзом кооперативов, назывались «Товарищеское дело» (1917–1919) и «Северная кооперация» (1919–1920). В Олонецкой губернии в Петрозаводске с 1918 г. издавался журнал «Олонецкий кооператор».

Тщательный анализ указанных источников выявил немало фактов, касавшихся различных сторон культурно-просветительной деятельности кооперативных организаций на Европейском Севере. Это и кооперативная пропаганда и кооперативное просвещение, проведение инструкторских и счетоводческих курсов, распространение сельскохозяйственных знаний путем бесед с крестьянством на сельских сходах. Это и кропотливая работа кооперативных объединений северных губерний по созданию библиотек, музеев, народных театров, кинематографа, музеев в 1900–1920 годы.

Современные кооперативные организации, уделяя большое внимание доходности предприятий, получению прибыли, не спешат отказываться от мероприятий в социокультурной сфере. Изучение истории кооперации как массового общественного движения и элемента рыночной экономики позволяет использовать исторический опыт кооперативных организаций для решения не только насущных социально-экономических проблем, но и некоторых вопросов в области культуры и просвещения.

1. Вологодский губернский союз (Северосоюз) в 1920 году. – Вологда, 1921. – 33 с.
2. Вологодское Общество Сельского Хозяйства. Отчет о деятельности Вологодского Общества сельского хозяйства с 1 января 1909 г. по 1 января 1910 г. (2-й год). – Вологда, 1910. – 86 с.
3. Гультман, Г. Г. Обзор земских агрономических мероприятий Олонекской губернии за 1915 год / Г. Г. Гультман. – Петрозаводск, 1915. – 121 с.
4. Доклады Вологодскому губернскому земскому собранию. Сессия 1916 г. Доклады по агрономическому отделу Вологодскому губернскому земскому собранию. – Вологда, 1917. – 102 с.
5. Ежегодник Вологодской губернии на 1913–1914 годы. – Вологда, 1913–1914.
6. Кооперация Вологодской губернии к началу 1918 года. – Вологда : Тип. Союза кооперативов Северного края, 1918. – 73 с.
7. Кооперация Вологодской и Северо-Двинской губерний к началу 1919 года. Бюро кооперативной статистики Вологодского Центрального общества сельского хозяйства. – Вологда, 1919. – 106 с.
8. Кооперация Вологодской и Северо-Двинской губерний к началу 1920 года. Бюро кооперативной статистики Вологодского Центрального общества сельского хозяйства. – Вологда : Тип. Северосоюза, 1920. – 63 с.
9. Материалы особой комиссии по ревизии дел Архангельского союза кооперативов. 22 мая – 3 июня 1918 г. – Архангельск : типография Союза кооперативов, 1918. – 130 с.
10. Народное общество потребителей в г. Шенкурске. Отчет за 1916 год. – Шенкурск, 1917. – 16 с.
11. Обзор деятельности Крошнозерского сельскохозяйственного общества за 1913 год. – Петрозаводск, 1914. – 25 с.
12. Отчет Петрозаводского общества потребителей за 1916 год. – Петрозаводск, 1917. – 40 с.
13. Памятные книжки Архангельской губернии на 1914 и 1915 годы. – Архангельск, 1914–1915.
14. Памятные книжки Вологодской губернии на 1912–1916 годы. – Вологда, 1912–1916.
15. Памятные книжки Олонекской губернии на 1903–1916 годы. – Петрозаводск, 1903–1916.
16. Первый Всероссийский съезд по внешкольному образованию. 6–19 мая 1919 г. Документы и материалы: в двух книгах. Книга вторая. Ч. I. – Москва, 1993. – 151 с.
17. Первый Всероссийский съезд по кооперативному просвещению и культурно-просветительной деятельности кооперации. Постановления. – Москва, 1919. – 16 с.
18. Протокол VI экстренного собрания уполномоченных кооперативов Архангельской губернии 17–21 марта 1917 г. – Архангельск, 1917. – 62 с.
19. Протоколы VII Общего собрания уполномоченных торгово-промышленного товарищества сбыта и оптовых закупок кооперативов Архангельской губернии. С отчетом за 1916 г. и протоколом Учредительного собрания Архангельского союза потребительных обществ 19–24 июня 1917 года. – Архангельск, 1917. – 30 с.
20. Протоколы X чрезвычайного собрания уполномоченных Архангельского союза кооперативов. 10–20 марта 1919 г. – Архангельск : Типография Союза кооперативов, 1919. – 37 с.
21. Труды Всероссийского съезда деятелей народного театра в Москве. 27 декабря 1915 г. – 5 января 1916 г. – Петроград, 1919. – 463 с.
22. Труды первого областного кооперативного съезда в Вологде 26–31 августа 1915 года. – Вологда, 1915. – 376 с.
23. Труды первого совещания по внешкольному образованию, состоявшегося при Вологодской губернской управе 2–8 августа 1916 года. – Вологда, 1916. – 194 с.
24. Труды созданного Харьковским Обществом грамотности съезда по вопросам организации разумных развлечений. Постановления и доклады. В 2-х т.: Т. 1. – Харьков, 1915. – 317 с.
25. Труды первого съезда представителей потребительных обществ Архангельского уезда. 19–22 декабря 1918 года. – Архангельск : Типография Союза кооперативов, 1919. – 60 с.

Амбарцумян К.Р.
**НАРРАТИВ ИНОСТРАННЫХ АВТОРОВ КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ НА КАВКАЗЕ (1918–1920 ГГ.)¹**

Вынесенный в заголовок термин «нарратив» в контексте сформулированной проблемы имеет решающее значение. Структуралисты и семиотики определяют его как процесс аранжировки случившегося, которая имеет целью утверждение основных положений культуры. Речь идет о вопросах о себе, о времени, о своем предназначении и т.д. [8, с. 183] В историческом исследовании источник личного происхождения представляет собой нарративное отражение произошедших событий. Речь идет о многослойном тексте, который наполнен субъективностью, но при этом истории, рассказанной автором и обусловленной его культурой [5, с. 102]. Именно в эго-источнике событие открыто превращается в субъективный образ

Использование эго-документов применительно к изучению истории международных отношений стало явлением распространенным. Наряду с со степенью достоверности источника, историка интересует субъективность автора и его мировоззрение. В изучении истории международных отношений эти аспекты не должны сбрасываться со счетов. Признание чужой одушевленности выводит исследователя на новый уровень, когда возникает потребность в сравнении восприятия события разными сторонами и участниками, в сопоставлении, рефлексии и поиска объяснения искажения или умалчивания автором о событиях, процессах, явлениях внешней политики. По принципу цепной реакции должен актуализироваться целый спектр новых проблем, которые для истории международных отношений достаточно новы – этничность, имагологический аспект международных отношений, отдельные стороны влияния повседневности и т.д.

Историки уже обращались к проблеме английского военного присутствия в регионе, его целесообразности и результативности [См. например: 1; 2; 4; 6; 7]. Существенно углубляет знания о ситуации вокруг региона и расширяет представление о действиях английской администрации на Кавказе сравнительное изучение воспоминаний англичан, посетивших регион примерно в один и тот же период: военного разведчика А. Роулинсона, генерала Л. Денстервиля, журналиста и переводчика К. Бехгофера.

Обращение к нарративным источникам связано с установлением их конкретного жанра. Выбранные для анализа тексты можно идентифицировать как травелоги. Данное понятие сравнительно недавно вошло в научный обиход российских историков и используется применительно к нарративам, которые обобщенно можно назвать описывающим перемещение автора в пространстве [9]. Исследователь Г.В. Шпак выделяет четыре авторских позиции по отношению к описываемому пространству: преодоление (восприятие пространства как чуждого и враждебного), освоение (фиксация признаков пространства), изучение (отношение к пространству, как к источнику знаний), понимание (трансляция авторских чувств через пространство) [9]. Безусловно, это идеальные типы, которые можно объединить в одну аналитическую конструкцию, выстроенную в иерархическом порядке – от преодоления до понимания. Последующее помещение в нее вышеозначенных текстов позволяет выявить как общие черты, так и моменты уникальности в конструировании пространства Большого Кавказа, а также в представлении места Англии в геополитической архитектуре региона. Традиционно, английские источники о любой восточной территории исследователи рассматривают через призму колониализма и евроцентризма, что стратегически верно, но тактически применительно к конкретным источникам требует детализации.

Наиболее часто в изучении ситуации на Кавказе в указанный период историками используются воспоминания британского военачальника Лионеля Денстервиля. В целях пропаганды в 1925 году их перевели и издали в СССР под экспрессивным заголовком «Британский империализм в Баку и Персии. 1917–1918»². Будучи по сути авантюристом, Л. Денстервиль ввязался скорее в увлекательное приключение, нежели в военную операцию. Поэтому именно в духе авантюрного приключения и написаны его воспоминания. Фиксация пространства и комбина-

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917 – 1922 гг.)», поддержанного РФФИ (18-09-00444).

² В английской версии воспоминания озаглавлены «Приключения Данстерфорса» (The adventure of Dunsterforce).

ции его отдельных частей позволяют поместить данный нарратив в ближневосточный дискурс внешней политики Великобритании, это определяет относительное единство кавказского и персидского пространства в тексте с внутренним делением на отдельные хронотопы. Очевидно, что для автора кавказское направление было продолжением ближневосточного вектора. Кавказ включен как элемент образа «Восток». На Кавказ Денстервиль смотрел из Персии, в отношении, к пространству которой он относился на уровне вышеназванного «понимания». Кавказ же сужался до Баку, в целом эта территория была *terra incognita*, что позволяет отнести ее к «чужой», а авторское восприятие трактовать как преодоление чего-то неосвоенного и враждебного. Образ стремительно приближающегося неприятеля этот эффект усиливает. Примечательна данная Денстервилем характеристика интересующих его как военного территориальных пределов, они заключены между Багдадом и Баку [3, с. 1].

Целью его продвижения была бакинская нефть, к которой нельзя было допустить турок и немцев: «Вот почему, когда пришло время броситься в пучину бакинских событий, оказалось, что большая часть офицеров были заняты в Персии, выполняя такие задания, что увод их из Персии грозил гибелью всем нашим достижениям» [3, с. 121]. На данном этапе главной задачей было перекрыть путь в Азию и установить господство над Каспийским морем. Значительная часть травелога посвящена именно продвижению к этой заветной цели, соответственно в большей степени речь идет о конструировании персидского пространства, на фоне которого в общих чертах просматривается кавказское. Очевидно, что в этот период, с весны и до конца августа 1918 г., Кавказ скорее рассматривался, как ворота в Азию, которые необходимо было запечатать. Что касается Северного Кавказа, он касался планов Л. Денстервила только косвенно. Его знания о нем стереотипны и связаны с личностью Л. Бичерахова, который по словам английского генерала происходил «из осетинских казаков, одного из полудиких племен, типичных для северного Кавказа» [3, с. 19]. Во Владикавказе была миссия полковника Д. Пайка, туда был отправлен А. Роландсон вместе с Л. Бичераховым. В Тифлисе находился капитан Гольдсмит. Однако, наладить связь и взаимодействие с ними не удавалось. Таким образом, дезорганизованность англичан усиливает эффект разорванности пространства Большого Кавказа, и одновременно, подчеркивает его враждебность в сравнении с персидским.

В отряде Л. Денстервила находился на службе автор следующего травелога – Альфред Роулинсон, написавший «Приключения на Ближнем Востоке, 1918 – 1922» [11]. Он также понимал Кавказ как часть Ближнего Востока, такая логика стала следствием выполнения офицером служебных обязанностей. Границы, в сравнении с описанными Денстервилем, смещены и заключаются между Константинополем и Энзели. В данном случае при всей гетерогенности, пространство сливается в единую геополитическую систему, прочно встроенную в сферу внешней политики Великобритании. Это обстоятельство подчеркивается автором, Роулинсон искренне полагал, что военное присутствие англичан целесообразно и полезно для местных народов. Нарратив данного автора изобилует деталями военных и разведывательных операций. Возвращаясь к предложенной аналитической конструкции, в травелоге А. Роулинсона следует выделить стадию «освоение», в которой, пожалуй, автор и «застрял», так как разведчик постоянно вынужден фиксировать признаки пространства пребывания. Следует понимать, что, будучи практиком, он обращал внимание на те особенности, которые связаны со службой и отразил те, которые, по мнению разведчика, можно было обнародовать. Поэтому текст в меньшей степени отражает международную ситуацию в регионе.

Северный и Южный Кавказ, как и в предыдущем случае, представлены неравномерно. Под «Кавказом» прежде всего подразумевается Южную часть, северные же пределы региона выпадают из общей ближневосточной картины. На Северном Кавказе А. Роулинсон побывал в целях разведки действий Добровольческой Армии. Здесь он застал осетино-ингушскую распрю, но при этом связи между ориентацией народов на большевиков и белое движение и этническим противостоянием не заметил. С позиций британского колониального мышления этот конфликт был слишком незначителен.

На фоне травелогов Л. Денстервила и А. Роулинсона резко контрастирует сочинение британского журналиста Карла Бехгофера [10]. В иерархии аналитической конструкции его нарратив соотносится с изучением и пониманием описываемого пространства. Он прекрасно владел

русским языком и бывал неоднократно в России, это повлияло на восприятие Кавказа, который он мыслил как отпавшую от тела России часть. Как журналиста его влекло профессиональное и обывательское любопытство, и главной задачей было самостоятельно разобраться в ситуации, сложившейся в связи с распадом Российской империи. В определенной степени данный травелог может быть идентифицирован как взгляд извне на действия британской администрации на Кавказе, в ряды которой он не был инкорпорирован.

Критическое осмысление дает возможность исследователю выявить такие недостатки англичан, снижающие результативность управления, как незнание языков, поверхностное знакомство и игнорирование обычаев местной жизни. В противовес А. Роулинсону, который писал об упорядочивающем начале английской миссии, К. Бехгофер отметил внутреннюю несогласованность действий и слабую поддержку из Лондона. Побывав в Тбилиси, Ереване и Баку, он составил описания, позволяющие сформировать представление о положении дел на местах. Применительно, к ситуации в Армении журналист обратил внимание на высокие профессиональные качества представителя Англии Джорджа Грейси, которые не могли быть реализованы по причине плохих условий работы: малочисленный штат, отсутствие служебного автомобиля. В Баку условия были, но генерал Джордж Уолтон предпочитал сосредоточиться на урегулировании проблем с добычей и транспортировкой нефти.

Северный Кавказ К. Бехгофер относит к «Деникинской России». В отличие от предыдущих двух авторов, он более осведомлен о делах в этом регионе Большого Кавказа. Так, о Горской республике он пишет, как о «маленьком гнезде интриги», полагая, что чрезмерное вмешательство разных военно-политических сил в его судьбу свело успех этого проекта к нулю.

1. Архипова, Е. В. Британский след на Южном Кавказе (1918–1919 годы) / Е. В. Архипова // Новая и новейшая история. – 2016. – №3. – С. 216–223.
2. Асоян, Т. М. Территориальные проблемы Республики Армении и британская политика: 1918–1920 гг. : дисс. ... канд. ист. наук / Т. М. Асоян. – М. : МГУС, 2005. – 289 с.
3. Денстервиль, Л. Британский империализм в Баку и Персии 1917–1918. (Воспоминания) / Л. Денстервиль. – Тифлис : Советский Кавказ, 1925. – 282 с.
4. Доного, Х. М. Британская Политика На Ближнем Востоке: Английская Миссия в Дагестане. 1918–1919 / Х. М. Доного // *Avrasya Incelemeleri Dergisi (AVİD)*. – 2012. – №1/2. – С. 161–192.
5. Кукарцева, М.А. Политический нарратив – инструмент «формирования себя» в мировой политике / М.А. Кукарцева, З.Э. Валиева // *Обозреватель-Obsever*. – 2013. – № 4. – С.100–109.
6. Морозова, О. М. Британское присутствие на Кавказе в 1918–1919 гг. / О. М. Морозова // *Британцы и народы Юга России: проблемы взаимовлияния: сборник научных статей / отв. ред. А. Н. Еремеева ; редкол. И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков и др.* – Краснодар: Экоинвест, 2015. – С.111–121.
7. Пантюхина, Т. В. Миссия «Данстерфорс»: британский экспедиционный корпус на Кавказском фронте в 1918 г. / Т. В. Пантюхина // *Боевое братство и национальное единство народов северного Кавказа в годы Первой мировой войны: материалы международной научной конференции (Пятигорск 28–30 ноября 2014 г.)*. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – С.77–83.
8. Ушников, Э. А. К проблеме определения нарратива / Э. А. Ушников // *Вестник ЧитГУ*. – 2006. – № 4. – С.182–185.
9. Шпак, Г. В. Травелог: поиск универсальной дефиниции. Четыре стратегии репрезентации пространства / Г. В. Шпак // *Преподаватель. XXI век*. – 2016. – № 2. – Т. 3. – С. 261–277.
10. Bechhofer Roberts, C. E. In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920 / C. E. Bechhofer Roberts. – New York, 1971.
11. Rawlinson, A. Adventures in the Near East, 1918–1922 / A. Rawlinson. – New-York : Dodd. Mead and company, 1924. – 353 p.

Бараноўскі А.В.

КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ФАРМІРАВАННЯ ПАЎНОЧНА-ЎСХОДНЯЙ АДМІНІСТРАЦЫЙНАЙ МЯЖЫ БССР (1919–1924 ГГ.)

Фарміраванне тэрытарыяльных межаў – складаны і супярэчлівы гістарычны працэс, паколькі станаўленне і змяненне межаў звязана з унутранай і знешняй палітыкай дзяржаў. Даволі складана ішло фарміраванне адміністрацыйнай мяжы паміж БССР і РСФСР на віцебска-пскоўскім памежжы. Паміж УЦВК РСФСР і ЦВК БССР вялася барацьба за адміністрацыйна-тэрытарыяльную прыналежнасць Веліжскага, Невельскага і Себежскага павеатаў, якая скончы-

лася на карысць РСФСР, дадзеныя паветы ўвайшлі ў склад Пскоўскай губерні. Увядзенне ў навуковы ўжытак і аналіз крыніц па гісторыі фарміравання адміністрацыйнай мяжы БССР на лакальным узроўні, на наш погляд, уяўляе асаблівую цікавасць.

Увесь комплекс выяўленых крыніц для зручнасці аналізу мэтазгодна сістэматызаваць, абапіраючыся на прынятую ў сучасным крыніцазнаўстве класіфікацыю. У прыватнасці, у аснову даследавання ляглі дакументальныя крыніцы, якія дазволілі падрабязна прасачыць як адбылася фарміраванне паўночна-усходняй адміністрацыйнай мяжы БССР у 1919–1924 гг.

Сярод дакументальных вылучаюцца заканадаўчыя крыніцы. Да іх адносяцца прававыя акты, што накіраваны на рэгуляванне грамадскіх адносін: Канстытуцыі, законы, указы, ўрадавыя пастановы. Дакументы заканадаўства і публічна-правовыя акты з’яўляюцца каштоўнай крыніцай пры вывучэнні гісторыі фарміравання адміністрацыйнай мяжы БССР за паказаны перыяд. Аднак варта памятаць, што “пісаны закон” не заўсёды адпавядае “рэальнаму закону”.

Другую групу дакументальных крыніц прадстаўляюць дакументы справаводства, што функцыянальна забяспечваюць прыняцце і рэалізацыю кіраўнічых рашэнняў. Гэтая група ўключае арганізацыйна-распарадчую дакументацыю (пракалолы пасяджэнняў калегій, сходаў, з’ездаў, канферэнцый і т. п.), бягучую перапіску арганізацый і ўстаноў, планавую, уліковую, кантрольную і статыстычную дакументацыю.

Значная колькасць падобнага роду дакументаў захоўваецца ў дзяржаўных архівах. У прыватнасці, у нашым даследаванні ўжываліся дакументы з Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Сярод іх найбольшую цікавасць уяўляюць распарадчыя дакументы і матэрыялы да іх, а таксама бягучая перапіска ЦК Камуністычнай партыі Беларусі, якія захоўваюцца ў фондзе 4п – Цэнтральны камітэт Камуністычнай партыі Беларусі (вопіс 1), копіі дадзеных дакументаў змяшчаюцца ў фондзе 60п – Інстытут гісторыі партыі і Кастрычніцкай рэвалюцыі пры ЦК КП(б)Б (вопіс 3). Знаёмства з дакументамі, што захоўваюцца у дадзеных фондах, дазваляе даследаваць пазіцыі цэнтральных і мясцовых органаў улады адносна адміністрацыйна-тэрытарыяльнай прыналежнасці тэрыторыі Віцебскай губерні.

Важныя для даследавання звесткі знаходзяцца ў фондах 6 (Цэнтральны Выканаўчы Камітэт БССР) (вопіс 1) і 31 (Дзяржаўная планавая камісія пры Эканамічнай нарадзе БССР) (вопісы 1, 2) Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь. Гэта ў асноўным прававыя акты, што былі прыняты па пытанні вяртання часткі тэрыторыі Віцебскай губерні ў склад Беларускай рэспублікі і фарміравання паўночна-усходняй адміністрацыйнай мяжы БССР.

Частка новых дакументаў па гісторыі адміністрацыйна-тэрытарыяльных пераўтварэнняў на Віцебшчыне намі выяўлена ў Дзяржаўным архіве Расійскай Федэрацыі (фонды 3316 – Цэнтральны выканаўчы камітэт СССР (вопісы 16, 64), 5677 – Адміністрацыйная камісія пры Прэзідыуме Усерасійскага Цэнтральнага Выканаўчага Камітэта (вопісы 1,4)). У дадзеных фондах знаходзяцца распарадчыя дакументы па раяванню Віцебскай губерні, вяртання ў склад БССР усходнебеларускіх тэрыторый і вызначэнні мяжы паміж РСФСР і БССР на віцебскім-пскоўскім участку.

Трэцім архівам, дакументы якога былі пакладзены ў аснову даследавання, стаў Расійскі дзяржаўны архіў сацыяльна-палітычнай гісторыі. Намі былі выкарыстаны пракалолы пасяджэнняў Палітбюро ЦК РКП(б), якія ўтрымліваюцца ў фондзе 17 – Цэнтральны Камітэт КПСС (вопіс 3).

Пры напісанні дысертацыі таксама выкарыстоўваліся дакументы рэгіянальных архіваў Рэспублікі Беларусь і Расійскай Федэрацыі. Так асноўную частку дакументальных крыніц складаюць матэрыялы фондаў Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці: 56 – Віцебскі губернскі Савет рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў і яго выканаўчы камітэт, 1821 – Аддзел кіравання выканаўчага камітэта Віцебскага губернскага Савета рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў, 118 – Віцебскі акруговы Савет рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў і яго выканаўчы камітэт, 10050-п – Віцебскі губернскі камітэт Расійскай Камуністычнай партыі (бальшавікоў), 10052-п – Віцебскі павятовага-гарадскі камітэт Камуністычнай партыі (бальшавікоў) Беларусі і іншыя. Сярод іх найбольшую цікавасць уяўляюць пракалолы пасяджэнняў Віцебскага губкама і губвыканкама, а таксама перапіска, што вялася паміж мясцовымі ўладамі і кіраўніцтвам РСФСР і БССР. Дадзеныя дакументы з’яўляюцца

каштоўнай крыніцай і даюць магчымасць даследаваць пазіцыі цэнтральных, рэспубліканскіх і губернскіх органаў улады адносна адміністрацыйна-тэрытарыяльнай прыналежнасці тэрыторыі Віцебскай губерні і фарміравання паўночна-усходняй адміністрацыйнай мяжы БССР.

Даклад аб рабоце і пратаколы пасяджэнняў Беларуска-Пскоўскай пагаджальнай камісіі, што займалася перадачай Веліжскага, Невельскага і Себежскага павеатаў Віцебскай губерні ў склад Пскоўскай, захоўваюцца ў фондзе Р-590 (Пскоўскі губернскі Савет рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў) Дзяржаўнага архіва Пскоўскай вобласці.

У даследаванні прадстаўлены таксама дакументы з фондаў Занальнага дзяржаўнага архіва ў г. Орша (фонд 1358 – Сенненскі павятовы Савет рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў і яго выканаўчы камітэт) і Занальнага дзяржаўнага архіва ў г. Полацк (фонд 51 – Полацкі павятовы Савет рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў і яго выканаўчы камітэт).

Апублікаваныя ў тэматычных зборніках дакументаў матэрыялы таксама з’яўляюцца важнай крыніцай па гісторыі фарміравання паўночна-усходняй адміністрацыйнай мяжы БССР. У 2012 г. быў выдадзены першы том зборніка “Государственные границы Беларуси” [1]. Матэрыялы дадзенага зборніка адлюстроўваюць гісторыю фарміравання тэрытарыяльна-дзяржаўных межаў Беларусі ў 1917–1926 гг., а таксама ўзаемаадносіны Беларускай рэспублікі з суседнімі дзяржавамі. Асноўная частка ўключаных у зборнік дакументаў была выяўлена ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь і Дзяржаўным архіве Расійскай Федэрацыі. У першым томе таксама шырока прадстаўлены матэрыялы перыядычнага друку і дакументальных выданняў.

Падчас даследавання таксама выкарыстоўваліся апублікаваныя дакументы і матэрыялы са зборніка дакументаў “Витебская губерния 1917 – 1924 гг. Документы и материалы” [2]. Дадзены зборнік быў падрыхтаваны віцебскімі архівістамі разам з супрацоўнікамі Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь. У ім на падставе дакументаў з фондаў Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці, Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, Расійскага дзяржаўнага архіва сацыяльна-палітычнай гісторыі адлюстравана дзейнасць мясцовых органаў улады і РКП(б), змены ў адміністрацыйна-тэрытарыяльным дзяленні Віцебскай губерні, у тым ліку перадача БССР павеатаў з пераважным беларускім насельніцтвам.

Зборнікі дакументаў, як крыніца, маюць суб’ектыўны характар, паколькі складальнікі на падставе ўласных меркаванняў вызначаюць матэрыялы, якія будуць апублікаваны ў зборніку, але пры гэтым нельга казаць, што апублікаваныя дакументы і матэрыялы ў выкарыстаных намі зборніках дакументаў не аб’ектыўныя.

Нягледзячы на велізарны масіў апублікаваных крыніц, у даследаванні выкарыстоўвалася значная колькасць дакументаў і матэрыялаў справаводства, якія нідзе да гэтага часу не публікавалася і ўпершыню ўводзіцца ў навуковы абарот.

Асобную групу крыніц, выкарыстаных у даследаванні, складаюць публікацыі ў перыядычным друку, прадстаўленыя губернскімі газетамі: “Известия Витебского губисполкома и губкома РКП(б)” і “Псковский набат”. Перыёдыка разглядаецца асобна як спецыфічная сістэма гістарычных крыніц, паколькі яна ўтрымлівае творы аналітычнага, мастацка-публіцыстычнага жанраў, заканадаўчыя і актавыя дакументы, мемуарныя творы і г.д.

На старонках віцебскай губернскай газеты публікаваліся афіцыйныя пастановы мясцовых улад, матэрыялы пра далучэнне часткі тэрыторыі Віцебскай губерні да БССР, гістарычныя нарысы мясцовага даследчыка А. Сапунова пра беларусаў, а таксама асвятляўся прыезд Беларускай камісіі ў Віцебск. У сваю чаргу, пскоўская губернская газета знаёміла сваіх чытачоў з далучанымі павятамі былой Віцебскай губерні, пачала весціся пастаянная рубрыка “По новым местам”.

Такім чынам, разгледжаны намі комплекс крыніц прадстаўлены разнастайнымі па ступені навуковай значнасці, паўнаце і шыраце ахопу дакументамі і матэрыяламі, дазваляе аб’ектыўна прасачыць як адбывалася фарміравання паўночна-ўсходняй адміністрацыйнай мяжы БССР у 1919–1924 гг.

1. Государственные границы Беларуси : сб. документов и материалов. В 2 т. Т. 1. (март 1917 – ноябрь 1926) / сост. : В. Е. Снапковский [и др.]. – Минск : БГУ, 2012. – 495 с.
2. Витебская губерния 1917–1924 гг. : док. и материалы / сост. : Н. В. Воронова [и др.] ; ред. кол. : В. И. Адамуско [и др.]. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2012. – 408 с.

Филимонов А.В.
ДОКУМЕНТЫ ГУБЕРНСКИХ СЪЕЗДОВ СОВЕТОВ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕГИОНА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 1920-Х ГГ.)

Советы рабочих депутатов, впервые зародившиеся в годы революции 1905-1907 гг. и являвшиеся органами народного правотворчества, почти повсеместно были созданы в России после Февральской революции 1917 г. и стали предтечей советской системы государственной власти. Структура советских органов складывалась постепенно, как утверждалось и единообразие организации и соподчинения Советов снизу доверху. В мае 1917 г. в Петрограде состоялся 1-й Всероссийский съезд крестьянских депутатов, а в июне того же года – 1-й Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, избравшие Центральные Исполнительные комитеты и определившие организационные начала деятельности Советов на местах. После указанных всероссийских съездов стали созываться съезды Советов на губернском уровне.

В июле 1917 г. состоялся 1-й губернский съезд представителей Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов в Пскове, рассмотревший вопрос о создании объединенного Псковского губернского Совета и его исполкома. Но до практической реализации этой идеи дело дошло лишь после Октября 1917 г., да и то не сразу: единый губернский исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был образован 2 декабря 1917 г. Теперь в Псковской губернии существовал единый орган власти, а объединение двух исполкомов (рабочих и солдатских депутатов с крестьянским) произошло на полтора месяца раньше, чем такое же объединение случилось во всероссийском масштабе (на 3-м Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г.).

Высшим органом власти в губернии становился губернский съезд Советов, исполнительно-распорядительные функции отводились губисполкому, который сосредоточивал в своих руках руководство всеми сторонами жизни. Работа губисполкома строилась пленарно: в перерывах между заседаниями действовал Президиум губисполкома, один раз в три месяца созывался Пленум губисполкома, при Исполкоме и его Президиуме создавались отделы, комиссии, комитеты и т.п. В июле 1918 г. эти основные положения деятельности Советов на местах закрепила Конституция РСФСР.

В Псковской губернии в течение 1917–1920 гг., т.е. в обстановке революции и Гражданской войны, состоялось в общей сложности 9 губернских съездов Советов (очередных и чрезвычайных): в 1917 г. – три, в 1918 – два, в 1919 г. – три, в 1920 г. – один. Ввиду того, Псков в годы Гражданской войны дважды захватывался (в 1918 г. в течение девяти месяцев – германскими войсками, в 1919 г. на три месяца – белыми войсками), то губернским центром временно становились Великие Луки, и некоторые съезды проводились там. Следовательно, процесс советского строительства в течение 1918–1920 гг. протекал в Псковской губернии в обстановке невероятных трудностей, о чем говорил на IX-м губернском съезде Советов (октябрь 1920 г.) председатель губисполкома К.М. Отс: «...Четыре раза губисполком срывался с налаженной работы, под давлением военных обстоятельств переезжая на другое место, два раза терял весь свой технический аппарат, дела, весь материал, собранный с таким величайшим трудом, инвентарь, работников. В таких условиях создавались традиции советской работы в губернии, и к этим конкретным условиям действительности приспособлялся советский аппарат...» [1, ф. Р-590. оп. 1. д. 485. л. 2].

Материалы губернских съездов Советов, состоявшихся в 1918–1920 гг., как раз и свидетельствуют о той сложной обстановке, в которой приходилось работать всем советским органам власти, и уже в этом заключается их значение, как исторического источника. Но настоящий рассказ – о съездах Советов Псковской губернии, проходивших уже в мирных условиях – в 1920-е гг. Их со времени отмены здесь военного положения (январь 1921 г.) и до проведения административно-территориальной реформы (1927 г.), повлекшей упразднение Псковской губернии, состоялось 7: в начале апреля 1921 г. прошел первый «мирный» съезд – X-й, а в марте 1927 г. – последний, XVI-й. Съезды, таким образом, проводились теперь раз в год, хотя строгой периодичности в созыве их не было: X-й съезд состоялся в марте 1921 г., следующий за ним XI-й – в конце сентября – начале октября того же года, XII-й – в начале декабря 1922 г., через

год, в декабре 1923 г. – XIII-й, в 1924 г. вообще произошел перерыв, после чего в конце января 1925 г. был созван XIV-й съезд, в декабре 1926 г. – XV-й, а XVI-й – в конце марта 1927 г.

Основным документом, оставшимся по итогам работы каждого съезда, является протокол его заседания, приближавшийся иногда по своей форме к стенограмме: помимо основных докладов и выступлений в прениях в нем нередко фиксировались реплики и вопросы с места, слова председательствующего, ответы на поступившие записки, реакция зала («аплодисменты», «возгласы одобрения», «смех» и т.п.) и др. Собственно же стенограмм псковских губернских съездов не обнаружено: скорее всего, они в 1920-х гг. просто не велись. Ни один из протоколов не представлен в опубликованном виде целиком, в лучшем случае публиковались лишь отчеты губисполкома очередному съезду, но такое стало практиковаться только в середине 1920-х гг. [2, 3]. Ход работы съезда в обязательном порядке освещался губернской газетой «Псковский набат», в которой «для сведения делегатов» печатались объявления о времени и месте его созыва, по ходу заседаний – изложение докладов и выступлений, по итогам – принятые резолюции и состав вновь избранных членов губисполкома. В полном же виде протоколы съездов представлены в машинописной (отчасти в рукописной) форме в Государственном архиве Псковской области (ф. Р-590 – Псковский губисполком).

Сценарий съездов Советов Псковской губернии, видимо, мало чем отличался от других регионов: открытие их проводилось в торжественной обстановке, с приветствиями и поздравлениями, направлением писем в адрес вышестоящих органов, затем выбирались руководящие органы (президиум, секретариат, мандатная комиссия) и начинались заседания. Съезды традиционно заслушивали доклады о международном и внутреннем положении Республики, содержание которых мало что дает для изучения региона: речь шла о ситуации, которая освещена и хорошо знакома ныне читателям по учебникам истории. Но, учитывая важность и сложность обстановки в Псковской губернии, тяжело пострадавшей в годы войны, а в 1920 г. ставшей пограничной, в работе съездов неоднократно принимали участие представители Москвы и Петрограда. Так, делегатов X съезда (апрель 1921 г.) приветствовал представитель ВЦИК Л.М. Каганович, выступивший также и с заключительным словом [1, ф. Р-590. оп. 1. д. 708. л. 6–9, 96–98], на XII съезде (декабрь 1922 г.) доклад о политическом и экономическом положении Советской Республики сделал представитель Северо-Западного ЭКОСО Б.П. Позерн [1, ф. Р-590. оп. 1. д. 972. л. 4–6], и др. Доклады мандатной комиссии позволяют получить представление о социальном, возрастном и партийном составе делегатов, процедуре их избрания и др., свидетельствующих о постепенном переходе от «чрезвычайщины» Гражданской войны к восстановлению конституционных основ деятельности Советов. Вместе с тем, обращает внимание, что уже на VIII съезде (ноябрь 1919 г.), не говоря уже обо всех последующих, среди делегатов не было представителей других партий, кроме Коммунистической: хотя эсеровские и меньшевистские организации в губернии еще сохранялись, они интенсивно распадались и теряли свое место в политической жизни.

Но основным документом каждого съезда, выполняющим роль важнейшего источника о жизни и развитии губернии, является, несомненно, отчет губисполкома за период со времени предыдущего съезда, т.е. чаще всего за год. Значимость его заключается в том, что отчет представляет собой всесторонний анализ состояния всех основных сфер региона, сторон его жизни – хозяйственной, социальной, культурной, содержит богатый цифровой и фактический материал о советском строительстве, деятельности Советов всех уровней, а также о выполнении основных задач, намеченных предыдущим съездом. Поскольку структура отчета от съезда к съезду существенным изменениям не подвергалась, «обрастая» лишь деталями, то изучение их дает возможность проследить динамику происходивших процессов, ход восстановления народного хозяйства и культуры на принципах НЭПа. Архивные дела с протоколами съездов нередко содержат не только официальные их документы, но и подготовительные материалы к отчету: различные справки, сводки, статистические таблицы, докладные записки и др., подготовленные отделами и комиссиями и используемые при написании докладов. Как правило, они сосредоточивают в себе гораздо больше цифр и фактов, чем непосредственно отчеты и доклады, поэтому ценность их как источника очень велика. Не меньшее значение имеют сосредоточенные в делах списки и личные анкеты делегатов, позволяющие исследователям пополнить биографические данные конкретных людей, изучать их судьбы. Существенно дополняют отчет губисполкома

доклады с мест и выступления делегатов в прениях, не только дававших оценку работы органа власти губернии, но и приводивших конкретные примеры из практики деятельности уездов и волостей. Тем самым они содержат материалы о жизни низовых административно-территориальных единиц и могут послужить источником для изучения их истории.

Помимо заслушивания отчета губисполкома, его обсуждения и принятия резолюции, съезды рассматривали и множество конкретных вопросов жизни губернии. Так, X съезд (первый в мирных условиях) обсудил вопросы, связанные с проведением весеннего сева, о переходе от продразверстки к продналогу, решил провести «Неделю красного пахаря», большое внимание уделил совершенствованию советского аппарата; на XI съезде были заслушаны отчеты отделов губисполкома – народного образования, ГСНХ, губпродкома, губЗУ и др.; XIV съезд утвердил план развития хозяйства губернии на 1924/25 г., а XVI-й – 10-летний план по введению всеобщего обучения, и т.д. Немалое место почти на всех съездах занимало обсуждение вопросов «районирования», о котором заговорили уже в 1918 г., а затем этот процесс продолжался до окончательной ликвидации губернского-уездно-волостной системы в 1927 г. Нашли отражение в материалах съездов и изменения, касавшиеся территории губернии: сначала уменьшения ее в 1920 г. в результате подписания мирных договоров РСФСР с Эстонской и Латвийской республиками и передачи им части Псковского и Островского уездов, а в 1924 г. – наоборот, расширения за счет присоединения к ней трех уездов (Себежского, Невельского и Велижского) упраздненной Витебской губернии. В течение 1922-1927 гг. в губернии с большей интенсивностью, чем в соседних, шел процесс укрупнения волостей и образования сельсоветов, что влекло структурные изменения низовых органов власти (эти явления тоже анализировались съездами).

Изучение протоколов съездов позволяет также представить атмосферу их проведения. Губернские съезды Советов в 1920-е гг. работали в демократической обстановке: доклады сопровождались свободными и критическими прениями, делегаты подавали множество реплик с мест, в президиум поступало большое количество вопросов и записок, на которые отвечали и давали разъяснения руководящие работники губернии. На съездах развертывались острые дискуссии, глубокой критике и всестороннему обсуждению подвергались не только доклады, но и проекты резолюций. «Делегаты в буквальном смысле слова засыпали всех докладчиков деловыми записками, число которых доходило до 300 штук по отдельным вопросам, - отмечал, например, председатель Псковского губисполкома А.М. Смирнов, говоря об итогах XV съезда, - в прениях записывалось до 40 человек и выступило до 20 человек по каждому докладу, причем большинство из выступивших проявляло желание отыскать и указать пути к скорейшему изживанию недостатков, устранению трудностей...» [4, с. 6]. Подобной была оценка А.М. Смирновым и обстановки, царившей на XVI съезде – последнем в истории Псковской губернии: «Участники съезда обсуждали все вопросы не как чиновники, не со стороны, а как сознательные работники и хозяева, которые сами же у станков своих заводов, в хатах, в семейной обстановке, вместе со своими близкими будут выполнять принимаемые съездом решения» [5, с. 3].

Ознакомление непосредственно с материалами съездов полностью подтверждает эти выводы. Означенной атмосфере в немалой степени способствовал состав делегатов съездов: в работе их участвовали не только работники аппарата, но и простые рабочие и крестьяне, что видно из докладов мандатных комиссий, анкет и списков. Например, среди делегатов XIV съезда (1925 г.) беспартийные составляли только 4,8% делегатов, зато следующего, XV-го (1926 г.) – 24,9%, а XVI-го (1927 г.) – 24,4%. [6, № 3(55). с. 6; № 4(67). с. 8; 1, ф. Р-590. оп. 1. д. 1622. л. 7-8; д. 1893. л. 166]. Именно они чаще всего открыто говорили о наблевшем, невзирая порой на лица и должности. Все это было отражением атмосферы политической жизни общества периода НЭПа, практика живого, «работающего», хотя и ограниченного демократизма. Вместе с тем, и в отчетах, и в выступлениях делегатов часто и много говорилось и о негативных явлениях в советском строительстве: бюрократизации аппарата, формализме, волоките и даже фактах прямого нарушения законов и злоупотребления служебным положением.

Процессы, происходившие в Псковской губернии, были характерны для страны в целом, следовательно, изучение их на примере отдельного региона позволяет выявить и общероссийские явления, и специфику мест. В целом же материалы губернских съездов Советов являются незаменимым источником для исследования самых различных сторон жизни губернии.

1. Государственный архив Псковской области (ГАПО).
2. Псковский губисполком. Отчет за 1923/24 хозяйственный год XIV губернскому съезду Советов. Псков, 1925.
3. Псковский губисполком. Отчет за 1925/26 хозяйственный год XVI губернскому съезду Советов. Псков, 1927.
4. Смирнов, А. М. Итоги XV губернского съезда Советов / А. М. Смирнов // Спутник большевика. 1926. – № 3(55).
5. Смирнов, А. Итоги XVI съезда Советов Псковской губернии / А. Смирнов // Спутник большевика. 1927. – № 4(67).
6. Спутник большевика. Орган Псковского губкома ВКП(б).

Полетаева Н.И.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЧАСТНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ В 1920-Х ГГ. В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Особенность изучения истории предпринимательской деятельности в Беларуси в годы новой экономической политики состоит в том, что, несмотря на наличие определенной научной литературы по истории народного хозяйства в 1920-е гг., единичные защищенные кандидатские диссертации, повседневная деятельность предпринимателей, структура этого социального слоя в них, как правило, не освещается. Вместе с тем, обращение к фондам Государственного архива Гомельской области (далее – ГАГО) показало, что здесь отложился солидный массив документов по изучаемой теме, подавляющее большинство из них до настоящего времени не разбирались исследователями и не вводилось в научный оборот. В сочетании с другими видами источников они позволяют проводить комплексный, всесторонний анализ научной проблемы истории предпринимательства Беларуси в годы новой экономической политики.

Основные документы сосредоточены в следующих фондах ГАГО: Отдел внутренней торговли Гомельского губернского исполнительного комитета (Губвнуторг) (фонд 232, опись 1); инспекториат торговли Гомельского окружного исполнительного комитета (фонд 148, описи 1, 2); Гомельская товарная биржа отдела внутренней торговли исполнительного комитета Гомельского губернского Совета (с 8 декабря 1926 г. – Гомельского окружного Совета) рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (фонд 3, описи 1, 2); Гомельское торгово-промышленное общество взаимного кредита (фонд 714, опись 1); Гомельский губернский комитет кожевенной промышленности (фонд 23, опись 1). Этот список не является исчерпывающим, в других фондах имеются отдельные документы по изучаемой проблеме.

В фонде отдела внутренней торговли Гомельского губернского исполнительного комитета (далее – Губвнуторг) отложились дела за 1924-1926 гг., всего 115 единиц хранения. Наибольший интерес представляют материалы, содержащие сведения о состоянии частной торговли (дела 31, 44, 77, 78). Помимо общей статистической информации о числе частных предпринимателей, сохранились протоколы собраний лиц, торговавших кожами, галантереей, бакалеей и табаком, мясом, салом, мукой и др., по итогам которых 6 января 1924 г. был образован базарно-рыночный комитет Гомеля, объединивший розничных торговцев [1, л. 83]. Для повседневного руководства было избрано торговое бюро [1, л. 73], также работали секции по отраслям торговли. Документы дают представление о структуре и руководящих лицах комитета, создании его секций, а также о тех проблемах, которые более всего волновали предпринимателей – взаимоотношения с органами власти, пользование торговыми помещениями, условия кредитования, снабжение товарами.

Определенный интерес представляют документы, содержащие заявления торговцев, в которых отражены наиболее острые, на их взгляд, проблемы. Так, в мае 1924 г. в базарный комитет Гомеля поступила жалоба от мелких торговцев мануфактурными товарами, в которой подчеркивалось, что им «...по разным причинам и под разными предложениями категорически отказывают ... в отпуске товара даже на минимальную сумму... Поэтому мы вынуждены приобретать товар из вторых и третьих рук по невыносимо высоким ценам». Далее содержалась просьба о регулярном отпуске товаров «...хотя бы в минимальном количестве», которая в последующем была удовлетворена [1, л. 109].

Одним из направлений регулирующей деятельности государства по отношению к частным торговцам в условиях НЭПа стало инициированное сверху образование акционерных обществ или товариществ, объединявших розничных торговцев («Розничник»). В фонде 232 сохранились учредительные документы 1-го гомельского товарищества мануфактуристов-розничников «Гомрозничник», гомельского паевого товарищества торговцев-розничников «Гоммеллпромторг» [2, л. 13-24]. Ряд материалов свидетельствует о том, что в 1925-1926 гг. органы советской власти Гомельщины не возражали против здоровой конкуренции между такими обществами, подчеркивая, что «...соревнование между торговцами-мануфактуристами, кои будут состоять пайщиками обоих товариществ, послужат стимулом к понижению розничных цен и тем самым в пользу потребителя» [2, л. 13].

Одновременно сами частные предприниматели создавали товарищества, которые позволяли им объединять капитал. В деле 20 этого же фонда «О регистрации полного товарищества торговцев «Белькин Л.Е., Малисов Б.К. и К^о» сохранился договор о его создании, а также постановление Гомельского губернского отдела внутренней торговли о его регистрации, на основании которых можно судить о заявительной процедуре создания подобных объединений, объеме капитала и обязательствах участников [3, л.1-4]. Дела 21-23 содержат информацию о создании иных товариществ.

Ряд фондов ГАГО содержат материалы о деятельности Гомельского торгово-промышленного общества взаимного кредита (далее – ОВК), которое было одним из 12 подобных частных обществ, действовавших на территории Беларуси в 1920-е гг. Гомельское ОВК было образовано 29 июля 1923 г., ликвидировано 27 июня 1930 г. Фонд 714 в составе 13 единиц хранения объединяет дела, в которых представлены некоторые циркуляры Народного комиссариата финансов РСФСР за 1926 и 1927 гг., а также протоколы общих собраний членов общества об утверждении планов и отчетов, отчеты о работе, документы об упразднении общества и списки личного состава за 1926 г. Документы этого фонда тематически дополняют ряд дел фонда 148 (инспекториат торговли Гомельского окружного исполнительного комитета) с балансами, отчетами, сведениями об оборотном капитале, численности и социальном составе общества, его руководителях. В частности, на 1 октября 1927 г. в обществе насчитывалось 668 человек, из которых 79,6% составляли розничные торговцы, 12,7% – кустари и ремесленники, 1,4 % – сельские хозяева, 7 % – прочие [4, л. 38 об.]. Эти документы показывают, как частные торговцы и промышленники Беларуси через институт ОВК пытались адаптироваться к нэповским реалиям, как строили свои взаимоотношения с государственными банковскими учреждениями. Протоколы заседаний правления и собраний детализируют процессы создания, функционирования и ликвидации общества.

В фонде 148 выявлены подробные документы о деятельности конвенции частных торговцев мясом [5]. Конвенционное соглашение было подписано в Гомеле 42 предпринимателями в январе 1928 г., действовало при Гомельском окружном инспекториате торговли. В его задачу входило регулирование продажных цен на мясо. В соглашении подчеркивалось, что продажа мяса выше предельных цен «...будет рассматриваться как нарушение Конвенционного договора, и на виновных в первый раз будет налагаться штраф до 500 руб. При повторном нарушении... виновные будут исключаться из Конвенции с одновременным ходатайством о привлечении к уголовной ответственности» [5, л. 1]. С каждого участника конвенции бралась расписка, в деле отложились десятки подобных обязательств. Но, как показало изучение документов, попытка добиться приемлемого соглашения между предпринимателями и государственными органами не увенчалась успехом. Уже весной 1929 г. на мясном рынке сложилось «...отчаянное положение». При анализе основных причин, сводящих на нет результаты конвенции, подчеркивалось, что «...вследствие круговой поруки среди участников, скрытого обхода установленных конвенционных цен, участники конвенции не только нарушали соглашение, но и производили заготовку скота в не отведенных для них районах, организовав между собой соответствующие нелегальные соглашения. Отсутствие возможности проверить заготовительную деятельность участника, отсутствие надлежащего контроля за их деятельностью, слабый нажим со стороны государственных и кооперативных заготовителей давал им возможность совершенно безнаказанно нарушать как конвенционные цены, так и установленное районирование» [5, л. 179].

В некоторых фондах ГАГО отложились документы со списками частных предпринимателей. К примеру, фонд 23 содержит списки частных кожевенных заводов и мастерских за 1918–1922 гг.; фонд 148 – списки частных торговцев за сентябрь 1927 г. – сентябрь 1928 г. [6, лл. 12–16]. Они могут служить информационной базой для воссоздания персонального состава предпринимателей в 1920-е гг. Степень достоверности этих материалов весьма высока.

Особо стоит выделить фонд 3 – Гомельская товарная биржа. Документы охватывают период 14 ноября 1922 г. – 16 февраля 1927 г. Они включают нормативные документы СТО СССР, определившие правовую основу для начала работы бирж, а также типовой Устав товарной биржи, ряд постановлений СНК БССР о порядке регистрации биржевых и внебиржевых сделок. Эти решения позволяют выявить цели и задачи биржи, подчиненность этого учреждения, а также выяснить многие вопросы уставного характера (общие положения, о членах биржи, о биржевых собраниях и порядке их проведения, о биржевом комитете, о ревизионной комиссии, о средствах биржи, о биржевых маклерах, об арбитражной комиссии, о порядке закрытия бирж и ликвидации ее дел и имущества).

Дела расположены тематически в соответствии с теми подразделениями, которые работали в составе Гомельской биржи. Так, за 1923 г. это – маклериат, регистрационное бюро, котировальная комиссия, арбитражная комиссия. За 1924–1926 гг. к ним добавились общая канцелярия, бюро экспертов, экономическая секция и комитет содействия коммерческому образованию; за 1925 г. – экономико-статистический отдел, статистическая секция, секция частной торговли и промышленности; за 1926 г. – хлебная секция и ликвидационная комиссия.

Важной группой источников являются протоколы заседаний различных биржевых институтов. В протоколах общих собраний содержится информация о порядке совершения биржевых сделок; инструкции и положения, вырабатываемые биржевым комитетом; приходно-расходные сметы и отчеты биржевых комитетов. Здесь присутствуют сведения о размерах вступительных и членских взносов; платы постоянных и разовых посетителей биржевых собраний; штрафов, пени, сборов с биржевых сделок и платы за услуги биржевого технического аппарата. Эти протоколы позволяют в основном восстановить персональный состав членов биржевого комитета и его президиума. По протоколам заседаний биржевого комитета можно установить, какие организации становились членами биржи, как менялись правила биржевой торговли. В числе вопросов, рассматриваемых биржевым комитетом, были такие, как: избрание представителей бирж в состав губернской комиссии по подоходно-поимущественному налогу; взаимоотношения с частными торговцами и меры по вовлечению частного капитала в работу бирж; изменение форм оплаты работы маклеров и др. Степень достоверности этих материалов весьма высока, они раскрывают многие аспекты коммерческой и общественной деятельности Гомельской товарной биржи.

В протоколах котировальных комиссий, регистрационных бюро, арбитражных комиссий содержится информация, которая позволяет судить о механизме рассмотрения биржевых и внебиржевых сделок, когда выяснялось их соответствие действительно существовавшим ценам. Достаточно интересны варианты решений комиссий в тех случаях, когда сделки не котировались или в них находились ошибки. В таких случаях документы, рассматриваемые анонимно, под номерами, направлялись регистрационному бюро. К примеру, за январь–май 1924 г. оно рассмотрело 547 сделок, из которых было утверждено 498, признаны абсолютно неправильными – 4, по 44 – сделаны запросы, на 155 сделок наложены штрафы за просрочку [7, л. 4]. Сделки оценивались с точки зрения их экономической целесообразности и соответствия условиям рынка.

Достаточно полно сохранились протоколы заседаний секции частной торговли Гомельской товарной биржи. Эти документы позволяют проанализировать разные аспекты взаимоотношений государства с частным капиталом. Они показывают, что частный капитал с большим недоверием относился к предпринимаемым государством в тот период усилиям по вовлечению частного в биржевую торговлю. Очевидно, что через эту секцию частные торговцы и промышленники пытались довести до госучреждений свою позицию по вопросам налогообложения, кредитования. В ряде случаев благодаря деятельности секции удавалось улучшить условия отпуска товаров в кредит, изменить нормы доходности и т.д.

Таким образом, материалы Государственного архива Гомельской области позволяют дополнить и воссоздать в целом достаточно объективную картину развития предпринимательской деятельности в республике в годы НЭПа. Они вполне достоверны, позволяют изучать различные аспекты данной научной проблемы.

1. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 232. Оп. 1. Д. 31.
2. Там же. – Д. 44.
3. Там же. – Д. 20.
4. Там же. – Ф. 148. Оп. 1. Д. 21.
5. Там же. – Д. 37.
6. Там же. – Д. 13 а.
7. Там же. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 17.

Яковлева Г.Н. **СОВЕТСКИЕ ЕВРЕЙСКИЕ ШКОЛЫ НА ВИТЕБЩИНЕ В 1920-Е ГГ.**

Еще до революции теоретиками Бунда была разработана концепция национальной школы на идише. Дискуссии между сторонниками просвещения на идише и иврите шли в Обществе для распространения просвещения между евреями в России еще в 1910-х гг. Реализацией концепции светской еврейской школы на идише стало создание школ и детских садов на этом языке для детей беженцев в период Первой мировой войны. Затем началось формирование системы советского еврейского образования на языке «еврейских трудовых масс». «К ивриту руководители еврейских коммунистических секций относились крайне негативно, как к языку «клерикальной культуры», воспринятому и пропагандируемому еврейской буржуазией. Соответственно создание централизованной сети учебных заведений с преподаванием на иврите стало невозможным». Иврит связывался и с сионистским движением, обличался в качестве языка религиозного культа [1].

Массовое создание советских еврейских школ началось на Витебщине в 1919 г. Часть из них возникла на базе дореволюционных еврейских учебных заведений: 4-я советская школа в Лепеле, 5-я советская еврейская школа в м. Бешенковичи, 3-я советская еврейская школа в м. Чашники. Советская еврейская школа в Городке была преобразована из еврейской частной школы Ц. А. Долгопольского [2, л. 3]. Весной 1921 г. в губернии уже действовала 41 еврейская школа 1-й ступени. Наибольшее число школ было в Витебске – 10, по 6 – в Витебском и Оршанском уездах. В остальных 7 уездах их было по 2 – 3. Была создана вторая школа 2-й ступени (девятилетка) в Витебске [3, л. 16]. Не было программ, учебников, катастрофически не хватало учителей. Многие уехали из них за границу. Другие ушли на советскую или партийную работу. Третьи не подходили по политическим взглядам, были, например, сионистами или убежденными сторонниками религиозно ориентированного образования. С целью решить эту проблему были организованы еврейские 10-месячные педагогические курсы. 31 января 1921 г. НКП РСФСР сообщил Витебскому губоно о том, что считает «необходимым преобразование еврейских курсов по дошкольному, школьному и внешкольному образованию в Витебский еврейский институт народного образования» [4, л. 8]. Решение было выполнено и осенью 1921 г. начал работу Витебский еврейский педагогический техникум. Однако сохранялись и хедеры, являвшиеся основным средством передачи традиционного еврейского знания.

15 сентября 1921 г. был принят декрет «О мерах к улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений». Государство почти перестало финансировать школы, началось их массовое сокращение. Задержки зарплаты привели к нищенству и появлению девиантного поведения среди школьных работников (шкрабов). Учителя определяли своё положение как «босячество». Они ставили вопрос перед своим профсоюзом о том, может ли нищий и оборванный школьный работник быть авторитетом для своих учеников и их родителей? Затронули эти трудности и еврейскую школу. На 1 января 1922 г. в губернии функционировали 32 еврейские школы 1-й ступени и 2 школы 2-й ступени, в них работало 150 шкрабов и училось 4200 учеников [5, л. 5]. Весной 1922 г. в Витебске одну школу закрыли, еще две объединили в одну, сохранив 7 школ 1-й ступени и одну 2-й [6, л. 27]. Из-за тяжелого материального положения за

летние каникулы школы покинуло 17 учителей. В уездах пытались сохранить хотя бы по одной школе. В Шумилино в непригодном здании училось 116 учеников, работало 3 шкраба. Евбюро пыталось через губисполком добиться еще одной комнаты, «занимаемой пока милиционером» [6, л. 38].

В условиях сокращения школ возникли опасения из-за активизации мелаamedов и хедеров. Под руководством еврейских просвещенческих и партийных структур еще в январе 1921 г. был проведен показательный «суд над хедерами», который длился 6 дней. Судили 49 мелаamedов, работавших в 35 хедерах. В них обучались 1 358 детей, 400 из которых утром посещали советские школы и приходили в хедеры после обеда. Остальные дети в возрасте 8 – 13 лет учились только в религиозных школах [7]. И хотя часть хедеров была тогда закрыта, они по-прежнему сохранялись. В начале 1922 г. евбюро Витебского губоно стало организационным центром по проведению новой волны антихедерной кампании. Созданная им Комиссия по борьбе с хедерами в составе зав. еврейским подотделом губсоцвоса Л. Калецкого, партработников Л. Абрама и Х. Дунеца наметила план работы по обследованию хедеров, изъятию из них детей и распределению в советские еврейские школы. Организовывалось «посещение школьными работниками и студентами евпедтехникума беднейших районов города из дома в дом с целью индивидуального убеждения родителей изъять детей из хедеров для направления их в советские еврейские школы» [6, л. 4 об.]. Дети направлялись в 33-ю, 7-ю, 8-ю еврейские школы. Весной 1922 г. радикальная волна закрытия хедеров охватила и уезды. Евбюро Полоцкого уоно провело широкую антихедерную кампанию, закончившуюся привлечением к судебной ответственности мелаamedов. Приговором суда полоцкие хедеры и талмуд-торы закрыли, детей разместили в еврейские советские школы [6, л. 5]. В Оршанском уезде в марте была проведена городская конференция культработников, решившая закрыть хедеры после проведения беспартийной рабочей конференции, на которой «хедеры получают решительный удар». В апреле 1922 г. губоно предлагало евбюро уездного комитета РКП(б) и Оршанскому уоно «все хедеры и другие конфессиональные школы немедленно ликвидировать. Обязать мелаamedов и содержателей этих учреждений отказаться от дальнейшего продолжения ими их тлетворной деятельности». Материалы по обследованию хедеров требовали присылать в евбюро губоно для выяснения вопроса о привлечении виновных в содержании и развитии конфессиональных школ к суду [8, л. 17]. Рабочая конференция назначалась на 16 июня 1922 г. Зав. евбюро Оршанского уоно Р. Л. Мейзина докладывала в губоно в июле 1922 г. об успешном проведении митинга в синагоге и начале регистрации учащихся хедеров в советской школе [8, л. 29].

Советских школ для приема в них всех еврейских детей не хватало, во многих учителями работали студенты евпедтехникума. Однако евбюро настаивало на закрытии хедеров. 6 сентября 1922 г. было принято решение Витебского губисполкома: «все существовавшие в городе и губернии школы конфессионального характера, как-то: хедеры, ешиботы, талмуд-торы и проч. закрыть в трехдневный срок со дня опубликования сего постановления». В случае обнаружения преподавания религиозных предметов детям до 18-летнего возраста в молитвенных или частных домах, руководители и преподаватели таких предметов должны были привлекаться к уголовной ответственности [9, л. 90]. Часть хедеров была закрыта, другие ушли в подполье. Многие родители предпочитали хедеры, игнорируя советскую школу из-за ее светского характера, работы по субботам, отрицания иврита и еврейского традиционного закона. В январе 1923 г. в губоно и губкоме шла речь о необходимости обследования и закрытия нелегальных хедеров. 14 июня 1923 г. появилось постановление №101 Витебского губисполкома о запрете деятельности частных школ и детских садов на территории губернии и их закрытии к 15 июня.

К началу 1924 г. в Витебске из 10 осталось 6 еврейских школ 1-й ступени и только одна – 10-я еврейская – школа 2-й ступени. Школы были небольшими, как правило, работали в 2–3 смены, не имели собственных зданий, некоторые просто занимали этаж или несколько комнат в непригодных помещениях, многие учителя были совместителями. В местечках школы могли располагаться и в съемных хатах. Ситуацию еще больше осложняло то, что учителям приходилось приспосабливаться к отказу от отметок, переходить на групповые методы работы, непонятный им «комплексный метод», внедрять самоуправление учащихся и т.д.

В 1924 г. Витебская губерния вошла в состав БССР, часть уездов передали в РСФСР. Изменилось административное устройство, бывшая губерния была разделена на округа и районы. Опять прошла череда реорганизаций, сокращений и объединений. В БССР вместо девятилетки (школы 2-й ступени) существовала семилетка. Началась реализация политики белорусизации. В республике было четыре государственных языка, в том числе идиш, стали создаваться еврейские национальные советы, начало расти число школ на идише. Осуществляя принцип обучения на родном языке, в Витебске две общие русскоязычные школы с преобладанием еврейских детей перевели на идиш, для укомплектования школ на 1924 и 1925 учебный год создали комиссии, определявшие родной язык поступавших в школы детей, «всех разговаривавших на родном языке, направляли в еврейские школы». Были проведены «собрания на фабриках, заводах, в местечках с докладами о принципах воспитания на родном языке». По Витебску и Витебскому округу в 1925 г. насчитывалось 17 еврейских школ, в которых училось 2670 детей. 11 школ было с четырьмя группами, 6 – школы-семилетки [10, л. 50-51]. 10-я еврейская трудовая школа 2-й ступени была преобразована в 1-ю семилетку, ставшую с 1925 г. опытной школой при епедтехникуме. Ученики этой школы были максимально вовлечены во все антирелигиозные и политические акции, проводимые в городе.

В сентябре 1926 г. газета «Заря Запада» сообщала, что в Витебске 10-ю еврейскими школами охвачено только 24% еврейского населения, на районах дело обстоит лучше, там ими охвачено 82 % еврейского населения [11, л. 16 об.]. Однако количество детей, посещавших школу, было гораздо больше, т.к. многие родители старались отдать их именно в русские школы. Часто родители были недовольны тем, что общие школы преобразовывались в еврейские или детей лишали права выбора учебного заведения. В Орше помимо еврейской школы 1-й ступени, работавшей на идише, еврейские дети могли учиться и в русскоязычной «школе Шульковского». Попытки местных властей объединить ее с еврейской школой были пресечены губоно, но и сохранение ее как школы исключительно для еврейских детей позволено не было [12, л. 27–28]. В школах на идише учились дети рабочих и местечковой бедноты, в них по-прежнему не хватало учебников и пособий, невысоким был и уровень подготовки шкрабов. Не знали они и белорусского языка. Хотя постепенно число школ росло, но еврейских семилеток было недостаточно, возможность получить высшее образование на идише отсутствовала. Без знания русского языка трудно было рассчитывать на получение престижной профессии.

Хотя еврейские школы были светскими, но изживание религиозных традиций в них шло трудно. Весной 1922 г. ебюро Витгубоно отчитывалось: «В целях борьбы со все еще продолжающейся традицией празднования еврейскими школами Пурима Бюро разослан был циркуляр с разъяснением сущности этого праздника и категорическим воспрещением прекращения школьных занятий в этот день» [6, л. 40 об.]. Однако многие учителя сохраняли приверженность традициям. Так, шкраб вспомогательной школы Бонар, игнорируя предупреждение о наличии распоряжения губоно об обязательной работе, отказалась работать «в день еврейского клерикального праздника Пурим», за что и была уволена в марте 1923 г. [13, л. 98]. В феврале 1923 г. на расширенном заседании ебюрогубоно обсуждался вопрос в воскресном отдыхе в еврейской школе. Представитель ебюрогубкома РКП(б) Л. Абрам утверждал, что путем приказа добиться положительного результата будет трудно. Проблемы будут с родителями, но, главное, с учителями, которые, безусловно, запотестуют, потом, согласно законам советской власти «мы не можем путем приказов отменить субботний отдых». Он предложил сначала собрать широкое собрание еврейских учителей, заручиться поддержкой родителей, большинство из которых рабочие, и согласие дадут, а потом провести широкую агитационную кампанию. После чего перейти на воскресный отдых [9, л. 98]. Выполнение решения давалось нелегко, ебюрогубоно только через два месяца извещало, что «в субботу, 22 апреля в 7 часов вечера в Доме им. Менделеева состоится собрание культработников. На повестке дня вопрос о введении воскресного отдыха в школах и детских учреждениях» [14, л. 11]. Однако проблема работы в субботу и в праздники, особенно в местечках, сохранялась. В документах постоянно встречаются предупреждения о неизбежных санкциях по этому поводу. Проводились антирелигиозные кампании, обязательные в школах, но быт в местечках менялся мало. Дети совершали «всевоз-

можные религиозные обряды, праздновали субботу». Даже в 1927 г. Витебский окроно признавал, что еврейские дети не посещают школы в еврейские праздники [15, л. 309 об.].

Однако атеистическое воспитание в детсадах и школах постепенно давало свои результаты. С детьми в семье приходили новые идеи, требования и установки. Дети вместе с родителями все больше советизировались, втягиваясь в новые политико-идеологические реалии и бытовые практики. С одной стороны, идиш был языком семьи и школы. В апреле каждого года в детских садах, коммунах, школах проводились вечера, посвященные памяти Шолом-Алейхема. Устраивались мероприятия, посвященные «дедушке еврейской литературы Менделе Мойхер-Сфорим» и И. Л. Перецу, творчеству «первого пролетарского еврейского поэта» М. Винчевского. Действовали школьные драматические кружки, создавалась детская литература на идише. С другой стороны, происходил довольно быстрый процесс отчуждения детского сознания от традиционного образа жизни, истории своего народа. Окружение, формируя с самого раннего детства представления ребенка о прошлом и прививая ему их определенную оценку, закладывало негативный образ «прошлого». Приверженность религиозной традиции становилась отсталостью. То, что было нормой, становилось аномалией. Формировался другой образ жизни и иные ценности.

Развивалось пионерское движение. В 1924 г. евбюро окружкома отмечало, что пионеры становились «революционизирующим элементом всей среды». Они должны были стать коллективистами, а коллективизм интернационален. С пионерами надо было вести систематическую атеистическую работу, а они бы помогали изживать «старые религиозные и мещанские традиции быта, еще имеющиеся в местечковой жизни» [10, л. 32]. В 10-м номере журнала «Пионер» за 1924 год в статье с названием «Как работать в семье?» пионеры ориентировались на борьбу против насилия по отношению к детям, должны были агитировать родных выписывать газеты, поддерживать средствами МОПР, Доброхим, создать дома красный уголок. Мальчишки и девочки с малых лет становились членами ячеек юных друзей МОПРа, кружков пионерских корреспондентов и юнкоров, участвовали в праздновании революционных праздников, в митингах и демонстрациях. Члены Лиги помощи германским работницам проводили агитационную кампанию и собирали средства для детей Германии в школах 2-й ступени, а руководительницы женотдела окружкома КП(б)Б (в основном, еврейки) всерьез спорили о том, надо ли вербовать членов Лиги среди учеников школ 1-й ступени [16, л. 10]. Вовлекались ученики и в поддержку забастовки английских горняков в 1926 г.

Огромную роль в политизации сознания детей сыграли мероприятия, охватившие страну после смерти В.И. Ленина. По всем школам проходили траурные собрания, появились массовые инициативы по переименованию школ и коммун в честь умершего вождя. Возникали «уголки имени дяди Ленина». Девятилетняя ученица одной из школ Витебска Р. С. Берлин написала стихи: «Милый Ленин, // Бедный мой, // Ты спишь // В земле сырой. // Когда подрасту, // В твою партию вступлю, // Буду я бороться, как ты, // За счастье рабочих и бедноты. // Бедный Ленин, // Милый мой, // Ты лежишь // В земле сырой» [17, л. 72 об.]. В 40-й еврейской школе 1-ой ступени на призывы докладчика следовать по стопам Ленина «дети постановили переименовать школу именем незабвенного Ильича» [17, л. 67 об.]. С 18 по 25 января 1925 г. проходила «Ленинская неделя». Евбюро окружкома КП(б)Б разработало план ее проведения на еврейском языке. Лекции на темы «Год без Ленина» читались в местечках, в еврейских клубах, на мероприятиях города. Беседы и доклады организовывались в школах, детских домах, евпедтехникуме [18, л. 25]. Однако бесконечные доклады, преобладание политизированных мероприятий и однообразно-стандартная, скучная форма их проведения вызывала отторжение. В витебской школе имени Н. К. Крупской в 1926 г. прошел вечер воспоминаний о революции 1905 г. «Курсанты своими силами сделали 2 доклада: один на русском, другой на еврейском языке. Доклады сопровождалась световой газетой с цифрами и диаграммой, которая показывала положение рабочего класса и ход революции. Но ребята плохо себя вели: все время шутили и смеялись. С трудом удалось довести доклады до конца. Не мешало бы ученикам держать себя сдержаннее и не перебивать докладчиков», – сетовала автор заметки [19, л. 20].

Таким образом, советские еврейские школы выполняли задачу идеологизации и коммунализации жизни детей, способствовали воспитанию их родителей в советском духе. Советская ев-

рейская школа, работавшая на идише, стала главным средством коммуникации между властью и подрастающим поколением, здесь внедрялись в сознание детей новые идеи и новые герои. Из школы, пионерского отряда в семью приходили новые традиции и символы. Активно вытеснялись хедеры, игравшие важнейшую роль в формировании и сохранении еврейской традиции. Однако многие родители, особенно в местечке, хотели дать своим детям религиозное воспитание и не пускали их в советскую школу. Могла сохраняться и такая практика: посещая советскую школу, дети ходили и в нелегальные хедеры, которые сохранились, несмотря на запрет. Другую часть родителей не устраивал уровень подготовки учителей, состояние самой школы, а также отсутствие системы высшего образования на идише. Как пишет В. Гимбут, «у населения сложилось мнение, что в местечке существуют как бы две разные школы: одна имеет много учителей, хорошее помещение и т.д. (эту школу называли «гимназией» или «семилеткой»), а другая – это школа низшего типа (ее называли часто «школка», «советская школа», «советский хедер»). Двери общей 7-летней школы часто оказывались закрытыми для еврейских детей, поэтому у еврейского населения часто возникало впечатление практического неравенства, ощущение, что их «заставляют» посылать своих детей в худшую школу. Они говорили: «Одна местечковая школа, белорусская, – лучшая, другая школа, еврейская, – худшая» [20]. Пережив очередной всплеск своего развития в начале 1930-х гг., советская школа на идише исчезла к их концу.

1. Чистяков, С. С. Формирование новой еврейской национальной школы в Советской России (1920–1923 гг.) [Электронный ресурс] / С. С. Чистяков // Власть. – 2011. – № 3. – С. 287–290. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-novoy-evreyskoy-natsionalnoy-shkoly-v-sovetskoy-rossii-1920-1923-gg>. – Дата доступа: 29.01.2019.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 246. Оп. 3. Д. 6 (Сведения о количестве школьных и дошкольных учреждений по уездам губернии на 1 авг. 1919 г.).
3. ГАВт. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 77 а. (Вестник народного образования. Орган Витебского губоно. 1921 г. № 1 (май)).
4. ГАВт. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 322 (Положение о еврейском отделе губполитпросвета; отчеты о работе еврейского бюро Наркомпроса РСФСР).
5. ГАВт. – Ф. 56. Оп. 1. Д. 185 (Протоколы заседаний и отчеты о работе Витгубнаца за 1922 год).
6. ГАВт. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 324 (Протоколы заседаний и отчеты о работе еврейского бюро просвещения Витгубоно за 1922 год).
7. Смиловицкий, Л. Школа на идише в первые десятилетия советской власти. Еврейское образование в Белоруссии. 1921–1941 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.ort.spb.ru/nesh/njs11/smilov11.htm>. – Дата доступа: 07.09.2018.
8. ГАВт. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 325 (Переписка с Оршанским УОНО о состоянии учреждений, список работников еврейских детских домов и культпросветучреждений).
9. ГАВт. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 327 (Переписка с Витгубкомом РКП(б) и Витгубоно о проведении политпросветработы и о состоянии еврейских детских учреждений).
10. ГАВт. – Ф. 10051. Оп. 1. Д. 243 (Протоколы и отчеты о работе евбюроуогоркома и окружкома КП(б) Б).
11. ГАВт. – Ф. 2289 (Коллекция периодической печати). Оп. 2. Д. 106 б. (Заря Запада).
12. ГАВт. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 328 (Переписка с Оршанским унаробразом о работе еврейских школ и других детских учреждений).
13. ГАВт. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 146 (Тарифные соглашения Витгубоно и Витгуботдела Всероссийского союза работников просвещения).
14. ГАВт. – Ф. 905 (Витебский еврейский педагогический техникум). Оп. 1. Д. 11.
15. ГАВт. – Ф. 170. Оп. 1. Д. 164 (Протоколы заседаний школьных советов школ округа, совещания окружных инспекторов БССР).
16. ГАВт. – Ф. 10051. Оп. 1. Д. 226 (Протоколы заседания коллегии женотдела и отдела работниц и крестьянок угоркома и окружкома КП(б)).
17. ГАВт. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 93 (Известия Витебского губкома и губисполкома, 1924 г.).
18. ГАВт. – Ф. 10051. Оп. 1. Д. 205 (Отчет агитпропа Окружкома КП(б)Б за ян. - март 1925).
19. ГАВт. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 106 (Заря Запада).
20. Гимбут, В. Организация народного образования среди национальных меньшинств в Беларуси: первые шаги трудного пути (перв. пол. 1920-х годов) [Электронный ресурс] / В. Гимбут // Беларусь у XX стагоддзі. – 2003. Вып. 2. – Режим доступа: <http://mb.s5x.org/homoliber.org/ru/xx/xx020108.html>. – Дата доступа: 15.01.2019.

Каиль М.В.

ИСТОЧНИКИ ПО БИОГРАФИКЕ ПРАВОСЛАВНЫХ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ: ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА^{1*}

Круг проблематизированных введенных в научный оборот источников новейшей истории православия в последние десятилетия расширяется в последние годы преимущественно за счет источников по социальной истории и персоналиям. Естественный для постмодерна интерес к антропологически-емким источникам, отражающим персональное/индивидуальное переживание большой истории отчасти определяет и археографическую практику. Однако, государство-центричный и институциональный фокус в национальных историографиях России и стран постсоветского пространства остается определяющим: большинство публикаций посвящено работе институтов управления и представляет православие как иерархизированную структуру, институт управления. Такое историографическое решение нельзя признать исчерпывающим, оно требует переосмысления, развития инициативных практик выявления и публикации источников, открывающих новые аспекты конфессиональной истории.

В российской историографии последнего десятилетия в персональной истории православия новейшего времени явно доминируют сюжеты, связанные с кругом новомучеников и исповедников российских (особого чина среди прославляемых церковью в лике святых). Масштабная практическая работа по выявлению персональных данных в отношении жертв политического режима началась в преддверие Архиерейского собора 13-16 августа 2000 г. Тогда на рассмотрение собора было представлено 860 персон подвижников, представления о которых внести 30 епархий и 5 ставропигиальных монастырей [14, с.14]. В последующие три года решения о канонизации принимал уже Синод и перечень прославленных пополнился 385 именами [14, с.16]. Много работ в отношении православных XXв., в том числе аналитико-рефлексивного плана, подготовил многолетний секретарь общецерковной комиссии по канонизации святых архимандрит Дамаскин (Орловский) [1]. Исследовательскими и публикационными центрами изучения наследия новомучеников и большинства героев российской церковной истории новейшего времени последних десятилетий остаются Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Комиссия по канонизации святых, Центр истории религии и церкви Института Российской истории РАН. Вместе с тем, ценные работы появляются и в российских регионах. Нередко они посвящены отдельным этапам жизни и служения православных лидеров, что не снижает их ценности и для общего биографического контекста. Так, ценное историко-документальное исследование пензенского периода служения будущего священномученика архиепископа Иоанна (Поммера) подготовлено современной Пензенской епархией РПЦ [4]. Документальное исследование посвященное священномученику Вениамину (Воскресенскому) подготовлено Рыбинской епархией [13]. Историческая регионалистика по-прежнему составляет значимую часть историографии церковной истории новейшего времени. Типичный исследовательский план этой категории работ – изучение отдельной епархии в отдельный, очерченный привычными хронологическими рамками, период общегосударственной истории [2]. Исследовательский тренд по изучению отдельных крупных антицерковных кампаний, судебных процессов в отношении “церковников” 1920-1930-х гг. в силу достаточно полного изучения этой проблематики в последние годы сходит на нет [6; 8; 11]. Это же относится к опыту изучения и публикации источников по истории антицерковных кампаний, в частности, кампании по изъятию церковных ценностей [5].

В связи со 100-летием Поместного Собора 1917-1918 гг. в преддверие 2017 года началась масштабная работа по публикации документального наследия собора, включающего и значительный пласт документов по персоналиям эпохи. Публикация самого корпуса материалов собора, соборных деяний и переписки, позволила выявить ряд значимых для воосоздания обстоятельств биографий иерархов и клириков данных [3]. Способствует этому достаточно полный научный аппарат публикаций, оснащенных именованными указателями, а также достаточная полнота выборки публикуемых источников, с объемом которой не идут в сравнение публикации источников 1990-х – 2000-х гг.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект №18-09-00618А.

Так, масштабом выборки обращает на себя внимания публикация документов о вероисповедной политике Временного правительства, осуществленной М.А. Бабкиным [9]. Это издание – первый в историографии Великой российской революции и в истории политики Временного правительства России 1917 г. масштабный сборник документов, характеризующий вероисповедную политику Временного правительства. Материалы сборника отражают законотворческий процесс (и отчасти его результаты) в отношении регулирования деятельности религиозных организаций всех конфессий России, а также сектантских групп в период полномочий Временного правительства с марта по конец октября 1917 г. Сборник состоит из двух крупных документальных разделов. В первом собраны законодательные акты Временного правительства – общие постановления и нормативные акты, сформировавшие условия вероисповедной политики и юридические основания деятельности всех религиозных организаций и обществ в революционной России 1917 г. Также раздел дополняют подзаконные акты и ведомственная переписка по вопросу регулирования религиозной жизни, снятию тех или иных ограничений по принципу исповедания. Документы этого раздела всесторонне освещают нормативно и декларативно обеспеченный переход к свободе исповедания веры и вневероисповедного состояния, осуществленный Временным правительством России.

Второй крупный раздел книги составляют материалы законотворческой деятельности Временного правительства сгруппированные по вероисповеданиям. Наибольшее внимание здесь уделено положению православия, старообрядчества и единоверия. Значительно меньшим объемом документов характеризуется положение католиков, униатов, принадлежащих к Армянской апостольской церкви, а также сектантов и иноверцев.

В 2018 г. увидело свет многотомное издание, посвященное конфессиональной политике советского государства, подготовленное Российским государственным архивом социально-политической истории [10]. Масштабная публикация означает переход к новому этапу археографической практики, когда очевидно возникла необходимость обобщенного рассмотрения сути конфессиональной политики советской власти в рамках если не исчерпывающей, то весьма репрезентативной выборки, выходящей за пределы давно введенных в оборот знаковых актов и выступлений советских лидеров по «церковному вопросу». Впервые конфессиональная (вероисповедная) политика советской власти рассматривается в документальной публикации в контексте источников характеризующих позицию церковных институтов и изменения публичной позиции и внутриконфессиональной деятельности. Продуктивен и разноуровневый характер источников (общегосударственный уровень дополняется материалами характеризующими положение в провинции).

Огромное значение для понимания настроений православных – современников Собора представляют их обращения к Собору, а также сочинения и записки в адрес Собора, представленные для рассмотрения и суждения ключевым всеправославным органом. Данные сочинения отражали взгляд современников на значимые проблемы церковного строя, болезненные вопросы и противоречия церковного управления, нравственного состояния общества и самого места церкви в нем [12]. Подобные материалы отложились как в делах Поместного Собора, так и в фонде рукописей Синода (ф.834 Российского государственного исторического архива). Они нуждаются в изучении и научном опубликовании поскольку представляют непосредственный, порою не вписывающийся в привычные трактовки срез проблем и болевых точек развития православия. Следует отметить, что даже такой революционный по своему значению и принятым решениям общецерковный форум как Собор 1917-1918 гг. не был склонен выносить суждения, тем более реформировать практики, которые сформировали устойчивую традицию в церковной богослужебной или миссионерской практике. Отдельные сочинения в ретроспективном рассмотрении позволяют отметить как отказ от обсуждения и разрешения назревших проблем отозвался на церковных институтах и обществе в отдаленной перспективе (вплоть до сегодняшних дней).

Круг источников по истории православной иерархии (епископата) периода поздней империи представлен в основном материалами официальной синодальной системы церковного управления (послужные списки, прошения, анкетные формы, служебные записки и обращения к центральным и высшим органам администрации), отложившимся в фондах Российского государственного исторического архива (преимущественно) и Государственного архива РФ (фрагментарно). К этим материалам исследователи обращаются в контексте работ по истории отдельных епархий, вопросов государственно-церковных отношений. Научных биографий иерархов церк-

ви новейшей истории фактически нет. Этот инфорационный вакуум замещает агиографическая литература. Целостных персональных фондов архиереев до настоящего времени за редким исключением (например, персональный фонд Арсения (Стадницкого) в ГАРФ) не сохранилось. Данные по отдельным иерархам РПЦ и РПЦЗ возможно аккумулировать из разрозненных дел, находящихся в различных фондах нередко различных архивохранилищ. Один из ярких примеров в этой связи – материалы о деятельности иерарха Русской Православной Церкви Зарубежом митрополита Евлогия (Георгиевского).

Нередкий пример, когда относительно целостные комплексы источников (ограниченных во времени) возникали в период репрессий, собираясь в следственных делах в отношении иерархов 1920-1930-х гг. [7]. Как правило, изъятие бумаг способствовало «оседанию» в материалах следственного дела переписки и иных материалов, порою за достаточно продолжительный срок, предшествовавший аресту. Порою, эти материалы представляют самостоятельный информационный потенциал в биографическом или иных контекстах.

Источники персональной информации о православном духовенстве поздней империи и советской России еще менее комплексные и рассеянные. Дореволюционные материалы ограничиваются также фрагментарно сохранившимися делами по службе – формулярными и послужными списками, документами о назначениях (проходивших через Синод или епархиальные консистории). Семейных архивов эпохи фактически не сохранилось, материалы отложившиеся в государственных архивах отражают в основном контакты священства со светской администрацией, получение разрешений на деятельность, обстоятельства поражения в правах и ограничения в них – то есть реалий дискриминационной советской социальной политики, вторгавшейся в частную жизнь и оставлявшей следы в биографиях православных.

Подготовка научной биографии фактически любого представителя православного общества новейшей истории – трудоемкий процесс, требующий огромной архивной работы по выявлению крупиц сведений. В этом смысле причина чрезвычайного «дефицита» биографики православных – фрагментарность источниковой базы. С нею связана и существующая практика археографии. Публикуются в основном монолитные группы источников (архивно-следственные дела, отложившиеся в одном центре хранения служебные материалы). Перспективы архивной эвристики и археографической практики в отношении персональной истории православных далеко не исчерпаны.

1. Дамаскин (Орловский), архим. Слава и трагедия русской агиографии. Причисление к лику святых в Русской Православной Церкви: история и современность / архим. Дамаскин (Орловский). – М., 2018. – 526 с.
2. Дворецкая, А. П., Православная церковь и население Приенисейской Сибири. 1700–1919 гг. / А. П. Дворецкая, А. А. Терскова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. – 296 с.
3. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т.19. / отв.ред. Г. М. Запальский. – М.: Изд. Новоспасского монастыря, 2016. – 592 с.
4. Зелев, С. В. Священномученик Иоанн (Поммер). Пензенский период служения (1918–1921) / С. В. Зелев, К. Г. Аристова. – Пенза, 2018. – 496 с.
5. Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 г. / сост. А. Мазырин. – М.: Изд. ПСТГУ, 2006. – 352 с.
6. Каиль, М. В. Власть и православные верующие в российской провинции начала 1920-х годов. (Голод. Изъятие церковных ценностей. Раскол. Процесс смоленских церковников на Смоленщине). / М. В. Каиль. – Смоленск: СмолГУ, 2008. – 252 с.
7. Каиль, М. В. Дела по обвинению провинциального епископата, духовенства и верующих 1918–1920-х гг. / М. В. Каиль // Отечественные архивы. – 2012. – № 4. – С. 59–67.
8. Каиль, М. В. Судебные процессы над провинциальным духовенством и верующими 1918–1922 годов: характер, границы и степень репрессивного воздействия / М. В. Каиль // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы междунауч. конф. / под ред. Е. В. Кодина. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 338–349.
9. Конфессиональная политика Временного правительства России: Сборник документов / сост., авт. предисл. и коммент. М. А. Бабкин. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 558 с.
10. Конфессиональная политика советского государства, 1917–1991 гг. документы и материалы в шести томах / ред. коллегия: А. К. Сорокин (ответственный редактор) [и др.]; составители: М. И. Одинцов (ответственный составитель). Кн 1-4. – М.: РОССПЭН, 2018.
11. Мраморнов, А. И. Судебный процесс против саратовского духовенства в 1918–1919 гг. / А. И. Мраморнов. – М., 2013. – 660 с.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 834. Оп. 4. Д. 333–334; Д. 636 и др.
13. Страж Церкви Христовой: Священномученик Вениамин (Воскресенский), жизненный путь, письма, документы / сост. Епископ Рыбинский и Даниловский Вениамин (Лихоманов), И. Г. Менькова. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. – 432 с.
14. Ювеналий (Поярков), митр. Канонизация святых в Русской Православной Церкви. Доклад на XII Международных рождественских чтениях / Ювеналий (Поярков). – М., 2004. – 18 с.

Танцева А.В.
ФОТОГРАФИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
ПО СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ 1920-Х ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛА «ОГОНЁК»)

Визуальный поворот конца XX в. оказал существенное влияние на изменение технологий исторического познания, на разработку и освоение новых методологических подходов и решений. Он был связан с появлением новых представлений о визуальности, ее роли в современном обществе. По мнению исследователей, появилась не просто новая модель культуры, а новый мир, который перестал восприниматься как текст, он стал образом [9]. Среди принципиально новых, эвристически ценных материалов особое место заняли визуальные источники, обладающие уникальной способностью запечатлеть для истории образы. К ним относятся и фотографии, сочетающие в себе художественную выразительность с достоверностью, запечатлевшие определенный момент действительности. Фотография в качестве источника визуальной информации позволяет обратиться к объектам, недоступным для прямого наблюдения, создать визуальную модель ситуации. Данный источник выступает своеобразным индикатором культуры и социальных отношений. Информативные возможности фотографий огромны, они рассматриваются как источники по самым разнообразным темам исследований.

Фотодокументы относятся к виду изобразительных источников, способных зафиксировать момент реально происходящего процесса или события. Фотография в определенном смысле протоколирует действительность. Передавая зрительную сторону исторического факта, фотодокумент обычно выхватывает довольно существенные мельчайшие детали события, фиксируя важные подробности свершившегося факта. Фотография - это совместный визуальный нарратив модели и фотографа, а позже и человека, который рассматривает данное изображение [2]. Специфические, родовые свойства фотографии - её способность запечатлеть быстротекущее мгновение, которое может вобрать в себя образ факта, события, быть обобщением целого ряда явлений, делают фотодокументы своеобразным источником [7]. Фотография даёт образ, сочетающий в себе художественную выразительность с достоверностью и в застывшем изображении воплощающий существенный момент действительности.

Роль визуальных средств резко возросла в XX в., когда начала трансформироваться информационно-коммуникационная среда. Новая материальность и медиальность коммуникации отражалась на новой репрезентации «политического мессенджа», получившего возможность охватывать всю страну. В полной мере это проявилось в период становления и укрепления советской власти в 1920-е годы и нашло отражение в периодической печати, которая рассматривается нами как комплекс источников, сформированный в процессе жизнедеятельности общества, в рамках определенной политической, идеологической или ведомственной направленности. Мы разделяем точку зрения современных исследователей о последовательном проведении видового принципа классификации письменных исторических источников, который позволяет включить периодику в единую систему, наряду с источниками, извлеченными из архивов и неперIODических изданий [6, с. 47]. Разные по жанру и содержанию материалы газет и журналов (политические статьи и обзоры, социально-экономические обозрения, хроника, исторические и путевые очерки и статьи, фотоочерки, фотозаметки, литературные произведения, фоторепортажи, объявления, реклама и т.д.) позволяют рассмотреть практически все стороны жизни общества.

В 1920-е гг. печать рассматривалась как важнейший инструмент формирования новой государственной идеологии. Через газеты и журналы осуществлялось влияние на общественное сознание посредством транслирования образов новой советской реальности. Периодическая печать решала задачи социалистического строительства, пропагандировала новые ценности и являлась средством управления и обеспечения политических, экономических и социальных реформ в стране. Именно в рамках агитационных функций в 1920-х гг. в печати, особенно в журнальной периодике, на первый план выходят визуальные жанры, ключевым компонентом которых являлась фотография как отдельный смысловой элемент в тексте или без него: фотоочерк, фоторепортаж, фотограмма, фотозаметка, фотообложка, фотоколлаж. Визуальный способ подачи информации – это «особый путь реализации иерархически взаимосвязанных целей, для

решения определенных задач, ... аудитория получает материал, способствующий как рациональному познанию действительности, так и эмоциональному сопереживанию отображаемых событий» [8, с. 5].

Одним из первых в жанре журнальной фотопублицистики стал работать общественно-политический и литературно-художественный журнал «Огонек», вышедший с 1923 г. Он эффективно применял методы визуальной пропаганды, которые были направлены на эмоционально-образное воздействие на читателя. Определенная направленность журнала, позиция редакции и политика цензуры, все это накладывало отпечаток на использование фотоматериалов на страницах журнала, запечатлевших события или факт исторического прошлого. Это необходимо учитывать, работая с данным видом исторического источника. При источниковедческом анализе особую значимость приобретает авторский аспект и контекст, который необходимо восстановить с привлечением других исторических источников.

Фотоочерки, фоторепортажи, фотозаметки и фотограммы «Огонька» были посвящены разнообразным темам: партийные съезды, строительство электростанций, открытие театров, спортивные соревнования, широко освещалась и внешнеполитическая тематика. Важной миссией журнала было освещение тех изменений, которые принесла с собой советская власть, особенно в быту. Именно здесь кочевую роль в агитационно-пропагандистском аспекте играла фотография, выступая не просто в качестве документальной иллюстрации к тексту, а как элемент изобразительного повествования. Рассуждая о роли и значении фотографии, фотокорреспондент «Огонька» В. Микулин писал: «Фотоиллюстрация должна не только протоколировать и не только показывать чисто механически: она должна говорить, рассказывать о событии. Она должна легко доходить до сознания зрителя, быть понятной читающим газеты без разъясняющей подписи, по одному лишь краткому заголовку. Фотография должна быть содержательна, должна иметь настроение и передавать его зрителю, должна заинтересовать» [4, с.15]. Задача фотожанров была не в том, чтобы показывать конкретных людей или явление, а прежде всего в том, чтобы выполнить агитационную функцию – донести до читателя политический смысл происходивших событий (пуск завода, открытие детских яслей при заводе, открытие партсъезда и т.д.), оказать воздействие на массовое сознание с помощью трансляции определенных образов.

Фотография в 1920-е гг. стала неотъемлемой частью идеологического дискурса советской печати. Фотоматериалы сочетали информативность, достоверность с необходимой эмоциональной образностью. Фотожурналисты вели своеобразную фотолетопись новой эпохи, запечатлевая в кадрах те изменения, которые происходили в стране в 1920-е гг. Обращение фотожурналистов к советской действительности стало залогом успеха их работ на фотовыставках, где они получили международное признание. Оценивая творчество А. Шайхета, Е. Микулиной, С. Фридлянда, Н. Петрова, М. Наппельбаума, журнал «Прожектор» в 1935 г. писал: «Буржуазная фотография, несмотря на совершенную техническую оснастку, ограничена. Темы ее не выходят за пределы мечтаний буржуа: уют, символику чувств; лишенные контрастности пейзажи, оголенная игра светотени – вот материал буржуазного фотографа-художника. Выставка фотомастеров нашей страны – радующий контраст. Молодость, физкультура, авиация, парашютизм, светлые цеха заводов, труд и отдых, семья и коллектив – вот неисчерпаемая россыпь сюжетов молодого фотоискусства, родившегося и возмужавшего в годы революции» [5, с. 21-22].

Основополагающим жанром в журнале «Огонек» был фотоочерк. Он представлял собой многокадровый изобразительный ряд, объединенный одной темой и прокомментированный лаконичным текстом, который мог обобщать всю серию либо пояснять только отдельные снимки. Снимки могли располагаться и в случайном порядке, но обязательно должны были быть связаны воедино одной общей идеей или темой. Фотоочерк позволял сделать простое и наглядное повествование: завязка событий, их постепенное развитие, кульминация и некое резюме, финал. Минимальное количество слов, упор на иллюстративный ряд. Визуальный образ воздействовал на читателей куда эффективнее, чем просто текст. Набор фотографий передавал определенные настроения, создавал историю того или иного события, а текст кратко комментировал его. Фотографии в фотоочерке компоновались в зависимости от конкретной задачи и могли быть хронологически не связаны друг с другом, посвящены разным сюжетам.

Фоторепортаж - еще один жанр, активно использовавшийся «Огоньком». Это фотохроника с места событий, актуальный показ происходящего или недавно произошедшего события, новой проблемы или явления с помощью оперативно отснятых фотографий и сопроводительного текста [1, с. 138]. В журнале «Огонек» он занимал ведущее место при освещении партийной жизни (съезды, конференции, совещания и т.д.). Пропагандистские функции фоторепортажа выражались в определенном подборе снимков (объект изображения, ракурс и т.д.). Печатались в «Огоньке» и фотограммы, представляющие собой своеобразный калейдоскоп событий за неделю, в котором фотография несла главную нагрузку, а подпись лишь уточняла ее. Фотограмма – термин, который ввела сама редакция журнала «Огонек», назвав так рубрику, которая появилась в 1927 г. Фотографии с небольшими подписями располагались по 8 штук на одном развороте страницы – по 4 в каждом ряду. Они не были связаны тематически и хронологически друг с другом, как правило, посвящались разным событиям строительства новой жизни, особенно стройкам первой пятилетки, изменениям в быту, в повседневности и т.д. Объединяла их только общая задача – трансляция образа советской действительности.

Фотозаметка – еще один визуальный информационный жанр, который часто встречается на страницах журнала «Огонек». Это эффективный жанр с точки зрения пропаганды: именно с помощью него единичные явления представлялись как повсеместная практика. Использовали редакторы «Огонька» и фотоколлаж - жанр фотожурналистики, который объединяет несколько фотографий с целью достижения определенного художественного и пропагандистского эффекта.

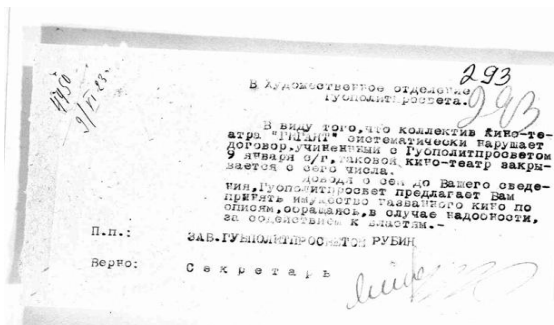
Во все этих жанрах источником визуальной информации выступала фотография, работая с которой как с историческим источником историк должен обладать визуальной культурой, «насмотренностью», что позволяет корректно воспринимать, анализировать, оценивать, сопоставлять визуальную информацию [3]. Информационный потенциал фотодокументов, уникальных источников очень обширен, его использование в исторических исследованиях предполагает всестороннее источниковедческое изучение этих видов визуальных документов. Идеологическое конструирование применимое для визуального фоторяда в журналах требует дополнительных методов изучения, для правильного прочтения сконструированной «фотореальности» и документальной хроники.

1. Березин, В. М. Фотожурналистика / В. М. Березин. – М., 2006. – 226с.
2. Богданова, Н. М. Фотография как инструмент социологического анализа практик конструирования визуальной самопрезентации. Визуальные исследования. [Электронный ресурс] / Н. М. Богданова. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/13/1251420611/Bogdanova_2012_2.pdf. – Дата доступа: 24.02.2019.
3. Мазур, Л. Н. Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования. [Электронный ресурс] / Л. Н. Мазур. – Режим доступа: http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/mazur_id/16-1-0-144. – Дата доступа: 20.02.2019.
4. Микулин, В. Как фотографировать для «Огонька» / В. Микулин // Огонек. – 1925. – № 28. – 21с.
5. Морозов, С. Выставка работ московских мастеров фото / С. Морозов // Прожектор. – 1935. – № 6. – 35с.
6. Рынков, В. М. Периодическая печать: место в системе исторических источников / В. М. Рынков // Отечественные архивы. – 2010. – № 3. – С. 44–50.
7. Сексенбаева, Г. А. Фотодокументы: источниковедческие аспекты. [Электронный ресурс] / Г. А. Сексенбаева. – Режим доступа: <https://articlekz.com/article/7264>. – Дата доступа: 25.02.2019.
8. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. – 4-е изд., испр. и доп. – М., 2011. – 320с.
9. Усманова, А. Визуальные исследования как исследовательская парадигма. [Электронный ресурс] / А. Усманова. – Режим доступа: <http://viscult.by.com/article.php?id=101>. – Дата доступа: 24.02.2019.

Котович Т.В.
ВИТЕБСКИЙ КИНОТЕАТР «РЕКОРД» В 1920-Х ГОДАХ
(ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСАРХИВА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ)

Во второй половине и к концу 19 века менялось пространство в Витебске. Насыщаясь новыми коммуникативными токами, оно готовилось принять другое время. Его топоры словно собирали и впитывали звуки, отдалённые и ещё непроявленные отблески идей. Особые кристаллы (выражение Марка Шагала) огранёнными своими углами уже вибрировали в ожидании часа.

В 1866 в Витебске был построен первый вокзал, в Витебской губернии России уже действовала Динабург-Витебская железная дорога. К концу столетия (январь 1895) три дороги (Риго-Двинская, Двинско-Витебская и Орловско-Витебская) сделались единым путём, Риго-Орловской железной дорогой. В это время в России происходил бурный промышленный подъём, и железные дороги сыграли в нём одну из ключевых ролей. Сродни этим коммуникативным событиям были и первые витебские киносеансы (в 1898 в духовной семинарии на Успенке. Кинопрокатчик С. Катин), состоявшиеся вскоре после самых первых российских (1896). Это, как нынешний интернет, изменило значение города, его общее состояние и самих горожан: место Витебска определяется в географическом и социо-культурном пространстве/треугольнике между С-Петербургом и Москвой почти на четверть следующего, 20 века.

До революции в Витебске работали кино-театры: «Рекорд» (с 1905) на Смоленской, «КиноАрс» (где в 1918 демонстрировалась знаменитая «Октябрьская годовщина»). В ноябре 1922-го в отапливаемом помещении проводились по субботам вечеринки-спектакли с буфетами и серпантинами [ГАВт. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 7. Т.V/ Л. 7]. В ноябре 1925 года «Кино-Арс» было открыто в Доме Санпросвета во Дворце Труда [ГАВт. Ф. 366. Оп. 2. Д. 3. Л. 28].

«Иллюзион» на Пушкинской (быв. Ниренштейн Голды Шевелевны, каменный двухэтажный дом, кино «Иллюзион» 5 комнат на 2 этаже, с сентября 1919 года театр ГубЧК),

«Художественный» на Вокзальной, «Одеон» на Орловской (который в 1919 был железнодорожным агитпунктом, а в 1922-м – в ведении культотдела Витучкпрофсожа, потом в Губоно), «Гигант» (с 1921 до 1923) в помещении Клуба Парижской коммуны на Вокзальной. Прометей (1922), «Ампир» (с 1 августа 1922 до марта 1923).

Документ о закрытии «Гиганта» представляется образчиком стиля того времени: «В Художественное отделение Губполитпросвета. 9. VI. 1923. В виду того, что коллектив кино-театра «Гигант» систематически нарушает договор, учиненный с Губполитпросветом 9 января с/г, таковой кино-театр закрывается с сего числа. Доводя о сем до Вашего сведения, Губполитпросвет имущество названного кино по описям, обращаясь. В случае надобности, за содействием к властям. Зав. Губполитпросветом Рубин».

Кинотеатру «Рекорд» принадлежит особое место в истории Витебска, его художественном пространстве – в течение всего 20 века и в первой четверти 21-го.

Квартал Смоленской/Ленина – тоπος внутри сакрального витебского пространства бывшего Узгорского замка, рядом с бывшей Биржевой площадью, рядом с Рынковой площадью, недалеко от Успенского храма и улицы комиссара Крылова.

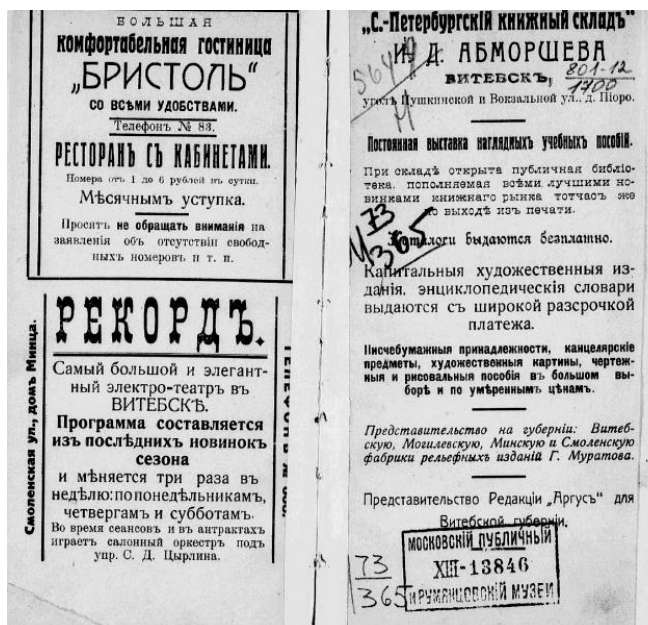
№ 12 – дом Минца, двухэтажный каменный и один двухэтажный флигель во дворе [ГАВт. Ф. 1001. Оп. 14. Д. 14. Л. 58]. С 1905 года в здании располагался **кинотеатр «Рекорд»**. После революции дом был конфискован [ГАВт. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 281. Л. 79]. В 1924 году – лицевой, каменный 2-этажный, крытый железом; тамбур каменный; надворный каменный 2-этажный крытый железом; пристройка каменный 1-этажная; навес крытый дранью; сарай дощатый, крытый дранью [ГАВт. Ф. 302. Оп. 1. Д. 294. Л. 64об]. Затем – «Спартак», ныне –

Дом кино. В 1927 году в этом здании находился и клуб Рабис. В 1930-е – коммунальный дом.

Планировочная структура этого квартала сложилась в 18 веке, сформировалась к началу 19-го. На проектом плане Витебска 1797–1802 гг., совмещающего существовавшую нерегулярную и создававшуюся классицистическую сеть улиц и площадей рассматриваемый квартал предназначен «для построения домовъ». На месте размещения части современного здания Дома кино вдоль улицы С-Петербургской обозначено прямоугольное в плане здание. Данное здание обозначено под пунктом 8 – Дома каменные селительские. На планах г. Витебска 1904 г. и конца 1910-х гг. на месте, где располагается часть здания современного Дома кино, под пунктом 15 обозначено здание аптеки А. Ясколда. В соответствии с инвентарной описью коммунальных домовладений по г. Витебску за 1926 год под №12 по ул. Ленина числятся следующие строения: два лицевых, каменных, двухэтажных дома, один каменный, двухэтажный, надворный дом с пристройкой, навес, три дощатых сарая (ГАВО Ф.302 Оп.1 Д.294 Л. 64об-65). Современное протяженное по фронту улицы здание Дома кино (ул. Ленина, 40) ранее состояло из трёх дореволюционных зданий: № 12 – состоящее из двух лицевых каменных зданий и № 14 (нумерация использована послереволюционная).

Первые киносеансы были движущимися чёрно-белыми киноаттракционами, немymi под сопровождение тапёра, короткими (1-3 минуты, потом полчаса), а через десятилетие – уже полнометражными, хоть по-прежнему немymi. В 1919 году А. Гольдман и Б. Суходрев говорили: всегда картины сопровождалась музыкантами, а в Витебске музыкантов выгнали (а все они хотели попасть в симфонический оркестр), тапёры играют «экзерсисы» и нарушают цельность впечатления, отчего картины проиллюстрированы гораздо хуже. Кроме того, музыканты играют в валенках, а зимой двое умерли от тифа [ГАВт. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3. Л. 7].

В конце 1918 года кинотеатры были национализированы и переданы в ведение Губполитпросвета и Губоно. Из протокола совещания Коллегии Отдела городского хозяйства и Отдела Народного образования при участии представителей консерватории, оркестров и владельцев и служащих кинематографов по вопросу о национализации кинематографов в Витебске видно, какие дебаты связаны с вопросами национализации. Як. Окунев заявил, что он является автором предложения Отдела народного образования о национализации кинематографов, т.к. В Петрограде и Москве национализация уже была проведена давно и дала удовлетворительные результаты.

Яков Окунев полагал, что один кинотеатр нужно сделать образцовым, т.е. с лекциями и литературными вечерами, закрыть «Одеон», а в остальных показывать картины общего характера. Причем «Рекорд» собирались присоединить к Пролетарскому клубу. Бородавский возражал против такого присоединения и предлагал именно его сделать образцовым.

В документе с выпиской из протокола заседания Президиума от 15 декабря 1918 года говорится о том, коллегия отдела городского хозяйства и отдела народного образования совместно с представителями консерватории, оркестрантов, владельцев и служащих кинематографов по вопросу о национализации кинематографов настаивает на необходимости этой национализации, на закрытии одного из существующих кинотеатров для переда-

чи рабочим и партийным организациям для собраний, на необходимости большого расширенного оркестра, против организации кино при любых организациях, художественная сторона дела возлагалась на комиссию в составе представителей отдела городского хозяйства, отдела народного образования и технического деятеля [ГАВт. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 18].

В Витебске в марте 1919 года возникают первые предвестники Теревсата (Театра революционной сатиры). М. Пустынин и Г. Грилин организовали посвященный годовщине Парижской коммуны вечер «Гарарабумбия» с короткими выступлениями/лекциями, с песенками 18 марта в кинотеатре «Рекорд», сейчас же признанный представлением контрреволюционным. Хотя критики и попрекали Теревсат за художественную неубедительность, в городе он сделался известным, состоятельным и политически острым со своими сатирическими номерами о романе Колчака с Антантой и пр. На многочисленных митингах военного времени именно Театр ревсатиры был более востребованным, чем даже самые замечательные витебские ораторы.

Витебский Теревсат не имел постоянной труппы, актёров приглашали на разовые, и выступали они на разных площадках. «Известия Витебского губернского Совета крестьянских, рабочих, красноармейских и батрацких депутатов» 6 марта 1920 года сообщали, что в этот вечер состоится открытие спектаклей Теревсата в помещении «Рекорда». Анонсировались номера: «Товарищ Улыбка», «Деникинская булка», «Черное – Красное», «Песенка о метле», «Истинно русская тройка», «Романсы по-солдатски», «Политическая трансформация» и «Трубадур», а из старой программы наиболее популярными стали «На распутье» и «Сильно драматическая полька», которые тоже вошли в новую серию выступлений.

В апреле 1920 года театр получил второй этаж в кинотеатре «Рекорд» в своё распоряжение.

Постановление № 2 Витебской губернской кинофотосекции о предоставлении помещения театра «Рекорд» для устройства прощального спектакля коллектива артистов М.А. Разумного

г. Витебск

16 апреля 1920 г.

Витебская губернская кинофотосекция, заслушав устное заявление председателя коллектива артистов тов. Разумного о предоставлении коллективу артистов помещения т[еатра] «Рекорд» на среду 21 апреля с.г. для устройства прощального спектакля перед их отъездом из Витебска и, принимая во внимание, что за отсутствием электрической энергии театр «Рекорд» в среду 21 апреля как кинематограф функционировать не может, постановила:

Предоставить коллективу артистов во главе с тов. Разумным помещение театра «Рекорд» на 21 апреля с.г. за тридцать тысяч рублей (30000 р.) при условии представления разрешения на указанный спектакль Витебского отделения Сорабиса*.

Зав. секцией

Чл. коллегии

Управл[яющий] делами**

С подлинным верно***

ГАВт. Ф. 9. Оп. 1. Д. 94. Л. 176. Заверенная копия. Машинопись.

Но в апреле 1920 года в Витебске актёры, сыграв спектакли в Латышском клубе, в Доме просвещения и в «Рекорде», уехали на гастроли в Москву, где с большим успехом была показана витебская программа. Летом и осенью труппа разрослась там до 350 человек и выступала по клубам, казармам, заводам, на фронте.

В апреле 1921 года в «Рекорде» демонстрировали первый номер световой газеты РОСТА: «Карикатуры буду сопровождаться текстом, который прочтет тов. Пустынин. В заключение будет показан иллюстрированный раешник Дарвалдая “Семь К”. Витебское отделение РОСТА намечает в ближайшее время демонстрирование световых газет не только в театрах и клубах, а также на фабриках, заводах, вокзалах и агитпункте» [«Известия Витебского губисполкома и губкома РКП(б)». 1921. 1 апр., С. 4].

В конце октября 1921 года «Рекорд» был переименован в «Спартак». Некоторое время он ещё иногда именовался старым названием, но новое имя сохранится за ним на 85 лет.

В октябре 1921 года центральными кинотеатрами считались «Художественный», «Спартак» и «Прометей» [ГАВт. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 4. Л. 244].

В 1922 году кинотеатры находились в ведении Губполитпросвета. Несмотря на финансовый кризис разрешались бесплатные посещения кинематографа: красноармейцам, служащим Губоно, курсантам партийных школ, призываемым в учреждениях Соцбеза и Комиссии по борьбе с проституцией [ГАВт. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 4. Л. 386].

К сентябрю 1922 года в Витебске работали пять кинотеатров: «Художественный», «Иллюзион» («Прометей»), «Спартак», «Гигант», «Одеон». В «Художественном» 370 мест, по два сеанса за вечер. В «Спартаке» 370 мест. В «Прометее» – 360. В 1922 году «Спартак» был бездефицитным.

В 1923 году предполагалось открыть новый кинотеатр, но этого не произошло [ГАВт. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 37. Л. 41]: «если для широкой публики конкуренция другим кинематографам («Гигант» Губпрофсовета и «Ампир» Учкпрофсовета) не дает повода существования в городе коммерческого кино» [ГАВт. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 7. Л. 157].

Однако вскоре в этом же 1923 году в Витебске появляется кооперативное общество «Пролетарское кино»

В мае 1927 года «Спартак» нуждался в серьезном ремонте: сумма нужна бешеная, однако этот **«театр переживёт нас с вами»** [ГАВт, ф. 366. Оп. 2. Д. 3. Л. 355], что оказалось пророчеством: исчезнут во времени остальные имеющиеся, исчезнут и громкие появляющиеся, «Спартак» останется насовсем.

*Так в тексте, имеется в виду Витебский губернский отдел Всерабиса.

**Подписи отсутствуют.

***Подпись неразборчива.

Мининков Н.А.
ПРОИЗВЕДЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Для традиционных курсов источниковедения отечественной истории долгое время было характерно определенное противоречие. Так, в полной мере признавалась роль произведений литературы как источника для русского средневековья и для начала нового времени в России, относящегося к XVII в. Это было не случайно. Такие произведения давали многое для понимания особенностей эпохи и человека, того, как реалии исторической жизни воспринимались и переосмысливались в сознании социокультурных слоев и отдельных их представителей, выступавших в качестве авторов. Однако более поздний период, начиная с XVIII в., в развитии отечественной литературы оставался вне поля зрения и анализа в рамках этих курсов. Между тем, это были периоды, когда существовали такие крупные явления в русской литературе, как классическая литература XIX в. и советская литература. Литературные произведения этого времени по своей значимости как исторический источник, как выражение особенностей жизни и духовной культуры своего времени, своеобразного авторского восприятия событий и явлений имеют ничуть не меньшее значение, чем произведения литературы средневековья и XVII в.

За последнее время на это было совершенно справедливо обращено внимание в новом учебном пособии по источниковедению, изданном историками ВШЭ в 2015 г., и в разделе, написанном Д.А. Добровольским, содержится интересный анализ художественной литературы советского времени как источника [3, с. 440-450]. Достоинство авторского анализа прежде всего в том, что в нем представлено место литературных произведений в контексте культуры советского общества, показана сила художественного восприятия событий, явлений и процессов, а также сила интеллектуального и художественного начала, которое пробивало себе дорогу сквозь идеологические преграды и играло большую роль в формировании разных настроений в обществе, в том числе инакомыслия.

Тема литературных произведений советского времени, конечно же, очень велика и в рамках доклада можно показать только отдельные ее стороны, которые представляются интересными и которые связаны с творчеством как хорошо известных авторов, так и известных значительно меньше. Между тем, для современной методологии научного исторического познания, направленной на выявление вторых планов в текстах и содержащихся в них скрытых смыслов и знаковых систем, литературные тексты дают нередко значительно более широкие возможности, чем документы. Кроме того, сама писательская технология подачи через образы и сюжеты вторых планов и знаков для общества может говорить о положении литературы и культуры в целом в отдельные исторические периоды, в том числе в советское время.

Такие скрытые смыслы могли появляться в том числе и в литературе, которая с полным на то основанием считается детской. Биограф А.Н. Толстого А. Варламов, говоря о скрытых смыслах в образах «Приключений Буратино», указывал на такой яркий, как «страна дураков». Он предоставил читателю право самому догадаться, что могло скрываться под этим образом [2, с. 456]. Догадываться, однако, читателю, хорошо знающему особенности массового сознания советского и современного периода, особенно и не приходится. Известно, что в нем этот образ получил самое широкое распространение. Но в определенных случаях образ, созданный в более раннее время и являющийся совершенно детским и не нагруженным социально-политическими скрытыми смыслами, приобрести очень сильное политическое звучание. Так произошло с образом Тараканища К. Чуковского. Созданный в 1923 г., когда о будущей диктатуре могли догадываться только самые проникательные аналитики, он в тридцатых годах становится в один ряд с самыми сильными образами диктаторов в мировой культуре, – с усам, да и без усов. Он может быть поставлен в один ряд с кинематографическим образом фюрера, созданным Ч. Чаплиным.

В позднем творчестве советского историка, писателя и журналиста, революционера-большевика Н.Л. Янчевского такие скрытые смыслы проявляются и становятся понятными для внимательного современника. Активный участник революции и гражданской войны, он к концу двадцатых годов все более разочаровывался в советских реалиях и своим политическим чув-

ством революционера ощущал наступление диктатуры. Это сказалось на литературной переоценке им некоторых ценностей, которые проявились в образах и сюжета второго плана. Так, в рассказе «Карча», помещенном в ростовском литературном журнале «На подъеме» в 1927 г., он поведал об одном из трагических эпизодов гражданской войны, разыгравшихся у подножия Эльбруса. Сюжет рассказа очень прост. Группа белых казаков-шкуровцев отобрала у пастуха-карачаевца Мусы барана и избила его. Ночью Муса, вспомнив о герое нартского эпоса Сасрыко (Сосруко), который победил врага не силой, но хитростью, прокрался к спавшим казакам, зарезал одного из них, но был убит другими казаками. Янчевский сочувствовал Мусе, но, хорошо зная реалии гражданской войны, он не мог завершить рассказ с помощью такого литературного приема, как «happy end». Завершается рассказ строками: «И Джин-падишах [так карачаевцы называли Эльбрус- *Н.М.*] – царь духов, как тысячи лет назад, сверкал своей ослепительной белизной» [5, с. 9]. По существу, в концовке заключался и скрытый смысл рассказа, и глубокая философская мысль. Нет силы, утверждал тем самым Янчевский, которая была бы сильнее природы, в том числе и преходящие страсти недавней гражданской войны. Очевидно, что такая мысль для большевика и участника этой войны могла появиться только на почве разочарования ее результатами. Еще более отчетливо скрытый смысл выступал в рассказе «За волей», опубликованном в 1933 г. Сюжет рассказа на первый взгляд чисто исторический. Крепостной Игнашка в конце XVIII в. бежит из рязанского поместья на Дон, где, по слухам, все еще есть свобода. Когда он, преодолевая все опасности, дошел до земли донских казаков, он увидел, что слухи были ложными. После скитаний по станицам с такими же беглыми, которые ограбили его во сне, он явился на хутор к одному из новоявленных донских помещиков, есаулу Ежову, и подписал обязательство служить у него конюхом под угрозой выдачи властям. На дворе есаула он увидел медведя на цепи. Точно такого же, как в рязанском поместье. Он вспомнил, что прежний помещик сцепил его цепью с медведем за то, что он не успел вовремя покормить коня. «Поменял кукушку на ястреба», – были последние слова Игнашки в рассказе [4, с. 29]. Из рассказа читатель понимал, что Игнашка, стремясь уйти от крепостного права, вновь оказался в положении зависимого человека, на этот раз от донского есаула, которое вело его в крепостное состояние, распространявшееся в то время на Дону. У него возникали ассоциации с современностью, тем более что коллективизация в массовом сознании широких слоев населения нередко воспринималась как второе крепостное право. И если крестьянство России боролось в революции за землю и волю, то в конце концов оно, как Игнашка из рассказа Янчевского, не получило ни земли, ни воли, но получило новое крепостничество. Ничего удивительного нет в том, что автор рассказа, Н.Л. Янчевский, был расстрелян в 1937 г.

Культурная ситуация в стране начала шестидесятых годов XX века, когда формировалось шестидесятничество, идейное течение части советской интеллигенции, стремившейся покончить с наследием сталинского культа, но верившей в ленинизм и социализм, нашла выражение в комедии Д. Аля и Л.Л. Ракова «Опаснее врага». Комедия, которую ставил ленинградский Театр комедии во главе с режиссером Н.П. Акимовым, пользовалась огромным успехом. Оба автора были участниками Великой Отечественной войны и узниками ГУЛага, а Д.Н. Альшиц был известным историком эпохи Ивана Грозного. В комедии начальство созданного фантазией авторов НИИ кефира подумало, что начинается новая кампания – борьбы в советских учреждениях с дураками. Ситуация была правдоподобной. Население в СССР привыкло к кампанейщине и знало, что кампании сопровождаются проработками, снятием с работы, в ходе кампаний было немало пострадавших и репрессированных. Комический эффект достигался образами героев и таким распространенным в литературе приемом, как говорящие фамилии. Явные ретрограды – директор и его зам, Допетровский и Хеопсенко. На уровень Федора Ивановича Шпинатова указывает сама фамилия и должность завотделом заместителей пробки. В этой компании пара диссертантов – Чаркин и Чуркин. Также этот эффект достигается пародированием бюрократического языка. Так, в НИИ имеется «бюро проектирования этикетирования». Директор по-своему переделал поговорку: «Каков поп – таков должен быть и его аппарат». Малограмотный начальник отдела кадров говорит в докладе: «Наш институт из квартала в квартал идет с перевыполнением всех показателей по всем показателям плана» [1, с. 352-353], делая в слове «квартал» ударение на первом слоге. Но это речь человека не только малограмотного, но и привыкшего

чувствовать себя начальником и решать судьбы людей. Говорящей является и фамилия этого героя – Мальков. Читатель и зритель вспоминает коменданта Кремля Малькова, расстрелявшего Фанни Каплан по обвинению в покушении на Ленина. Как и комендант, заведомо кадров из комедии был из органов. И когда в кабинете директора по радио читали строки из «Конька-горбунка» П.П. Ершова: «Вот в конюшню прибегают, Двери настежь отворяют И ногами дурака Ну толкать во все бока», Мальков произнес, с авторской пометкой «многозначительно»: «Ногами!» [1, с. 312] Это было прямым обращением к исторической памяти интеллигенции. Для читателя и зрителя образ кадровика Малькова становился предельно ясен. Некоторые из них лично видели таких кадровиков в иных эпизодах, при допросах с пытками в сталинских застенках, другие слышали об участии их в таких акциях.

Скрытое обращение к историкам, к их настроениям и опыту прослеживается в словах диссертантов Чаркина и Чуркина. «Я, например, решил сесть за тему “Борьба за...”», – заявил Чаркин. «А я – “Борьба против...”» [1, с. 299], – ответил Чуркин. Для историков это был прозрачный намек. Было известно, что так формулировались многие темы по истории КПСС. Едва ли в этом была скрытая критика самой партии, для шестидесятников она не характерна. В происходивших в период оттепели переменах они видели знак силы партии, ее способности преодолеть наследие репрессивного режима. Упоминание же «Борьбы за» и «Борьбы против» служило, скорее всего, отражением в профессиональной среде историков раздражения псевдонаучной халтурой в форме подобных тем. Такая халтура нередко выдавалась за актуальный и полезный научный поиск, востребованный в идеологической борьбе или обобщавший опыт партии. Но для историка-профессионала было ясно, что подобная тематика представляет историю в ложном свете перед обществом, в виде не науки, но наукообразной формы идеологического обслуживания власти, и неизбежно ведет к дискредитации образа истории как науки в массовом сознании.

Исторический оптимизм шестидесятников выражен в использовании ими концовки по модели гоголевского ревизора, когда вызов городничего к чиновнику из Петербурга содержал намек на позитивное завершение комедии. Таким же образом завершили комедию Д. Аль и Л. Раков, когда телеграмма от начальника и близкого знакомого директора Допетровского со словами: «Начальство считает, что ты дуб» [1, с. 356] предполагало падение директора и оптимистическую развязку комедии.

Литературные произведения относятся к наиболее интересным источникам по истории культуры советского общества. Это предполагает необходимость междисциплинарного поиска историков и литературоведов для понимания характера и особенностей исторического времени и смыслов в произведениях литературы.

1. Аль, Д. Опаснее врага : комедия в трех действиях / Д. Аль, Л. Раков // Аль, Д. Диалог : пьесы / Д. Аль. – Л. : Советский писатель, 1987. – 405 [2] с.
2. Варламов, А. А. Толстой / А. А. Варламов. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 591, [1] с.
3. Источниковедение : учеб. пособие / отв. ред. М. Ф. Румянцева. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685, [3] с.
4. Янчевский, Н. За волей / Н. Янчевский // На подъеме. – 1933. – № 1. – С. 21–29.
5. Янчевский, Н. Карча / Н. Янчевский // На подъеме. – 1927. – № 6. – С. 3–9.

Бароўка В.Ю.

АПОВЕСЦЬ “ДЗВЕ ДУШЫ” М. ГАРЭЦКАГА ЯК ГІСТАРЫЧНАЯ КРЫНІЦА

Аповесць М. Гарэцкага “Дзве душы” (1918–1919) – канцэптуальнае мастацкае асэнсаванне грамадскай сітуацыі на Беларусі перыяду Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцыі, Грамадзянскай вайны, нацыянальнага характару беларусаў, становішча і ролі прыхільнікаў старых і новых парадкаў. “Дзве душы” – твор з публіцыстычным акцэнтам і палемічным стаўленнем да трактоўкі падзей 1917–1918 гадоў. Аповесць стваралася непасрэдна па слядах падзей іх сведкам і ўдзельнікам, таму з поўным правам можа ўспрымацца як гістарыяграфічная крыніца. Вядомы даследчык літаратуры Георг Лукач слухна заўважыў: “Чым больш глыбокае і дакладнае гістарычнае пазнанне пісьменніка, тым больш свабодны яго рух у матэрыяле” [1, с. 145]. Абазнанасць у матэрыяле дазволіла М. Гарэцкаму ўвасобіць складаную грамадска-палітычную сітуацыю, стаўленне розных

сацыяльных пластоў Беларусі да рэвалюцыі і адраджэнскага руху. Панарамнаму адлюстраванню рэчаіснасці падначалена сістэма вобразаў у творы. Героі аповесці – беларусы з розным узроўнем грамадскай і нацыянальнай свядомасці, з рознымі маральнымі імператывамі і з розных сацыяльных пластоў; найперш гэта вайскоўцы, рабочыя, сяляне, інтэлігенцыя.

Гарэцкім шмат ўвагі нададзена паказу вайскоўцаў. Вайскоўцы ў творы – Ігнат Абдзіраловіч, князь Гальшанскі, Гарэшка. Галоўны герой твора – “прапаршчык армейскі”, сын “памешчыка сярэдняй заможнасці” [2, с. 3] Ігнат Абдзіраловіч ваяваў на фронтах Першай сусветнай вайны, быў паранены, пасля дывізійнага лазарэта яму спачатку “летуцелася аб працы ў вольнай старонцы, аб дзеяльнасці...” [2, с. 7]. Становішча на фронце адразу пасля Лютаўскай рэвалюцыі штрыхамі раскрывалася ва ўспамінах Абдзіраловіча пра папаўненне яго роты “жандарамі і кадравымі з запасных батальёнаў”, пра тое, як “велікаросы пабілі капітана N – украінскага самасційніка” [2, с. 7]. У маскоўскім лазарэце ў чаканні адпраўкі для лячэння на Каўказ Ігнат сутыкнуўся з іранічнымі адносінамі афіцэраў-франтавікоў да новых грамадскіх рэалій: “За сталом афіцэры гаманілі аб хамстве народа, пад маскаю прылікі, але са злосцю ў душы, як быццам жартліва, спіраліся аб палітыцы з *таварышам*-няняю, што насіла стравы на стол, ці вылічалі долю пакарнейшаму і найцішэйшаму бежанцу, *таварышу*-санітару, каторы не разумеў, аднак, за якую волку ён знялюбеў ім” [2, с. 9]. Ігнат знаходзіўся ў стане палітычнага самавызначэння, хаця заяўляў: “...Палітыку ўрада ў цяперашнім складзе я лічу справядлівай і буду, у разе патрэбы, бараніць яе так, як належыць салдату, і проці ўсякага ворага” [2, с. 18]. Калі адзін з афіцэраў спытаў Ігната пра адносіны да большавікоў, то пачуў у адказ: “Не <...>, мне не ймецца веры ў магчымасць існавання самастойнай улады радоў пралетарыяту, і, наагул, камуністычнага ладу жыцця. Гэта пакуль утопія” [2, с. 18]. Абдзіраловіч вырас у панскай сям’і, не адчуваў асаблівай прыязнасці да народа. Сітуацыя не змянілася і тады, калі Ігнат даведаўся, што насамрэч ён мужыцкі сын: ён заставаўся “пабочным глядзеннікам і ціхім думаннікам” [2, с. 61], таму Кастрычніцкія падзеі метафарычна ацаніў як вялікі пажар, а сябе параўноўваў са шчэпкай у віры гісторыі. Абставіны прымусілі Ігната пайсці на службу да новай улады, аднак гэта здарылася ў выніку збегу абставін, а не свядомага выбару. Абдзіраловіч спрабуе вызначыцца палітычна, пытанні нацыянальныя яго спачатку мала хвалююць. Адраджэнец Сухі зняважліва называе Ігната рэнегатам і ў адказ чуе: “Бацькаўшчына – матка Беларусь? Ха-ха! Выбачайце, паночку, але мая бацькаўшчына – уся Расія” [2, с. 32]. Праз нейкі час у размове з маладой настаўніцай ён зазначаў: “Не думайце, Іраіда Аўгенаўна, што з мяне ўжо такі дрэнны беларус. Хто ведае? Каб я быў у свядома беларускай сферы, можа, і я рабіў ба нейкую карысную для бацькаўшчыны працу” [2, с. 81]. Сябра школьных гадоў Мікола Канцавы, Іра, палітычныя падзеі прымусілі Абдзіраловіча пільней прыгледзецца да адраджэнскіх ідэй. Ігнат вагаўся паміж большавікамі і адраджэнцамі, бо практыку абодвух бакоў не прызнаваў ідэальнай, не здымаў адказнасці за палітычнае становішча на Беларусі з саміх беларусаў, рытарычна пытаючы: “Тэорыя інтэрнацыянала вінавата ў тым, што беларускім народам кіруюць цяпер большавіцкія камісары ўсякіх нацый, апроча беларускай? Ці яна вінавата, што ў нашым знамянітым Обліскомзапе ёсць армяне, латышы, жыды, палякі, маскоўцы, але няма нас, беларусаў? Што правінцыя маець толькі такіх кульгавых беларусаў, як гэты Гаршчок?” [2, с. 99]. Гісторыю Ігната акцэнтуюць пісьменніцкую думку аб драматычным лёсе чалавека, які шукае свой шлях у перыяд грамадскіх змен.

Князь Гальшанскі – “грэблівая маўклівы, панскае пароды гвардзейскі афіцэр” [2, с. 5], “сыты, крывісты гвардзец” [2, с. 7], арыстакрат-вайсковец. Пасля рэвалюцыі ён спрабаваў падначаліць сабе беларускі рух. Красамоўна сведчыла пра яго сапраўдныя намеры рускамоўная прамова на ўстановачным сходзе грамадзян-беларусаў у Лермантаўскай галерэі Пяцігорска: “У нас, беларусов, нет классовой борьбы <...>. Нет ее, не должно быть и не будет!! Мы тут все, от пана до Степана, как говорится, будем стоять за одно: тесный союз с Россией и законное наделение малоземельных крестьян землёю!...” [2, с. 16]. Капітан Гарэшка – таксама афіцэр былой царскай арміі, прыхільнік князя Гальшанскага, які ў палон ворагаў не браў: “Ух, працуе! У палонных чырвоных не бярэць, а хто і перадасца яму, не ўспешыцца: да сценкі!” [2, с. 54]. Гарэшка свядома стаў тайным агентам “вялікага маскоўскага хаўрусу “Вызваленне Расеі”, што меў за мэту адрадзіць “адзіную і недзялімую” Расейскую імперыю і рассылаў сваіх людзей скрозь па ўсіх яе быўшых частках. Капітана Гарэшку як беларуса родам паслалі працаваць на Беларусь з

вялікімі сумамі грошы і важнымі даручэннямі самага сакрэтнага характару. Між іншым яму было даручана знайсці патрэбных людзей для арганізацыі паўстання, самому пралезці ў Чырвоную Армію, заслужыць ласку ў бальшавіцкіх кіраўнікоў, папасці на ўсмірэнне бунту і задавіць яго з незвычайнай, шалёнай жорсткасцю” [2, с. 90], каб зняславіць бальшавікоў. Гарэшка выканаў большую частку задання, нават зарэзаў аднаго з бальшавіцкіх кіраўнікоў. Сваю жорсткасць Гарэшка апраўдваў жорсткасцю палітычных праціўнікаў, расказваючы пра здзекі рэвалюцыйных матросаў з мічмана: “Адну таварыш прастытутку, маю знаёмую, чырвоныя матросы запрасілі да сябе на баль. У вадным антракце кавалер гэтай дамы запрасіў яе на гарбату і павёў у трум. Там ляжаў на спіне, голы і прыбіты к падлозе рукамі і нагамі, зусім маладзенькі і прыгожанькі мічман, а на голых грудзях у яго гарэў грудок трэсак і стаяў саганок з вадою, каб, зварыўшы, піць гарбату” [2, с. 104]. Такім чынам, у трактоўцы пісьменніка, большая частка афіцэраў-беларусаў былой царскай арміі была абыякавай да роднага краю, пад лозунгамі вернасці словам прысягі змагалася на баку белых.

Пісьменнік глыбока адлюстравваў пралікі адраджэнскага руху. Адраджэнцы ў аповесці – настаўнікі Мікола Канцавы, Іра Сакавічанка, “вучань каморна-агронамічнага вучылішча” Сухі. Ідэі адраджэнцаў, у паказе пісьменніка, не карыстаюцца папулярнасцю. Прычына гэтага палягае не толькі ў кансерватыўнасці свядомасці беларусаў ды страце імі гістарычнай памяці, але і ў няўменні адраджэнцаў працаваць з людзьмі. Так, студэнт Сухі сваім ваяўнічым стаўленнем да нязгодных з ім выклікае негатыўнае стаўленне да сябе і сваіх аднадумцаў. Сухі агітаваў сялян галасаваць за беларускі спісак падчас выбару кандыдатаў Устаноўчага Сойму, але пацярпеў паражэнне, бо не ўлічваў інтарэсаў аўдыторыі. Са сходу ён уцёк з прызнаннем уласнага паражэння: “А тут нічога не выйдзе, бо селяніну бліжэй і знаямей цяпер пытанне аб міру і зямлі, чымся аб беларускім адраджэнню” [2, с. 31]. Сухі – натура самаўлюбёная і эгаістычная, яго найперш хвалюе ўласная бяспека, а не справа. Мікола Канцавы – чалавек ідэі, які ўсведамляе, што працу трэба весці не толькі сярод сялян, але і інтэлігенцыі, гараджан. Мікола разумее, што “ідэя нацыянальнага бальшавізму (гэтае слова мімаволі прыдумалася і склалася ў яго галаве), тая ідэя ні каліва не патускнела ў мужыцкай свядомасці, і што тая сучасная форма бальшавіцкай ідэі спрыклілась мужыкам дзеля розных прычын звонку, як блакада бальшавіцкай тэрыторыі, і прычын знутры, як камісарскае злачынства і няўмельства” [2, с. 69]. Канцавы дастаткова цвяроза ацэньваў адносіны бальшавікоў да беларусаў і іх лёсу: “Міколе, як і ўсім адраджэнцам, было дужа цяжка знасці тое, што на тэрыторыі Беларусі ў бальшавізме, апрача чужынцаў, апынуліся і ўзяліся кіраваць беларускім сялянствам якраз найгоршыя, на іх погляд, беларускія людзі, бо абмаскаленыя беларусы, закарэлыя рэнегаты і партыйна тупыя праціўнікі «ўсякага там яшчэ адраджэння», пагарджаўшыя, з іх убогай духоўна фанатычнасцю, беларускай мовай і ўсім нацыянальна-беларускім” [2, с. 69]. У адрозненне ад Сухога, Мікола не ратуе сябе за кошт іншых людзей, а настроены на доўгатэрміновую працу. Настаўніца Ірына Сакавічанка, дачка ляснічага, балюча перажывае недавер народа да адраджэнцаў, адсутнасць зацікаўленых лёсам Радзімы ў правячых колах, карпатліва і кожнадзённа выходзіць іншых сваім прыкладам. Адраджэнскі рух, з пункту гледжання апавядальніка, хаця не меў сур’ёзнай падтрымкі насельніцтва, аднак прызнаваўся варажым новай уладай, з яго прыхільнікамі змагаліся не менш, чым з белымі.

Шмат увагі пісьменнікам нададзена мастацкаму ўвасабленню бытавых рэалій паслярэвалюцыйнага часу. У аповесці ўспамінаецца рабаванне сялянамі панскіх маёнткаў, канфлікты старога і маладога пакаленняў вясцоўцаў, чырвоны тэрор у дачыненні да буржуазіі, адмоўныя адносіны сялян да камбедаўцаў, выпадкі прыходу да ўлады на месцах крымінальных элементаў. Фурман-бальшавік з абурэннем расказваў пра землякоў: “Сяло беднае, дык маладыя йшлі раней у свет, у гарады, а цяпер паварочалісь дамоў гультаямі, бандытамі і пад штандарам бальшавізму здзекуюцца над усімі сялянамі. Жывуць паразітамі, паўлезлі ў камітэт беднаты, і ніхто іх не зачэпіць. Старшыня камбеда – яшчэ даволі малады блазнюк, быў засуджаны ў Маскве за ўбіўства, сёлета ўлетку так пабіў граблямі сваю братоўку, жонку брата-земляроба, што тая памучылась колькі дзён і памёрла, брата ўсадзіў у “чразвычайку”, быццам за контррэвалюцыю, а бацьку штодня лупіць чым пападзся, па галаве, ганяець старога на работу, а сам п’янстве ды гуляець са сваёй бандаю...” [2, с. 89]. Такія парадкі прымушалі сялян паўставаць,

а паўстанні падаўляліся вельмі жорстка. Людзмі бальшавіцкага гарту ў аповесці прадстаўлены Гаршчок, былы селянін, пасля паслушнік манастыра, люмпен, рабочы, потым адзін з кіраўнікоў новай улады, а таксама рабочы Васіль. Іван Гаршчок, або Карпавіч, – недалёкі чалавек, ахоплены прагай помсты; лозунгі бальшавікоў часткова супадалі з яго памкненнямі, аднак апавядальнік заўважыў пра яго: “Нікоменьку не прызнаюся, сам сабе думаў іногды Карпавіч, – але чую, што ў абы-якой партыі мог бы знаходзіцца з поўнай шчырасцю” [2, с. 45]. Стаўленне да класавых ворагаў у Гаршчка катэгарычнае: “Сячы трэба да карэння” [2, с. 13]. Карпавіч тонка адчуваў настрой людзей, таму, агітуючы за бальшавіцкі спіс, гаварыў пра падзел панскага дабра, пра канец імперыялістычнай вайны, і яго патрымлівалі. На адказнай пасадзе Гаршчок найперш задавальняў сваё самалюбства. Малады рабочы Васіль вырас у беларускай вёсцы, ён захапіўся бальшавіцкімі ідэямі, ідэалізаваў Карпавіча, марыў пра рэвалюцыю як кардынальнае змяненне жыцця да лепшага, але паслярэвалюцыйная рэчаіснасць яго расчаравала: “Няма прычыны быць вясёлым, калі ўсюдых фальш” [2, с. 107].

Аповесць “Дзве душы” стала творам, у якім Гарэцкі перадаў атмасферу ў грамадска-палітычнай, бытавой, духоўнай сферах 1917–1918 гадоў на Беларусі, дарэчна выкарыстаў уласныя назіранні, абагульненні і прагнозы адносна перспектывы далейшага развіцця роднага краю. Аповесці ўласціва гранічная аб’ектыўнасць аўтара ў мастацкім даследаванні грамадскіх з’яў і псіхалогіі прадстаўнікоў розных сацыяльных пластоў.

1. Лукач, Г. Исторический роман и историческая драма / Г. Лукач // Литературный критик. – 1937. – № 12. – С. 118–147.
2. Гарэцкі, М. Дзве душы: аповесць / М. Гарэцкі. – Мінск: Маст. літ., 2006. – 110 с.

Кузнецова Т.И.
МИФОЛОГИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА:
ТИТУЛАТУРА КАРЛИСА УЛМАНИСА В ТЕКСТАХ ЕГО СОВРЕМЕННОК
(30-Е ГГ. XX В.)

Для любого молодого государства, и в частности, Латвийской Республики, провозглашение создания которой состоялось 18 ноября 1918 года, принципиальное значение имеет выбор способов консолидации общества. Одним из возможных средств идеологической консолидации Латвии, ставшим особенно значимым после 1934 года, когда был совершён государственный переворот, положивший начало изменению политической системы страны, стала мифологизация¹ ключевой фигуры в истории Латвии XX века – Карлиса Улманиса. Он возглавлял 7 из 19 правительств времени существования парламентской республики (1918–1934), он совершил государственный переворот с 15 на 16 мая 1934 года, распустив парламент (сейм) и политические партии, через два года совместил должность главы правительства с должностью президента страны, и, наконец, имя его стало обозначением времени жизни довоенной Латвии, причём, независимо от оценки этого времени и лица его персонифицирующего (см., например: DU MV/43, DU MV/42 [4]).

С 1934 года начинает создаваться корпус сочинений, мифологизирующих К. Улманиса, т.е. представляющих его творцом времени, народа, государства. Одним из средств мифологизации главы правительства и президента страны явилась его (К. Улманиса) титулатура. Словарное определение «титула» весьма просто: «В феодальном и буржуазном обществе почётное звание, наследственное или пожалованное» [12, с. 786]. Однако к нему «просятся» несколько оттенков смысла. Во-первых, отметим, что титул является актом социализации, средством и знаком установления связи индивида с другими, при этом титул указывает на сращение индивидуального и социально-статусного начал в человеке. Во-вторых, в силу вышесказанного, титул может замещать личные имена и потому демонстрирует неизменность социального облика индивида и его места в мире. В-третьих, превращение слова, обозначающего человека, в титулы, говорит о

¹ Под мифологизацией будет пониматься придание статуса абсолютного, надвременного, надмирного, надличностного явления относительным, временным, личностным и, соответственно, неразличение феноменального и сущностного. Одно из проявлений мифологизации – символизация политического лидера.

закрытой человеческой общности, которая скрепляется личными связями, является иерархически организованной и стабильной. И, наконец, в четвёртых, титул – это устойчивая номинация лица, благодаря широкому употреблению в информационном пространстве формирующая у аудитории определённые представления об обществе, государственности, человеке. Именно этот аспект титулования и будет предметом исследования в данной статье.

Значимым структурным компонентом информационного пространства в 30-ые годы XX века были публикуемые и транслируемые по радиосети речи политических лидеров (см., например, [11]), в Латвии – К. Улманиса и других «государственных мужей», цитирующих вождя и «хозяйина народа». С 1935 года в Латвии выходили в свет официальные издания, отмечавшие каждую годовщину государственного переворота, или, как вспоминал в эмиграции Жанис Унамс, «мирной и отеческой революции», когда «Карлис Улманис провозгласил себя вождём» [10, с. 15]. Всего было опубликовано пять подобных сборников под названием «Pirmais gads / Первый год» [9] и т.д. тиражом в 2500 экземпляров, каждый из них содержал раздел: «Соответствующий год в зеркале речей государственных мужей».

«Первый год 1934.5.5. – 1935.15.5.» включал в себя 53 публикации речей. Из них 26 принадлежало К. Улманису, 27 – министрам, доля которых в составе рассматриваемого раздела неодинакова: 6 речей принадлежали министру финансов Л. Экису (1934.16.6. – 1938.15.6.; 1892 г. р.); с 1938 года посол в Польше и Венгрии, с 1939 года и в Германии [6, с. 154]; 5 речами отмечен Я. Каулиньш (1889 г. р.) – министр земледелия в 1934–1935 гг. [6, с. 250], а также В. Гулбис (1890 г. р.) – с 1934 по 1939 г. министр внутренних дел, ранее бывший министром земледелия (1931–1934), министром образования (1933–1934) [6, с. 196]. 3 речи принадлежали А. Берзиньшу (1889 г. р.) – заместителю министра внутренних дел в 1934–1937 гг., а с 1 апреля 1937 г. ставшему министром общественных дел [6, с. 68]. При этом, именно А. Берзиньшу принадлежит наибольшее количество упоминаний К. Улманиса – 10, которого он называл «tautas vadonis un vienotājs, ministru prezidents Kārlis Ulmanis» / «вождь народа и объединитель, президент министров Карлис Улманис» [2, с. 215].

«Otrais gads 1935.15.5. – 1936.15.5.» [7] содержит 47 текстов, из которых 20 принадлежат К. Улманису, остальные 9 министрам, при этом только 6 из них в своих выступлениях упоминали К. Улманиса, к тому же весьма редко – 1–2 раза (всего 9 упоминаний).

В состав следующего сборника «Trešais gads 1936.15.5. – 1937.15.5.» входит 30 опубликованных речей, 20 из которых вышли из уст К. Улманиса, 10 же были произнесены министрами. Ядро этой части раздела образуют три текста министра финансов Л. Экиса и столько же устных выступлений министра образования в 1935–1938 гг. А. Тентелиса (1876 г. р.) [6, с. 488]. Из 7 авторов, упоминавших К. Улманиса в своих речах, выделяются именно эти государственные мужи: Л. Экис 12 раз ссылается на К. Улманиса, А. Тентелис – 7, всего же насчитывается 28 упоминаний.

Четвёртый сборник «Ceturtais gads 1937.15.5. – 1938.15.5.» [4] содержит 54 речи, из которых 27 принадлежат К. Улманису, остальные же – министрам. Среди них выделяются министр финансов Л. Экис с 6 выступлениями, министр общественных дел А. Берзиньш с 7 речами, министр земледелия Я. Бирзникс – 5 речей. Из общего числа государственных мужей, речи которых увековечены в данном сборнике (10), 7 упоминали в своих выступлениях К. Улманиса (всего таких упоминаний 108), причём 91 раз имя К. Улманиса и различные его номинации встречаются в речах А. Берзиньша.

«Piektais gads 1938.15.5. – 1939.15.5.» [8] характеризуется значительным увеличением количества публикуемых речей, равно как и ростом числа чиновных лиц, ссылающихся в своих устных выступлениях на К. Улманиса, и количеством упоминаний его. В соответствующем разделе опубликовано 85 речей, из них 64 принадлежали министрам, из которых особой активностью и, соответственно, местом в информационном пространстве книги отличались министр образования Ю. Аушкапс – 10 речей (1884 г. р), с августа 1938 года – министр образования [6, с. 95], министр земледелия Я. Бирзникс – 8 речей, министр общественных дел А. Берзиньш – 8, военный министр Я. Балодис – 7, министр иностранных дел В. Мунтерс – 6 речей (1898 г. р.), с 1936 г. 14 июля – мин. иностранных дел [6, с. 35]. Всего в опубликованных текстах министров

59 раз упоминается К. Улманис, чаще всего это имеет место в речах А. Берзиньша (20 упоминаний), Я. Бирзниека (14 упоминаний).

Хотя далеко не все из них в равной степени активно упоминали в своих речах К. Улманиса, но, тем не менее, они задавали формат мифологизации К. Улманиса, разрабатывая его титулатуру. Анализ этих текстов позволяет увидеть постепенное превращение властно-должностных обозначений, поддерживающих память о государстве как совокупности политических институтов («Ministru prezidents / президент министров» – → правительство, «Valsts prezidents / Президент государства»), так и социально-функциональных обозначений («Vadonis / вождь» – тот, кто ведёт, является путеводителем) в титулы, содержание которых выражает определённые, внушаемые слушателям и читателям представления об обществе, государстве, человеке.

Трансформация этих обозначений в титулы проявилась, во-первых, в сокращении состава самой номинации, из которой удаляются уточняющие должностную позицию элементы. Так с 1936 года забываются слова «valsts / государство», «ministru / министров» и остаётся только одно – «prezidents / президент», и потому приобретающее значение личного имени. Например, в речи министра финансов Л. Экиса, произнесённой 28 ноября 1936 года на полном собрании Ремесленной камеры, прозвучало: «Куда только мы не посмотрим, мы видим, что наша страна, ведомая нашим Президентом, и жители, им призванные, строят здание новой Латвии, крепкое и прекрасное» [5, с. 204]. При этом, в данной опубликованной речи, как, впрочем, и в других, «Президент» пишется с большой буквы, что придаёт этому значение личного имени. Таким образом, затрудняется формирование представления о том, что эта должность для лица, её занимающего, может быть ограниченной во времени. Государство же в таком случае приобретает характер политического тела, воплощением коего является Президент.

Во-вторых, титулообразованию содействовало так же удаление из номинации лица личного имени, которое замещается оставшимся словом «Президент» или «Вождь». В-третьих, к превращению должностного обозначения в титул вело придание этому обозначению надвременного характера. Так, например, в речи министра общественных дел А. Берзиньша 2 октября 1937 года, выступавшего на собрании учителей в Риге, слушатели услышали, а затем читатели увидели: «В 1902 г. [...] на каком-то собрании крестьян Президент, ещё будучи совсем молодым человеком, закончил своё выступление словами, которым остался верен до сего дня – без единой души ничего хорошего не достичь» [1, с. 244].

Второе, функциональное обозначение К. Улманиса «Vadonis / Вождь» в речах министров «возрождённой» после переворота 1934 года Латвии в течение немногих пяти лет так же приобрело характер титула. Номинация «Vadonis / Вождь» употреблялась в двух формах: «mūsu vadonis / наш вождь» и «mūsu tautas vadonis / наш народный вождь (вождь нашего народа)». Выражение «наш вождь» содержит представление об эмоционально-тёплой общности, состоящей из индивидов, каждый из которых, являясь частью «мы», связан с вождём. «Мы» в этом случае оказывается неструктурированной, социально-политически недифференцированной общностью. Тогда как формула «tautas vadonis / вождь народа» указывает на органическое целое (социальное тело), соотносимое с вождём, который наделяется качествами демиурга. Об этом свидетельствуют различные глаголы действия, которыми характеризуется вождь: он посвящает свою жизнь; он думает обо всех; он призывает; он нас объединил; он дал цели и пути; он определяет путь; он учит; он делает понятным; он хочет; он вселяет дух и волю; он создаёт народ; он является образцом должного жизненного поведения, а именно: «жертвовать во благо государства» [1, с. 248].

Такая частотная и вариативно характеризуемая номинация К. Улманиса представляет общество, народ, человека как пассивное, несамостоятельное, интеллектуально и психологически незрелое существо, нуждающееся в том, чтобы получить импульс к движению, быть способным двигаться по указанному пути. Поэтому такой народ, такие «мы» могут и должны относиться к «вождю» с верой, верностью, послушанием, благодарностью и должны стремиться исполнять его волю. Отметим, что подобные поведенческие проявления указывают на обожание вождя.

Таким образом, титулатура К. Улманиса, выкристаллизовавшаяся в 30-ые годы XX века, и особенно, с 1936 года в речах политической верхушки Латвийской Республики, лишала его

конкретно-индивидуальных человеческих черт и превращала в символ, наделяя функциями творца социального мира. Придание же реальному политическому деятелю, обладающему властными полномочиями, статуса надмирного, надвременного явления есть элемент мифологизации, тенденции весьма характерной для идеологии (шире – архаизации политической жизни) рассматриваемого времени. Явленное в номинациях К. Улманиса, приобретавших значение титула, размытое представление о государстве как совокупности политических институтов, игнорирование человека как субъекта мысли и действия в немалой степени отвечало ментальному состоянию значительной части общества Латвии, но, будучи опрокинутым в прошлое, не отвечало условиям и требованиям государственного существования.

1. Bērziņš, A. Lai Vadoņa dzīve un darbs mums vienmēr ir ceļa radītājs / A. Berzins // Ceturtais gads 1937.15.5. – 1938.15.5. – Rīgā : Leta, 1938.
2. Bērziņš, A. Mūsu uzticība un paklausība piederēs vienīgi tautas vadonim, ministru prezidentam K. Ulmanim un mūsu goda šefam, armijas vadītājam ģen. J. Balodim / A. Berzins // Pirmais gads 1934.15.5. – 1935.15.5. – Rīgā : Leta, 1935.
3. Ceturtais gads 1937.15.5. – 1938.15.5. – Rīgā : Leta, 1938.
4. DU MV – Daugavpils Universitātes Mutvārdu Centrs (Коллекция Центра устной истории Даугавпилсского университета).
5. Ēķis, L. Mūsu jaunatne jānovirza pareizā ceļā aroda izvēlē, un jauna paaudze jāinteresē amatniecības uzdevumos un darbos / L. Ēķis // Trešais gads 1936.15.5. – 1937.15.5. – Rīgā : Leta, 1937.
6. Es viņu pazīstu: Latviešu biogrāfiskā vārdnīca. – Mich. : Grand Haven, 1955.
7. Otrais gads 1935.15.5. – 1936.15.5. – Rīgā : Leta, 1936.
8. Piektais gads 1938.15.5. – 1939.15.5. – Rīgā : Leta, 1939.
9. Pirmais gads 1934.15.5. – 1935.15.5. – Rīgā : Leta, 1935.
10. Unams, Ž. Laiku atspulgā / Ž. Unams. – Oldenburgā : Loga apgāds, 1953.
11. Кунц, К. Совесть нацистов / К. Кунц. – Москва : Ладомир, 2007.
12. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва : Советская энциклопедия, 1970.

Приборович А.А.
МАТЕРИАЛЫ ДОВОЕННЫХ ОРГАНОВ СТАТИСТИКИ
КАК ИСТОЧНИК ВЫЯСНЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ РАЗВИТИЯ
ЭКОНОМИКИ И ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ БССР

Планируемая в 2019 г. в Республике Беларуси третья в современной истории страны перепись населения позволит органам власти и её гражданам получить ценные демографические, социальные и экономические сведения [1]. Полученные во время переписи сведения будут сравниваться со значениями предшествующих мероприятий по статистическому обследованию населения Беларуси. Это связано с тем, что в республике система получения данных о населении основана на работе трёх взаимосвязанных компонентов: переписей, текущего учёта демографических событий и миграции.

Только при сравнении статистических показателей можно найти закономерности развития населения. В этом случае важным является работа отечественных исследователей истории, занимающихся изучением начального периода развития советской Беларуси. Связано это с тем, что 20-е – 30-е гг. XX в. для советской Беларуси были переломные – укрупнения, коллективизации, индустриализации и др. Отсюда особое внимание историков привлечено, на поиск материалов по истории советского общества. Несмотря на рост количества работ по довоенной истории советской Беларуси многие вопросы остаются малоизученными. Слабо исследованы внутренние процессы социальной и экономической жизни населения БССР с 1919 г. по 1939 г. Помощь в изучении этих процессов могут оказать исследователям материалы государственной статистики БССР.

Материалы государственной статистики БССР – преимущественно статистические материалы центральных органов статистики, созданные в период формирования и развития советской Беларуси с 1919 г. по 1939 г. В эти годы центральные органы статистики провели учёт практически всех отраслей народного хозяйства и населения. Результаты такой работы сохранились в формах статистического учёта, статистических и научно-методических изданиях, делопроиз-

водственных документах ЦСБ, ЦСУ, УНХУ и других государственных организациях, участвующих в централизованном статистическом учёте.

В среде отечественных исследователей истории статистические материалы центральных органов статистики БССР традиционно рассматриваются как массовый источник, требующий значительного времени на его анализ. Поэтому обращение к этому виду исторического источника происходила часто лишь путём извлечения отдельных фактов, включающихся в основу научных текстов историков. Однако данный подход следует считать ошибочным. Ведь, когда исследователь работает со статистическим источником, ему должны быть важны не отдельные описания (факты), а наиболее типичное, т. е. закономерное состояние изучаемого объекта. При этом методика научного анализа исторических источников требует от исследователей сопоставления всех предшествующих вариантов формирования содержания источника. Начиная от первичных статистических сведений и завершая их агрегации в печатных изданиях.

Отчасти белорусских исследователей истории советской Беларуси оправдывает сама ситуация, касающаяся разнообразия материалов государственной статистики БССР до 1939 г. и степени их сохранности. В БССР статистической работой в масштабе всей страны занимались не только центральные органы статистики, но и ВСНХ, Наркомфин, ВЦСПС, Госплан и др. Центральным органам статистики БССР вместе с другими учреждениями удалось провести ряд переписей населения, промышленности, сельского хозяйства, торговли и др. Результаты этих мероприятий представляют для отечественных и зарубежных историков как возможность научного открытия, так и проблему теоретического осмысления. Это связано с тем, что историкам сложно обработать тысячи документов, находящиеся в фондах органов статистики и в других государственных организациях советской Беларуси. Помимо этого, в годы Великой Отечественной войны практически все архивные материалы УНХУ БССР за 1930-е гг. были уничтожены оккупационными войсками, а часть материалов ЦСБ (ЦСУ) до 1924 г. содержит следы физического разрушения. Поэтому исследователям истории действительно сложно установить достоверность тех или иных сведений (данных), зафиксированных в статистических материалах централизованного и ведомственного учёта [3].

Работая в Национальном архиве, государственных областных и зональных архивах Республики Беларусь автору статьи удалось убедиться, что государственная статистика БССР выполняла важную прикладную функцию, обеспечивая органы власти и государственные организации сведениями, необходимыми для совершенствования всех уровней управления. Эти сведения могут быть источником получения информации, являющейся основой выдвижения историками новых исследовательских проблем и в том числе для дополнения уже ранее предложенных научных решений. Так сохраненные в архивных учреждениях и библиотеках статистические материалы центральных органов статистики БССР за 1919 – 1939 гг. представляют для исследователей истории советской Беларуси возможность прояснить условия жизни населения и развития промышленности, сельского хозяйства, торговли и других сфер экономики [2].

К значимым источникам изучения условий формирования и развития промышленности БССР следует отнести ряд форм централизованного статистического учёта, проводимого ЦСБ, ЦСУ и УНХУ: карточки текущего учёта работы предприятий, балансы сырья и изделий, срочные донесения о состоянии производства, паспорта промышленных предприятий, материалы промышленных переписей. В архивах Беларуси большая часть довоенных статистических форм по промышленности советской Беларуси сохранилась за период 1918–1928 гг., т. е. доиндустриальный период. Многочисленную группу документов составляют статистические материалы по учёту объектов промышленности (около 3600 ед. хр.). По большей части эти материалы есть не что иное как списки промышленных предприятий, составленные в период проведения промышленных переписей 1918 г. и 1920 г., а также списки промышленных предприятий БССР, составленные в ходе текущего статистического учёта промышленности за 1919–1926 гг. Для исследователей истории промышленности советской Беларуси научную ценность также представляют материалы по статистике труда. Обработка таких материалов как карточки по учёту труда, статистические таблицы по учёту зарплаты и составу рабочих позволяют ответить на следующие вопросы: какова была степень социальной напряжённости среди рабочих; какой был уровень доходов и расходов рабочих, сколько было безработных и др.

Материалы по довоенному статистическому учёту сельского хозяйства представляют интерес в выяснении размера земельного фонда и посевных площадей, агротехнических мероприятий, степени урожайности сельскохозяйственных культур, численности и состава скота, механизации сельского хозяйства и др. В архивах большая часть довоенных статистических форм по сельскому хозяйству советской Беларуси сохранилась за период 1919–1930 гг. (около 2500 ед. хр.). По большей части эти материалы есть не что иное как: статистические формы по учёту сельского хозяйства крестьян до 1923 г.; сведения об индивидуальных крестьянских хозяйствах по сельскохозяйственным переписям 1920 г., 1922 г., 1924 г.; статистические сведения о весеннем и осеннем выборочном обследовании сельского хозяйства за 1923–1927 гг.; статистические сведения о состоянии опроса индивидуальных крестьянских хозяйств по данным весеннего опроса 1929 г.; статистические сведения о сплошном обследовании колхозов и совхозов.

Ценным корпусом источников по истории советской Беларуси являются первичные материалы учёта населения, созданные органами статистики во время проведения демографических переписей в 1919–1939 гг. За указанный период сведения собирались по схожим показателям, что позволяет выявить закономерности развития демографических, социальных и экономических признаков населения в разные этапы довоенного развития советской Беларуси. Ценными представляются показатели дополнительных форм статистического учёта, которые единожды применялись во время переписей. Связано это с тем, что конечная агрегация сведений переписей происходила путём сужения первоначального набора признаков статистического обследования. В архивах значительную часть довоенных форм централизованного учёта населения составляют материалы демографических переписей населения: Всесоюзной переписи населения 1920 г. (около 400 ед. хр.), Всесоюзной городской переписи 1923 г. (около 440 ед. хр.), Всесоюзной переписи населения 1926 г. (около 1400 ед. хр.).

В завершении статьи отметим, что опыт статистической деятельности органов статистики БССР за 1919 – 1939 гг. представляет значительный интерес для отечественной исторической науки в разъяснении малоизученных тем советской Беларуси. Изучение условий формирования статистических материалов, позволит для современных исследователей выяснить насколько репрезентативны сведения, собранные за указанные годы центральными органами государственной статистики БССР. Кроме этого, активное обращение к статистическим материалам советского периода позволит понять роль органов статистики в общей системе управления экономикой советской Беларуси. Ведь слабое освещение этих вопросов в общих работах по истории и источниковедению Беларуси объясняется, скорее всего, со сложившимися стереотипами в отечественной историографии. Если в советское время согласно господствовавшим тогда установкам, статистические материалы стремились показать, как гарант научной верификации, то уже после развала Советского Союза этот же источник стал объектом критики. Удивительно даже не то, что среди исследователей истории статистические материалы советского периода считаются источником требующего критического осмысления, как-то, что сформированный до 1991 г. научный опыт также требует переосмысления. Особенно в том, что касается пересмотра ранее выдвинутых научных положений об экономике и населении советской Беларуси.

1. Перепись населения 2019 года [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-raunda-2020-goda/>. – Дата доступа: 21.02.2019.
2. Приборович, А. А. Архивные материалы центральных органов статистики БССР: промышленность и сельское хозяйство (1919–1939) / А. А. Приборович // Вестник ПолесГУ. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2017. – № 1. – С. 13–21.
3. Приборович, А. А. Формирование и развитие органов статистики БССР за 1919–1939 гг. / А. А. Приборович // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. – Минск: РИВШ, 2018. – Ч. 1(3). – С. 325–331.

Панков Ю.В.
АЭРОФОТОСЪЁМКА ГОМЕЛЯ 1941 ГОДА ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ
ГОМЕЛЬСКОГО ДВОРЦОВО-ПАРКОВОГО АНСАМБЛЯ

В 2019 г. музею государственного историко-культурного учреждения «Гомельский дворцово-парковый ансамбль» исполняется 100 лет. Его коллекция насчитывает около 174,5 тысяч предметов основного фонда. Научная атрибуция является неотъемлемым процессом деятельности фондов музея. Сотрудниками проводится кропотливая работа по анализу артефактов. Полученные данные представляют значимость не только для учреждения, но и несут историческую информацию для широкого круга исследователей.

Одним из уникальных предметов, который хранится в фондах музея, является материал аэрофотосъёмки, снятый с немецкого самолёта-разведчика в августе 1941 г., на котором запечатлён г. Гомель [5]. Данный визуальный источник ранее не вводился в научный оборот и несомненно представляет исследовательский интерес, т.к. позволяет проанализировать состояние города накануне его оккупации немецкими войсками.

Изучение немецких аэрофотосъёмок в белорусской историографии становится актуальным. Этому способствуют и различные публикации. К примеру, анализ разведывательных снимков Витебска 1941 г. стал предметом исследования В. Городецкого и В. Шишанова [4]. Для получения максимально объективной информации необходимо комплексное изучение фотографии – как самого изображения, так и предмета. При работе с источником следует учитывать, что аэросъёмка велась в разведывательных целях. Поэтому в кадр попадали не только города, но и стратегические объекты (аэродромы, заводы, железнодорожные станции, мосты и др.). Также на ней могли обозначаться позиции противника (размещение оборонительных сооружений, войск, а также их количество).

В фонды музея Гомельского дворцово-паркового ансамбля аэрофотосъёмка поступила в 1970 г. в качестве дара от частного лица. Предмет представляет собой фотоснимок размером 32 x 32 см. На нём имеются заломы и множество потёртостей по краям. Однако основным негативным фактором, значительно усложнившим анализ предмета, стало заражение плесенью, из-за чего около 20 % изображения было утрачено (Рис. 1). Снимок отпечатан на фотобумаге без маркировки. В последующем научными сотрудниками музея были приняты меры по предотвращению дальнейшей утраты артефакта, которые заключались в подклейке бумагой заломов с оборотной стороны фотографии. Стоит предположить, что аэрофотосъёмка попала в частные руки в середине 1940-х гг. как трофей и хранилась в домашнем архиве до передачи её в музей.

Для Гомеля данный предмет является уникальным, т.к. это единственная известная оригинальная разведывательная фотосъёмка города периода Великой Отечественной войны, находящаяся на территории Беларуси. Большинство аэрофотоснимков люфтваффе были захвачены войсками союзников в годы Второй мировой войны и, в основном, они хранятся в фондах Национального управления архивов и документации (США) [2]. Часть из них была оцифрована и открыта для доступа в сети интернет с целью исторических исследований [3].

Несомненно, самой ценной деталью фотографии является изображение города Гомеля. Оно делится на два элемента: вид города и немецкие обозначения на нём. Гомель показан в плане, ориентированном на северо-восток. Следует отметить, что границы города не вошли в аэрофотосъёмку полностью. С помощью компьютерной программы Google Earth, привязав фотографию 1941 г. к современному спутниковому снимку, удалось вычислить географические координаты крайних точек, попавших в кадр. Таким образом, верхний левый угол соотносится с координатами «52°26'59.58'' С; 31°00'42.52'' В», верхний правый угол – «52°25'18.16'' С; 31°01'57.84'' В», нижний правый угол – «52°24'33.41'' С; 30°59'16.72'' В», нижний левый угол – «52°26'14.62'' С; 30°58'00.98'' В».

Отметим, что аэрофотосъёмка даёт уникальные сведения о планировке Гомеля, отчасти измененной после Великой Отечественной войны. На ней прослеживается основная территория, подвергшаяся налётам немецкой авиации. Следы дыма позволяют констатировать, что съёмка происходила либо параллельно с бомбометанием, либо предшествовала ему с небольшим промежутком времени. Верхняя правая часть изображения показывает пути эвакуации советских

войск из города – мостовые и паромные переправы, а также захватывает часть оборонительных сооружений, возведенных на левом берегу р. Сож (Рис. 2).

Важным элементом стоит назвать немецкие обозначения, сделанные на изображении. Они представляют собой готовый анализ данных, полученный в результате авиаразведки местности. Предположим, что делалось это ещё на стадии негатива, т.к. на самой фотографии нет следов последующего нанесения подписей. Верхнее поле изображения включает в себя различные записи на немецком языке: название города, дата съёмки, масштаб, сокращения и др. Приводим их ниже:

F 191/41 v. 18.8.41 GOMEL M 1:6000
1(F)/122 SU 1:100000 N-36-XVI-0
SU 1:300000 Nr. 53.
Zielwirkungsbild

Не все сокращения несут историческую информацию. Самые ценные данные из них – это указание города и дата съёмки. Таким образом, мы можем констатировать, что представленная аэрофотосъёмка проводилась в небе над Гомелем 18 августа 1941 года, т.е. за день до вхождения немецкой армии в город.

Центральное место занимает обозначение участка, подвергнувшегося бомбардировке. Он обозначен белыми прямыми линиями и охватывает следующую территорию (указана, согласно современным названиям улиц): участок ул. Советской от пересечения с ул. Рогачёвской до площади Восстания – вдоль ул. Садовой до р. Сож – участок набережной до Петропавловского собора – площадь им. Ленина до территории хлебозавода по проспекту Ленина – район переулочка Спартак до перекрёстка ул. Пролетарской и ул. Гагарина далее, диагонально перерезая участок застройки, до ул. Плеханова затем сплошной прямой линией до конца ул. Столярной – рядом с железной дорогой до дома № 6 по ул. Киселёва – перерезая Привокзальную площадь до крупозавода (ул. Шевченко, 19) далее по направлению несохранившегося участка бывшей ул. Почтовой до перекрёстка проспекта Победы с ул. Ветковской – по ней идёт линия до перекрёстка с ул. Рогачёвской и далее – по направлению к ул. Советской.

Стоит отметить, что в данный периметр практически не попали крупные промышленные объекты, за исключением завода им. Кирова. Таким образом, немецкая авиация целенаправленно разрушала жилую застройку центра города, оставляя многие предприятия и заводы для дальнейшего использования в своих целях.

В отмеченном участке написано немецкое слово «Brandstelle» (Рис. 3). Оно обозначает пожар в здании Дворца культуры Железнодорожников им. Ленина. За периметром, на месте, подверженном заражению плесени, различима ещё одна немецкая надпись «neue Zerst. s 16.08.41», указывающая на расширение площадей бомбардировок Гомеля с 16 августа. Очевидцы событий вспоминали, что массированные авианалёты люфтваффе начались в ночь с 13 на 14 августа [6, с. 12]. До этого числа город подвергался единичным бомбардировкам.

Кроме того, на изображении имеется указательная стрелка на север. В нижнем левом углу присутствует, возможно, номер кадра («Nr. 2312 [...] = 501.7») В нижнем правом углу трудно различим циферблат, на котором ставилась дата и время съёмки. При его детальном рассмотрении видны две стрелки: часовая и минутная, указывающие на отметку 7:05. Не стоит исключать, что обозначено берлинское время, отличавшееся от местного на один час назад.

Историко-сравнительный метод позволил сопоставить повреждённую грибок часть изображения с электронной копией аэрофотосъёмки Гомеля, которая датируется 19 августа 1941 г. и находится в открытом доступе в сети интернет [1]. Сравнение показало, что запечатлённый участок местности не изменился за период с 18 по 19 августа. Данный факт дал возможность автору с помощью компьютерной программы Adobe Photoshop CS4 Portable воссоздать в электронном виде повреждённую оригинальную фотографию (Рис. 4). Полученная копия была передана в музейные фонды как вспомогательный материал и использовалась на выставке «829 дней», посвящённой немецкой оккупации Гомеля в годы Великой Отечественной войны.

Рисунок 1 – Неизвестный фотограф.
Аэрофотосъёмка Гомеля, 18 августа 1941 г. [5]

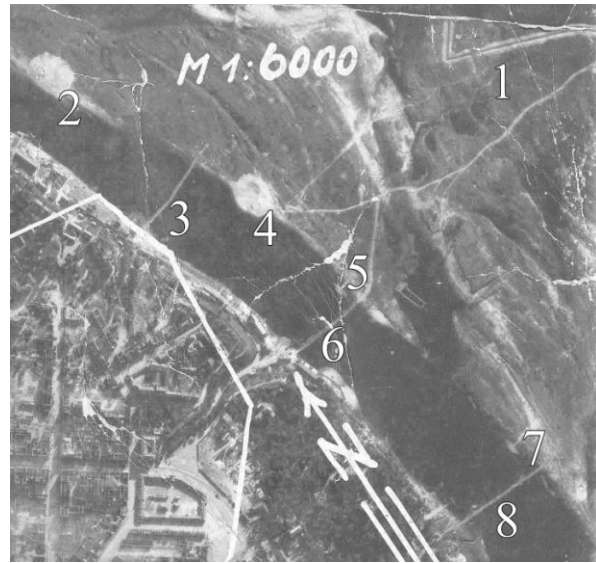

Рисунок 2 – Часть советской линии обороны и пути эвакуации через р. Сож.
1 – линия оборонительных укреплений; 2, 4-5, 7 – места для паромных переправ; 3, 6, 8 – мостовые переправы; Фрагмент аэрофотосъёмки Гомеля, 18 августа 1941 г. [5]

Рисунок 3 – Пожар во Дворце культуры Железнодорожников им. Ленина. Фрагмент аэрофотосъёмки Гомеля, 18 августа 1941 г. [5]

Рисунок 4 – Восстановленная автором аэрофотосъёмка Гомеля, 18 августа 1941 г.

Таким образом, аэрофотосъёмка Гомеля, сделанная 18 августа 1941 г., несомненно, является важным историческим источником. Данные, полученные при её анализе, способствуют не только расширению знаний о городе, но вносят дополнительные, ранее неизвестные сведения по истории Великой Отечественной войны на территории Беларуси. Благодаря скрупулёзному историко-сравнительному анализу музейного предмета и электронной копии, оригинал которой хранится в США, автором были восстановлены утраченные вследствие грибкового повреждения фрагменты фотографии из фондов музея. Результаты работы не только позволили впервые ввести в научный оборот ценный исторический источник по истории начала Великой Отечест-

венной войны, но и восстановить утраченный когнитивный потенциал отдельно взятого музейного предмета. Результаты проведённой реконструкции и анализа источника были внедрены в работу Гомельского дворцово-паркового ансамбля и могут использоваться при дальнейшей научной и экспозиционно-выставочной работе.

1. Gomel 012 [Electronic resource] // WWII Aerial Photos and Maps. – Mode of access: <http://www.wwii-photos-maps.com/targetrussia/citynamesbeginning/citynames-gele-gust/slides/Gomel%20%20012.html>. – Date of access: 14.02.2019.
2. Overlay Indexes for Aerial Photography of the Defense Intelligence Agency, 1935 – 1971 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://catalog.archives.gov/id/306062>. – Date of access: 14.02.2019.
3. WWII Aerial Photos and Maps [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.wwii-photos-maps.com/>. – Date of access: 14.02.2019.
4. Городецкий, В. К истории трофейных аэрофотоснимков Витебска 1941 г. из Национальной администрации архивов США / В. Городецкий, В. А. Шишанов // Актуальные проблемы источниковедения : материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права, Витебск, 20–21 апреля 2017 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Дулов и М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – С. 103–107.
5. Неизвестный фотограф. Аэрофотосъёмка Гомеля, 18 августа 1941 г. [фотография] // Фонды музея Гомельского дворцово-паркового ансамбля. – КП 11740.
6. Рудак, А. Д. Экзамен на зрелость / А. Д. Рудак. – Минск : Беларусь, 1981. – 287 с.

Новікаў С.Я.

**КРЫНІЦАЗНАЎЧЫ ПАТЭНЦЫЯЛ НЯМЕЦКАМОЎНЫХ ДАКУМЕНТАЎ
(НА ПРЫКЛАДЗЕ ТРАФЕЙНАЙ КАЛЕКЦЫ
ГЕНЕРАЛЬНАГА КАМІСАРЫЯТА “БЕЛАРУСЬ”)**

Аб’ектам даследавання з’яўляецца крыніцазнаўчы патэнцыял арыгінальных матэрыялаў трафейнай Калекцыі дакументаў Генеральнага камісарыята «Беларусь» [1]. У якасці прадмета крыніцазнаўчага аналізу вызначана выяўленне максімальна поўных гістарычных звестак з нямецкамоўных крыніц, датычных аднаго з важных аспектаў гісторыі ваеннай паўсядзённасці ў Мінску – асобнай карціны вытворчай кааперацыі гарадскога грамадзянскага насельніцтва з акупацыйнымі органамі ў сферы працоўных адносін.

З гэтай нагоды нагадаем чытачу, што з восені 1941 г. і да вясны 1944 г. амаль ¼ частка тэрыторыі перадаваенай Беларускай ССР з насельніцтвам 3 138 256 чалавек (звесткі па стане на пачатак снежня 1941 г.) утварала Генеральную акругу «Беларусь», уключаную ў склад Рэйхскамісарыяту «Остланд» [2, с. 171]. Паводле нямецкіх звестак, на гэтай тэрыторыі прыжывала толькі чвэрць насельніцтва, такая ж яго колькасць знаходзілася на тэрыторыі Рэйскамісарыята «Украіна», яшчэ палова насельніцтва – на тэрыторыі тылавога раёна групы армій «Цэнтр» [3, с. 106]. Адзначым, што адначасова тэрытарыяльна і адміністрацыйна Мінск-горад і Мінск-вобласць разам з іншымі 9 акругамі – Баранавічы, Барысаў, Вілейка, Ганцавічы, Глыбокае, Ліда, Навагрудак, Слонім, Слуцк – знаходзілася ў падпарадкаванні Генеральнага камісарыята «Беларусь» на чале з В. Кубэ [4, S. 90].

У Мінску з першых дзён акупацыі былі сканцэнтраваны не толькі важнейшыя ваенныя, паліцэйскія, адміністрацыйныя, але і гаспадарчыя акупацыйныя органы кіравання. Аб дзейнасці апошніх на тэрыторыі акругі сведчаць амаль траціна матэрыялаў згаданага фонду. Некаторыя беларускія і нямецкія гісторыкі звярталіся да гэтых матэрыялаў, але часцей за ўсё да «Пратокала нарады гебітскамісараў» у Мінску 8–10 красавіка 1943 г. [5]. На падставе звестак з гэтага дакумента паспрабуем аднавіць карціну падзей з гісторыі працоўнай паўсядзённасці, у фокус якой вылучым адну з галоўных практык выжывання людзей у катастрафічных умовах акупацыі горада шляхам працоўнай кааперацыі мясцовага насельніцтва.

Заўважым, што ў апошні час у беларускай гістарыяграфіі двойчы рабіліся спробы аналізу гістарычных матэрыялаў гэтай справы не толькі з мэтай раскрыцця інфармацыйнага патэнцыялу дакумента [3], але і выяўлення яго археаграфічнага значэння [6]. Увядзенне ж яго ў шырокі ўжытак стварае спрыяльныя ўмовы для атрымання адказаў на некаторыя пытанні маладаследаванай сацыяльнай гісторыі, у тым ліку аб пошуку стратэгіі выжывання беларускіх грамадзян у

экстрэмальных сацыяльна-эканамічных умовах акупацыі. У гэтай сувязі навуковы аналіз фактаў, якія знайшлі замацаванні ў «Прадаколе», садзейнічаюць высвятленню як стратэгіі выжывання грамадзянскага насельніцтва, так і раскрыццю маштабаў выкарыстання наяўнай працоўнай сілы (кваліфікаваных работнікаў (спецыялістаў), рабочых (рознарабочых) і служачых) у якасці рабочай сілы як у нямецкіх цывільных службах, так і занятых на розных ваенных, вытворчых аб'ектах і прадпрыемствах Мінска.

Прыведзены дакумент стварае прыдатную глебу для фарміравання гістарычнага наратыву, на аснове якога можна, з аднаго боку, працягнуць дакументальнае ўдакладненне маштабаў выкарыстання мясцовай рабочай сілы. У гады акупацыі для Мінска вызначальнай адметнасцю з'яўлялася канцэнтрацыя ў горадзе 150 буйных прамысловых прадпрыемстваў, у тым ліку: 20 металургічных, 14 тэкстыльнай і скураной прамысловасці, 15 папярова-цэлюлозных і паліграфічных, 21 транспартнага прадпрыемства, 3 электрастанцыі, 41 будаўнічага прадпрыемства, 6 дрэваапрацоўчых прадпрыемстваў, 13 прадпрыемстваў харчовай прамысловасці, 7 прадпрыемстваў хімічнай прамысловасці і вытворчасці будматэрыялаў, а таксама 180 ваенных і цывільных устаноў. З другога боку, важнай адметнасцю можна назваць тое, што пры 105 тысячах жыхароў Мінска больш паловы з іх – 56 тысяч стаялі на картачным уліку. Адпаведна выддзеным пасведчаннем, працавала толькі трэць – 35 тысяч чалавек, да таго ж яшчэ 8500 ўрэзю і 3190 ваеннапалонных. Розніцу паміж узятай на ўлік працоўнай сіла і працуючымі складалі непрацаздольныя, дзеці, тыя, хто чакаў доўгатэрміновую работу, а таксама выкарыстання ў гаспадарчых службах вермахта. Апошнія былі выяўлены ў асобных вайсковых часцях вермахта, але без адпаведнай рэгістрацыі на біржы працы. У пачатку 1943 г. асобную вастрыню у горадзе склала незабяспечанасць 6000 кваліфікаванымі рабочымі і прыкладна 2–4 тысячамі некваліфікаванымі [3, с. 154].

Фатальны недахоп рабочай сілы на той час стаў характэрнай прыкметай фактычна для ўсіх сфера гарадской гаспадаркі. Недахоп кваліфікаваных спецыялістаў з'яўляўся відавочным фактам для цывільнага кіраўніцтва горада [3, с. 143]. З дакументаў вынікае, што ў канцы 1942 г. года недахоп рабочай сілы ў Мінску толькі на прамысловых прадпрыемствах складала амаль 24 тысячы чалавек, з якіх – 4568 у будаўнічай галіне, 4365 – на прадпрыемствах ваеннага прызначэння, 3323 – на аб'ектах сельскай гаспадаркі і ў лясной прамысловасці, 2882 – на прадпрыемствах па нарыхтоўцы торфу, 2297 – у транспартнай службе, 2033 – у ваенна-будаўнічай арганізацыі «Тодт», 677 – на прадпрыемствах металаапрацоўкі, 180 – дрэваапрацоўкі, 95 – у хімічнай прамысловасці і 3128 чалавек – на іншых прадпрыемствах і вытворчасцях [7, ВІ. 4].

Паводле ацэнкі нямецкага даследчыка К. Герлаха, доля працуючых у адносінах да агульнай колькасці насельніцтва ў асобных гарадах акупаванай тэрыторыі Беларусі была «не самай высокай» (выдзелена мной. – С.Н.) і складала: у Барысаве – 33%, Оршы – 45%, Суражы і Гарадку – адпаведна 38% і 47,5% [8, S. 456]. У тылавым раёне групы армій «Цэнтр», дзе дзейнічала гаспадарчая інспекцыя «Цэнтр», агульная занятасць складала 41 %, пры гэтым суадносіны колькасці мужчын і жанчын складалі 2 да 3 [8, ВІ. 359]. У той жа час у Мінску гэтая доля непасрэдна занятых на працы на розных гаспадарчых, адміністрацыйных і прамысловых аб'ектах горада складала амаль 44,5%, тады як доля працаздольных, хто знаходзіўся на ўліку ў акупаваным горадзе, у пачатку 1943 г. дасягнуў самага высокага паказчыка – 53,3% (падлікі аўтара. – С.Н.).

Заўважым, што прыведзеныя колькасныя паказчыкі раскрываюць чытачу толькі адзін сюжэт з рэальнай карціны выкарыстання мясцовага грамадзянскага насельніцтва ў якасці працоўнай сілы, тады як сацыяльныя сюжэты гісторыі працоўнай паўсядзённасці пакуль што застаюцца зусім не даследаванымі. Як нам бачыцца, адным з самых важных сюжэтаў павінен з'яўляцца сацыяльны аналіз, г. зн. якасны паказ складу занятых, пераліку пасад і прафесій працуючых, узроставых і палавых звестак, памераў заробку і г.д. Інакш кажучы, на цяперашні час неабходна паспрабаваць скласці агульны сацыяльны партрэт працоўных рэсурсаў горада, задзейнічаных у якасці працоўнай сілы ў акупаваным Мінску?

З выяўленых аўтарам гэтых радкоў толькі ў апошні час даных паспрабуем зрабіць пакуль частковую замалёўку карціны працоўнай паўсядзённасці ў Мінску, зробленую на падставе аналізу выбаркі асабістых звестак тых, хто не толькі працаваў па найме, выконваў службовыя абавязкі, але і атрымліваў заробак у акупацыйнай нямецкай установе. Возьмем 92 запісы, што складае толькі дзесятую частку тых, хто ў пачатку 1943 г. быў задзейнічаны на розных пасадах

непасрэдна ў вышэйшым органе цывільнай улады ў Мінску – Генеральным камісарыяце «Беларусь» [10, Вл. 12–29].

Першы элемент замалёўкі гісторыі працоўнай паўсядзённасці для гэтай катэгорыі занятых складае пералік аб'ектаў, на якіх былі заняты і працавалі ў акупаваным горадзе: гэта аддзелы і службы Генеральнага і акруговага камісарыятаў, у тым ліку – агульны і фінансавы аддзелы, аддзел палітыкі і эканомікі, акруговы суд, каманда па ўзбраенні, ветэрынарныя служба, насенная станцыя, гаспадарка па даследаванні садавіны і гародніны, іншыя даследчыя станцыі, бібліятэка, шматлікія шпіталі, атэлі, гарадскія службы, сталоўкі, у тым ліку для яўрэяў, транспартныя службы, казіно, гарадская турма і інш.

Другім элементам з'яўляецца падзел складу працуючых па *полу* і *ўзросце*. З праведзенай выбаркі даных вынікае, што суадносіны па полу занятых складалі 1 жанчына да 2,5 мужчын. У нашым выпадку размова ідзе пра ўзрост працуючых, якіх можна згрупаваць па наступным крытэрыі: I групу складаюць народжаныя ўключна да 1900 года, якіх было 41,6 %, у тым ліку: з 1861 па 1870 гг. – 1,4%, з 1871 па 1880 гг. – 8,9%, з 1881 па 1890 гг. – 11,9%, з 1891 па 1900 гг. – 19,4%; II групу складалі народжаныя пасля 1901 года, у тым ліку: з 1901 па 1910 гг. – 14,9%, з 1911 па 1920 гг. – 11,9%, 1921 па 1928 гг. – 31,3 %. Такім чынам, з прыведзеных звестак вынікае, што самую вялікую колькасць занятых на працы складала ўзроставае група маладзі, узрост якой вагаўся ад 15 да 21 года. Самым сталым па ўзросце быў 77-гадовы статыст, які працаваў у акруговым судзе. Ва ўзросце 15 гадоў працавалі вучні краўца і сталаяра, а таксама каваль і аграном [10, Вл. 12–29].

У пераліку працоўных пасадак, службовыя абавязкі якіх у Генеральным камісарыяце выконвалі жыхары акупаванага Мінска, у дакуменце зафіксаваны наступныя: паліцэйскі, бібліятэкар, прыбіральшчыца, інжынер, сакратар, статыст, рабочы, аграном, машыністка, парцье, апальшчык, вахцёр, рэвізор, кур'ер, суддзя, лабарант, кухонны рабочы, повар (старшы повар), перакладчык, афіцыянт, гандляр, пастух, тэхнік, кравец, шафёр, прапагандыст, доктар, сталаяр, электрамеханік, аўтаслесар, вядучы служачы, палявы работнік, геалаг, пакаёўка, будаўнічы тэхнік, архівіст, рабочы, мастак, хімік, радыёмеханік, каваль, рамізнік і інш. На жаль, прыведзеная выбарка не дазваляе зрабіць поўны аналіз прафесійнай занятасці. Тым не менш з выбаркі вынікае, што ў пераліку працоўных пасадак вылучаліся дзве самых вялікіх групы, якія складалі – прыбіральшчыцы, хто працаваў у нямецкіх шпіталях, і тыя, хто служыў у Мінскай турме і ў турме ў Бараўлянах у якасці паліцыянтаў [10, Вл. 12–29].

Самым цікавым аспектам у карціне працоўнай паўсядзённасці Мінска, як нам бачыцца, можа з'яўляцца каштарыс памераў месячнага заробку тых, хто працаваў на розных пасадах і атрымліваў матэрыяльнае заахвочванне ў выглядзе грашовага ўзнагароджання ў нямецкіх марках (DM). Сумы заробку пададзены без ўліку адлікаў падаткаў. Адрозны адзначым, што асноўная маса працуючых атрымлівала заробак памерам да 100 нямецкіх марак, у тым ліку: ад 13 да 20 DM – 11,9%, ад 21 да 30 DM – 13,4%, ад 31 да 40 DM – 14,9%, ад 41 да 50 DM – 13,4%, ад 51 да 60 DM – 7,4%, ад 61 да 70 DM – 1,4%, ад 71 да 80 DM – 4,4%, ад 81 да 90 DM – 7,4% і ад 91 да 100 DM – 7,4%. Звыш 100 DM атрымлівала толькі крыху менш за пятую частку занятых, у тым ліку: ад 111 да 120 DM – 2,9%, ад 121 да 130 DM – 5,9%, ад 131 да 140 DM – 1,4%, ад 141 да 150 DM – 1,4%, ад 171 да 180 – 7,4%, ад 191 да 200 DM – 1,4% і ад 211 да 220 DM – 1,4%. У абсалютных лічбах размова ў апошніх двух выпадках ідзе пра служачага акруговага суда і доктара, тады як мясцовыя паліцэйскія ў мінскай турме штотомсячна атрымлівалі 130 DM [10, Вл. 12–29].

Такім чынам, праведзеная выбарка звестак з'яўляецца пэўнай асновай для раскрыцця элементаў агульнай сацыяльнай панарама гісторыі працоўнай паўсядзённасці насельніцтва ў акупаваным Мінску на прыкладзе аналізу наяўных звестак тых, хто на розных пасадах стала працаваў у Генеральным камісарыяце «Беларусь». Але і ў новых дакументах мы пакуль знаходзім адказы на іншыя важныя пытанні, у тым ліку: аб матывах, умовах, абставінах працы і інш., а галоўнае – прычынах працоўнай кааперацыі з акупантамі. У той жа час з прыведзеных хоць і няпоўных звестак можна казаць пра выяўленне вельмі важных звестак для стварэння агульнай карціны працоўнай паўсядзённасці мясцовага грамадзянскага насельніцтва ў акупаваным Мінску. Але на парадку дня застаецца задача аб напісанні поўнай карціны гэтай гістарычнай з'явы з акцэнтам на сацыяльных аспектах прыцягнення працоўнай сілы як у Мінску, так і на тэрыторыі Беларусі 1941–1944 гг. Гэта асабліва важна, калі ўлічыць рэальныя

маштабы мясцовай рабочай сілы, занятай у акупаванай гаспадарцы. Напрыклад, толькі ў пачатку 1943 г. аддзелам выкарыстання працоўнай сілы Генеральнага камісарыята «Беларусь» было ахоп-лена 650 тысяч чалавек, 470 тысяч ці 72% з іх былі заняты ў сельскай гаспадарцы [3, с. 113]. Да-тычны тэрыторыі акупаванай Беларусі, гэта лічба перавышала 1,5 млн. чалавек [11, с. 21].

Такім чынам, сацыяльны партрэт мясцовых работнікаў, створаны на прыкладзе толькі адной катэгорыі мясцовага насельніцтва, занятага на працы ў германскай установе акупаванага Мінска, з’яўляецца пэўным люстэркам таго факта, што падобная карціна выкарыстання мясцо-вай працоўнай сілы пакуль не стала прадметам спецыяльнага даследавання беларускай гістарыяграфіі. Выяўленыя мазаічныя звесткі пра мясцовую працоўную сілу, занятую на роз-ных пасадах у Генеральным камісарыяце «Беларусь», складаюць вельмі важны гістарычны фрагмент, без якога гісторыя германскай акупацыі па цяперашні час застаецца як бы абязлічанай, у ёй фігуруюць толькі лічбы, але фактычна няма імёнаў, няма людзей. Што сёння не скажаш пра беларускіх остарабайтараў, шматлікія ўспаміны якіх хоць часткова дазваляюць зусім інакш убачыць праблему прымусовага выкарыстання беларускага грамадзянскага насельніцтва на працы ў рэйху.

Інакш кажучы – няма ў беларускай панараме працоўнай паўсядзённасці пакуль не стае поўнаватраснага галоўнага суб’екта гісторыі, які пераўтварыўся ў галоўны аб’ект дзейнасці германскіх гаспадарчых службаў, якія забяспечвалі мясцовай працоўнай сілай розныя акупа-цыйныя установы, інстытуты і службы. Між тым, выяўленыя факты маюць толькі першы погляд на праблему выкарыстання мясцовай працоўнай сілы, без чаго будзе надалей практычна немагчыма рэканструяваць агульную карціну гісторыі працоўных рэсурсаў у акупаванай Беларусі. Вядучай лініяй пры гэтым мы разглядаем факт кааперацыі з акупацыйнай германскай уладай у сферы працы. Гэта азначае, што для ўсебаковага разгляду гэтай праблемы нам неаб-ходна правядзенне падобных даследаванняў з мэтай напісання агульнай карціны тых падзей на аснове асабовых звестак, канкрэтных імёнаў і дакладных фактаў.

Выкарыстанне новых дакументаў дазваляе не толькі значна пашырыць дакументальную базу для вывучэння асобных старонак гісторыі, але і ўнесці важныя ўдакладненні ў сучасную бела-рускую гістарыяграфію з мэтай максімальнай поўнай рэканструкцыі падзей сацыяльнай гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай войны. Выявіць новыя гістарычныя факты для ўсебаковага даследавання праблем працоўнай паўсядзённасці грамадзянскага насельніцтва магчыма на аснове больш крытычнага выкарыстання вядомых дакументальных крыніц і фарміравання новага інфармацыйнага кантэнту шляхам увядзення малавядомых нямецкамоўных матэрыялаў, без чаго на цяперашні час немагчыма правядзенне аб’ектыўнага навуковага даследавання.

Аналіз эмпірычных фактаў, выяўленых у матэрыялах калекцыі дакументаў Генеральнага камісарыята «Беларусь», сведчыць аб невычэрпнасці крыніцзнаўчага патэнцыялу, які захоўваюць арыгінальныя нямецкія дакументы, пакуль не ў дастатковай меры выкарыстаныя даследчыкамі для ўсебаковага вывучэння сацыяльнай гісторыі працоўнай паўсядзённасці гра-мадзянскага насельніцтва Беларусі ў 1941–1944 гг.

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Ф. 370. – Воп. 1. – Спр. 1395.
2. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в 3 т. / Гл. редкол. : А. Т. Кузьмин [и др.]. Т. 1. – Минск: Беларусь, 1983. – 591 с.
3. Стенограмма совещания высшего руководства Генерального округа «Белоруссия» (Минск, 8–10 апреля 1943 г.) / авторы-сост. С. В. Жумарь, С. Е. Новиков, Р. А. Черноглазова; пер. с нем. Г. Г. Белькевич, О. А. Лойко, С. Е. Новиков, С. П. Павловицкий. – Минск: МГЛУ, 2006. – 220 с.
4. *Dien, M. Ghetto im Generalkommissariat Weißruthenien / M. Dien // Reichskommissariat Ostland. Tatort und Erinnerungsobjekt / hrsg. durch Sebastian Lehmann gemeinsam mit Robert Bohn und Uwe Danker. – Paderborn; München; Wien; Zürich : Ferdinand Schöningh, 2012. – S. 89–100.*
5. НАРБ. – Ф. 370. – Воп. 1. – Спр. 1395. – Bl. 1–162: Protokoll über die Tagung der Gebietskommissare, Hauptabteilungsleiter und Abteilungsleiter des Generalkommissars in Minsk vom 8. April bis 10. April 1943.
6. Жумарь, С. В. Стэнаграма нарады вышэйшага кіраўніцтва Генеральнай акругі Беларусь. Мінск, 8–10 красавіка 1943 г. [прадмова, каментарыі, навуковае рэдагаванне і археаграфічная падрыхтоўка тэксту даку-мента] // *Arche*. – 2010. – № 7–8. – С. 270–485.
7. Латвійскі дзяржаўны гістарычны архіў (далей – LVVA). – P-70. Ap. 5. Nr.13: Der Reichskommissar für das Ostland: Arbeitseinsatz: Vermerk für Herrn Gauleiter Lohse, Anlage I: Kräftebedarf im Ostland, v. 1.11.1943.

8. Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941–1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg: Hamburger Edition, 2000. – 1232 S.
9. Архіў Інстытута найноўшай гісторыі ў Мюнхене (далей – А IfZ). ED 2/I, Bd. 2: Kriegswirtschaft im Operationsgebiet des Ostens in den Jahren 1941–1943.
10. НАРБ. – Ф. 370. – Воп. 1. – Спр. 1628: Die Aufstellung für die beim Generalkommissar im Minsk beschäftigten einheimischen Arbeitskräfte vom 1.01.1943. – Bl. 12–29.
11. Літвін, А. М. Вяртанне ў рабства: прымусовая праца насельніцтва Беларусі 1941–1945 гг. / А. М. Літвін, Я. А. Грэбень, С. Я. Новікаў; агул. рэд. А. М. Літвіна. – Мінск: Тэсей, 2010. – 584 с.

Цымбал А.Г.
ВЫКАРЫСТАННЕ ПРАЦОЎНЫХ РЭСURСАЎ
НА АКУПАВАНАЙ ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ
Ў СВЯТЛЕ КАЛЕКЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ ГЕНЕРАЛЬНАЙ АКРУГІ БЕЛАРУСЬ

Дакументальная спадчына акупацыйных структур Генеральнага камісарыята Беларусь (ГКБ), змешчаная ў Калекцыі дакументаў Генеральнай акругі Беларусь (фонд 370 Нацыянальнага архіву Рэспублікі Беларусь), уяўляе сабой выключны па значнасці і мала даследаваны комплекс дакументаў, які змяшчае багаты фактычны матэрыял датычны жыцця насельніцтва Беларусі перыяду германскай акупацыі. Установа ажыццяўляла функцыі грамадзянскай адміністрацыі на частцы беларускіх зямель і з’яўлялася ключавым выканаўцам акупацыйнай палітыкі. Матэрыялы Калекцыі даюць уяўленне аб шматлікіх аспектах акупацыйнага жыцця праз прызму дзейнасці акупацыйнай адміністрацыі і праліваюць святло на шматлікія “белыя плямы” выкарыстання эканамічнага патэнцыялу і штодзённага жыцця насельніцтва Беларусі ў гады германскай акупацыі.

Працоўныя рэсурсы з’яўляліся адным з галоўных аб’ектаў інтарэсу акупацыйных структур. Дакументальныя матэрыялы ўтрымліваюць інфармацыю адносна колькасці работнікаў занятых у прамысловасці. Асабліваю цікаваць уяўляе кампаратыўны аспект статыстычных даных па акрузе Беларусь і Балтыйскіх генеральных акругах на 1942 г. У акрузе Латвія налічвалася 109 тыс. рабочых, Эстонія – 53 623, Літва – 33 453, Беларусь – 11 575 рабочых. Доля Беларусі ад агульнай колькасці працаўнікоў, занятых у прамысловасці на усёй тэрыторыі Остланд, складала 5,7% [1, арк. 88-90].

Паказчыкі абароту ў сферы прамысловасці ў тым жа 1942 г. складалі ў Генеральнай акрузе Беларусь 8 761 905 рэйхсмарак (РМ). У той час як па Балтыйскім генеральным акругам: Латвія – 344 969 000 РМ, Эстонія – 139 976 000 РМ, Літва – 250 578 000 РМ. Доля генеральнай акругі Беларусь ў прамысловай вытворчасці адносна абароту складала 10% [1, арк. 88–90]. Пры гэтым, акупацыйныя ўлады адзначалі, што па Беларусі трэба было ўлічваць, што гаворка ішла аб мностве рамонтных майстэрняў пры прадпрыемствах у Беларусі, якія па сваіх паказчыках з’яўляліся ўскоснымі.

Праблему выкарыстання працоўных рэсурсаў акупаванай Беларусі крыніцы Калекцыі раскрываюць таксама праз прызму дзейнасці бірж працы.

Як пісалася ў нямецкіх дакументах: “Мы павінны імкнуцца да таго, каб псіхалагічна правільна настроіць мясцовае насельніцтва. Калі гэта разнастайнасць умоў будзе выканана, тады стане магчымым перадаць Рэйху ў распараджэнне вялікую колькасць усходніх рабочых, а таксама нямецкай індустрыі, якая з-за налётаў бамбардзіроўшчыкаў павінна вытрымаць цяжкія выпрабаванні і якая ў сувязі з пастаяннай мабілізацыяй нямецкіх рабочых сіл у шэрагі вермахта перажывае крытычныя часы. Мы павінны імкнуцца да таго, каб ва ўласнай эканоміцы дасягнуць павышэння прадуктыўнасці працы сярод беларускіх рабочых, каб, магчыма ня значны эканамічны сектар Беларусі, ўсё-такі па сваіх сілах, па сваёй сыравіне і г.д. мог зрабіць значны вайскова-эканамічны ўнёсак” [2, арк. 78].

Так, у справаздачы аб выніках дзейнасці бірж працы ў Генеральнай акрузе Беларусь ад 9 красавіка 1943 г. паведамлялася, што за тры месяцы 1943 г. было адпраўлена ў Германію 4 тыс. чалавек, што лічылася добрым паказчыкам, але рабілася гэта пры дапамозе паліцыі і войска. Нават германскія ўлады прызнавалі, што мясцовыя работнікі да працы ў Рэйху ставіліся як да высылкі ў Сібір. Нягледзячы на актывізацыю прапагандыфактам заставалася дрэннае абыход-

жанне з людзьмі. Абавязковыя паведамленні аб смерці, якія дасылаліся бацькам не спрыялі даверу да акупацыйных улад, калі, напрыклад, паведамлялася, што 20-ці гадовыя людзі паміралі ад сепсісу [2, арк. 82].

Асноўным прадметам пастаянных клопатаў для біржы працы горада Мінска з'яўлялася загатоўка торфу. Планавалася адправіць 12 тыс. рабочых, каб закатаваць прадукцыю на 1943 г. Але дадзенае колькасць рабочых не магла быць забяспечана, у сувязі з адпраўленнем рабочых для патрэб Рэйха. Недахоп складаў ад 5 тыс. да 6 тыс. рабочых.

Акрамя таго біржы працы займалася навучаннем моладзі па дамоўленасці з Арганізацыяй Тодта. Яна забяспечвалі першую прафесійную падрыхтоўку. Юнакоў планавалася накіроўваць на будаўнічыя пляцоўкі, аб'ядноўваць у рамесныя групы і прадстаўляць паўгады працы ў якасці вучняў на вытворчасці. Хто адпавядаў падрабаванням, заставаліся на два гады навучання, астатнія адпраўляліся назад як некваліфікаваныя [2, арк. 82–85]. Акупацыйныя ўлады лічылі, што падрыхтоўка маладых людзей хутчэй будзе мець вынікі, чым падрыхтоўка рабочых, якія на працягу гадоў знаходзіліся пад уплывам бальшавісцкай прапаганды [3, арк. 76–76б].

Біржа працы ў Вілейцы пачала сваю дзейнасць пасля перадачы ўлады грамадзянскай адміністрацыі 18 кастрычніка 1941 г. Адною з першых задач устаноў бачыла ажыццяўленне ўліку працоўнай сілы. Была створана картатэка паводле якой налічвалася 48 425 мужчын і 50 454 жанчыны, усяго 98 879 рабочых. Што складала каля 85% работнікаў [2, арк. 87].

Да Вілейскай акругі адносілася 8 раёнаў з 37 сельсаветаў, 27 канюшняў і 2396 вёскаў. Насельніцтва пераважна арыентавана было на сельскую гаспадарку. Апроч сялянскіх гаспадарак, якія складалі ад 1 до 5 га, існавала яшчэ 139 дзяржаўных гаспадарак. Прамысловасці і гандлю амаль не было, але існавала незлічонае колькасць рамесных майстэрняў. Менавіта рамеснай вытворчасці была прысвечана асобная дырэктыва ГКБ, якой размяркоўваліся задачы перад гэтай галіной гаспадаркі [4, арк. 88-90].

Акупацыйныя ўлады адзначалі вялікую неабходнасць ў працоўных рэсурсах. На тарфяныя працы патрабавалася 1115 працоўных, лясныя працы – 1000, рамесную справу – 1120, на патрэбы вермахта – 370, арганізацыю транспартанага руху – 347 і для іншых службаў – 4332 чалавекі. Апроч таго, для Рэйха былі патрэбны навабранцы. Да красавіка 1943 г. у Германію на працу было адпраўлена 6500 чалавек. У справах кіраўніка біржы працы ў Вілейцы апісвалася метадка, як акупанты лавілі людзей на працу: “Звычайна я набіраю рабочых з вёсак, дазваляючы абшукаць дамы з двух бакоў. Потым пасярэдзіне вёскі збіраюць ўсіх і сяляне, без якіх немагчыма было абысціся, адпраўляюцца назад да дому, астатнія ж ідуць з намі. Так за дзень я набраў 45 чалавек. Пры тым, што я пачаў з вялікай вёскі, але калі я падышоў да наступнай вёскі, працоўных мужчынаў там зусім не апынулася. Як паказвае вопыт, тут робіцца зразумелым, што набіраць людзей трэба з наколькі гэта магчыма аддаленых адна ад адной вёсак. Галоўнае тут, паказаць мясцовым жыхарам, што мы настроены сур'ёзна, і што зыходзячы з гэтага мы павінны дасягнуць поспеху” [1, арк. 88]. У Рэйх за 1942 г. было адпраўлена з Вілейкі 16 223 мужчыны і 5 399 жанчын, а з Маладзечна 29 348 мужчын і 5 668 жанчын [2, арк. 89].

У кантэксце выкарыстання працоўных рэсурсаў разглядалася і польскае пытанне, якое адыгрывала ў акрузе важную ролю. Уся ніжэйшая адміністрацыя была занята палякамі, і такім чынам яны атрымалі магчымасць кіраваць гаспадаркай, асабліва сельскай і лясной. Але да пачатку 1942 г. з усіх кіруючых пастоў асобы польскага паходжання былі зняты і іх замянілі на беларусаў. Але, як адзначалі акупацыйныя ўлады, ва ўсіх сферах гэта зрабіць было немагчымым, бо, напрыклад, у лясной гаспадарцы і прамысловасці ўлады не змаглі знайсці ім замену сярод беларусаў. Па меркаванні немцаў гэта было звязана не з тым, што беларусы атрымалі іншую адукацыю, але з тым, што яны мелі зусім іншае прадстаўленне аб рэчах і іншае стаўленне да зямлі, што было абумоўлена знаходжаннем пад савецкім рэжымам [2, арк. 55-61].

На ўлік бралася моладзь. У Маладзечна агульная колькасць складала 2 420 чалавек. Акупацыйныя ўлады імкнуліся да прафесійнага навучання маладога пакалення з мэтай забеспячэння працоўных патрэб. У выніку размоў з моладдзю Вілейкі высветлілася, што з 164 хлопцаў і 160 дзяўчын толькі трое хлопцаў і две дзяўчыны не хацелі вучыцца. З дзецьмі была тая самая карціна, з 50 дзяцей 45 хацелі стаць настаўнікамі. Рамяство было менш запатрабавана і не многія хацелі яго вывучаць [2, арк. 89].

У справаздачы кіраўніка біржы працы Баранавіч адзначалася, што ў акрузе пражывала 341 522 жыхара, усяго ў раёне дзейнічала тры біржы працы. Эканамічная сітуацыя ў вобласці абумоўлена наяўнасцю сельскай гаспадаркі. Прамысловасць адсутнічала. Спажывацямі з'яўляліся дзяржаўная чыгунка, дарожнае будаўніцтва, арганізацыя Тодта, тарфяная галіна і Вермахт, яны размяшчаліся ў акругавых гарадах і Баранавічах. Узровень занятасці насельніцтва ўлады ацэньвалі наступным чынам. Пры насельніцтве ў 350 000 чалавек 40% былі працаздольныя, што складала каля 140 000 чалавек, з якіх 122 000 ужо былі зарэгістраваны [2, арк. 91].

Вырашэнне яўрэйскага пытання сустрэкала, па словах нямецкіх чыноўнікаў, цяжкасці, бо сярод яўрэяў большасць былі кваліфікаваныя рабочыя. З мэтай іх замяшчэння актывізавалася навучанне моладзі.

У цэлым адносіны насельніцтва да працы на акупацыйных структуры ўлады характарызавалі як негатыўныя. Узнікала ўсё больш выпадкаў, калі людзі не з'яўляліся на працу, а заявы ў паліцыю не давалі пажаданых вынікаў. Служба бяспекі атрымлівала звесткі, арганізоўвала аблавы і хацела адправіць людзей у Германію, што выклікала беспарадкі.

У Рэйх за першыя месяцы 1943 г. было накіравана 3 256 рабочых [2, арк. 95–96]. У першую чаргу для Германіі разглядаліся пераважна маладыя рабочыя. Як адзначалі ўлады, палякі адмаўляліся ад медыцынскага агляду, беларусы прасіліся самі. Палякі не жадалі насіць у Германіі знак «F», а аддавалі перавагу знаку працоўнага з Усходу.

Умовы жыцця насельніцтва ў крыніцах апісваюцца як вельмі цяжкія. Людзі на сваю зарплату не маглі пакрыць жыццёвыя патрэбы, калі яны адначасова не вялі гаспадарку. Калі рабочы працаваў у горадзе і яго зарплаты не хапала на жыццё, ён набываў тавары на чорным рынку і забменьваў іх [2, арк. 91–96]. У сваю чаргу ўлады сцвярджалі аб неабходнасці спыніць нелегальны гандаль.

Паводле матэрыялаў Калекцыі можна аднавіць структуру прамысловасці Мінска перыяду нямецкай акупацыі. У горадзе функцыянавалі: 150 буйных прадпрыемстваў, 20 прадпрыемстваў па здабычы і апрацоўцы жалеза і металу, 14 тэкстыльных прадпрыемстваў і прадпрыемстваў па вырабе скуры, 15 друкарскіх фабрык і паперняў, 21 транспартнае прадпрыемства, 3 энергапрадпрыемства, 41 будаўнічы арганізацыі, 6 лесапільняў, 13 харчовых прадпрыемстваў, 7 хімічных і будаўнічых прадпрыемстваў, акрамя таго 180 вайсковых і грамадзянскіх устаноў [2, арк. 97].

У горадзе пражывала 105 000 чалавек, з якіх 56 000 былі зарэгістраваны ў якасці рабочых, але задзейнічана на працы было толькі 35 000, акрамя 8 500 яўрэяў і 3 190 ваеннапалонных.

Насельніцтва не выказывала жадання працаваць на акупантаў. З выклікам тых людзей, якія не былі задзейнічаны, ва ўлад былі вялікія цяжкасці. Тыя, хто атрымалі позову, з'яўляліся толькі ў невялікай колькасці і звычайна іх прыводзіла паліцыя. Увага звярталася на моладзь. Адзначалася, што жаданне юнакоў атрымаць прафесію было вельмі вялікае. Уводзіліся майстэрні на чыгуначнай станцыі, радыё фабрыкі і філіялы арганізацыі Тодта. Вучні характарызаваліся як вельмі добрыя [2, арк. 100].

Пастаянная пагроза для дзейнасці акупацыйных улад сыходзіла ад партызанаў. Як адзначалася ў красавіку 1943 г. партызаны адабралі каля 66 000 тон збожжа, драўніны і бульбы, а таксама 25 000 штук крупна рагатай жывёлы, коней і авечак. У Слуцкай акрузе з 20 саўгасаў партызанамі было знішчана 19. Мясцовая ахоўная паліцыя разглядалася ўладамі як самыя вялікія разбойнікі. Як адзначаў кіраўнік Вілейскай акругі 8 красавіка 1943 г., партызаны наносілі большы ўрон чым ваенныя падзеі [2, арк. 55–61].

Такім чынам, матэрыялы Калекцыі дакументаў Генеральнай акругі Беларусь (фонд 370 Нацыянальнага архіву Рэспублікі Беларусь) утрымліваюць вялізарны аб'ём новай фактычнай інфармацыі адносна эканамічнага выкарыстання беларускіх тэрыторый акупацыйнымі ўладамі і паўсядзённага жыцця грамадства. Унікальная інфармацыя крыніц дазваляе істотна пашырыць фактаграфічную базу даследванняў гісторыі перыяду германскай акупацыі Беларусі, а таксама ўдакладніць палажэнні айчынных гістарыяграфіі датычныя страт гаспадаркі і насельніцтва за гады акупацыі.

Шмат увагі крыніцы надаюць т. зв. “польскаму пытанню” і “яўрэйскаму пытанню”. Першае ўяўляла сабой для акупантаў неабходнасць выдалення з кіруючых структур усіх асоб польскага

паходжання і замены іх беларусамі. Аднак тут яны сутыкаліся з праблемай пошуку падрыхтаваных кадраў. У эканамічным аспекце разглядалася і “канчатковае вырашэнне яўрэйскага пытання”, што прыводзіла да дэфіцыта працоўнай сілы, бо яўрэі ўяўлялі сабой у асноўным кваліфікаваных работнікаў.

Інфармацыя крыніц Калекцыі дакументаў Генеральнай акругі Беларусь дае вялікую колькасць новых факталагічных дадзеных па гісторыі германскай акупацыі Беларусі, увядзенне якіх у навуковы зварот ставіць перад даследчыкамі навуковыя пытанні аб ўмовах выжывання розных груп насельніцтва у рэгіёнах акупаванай тэрыторыі Беларусі, палітыкі адносна этнічнай структуры грамадства, а таксама нацысцкіх планаў адносна беларускіх зямель.

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 370. Воп. 1. Спр. 1071.
2. НАРБ. – Ф. 370. Воп. 1. Спр. 1264.
3. НАРБ. – Ф. 370. Воп. 1. Спр. 1092.
3. НАРБ. – Ф. 370. Воп. 1. Спр. 1124.

Гребень Е.А.
ПОВСЕДНЕВНЫЕ РЕАЛИИ ЖИЗНИ БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН
В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЛОСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ)

Экономическая политика нацистов в оккупированной Беларуси находится в фокусе внимания исследователей на протяжении многих десятилетий по окончании Великой Отечественной войны. Изучены мероприятия оккупационных властей в рамках экономической эксплуатации захваченных территорий, определены масштабы ущерба, понесенного Беларусью за период оккупации [1, 2, 3, 7]. В то же время существует дальнейший потенциал для детального изучения проблемы на локальном примере. В статье будут рассмотрены повседневные реалии жизни белорусских крестьян в условиях нацистской оккупации на примере отдельных волостей Петриковского района за период 1942 г. – первая половина 1943 гг.

Одной из реалий оккупации стало привлечение гражданского населения на принудительные работы. Для этого местной вспомогательной администрацией проводился учет местных жителей. Так, в деревне Мицурь насчитывалось 150 детей до 16-ти лет, 43 мужчины в возрасте от 16 до 60-ти лет (то есть трудоспособных) и 75 женщин [5, л. 169]. Из 115-ти крестьян, которые могли быть привлечены к выполнению обязательной трудовой повинности, 40 женщин значились как домохозяйки (очевидно, на работах в первую очередь их не использовали), 14 человек было занято на охране железной дороги, двое являлись бакенщиками на реке, четверо крестьян исполняли обязанности сельского старосты, заместителя старосты, десятидворника и заведующего сливным пунктом, остальные были заняты на заготовке и вывозе леса [5, л. 173–174 об.]. Жители деревни Конковичи привлекались к охране железной дороги (74 мужчины), заготовке леса (29 мужчин и женщин), вывозке леса (51 мужчина и женщина, 29 волов) [5, л. 40–43 об.].

Реакцией немцев на активность партизан было сожжение деревень и уничтожение местного населения. Чувствуя угрозу своей жизни, крестьяне уходили к родственникам в другие населенные пункты, где было спокойнее, или в леса. Озабоченные оттоком населения, потерей рабочей силы, Петриковский гебитскомиссар и жандармерия в январе 1943 г. обращались к беженцам с требованием немедленно вернуться по домам [4, л. 172].

Для эффективной эксплуатации оккупированных территорий проводился мониторинг наличия скота и земли в крестьянских хозяйствах. Например, по состоянию на 1 января 1943 г. в деревне Мицурь Конковичской волости у крестьян имелось 24 рабочих лошади, жеребец-производитель, 23 вола, 54 коровы и бык-производитель. Часть скота значилось как колхозный, находящийся на содержании у крестьян [5, л. 175–179]. Сохранились данные об оснащенности крестьян деревни инвентарем. В частности, в деревне имелось 13 плугов, 16 борон, 12 возов, молотилка, веялка, косилка, грабарка, 36 лопат, 48 мотыг, 67 граблей [5, л. 171]. Производились также обмеры озимых и яровых посевов с фиксацией фамилий крестьян и выращиваемых ими сельскохозяйственных культур (рожь, картофель, ячмень, лен, пшеница и другие) по населен-

ным пунктам волости [5, л. 21–26]. Подобные мероприятия давали возможность местной вспомогательной и немецкой оккупационной администрации оценить потенциальный урожай и рассчитать размер натурального налога на текущий год по волости и по каждому крестьянскому хозяйству.

Волостные администрации должны были сообщать о наличии дикорастущих яблонь, груш и вишен [4, л. 94]. На основе полученной информации впоследствии можно было обязывать сельское население собирать плоды. Требовалось также перед наступлением холодов привести в порядок фруктовые сады: обрезать сухие ветки, собрать с деревьев и окружающих сад кустов гнезда гусениц и куколок насекомых, для предотвращения распространения вредителей в будущем году уничтожить сорняки вокруг сада, очистить стволы деревьев от отмершей коры и сжечь ее, отремонтировать опрыскиватели [4, л. 140].

Сельским общинам доводился конкретный план посевов сельскохозяйственных культур. Так, шести деревням Конковичской волости на 1942 г. был установлен план посевов в 486,25 га. Старосты и крестьяне строго предупреждались о том, что посевы следует производить единым массивом, не допуская разбросанности полей по территории сельской общины [5, л. 51]. В августе 1942 г. крестьянам волости был доведен план сдачи овощей (картофель, морковь, капуста, столовые свекла, лук, огурцы, помидоры, арбузы) в размере 236,37 т картофеля и 35970 кг других овощей. Указанные нормы доводились для всей волости, разбивку по деревням осуществлял волостной бургомистр [5, л. 54]. В том же месяце шесть деревень Конковичской волости обязывались сдать 19373 кг соломы. Гречневая и просяная солома не принималась [5, л. 62]. До 5 сентября 1942 г. сельские общины волости должны были доставить в Петриковскую Заготсбытконтору 100 кг лука в счет обязательных поставок [5, л. 58]. В течение сентября после обмолота крестьяне также должны были сдать в Заготсбытконтору семена льна и конопли [5, л. 68].

Сбором сельскохозяйственной продукции дело не ограничивалось. Местная администрация перекладывала обязанность хранить полагающуюся в счет налогов продукцию на самих же крестьян. Осенью 1942 г. жители волости принуждались к выдаче местной администрации расписок в том, что они обязуются в течение зимы хранить картофель в надлежащем виде и сдать его с наступлением весны. Такие расписки вынуждены были дать 213 крестьян; количество взятого на хранение картофеля колебалось от 75-ти до нескольких сотен килограммов [5, л. 180–184]. Подобная уникальная практика, когда сдавший налог крестьянин принуждался его же и хранить продолжительное время, в других регионах оккупированной Беларуси не зафиксирована. В марте 1943 г. крайсландвирт Петриковского района дал указание волостным бургомистрам собрать у крестьян картофель согласно сохранным распискам за 1942 г. [5, л. 126].

Обычно оккупационные власти взимали натуральные налоги с пашенных земель, которыми пользовались крестьяне (в Западной Беларуси собственные наделы, в восточной – бывшие колхозные земли, разделенные между членами сельской общины). Однако если на приусадебном участке крестьян производились посевы зерновых культур, они так же облагались натуральным налогом, как и пашенные земли [5, л. 56].

Немцы навязывали крестьянам свое видение возделывания земли. Например, Петриковское городское управление по результатам проверки крайсландвирта сообщало Конковичскому волостному старшине, что подготовка к посеву озимых культур ведется не удовлетворительно или не ведется вовсе, и требовало очистить поля от сорных трав и произвести посев озимых не позднее определенного срока. В случае недостатка тяглой силы рекомендовалось использовать коров [5, л. 50].

В зависимости от количества скота и птицы в крестьянском хозяйстве устанавливались объемы обязательных поставок мяса и молока и яиц. Например, на основании распоряжения рейхскомиссара Украины от 14.12.1942 г. сдача молока на 1-ый квартал 1943 г. норма сдачи молока для крестьян устанавливалась в размере 100 л с первой коровы и 150 л с каждой последующей [5, л. 139]. За период с 15 августа 1942 г. по 31 января 1943 г. каждое крестьянское хозяйство должно было сдать в кооперативы в Петрикове и Копцевичах 3 кг мяса птицы, из них не менее килограмма мясом гусей или уток. Требовалось сдавать хорошо упитанную птицу; молодых кур выводка 1941 – 1942 гг. сдавать запрещалось [5, л. 59]. Последняя оговорка иллюстрировала стремление немцев поддерживать поголовье несушек с перспективой получения эф-

факта от них в последующие годы. В марте 1943 г. крестьянам, имеющим кур, был доведен план сдачи яиц в размере 50 штук с каждой курицы. В марте 1943 г. следовало сдать 6 яиц, в апреле – 11, мае – 12, июне – 8, июле – 6, августе – 4, сентябре – 3 [5, л. 123].

Запрещалась замена сдачи мяса зерном или оплата стоимости мяса деньгами. Исключение делалось для рабочих и служащих, которые занимались сельским хозяйством. Тем самым оккупационные власти молчаливо признавали, что на мизерную зарплату рабочих прожить не реально, и сельское хозяйство для них единственная возможность хоть как-то прокормиться. От сдачи мяса освобождались также хозяйства, в которых скот отсутствовал [5, л. 63].

Не типичным дополнительным налогом являлась принудительная сдача крестьянами шерсти, хвостов и грив лошадей для нужд военной промышленности. Так, в июле 1942 г. до сведения крестьян Петриковского района было доведено распоряжение начальника района, согласно которому последние обязывались в период с 1 по 10 октября произвести обрезку хвостов и грив лошадей. Гривы следовало обрезать полностью, конские хвосты на расстоянии одной ладони от хряща. У коров следовало срезать волосы на кончике хвоста; требовалось также собрать шерсть линяющих животных, козью шерсть сортировать по цветам, конский волос вязать в пучки. За невыполнение распоряжения грозила конфискация скота [4, л. 71].

Владельцы пасек принуждались сдавать мёд. Осенью 1942 г. на основании распоряжения гебитскомиссара владельцы пчел должны были сдать по 3 кг мёда с каждой второй пчелиной семьи и по 100 кг воска с каждого улья. За каждый килограмм мёда, сдаваемого сверх обязательной нормы, обещалась выдача по 0,5 кг сахара для подкормки пчел и килограмм сахара пчеловоду лично [5, л. 61]. Последнее должно было, по логике оккупантов, стимулировать пчеловодов добровольно сдавать больше мёда, учитывая, каким ценным товаром являлся сахар в условиях оккупации.

Крестьяне совершенно не желали выполнять натуральные поставки в пользу оккупационных властей, поэтому всячески затягивали сдачу, сдавали налоги частично или не сдавали вовсе. Немецкая оккупационная и местная администрация пыталась воздействовать на уклоняющихся угрозами. В августе 1942 г. Петриковское городское управление через Конковичского волостного старшину в очередной раз напоминало крестьянам-владельцам кур о необходимости своевременно выполнить норму поставки яиц, угрожая наказанием по законам военного времени [5, л. 55]. 27 августа 1942 г. городское управление потребовало от волости в течение суток произвести расчеты по задерживаемым крестьянами поставкам мяса [5, л. 57]. По состоянию на 10 ноября 1942 г. по деревне Конковичи числилось 25 крестьян, которые совершенно не приступили к сдаче зерна. От местных властей требовалось довести до сведения каждого под роспись, что, в случае не сдачи хлеба к 16 ноября 1943 г., они будут переданы жандармерии с конфискацией всего зерна и скота [5, л. 74]. Это пример всего лишь отдельно взятой деревни, а по волости уклоняющихся было еще больше. Еще 20 жителей Конковичской волости числились как частично выполнившие поставки [5, л. 73]. Реакцией крестьян на перепись скота и птицы были попытки укрывать имущество от переписчиков или преуменьшать их количество. В такой ситуации от волостных администраций требовалось произвести точный учет [6, л. 126].

Несмотря на то, что сельское население, как правило, находилось в несоизмеримо лучшем положении в плане обеспеченности продуктами питания, нежели горожане, дефицит продуктов ощущался и среди крестьян. Альтернативным источником для них была рыбная ловля. Рассматривая любые ресурсы оккупированной Беларуси как собственность рейха, оккупационные власти запретили свободный вылов рыбы. Граждане, желавшие ловить рыбу, должны были получать специальные разрешения в органах местной администрации. Нарушителям грозил арест и конфискация орудий лова [4, л. 40]. Распоряжение гражданским населением игнорировалось. Если в городах полиция могла контролировать исполнение подобных распоряжений, то в условиях сельской местности в виду обширности территории сделать это было не реально. В результате оккупационные власти попытались решить проблему радикально. Бургомистр Петриковского района в июле 1942 г. довел до сведения волостных управ, что, согласно приказу гебитскомиссара от 25 июня 1942 г., все рыболовные снасти граждан подлежат передаче за плату в Петриковскую рыболовную контору. Волостным управам предписывалось оповестить на-

селение о полном запрете ловли рыбы всем без исключения лицам, кроме членов рыболовецких бригад, разрешение на деятельность которым санкционировал районный бургомистр [4, л. 42].

Таким образом, анализ документов местной вспомогательной администрации на примере отдельных волостей одного района показывает масштабы экономической эксплуатации нацистами белорусского крестьянства. За сравнительно небольшой временной промежуток крестьяне столкнулись с необходимостью уплаты фиксированных натуральных налогов, дополнительных налогов, привлекались к исполнению различных работ в рамках обязательной трудовой повинности, а также ограничивались в возможности получения альтернативных продуктов.

1. Белозорович, В. А. Западнобелорусская деревня в 1939–1953 годах : монография / В. А. Белозорович. – Гродно : ГрГУ, 2004. – 148 с.
2. Гребень, Е. А. Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941–1944 гг.) : монография / Е. А. Гребень. – Минск : БГАТУ, 2016. – 496 с.
3. Залесский, А. И. В тылу врага : борьба крестьянства Белоруссии против социально-экономических мероприятий немецко-фашистских оккупантов / А. И. Залесский. – Минск : Наука и техника, 1969. – 179 с.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1345. Материалы Макаричской волости Петриковского горуправления, захваченные партизанами.
5. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1346. Материалы Конковичской волости Петриковского района, захваченные партизанами.
6. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1347. Документы, захваченные партизанами при разгроме Осовецкой волостной управы Петриковского горуправления.
7. Олехнович, Г. И. Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны (1941–1945) / Г. И. Олехнович. – Минск : БГУ, 1982. – 174 с.

Катионов О.Н.

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ БОЕВЫХ ПОТЕРЬ СИБИРЯКОВ В ПЕРИОД БОЕВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ ССР В 1944 Г.

Известно, что сибиряки в годы Великой Отечественной войны участвовали в боевых действиях на всех фронтах. Огромное число их не вернулось с полей сражений. По сведениям известного историка демографии Западной Сибири В.А. Исупова на территории Сибирского военного округа было призвано за годы войны 2621,3 тыс. человек, погибло – 817,6 тыс. (31,2%), демобилизовано – 429,2 тыс (16,4%). Остаток (судьба военнослужащих неизвестна) вобрал в себя 1374,5 тыс. чел (52,4%). Это искалеченные солдаты и офицеры, комиссованные еще в годы войны; осевшие после демобилизации в других военных округах; оставшиеся на службе в армии; военнослужащие, переданные в годы войны в рабочие колонны; совершившие преступления и находившиеся в местах заключения. Но значительная часть «остатка» приходится, по всей вероятности, на погибших и пропавших без вести и не зарегистрированных органами военного учета [1, с. 33]. Однако, с этим тезисом В.А. Исупова предстоит еще разбираться на основе источников, выставленных на сайте «Память народа».

Государство и общество увековечили память о погибших в мемориальной практике. В городах и населенных пунктах Сибири были созданы памятники, на которых высекали имена погибших. По памятным датам проводили и проводят поминальные митинги и службы. Большая часть сибиряков внесена в «Книги памяти» регионов. Казалось бы, что общество выполнило долг перед земляками. Однако, в последние годы появилось много информации о неизвестных, т.е. неувековеченных солдатах, останки которых находят поисковые отряды или целенаправленно сформированные государством (республика Беларусь) поисковые воинские части. При раскопках, наряду с останками, обнаруживаются данные о воинах в редких медальонах, информация передается на места, а также вещи, в том числе и награды, вручаются родственникам погибших.

Возникает несколько моментов, сопутствующих прояснению ситуации с такими воинами. Это работа с электронной базой данных, размещенной на сайте «Память народа», «Мемориал» и «Подвиг народа». Государство и его архивные службы оцифровали миллионы документов, которые открывают для нас огромный пласт источников по истории войны. Это и наградные дела, и документы частей, описывающие историю и период военных действий во всей ситуа-

ции, без прикрас. Сюда вошла масса материалов – журналы боевых действий, приказание и приказы командиров дивизий и полков, карты, донесения и др.

Для нас по теме исследования наибольшую ценность представляют документы, по которым можно провести подсчет числа погибших сибиряков в той или иной воинской части, определить места сражений их на территории Белорусской ССР, установить места погребений.

Большая часть этих документов относится к типу письменных, по виду делопроизводственных, по содержанию – к отчетной документации.

Потери представлены: в донесениях о безвозвратных потерях; в документах госпиталей и медсанбатов; в документах, уточняющих потери; в поименных списках захоронений; в документах о военнопленных; в приказах об исключении из списков; в картотеках; в электронных Книгах Памяти; в печатных Книгах Памяти.

По массовости представленной информации, естественно, ведущим источником являются донесения штабов частей, чаще штабов дивизий, о понесенных потерях за определенный период: декаду, месяц. В донесениях указывается число убитых, умерших на этапах санэвакуации лиц сержантского и рядового состава. В этих донесениях иногда указываются и лица офицерского состава, хотя на них составлялись отдельные списки. Показывается число пропавших без вести.

В донесениях могли вноситься поправки. Например, из числа пропавших без вести 22 чел., трое вернулись в часть.

В донесениях была еще строка, в которой указывалось число погибших в дивизии с начала действий её на фронте, т.е. велась общая статистика боевых потерь.

Подобные донесения составлялись и на политработников частей и фронтов.

Донесения высылали и командиры частей, не входящих в состав бригады или дивизии. Это передвижные эвакуационные госпитали и отдельные части. Например, отдельные армейские штрафные роты. Они придавались или направлялись в какую-либо дивизию, несли потери. А нач. штаба дивизии в общей сводке указывал либо отдельно список красноармейцев штрафной роты, а командир роты обязан был направить донесение о числе погибших в его роте солдат с указанием имени каждого и причины гибели. Например, «погиб в бою». Или «умер от ран». Или «умер скоропостижно». Так писалось и в обобщенных таблицах воинских частей. Учет погибших офицеров штрафных рот велся отдельно

В донесениях о потерях обязательно соблюдались формы записей списочного состава убитых.

Пример донесения отдела кадров штаба 179 сд (получившей название Витебской): «Начальнику отдела кадров ГУК НКО СССР. При этом предоставляю именные списки безвозвратных потерь офицерского состава 179 стрелковой Витебской дивизии за период с 23 июня по 8-е июля 1944 г. на 25 человек. Приложение: упомянутое на 2-х листах. Начальник отдела кадров 179 сд капитан Воронов» [2].

В формуляре донесения указывались: номер по порядку, ФИО, военное звание, должность и специальность, партийность, место и год рождения, каким военкоматом и какой области призван, когда и по какой причине выбыл, где похоронен, сведения о родственниках, включавшие фамилию жены или родителей и адрес места жительства.

Например, под номером 19 в донесении показан Пирожков Виктор Никитович, капитан, командир пулеметной роты, член ВКПб, родился в г. Слюдянке Иркутской области в 1913 г. Призван в РККА Слюдянским РВК Иркутской области, убит 26 июня 1944 г., похоронен в Белорусской ССР, Витебской обл., Черногостье, юго-восточнее, 200 м [2].

В этот же день погиб сибиряк Шпаков Тихон Федорович, гв. лейтенант, ком стр. взвода 234 сп, 1922 г.р., Алтайский край, Тюменцевский р-н, п. Новоселовка. Убит 26.06.44, похоронен там же [4].

Из Новосибирской области был Воранцов Николай Иосифович, лейтенант, ком взвода ПТР, 1920 г.р., из Кожевниковского р-на. Убит 20.06.44. Похоронен: Белорусская ССР, Витебская обл., Бешенковичский р-н, д. Биски [5].

Из 25 погибших с 26 июня по 8 июля 1944 г. офицеров 179 сд, четверо были сибиряками. Родились и призывались в Сибири.

На рядовой и сержантский состав также составлялись подобные списки. В донесении штаба о безвозвратных потерях 179 сд с 19.06 по 29.06.44 от 3.07.44, зарегистрированного входящим

документом № 50130 от 27.07.44 в управлении тыла 43 армии, указывается всего погибших: в 215 сп убито 35; в 234 сп – 38; в 259 сп – 74; в 619 арт. полку – 1 чел. Итого – 148 чел. [6].

В списке находится сибиряк Лопатин Иван Парфилович, 1906 г.р., в звании ефрейтора, Место рождения Красноярский край, д. Мало-Лопатина. Дата и место призыва: 27.06.1941, Краснотуранский РВК, Красноярский край. Убит 23.06.1944. Похоронен в м. Шумилино Витебской обл. на кладбище [7]. Эти сведения есть на сайте «Память народа». А уточняющая информация там же, только в донесении о потерях рядового и сержантского состава. Узнаем, что он был при должности командира отделения, кандидат в члены ВКПб.

Иногда возникает вопрос о региональной принадлежности погибшего. Мы относим Кузнецова Александра Петровича, 1926 г.р., родившегося в г. Анжеро-Судженске Новосибирской области, но призванного в РККА 12.11.1943, Зыряновским РВК, Казахской ССР, Восточно-Казахстанской обл., к сибирякам, так как его отец проживал в Мошковском районе под г. Новосибирском, в Сарычевском с/совете, а Зыряновский район, где его призывали, вошел в состав Семипалатинской области из Томской губернии в 1917 г., когда Временное правительство еще не думало о национально-государственном разделении Сибири, т.е. еще до образования союзной республики Казахской ССР. Красноармеец, стрелок 259 сп убит в бою 25.06.1944, похоронен в Витебской обл, Шумилинский район, ст. Шумилино, полковое кладбище № 97. Сибиряк [8].

Или, Шелудько Андрей Павлович, красноармеец, стрелок 259 сп, 1926 г.р., уроженец Восточно-Казахстанской обл., Таврического р-на, с. Митрофановка. Дата и место призыва 22.12.1943, Таврический РВК, Казахская ССР, Восточно-Казахстанская обл., Таврический р-н. (Не путать с Таврическим районом Омской обл.) Убит в бою 27.06.1944. Похоронен в Витебской обл. Беженковский р-н, д. Булкина, полковое кладбище № 96. Данный герой относится нами к казахстанцам.

Из 152 убитых за этот период 24 человека относились к сибирякам и казахстанцам (северо-восток), в основном русским и украинцам [6].

На сайте «Память народа» мы находим и такое название источника информации – «медицинский документ». Информатор, таким образом, пытается придать название спискам умерших в санитарных или медицинских частях, так как заглавие документа отсутствует. Например, медицинский документ без заглавия, датировка которого обозначена «с 1 января 1944 г.» (с. 2 док-ум.). По мере знакомства с листами документа мы можем констатировать, что это список сержантского и рядового состава, умерших в 8 ОМСБ 179 сд. Да и на сайте указан 8 ОМСБ 179 сд. Умершие военнослужащие из разных частей, но есть и из полков 179 сд. Форма учета такая же, как и в донесениях штабов дивизий о безвозвратных потерях рядового и сержантского состава. Только особенность в том, что на некоторых страницах напротив имени умершего в графах «причина смерти» – указывается степень ранения – осколочное в живот, сквозное пулевое в грудь и т.п. Иногда приводится дата поступления и затем дата смерти.

Так, Борисенко Александр Лукич, 1910 г.р., красноармеец, стрелок 1459 сп, член ВКПб, из Новосибирской обл., Легостаевского р-на, д. Кучеровки, умер от ран 4.01.44, похоронен в Белорусской ССР, Витебской обл., Суражского р-н, д. Задебри, кладбище, могила № 3 [9].

В этом же деле встречается и фамилия офицера Закорецкого Василия Сергеевича, майора, входившего в резерв 179 сд в должности командира батальона. 1918 г.р., уроженца Алтайского края, Кулундинского р-на, ст. Кулунда. Умер от ранения в живот 15.05.1944 г. Похоронен в Белорусской ССР, Витебская обл., Витебский р-н, Зароновский с/с, д. Иваново, северо-восточнее, 1 км, кладбище, могила № 14 [10].

Алфавитные книги умерших из эвакуогоспиталей можно отнести к источнику о безвозвратных потерях, хотя они и называются на сайте как медицинский документ.

Важным источником информации являются книги погребений частей. Обычно они составлялись похоронной командой. Так, 259 сп 179 сд вел такую книгу, однако, названия у нее не было, Просто велся учет погребенных с указанием места похорон и датой выбытия (Книга погребения 259 сп 179 сд. Дата донесения: 26.08.1943 – 30.01.1945). Более уточняющими сведениями все-таки являются донесения о безвозвратных потерях 179 сд. Но данный документ дополняет информацию о погибшем. Например, Васильев Леонид Сергеевич, красноармеец 259 сп, 1922 г.р., Омская обл., Горьковский р-н, Серебрянский с/с, д. Согра. Дата погребения или

гибели указана 29.12.43. Но не указано место погребения [11]. А в донесении о потерях 179 сд место погребения указано: Белорусская ССР, Витебская обл., Витебский р-н, д. Барсуки, западнее, 500 м [12].

Итак, в донесении о безвозвратных потерях Л.С. Васильев есть, в книге погребений он тоже указан как погребенный. Хорошо, что выставленные на сайте «Память народа» документы позволяют провести перекрестную сверку. Так, по сведениям Горьковского РВК Омской обл. от 14 марта 1960 г. в донесении за № 2302 сказано: «Сообщаю, что в результате сверки документов на боевые потери со списками военнослужащих, состоящих на военном учете в Горьковском райвоенкомате, и на всех военнослужащих, на которых были получены извещения, но оказавшиеся живыми, состоящими на военном учете, выявились следующие военнообязанные: Рядовой Васильев Леонид Сергеевич, 1922 года рождения проживает в Серебрянском сельсовете». Всего таких стоящих на учете оказалось 4 чел. А еще 4 чел., оказавшихся живыми, на учете не состояли по возрасту. Видимо, двое уже были объявлены живыми, так как на донесении Горьковского райвоенкома стоит резолюция: «Снять 6 чел. с учета» (имелось ввиду исключение из числа погибших) [13]. Но на сайте «Память народа» В.Л. Сергеев в списке 179 сд числится как убитый.

Информатор сайта «Память народа» относит такие материалы к документам, уточняющим потери. А критическое отношение к источнику информации позволяет корректировать списки сибиряков, погибших на территории Белоруссии.

Но это еще не вся история Л.С. Васильева. На сайте «Память народа» можно найти и его наградное дело. Сравним: дата погребения или гибели указана 29.12.43, а приказ о награждении медалью «За Отвагу» по 179 сд от 10 апреля 1944 г. как стрелка-разведчика Отдельной разведывательной роты (могли награждать и посмертно, но не в данном случае). В наградном листе есть пункт 8. Имеет ли ранения или контузии в Отечественной войне. И ответ: ранен 11.11.43 и 31.12.43. То есть последнее ранение уже после объявления его умершим в донесении части. Видимо, во время выполнения одного из заданий, был ранен и признан умершим, а после выздоровления направлен из 259 сп в отдельную разведывательную роту 179 сд. А точно ли это тот Васильев? В наградном листе указано, что призывался Горьковским РВК Омской области. Командир ОРР ст. л-т Дудников ходатайствовал о награждении Васильева за то, что тот 9 апреля 1944 г., выполняя задание по разведке боем, преодолел препятствия и минные поля, ворвался в траншеи, забросав предварительно их гранатами, из автомата убил двух сопротивлявшихся немцев, захватил документы. Совпадает название военкомата в списке погибших, и в сообщении райвоенкома 1960 г., и в наградном деле.

В октябре 1944 г. Васильев уже в звании ст. сержанта, в должности командира отделения отдельной разведроты 179 стрелковой Витебской Краснознаменной дивизии был награжден орденом «Красной Звезды» за захват контрольного пленного [14].

Таким образом, делопроизводственная документация в форме донесений о безвозвратных потерях (штабов частей, госпиталей всех уровней и направлений, книг погребений частей, приказов об исключении из списков РККА офицеров и др.) позволяет уточнить и локализовать сведения о погибших сибиряках в годы Великой Отечественной войны, а её выставление в Сети на сайте «Память народа» делает донесения более доступными для исследователей. Критическое отношение к источнику информации, как пример, с Л.С. Васильевым, свидетельствует о том, что информация должна перепроверяться, чем мы и занимаемся при уточнении списков погибших сибиряков при боях на территории Белорусской ССР.

1. Исупов, В. А. Потери населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны / В.А. Исупов // Сибиряки в Великой Отечественной войне: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы, 29–30 апреля 2010 года / под ред. Е. Э. Казакова. – Новосибирск : Русско-немецкий ун-т, 2010. – С. 32–37.
2. Донесение о безвозвратных потерях офицерского состава 179 сд с 23 июня по 8-е июля 1944 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cdn.pamyat-naroda.ru/images3/Memorial/V5/002/033-0011458-0355/00000252.jpg>. – Дата доступа: 13.02.2019.
3. Пирожков, В. Н. Донесения о безвозвратных потерях 179 сд № 026354 от 27.07.1944 / ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 355 [Электронный ресурс] / В. Н. Пирожков: – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie4483713/. – Дата доступа: 13.02.2019.

4. Шпаков Тихон Федорович, гв. лейтенант / Донесения о безвозвратных потерях 179 сд № 026354 от 27.07.1944 / ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 355 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie4483714/. – Дата доступа: 13.02.2019.
5. Воранцов Николай Иосифович / Донесения о безвозвратных потерях 179 сд № 026354 от 27.07.1944. [Электронный ресурс] / ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 355. С. 3. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie4483696/. – Дата доступа: 13.02.2019.
6. Донесение о безвозвратных потерях 179 сд с 19.06 по 29.06.44 № 50130 от 27.07.44 / ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 556 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cdn.pamyat-naroda.ru/images3/Memorial/VS/003/058-0018002-0556/00000014.jpg>. – Дата доступа: 13.02.2019.
7. Лопатин И.П. Донесения о безвозвратных потерях рядового и сержантского состава 179 сд № 50130 от 17.07.1944 / ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 556 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie6975731/. – Дата доступа: 13.02.2019.
8. Кузнецов Александр Петрович / Донесения о безвозвратных потерях 179 сд № 50130 от 17.07.1944 [Электронный ресурс] / ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 556. С. 7. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie6975795/. – Дата доступа: 20.02.2019.
9. Именной список безвозвратных потерь 8 ОМСБ 179 сд с 1 января 1944 г. Борисенко А. Л. [Электронный ресурс] / ЦАМО. Ф. 58. Оп. А-71693. Д. 29. С. 2. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_gospital53524581/. – Дата доступа: 16.02.2019.
10. Именной список безвозвратных потерь 8 ОМСБ 179 сд с 1 января 1944 г. Закорецкий В. С. [Электронный ресурс] / ЦАМО. Ф. 58. Оп. А-71693. Д. 29. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_gospital53524621/. – Дата доступа: 16.02.2019.
11. Васильев Леонид Сергеевич / Книга погребения 259 сп 26.08.1943 – 30.01.1945 [Электронный ресурс] / ЦАМО. Ф. 6747. Оп. 198449. Д. 2. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie1152080878/. – Дата доступа: 16.02.2019.
12. Васильев Леонид Сергеевич. Донесение о потерях 179 сд № 6198 от 31.01.1944 [Электронный ресурс] / ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18002 Д. 83. С. 4. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie54589744/. – Дата доступа: 16.02.2019.
13. Донесения об оказавшихся в живых Горьковского РВК Омск. обл. № 2302 от 14.03.1960 [Электронный ресурс] / ЦАМО. Ф. 58. Оп. Н-18005. Д. 6. – Режим доступа: <https://cdn.pamyat-naroda.ru/images3/Memorial/Z/011/058-Н-0018005-0006/00001075.jpg>. – Дата доступа: 16.02.2019.
14. Приказ подразделения №: 58 от: 31.10.1944. Издан: 179 сд [Электронный ресурс] / ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 6197. № записи: 36083436. С. 4. – Режим доступа: <https://cdn.pamyat-naroda.ru/images2/VS/302/033-0690155-6197+011-6194/00000559.jpg>. – Дата доступа: 16.02.2019.

Левченко В.В.

«СПАСИБО ВАМ ЗА ПАМЯТЬ. В НАШИ ГРУСТНЫЕ ДНИ СВЯЗЬ С ЛЮДЬМИ ЦЕННА...»: К ИСТОРИИ ПЕРЕПИСКИ В.И. ПИЧЕТЫ И С.И.-Я. БОРОВОГО

История исторической науки за все время своего существования представлена специалистами разных областей и обладает давними традициями, она многоаспектная в вопросах тематики изысканий, разносторонняя в плане методологических моделей исследований и как следствие располагает огромнейшими пластами историографических источников, являющихся объектом источниковедения историографии в виде разнообразных по жанрам и проблемно-дисциплинарному принципу произведений историков. Эти тексты, реализующие функции презентации и позиционирования исторического знания соответственно классификации исторических источников имеют дополнительное специфическое отличие – рукописные и напечатанные, опубликованные и неопубликованные, сохранившиеся и утерянные, введенные в научный оборот и не презентованные.

К числу текстов, судьба которых на сегодня остается неизвестной и их информационный потенциал не является достоянием истории исторической науки, относятся произведения историков в форме эпистолярного наследия. Одним из примеров этого служат его-документы Владимира Ивановича Пичеты (1878–1947), который известен в истории исторической науки как один из основателей славистики в СССР, один из основоположников белорусской историографии, один из организаторов и первый ректор Белорусского государственного университета; автор работ по истории Белоруссии, Украины, Польши, историографии, источниковедению, истории права; академик Белорусской Академии наук (1929), член-корреспондент АН СССР (1939), академик АН СССР (1946).

Часть пласта эпистолярного наследия В. И. Пичеты хранится в Государственном архиве Одесской области в личном фонде [3, л. 89–111 об.] доктора исторических наук, профессора Саула Израиля-Янкелевича Борового (1903–1989) [1; 2; 6]. Данные эпистолии В. И. Пичеты еще не становились предметом научного исследования. Особенностью их введения в научный оборот является дополнение к опубликованным письмам С. И.-Я. Борового к В. И. Пичете [7], что способствует воссозданию общей картины отношений между двумя учеными-гуманитариями на фоне исторических событий первой половины 1940-х гг. В свою очередь, они дают возможность реконструировать картину отношений между двумя историками с противоположных сторон и установить реверсивное движение коммуникационных контактов, что всегда демонстрирует особенные черты и оттенки корреспондентов.

Знакомство В. И. Пичеты и С. И.-Я. Борового состоялось в Москве между маем 1938 г. и июнем 1939 г. [7, с. 193], благодаря содействию директора Института истории АН СССР Б. Д. Грекова, к которому С. И.-Я. Боровой приехал из Одессы «...для выяснения вопроса о “докторстве”» [2, с. 204]. По состоянию на ранний гипотетический хронологический период встречи двух ученых им соответственно было полных 59 лет и 34 года. В. И. Пичета представлял «конформистскую» ветвь «позднеимперской» генерации ученых-историков, первичная социализация которого зарождалась в условиях либерализации и модернизации Российской империи в конце XIX – в начале XX вв. В дореволюционное время он не воспринимал идеологию большевиков, а установление советской власти, заставило его лояльно относиться к действующему политическому режиму. С. И.-Я. Боровой относился к ветви «адептов» «раннесоветской» генерации ученых-историков, формирование нравственных ценностей и жизненных приоритетов которого происходило в условиях революционного романтизма, а в период становления первого в мире социалистического государства он сознательно обслуживал потребности советской власти [4, с. 345; 5, с. 265].

Начало общения между учеными привело к научному содействию со стороны В. И. Пичеты, который, будучи член-корреспондентом АН СССР, оказывал помощь молодому коллеге в подготовке и во время защиты докторской диссертации [2, с. 209, 212–215] на тему «Очерки по истории евреев на Украине в XVII–XVIII вв.». Во время успешной защиты 25 июня 1940 г. в Ученом Совете Института истории АН СССР В. И. Пичета был одним из трех официальных оппонентов (двое других профессора Т. Б. Гейликман и А. А. Савич) [6, с. 180].

После личного знакомства В. И. Пичеты и С. И.-Я. Борового, у двух ученых сложились доверительные отношения, проверенные и закрепленные во время коллизий в период подготовки и защиты докторской диссертации младшего коллеги, которые положили основание их переписке на протяжении почти семи лет [7, с. 198]. Эпистолии В. И. Пичеты к С. И.-Я. Боровому отложились в виде автографов. Всего их насчитывается – 7, из них 6 писем и 1 почтовая открытка за период с 1 апреля 1942 г. по 15 июля 1945 г. В личном фонде С. И.-Я. Борового также хранится один эпистолий в формате почтовой открытки от А. П. Пичеты (второй жены В. И. Пичеты) к С. И.-Я. Боровому (см. письмо 1). Основной массив обмена корреспонденцией между историками пришелся на период военного лихолетья: с 22 марта 1942 г. (письмо С. И.-Я. Борового) по 15 июля 1945 г. (письмо В. И. Пичеты), т. е. немногим более трех лет. На это время приходится 13 писем со стороны С. И.-Я. Борового и 7 эпистолий со стороны В. И. Пичеты. Исходя из выявленных на сегодня эпистолий двух корреспондентов (у В. И. Пичеты – 7, у С. И.-Я. Борового – 15) можем констатировать, что, несмотря на то, что в период 1942–1943 гг. оба они жили на близком расстоянии (305 км) друг от друга (В. И. Пичета в Ташкенте, а С. И.-Я. Боровой в Самарканде) их переписка не была интенсивной и продолжительной.

Инициатором переписки в период войны выступил С. И.-Я. Боровой, написавший старшему коллеге письмо 22 марта 1942 г. [7, с. 198]. В. И. Пичета ответил ему 1 апреля 1942 г., начав письмо со слов: «Спасибо Вам за память. В наши грустные дни связь с людьми ценна; в особенности, когда рдеют ряды близких и друзей» [3, л. 107]. Данные слова характеризуют важное значение письма С. И.-Я. Борового для В. И. Пичеты в отношении поддерживания коммуникативных связей с коллегами на фоне недостатка научного общения. Это также подтверждает его интерес к судьбам своих коллег (см. письмо 2). В ситуации дефицита общения более угнетающим явлением для ученого было профессиональное бездействие – отсутствие возможности заниматься любимым ремеслом. Поэтому тем радостнее была новость, которой он делился

с младшим коллегой 22 июня 1942 г., о появившейся возможности поехать на два месяца «...в Москву поработать и оттуда привести кое-какие книги» [3, л. 91]. Все эпистолии В. И. Пичеты и открытка его жены (см. письмо 1) подтверждают, что в «ташкентский» период жизни он живо интересовался новинками научной жизни.

В общем эпистолии В. И. Пичеты содержат фрагменты исторической фактографии о «ташкентском» периоде его жизни. Личная повседневная жизнь рассмотрены автором в контексте общей общественно-политической ситуации в стране. В. И. Пичете свойственно критическое осмысление происходящих событий, что характеризовало его как мыслящего, вдумчивого исследователя, имевшего собственную платформу сформировавшихся научных суждений. В письмах прослеживается мировоззренческая индивидуальность автора, его мировосприятие в один из сложнейших периодов мировой истории.

Письма В. И. Пичеты к С. Я. Боровому являются важным историческим источником о «ташкентском» периоде его жизни. Проблема ранжирования историографических источников, определение их информативной емкости, уровня объективности воссоздаваемой эпохи, выявления степени искренности и правдивости авторов относится к числу дискуссионных вопросов в исторической науке. В дальнейшем изучении эпистолий В. И. Пичеты представляется важным выявить определенные критерии, позволяющие установить границы правдивости и вымысла описываемых событий. Одним из важнейших критериев является личность автора, его научное кредо и совокупность личностных качеств. Этим требованиям сполна отвечает В. И. Пичета, на жизнь которого выпали сложные и трагические события первой половины XX в.

Документы публикуются в хронологической последовательности на языке оригинала с приведением в соответствии с правилами орфографии и пунктуации современного русского языка. Ограничение публикации эпистолий В. И. Пичеты связано с огромными трудностями разбора его почерка. По этому поводу С. И.-Я. Боровой иронизировал: «...Читаю и перечитываю Ваши письма. Постепенно расшифровал почти всю клинопись» [7, с. 202–203], а В. И. Пичета свой недостаток также очень хорошо осознавал: «Опять Вам придется разбирать мои корячки» [3, л. 93]. Письма написаны на листках из блокнотов и иногда на бумаге не приспособленной для писем, скорее всего случайно найденных в сложных условиях эвакуации. Встречающиеся в тексте эпистолий сокращения слов расшифрованы в квадратных скобках. Все материалы представляют собой рукописные оригиналы с собственноручной подписью авторов.

Описание выявленной и репрезентированной части эпистолий В. И. Пичеты к С. И.-Я. Боровому является незначительной частью общего объема корреспонденции между двумя учеными. Надеюсь, что ценное содержание всей переписки, неопубликованной по объективным причинам, между двумя учеными-гуманитариями, которая длилась чуть более трех лет, как важный историографический источник для изучения истории исторической науки первой половины 1940-х гг. со временем будет репрезентировано полностью и станет значительным вкладом в ее изучение.

Приложение

№ 1: А. П. Пичета С. Я. Боровому, Ташкент – Самарканд, 20 июля 1942 г.

Многоуважаемый Саул Яковлевич,

не ждите скорого ответа от Владимира Ивановича на ваше последнее письмо. 9/VII он уехал в Москву (и уже доехал туда 15/VII). Пока у меня нет уверенности, что действительно он пробудет там месяца два, как ему хочется, а не вернется скорее. Поэтому я воздерживаюсь от пересылки ему вашего письма. Адрес Вл[адимира] Ив[ановича] – Москва 34. Метростроевская 7, кв[ртира] 8. Я очень довольна его поездкой. Помимо деловой стороны, она необходима как психологическая отдушина для человека, привыкшего к более напряженной жизни, чем та, которую он ведет в нашем изгнании.

Шлю Вам сердечный привет.

Уважающая Вас А. Пичета [подпись]

20/ VII-[19]42 г.

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 1, д. 6, л. 90–90 об. Автограф. Уведомление о вручении почтового отправления.

№ 2: В. И. Пичета С. Я. Боровому, Ташкент – Самарканд, 13 января 1943 г.

13.I.[19]43

Дорогой Саул Яковлевич!

Пока я напишу Вам большое письмо, очень Вас прошу зайти по ул[ице] Розы Люксембург, 19 и узнать о здоровье проф[ессора] Д. А. Жаринова (он препод[аватель] в Учит[ельском] Инст[итуте]). На три письма я от него не получил никакой весточки. Я очень встревожен его молчанием. С уважением и наилучшими пожеланиями,

Ваш Пичета [подпись]

ГАОО, ф. Р-7400, оп. 1, д. 6, л. 89–89 об. Автограф. Почтовая карточка.

1. Андреев, В. М. Саул Боровый: еврейский вектор истории Украины / В. М. Андреев, Н. М. Чермошенцева. – Херсон-Никополь : СПД Фельдман О. О., 2010. – 191 с.
2. Боровой, С. Воспоминания / С. Боровой. – Москва-Иерусалим, 1993. – 384 с.
3. Государственный архив Одесской области (ГАОО). – Ф. Р-7400. Оп. 1. Д. 6.
4. Левченко, В. В. Еврейская ветвь генерации профессиональной корпорации одесских историков в первой половине XX века / В. В. Левченко // Евреи Европы и Ближнего Востока: традиция и современность. История, языки, литература. Материалы международной научной конференции 17 апреля 2016 г. / Отв. ред. М. О. Мельцин. – СПб., 2016. – С. 342–348.
5. Левченко, В. В. Генерации историков в научном сообществе Одессы : терминология, периодизация, история / В. В. Левченко // Studia internationalia : Материалы V международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.» (1–3 июля 2016 г.). – Брянск: РИО БГУ, 2016. – С. 262–266.
6. Левченко, В. В. Коллизии Саула Борового при получении научных званий и степеней / В. В. Левченко // Евреи Европы и Ближнего Востока : культура и история, языки и литература: Материалы международной научной конференции 22 апреля 2018 г. / отв. ред. М. О. Мельцин, С. Г. Парижский. – СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2018. – С. 176–184.
7. Шевелёв, Д. Л. Письма С. Я. Борового В. И. Пичете в 1939–1946 гг. / Д. Л. Шевелёв // Цайтшрифт: Журнал по изучению еврейской истории, демографии и экономики, литературы, языка и этнографии. – Т. 8 (3). – Минск – Вильнюс, 2013. – С. 191–218.

Нисковская М.И.

МНОГОТИРАЖНАЯ ГАЗЕТА «ЗА УХТИНСКУЮ НЕФТЬ» ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ КОМИ АССР КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК¹

История ГУЛАГа, как одна из самых трагических страниц в истории человечества, «все еще требует своего беспристрастного осмысления и изучения» [3, с. 3]. Помимо условий жизни заключенных, их труда, наиболее изученных в отечественной историографии [Подробнее см. 4], исследовательский интерес вызывают периодические лагерные издания. В них отражались идеологически приправленные реалии жизни заключенных. Многотиражная газета «За Ухтинскую нефть» Ухтинского исправительно-трудового лагеря была одним из примеров лагерных периодических изданий. Как и многие лагерные газеты, она сохранилась не полностью. Известно, что в 1940 году она выходила 5 раз в месяц, на двух полосах, тиражом 700 экземпляров. «Всего за первое полугодие 1940 г. выпущено 34 номера, в которых помещено 537 статей и заметок, из них: рабкоровских 203, редакционных 102, корреспонденции ТАСС – 108, перепечаток из материалов ТАСС и газет 88, прочих (официальные сведения 36). Газета имеет 195 рабкоров, из 67 чел. писали по несколько раз. Всего рабкорами за полугодие написано 309 заметок, из которых 203 помещено в газете, 94 посланы на расследование для принятия мер и 72 не использованы редакцией» [1, л. 6]. По своему характеру статьи и заметки помещаемые в газете были направлены на освещение вопросов партийной и комсомольской жизни. В регулярно публикуемой в газете «За Ухтинскую нефть» страничке «Партийная жизнь» освещались следующие аспекты: отчетно-выборная кампания и выборы парторганов (10 заметок), осуществление парторганизациями контроля над хозяйственной деятельностью администрации и помощь произ-

¹ «Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы НИР Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН».

водству (6 заметок), вопросы роста парторганизаций и работы с кандидатами (6 заметок), вопросы пропагандистской работы (14 заметок), агитационно-массовая работа (5 заметок), проверка исполнения решений отчетно-выборных собраний и обзор стенных газет (6 заметок), производственная деятельность лагеря (155 заметок). В газете «За Ухтинскую нефть» систематически освещался ход социалистического соревнования, также размещалась рубрика «Трибуна стахановца», в которой освещался опыт работы стахановцев (опубликовано 19 статей). Вопросы рационализаторской работы были отражены в восьми статьях.

В Национальном архиве Республики Коми сохранились номера газеты за 1942 год, январь-февраль 1943 года, январь-август 1953 года. Газета была органом Политического отдела, Управления и Профессионального комитета Ухтимжемстроя Народного комиссариата внутренних дел. Ответственным редактором являлся Я.И. Гаврюшов. Газета распространялась только на территории Ухтимжемстроя НКВД среди вольнонаемного состава. В «За Ухтинскую нефть» публиковались официальные документы, например, в № 3 от 14 января 1942 года была опубликована Нота народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова о повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях.

В газете «За Ухтинскую нефть» (№ 3) подводились итоги работы производственников за 1941 год [О роли заключенных в развитии промышленности Коми АССР см.: 19, с. 127–135]. «Энергохозяйство выполнило план по выпуску товарной продукции в 1941 году на 104,3 проц., по отпуску энергии потребителям – на 102,8 проц. И снизило себестоимость киловатт-часа на 5 проц. Эти показатели с полной очевидностью говорят за то, что наш коллектив с производственными задачами справился неплохо» [5, с. 1].

В многотиражной газете «За Ухтинскую нефть» намечались производственные планы на 1942 год, при этом коллектив нефтяников Ухтимжемстроя вызвал горняков Воркутстроя на социалистическое соревнование. Нефтяники Ухтинского ИТЛ взяли на себя обязательства в 1942 году выполнить годовой план «по эксплуатационному и разведочному бурению к 5 декабря. Повысить скорость проходки по всем видам бурения на 8 проц. Против запланированного, в том числе скорость проходки станками ПГ – на 20 проц. против скорости, достигнутой в 1941 году. Производительное время в бурении достигло 75 проц., чистое время бурения – до 40 проц., добиться полной ликвидации аварий и снизить на 25 проц. организационные простои против показателей 1941 года. Снизить себестоимость одного метра проходки в среднем не менее чем на 5 проц. против сметных цен» [7, с. 1].

Информация о передовиках производства занимала важное место на страницах многотиражной газеты «За Ухтинскую нефть». «Отличных показателей производительности труда добились глубоконасосники тт. Вакуев и Гриценко, за 22 дня февраля давшие среднюю производительность труда 145 проц., Пасынков – 149 проц., Козлов – 134 проц., Габов – 133 проц. Обмотчик Андреев дал 134 проц. производительности труда, слесарь Игнатов – 138 проц. Буровые рабочие Сорокин, Жигалев, В. Попов, Волков, Я. Попов в отдельные дни выполняли нормы на 250 проц.» [8, с. 1]. Как и в других лагерных газетах Коми АССР, в «За Ухтинскую нефть» отмечалась хорошая работа передовиков, порицались отстающие рабочие, плохой, некачественный труд, невыполнение планов.

Из-за военных расходов в связи с Великой Отечественной войной в газете «За Ухтинскую нефть» звучали призывы к строжайшей экономии. «Экономия средств, сырья, материалов, топлива, электроэнергии – это дополнительное количество самолетов, танков, пушек, снарядов, винтовок, обмундирования, продовольствия, - всего того, что необходимо нашей доблестной Красной Армии в ее борьбе против гитлеровских бандитов» [6, с. 1].

Первый номер газеты «За Ухтинскую нефть» в 1943 году был посвящен итогам 6-недельного наступления Красной армии на подступах Сталинграда. В периодическом издании подчеркивалось, что все, «народ, армия, флот горят желанием скорее изгнать немецких захватчиков с нашей земли. Так приложим все силы, знания и опыт для выполнения этой великой цели!» [9, с. 1].

В газете публиковалась рубрика «Трибуна стахановца», где передовики производства делились опытом. Например, в № 1 стахановец Кызыуров предлагает читателям любить свое ремесло. «Ра-

бота скважин, которые я обслуживаю, протекает удовлетворительно, простоев по моей вине не бывает, а это самое главное для нефтяника, если он хочет честно и добросовестно работать. С приходом на работу я внимательно проверяю работу механизмов на каждой скважине, проверяю состояние емкости и только после этого пускаю групповые привода» [9, с. 3].

Вольнонаёмный состав публиковал в газете «За Ухтинскую нефть» свои заметки о качестве обслуживания и быта в лагере. Например, о качестве питания в столовой. «Рабочий день в столовой 3-го Промысла еще не закончен, но обедов уже нет. Обеды, конечно, готовились на всех прикрепленных, но куда-то исчезли. Зав. столовой т. Перминова просит столующихся обождать пока будет приготовлено второе блюдо. Согласно меню, на второе блюдо котлета. За котлету и уплочено... Наконец, второе подано, но вместо котлеты одним подают макароны, другим – селедку» [9, с. 4].

Во втором номере «За Ухтинскую нефть» (1943 год) опубликовано обращение И.В. Сталина к секретарю Коми Обкома ВКП(б) тов. Тараненко, председателю президиума Верховного Совета Коми АССР тов. Ветошкину, председателю Совнаркома Коми АССР тов. Турышеву. В тексте обращения были следующие слова. «Передайте трудящимся Коми Автономной Советской Социалистической Республики, собравшим пятнадцать миллионов рублей на строительство танковой колонны "Колхозник Коми АССР" и эскадрильи боевых самолетов имени товарища Берия и "Коми комсомолец", мой братский привет и благодарность Красной Армии» [10, с. 1].

Проблема разлива нефти затрагивалась в многотиражной газете «За Ухтинскую нефть». Рабочие отмечали, что нефть просачивается, что вопрос стоит остро. «Местами, из-за засоренности канавок, нефть заливает пути, покрывая даже головки рельс, смешиваясь с мусором, песком, породой – образует грязь. Куда не кинешь взгляд, всюду черные жирные лужи. Чтобы по III-му полемому, надо иметь болотные сапоги. Рельсовый путь здесь целиком залит. Примерно такое же положение и на 101 участковом. На поверхности нефтяных луж и разливов плавают куски дерева, палки, доски и целые бревна» [10, с. 2].

Информация Советского информационного бюро о ходе Великой Отечественной войне, а также вести с фронта публиковалась в каждом номере многотиражной газеты для вольнонаёмного состава «За Ухтинскую нефть». Производственные темы также постоянно затрагивались в этом периодическом издании. В газете звучали призывы участвовать в социалистическом соревновании и его итоги. Отмечалась хорошая работа, но и простои в работе также находили свое место на страницах газеты. Злостные нарушители трудовой дисциплины строго наказывались, это отмечалось в «За Ухтинскую нефть». «За злостное уклонение от мобилизации на лесозаготовку Малахова арестована и 3 января 1943 года Верховным Судом Коми АССР осуждена на 10 лет лишения свободы с поражением избирательных прав на 5 лет» [11, с. 2].

Про газету «За Ухтинскую нефть» за 1949 год известно, что заместителем ответственного редактора газеты был Мызин, он просил выступать в периодическом издании стахановцев. «Редакция газеты "За Ухтинскую нефть" просит Вас организовать выступления в нашей газете следующих стахановцев, выполнивших пятилетний план с тем, чтобы они рассказали как работали в 1948 г. и как работают в 1949 г.; т. Субботин и др., а также лучших рационализаторов в частности: Ломачкова П.П. и др.» [2, л. 74].

В 1953 году газета «За Ухтинскую нефть» издавалась под грифом «За пределы комбината не распространять». Заместителем ответственного редактора был М.И. Ширяев. Ответственным редактором был Д.М. Макаров. Газета продолжала быть органом Политического отдела. В начале 1953 года в «За Ухтинскую нефть» важное место занимала тема выборов. Например, в №4-5 был опубликован утвержденный состав участковых избирательных комиссий по выборам в районный, городской Совет депутатов трудящихся. В газете печатались призывы к трудящимся комбината шире развертывать социалистическое соревнование.

В № 8 газеты «За Ухтинскую нефть» была поднята проблема беспечности трудящихся предприятия. Редакция периодического издания отмечала, что в борьбе «...против благодушия, беспечности и ротозейства испытанным средством является критика и самокритика. Она поднимает бдительность советских людей, приковывает их внимание к недостаткам, облегчает исправление недостатков» [12, с. 1].

Как во многих лагерных газетах 1950-х годов, в «За Ухтинскую нефть» отмечалась работа новаторов и рационализаторов, как они улучшают производство. «Рационализаторы Г.Г. Кандаракин и Н.Г. Постарнак предложили и внедрили в производство автоматическую станцию, позволяющую учитывать работу участков. Экономия от этого предложения составила свыше 49 тыс. рублей» [13, с. 1].

Деятельность художественной самодеятельности также нашла свое отражение на страницах «За Ухтинскую нефть», отмечался рост ее участников, «... на итоговом концерте было представлено свыше 50 отдельных номеров, а многие из них по своему исполнению граничили с подлинным искусством, убедительно говорит о духовном росте участников самодеятельности, значительном повышении их идейно-политического уровня» [13, с. 2].

В 1953 году в «За Ухтинскую нефть» (№ 10) поднимался вопрос о повышении квалификации рабочих, было подчеркнуто, что данный вопрос является злободневным для промышленного предприятия. «Буровой мастер – центральная фигура комбината. Несмотря на это у нас до сих пор не разрешен вопрос о создании постоянно действующих курсов для повышения квалификации рабочих. ... Большая роль в организации технического образования принадлежит партийным организациям...» [14, с. 1].

«За Ухтинскую нефть» агитировала сотрудников исправительно-трудового лагеря «развертывать» критику и самокритику для лучшей организации работы на производстве.

В газете была опубликована информация о смерти и похоронах И.В. Сталина. В «За Ухтинскую нефть» отмечено, что трудящиеся комбината дали клятву верности Центральному Комитету партии и Советскому Правительству в борьбе за осуществление заветов И.В. Сталина.

В № 24 (1953 год) «За Ухтинскую нефть» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии. В связи с этим в газете звучали призывы увеличивать производственные успехи.

В апреле 1953 года на страницах «За Ухтинскую нефть» часто публиковалась информация о предмайском социалистическом соревновании. Помимо призывов к участию в нем, в газете публиковались итоги, успехи рабочих в честь соревнования. «Рабочие, инженерно-технические работники коллектива, где руководителем тов. Мамонтов, несут предмайскую стахановскую вахту. Умело используя буровое оборудование, замечательных успехов за эти дни добился район, возглавляемый тов. Старцевым. Буровики этого коллектива за 7 дней апреля месячное задание по крейсерскому бурению выполнили на 62 процента...» [15, с. 1].

В газете «За Ухтинскую нефть» помимо информации о добыче нефти публиковались материалы о подготовке сплава леса. «Предстоящий лесосплав – период напряженной работы. По рекам Ухта и Ижма предстоит сплавить и выгрузить из воды 234 тыс. кубометров древесины. Задача заключается в том, чтобы в полноводный период отправить наибольшее количество древесины и тем самым наилучшим образом использовать пропускную способность наших рек» [16, с. 1].

Подготовка к весеннему севу также была описана в газете «За Ухтинскую нефть», были обозначены ее недостатки и намечены задачи руководства сельским хозяйством. Подготовка жилья к зиме и связанные с этим проблемы были описаны в этом периодическом издании. Подчеркнуто, что это являлось проблемой государственного масштаба. Было необходимо создавать трудящимся хорошие бытовые условия. Но в действительности данные показывали, «что капитальный ремонт жилого фонда в городе (Ухта – М.Н.) поставлен под угрозу срыва. На 5 июня годовой план выполнен всего лишь на 17 процентов» [17, с. 1].

В «За Ухтинскую нефть» разбирались особенности и задачи агитационно-пропагандистской работы, она «...должна быть построена так, чтобы она помогала неуклонному росту политической сознательности личного состава, повышению его бдительности, мобилизации всего личного состава на достижение более высоких показателей в учебе и дисциплине, четкого выполнения стоящих перед подразделениями задач» [18, с. 1].

Итак, многотиражная газета «За Ухтинскую нефть» как исторический источник раскрывала суть агитационно-массовой работы с вольнонаёмным составом исправительно-трудового лагеря. В газете давались рекомендации по ведению агитационной и пропагандистской работы. Но и это периодическое издание направляло трудящихся к качественному труду, к участию в социалистическом

соревновании, улучшению качества жилищ, к весеннему севу. В газете рассматривались производственные и общественно-бытовые условия вольнонаемного состава ИТЛ.

1. ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» (ГУ РК «НА РК»). – Ф. П-1464. Оп. 1. Д. 43. Л. 6.
2. ГУ РК «Национальный архив Республики Коми» (ГУ РК «НА РК»). – Ф. П-1464. Оп. 1. Ед.хр. 143. Л. 74.
3. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои (Россия – по дорогам фанатизма и мученичества). - М.-СПб., 1998. – С. 3.
4. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. – М. : РОССПЭН, 2008. – 302 с.
5. За Ухтинскую нефть. – 1942. – № 3. – С. 1.
6. За Ухтинскую нефть. – 1942. – № 9. – С. 1.
7. За Ухтинскую нефть. – 1942. – № 11. – С.1–3.
8. За Ухтинскую нефть. – 1942. – № 13. – С. 1.
9. За Ухтинскую нефть. – 1943. – № 1. – С. 1–4.
10. За Ухтинскую нефть. – 1943. № 2. – С. 1.
11. За Ухтинскую нефть. – 1943. № 6. – С. 1–2.
12. За Ухтинскую нефть. – 1953. № 8. – С. 1.
13. За Ухтинскую нефть. – 1953. № 9. – С. 1.
14. За Ухтинскую нефть. – 1953. № 10. – С. 1.
15. За Ухтинскую нефть. – 1953. № 27. – С. 1.
16. За Ухтинскую нефть. – 1953. № 28. – С. 1.
17. За Ухтинскую нефть. – 1953. № 41. – С. 1.
18. За Ухтинскую нефть. – 1953. № 54. – С. 1.
19. Светопольская, В. О. Вклад заключенных ГУЛАГа в развитие промышленных отраслей Республики Коми / В. О. Светопольская // Политические репрессии в России. XX век. – Сыктывкар, 2001. – С. 127–135.

Дьякова Е.В.

ПООЩРЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ХАРЬКОВСКОГО ОБЛВОЕНКОМАТА К ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРАЗДНИКАМ

Поощрение сотрудников является важным стимулом для улучшения производительности труда. Украинская историография бегло касается этой темы, в основном при исследовании отдельных производств. Поэтому данная проблема сегодня остается малоисследованной.

Целью данной работы является на примере приказов Харьковского областного военного комиссара показать виды поощрений сотрудников организации в праздничные дни.

Для исследования были использованы приказы военного комиссара, хранящиеся в отделе кадров Харьковского областного военного комиссариата (далее – облвоенкомат, ХОВК). Хронологически определены 1946-1991 годы, то есть послевоенный период советского времени [1]. Этот период ярко демонстрирует, как менялись виды стимулирования работы сотрудников ХОВК.

Как известно, существуют моральные и материальные виды поощрений. К моральным видам относятся: объявление благодарности, выдача почетных грамот, досрочное снятие взыскания, отправка благодарственного письма на родину. К материальным видам относятся: выдача премии, ценного подарка, предоставление отпуска, повышении в звании.

После окончания Второй мировой войны экономическая ситуация в Советском Союзе была крайне тяжелой. Тем не менее правительство находило возможность поощрять людей за хорошую работу, в том числе и сотрудников местных органов военного управления.

Анализируя приказы облвоенкомата, можно увидеть, что в разные годы в них отмечались разные государственные праздники. Самыми популярными оказались два праздника. Это День Советской Армии и Военно-Морского Флота (23 февраля) и Международный женский день (8 мая). К этим датам практически каждый год издавались праздничные приказы. Даже день Октябрьской революции (7 ноября) оказался менее отмечаемым в приказах (хотя и не на много).

С 1971 года ежегодно в приказах комиссара стал отмечаться День Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (9 мая). Хотя, справедливости ради, надо отметить, что первый приказ, посвященный этому событию, был издан в 1965 году. Но потом до 1971 года приказов к этой дате не было.

Еще несколько приказов было издано к Международному дню солидарности трудящихся (1 мая) (6 приказов), Дню образования Союза Советских Социалистических Республик (30 декабря) (4 приказа) и Дню создания военных комиссариатов (8 апреля) (3 приказа).

При изучении личного состава ХОВК выяснилось, что его сотрудниками числились офицеры, военнослужащие срочной службы и вольнонаемные работники как областного, так и районных, городских военкоматов. Кроме того, с 1958 года областной военный комиссар поздравлял с праздниками военнослужащих, находившихся в запасе или отставке. Прежде всего это происходило к датам 23 февраля, 9 мая, 7 ноября и 30 декабря. Это зафиксировано в праздничных приказах, согласно которым все категории сотрудников и военнослужащих получали поощрения. Также следует заметить, что ко Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота поощрялись не только военнослужащие, но и вольнонаемные сотрудники, в том числе и женщины.

Основным видом поощрения была благодарность. Часто служащих награждали грамотами. Но уже с 1946 года выдавались и премии. Так, в 1946 году к 23 февраля сотрудники получили по 200 и 300 рублей, а к 8 марта – по 200 и 150 рублей [1, приказы № 78 от 22.02.1946 г., № 97 от 8.03.1946 г.]. Интересно, что с улучшением экономического состояния Советского Союза, сумма премии уменьшилась. В 1949 г. она составляла уже 150, 100, 50 рублей [1, приказы № 66 от 23.02.1949 г., 13/80 от 8.03.1949 г.]. В 1961 году премия составляла 20, 15, 10 рублей. Но следует помнить, что в этом году произошла денежная реформа, заключающаяся в деноминации с коэффициентом 10:1 (то есть 10 старых рублей соответствовали 1 новому). Поэтому сумма премии не менялась, но соответствовала новым денежным стандартам. Следует отметить, что сумма премии в 20, 15, 10 рублей оставалась неизменной до 1987 года. Но, если в 1960-х годах, это были хоть и небольшие, но всё-таки деньги, то в 1980-х годах, когда начала расти инфляция, на 10 рублей мало что можно было купить и такие премиальные вызывали лишь горькую насмешку.

С 1949 года начали выдавать подарки. Причем первыми их получили женщины. К Международному женскому дню их выдали 20 сотрудницам областного, городских и районных военкоматов [1, приказ № 30/80 от 8.03.1949 г.]. К сожалению, сегодня сказать, что это были за подарки невозможно – в приказе не указано, а сегодняшние сотрудники об этом просто не знают. Мужчины стали получать подарки несколько позже. Впервые это произошло в 1954 году при праздновании 37-й годовщины Октябрьской революции [1, приказ № 175 от 6.11.1954 г.].

Среди подарков в советское время самыми распространенными были часы (мужские и женские), радиоприемники, электробритвы. Также женщинам дарили сервисы, мужчинам – шахматы, книги, наборы ручек.

С 1979 года военнослужащие срочной службы получали, как поощрение, 10-дневный отпуск на родину (без учета дороги домой и обратно) [1, приказ № 63 от 22.02.1979 г.].

Происходили дополнения и в моральном поощрении. С 1974 года в честь праздника досрочно снимались с офицеров взыскания, «как сыгравшие свое воспитательное значение». Причем сначала снятие взысканий печаталось отдельным приказом и лишь в 1980-х годах стало отдельным пунктом в поздравительном приезде.

Но есть приказы, изданные к праздникам, но имеют свою специфику. В 1952 году накануне Международного Женского дня была проведена выставка вышивок, сделанных ленами семей офицерского состава и вольнонаемными служащими областного, городских и районных военкоматов. В приказе был отмечен Чугуевский райвоенкомат, как предоставивший работы, лучшие по качеству и количеству. В связи с этим 28 женщинам, среди которых были и офицерские жены, объявлена благодарность [1, приказ № 36 от 15.03.1952 г.]. В 1958 году каждой сотруднице облвоенкомата в качестве подарка преподнесли торт по цене 9 рублей 50 копеек, что отмечено в соответствующем приказе [1, приказ № 49 от 7.03.1958 г.].

В 1958 году отмечался юбилей Советской Армии. К этой дате была выпущена юбилейная медаль «40 лет Вооруженных Сил СССР». Офицеры местных органов военного управления также были удостоены этой награды. И так получилось, что в 1958 году это было единственным поощрением для офицерского состава военкоматов Харьковской области [1, приказы № 32 от 18.02.1958 г., № 36 от 22.02.1958 г., № 38 от 22.02.1958 г.].

В 1968 году в ознаменование 50-летия создания военных комиссариатов были учреждены вымпелы 1-й, 2-й и 3-й степени для награждения «за достигнутые успехи в выполнении задач,

стоящих перед военкоматами» [1, приказ № 134 от 5.04.1968 г.]. Этим же приказом были награждены соответственно Киевский, Орджоникидзевский райвоенкоматы города Харькова и Богодуховский райвоенкомат Харьковской области.

Отдельно была отмечена деятельность медперсонала, работающего на призывных пунктах, и профессорско-преподавательского состава Харьковского государственного юридического института. Медработники были отмечены 1959 году ко дню Октябрьской революции [1, приказ № 244 от 6.11.1959 г.], а преподаватели вуза – ко Дню Победы в 1974 году [1, приказ № 138 от 7.05.1974 г.]. И медработникам, и преподавателям вуза были объявлены благодарности и вручены грамоты.

Изданные ко дню Октябрьской революции приказы в 1946 и 1956 годах носили не поздравительный характер, а требовали усиления бдительности. Офицерам, служившим в облвоенкомате, запрещалось даже покидать город, ездить на собственном автотранспорте [1, приказы № 424 от 5.11.1946 г., № 122 от 1.11.1956 г.].

Кстати такой же тревожный приказ был издан накануне нового 1992 года. Как известно, к этому времени Советский Союз уже не существовал. Но накануне праздника тогдашний областной военный комиссар Ю. Клынкин издал приказ, согласно которому требовал: «высокой мобилизационной подготовленности, бдительного несения дежурства» [1, приказ № 429 от декабря 1991 г. (число не указано)]. Особо указывалось на сохранность оружия и боеприпасов. Также комиссар требовал в выходной и праздничный дни дежурным райвоенкоматов докладывать по телефону об обстановке на местах в 7.00 и 22.00. А дежурным военкоматов города Харькова, Богодуховского, Волчанского, Дергачевского, Харьковского и Чугуевского районов дополнительно звонить в 10.00 и 16.00 [1, приказ № 429 от декабря 1991 г.].

Таким образом, поощрение сотрудников Харьковского областного военного комиссариата в годы советской власти к государственным праздникам было постоянным. Но в основном поощрение носило моральный характер, хотя и материальные вознаграждения были частыми.

1. Архив отдела кадров Харьковского областного военного комиссариата.

Афанасьева Ю.А., Козельчук Т.В.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ В ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ПИСЕМ ГРАЖДАН ВО ВЛАСТЬ (НА МАТЕРИАЛАХ ПОСЛЕВОЕННОГО КУРГАНА)

Письма советских граждан в государственные учреждения, обращения к партийным и государственным деятелям по различным вопросам и разного характера – от жалоб и просьб до предложений и благодарностей, именуемые в научной литературе собирательным термином «письма во власть», – это особая разновидность делопроизводственных документов [17; 18; 20; 23]. Как правило, большая часть таковых, за исключением отдельных экземпляров, опубликованных в периодической печати, отложилась в госархивах и представляет собой нетронутый пласт исторических источников, хотя, по словам А.Я. Лившина: ««Письма во власть» – один из наиболее интересных примеров «говорящих», текстово-речевых источников, отражающих культурный опыт предшествующих поколений наравне с типами повседневных политических, социальных и личностных взаимодействий» [21, с. 128].

Письменные обращения населения и реакция на них местной администрации – это специфическая форма общественных отношений, реализации задач управления городом на базе обратной связи [26, с. 157]. Эти материалы позволяют изучить не только настроения и мнения различных слоев общества, но и понять, как строился своеобразный «диалог власти с народом» [27, с. 161]. Как указывал А.В. Захаров, главная причина, побуждавшая людей апеллировать к власти, была связана с их стремлением установить контакт с властью, который позволял бы «высказаться о наболевшем» [14, с. 28]. Одним словом, это ценный исторический источник [12; 13; 15; 16; 19], и, на наш взгляд, особенно незаменимый в региональных исследованиях.

Но, прежде чем, привлекать к историческим реконструкциям эту «совокупность разнообразных эпистолярных жанров» [28, с. 3] необходимо провести внутреннюю классификацию. Именно классификация рассматривается в настоящей статье как один из важнейших элементов

источниковедческого анализа писем граждан во власть. При исследовании особой группы источников, каковыми являются письма во власть, классификация становится необходимой процедурой, позволяющей решить целый комплекс источниковедческих проблем и повысить их информационный потенциал.

Существует несколько классификаций этого источника, предложенных отечественными и зарубежными историками по таким критериям, как социальный статус авторов, жанр писем, стилистические особенности, содержание. Например, Ш. Фицпатрик предложила делить эти документы по жанрам: «крик о помощи», «доносы и жалобы», «критические письма», «исповедальные» и др. [22, с. 196]; Е. В. Суровцева распределила обращения граждан на письма-инвективы (обвинения и вызов властям), письма-декларации (высказывается мировоззренческая позиция), письма-памфлеты, письма-жалобы, письма-дифирамбы [23; 24]; В.В. Кабанов «в зависимости от того, для чего пишется письмо» выделяет просьбы, жалобы, информативные письма, разоблачающие и критикующие действия отдельных должностных лиц и учреждений, предложения и прожекты, «философские письма» (письма-раздумья о понимании автором тех или иных ситуаций в области политики, экономики, в сфере духовной жизни), поздравительные письма, доносы [17, с. 228].

А.К. Соколов выделил обращения в советские и партийные органы, письма трудящихся в газеты и «письма вождям» (включая представителей культуры и науки) [23]; А.Б. Храмцов систематизирует письма по их адресату (органы власти, учреждения, газеты, отдельные чиновники); адресанту (один автор-податель или группа); по социальной, сословно-профессиональной принадлежности авторов, содержательной части, мотивировке послания и прочее [26].

Тем не менее, существующие классификации не всегда применимы к конкретным, отложившимся в местных архивах, документальным коллекциям, в частности, к письмам курганцев во власть послевоенного периода. Например, деление писем по разновидности (заявления, прошения, жалобы) на практике оказывается малорезультативной: в обращениях под названием «заявление» содержались как жалобы, так и просьбы. По словам А.Б. Храмцова, указанные понятия в послевоенное время почти не дифференцировались [26]. Также в исследуемых нами фондах [1–11] не представлены исповедальные письма, письма-дифирамбы, письма-декларации, «философские письма», проекты и поздравительные письма, не были обнаружены обращения к лидерам страны. Кроме того, в перечисленных нами классификациях критерий авторства либо не учитывается, либо является второстепенным; как критерий не принимаются во внимание приемы убеждения, используемые гражданами. Всё это определяет необходимость разработки собственной классификации рассматриваемой группы источников с учетом местной специфики.

Источниковую основу данного исследования составили фонды Государственного архива общественно-политической документации Курганской области, а именно, фонд Курганского областного комитета КПСС и фонд Партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Курганской области за 1945–1953 гг. [1–11].

Было рассмотрено более двухсот писем, авторами которых являлись жители Кургана и его пригорода. Это люди абсолютно разных возрастов и профессий: рабочие, учителя, врачи, строители, инженеры, бывшие военнослужащие, писатели и пр.; родственники фронтовиков и погибших воинов, демобилизованные солдаты, инвалиды; мужчины и женщины; молодые люди и пенсионеры и т.д. В связи с этим, на наш взгляд, одним из важнейших классификационных критериев, позволяющих провести начальную систематизацию писем, является авторство, а именно, индивидуальное или групповое (коллективное).

Коллективные письма, то есть письма от группы граждан, объединенных по различным признакам (домовладельцы одной улицы, покупатели, сотрудники школы или больницы и пр.), оказывались более действенными; как источник они более информативны, так как кроме типичных городских проблем передают отношение курганцев к местной власти, их оценки окружающей действительности. Так, в одном из коллективных писем рабочих писалось: «Наша власть несет ответственность, так почему власть вместо того, чтобы решать проблемы, делает вид, что не замечает их ..., везде блат» [9, л.101–102]. Из всей совокупности привлеченных к исследованию писем примерно 7% были написаны от различных групп граждан.

Индивидуальные письма описывают, как кажется на первый взгляд, некие частные проблемы заявителей, однако, в подавляющем большинстве эти личные или семейные случаи являются отра-

жением повседневного бытования горожан. Как, например, жилищно-коммунальная проблема: «С момента проведения водопровода ... квартира, в которой я проживаю, залита водой, сырость в квартире невозможная... Мною выкачено несколько тысяч ведер. Здание разрушается, пол прогнил, стены насквозь пропитались водой... Я не за себя боюсь, а за своих детей» [11, л. 34–35].

Деление писем на индивидуальные и коллективные позволяет уже на предварительном этапе источниковедческого исследования определить категории горожан, которые либо были наиболее уязвленными в послевоенные годы, либо (или одновременно) были наиболее социально активными.

Двумя другими важнейшими критериями классификации писем, связанными как с вышеназванным критерием, так и друг с другом, являются форма и тематика. В рассматриваемый период курганцы писали, как самые простые просьбы и заявления, так и довольно серьезные жалобы и сигнальные донесения, в которых довольно эмоционально излагали волнующие их проблемы. Это были заявления об увольнении по семейным обстоятельствам или по состоянию здоровья; просьбы о выделении жилья («прохожу непрерывные мытарства и издевательства по квартирному вопросу» [7, л. 188–189]); жалобы на качество продуктов в магазинах («какие-то отвратительные и горькие отбросы и злаки» [7, л. 53]); сигналы о злоупотреблениях чиновников или бюрократизме («деятели горкома безответственные люди. Они разлагают кадры, занимаются спекуляциями, всюду круговая порука и семейственность ..., где у этих людей совесть?») [5, л. 44]). При этом форма письма определяла стилистику текста: наиболее драматичными оказывались просьбы и жалобы.

Проводя классификацию писем граждан во власть важно проследить ответную реакцию соответствующих органов и должностных лиц. В своих обращениях граждане ставили довольно острые проблемы, которые власти в силу объективных или субъективных причин не могли решить быстро, именно поэтому есть необходимость разделить изучаемые письма по их повторяемости: единичные и повторные. Повторность жалобы – один из показателей остроты вопроса и одновременно неэффективности управленческой системы. Повторные письма интересны также своей стилистикой, так как авторы прибегали к ещё большей эмоциональности, использовали яркие эпитеты, способные побудить власть к решению вопросов, оставленных без ответа. Например, как в жалобе одного курганца, у которого из-за неприемлемых жилищных условий «почти угробили двух детей» [8, л. 104–107]. Высшие инстанции Кургана в итоге ответили на его просьбу: дали ордер на квартиру, обеспечили двух его дочерей валенками, теплой одеждой и платьями. Для источниковедческого исследования важно, что повторность подачи жалобы свидетельствует в пользу достоверности источника.

Итоговый вариант классификации писем курганцев во власть представлен в таблице 1.

Таблица 1. Критерии классификации писем граждан г. Кургана во власть (1946–1953 гг.)

Критерий	Классификация (письма по категориям расположены в порядке количественного убывания)
Форма (жанры)	1. Просьбы. 2. Жалобы. 3. Заявления. 4. Письма-сигналы (уведомление властей о каком-либо нарушении закона).
Авторство	1. Индивидуальные письма. 2. Коллективные письма.
Повторность	1. Единичные письма. 2. Повторные письма.
Тематика	1. Обеспечение продовольствием. 2. Жилищно-коммунальные проблемы. 3. Злоупотребления власти. 4. Вопросы образования и воспитания детей. 5. Сообщения о преступлениях. 6. Условия труда и взаимоотношения с начальством.

Таким образом, благодаря описанному подходу к классификации писем курганцев во власть, мы смогли выявить социальные группы горожан, которых прежде всего коснулись проблемы послевоенного времени, четко обозначить эти проблемы, составить представление об эффективности власти в различных ситуациях, определить приемы, используемые авторами для оказания большего воздействия на власть (коллективные обращения, написание повторных писем), отчасти верифицировать рассматриваемые источники.

1. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). – Ф. 166. Оп. 2. Д. 171.
2. ГАОПДКО. – Ф. 166. Оп. 5. Д. 79.
3. ГАОПДКО. – Ф. 166. Оп. 5. Д. 80.
4. ГАОПДКО. – Ф. 166. Оп. 6. Д. 66.
5. ГАОПДКО. – Ф. 166. Оп. 6. Д. 79.
6. ГАОПДКО. – Ф. 166. Оп. 6. Д. 80.
7. ГАОПДКО. – Ф. 166. Оп. 9. Д. 257.
8. ГАОПДКО. – Ф. 166. Оп. 10. Д. 112.
9. ГАОПДКО. – Ф. 171. Оп. 1. Д. 31.
10. ГАОПДКО. – Ф. 171. Оп. 1. Д. 32.
11. ГАОПДКО. – Ф. 171. Оп. 1. Д. 61.
12. Дэвис, С. Мнение народа в сталинской России: террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941 / С. Дэвис ; пер. с англ. В. Н. Морозова. – М. : РОССПЭН, 2011. – 231 с.
13. Захаров, А. В. Народные образы власти / А. В. Захаров // Полис. – 1998. – № 1. – С. 23–36.
14. Захаров, А. В. Письма из недалекого прошлого / А. В. Захаров, Н. Н. Козлова // Свободная мысль. – 1993. – № 7. – С. 79–89.
15. Зубкова, Е. Ю. Мир мнений советского человека 1945–1948 гг. по материалам ЦК ВКП(б) / Е. Ю. Зубкова // Отечественная история. – 1998. – № 3. – С. 25–39.
16. Иванов, В. А. Анонимщики и власть в Советской России: 1930–1960 гг. / В. А. Иванов // Новая и новейшая история. – 2011. – № 1. – С. 27–43.
17. Кабанов, В. В. Источниковедение истории советского общества. Курс лекций / В. В. Кабанов. – М., 1997. – 383 с.
18. Кабашов, С. Ю. Организация работы с обращениями граждан в истории России / С. Ю. Кабашов. – 3-е изд. – М. : ФЛИНТА, 2016. – 312 с.
19. Кулаков, А. А. Общество и власть: российская провинция 20–30-х годов. Проблемы и источники изучения / А. А. Кулаков // Век XX: Общество и региональная власть. Проблемы историографии: монография / Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. – Нижний Новгород, 2009. – С. 22.
20. Лившин, А. Я. Власть и общество: диалог в письмах / А. Я. Лившин. – М. : РОССПЭН, 2002. – 205 с.
21. Лившин, А. Я. Власть и общественные настроения послереволюционной эпохи (по письмам во власть) / А. Я. Лившин // Куда идет Россия?... Власть, общество, личность. 2000: (Седьмой) международный симпозиум, 17–18 янв. 2000 г. – М. : Изд-во института «Московская высшая школа социальных и гуманитарных наук», 2000. – С. 128–134.
22. Русина, Ю. А. Источниковедение новейшей истории России. Учебное пособие / Ю. А. Русина. – Екатеринбург : УрФУ, 2015. – 236 с.
23. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: учебник / А. К. Соколов, Ю. П. Бокарев, Л. В. Борисова и др. – М. : Высшая школа, 2004. – 687 с.
24. Суровцева, Е. В. Письмо-инвектива как жанровая разновидность «письма вождю» (постсталинская эпоха) / Е. В. Суровцева // Наука и современность. – 2010. – С. 289–296.
25. Суровцева, Е. В. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920–1950-е) / Е. В. Суровцева. – М. : АИРО-XXI, 2008. – Т. 30. – 168 с.
26. Храмцов, А. Б. Письма граждан во власть как источник изучения повседневной жизни Тюмени начала XX в. / А. Б. Храмцов // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2011. – № 12. – С. 157–170.
27. Чернышева, А. В. «Письма во власть» как отражение результатов государственной политики (исторический аспект) / А. В. Чернышева // Социология власти. – 2005. – №4. – С. 114–121.
28. Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.). Сборник документов / сост. В. И. Шишкин. – 2-е изд., расшир. и доп. – Новосибирск : Автограф, 2015. – 421 с.

Шкляр П.А.
К ПРОБЛЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ В БИГОСОВО
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-Х – 1960-Е ГГ.)

На протяжении нескольких послевоенных десятилетий в Бигосово функционировали разнообразные воспитательно-образовательные учреждения, которые благотворно влияли на развитие инфраструктуры населенного пункта и создание новых рабочих мест. После войны здесь действовал Бигосовский специальный детский дом, который в середине 1950-х гг. был преобразован в детский санаторий для детей больных костным туберкулёзом. В разные годы функционировали средне специальные заведения: с 1945 по 1950 год находился переведенный из разрушенного Полоцка техникум сельскохозяйственного строительства; с 1957 по 1970 год – зооветеринарный техникум. Техникумы готовили специалистов по широкому кругу специальностей, что позволило Бигосово стать не только крупным населённым пунктом, но также важным центром по подготовке молодых специалистов.

Актуальность исследования задана современной государственной политикой, которая предусматривает изучение и создание истории малой родины, так как региональная тематика до сегодняшнего времени остается малоизученной и это касается истории Бигосово, особенно в послевоенный период.

Важную информацию по истории образования в Бигосово содержат материалы фонда 124-П «Первичные организации Коммунистической партии Белоруссии учреждений народного образования Витебской области (Первичные организации КПБ учреждений народного образования Витебской области)» Государственного архива Витебской области [1]. Данный фонд содержит документы первичной партийной организации Бигосовского зооветеринарного техникума, школы по подготовке председателей колхозов (действовала на станции Бигосово в 1950-х гг.). Фонд содержит протоколы и решения заседаний партийной организации, на которых обсуждались все важные вопросы, касающиеся обучения и материально-бытового обслуживания перечисленных учебных заведений. Из материалов фонда можно составить представление о контингенте учащихся, их успеваемости учащихся. Однако документы фрагментарны, так как отсутствуют отчёты партийной организации за некоторые годы. Например, не указана информация о дате ликвидации первичной партийной организации Бигосовского зооветеринарного техникума при переезде в Лужесно, что даёт основание для исследования этого вопроса. Изучив документы данного фонда, можно сделать вывод, что партийная организация курировала все вопросы учебного процесса, культурного и физического воспитания, материально-бытового обслуживания учреждений образования.

Наиболее широко позволяют раскрыть тему материалы Зонального государственного архива в городе Полоцке. Фонд № 1066 – «Полоцкий строительный техникум» содержит в основном делопроизводственную документацию, а именно приказы директора по основной деятельности и личному составу, списки и личные дела учащихся, переписку выпускников и руководства техникума, которые позволяют изучить разные аспекты функционирования средне специального заведения. Документы фонда содержат дату и подробности перевода учебного заведения «в соответствии с тем, что в городе Полоцке учебный корпус и общежития техникума были разрушены и не подлежали восстановлению, руководствуясь Постановлением СНК БССР от 8 февраля 1945 г. № 127 для организации занятий в 1945/1946 учебном году разместить техникум на территории Белорусской опытной станции животноводства в рабочем поселке Бигосово» [2, л. 1, 1 об.]. Техникум сельскохозяйственного строительства был размещён в трёх зданиях бывшего имения Витольда Нитославского и начал свою деятельность с 15 марта 1945 г.

В архиве имеется фонд № 1487 – «Бигосовский специальный детский дом», в котором хранится всего лишь 2 дела, которые не дают возможности наиболее полно оценить положение детского дома в послевоенный период [4]. Документы, хранящиеся в фонде, представляют собой отчёты по работе детского дома, в которых описывается состояние зданий, количество воспитанников. Согласно документам, в Бигосовском детском доме находились по различным причинам: дети воинов Красной Армии погибших на фронтах (63 человека); дети, родители которых погибли в партизанских отрядах (4 человека); дети, родители которых погибли от рук нацистов (29 человек); дети, ро-

дители которых находились в рядах РККА (3 человека); дети, несоответствующие перечисленным показателям (35 человек) [5, л.1, об.1-2]. Документы фонда очень фрагментарны и не позволяют составить мнение об условиях проживания воспитанников. Глубже понять ситуацию с материально-техническим обеспечением предоставляют материалы фонда Дриссенского райисполкома (фонд № 129) [3]. В фонде хранятся записи постановлений и решений райисполкома по основной деятельности, а также проверке Бигосовского детского дома. Например, документы указывают на то, что детский дом не был подготовлен к функционированию в зимний период. Серьёзной проблемой была переполненность учреждения. Выписка из протокола исполкома Дриссенского райсовета от 21 ноября 1945 г. свидетельствует, что только 80 – 90 человек из 135 размещались в подготовленных и благоустроенных помещениях. Остальные дети размещались в полуразрушенных частных домах и здании бывшей заставы, которое было приспособлено для скотника [6, л. 34, об.1-2]. Материалы фонда свидетельствуют, что положение детского дома было очень тяжёлым, имело место несвоевременное обеспечение необходимыми продуктами и вещами, а также большое количество инфекционных заболеваний среди детей.

Фонд № 1738 – «Учреждения образования Западной железной дороги» содержит небольшое количество документов по деятельности Бигосовской средней школы № 65 с 1947 по 1954 год [7]. В фонде находится несколько дел по деятельности Бигосовской школы рабочей молодёжи № 11. Две эти школы относились к станции. Поэтому назывались учреждениями образования станции Бигосово Западной железной дороги. В фонде хранятся такие документы, как записи заседаний педсовета, учебные планы, финансово-экономические отчёты. Однако дела представлены фрагментарно, по каждому году примерно 1-3 дела разного характера. Некоторые из них вообще утеряны. Возможно, такое состояние фонда связано с тем, что после войны положение школы было очень тяжёлым, вести документацию было очень трудно, многие документы могли не передаваться в архив или быть утеряны. Некоторые документы по деятельности учреждений среднего образования хранятся в фонде Дриссенского райисполкома, который упоминался выше. В связи с тем, что Бигосово входило в состав Верхнедвинского (в изучаемый период – Дриссенского) района, в данном фонде содержатся приказы, постановления, решения райисполкома по основной деятельности Бигосовского сельского совета и всех учреждений, которые в него входили. По другим учебным заведениям информация в Зональном государственном архиве представлена лишь фрагментарно. Информацию о работе воспитательно-образовательных учреждений можно найти в отчётах и решениях Бигосовского сельского совета, Верхнедвинского райисполкома, однако она не раскрывает полностью особенности работы этих заведений, не даёт характеристику их положения в изучаемый период.

Необходимо отметить, что некоторые архивные документы могут представлять собой ещё один вид источников по данной теме – материальные источники. Работая с документами, особенно первой послевоенной пятилетки, была выявлена особенность, которая заключается в том, что многие акты, решения, постановления, расписки и другие виды документов написаны на любом подручном материале – использовались обои, газеты, плакаты, немецкие тетрадные листы, калька и др. Кроме того, документы, написанные на таком материале, в основном, относятся к тем, которые отправлялись в райисполком, а не наоборот, то есть документы райисполкома написаны на чистых тетрадных или обычных листах. Это говорит о том, что в послевоенный период материальное положение не только населения, но и самих сельсоветов было очень тяжёлым, особенно в небольших деревнях. Также к данному виду источников можно отнести тетради, учебные пособия изучаемого периода, а также дипломы учащихся.

Фрагментарность архивных материалов в некоторой степени позволяют дополнить материалы устной истории. Необходимо подчеркнуть, что при использовании материалов устной истории требуется определенная осторожность при изучении фактической истории прошлого, так как личное восприятие человека субъективно, и факты могут быть искажены в силу политической, классовой, национальной и религиозной тенденциозности, слабой информированности и т.д. [8]. В ходе исследования автором были выявлены и опрошены бывшие учащиеся и работников Бигосовского зооветеринарного техникума. Каждый из них по-своему вспоминал учёбу и работу в техникуме, однако наблюдались и общие тенденции. Общим для всех было то, что учёба в техникуме была трудной, было много домашнего задания. Материалы устной истории

подтверждают данные архивных документов о том, что материально-техническая база техникума была недостаточной для нормальной организации учебного процесса. Кроме того, тяжёлым было материальное положение учащихся. Например, Юхневич Марина Мартыновна, которая в техникум поступила в 1964 г., вспоминала, что «...стипендия была 22 рубля и сколько-то копеек... Ну, конечно, маловато. Если помощи из дома нет, учиться совсем тяжело. Дороги там никакие были. Мы там по грязи. Удобств никаких. У нас так в общаге туалет был на улице. Так вечером мы всегда бегали кучей вместе, как боялись девчонки. Все такие свои были, молодые. Мы вместе все». Кроме интересных фактов об организации учебного процесса и бытовых трудностей, бывшие ученики техникума вспоминали про особенности повседневной жизни и увлечениях, характерных для молодёжи того времени. Например, все интервьюированные говорили о том, что за одеждой и обувью они ходили или ездили в Латвию, подчеркивая, что качество латвийской одежды было намного лучше по качеству и фасону. С теплотой вспоминали о сельских танцах и походы в кино. Информации подобного рода не содержится в архивных документах, что делает устную историю важным дополнительным источником по теме.

Таким образом, основными источниками по данной теме являются архивные документы и материалы устной истории. Детальное изучение каждого вида источников, анализ, сравнение и сопоставление информации позволит реконструировать события прошлого и вывести исследование по истории образования Бигосово на качественно новый уровень.

1. Государственный архив Витебской области. – Ф. 124-П «Первичные организации Коммунистической партии Белоруссии учреждений народного образования Витебской области (Первичные организации КПБ учреждений народного образования Витебской области)».
2. Зональный государственный архив в г. Полоцке (далее – ЗГА г. Полоцка). – Ф. 1066 «Полоцкий строительный техникум». Оп. 1. Д. 1.
3. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 129 «Верхнедвинский районный Совет депутатов. Верхнедвинский районный исполнительный комитет, г. Верхнедвинск Витебской области».
4. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 1487 «Бигосовский специальный детский дом».
5. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 1487 «Бигосовский специальный детский дом». Оп. 1. Д. 1.
6. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 154 «Бигосовский сельский Совет депутатов и исполнительный комитет, д. Бигосово Верхнедвинского района Витебской области». Оп. 2. Д. 148.
7. ЗГА г. Полоцка. – Ф. 1738 «Учреждения образования Западной железной дороги».
8. Устная история [Электронный ресурс] // Устная история. – Режим доступа: www.studme.org. – Дата доступа: 10.01.2019.

Сумко Е.В.

САМОГОНОВАРЕНИЕ В ПОСЛЕВОЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ В ДИСКУРСЕ УСТНОЙ ИСТОРИИ ВИТЕБЩИНЫ

Проблематика жизнеобеспечения в исторической науке активно дискутируется в поле междисциплинарного диалога. В современных исследованиях предметно-объектная область расширяется за счет присоединения сюжетов о психологическом микроклимате и системе ценностей в крестьянских коллективах, о выработанном крестьянством механизме преодоления трудностей в условиях трансформации социально-экономического и политического строя. Это стало возможным благодаря расширению источникового поля исследований и активном использовании материалов устной истории, которые позволяют понять динамику рассматриваемой проблемы, зафиксировать определенную картину, созданную коллективной памятью.

В период послевоенного восстановления система жизнеобеспечения белорусской деревни имела свою специфику. В условиях разрушенной войной экономики, для советского правительства одной из первоочередных задач являлось восстановление на освобожденных территориях колхозной системы как опробированного механизма обеспечения продуктами и сырьем городов, промышленных центров. В свою очередь, для сельского населения «послевоенное восстановление» означало восстановление личного хозяйства, разрушенного войной, которое являлось основным источником жизнеобеспечения крестьянской семьи. Сельчане в своих воспоминаниях подчеркивают, что получить «живые деньги» за работу в послевоенном колхозе было практически невозможно, а реальные суммы выплат были чрезвычайно мизерными. В тяжелых

условиях крестьяне, чтобы выжить и прокормить семью, были вынуждены прибегать к нелегальным способам жизнеобеспечения, которые зачастую имели криминальный характер. Это зафиксировано в архивных документах, однако именно материалы устной истории позволяют глубже понять суть проблемы, изучить неформальные практики, которые осуществлялись за пределами колхозной системы. В 2000–2010-х гг. полевыми этнографическими экспедициями Полоцкого государственного университета было записано более 150 воспоминаний сельских жителей Витебщины. Часть из них опубликована, часть хранится в фольклорном архиве ПГУ.

В фактически экстремальных условиях важным дополнительным источником жизнеобеспечения было самогонование, которое представляло собой эффективный способ “конвертации” сельскохозяйственной продукции в “живые деньги”. В первые послевоенные годы прагматика самогонования носила преимущественно коммерческий характер, поскольку продажа самогона давала необходимые ресурсы для восстановления собственного хозяйства, приобретения предметов первой необходимости [4, с. 128]. Респонденты отмечали, что самогон был средством расчёта за разные бытовые услуги, а также играл важную роль во время товарообменных операций, как в сельском социуме, так и между городом и деревней: *“Яна ж ідзе на базар. Таргуець. Яны і папрасяць: “Ты мне ў такую та хату прынясі, дамоў”. Гналі з бульбы, зярно прарошчвалі. Баня стаяла пад ракой, там і гналі. Мама насіла ў Дрысу. Занясець у хату знаёмым жыдам бутылку ці дзве і на мыла там, на соль, на табаку, запалкі. Гэтага не было ў магазінах. Плацілі тым жа, што яна прасіла”* [7]. Воспоминания позволяют понять схему по которой действовали люди: *“Мама наварит самогонки. Ведро зерна – за бутылку. Ведро зерна она прорастит и сделает самогонку. Пойдет в Миоры, купит зерна – пуд. Принесет на плечах этот пуд. С одного ведра она сделала самогонку, чтоб купить еще, а с другого, смолота и нас накормила, туда картошки добавила. Люди выживали сами”* [6].

Полевые экспедиционные материалы свидетельствуют о том, что самогонование имело тотальное распространение в послевоенной деревне. Размах кустарного производства алкоголя во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. подтверждается архивными документами (преимущественно это материалы прокуратуры и отчётная документация партийных органов). Внимание к этой разновидности нелегальных промыслов возросло после издания указа Президиума Верховного Совета СССР “Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона” (7 апреля 1948 г.), который ужесточил санкции за изготовление самогона и сбыт в виде промысла (лишение свободы на срок от 6 до 7 лет с конфискацией имущества) и вводил уголовную ответственность за изготовление самогона без цели сбыта (лишение свободы на срок от 1 до 2 лет), за что раньше предусматривалась административная ответственность [2, с. 5]. Архивные документы содержат статистические данные, половозрастной и социальный состав осужденных, наиболее распространённые случаи самогонования. Например, только в Полоцкой области за 1948 год к судебной ответственности за самогонование и сбыт нелегального алкоголя было привлечено 673 человека [1, л. 7]. В частности, было изъято 120 самогонных аппаратов, 404 литра самогона, 618 ведер браги, на изготовление которой ушло почти 3 тонны сельскохозяйственной продукции (ржи, картофеля, свеклы). При этом, как отмечала прокуратура Полоцкой области, наибольший размах самогонование имело в западных районах, где еще сохранялись единоличные хозяйства, которые имели достаточные ресурсы для изготовления домашней водки.

Материалы устной истории фиксируют, что крестьяне осознавали, что самогонование – это незаконный вид деятельности, который жестко карался. Однако страх перед наказанием уступал прагматическим соображениям. Необходимо отметить, что большинство респондентов – женщины второй половины 1920-х – 1930-х годов рождения, которые в силу своего возраста воспроизводили опыт своих родителей, поэтому в воспоминаниях не фиксируется цена самогонки применительно к первым послевоенным годам. Однако протоколы Полоцкой областной прокуратуры фиксируют, что за бутылку самогонки на чёрном рынке в 1948 г. можно было выручить от 25 рублей. Для крестьянина, который фактически работал бесплатно в колхозе: *“Нада ж дзе заробіць, а давалі што нам – гірсы дадуць, яны ж гэта пасеюць уражай, а тамачка нічога добрага ня вырасцець. На трудадзень на той дадуць на сколькі грам гірсы, а мы і тога змелем, рэдка, дзе жыціна пападаецца, змелем, хлеб пяхом”* [3, с.259], это был очень выгодный бизнес. Нарративы

фиксируют, что основными точками сбыта самогона были города, поселки, железнодорожные станции, военные гарнизоны, где население получало зарплату реальными деньгами.

Материалы экспедиций позволяют сделать вывод о том, что на усиление репрессивных мер со стороны государства крестьяне вырабатывали свои механизмы обхождения закона: от тайных способов производства до реализации продукции по каналам социальных сетей. Самый озвучиваемый сюжет – это как гнали и где гнали самогонку. При этом часто повторялась формула: «никто ни на кого не доносил», подчёркивая, тем самым, определённую степень солидарности и взаимопомощь сельского коллектива, который был заинтересован в производстве запрещенного продукта: “ – *Тайна, ноччы. За кладбішчам, у Каркальцы, там куст быў і вада на месце, там балота было. Ну, дак самагонку гналі і хату строілі. – (Не сдалі ніхто?) – Не сдалі. Там уся дзярэўня гнала. 22 хаты было і дзярэўня настаяшчая была. Дзярэўня ў лясу была. Цяпер можа і сдалі. (А чаму тады не здавалі?) – Тады людзі былі гаратныя, але яны дружныя былі. А цяпер яны назварэлі ўжо ад багатства” [8]. Тем более, что распространённым были случаи, когда самогонный аппарат был один на всю деревню. “Общая тайна” четко противопоставляла деревенскую общину местным властям и позволяла успешно избегать наказания. Однако необходимо отметить, что такая ситуация была характерна для небольших деревень, удаленных от крупных населенных пунктов или дорог, где состав населения фактически не менялся.*

Сюжеты, связанные с самогонварением, позволяют глубже понять систему социальных связей в сельском сообществе, специфику взаимодействия “власть и народ”, “милиция-население”. Нелегальный характер производства самогона при его экономической востребованности предопределил различные стратегии и тактики во взаимоотношениях крестьян-самогонщиков и представителей власти, что нашло отражение в воспоминаниях респондентов. Материалы экспедиций фиксируют, что если сотрудник милиции воспринимался как неотъемлемая часть властной вертикали, исполнитель официально установленных государственной властью правил поведения и ассоциировался с ограничительной и карательной деятельностью, то колхозное начальство было органической частью сельского социума, имело собственное представление и отношение к самогонварению, которое могло отличаться от официальной позиции государства. Респонденты вспоминают, что колхозное руководство отлично понимало реальное положение дел в послевоенной деревне и значимость самогона для сельского сообщества. Не случайно, когда речь шла о производстве алкоголя для личных нужд, прежде всего для надлежашего проведения свадеб или похорон, председатель колхоза иногда не только закрывал глаза на самогонварение, но мог выделить необходимое сырье для его изготовления [Сумко, 130]. Присутствие колхозного руководства на таких торжествах было обязательным, что не в малой степени способствовало интеграции всего коллектива. Кроме того, часть респондентов вспоминала, что самогон приобретался в качестве средства стимуляции и поощрения труда в тяжелейших послевоенных условиях: “*Калі гулянкi. Дажэ, калі Кемстач (старшыня калгасу – аўт.) стаў работаць, усёгда делалі н’янкi, што зробіць субботнікі, так абязцельна гулянкi. Самагонку ездзілі па дзярэўнях куплялі. У нас тут дужа не займаліся, а па людзях ездзілі і куплялі канкі (1 канка – 30 літраў). Дзве купім і гулянку гуляем. (Так гэта начальства калхознае пакупала, штобы людзей угасціць?) – Да. Начнецца жыта жаць, затым абязцельна абжынкi. Дажэ без ніякіх нічога. Заканчваецца касенне і тут гулянку справіць. Ён плаціў, каб людзі шлі” [5].*

Постепенно самогон прочно вошел в жизнь деревни и начал выполнять не только утилитарную, но и социально-культурную и даже ритуальную роли. Соотношение потребительского и товарного компонентов самогонварения начало изменяться по сравнению с первыми послевоенными годами, где преобладала преимущественно “коммерческая составляющая”. Из анализа полевых экспедиционных материалов следует, что в послевоенный период без самогона не обходился ни один праздник как календарного, так и семейного цикла. Самогон фигурировал даже в сфере народной медицины как средство для изготовления различных лекарственных настоев. Вместе с тем необходимо отметить, что все респонденты подчеркивают, что несмотря на производимые объёмы, существовала определенная регламентация потребления в сельском сообществе, обусловленная морально-этическими установками традиционного общества. Знакомость самогонварения в будничной, хозяйственной и обрядовой жизни послевоенной белорусской деревни проявилась и в том, что “самогонная” тема нашла свое отражение в шуточном блоке песенного фольклора, чрезвычайно популярном в среде колхозников.

1. Зональний державний архів в г. Полоцке ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 964. Оп. 2. Д. 49.
2. Костров, А. И. Расследование самогоноарения / А. И. Костров. – Минск : Университетское, 1988. – 48 с.
3. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2. Народная проза беларусаў Падзвіння: у 2 ч. / уклад., прадм. і паказ. У. А. Лобача. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – Ч.2. – 368 с.
4. Сумко, А. В. Эканамічны і соцыякультурны аспект самагонаварэння ў сельскім ландшафце Паўночнай Беларусі ў другой палове 1940-х – 1960-х гг. / А. В. Сумко // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. – 2018. – № 9. – С.127–135.
5. Фольклорный архив Полоцкого государственного университета (ФАПГУ): Записано в 2018 г. от Моисеенко Мария Филипповна, 1931 г.р., д. Муравщина Полоцкого р-на Витебской обл.
6. ФАПГУ : Записано в 2018 г. от Немененок Ванды Михайловны, 1936 г.р. д. Жигули Верхнедвинского р-на Витебской обл.
7. ФАПГУ : Записано в 2018 г. от Снежин Станиславы Григорьевны, 1923 г.р., д. Жигули Верхнедвинского р-на Витебской обл.
8. ФАПГУ : Записано в 2018 г. от Трапук Зинаида Васильевна, 1932 г.р., д. Азерники Верхнедвинского р-на Витебской обл.

Козлов А.А.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ (1953–1991 ГГ.)

Осуществляя охрану государственных тайн, цензура сама была государственной тайной. Это подтверждает последний пункт «Перечня сведений, запрещающих к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению», на который в своей работе опирались органы цензуры, запрещал разглашать сведения об органах Главлита СССР, раскрывающие характер, организацию и методы их работы [8, с. 103]. Конечно, нельзя сказать, что существование цензуры полностью отрицалось. Во 2-м издании Большой Советской энциклопедии (1957) и в справочнике «Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917–1967 гг.)» существование цензуры в стране признается. В более поздних изданиях БСЭ термин «цензура» употребляется только в отношении царской России или капиталистических стран [2; 3, с. 472]. Когда в последующих изданиях БСЭ речь шла о СССР, то понятие «цензура» в них заменено на «государственный контроль за средствами массовой информации» [1].

Однако, официально не признаваемая цензура была важнейшим институтом. Осуществляемая Главлитом, а на местах его подчиненными органам – обллитами, она контролировала различные информационные потоки, оказывала значительное влияние на советское общество. Поэтому изучение истории местных органов цензуры предполагает привлечение широкого круга источников, при исследовании которых можно обнаружить сведения о взаимодействии обллитов с вышестоящими инстанциями и контролируруемыми объектами.

В настоящее время, благодаря работе отечественных и зарубежных исследователей введено в научный оборот большое количество документов, касающихся деятельности органов цензуры. Собранные в сборники они играют существенную роль в отражении малоизвестных сюжетов из истории политической цензуры принадлежит сборникам опубликованных документов. Например, вторая часть книги «Пресса в обществе (1959-2000). Оценки журналистов и социологов. Документы» представляет собой сборник документов, в котором собрано большое количество материалов, касающихся органов цензуры, которые трудно найти в других источниках. Письма, записки и другие многочисленные документы, как со стороны органов политической цензуры, так и со стороны тех, кому приходилось иметь с ней дело, позволяют воссоздать реальную картину их взаимоотношений [10]. Источниковую базу дополняют также материалы из сборников документов «Цензура в Советском Союзе, 1917-1991: Документы», «Исключить всякие упоминания: Очерки истории советской цензуры», [14; 5]. Однако, по преимуществу, там представлены материалы центральных архивов, без учета реализации цензуры на местах, что не позволяет в достаточной мере рассмотреть местные особенности практической деятельности обллитов.

Рассматриваемые источники, касающиеся обллитов, можно выделить в несколько групп.

Первая группа источников включает в себя, постановления Совета Министров СССР. Важнейшим документом по изучению деятельности обллитов являются постановления СМ СССР, в прямом подчинении которому находились органы советской политической цензуры, за исклю-

чением короткого периода с 1963 г. по 1966 год. В Советском Союзе постановления СМ СССР, в которые через определенный период дублировались СМ БССР, публиковались в «Собраниях постановлений правительства СССР» [12]. Но большинство вопросов, затрагивающих вопросы цензуры, не были опубликованы. Их можно обнаружить только в документации Главлита и его подчиненных органов. Постановления Совета Министров определяли структурную перестройку органов цензуры, определяли направления ее деятельности, он же принимал «Положения» о Главлите, определявшие основные принципы цензуры [9, л. 6].

Исходя из того, что деятельность органов политической подчинялась решениям правящей в стране партии, важными документами по исследования истории цензуры являются документы партийных органов. Еще в советское время издавались сборники документов «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986)». Они включали постановления ЦК КПСС по идеологическим вопросам, которыми руководствовались в своей работе органы политической цензуры [6]. В настоящее время облегчился доступ в некогда недоступные партийные архивы. Анализ партийных документов показывает, что контролируя сферу идеологии, партийные органы не определяли структуру и состав штатов органов цензуры. Но, например, областные органы цензуры, находясь в подчинении облисполкомов, работали в тесном контакте с обкомами КПБ. Именно туда обращались работники обллитов в случае возникших спорных вопросов, с целью оказать необходимое воздействие на контролируемые обллитами объекты и решение обкома было решающим [7].

Третья группа – нормативные акты Главлита. Эти документы находятся в архивных фондах Национального архива Республики Беларусь (фонд 1195) и областных архивах областей. К этой категории относятся: 1) приказы начальника Главлита; 2) циркулярные письма и другие руководящие документы Главлитов СССР и БССР; 3) многочисленные нормативные документы, определявшие объекты контроля, принципы и механизмы цензуры («Перечени сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению», «Инструкция о порядке цензорского контроля», «Указания о порядке подготовки к опубликованию сведений о технических достижениях СССР, которые могут быть признаны достижениями или открытиями», «Сводные списки книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети», бюллетени Главлита и др.).

Однако репрезентативность материалов архивов ограничена, так как копии многих документов были уничтожены, с некоторых описей Национального архива Республики Беларусь не снят гриф секретности. Особенно это касается документов периода 1990-1991 гг.

Четвертая – документы собственного делопроизводства обллитов. Она представлена материалами обллитов БССР, которые хранятся в Государственном архиве Гродненской области (фонд 1264), Государственном архиве Витебской области (фонд 3991), Государственном архиве Могилевской области (фонд 1195), Государственном архиве Брестской области (фонд 794). Это протоколы производственных совещаний работников управления, приказы по основной деятельности, планы работы, статистические отчеты, списки газет, выходящих в областях. Именно местные архивные материалы являются определяющими среди других источников при исследовании местных органов цензуры.

Из документов, хранящихся в областных архивах, наибольший интерес представляют годовые отчеты о работе обллитов и заключения Главлита по ним. Так как они включают в себя не только статистические отчеты, но и содержат кроме того еще и множество других сведений, позволяющих проанализировать деятельность областных управлений цензуры. Годовые отчеты позволяют определить объем работы, который ложился как на управление в целом, так и на каждого цензора в отдельности, выраженный в количественном выражении. Кроме того, в годовых отчетах есть описание взаимоотношений обллитов и подконтрольных организаций. Также в отчетах есть разделы, которые касаются взаимодействия с партийными органами [4]. Годовые отчеты являются источниками информации о том, как изменялась структура организации, содержат данные о контроле обллитами районных цензоров, а затем и редакторов, в них сохранилась информация о системе подготовки цензоров и редакторов, раскрыты некоторые основные политико-идеологические вмешательства. В целом архивные источники, такие как постановления Главлитов СССР и БССР, планы работы обллитов, годовые отчеты, переписка с Главлитом БССР позволяют довольно подробно рассмотреть деятельность органов политиче-

ской цензуры на региональном уровне. На основе архивных материалов можно выявить переломные моменты в развитии профессии цензора, проследить динамику развития штатов и финансирования облитов, раскрыть уровень дохода работников цензуры. Однако с конца 1970-х годовые отчеты становятся короткими и малоинформативными, что значительно снижает их ценность как исторических источников. К тому же различная временная сохранность фондов областных архивов и ограничение доступа к некоторым документам затрудняет провести сравнительный анализ деятельности облитов БССР.

Пятая – воспоминания бывших цензоров. Для более полного освещения функционирования советской политической цензуры в качестве источников были привлечены воспоминания бывших цензоров. После ликвидации Главлита в 1991 г. многие из них с удовольствием давали интервью и делились воспоминаниями. Воспоминания предлагают взгляд на цензуру глазами самих работников органов цензуры. К таким источникам относится статья Силантьева Б. «Записки цензора» [11, с. 14], интервью с бывшим заместителем начальника управления Главлита (1984-1989 гг.) Юрием Отрешко [13] и интервью начальника Витебского обллита Кривенка М.Ф., данное газете «Витебский рабочий» [15, с. 3]. Для этих источников характерен субъективизм, стремление бывших работников цензуры представить свою деятельность в более выгодном свете, что снижает их источниковую ценность.

Таким образом, документальный фонд истории местных органов цензуры достаточно широк и многообразен. Однако отсутствие ряда документов и гриф секретности снижает его качественный уровень. Каждая группа источников имеет свои недостатки и, при использовании только части сохранившихся документов, картина получается фрагментарной и не полной. Тем не менее, несмотря на имеющиеся лакуны, при использовании всего сохранившегося комплекса источников возможно воссоздать целостную картину деятельности облитов БССР на протяжении периода 1953–1991 гг.

1. Большая Советская энциклопедия. (в 30 томах.) / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1978. Т. 28. Франкфурт-Чага. 1978. – 616 с.
2. Большая Советская энциклопедия / гл. ред. В. А. Введенский. – 2-е изд. – М. : Большая Советская энциклопедия, 1949 – Т. 46. Фусе-Цуруга. 1957. – 672 с.
3. Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917–1967 гг.): справочник: по материалам гос. архивов РСФСР. – Москва, 1971. – 624 с.
4. Годовой отчет о работе управления и заключения по отчету (29 декабря 1973 г. – 1 февраля 1974 г.) // Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 74
5. Исключить всякие упоминания: Очерки истории советской цензуры / сост., авт. предисл. Т. М. Горяева. – Минск – М. : Старый Свет-принт : Время и место, 1995. – 332 с.
6. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986); 1971–1975 : Т. 12 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1987. – 510 с.
7. Переписка с партийными и советскими организациями по вопросам цензуры 12 января 1969 г. – 12 декабря 1969 г. // Государственный архив Могилевской области (ГАМО). – Ф. 1195. Оп. 1. Д. 80.
8. Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению. – Москва : Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (Главлит СССР), 1976. – 176 с.
9. Постановление СМ СССР от 18 августа 1966 г. № 693 «О Главном управлении по охране государственных тайн в печати при СМ СССР». – Ф. 974. Оп. 1. Д. 14.
10. Пресса в обществе (1959–2000). Оценки журналистов и социологов. Документы. – Издательство Московской школы политических исследований, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eartist.narod.ru/text25/009.htm#з_27_д_04. – Дата доступа: 10.06.2015.
11. Силантьев, Б. Записки цензора / Б. Силантьев // 7 дней. – 2003. – 25 янв. – С. 14.
12. Собрание постановлений правительства СССР. – 1962 г. – № 1. – С. 13–17.
13. Цензоры [Интервью с бывшим заместителем начальника управления Главлита (1984–1989 гг.) Юрием Отрешко] // Коммерсантъ-Власть. 1998, 17 марта. № 9. [Рубрика: Сюжет]. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/interview/> – Дата доступа: 27.12.2015.
14. Цензура в Советском Союзе, 1917-1991: Документы / Сост. А.В.Блюм, коммент.: В. Г. Воловникова. - Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 602 с.
15. Цэнзар савецкага жыцця : [гутарка з былым галоўным цэнзарам вобласці Міхаілам Фадзевічам Крывёнкам] // Витебский курьер. – 2005. – 22 апр. – С. 3.

Налётова Н.Н.
ОСМЫСЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПЕТРА МСТИСЛАВЦА
В ПОВЕСТИ «МСТИСЛАВЦЕВ ПОСОХ» Э. ЯЛУГИНА

Значительную роль в формировании историко-культурной репутации знаменитых белорусских деятелей играют историки, художники, скульпторы, композиторы и, несомненно, писатели (поэты, прозаики, драматурги). Поэтому очень важно, чтобы авторская интерпретация не искажала общеизвестных фактов об исторических личностях и особенностях их эпохи, была мотивирована стремлением открыть новые стороны характера или судьбы известного человека. Изображение выдающихся деятелей конкретной эпохи требует от мастеров слова значительно-го заглубления в историко-культурные пласты прошлого, исследования различных документальных источников (например, летописей, хроник, житий, мемуаров и т.д.), способных помочь автору в создании образа человека прошлого. Однако, при написании того или иного литературного произведения о прошлом, даже опираясь на данные исторической науки, писатель по объективным причинам вынужден использовать художественный вымысел. Писатель одновременно должен выразить свое понимание известной личности и стремиться к историко-культурной мотивированности в изображении событий и персонажей. Понятно, что художественная реконструкция прошлого сопряжена с дилеммой пропорционального соотношения вымысла и документа, правды и вымысла.

Исследователь исторической прозы О. К. Шинкоренко среди особенностей исторического жанра выделяет в качестве доминантных следующие: *раскрытие закономерностей исторического процесса в перспективе общественного развития; документальность основы; обусловленность вымысла естественным ходом событий; отображение в произведении исторической концепции автора, изображение связи между прошлым и современностью как исторической преемственности; характерная эмоциональная тональность, которая достигается через раскрытие таинственности прошлых времен; стремление выявить морально-этический смысл прошлого* [4, с. 101].

Целью нашего исследования является выявление особенностей художественной репрезентации личности и деятельности знаменитого восточнославянского гравёра, типографа XVI века, соратника первопечатника Ивана Фёдорова в русскоязычной повести «Мстиславцев посох» (1970–1977) Э. В. Ялугина.

Как справедливо отмечают А. В. Русецкий и Ю. А. Русецкий, творчество писателя и публициста Эрнеста Васильевича Ялугина, «подчинено осмыслению одной магистральной темы – история родной Беларуси и её влияние на духовное развитие личности, формирование её миропонимания» [3, с. 169]. Действительно, очерки о белорусских деятелях науки и культуры, повести «Мстиславцев посох...» (1971), «Последний князь» (1977) и «Без эпитафії» (1989), а также романы «Алжырская пастка» (2004), «Иди и говори» (2006), «Перад Патопам» (2013) свидетельствуют о преобладании в его творчестве исторической тематики и о попытке автора постигать отечественное прошлое. По утверждению О. К. Шинкоренко, миссия исторической прозы и заключается в том, чтобы «приобщить современника к истокам, к древним корням, к памяти, а также к пониманию того, что история является одним из наиболее коротких и эффективных путей к национальному, а значит, и личностному, самооткрытию» [4, с. 104].

В повести «Мстиславцев посох» Ялугин использует следующие художественные принципы индивидуализации образа Петра Мстиславца: портретная и развернутая психологическая характеристика, описание одежды и т. д. Напомним, к примеру, описание внешнего вида и одежды главного героя: «За зиму Петрок крепко вытянулся, но был тощ, и ставший уж коротким зипун болтался на нем, как на вешале» [5, с. 132].

Психологическое состояние будущего типографа, его мировосприятие, активная гражданская позиция, религиозные взгляды раскрываются в повести с помощью внутренних монологов, диалогов, приёма противопоставления: «А Петроку свет не мил» [5, с. 258]; «... находит Петрок себе горестное утешение в речениях “Экклезиаста”» [5, с. 258]; «Стоял он весь похолодевший: в один миг рушились все его задумки – вместо печатни и книжного дела предстояло теперь долгие годы быть холопом Белого, мокнуть и мёрзнуть на дорогах, приглядывая за бога-

тыми Апанасовыми обозами» [5, с. 266]; «Неужто нет на свете справедливости? Стало быть, и верить никому нельзя? <...> Как же быть, если не у кого искать опоры?» [5, с. 258]; «А и велика же земля наша. Не раз хотелось все это намалевать краской либо на березовой пластине выжечь» [5, с. 241]; «Отец небесный завещал нам в равенстве и братстве жить. Особливо же наместников своих на земле, пастырей наставлял – пример показывать смиренным житием и всеми делами. Но хранится ли завет? И ты сам сказал: в обители равенства нет. Где же ему быть и быть тогда? Где?» [5, с. 256].

Любознательность главного героя, его стремление постичь тайны художественного творчества, а также сложное материальное положение после внезапной смерти отца, предприимчивого купца Тимофея, по мнению прозаика, стали определяющими факторами при выборе будущего рода деятельности Петра Мстиславца: «Добытчик! То мазилкой к иконописцам пристал, краски тер, а с зимы в резчики подался, пригодились отцовские снасти. Купец Перфилка Григорьев сговорил доски набойные вырезать – у добрых мастеров-то не спешит покупать, те себе цену знают. Перфилка даже в Смоленск доски сбывает» [5, с. 133–134]. Не только нужда, но и стремление к новому, прекрасному определяли его выбор: «Петрок, может, и не стал бы резать, однако в доме случалось и по праздникам без скоромного сиживать. В хлебной клети мышам делать нечего – пусто. Да и самому любопытно резать. Иной раз идет вдоль торговых рядов, смотрит товары, что разложили купцы на прилавках, выставили на вешалках, и вдруг остановится, вздрогнет, а дыханье так и замирает сладко – дивный узор на ткани отбит. И уж наблюдает полдня потом, мается – вот бы так сделать» [5, с. 134].

Психологическая атмосфера в семье после неожиданной смерти отца, по мнению писателя, оказала огромное влияние на характер будущего типографа: «Всегда он побаивался быть высмеянным, все помалкивал. Наложил-таки печать свою безотцовщина, незаступность» [5, с. 173]. Но, несмотря на все испытания, Пётр Мстиславец сохранил чувство собственного достоинства, что выявляется, к примеру, в его отношении к Сымону, сыну Апанаса Белого: «Один Петрок держался против купеческого сынка твёрдо, ни в чём спуску не давал» [5, с. 219].

Автор акцентирует внимание на патриотизме Петра Мстиславца, сформированном во многом под влиянием его дяди – строителя Василя Поклада, по мнению которого, «надобно людям напоминать мощней о вере да месте, где народились. Ибо не тварь они бессловесная, которую всяк, у кого кнут в руке окажется, может в свой хлев загнать» [5, с. 144].

Э. Ялугин акцентирует внимание на тяге Мстиславца к знаниям (замечания типа «сметливый да прыткий до науки» [5, с. 212], «грамоту затвердил крепко и уважение к книгам имел великое» [5, с. 219], «Петрок не был в обиде, если и попадало – абы грамоту одолеть наилучше» [5, с. 242], «ученый грамоте» [5, с. 265]), а также на таких чертах характера героя, как любознательность, сообразительность, усидчивость, целеустремленность, решительность, трудолюбие. Много времени послушник проводил в свиточной келье Пустынского Успенского монастыря, изучая книги Библии, древние рукописи, в том числе знаменитый литературный памятник XII века – «Поучение Владимира Мономаха детям»: «Петрок взял рукописный свиток, развернул его, с трепетом ощутив под пальцами гладкую прохладу древнего пергамента. Медлительная вязь букв, где в большую были вписаны и меньшие, складывалась в мудрые слова» [5, с. 219].

По версии прозаика, Пётр Мстиславец был знаком и с «Псалтырью» знаменитого восточнославянского первопечатника, просветителя, учёного, переводчика и писателя-гуманиста Франциска Скорины, которая оказала огромное влияние на мировосприятие юного мастера: «Ещё ни в одной книге не встречал он такого задушевного слова к тому, кто станет читать, казались книги оттого пришельцами из далёкого чужого мира. А мастер Скорина не как пророк гневный и устрашающий глаголет, а ... Не для устрашения, но для размножения добрых обычаев и научения мудрости тиснул он книгу свою. <...> Но вот же мастер Скорина надруковал то, что написал он сам, а не святые апостолы. Как осмелился поставить рядом своё слово с апостольским?» [5, с. 242].

Учитывая белорусское происхождение Петра Мстиславца, исследователи даже выдвигали гипотезу о непосредственной связи книгопечатника с Ф. Скориной (возможно, был учеником или работал в его типографии) [2, с. 427], которая нашла отражение в повести Э. Ялугина. Так, в проанализированном произведении присутствует маловероятная сцена встречи этих выдающихся культурных деятелей в 1530 году в Вильно, что, несомненно, является плодом фантазии

Ялугина. В общем же, автору удалось исторически точно изобразить общественно-политическую и религиозную ситуацию в ВКЛ в первой трети XVI века, внешнюю политику польского короля Жигимонта I.

Отметим, что одним из требований, предъявляемых к исторической прозе, является наличие в произведении образов реальных исторических личностей. Так, в повести Э. Ялугина, кроме Петра Мстиславца, присутствуют и другие известные исторические личности XVI века: Александр Ягеллончик, Жигимонт I, Бона Сфорца, Микола Радзивилл, Константин Острожский, Мартин Лютер и др. Как справедливо отмечено прозаиком, Мстиславец был связан со знаменитым русским просветителем, основоположником книгопечатания в России и в Украине Иваном Фёдоровым, а также издателями и общественными деятелями ВКЛ Кузьмой и Лукой Мамоничами. Напомним, что на средства последних в 1574 году была основана типография в Вильно. Типография братьев Мамоничей имела важное общественное и культурное значение на белорусских землях, способствуя развитию просвещения и книгопечатания.

Значение проанализированной нами повести исследователи А. В. Русецкий и Ю. А. Русецкий сформулировали следующим образом: «Художественно воссоздавая исторические реалии Средневековья, связывая и пропуская их через образ Петра Тимофеевича Мстиславца, Э. Ялугин <...> позвонил в колокол исторической памяти белорусов, который вместе с другими писателями, поэтами, драматургами создал мощное духовное поле возрождения национального самосознания, подлинного интереса белорусского народа к своей драматической и многотрудной вековой истории» [3, с. 174].

Подытоживая вышесказанное, отметим, что в повести «Мстиславец посох» репрезентация знаменитого деятеля белорусской культуры XVI века обусловлена субъективными авторскими представлениями о нём. По мнению Э. Ялугина, Пётр Мстиславец с детства был любознательной, усидчивой, решительной, трудолюбивой и, несомненно, высоконравственной и одарённой личностью, оставившей свой след в истории книгопечатания. В трактовке Э. Ялугина, выдающаяся личность вбирает в себя дух времени и пытается определить свое время. Осмысление в повести личности Петра Мстиславца во многом опиралось на ценностную шкалу времени создания произведения, потому что в повести акцентируется демократизм главного героя, присутствует мотив антиномии бедности и богатства.

1. Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Москва : Советская энциклопедия, 1974. – Т. 17 : Моршин-Никиш. – 616 с.
2. Галенчанка, Г. Я. Мсціславец Пётр Цімафеевіч / Г. Я. Галенчанка // Францыск Скарына і яго час : энцыклапедычны даведнік / Беларуская Савецкая Энцыклапедыя; рэдкал. тома І. П. Шамякін (гал.рэд.) і інш. – Мінск : БелСЭ, 1988. – С. 427–428.
3. Русецкий, А. В. В атмосфере художественного поиска и стиливого многообразия. Творчество витебских литераторов во второй половине 1960-х – начале 1990-х годов : монография : в 2 ч. / А. В. Русецкий, Ю. А. Русецкий. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2012. – Ч. 1. – 362 с.
4. Шынкярэнка, В. К. Гістарычны жанр як адметная літаратурная адзінка / В. К. Шынкярэнка // Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2002. – № 4. – С. 101–105.
5. Ялугин, Э. В. Мстиславец посох : историческая повесть: для ст. шк. возраста / Э. В. Ялугин. – 2-е изд., доп. – Минск : Маст. літ., 1978. – 272 с.

Болтрушевич Н.Г.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЕПАРХИЙ БПЦ В НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Религиозное возрождение белорусского общества, начавшееся ещё в период перестройки, продолжается и в настоящее время. Непосредственными источниками по изучению истории становления Белорусской православной церкви Московского Патриархата, количественный рост её епархий и общин в начале 1990-х гг. являются фонды Национального архива Республики Беларусь. Так, в частности фонд 136 – Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров Республики Беларусь – содержит сведения о законах, постановлениях и распоряжениях СМ СССР и СМ Республики Беларусь, относящиеся к деятельности религиозных организаций на территории Беларуси, информацию о состоянии религиозности в республике, ко-

личественный рост православных общин по областям в обозначенный период. Использование архивных документов позволяет объективно изложить историю БПЦ на современном этапе.

Глубокие демократические преобразования, радикальные перемены в советском обществе начались в эпоху перестройки, когда о высокой значимости государственно-церковных отношений заговорили руководители партии и государства. В своём выступлении на XIX Всесоюзной партийной конференции Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачёв отметил: «Хочу затронуть и такой принципиальный вопрос, как свобода совести. Сейчас к нему проявляется повышенное внимание в связи с 1000-летием введения христианства на Руси. Мы не скрываем своего отношения к религиозному мировоззрению как нематериалистическому, ненаучному. Но это не основание для неуважительного отношения к духовному миру верующих людей и тем более – применения какого бы то ни было административного давления для утверждения материалистических воззрений» [1, с. 68].

В периоды Перестройки, развала Советского Союза для Русской православной церкви важно было в быстро изменяющихся условиях вернуть себе необходимый правовой статус, и успех в этом деле в значительной мере зависел от инициативы Патриарха, от его умения построить отношения с государственной властью и политиками так, чтобы утвердить и подчеркнуть роль церкви в духовном возрождении народа, колыбели его государственного существования [2, с. 653].

С 4 по 16 июня 1988 г. состоялись юбилейные торжества, посвящённые празднованию 1000-летия крещения Руси. 8 июня 1990 г. в рамках работы Поместного Собора был избран 15-й Патриарх Московский и всея Руси Алексей II [2, с. 636]. Данные мероприятия свидетельствовали о начавшейся перестройке в государственно-церковных отношениях. Причём этот процесс не ограничивался отношениями только с Русской православной церковью, а распространялся в целом на все конфессии.

1 октября 1990 г. был принят Закон «О свободе совести и религиозных организациях». Совет Министров СССР постановлением от 29 декабря 1990 г. № 1372 «О порядке передачи религиозным организациям в собственность культовых зданий, сооружений и другого имущества культового назначения, находящегося в собственности государства» установил, что данная передача осуществлялась безвозмездно, применительно к порядку передачи его общественным организациям, установленному постановлением СМ СССР от 16 октября 1979 г. № 940 «О порядке передачи предприятий, объединений, организаций, учреждений, зданий и сооружений» [3, л. 13].

В 1990 г. продолжилось возвращение церкви отнятых у неё в советское время храмов, а чаще всего разрушенных. Церковь при этом столкнулась с огромными проблемами по их восстановлению. При этом следует подчеркнуть, что в целом местные власти стали оказывать финансовую помощь в реставрации церквей, пожертвования поступали от общественных организаций и фондов, от частных и государственных банков, кампаний, частных лиц и верующих. Помощь оказывали и воинские части [2, с. 655].

Активизации религиозной жизни способствовало провозглашение политической и экономической независимости нового государства – Республики Беларусь. 19 декабря 1991 г. Верховный Совет Республики Беларусь принял Закон № 1318-XII «О праздничных днях в Республике Беларусь» [3, л. 22].

Верховный Совет Республики Беларусь предложил Совету Министров до принятия Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» установить временный порядок регистрации уставов (положений) религиозных организаций. Данное постановление за № 371 «Об установлении временного порядка регистрации уставов (положений) религиозных организаций в Республике Беларусь» было принято 4 октября 1991 г. за подписью председателя СМ Республики Беларусь – В. Кебича [3, л. 32–33]. 17 декабря 1992 г. был принят Закон Республики Беларуси № 2054-XII «О свободе совести и религиозных организациях» [3, л. 43].

По решению Архиерейского Собора Русской православной церкви, проходившем 9–11 октября 1989 года был создан Белорусский Экзархат (Белорусская православная церковь) Московского Патриархата. 16 октября 1989 г. святейшим патриархом Пименом и священным Синодом РПЦ экзархом Белоруссии был назначен с титулом «Митрополит Минский и Гродненский, Патриарший Экзарх Белоруссии Филарет». В связи с принятием на Архиерейском Соборе РПЦ

30–31 января 1990 г. «Положения об экзархатах» Митрополит Минский и Гродненский Филарет получил титул «Патриарший Экзарх всея Белоруссии» и стал Председателем Синода Белорусского Экзархата [3, л. 44–46].

В октябре 1989 г. были восстановлены Полоцкая, Могилёвская и Пинская епархии, в декабре 1990 г. – Гомельская и создана Брестская кафедры, в октябре 1991 г. основана Новогрудская и Гродненская, а в мае 1992 г. – Туровская и Витебская кафедры [4, с. 322].

В начале 1990-х гг. из состава клира БПЦ Московского Патриархата 4 священнослужителя были избраны народными депутатами Верховного Совета БССР, 13 – депутатами районных, городских и сельских Советов народных депутатов. Расширилось движение благотворительности и милосердия. Из-за рубежа сотни тонн гуманитарной помощи распределялись нуждающимся в ней. Так, Никольская православная церковь г. Гомеля взяла под материальную опеку Дом-интернат для престарелых. Православные общины в д. Глубокое Гомельского района, д. Пиревичи Жлобинского района, в гг. Хойники и Чечерск Гомельской области оказывали постоянную помощь 36 инвалидам войны и труда [5, л. 45].

Белорусская православная церковь Московского Патриархата за 1990 г. увеличилась на 126 общин и включала на 1 января 1991 г. 603 прихода, это на 233 прихода больше, чем в 1987 г. Но не все приходы были одинаковыми, так, в частности, в 57 – отсутствовали настоятели церквей. 2 августа 1990 г. Совет по делам религий при СМ СССР (протокол № 13) поддержал ходатайство Московской Патриархии и согласился с представлениями исполкома Витебского Областного Совета народных депутатов и аппарата уполномоченного Совета по делам религий по Беларуси о передаче Белорусскому экзархату комплекса зданий и сооружений бывшего женского Спасо-Ефрасиньевского монастыря – в Полоцке был восстановлен, спустя 30 лет, женский монастырь [5, л. 137].

На базе Жировичского монастыря действовала семинария, где проходили обучение на 1 и 2 курсах 79 человек [5, л. 47].

При непосредственном участии Патриаршего Экзарха Филарета в Республике было создано к 1991 г. 6 епархий, активно шёл поиск новых мест, где создавались инициативные группы и открывались церкви; повышались требования к притчу и настоятелям церквей; налаживался учёт и контроль за денежными средствами в приходах и епархиях [5, л. 47].

Количество действующих общин по областям страны существенно разнилось. Наименьшее количество – 40 – было зарегистрировано на 1.01.1991 в Могилёвской области. В области при епархиальном управлении БПЦ с 1991 г. начала работу общество милосердия, которое осуществляло помощь престарелым, малообеспеченным и др. незащищённым категориям граждан области [5, л. 37, 42].

На 1 января 1991 г. в Витебской области действовало 70 православных общин, которые обслуживали 53 священнослужителя. В области действовали 7 воскресных школ, расположенные в Браславском, Глубокском районах и в г. Витебске [5, л. 3–6]. В Гомельской области действовало 64 православные общины, которые обслуживали 62 священника и 7 дьяконов. Управление деятельностью религиозных объединений области осуществляло воссозданное в 1990 г. Гомельское епархиальное управление во главе с епископом Гомельским и Мозырьским [5, л. 9–10]. Минская область на объединяла 103 православные церкви, в том числе в области размещались 100 церквей, в г. Минске – 3, которые обслуживали 87 священников. В области действовали 10 воскресных школ, в которых проходили обучение 620 учащихся. Духовенство БПЦ области проводило большую благотворительную и милосердную работу, осуществляло широкие экуменические контакты с зарубежными религиозными общинами. В 1990 г. Минскую область и г. Минск посетило более 40 иностранных делегаций и групп из многих стран [5, л. 23–26]. В Гродненской области обществ БПЦ Московского патриархата на 1 января 1991 г. было зарегистрировано 112 [5, л. 32]. Наибольшее количество обществ БПЦ – 215 – находилось в Брестской области. В области действовало и самое большое количество воскресных школ – 11 [5, л. 33–34].

К 1 января 1993 г. в структуре Белорусского Экзархата Московского Патриархата произошли изменения. Общее количество епархий увеличилось до 10: Минская, Брестская, Пинская, Гродненская, Витебская, Полоцкая, Могилёвская, Гомельская, Туровская. На территории Бела-

руси действовали 5 монастырей: Свято-Николаевский женский (г. Могилев), Спасо-Евфросиниевский женский (г. Полоцк), Свято-Рождества-Богородицкий женский (г. Гродно), Свято-Успенский Жировичский мужской, Тихвинский общежительный женский монастырь (г. Гомель) [6, л. 7–9]. По состоянию на 1 января 1993 г. в Республике насчитывалось 788 православных общин, которые по областям распределялись следующим образом: в Брестской области 262 православные общины, в Витебской – 108, в Гомельской – 90, в Гродненской – 123, в Минской – 151, в Могилёвской – 47 и в г. Минске – 7 [6, л. 3].

Таким образом, за короткий промежуток времени Белорусская православная церковь смогла организационно оформиться, начать строительство и реставрацию культовых зданий. Шло активное возрождение средств евангелизации православных общин: организовывались фестивали духовной музыки, концерты церковных хоров, выступления христианских оркестров, демонстрация христианских фильмов; открывались библиотеки христианской литературы, активно шло распространение религиозной литературы; организовывались воскресные школы. Если в 1991 г. религиозная активность проявлялась в стремлении зарегистрировать православную общину, получить в своё пользование культовое здание, то, начиная с 1992 г., все конфессии, и в первую очередь БПЦ, акцент делает на развитии церковной жизни.

В Беларусь с посещением областных центров, Могилева и Гомеля, районов, пострадавших в результате аварии на Чернобыльской АС, с 15 по 18 июня 1991 г. впервые в отечественной истории состоялся визит святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II [5, л. 121–122].

Следует отметить, что данные годы характеризуются и периодом повсеместных фактов некомпетентности должностных лиц местных и республиканских органов власти по вопросам государственно-церковного регулирования. Основная причина сложившейся ситуации – отсутствие и несовершенство на первоначальном этапе законодательных актов в Республике Беларусь, регламентирующих данную сферу жизни общества. Однако многое уже было сделано и за этот короткий период времени. Так, в 1992 г. по инициативе Филарета в Республике Беларусь на государственном уровне был решён вопрос «О государственном пенсионном обеспечении лиц, работающих в религиозных организациях Белорусского Экзархата (включая священно-церковно-служителей) на общих основаниях, согласно действующему пенсионному законодательству» [7, л. 163].

1. Одинцов, М. И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) / М. И. Одинцов // На пути к свободе совести / сост. и общ. ред. Д. Е. Фурмана и о. Марка (Смирнова). – Москва : Прогресс, 1989. – 496 с.
2. Цыпин, В. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший период / В. Цыпин. – 4-е изд. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 816 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 136. Оп. 3. Д. 6.
4. Канфесіі на Беларусі (к. 18–20 ст.) / В. В. Грыгор’ева [і інш.]; пад навук. рэд. У. І. Навіцкага. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
5. НАРБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 111.
6. НАРБ. – Ф. 136. Оп. 3. Д. 1.
7. НАРБ. – Ф. 136. Оп. 3. Д. 3.

Латыш Ю.В.

МЕМУАРЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ НАПИСАНИЯ БИОГРАФИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ СОВЕТСКОЙ ПАРТИЙНОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРА ЩЕРБИЦКОГО)

При написании биографий высших руководителей СССР историки часто сталкиваются с проблемой нехватки источников. Причем речь идет как о недоступности, так и о низкой информативности многих документов, из-за чего часто приходится опираться преимущественно на мемуары. Рассмотрим эту проблему на примере члена Политбюро ЦК КПСС (1971–1989), первого секретаря ЦК Компартии Украины (1972–1989) Владимира Щербицкого.

Источниковая база его жизни и деятельности, на первый взгляд, довольно велика. Сюда можно отнести материалы пленумов ЦК КПУ, заседаний Политбюро ЦК КПУ, материалы и стенограммы партийных съездов и пленумов. Они отражают статус государственного деятеля в

партийной иерархии, приоритеты в его работе в конкретный период, но крайне слабо раскрывают его видение той или иной проблемы. Официальные советские документы скорее маскировали индивидуальные особенности людей, какие-то трения, дискуссии, выпячивая единство партийного и государственного руководства.

Книги, опубликованные под именем В. Щербицкого («Избранные речи и статьи», М.: Политиздат, 1978; «Овладевать ленинским стилем работы», Киев: Политиздат Украины, 1978; «Научно-технический прогресс – забота партийная», К.: Политиздат Украины, 1983 и др.) – это в основном сборники официальных речей, которые он редактировал, но писали помощники и сотрудники ЦК КПУ; а его интервью можно сосчитать на пальцах одной руки. Эти тексты дают определенное представление о работе руководителя, круге его интересов, но мало помогают понять его как личность.

В таких условиях для изучения истории позднесоветского периода и биографий советских лидеров особое значение приобретает корпус источников личного происхождения – мемуаров и многочисленных интервью соратников, помощников, людей, приближенных к высшему руководству СССР и их семьям. Особенностью большинства из них является не только информационный, но и исследовательский характер. В то же время, мемуары являются субъективным источником, что требует применения критического анализа, в частности путем сопоставления с другими источниками.

В отличие от многих известных деятелей, В. Щербицкому посвящены персональные воспоминания, то есть описывающие не жизнь мемуариста, а жизнь лидера советской Украины. Первое такое издание было опубликовано в 1993 г. бывшим помощником первого секретаря ЦК КПУ В. Врублевским. В первые годы независимости Украины, когда советский период истории отрицался либо предавался забвению, публикация такой книги была довольно мужественным поступком, и автору пришлось оправдываться. Он говорил о «моральной обязанности» и необходимости опровергнуть слухи, распространяемые о покойном В. Щербицком в прессе [5, с. 7]. В. Врублевскому удалось создать цельный портрет своего шефа на фоне исторической эпохи, включающий анализ окружения В. Щербицкого, его кадровой политики, деятельности в областях идеологии и экономики, личную жизнь и бытовые привычки. Автор сразу задекларировал свою субъективную позицию, проведя ее как ключевую идею через весь текст: если бы на месте В. Щербицкого оказался другой человек, для экономики, науки, культуры Украины было бы намного хуже [5, с. 5]. Вместе с тем, В. Врублевский избегал откровенной апологетики своего героя, показывая его, скорее, в роли заложника ситуации, сына времени, когда ключевые решения в жизни Украины принимались в Москве.

В начале 2000-х гг., особенно в связи с празднованием на государственном уровне 85-и и 95-летия В. Щербицкого, появилось много публикаций, посвященных его жизни и деятельности. Книга бывшего сотрудника ЦК КПУ А. Власенко оказалась более апологетической, чем мемуары В. Врублевского. Свою позицию он обозначил так: «... 17 лет, до самого ухода Владимира Васильевича на пенсию, я узнавал и восхищался этим удивительным и, не побоюсь этого слова, великим человеком» [3, с. 9]. Поскольку работавший лектором ЦК КПУ А. Власенко редко сталкивался с первым секретарем лично, не знал его бытовых привычек, в его книге много заимствований из других мемуаров. В его повествовании В. Щербицкий представляется практически идеальным руководителем, но в то же время и трагической фигурой: «... он, зная и понимая, что происходит, практически ничего не мог предпринять для предотвращения беды» [3, с. 206].

В 2003 г. были изданы коллективные мемуары о В. Щербицком, состоящие из свидетельств более 60 лиц. Среди них – бывшие члены Политбюро и секретари ЦК КПУ И. Гринцов, Ю. Ельченко, Е. Качаловский, Б. Качура, В. Сологуб, сотрудники партийных органов В. Возианов, Б. Иваненко, помощники, члены правительства УССР, академики Б. Олейник, П. Толочко и Б. Патон, народные артисты СССР Ю. Богатиков, Д. Гнатюк, Е. Мирошниченко, а также водитель, официантки, модельер-закройщик и другие лица, работавшие с В. Щербицким [4]. Спустя 10 лет появился уникальный фотоальбом, запечатлевший весь жизненный путь руководителя советской Украины [2].

100-летний юбилей В. Щербицкого в связи с начавшейся в Украине политикой декоммунизации на государственном уровне не отмечался. Но группой ученых и бывших партийных ра-

ботников во главе с президентом Национальной академии наук Украины Б. Патонем было подготовлено почти 1000-страничное документально-биографическое издание о В. Щербицком и его времени. Значительную его часть составили интервью и воспоминания родственников, бывших соратников и людей, встречавшихся на жизненном пути [1, с. 761–886].

Жизнь и деятельность В. Щербицкого нашли значительное отражение в мемуарах ряда политических деятелей: его предшественника П. Шелеста [7], первого Президента Украины (а в годы правления В. Щербицкого – заведующего отделом ЦК КПУ) Л. Кравчука, председателей Совета Министров УССР А. Ляшко и В. Масола, председателя президиума Верховного Совета УССР В. Шевченко, секретарей ЦК КПУ А. Капто и Я. Погребняка, заведующего отделом ЦК КПУ Г. Крючкова [5]. Воспоминания и размышления о В. Щербицком присутствуют в мемуарах руководителей СССР и их помощников: М. Горбачева, Н. Рыжкова, В. Медведева, О. Бакланова, В. Печенева, Г. Арбатова и др.

Историк А. Якубец, изучивший труды почти 100 мемуаристов, классифицировал их на следующие группы.

1. Члены семьи. Их воспоминания наполнены интересными бытовыми деталями и характеризуются исключительно положительной оценкой.

2. Высшая партийно-хозяйственная номенклатура УССР – наиболее многочисленная и самая информативная группа, представители которой имели возможность практически ежедневно пересекаться с В. Щербицким, наблюдая его в рабочей, а некоторые – и в нерабочей обстановке. Среди них доминируют положительные оценки. Исключением являются резко критичные (и не всегда объективные) воспоминания П. Шелеста, так как между ним и В. Щербицким существовала глубокая личная неприязнь. Довольно критичными являются отзывы А. Капто и частично А. Ляшко и В. Семичастного.

3. Высшая партийная номенклатура СССР. Их воспоминания демонстрируют наиболее отстраненную оценку личности В. Щербицкого: некоторые проявляли к нему глубокое уважение, другие рассматривали как чужака с периферии в московских кабинетах, ставленника Л. Брежнева.

4. Представители науки, культуры, спорта и масс-медиа в мемуарах в основном выражают ностальгию по временам В. Щербицкого, когда эти сферы находились на полном государственном обеспечении.

5. Обслуживающий персонал (те, кто обеспечивал ежедневную деятельность, а также быт первого секретаря ЦК КПУ и его семьи). Они отражают некоторые детали быта В. Щербицкого, его поведение, жизненные интересы [8, с. 20–33].

Таким образом, основу источниковой базы при написании биографии В. Щербицкого составляют не документы советского периода, а свидетельства современников, которые требуют тщательной проверки, что существенно усложняет задачу историка.

1. В. В. Щербицкий. Життя, присвячене Україні / наук. керівник Б. Патон; А. Беляєв, А. Істоміна, Ю. Латиш та ін. – Київ: АДЕФ-Україна, 2018. – 916 с.
2. В. В. Щербицкий у пам'яті народній: Фотоальбом / авт.-упоряд.: Г. К. Крючков, І. Г. Бойко, Г. Д. Максименко. – Київ: Новий друк, 2013. – 319 с.
3. Власенко, А. К. В. В. Щербицкий и его время / А. К. Власенко. – Харьков: Фолио, 2009. – 316 с.
4. Володимир Щербицький: спогади сучасників / За ред. В. Ф. Возіанова, В. К. Врублевського, Ю. Н. Сльченка, Б. В. Іваненка. – Київ: Ін Юре, 2003. – 588 с.
5. Врублевский, В. К. Владимир Щербицкий: правда и вымыслы. Записки помощника: воспоминания, документы, слухи, легенды, факты / В. К. Врублевский. – Киев: Довіра, 1993. – 320 с.
6. Крючков, Г. К. Трудные уроки. Раздумья бывшего партийного работника / Г. К. Крючков. – Киев: Оріяни, 2004. – 352 с.
7. Петро Шелест. «Справжній суд історії ще попереду»: Спогади, щоденники, документи, матеріали / Заг. ред. та вступ Ю. Шаповала. – Київ: АДЕФ-Україна, 2011. – 1120 с.
8. Якубець, О. А. Політична біографія В. В. Щербицького у контексті історії України (1918–1990 рр.): Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук / Національний педагогічний університет України ім. М. П. Драгоманова. – Київ, 2016. – 239 с.

Архипова Т.Г.
МЕМУАРЫ Н.И. ЕЛЬЦИНОЙ «ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ»
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Анонсированные почти за год до выхода мемуары жены первого Президента России общественность ожидала с известной долей скептицизма. Ну, что она может сказать нового, ведь большинство тех, кто хотел написать о нем, уже сделали это? В разное время о нем писали его соратники, противники и те, кто перешел из соратников в число противников [3, 4, 7, 9]. Не обходили его вниманием и те, кто писал о России 90-х гг. XX века [см., напр.: 6]; есть исследования, ему посвященные [5, 8, 10]. Картина сложилась, мягко говоря, неоднозначная. Всесторонняя оценка этого государственного деятеля впереди, тем более что каждое новое поколение по-своему представляет прошлое. Фигура Б.Н. Ельцина сложная, человек, достигший таких высот во власти, не мог быть иным. Как известно, «прост, как правда», в нашей истории был один лидер, да и эта характеристика оказалась мифом. Был первый Президент России и весьма противоречив в своих поступках. Все это первая леди России, будучи не соратницей или секретарем семейной партиячейки, как Р.М. Горбачева (так однажды охарактеризовал ее супруг), а верной спутницей, понимала и принимала. Она пишет: «я никогда не чувствовала себя женой президента», но понимаю, что «почти десять лет находилась рядом с человеком, который по должности отвечал за огромную и очень не простую страну на переломе эпох. Мне пришлось видеть многое из того, что имело важное значение для новой России, с очень близкого расстояния» [1, с. 6].

Мемуары впечатляют сдержанностью автора, с интересом читаются, хорошо иллюстрированы. Несмотря на помощь литературного редактора, интонация автора вполне очевидна. Основной текст в книге перемежается с вопросами редактора, выступающего в роли интервьюера. Используя свои записки «для детей и внуков», мемуаристка выверяла по тем или иным источникам событийный ряд, который отличается завидной последовательностью.

При знакомстве с этими мемуарами понимаешь всю условность их деления на повествовательные, оправдательные, исповедательные и обличительные [2, с. 142], – здесь есть все. Следует отметить необычайную тактичность мемуаристки. В случаях оправданий она пытается объяснить поступки мужа сложившимися обстоятельствами; вспоминая о предательстве некоторых персонажей из его окружения, не опускается до упреков, просто с горечью констатирует факты [см., напр.: 1, с. 136–137].

Первые пятьдесят страниц мемуаров посвящены военному и послевоенному детству и юности автора. Хотя жизнь на Урале была в эти годы много легче, чем на прифронтовых территориях, элементов «украшательства» мемуаристка не избежала. Эта часть мемуаров дает представление о жизни, в первую очередь, послевоенной деревни. Детали, описываемые ею, всегда наглядны. Например, на вопрос интервьюера «Как уживалась вера [в Бога – Т.А.] с советским атеистическим воспитанием?», она ответила: «Вполне уживалась. На Пасху в школе всегда проводили вечера атеистов, в которых мы все участвовали. А после них мы шли в церковь святить куличи. Дома и Пасху, и Рождество отмечали, Я всегда знала, что мы атеисты. И всегда знала, что Бог есть» [1, с. 29–30].

Радужными красками она пишет и о студенческой жизни. К тому же отец привозил из Гурьева бидонами икру и «она нас спасала в общежитии, когда совсем нечего было есть» [1, с. 139]. Во время учебы она встретила будущего мужа – «Он уже в юности обладал теми качествами, которые делают человека лидером» [1, с. 57–58], в целях «самовоспитания» практиковал экстремальные поступки [1, с. 59]. Отмечает она его любовь к чтению, спорту, прекрасную память, которую он сохранил до конца жизни, походя пытается развенчать сложившиеся некоторые мифы о юности Президента [1, с. 61].

Дружбу, возникшую в годы студенчества, Ельциным удалось сохранить. Однокурсники с семьями раз в пять лет обязательно встречались, вместе отдыхали. И здесь Ельцин оставался лидером и заводилой. Вот что пишет Наина Иосифовна об их путешествии летом 1970 г. на теплоходе по маршруту Пермь – Ростов-на-Дону. Однажды вечером в кают-компании был организован концерт силами пассажиров. Объявили «танец маленьких лебедей». «Четыре “лебедевка” под два метра ростом, босиком, в пачках из полотенец и с бантиками из бинтов на руках и

ногах», танцевавшие с серьезными лицами, вызвали у зрителей такой хохот, что не было слышно музыки. Одним из «маленьких лебедей» был будущий Президент России [1, с. 132].

Молодая семья пережила все бытовые трудности тех лет: коммуналку, печное отопление, отсутствие горячей воды, удобства во дворе, подвалы для собственноручно выращенной картошки, отсутствие транспортных коммуникаций (иногда на работу приходилось ходить десять километров пешком). Наина Иосифовна, как и все жены партийных работников, работала – «На одну зарплату трудно было прожить» [1, с. 155].

Будущий Президент довольно быстро шел вверх по служебной лестнице. Работа у него всегда была на первом месте. Все, что было его «зоной ответственности, всегда становилось лучшим» [1, с. 98–99]. Довольно подробно мемуаристка пишет о работе мужа в должности первого секретаря Свердловского обкома партии. Особой заботой во второй половине семидесятых годов стала проблема продовольственного снабжения промышленной области. Строились птицефабрики, тепличные хозяйства, заселялись рыбой водоемы: «Уже к началу 80-х гг. за продуктами к нам специально приезжали из других областей – Челябинской, Пермской, Тюменской» [1, с. 139]. Действительно, при Ельцине область вошла в число самых успешных в стране.

Предчувствия супругов, без энтузиазма встретивших предложение переехать в Москву, подтвердились. Сравнивая годы жизни на Урале с жизнью в столице, мемуаристка пишет: «Сколько грязи вылилось на нас здесь...», хотя мы остались прежними. Она не раз предлагала мужу обратиться в суд. Он обычно отвечал: «Переболеют», «Не надо опускаться до их уровня» [1, с. 163].

Критическое восприятие Ельциным стиля работы высших эшелонов власти [1, с. 171], невозможность встретиться с Горбачевым стали причиной известного выступления на октябрьском Пленуме ЦК КПСС 1987 г. Оппозиционер в глазах руководства страны приобрел популярность у рядовых граждан. В РСФСР впервые после создания союзного государства появился лидер, хоть и нелегитимный. Иногда мемуаристка вступает в противоречие с собой. Сначала она пишет, что муж, приходя после работы, оставлял все свои проблемы за порогом дома, – такая у них с мужем была договоренность [1, с. 88], затем подробно рассказывает, как он обсуждал в кругу семьи свое предстоящее выступление на XIX партконференции [1, с. 182]. Наверное, в отдельных случаях он не мог обойтись без совета близких.

Мемуаристка утверждает, что во время подготовки союзного договора Ельцину пришлось труднее, чем лидерам других республик – он отстаивал не только интересы РСФСР, но и согласовывал позиции республик и центра [1, с. 207]. Упреки в адрес «трех зубров», тайком собравшихся в Беловежской пуще, она отвергает категорически, считая, что к концу 1991 г. страна находилась в состоянии стихийного распада, лидеры республик взяли ответственность за ее управляемость [1, с. 213]. А вот, пытаясь доказать уважительную передачу власти от Горбачева Ельцину, она все-таки лукавит [1, с. 213–214].

О последующих годах Наина Иосифовна, подчеркивая заслуги Гайдара, говоря, что не Ельцин и Гайдар в мирное время ввели карточки, пишет: «не было бы “лихих” 90-х, не было бы и благополучных 2000-х» [1, с. 218]. Скорее всего, она права – почти двадцать лет спустя списывать все нынешние проблемы страны на предшествующие годы, по меньшей мере, некорректно.

Отвергает мемуаристка и обвинения в адрес Президента, будто он ездил по миру с протянутой рукой, хотя помощь в эти трудные годы от западных стран поступала. Приводит она и примеры дружеских отношений между Президентом и лидерами других стран [1, с. 227–229]. Нашлось на страницах мемуаров и место для рассказа о пребывании в качестве первой леди страны за рубежом [1, с. 230–246].

О событиях осени 1993 г. она пишет довольно бегло, затрудняясь дать им объективную оценку. Говоря о том, что «даже не представляла, что весь первый срок президентства Бориса будет таким напряженным... временами казалось: выдержать это невозможно» [1, с. 250], она подтверждает, что к концу срока рейтинг ее мужа был ниже всех: «Я надеялась, что самолюбие не позволит ему участвовать в выборах, когда его шанс на успех, скорее всего, равен нулю. Он всегда был настроен только на победу, по-другому не умел» [1, с. 261]. Кроме всего этого, резко обострились проблемы с сердцем, но Ельцин решил идти на выборы. Отговаривать было бесполезно: «Он не мог отдать страну коммунистам. Но до сих пор думаю, что если бы Борис не пошел на второй срок – продлил бы себе жизнь» [1, с. 263]. Во время предвыборной кампа-

нии было все: верность и предательство, популизм и реалии, пляски и инфаркты... После выборов была операция на сердце, известная по фильму С. Сорокиной. Между тем, на фоне экономических трудностей оппозиция не переставала критиковать курс Правительства, а в нем наметился раскол. Мемуаристка отрицает, что Президент легко «сдавал» своих и приводит пример с В.С. Черномырдиным, с семьей которого после его отставки сохранились дружеские отношения [1, с. 293–295]. Судя по всему, других примеров у нее нет.

Людам не только старшего поколения памятна отставка первого Президента – своей просьбой о прощении он растрогал россиян. На вопрос интервьюера об оценке этого факта жена ответила: «Правильно сделал. Жизнь была очень трудной. Он тоже был причастен к этому. Что-то недоделал, чьи-то надежды не оправдал... Но сделал все, что мог» [1, с. 308].

Выбор, как принято сейчас говорить, преемника был сделан Ельциным лично, что, судя по его характеру, кажется правдой [1, с. 304–306]. Надо отметить, что этот выбор был его последней победой на посту Президента.

Последние несколько десятков страниц мемуаров посвящены быту семьи экс-президента и (после его смерти) мемориальным заботам автора.

1990-е гг., вспоминаемые обычно в негативном плане, безусловно, были тяжелейшими для страны. Все стороны жизни общества оказались в системном кризисе, страна распалась, надо было строить новую государственность. Жена первого Президента России попыталась рассказать о недавнем прошлом честно – без приукрашивания и без нагнетания ужасов. Думается, это у нее получилось, хотя элементы субъективизма в ее повествовании присутствуют. Она деликатно обходит довольно распространенное мнение о взаимоотношениях Ельцина с «зеленым змием», почти не пишет о войне в Чечне – самом осуждаемом факте в период его президентства. Наверное, жена имеет на это право. В целом же читающий эти мемуары найдет в них и гордость за Россию, и боль за нее, и веру в ее будущее.

1. Ельцина, Н. [И]. Личная жизнь / Н. Ельцина. – М. : Синдбад, 2017. – 352 с.
2. Козлов, В. П. Второе археографическое обозрение истории России XX века / В. П. Козлов. – М. : Древлехранилище, 2016. – 288 с.
3. Коржаков, А. В. Борис Ельцин: от рассвета до заката / А. В. Коржаков. – М. : Интербук, 1997. – 480 с.
4. Костиков, В. В. Роман с Президентом / В. В. Костиков. – М. : Вагриус, 1997. – 349 с.
5. Минаев, Б. Д. Ельцин / Б. Д. Минаев. – М. : Молодая гвардия, 2010. – 750 с.
6. Пихоя, Р. Г. Москва. Кремль, Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985–2005 / Р. Г. Пихоя. – М. : Русь–Олимп ; Астрель ; АСТ, 2007. – 554, [6] с., 2007. – 560 с.
7. Попцов, О. М. Хроника времен «царя Бориса» / О. М. Попцов – М. : Совершенно секретно, 2000. – 544 с.
8. Соловьев, В. Борис Ельцин. Политические метаморфозы / В. Соловьев, Е. Клепикова. – М. : Вагриус, 1992. – 397 с.
9. Суханов, Л. Три года с Ельциным: записки первого помощника / Л. Суханов. – Рига : ВАГА, 1992. – 368 с.
10. Шевцова, Л. Ф. Режим Бориса Ельцина / Л. Ф. Шевцова. – М. : РОССПЭН, 1999 – 535 с.

Леонтьева О.Б.

КОГДА ИСТОРИК СОЗДАЕТ ИСТОЧНИК: СОВРЕМЕННЫЕ МЕМУАРЫ ИСТОРИКОВ КАК ИСТОЧНИКОВЫЙ КОМПЛЕКС И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Воспоминания, написанные историком, – явление до некоторой степени парадоксальное. С одной стороны, по-человечески понятно желание ученого, постоянно работающего с текстами мемуаров и других эго-документов, сохранить для потомков историю собственной жизни. С другой стороны, историк берется за написание воспоминаний, будучи вооружен навыками источниковедческого анализа и, следовательно, прекрасно осознавая всю неполноту и субъективную односторонность того исторического свидетельства, которое должно получиться в результате.

Тем не менее, эта парадоксальная задача представляется важной и значимой многим членам исторического цеха: свидетельство тому – выход в свет в 1990–2010-х гг. многочисленных мемуаров и автобиографической эссеистики российских историков разных поколений, а также публикация мемуаров, написанных «в стол» в предшествующие годы. Используя термин

А.Г. Тартаковского [16], можно сказать, что на переломе эпох в жизни научного сообщества историков произошел настоящий «мемуарный взрыв».

За истекший век это второй пример «мемуарного взрыва» в профессиональной среде историков. Первый подобный опыт коллективного самопознания научного сообщества – дневники и воспоминания историков, созданные в первой половине XX в. и охватывающие последние годы существования императорской России и революцию 1917 г. (мемуары П.Н. Милюкова, М.М. Богословского, С.Ф. Платонова, А.А. Кизеветтера, Н.И. Кареева, дневники Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского и других). На основе анализа этих эго-источников С.В. Павловская сделала принципиально важный вывод, что воспоминания историков можно рассматривать как единый мемуарный комплекс, характеризующийся уникальным сочетанием особенностей общеисторического и историографического источника: личные воспоминания и эмоциональные оценки происходящего сочетаются с «ярко выраженным профессиональным исследовательским подходом» к осмыслению современных мемуаристу событий; кроме того, мемуарный текст предоставляет возможность проследить, «как возникала, формировалась, созревала проблематика будущих трудов историков» [13, с. 10, 204–212].

Современный «мемуарный взрыв» пришелся на «эпоху порубежья» в жизни страны и в развитии исторической науки [19, с. 104]: уход от советской модели взаимоотношений «ученый и власть», радикальные изменения социального статуса и профессиональной культуры учено-гуманитария породили потребность осмысления перемен, «актуализировали для исторического сообщества проблему самопознания» [7, с. 250–251]. Методологические повороты, через которые мировая историческая наука прошла во второй половине XX века и которые были пережиты отечественной наукой в сжатые сроки – за 1990-2000-е гг., создали благоприятную научную среду для опытов самопознания. «Антропологический поворот» кардинально изменил отношение к источникам личного происхождения, в том числе нарративным: для современных историков представляет интерес именно «субъективность» таких источников, считавшаяся прежде их ключевым недостатком. В свою очередь, «мемориальный поворот» начала XXI в. – широкий общественный интерес к проблематике исторической памяти – выработал отношение к эго-источникам как к уникальным свидетельствам эпохи.

Мемуары российских историков рубежа XX–XXI вв. отличаются значительным жанровым разнообразием. Наряду с классическим типом мемуаров-автобиографий (где повествование о личной судьбе сочетается с рассказом о профессиональном становлении историка-мемуариста) [6; 8; 10] можно выделить воспоминания, написанные *in memoriam* и посвященные взаимоотношениям мемуаристов с их учителями и наставниками [15; 18], автобиографическую эссеистику – размышления о проблемах исторической науки, основанные на личном опыте [9; 17], опыты «эго-истории» – истории собственной научной жизни, написанные с применением профессионального эпистемологического инструментария [5], наконец, произведения синтетического характера, для определения жанровой природы которых приходится изобретать окказионализмы [11]. Однако при этом разнообразии мемуары современных историков обладают существенными сходными чертами, позволяющими – как и в случае с мемуаристикой историков начала XX в. – выделить их в особый мемуарный комплекс.

Мемуары-автобиографии российских историков, как и любые мемуары, представляют собой опыт личностного самопознания, творческого осмысления истории собственной жизни. К ним применимо наблюдение Лидии Гинзбург о документальной литературе: ей одновременно присуща и «установка на подлинность» (что и «делает документальную литературу *документальной*»), и «эстетическая организованность» – «отбор и творческое сочетание элементов, отраженных и преображенных словом» (что и делает документальную литературу *литературой* как явлением искусства») [4, с. 7–8]. Мемуарист выстраивает сюжет своего повествования вокруг событий, которые считает ключевыми, поворотными в своей судьбе, отыскивая в них внутреннюю логику; отбирая, осмысливая явления прошлого, облачая их в слова, он создает образ того, «чему свидетель в жизни был», – и, что немаловажно, образ самого себя, каким он хотел бы предстать в глазах читателя.

В большинстве случаев по своим жанровым формам и проблематике мемуары российских историков близки не к «эго-истории» в современном понимании этого термина [12], а к класси-

ческой парадигме мемуаристики с акцентом на событийность; в них ярко воплощена тема, которую А.Г. Тартаковский и И.А. Паперно считают стержневой для русской мемуаристики – столкновение человека и истории, пересечение частной судьбы и «большой дороги» исторического процесса, зачастую с драматическими последствиями [16, с. 16–22; 14, с. 112–120]. Но при этом в качестве сверхзадачи мемуаров историка, придающей им целостность и как личностному документу, и как литературному тексту, выступает история профессионального становления мемуариста или же история выполнения профессионального долга в ситуации столкновения с «колесницей истории». Идентичность автора мемуаров строится вокруг его профессиональной идентичности; выполнение миссии историка может осознаваться мемуаристом как единственно достойный ответ на вызовы времени.

Показательно, кого именно историки-мемуаристы видят в качестве потенциальных читателей своих воспоминаний. Зачастую воспоминания историков содержат целые главы или разделы, представляющие собой своеобразные наставления в профессиональном мастерстве: это может быть «мастер-класс» работы с историческим источником [9, с. 195–216] или преподавания истории [2, с. 225–290], размышления об особенностях исторического познания [5, с. 178–187] или же «дневник исследователя» – история созревания научного замысла и его поэтапного воплощения [11]. Очевидно, что такие разделы адресованы коллегам по историческому цеху, причем младшим: воображаемый адресат мемуаров предстает не только как внимательный слушатель, но и как потенциальный ученик, готовый перенимать «ремесло историка».

С этим связана еще одна особенность мемуаров, созданных историками: ярко выраженный акцент на проблематике «историографического быта» – социокультурных аспектов бытия науки, сети научных коммуникаций и профессиональных взаимоотношений, поведенческих практик и форм самовыражения историков [1]. В воспоминаниях отчетливо звучит мысль о том, что без знания этого контекста невозможно адекватное понимание историографического процесса XX века [3, с. 23]. Так, ключевой темой воспоминаний, написанных *in memoriam*, является трансляция от учителя к ученикам практик поведения, стиля преподавания и научной работы: речь идет о передаче не просто правил научной этики или манеры поведения, но групповой идентичности, внутреннего чувства принадлежности к единому сообществу [15].

Сочетая признаки исторического источника, историографического источника и литературного текста, воспоминания историков несут ценную информацию о личной и групповой идентичности, коммуникативных практиках и корпоративном этосе научной среды, о трансформации профессиональных норм в условиях меняющихся «правил игры» на переломе эпох. Осознанной или неявно подразумеваемой целью мемуариста является не просто ознакомление читателя с этой информацией, но приобщение младших коллег по цеху к нормам профессиональной культуры. Мемуарный текст приобретает характер социокультурного медиатора – «проводника», «передатчика» навыков ремесла историка от поколения мемуариста к поколению его читателей.

1. Алеврас, Н. Н. Что такое «историографический быт»? Из опыта разработки и внедрения историографической дефиниции / Н. Н. Алеврас // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л. П. Репиной. – М. : Изд-во ЛКИ, 2011. – С. 516–534.
2. Биск, И. Я. Мой XX век: записки историка / И. Я. Биск. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. – 516 с.
3. Ганелин, Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1990-х годах / Р. Ш. Ганелин. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2004. – 216 с.
4. Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – М. : INTRADA, 1999. – 414 с.
5. Гуревич, А. Я. История историка / А. Я. Гуревич. – М. : РОССПЭН, 2004. – 288 с.
6. Гутнова, Е. В. Пережитое / Е. В. Гутнова. – М. : РОССПЭН, 2001. – 462 с.
7. Зверева, Г. И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века / Г. И. Зверева // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. – Вып. 1. – М. : ИВИ РАН, 1999. – С. 250–265.
8. Кабытов, П. С. Судьба-Эпоха: автобиография историка / П. С. Кабытов. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2008. – 352 с.
9. Кобрин, В. Б. Кому ты опасен, историк? / В. Б. Кобрин. – М. : Московский рабочий, 1992. – 225 с.
10. Литвин, А. Л. Жизнь как выживание: воспоминания и размышления о прошлом / А. Л. Литвин ; предисл. И. Х. Урилова. – М. : Собрание, 2013. – 280 с.

11. Нарский, И. В. Фотокарточка на память: семейные истории, фотографические послания и советское детство (автобио-историко-графический роман) / И. В. Нарский. – Челябинск : ООО «Энциклопедия», 2008. – 516 с.
12. Нора, П. Вступление и Заключение к книге «Опыты эго-истории» / П. Нора // Дискурс: коммуникативные стратегии культуры и образования. – М., 2007. – № 14/15. – С. 56–68.
13. Павловская, С. В. Дневники и воспоминания отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX – начала XX веков : дисс. ... канд. ист. наук / С. В. Павловская. – Н. Новгород, 2006. – 293 с.
14. Паперно, И. Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель / И. Паперно // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 68. – С. 102–127.
15. Савчук, В. С. Анатолий Москаленко и другие. Личные воспоминания историка как источник по проблеме групповой идентичности / В. С. Савчук // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. – М., 2011. – Вып. 37. – С. 224–254.
16. Тартаковский, А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века / А. Г. Тартаковский. – М. : Археографический центр, 1997. – 356 с.
17. Уваров, П. Ю. Между «ежами» и «лисами»: заметки об историках / П. Ю. Уваров. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 280 с.
18. Учителя учителей : очерки и воспоминания. – М. : РГГУ, 2009. – 242 с.
19. Хут, Л. Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. / Л. Р. Хут. – М. : Прометей, 2010. – 704 с.

Дулов А.Н.

ВОСПОМИНАНИЯ ВИТЕБСКОГО ИСТОРИКА П.В. АЛЕКСЕЕНКОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Истоки исторического образования в Витебске восходят к началу XX в. – деятельности Витебского отделения Московского археологического института, открытого по инициативе ВУ-АК, и подготовке историков на базе созданного в 1918 г. ВГПИ. Но специалистов-историков здесь готовили с перерывами. Одним из тех, кому довелось возродить историческое образование в ВГПИ имени С.М. Кирова/ВГУ имени П.М. Машерова в конце XX в., был Петр Васильевич Алексеенков (1938–2013).

Петр Васильевич родился в д. Попейкино Духовщинского района Смоленской области. В детстве мальчику пришлось пережить ужасы германской оккупации, трудности послевоенных лет. После школы Петр Васильевич избрал педагогическую стезю: окончил Гжатское педагогическое училище, трудился в школах Смоленской области. После службы в Советской Армии (1957–1960) работал на предприятиях Риги. Но желание вернуться к преподаванию перебило. В 1962 г. Петр Васильевич поступил на заочное отделение историко-филологического факультета Латвийского университета. После успешного окончания университета в 1968 г. П.В. Алексеенков был приглашен на работу в Даугавпилсский педагогический институт, с которым связаны годы его профессионального становления. В 1972–1975 гг. историк учился в аспирантуре Латвийского университета, которую окончил досрочно, защитив кандидатскую диссертацию по теме «Социал-демократические организации Латгалии с 1898 по 1907 гг.» [2]. В Даугавпилском пединституте Петр Васильевич работал на кафедре всеобщей истории и истории СССР, преподавал историю новейшего времени, новую и новейшую историю Востока, а также студентам заочной формы обучения вторую часть новой истории, вел спецкурсы и спецсеминары. Преподавание историк успешно сочетал с научно-исследовательской деятельностью, продолжая разработку проблемы революционного движения в Латгалии на рубеже XIX–XX вв.

В 1979 г. Петр Васильевич переехал в Витебск, начал трудиться в ВГПИ имени С.М. Кирова на кафедре истории КПСС и политэкономии, вел занятия по истории КПСС на различных факультетах. С начала 1990-х гг., когда преподавание истории КПСС было заменено обязательным изучением на всех факультетах института истории Беларуси, Петр Васильевич успешно освоил не только саму дисциплину, но и белорусский язык, на котором осуществлял ее преподавание. В то время кафедра истории КПСС и политэкономии была преобразована в кафедру истории и культуры Беларуси, а в 1995 г. – в кафедру всеобщей истории и истории Беларуси, где продолжал работать Петр Васильевич.

В 1990 г. на филологическом факультете ВГПИ началась подготовка учителей русского языка и литературы с дополнительной специальностью «история». Оказались востребованы знания

и опыт Петра Васильевича. Он стал вести занятия по истории нового и новейшего времени, новой и новейшей истории стран Азии и Африки, осуществлял руководство курсовыми и дипломными работами студентов. Лекции и семинарские занятия Петра Васильевича характеризовались высоким научно-методическим уровнем, он умел заинтересовать студентов, вызвать у них потребность в изучении источников и дополнительной литературы по теме, в осмыслении непростых проблем истории. Недаром Петр Васильевич пользовался уважением коллег и студентов. Г.Н. Яковлева в статье к 60-летию историка отмечала: «Гуманность, чуткость, уважительное отношение как к коллегам, так и к студентам снискали П.В. Алексеенкову высокий авторитет в коллективе нашего университета <...> Для членов кафедры всеобщей истории и истории Беларуси, всех коллег Петр Васильевич является примером организованности, требовательности к себе и уважительного отношения к товарищам, доброжелательности и оптимизма» [3, с. 117].

Как человек, которому довелось начинать свой трудовой путь на кафедре истории Беларуси, где остался трудиться Петр Васильевич после того, как в 1998 г. в отдельную кафедру выделилась кафедра всеобщей истории и мировой культуры, могу подтвердить, что это не юбилейное славословие. Петр Васильевич никогда не останавливался на достигнутом, стремился к совершенствованию знаний и методического мастерства, побуждал к этому коллектив кафедры. Всегда поддерживал молодых преподавателей, служил примером профессионализма и человечности.

В 2006 г. историк пережил инфаркт, ему была определена II группа инвалидности, исключавшая возможность работать. А вернуться к преподаванию хотелось. Как говорил тогда Петр Васильевич, ему не раз снилось, что он в аудитории. Очевидно, ностальгия по педагогической работе и стала главным мотивом к написанию небольших мемуаров, которые автор озаглавил «Кафедра истории Беларуси в Витебском государственном университете им. П.М. Машерова с 1980 по 2000 гг. (воспоминания)» [1]. Сразу следует отметить условность хронологических рамок, за которые мемуарист в некоторых случаях выходит. Воспоминания датированы 15 марта 2007 г. Объем их – неполных 23 страницы текста (шрифт 14, интервал одинарный, поля слева – 4, справа – 3, сверху и снизу по 2). Электронная копия воспоминаний была передана вскоре после их написания автору этих строк.

Знакомство с текстом воспоминаний показывает, что главным источником информации для мемуариста была память, он сознательно не обращался к документам. Композиционная структура текста представляется достаточно «рыхлой». Петр Васильевич счел необходимым начать изложение с краткого экскурса в прошлое кафедры истории Беларуси, показав ее истоки. При этом значительное внимание было уделено возобновлению подготовки историков в пединституте в первой половине 1990-х гг. Петр Васильевич отмечал, что инициатива принадлежала заведующему кафедрой литературы Ивану Людвиновичу Лапину, а основную подготовительную работу проделал заместитель декана филологического факультета Виктор Викторович Здольников [1, с. 1]. При этом за основу был взят учебный план Даугавпилсского пединститута, где готовили учителей языка, литературы и истории с правом преподавания последней в неполной средней школе. В плане часы на исторические дисциплины были урезаны (до 800 вместо 1000), хотя в ВГПИ шла речь о подготовке учителей истории для средней школы. По мнению автора, конфликт корпоративных интересов филологов, которые не хотели терять часы на свои учебные дисциплины, и историков привел к тому, что после трех наборов дополнительная специальность «история» была переведена на вновь созданный факультет белорусской филологии и истории, став придатком к специальности «белорусский язык и литература». Очевидно, однако, что такое развитие событий было в большей мере обусловлено процессами национально-государственного возрождения конца XX в.

Следующий тематический блок воспоминаний повествует о переезде П.В. Алексеенкова в Витебск. Кратко рассказав о специфике своей работы в Даугавпилсском пединституте, Петр Васильевич сообщил о первой ознакомительной поездке в ВГПИ, своих впечатлениях, объяснил мотивы своего переезда (необходимость помогать по хозяйству пожилым родителям, ставшая главным аргументом для увольнения из Даугавпилсского пединститута, наметившееся «нарастание националистических настроений» в Латвии, недовольство бытовыми условиями) [1, с. 3–4].

Далее историк обращает внимание на то, что в октябре 1979 г. был принят на должность старшего преподавателя кафедры истории КПСС и политэкономии ВГПИ имени С.М. Кирова только по ходатайству ректора Виктора Никоновича Виноградова перед вышестоящими органами, т.к. без ученого звания доцента в то время это было невозможно [1, с. 4].

Упомянув о первых шагах на новой кафедре – преподавании истории КПСС на факультете физвоспитания и ведении семинаров на факультете начальных классов за доцентом Альбертом Матвеевичем Рогачевым, Петр Васильевич остановился на начальном этапе существования факультета физического воспитания, основу преподавательского состава которого образовали как преподаватели реорганизованного физкультурного техникума, так и институтской кафедры. Поскольку между ними «обозначились большие разногласия и начались раздоры», руководство института организовало на факультете партийную группу, которую довелось возглавить Петру Васильевичу. «Эта работа потребовала от меня больше сил, нервов, времени, чем преподавательская. Хотя и преподавание истории КПСС также было для меня нелегким делом, так как в Даугавпилсе я только один семестр работал по этой дисциплине. А студенты-физкультурники имели свои особенности, к которым также надо было приноровиться», – писал историк [1, с. 5].

О себе мемуарист пишет немного. Авторское «Я» раскрывается в воспоминаниях прежде всего через характеристики коллег. Основную часть текста составляет блок, посвященный личностям преподавателей и сотрудников кафедры [1, с. 5–22]. В данном случае проявилось жизненное и профессиональное кредо историка. В воспоминаниях нашлось место как для характеристики заведующих кафедрами (Ивана Адамовича Лукашенко, Виктора Владимировича Акуневича), так и доцентов разных поколений, преподавателей, не имевших ученых степеней и званий, заведующего кабинетом Геннадия Степановича Бабашко, многолетнего лаборанта кафедры Янины Станиславовны Рудаковой. Коллег Петр Васильевич характеризует с позиций профессиональных и личностных, акцентирует внимание главным образом на сильных сторонах и положительных качествах, хотя корректно отмечает и некоторые недостатки.

Характеристики его емкие, лаконичные, точные. Автор использует яркие детали. Некоторые моменты в работе коллег Петр Васильевич описывает с мягким юмором. В частности, это проявилось в рассказах о папке со статьями доцента Ивана Владимировича Мандрика, которая находилась на кафедре для ознакомления студентов с трудами историка, а также о серьезном и основательном подходе доцентов Галины Николаевны Яковлевой и Виктора Владимировича Акуневича к приему экзаменов.

Именно в биографических деталях воспоминаний раскрываются и приметы времени. Период «позднего социализма» подчеркнут значимой ролью кафедры, ключевая дисциплина которой – история КПСС – носила общеобязательный характер, преподавалась в значительном объеме (170 учебных часов и три семестра, кроме факультетов физвоспитания и начальных классов, где 110 часов и два семестра). Большое внимание в пединституте уделялось учебному процессу. Являясь членами партии, преподаватели вели большую общественную и воспитательную работу. Среди них были участники Великой Отечественной войны (Лев Алексеевич Волкович, Нина Ивановна Дорофеенко, Федор Дмитриевич Конин, Владимир Иосифович Вистунов). Некоторые преподаватели пришли на кафедру с должностей в партийных органах, другие уходили на партийную работу, в том числе в обком КПБ, возглавляли партийные организации в вузе, включая партком института.

В перестроечное время появилось больше свободы в выборе форм и методов преподавания, в частности, преподаватели кафедры начали широко использовать в проведении семинарских занятий метод малых групп. Активизировались критика недостатков советской действительности и дискуссии на партсобраниях, партийных и научных конференциях. Отдельные преподаватели уходили в политику (доцент Николай Васильевич Иванов).

Начало периода независимости было связано с неприятным событием: «В 1991 году Валентина Сергеевна [Савицкая – А.Д.] была вынуждена уйти из института: пришло распоряжение из Минска почистить все кафедры, особенно кафедры общественных наук, от пенсионеров. Под эту чистку попали и Валентина Сергеевна, и Альберт Матвеевич Рогачев и многие другие очень опытные высококвалифицированные кадры, которые еще прекрасно работали, не жалуясь на здоровье, и могли бы принести много пользы» [1, с. 8].

Создавались и развивались новые факультеты. В частности, Петр Васильевич пишет, как доцент кафедры Сергей Анатольевич Моторов стал деканом факультета дошкольного воспитания, выделившегося из факультета начальных классов, проявил себя эффективным руководителем, вводил новые специальности, преобразовал свое детище в факультет социальной педагогики и психологии. Таким образом, кафедра по-прежнему оставалась кузницей кадров, только уже не для партийных структур, а для подразделений университета. Это подтверждается и тем, что доценты Татьяна Станиславовна Бубенько и Елена Дмитриевна Тогулева также стали деканами факультетов, Петр Васильевич Кононенко возглавил одну из кафедр созданного в 1998 г. юридического факультета, а Ростислав Владимирович Тимофеев руководил деятельностью СНО университета. Доцент Иван Владимирович Мандрик в начале 1990-х создал и возглавил Витебский филиал профсоюзного вуза – «Международного института трудовых и социальных отношений».

Начало 1990-х гг. было ознаменовано также белорусизацией системы образования. Был осуществлен переход к преподаванию истории Беларуси на белорусском языке. Это вызвало трудности как в связи с необходимостью осваивать язык, историю приезжим преподавателям, так и в связи с отсутствием современных вузовских учебников. Петр Васильевич вспоминает, как изучал белорусский язык на специально организованных в институте курсах, высказывает слова благодарности своим преподавателям Лидии Ивановне Злобин, Елене Сергеевне Дедовой, Евгении Ничипоровне Морозовой [1, с. 11].

Ведущим специалистом в истории Беларуси стал доцент Виктор Владимирович Акуневич. Виктор Владимирович позволил коллегам, среди которых был и П.В. Алексеенков, посещать свои лекции. «Не следует забывать, что открытую лекцию проводить не так просто, это дополнительная нервная психическая нагрузка. Тем не менее Виктор Владимирович ни разу не пожаловался, что ему трудно, тяжело, не попросил отдыха. Наоборот, он всегда отвечал на наши вопросы, объяснял, почему ту или иную проблему он излагает именно так, а не иначе» [1, с. 12].

В вузе началась подготовка историков. Преподаватели осваивали новые дисциплины. В частности, старший преподаватель Владимир Иванович Кийко читал историю древнего мира (затем дисциплину стали преподавать супруги Сергей Анатольевич и Людмила Алексеевна Моторовы). Доцент Галина Николаевна Яковлева стала читать студентам курс истории средних веков. «И дела у нее пошли очень хорошо. Мне вспоминаются ее сообщения на заседаниях кафедры о проблемах средневековой истории, о феномене феодализма, о собственности в период феодализма, о взглядах на эти проблемы советских и западных историков. Это было очень глубоко, интересно и убедительно» [1, с. 13].

При кафедре открылась аспирантура по специальности «отечественная история». Характеризуя доцента Николая Николаевича Пархимовича, Петр Васильевич отмечал как одно из его сильных качеств следующее: «При разборе научных работ, присылаемых на рецензию, и особенно при обсуждении диссертаций наших аспирантов замечания и предложения Николая Николаевича очень ценные. Он помогает аспиранту несколько шире, более свежо и глубоко взглянуть на проблему, обращает внимание на такие тонкости и нюансы, которых другие преподаватели, не говоря уже о самих аспирантах, просто не замечают» [1, с. 15].

Характеристики коллег Петр Васильевич завершает кратким выводом: «Конечно, кафедра – это прежде всего люди, преподаватели. Именно эти кадры создавали кафедре высокий авторитет у руководства института, а потом университета, у советских руководителей города и области и, само собой разумеется, у студентов. Преподаватели кафедры обладали самыми различными личными качествами, с одними было легко, с другими тяжелее общаться да и вместе работать. Но, главное, эти преподаватели были высокопорядочными, преданными своей работе, своему делу людьми. Именно на таких качествах я старался заострить внимание» [1, с. 22].

Заключительная часть воспоминаний представляет собой обобщения по основным, с точки зрения автора, направлениям работы кафедры, но преимущественно советского периода: преподавание истории КПСС и политэкономии, работа в составе государственных экзаменационных комиссий, прием вступительных экзаменов. Данная концовка, как и отдельные моменты в тексте, указывают на то, что автор перерабатывал структуру воспоминаний. Очевидно, что стремление мемуариста к совершенству текста привело к появлению той окончательной редакции, которую мы здесь рассматриваем.

Таким образом, воспоминания П.В. Алексеенкова являются ценным источником истории кафедры истории Беларуси, исторического образования в Витебском государственном университете, содержат искренние и точные профессиональные и личностные характеристики коллег, вместе с которыми мемуаристу довелось работать на протяжении четверти столетия. Именно эти характеристики составляют содержательное и смысловое ядро нарратива. Главным образом по ним мы можем реконструировать психологический портрет самого автора, некоторые детали его биографии. А время в воспоминаниях служит фоном, тем полотном, на котором небольшими, но яркими штрихами мемуарист рисует портреты людей, изучавших, преподававших и творивших историю. Ряд историков, о которых рассказано в воспоминаниях, продолжают трудиться и сегодня.

1. Алексеенков, П. В. Кафедра истории Беларуси в Витебском государственном университете им. П. М. Машерова с 1980 по 2000 гг. (воспоминания) [Электронный ресурс] / П. В. Алексеенков // Личный архив автора.
2. Алексеенков, П. В. Социал-демократические организации Латгалии с 1898 по 1907 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / П. В. Алексеенков ; Латвийский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. Петра Стучки. – Рига, 1974. – 29 с.
3. Яковлева, Г. Н. П.В. Алексеенков (к 60-летию со дня рождения) / Г. Н. Яковлева // Веснік ВДУ. – 1997. – № 4. – С. 116–117.

Косов А.П.

**ЗАКОН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ «ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ
ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ» (2005)
КАК ИСТОЧНИК, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКУЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА
НА МИРОВОЙ АРЕНЕ¹**

При изучении международных отношений и внешней политики государств важную роль играют не только исследования, но и источники, в том числе нормативно-правовые акты, регламентирующие внешнеполитическую сферу деятельности субъектов международного права. Сегодня у многих стран мира имеются концепции внешней политики. В свое время в Республике Беларусь также неоднократно предпринимались попытки разработки внешнеполитической концепции. Однако работа в этом направлении так и не привела к ее принятию. Тем не менее вопрос о появлении концептуального документа постоянно оставался в центре внимания дипломатов и политико-академического сообщества страны.

Знаковым событием в плане правового обеспечения внешнеполитической деятельности страны стало принятие в 2005 г. Закона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики Республики Беларусь», регламентирующего основные направления внешней политики Беларуси [1]. Его разработка в виде законодательного акта началась в 2002 г. В течение 2003–2004 гг. текст документа дорабатывался в Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь. Следует отметить, что по инициативе группы депутатов парламента разрабатывался и альтернативный законопроект. Оба варианта содержали общие концептуальные положения, например, тезис о соразмерности внешнеполитических целей государства политико-дипломатическим, экономическим и иным ресурсам. В итоге 20 декабря 2004 г. Палата представителей отклонила альтернативный законопроект и приняла за основу проект закона, внесенный на рассмотрение Советом Министров Республики Беларусь [2, с. 269–270, 272–273]. 5 октября 2005 г. депутаты приняли во втором чтении проект закона «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь». Комментируя его принятие, занимавший тогда пост министра иностранных дел С. Н. Мартынов заявил журналистам буквально следующее: «Данный законопроект утверждается во исполнение соответствующих положений Конституции нашей страны. Мы считаем, что он принят навсегда и не

¹Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (науч. рук. – чл.-кор. НАН Беларуси, д.и.н., проф. А. А. Коваленя), подпрограммы «История и культура» (науч. рук. – к.и.н., доц. В. В. Данилович) по заданию 1.1.04. Тема НИР «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (науч. рук. – к.и.н., доц. А. П. Косов).

должен меняться». По мнению главы белорусского МИДа, этот документ «обеспечивает рамки и параметры», а их наполнение практическими нормами может проходить посредством других законодательных актов. Позднее законопроект принял и Совет Республики, после чего Закон был подписан Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко и 14 ноября 2005 г. вступил в силу [2, с. 274–275].

В Законе «Об основных направлениях внутренней и внешней политики Республики Беларусь» законодательно закреплены стратегические принципы, цели, основные задачи и сферы внешней политики суверенного белорусского государства. В частности, речь идет о приверженности Республики Беларусь соблюдению норм международного права; развитию равноправного сотрудничества с другими государствами и международными организациями; отсутствию территориальных претензий к сопредельным государствам и непризнанию территориальных притязаний на белорусскую территорию; обеспечении внешнеполитических интересов Беларуси на мировой арене, исходя из потенциальных возможностей белорусского государства.

Среди сфер реализации внешнеполитической деятельности страны названы: экономика, космос, военное сотрудничество, пограничное взаимодействие, трансграничное сотрудничество, гуманитарное сотрудничество, здравоохранение, спорт, культура, туризм, образование, наука, право [1].

Закон раскрывает содержательные стороны реализации внешней политики в каждой из названных сфер. При этом основной акцент сделан на внешнеэкономической деятельности государства, поскольку в XXI веке именно она является главной задачей белорусской дипломатии. Современная Беларусь заинтересована в обеспечении благоприятных внешних условий для формирования эффективной национальной экономики, увеличении роста белорусского экспорта, а также доступа к источникам сырья. Кроме того, в законе отражено стремление Республики Беларусь к участию в работе международных организаций и межгосударственных образований, институтов и форумов, участию в таможенных союзах, зонах свободной торговли и иных формах экономической интеграции с иностранными государствами. Большое значение имеет факт подтверждения в законе привлечения иностранных инвестиций в национальную экономику страны.

Условия инновационного развития диктуют уделять повышенное внимание высокотехнологичным наукоемким отраслям производства, к которым, несомненно, относится космическая сфера. Поэтому участие Беларуси в международных программах исследования и использования космического пространства чрезвычайно важно.

Участию Республики Беларусь в международном сотрудничестве в сфере безопасности посвящено два раздела: о международном военном сотрудничестве, где говорится о миролюбивой стратегии на мировой арене, исключающей вовлечение вооруженных сил страны в военные конфликты за пределами государства, а также о целенаправленной работе по урегулированию международных вооруженных кризисов и конфликтов, сокращению вооружений в Европе и укреплению мер доверия в военной сфере, и о реализации пограничной политики, направленной на обеспечение нерушимости государственных границ, защиты суверенитета и территориальной целостности Республики Беларусь, взаимовыгодное всестороннее сотрудничество с государствами-соседями по пограничным вопросам и мирное разрешение пограничных вопросов. Как известно, Беларусь позиционирует себя в качестве приверженца сохранения и укрепления существующих систем международной и региональной безопасности, что и нашло отражение в данном законе. Отказавшись в свое время от статуса ядерного государства, наша республика неукоснительно выполняет нормы международного права по соблюдению режима нераспространения ОМУ и средств его доставки, а также во исполнение заключенных международных договоров и взятых на себя обязательств активно противодействует терроризму и экстремизму, организованной преступности, наркобизнесу и иным видам преступной деятельности.

Значительное внимание в законе уделено международному сотрудничеству в гуманитарной сфере. В частности, сказано о развитии гуманитарного взаимодействия и сотрудничества в области прав человека, всесторонней поддержке белорусов зарубежья. Не обойдено вниманием и международное сотрудничество в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. В законе сказано о необходимости проведения согласованной политики по предупреждению трансграничных чрезвычайных ситуаций, обмену научно-технической информацией и

специалистами в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий.

Отмечена и необходимость расширения международного сотрудничества в области образования, науки, здравоохранения, информатизации, культуры, спорта и туризма, а также развития сотрудничества с международными организациями и межгосударственными образованиями в области кодификации и прогрессивного развития международного права.

В разделе, посвященном трансграничному сотрудничеству, говорится о содействии созданию еврорегионов как перспективной формы приграничного взаимодействия, взаимодействию с зарубежными партнерами в целях развития приграничной и транспортной инфраструктуры путем совместной разработки и реализации региональных проектов технического содействия [1].

По мнению отечественного специалиста-международника В. Е. Улаховича, специфическое структурирование данного документа, в частности отказ от его деления на статьи, как того требует нормотворческая техника, обязательная для других законов страны, позволяет достаточно гибко и адекватно реагировать на текущую ситуацию в мире и внешнеполитическое поведение крупных геополитических игроков. Поэтому значение закона с течением времени не утратит своей актуальности, наоборот, с годами оно будет лишь возрастать [2, с. 276]. В целом с этим утверждением можно согласиться, хотя в оперативном плане, на пятилетку, стране возможно и не хватает Концепции внешней политики, в которой были бы прописаны цели и задачи на текущий момент и краткосрочную перспективу с учетом имеющихся у белорусского государства возможностей, а также вызовов и угроз современного мира. Хотя программно-конституционная форма дает основания многим считать именно его внешнеполитической концепцией страны [2, с. 281].

Таким образом, Закон «Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» от 14 ноября 2005 г. является концептуальным для внешнеполитической сферы страны и, наряду с Конституцией Республики Беларусь, вот уже на протяжении почти полутора десятка лет определяет внешнеполитическую линию поведения белорусского государства на мировой арене.

1. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 14 нояб. 2005 г. № 60-3 : с изм. и доп. от 4 июня 2015 г. № 275-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=N10500060>. – Дата доступа: 10.01.2019.
2. Улахович, В. Е. Формирование основ внешней политики Республики Беларусь (1991–2005 гг.) / В. Е. Улахович. – Минск : Харвест, 2009. – 352 с.

Півавар М.В.

КРЫНІЦЫ ДА СТВАРЭННЯ “ЗВОДУ ПМНІКАЎ, ПАМЯТНЫХ МЕСЦАЎ І ПАХАВАННЯЎ ЧАСОЎ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ”

Святкаванне 75-годдзя вызвалення Беларусі да нямецка-фашысцкіх захопнікаў зноў прыцягвае ўвагу грамадства да ўрокаў вайны, кошту перамогі, увекавечання яе падзей, стану помнікаў, прысвечаных ёй.

Неверагодна, аднак значная колькасць помнікаў прысвечаных вайне не знаходзіцца зараз пад аховай дзяржавы. Так сталася, што Указ Прэзідэнта № 109 “Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн”[20] ахоўвае толькі пахаванні. У Дзяржаўны спіс Гісторыка-культурных каштоўнасцяў Беларусі ўключаны не больш адной трэці помнікаў прысвечаных вайне. У выніку недасканаласці заканадаўства з-пад аховы выпалі цэлыя катэгорыі помнікаў і месцаў мемарыялізацыі падзей вайны.

Што рабіць? Можна зрабіць прапановы па ўнясенні дапаўненняў ва Указ Прэзідэнта № 109 аб ўключэнні ў спіс ахоўных аб’ектаў такіх катэгорый як “месца спаленай вёскі”, “месцы загібы савецкіх грамадзян”, “памятныя месцы”. Ці распрацаваць асобны Закон, як гэта прадугледжвалася ў 1992 г.[15], у адпаведнасці з якім пад ахову будуць узяты акрамя пахаванняў (воінскіх і ахвяр вайны) помнікі, архітэктурныя збудаванні і інш. аб’екты якія увекавечваюць памяць пра вайну. Магчыма ў будучым прадугледзіць стварэнне Інстытута нацыянальнай памяці. Можна ўключыць усе помнікі вайны ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных

каштоўнасцяў. Але гэта запатрабуе істотных дадатковых фінансавых выдаткаў, павялічыць Спіс на некалькі тысяч аб'ектаў, большасць з якіх тыповыя, не маюць высокай мастацкай вартасці.

На нашу думку, больш верным будзе рашэнне аб падрыхтоўцы “Звода помнікаў, памятных месцаў і пахаванняў Вялікай Айчыннай вайны”. Па яго стварэнні трэба прыняць усе занесеныя ў яго аб'екты пад ахову мясцовых распарадчых органаў. 16.11. 2018 г. Віцебскі райвыканкам прыняў рашэнне аб стварэнні такога “Зборупомнікаў, памятных месцаў і пахаванняў Вялікай Айчыннай вайны Віцебскага раёна”. На Х сесіі Віцебскага абласнога савета дэпутатаў было прынята рашэнне аб стварэнні такіх Збораў у кожным раёне і зводнага збора Віцебскай вобласці.

Для падрыхтоўкі такога выдання трэба правесці грунтоўную інвентарызацыю існуючых, выяўленне невядомых пахаванняў, помнікаў і памятных месцаў. У першую чаргу трэба звярнуць увагу на ўжо вядомы комплекс крыніц і літаратуры па гэтаму пытанню. Пачнем аднак, не з крыніц, а з літаратуры, таму, што для членаў камісій прасцей будзе спачатку выявіць комплекс інфармацыі ў друкаваных крыніцах, а потым па памгчымасці звярнуцца ў архівы.

Бібліяграфія. У першую чаргу ў выяўленні месцаў памяці пра падзеі вайны трэба прааналізаваць “Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі” [8] і “Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцяў Беларусі” [7] і “Зводны спіс воінскіх пахаванняў і пахаванняў ахвяр вайны” [16], які выдзецца Упраўленнем па ўвекавечанні Міністэрства абароны Беларусі. Варта паглядзець і “Каталог воінскіх захароненняў на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь” [9], але ён, як і зборнік дакументаў “Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–2008 гг.” [19] выдадзены вельмі малым тыражом і ў Віцебску адсутнічае.

Важнай крыніцай у правядзенні інвентарызацыі і выяўленні невядомых месцаў памяці з’яўляюцца гісторыка-культурныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі “Памяць” [13]. Некаторую інфармацыю пра месцы, звязаныя з падзеямі Вялікай Айчыннай вайны ў Віцебскім раёне можна знайсці ў вучэбна-хрэстаматыйных выданнях, падрыхтаваных у некаторых раёнах накшталт “Чашніказнаўства”, “Паставазнаўства”, “Полацказнаўства” і інш. спашлемся на такое выданне, прысвечанае Віцебскаму раёну – “Віцебскі раён: краязнаўчыя нарысы” [3], а таксама зборніках канферэнцый.

Асобнай увагі варта выданні і матэрыялы вядомых дзеячаў пошукавага руху Беларусі, у тым ліку Л.Н. Бруевай [1], А. Бурдо [2], Я. Трапезнікавай [18].

Пэўную інфармацыю пра месцы, якія варта ўзяць пад ахову можна выявіць у выданнях мясцовых краязнаўцаў. Для Віцебскага раёна гэта кнігі А. Ганчарова [6], Д. Газіна [4,5].

Каштоўную інфармацыю пра памятных месцы і важныя эпізоды ў Вялікай Айчыннай вайне на тэрыторыі раёна можна выявіць у артыкулах краязнаўцаў, якія змешчаны ў мясцовым перыядычным друку. Калі казаць пра Віцебскі раён, гэта артыкулы ў “Жыцці Прыдзвіння”, а раней у “Ленінскай праўдзе” Д.Р. Газіна, В.Ц. Кухаравай, Б.Я. Леганькова, У.І. Мезенцава, Л.К. Нікіцінай, В.Д. Цярэшчанка, М.Д. Юшкевіч. Некаторыя звесткі можна знайсці ў рукапісных ўспамінах Д.Р. Газіна, М.Х. Плавінскага. Па шэрагу прычын значная частка матэрыялаў найлепшых знаўцаў краю не друкуецца, а зыходам з жыцця іх носьбітаў яна губляецца назаўсёды. Таму вельмі важна аформіць з імі інтэрвю, запісаць інфармацыю, па магчымасці зрабіць копіі матэрыялаў.

Пэўная інфармацыя пра месцы пахаванняў ахвяр вайны можа змяшчацца ў даведніку “Лагера советских военнопленных в Беларуси 1941–1944” [10], “Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения” [17].

Істотную дапамогу ў выяўленні інфармацыі пра месцы памяці, удакладненні інфармацыі можа аказаць Інтэрнэт. Вялізная колькасць патрэбнай інфармацыі змяшчаецца ў дакументах, выкладзеных у АБД “Мемарыял” [11], “Памяць народа” [12]. Краязнаўцам з Вымнянскай СШ Віцебскага раёна У. Марозам распрацаваны сайт “Ценою жизни”, які змяшчае грунтоўную інфармацыю пра воінскія пахаванні на тэрыторыі Вымнянскага сельскага савета Віцебскага раёна [21].

Крыніцы дакументальныя. У першую чаргу трэба выкарыстоўваць дакументы Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці (ДАВВ). Патрэбная інфармацыя можа знаходзіцца ў фондах *віцебскага абласнога камітэта КПСС, ваеннага аддзела аблвыканкама, упраўлення культуры.*

Па-першае, трэба выявіць спісы першаснага пахавання, па-другое, у дакументах па ўвекавечанні можна выявіць помнікі, якія былі ўсталяваны, але на дадзены момант не ўзяты пад ахову, не вядомы мясцовым уладам.

Для выяўлення месцаў пахавання ахвяр вайны варта прааналізаваць матэрыялы віцебскай абласной Надзвычайнай камісіі па зладзеяннях фашыстаў. Напрыклад, “Справка о злодеяниях на 9.01. 1944 г.” аднак, адзначым, што такія дакументы па шэрагу прычын малаінфарматыўны. Эсгумацыя парэшткаў праводзілася выбарачна, як правіла толькі ў некалькіх магілах, а падлікі і вывады рабіліся на аснове экстрапаляцыі дадзеных з аднаго пахавання на ўсе. Напрыклад, на месцы канцлагера “5 полк” у Віцебску з больш 50 пахаванняў была раскопана 3 магілы, колькасць пахаваных у іх памножылі на колькасць магіл. Такім чынам атрымалася лічба 80 тысяч. Аднак, гэта толькі прыблізна і недакладна. Другой праблемай стала то, што немцы разумеючы, што прыдзецца адказваць за масавыя забойствы праводзілі эсгумацыю цел і спальванне. Таму, у значнай колькасці пахаванняў цел няма ці зусім не шмат. Трэцяй праблемай стала тое, што на працягу вайны і адразу пасля вайны Надзвычайнымі камісіямі галоўным чынам улічваліся матэрыяльныя страты, нанесеныя фашыстамі. Гэта рабілася з мэтай скласці факталагічную базу для прадаўжэння абвінавачвання фашысцкім ваенным злачынцам на Нюрэнбергскім працэсе і абсанавання памераў рэпарацый ад Германіі. На людскія страты швагі амаль не звярталася.

Важную інфармацыю можна выявіць у пастановах і рашэннях віцебскага райвыканкама. Напрыклад “О благоустройстве могил воинов Советской армии”, ці ў пастанове Віцебскага Райсавета ад 1.08.1944 г. “О сохранении и уходе за местами захоронения воинов Красной армии и партизан, погибших в Великой Отечественной войне и похороненных на территории БССР”. Вельмі інфармацыйнай можа быць пастанова ЦК КПБ (1966 г.), адпаведна якой быў распрацаваны і прыняты перспектывы план ўвекавечання подзвігаў савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне. Па ім, напрыклад, толькі ў Віцебскім раёне планавалася ўсталяваць 127 мемарыяльных дошак! [14].

Асабліва каштоўнымі могуць быць звесткі, якія можна знайсці ў асабістых фондах крывянаўцаў. Для Віцебскага раёна, гэта Ф. 330. Д.Р. Газіна.

Напрыканцы адзначым, што праца з крыніцамі і літаратурай павінна спалучацца з палевымі даследаваннямі, выяўленнем, ўдакладненнем, верыфікацыяй дадзеных атрыманых у архівах і бібліятэках. Часам размова з мясцовымі жыхарамі можа даць больш інфармацыі, чым газетны артыкул. Лепей спалучаць гэтыя формы працы.

Такім чынам, кола крыніц для стварэння “Зводу помнікаў, памятных месцаў і пахаванняў часоў Вялікай Айчыннай вайны” досыць вялікае і яго вывучэнне, пры сталучэнні з іншымі крыніцамі інфармацыі дазволіць распрацаваць якасны прадукт.

1. Бруева, Л. Пока не похоронен последний солдат (из истории поискового движения в Витебской области): справочное издание / Л. Бруева. – Орша : Оршанская типография, 2009. – 496 с.
2. Бурдо, А. Не предай забвению! Малоизвестные страницы войны (из опыта поисковой работы) / А. Бурдо. – Витебск : Диджитал-Экспресс, 2008. – 90 с.
3. Віцебскі раён: крывянаўчыя нарысы / І. А. Абрамава [і інш.]; аўт.-уклад. М. В. Півавар. – Мінск : Паркус плюс, 2008. – 328 с.
4. Газин, Д. Р. Лужеснянские страницы / Д. Р. Газин. – Витебск : Витебская областная библиотека, 2002. – 94 с.
5. Газин, Д. Р. Пылал Придвинский край: Рассказы о войне / Предисл. И. А. Шишковой. – Витебск : УПП “Витебская областная типография”, 2005. – 144 с.
6. Гончаров, А. А. Первая Витебская партизанская бригада (1941–1943 гг.) / А. Гончаров. – Витебск : Витебская областная типография, 2012. – 321 с.
7. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь / склад. В. Я. Абламскі, І. М. Чарняўскі, Ю. А. Барысюк. – Мн. : БЕЛТА, 2009. – 684 с.
8. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / АН БССР; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэд. кал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : БелЭн, 1985. – 496 с.
9. Каталог воинских захоронений на территории Республики Беларусь. Витебская область / М-во обороны Респ. Беларусь. – Минск : Рекарус, 2013. – 370 с.
10. Лагерь советских военнопленных в Беларуси 1941–1944: Справочник / авт.-сост. В. И. Адамушко [и др.]. – Мн. : НАРБ, 2004. – С. 99–101
11. ОБД “Мемориал” [Электронны рэсурс]. – Рэжым карыстання: <https://obd-memorial.ru>. – Дата доступу: 15.01.2019.
12. Память народа [Электронны рэсурс]. – Рэжым карыстання: <https://pamyat-naroda.ru>. – Дата доступу: 15.01.2019 г.

13. Памяць: Віцебскі раён: Гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / Уклад. У.І. Мезенцаў. – Мн. : Маст. літ., 2004. – 772 с.
14. Пастанова Прэзідыума ЦК КПБ 17.01.1966 г. “Аб далейшай рабоце па ўвекавечанні гераічных подзвігаў савецкіх людзей у перыяд Вялікай Айчыннай вайны”
15. Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 763 от 21.12.1992. Об увековечении памяти защитников Отечества и жертв войн // Об увековечении памяти Защитников Отечества и жертв войн [Электронны рэсурс] // Белзакон. – Рэжым карыстання: <https://belzakon.net/%D0%97D091/1994/95951>. – Дата доступу: 12.11.2018.
16. Сводная учетная ведомость воинских захоронений и захоронений жертв войн на территории Республики Беларусь [Электронны рэсурс]. – Рэжым карыстання: Электронная табліца.
17. Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941–1944 / Авт.-сост. В. И. Адамушко [и др.]. – Мн. : НАРБ, 2001. – 158 с.
18. Трапезникова, Е. Мы ищем на земле ровесников следы... / Е. Трапезникова. – Полоцк : Издатель А. И. Судник, 2008. – 171 с.
19. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–2008 гг. Документы и материалы / ред. кол. В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – 302 с.
20. Указ Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь № 109 ад 24 сакавіка 2016 г. “Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн” [Электронны рэсурс] // [kodeksy-by.com](http://kodeksy-by.com/norm_akt/source-%D0%9F%D1%80%D0%0% /109-24.03.2016.htm). – Рэжым доступу: http://kodeksy-by.com/norm_akt/source-%D0%9F%D1%80%D0%0% /109-24.03.2016.htm. – Дата доступу: 12.11.2018.
21. Ценою жизни [Электронны рэсурс]. – Рэжым карыстання: <http://pomnim.vymno.of.by/bm-rajona.html>. – Дата доступу: 19.11.2018.

ГУБЕРНСКИЕ УЧЕНЫЕ АРХИВНЫЕ КОМИССИИ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (К 110-ЛЕТИЮ ВУАК)

Шумейко М.Ф. ВИТЕБСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ КОМИССИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ЭКОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ В КРАЕ

За сто лет, прошедшие с прекращения деятельности Витебской ученой архивной комиссии (ВУАК), сложилась более чем значительная литература, посвященная истории ее создания, основным направлениям и результатам деятельности, личностям, внесшим существенный вклад в ее работу и т.п. Не будет преувеличением утверждение о том, что эта литература, включая и работы автора настоящей статьи [подр. об этом см.: 8], даже превышает то, что было создано (в плане историографическом) самой Витебской комиссией, особенно учитывая достаточно скромные, сравнительно с аналогичными учреждениями результаты ее деятельности. С учетом всего вышесказанного представляется актуальным по-новому взглянуть на этот исторический и культурный феномен, возникший в конце XIX в. в России и именуемый учеными архивными комиссиями, с тем, чтобы не ограничивать его лишь архивно-музейным и библиотечным контекстом, как это имело место ранее [см., напр.: 1], но попытаться выяснить роль ученых архивных комиссий, которую они играли в деле формирования в ареалах своего пребывания экологии культуры. (Под последней мы вслед за академиком Д.С. Лихачевым¹ подразумеваем сеть образовательных, культурно-просветительских, научных учреждений: библиотек, музеев, архивов, театров, школ и др.)

Хорошую основу для исследования вклада ученых архивных комиссий вообще, и Витебской, в частности, в дело формирования экологии культуры, на наш взгляд, создает подготовленный в 2017 г. по инициативе Национальной библиотеки Беларуси и с участием Витебской областной библиотеки и кафедры источниковедения БГУ в рамках прикладной научно-исследовательской темы «Виртуальная реконструкция документов и материалов по региональной истории Беларуси» компакт-диск, посвященный деятельности Витебской ученой архивной комиссии [2]. Обратившись к имеющемуся в нем библиографическому указателю, включающему перечень изданий ВУАК, сведения о публикациях ее членов, а также исследования о деятельности комиссии, начиная с ее создания в 1909 г. и до времени выхода в свет компакт-диска, видим, что значительное место в нем занимают работы, посвященные не только выяснению роли комиссии в деле организации архивного дела, но и о ее участии в создании библиотечно-музейных учреждений, учреждений образования (Витебского отделения Московского археологического института, Витебского учительского института и др.). Таким образом уже по этой библиографической информации можно говорить о более чем широкой сфере деятельности архивной комиссии по формированию экологии культуры в Витебской губернии в первой четверти XIX в.

Пусть не обижаются на меня витебчане, если скажу, что Витебск второй половины XIX в., несмотря на присутствие в нем определенного сегмента экологии культуры, в целом представлял собой достаточно провинциальный губернский город с довольно скромным, если не сказать более, интеллектуальным потенциалом. Это обстоятельство отмечали не только приезжавшие в город из университетских центров России исследователи-историки, но и проживавшие в Витебске их коллеги. Так, командированный Петербургским университетом летом 1895 г. в Витебский центральный архив древних актов книг будущий выдающийся историк И. И. Лаппо, который проработал несколько недель в архиве, писал о том, какое «жалкое впечатление своей поразительной скудостью» произвела на него архивная библиотека, в которой отсутствовали самые необходимые для археографа, равно как и для исследователя, справочные издания. «Ясно, что при таких условиях, – писал он, – научная работа и правильно поставленное дело науч-

¹ Именно так назван изданный к юбилею ученого сборник статей и воспоминаний о нем: Экология культуры: к 110-летию со дня рождения Дм. Серг. Лихачева (28.11.1906—30.09.1999) / ред. А. Г. Назаров. – М.: URSS, 2016. – 320 с.

ного издательства должны быть признаны совершенно недоступными для Витебского центрального архива. Можно удивляться тому, как витебские архивариусы все-таки работали в своем архиве...» [3, с. 49].

Можно утверждать, что в значительной степени по этой же причине «витебский летописец», как именовали А. П. Сапунова, не смог завершить планировавшуюся им как шеститомную «Витебскую старину»: в 1883–1888 гг. были изданы лишь 1-й, 4-й и 5-й тома.

Архивариус Витебского центрального архива древних актов книг Д. И. Довгялло, отвечая 7 января 1900 г. на письмо работавшего в Московском архиве Министерства юстиции над подготовкой своей магистерской диссертации будущего профессора Киевского университета св. Владимира М. В. Довнар-Запольского, в котором автор поднимал вопрос об учреждении в городе историко-археологического общества или «какой-нибудь другой комиссии», с горечью констатировал отсутствие в Витебске интеллектуальных сил, способных вести научную работу: «Нужно хоть 2-3 лица, ну чуть-чуть знающих историю, мало-мальски любящих археологию и при энергии... готовых не покладая рук работать; при этом лица эти должны иметь некоторый навык в работе такого сорта... Кто же у нас в Витебске имеется из подобных лиц? Скажу Вам по секрету, но готов подтвердить под присягою – никого... Мой родственник и сотрудник по музею Ник. Яков. Никифоровский, несмотря на все мое благоговенье пред его этнографическим дарованием¹, не годится для этого дела: не знает он ни польского, ни латинского, ни древнерусского, слабые глаза старика уже. Н.Я. не охотно и современную рукопись читает... Ни широких выводов, ни маленьких обобщений оригинальных он не привык давать... У него одно качество есть – любовь к родному краю... Но отсюда ничего не выжмешь... А Игнат Иванович Пилин для этого общества – еще меньшая величина, нежели Н. Я. Получивший образование только лишь в Полоцкой учительской семинарии и к научной деятельности никогда никакого отношения не имевший, – разве может двигать науку?... Подобных членов «Ист[орико]-археолог[.]. Общ[.].» я мог бы насчитать и набрать до десятка» [7, л. 12 об.-13 об.].

Помимо субъективного фактора, не содействовавшего формированию в Витебске и губернии экологии культуры, Д. И. Довгялло обращал внимание адресата и на ряд объективных обстоятельств, также не способствовавших становлению и развитию здесь архивных, музейных, библиотечных учреждений. «Не знаю, – отмечал он, – есть ли которая из губерний России столь бедная древностями (постройками, памятниками, документами, архивами и др.) более, нежели Витебская? Войны да пожары да люди злые снесли старину с лица земли Витебской» [7, л. 15].

Именно о таких «людях злых», а точнее – безразличных к документальным памятникам Витебщины, шла речь в ряде публикаций, появившихся в столичных периодических изданиях 1880-х гг. – газете «Московские ведомости», журнале «Исторический вестник» и др. – и рассказывавших о имевших место фактах массовой продажи витебских архивов в Ригу для последующей их переработки на бумажное сырье. Среди пошедших на переработку был и архив Полоцкого наместничества XVIII в. и даже более древние документы.

Работавший в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге доцент БГУ, кандидат исторических наук А. Н. Максимчик выявил в фонде Н. В. Калачева любопытную записку «О витебских архивах», составленную «белорусом Максимом Шамшуром» и датированную 8 марта 1888 г. С его любезного разрешения приведем здесь некоторые ее фрагменты. Записка, на наш взгляд, заслуживает отдельной публикации в качестве примера, подтверждающего царившее безразличное отношение к сбережению архивных документов не только со стороны местной администрации, но и «просвещенного витебского общества». Ссылаясь на своего предшественника, воспитанника Санкт-Петербургского археологического института В. А. Лялина, опубликовавшего в 3-й и 4-й книгах «Сборника Археологического института» статьи о витебских архивах (центральном древних актов книг и бывшего генерал-губернаторства) [4; 5], автор записки далее рассказал о том, что с ними случилось после их посещения Лялиным. Узнав из носившихся «глухих слухов» о продаже в Витебске «каких-то старинных казенных бумаг», М. Шамшур, заручившись в конце ноября 1880 г. письмом Археологического института, отправился в губернский архив, где действительно обнаружил, как он пи-

¹ Подтверждением тому является недавнее переиздание ранее публиковавшихся в журнале «Этнографическое обозрение» 8 очерков Н. Я. Никифоровского в форме отдельной книги «Очерки Витебской губернии».

сал, «шесть перегородок на первом этаже опростанных». «Кто купил эти бумаги, по чьему решению, в каком количестве, к какому времени относились эти бумаги, какое их содержание, узнать было решительно невозможно. – писал автор записки – Хитрый старичишка архивариус Илья Афанасьевич Шабуньо одно твердил: «Я – человек маленький, подначальный, ничего не знаю, это ведает начальство» [6, л. 1].

Через год Шамшур, обеспокоенный продолжавшимися продажами витебских архивов, вновь повторил попытку ознакомиться с ними и вновь его ожидали те же ссылки на отсутствие «указания начальства» и т.п. Его знакомый директор народных училищ посоветовал обратиться к учителю гимназии А.Сапунову, который «занимается старинными бумагами». «Г. Сапунов, – отмечал Шамшур, – также отказался, что он ничего не знает о продаже архивных бумаг. «Обращайтесь к Сазонову, он председатель статистического комитета, может быть он знает». Г. Сазонов также отказался незнанием, говоря: «Губернский архив меня интересует настолько, насколько и китайский император» [6, л. 4].

Окольными путями (Шамшур выдал себя за маклера, готового купить по выгодной цене архивные бумаги), автор записки выяснил, кому продавались архивные материалы (это был, как характеризовал его автор записки, «Гинзбург, молодой человек, со всеми тонкостями и осторожностями, присущими евреям»). От него Шамшур узнал, что Гинзбург прямо из архивов нагрузил вагон дел, купленных по цене 2 руб. 40 коп. за пуд и отправил в Ригу; около 700 пудов находились у него в подвале и он был готов их продать «маклеру».

В 1883 г. Шамшур вновь приезжал в Витебск с тем, чтобы осмотреть не только губернский, но и Центральный архив древних актов книг, из которого, по слухам, также продавались и похищались дела. «Приезжая на родину летом прошедшего 1887 года, – подытоживал Шамшур, – я не преминул случая побывать в этом архиве, причем Суражских, Велижских и Городецких бумаг в архиве уже не оказалось. Архивариуса в это время в архиве не было, и куда девались эти бумаги, спросить было не у кого. Таким образом витебские чиновники продолжают начатое ими хищничество архивных бумаг» [6, л. 12].

В заключение автор записки предлагал обязать губернские комиссии и губернские правления помещать в центральных газетах сведения о предполагаемых продажах архивных материалов, возложить на архивариусов личную ответственность за сохранность вверенных им архивов, усилить надзор и контроль со стороны Археологического института над архивами, привлечь к уголовной ответственности виновных в хищении и уничтожении памятников древности с тем, чтобы «остановить хищническую руку архивного и вообще археологического злодея».

О том, что подобного рода проблемы не исчезли и через четверть века, можно убедиться, познакомившись с датированным 26 февраля 1909 г. обращением должностных лиц и представителей общественности Витебской губ. на имя витебского губернатора об открытии в губернии ученой архивной комиссии. Напомнив о древности культурной жизни «в области нынешней Витебской губернии» и перечислив имевшиеся в ней учреждения, уже отметившие свои вековые юбилеи, как например, Витебская духовная семинария, открытая в 1807 г., Витебская классическая мужская гимназия, открытая в 1808 г., а также упомянув о военных, межконфессиональных и политических событиях, происходивших здесь, авторы обращения далее отмечали: «Все эти события несомненно отразились на памятниках старины, которые не только не изучены до настоящего времени, но в большинстве случаев даже и не собраны и неизвестны ученым» [3, с. 75].

Открытая 31 мая 1909 г. Витебская ученая архивная комиссия сразу же включилась не только в решение сугубо архивных проблем, существовавших в губернии, но и в формирование того культурного окружения, которое сегодня именуется «экологией культуры». Важное место среди составлявших ее структур должны были занять учебные заведения для подготовки кадров архивных, музейных, библиотечных работников. И совершенно не случайно, что именно на их создание комиссия обращает внимание уже в первые годы своего существования.

Выступая 27 октября 1911 г., в день торжественного открытия Витебского отделения Московского археологического института, на соединенном заседании института и ученой архивной комиссии, директор института А. И. Успенский выразил полную уверенность, что «институт, возникающий по инициативе самого Витебского общества, всегда встретит с его стороны и нравственную и материальную поддержку» и пожелал Витебскому отделению «мощного про-

цветания и развития на пользу историко-археологической науки» [3, с. 82]. Обращаясь к директору Археологического института с приветственной речью от лица Витебской ученой архивной комиссии ее председатель В. А. Кадыгровов, обрисовав неотложную нужду в открытии в Витебске отделения института, образно сравнил его с «тепличным растением», выросшим на песчаной и каменистой почве и требующим постоянного ухода, однако, выразил надежду, что «наше горячее стремление к свету и знанию найдет в научных силах Московского археологического института живой отклик».

Выступавший после В. А. Кадыгровова профессор Археологического института И. Ф. Колесников указал на тот факт, что в последнее время вместе с пробуждением национального самосознания пробуждается и интерес к археологическим наукам. Теперь, по его словам, археологией занимаются не только отдельные лица, а целые группы людей. Это является хорошим предзнаменованием: теперь уже наши неоценимые сокровища в виде различного рода памятников старины не будут поступать в заграничные музеи, а найдут пытливых исследователей у себя на Родине [3, с. 83].

Как подтвердили последующие события, деятельность Витебского отделения Московского археологического института носила более чем позитивный характер. Среди его воспитанников – десятки лиц, сыгравших важную роль в деле создания архивных, музейных, библиотечных учреждений Беларуси. Это и фактический первый руководитель Центрархива БССР М. В. Мелешко, уполномоченный Главархива РСФСР по Витебской губ., одновременно возглавлявший Витебский губернский архив и Витебское отделение Московского археологического института профессор Б. Р. Брежго, руководитель Витебского окружного бюро краеведения Д. М. Василевский, будущие известные археолог и этнографы, профессора Белорусского государственного университета А. Н. Лявданский и И. А. Сербов, а также А. О. Шлюбский, заместитель директора Витебского государственного музея Н. Н. Богородский и др.

Таким образом можно с полным основанием утверждать, что несмотря на непродолжительный период своего существования Витебская ученой архивная комиссия сыграла более чем значимую роль в деле формирования экологии культуры в крае. Благодаря ей были заложены основы ныне действующих и не только в Витебской области, но и в Беларуси в целом, архивных, библиотечных, музейных учреждений, учреждений образования и культуры.

1. Бржостовская, Н. В. Деятельность губернских архивных комиссий по созданию исторических архивов / Н. В. Бржостовская // Труды МГИАИ. – М., 1954. Вып. 5.
2. Деятельность Витебской ученой архивной комиссии (1909–1919): документы и материалы [Электронный ресурс] / Нац. библ. Беларуси, Витебская областная библиотека им. В. И. Ленина, Витебский областной краеведческий музей, Национальный исторический архив Беларуси [и др.] ; под научной редакцией Т. В. Кузьминич. – Минск : Нац. библ. Беларуси, 2017. – 1 электронный оптический диск (DVD-R) (1, 39 Гб). – 12 с.
3. Из истории архивов в Беларуси (1860-е гг. – 1960 г.) : документы и материалы / сост.: С. В. Жумарь, М. Ф. Шумейко. – Мн. : БелНИИДАД, 2015. – 438 с.
4. Лялин, В. А. Витебский центральный архив / В. А. Лялин // Сборник Археологического института. – СПб., 1880. – Кн. 3.
5. Лялин, В. А. Витебский архив бывшего генерал-губернаторства / В. А. Лялин // Сборник Археологического института. – СПб., 1880. – Кн. 4.
6. Российский государственный исторический архив. – Ф. 950 (Н. В. Калачов). Оп. 1. Д. 327.
7. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве. – Ф. 262 (М. В. Довнар-Запольский). Оп. 1. Д. 181.
8. Шумейко, М. Ф. Витебская ученой архивная комиссия как историко-культурный феномен [Электронный ресурс] / М. Ф. Шумейко // Деятельность Витебской ученой архивной комиссии (1909–1919) : документы и материалы / Нац. библ. Беларуси, Витебская областная библиотека им. В. И. Ленина, Витебский областной краеведческий музей, Национальный исторический архив Беларуси [и др.] ; под научной редакцией Т. В. Кузьминич. – Минск : Нац. библ. Беларуси, 2017. – 1 электронный оптический диск (DVD-R) (1, 39 Гб). – 12 с.

Давидовская О.Н.
К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ НУМИЗМАТИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ
МУЗЕЯ ВИТЕБСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

Витебская ученая архивная комиссия (ВУАК) – общественная организация, существовавшая в Витебске в 1909–1918 годах, целью которой являлось изучение и популяризация истории родного края, охрана памятников истории и культуры, сбор предметов старины, проведение археологических исследований, изучение древних рукописей и документов. Комиссия имела правление, совет, библиотеку, архив, музей, которые в первый год существования организации находились в здании губернского правления [16, с. 6]. В декабре 1910 года комиссия переместилась в здание Витебского учительского института (сейчас ул. Ленина, 16), где для размещения музея, архива и библиотеки была выделена «обширная комната» [17, с. 5].

Музей ВУАК занимал особое место среди музейных учреждений Витебска дореволюционного периода. Целью его создания было «собрание древностей и местных памятников старины» [1, с. 406]. Первым хранителем музея был служащий Витебского окружного суда В.Н. Юренев. 4 декабря 1909 года его сменил художник, скульптор, медальер К.А. Змигродский. Третьим хранителем музея стал начальник 4-й судоходной дистанции А.А. Васильев (с июня 1913 года до 15 сентября 1915 года). О преемниках А.А. Васильева информации не сохранилось, возможно, он был последним хранителем музея ВУАК, т.к. деятельность организации фактически свернулась из-за начавшейся Первой мировой войны [18].

Музей ВУАК пополнялся преимущественно за счет пожертвований – как членов комиссии, так и других лиц. В числе передаваемых в музей предметов были археологические находки, церковная старина, оружие, печати, монеты, медали и др. Значительную часть музея составляли предметы нумизматики. Благодаря стараниям К.А. Змигродского в 1911 и 1912 годах были изданы каталоги музея ВУАК, дающие представление о его составе. Как отмечал краевед, историк, один из членов ВУАК В.Г. Краснянский, «в этом имуществе наиболее полной и ценной является нумизматическая коллекция, состоящая не только из монет, обращавшихся в местном крае, но и из монет древнего мира, Золотой Орды и западно-европейских – времен средневековья и позднейших» [13, с. 209].

Действительно, нумизматическое собрание музея ВУАК заслуживает отдельного внимания и изучения. Представляет интерес история формирования этой коллекции. Тем более, что часть ее сохранилась и в настоящее время находится в фондах Витебского областного краеведческого музея (ВОКМ).

Формирование нумизматической коллекции ВУАК началось практически сразу после создания этой организации. Подтверждение тому – публикация на страницах газеты «Витебские губернские ведомости» от 5 июня 1909 года. В ней сообщалось о состоявшемся 31 мая заседании ВУАК, на котором В.Н. Юренев «выразил желание принести в дар комиссии финскую монету 50 пенни», а В.С. Арсеньев «приносит в дар комиссии гравированный портрет бывшего Витебского генерал-губернатора князя Хованского и 10 старинных медных монет» [3]. Фактически, это и были первые экспонаты музея.

В дальнейшем информация о поступающих в музей ВУАК предметах часто появлялась в местной прессе. Так, в ноябре 1909 года газета сообщала о крупных и ценных пожертвованиях в музей ВУАК: «... от священника о. А.М. Донова поступило 4 серебряных рубля императрицы Екатерины II и около 350 старых медных монет (преимущественно русских и польских)...» [4].

Нам удалось подробно изучить подобные публикации в выпусках газеты «Витебские губернские ведомости» за 1910 год. Всего их выявлено 34. Также известны отдельные заметки в номерах газеты за 1909 и 1912 годы¹. Однако эта информация не является исчерпывающей, были и другие публикации. Сообщение на страницах газеты о получении предметов для музея входило в обязанности хранителя музея [16, с. 12].

К сожалению, газетные публикации не дают достаточного представления о передаваемых в музей предметах. В основном, в них упоминаются лишь фамилии «жертвователей»,

¹ Автор благодарит за предоставленные публикации зам. директора по научной работе УК «Витебский областной краеведческий музей» В.А. Шишанова.

наименование и количество предметов: «... от господина Г.П. Крейца поступили 4 старинные русские монеты, 1 старинная финская, 2 германских, 1 польская 1610 года и старинный медный крестик» [7]; «... от господина А.Н. Новицкого поступило 146 монет и 4 медали, ... от господина Змигродского 4 юбилейных жетона, 3 польские монеты, бумажная ассигнация восстания Костюшко, ... от господина Я.М. Гальковского редкий серебряный австрийский талер, 1 рубль Екатерины II и 7 медных монет...» [10].

Отдельные публикации содержат более подробную информацию: «от члена-сотрудника М.А. Мельниковой поступил 1 серебряный рубль 1834 г. с Александровской колонной...» [6], «...от И.П. Соболева поступила медная прусская медаль в память кончины императора Фридриха и восшествия на престол ныне царствующего Вильгельма II...» [5].

Благодаря газетным заметкам известны лица, передавшие в музей ВУАК некоторые клады. Всего согласно каталогу Змигродского кладов в музее было пять. Причем три из них найдены в одном и том же месте – близ д. Зельтини Эверсмуйжской волости Люцинского уезда Витебской губернии. Этот факт позволяет предположить, что это части одного и того же клада. Самую большую из них – 102 серебряные шведские и арабские монеты – передала баронесса Е.Н. Крюденер-Струве в августе 1910 года [9]. 10 серебряных монет из Эверсмуйжского клада поступили в том же месяце от Л.И. Фохта [8].

Пожертвования для музея делали не только жители Витебска и губернии. Так, ценным пополнением коллекции были 62 монеты и медали, переданные руководителем 1-й русской нумизматической фирмы И. Холодковским в январе 1912 года [18, с. 378]. Какие именно медали и монеты поступили в музей ВУАК из С.-Петербурга, к сожалению, не известно, за исключением одного предмета. Это медаль в память основания нумизматической фирмы «Монеты и медали» в Санкт-Петербурге в 1907 году (КП 6578). Она выполнена из белого металла, имеет диаметр 30 мм и в коллекции ВОКМ находится в единственном экземпляре.

В свою очередь, одна редкая медаль из музея ВУАК заинтересовала И. Холодковского и его коллегу Н. Годлевского. Речь идет о серебряной штекмедали в память сражений 1814 года в войне немецкой нации за освобождение от наполеоновской оккупации. Она сохранилась до настоящего времени (КП 4958). Эта медаль полая, состоит из двух съемных половинок, внутри которых находятся 11 цветных литографий с изображением батальных сцен. Фотографию и описание этой медали И. Холодковский и Н. Годлевский поместили в своей книге «Памятники нумизматики Отечественной войны», изданной в 1912 году в Петербурге. Авторы издания отметили, что такая медаль есть только в музее ВУАК и не встречается в других музеях России [18]. К сожалению, сведений о том, как эта медаль попала в музей ВУАК, не сохранилось.

Краткая информация о предметах нумизматики содержится в каталогах К.А. Змигродского. По оценке В.Г. Краснянского, который описывал предметы музея ВУАК в начале 1920-х годов, «Каталог музея», составленный К.А. Змигродским, – «не научная инвентарная опись, а лишь перечисление предметов без их описания и определения» [12, с. 209].

Первый каталог, составленный Змигродским в 1911 году, состоял исключительно из монет и медалей. Монеты представлены в нем по следующим разделам: «Россия. Медные монеты»; «Россия. Серебряные монеты»; «Россия. Бумажные деньги»; «Финляндия. Медные монеты»; «Финляндия. Серебряные монеты»; «Польша. Медные монеты»; «Польша. Серебряные монеты»; «Австрия. Медные монеты»; «Австрия. Серебряные монеты»; «Германия. Серебряные (и беленые) монеты»; «Германия. Медные монеты»; «Франция. Медные монеты»; «Франция. Серебряные монеты»; «Италия. Медные монеты»; «Италия. Серебряные монеты»; «Англия. Медные монеты»; «Англия. Серебряные монеты»; «Швеция»; «Швейцария»; «Румыния»; «Сербия»; «Черногория»; «Греция»; «Дания»; «Бельгия»; «Монеты Золотой Орды»; «Клады» [11]. Кроме того, в каталоге содержится информация о наличии монет Испании, Японии, Персии, Древнего мира, Турции и Китая с указанием их количества без разделения по материалу изготовления.

В каждом разделе описание монет состоит из следующих позиций: «номер», «название», «признаки», «год». При этом в графе «Признаки» указано место чеканки, в некоторых случаях – знаки минцмейстера. Для монет Польши дополнительно указаны правители, в период правления которых была отчеканена монета.

Раздел «Клады» систематизирован по следующим позициям: «литера» (вместо порядкового номера – *О.Д.*); «местонахождение»; «число монет». В последней графе также указан материал, из которого изготовлены монеты.

Общее количество монет в каталоге составляет 1060 единиц. Наиболее представительным является русский отдел, включающий 437 монет, наименее представительными – отделы «Черногория», «Испания», «Япония» (включает по 2 единицы).

Раздел «Медали» в каталоге 1911 года состоит из 39 предметов, разделенных на два отдела – «Русский» и «Иностранный». Информация по каждому предмету представлена следующими позициями: «номер», «описание», «год». Следует отметить, что некоторые иностранные медали описаны весьма поверхностно («еврейская медаль», «сфинкс и пирамиды»), что не позволяет провести более точную их атрибуцию.

В конце каталога К.А. Змигродский опубликовал «Список лиц, пожертвовавших монеты и медали» (83 фамилии в алфавитном порядке), а также примечание, в котором сообщается о том, что в музее ВУАК «находятся 634 нумизматических дубликата, из них 555 медных монет и 79 серебряных, которые могут быть обменены на монеты, не указанные в этом каталоге» [11].

В апреле 1912 года К.А. Змигродский издал «Добавление к каталогу монет и медалей музея ВУАК», состоявшее из описаний 123 монет и 27 медалей [12]. Систематизация предметов основана на тех же принципах, что и в предыдущем издании, и включает разделы: «Россия. Медные монеты»; «Россия. Серебряные монеты»; «Финляндия. Медные монеты»; «Польша. Медные монеты»; «Польша. Серебряные монеты»; «Венгрия. Серебряные монеты»; «Австрия. Медные монеты»; «Германия. Медные монеты»; «Германия. Серебряные монеты»; «Разные государства»; «Бумажные ассигнации». В последнем разделе описание предметов состоит из позиций: «номер»; «государство», «название монеты», «признаки»; «металл»; «год». В разделе «Разные государства» – то же, но без графы «признаки». В завершении Змигродский вновь разместил «Список лиц, пожертвовавших монеты и медали» (19 фамилий и 2 группы лиц).

Таким образом, общее количество предметов нумизматики, перечисленных К.А. Змигродским в двух каталогах, составляет 1883 единицы. В их числе серебряные монеты – 535 единиц (в том числе 174 – монеты из кладов), медные монеты – 1270 единиц, золотые монеты – 2 единицы, бумажные ассигнации – 10 единиц, медали и жетоны – 66 единиц.

Каталоги дают общее представление о нумизматической коллекции музея ВУАК по состоянию на апрель 1912 года. Однако пополнение музея новыми предметами продолжалось и в последующие годы. Например, в 1913 году в музей ВУАК была передана часть коллекции музея Витебского губернского статистического комитета, в числе которой были и предметы нумизматики. Кроме того, вероятно, продолжались пожертвования для музея от разных лиц. Детально проследить историю формирования нумизматической коллекции ВУАК в 1913 – 1919 годах не представляется возможным. Однако можно проанализировать ее общий состав накануне ликвидации ВУАК.

Комиссия прекратила свою деятельность согласно Декрету от 1 июня 1918 года [2, с. 396]. Экспонаты музея ВУАК были переданы музею Витебского отделения Московского археологического института, а в 1922 году стали частью музея Педагогического института народного образования (с весны 1923 года – Витебского высшего педагогического института). Оттуда в 1924 году коллекция ВУАК поступила в Витебское отделение Белорусского государственного музея, преемником которого на сегодняшний день является Витебский областной краеведческий музей.

В 1923–1924 годах заведующим музеем пединститута являлся педагог, музейный работник, историк В.Г. Краснянский. Он же с октября 1924 года работал научным сотрудником Витебского отделения Белгосмузея. Именно Краснянский составил подробные описания предметов бывшего музея ВУАК. Вместе с предметами из бывшего церковно-археологического древлехранилища, также оказавшимися в музее пединститута, они вошли в «Инвентарную опись исторического музея Витебского высшего педагогического института» (хранится в научном архиве ВОКМ). Краснянский отмечал, что «музей ВУАК, сразу перевезенный в помещение института (здание бывшей мужской гимназии на ул. Пушкинской – *О.Д.*) пострадал сравнительно мало и сохранился почти полностью, хотя и в хаотическом состоянии» [12, с. 209].

Все предметы в описи музея витебского педагогического института Владимир Гаврилович разделил на два больших отдела: 1) доисторическая эпоха, 2) историческая эпоха. Собрание монет и медалей вошло в подраздел исторической эпохи под названием «Памятники общественной жизни». Описания предметов в этом подразделе состояло из следующих позиций: «порядковый номер»; «номер каталога ученой архивной комиссии», «номер описи церковно-археологического древлехранилища»; «название и описание предметов»; «автор или мастерская»; «год создания»; «размер»; «примечания»; «материал»; «состояние»; «приметы и знаки»; «где предмет находится» [14]. Также подробное описание предметов фалеристики из музея ВУАК помещены в составленную Краснянским в 1925 году «Инвентарную опись медалей, медальных матриц, знаков и значков из музейных фондов В.П. Федоровича, Ученой архивной комиссии и церковно-археологического древлехранилища» [15].

Огромную ценность для изучения истории музея ВУАК имеет экземпляр каталогов К.А. Змигродского, содержащий пометки В.Г. Каснянского, которые он сделал в процессе работы с имуществом музея. В этом издании, хранящемся в Национальной библиотеке Республики Беларусь¹, Краснянский отметил не сохранившиеся предметы музея, а также вручную дописал предметы, которые поступили в музей к началу 1920-х годов. В итоге на момент передачи нумизматической коллекции ВУАК в Витебское отделение Белгосмузея она состояла из 2370 монет (в том числе 467 серебряных, 1 золотой, 812 медных и 1090 дублетных экземпляров), а также из 82 медалей и жетонов.

Отметим, что все предметы фалеристики, описанные Змигродским в каталогах, сохранились к 1924 году. Кроме того, 16 единиц были дописаны Краснянским. В их числе – несколько медалей и жетонов в память событий Отечественной войны 1812 года разных типов, жетон в память коронации Николая II, медаль в память кончины А.В. Суворова, медаль «За усмирение польского мятежа», серебряная медаль в память бракосочетания великого князя Александра Николаевича и великой княгини Марии Александровны.

А вот монеты сохранились не все – 75 единиц было утрачено. В то же время около 170 монет добавилось. Среди наиболее ценных не сохранившихся монет – серебряный австрийский талер 1659 года, датская серебряная марка 1614 года, 1 бельгийский талер 1784 года. В числе добавленных можно отметить три российские серебряные монеты достоинством в 1 рубль 1768, 1794 и 1812 годов; ½ талера Бранденбурга 1690 года, а также два клада – из д. Быхов (11 русских серебряных монет) и Туловский клад (22 медные монеты).

В настоящее время предметы нумизматической коллекции ВУАК «растворены» в общем собрании нумизматики ВОКМ. Только монет насчитывается в общей сложности более 30 тысяч единиц. Выделить в таком количестве предметы из музея ВУАК достаточно сложно. На данный момент выявлены отдельные экземпляры монет, в том числе несколько серебряных российских рублей 1776, 1802, 1728 годов; 10 крейцеров 1764 года и 1 флорин 1879 года Австро-Венгрии; 1 франк 1812 года и 2 франка 1867 года Франции; 1 марка 1614 года Дании; 1 лей 1870 года и 2 лея 1875 года Румынии.

Немного проще обстоит дело с определением в современной коллекции ВОКМ медалей и жетонов из музея ВУАК (за исключением иностранных). На данный момент из 82 единиц, указанных в каталогах, выявлено 57 предметов, в том числе 11 из серебра, 46 – из бронзы, меди, алюминия и др. материалов. В числе не сохранившихся до настоящего времени предметов – большая золотая коронационная медаль 1856 года, подаренная епископу Полоцкому и Витебскому Василию Лужинскому; медаль в память посещения России президентом французской республики Э. Лубе; юбилейный жетон в память 200-летия Копорского Витебского полка 1903 года; жетоны в честь 2-й государственной думы 1907 года; серебряная медаль «За храбрость» 4 степени начала XX века, бронзовая коронационная медаль Екатерины II 1762 года и другие.

Среди сохранившихся предметов фалеристики из серебра можно отметить дописанную Краснянским «медаль юбилейную в память бракосочетания Франца Иосифа с Елизаветой» 1879 года. В процессе исследования удалось сделать более точную атрибуцию этого предмета и

¹ Автор благодарит за предоставленную информацию зам. директора по научной работе УК «Витебский областной краеведческий музей» В.А. Шишанова.

установить, что на самом деле это не медаль, а памятная монета 2 гульдена – 2 форинта в честь 25-й годовщины свадьбы австрийского императора Франца Иосифа I. В собрании ВОКМ хранятся две таких монеты: одна – из музея ВУАК, вторая – из коллекции А.Р. Бродовского¹.

Некоторые монеты, медали и жетоны, описанные в каталогах Змигородского, в современной коллекции ВОКМ присутствуют в одном экземпляре, другие – в нескольких экземплярах. Например, в музее ВУАК находился 1 серебряный рубль 1834 года «с памятником» (памятный рубль 1834 года в честь открытия памятника Александру I). В современной коллекции ВОКМ таких монет насчитывается 3 единицы (КП 6149/2, КП 4695, КП 4712). По всей видимости, одна из них находилась в коллекции ВУАК. В каталоге Змигородского числится 1 монета достоинством в 1 рубль 1728 года. В коллекции ВОКМ в настоящее время находится две такие монеты. Одна из них (КП 6150/11) поступила в фонды из собрания А.Р. Бродовского, о чем свидетельствуют процарапанные буквы «АРБ» на предмете. Второй рубль (КП 6150/10), вероятно, был частью музея ВУАК.

В одном экземпляре в современной музейной коллекции присутствуют следующие предметы, описанные в каталогах Змигородского: жетон в память 100-летия со дня рождения Н.В. Гоголя, медаль «За взятие штурмом Геок-Тепе», медаль «За персидскую войну», памятный жетон в честь 80-летия Л.Н. Толстого, медаль в память 100-летия со дня рождения графа М.М. Сперанского, медаль в память кончины великого князя Николая Александровича в Ницце в 1865 году и другие. Медали и жетоны «В память заключения мира со Швецией», «В память освобождения крестьян от крепостной зависимости», «В память 1000-летия России», «В память русско-турецкой войны 1877-1878 гг.», «В память 200-летия основания С.-Петербурга» и некоторые другие представлены в музейном собрании в нескольких экземплярах, один из которых наверняка поступил в фонды из музея ВУАК.

Работа по выявлению предметов музея ВУАК в современной музейной нумизматической коллекции продолжается. Значительную помощь в этом направлении оказал экземпляр «Каталога монет и медалей музея Витебской ученой архивной комиссии» К.А. Змигородского с пометками В.Г. Краснянского, а также имеющиеся в научном архиве музея описи музея пединститута, составленные В.Г. Краснянским.

1. Брѣжга, Б. Віцебскія музеі / Б. Брѣжга // Архе. – 2014 г. – № 3. – С. 396–411.
2. Витебская губерния : государственные, религиозные и общественные учреждения (1802 - 1917) / Т.Е. Леонтьева [и др.] ; сост. Т.Е. Леонтьева, Д.Л. Яцкевич ; редкол.: А.К. Голубович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелНИИДАД, 2009. – 524 с.
3. Витебские губернские ведомости. – 1909. – 5 июня. – С.3.
4. Витебские губернские ведомости. – 1909. – 4 ноября. – С.3.
5. Витебские губернские ведомости. – 1910. – 13 января. – С.3.
6. Витебские губернские ведомости. – 1910. – 21 января. – С.3.
7. Витебские губернские ведомости. – 1910. – 23 января. – С.3.
8. Витебские губернские ведомости. – 1910. – 3 августа. – С.4.
9. Витебские губернские ведомости. – 1910. – 14 августа. – С.3.
10. Витебские губернские ведомости. – 1912. – 16 октября. – С.3.
11. Каталог монет и медалей музея Витебской ученой архивной комиссии / сост. К.А. Змигородский. – Витебск, 1911.
12. Каталог музея Витебской ученой архивной комиссии / сост. К.А. Змигородский. – Витебск, 1912.
13. Музейная спадчына Віцебска // Віцебскі шпытак. – 2000 г. – № 4. – С. 206 – 211.
14. Научный архив Витебского областного краеведческого музея (ВОКМ). – Фонд 8. – Д. 1.
15. Научный архив ВОКМ. – Фонд 15. – Д. 2.
16. Отчет о деятельности Витебской ученой архивной комиссии за первый год ее существования // Полоцко-Витебская старина. Кн. 1, ч. III. – Витебск, 1911.
17. Отчет о деятельности Витебской ученой архивной комиссии за второй год ее существования // Полоцко-Витебская старина. Кн. 1, ч. III. – Витебск, 1911.
18. Рогач, В. Музей Віцебскай вучонай архіўнай камісіі / В. Рогач // Архе. – 2014 г. – № 3. – С. 366–378.

¹ Бродовский Антон Рафаилович (1859-1928) - коллекционер, заведующий Витебским губернским музеем, созданным в 1918 году на основе его частной коллекции. Предметы нумизматики в собрании Бродовского насчитывало более 5,5 тысяч единиц.

Шишанов В.А.
КОНСТАНТИН ЗМИГРОДСКИЙ –
ХУДОЖНИК, КРАЕВЕД И МУЗЕЙНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Личность Константина Змигродского (1876–1936) не часто привлекала внимание исследователей. За исключением двух публикаций появившихся в 1930-е гг. в «Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne» (Краков) [20; 22] и ряда публикаций 1990–2000-х гг. витебского краеведа А. М. Подлипского в основном в энциклопедических изданиях [9; 11] нельзя назвать сколько-нибудь обстоятельных работ об этом неординарном человеке.

Константин Змигродский родился в Риге в 1876 г. в семье врача. После окончания здесь гимназии и музыкальной школы Константин продолжил образование в Училище технического рисования барона А. Л. Штигица в С.-Петербурге. Затем в 1898 г. поступил в Школу изящных искусств в Кракове (с 1900 г. – Академия изящных искусств), где обучался мастерству скульптора в мастерской Константы Ляцки. Созданные в это время крупные работы «Девятый вал», «Станчик», «Сказка» принесли художнику признание и известность.

После завершения учебы в Кракове в 1904 году Змигродский путешествовал по Европе, побывал в Дрездене, Берлине, Вене, Мюнхене. В Париже он посещал студии Огюста Родена, Жана Буше.

В 1905 г. Змигродский обосновался в Петербурге и вскоре женился на Софье Пуцято, владелицей фольварком Ловцово в Полоцком уезде. Однако в 1906 г. из-за революционных событий художник оставил столицу и обосновался в Витебске, где стал преподавать «графические искусства» в мужском и женском частном коммерческом училище В. М. Грекова, а с 1908 г. и черчение в начальном еврейском училище [10, с. 103, 128, 130].

Интерес к истории и в частности к нумизматике постепенно стали во многом определять деятельность К. Змигродского. На первом заседании Витебской ученой архивной комиссии 31 мая 1909 г. художник был среди ее членов-учредителей [2], а на заседании 10 сентября того же года был избран членом совета комиссии [3]. На этом же заседании обсуждался вопрос о «введении» для членов комиссии знака или жетона. Присутствовавшие высказались отрицательно, однако к этому вопросу вернулись позже и в 1912 г. Змигродский выполнил несколько графических проектов знаков членов ВУАК. Однако в «металле» знаки ВУАК неизвестны.

Тем не менее, как художник, Змигродский много поработал для ВУАК, являясь, в частности, автором ряда обложек и иллюстраций для изданий комиссии: «Каталог монет и медалей музея ВУАК» (1911 г., обложка); «Экскурсия Витебской ученой архивной комиссии 14 мая 1911 г. в местечко Бешенковичи» (обложка и иллюстрации: «Переправа французов через р. Двину в Бешенковичах. 1812 г.», портрет Наполеона); «Полоцко-Витебская старина» (1911 г., обложка, портрет П. А. Столыпина); рисунки к статье П. М. Красавицкого «Памятники церковной старины Полоцко-Витебского края и их охранение». Выполнил Змигродский обложку и для изданной ВУАК отдельной брошюрой лекции «Польский военный флот», прочитанной художником на заседании 23 января 1911 г. [5]. В 1914 г. эта работа была переиздана в Швейцарии на французском языке и в 1918 г. перепечатана в «Морском сборнике» (Петроград).

В витебский период Змигродский создает карту Краковской республики (1815–1846), отпечатанную в Витебске в 1908 г., карту Инфляндского, Польского и Витебского воеводства (1909 г.), опубликованную в сборнике «Z okolic Dźwiny» (1912 г.) [26, s. 196–197]. В этом же сборнике разворот был посвящен творчеству Змигродского и опубликованы фото с его работ: «Сказка», «Сон», «Поколение», «Пробуждение», «Мысль», «Голод». Эти фотографии – то небольшое, что дает представление о раннем творчестве скульптора.

Из статьи Змигродского известно, что в 1909 г. для своего имени он выпустил медную «контрамарку» номиналом в 20 грошей. Оформление боны было самым простым: в центре обозначение номинала, вокруг по краю монеты на польском языке надпись: «• Łowcowo • w • połockim • Z • K • Z». Литеры «Z. K. Z.» означали «София и Константин Змигродские». В 1910 г. произошло печальное событие – София Змигродская умерла, оставив мужа с малолетним сыном Збигневом.

На заседании ВУАК 7 февраля 1910 г. Змигродский был избран хранителем музея ВУАК [4]. С 10 декабря 1910 г. музей, архив и библиотека ВУАК разместились в «обширной комнате» предоставленной Учительским институтом.

Музей комиссии находился в зачаточном состоянии, но активно пополнялся за счет даров местных жителей, любителей старины и членов ВУАК. Новый хранитель приложил значительные усилия по упорядочению и систематизации коллекции плодом чего стали два каталога: «Каталог монет и медалей музея ВУАК» (1911 г.) [6] и «Каталог музея ВУАК» с «Добавлением к каталогу монет и медалей» (1912 г.) [7].

В это время Змигродский оканчивает Витебское отделение Московского археологического института, где курс нумизматики читал В. К. Трутовский. Становится членом Нумизматического общества в Кракове, польского Общества охраны памятников прошлого (ТОпЗР) [23, s. XXXV], членом-корреспондентом Московского нумизматического общества (21 января 1913 г.) [12, с. 56]. В 1913 г. на страницах краковского издания «Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne» появляются краткие сообщения Змигродского о Полоцком кладе 1910 г. [17], об обнаружении в нише полоцкого Софийского собора гроба с останками епископа Флориана Гребницкого (1912 г.) [25, s. 79].

Благодаря своей деятельности Константин Змигродский приобрел определенный авторитет среди нумизматов и историков и когда встал вопрос о назначении нового директора в Польском музее в швейцарском Рапперсвиле была предложена его кандидатура. Как сообщалось в «Витебских губернских ведомостях», уже 9 июня 1913 г. в музей ВУАК был назначен новый хранитель [1], а Змигродский переведен в состав почетных членов [8]. В статье Адама Солецкого о художнике указывается, что он приступил к работе на новом месте 1 июля [20, s. 64], Однако совет музея утвердил назначение на заседании 4 августа 1913 г. [28, s. 28].

Польский музей в замке Рапперсвиле был основан участником восстания 1863 г. Владиславом Плятером (1808–1889) в 1870 г., и вскоре стал центром польского культурно-освободительного движения, а музей, библиотека, архив быстро пополнялись. С 1895 г. в замковой башне хранилась урна с мумифицированным сердцем скончавшегося в Швейцарии Тадеуша Костюшко.

Однако в начале XX века музей нуждался в ремонте, обновлении экспозиции, упорядочении учета и хранения предметов. Поэтому на Змигродского легла сложная и ответственная задача. Польская пресса с энтузиазмом встретила назначение нового директора: «Любители польской нумизматики приняли с удовольствием весть о постановлении музейного совета, о назначении на должность директора музея в Рапперсвиле г-на Константина Змигродского из Витебска, так как в личности нового руководителя учреждение приобрело знатока польской нумизматики, благодаря чему нумизматические собрания этого музея будут находиться в надлежащей опеке» [15]; «Новый директор музея, г-н Константин Змигродский, начал работу над приведением в порядок нумизматического собрания того музея. Он насчитал около 6000 предметов искусства, размещенных в разных местах; отдел медалей не упорядочен. Это состояние он намеревается в ближайшее время основательно изменить. Все нумизматические памятники будут собраны в отдельном, специальном для этих целей отреставрированном помещении и соответственно упорядочены» [27].

В начале 1914 г. появились первые публикации о ходе работ. На заседании совета друзей музея в Кракове известный польский политический деятель и историк Михал Сокольниковский (1880–1867) поделился впечатлениями: «Отдельный зал директор Змигродский отвел для нумизматического собрания, которые оказались очень богатым и ценным. Оформление других залов продолжается и требует еще больше времени до полного упорядочения. Общее впечатление, которое уже сейчас было получено очень радостное, а новый директор с запалом отданный делу наведения порядка в музее, дает полное право надеяться, что под его руководством рапперсвилский музей станет настоящим уважаемым учреждением и будет интересен как для поляков, так и для иностранцев» [14]*.

Нумизматическая коллекция находилась под особой опекой Змигродского: «На втором этаже старая канцелярия библиотекаря переменилась на святилище директора: в кабинет медалей

* Здесь и далее перевод с польского Б. Пашковской, которой автор выражает глубокую благодарность.

и нумизматики. В обновленной, скромно выкрашенной в серый цвет комнате, г-н Змигродский собрал различные нумизматические экспонаты, и в качестве специалиста, заинтересованного в этом деле, в свободные минуты от общих музейных занятий проводит время при своих грошах, полугрошах, трояках и дукатах, сортирует, систематизирует и беспокоится отсутствием надлежащего финансирования витрин, чтобы из этого ценного собрания сделать настоящую жемчужину» [16].

В 1914 и 1916 г. в «Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne» появились небольшие статьи Змигродского о «неописанных частных польских монетах» [29] и о швейцарских медалях и жетонах, посвященных событиям Первой мировой войны [30].

Первое пятилетие директорства Змигродского было сложным периодом для Польского музея в Рапперсвиле. Из-за войны и революционных потрясений в Европе существенно сократилась финансовая поддержка. Но, все же, это был островок спокойствия и, благодаря нейтралитету Швейцарии, музей являлся связующим звеном между поляками, оказавшимися по разные стороны воюющих сторон. Музей и непосредственно Константин Змигродский являлся участником многих мероприятий связанных с юбилеями выдающихся деятелей Польши, многие из которых были отмечены памятными медалями, автором которых стал художник.

У Змигродского как художника-медальера можно отметить особый узнаваемый стиль. Его медали отличаются высоким, крупным рельефом, художественным обобщением и выразительностью образов.

Первым опытом стала медаль, посвященная 100-летию со дня смерти Тадеуша Костюшки (1746–1817) [24]. Тираж медали составил 200 экземпляров и был самым большим из всех медалей автором, которых был Змигродский.

В 1918 г. были выпущены медали:

- На смерть Бронислава Пилсудского (1866–1918), участника восстания 1863 г., который во время ссылки на Сахалин занимался исследованием коренных жителей, за что был прозван «королем айнов».

- 100-летие смерти Яна Генрика Домбровского (1755–1818), генерала армии Т. Костюшки.

- В честь медика, астронома-любителя Зигмунта Ласковского (1841–1928).

1918 и 1919 гг. были связаны с печальными лично для Змигродского событиями: сначала умер отец художника, на следующий год – мать. В 1920 г. Змигродский создал медаль в память своих родителей, тираж которой составил 25 экземпляров.

В этом же году отмечалось 50-летие музея в Рапперсвиле. На медали, посвященной этому событию, был помещен погрудный портрет основателя музея Владислава Пяттера (1808–1889), на обороте – установленная перед замком колонна «Свобода Польши» и рядом имена лиц, внесших наибольший вклад в создание и развитие музея.

Рапперсвильский период был отмечен работой над еще двумя медалями. В 1924 году выпущена медаль в память перенесения праха Генриха Сенкевича из Вева (Швейцария) в Варшаву. В 1925 г. на смерть Владислава Реймонта (1867–1925), польского писателя, лауреата Нобелевской премии.

В 1924 г. Змигродский участвует в конкурсе на дизайн польских монет и разработал проект 50-злотовой монеты. Художник издал также открытки с репродукциями своих медалей и изображением герба Польши и Литвы 1831 г., карту Польши (в границах 1772 г.) и этнографическую карту Польши (в границах 1772 г.).

По завещанию основателя, после воссоздания независимого Польского государства, коллекции музея в Рапперсвиле должны были быть переданы Польше. Этот вопрос обсуждался уже в 1919 г. 21 октября 1921 г. такое решение было принято польским Сеймом [13, s. 140], но только 10 октября 1927 г. собрание музея покинуло Швейцарию. В 21 января следующего года часть коллекций была представлена на выставке в здании Общества охраны памятников старины (ТОНЗР) в Варшаве. Однако затем коллекции были распределены между музеями и библиотеками и почти все погибло в период Второй мировой войны.

Змигродский получил место советника в дирекции государственных собраний искусства Министерства дел религиозных и народного просвещения Польши, руководителя Государст-

венного нумизматического кабинета и курировал нумизматические собрания [18]. Вступив в Варшавское нумизматическое общество, художник отказался от должности его президента.

В это время Змигродский создает еще несколько произведений медальерного искусства:

- Медаль в честь Яна Александровича (1864?–1939), первого директора возрожденного Варшавского монетного двора, президента Варшавского нумизматического общества. 1929 г.
- Медаль в память 100-летия Ноябрьского восстания 1830–1831 г. 1930 г.
- Плакетка в память 700-летия Рапперсвиля. 1929 г.

В 1932 г. на Варшавском монетном дворе в единичных экземплярах были изготовлены барельефы в память свадьбы сына Змигродского и барельеф с портретом жены художника [21].

В «Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne» (1934 г.) появились публикации кладов в Воле (1932 г., Радомский повет, польские монеты XVI в.) и Борщевцах (1933 г., Ласки повет Лодзинского воеводства, польские и прусские монеты XVII–XVIII вв.) [31] – эта статья стала последней подготовленной Змигродским. Незавершенной осталась рукопись «Введение в нумизматику», над которой он работал много лет.

В последние годы жизни здоровье Константина Змигродского подорвали диабет и болезни сердца. Художник умер 1 апреля 1936 г. в Воломине под Варшавой и был похоронен на кладбище в Кобылке [19]. Сообщения о его смерти появились во многих польских и французских изданиях.

1. В архивной комиссии // Витебские губернские ведомости. – 1913. – 11 июня (№ 128). – С. 3.
2. Заседание ученой архивной комиссии // Витебские губернские ведомости. – 1909. – 5 июня (№ 123). – С. 3.
3. Заседание ученой архивной комиссии // Витебские губернские ведомости. – 1909. – 13 сент. (№ 204). – С. 2–3.
4. Заседание ученой архивной комиссии // Витебские губернские ведомости. – 1910. – 7 февр. (№ 30). – С. 3. В отчете ВУАК, опубликованном в сборнике «Полоцко-Витебская старина» (1911) указывается дата 4 декабря 1909 г.
5. Змигродский, К. А. Польский военный флот : доклад действительного члена Витебской ученой архивной комиссии К. А. Змигродского, читанный в заседании комиссии 23 января 1911 г. / К. А. Змигродский. – Витебск: [б. и.], 1911. – 18 с., [2] л. ил.
6. Каталог монет и медалей музея Витебской ученой архивной комиссии / сост. хранитель музея К. А. Змигродский. – Витебск : тип. насл. М.Б. Неймана, 1911. – 38 с.
7. Каталог музея Витебской ученой архивной комиссии / сост. хранитель музея К. А. Змигродский. – Витебск : типо-лит. насл. М. Б. Неймана, 1912. – 48 с.
8. Общее собрание архивной комиссии // Витебский вестник. – 1913. – 15 окт. (№ 229). – С. 4.
9. Падліпскі, А. Змігродскі Канстанцін Антонавіч / А. Падліпскі // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкалегія: Г. П. Пашкоў (галоўны рэдактар) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1998. – Т. 7. – С. 97.
10. Памятная книжка Витебской губернии на 1909 г. – Витебск : Губернская типография, 1909. – VIII, 28, 425, 168 с.
11. Подлипский, А. М. Витебские художники – современные художники / А. М. Подлипский // Ю. Пэн і яго час : матэрыялы навук. канф., Віцебск, 23–24 снеж. 1997 г. / склад. І. П. Холадава. – Мінск : Медисонт, 2008. – С. 43–48.
12. Чижов, С. И. Записка о деятельности Московского нумизматического общества за первые 25 лет его существования, 1888–1913 / С. И. Чижов. – Москва : тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1913. – 56 с.
13. Chankowski, S. Szwajcarzy a Muzeum Narodowe Polskie w Rapperswilu w latach 1889–1927 // S. Chankowski // Kwartalnik historii nauki i techniki. – 1991. – Nr. 36/3. – S. 131–144.
14. Muzeum w Rapperswilu // Kurjer Warszawski. – 1914. – 5 marca (№64). – S. 8–9.
15. Numizmatyk dyrektorem muzeum w Rapperswilu // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. – 1913. – №. 9. – S. 143–144.
16. Obeznany. W muzeum Rapperswilskim // Świat. – 1914. – 10 stycznia (№ 2). – S. 8–9.
17. Polock // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. – 1913. – №. 3. – S. 48.
18. Ruch służbowy // Dziennik urzędowy Ministerstwa wyznań religijnych i oświecenia publicznego Rzeczypospolitej Polskiej. – 1929. – 28 lutego (Nr. 3). – S. 12.
19. Ś. p. Konstany Żmigrodzki // Kurjer Warszawski. – 1936. – 2 kwietnia (№ 92). – S. 10.
20. Solecki, A. Konstany Żmigrodzki, artysta-medalier / A. Solecki // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. – 1930. – T. 13. – S. 60–64.
21. Solecki, A. Najnowsze prace medalierskie Konstatego Żmigrodzkiego / A. Solecki // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. – 1933. – T. XIV. – S. 151.
22. Solecki, A. Ś. p. Konstany Żmigrodzki / A. Solecki // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. – 1936. – T. 17. – S. 143–144.
23. Sprawozdanie zarządu Towarzystwa opieki nad zabytkami przeszłości : 1912. – Warszawa : Wł. Łazarzski, 1913. – 56, XXXV s.
24. Stulecie Kościuszki w Szwajcaryi // Nowości ilustrowane. – 1917. – 22 września (Nr. 38). – S. 2.

25. Walne Zgromadzenie Towarzystwa numizmatycznego // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. – 1913. – №. 5. – S. 78–80.
26. Z okolic Dźwiny: księga zbiorowa na dochód czytelnicy polskiej w Witebsku. – Wilno – Witebsk, 1912. – XVI, 238, 11.
27. Zbiór numizmatyczny Muzeum w Rapperswilu // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. – 1913. – №. 11. – S. 171.
28. Zjazd rady // Sprawozdanie z Zarządu Muzeum Narodowego Polskiego w rapperswilu za rok 1913. – Paryż, 1914. – 64 s.
29. Żmigrodzki, K. Kilka słów o nieopisanych polskich monetach prywatnych / K. Żmigrodzki // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. – 1914. – Nr. 6. – S. 92–94.
30. Żmigrodzki, K. Medale wojenne szwajcarskie / K. Żmigrodzki // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. – 1916. – Nr. 9. – S. 80–81.
31. Żmigrodzki, K. Wykopiska monet w Wsole i Borszewicach / K. Żmigrodzki // Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. – 1934. – T. XV. – S. 85–89.

Журба О.И.
ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ КОМИССИЯ
И ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЦЕХА
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИКОВ

Функционирование ученых архивных комиссий, как значимое явление в истории исторического знания, формировании региональной историографии, исторической культуры общества стало предметом интенсивного исследовательского внимания на волне перестроечного всплеска интереса к национальному и региональному прошлому.

Не стала исключением и деятельность Екатеринославской ученой архивной комиссии (далее – ЕУАК). Ее библиография уже насчитывает десятки позиций, от газетной публицистики до серьезных исследований, помещающих эту институцию в многочисленные дисциплинарные, биографические, культурологические, институциональные, краеведческие контексты [13].

Этот интерес не угасает и доныне. Ярким свидетельством тому стал недавний и, надеюсь, продолжающийся проект репринтного переиздания ставшей уже раритетом «Летописи Екатеринославской ученой архивной комиссии» (далее – ЛЕУАК / Летопись) [9; 10], главного детища ЕУАК. Сборник насчитывал 10 объемных томов, которые выходили с 1904 по 1915 гг. и выполнял важную задачу формирования и консолидации сообщества местных историков разного уровня подготовки: от любителей старины до маститых профессионалов со специальным университетским образованием и опытом исследовательской работы.

Выпуски ЛЕУАК представляют актуальность не только как библиографическая редкость. Это уникальный источниковый ресурс, аккумулировавший эксклюзивную информацию об истории Екатеринославщины, прежде всего второй половины XVIII – первой половины XIX вв., а также о той культурной, интеллектуальной, историографической атмосфере начала XX в., в которой в Екатеринославе начинало разворачиваться производство профессионального исторического знания и стали осваиваться соответствующие формы организации такой деятельности. Поэтому значение Летописи как главного интеллектуального продукта ЕУАК в изучении прошлого региона обусловлено, с одной стороны, тем, что подавляющее большинство материалов, помещенных на его страницах (обзоры и описи фондов частных и официальных архивных собраний, археографические публикации, исследования, опирающиеся на архивную информацию), погибло в перипетиях бурного XX века. С другой стороны – деятельность ЕУАК заняла особое место в процессе формирования гуманитарного и, прежде всего, историографического компонента быстрыми темпами модернизирующегося культурного ландшафта губернского центра. Как и в большинстве неуниверситетских городов Российской империи, ЕУАК стала ключевой институцией и весомым фактором формирования региональной исторической культуры, в том числе и цеха местных профессиональных историков [1].

Деятельность ученых архивных комиссий серьезно расширяла и усложняла историографическую карту империи, играла значимую роль в появлении новых историографических субрегионов [5; 7; 8], обозначала перспективы пересмотра представлений о месте региональной истории в репрезентациях отечественного исторического процесса.

Екатеринославская ученая архивная комиссия (1903 – 1919) вместе с Екатеринославским краевым историческим музеем им. А. Поля (1902) и Екатеринославским научным обществом

(1901) создавали региональную институциональную рамку, вокруг которой объединялись не только профессиональные научные силы и аматорская образованная публика, но и широкие слои тянувшейся к современным образовательным и культурным стандартам обывательской публики. Тесное взаимодействие всех уровней производителей и потребителей исторического знания / информации / представлений / стереотипов формировало неповторимый облик региональной исторической культуры, в которой ЕУАК «отвечала» прежде всего за функционирование профессионального цеха историков, в то время как Музей и Научное общество ориентировались, прежде всего, на налаживание коммуникаций с аматорско-обывательским контингентом.

Что касается термина «цех историков», то он обозначает устойчивое профессиональное сообщество способное к непрерывному самовоспроизводству и объединенное сформировавшейся институциональной и инфраструктурной сетью. Также оно вырабатывает свойственные ему способы, механизмы и направления научной и внеаучной коммуникации. Цех историков, как и любой другой цех, определяется выработанной продукцией, технологиями и подходами в её производстве: проблемно-тематическим репертуаром, набором источников, приемами их критики и интерпретации, методологическими и идейными ориентирами, комбинации и соотношения которых дают возможность выявлять качественные специфики профессионального сообщества и региональной историографии в целом.

На рубеже веков, привлеченные открывающимися карьерными возможностями быстро растущего губернского города, в котором бурно развивалась сеть средних и средних специальных учебных заведений, из разных регионов империи сюда потянулись и дипломированные историки. За полтора десятилетия они сформировали кадровый потенциал, ключевые институции стабильного функционирования исторического знания, заложили основы региональной исторической периодики, взвалили на себя бремя формирования исторической и архивной культуры края, подготовили почву для становления в недалеком будущем высшего исторического образования в Екатеринославе.

Среди них, прежде всего – Д.И. Яворницкий, В.А. Беднов, Д.И. Дорошенко, А.С. Синявский, В.В. Данилов, В.И. Пичета. Каждый по-своему, в меру своих сил, таланта, возраста, влияния на власть, профессионального и общественного коммуникативного потенциала, характера, занимаемой должности и множества других обстоятельств, – все они превратили Екатеринослав в один из важных центров провинциальной исторической науки, создав устойчивое сообщество профессионалов, с которым до сих пор продолжают идентифицировать себя современные историки. Свидетельств этого предостаточно. Так, с конца XX в. на базе истфака Днепропетровского национального университета и Днепропетровского исторического музея им. Д.И. Яворницкого стали регулярно проводиться «Яворницкие чтения», в начале XXI в. инициировано переиздание Летописи, с продолжением этого же издания идентифицировал свой проект главный редактор «Днепропетровского историко-археографического сборника» (1997). Казацкая, церковная, дворянская, краеведческая проблематика остается визитной карточкой днепровских историков. Пиетет перед отцами-основателями выразился в многочисленных студиях, посвященных их жизни и деятельности, а также в ориентации многих современных исследователей на образцы стиля и характера творчества конца XIX – начала XX вв., на их понимание смыслов историописания и историомышления. На институциональном уровне современные архивисты, историки и музейщики Днепра твердо осознают и связывают свои истоки с учреждениями и историками начала XX в.

В рамках ЛЕУАК, первого профессионального периодического издания в регионе, осваивались такие историографические жанры, как исследования истории исторического знания, археографические публикации, аналитические статьи, обзоры архивных собраний, информационные сообщения о новых изданиях исторической литературы и деятельности исторических институций.

Направления деятельности ЕУАК охватывали прежде всего Екатеринославщину: обследование местных архивов и библиотек, проведение археологических раскопок, публичные чтения на историческую тематику. В центре внимания оказывалось казацкое прошлое, церковная история, история знатных родов и выдающихся личностей, деятельность учебных заведений, театров, учреждений охраны здоровья. ЕУАК принимала активное участие в подготовке XIII Археологического съезда, неоднократно на своих заседаниях поднимала вопросы охраны исторического наследия (памятников истории и архитектуры, архивных и библиотечных собраний), прививая широкой общественности бережное отношение к истории и культуре края.

Вместе с тем процессу формирования екатеринославского пространства исторической и историографической культуры были присущи специфические характеристики, наложившие существенный отпечаток на его качественные параметры. Из них я бы отметил две наиболее яркие особенности. Во-первых, это «кадровый историографический импорт», что, конечно, связано с особенностями освоения и заселения Екатеринославщины и становления ее интеллектуального облика как неустойчивого конгломерата культурного опыта и исторической памяти многочисленных и почти что непрерывных миграционных потоков с конца XVIII в. и до настоящего времени.

Как и родоначальники екатеринославского историописания середины XIX в. епископы Гавриил (Розанов) и Феодосий (Макаревский), первые профессиональные историки региона начала XX в. – Д. Яворницкий, В. Пичета, Д. Дорошенко, А. Синявский, В. Данилов, В. Беднов получили жизненный опыт, образование, навыки литературной и исследовательской работы вне екатеринославского региона, будучи выпускниками высших светских и духовных учебных заведений Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Одессы, Харькова, Нежина [3; 6; 11; 12]. Все они, за исключением В. Беднова, не были выходцами из Екатеринославщины, оказались тут случайно – в поисках работы, карьерного роста, по воле высшего руководства – в общем потоке миграций в быстро растущий, модернизирующийся, стремительно богатеющий регион империи. Так же легко практически все они, оставив свой след в истории и культуре Екатеринослава, по тем или иным причинам покидали город и регион, так и не ставший для них родным, близким, своим. Екатеринослав воспринимался ими как место временного проживания и службы, с которым не связывалось ни карьерное, ни личное будущее. Поэтому он так и не смог стать для из них своим, не чужим, городом с прошлым, настоящим и будущим которого они чувствовали бы неразрывную связь, за который ощущали бы ответственность, с которым идентифицировали бы себя.

Еще одной особенностью, тесно связанной с первой, является резкая, бросающаяся в глаза прерывность развития екатеринославской историографии. Историки не связанные с городом и краем ни культурно, ни лично легко его покидали, не оставляя учеников, не формируя научной традиции, профессиональной и интеллектуальной среды, ориентируясь, прежде всего, на внешние научные и социальные факторы. Проявилось это и на уровне основной тематики членов ЕУАК, отличающейся чрезвычайным разнообразием и отсутствием крупных работ, посвященных истории Екатеринославщины и Юга Украины в целом. Так, основным героем В. Пичеты в Екатеринославе продолжал оставаться Ю. Крижанич, которому была посвящена его научная работа, выполненная под руководством В.О. Ключевского в Московском университете. Основная работа В. Беднова, написанная в Екатеринославе, была направлена на штудирование истории православной церкви в Польше и Литве. В. Данилов занимался вопросами истории российской и украинской литературы, общественной мысли и фольклористики, Д. Дорошенко – общественно-политической публицистикой. И только для Д. Яворницкого, общественный статус и материальное положение которого среди других историков-профессионалов региона были наиболее гарантированы, Екатеринославщина смогла стать и второй родиной, и основным предметом изучения. В свою очередь, потребность местной исторической памяти в знаковых фигурах регионального масштаба способствовала восприятию личности директора исторического музея Д. Яворницкого, уже при его жизни, как своего, екатеринославского деятеля, способного стать одним из центральных узлов и городской, и региональной исторической мифологии.

Вероятнее всего, именно поэтому вокруг образа, в общем-то, провинциального историка второго эшелона, творчество которого пронизывал пафос местного патриотизма и казакофильской архаики, так дружно сплотились его нынешние последователи и почитатели, превратив мифологизированную личность «казацкого батька» в своеобразный символ и «нашей» екатеринославской истории, и «нашего» днепровского историописания [2].

Таким образом, создание и деятельность ЕУАК, в рамках которой впервые на локальном уровне осваивались формы и содержание работы профессионального историка, может представляться как завершающий этап в процессе формирования структуры региональной исторической культуры, понимаемой как «выработка и потребление всего спектра знаний и представлений о прошлом на всех социальных уровнях», где «каждый участник исторического публичного дискурса должен рассматриваться как равноправный игрок, формирующий общее историзированное пространство» [3].

1. Бердинских, В. А. Уездные историки. Русская провинциальная историография / В. А. Бердинских. – М. : НЛО, 2003. – 528 с.
2. Журба, О. І. Історіографічна доля Д. І. Яворницького / О. І. Журба // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України: Розвідки з теорії та методології досліджень. – Дніпропетровськ, 2008. – С. 220–223.
3. Журба, О. І. Культурна та історико-археологічна діяльність архієпископа Гаврила (В.Ф. Розанова) в Південній Україні / О. І. Журба // Дніпропетровський історико-археологічний збірник. – Дніпропетровськ, 1997. – Вип. 1. – С. 220–238.
4. Журба, О. И. Историческая и историографическая культура XVIII – начала XX века [Рец. на кн.: Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. – М.: Изд. Дом ВШЭ, 2012. – 551 с.] / О. И. Журба // Ab Imperio – 2016. – № 4. – С. 313–314.
5. Журба, О. И. Проблемы историографического районирования в презентациях истории украинского историописания / О. И. Журба // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: Матер. XXIII междунар. науч. конф. Москва 27–29 янв. 2011 / отв. ред. М.Ф. Румянцева. – М. : РГГУ, 2011. – С. 59–70.
6. Заруба, В. М. З вірою в українську справу: Антін Степанович Синявський / В. М. Заруба. – К., 1993. – 144 с.
7. Леонова, А. В. О построении модели исследования регионального историографического процесса / А. В. Леонова // Мир историка. – Омск, 2013. – Вып. 8. – С. 165–176.
8. Леонова, А. В. Историографический процесс второй половины XIX – начала XX вв. в региональном измерении (по материалам Слободской и Южной Украины): автореф. дис. ...канд. истор. наук / А. В. Леонова. – Днепропетровск, 2013. – 20 с.
9. Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии: в 11 вып. – Днепропетровск : Герда, 2010. – Вып. 1. Репринтное издание. – 336 с.
10. Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии: в 11 вып. – Днепропетровск : Герда, 2015. – Вып. 2. – Ч.І. Репринтное издание. – Ч.ІІ. Кодак пограничная крепость и её окрестности / М. Дубецкий; пер. с польского Е. Бугаёвой. – 504 [VIII] с.
11. Портнов, А. В. Історія істориків. Обличчя й образи української історіографії XX століття / А. В. Портнов. – К., 2011. – 237 с.
12. Світленко, С. І. Дмитро Яворницький: вчений та педагог в українському інтелектуальному співтоваристві / С. І. Світленко. – Д. : Ліра, 2015. – 312 с.
13. Симоненко, І. Губернські вчені архівні комісії в Україні: історіографічний огляд і бібліографічний покажчик / І. Симоненко. – К., 2003. – 132 с.

Колесникова М.Е.

СТАВРОПОЛЬСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ КОМИССИЯ И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ АРХИВНОГО ДЕЛА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ставропольская губернская ученая архивная комиссия (СУАК) была единственной архивной комиссией на Северном Кавказе. Объединив лучшие силы интеллигенции, комиссия сумела скоординировать усилия по изучению региона, спасти от уничтожения огромное количество исторических источников и памятников старины, своей деятельностью заложила основы архивного дела в регионе.

Вопрос о создании СУАК впервые был поставлен в 1886 г. секретарем Ставропольского губернского статкомитета И.В. Бентковским, но ходатайство удовлетворено не было [16, с. 2]. Между тем, все основания для создания архивной комиссии были. Это, прежде всего, наличие значительных комплексов документальных материалов, сохранность которых не обеспечивалась должным уровнем. Ставропольская губерния уже в конце XVIII в. имела богатейшие архивы, так как в период заселения и освоения Северного Кавказа здесь находились многочисленные государственные учреждения, управлявшие Кавказским краем. К середине XIX в. они уже были переполнены делами. В силу этого сохранялись главным образом лишь документы текущего делопроизводства и те, которые представляли практический интерес для него. Реформы последней трети XIX в. привели к возникновению новых, преимущественно гражданских учреждений, документы которых, наряду с упраздненными структурами, также стали поступать в архивы. Архивы часто меняли места своего пребывания, следуя за учреждениями, которые перемещались из Екатеринодара в Астрахань, Георгиевск, затем в Ставрополь. Многие бумаги оставались на старых местах, и судьба их была неизвестна.

Вопрос о создании СУАК вновь был поднят в 1905 г. [15, с. 2; 11, с. 3]. Прошение об ее учреждении было подписано на заседании Ставропольского статкомитета 19 августа и 30 ноября было удовлетворено [1, л. 1, 2, 27]. Официальной датой открытия комиссии считается 17 февраля (по новому стилю 2 марта) 1906 г., когда состоялось ее первое заседание [5, л. 17]. На нем

были определены цель, задачи, основные направления деятельности, общий и руководящий состав. Председателем был избран городской нотариус, присяжный поверенный, историк-краевед Г.Н. Прозрителев. Он практически бесменно возглавлял комиссию до 1920 г., что во многом и предопределило относительную стабильность в ее работе. Только непродолжительный период, с мая 1916 по июнь 1919 гг., комиссией руководил С.Н. Костямин, т.к. Г.Н. Прозрителев в 1915 г. был назначен председателем Кавказской археографической комиссии в г. Тифлисе [13, л. 7].

Состав СУАК был многочисленным, она привлекала к своей работе всех, кто интересовался историческим прошлым губернии и Северокавказского края, однако далеко не однородным как в социальном, так и в образовательном отношении, что обусловило неравномерность участия членов комиссии в научно-исследовательской работе. Журналы заседаний и отчеты показывают, что активно научными исследованиями занимались не более 10-15 ее членов, несмотря на то что в тех же отчетах видим ежегодное увеличение численности комиссии [6, л. 9-31].

Основными направлениями деятельности СУАК были: создание исторического архива, археографическое, научно-исследовательское (археологические, этнографические, исторические исследования) музейное, издательское. Они были определены на первом заседании в докладе Г.Н. Прозрителева «Архивы Ставропольской губернии» [3, л. 3, 15-16; 7, л. 15]. Работа проводилась в соответствии с составленной им же «Программой обследования местных архивов». Отпечатанная в форме анкеты брошюра в количестве 300 экземпляров была разослана во все уезды и волости Ставропольской губернии и Кубанской области. Поступившие ответы из 129 правлений позволили наметить первоочередные задачи деятельности комиссии. [2, л. 11об.].

СУАК обследовала и разбирала архивы учреждений и организаций, наводила порядок в документах, определяла их состав, вела работу по отбору материалов для постоянного хранения. Акцент делался на необходимость сохранения ценных в историческом отношении источников. Так, членами комиссии были обследованы и разобраны до 40 тыс. дел губернского архива и примерно 10 тыс. дел Казенной палаты, более 243 тыс. дел старых и уже упраздненных учреждений Ставропольской губернии, которые размещались в колокольне кафедрального собора в г. Ставрополе. Были разобраны и описаны частные архивы известного историографа генерал-лейтенанта И.Д. Попко и Наместника Кавказского князя М.С. Воронцова [8, с. 1-12; 12, с. 5-6]. Началось формирование археологического архива, содержащего 200 000 старых дел [4, л. 27]. На заседаниях комиссии отмечались заслуги «в деле работы с архивными бумагами»: члена комиссии Д.Ф. Леплявкина, архивариуса губернского правления Пагирова, архивариуса Ставропольского окружного суда Анзорова, священника Покровского, председателя комиссии Г.Н. Прозрителева. Проводимые мероприятия по разбору и спасению от гибели письменных источников способствовали формированию губернского исторического архива.

СУАК направляла своих членов для участия в работе продолжающих функционировать параллельно с ней особых архивных комиссиях по разбору и уничтожению старых дел. В 1911 г. в одну из таких комиссий, учрежденную ставропольским губернатором, председателем был назначен Г.Н. Прозрителев. Единственную возможность спасения документов он видел в создании Центрального исторического губернского архива.

Являясь единственной на Северном Кавказе, Ставропольская губернская ученая архивная комиссия вынуждена была обслуживать не только весь регион (Ставропольскую губернию, Кубанскую и Терскую области), но и часть Закавказья (Эриванскую, Елизаветпольскую, Караурганскую и Новороссийскую губернии, Анапскую таможню, Южный таможенный округ, Батум и другие районы) [9, с. 13]. Таким образом, впервые в регионе были предприняты решительные меры по сохранению документального наследия.

Новый период в истории СУАК связан со съездом представителей губернских ученых архивных комиссий, проходившим в 1914 г. в Петрограде. Представителем от Ставрополя на съезде был Г.Н. Прозрителев. В начале 1915 г. на заседании СУАК были утверждены разработанные им «Инструкция о привозе и хранении старых дел» и «Инструкция для разбора старых дел», последняя предусматривала прочтение и рассмотрение каждого дела, независимо от того, к какому времени оно относится, а также перечень дел, подлежащих постоянному хранению (именные списки чиновников, формулярные, послужные списки, дела с грифом «к сведению и руководству»), циркуляры и распоряжения, дела о вызове чиновников на службу в Кавказский

край, дела областного и губернского правления, дела о сектантах, о раскольниках, дела, касающиеся г. Ставрополя, и т.д.) [14, л. 1].

Работа членов комиссии была тесно связана с археографической деятельностью, с постоянным поиском и разработкой ее приемов. Отдавая предпочтение систематическим («ученым») описям, члены комиссии зачастую превращали описание документа в подобие его публикации. Несмотря на неоднозначную оценку деятельности членов СУАК по упорядочению архивного дела и на критику применявшейся ими методики архивной работы, следует признать, что именно благодаря усилиям членов комиссии было спасено богатейшее собрание дореволюционных документов – это источники, отражающие многочисленные аспекты политической, административной, военной, социально-экономической и культурной истории Северного Кавказа.

Как и другие комиссии, СУАК издавала «Труды» - периодические издания, на страницах которых публиковались архивные материалы, очерки и статьи, воспоминания, исторические исследования по истории, археологии, нумизматике, этнографии и музейному делу, охране памятников старины Северного Кавказа, его культуре, биографии исследователей, отчеты комиссии. В период 1910-1916 гг. вышло 8 сборников «Трудов» под редакцией Г.Н. Прозрителева. Степень их научности позволяет рассматривать СУАК как центр исторического знания. Периодически малым тиражом комиссия издавала журналы своих заседаний, каталоги, указатели, путеводители [10, с. 130-138].

После 1917 г. СУАК приобрела значение главного хранителя исторических памятников. Основным направлением ее деятельности стало спасение и сохранение разнообразных памятников археологии, истории и культуры. Вплоть до середины июля 1917 г. руководство деятельностью ГУАК осуществляло Русское историческое общество, позже все они были переданы в ведение Союза Российских архивных деятелей. В августе 1920 г. СУАК прекратила свою деятельность. Ее дело продолжила губернская секция по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, возглавил которую Г.Н. Прозрителев. Постановлением Губревкома от 30 августа 1920 г. было создано Губернское архивное управление [6, л. 83, 85]. В мае 1921 г. ему было передано здание Духовной консистории, где «был образован архивный городок», куда стали свозить документы из разных мест их хранения. Так было положено начало Государственному архиву Ставропольского края.

СУАК предприняла реальные шаги к упорядочению архивного дела в Ставропольской губернии и на Северном Кавказе, способствовала сохранению документов губернских учреждений, подготовила основу для создания исторического архива в последующий, советский, период. Она продемонстрировала совершенно новый подход к историко-культурному наследию, остановив процесс массового уничтожения документов, сохранив их для потомков. Ее история не была похожа на историю других подобных комиссий. Возникла она позже, в период подъема общественно-политической жизни начала XX столетия, была единственной в регионе, в силу чего обслуживала значительные территории и многочисленные архивы. Нехарактерным было и формирование архивных фондов на территории Северного Кавказа, во многом обусловленное военным и хозяйственным освоением края. Отсутствие достаточного постоянного источника финансирования не позволяло проводить планомерную и систематическую научную и экспедиционную работу. Богатейшие документальные коллекции, собранные членами комиссии, хранятся сегодня в крупнейшем архивохранилище Северного Кавказа – Государственном архиве Ставропольского края.

1. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). – Ф. 80. Оп. 1. Д. 92.
2. ГАСК. – Ф. 198. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАСК. – Ф. 198. Оп. 1. Д. 12.
4. ГАСК. – Ф. 198. Оп. 1. Д. 21.
5. ГАСК. – Ф. 198. Оп. 1. Д. 22.
6. ГАСК. – Ф. 198. Оп. 1. Д. 32.
7. ГАСК. – Ф. 198. Оп. 1. Д. 43.
8. Загорская, В. Архив покойного генерала Попко / В. Загорская // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. – Ставрополь, 1910. – Вып. 2. – Отд. 1. – С. 1–12.
9. Загорская, В. Отчет Ставропольской ученой архивной комиссии за 1911 год / В. Загорская // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. – Ставрополь, 1913. – Вып. IV. – Ч. I. – Отд. 5. – С. 3–15.

10. Историография и источниковедение истории Северного Кавказа (вторая половина XVIII – первая треть XX в.): Библиографический указатель. Предварительный список: В 2 ч. / сост., автор предисловия М. Е. Колесникова. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. – Ч. 2. – 513 с.
11. Прозрителев, Г.Н. Кавказские архивы. Доклад действительного члена Ставропольского статистического комитета Г. Н. Прозрителева в заседании общего собрания комитета 19-го августа 1905 года / Г. Н. Прозрителев // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. – Ставрополь, 1911. – Вып. 1. – Отд. 1. – С. 1–17.
12. Собриевский, А.С. Князь Воронцов и наши архивы / А.С. Собриевский // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. – Ставрополь, 1911. – Вып. 1. – Отд. 1. – С. 1–14.
13. Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве (СГКМ). – Ф. 2. – Оп. 1. – Ед. хр. 1.
14. СГКМ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Ед. хр. 6.
15. Успенский, И.И. О необходимости учреждения в г. Ставрополе-Кавказском ученой архивной комиссии: (Доклад общему собранию членов Ставропольского губернского статистического комитета 16 июля 1905 года) / И.И. Успенский // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. – Ставрополь, 1911. – Вып. 1. – Отд. 3. – С. 1–12.
16. Ходатайство об учреждении в г. Ставрополе ученой архивной комиссии // Кубанские областные ведомости. – 1886. – № 9. – С. 2.

Тарасенкова Т.И. СМОЛЕНСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ КОМИССИЯ¹

Смоленская губернская ученая архивная комиссия – научно-просветительное общество, значение деятельности которого сложно переоценить. Она начала свою работу в апреле 1908 г. Комиссия занималась многими вопросами: сбором, описанием и сохранением архивных документов, археологическими изысканиями, организацией празднования знаменательных дат, собиранием материалов о происходивших в регионе важнейших исторических событиях, восстановлением разрушенных архитектурных памятников и др.

История создания комиссии описана в Отчете за первый год ее существования с апреля 1908 г. по апрель 1909 г. Во время приезда в Смоленск в сентябре 1907 г. для осмотра крепостной стены председателя технического строительного комитета МВД генерала Н.В. Султанова полковник А.В. Жиркевич обратился к нему с предложением открыть в городе ученую архивную комиссию. Причин для образования такой комиссии было много. Комиссии можно было поручить наблюдение за сохранившимися частями древней крепостной стены. В губернии и губернском городе находилось немало памятников старины, которые нуждались в сохранности. Также надо было начинать научную разработку архивов, хранившихся в ужасных условиях в непригодных для этого башнях крепостной стены. В итоге благодаря активному содействию А.В. Жиркевича и И.И. Орловского комиссия была образована [3, с. 3-4].

Непременным попечителем комиссии являлся смоленский губернатор Н.И. Суковкин, в числе почетных членов председатель Государственной думы Н.А. Хомяков, председатель московского археологического общества графиня П.С. Уварова, княгиня М.К. Тенишева и другие. Председателем комиссии был избран губернский инженер А.Т. Богданович, товарищем председателя – преподаватель женского епархиального училища И.И. Орловский, секретарем – чиновник особых поручений при смоленском губернаторе Н.Ф. Яблонский [3, с. 7]. И.И. Орловский – известный смоленский историк и краевед. Он принимал живейшее участие во всех делах комиссии, выступал с докладами на собраниях, являлся инициатором многих мероприятий: «... Прочтите напечатанные в отчете журналы общих собраний и доклады на этих собраниях, все вращается около имени Орловского, всего он инициатор и всего 1-й и главный исполнитель – он печется о памятниках Смоленской старины, заботится о целостности разработке архивов, об устройстве библиотеки Комиссии, он же первый заводит речь о получении права для членов Комиссии быть слушателями Археологического института, он устраивает археологические экскурсии, едет на свои скудные средства в столичные архивы для собирания документов Смолен-

¹ Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки России, проект № 33.1419.2017/ПЧ «Мировая славистика в изучении новой и новейшей истории России и Беларуси: концепты славянского единства и самобытного развития в исторической ретроспективе»

ской старины: одним словом, главный нерв и рабочая сила Комиссии за 1-й год ее существования – это Орловский...» [6, с. 5].

После его смерти в июне 1909 г. товарищем председателя комиссии избрана Е. Н. Клетнова – известный археолог, этнограф, краевед, собирательница многих коллекций. Она стала достойной преемницей И.И. Орловского в комиссии.

Основными направлениями деятельности комиссии являлись разбор и научная разработка архивных документов, организация библиотеки, издание сборника «Смоленская старина».

На одном из заседаний общего собрания комиссии в июне 1908 г. И.И. Орловский выступил с докладом, в котором отмечал, что собирание и сохранение памятников старины только силами членов комиссии не может дать необходимых результатов. Нужна поддержка со стороны общества и, в первую очередь, со стороны самих владельцев и хранителей таких памятников. Поэтому комиссия должна как можно шире знакомить общество и с самим фактом своего существования, и со своими задачами и деятельностью [3, с. 40].

Тогда же И.И. Орловский обратил внимание на то, что комиссия должна предпринять все возможные меры к возвращению в Смоленск из Парижа музея княгини М.И. Тенишевой. По его мнению, обращение комиссии к княгине имело бы большую авторитетность и помогло бы ей преодолеть опасения, которые мешали осуществить ее первоначальное намерение пожертвовать музей Смоленску [3, с. 42-43].

В 1913 г. Особая комиссия при Императорском Русском Историческом Обществе выделила архивной комиссии пособие «на ознакомление и описание местных архивов, как частных, так и различных учреждений, и на разборку архивных дел, с помещением древних и важных документов в особые безопасные хранилища, и затем на напечатание наиболее интересных и важных дел в изданиях Архивной Комиссии, дабы тем окончательно сохранить их для потомства» [1, л. 10].

Выделенные средства были использованы немедленно и с пользой. Уже в 1914 г. Костыревская башня крепостной стены, предназначенная для хранения документов, была приспособлена для этого и освящена. В ней разместили часть разобранных архивных документов, назвав их «Историческим архивом при Смоленской ученой архивной комиссии» [1, л. 10].

Разбором документов занимались слушатели смоленского отделения московского археологического института. К началу 1914 г. разобрали и описали 4917 дел. Их работа заключалась в следующем: сначала составлялась краткая опись дела, представлявшая «возможно более ясный заголовок», затем указывалось его начало, окончание и число листов, а также встречающиеся в деле интересные документы и отдельные места. Архивные документы относились к концу XVIII – началу XIX столетия [1, л. 10об.-11].

Важной частью архивной работы членов комиссии являлся просмотр описей архивных дел, предназначенных учреждениями Смоленской губернии к уничтожению. Обязательно просматривались также описи дел учреждений тех губерний, в которых архивные комиссии отсутствовали. В отчете о деятельности комиссии за 1913 г. отмечалось, что члены комиссии работали с описями архивных дел Могилевского полицмейстера за 1864 – 1900 гг., Могилевского городского полицейского управления за 1883 – 1887 гг., Приставов полицейских частей г. Могилева за 1863 – 1900 гг. [1, л. 13].

Член архивной комиссии С.П. Колосов, проживавший постоянно в г. Кракове, разыскал в библиотеке Ягеллонского университета материалы, относившиеся к истории Смоленска, в том числе старинный план города Дорогобужа [1, л. 13об.].

Особое внимание уделялось сбору документов, содержащих сведения об Отечественной войне 1812 г. В частности, об этом говорил на заседании правления комиссии 16 июля 1913 г. заместитель председателя комиссии, вице-губернатор В.Ю. Фере [6, с. 7]. А еще ранее, в 1910 г., правление комиссии обращалось к жителям губернии с просьбой присылать имевшиеся у них материалы и предметы, относившиеся к Отечественной войне 1812 г.

В 1910-е гг. ученая архивная комиссия получила документы Смоленской контрольной палаты, Губернского правления, Казенной палаты, Канцелярии смоленского губернатора, Губернского казначейства. Частные лица неохотно откликались на просьбы комиссии о сдаче документов. В фонде комиссии в Государственном архиве Смоленской области имеются сведения о двух таких поступлениях. В 1910 г. на хранение поступил семейный архив дворян Вяземского

уезда Жегловых, в апреле 1912 г. – архив Рокачевских, имевший в своем составе документы по истории Рославльского уезда. Весной 1912 г. генерал-майор М.М. Громыко передал в комиссию для снятия копии подлинную рукописную биографию первого историка Смоленска, священника Н.А. Мурзакевича, составленную его сыном – священником Иоанном Мурзакевичем в 1856 г. [6, с. 10].

Существенные коррективы в работу комиссии внесла Первая мировая война. Общие собрания комиссии собирались редко. Многие ее члены были призваны в армию или занимались помощью раненым и беженцам в тылу. Однако работа с архивными документами хоть и замедлилась, но не была прекращена.

У членов комиссии возникла идея создания особого музея – архива войны. В январе 1915 г. этот вопрос рассматривался на заседании смоленского губернского земского собрания, которое поддержало идею и предложило организовать такой музей – архив при губернской земской управе.

К членам ученой архивной комиссии обратились с просьбами собирать письма солдат и офицеров с фронта, показывающие события военной жизни; собирать открытки, фотографии, карикатуры, записные книжки; записывать рассказы о войне [4, с. 40-41]. К сожалению, неизвестно, чем закончилась эта собирательская работа и сохранились ли какие-либо материалы, но музей – архив, в силу последующих объективных причин, не был создан.

Многие исторические даты и мероприятия члены ученой архивной комиссии стремились использовать в патриотических целях. В 1915 г. отмечалось 900-летие кончины около Смоленска святого князя Глеба Муромского. Во время торжественных мероприятий, состоявшихся 5 сентября 1915 г., в соборе был совершен молебен «о даровании победы российскому оружию», а после окончания богослужения на площади перед собором состоялся парад войск [4, с. 42-43].

Смоленская губернская ученая архивная комиссия – одна из немногих общественных организаций, сохранившаяся и в послереволюционное время. С началом революционных событий в 1917 г. особую важность приобрела проблема сохранения вотчинных архивов. 13 июня 1917 г. общее собрание ученой архивной комиссии постановило обратиться к владельцам имений с предложением о передаче в комиссию усадебных архивов.

Октябрьский переворот 1917 г. негативно повлиял на работу архивной комиссии. Она лишилась помещения, средств и не могла продолжать свою деятельность в прежнем объеме. Члены комиссии сетовали, что «не выяснился еще взгляд на архивную комиссию советской власти, но, тем не менее, деятельность комиссии не прекратилась и все внимание было обращено на сохранность ценной библиотеки комиссии и архивов г. Смоленска» [2, л. 1].

Драматичные моменты в судьбе архивных документов ярко описаны в отчете о деятельности комиссии за 1917 г. В Костыревской башне крепостной стены, в которой располагался исторический архив, а также и в других башнях с документами «неизвестные злоумышленники ломали замки, били окна, ломали двери, в архивах приводили дела в беспорядок, но принятыми своевременно мерами дела приводились вновь в порядок, исправлялись повреждения, испорченные и исчезнувшие замки заменялись новыми» [2, л. 1].

Отношение советской власти к работе комиссии стало известно в 1918 г. Именно тогда областной отдел народного образования оказал ей финансовую поддержку. В дальнейшем члены губернской ученой архивной комиссии продолжили работу по сохранению архивных и других культурных ценностей. Во многом благодаря их стараниям огромное количество документов сохранилось и было упорядочено для дальнейшей работы.

Деятельность смоленской губернской ученой архивной комиссии была весьма необходимой обществу для сохранения важных исторических документов, проведения исследований по обширной научной тематике. В историческом архиве комиссии было собрано более 17 500 дел. Создана библиотека, которая насчитывала более 3 200 изданий [5, с. 92]. Члены комиссии выпустили пять томов сборника «Смоленская старина». Некоторые из них продолжили свою работу уже в составе Смоленского губернского архивного управления. Их бесценный опыт был использован для дальнейшего развития архивного дела в Смоленской губернии.

1. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). – Ф. 52. Оп. 1. Д. 151.
2. ГАСО. – Ф. 52. Оп. 1. Д. 159.

3. Отчет Смоленской Ученой Архивной Комиссии за первый год ее существования (3 апреля 1908 г. – 3 апреля 1909 г.). – Смоленск: Типография П.А. Силина. – 1910. – 58 с.
4. Отчет о деятельности Смоленской Ученой Архивной Комиссии за 1914 и 1915 г. – Смоленск: Типография Я.Н. Подземского. – 1916. – 87 с.
5. Солодовникова, С.Л. Деятельность Смоленской губернской ученой архивной комиссии / С.Л. Солодовникова // Вестник архивиста. – 2009. – № 4. – С. 80-92.
6. Солодовникова, С.Л. История архивного дела в Смоленской области (1908 - 2004). / С.Л. Солодовникова. – Смоленск: Свиток, 2009. – 208 с.

Федосеева К.В.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С.И. АРХАНГЕЛЬСКОГО В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ (НГУАК)

Главными организациями Нижнего Новгорода, где велась научная историческая и источниковедческая работа, на момент окончания Сергеем Ивановичем Архангельским (1882-1958) Императорского Московского университета в 1907 г., являлись Нижегородский губернский статистический комитет, Нижегородская губернская ученая архивная комиссия, Художественный музей, Исторический музей и Земское статистическое бюро. В Нижнем Новгороде также было представлено отделение Московского археологического института. Таким образом, как отмечено в историографии, в городе «уже был накоплен опыт историко-краеведческой работы, сложились свои традиции, исследовательские кадры» [14, с. 18]. С.И. Архангельский, будущий известный советский ученый, англовед и методолог исторической науки, начал сотрудничать именно с НГУАК. Исключенный из Московского университета за участие в студенческих волнениях, Архангельский отбывал наказание в Нижегородском тюремном замке в период с 20 февраля 1902 г. по 20 мая 1902 г. Затем он был восстановлен и даже принял участие в поездке в Грецию в составе группы историко-филологического общества С.Н. Трубецкого при Университете. Путешествие длилось с 29 июля по 2 сентября 1903 г. Таким образом, в НГУАК С.И. Архангельский вступил в период между двумя этими событиями. Впервые его имя встречается в списке членов НГУАК 1902 г. [10, с. 54].

Первой работой С.И. Архангельского, написанной для НГУАК, был «Разбор сочинения Адама Шлейссинга «Описание Московского государства в царствование Петра и Иоанна, с прибавлением описания Сибири»», опубликованный в 1905 г. [1]. Среди выводов, к которым пришел Архангельский, можно отметить: «Шлейссинг щедро черпал сведения из Олеария и Герберштейна», «карта Сибири – «плод воображения автора»», «материалы Шлейссинга почти ничего не дает нового», «иностранцы в то время очень интересовались Московским государством, не имея притом никаких точных сведений» [1, с. 9]. Эта работа С.И. Архангельского нашла отражение в трудах В.В. Митрофанова, который, в частности, пересказал этот сюжет таким образом: «С.И. Архангельский в пору своей студенческой жизни, после публикации труда немецкого ученого в Нижнем, пишет свой интересный «Разбор сочинения Адама Шлейссинга...» [12]. В.П. Макарихин в фундаментальной работе, посвященной Губернским Архивным Комиссиям России, указал: «Сотрудники ГУАК подчас напрямую обращались к проблемам общероссийского характера... Труды западноевропейского путешественника А. Шлессинга исследовал С.И. Архангельский» [11, с. 48]. Действительно, на фоне других работ, представленных в «Действиях НГУАК», посвященных местной истории, изучению и введению в научный оборот архивных источников, статья С.И. Архангельского посвящена не характерной для НГУАК теме.

Последующие труды, написанные С.И. Архангельским в рамках сотрудничества с НГУАК, были подготовлены в рамках проектов: памятные даты и приуроченное к ним издание сборников статей и книг, изучение биографий деятелей, внесших значительный вклад в развитие страны, взаимодействие со столичными Губернскими Архивными Комиссиями. Работа С.И. Архангельского в НГУАК шла в двух направлениях. Первое и главное – научная работа. Административная работа – второе, сопутствующее. При этом в историографии эта тема никогда не звучала. Между тем, из Журналов Заседаний НГУАК следует, что с момента вступления в организацию, С.И. Архангельский входил в различные Комиссии при ней. С 1909 г., когда А.А. Савельевым на очередном заседании НГУАК был поставлен вопрос об изучении «вопроса об освобождении крестьян в Нижегородской губернии в канун 50-тилетия крестьянской реформы,

«не касаясь вообще крестьянского вопроса» [8, с. 4], С.И. Архангельский вошел в комиссию по сбору материалов для этой работы. Вместе с Архангельским в Комиссию входили В.Е. Чешихин, А.И. Звездин, А.Я. Садовский и Н.Н. Иорданский. Вопросы для изучения были сформулированы А.А. Савельевым и Н.Н. Иорданским: как крестьянство относилось к крепостному праву? как крестьянство толковало Манифест об освобождении? было ли довольно своим освобождением? Н.Н. Иорданский предложил распространить «опросные листы» среди учителей и крестьян. Из Журналов НГУАК следует, что эти анкеты не были одобрены властями.

Фонд НГУАК постоянно пополнялся пожертвованиями из личных и ведомственных библиотек, газетами и другой литературой. Назревал вопрос об их разборе. Была организована соответствующая Комиссия. Кроме растущего количества книг, в 1909 г. Н.Н. Иорданский была обозначена проблема пропажи книг из НГУАК. «Было постановлено проверить этот список через особую комиссию» [8, с. 16]. В это комиссию вошел и С.И. Архангельский. Комиссия по разбору книг (или Библиотечная Комиссия) регулярно предоставляла Отчеты о своей работе [13]. Из них следует, что членами НГУАК была проделана значительная работа по систематизации и описанию книг [13, с. 44]. С этого периода уместно говорить о том, что одним из направлений работы С.И. Архангельского станет пополнение и систематизация книг.

Еще в 1910 г. А.И. Звездин «докладывал» НГУАК «о его поездке с А.К. Кабановым в с. Симбилеи – имение Орловых-Давыдовых для ознакомления на месте с их вотчинным архивом. Тогда же был возбужден вопрос о передаче Симбилейского архива в распоряжение Архивной комиссии. С.И. Архангельский, как активный деятель НГУАК, принимал участие в изучении Архива. Результатом этой работы станет публикация в 1929 г. статьи «Симбилейская вотчина Вл. Гр. Орлова (1791-1800 гг.)» [7].

В 1912 г. НГУАК выпустила несколько сборников, посвященных 100-летию Отечественной войны 1812 г. и 300-летию Смуты. Архангельский принимал участие в этой работе. Наиболее крупный вклад он внес в изучение Отечественной войны 1812 г. как публикатор источников. Под его редакцией в 1916 г. вышел сборник Действий НГУАК, целиком посвященный вводу в научный оборот архивных материалов по теме «В память Отечественной войны 1812 г.» [2]. Сборник предваряла вступительная статья С.И. Архангельского. Он указал цели и задачи публикации: «Нижегородская ученая архивная комиссия постановила издать сборник материалов, освещающих жизнь Нижегородского края в памятную годовщину Отечественной войны 1812 года. Взятый из местных архивов: дворянского, городского и губернского правления материал естественно распадался на две части: одна относилась к сбору средств на ведение войны; другая – к сбору воинов и организации ополчения. Первый выпуск XVIII тома, выходящий ныне в свет, включает в себе документы, освещающие вопрос о средствах, предоставленных сословиям Нижегородской губернии на ведение Отечественной войны 1812 г.» [2, с. 3].

Что касается изучения Смутного времени, темы, которая активно разрабатывалась Губернскими архивными комиссиями, то в фонде С.И. Архангельского в АРАН отложились материалы А.К. Кабанова, которые он заказывал из Министерства Юстиции. Вероятно, А.К. Кабанов успел приступить к систематизации архивных документов, так как в Личном фонде Архангельского хранятся многочисленные карточки, в которых описываются Дела из Министерства Юстиции. С.И. Архангельский неоднократно обращался к теме Смуты в публичных лекциях, которые читал в эти годы [6].

Крупным проектом НГУАК, в котором принимал участие С.И. Архангельский, было издание материалов к биографиям историков Степана Васильевича Ешевского (1829-1865) и Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (1829-1897) вместе с другими членами НГУАК, главным образом, с А.К. Кабановым и В.Е. Чешихиным. Изучение биографий этих деятелей стало продолжением работы НГУАК по изучению Нижегородской Губернской гимназии и составлению списка литературных и научных деятелей Нижегородского Поволжья. В 1926 г. Архангельскому удалось опубликовать статью «К.Н. Бестужев-Рюмин». Но опубликовал он ее уже в Сборнике научных трудов ННОИМК, а не НГУАК [4]. После упразднения НГУАК он неоднократно обращался к деятельности первого поколения нижегородских краеведов П.И. Мельникова-Печерского, В.Г. Короленко, А.С. Гацисского [5, 9], А.Я. Садовского, Н.Ф. Ржига и др. Историк впоследствии много размышлял о становлении и развитии нижегородского краеведения.

В 1916 г. в «Журнале Министерства Народного Просвещения» вышла работа С.И. Архангельского «Исторические взгляды Ешевского» [3]. Но в этой работе С.И. Архангельский обратился к творчеству С.В. Ешевского как историк-медиевист, а не как краевед. С.В. Ешевский интересовал С.И. Архангельского именно как серьезный ученый, а не только и не столько, сколько известная личность, чьи гимназические годы прошли на нижегородской земле.

1. Архангельский, С. И. Разбор сочинения Адама Шлейссинга «Описание Московского государства в царствование Петра и Иоанна, с прибавлением описания Сибири» / С. И. Архангельский // Действия НГУАК: Сборник статей, сообщений, описей дел и документов: Т. [1]-18 / Нижегородская ученая архивная комиссия. – Нижний Новгород. – 1905. – Т. 6. – С. 3–9.
2. Архангельский, С. И. Вступительная статья к сборнику / С. И. Архангельский // Действия НГУАК: Сб. статей, сообщений, описей дел и документов: Т. [1]–18 / Нижегородская ученая архивная комиссия. – Нижний Новгород, 1888–1916. – 44 т. Т. 18: В память Отечественной войны 1812 года. Материалы по истории Нижегородского края в эпоху Отечественной войны 1812 г., вып. 1: Финансы / под ред. С. И. Архангельского. – 1916. – С. 1–2.
3. Архангельский, С. И. Исторические взгляды Ешевского / С. И. Архангельский // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1916. – № 6. – С. 113–126.
4. Архангельский, С. И. К. Н. Бестужев-Рюмин / С. И. Архангельский // Сб. науч. тр. Нижегородского научного общества по изучению местного края. – Нижний Новгород. – 1926. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 58–65.
5. Архангельский, С. И. Основы и метод краеведческой работы А. С. Гациского / С. И. Архангельский // Краеведение. – 1930. – № 10. – С. 585–593.
6. Архангельский, С. И. Роль патриарха Гермогена в событиях Смуты / С. И. Архангельский // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского подвига. – Нижний Новгород : Кварц, 2012. – С. 35–38.
7. Архангельский, С. И. Симбирейская вотчина Вл. Гр. Орлова (1791–1800 гг.) / С. И. Архангельский // Нижегородский краеведческий сборник: Нижний Новгород. – 1929. – Т. II. – С. 166–192.
8. Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: Сборник статей, сообщений, описей дел и документов: Т. [1]–18 / Нижегородская ученая архивная комиссия. – Нижний Новгород, 1888–1916. – 44 т. Заседания 100–105: с 15 сентября [22 октября] 1909 года по 20 января 1910 года: список членов комиссии. – 1910. – 68 с.
9. Егорова, Н. П. Наследие нижегородского краеведа А. С. Гациского в оценке С. И. Архангельского / Н. П. Егорова // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 40. – С. 345–352.
10. Заедания [НГУАК – авт.] 58-68: с 25-го мая 1901 г. по 2-е марта 1903 г. и журнал экстренного заседания 27 апреля 1903 г. в память 10-летия со дня кончины А. С. Гациского. – [1903 г.]. – 68 с.
11. Макарихин, В. П. Губернские ученые архивные комиссии России / В. П. Макарихин. – Нижний Новгород : Волго-Вятское кн. изд-во, 1991. – 120 с.
12. Митрофанов, В. В. «...Позвольте мне обратиться к Вам как знатоку эпохи Смутного времени»: письмо А. А. Савельева к С. Ф. Платонову / В. В. Митрофанов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2016. – № 2. – С. 49–71.
13. Основной каталог Библиотеки Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (по 22 октября 1910 г.). – Нижний Новгород : НГУАК, 1911. – 260 с.
14. Тамбовцева, Н. Н. Историческое краеведение в Нижегородской губернии 20-х годов XX века : автореф. на соиск. канд. ист. наук / Н. Н. Тамбовцева. – Нижний Новгород, 2002. – 24 с.

Воробьева И.Г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ТУАК А.К. ЖИЗНЕВСКИЙ – УРОЖЕНЕЦ ВИТЕБСКОЙ ЗЕМЛИ

В 2019 г. исполняется 135 лет со дня открытия первых четырех в России губернских архивных комиссий. В их числе – Тверская ученая архивная комиссия (ТУАК). Ее первый председатель Август Казимирович Жизневский (1819–1896) сумел создать в Твери научный и культурно-просветительский центр, плодотворная работа которого получила общероссийское признание. О деятельности ТУАК имеется обширная историография, сошлюсь на ее обзор, сделанный коллегой из С-Петербургского университета [13]. Однако открытыми остаются вопросы о личных качествах первого председателя, его профессиональной подготовке и организаторских способностях. Ответить на них позволяет значительный архивный фонд ТУАК, а также переписка самого А.К. Жизневского, хранящаяся в столичных архивах и не полностью изученная.

Август Казимирович Жизневский родился в Полоцке 26 августа 1819 г. В архивном фонде ТУАК имеется «Свидетельство Могилевской римско-католической духовной консистории о

рождении и крещении», «Свидетельство конфирмации Витебского вице-декана от 25 июня 1837 г.» и паспорт Витебского губернского правления от 3 июня 1837 г. за № 14462 [3].

А.К. Жизневский был из обер-офицерских детей, т.е. рожденным до получения его отцом чина, дававшего потомственное дворянство. Земельных владений, как указано в его формулярных списках, у родителей не было [4]. Начальное образование он получил в Полоцком уездном дворянском училище, в 1834 г. поступил в пятый класс Витебской губернской гимназии и «при поведении хорошем, в преподаваемых предметах оказал успехи» окончил курс в 1837 г. [3]. Имя Августа Жизневского указано в списке выпускников гимназии в книге А.П. Сапунова [11]. В аттестате за № 1115, представленном в канцелярию Московского университета, названы полученные им в гимназии оценки. Хорошие знания ученик Жизневский показал по предметам: Закон Божий, российская словесность, латинский язык, математика, история, география, статистика, физика, немецкий язык: посредственные знания по французскому языку, чистописанию, черчению и рисованию [3].

Витебский период жизни Жизневского, к сожалению, не отражен в его воспоминаниях, в числе его корреспондентов не встречены имена выпускников и преподавателей гимназии. Но в 1895 г. он опубликовал отдельным изданием письма И.И. Лажечникова, который в 1853 г. после службы в Твери был направлен в Витебск на должность вице-губернатора. И.И. Лажечникову новое место не понравилось: «Витебск грустный, город сонный... Тверь просто красавица перед здешним городом» [8, с. 213]. Однако он замечал: «Витебск окружен живописными местами, которые и в настоящее время радуют взоры и сердце... Двина наша еще в последних числах марта сбросила свою ледяную броню: что-то Ваша Волга?» [8, с. 218]. И.И. Лажечников, вероятно, не знал о витебском периоде в жизни Жизневского, приглашал его в гости, обстоятельно описывая дорогу: «поезжайте через Можайск и Смоленск». Но Жизневский не посетил его, а тот вскоре вернулся в Москву. Скорей всего, в Витебске у Августа Казимировича не осталось родных. Известно, что его брат Иосиф рано умер и Жизневский приютил в Твери его вдову с дочерью.

В 1837 г. своекоштный студент Жизневский, сдав вступительный экзамен, продолжил обучение в Императорском Московском университете на 2-м отделении философского факультета. В университет, кроме выше, названных документов, он представил свидетельство Витебской гражданской полиции от 23 сентября 1837 г. за № 5321 о непринадлежности к мятежу [3].

Московский университет на рубеже 1830–1840-х гг. был на подъеме. Новый попечитель учебного округа граф С.Г. Строганов собрал в здании на Моховой лучшие научные и педагогические кадры страны, избавил учебное заведение от мелочной опеки, чем завоевал на многие годы уважение студентов и преподавателей.

В личных документах Жизневского имеются распоряжения за подписью ректора университета Т. Каченовского и декана В. Перевощикова о лекциях, которые студент обязан прослушать за четыре года обучения [3]. На 2-м отделении философского факультета обучали естественным наукам (математика, физика, химия, оптика, астрономия, статистика, ботаника, зоология), социальные и гуманитарные науки не преподавались, но студенты имели право посещать и другие лекции.

Университетские годы явились значимым периодом в жизни Жизневского. Сам он рассказывал друзьям, что «кремлевская древность пробудила в нем первую любовь к историческим поискам» [1, с. 607]. Диплом Московского университета давал ему возможность общаться на равных с другими выпускниками, которых он встретил немало за свою активную жизнь.

По окончании университетского курса Жизневский поступил на государственную службу, на которой состоял до 1896 г. Служебная карьера его началась в Москве в ведомстве Министерства юстиции. Позднее при участии самарского губернатора К.К. Грота он перешел в финансовое ведомство и в должности управляющего казенной палаты дослужился до тайного советника.

В Твери Жизневский жил с перерывами почти 40 лет. В 1872 г. он был избран на должность помощника председателя Тверского губернского статистического комитета. В XIX веке статистику понимали как науку, изучающую очень широкий спектр общественных проблем. Статистические комитеты в силу своего государственно-общественного статуса положили начало формированию системы провинциальных научных и культурно-просветительских обществ.

Именно Тверской статистический комитет инициировал создание в 1866 г. музея. Жизневский пришел в Тверской музей когда ему было уже 52 года. Ему «уже поздно было начинать учиться, а особой подготовки к занятиям археологией он не имел, как и большинство образованных людей; но Август Казимирович всегда отличался чисто юношеской горячностью к делу и не смущаясь начал это крупное дело» [7, с. 2].

Увлеченность помогла Жизневскому приступить к работе, но чтобы ее продолжить, тем более успешно, нужны были конкретные знания. В университете он их не получил и мог рассчитывать только на личные и научные контакты с профессионалами. Научные связи предстояло сформировать и постоянно расширять и поддерживать. Государственная служба позволяла чиновнику Жизневскому бывать в столицах, знакомиться с людьми [2]. В Москве действовало Археологическое общество, в 1873 г. в музей для осмотра археологического отдела был приглашен его руководитель граф А.С. Уваров. Позднее он еще раз был в Твери, «занимался изучением памятников местной истории. Его не утомили ни непрерывные осмотры древностей, ни беседы, веденные далеко за полночь» [5, с. 39]. При содействии А.С. Уварова Жизневский в издании «Древности МАО» опубликовал три выпуска «Описание Тверского музея». По организации музейного дела он консультировался с создателем Исторического музея И.Е. Забелиным (родившимся в Твери), основателем Музея изящных искусств И.В. Цветаевым, знатоками русского искусства В.В. Стасовым, Д.А. Ровинским, И.А. Шляпкиным.

Не ставя задачу рассмотреть все формы и способы пополнения коллекции музея, обращу внимание на сюжет, связанный с белорусской землей. Пытаясь дополнить залы музея историческим экспонатом, Жизневский в течение нескольких лет проводил розыски мужского портрета, хранившегося в замке Радзивиллов близ Несвижа [6]. По легенде, на нем был изображен последний тверской князь Михаил Борисович, который бежал в Литву и умер на чужбине в 1505 г. К разысканиям портрета Жизневский привлек многих авторитетных специалистов, в том числе В.В. Стасова и К.Я. Грота. В итоге была получена и выставлена в музее хорошая фотокопия портрета. Ныне оригинал находится в Национальном художественном музее Республики Беларусь. Но искусствоведы утверждают, что изображен неизвестный шляхтич.

Музейная деятельность в Твери была замечена, и при открытии в 1884 г. архивных комиссий сенатор Н.В. Калачов говорил: «Из четырех губерний... Тверская занимает, бесспорно, первое место не только как губерния, усеянная, так сказать, древностями разного рода, но и обладающая выдающимися деятелями по собиранию и по описанию этих древностей» [10, с. 1].

Несомненно, был учтен опыт и авторитет Жизневского, его избрали председателем, он же формировал состав из числа местных дворян, духовенства, чиновников, учителей. Комиссия на своих заседаниях рассматривала и кандидатуры приглашенных ученых из столицы. По сохранившейся переписки видно, что большое содействие деятельности комиссии оказали члены семьи академика Я.К. Грота, университетские профессора Н.А. Попов, И.А. Шляпкин, А.П. Богданов. Удивительно плодотворное общение католика Жизневского с православными иерархами, особенно с архиепископом Тверским и Кашинским Саввой, благодаря чему была произведена реставрация древнейшего храма (1389 г.) Архангела Михаила в селе Микулино-Городище Старицкого уезда.

Комиссии создавались как органы, призванные сохранить архивы на местах, но их задачей был розыск и публикация исторических документов, памятников письменности [9]. Имеющаяся сейчас в Твери великолепная коллекция старорусских книг и церковно-славянских рукописей – заслуга членов ТУАК. В числе рукописей – автограф хорватского миссионера XVII в. Юрия Крижанича «Объяснение виводно о письме словенском», найденный членом ТУАК учителем В.И. Колосовым [12]. В тексте рассмотрены и особенности белорусского языка, по мнению автора, «смешенного русского с польским».

В конце жизни Жизневскому удалось убедить губернатора в перемещении музея в западное крыло Императорского путевого дворца. ТУАК приобрел здание и для Исторического архива. Увы, сегодня экспозиция музея в Твери закрыта, но камень с именами его основателей установлен.

При жизни деятельность Жизневского как государственного чиновника была отмечена наградами, а его научные и культурно-просветительские заслуги – избранием в 1888 г. почетным гражданином Твери. Поражают свидетельства древних связей Тверской и Витебской земли:

первый тверской епископ Симеон – уроженец Полоцка, первый председатель ТУАК А.К. Жизневский также из Полоцка.

1. А.О. Памяти А.К. Жизневского [Некролог] / Послесловие П.И. Бартенева // Русский архив. – 1896. – Кн. 2. – Вып. 8. – С. 603–607.
2. Воробьева, И. Г. Август Казимирович Жизневский и семья академика Я. К. Грота / И. Г. Воробьева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2018. – № 2. – С. 17–33.
3. Государственный архив Тверской области (ГАТО) – Ф. 130. Оп. 1. Д. 463.
4. Государственный архив Тверской области (ГАТО) – Ф. 312. Оп. 4. Д. 7691.
5. Жизневский, А. К. Об отношениях графа Алексея Сергеевича Уварова к Тверскому музею древностей / А. К. Жизневский // Незабвенной памяти графа А.С. Уварова. – М., 1885. – С. 39–44.
6. Жизневский, А. К. Портрет Великого князя Михаила Борисовича / А. К. Жизневский. – Тверь, 1889. – 10 с.
7. Колосов, В. И. Памяти А.К. Жизневского / В. И. Колосов. – Тверь, 1896. – С. 4.
8. Лажечников и Тверской край: Статьи и материалы / ред. А. Ю. Сорочан. – Тверь : Марина, 2005. – 272 с.
9. Некрасова, Н. В. Археографическая деятельность тверских историописателей в конце XIX – начале XX в. / Н. В. Некрасова // Актуальные проблемы источниковедения: материалы III Международной научно-практической конференции, Витебск, 8–9 октября 2015 г. / Вит. гос.ун-т; редкол.: А. Н. Дулов и М. Ф. Румянцев и др. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. – С. 117–120.
10. Открытие Тверской ученой архивной комиссии. – Тверь, 1887. – С. 2.
11. Сапунов, А. Историческая записка 75-летия Витебской гимназии / А. Сапунов. – Витебск: Типография губернского правления, 1884. – 348 с.
12. Тверская рукопись Юрия Крижанича / сост. И. Г. Воробьева, В. М. Воробьев. – Тверь : Сатори, 2008. – 224 с.
13. Штыков, Н. В. Тверская ученая архивная комиссия: формирование, деятельность, наследие (1884 – 1923 гг.) / Н. В. Штыков // Отечественные архивы. – 2018. – № 4. – С. 9–20.

Митрофанов В.В.

УЧЕННЫЕ АРХИВНЫЕ КОМИССИИ И ПОПЫТКИ ИХ ОТКРЫТИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ

В конце XIX в. на основании Положения от 13 апреля 1884 г., разработанным академиком Н.В. Калачевым «Об учреждении в России ученых архивных комиссий и исторических архивов» [19, с. 457–458] и утвержденным Александром III, начинается более чем 30-летний период их создания и активной деятельности. Это время можно назвать уникальным в развитии краеведческого, архивного, музейного и библиотечного строительства, археологических раскопок в ряде регионов российской провинции.

Вскоре, после первого положительного опыта создания комиссий в Европейской части империи, они возникают в Предуралье – в 1887 г. Оренбургская, но активную деятельность развернула лишь в 1895 г. [6, с. 80–81], в 1888 г. Пермская. По сведениям А.В. Гурьевой, «в ПУАК присылались описи из Вятской и Тобольской губерний» [5, с. 17].

Создание архивных комиссий в Сибири представляет, безусловно, историографический интерес. Необходимо констатировать, что этот процесс шел, но с большим опозданием. Он был активизирован изданием «Инструкции о порядке и способах уничтожения решенных дел по губернским правлениям и учреждениям министерства внутренних дел, подведомственным сим правлениям» от 19 июля 1909 г. [16, с. 26–35].

Первой комиссией за Уралом, перешагнув Западную Сибирь, стала Иркутская, она ведет историю с 1911 г. [7], на следующий год создается самая восточная – Якутская [10, с.135]. Последняя просуществовала недолго, но оставила о себе память в виде печатного издания [22].

Следовательно, на огромном пространстве от Урала до Тихого океана за период с 1884 до начала 1917 г. успели создать только две архивные комиссии, при этом полноценно функционировала и провела значительную организационную, научно-исследовательскую, публикаторскую археологическую работу только Иркутская [7]. Об ее авторитете свидетельствует и территория, на которую она распространяла свою деятельность: Иркутская, Енисейская губернии, Забайкальская, Семипалатинская, Томская, Омская, Амурская области, Приморье, а порой и Якутию [26].

Естественно, что оторванная от научных центров Иркутская архивная комиссия, при ограниченности интеллектуальных ресурсов, вынуждена свою деятельность вести с учетом конкретных условий, отличавшие ее от подобных комиссий других губерний.

Имеющиеся архивные документы позволяют проследить попытки учреждения архивных комиссий и в других губерниях Зауралья.

Томский губернатор И. И. Красовской инициировал открытие местной ГУАК. Он, 29 ноября 1884 г. направил Н. В. Калачеву – директору Санкт-Петербургского Археологического института, курировавшему деятельность создаваемых архивных комиссий, ходатайство с просьбой об открытии в Томске архивной комиссии и архива. Об этом косвенно свидетельствует и Л. Ф. Писарькова, ссылаясь на сведения В.С. Иконникова[8], что в 1884 г. официальные прошения о желании содействовать открытию архивных комиссий Н.В. Калачеву поступали «не только из внутренних губерний России, но и из Сибири» [18, с. 191].

Н. В. Калачев, который по Положению принимал решение об открытии комиссий по согласованию с губернаторами, дал отрицательный ответ и то только через пять месяцев, чем подчеркнул свое скептическое отношение к задуманному делу. Хотя свое согласие стать членами комиссии давали предприниматель П. Макушин (известный своими пожертвованиями), популярный писатель Н. Наумов и «другие не менее достойные граждане». В ответе Н. В. Калачева писал: «... При разборе бумаг и дел в разных архивах необходим будет самый бдительный надзор, чтобы документы не сделались предметом эксплуатации неблагонадежных людей, что невозможно, пока некоторые архивы, каких в настоящее время много в Западной Сибири, заколочены и недоступны» [3, с. 6].

Второй раз к вопросу создания Томской архивной комиссии вернулись в начале XX в. С.Ф. Фоминых и С.А. Некрылов утверждают, ссылаясь на журнал заседания совета императорского Томского университета, что «в Томске среди любителей местной истории возбужден уже вопрос об открытии в Томске ученой архивной комиссии и губернского исторического архива» [14, с. 23].

Ряд исследователей, без ссылок на первоисточники, констатируют, что Томская ученая архивная комиссия, была создана в 1915 г. [10, с. 135], члены которой, по сведениям К.В. Фадеева, «приступили к планомерной работе по сбору и систематизации архивных документов». При этом исследователь отмечает, что «при ограниченности сил и средств архивная комиссия не смогла более или менее широко развернуть свою деятельность» [23]. 22 апреля 1915 г. А. Куломзин направил в числе других В.И. Дудинскому (был Томским губернатором с 1913 г. по март 1917 г.) письмо с предложением учредить в Томске ученую архивную комиссию [20, ф. 776, д. 163, л.1]. Необходимо подчеркнуть, что в фондах Государственного архива Томской области документов комиссии нет. В то же время А. И. Констанов среди членов комиссии называет профессоров Н. Я. Новомбергского и Н. Н. Бакая, «известных своими работами по источниковедению и историографии Сибири» [12, с. 6]. В «Справочнике научных обществ России» сведений о ней нет. Не упоминается Томская ГУАК и Н. В. Бржостовской [2]. Это обстоятельство ставит под сомнение деятельность этой комиссии, косвенным подтверждением этому является отсутствие ссылок исследователей, упоминающих комиссию, как созданную, на архивные или опубликованные материалы.

22 апреля 1915 г. были направлены письма к начальникам 21 губерний и области с просьбой «оказать содействие в организации архивных комиссий на подведомственных им территориях» [4, д. 149, л. 197], предлагалось их открыть в Степном крае (Омск), Томской, Приамурской и Тобольской губерниях [4, д. 162, л. 1-1об.]. Действительно в архиве имеется шаблонное письмо со следующим текстом: «Его превосходительству А. А. Станкевичу (губернатор в 1912–1915 гг. – В. М.). Тобольск. 22 апреля 1915 г. №309. Милостивый государь, Андрей Афанасьевич. Его Императорскому Величеству Государю Императору благоугодно было отнестись с особо милостивым вниманием к трудам I съезда губернских ученых архивных комиссий... и выразил свое согласие на принятие всех ГУАК и соответствующих им установлений под высочайшее свое покровительство. Согласно одному из... постановлений съезда решено... принять меры для увеличения числа архивных комиссий, так чтобы одна из них приходилась на каждую губернию.

В силу сего постановления... имею честь обратиться к Вашему (далее пропущено место для написания чина к кому обращаются – В. М.) с ходатайством не найдете ли Вы возможности поднять вопрос об учреждении ученой архивной комиссии во вверенной Вам губернии. А. Куломзин. В архиве имеется «Дело об учреждении Тобольской ученой архивной комиссии» [4, д. 162, л. 1–1 об.].

М. В. Штергер, отсылая к «Сибирской советской энциклопедии» [21, с. 142], к 1915 г. же относит начало работы и Тобольской ГУАК [27], но также не подтверждает фактами. Упоминаний о существовании комиссии нет и в не давно защищенной диссертационной работе, посвященной краеведческой деятельности в Тобольской губернии [9]. Хотя, сведения о ее открытии встречаются [10, с. 135]. Не отождествляется ли в данном случае с губернской архивной комиссией архивная комиссия при Тобольском братстве св. Димитрия Солунского, созданная в 1902 г. [25, с. 141–148].

Иногда приводятся сведения о Енисейской архивной комиссии. Среди первых инициаторов открытия Енисейской ГУАК следует назвать Н. Н. Бакая, который «еще в досоветский период был активным сторонником организации в крупнейших сибирских городах ученых архивных комиссий для отбора дел, ценных в историческом смысле, а не только необходимых для делопроизводства». Об этом свидетельствует и статья, написанная им в 1893 г., когда он проживал в Красноярске [1, л. 13]. Но такой комиссии создано не было, не упоминается она и в Исторической энциклопедии Сибири. Подтверждением этой точки зрения является работа В. В. Хориной [24, с. 30–35], где указывается Енисейское церковно-историко-археологическое общество [17]. А если учитывать важную роль духовенства, представители которого были членами во всех архивных комиссиях, то следует вопрос: не отождествляются ли эти научные общества.

Имеются малоизвестные факты и о предпринятых усилиях по открытию ГУАК в Омске. Генерал-губернатор Степного края Г. А. Колпаковский отношением за №3464 на имя Н. В. Калачева уведомлял об открытии в Омске архивной комиссии [4, д. 149, л. 1-3].

Ссылаясь на циркуляр министра Внутренних дел об учреждении ГУАК и исторических архивов при них, 18 мая 1885 г. Г. А. Колпаковский направил другое письмо директору Археологического института, где он информировался о находящемся в Омске при канцелярии генерал-губернатора архива Главного Управления Западной Сибири «весьма обширного» и «содержащего ценные материалы» по истории управления краем, «важные в научном отношении». Подобный архив, «хотя и несколько меньший», однако «не менее ценный», находился также в Акмолинском Областном Правлении. Основой архивов должны были стать материалы, имеющие «научный интерес», именно таковые необходимо было выделить из большого количества дел, подлежащих «по закону уничтожению». Ввиду изложенного, высокопоставленный чиновник испрашивал разрешение «признать полезным» учреждение архивной комиссии в Омске. В документе указывалось, что «лиц, которых можно было бы пригласить к участию в комиссии» на месте нет, а «обремененные обширными занятиями» чиновники могут оказывать только «второстепенную» роль. Поэтому надеялся на помощь Н. В. Калачева в подборе кадров, обещая со своей стороны «самое широкое содействие» [4, д. 149, л. 1-3]. Но инициатива осталась без последствий.

Н. В. Калачев своим отношением от 15 июня 1895 г. председателю архивной комиссии при Западно-Сибирском отделе императорского Русского географического общества А. Н. Труворову, где информировал его о возбуждении ходатайства новым генерал-губернатором края бароном М. А. Таубе [занимал пост Степного генерал-губернатора с 1890 по 1901 гг.] о распространении на вновь образованную комиссию всех «тех прав, которыми пользуются» все другие ГУАК относительно «разбора архивных дел и составления исторического архива» [4, д. 149, л. 1-3]. В 1894 г. при Отделе была организована «Археологическая комиссия» под председательством А. П. Плахова.

По сведениям М. В. Штергер, отказ предоставить права Губернской учёной архивной комиссии археологической комиссии Отдела был обоснован отличием в направлениях деятельности этих комиссий и главным образом разными источниками финансирования [27] (средства ЗСОИРОГО составлялись из ежегодно отпускаемых казённых субсидий (2000 руб.) членских взносов) [11, л. 46].

Деятельность архивных комиссий расширялась, а их образование продолжалось до 1917 г., точнее до конца 1916 г. В результате предпринятых мер в течение 1914–1916 гг. было создано 8 новых комиссий и их количество с 31 достигло 39 (Укажем, что исследователи называют разное число комиссий, хотя разница и небольшая. Относительно указанной цифры – плюс 2–3 комиссии), предполагалось же открыть всего 56 комиссий.

Если с 1884 г. активность губернаторов сдерживалась Н. В. Калачевым, не знакомым с положением дел в сибирских городах и регионах к тому же не имевшим в своем распоряжении достаточных средств для поддержания новых обществ, то с 1915 г. уже сама политическая система России не располагала к этому движению.

Следовательно, сегодня мы можем констатировать, что за Уралом было создано до 1917 г. только две ГУАК (Иркутская и Якутская), попытки открытия Тобольской, Енисейской, Омской закончились безрезультатно, а деятельность Томской, если она была создана, должна быть подтверждена письменными источниками.

1. Бакай, Н. Н. К вопросу об учреждении в Красноярске Енисейской губернской ученой архивной комиссии / Н.Н. Бакай // Государственный архив Томской области. – Ф. Р-1951. Оп.1. Д.62. Л.13.
2. Бржостовская, Н. В. Губернские ученые архивные комиссии / Н. В. Бржостовская // Советская историческая энциклопедия. В 16 т. – М. : Советская энциклопедия, 1961–1976.
3. Гахов, В. Жил, был архив / В. Гахов // Красное знамя. –2004. –№ 33 (25113). – 13 марта. – С. 6.
4. Городской центральный исторический архив Санкт-Петербурга (далее-ГЦИА). – Ф. 119. Оп.1. Д. 149. Л.1–3, 197; Д. 162. Л. 1-1 об. .
5. Гурьева, А. В. Вклад Пермской губернской ученой архивной комиссии в развитие научного краеведения на Урале в конце XIX – начале XX вв./А.В. Гурьева // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр.– Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2008. Вып. 9. –С. 17.
6. Зобов, Ю. С. Роль Оренбургской ученой архивной комиссии в становлении исторического краеведения на южном Урале / Ю.С. Зобов // II Всесоюзная конференция по историческому краеведению. Апрель 1989. Тез.докл., и сообщ. – Пенза, 1989.–С. 80–81.
7. Из отчета о деятельности Иркутской губернской ученой архивной комиссии со дня ее открытия в 1911 г. // Труды Иркутской губернской ученой архивной комиссии. – Иркутск, 1913. – Вып. 1.
8. Иконников, В. С. Губернские ученые архивные комиссии (1884–1890) / В. С. Иконников. – Киев : Тип. Имп. Ун-та св. Владимира В. И. Завадского, 1892. –36 с.
9. Исламова, Д. Государственное краеведение и музейное дело Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф. дис... к.и.н. – Челябинск, 2011. –24 с.
10. Историческая энциклопедия Сибири: В 3-х т./Гл. ред. В. А. Ламин. –Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. –Т. 1. –С. 135.
11. Исторический архив Омской области. – Ф. 86. –Оп.1. –Д. 88. –Л. 46.
12. Костанов, А. И. История формирования, сохранения и использования документального наследия Сибири и Дальнего (конец XVI – первая четверть XX вв.) / А. И. Костанов. Автореф. дис..... д.и.н. – М., 2010. –С. 6.
13. Лыскова, В. Ц. Деятельность Иркутской ГУАК по собиранию и популяризации исторических источников / В.Ц. Лыскова // Отечественные архивы. –2004. – № 2.–С.23–31.
14. Некрылов, С. А. Томский период деятельности профессора русского права И. А. Малиновского / С. А. Некрылов, С. Ф. Фоминых // Вестник Томского государственного университета. –2012. – №4(20). –С. 23.
15. Нерпин, И. Документ об истории управления Якутским краем в XVIII в. / И. Нерпин // Труды Иркутской губернской ученой архивной комиссии. – Иркутск : Электро-тип. Т-ва «М. П. Окунев и К», 1913. –Вып. 1.
16. О порядке и способах уничтожения решенных дел по губернским правлениям и по учреждениям ведомства Министерства Внутренних Дел, подведомственным сим правлениям: Инструкция (утв. Министром внутренних дел 19 июня 1909 г.) // Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. – Пг. :Тип-я Министерства земледелия, 1917.Т.2. –С. 27–35.
17. Открытие церковного историко-археологического общества // Енисейские Епархиальные Ведомости. –1912. – № 6.
18. Писарькова, Л. Ф. губернские ученые архивные комиссии: организация численность и условия деятельности / Л. Ф. Писарькова // Археологический ежегодник за 1989 год. – М. : Наука, 1990. –С. 191.
19. Положение об учреждении архивных комиссий и исторических архивов // Сб. циркуляров МВД за 1880–1886 гг. – СПб., 1886. –С. 457–458.
20. Российский Государственный исторический архив. –Ф. 776. –Д. 163. –Л. 1.
21. Сибирская советская энциклопедия. – М. : ОГИЗ, 1929. – Т. 1. –С. 142.
22. Стрелов, Е. Д. Акты архивов Якутской области (с 1650 г. до 1800г.) / Е. Д. Стрелов. –Якутск : тип.Областного Управления, 1916. –Т.1. – 339 с.
23. Фадеев, К. В. Складывание исторического краеведения в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX века [Электронный ресурс] / К. В. Фадеев // III научные чтения памяти Ю. С. Булыгина. – Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru>. – Дата доступа: 01.03.2019.
24. Хорина, В. В. О роли православного духовенства в изучении Енисейской губернии (последняя четверть XIX – начала XX в.) / В. В. Хорина // Вестник Томского Государственного Педагогического университета. –2012. – № 3(118). – С. 30–35.
25. Чернышов, А. В. Архивная комиссия при Тобольском братстве св. Димитрия Солунского как историко-научный центр сибирского православия / А. В. Чернышов // Историко-краеведческий журнал «Лукич». – Екатеринбург, 1999. –Ч. 1 (февр. 1999). –С. 141–148.
26. Чирикова, М. В. Формирование и деятельность Иркутской губернской ученой архивной комиссии: Конец XIX в. –1920-й г. / М. В. Чирикова. Дис. ... к.и.н. –Иркутск, 2005. –283 с.
27. Штергер, М. В. Провинциальная историческая мысль последней трети XIX – начала XX вв.: По материалам Тобольска и Омска / М. В. Штергер. Дис... к.и.н. – Омск, 2003. –289 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверьянова Дина Владимировна – аспирант кафедры истории России Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова, г. Абакан (РФ).

Агеенко Татьяна Николаевна – ведущий научный сотрудник Национального архива Республики Беларусь, г. Минск.

Айдунова Татьяна Юрьевна – аспирант, старший преподаватель кафедры истории России Института истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону (РФ).

Амбарцумян Каринэ Размиковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь (РФ).

Антонович Зинаида Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Артамонова Надежда Яковлевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова, г. Абакан (РФ).

Архипова Татьяна Григорьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (РФ).

Афанасьева Юлия Анатольевна – студентка Гуманитарного института Курганского государственного университета (РФ).

Баранова Елена Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент, директор Центра социально-гуманитарной информатики Балтийского федерального университета имени И. Канта, г. Калининград (РФ).

Барановский Александр Викторович – аспирант Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Бартеле Татьяна Моисеевна – доктор истории, ведущий исследователь RISEBA (Высшая школа бизнеса, искусств и технологий), г. Рига (Латвия).

Белявский Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Богдановича Татьяна Владимировна – научный ассистент Института истории Латвии, докторант Латвийского университета, г. Рига (Латвия).

Богдашина Елена Николаевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Украины Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды (Украина).

Болтрушевич Наталья Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий аспирантурой, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета.

Бондарева Елена Михайловна – ведущий архивист отдела информационно-поисковых систем и автоматизированных архивных технологий Государственного архива Витебской области.

Боровко Ванда Юльяновна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Бувеч Татьяна Владимировна – заместитель директора Государственного архива Витебской области.

Булатый Павел Юрьевич – кандидат исторических наук, преподаватель Института менеджмента, спорта и туризма Белорусского государственного университета физической культуры, г. Минск.

Булыгина Тамара Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь (РФ).

Владимирова Наталия Андреевна – магистрант исторического факультета Псковского государственного университета (РФ).

Вовина-Лебедева Варвара Гелиевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, и.о. заместителя директора по научной работе Санкт-Петербургского института истории РАН (РФ).

Вовк Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, заместитель директора Центра краеведения имени академика П.Т. Тронько Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (Украина).

Воднева Елена Викторовна – библиотекарь II категории, аспирант кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Войцеховская Татьяна Викторовна – старший научный сотрудник Днепропетровского национального исторического музея имени Д.И. Яворницкого, аспирант Днепровского национального университета имени Олеся Гончара (Украина).

Воробьёв Вячеслав Михайлович – доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук и дизайна Филиала Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) в г. Твери (РФ).

Воробьёва Ирина Геннадиевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Тверского государственного университета (РФ).

Генина Юлия Анатольевна – заведующий магистратурой Витебского филиала Международного университета «МИТСО», аспирант кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Гребень Евгений Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета, г. Минск.

Давидовская Ольга Николаевна – главный хранитель фондов Витебского областного краеведческого музея.

Дианова Елена Васильевна – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета (РФ).

Долгач Татьяна Валентиновна – научный сотрудник Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Домбровский Дариуш – доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Университета Казимира Великого, г. Быдгощ (Польша).

Дулов Анатолий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Дулова Юлия Владимировна – аспирант кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Дьякова Елена Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Украины Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды (Украина).

Евстратъев Олег Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, г. Минск.

Ерешко Александр Евгеньевич – старший методист Музея истории детского движения Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения города Москвы «Воробьевы горы» (РФ).

Ермалёнок Витольд Антонович – учитель истории, руководитель музейного объединения Миорской средней школы № 3, г. Миоры, Витебская область.

Ерохин Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и истории России Северо-Восточного государственного университета, г. Магадан (РФ).

Ефимова Елена Алексеевна – старший методист Музея истории детского движения Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения города Москвы «Воробьевы горы» (РФ).

Журба Олег Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и архивоведения Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара (Украина).

Здасюк Наталья Михайловна – старший преподаватель кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Злобин Сергей Сергеевич – выпускник аспирантуры Белорусского государственного университета, г. Минск.

Ильницкий Константин Олегович – юрисконсульт Государственного автономного учреждения города Москвы «Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы», соискатель сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН (РФ).

Исаев Дмитрий Петрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону (РФ).

Казак Александр Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета, г. Минск.

Каиль Максим Владимирович – кандидат исторических наук, советник при ректорате, доцент кафедры истории России Смоленского государственного университета (РФ).

Касьяненко Юлия Александровна – аспирант Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды (Украина).

Катионов Олег Николаевич – доктор исторических наук, доцент, директор Института истории, гуманитарного и социального образования, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета (РФ).

Кашинская Оксана Александровна – специалист по учебно-методической работе кафедры теории и истории гуманитарного знания, соискатель Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (РФ).

Кашенко Елена Сергеевна – кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры истории западно-европейской и русской культуры Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (РФ).

Кашенко Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (РФ).

Кепин Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела музеологии и научно-технической информации Национального научно-природоведческого музея НАН Украины, г. Киев (Украина).

Кирничанская Ина Сергеевна – магистр физики, студентка программы «История» Даугавпилсского университета (Латвия).

Ключарева Антонина Владимировна – кандидат исторических наук, эксперт по изучению и популяризации объектов культурного наследия Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого “Ясная Поляна”», Тульская область (РФ).

Козельчук Татьяна Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и документоведения Гуманитарного института Курганского государственного университета (РФ).

Козлов Алексей Александрович – аспирант кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Колесникова Марина Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь (РФ).

Комаровский Ефим Анатольевич – кандидат исторических наук, советник государственной гражданской службы Российской Федерации 1 класса, главный государственный таможенный инспектор отдела награждений и присвоения специальных званий Управления государственной службы и кадров Федеральной таможенной службы, г. Москва (РФ).

Комиссаренко Аркадий Иванович – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета и Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва (РФ).

Космач Венямин Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Косов Александр Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий аспирантурой, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Костригина Екатерина Васильевна – кандидат исторических наук, ассистент кафедры источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (РФ).

Костякова Юлия Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова, г. Абакан (РФ).

Котельницкий Назар Анатольевич – кандидат исторических наук, член-корреспондент Центра украинских исследований Института Европы РАН, докторант кафедры истории Национального технического университета Украины «Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского», г. Чернигов (Украина).

Котович Татьяна Викторовна – доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Кривоносова Елена Эдвардовна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Кудрявцева Регина-Елизавета Антоновна – ассистент Высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (РФ).

Кузнецова Татьяна Ивановна – доктор истории, доцент кафедры истории Даугавпилсского университета (Латвия).

Купченко Константин Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии и Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РФ).

Лагошина Наталия Анатольевна – аспирант Института истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону (РФ).

Латыш Юрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории мирового украинства Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (Украина).

Лебедева Ирина Валентиновна – старший преподаватель кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Левченко Валерий Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры украиноведения, историко-правовых и языковых дисциплин Одесского национального морского университета (Украина).

Левшун Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры стилистики английского языка Минского государственного лингвистического университета.

Леонтьева Ольга Борисовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (РФ).

Луговцова Светлана Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Лукашевич Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук, информационного и архивного дела Центральноукраинского национального технического университета, г. Кропивницкий (Украина).

Лякишева Светлана Ивановна – кандидат педагогических наук, методист по научно-просветительской деятельности Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого “Ясная Поляна”», Тульская область (РФ).

Майорова Алла Степановна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (РФ).

Маловичко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и гуманитарных наук Государственного гуманитарно-технологического университета; профессор кафедры теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (РФ).

Мартынюк Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, г. Минск.

Мартинкевич Иван Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета.

Маслов Виталий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Центра социально-гуманитарной информатики Балтийского федерального университета имени И. Канта, г. Калининград (РФ).

Мизярка Наталья Александровна – преподаватель Ушачской школы искусств, соискатель кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Мининков Николай Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону (РФ).

Мининкова Людмила Владимировна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории средних веков и нового времени Института истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону (РФ).

Митрофанов Виктор Владимирович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Гуманитарные и естественнонаучные дисциплины» филиала Южно-Уральского государственного университета (НИУ) в г. Нижневартовске (РФ).

Мороз Олег Леонидович – старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Нагирный Виталий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Восточной Европы Института истории Ягеллонского университета, г. Краков (Польша).

Налётова Наталья Николаевна – аспирант кафедры литературы Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Никитина Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Смоленского государственного университета (РФ).

Никитина Наталья Павловна – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Псковского государственного университета (РФ).

Николаева Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Николаева Наталья Дмитриевна – ассистент кафедры отечественной истории средних веков и нового времени Института истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону (РФ).

Нисковская Мария Игоревна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар (РФ).

Новиков Сергей Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, мировой культуры и туризма Минского государственного лингвистического университета.

Олейник Вадим Владимирович – подполковник юстиции, старший преподаватель кафедры идеологической работы Военной академии Республики Беларусь, г. Минск.

Остряк Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии, этнологии, краеведческой и туристической работы Национального университета «Черниговский колледж» имени Т.Г. Шевченко (Украина).

Панков Юрий Владимирович – научный сотрудник Гомельского дворцово-паркового ансамбля.

Первушкин Владимир Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, краеведения и методики преподавания истории Пензенского государственного университета (РФ).

Петренко Анатолий Владимирович – аспирант кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Петрова Ольга Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (РФ).

Пивовар Николай Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, учитель Витебского кадетского училища.

Подберёзкин Филипп Дмитриевич – аспирант исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Полетаева Наталья Ивановна – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической истории Белорусского государственного экономического университета, г. Минск.

Посунько Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры истории Украины Днепровского национального университета имени Олеся Гончара (Украина).

Приборович Артем Александрович – старший преподаватель кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Пушков Виктор Петрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник археографической лаборатории исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (РФ).

Риер Янина Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры романо-германской филологии, заместитель декана по учебной работе историко-филологического факультета Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова.

Романов Сергей Львович – соискатель Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Рудковский Эдвард Иосифович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Румянцева Марина Федоровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (РФ).

Саленице Ирена Эдуардовна – доктор истории, профессор кафедры истории, руководитель Центра устной истории Даугавпилсского университета (Латвия).

Середа Надежда Владимировна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры архивоведения, историографии и документоведения Тверского государственного университета (РФ).

Синдеев Алексей Александрович – доктор исторических наук, профессор Российской академии наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН, г. Москва (РФ).

Скворчевский Дмитрий Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Солодкин Янкель Гутманович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Нижневартского государственного университета (РФ).

Стебурако Анатолий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий научно-исследовательским отделом книговедения Национальной библиотеки Беларуси, г. Минск.

Стройлова Екатерина Сергеевна – библиотекарь Института теологии имени святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, г. Минск.

Суккина Людмила Борисовна – доктор исторических наук, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой подготовки кадров высшей квалификации Института программных систем имени А.К. Айламазяна РАН, г. Переславль-Залесский (РФ).

Сулаев Иманутдин Хабибович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории исторического факультета Дагестанского государственного университета, лектор-экскурсовод исторического парка «Россия – моя история» города Махачкалы (РФ).

Сумко Елена Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и туризма Полоцкого государственного университета.

Сытько Кирилл Валерьевич – аспирант отдела источниковедения и археографии, младший научный сотрудник Центрального научного архива при Институте истории НАН Беларуси, г. Минск.

Талерко Валентина Аркадьевна – доктор филологии, доцент кафедры иностранных языков Даугавпилсского университета (Латвия).

Танцеева Анастасия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, истории и социальных технологий Российского университета транспорта (МИИТ), г. Москва (РФ).

Тарасенкова Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, директор Государственного архива новейшей истории Смоленской области (РФ).

Тогулева Елена Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент, декан факультета переподготовки кадров ИПК и ПК Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Федосеева Ксения Владимировна – соискатель кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (РФ).

Филимонов Анатолий Васильевич – кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Псковского государственного университета (РФ).

Ходин Сергей Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Хроленок Евгений Валерьевич – соискатель кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Цыб Сергей Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор кафедры археологии, этнологии и музеологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул (РФ).

Цымбал Александр Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, мировой культуры и туризма Минского государственного лингвистического университета.

Черевко Виктор Владимирович – старший преподаватель кафедры истории и туризма Полоцкого государственного университета.

Черкасов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономической истории Белорусского государственного экономического университета, г. Минск.

Чикалова Ирина Ромуальдовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, ведущий научный сотрудник Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Чичинов Владислав Алексеевич – магистрант исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул (РФ).

Шадрина Алла Валерьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Южного научного центра РАН, г. Ростов-на-Дону (РФ).

Шишанов Валерий Алексеевич – заместитель директора по научной работе Витебского областного краеведческого музея.

Шкляр Полина Андреевна – студентка гуманитарного факультета Полоцкого государственного университета.

Шумейко Михаил Федорович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Яковлева Галина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Материалы V Международной научно-практической конференции
к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии

Витебск, 25–27 апреля 2019 г.

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Компьютерный дизайн

Л.Р. Жигунова

Подписано в печать 19.04.2019. Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 46,85. Уч.-изд. л. 43,17. Тираж 99 экз. Заказ 41.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.